

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 10 (76). №3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2024

Свидетельство о регистрации - серия ПИ №ФС77-61832 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Учредитель ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

**Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского, протокол № 8 от 31 октября 2024 г.**

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание научной степени доктор наук, специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки), 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки), 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки), 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)
Адрес учредителя и издателя: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4, корп. В, ауд. 105

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н., д. и. н., проф. (главный редактор)
Аббасов Гифис Гасан оглы д. ю. н., доц.
Басов Андрей Витальевич, д. ю. н., проф.
Берг Людмила Николаевна, д. ю. н., проф.
Биляев Владимир Александрович, д. ю. н., доц.
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, д. ю. н., проф.
Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.
Игнатов Александр Николаевич, д. ю. н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.
Кашкаров Алексей Александрович, к. ю. н., доц.
Коваль Владимир Николаевич, д. и. н., проф.
Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф.
Козлова Елена Борисовна, д. ю. н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.
Корнев Аркадий Владимирович, д. ю. н., проф.
Лютов Никита Леонидович, д. ю. н., проф.
Новикова Алевтина Евгеньевна, д. ю. н., доц.
Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., д. и. н., проф.
Сонин Олег Евгеньевич, к. ю. н., доц.
Тонков Евгений Евгеньевич, д. ю. н., проф.
Трофимов Сергей Анатольевич, д. ю. н., проф.
Холопова Елена Николаевна, д. ю. н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.
Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.
Нифанов Алексей Николаевич, к. ю. н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.
Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4, корп. В, ауд. 105

Подписано в печать 31.10.2024. Формат 70х100 1/16
усл. п. л. Заказ № НП/3 Тираж 50 экз. Цена «Бесплатно».
Дата выхода в свет «__». _____. 20__ г.

Отпечатано в Издательском доме
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
Адрес типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7
<http://sn-law.cfuv.ru>

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 340.1

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ ПО ЛИКВИДАЦИИ БЕЗГРАМОТНОСТИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Алокова М. Х.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)

Исследование специфики реализованных советским государством мер по преодолению кризисных явлений и ускоренному решению остросоциальных проблем, тормозивших развитие страны, не теряет своей актуальности и в настоящее время. В частности, практически все научное сообщество признает выдающиеся заслуги советской власти в сфере народного просвещения и повышения грамотности населения. При этом с правовой точки зрения данные масштабные процессы рассмотрены недостаточно подробно. В настоящей статье обоснован организационно-правовой подход к исследованию ликбеза, приведены и проанализированы основополагающие документы, принятые советским правительством фактически сразу после прихода к власти (1917-1918 гг.) и сформировавшие базу для последующей реализации государственной политики в сфере народного просвещения и ликвидации безграмотности населения.

Ключевые слова: советское государство, ликвидация безграмотности, организационно-правовое регулирование, Совет народных комиссаров, комиссариат, советское право.

Для любого государства, претендующего на значимую роль в мировом историческом процессе, ключевое значение имеет вопрос прогрессивного развития – в особенности, темпов роста социально-экономических показателей, технологического и промышленного секторов. Очевидно, что одним из ключевых условий, при котором такой прогресс становится возможным, является качество трудового ресурса населения, определяемое, в том числе, уровнем народного просвещения и образования. Без достаточного количества квалифицированных рабочих экономическое развитие любого государства начиная с XX в. фактически не могло быть реализовано.

Революция 1917 г. и приход к власти большевиков повлекли за собой коренные изменения, затронувшие все сферы общественной жизни. Безусловно, отечественные историки оценивают эти события крайне неоднозначно, единства мнений в настоящее время не достигнуто практически ни по одной позиции. Наглядным примером перманентной дихотомии относительно большевизма и краха Российской империи является вопрос об уровне грамотности населения России к моменту образования социалистической республики в 1917 г.

Так, С.М. Волошина отмечает, что «...перепись 1897 г. показала, что из 126 млн. зарегистрированных при опросе мужчин и женщин грамотных среди них оказалось только 21,1%. За почти 20 лет после первой переписи уровень грамотности почти не изменился: 73% населения (старше 9 лет) были элементарно неграмотны. В этом аспекте Россия стояла последней в списке европейских держав...» [2, с. 18]. Схожую позицию, в основе которой лежит акцент на критически низком уровне грамотности населения в первые годы советской власти, разделяют многие исследователи (О.А. Белоусова, Н.В. Сычева, А.А. Сысолятина, И.А. Панкрат и др.) [1;3;6].

При этом в отечественной историографии существует и иная точка зрения, согласно которой темпы развития народного образования на завершающем этапе су-

ществования Российской империи и уровень грамотности не могут быть оценены как недостаточные, а революционные события 1917 года на начальном этапе сыграли ключевую роль в замедлении положительной динамики этих процессов. Например, Б. Романов полагает, что «...оценки среднего уровня грамотности населения в России в целом к 1914-1915 гг. году достаточно сильно разнятся...бывший министр просвещения П.Н. Игнатьев в своей статье приводил оценку в 56% грамотных от всего населения России (на 1916 г.). По данным исследования Института этнологии и антропологии РАН под руководством д.и.н., профессора М.М. Громыко реальная грамотность крестьян была заметно выше данных официальной статистики, поскольку многие (особенно старообрядцы) не считали нужным записывать при обследованиях свою грамотность, и по ряду других причин...» [4].

На наш взгляд, масштабная работа по повышению уровня грамотности населения, проведенная советской властью, все же свидетельствует о существенных проблемах, с которыми столкнулось революционное правительство. Очевидно, что даже самые оптимистичные оценки показателей владения населением чтением и письмом говорят о том, что для амбициозных задач, стоявших перед советской властью, этот уровень был недостаточным, катастрофически низким. Квалифицированная рабочая сила, в которой остро нуждалась страна, идеологизация всех сторон общественно-политической жизни, построение индустриального государства и формирование человека нового, «советского» типа – все эти позиции могли быть реализованы только при создании эффективной системы народного просвещения, доступной для людей всех возрастов и сословий.

К вопросу о необходимости преодоления имеющихся пробелов в уровне образования населения лидеры революционного движения обращаются фактически сразу после прихода к власти, осознавая его критическую значимость. Так, В.И. Ленин считал ликвидацию безграмотности одной из важнейших задач молодого советского государства, утверждая, что грамотность должна служить целям повышения культуры и улучшению хозяйства и государственного управления. Кроме того, первый советский лидер также активно настаивал на обучении письму и чтению всех неграмотных в возрасте от 8 до 50 лет, даже в условиях гражданской войны и разрухи [5]. Ликвидация безграмотности стала одним из приоритетных направлений политики советского государства, были созданы специальные курсы и программы для обучения грамоте, а также организованы ликпункты – пункты ускоренного обучения письму и чтению.

Следует отметить, что несмотря на значимость и масштабность осуществленной советской властью работы по ликбезу, данный процесс фактически не исследовался отечественными учеными с юридической точки зрения – в науке отсутствуют подробные и комплексные работы, позволяющие детально отследить специфику правового регулирования рассматриваемого процесса. Безусловно, в первые годы советской власти правовая система не просто претерпевала существенные изменения, а фактически конструировалась заново – в этой связи и подход к ее рассмотрению должен быть расширительным. Следует осознавать, что для исследования явлений советской действительности целесообразно анализировать не только нормативно-правовые акты в современном понимании, но и обращать внимания на доктрину, партийные акты, а также организационные документы комиссий и ведомств, обеспечивающих реализацию установленных норм и партийных решений. На наш

взгляд, ликвидация безграмотности также должна рассматриваться в контексте организационно-правового регулирования. Необходимо подчеркнуть, что в целом правовое регулирование и организационно-правовое регулирование – это два взаимосвязанных аспекта управления общественными отношениями, но они все же имеют разные акценты и методы воздействия. Правовое регулирование фокусируется на создании, изменении и применении правовых норм, которые определяют права и обязанности участников общественных отношений. Это включает в себя разработку и принятие законов, подзаконных актов и других нормативных документов, а также их интерпретацию и применение в судебной практике, направлено на обеспечение соблюдения законности и правопорядка. Организационно-правовое регулирование, в свою очередь, касается организации и управления процессами реализации правовых норм и включает в себя деятельность государственных органов, должностных лиц и организаций по обеспечению соблюдения законодательства, контролю за его исполнением, а также по разрешению споров и конфликтов, возникающих в процессе применения правовых норм. Организационно-правовое регулирование направлено на создание эффективной системы управления и контроля за соблюдением законодательства. В соответствии с вышесказанным рассмотрим ключевые документы, регламентирующие процесс организации и последующей реализации ликбеза в первые годы советской власти.

Принято считать, что первым актом, закрепившим начало осуществления государственной политики по преодолению безграмотности, стал Декрет СНК «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 26.12.1919 [7]. Однако базовые шаги в сфере народного образования были предприняты советской властью уже 26.10.1917 на II Всероссийском съезде Советов – так, декрет «Об образовании Рабочего и Крестьянского правительства» учреждал в составе первого СНК должность народного комиссара народного просвещения, которым стал А.В. Луначарский [8, с. 7], а 9.11.1917 совместным декретом ВЦИК и СНК РСФСР была учреждена возглавляемая народным комиссаром Государственная комиссия по народному просвещению [9, с. 7]. Данный орган и его руководитель в последующем сыграют одну из ведущих руководящих ролей во всей государственной политике ликбеза.

Фактически сразу после своего назначения, 29 октября 1917 г. А.В. Луначарский в своем обращении отмечал, что «...всякая истинно демократическая власть в области просвещения в стране, где царит безграмотность и невежество, должна поставить своей первой целью борьбу против этого мрака. Она должна добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности путем организации сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, и введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения, а вместе с тем устройства ряда таких учительских институтов и семинарий, которые как можно скорее дали бы могучую армию народных педагогов, потребную для всеобщего обучения населения необъятной России...» [10, с. 8].

Интересно отметить, что в этом же обращении А.В. Луначарский все же придерживается мнения о необходимости постепенного реформирования образовательной системы с учетом сохранения функций Министерства народного просвещения, и достаточно комплементарно отзываясь о деятельности Государственного комитета по народному образованию (учрежден постановлением Временного правительства от 20 мая 1917 г. при Министерстве народного просвещения), отмечая ценность разработанных им законопроектов и предполагая в дальнейшем тесное сотрудниче-

ство Комиссии и Комитета с расширением роли последнего в разработке нормативных актов. Активная деятельность Комитета подтверждается и архивными материалами (были созданы проекты законов, постановлений, временных правил по отдельным вопросам народного образования с подробными пояснительными записками, функционировали комиссии, организовались съезды представителей профессионального сообщества и т.д.) [11]. В целом же окончательная иерархия органов народного просвещения должна была быть определена после созыва Учредительного собрания.

Тем не менее, идеологические разногласия между структурами Временного правительства (Министерство народного просвещения и Государственный комитет по народному образованию) и Советами (СНК и Государственная комиссия по народному просвещению) привели к тому, что уже 20.11.1917 г. издан декрет СНК «О роспуске Государственного комитета по народному образованию» [12, с. 11]. Согласно данному акту, «...в первые дни революции демократия создала Государственный комитет по народному образованию, который был должен разработать ряд законопроектов с целью поднять дело народного просвещения на должную высоту и согласовать его с интересами широких народных масс. Ни один законопроект этого комитета не увидел света; да и сам комитет до сих пор еще не был утвержден государственной властью, как государственное учреждение...» [12, с. 11]. При этом декрет предполагал роспуск действующих членов Комитета и формирование его нового состава, отвечающего интересам народных масс и не отражающего «буржуазного духа предшествовавших министерств».

Относительно последующего организационно-правового сопровождения системы народного просвещения, отметим, что в актах 1917 года наряду с Государственной комиссией по народному просвещению упоминается также и Народный комиссариат по просвещению, в связи с чем в отечественной историографии в настоящее время сформировалось два противоречивых мнения о возможности отождествления Комиссии и Комиссариата. На наш взгляд, подобные разночтения стали возможными ввиду следующих причин:

1) в декрете «Об образовании Рабочего и Крестьянского правительства» 26 октября 1917 г. было закреплено, что «...заведывание отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной Съездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т. е. Совету Народных Комиссаров...» [8]. Далее же приводился пофамильный список наркомов, в числе которых значился и народный комиссар народного просвещения – А.В. Луначарский. То есть в данном акте прямо устанавливалось, что председателями комиссий являются народные комиссары, о создании каких-либо иных отдельных правительственных органов речи не шло.

2) в своем обращении от 29 октября 1917 г. А.В. Луначарский отмечал следующее: «...волею революционного народа я назначен народным комиссаром по просвещению. Дело общего руководства народным просвещением, поскольку таковое остается за центральной государственной властью, поручается, впредь до Учредительного собрания, Государственной комиссии по народному просвещению, председателем и исполнителем которой является народный комиссар...» [10]. Таким об-

разом, в обращении нарком также упоминает только один действующий орган в сфере народного образования – Государственную комиссию.

3) практически сразу после выхода в свет вышеупомянутых Декрета и Обращения, 9 ноября 1917 г. совместным декретом ВЦИК и СНК РСФСР была непосредственно учреждена та самая, возглавляемая народным комиссаром, Государственная комиссия по народному просвещению – декрет подробно регламентировал ее правовой статус и структуру (других документов, устанавливающих полномочия, состав и порядок формирования каких-либо иных органов народного просвещения в рассматриваемый период издано не было).

4) с декабря 1917 года упоминания о Комиссии в советских актах преимущественно прекращаются, при этом активно начинает использоваться наименование Народный комиссариат по просвещению (или Комиссариат по народному просвещению). Примерами являются:

- Постановление НКП (принято на заседании СНК 11 декабря 1917 г.) «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению» [13, с. 12];

- Постановление СНК от 2 января 1918 г. «О назначении правительственными комиссарами при Комиссариате по народному просвещению Н.К. Крупской-Ульяновой, П.И. Лебедева-Полянского, В.М. Познера, Л.Р. Менжинской и И.Б. Рогальского» [14, с. 12];

- Резолюция ВЦИК от 11 апреля 1918 г. «О деятельности Народного комиссариата по просвещению» (при этом указанный акт не определял правовой статус Комиссариата, а лишь упоминал некоторые аспекты его работы по привлечению ученых в Академию наук) [15, с. 13];

- Декрет СНК от 5 июня 1918 г. «О передаче в ведение Народного комиссариата по просвещению учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств» [16, с.13];

5) Положение СНК РСФСР от 18 июня 1918 г. «Об организации дела народного образования в Российской Социалистической Советской Республике» вновь закрепляет главенствующее положение Комиссии: «...общее руководство делом народного образования в Российской Федеративной Социалистической Советской Республике принадлежит Государственной комиссии по просвещению, председателем которой состоит народный комиссар по просвещению...» [17, с.14]. При этом данный акт содержит и упоминание Народного комиссариата по просвещению, а также краткое разграничение предметов ведения Комиссии и Комиссариата:

- «...к ведению Государственной комиссии относятся: выработка общего для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики плана организации народного образования и установления общих принципов последнего, а также основ школьного устройства; объединение просветительной работы на местах; составление общегосударственной сметы и распределение средств, назначаемых на общегосударственные просветительные нужды, а равно всякие иные вопросы, имеющие принципиальное значение, передаваемые на рассмотрение Государственной комиссии коллегией Комиссариата...» [17, с.14];

- «...Народный комиссариат по просвещению: а) непосредственно заведует учебными и учебными учреждениями, имеющими общегосударственное значение, б) окончательно разрешает спорные вопросы и конфликты, возникающие между от-

дельными органами просвещения...» [17, с.14].

На наш взгляд, все вышеуказанное позволяет сделать вывод о том, что правовой статус Государственной комиссии по народному просвещению и нкп, безусловно, не является тождественным. Комиссия осуществляла, по сути, организационно-распорядительные функции в отношении Комиссариата, принимала ключевые решения в процессе создания новой системы народного образования, что подтверждается многочисленными архивными протоколами ее заседаний [18]. При этом уже с июня 1918 г. деятельность Комиссии становится менее активной, что находит свое отражение и в правовых актах – она фактически перестает фигурировать в документах СНК и ВЦИК. Указанное обстоятельство выглядит вполне логичным с учетом того, что Конституция РСФСР (принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10.07.1918 г.) закрепляла ведущую управленческую роль народных комиссариатов, заменив положения Декрета 1917 г. о комиссиях: «...Совету Народных Комиссаров принадлежит общее управление делами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики...Члены Совета Народных Комиссаров стоят во главе отдельных народных комиссариатов...Народных комиссариатов образуется 17, а именно... 3) просвещения...» [19].

Таким образом, на основании вышеизложенного, сформулируем определённые выводы. Советская власть провела масштабную работу по повышению грамотности населения – даже при самых оптимистичных оценках уровень владения чтением и письмом на момент революционных событий был катастрофически низким, что порождало серьёзные проблемы для реализации амбициозных задач, стоявших перед советским правительством. Для того чтобы создать квалифицированную рабочую силу, построить индустриальное государство и воспитать «нового советского человека», необходимо было сформировать эффективную систему народного просвещения, доступную для людей всех возрастов и сословий.

На наш взгляд, процесс реализации советской государственной политики по ликвидации безграмотности целесообразно рассматривать именно в контексте организационно-правового регулирования – такой подход к явлениям советской действительности позволяет наиболее комплексно исследовать специфику источниковой базы, характерной для данного исторического периода. Исходя из выбранного подхода, представляется более корректным рассмотрение ликбеза не с момента издания первого специализированного акта (Декрет СНК «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 26 декабря 1919 г.), а с момента начала формирования новых органов управления народным просвещением, т.е. с 1917 г. Именно конструирование новой системы народного образования позволило в дальнейшем реализовать масштабные задачи по ликвидации безграмотности среди населения, без понимания их организационной структуры, целей, задач и компетенции анализ государственной программы ликбеза не может считаться полноценным.

Список литературы:

1. Белоусова О.А. Борьба с безграмотностью в первые годы становления советской власти // Теория и практика социогуманитарных наук. 2019. № 2 (6). С. 13-19. – Текст : непосредственный.
2. Волошина С.М. Ликвидация безграмотности в СССР // Живая история. 2015. № 4 (4). С. 18-24.
3. Панкрат И.А. Особенности внутренней эволюции политики ликвидации безграмотности в 1920-е годы // Скиф. 2022. №1 (65). С. 349-358. – Текст : непосредственный.
4. Романов Б. Грамотность в России к 1917 году и ликбез в СССР 1920-30-х гг. // URL: <https://diletant.media/blogs/65662/43842282/> (дата обращения 05.06.2024 г.) – Текст : электронный.
5. Синева Е.Э. Простое, насущное дело // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. Офи-

циальный сайт. URL: <https://unesco.ru/news/41-lenin-150/> (дата обращения 05.06.2024 г.).

6. Сычева Н.В., Сысолятина А.А. Правовое обеспечение первых шагов советской власти в ликвидации безграмотности // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2021. №1 (49). С. 83-87. – Текст : непосредственный.
7. Декрет СНК о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР // Подлинник, 2 лл.; пометка: 389/5. ЦПА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 12208. «Известия» № 294, 30 декабря; «Правда» № 294, 30 декабря; «Собрание Указов», 1919, № 67, ст. 592. – Текст : непосредственный.
8. Декрет II Всероссийского съезда Советов «Об образовании Рабочего и Крестьянского правительства» 26 октября 1917 г. // Народное образование в СССР : Общеобразоват. школа : Сборник документов 1917-1973 гг. – Москва : Педагогика, 1974. – 559 с. – Текст : непосредственный.
9. Об учреждении Государственной комиссии по просвещению. Декрет ВЦИК и СНК 9 ноября 1917 г. // Народное образование в СССР : Общеобразоват. школа : Сборник документов 1917-1973 гг. – Москва : Педагогика, 1974. – 559 с. – Текст : непосредственный.
10. Обращение народного комиссара по просвещению 29 октября 1917 г. // Народное образование в СССР : Общеобразоват. школа : Сборник документов 1917-1973 гг. – Москва : Педагогика, 1974. 559 с.
11. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX - начала XX в. Путеводитель. Том 1. 1994. Учреждения в области труда, социального обеспечения, просвещения, культуры, печати. Ф. 1803, 1 оп., 63 ед. хр. – Текст : непосредственный.
12. О роспуске Государственного комитета по народному образованию. Декрет СНК 20 ноября 1917 г. // Народное образование в СССР : Общеобразоват. школа : Сборник документов 1917-1973 гг. – Москва : Педагогика, 1974. – 559 с. – Текст : непосредственный.
13. О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению. Постановление НКП принято на заседании СНК 11 декабря 1917 г. // Народное образование в СССР : Общеобразоват. школа : Сборник документов 1917-1973 гг. – Москва : Педагогика, 1974. – 559 с. – Текст : непосредственный.
14. О назначении правительственными комиссарами при Комиссариате по народному просвещению Н.К. Крупской-Ульяновой, П.И. Лебедева-Полянского, В.М. Познера, Л.Р. Менжинской и И.Б. Рогальского. Постановление СНК 2 января 1918 г. // Народное образование в СССР : Общеобразоват. школа : Сборник документов 1917-1973 гг. – Москва : Педагогика, 1974. – 559 с. – Текст : непосредственный.
15. О деятельности Народного комиссариата по просвещению. Резолюция ВЦИК 11 апреля 1918 г. // Народное образование в СССР : Общеобразоват. школа : Сборник документов 1917-1973 гг. – Москва : Педагогика, 1974. – 559 с. – Текст : непосредственный.
16. О передаче в ведение Народного комиссариата по просвещению учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств. Декрет СНК 5 июня 1918 г. // Народное образование в СССР : Общеобразоват. школа : Сборник документов 1917-1973 гг. – Москва : Педагогика, 1974. – 559 с.
17. Об организации дела народного образования в Российской Социалистической Советской Республике. Положение СНК РСФСР 18 июня 1918 г. // Народное образование в СССР : Общеобразоват. школа : Сборник документов 1917-1973 гг. – Москва : Педагогика, 1974. – 559 с.
18. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. XII. Культура, наука и образование. Октябрь 1917-1920 г. Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР. В 3 кн. Кн. 1. Октябрь 1917-1918 г. / Мин-во культуры Российской Федерации, Федер. архив. агентство, Гос. архив Российской Федерации, отв. ред. Л. А. Роговая, отв. сост. Б. Ф. Додонов, сост. Г. Н. Иофис, О. Н. Копылова, Т. Н. Котлова, В. И. Широков. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 1175 с.
19. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/?ysclid=lx9bhq1p6197119184> (дата обращения 10.06.2024 г.) – Текст : электронный.

Alokova M.Kh. On the issue of organizational and legal regulation of the state program for the elimination of illiteracy in the early years of soviet power // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 3–10.

The study of the specifics of the measures implemented by the Soviet state to overcome crisis phenomena and accelerate the solution of acute social problems that hindered the development of the country does not lose its relevance at the present time. In particular, almost the entire scientific community recognizes the outstanding achievements of the Soviet government in the field of public education and literacy of the population. At the same time, from a legal point of view, these large-scale processes are not considered in sufficient detail. This article substantiates the organizational and legal approach to the study of the educational program, presents and analyzes the fundamental documents adopted by the Soviet government virtually immediately after coming to power (1917-1918) and formed the basis for the subsequent implementation of state policy in the field of public education and the elimination of illiteracy of the population.

Keywords: the Soviet state, the elimination of illiteracy, organizational and legal regulation, Council of People's Commissars, commissariat, Soviet law.

Spisok literatury:

1. Belousova O.A. Bor'ba s bezgramotnost'yu v pervye gody stanovleniya sovetской vlasti // Teoriya i praktika sociogumanitarnykh nauk. 2019. № 2 (6). S. 13-19. – Tekst : neposredstvennyj.
2. Voloshina S.M. Likvidaciya bezgramotnosti v SSSR // ZHivaya istoriya. 2015. № 4 (4). S. 18-24.
3. Pankrat I.A. Osobennosti vnutrennej evolyucii politiki likvidacii bezgramotnosti v 1920-e gody // Skif. 2022. №1 (65). S. 349-358. – Tekst : neposredstvennyj.
4. Romanov B. Gramotnost' v Rossii k 1917 godu i likbez v SSSR 1920-30-h gg. // URL: <https://diletant.media/blogs/65662/43842282/> (data obrashcheniya 05.06.2024 g.) – Tekst : elektronnyj.
5. Sineva E.E. Prostoe, nasushchnoe delo // Komissiya Rossijskoj Federacii po delam YUNESKO. Oficial'nyj sajt. URL: <https://unesco.ru/news/41-lenin-150/> (data obrashcheniya 05.06.2024 g.). – Tekst : elektronnyj.
6. Sycheva N.V., Sysolyatina A.A. Pravovoe obespechenie pervykh shagov sovetской vlasti v likvidacii bezgramotnosti // Vestnik SHadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. №1 (49). S. 83-87. – Tekst : neposredstvennyj.
7. Dekret SNK o likvidacii bezgramotnosti sredi naseleniya RSFSR // Podlinnik, 2 ll.; pometka: 389/5. CPA, f. 2, op. 1, ed. hr. 12208. «Izvestiya» № 294, 30 dekabrya; «Pravda» № 294, 30 dekabrya; «Sobranie Uzakonenij», 1919, № 67, st. 592. – Tekst : neposredstvennyj.
8. Dekret II Vserossijskogo s"ezda Sovetov «Ob obrazovanii Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva» 26 oktyabrya 1917 g. // Narodnoe obrazovanie v SSSR : Obshcheobrazovat. shkola : Sbornik dokumentov 1917-1973 gg. – Moskva : Pedagogika, 1974. – 559 s. – Tekst : neposredstvennyj.
9. Ob uchrezhdenii Gosudarstvennoj komissii po prosveshcheniyu. Dekret VCIK i SNK 9 noyabrya 1917 g. // Narodnoe obrazovanie v SSSR : Obshcheobrazovat. shkola : Sbornik dokumentov 1917-1973 gg. – Moskva : Pedagogika, 1974. – 559 s. – Tekst : neposredstvennyj.
10. Obrashchenie narodnogo komissara po prosveshcheniyu 29 oktyabrya 1917 g. // Narodnoe obrazovanie v SSSR : Obshcheobrazovat. shkola : Sbornik dokumentov 1917-1973 gg. – Moskva : Pedagogika, 1974. 559 s.
11. Fondy Gosudarstvennogo arhiva Rossijskoj Federacii po istorii Rossii HIIH - nachala HKH v. Putevoditel'. Tom 1. 1994. Uchrezhdeniya v oblasti truda, social'nogo obespecheniya, prosveshcheniya, kul'tury, pechati. F. 1803, 1 op., 63 ed. hr. – Tekst : neposredstvennyj.
12. O rospuske Gosudarstvennogo komiteta po narodnomu obrazovaniyu. Dekret SNK 20 noyabrya 1917 g. // Narodnoe obrazovanie v SSSR : Obshcheobrazovat. shkola : Sbornik dokumentov 1917-1973 gg. – Moskva : Pedagogika, 1974. – 559 s. – Tekst : neposredstvennyj.
13. O peredache dela vospitaniya i obrazovaniya iz duhovnogo vedomstva v vedenie Narodnogo komissariata po prosveshcheniyu. Postanovlenie NKP prinyato na zasedanii SNK 11 dekabrya 1917 g. // Narodnoe obrazovanie v SSSR : Obshcheobrazovat. shkola : Sbornik dokumentov 1917-1973 gg. – Moskva : Pedagogika, 1974. – 559 s. – Tekst : neposredstvennyj.
14. O naznachenii pravitel'stvennymi komissarami pri Komissariate po narodnomu prosveshcheniyu N.K. Krupskoj-Ul'yanovoj, P.I. Lebedeva-Polyanskogo, V.M. Poznera, L.R. Menzhinskoy i I.B. Rogal'skogo. Postanovlenie SNK 2 yanvarya 1918 g. // Narodnoe obrazovanie v SSSR : Obshcheobrazovat. shkola : Sbornik dokumentov 1917-1973 gg. – Moskva : Pedagogika, 1974. – 559 s. – Tekst : neposredstvennyj.
15. O deyatel'nosti Narodnogo komissariata po prosveshcheniyu. Rezolyuciya VCIK 11 aprelya 1918 g. // Narodnoe obrazovanie v SSSR : Obshcheobrazovat. shkola : Sbornik dokumentov 1917-1973 gg. – Moskva : Pedagogika, 1974. – 559 s. – Tekst : neposredstvennyj.
16. O peredache v vedenie Narodnogo komissariata po prosveshcheniyu uchebnykh i obrazovatel'nykh uchrezhdenij i zavedenij vsekh vedomstv. Dekret SNK 5 iyunya 1918 g. // Narodnoe obrazovanie v SSSR : Obshcheobrazovat. shkola : Sbornik dokumentov 1917-1973 gg. – Moskva : Pedagogika, 1974. – 559 s.
17. Ob organizacii dela narodnogo obrazovaniya v Rossijskoj Socialisticheskoy Sovetskoj Respublike. Polozhenie SNK RSFSR 18 iyunya 1918 g. // Narodnoe obrazovanie v SSSR : Obshcheobrazovat. shkola : Sbornik dokumentov 1917-1973 gg. – Moskva : Pedagogika, 1974. – 559 s. – Tekst : neposredstvennyj.
18. Arhiv novejshej istorii Rossii. Seriya «Publikacii». T. XII. Kul'tura, nauka i obrazovanie. Oktyabr' 1917-1920 g. Protokoly i postanovleniya Narkomprosa RSFSR. V 3 kn. Kn. 1. Oktyabr' 1917-1918 g. / Min-vo kul'tury Rossijskoj Federacii, Feder. arhiv. agentstvo, Gos. arhiv Rossijskoj Federacii, otv. red. L. A. Rogovaya, otv. sost. B. F. Dodonov, sost. G. N. Iofis, O. N. Kopylova, T. N. Kotlova, V. I. SHirokov. – M. : Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2012. – 1175 s. – Tekst : neposredstvennyj.
19. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Rossijskoj Socialisticheskoy Federativnoj Sovetskoj Respubliki (prinyata V Vserossijskim S"ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.) // URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/?ysclid=lx9bhq1p6197119184>.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 11–18.

УДК 341.344

ГЕНЕЗИС НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ РОССИЙСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Басов А. В., Коноплев В. В.

В статье проведен анализ научных исследований, предметом которых являлись различные аспекты обеспечения прав военнопленных. В статье анализируются работы как отечественных, так и зарубежных ученых, посвященные правовому статусу военнопленного. Установлены основные факторы, которые повлияли на формирование научных взглядов о военнопленных, такие как: изменение характера войны (переход от войн между государствами к вооруженным конфликтам немеждународного характера, использование новых видов оружия и военной техники); развитие международного гуманитарного права (принятие Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним, других международно-правовых актов, касающихся защиты прав военнопленных); изменение внутриаполитической ситуации в России (распад СССР, становление Российской Федерации, проведение военных реформ). Автором определены теоретические и практические вопросы, которые остались без внимания ученых и требующих теоретического и практического решения с целью совершенствования правового статуса российского военнопленного. В статье автор формулирует свою точку зрения на правовой статус российского военнопленного, с учетом современных реалий и международно-правовых норм.

Ключевые слова: военнопленные, права человека, международное гуманитарное право, правовой статус, научные взгляды, история права, Россия.

Проблема обеспечения прав военнопленных является комплексной и требует междисциплинарного подхода. С одной стороны, она связана с международным гуманитарным правом, которое устанавливает общие стандарты обращения с пленными. С другой стороны, данная проблематика затрагивает вопросы национального законодательства, военной доктрины, а также социокультурных и исторических факторов.

На фоне множества вооруженных конфликтов в современном мире вопросы обеспечения прав военнопленных приобретают особую актуальность и значимость. Несмотря на наличие международных норм, таких как Женевская конвенция, регулирующих правовой статус военнопленных, их права часто нарушаются. Военнопленные, как участники вооруженных конфликтов, находятся в особенно уязвимом положении, что требует проработки и внедрение современных механизмов защиты их прав и обеспечения их безопасности.

Несмотря на наличие Женевской конвенции, гарантирующей определенные права военнопленным, на сегодня, их соблюдение далеко от идеального. Проблема усугубляется несколькими факторами: изменением характера вооруженных конфликтов; несовершенство механизма контроля и ответственности за нарушения международных норм; отсутствие прозрачности и доступности информации о реальном количестве военнопленных.

Итак, анализ правовых аспектов обеспечения прав российских военнопленных, вернувшихся из плена, в контексте современных геополитических реалий требует комплексного подхода и привлечения знаний из различных сфер. Исследование данного вопроса требует обобщения результатов исследований ученых в области международного гуманитарного права, конституционного права,

административного права, военной истории, психологии и других дисциплин. В связи с указанным особый интерес представляют исследования:

– **исследования исторических аспектов развития правового обеспечения прав военнопленных посвящены исследования:** Сидорова С. Г. «Влияние мировых войн на развитие международного права о военнопленных» [1, с. 130-138]; Лазаренко Е. И. «Международные нормативно-правовые акты, регулирующие положение военнопленных первой мировой войны» [2, с. 8-19]; Кузьминых А.Л. «Нормативно-правовое регулирование режима военного плена: опыт ретроспективного анализа» [3, с. 78-84]; Давлетшина А. М. «Ценностные ориентации в опыте советских и российских военнопленных (на материале войн XX–XXI вв.)» [4, с. 133-141] и др. Отмеченные исследования указанных ученых предоставляют ценный исторический анализ развития международного гуманитарного права в области защиты военнопленных. Обобщая результаты исследований подчеркнем, что опыт Первой мировой войны стал важным уроком для международного сообщества и способствовал дальнейшему совершенствованию норм и механизмов защиты прав человека в условиях вооруженного конфликта. Авторами сконцентрировано внимание на: изучении исторических обстоятельств формирования международного гуманитарного права, связанного с военнопленными; оценки эффективности международных договоров различных исторических периодов в регулировании статуса и условий содержания военнопленных; выявление причин систематического нарушения норм международного гуманитарного права в отношении военнопленных в ходе Первой мировой войны; влияние Второй мировой войны на усиление внимания мирового сообщества к проблемам военного плена; выявление и анализ причин, по которым государства не соблюдали нормы международного гуманитарного права; этапы развития международного гуманитарного права в области защиты военнопленных.

– **исследования в сфере разработки методов психологической помощи** военнопленным заслуживает внимание исследование М.А. Яковлевой Е. М. Зориной «Пути трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации в условиях специальной военной операции» [5, с. 232–243]. Особое внимание в данном исследовании заслуживают новые авторские подходы к ресоциализации военнопленных в условиях специальной военной операции. Одновременно, авторы обосновывают необходимость комплексного подхода к этой проблеме, включающего в себя:

– психологическую помощь: Военнопленным требуется поддержка специалистов для переосмысления своего участия в конфликте и адаптации к мирной жизни;

– разработку и внедрение в практику ресоциализации военнопленных новых методик. По мнению ученых необходимо создавать специализированные психологические программы, учитывающие специфику опыта военнопленных;

– интеграцию военных психологов в деятельность государственных органов, а именно: включение военных психологов в штат государственных структур, занимающихся вопросами прав человека.

Авторы подчеркивают, что ресоциализация – это сложный процесс, требующий комплексного подхода и это не только гуманитарная задача, но и важный элемент обеспечения стабильности в обществе. Для успешной реализации данного направления деятельности необходимо объединить усилия психологов, государственных

органов и международных организаций. Вместе с этим, предложено ряд направлений для дальнейших исследований, таких как разработка конкретных программ для различных категорий военнопленных, изучение долгосрочных эффектов ресоциализации и анализ международного опыта.

– **исследования в сфере международного гуманитарного права.** Так, в частности С.Д. Гуриц в исследовании «Развитие системы международного гуманитарного права при обращении с военнопленными» затрагивает вопросы международного права, истории, социологии и других областей знания. В статье демонстрируется, как международное гуманитарное право развивалось в ответ на вызовы и уроки различных вооруженных конфликтов. Автором отмечено, что международное гуманитарное право в сфере обращения с военнопленными прошло длительный путь развития. Одновременно с этим:

– Конвенция 1949 года стала значительным шагом вперед в гуманизации вооруженных конфликтов;

– несмотря на существующие международные нормы, на практике возникают проблемы с их соблюдением;

– важность механизмов контроля и мониторинга для обеспечения соблюдения норм международного гуманитарного права [6, с. 64-65].

В статье Кузьминых А. Л. «Международное право и «узники войны»: проблема правовой защиты военнопленных и интернированных лиц» рассмотрена история правовой защиты этих категорий гражданских лиц.

Автор уделяет особое внимание характеристике Гаагских и Женевских конвенций, регламентирующих режим военного плена и интернирования.

В статье также рассматриваются следующие аспекты:

– принцип неприкосновенности личности военнослужащего, попавшего в неприятельский плен;

– обязательства воюющих государств оказывать раненым и больным военнослужащим противника медицинскую помощь на равных условиях;

– первоочередное право на обмен и интернирование на территорию нейтральных государств для раненых и больных военнопленных;

– порядок обращения с военнопленными, согласно которому они сохраняли свою правоспособность и должны были содержаться за счёт стороны, которая подвергла их интернированию [7, с. 77-83].

Проведенный анализ научных работ (Юнусов А.А., Гуриц С.Д. «Правовая характеристика системы применения международных гуманитарных норм в отношении военнопленных» [8, с. 143-146]; Росенко М. И., Торопова Т.А., Настенко Е.В. «Проблемы соблюдения норм международного гуманитарного права в отношении военнопленных» [9, с. 90-95]; Малолеткина Н. С., Скиба А. П. «О взаимосвязи репатриации осужденных военнопленных с исправительным воздействием в их отношении» [10, с. 70-74]; Кузьминых А. Л. «Международное право и «Узники войны»: проблема правовой защиты военнопленных и интернированных лиц» [11, с. 77-83]; Цветков А.О. «Статус военнопленного: социально-правовой аспект» [12, с. 37-39]; Биккузина Л.Г., Аминов И.Р. «К вопросу о статусе военнопленных» [13, с. 232-234]; Ромазанова А. Н. «Соблюдение требований международного гуманитарного права в отношении военнопленных на Украине (2022-2023 гг.)» [14, с. 386-388]; Ефимова Е.А. Проблемные аспекты

нарушения режима военного плена в международном праве [15]; Леншин С.И. «Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право» [16]; Самодуров Д.И. Правовой режим военного плена (международно-правовой анализ) [16, с. 541] показывает, что международное гуманитарное право «не успевает» за динамично меняющейся ситуацией в современных вооруженных конфликтах. В связи с этим учеными выделено ряд ключевых проблем:

- динамика статуса комбатанта: международное право не всегда успевает за изменениями в статусе участников конфликта, что затрудняет применение норм международного гуманитарного права;

- имплементация международных норм: процесс внедрения международных норм в национальное законодательство является сложным и не всегда эффективным;

- отсутствие единой классификации: отсутствие единой, общепризнанной классификации статуса военнопленного, приводит к неоднозначному толкованию норм международного гуманитарного права. В связи с этим предложено конкретизировать и ввести единую классификацию статуса военнопленного, независимо от вида конфликта, с обязательной интеграцией в национальную правовую систему стран-участников;

- проблемы правоприменения: отсутствуют эффективные механизмы контроля за соблюдением норм международного гуманитарного права, что способствует безнаказанности нарушителей;

- другие проблемы: отсутствие института обмена военнопленными, сложности с возмещением ущерба, сокрытие фактов нарушений.

- **исследования, в сфере определения статуса военнопленных.** Анализ научной информации позволяет отметить, что тема правового статуса военнопленных является сложной и многогранной. Несмотря на наличие междисциплинарных исследований, в этой области остается множество нерешенных вопросов, требующих дальнейшего изучения и выработке предложений по совершенствованию законодательства. Комплексный анализ научных работ по данному вопросу позволяет выделить следующие направления:

- определение (сопоставление) понятий «военнопленный», «комбатант», «гражданское население» и «лицо со специальным статусом»;

- определение перечня гарантии статуса военнопленного. Статус военнопленного влечёт за собой определённые фундаментальные гарантии в случае дисциплинарных и уголовных санкций. Отмечено, что статус военнопленного не является поводом для мести, жестокого обращения или пыток;

- определение права на судебное разбирательство, а именно, перечень обстоятельств (случаев) при которых военнопленный может быть привлечен к ответственности [18, с. 232-234; 19, с. 92–100; 20, с. 82–91].

Проанализированные научные исследования являются всего лишь незначительной частью огромного массива научной литературы, посвященной изучению проблем военнопленных и «заложили научный фундамент» для развития нового междисциплинарного научного направления, а именно: обеспечения прав российских военнопленных, вернувшихся из плена. Нынешняя ситуация настоятельно диктует необходимость не просто углубленного, а кардинального

изменения подхода. В нынешних условиях спектр проблем, связанных с обеспечением прав военнопленных, значительно расширился и требует новых подходов к их решению. Проведение СВО на территории Украины обнажило не только масштабы проблемы нарушения международных норм при обращении с российскими военнопленными, но и её новые, острые грани, требующие междисциплинарного научного исследования. Не менее важным является вопрос обеспечения поддержки и реабилитации российских военнопленных, вернувшихся из плена.

К числу наиболее острых проблем, нуждающихся в незамедлительном исследовании, относятся:

1) **Анализ конституционных гарантий прав российских военнопленных:** право на жизнь и здоровье; право на свободу от пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения; право на свободу личности; право на неприкосновенность личности; право на справедливое судебное разбирательство; право на защиту своих прав и свобод; право на общение с родственниками; право на получение информации; право на свободу вероисповедания; право на уважение чести и достоинства личности.

2) **Проблемы реализации конституционных гарантий прав российских военнопленных:** нарушения прав военнопленных в ходе вооруженных конфликтов; несовершенство законодательства, регулирующего вопросы защиты прав военнопленных; деятельность государственных органов по защите прав военнопленных; общественный контроль за соблюдением прав военнопленных; трудности реинтеграции военнопленных в общество после освобождения; проблемы оказания социальной и психологической помощи военнопленным и их семьям; правовые проблемы обеспечения прав членов семей военнопленных; правовые аспекты обеспечения прав военнопленных-женщин; правовые проблемы обеспечения прав военнопленных-инвалидов; правовые вопросы обеспечения прав военнопленных в местах содержания под стражей.

3) **Анализ гражданско-правовых последствий пленения:** обеспечение защиты прав российских военнопленных, вернувшихся из плена и признанного безвестно отсутствующим, умершим; правовые последствия порядок признания российского военнопленного безвестно отсутствующим, умершим; прекращение брачных отношений с военнопленным; прекращение (ограничение) родительских прав и обязанностей военнопленного; прекращение права собственности военнопленного на имущество в связи с признанием его безвестно отсутствующим, умершим; наследование имущества военнопленного; опека и попечительство над имуществом военнопленного; реализация права на наследование военнопленным.

4) **Роль органов государственной власти и органов местного самоуправления в защите гражданских прав военнопленных:** поиск и учет военнопленных; уведомление членов семьи военнопленного о его пленении; обеспечение военнопленных необходимым содержанием; оказание военнопленным медицинской помощи; право военнопленного на реабилитацию; содействие в установлении связи военнопленных с родственниками. Право военнопленного на связь с родственниками; оказание содействия в освобождении военнопленных; право военнопленного на возмещение вреда, причиненного ему в плену.

5) **Социально-экономические проблемы реинтеграции российских**

военнопленных в общество: проблемы восстановления социальных связей и статуса военнопленных; возможности получения образования и профессиональной переподготовки военнопленными; оценка эффективности государственных программ социальной поддержки военнопленных; разработка рекомендации по совершенствованию системы социальной поддержки военнопленных.

Следует отметить, что указанный перечень проблемных вопросов не претендует на полноту и абсолютность, и остается открытым для включения новых проблемных вопросов, которые могут возникнуть в будущем. По мере изучения новых эмпирических данных и накопления правоприменения, могут появиться новые аспекты, требующие пристального внимания и тщательного анализа.

Стоит отметить, что данный перечень является лишь отправной точкой для дальнейшего изучения и анализа. Необходимо проводить постоянный мониторинг ситуации, отслеживать новые тенденции и вызовы, а также корректировать список проблемных вопросов в соответствии с меняющимися обстоятельствами.

Только при условии постоянного и всестороннего анализа возможно разработать эффективные решения, направленные на устранение проблемных вопросов и обеспечение устойчивого развития в указанном направлении научного поиска.

Список литературы:

1. Сидорова С.Г. Влияние мировых войн на развитие международного права о военнопленных / С.Г. Сидорова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 5. С. 130-138.
2. Лазаренко Е.И. Международные нормативно-правовые акты, регулирующие положение военнопленных первой мировой войны / Е.И.Лазаренко // Культурный ландшафт регионов. 2021. Вып. 3, № 6. С 8-19.
3. Кузьминых А.Л. Нормативно-правовое регулирование режима военного плена: опыт ретроспективного анализа / А.Л. Кузьминых // Пенитенциарная наука. 2008. № 1. С. 78-84.
4. Давлетшина А.М. Ценностные ориентации в опыте советских и российских военнопленных (на материале войн XX–XXI вв.) / А.М. Давлетшина // Общество: философия, история, культура. 2022. № 12 (104). С. 133-141.
5. Яковлевой М.А. Пути трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации в условиях специальной военной операции / М.А. Яковлевой, Е.М. Зориной // Российский девизантологический журнал. 2023. №2. С. 232–243.
6. Гуриц С.Д. Становление механизма обращения с военнопленными в системе Международного гуманитарного права / С.Д. Гуриц // Евразийский юрид. журн. - -014. - №12. - С. 64-65.
7. Кузьминых А.Л. Международное право и «узники войны»: проблема правовой защиты военнопленных и интернированных лиц / А.Л. Кузьминых // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. – 2013. - №1(21). – С. 77-83.
8. Юнусов А.А. Правовая характеристика системы применения международных гуманитарных норм в отношении военнопленных / А.А. Юнусов, С.Д. Гуриц // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 3. С. 143-146.
9. Росенко М. И. Проблемы соблюдения норм международного гуманитарного права в отношении военнопленных / М. И. Росенко, Т.А.Торопова, Е.В. Настенко // Журнал прикладных исследований. 2022. № 7. С. 90-95.
10. Малолеткина Н.С., Скиба А.П. О взаимосвязи репатриации осужденных военнопленных с исправительным воздействием в их отношении / Н.С.Малолеткина, А.П. Скиба // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 1 (47). С. 70-74.
11. Кузьминых А.Л. Международное право и «Узники войны»: проблема правовой защиты военнопленных и интернированных лиц / А.Л. Кузьминых // Пенитенциарная наука. 2013. №. 1 (21). С. 77-83.
12. Цветков А.О. Статус военнопленного: социально-правовой аспект / А.О. Цветков // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. №. 2. С. 37-39.
13. Биккузина Л.Г., Аминов И.Р. К вопросу о статусе военнопленных / Л.Г. Биккузина, И.Р. Аминов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №. 5-2. С 232-234. doi:10.24412/2500-1000-2022-5-2-232-234
14. Ромазанова А.Н. Соблюдение требований международного гуманитарного права в отношении военнопленных на Украине (2022-2023 гг.) / А.Н. Ромазанова // Образование и право. 2023. № 4. С. 386-388. doi:10.24412/2076-1503-2023-4-386-388.

15. Ефимова Е.А. Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. г.Воронеж, 2015. 156 с.
16. Леншин С.И. Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право: Монография. – М.: За права военнослужащих, 2009
17. Самодуров Д.И. Правовой режим военного плена (международно-правовой анализ) // Военное право: антология диссертаций. – М.: За права военнослужащих, 2011, Ч. II. – С. 541
18. Биккузина Л.Г. К вопросу о статусе военнопленных / Л.Г. Биккузина, И.Р. Аминов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №5-2. С. 232-234. doi:10.24412/2500-1000-2022-5-2-232.
19. Алиев Ш.М. К вопросу об определении правового статуса участников вооруженных конфликтов / Ш.М. Алиев // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2014. №6. С. 92–100.
20. Скиба А.П. Правовое положение военнопленных осужденных: постановка проблемы международно-правового, конституционно-правового, уголовно-исполнительного и иного регулирования / А. П. Скиба // Вестник Кузбасского института. 2020. №4 (45). С. 82–91.

Basov A. V., Konoplev V. V. Genesis of scientific views in the sphere of ensuring the rights of Russian prisoners of war // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 11 – 18.

The article analyzes scientific research, the subject of which were various aspects of ensuring the rights of prisoners of war. The article analyzes the works of both domestic and foreign scientists devoted to the legal status of a prisoner of war. The main factors that influenced the formation of scientific views on prisoners of war are established, such as: changing the nature of war (the transition from wars between states to armed conflicts of a non-international nature, the use of new types of weapons and military equipment); development of international humanitarian law (adoption of the Geneva Conventions of 1949 and the Additional Protocols thereto, other international legal acts concerning the protection of the rights of prisoners of war); changes in the domestic political situation in Russia (the collapse of the USSR, the formation of the Russian Federation, the implementation of military reforms). The author identified theoretical and practical issues that were left without attention of scientists and require theoretical and practical solutions in order to improve the legal status of a Russian prisoner of war. In the article, the author formulates his point of view on the legal status of a Russian prisoner of war, taking into account modern realities and international legal norms.

Key words: prisoners of war, human rights, international humanitarian law, legal status, scientific views, history of law, Russia.

Spisok literatury:

1. Sidorova S.G. Vliyaniye mirovy`x voyn na razvitiye mezhdunarodnogo prava o voennoplenny`x / S.G. Sidorova // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodny`e otnosheniya. 2014. № 5. S. 130-138.
2. Lazarenko E.I. Mezhdunarodny`e normativno-pravovy`e akty`, reguliruyushhie polozheniye voennoplenny`x pervoy mirovoy vojny` / E.I.Lazarenko // Kul`turny`j landshtaf regionov. 2021. Vy`p. 3, №. 6. S 8-19.
3. Kuz`miny`x A.L. Normativno-pravovoye regulirovaniye rezhima voennogo plena: opy`t retrospektivnogo analiza / A.L. Kuz`miny`x // Penitentsiynaya nauka. 2008. № 1. S. 78-84.
4. Davletshina A.M. Cennostny`e orientacii v opy`te sovetksix i rossijskix voennoplenny`x (na materiale voyn XX–XXI vv.) / A.M. Davletshina // Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul`tura. 2022. № 12 (104). S. 133-141.
5. Yakovlevoj M.A. Puti transformacii lichnosti voennoplennogo v napravlenii resocializacii v usloviyax special`noj voennoj operacii / M.A. Yakovlevoj, E.M. Zorinoj // Rossijskij deviantologicheskij zhurnal. 2023. №2. S. 232–243.
6. Guricz S.D. Stanovleniye mexanizma obrashheniya s voennoplenny`mi v sisteme Mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava / S.D. Guricz // Evrazijskij jurid. zhurn. - 2014. - №12. – S. 64-65.
7. Kuz`miny`x A.L. Mezhdunarodnoye pravo i «uzniki vojny`»: problema pravovoj zashhity` voennoplenny`x i internirovanny`x licz / A.L. Kuz`miny`x // Vestn. in-ta: prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye. – 2013. - №1(21). – S. 77-83.
8. Yunusov A.A. Pravovaya xarakteristika sistemy` primeneniya mezhdunarodny`x gumanitarny`x norm v otnoshenii voennoplenny`x / A.A. Yunusov, S.D. Guricz // Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta. 2015. № 3. S. 143-146.
9. Rosenko M. I. Problemy` soblyudeniya norm mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava v otnoshenii voennoplenny`x / M. I. Rosenko, T.A.Toropova, E.V. Nastenka // Zhurnal prikladny`x issledovaniy. 2022. № 7. S. 90-95.
10. Maloletkina N.S., Skiba A.P. O vzaimosvyazi repatriacii osuzhdenny`x voennoplenny`x s ispravitel`ny`m vozdejstviem v ix otnoshenii / N.S.Maloletkina, A.P. Skiba // Vestnik Samarskego yuridicheskogo instituta. 2022. № 1 (47). S. 70-74.
11. Kuz`miny`x A.L. Mezhdunarodnoye pravo i «Uzniki vojny`»: problema pravovoj zashhity` voennoplenn-

- ny`x i internirovanny`x licz / A.L. Kuz`miny`x // Penitenciarnaya nauka. 2013. №. 1 (21). S. 77-83.
12. Czvetkov A.O. Status voennoplennogo: social'no-pravovoj aspekt / A.O. Czvetkov // Psixopedagogika v pravooxranitel'ny`x organax. 2011. №. 2. S. 37-39.
13. Bikkuzina L.G., Aminov I.R. K voprosu o statuse voennoplenny`x / L.G. Bikkuzina, I.R. Aminov // Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2022. №. 5-2. S 232-234. doi:10.24412/2500-1000-2022-5-2-232-234
14. Romazanova A.N. Soblyudenie trebovanij mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava v otnoshenii voennoplenny`x na Ukraine (2022-2023 gg.) / A.N. Romazanova // Obrazovanie i pravo. 2023. № 4. S. 386-388. doi:10.24412/2076-1503-2023-4-386-388.
15. Efimova E.A. Problemy` i perspektivy` razvitiya sovremennoj yurisprudencii / Sbornik nauchny`x trudov po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. № 2. g.Voronezh, 2015. 156 s.
16. Lenshin S.I. Pravovoj rezhim vooruzhenny`x konfliktov i mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo: Monografiya. – M: Za prava voennosluzhashhix, 2009
17. Samodurov D.I. Pravovoj rezhim voennogo plena (mezhdunarodno-pravovoj analiz) // Voennoe pravo: antologiya dissertacij. – M.: Za prava voennosluzhashhix, 2011, Ch. II. – С. 541
18. Bikkuzina L.G. K voprosu o statuse voennoplenny`x / L.G. Bikkuzina, I.R. Aminov // Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2022. №5-2. S. 232-234. doi:10.24412/2500-1000-2022-5-2-232.
19. Aliev Sh.M. K voprosu ob opredelenii pravovogo statusa uchastnikov vooruzhenny`x konfliktov / Sh.M. Aliev // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2014. №6. S. 92–100.
20. Skiba A.P. Pravovoe polozhenie voennoplenny`x osuzhdenny`x: postanovka problemy` mezhdunarodno-pravovogo, konstitucionno-pravovogo, ugovovno-ispolnitel'nogo i inogo regulirovaniya / A. P. Skiba // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2020. №4 (45). S. 82–91.

УДК 340.12

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЛЕНИЯ ОБЪЕКТОВ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917-1922 ГГ.)

Борисов А. А., Сафронова Е. В.

Юго-Западный государственный университет, Белгородский государственный университет

Актуальность данной статьи, связана с проблемой выделения в рамках первого периода существования Советской России (1917-1922 гг.) периодов осуществления государственной политики национализации промышленности. Основываясь на диалектическом видении событий социально-экономического характера, авторы используют методы индуктивно-дедуктивного осмысления фактов в их логической взаимосвязи, анализа фактологического материала и синтеза нового знания, историко-хронологического описания и научной периодизации социально-правовых явлений. По результатам исследования выделено пять периодов национализации промышленных предприятий Советской России с отражением их особенностей: период конфискации отдельных предприятий и обществ (групп предприятий) декретами и постановлениями Совета Народных Комиссаров; период национализации отдельных предприятий и обществ с выходом на отраслевые масштабы совместными актами СНК и ВСНХ; период национализации крупной промышленности; период национализации мелкой промышленности; период восстановления прав некоторых бывших собственников мелких промышленных предприятий или период денационализации части мелкой промышленности.

Ключевые слова: ВСНХ, государственная политика, научная периодизация, правовые акты национализации, СНК, Советская Россия, экспроприация.

Анализ правового механизма и мер по конфискации и национализации промышленности в рамках первого периода существования Российской Советской республики до образования Союза Советских Социалистических Республик позволяет выделить этапы (периоды) огосударствления объектов промышленного производства и, следуя аксиоматическому утверждению В.Н. Синюкова о том, что анализ правовых систем «тесно связан с проблемой научной периодизации» [16, с. 84], представим периодизацию соответствующей государственной политики.

Следует отметить, что решение данного вопроса осложняется сочетанием различных факторных условий становления первой советской государственности. К существенным факторам мы относим: крайне сложное международное и внутривнутриполитическое положение страны; первопроходческая роль Советской России в проведении экспроприационных мер в масштабах государства; низкий уровень практического владения правоприменителем техникой законотворчества и организации распространения принимаемых актов в первые годы экспроприационной политики.

Сужая рамки выбора критериев этапности (периодизации) до внутритиповой классификации [16, с. 85-86], которая соответствовала бы особенностям социалистической общественно-экономической формации, к таковым допустимо отнести состав субъектов национализации, состав объектов национализации, содержание соответствующей государственной политики, соотнося их с хронологией проявления того или иного критерия в экспроприационных актах уполномоченных органов. Одновременно мы попытаемся раскрыть некоторые особенности обозначаемых периодов, предметно относящиеся к исследуемой теме.

Представляется, что такие признаки, как нормативно указанный способ – конфискация, признание собственностью государства, объявление государственной

собственностью, объявление собственностью Российской Советской Республики, национализация, муниципализация или социализация предприятий не имеют существенного значения для периодизации, поскольку эти формулировки той или иной принимаемой меры сущностно идентичны и они чередовались в соответствующих нормативных правовых актах. Если же говорить о центральных органах Советской власти, являющихся субъектами экспроприации, то экспроприационные акты в отношении промышленных объектов принимались съездами Советов, ВЦИК, СНК и ВСНХ, но их основной массив приходится на два последних органа, причем ВСНХ приступил к этой работе почти на два месяца позднее СНК как его структурное подразделение, что определялось Декретом ВЦИК и СНК от 2 (15) декабря 1917 г. «О Высшем Совете Народного Хозяйства» [4, с. 172-174], их полномочия пересекались, а с 8 августа 1918 г. он был переименован в ВСНХ РСФСР и осуществлял свою деятельность согласно Декрету СНК от 8 августа 1918 г. «О Высшем Совете Народного Хозяйства (Положение) в рамках ВЦИК как его экономический отдел с двойным подчинением – ВЦИК и СНК [17].

Существенное значение для решения данной проблемы имеет тот факт, что кроме этих органов акты о передаче в государственную собственность отдельных предприятий и групп предприятий в губерниях принимались местными съездами, советами, их исполнительными комитетами и органами СНХ. Неоспоримо, что с 1918 г. основная работа по всем вопросам национализации промышленности проводилась ВСНХ и в системе его органов на местах, но ВЦИК и СНК в течение ряда лет несомненно оставались ведущими акторами государственной политики национализации, определяющими ее особенности в 1918 и 1921 годах.

В качестве примера приведем следующие государственные акты: Декрет СНК от 28 июня (15 июля) 1918 г. «О национализации крупнейших предприятий по горной, металлургической и металлообрабатывающей, текстильной, электротехнической, лесопильной и деревообделочной, табачной, стекольной и керамической, кожевенной, цементной и прочим отраслям промышленности, паровых мельниц, предприятий по местному благоустройству и предприятий в области железнодорожного транспорта» [18]; совместный Декрет ВЦИК и СНК от 7 июля 1921 г. «О кустарной и мелкой промышленности» императивно устанавливал, что мелкопромышленные предприятия не подлежат национализации и муниципализации (пункт 5) [19]; Декрет ВЦИК от 27 октября 1921 г. «О национализации предприятий» [6]; еще один совместный Декрет ВЦИК и СНК от 10 декабря 1921 г. «О предприятиях, перешедших в собственность Республики» [7].

В отношении объектов экспроприации следует отметить, что первые акты касались единичных предприятий и групп предприятий или обществ (например, акционерные общества Богославского [1] и Симского [2] горных округов, имущество которых было конфисковано в декабре 1917 г., составляли многие разнотраслевые предприятия), которые относились к таким видам промышленности, как текстильная, горная, металлургическая и металлообрабатывающая, но ими не исчерпывался полный перечень предприятий этих отраслей. Проведение в жизнь декретов о национализации сахарной и нефтяной промышленности растянулось на несколько лет вследствие вышеуказанных причин (интервенция по окраинам России, мятеж Чехословацкого корпуса и Гражданская война, бандитизм), а в отношении нефтяной промышленности действие декрета приостанавливалось в 1918 г., когда начинает

складываться тактика проведения национализации, состоящая, в том числе в сохранении на определенный период за прежними владельцами полномочий по управлению делами. Так, крупнейшей водной артерией, снабжавшей центральную Россию нефтепродуктами, была река Волга, где сложилась система управления перевозками, включающая комплекс береговых сооружений и транспортных средств. Их национализация на местах создавала кризисные для управления ситуации и история национализации нефтеналивного флота (наливных судов, барж, береговых сооружений, ремонтных мастерских нефтеторговых фирм, буксирных пароходов и их оборудования) повествует об оставлении в управлении прежних владельцев всех дел на время навигации 1918 г. при контроле со стороны властей, на что было направлено Предписание местным Советам об оставлении нефтеналивного флота в настоящей навигации в управлении прежних владельцев от 20 апреля 1918 г. [5, с. 150-151]. Важнейшее значение имел Декрет от 28 июня 1918 г., но и он осуществлялся неодновременно на всей территории РСФСР, а по мере возможности его реализации в тех или иных местностях.

Также следует отметить, что огосударствление промышленных предприятий, банковских и иных учреждений проходило и в первых советских республиках.

Считаем необходимым выразить несогласие с позицией В.Н. Синюкова, который подчеркивает превосходство культурно-исторического подхода к периодизации развития российской правовой системы над формационным подходом [16, с. 94]. Соглашаясь с признанием самостоятельности и целостности правового развития российской государственности в цивилизационном аспекте, целостности ее истории, мы находим недостаточно выверенными и объективными установки: а) на признание приоритетного значения критериев и факторов, отражающих культурно-историческую идентичность российского правового мира и отрицание значения экономической и политической детерминации; б) на несвязанность (автономность) права с экономическими и политическими отношениями. Такой подход исключает фундаментальные, базовые для характеристики общественных отношений факторы и сводит вопрос лишь к надстроечным элементам, которые в значительной, если не в абсолютной, мере зависимы от экономической и политической подоплеку социальных систем.

Связывая эту проблему с изложенным материалом, мы находим, что имущественный интерес или такая экономическая категория, как собственность есть исторический камень преткновения и борьбы социальных групп, сметающих порой или существенно изменяющих надстроечные конструкции (государственности, органы власти, право, культура и т.д.). С этой точки зрения постулаты марксистской теории о проблеме способов производства и потребления в экономических отношениях многими учеными признаются неопровержимыми, и автором анализируемой работы не представлена убедительная аргументация подхода, связанного с нейтральной к материальным интересам человека цивилизационной теорией эволюции социума. Концепция периодизации В.Н. Синюкова, исходящая из того, что «Правокультурная история не знает однозначно направленного вектора, всеобщей последовательности "прогресса" правовых систем» [16, с. 94], которые «представляют собой биоценозы статической правовой сущности, в рамках которой идет внутренний круговорот различных культурно-стилевых преобразований и эволюций» [16, с. 94], лишена прогрессивности в отношении материальной стороны жизни социума и не согласу-

ется с известными гегелевскими законами диалектики.

Первый период национализации промышленных предприятий (15 ноября 1917 г. – 24 января 1918 г.) – *период конфискации отдельных предприятий и обществ (групп предприятий) декретами и постановлениями Совета Народных Комиссаров*. К особенностям этого периода относятся хронологические рамки: нижний предел – 15 ноября 1917 г. – заседание СНК, принявшее протокольное решение конфисковать Ликинскую фабрику во Владимирской области, а верхний предел – 24 января 1918 г. – ВСНХ принял постановление о принятии в собственность государства группы предприятий в Юзовке (Донбасс).

Исходя из смысла постановления по вопросу о Ликинской мануфактуре, можно предположить, что конфискационные меры планировалось применять ко всем промышленным предприятиям, собственники или правления которых игнорировали акты Советской власти, не предпринимали мер к руководству их деятельностью. Термин национализации появился в протокольных текстах позднее, а именно 18 ноября 1917 года, когда в протокол заседания СНК был внесен под вторым номером «Вопрос о национализации заводов Донецкого района»: «Послать телеграфное предложение совдепу Донецкого района организовать соответствующую комиссию на месте, заставить работать инженеров и т.д. Требовать телеграфного ответа на это предложение и о работе комиссии» [11, с. 205]. Однако до марта 1918 г. (исключительно) СНК и ВСНХ принимали акты, в которых речь шла, в том числе о конфискации имущества.

Также к особенностям данного периода следует отнести: оперативное реагирование СНК на обращения трудовых коллективов и местных Советов конфисковать предприятия (например, в протоколе заседания СНК от 16 января 1918 г. пунктом 3 повестки рассматривался вопрос о конфискации Петроградского металлического завода в связи с заявлением рабочей директории (выработано на соединенном заседании Исполнительного комитета и Контрольной комиссии от рабочих) в адрес СНК, где в причиной обращения указывался категорический отказ старого заводоуправления открыть завод, рабочие которого были рассчитаны 5 декабря 1917 г., и выражено требование о том, что завод «должен перейти в пользу государства» [12], и по итогам заседания было принято решение признать принципиально желательной конфискацию завода и предложить Комиссариату торговли и промышленности выработать практические мероприятия по вопросу о конфискации завода [13]; предварительное изучение ситуации на этих предприятиях на основе материалов, поступающих с мест, документов, представляемых уполномоченными лицами и комиссиями; подход, в соответствии с которым оценка ситуации производилась исходя из военно-политических, социально-экономических интересов государства; наличие во всех принимаемых актах мотивировочной части; введение рабочего контроля.

Рабочий контроль стал эффективной и результативной мерой обеспечения перехода права собственности на производственные предприятия государству, и предполагал определенные процедурные отношения предусмотренных органов рабочего контроля с правлениями заводов, фабрик, рудников. Первоначальные действия были направлены на установление конструктивно-деловых отношений, связанных с мерами государственной политики национализации. Так, 6 июня 1918 г. в правление Акционерного общества «Сормово» Контрольной комиссией от общезаводского

комитета заводов «Сормово» за подписью трех членов Контрольной Комиссии было направлено обращение такого содержания:

«Настоящим доводим до Вашего сведения, что с июня с/г нами будет осуществляться рабочий контроль.

Соответствующее руководство утвердило Бюро Совета Рабочего Контроля при Московском Районном Экономическом Комитете.

Просим объявить служащим под расписку и поставить нас в известность не позднее 5 час. вечера 7-го июня 1918 г.

Не получение Вашего ответа до указанного времени мы будем считать за нежелание с Вашей стороны подчиниться Декрету о Рабочем Контроле» [14].

Постановление ВСНХ «О национализации заводов, входящих в финансовую группу «Сормово-Коломна» состоялось 18.06.1918 г. и объявляло все принадлежавшие обществу заводы и предприятия собственностью РСФСР [3].

В этот период экспроприировались или переходили в собственность Российской Республики отдельные предприятия некоторых отраслей – текстильной, электротехнической промышленности и железнодорожного машиностроения, группы предприятий (горные округа и общества) горной, металлургической и металлообрабатывающей промышленности. В течение указанного периода, длящегося немногим более 2 месяцев, было принято 10 экспроприационных актов, структура которых идентична и включает четыре предложения о причинах и объявлении собственностью государства, о служебном и техническом персонале, об ответственности и последующем установлении порядка управления делами на предприятиях НКТП.

Второй период (24 января 1918 г. – 28 июня 1918 г.) – *период национализации отдельных предприятий и обществ с выходом на отраслевые масштабы совместными актами СНК и ВСНХ*. Нижний временной предел – начало экспроприационной работы ВСНХ (см. выше), а верхний предел – 28 июня 1918 г., когда был принят Декрет СНК «О национализации крупнейших предприятий по горной, металлургической и металлообрабатывающей, текстильной, электротехнической, лесопильной и деревообделочной, табачной, стекольной и керамической, кожевенной, цементной и прочим отраслям промышленности, паровых мельниц, предприятий по местному благоустройству и предприятий в области железнодорожного транспорта». С точки зрения расширения состава субъектов экспроприации, одна из особенностей данного периода заключается в начале совместной деятельности по огосударствлению промышленных предприятий СНК и ВСНХ, в рамках которой СНК принимал постановления и декреты, а ВСНХ – постановления. Отметим также, что экспроприация в принимаемых актах оформлялась разнообразно в форме конфискации, перехода в собственность Российской Республики или РСФСР, объявления государственной собственностью, принятия в собственность государства, а также национализации, муниципализации, социализации и секвестирования отдельных фабрик и заводов, групп предприятий (горные округа и общества) различных отраслей промышленности с переходом в мае-июне 1918 г. к национализации отдельных отраслей промышленности, что связано с принятием декретов по сахарной и нефтяной промышленности. К особенностям относится также: широкая организация работы в системе ВСНХ по выяснению действительного положения дел на предприятиях, после чего вопросы о национализации предприятий предметно обсуждались с изучением поступавших материалов, что следует из содержания протоколов заседа-

ний Президиума ВСНХ; по большинству предприятий констатировалось общественное обсуждение принимаемых в их отношении мер на различных съездах, совещаниях, собраниях и т.п. (Уточним, что работа по подготовке актов об управлении предприятиями и отраслями носила не закрытый, кулуарно-партийный характер, а характер открытых и коллегиально обсуждаемых вопросов, когда важные государственные решения предварялись обсуждением с представителями трудящихся, о чем свидетельствует, например, протокол № 22 от 14.02.1918, где указывается, что решение об организации и управлении Уральской горной промышленностью предварялось съездом национализированных и казенных заводов Урала, на котором было принято положение об управлении горной промышленностью и создана «ячейка из трех лиц») [10, с. 57]; в постановлениях и декретах слово «конфискация» с марта 1918 г. было заменено другим – «национализация»; с апреля 1918 г. мотивировочная часть во всех актах, кроме Декрета от 28.06. отсутствует; структура актов сокращается до одного предложения о национализации или объявлении собственности Советской Республики, кроме декретов о сахарной и нефтяной промышленности, оговаривающих некоторые особенности управления и ведения дел; ВЦИК принял 1 акт, СНК – 30, ВСНХ – 14; срок – немногим более 6 месяцев.

Исходя из текстов протоколов заседаний СНК и Президиума ВСНХ, принятых ими декретов и постановлений, а также складывающейся в губерниях практики национализация в процедурном аспекте характеризовалась проведением в три этапа – изучение фактического положения дел (экономических, технических и социальных оснований для национализации), разработка проекта и принятие акта о национализации, организация и проведение национализации на местах актами уполномоченных органов, отражающими передачу имущества, капиталов и дел.

Третий период (28 июня 1918 г. – 29 ноября 1920 г.) – *период национализации крупной промышленности* (особенности: нижний предел – см. выше, а верхний предел – принятие Постановления ВСНХ «О национализации предприятий»; до июня 1918 г. большинство экспроприационных актов было принято СНК (СНК – 30, ВСНХ – 14), но со второй половины 1918 г. основная работа по национализации промышленности проводилась ВСНХ; сложилась структура постановлений ВСНХ; при том, что Декрет СНК от 28 июня 1918 г. предусматривал нахождение национализированных предприятий в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев с получением ими доходов на прежних основаниях, в некоторых актах ВСНХ объявлялось о прекращении арендного пользования; срок – 2 года 5 мес.).

Четвертый период (29 ноября 1920 г. – 17 мая 1921 г.) – *период национализации мелкой промышленности* (особенности: нижний предел – см. выше, а верхний – принятие СНК Декрета от 17 мая 1921 г. «Об отмене, приостановке и пересмотре некоторых постановлений о мелкой и кустарной промышленности и кустарной сельско-хозяйственной кооперации»; национализировались частные промышленные предприятия, имеющие число рабочих свыше 5 при механическом двигателе, или 10 без механического двигателя; губернским СНХ делегировалось полномочие оставлять некоторые предприятия в пользовании владельцев, принимая по этим вопросам постановления и представляя их на утверждение в ВСНХ; срок – около 6 месяцев).

Пятый период (17 мая 1921 г. – 1923 г.) – *период восстановления прав некоторых бывших собственников мелких промышленных предприятий или период денационализации части мелкой промышленности* (особенности: нижний предел – см.

выше, а верхний – год завершения рассмотрения обращений о возврате предприятий бывшим владельцам; в государственную собственность перешли практически все промышленные предприятия, но в связи с новой экономической политикой кустарные и мелко-промышленные предприятия, по которым национализация не была проведена фактически с утверждением ВСНХ, возвращались прежним владельцам по их обращениям и заключениям местных СНК.

Например, в Заключении Экономического Управления ВСНХ от 31.08.1922 г. по делу о денационализации мыловаренного завода, принадлежавшего гр. Рябчикову, констатировалось, что этот завод кустарного типа с числом рабочих 5 чел. и без механического двигателя. По заводу не было выполнено ни одно из условий, указанных в п. 2 Декрета от 10.12.1921 г. (Декрет ВЦИК и СНК «О предприятиях, перешедших в собственность Республики»), предприятие было сдано в аренду бывшему владельцу. ЭКУ ВСНХ посчитал необходимым признать завод ненационализированным и аннулировать арендный договор [15]. В этот период были приняты подытожившие четырехлетний период огосударствления промышленности Декрет ВЦИК от 27.10.1921 «О национализации предприятий» и совместный Декрет ВЦИК и СНК от 10.12.1921 «О предприятиях, перешедших в собственность Республики», уточнивший условия денационализации предприятий мелкой и кустарной промышленности.

Выход за хронологические рамки исследования обусловлен действием принятого в дополнение к акту от 10 декабря 1921 г. акта ВЦИК и СНК от 22 марта 1923 г. «О порядке установления прав на промышленные предприятия» [20], который определял сроки подачи заявлений на регистрацию незарегистрированных предприятий или копий ранее выданных свидетельств об их регистрации, а также 6-месячный срок для подачи бывшими владельцами заявлений о возвращении им фактически не национализированных предприятий.

Продолжительность последнего периода составила почти 2,5 года. Анализ части дел показывает, что в указанный период признавались подлежащими денационализации и возврату бывшим собственникам такие предприятия, как заводы кожевенные, минеральных вод, кирпичные, силикатно-кирпичные, жидкой углекислоты, лесопильные, деревообрабатывающие, мыловаренные, механические, фабрики бумаго-ткацкие, искусственной шерсти, ватные, слесарно-механические и ткацкие мастерские, мельничные и иные мелкие предприятия. Отмена актов о национализации мелких промышленных предприятий происходила в контексте государственной новой экономической политики и в условиях завершающейся Гражданской войны, поэтому работа аппарата системы ВСНХ в этот период сочетала для некоторых регионов Советской России меры огосударствления и меры разгосударствления промышленных производств. Данное обстоятельство позволяет отнести данный период к завершающему этапу политики национализации промышленности.

Поставив под контроль промышленность, власти приняли меры к оживлению товарообмена, производства, кредитных связей в рамках новой экономической политики (НЭП) в 1921 году. НЭП не означал укрепления частного капитала, а с принятием 22 мая 1922 г. Декрета об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР [21] и ГК РСФСР (1922 г.) [22], которые имели целью развитие производительных сил страны, как подчеркивал И.Б. Новицкий, открылись новые возможности для частной

инициативы, вплоть до права организовывать промышленные и торговые предприятия, иметь на праве частной собственности имущество, орудия и средства производства, заключать различные виды договоров [8, с. 19, 25, 37-39]. Национализация, согласно позиции И.Б. Новицкого, основана не на договоре, а на законодательном акте государства, и означает не переход фабрик, заводов из рук частных лиц в собственность государства, а отмену частной собственности на средства производства, создание нового по содержанию права на них – права государственной социалистической собственности, которое оформляется специальными актами власти. Это новый способ возникновения права собственности, а потому способ первоначальный, а не производный [9, с. 49-50].

Таким образом, в течение четырех тяжелейших послереволюционных лет строительства советского государства управленческими мерами политики национализации практически вся промышленная база экономики стала государственной. Частная собственность на средства производства, определяющая основу экономических отношений до октября 1917 г., к 1922 г. целенаправленно была заменена на социалистическую государственную (общенародную) и общественную собственность. Последующие годы связаны с осуществлением этих мер в местах, входящих в систему экономических отношений Советской России по мере установления, укрепления и расширения деятельности советских хозяйственных органов, и эта работа сочеталась с обратным и обусловленным политикой НЭПа процессом возвращения незначительной части предприятий бывшим владельцам.

Список литературы:

1. Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства (далее – Газета), № 27, 8 декабря 1917 г.
2. Газета, № 30, 12 декабря 1917 г.
3. Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А 353. Оп. 1. Д. 10. Л. 41-42.
4. Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. Государственное издательство политической литературы. Москва, 1957. 640 с.
5. Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта 1918 г. – 10 июля 1918 г. Государственное издательство политической литературы. Москва, 1959. 686 с.
6. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов и Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов» (далее – Известия ВЦИК) от 30 октября 1921 г. № 244
7. Известия ВЦИК от 18 декабря 1921 г. № 285.
8. История советского гражданского права / Д.М. Генкин, И.Б. Новицкий, Н.В. Рабинович. – М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1949. – 544 с. – (История советского государства и права. 1917 – 1947 / Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР).
9. Новицкий И.Б. История советского гражданского права [Текст] / И. Б. Новицкий; Всесоюз. ин-т юрид. наук. Курс советского гражданского права. – Москва: Госюриздат, 1957. – 327 с.
10. Протоколы Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства (декабрь 1917 г. – 1918 г.). – М.: Наука, 1991. – 352 с.
11. Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 520 с.
12. Российский Государственный Архив Социально-Политической Истории (далее – РГАСПИ). Ф. 19. Оп. 1. Д. 48. Л. 3;
13. РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 48. Л. 1-3об.
14. Российский Государственный Архив Экономики (далее – РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 4. Д. 152 (3). Л. 150.
15. РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 737 (7). Л. 483-485.
16. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В.Н. Синюков. – 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2013. – 672 с.
17. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (далее – СУ), 1918 г., № 58, ст. 644.
18. СУ, 1918. № 47, ст. 559.
19. СУ, 1921. № 53, ст. 323.
20. СУ, 1923. № 24. Ст. 285. С. 479-480.
21. СУ, 1922. № 36. Ст. 423.

22. СУ, 1922. № 71. Ст. 904.

Borisov A.A., Safronova E.V. Periodization of nationalization of industrial facilities in Soviet Russia (1917-1922) // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 19 – 27.

The relevance of this article is connected with the problem of identifying, within the first period of the existence of Soviet Russia (1917-1922), periods of implementation of the state policy of nationalization of industry. Based on a dialectical vision of events of a socio-economic nature, the authors use methods of inductive-deductive understanding of facts in their logical relationship, analysis of factual material and synthesis of new knowledge, historical and chronological description and scientific periodization of socio-legal phenomena. Based on the results of the study, five periods of nationalization of industrial enterprises in Soviet Russia were identified, reflecting their characteristics: the period of confiscation of individual enterprises and companies (groups of enterprises) by decrees and resolutions of the Council of People's Commissars; the period of nationalization of individual enterprises and companies with access to industry scales through joint acts of the Council of People's Commissars and the Supreme Economic Council; the period of nationalization of large industry; the period of nationalization of small industry; a period of restoration of the rights of some former owners of small industrial enterprises or a period of denationalization of part of small industry.

Keywords: Supreme Economic Council, state policy, scientific periodization, legal acts of nationalization, Council of People's Commissars, Soviet Russia, expropriation.

Spisok literatury:

1. Newspaper of the Provisional Workers' and Peasants' Government (hereinafter referred to as the Newspaper), No. 27, December 8, 1917.
2. Newspaper, No. 30, December 12, 1917.
3. State Archive of the Russian Federation (hereinafter referred to as GARF). F. A 353. Op. 1. D. 10. L. 41-42.
4. Decrees of the Soviet government. T. I. October 25, 1917 – March 16, 1918 State publishing house of political literature. Moscow, 1957. 640 p.
5. Decrees of the Soviet government. T. II. March 17, 1918 – July 10, 1918 State publishing house of political literature. Moscow, 1959. 686 p.
6. News of the All-Russian Central Executive Committee of the Councils of Peasants, Workers, Soldiers and Cossacks and the Moscow Council of Workers and Red Army Deputies" (hereinafter referred to as News of the All-Russian Central Executive Committee) dated October 30, 1921 No. 244.
7. News of the All-Russian Central Executive Committee of December 18, 1921 No. 285.
8. History of Soviet civil law / D.M. Genkin, I.B. Novitsky, N.V. Rabinovich. – M.: Legal publishing house of the USSR Ministry of Justice, 1949. – 544 p. – (History of the Soviet state and law. 1917 – 1947 / All-Union Institute of Legal Sciences of the USSR Ministry of Justice).
9. Novitsky I.B. History of Soviet civil law [Text] / I. B. Novitsky; All-Union Institute of Law Sci. Course of Soviet civil law. – Moscow: Gosyurizdat, 1957. – 327 p.
10. Protocols of the Presidium of the Supreme Council of the National Economy (December 1917 - 1918). – M.: Nauka, 1991. – 352 p.
11. Minutes of meetings of the Council of People's Commissars of the RSFSR. November 1917 – March 1918 – M.: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN), 2006. – 520 p.
12. Russian State Archive of Socio-Political History (hereinafter referred to as RGASPI). F. 19. Op. 1. D. 48. L. 3.
13. RGASPI. F. 19. Op. 1. D. 48. L. 1-3v.
14. Russian State Archive of Economics (hereinafter referred to as RGAE). F. 3429. Op. 4. D. 152 (3). L. 150.
15. RGAE. F. 3429. Op. 2. D. 737 (7). L. 483-485.
16. Sinyukov V.N. Russian legal system. Introduction to general theory / V.N. Sinyukov. – 2nd ed., add. – M.: Norma, 2013. – 672 p.
17. Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government (hereinafter – SU), 1918, No. 58, art. 644.
18. SU, 1918. No. 47, art. 559.
19. SU, 1921. No. 53, art. 323.
20. SU, 1923. No. 24. Art. 285. pp. 479-480.
21. SU, 1922. No. 36. Art. 423.
22. SU, 1922. No. 71. Art. 904.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 28–34.

УДК 343

БАЗОВЫЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН-ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ФИНЛЯНДИИ

Великая О. С.

*Санкт-Петербургский университета государственной противопожарной службы
МЧС России*

В статье указано, что в Финляндии, как и в большинстве европейских стран, вопросы организации содержания осужденных женщин имеют давнюю и проблемную историю. Это связано с тем, что социально-правовой статус женщины в XIX-XX вв. существенно эволюционировал, что нашло свое отражение не только в национальном законодательстве и практике, но и международных правилах, рекомендациях. Лишь во второй половине XX – начале XXI в. можно отметить наиболее важные сдвиги в данном направлении в Финляндии, что отображено в законах о равенстве между женщинами и мужчинами (1986 г.), о равенстве (2014 г.), иных нормативных актах, Конституции Финляндии 1999 г.

Ключевые слова: Финляндия, правила, права, нормы, женщины, осужденные, исполнение наказаний, пенитенциарные учреждения.

Проблемы, связанные с реализацией приговоров о заключении женщин известны практически всем странам, к тому же, каких-либо единых «рецептов» для их разрешения, а тем более создания ситуаций, когда даже возможные предпосылки к возникновению подобных проблем будут отсутствовать на сегодняшний день все еще нет. Это связано с различными причинами гендерного, психологического, религиозного, материального, физиологического, правового, организационного, мировоззренческого характеров. Каждая страна самостоятельно выстраивает наиболее подходящую для нее модель, соотносясь в основном с своими внутренними потребностями и возможностями.

Не является в это вопросе исключением и Финляндия. Как известно, до начала XIX в. Финляндия входила в состав шведского королевства, а потому на ее территории действовал не только шведский уголовный кодекс [1], но и пенитенциарная система.

Благодаря этому в Финляндии также появились специализированные пенитенциарные учреждения для женщин, в первую очередь так называемые прядильни, получившие в XVIII в. распространение в западноевропейских странах [2, с. 12-14]. В Финляндии таковыми стали прядильни в Турку и Лаппеенранте, что, очевидно, считалось, со стороны властей автономии достаточно современным и вполне гуманным разрешением проблемы.

С обретением Финляндией независимости и появлением возможности развития собственного государства в данной стране развивалась самостоятельная система уголовного права, хотя и базирующаяся на Уголовном Кодексе 1889 г., однако с многочисленными дополнениями и изменениями в соответствии с духом и требованием времени. В том числе под воздействием результатов развития собственного общества, международных и европейских правил и рекомендаций.

В Конституции Финляндии 1999 г., в разделе «Основные права» ст. 6 «Равенство людей» устанавливает равное положение всех перед законом, в том числе и по признакам пола. В свою очередь ст. 7 гласит:

«Каждый имеет право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность и без-

опасность. Никто не должен быть приговорен к смертной казни, подвергнут пыткам или иному унижающему человеческое достоинство обращению. Личная неприкосновенность не должна нарушаться, и никто не может быть лишен свободы произвольно, без законного основания. Наказание в виде лишения свободы назначается судом. Законность лишения свободы в иных случаях может подвергаться судебному рассмотрению. Права лишенных свободы лиц обеспечиваются законом» [3].

Согласно разделу 1 Закона о равенстве (о недискриминации) (Yhdenvertaisuuslain), целью этого закона является поощрение равенства и предотвращение дискриминации, а также усиление правовой защиты тех, кто подвергся дискриминации. В соответствии со статьей 5 Закона о равенстве орган власти должен оценивать реализацию равенства в своей деятельности и принимать необходимые меры для содействия реализации равенства.

Согласно разделу 8 этого же закона, никто не может подвергаться дискриминации по признаку возраста, происхождения, гражданства, языка, религии, убеждений, мнений, политической деятельности, профсоюзной деятельности, семейных отношений, состояния здоровья, инвалидности, сексуальной ориентации. или любая другая причина, связанная с человеком [4].

Согласно § 1 закона о равенстве между женщинами и мужчинами, целью этого закона является предотвращение дискриминации по признаку пола и поощрение равенства между женщинами и мужчинами и с этой целью улучшение положения женщин, особенно в трудовой жизни [5].

Целью закона также является предотвращение дискриминации по признаку гендерной идентичности или гендерного самовыражения. Согласно его ст. 4, власти должны во всей своей деятельности целенаправленно и планомерно способствовать равенству мужчин и женщин, а также создавать и устанавливать такие административные и оперативные методы, которые обеспечивают поощрение равенства между женщинами и мужчинами при подготовке и принятии решений.

Особая роль в обеспечении прав заключенных не только в Финляндии, но и во всем мире принадлежит правилам Нельсона Манделы.

Как известно, Минимальные правила ООН для обращения с заключенными, Правила Нельсона Манделы, были одобрены Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 г. [6]. Первый отрывок взят из резолюции общего собрания, записанной в начале правил. Две другие выдержки — это Правила 11 и 81, которые непосредственно касаются женщин-заключенных.

Принимая во внимание, что отправление правосудия должно учитывать особые ситуации с участием детей, молодежи и женщин, особенно когда они лишены свободы, как того требуют Минимальные стандартные правила ООН в отношении правосудия в отношении несовершеннолетних (так называемые Пекинские правила), в Руководящих принципах ООН по борьбе с преступностью среди несовершеннолетних (так называемые Эр-Риядские руководящие принципы), в Правилах свободы ООН для защиты обездоленных молодых людей и в правилах ООН об обращении с женщинами-заключенными и санкциях, которые должны применяться в отношении свободы женщин (так называемые Бангкокские правила).

Правило 11 гласит, что «Различные группы заключенных должны содержаться в разных учреждениях или частях учреждений, принимая во внимание пол заключенных, возраст, судимость, правовые основания для заключения и потребности в ле-

чении, с тем чтобы: (а) мужчины и женщины должны, насколько это возможно, содержаться в отдельных учреждениях, а в учреждении, допускающем как мужчин, так и женщин, все учреждения, предназначенные для женщин, должны быть полностью отдельными; (б) заключенные, находящиеся в предварительном заключении, должны содержаться отдельно от заключенных, находящихся в предварительном заключении; (с) должники и другие гражданские заключенные должны содержаться отдельно от лиц, заключенных в тюрьму за уголовное преступление; (d) молодые заключенные должны содержаться отдельно от взрослых» [6, с. 5].

Правило 81 устанавливает, что:

«1. В тюрьме, предназначенной как для мужчин, так и для женщин, женская часть тюрьмы находится в ведении дежурного офицера-женщины, и все ключи от этой части тюрьмы должны находиться у нее.

2. Сотрудник-мужчина не может входить в женскую часть тюрьмы, если его не сопровождает сотрудница-женщина.

3. О женщинах-заключенных может заботиться и наблюдать только женский персонал. Однако это не мешает мужскому персоналу, особенно врачам и учителям, выполнять свои профессиональные обязанности в тюрьмах или частях тюрем, предназначенных для женщин» [6, с. 25].

Особая роль в регулировании обращения с женщинами, совершившими правонарушения принадлежит Бангкокским правилам ООН в «отношении обращения с женщинами-заключенными и санкций, налагаемых на женщин-правонарушителей на свободе» [7], которые были одобрены Генеральной Ассамблеей ООН в 2010 г.

Бангкокские правила ООН в значительной степени учитывают гендерные аспекты/женщины занятости, в том числе и в сфере здравоохранения. Так, правило 6 устанавливает, что медицинское обследование женщин-заключенных должно включать комплексное обследование для определения потребностей в первичной медико-санитарной помощи, а также должно определять:

а) наличие заболеваний, передающихся половым путем или болезней, передающихся через кровь; и, в зависимости от факторов риска, женщинам-заключенным также может быть предложено тестирование на ВИЧ с дотестовым и послетестовым консультированием;

б) потребности в психиатрической помощи, включая посттравматическое стрессовое расстройство и риск самоубийства и членовредительства;

с) история репродуктивного здоровья женщины-заключенной, включая текущую или недавнюю беременность, роды и любые связанные с этим проблемы с репродуктивным здоровьем;

д) наличие наркотической зависимости;

е) сексуальные домогательства и другие формы насилия, которым они могли подвергнуться до госпитализации.

Правило 7 1. предполагает, что в случае выявления факта сексуального насилия или других форм насилия до или во время содержания под стражей женщина-заключенная информируется о ее праве на обращение в судебные органы. Женщина-заключенная должна быть полностью проинформирована о соответствующих процедурах и шагах. Если женщина-заключенная соглашается подать в суд, соответствующий персонал должен быть проинформирован и немедленно передан в компетентный орган для расследования. Тюремные власти должны помочь таким

женщинам получить доступ к юридической помощи.

2. Независимо от того, решит женщина подать в суд или нет, администрация тюрьмы должна постараться обеспечить ей немедленный доступ к специализированной психологической поддержке или консультированию.

3. Должны быть разработаны конкретные меры, чтобы избежать любых форм возмездия против тех, кто делает такие сообщения или предпринимает юридические действия.

Правило 10 устанавливает, что:

1. Женщинам-заключенным должны предоставляться медицинские услуги с учетом гендерных факторов, по крайней мере эквивалентные тем, которые доступны в обществе.

2. Если женщина-заключенная просит, чтобы ее осмотрел или лечила женщина-врач или медсестра, женщина-врач или медсестра должна быть предоставлена, насколько это возможно, за исключением ситуаций, требующих срочного медицинского вмешательства. Если медицинский работник-мужчина проводит осмотр вопреки желанию заключенной-женщины, во время осмотра должна присутствовать сотрудница женского пола.

Правилом 11 предписывается, что

1. Во время медицинских осмотров должен присутствовать только медицинский персонал, за исключением случаев, когда врач считает, что существуют исключительные обстоятельства, или если врач требует присутствия сотрудника тюрьмы по соображениям безопасности, или женщина-заключенная специально просит присутствие сотрудника, как указано в пункте 2 правила 10 выше.

2. Если во время медицинского осмотра необходимо присутствие немедицинского персонала тюрьмы, то такой персонал должен быть женщиной, а осмотр должен проводиться таким образом, чтобы гарантировать неприкосновенность частной жизни, достоинство и конфиденциальность. Проблемы психического здоровья женщин-заключенных необходимо выявлять и реагировать на них с учетом гендерных факторов и травм.

Правилом 12 установлено, что для женщин-заключенных, нуждающихся в психиатрической помощи, в тюрьме или в учреждениях, не связанных с лишением свободы, должны быть доступны индивидуальные, учитывающие гендерные аспекты, учитывающие травмы и комплексные программы психиатрической помощи и реабилитации.

Кроме того, правило 15 предусматривает, что медицинские службы в тюрьмах должны предоставлять или поддерживать специализированные программы лечения, предназначенные для женщин, злоупотребляющих психоактивными веществами, с учетом предшествующей виктимизации, особых потребностей беременных женщин и женщин с детьми, а также их различных культурных особенностей. Бангкокские правила также регулируют надзорную деятельность, например, инспекции. Правила поощряют разработку альтернативных, менее инвазивных методов проверки.

Согласно правилу 19, администрацией должны быть приняты эффективные меры для обеспечения защиты достоинства и уважения женщин-заключенных во время личных досмотров, которые должны проводиться только женщинами-сотрудниками, прошедшими надлежащую подготовку по соответствующим методам досмотра и в соответствии с установленные процедуры.

Альтернативные методы досмотра, к примеру сканирование, должны быть разработаны для замены обысков с раздеванием и инвазивных личных досмотров, чтобы избежать пагубного психологического и возможного физического воздействия инвазивных личных досмотров. Правила запрещают помещение в одиночную камеру заключенных, которые беременны или находятся в тюрьме с ребенком (правило 20).

Наказание в виде строгого заключения или дисциплинарной изоляции не применяется к беременным женщинам, женщинам с младенцами и кормящим матерям, находящимся в тюрьме. В правилах делается упор на рассмотрение случаев домогательств. С этой целью в формированиях, осуществляющих инспектирование мест лишения свободы, должны быть женщины (правило 22).

В правиле 25 установлен порядок действий при выявлении различного рода насилия в отношении женщин-заключенных.

Правилом 31 предписано выработку и реализацию правил и положений о поведении тюремного персонала, направленные на обеспечение максимальной защиты женщин-заключенных от насилия, оскорблений и сексуальных домогательств. Тюремный персонал должен пройти обучение по особым потребностям женщин-заключенных и тому, как распознавать проблемы с психическим здоровьем.

Правилами 33, 35 и 41, кроме прочего, установлена обязанность администрации и персонала проходить соответствующие тренинги и обучение, связанные с улучшением их знаний в области психологии и оказании психологической помощи.

И, наконец, в завершении международного блока, следует указать на Европейские пенитенциарные правила 2006 г. [8], которыми, в частности, установлено, что «В дополнение к особым условиям для женщин-заключенных, указанным в настоящих правилах, власти должны учитывать потребности женщин, такие как их физические, профессиональные, социальные и психологические потребности, при принятии решений по вопросам, касающимся их заключения» (34.1).

А также указано, что: «34.2 В отношении женщин-заключенных, имеющих потребности, указанные в правиле 25.4, должны быть предприняты особые усилия для предоставления специальных услуг»; «34.3 Заключенным должно быть разрешено рожать за пределами тюрьмы, но если ребенок рождается в тюрьме, власти должны обеспечить всю необходимую поддержку и условия»; «25.4 Особое внимание следует уделять нуждам заключенных, подвергшихся физическому, психическому или сексуальному насилию»; «81.3 Персонал, работающий с особыми группами заключенных, такими как иностранцы, женщины, молодежь или психически больные, должен пройти специальную подготовку по своей специальности».

Конечно же, все выше перечисленные правила и рекомендации не являются строго обязательными для всех государств, в том числе в связи с их весьма различными материальными, организационно-правовыми и культурно-религиозными особенностями и возможностями. В Финляндии также есть проблемы с их выполнением, которые связаны с необходимостью реорганизации действующих пенитенциарных учреждений и строительством новых. Данная проблема вызвана тем, что многие пенитенциарные учреждения одновременно выполняют свои функции не только в отношении мужчин, но и женщин, а иногда даже подростков. Кроме того, не следует забывать и о необходимости переподготовки персонала.

Лишь в ноябре 2020 г. открылась новая тюрьма в Хямеэнлинне, после чего коли-

чество мест в женских тюрьмах в Финляндии стало следующим [10, с. 83-84]:

тюрьмы в	открытые места заключения	закрытые места заключения
Турку	36	
Сатакунта/отделение Кей-лио	10	
Пюхаселька	17	
Оулу	13	2
Кестиля	-	12
Хемиямлинен	100	
Вааса	10	
Ювяскюля		20
Ваная / отделение Ваная		60 (в т.ч. 10 мест в семейной секции)
Всего	186	94

Подводя общий итог, можно указать, что в Финляндии, как и в большинстве европейских стран, вопросы организации содержания осужденных женщин имеют давнюю и, к тому же, весьма проблемную историю. Это связано с тем, что социально-правовой статус женщины в XIX-XX вв. существенно эволюционировал, что нашло свое отражение не только в национальном законодательстве и практике, но и международных правилах, рекомендациях.

В тоже время, лишь во второй половине XX – начале XXI в. можно отметить наиболее важные сдвиги в данном направлении в Финляндии, что отображено в законах о равенстве между женщинами и мужчинами (1986 г.), о равенстве (2014 г.), иных нормативных актах [9], а также Конституции Финляндии 1999 г.

Список литературы:

1. Kekkonen, Jukka: Autonomian ajan rikosoikeus. *Suomen oikeushistorian pääpiirteet: Sukuvallasta moderniin oikeuteen*. Toim. Letto-Vanamo Pia. Gaudeamus, Jyväskylä 1992.
2. Kolmen valtakunnan perillinen. Turun kehruuhuoneen arkiston asiakirjojen elinkaari ja asema tutkimuksessa. Emilia Henttonen Pro gradu -tutkielma Suomen historia Historian, kulttuurin ja taiteiden tutkimuksen laitos Turun yliopisto Helmikuu 2019. S. 12-14. (дата обращения : 27.07.2024).
3. Конституция Финляндии № 731/1999, с поправками до № 1112/2011 включительно Издана в г. Хельсинки 11 июня 1999 года. – URL: ru19990731.pdf (finlex.fi) . (дата обращения : 27.07.2024)
4. Yhdenvertaisuuslaki. 1325/2014. Annettu Helsingissä 30 päivänä joulukuuta 2014. - URL: Yhdenvertaisuuslaki 1325/2014 - Säädökset alkuperäisinä - FINLEX ® (www-finlex-fi.translate.goog). (дата обращения : 27.07.2024).
5. Laki naisten ja miesten välisestä tasa-arvosta. 8.8.1986/609. - URL: Закон о равенстве между женщинами и мужчинами 609/1986 - Обновленное законодательство - FINLEX ® . (дата обращения : 27.07.2024).
6. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы). – URL: Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) (unodc.org) (дата обращения : 26.07.2024).
7. Правила ООН по обращению с женщинами-заключенными и применению к женщинам-правонарушителям мер, не связанных с лишением свободы. – URL: Microsoft Word - ECN152009_CRP.8.Russian.doc (unodc.org) (дата обращения : 26.07.2024)
8. Комитет министров Совета Европы. Рекомендация Rec (2006) 2. Европейские пенитенциарные правила. – URL: Европейские пенитенциарные правила от 11 января 2006 - docs.cntd.ru. (дата обращения : 28.07.2024).
9. Vankilalaki. 23/9/2005/767. – URL: Закон о тюремном заключении 767/2005 - Обновленное законодательство - FINLEX ® (дата обращения : 29.07.2024)
10. Rikosseuraamuslaitoksen monisteita 4/2020 Naisvankiselvitys Selvitys naisvankien olosuhteista, toiminnosta ja turvallisuudesta Kaisa Tammi-Moilanen 19.10.2020. – S. 83-84.

Velikaya O. S. Basic legal acts governing the situation of women prisoners in Finland // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 3. – P. 28–34.

The article states that in Finland, as in most European countries, the issues of organizing the detention of convicted women have a long and problematic history. This is due to the fact that the social and legal status of women in the nineteenth and twentieth centuries. has evolved significantly, which is reflected not only in national legislation and practice, but also in international rules and recommendations. Only in the second half of the XX - early XXI century. The most important developments in this direction in Finland can be noted, which is reflected in the laws on equality between women and men (1986), on equality (2014), other normative acts, as well as the Finnish Constitution of 1999.

Key words: Finland, rules, rights, norms, women, convicts, execution of sentences, penitentiary institutions.

Spisok literary:

- 1.Kekkonen, Jukka: Autonomian ajan rikosoikeus. Suomen oikeushistorian pääpiirteet: Sukuvallasta moderniin oikeuteen. Toim. Letto-Vanamo Pia. Gaudeamus, Jyväskylä 1992.
- 2.Kolmen valtakunnan perillinen. Turun kehruhuoneen arkiston asiakirjojen elinkaari ja asema tutkimuksessa. Emilia Henttonen Pro gradu -tutkielma Suomen historia Historian, kulttuurin ja taiteiden tutkimuksen laitos Turun yliopisto Helmikuu 2019. S. 12-14. (data obrashcheniya : 27.07.2024)
- 3.Konstituciya Finlyandii № 731/1999, s popravkami do № 1112/2011 vklyuchitel'no Izdana v g. Hel'sinki 11 iyunya 1999 goda. – URL: ru19990731.pdf (finlex.fi) . (data obrashcheniya : 27.07.2024)
- 4.Yhdenvertaisuuslaki. 1325/2014. Annettu Helsingissä 30 päivänä joulukuuta 2014. - URL: Yhdenvertaisuuslaki 1325/2014 - Säädökset alkuperäisinä - FINLEX ® (www-finlex-fi.translate.goog) (data obrashcheniya : 27.07.2024).
- 5.Laki naisten ja miesten välisestä tasa-arvosta. 8.8.1986/609. - URL: Zakon o ravenstve mezhdz zhenshchinami i muzhchinami 609/1986 - Obnovlennoe zakonodatel'stvo - FINLEX ® . (data obrashcheniya : 27.07.2024).
- 6.Minimal'nye standartnye pravila Organizacii Ob"edinennyh Nacij v otnoshenii obrashcheniya s zaklyuchennymi (Pravila Nel'sona Mandely). – URL: Minimal'nye standartnye pravila Organizacii Ob"edinennyh Nacij v otnoshenii obrashcheniya s zaklyuchennymi (Pravila Nel'sona Mandely) (unodc.org) (data obrashcheniya : 26.07.2024).
- 7.Pravila OON po obrashcheniyu s zhenshchinami-zaklyuchennymi i primeneniyu k zhenshchinam-pravonarushitelyam mer, ne svyazannyh s lisheniem svobody. – URL: Microsoft Word - ECN152009_CRP.8.Russian.doc (unodc.org) (data obrashcheniya : 26.07.2024)
- 8.Komitet ministrov Soveta Evropy. Rekomendaciya Rec (2006) 2. Evropejskie penitenciarnye pravila. – URL: Evropejskie penitenciarnye pravila ot 11 yanvarya 2006 - docs.cntd.ru . (data obrashcheniya : 28.07.2024).
- 9.Vankilalaki. 23/9/2005/767. – URL: Zakon o tyuremnnoy zaklyuchanii 767/2005 - Obnovlennoe zakonodatel'stvo - FINLEX ® (data obrashcheniya : 29.07.2024)
10. Rikosseuraamuslaitoksen monisteita 4/2020 Naisvankiselvitys Selvitys naisvankien olosuhteista, toimintoista ja turvallisuudesta Kaisa Tammi-Moilanen 19.10.2020. – S. 83-84.

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ СООТНОШЕНИЯ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Галкин А. Г.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»

В данной работе рассматриваются различные проблемные аспекты соотношения и взаимосвязи частного и публичного права в российской правовой системе на современном этапе. Проведен анализ доктринальных и законодательных источников по исследуемой теме. В ходе исследования установлено, что публичное и частное право взаимодействуют и в некоторых ситуациях в силу конституционных предписаний публичные интересы имеют приоритет над частными. Также установлено, что разграничение отраслей права на частные и публичные в отдельных аспектах может иметь критическое значение в правоприменительной практике, поскольку отсутствие законодательной дефиниции частных и публичных элементов в правовой системе может создавать правовую неопределённость для участников спорных правоотношений.

Ключевые слова: частное и публичное право, система права, конституционное право, соотношение частных и публичных интересов, защита субъективных прав, приоритет публичных интересов, семейное законодательство, гражданское судопроизводство, административное судопроизводство.

Деление системы права в государстве на частный и публичный элемент известно юридической науке практически всю ее историю. Однако усложнение и изменение предмета правового регулирования тех или иных отраслей права нередко ставит под сомнение существование разграничения между публичным и частным началом. Подобные явления, характеризующие развитие общественных отношений и, как следствие, развитие правового регулирования также актуальны и для современного российского государства. Кроме того, тенденции усложнения предмета правового регулирования обусловлены во многом и «новизной» российской правовой системы относительно развитых зарубежных правовых порядков.

Соотношение частного и публичного права порождает дуализм, которой характеризуется рядом противоречий [1]. Во-первых, в рамках национальной правовой системы право имеет цель защиты правопорядка как в публичной, так и в частной сферах. Во-вторых, в рамках публичных правоотношений субъекты хоть и опосредованно воплощают частные интересы. В-третьих, свобода частных субъектов не может быть безгранична, иное означало бы риск ущерба интересам другими частным субъектам, когда ущемляются интересы целых групп частных субъектов, то представляется возможным говорить о том, что ущемляются интересы публичные.

Исходя из анализа доктринальных источников, а также источников правового регулирования представляется возможным сформулировать следующие дефиниции частного и публичного права в отечественной правовой системе. Частное право является совокупностью правовых норм, регулирующих отношения между частными субъектами (граждане, организации). Публичное право, в свою очередь, является набором отраслей, предметом правового регулирования, которых является реализация государством в виде его органов публичной власти своих полномочий. Подобные дефиниции встречаются во многих различных работах в науке теории государства и права в России, какие-либо противоречия между авторами практически от-

сутствуют в части изложения непосредственно самих определений.

Как указано выше, в отечественной науке выделены критерии разграничения частного и публичного права. Однако остается ряд открытых вопросов относительно того, как то или иное разграничение между частным и публичным правом произвести в практической деятельности. Например, к частным отраслям права многие исследователи традиционно относят семейное право. Основным источником семейного права в российской правовой системе является Семейный кодекс (далее – СК РФ) [2]. Согласно ст. 2 СК РФ предметом правового регулирования СК РФ является большой спектр семейных отношений, то есть отношения между частными субъектами, в то же время предметом правового регулирования являются вопросы, связанные с защитой детства. Вопросы защиты детства включают в себя определение судьбы детей, оставшихся без попечения родителей. Согласно ст. 38 Конституции РФ защита детства осуществляется государством. Таким образом, семейное законодательство содержит в себе положения, посредством которых государство реализует свои публичные функции, которые закреплены за ним нормами Основного закона. Безусловно, семейное законодательство содержит положения, характерные для частных отраслей права, например, законный режим имущества супругов, может быть, по их согласию изменен на договорной, заключение брака также носит частный и диспозитивный характер. Вопросы, связанные с разделом общего нажитого имущества супругов, могут быть также урегулированы волеизъявлением частных субъектов. В тоже время семейное законодательство имеет ряд императивных предписаний и принципов, которые имеют приоритет даже перед частными и диспозитивными началами в других сферах. Семейные споры подлежат рассмотрению в порядке гражданско-процессуального судопроизводства. Судебной и правоприменительной практикой выработаны подходы, согласно которым гражданско-процессуальные правоотношения исходят из диспозитивной правовой природы. Например, стороны вправе самостоятельно принять решение о признании иска, отказа от иска или заключении мирового соглашения. Однако, по некоторым категориям дел, вытекающим из семейных отношений реализовать подобные диспозитивные процессуальные функции субъектам спорных правоотношений невозможно. Так, согласно п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» по делам об оспаривании отцовства невозможно признание иска, а также заключение мирового соглашения [3]. Мотивация данного запрета определена публичным интересом государства по защите прав и законных интересов несовершеннолетних. Таким образом, данный пример иллюстрирует ситуацию преобладания публичных интересов над частными в том случае, если данные интересы пересекаются. В этой связи крайне важно отметить, что коллизия частных и публичных интересов при оспаривании отцовства в ходе рассмотрения дел в порядке гражданского судопроизводства разрешена с точки зрения законодательной техники не самым лучшим образом. А именно, если исходить из буквального и системного толкования положений гражданского-процессуального и семейного законодательств, то сделать вывод о том, что такие процессуальные институты как мировое соглашение и отказ от иска не применимы по вышеуказанной категории семейных споров не представляется возможным. Однако, чтобы закрепить приоритеты публичных интересов над частными в данном случае Верховный

Суд РФ истолковал рассматриваемую ситуацию вышеуказанным образом.

Почему, как ранее отмечено, такая ситуация иллюстрирует недостатки законодательной техники на федеральном уровне? Потому, что устранение коллизии в данном случае публичных и частных начал произошло путем судебного толкования Верховного Суда РФ в соответствующем ППВС, такой подход к регламентации, на наш взгляд, является ситуативным и вместо того, чтобы законодатель самостоятельно урегулировал коллизию частных и публичных интересов, эту роль на себя берет, к сожалению, уже традиционно высшая судебная инстанция. Может ли измениться рассматриваемая ситуация по данной категории дел, если разъяснение ВС РФ будет прямо противоположным? Определенно, да, тем более кардинальные изменения позиций ВС РФ являются обыденностью для российской правовой системы.

Кроме семейного права к «исконно» частноправовым отраслям относят гражданское право. Основным источником гражданского законодательства является Гражданский кодекс РФ [4]. Гражданское законодательство безусловно является необходимым базисом для формирования правового поведения частноправовых субъектов в российской системе. В то же время гражданское законодательство подвержено влиянию конституционных положений о возможности ограничения частноправовых интересов в угоду публично-правовым целям и задачам. Так, абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ полностью дублирует конституционные положения, изложенные в п. 3 ст. 55 Основного закона [5]. Такой подход схож с позицией в том числе В.И. Ленина, который, в свою очередь, отмечал, что о необходимости в советском государстве установления приоритета публичного права над публичным [6]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что все субъекты законотворчества и официального толкования имеют все правовые основания для ограничения частных интересов в пользу реализации публичных интересов и публичных функций государства, поскольку существуют соответствующие для этого конституционно-правовые основания. Говоря о зарубежной практике ограничения частных интересов, представляется возможным привести в пример Конституцию США, согласно тексту и толкованию которой у органов публичной власти отсутствуют возможности по ограничению частноправовых интересов [7].

Вышеуказанные нормы, изложенные в п. 3 ст. 55 Конституции РФ, являются определяющими в вопросах, связанных с соотношением публичного и частного права в российской правовой системе, поскольку публичное право выражает интересы прежде всего государства и его публично-правовых образований, а частное право так или иначе преследует реализацию прав и законных интересов частноправовых субъектов. Как ранее было упомянуто, Конституция США, не содержит положений аналогичных п. 3 ст. 55 Конституции РФ, однако для правовой системы США, конечно же характерны примеры ограничения частных интересов в угоду публичных. Наиболее ярким примером такого ограничения является принятие в 2001 г. Конгрессом США Акта «О сплочении и укреплении Америки путем обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму» (англ. «Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act») согласно которому некоторые американские правоохранительные органы получили правовые основания для перехвата электронных и телефонных сообщений, таким образом, ставя под сомнение абсо-

лютное право на тайну переписки [8]. Безусловно, проводя сравнительный анализ подходов к ограничению прав частных субъектов в угоду интересам публичным необходимо делать поправку на то обстоятельство, что правовая система США кардинально отличается от стран с романо-германской правовой системы, к которым и относится российская правовая система, однако общие принципы и тенденции ограничения частных интересов в угоду публичных интересов являются практически неизменными. В 2015 г. данный федеральный закон был отменен и вышеуказанные ограничения частных прав стало возможно лишь при наличии соответствующей санкции суда [9].

Используемый в отечественной правовой системе подход в части применения приоритета публичного права над частным полностью соответствует концепции теории общественного договора, в трактовке Дж. Лока, поскольку согласно его версии общественного договора, граждане для обеспечения безопасности и защиты от каких-либо посягательств передают часть своих субъективных прав государству с целью получить необходимую защиту [10]. В этой связи представляется возможным сделать вывод о том, что поскольку ограничение прав и свобод граждан в соответствии с положениями п. 3 ст. 55 Конституции РФ осуществляется с целью защиты основ конституционного строя, а права и свободы человека в соответствии со ст. 2 Конституции РФ являются составным элементом конституционного строя, то ограничение прав и свобод граждан осуществляется одновременно с целью их же защиты.

Право собственности в российской правовой системе с одной стороны, находится под правовой охраной в силу ряда нормативно-правовых актов, например: ст. 35 Конституции, раздел II ГК РФ, гл. 21 УК РФ и т.д. Правомочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом являются составным элементом права собственности и частноправовой субъект вправе по своему усмотрению реализовывать все эти элементы, составляющие право собственности. Но, как ранее уже было отмечено в данной работе, в российской правовой системе в силу соответствующих конституционно-правовых положений действует приоритет публичных интересов над частными в случаях, предусмотренных федеральным законодательством. Так, в период объявленного властями военного положения в соответствии с федеральными законами "Об обороне" и "О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации" у частных субъектов (граждан) возможно изъятие вооруженными силами транспортных средств для выполнения соответствующих целей и задач. Право на конфискацию транспортных средств фактически является дискреционным для публичных субъектов в лице государства и его органов и в определённой ситуации, т.е. во время объявленного военного положения нивелирует право собственности на транспортное средство.

В контексте приоритета публичного права над частным необходимо отдельно изучать аспект, связанный с дискреционной правовой природой такого приоритета. Как видно из вышеуказанных примеров (США и Российская Федерация) приоритет публичного права и интересов над частными может устанавливаться различными способами и методами независимо от специфики правовой системы в рамках, который они реализуются. Но можно ли рассматривать приоритет публичного права над частным исключительно с точки зрения реализации публичных интересов? На наш взгляд, ответ на данный вопрос является неоднозначным. Безусловно, с одной сто-

роны, приоритет публичного права над частным является следствием государственной политики, целью которой является поддержание нормальной деятельности государства и его публичных институтов и для этих целей с точки зрения самого государства ограничение частного права и, следовательно, частных интересов является лишь инструментом для их достижения. С другой же стороны, государство и его публичные институты являются комплексными системами, в которые заложены также и частные интересы. Так, подавляющее большинство современных государств имеют законодательную власть и представительные органы, которые опосредованно и осуществляют народовластие. В законодательные органы избираются представители из народа, то есть частные субъекты представляют частные интересы, но в органах публичной власти и используя властно-публичный инструментарий для этого. На примере российской правовой системы видно, что приоритет публичного права над частным должен быть установлен федеральным законодателем. Федеральный законодатель в российской правовой системе является опосредованным носителем воли и интересов частных субъектов. Таким образом, частные субъекты в лице граждан делегировав своим представителям в органах законодательной власти публичные полномочия несут риск ограничения их же частных интересов посредством принятия соответствующего федерального закона. Соответствующие риски частные субъекты, то есть граждане должны учитывать при проведении электоральных процедур по избранию своих представителей в органы публичной власти. Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что применительно к реалиям отечественной правовой системы поскольку возможность приоритета публичного права над частным зависит от федерального законодателя, то установление такого правового режима не является дискреционным полномочием органов публичной власти, а является электоральным риском граждан при реализации или нереализации своих избирательных прав.

Вышеизложенные примеры являются свидетельством взаимосвязи и взаимодействия частного и публичного права в российской правовой системе на современном этапе ее развития. Несмотря на столь значительное количество исследований в науке теории государства и права о значимости разграничения частного и публичного права, в правоприменительной практике такое разграничение практически нивелировано и не оно не поддерживается законодателем исходя из каких-то выработанных в науке государства и права критериев разграничения. Однако, свидетельствуют ли вышеизложенные обстоятельства о том, что разграничение публичных и частных начал в правовом регулировании в рамках отечественной правовой системы не имеет никакого практического смысла и данный аспект можно игнорировать законодателю в том числе и в вопросах законодательной техники? На наш взгляд, в отдельных случаях подобное игнорирование выработанных юридической наукой постулатов относительно разграничения и взаимодействия частного и публичного права может повлечь неблагоприятные последствия для всех субъектов тех или иных правоотношений и создать для них различного рода правовую неопределённость.

Так, в 2015 году с принятием Кодекса административного судопроизводства РФ законодатель выделил в отдельный процессуальный нормативно-правовой акт вопросы, связанные с защитой субъективных прав, вытекающих из властно-публичных правоотношений. Ранее данные вопросы подлежали рассмотрению в

порядке, предусмотренным гражданско-процессуальным законодательством. Предмет правового регулирования КАС РФ изложен в его первой статье, однако в данной норме используются во многом абстрактные по своему содержанию формулировки [11]. Не вносит ясность в предмет правового регулирования позиция ВС РФ, изложенная в ППВС от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации». Исходя из буквального и системного толкования положений КАС РФ, а также ППВС от 27.09.2016 № 36 представляется возможным сделать вывод о том, что характер спорных правоотношений является определяющим в вопросе выбора вида судопроизводства для защиты субъективного права [12]. В то же время, по мнению высшей судебной инстанции для рассмотрения спора в порядке, предусмотренным КАС РФ необходимо, чтобы для спорного правоотношения были характерны отсутствие равенства, автономии воли, а также имущественной самостоятельности их участников, также необходимым условием является осуществление одним из субъектов публичных функций по отношению к процессуальному оппоненту. Однако, поскольку в российской правовой системе на современном этапе размыта та грань, которая бы исчерпывающим образом позволяла ответить на вопрос о разграничении публично и частного права, то и квалифицировать спорные правоотношения, подлежащие рассмотрению в порядке административного или гражданского судопроизводства, также является проблематичным. Подобная ситуация создает препятствия для защиты субъективных прав участников спорных правоотношений, поскольку существует большая вероятность неправильного определения подсудности спора и выбора неправильного способа защиты права. Данная ситуация особенно актуальна для административного судопроизводства в силу сокращенных сроков для обращения за защитой прав и законных интересов.

Подводя итог, представляется возможным сделать вывод о том, что выработанные юридической наукой критерии разграничения публичных и частных правоотношений в российской правовой системе на современном этапе в действующем законодательстве не применяются, что как указано в выше приведённых примерах может создавать правовую неопределённость для всех участников спорных правоотношений.

Список литературы:

1. Яковлев В.Ф. Развитие частного права в России // Юрист. - 2003. - № 46.
2. Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 N 223-ФЗ // "Собрание законодательства РФ", 01.01.1996, N 1, ст. 16
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 N 16 "О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей" // "Российская газета", N 110, 24.05.2017
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301
5. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.07.2024).
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 398.
7. Фельдбрюгге Ф. Частное и публичное: где пролегает грань между ними? // Юрист. - 2003. - № 46.
8. Act on the «Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism» // GPO. URL: USA PATRIOT Act | FinCEN.gov (дата обращения 16.07.2024)
9. USA FREEDOM Act of 2015 H.R.2048: сайт Конгресса США [Электронный ресурс] URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2048> (дата обращения 16.07.2024)
10. А. Л. Субботин. Договор общественный // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Мысль, 2010. — 2816 с.

11. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // «Собрание законодательства РФ», 09.03.2015, N 10, ст. 1391.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 N 36 (ред. от 17.12.2020) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 11, ноябрь, 2016.

Galkin A. G. On some current aspects of the relationship between private and public law in the Russian legal system at the present stage // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 3. – P. 35 – 41.

This paper examines various problematic aspects of the relationship and interrelation of private and public law in the Russian legal system at the present stage. An analysis of doctrinal and legislative sources on the topic under study is conducted. The study established that public and private law interact and in some situations, due to constitutional provisions, public interests have priority over private ones. It was also established that the distinction between branches of law on private and public in certain aspects can be of critical importance in law enforcement practice, since the absence of a legislative definition of private and public elements in the legal system can create legal uncertainty for participants in contentious legal relations.

Key words: private and public law, legal system, constitutional law, relationship between private and public interests, protection of subjective rights, priority of public interests, family law, civil proceedings, administrative proceedings.

Spisok literatury:

- 1.Yakovlev V.F. Razvitie chastnogo prava v Rossii // YUrist. - 2003. - № 46.
- 2.Semejnij kodeks Rossijskoj Federacii" ot 29.12.1995 N 223-FZ // "Sobranie zakonodatel'stva RF", 01.01.1996, N 1, st. 16
- 3.Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 16.05.2017 N 16 "O primenении sudami zakonodatel'stva pri rassmotrenii del, svyazannyh s ustanovleniem proiskhozhdeniya detej" // "Rossijskaya gazeta", N 110, 24.05.2017
- 4.Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 11.03.2024) // "Sobranie zakonodatel'stva RF", 05.12.1994, N 32, st. 3301
- 5.Konstituciya Rossijskoj Federacii: (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01 iyulya 2020 g.) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 25.07.2024).
- 6.Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 44. S. 398.
- 7.Fel'dbryugge F. CHastnoe i publichnoe: gde prolegaet gran' mezhdru nimi? // YUrist. - 2003. - № 46.
- 8.Act on the «Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism» // GPO. URL: USA PATRIOT Act | FinCEN.gov (дата обращения 16.07.2024)
- 9.USA FREEDOM Act of 2015 H.R.2048: sajт Kongressa SSHA [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2048> (data obrashcheniya 16.07.2024)
10. A. L. Subbotin. Dogovor obshchestvennyj // Novaya filosofskaya enciklopediya : v 4 t. / pred. nauch.-red. sojeta V. S. Styopin. — 2-e izd., ispr. i dop. — M. : Mysl', 2010. — 2816 s.
11. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii ot 08.03.2015 N 21-FZ (red. ot 14.02.2024) // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 09.03.2015, N 10, st. 1391.
12. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.09.2016 N 36 (red. ot 17.12.2020) «O nekotoryh voprosah primeneniya sudami Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii» // "Byulleten' Verhovnogo Suda RF", N 11, noyabr', 2016.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 42–58.

УДК 351.74(477)“19”

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНСКОЙ ССР В 1970-е –
НАЧАЛЕ 1980-х ГОДОВ**

Грошневая В. К.¹

*Донецкий филиал Федерального государственного казенного образовательного учреждения
высшего образования «Волгоградская академия Министерства внутренних
дел Российской Федерации»*

В статье проанализированы особенности правоохранительной деятельности органов милиции Украинской ССР в условиях замедления социально-экономического и политического развития страны в 1970-е – начале 1980-х годов, а также влияние проводимых в государстве реформ на организацию работы органов милиции. В ходе проведенного исследования проанализированы нормативные акты 1970-х – начала 1980-х годов, регулирующие правовой статус органов милиции, а также работы ученых и практиков, посвященные проблемам функционирования органов внутренних дел. Исследование материала осуществлено на основе общенаучных способов и приемов познания эмпирического материала, путем анализа, синтеза, моделирования, сравнения, абстрагирования, с использованием формально-логического подхода, частно-научных и специально-юридических методов. Отмечено, что в условиях централизации управления органами внутренних дел, нормативные акты, которые принимались уполномоченными органами Украинской ССР были основаны на нормах союзного законодательства и, как правило, дублировали его содержание, в связи с чем статус советской милиции на территории Советского Союза в исследуемый период был единым для всех союзных республик. Рассматривая генезис правового регулирования статуса органов советской милиции в 1970-е – начале 1980-х годов, автором сделан вывод о взаимосвязи между социально-экономическими и политическими условиями существования государства и общества и организацией правоохранительной деятельности в стране.

Ключевые слова: милиция; правоохранительная деятельность; преступность; общественный порядок; законность.

Актуальность ретроспективного анализа правовых явлений обусловлена важностью исторического опыта для развития их правового регулирования. В связи с этим, усовершенствование правового регулирования статуса, структуры и функций современных правоохранительных органов должно осуществляться с учетом позитивного исторического опыта. История советского государства неоднозначно трактуется современными исследователями, при этом нередко не учитывается совокупность социально-экономических и политических факторов, в которых происходит функционирование исследуемого правового явления. В связи с этим при исследовании особенностей правоохранительной деятельности милиции УССР необходимо учитывать те условия, в которых функционировали органы милиции, а также осуществлялось их реформирование и влияние проведенных реформ на дальнейшее развитие структуры и организации деятельности органов внутренних дел. Функционирование органов милиции УССР в 1970-х – 1980-х годах является предметом исследования и анализа в работах Я.Ю. Кондратьева, В.С. Малышева, П.П. Михайленко, Н.А. Щелокова, А.М. Бандурки, других ученых и практиков. Их работы внесли значительный вклад в развитие знаний об истории советской милиции.

Правовое обеспечение организации и деятельности органов милиции в

¹ начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России.

исследуемый период осуществлялось под влиянием политических процессов, которые происходили в государстве и обществе. Начиная с 1965 г., СССР взял курс на реформирование экономики. Ее целью было повышение эффективности экономики путем сочетания административных рычагов с использованием методов стимулирования отдельных сфер хозяйственной деятельности. Изменения затронули центральные органы управления экономикой – СНХ были заменены отраслевыми министерствами. Определенная экономическая самостоятельность была предоставлена предприятиям. Они получили возможность самостоятельно определять ассортимент выпускаемой продукции и распоряжаться частью своей прибыли. Реформа дала положительный результат – открывались новые предприятия, увеличивался объем промышленного производства, развивалось жилищное строительство, но после 1975 г. темпы роста экономических и социальных показателей замедлились, т.к. административно-командная система управления и плановая экономика тормозили использование рыночных рычагов, введенных в результате реформы. В плановую экономику все больше стали внедряться рыночные элементы. В Конституции СССР 1977 г. установлена новая система экономического планирования, которая допускала функционирование частного предпринимательства, стимулировалось его дальнейшее развитие.

К середине 1960-х годов в руководящих партийных документах подчеркивалось, что в Советском Союзе сформировалось демократическое общество. В Программе партии, утвержденной на XXII съезде КПСС, отмечалось, что в СССР установлена настоящая демократия [1]. В стране была усовершенствована система и содержание государственного управления, расширены права трудовых коллективов, профсоюзов, комсомольских и других общественных организаций. Конституция закрепила за гражданами право принимать участие в управлении государственными и общественными делами, вносить предложения в государственные и общественные организации. Демократизация общественной жизни и внедрение комплекса мер, направленных на усовершенствование государственного аппарата, способствовали радикальным изменениям не только в отраслях народного хозяйства, но и в отдельных государственных структурах, в т.ч. в тех, которые обеспечивают охрану общественного порядка и ведут борьбу с правонарушениями [2, с. 220].

Проводимые реформы имели и негативные последствия. Перегибы в развитии экономики повлекли за собой инфляционные процессы, дефицит товаров, что негативно повлияло на уровень жизни населения.

В литературе 1970-е – начало 1980-х годов определяют как неототалитарный режим. Одним из его проявлений считается повсеместное укрепление правового статуса органов милиции, одной из основных целей которых была защита правящего режима. Период с 1968 г. по 1982 г. принято называть «золотым веком» советской милиции. На данном этапе МВД СССР возглавлял Н. А. Щелоков, во главе МВД УССР стоял И. Х. Головченко.

К началу в 1970-х годов в СССР была создана относительно стабильная обстановка, позволявшая советским гражданам чувствовать себя в безопасности на улицах, в парках и местах отдыха. Вместе с тем, проблема борьбы с преступностью не была решена. В 1970-х годах популистские лозунги 1960-х годов о полном искоренении преступности фактически не использовались. Правоохранительная практика свидетельствовала о том, что ликвидация преступности, а во второй

половине 1970-х годов уровень преступности постепенно повышался. В приказе начальника УВД исполкома Донецкого обсовета от 15.04.1971 обращалось внимание на негативную тенденцию роста уровня преступности и снижения раскрываемости преступлений. В 1 квартале 1971 г. в Донецкой области зарегистрировано 2131 преступление, что на 75 случаев (3,6 %) больше чем за 1 квартал 1970 г. Рост общей преступности произошел в 16 городах и районах области (в Горловке – на 24 %, Артемовске – на 48,8 %, Шахтерске – на 58,3 %, Енакиеве – на 22 %) [3].

Ухудшение статистических показателей происходило под влиянием объективных социальных процессов (миграция населения, низкий уровень жизни отдельных категорий граждан), но партийное и советское руководство отмечало, что в условиях, когда, по их мнению, построен социализм и общество приступило к строительству коммунизма, проблема обеспечения правопорядка и снижения уровня преступности является первостепенной. От подразделений внутренних дел требовали снижения статистических показателей преступности, что нередко приводило к их фальсификации [4, с. 365-376].

К середине 1970-х годов возникла необходимость оптимизации деятельности милиции, в том числе – разработки и принятия нормативных актов. Важнейшим актом, закрепляющим правовой статус органов милиции, стала Конституция СССР 1977 г., на основе которой были приняты конституции союзных республик. Конституция УССР принята 20.04.1978 г. В них провозглашалось, что СССР – общенародное государство, в котором сформировалось развитое социалистическое общество. Власть в стране принадлежит народу и осуществляется через Советы народных депутатов. Советское общество определялось как общество настоящей демократии. Эффективное управление общественными делами обеспечивалось советской политической системой. Провозглашалась возможность активного участия трудящихся в государственной жизни, сочетание прав, свобод, обязанностей и ответственности граждан.

В Конституции не были определены правовые основы функционирования ОВД, однако в ней был выработан единый подход к организации правоохранительных органов на всей территории страны. Положения Конституции как Основного Закона государства стали определяющими для усовершенствования и детализации действующих нормативных актов, принятия новых законов и подзаконных актов.

Нормы Конституции УССР 1978 г. расширили социальные функции милиции и одновременно поставили перед органами милиции ряд новых задач, что было обусловлено расширением конституционных прав и свобод граждан.

Конституционные нормы, а также принятые на их основе нормативные акты разной юридической силы способствовали развитию правотворческой деятельности МВД УССР, но многие положения Конституции имели декларативный характер и не могли быть воплощены в жизнь. Несмотря на наличие комплекса норм, регулирующих деятельность советской милиции, имел место низкий научный уровень их содержания и обоснования. Ряд нормативных актов не были согласованы между собой и не предусматривали механизма их реализации. Отсутствовали нормы, которые определяли бы место и роль органов милиции в системе государственного управления.

В начале 1970-х годов существенно обновилась нормативная база, регулирующая

правовое положение милиции. В 1972 г. утверждены Положение о МВД СССР [7] и Положение МВД УССР [8]. Система МВД УССР включала в себя центральный управленческий аппарат и управления (отделы), которые находились в подчинении Советов депутатов трудящихся. В состав ОВД, помимо подразделений милиции, входили органы пожарной охраны и исправительно-трудовые учреждения. В структуру Министерства включались и другие подразделения, учреждения, организации и предприятия.

МВД УССР определялось как центральный аппарат управления органами внутренних дел, союзно-республиканское министерство с двойным подчинением. Оно находилось в двойном подчинении – высшему исполнительному органу государственной власти республики (Совету Министров УССР), а также высшему ведомственному общесоюзному органу исполнительной власти (МВД СССР). В своей деятельности министерство руководствовалось актами союзных и республиканских высших органов власти, решениями общесоюзного МВД.

Основная цель деятельности органов и подразделений милиции МВД УССР заключалась в обеспечении общественного порядка, охране социалистической собственности, прав и законных интересов граждан, предприятий, учреждений и организаций от преступных посягательств и других антиобщественных действий. Также к задачам МВД УССР было отнесено обеспечение исправительно-трудового воздействия на лиц, осужденных к отбытию наказания, и организация пожарной охраны на территории республики.

Руководство министерством осуществлял министр внутренних дел УССР, который назначался Верховным Советом УССР. При неисполнении поставленных перед МВД задач он нес персональную ответственность. В период между сессиями министр назначался Президиумом ВС УССР с последующим утверждением кандидатуры ВС УССР. Министр также был начальником милиции республики. Заместители министра, начальники управлений и других подразделений министерства несли ответственность за результаты работы подразделений, учреждений и организаций системы МВД, что находились в их ведении.

Министр издавал приказы и инструкции, а также давал обязательные для исполнения всеми подразделениями органов внутренних дел указания. Их содержание определялось пределами компетенции министерства. В случае необходимости допускалось издание совместных актов МВД и других министерств и ведомств. В случаях, установленных законодательством, министерство могло издавать приказы и инструкции, обязательные для исполнения предприятиями, учреждениями и организациями, а также всеми гражданами (например, акты, касающиеся пожарной безопасности или безопасности дорожного движения).

В соответствии с Положением, в составе министерства создавалась коллегия, на заседаниях которой рассматривались результаты деятельности министерства и пути усовершенствования работы его подразделений; обсуждались результаты проверки исполнения требований директивных документов и порученных заданий, общие вопросы практического руководства отдельными подразделениями системы МВД; обсуждались проблемы подбора и использования кадров; заслушивались доклады и отчеты начальников управлений, министерств, предприятий, учреждений и организаций системы МВД. В состав коллегии входили: министр (председатель), заместители министра и другие руководящие сотрудники министерства.

Для внедрения в практическую деятельность ОВД научных достижений, в составе министерства создавались специальные коллегиальные органы. Научно-технические советы разрабатывали рекомендации по использованию новейших достижений науки и техники, анализировали передовой опыт подразделений милиции, рассматривали предложения и осуществляли разработку рекомендаций по внедрению их в работу других структурных подразделений.

МВД Украинской ССР осуществляло руководство закрепленной отраслью государственного управления через управления внутренних дел исполнительных комитетов областных Советов депутатов трудящихся и непосредственно управляло подразделениями республиканского подчинения. Отмечалась необходимость взаимодействия сотрудников министерства с общественными объединениями.

В Положении о Министерстве внутренних дел УССР определены его основные задачи, которые можно разделить на две группы:

1. *Отраслевые задачи*, реализация которых осуществлялась по отдельным направлениям деятельности подразделений министерства: общественный порядок на подконтрольной территории, а также предотвращение и прекращение преступной деятельности, раскрытие и расследование совершенных преступлений, содействие устранению причин и условий, порождающих преступления и пр. противоправные деяния. Вспомогательные задачи: исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, соблюдения законов и правил социалистического сожительства; обеспечение безопасности дорожного движения; организация работы по обеспечения пожарной безопасности.

2. *Межотраслевые задачи*: обеспечение строгого соблюдения социалистической законности в деятельности всех подразделений министерства, а также в процессе деятельности его сотрудников; воплощение в жизнь принципов подбора, выдвижения и расстановки кадров, обеспечение высокого уровня дисциплины, служебной, боевой и политической подготовки личного состава ОВД; использование достижений науки, техники и передового опыта в работе по охране правопорядка, борьбе с преступностью, обеспечению пожарной безопасности и в других отраслях деятельности министерства; улучшение жилищных и культурно-бытовых условий личного состава подразделений министерства.

В Положении также определялись основные функции МВД УССР, которые можно разделить на следующие группы: общая управленческая деятельность; профилактическая деятельность по предотвращению правонарушений; управленческая деятельность в сфере раскрытия и расследования преступлений, выявления и розыска лиц, которые их совершили, и других лиц; исполнение решений правоохранительных органов и судов о взятии под стражу лиц определенных категорий; управленческая деятельность в сфере исполнения наказаний; паспортная работа; разрешительная деятельность; обеспечение пожарной безопасности; организация предоставления безотлагательной помощи лицам, пострадавшим от несчастных случаев, а также лицам, которые находятся в общественных местах в беспомощном состоянии.

Многие нормы нового Положения тождественны с нормами ранее действующего Положения 1962 г. Вместе с тем, в новом Положении содержался ряд новелл. Так, расширились обязанности милиции, в том числе и в вопросах взаимодействия ОВД с другими государственными органами и организациями. В Положении на

законодательном уровне получила закрепление обязанность органов милиции обеспечивать охрану от преступных посягательств и других противоправных деяний социалистической собственности, прав и законных интересов граждан, предприятий, организаций и учреждений. С органами государственной безопасности подразделения милиции осуществляли борьбу с особо опасными государственными преступлениями и проводили другие меры по охране госбезопасности; оказывали помощь органам ветеринарного надзора и органам здравоохранения в ходе проведения карантинных мероприятий при эпидемиях и эпизоотиях; с органами здравоохранения осуществляли надзор за соблюдением санитарных правил содержания улиц, дворов, других территорий населенных пунктов, загородных мест отдыха трудящихся и пляжей. В случае необходимости безотлагательной госпитализации наркоманов и психически больных граждан, которые представляли опасность для окружающих, сотрудники милиции были обязаны оказывать содействие медицинским работникам. К обязанностям подразделений милиции также была отнесена борьба с пьянством, другими антиобщественными явлениями. К новеллам Положения 1972 г. можно отнести обязанности милиции в содействии уполномоченным органам в осуществлении мер, направленных на охрану и защиту природных богатств от загрязнений, а также на борьбу с браконьерством, нарушениями правил охоты и рыбалки.

Новое Положение существенно расширило права сотрудников милиции. Им было предоставлено право проверять у граждан паспорта и другие документы, удостоверяющие личность. При совершении гражданами противоправных деяний работники милиции имели право составлять протоколы (акты) об административных правонарушениях, налагать штрафы, а также применять другие меры оперативного воздействия. По отдельным составам правонарушений материалы передавались в народные суды, административные комиссии, товарищеские суды, либо общественным организациям для применения к нарушителям установленных законодательством мер воздействия. Сотрудники милиции имели право применять принудительный привод правонарушителей в органы внутренних дел и задерживать их на срок до трех часов для установления личности и применения к нарушителям мер воздействия. Лица, совершившие мелкое хулиганство, могли быть задержаны до рассмотрения в установленные сроки материалов народным судьей или начальником милиции.

Лица, которые занимались бродяжничеством, могли помещаться по санкции прокурора в приемники-распределители на срок, необходимый для установления их личности и решения вопроса о трудоустройстве, либо размещении в дом-интернат для престарелых (до 30 суток). Если в городе отсутствовали приемники-распределители, такие лица могли с санкции прокурора удерживаться в камерах предварительного заключения до 10 суток.

В 1973 г. Совмиг СССР принял Положение о советской милиции [7], в котором раскрывались общие принципы организации милиции, требования к ее личному составу, источники финансирования и материального обеспечения и другие вопросы; детально регламентированы права и обязанности сотрудников, в том числе основания и порядок применения оружия. В Положении закреплялось двойное подчинение милиции МВД СССР и союзных республик, а также управлениям и ОВД при исполкомах местных советов; закреплялась структура

органов милиции. Основными милицейскими подразделениями являлись: уголовный розыск, транспортная милиция, государственная автомобильная инспекция, подразделения по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией, административная служба, паспортная служба, строевые и специальные части, учебные пункты, специализированные школы, научно-исследовательские и другие учреждения и подразделения.

Для дальнейшего усовершенствования правового регулирования деятельности милиции, Указом Президиума ВС СССР были определены основные обязанности и права советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью [8]. В данном акте обращалось внимание на необходимость взаимодействия милиции с государственными органами, администрациями предприятий, учреждений, организаций, общественными формированиями, которые принимали участие в охране общественного порядка; устанавливались основные требования к лицам, которые принимались на службу в милицию.

Основная обязанность органов милиции заключалась в охране от преступных посягательств основных благ, представляющих ценность для государства: общественного порядка, социалистической собственности, прав и интересов предприятий, учреждений, организаций и граждан; обязанность по предупреждению преступлений и других правонарушений, выявлению причин, которые их порождают, условий, способствующих их совершению и по разработке мер к устранению таких причин и условий. Сотрудники вели с населением пропагандистскую работу по вопросам общественного порядка; милиция боролась с антиобщественными явлениями, выявляла и вела учет лиц, которые вели паразитический образ жизни, уклонялись от общественно полезного труда.

Органы милиции принимали и регистрировали заявления и сообщения граждан и должностных лиц о готовящихся или совершенных преступлениях и осуществляли комплекс мероприятий по обеспечению расследования преступных деяний и наказанию виновных. Организация службы в ОВД регламентировалась принятым в 1973 г. Положением. В 1971 г. утвержден Дисциплинарный устав ОВД. В 1974 г. - принят Устав патрульно-постовой службы милиции.

Областные управления ВД создавались областными Советами и находились в подчинении областного Совета и его исполнительного комитета и МВД УССР [9].

УВД облисполкомов осуществляло руководство деятельностью по охране общественного порядка и борьбе с преступностью на территории области через управления (отделы) внутренних дел исполнительных комитетов районных, городских, районных в городах Советов депутатов трудящихся и руководило подразделения, учреждениями, организациями системы МВД областного подчинения. Основная задача УВД облисполкомов заключалась в обеспечении общественного порядка, предотвращении и прекращении преступлений, быстром и полном их раскрытии. На них также возлагалась обязанность по обеспечению охраны социалистической собственности, а также прав и законных интересов граждан, предприятий, учреждений и организаций от преступных посягательств и других противоправных деяний. Специализированные подразделения осуществляли деятельность по обеспечению безопасности дорожного движения, пожарной безопасности, исправления и перевоспитания осужденных.

О своей работе УВД облисполкома отчитывались перед областным Советом и

его исполкомом, МВД УССР. Также практиковались отчеты управлений перед трудовыми коллективами и по месту проживания граждан. Управленческая деятельность УВД облисполкомов осуществлялась на основе объединения принципов единоначалия и коллегиальности. Начальник УВД (он же – начальник областной милиции) утверждался на должность Облсоветом. Коллегиальность руководства управлением обеспечивала деятельность специально создаваемого органа – коллегии. В ее состав входили начальник управления (председатель), заместители начальника управления и другие руководящие работники управления. Состав коллегии утверждался исполнительным комитетом областного Совета. К ее компетенции было отнесено рассмотрение вопросов деятельности управления, практическое руководство подчиненными подразделениями, предприятиями, учреждениями и организациями, подбор и расстановка кадров и другие.

ОВД исполкома райсовета (райотдел внутренних дел) создавался районным Советом депутатов трудящихся и находился в двойном подчинении – н подчинялся райсовету и его исполкому, а также УВД исполкома обласовета. Задания РОВД были аналогичны тем, возлагались на УВД исполкома обласовета. Начальник РОВД одновременно был начальником районной милиции [10].

В городах (районах в городе) управления (отделы) внутренних дел создавались городскими (районными в городах) Советами депутатов трудящихся. Они находились в подчинении городского (районного в городе) Совета и его исполнительного комитета, а также соответствующего высшего органа внутренних дел. Начальник такого управления (отдела) одновременно возглавлял городскую (районную в городе) милицию.

В ходе дальнейшего совершенствования системы управления органами милиции были созданы штабные подразделения. В сентябре 1971 г. на базе организационно-инспекторских управлений и отделов образованы штабы. Они создавались в МВД СССР, в министерствах союзных и автономных республик, УВД краевых и облисполкомов, крупных городских и районных управлениях и отделах милиции. Цель штаба - совершенствование аналитической, плановой и контрольной деятельности [11, с. 114]. Штабы осуществляли постоянное оперативное управление службами и подразделениями. В их составе создавались организационно-штатные, контрольно-инспекторские, информационно-аналитические подразделения. Первым начальником штаба МВД УССР был генерал-майор Н. Т. Михайлюк.

Важную роль играла деятельность штабных подразделений по осуществлению контроля за деятельностью подразделений милиции. Для оценки того, насколько были исправлены недостатки, выявленные в ходе инспектирования, также применялся последующий контроль [12, с. 65]. Контроль деятельности оперативных служб позволял штабам выявлять случаи сокрытия преступлений и фальсификации оперативной статистической информации о состоянии преступности.

На основании анализа показателей преступности и общественного порядка, штабные подразделения разрабатывали предложения о мерах по предотвращению преступлений и других противоправных деяний, а также по устранению причин и условий, которые способствовали их совершению. Штабы принимали участие в разработке проектов нормативных актов, регламентирующих деятельность органов внутренних дел [13, с. 228]. В подчинение штабов переданы информационные центры органов внутренних дел, они входили в состав информационно-

аналитических подразделений. В 1972 г. в подразделениях ОВД была введена автоматизированная система учета и анализа данных о преступлениях и лицах, которые их совершили. Вводились информационно-поисковые системы «Розыск» и «Учет». В УВД областей и городов создавались информационно-вычислительные центры, на базе которых создана единая отраслевая автоматизированная система управления (АСУ). Использование автоматической обработки данных обеспечивало оперативный обмен информацией между УВД облисполкомов и вычислительными подразделениями информационных центров МВД СССР и союзных республик. Это способствовало обеспечению более полного и глубокого анализа преступности, оценке эффективности работы по предупреждению преступлений, усовершенствованию учетно-статистической и аналитической работы. В декабре 1982 г. произошло изменение руководства МВД СССР, министерство возглавил В. Федорчук. Постепенно штабные подразделения утратили свою значимость, ликвидированы организационно-методические подразделения. Основной целью штабов стало накопление информации и передача ее руководителям подразделений.

Одним из наиболее важных достижений реформирования органов милиции на данном этапе можно считать повышение уровня подготовки работников милиции. Обучение специалистов высшего уровня осуществляла Киевская высшая школа МВД СССР им. Ф. Э. Дзержинского, средние специальные школы милиции открываются в Ивано-Франковске и во Львове. В 1973 г. в Херсоне создана межреспубликанская школа подготовки рядового и начальствующего состава МВД СССР. Однако проблема профессионального уровня кадров еще не была решена. По состоянию на 1 января 1970 г. среди начальствующего состава МВД УССР высшее образование имели 24 % сотрудников, а среднее специальное образование – 27,9 %. Несмотря на то, что в составе следственного аппарата 91,3 % сотрудников имели высшее или среднее специальное образование, проблема кадрового обеспечения оставалась острой, т.к. на должность следователя могли назначаться только лица, имеющие высшее юридическое образование. Наиболее сложная ситуация сложилась в Винницкой, Ворошиловградской, Ровенской, Закарпатской, Кировоградской, Тернопольской, Херсонской и Черкасской областях [14, с. 8-9].

В исследуемый период к компетенции ОВД отнесено осуществление следственных действий. Деятельность следственных подразделений УССР регламентировалась Положением, утвержденным приказом МВД УССР в 1974 г. [15]. В нем следственное управление определялось как самостоятельное структурное подразделение центрального аппарата МВД УССР. В данном нормативном акте устанавливалась структура управления, порядок назначения, перемещения и освобождения с должности сотрудников. В Положении закреплялся принцип объединения коллегиальности при обсуждении вопросов и единоначалия при решении вопросов управления подразделениями следственного аппарата. Распределение обязанностей между сотрудниками управления осуществлялось по линейно-территориальному принципу. Структура и численность следственного управления утверждались министром ВД СССР по представлению министра ВД УССР. В Положении регламентировался порядок взаимодействия следственных и оперативных аппаратов в ходе предотвращения, раскрытия и расследования преступлений. Подчеркивалась необходимость соблюдения сотрудниками следственного аппарата социалистической законности.

Следственные управления осуществляли контроль за деятельностью следственных аппаратов ОВД, оказывали им помощь в расследовании сложных уголовных преступлений. Управления непосредственно расследовали особо сложные и актуальные уголовные дела. На следственные управления возлагалась обязанность по обеспечению взаимодействия следственных аппаратов с милицией, другими подразделениями МВД СССР, органами прокуратуры, судами, другими ведомствами, учреждениями и организациями, а также с общественностью. Следственный аппарат ОВД обеспечивал расследование большого количества преступлений, которые уголовным процессуальными нормами были отнесены к его подследственности. Высокие показатели раскрываемости в значительной степени обусловили изменение подследственности ряда уголовных дел. В середине 1970-х годов альтернативная подследственность была установлена для хозяйственных преступлений и преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Бурное развитие науки и техники оказало существенное влияние и на развитие экспертно-криминалистической службы. В 1977 г. на базе Центральной криминалистической лаборатории МВД СССР создана Центральная научно-исследовательская криминалистическая лаборатория (ЦНИКЛ) МВД СССР. Лаборатория проводила наиболее сложные и повторные экспертные исследования, а также оказывала научную и методическую помощь территориальным экспертно-криминалистическим подразделениям органов милиции. В 1981 г. на базе расформированного Оперативно-технического управления были Экспертно-криминалистическое управление, Управление связи и Техническое управление МВД СССР. В 1983 г. проведена реорганизация научных учреждений МВД, в результате которой была создана Научно-исследовательская лаборатория (НИЛ-6) ВНИИ МВД СССР. В ее состав были включены ЦНИКЛ МВД СССР, а также криминалистические, химические и физические отделы ВНИИ МВД СССР.

Для повышения престижа милицмейской службы значительно увеличивается уровень социальной защиты сотрудников – существенно повышается зарплата, вводятся надбавки за выслугу.

Для разработки и внедрения в работу подразделений новых достижений науки и техники создавались научно-технические советы (центры), а для обмена передовым опытом – методические советы (центры). Так, произошла организация патрульной службы по методике единой дислокации. Она предусматривала согласование расстановки патрулей и организацию службы между отдельными подразделениями милиции (охраны общественного порядка, ГАИ, ночной милиции и другими). Это позволило более рационально использовать ресурсы и при этом повышать эффективность охраны общественного порядка. Для реализации такой методики проведена реорганизация дежурных частей, на которые были возложены обязанности по координации и оперативному руководству нарядами, что были задействованы в единой дислокации. В 1976 году была введена методика ведения патрульной службы по принципу патрульных участков.

Важным направлением деятельности ОВД являлась профилактика преступности и предупреждение совершения преступлений. В марте 1974 г. в составе ГУ уголовного розыска МВД СССР, а также в составе союзных министерств, созданы Управления профилактической службы. Подразделения профилактической службы были образованы и в областных, городских и районных ОВД. Целью вновь

созданной службы была организация профилактической работы по предупреждению преступлений и других антиобщественных действий.

Службы профилактики включали в себя структурные подразделения (отделы, отделения, группы): общей профилактики, индивидуальной профилактики, руководства участковыми инспекторами и профилактики правонарушений несовершеннолетними [16, с.114]. Общие профилактические мероприятия были адресованы неопределенному кругу лиц и состояли в выявлении причин, условий и обстоятельств, способствующих совершению преступления. Индивидуальная профилактическая работа проводилась с лицами, склонными к совершению противоправных деяний (в том числе ведущих антиобщественный образ жизни).

Службы профилактики выявляли причины преступлений и условия, которые способствовали совершению преступлений, а также разрабатывали мероприятия, направленные на устранение или нейтрализация криминогенных факторов. Подготовленная информация направлялась в партийные и советские органы, администрациям предприятий, учреждений и организаций, общественные организации; выявляли и вели учет лиц, которые вели антиобщественный способ жизни и от которых, судя по характеру противоправного поведения, можно было ожидать совершение правонарушения.

Важным направлением деятельности службы профилактики можно считать содействие деятельности органов и организаций, которые осуществляют деятельность, направленную на профилактику правонарушений, в том числе трудовых коллективов и добровольных народных дружин.

В подчинение профилактической службе были переданы участковые инспекторы милиции, которые ранее находились в подчинении наружной службы милиции. Особое значение их деятельность имела для профилактики бытовых преступлений и правонарушений. Участковые инспекторы осуществляли профилактическую деятельность, первичные оперативные меры на закрепленных за ними территориях. На участковых также возлагалась обязанность организации профилактической работы с лицами, которые находились на учете в ОВД.

Для обеспечения реализации поставленных государством задач по профилактике преступности, милиции был предоставлен ряд прав. Сотрудники ОВД имели право требовать от граждан и должностных лиц соблюдения законности и общественного порядка. Для выявления противоправных деяний, милиция имела право проверять у граждан документы, а в случае необходимости – подвергать приводу лиц, которые систематически нарушают общественный порядок. При выявлении правонарушений, они имели право принимать необходимые меры к их пресечению. Милиции предоставили право составлять протоколы об админнарушениях, налагать штрафы и применять другие меры административного взыскания, передавать в товарищеские и народные суды, административные комиссии, а также общественным организациям и в трудовые коллективы.

Одной из проблем, с которой столкнулось советское государство в начале 1970-х годов, стала проблема увеличения количества потребляемого гражданами алкоголя. Этот фактор существенно влиял на уровень преступности, поскольку количество преступлений и правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, неуклонно увеличивалось [17, с. 109].

Для усиления борьбы с пьянством и алкоголизмом была разработана система

мероприятий, утвержденная в 1972 г. Совмином СССР [18]. Предписывалось сократить выпуск крепких спиртных напитков, увеличив производство пива, вина и безалкогольных напитков. Были также внесены изменения в правила торговли крепкими алкогольными напитками – значительно сокращалось количество магазинов, которые осуществляли торговлю алкоголем, полный запрет введен на их продажу вне специализированных магазинов, сократилось время продажи алкоголя (с 11 до 19 часов). Совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения признавалось обстоятельством, отягчающим ответственность.

Сокращение объема алкоголя, реализуемого через магазины, повлекло увеличение производства алкоголя в домашних условиях, а это привело к увеличению объема потребления. Помимо профилактики алкоголизма, введена система мер, направленных на лечение алкоголизма в наркологических отделениях больниц и в лечебно-трудовых профилакториях в принудительном порядке.

В 1974 г. Указом Президиума ВС РСФСР было введено принудительное лечение и трудовое воспитание хронических алкоголиков, а также утверждено Положение о лечебно-трудовых профилакториях для хронических алкоголиков [19].

В 1970-е годы изменялась и структура органов Госавтоинспекции. В 1974 г. в ее составе было создано регистрационно-экзаменационное подразделение, которое осуществляло выдачу водительских удостоверений, технических паспортов и номерных знаков, а также регистрацию и учет автотранспорта. Данное подразделение также регистрировало учебные заведения, которые занимались подготовкой водителей.

После утверждения в 1972 г. Совмином СССР Дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения, специалисты Госавтоинспекции стали привлекаться к разработке проектов конструкций автотранспортных средств. На них могли возлагаться технические задачи, связанные с повышением безопасности дорожного движения в процессе эксплуатации автотранспорта.

Для координации деятельности министерств, ведомств и других организаций по вопросам, связанным с безопасностью дорожного движения, при МВД СССР создана Комиссия по обеспечению безопасности дорожного движения [20]. Ее целью было изучение причин аварийности и выработка мер, направленных на повышение безопасности дорожного движения. В 1978 г. принято Положение о Госавтоинспекции МВД СССР [21]. Главная задача ГАИ МВД СССР в нем определена как совершенствование организации дорожного движения, обеспечение его безопасности и повышение эффективности автотранспортных средств.

Продолжилась работа по развитию системы добровольных народных дружин в УССР. В 1970-х годах задачи, которые ставились перед ДНД, стали более емкими, а их деятельность – более разнообразной и содержательной. Основные усилия народных дружин были направлены на поддержание общественного порядка, прекращение хулиганских действий, пьянства, других антиобщественных проявлений, борьбу с хищениями и правонарушениями несовершеннолетних [22, с. 21]. Для координации взаимодействия между органами милиции и общественностью, в 1974 г. в составе управления административной службы милиции создан специальный отдел по обеспечению взаимодействия с ДНД.

Принципиально изменился подход к назначению наказания. Как отмечал Н. А. Щелоков, упор должен быть сделан на его дальнейшую дифференциацию и

индивидуализацию наказания, расширение оснований для применения условного осуждения, условного и условно-досрочного освобождения от наказания [23, с. 3].

Сотрудники ОВД привлекались к исполнению интернационального долга на территории других стран. Например, 223 сотрудника донецкой милиции проходили службу в Республике Афганистан как советники афганской милиции, принимали непосредственное участие в проведении оперативных мероприятий [24, с. 389].

Углубление специализации осуществлялось и в отдельных подразделениях ОВД – создавались отделы по борьбе с имущественными преступлениями, с наркоманией, с групповой преступностью и другие (всего – 10 отделов).

В мае 1970 г. принято Положение о ГУ уголовного розыска МВД СССР. В период с 1972 по 1982 г. штат сотрудников уголовного розыска увеличился вдвое.

Для обеспечения мобильности подразделений милиции с начала 1970-х годов были созданы передвижные пункты милиции, в 1979 г. создавались строевые части и подразделения патрульно-постовой службы милиции.

В 1971 г., в связи с актуализацией охраны общественного порядка и борьбы с преступностью на объектах гражданской авиации, для охраны пассажирских самолетов на внутрисоюзных рейсах создана милиция на воздушном транспорте. Такие подразделения были объединены с органами милиции на железнодорожном и водном транспорте. В марте 1971 г. введен досмотр пассажиров. С 1978 г. досмотр стал проводиться как на внутренних, так и на международных линиях, помимо досмотра пассажиров стал также проводиться досмотр ручной клади и багажа.

В 1980 г. создана единая система ОВД на транспорте. Их деятельностью руководило ГУ ВД на транспорте МВД СССР. В его составе было создано специальное подразделение по борьбе с преступными посягательствами на грузы.

Подразделения милиции подчинялись вышестоящим ОВД, местным советам.

В 1970-х гг. провозглашено усиление борьбы с хозяйственными преступлениями. В стране наблюдался повсеместный рост нелегальных производств и теневой хозяйственности, сращивание неформальной хозяйственной деятельности, организованной преступности и коррумпированного партийно-государственного аппарата. Существенно увеличилось общее количество зарегистрированных преступлений в экономической сфере (за период с 1973 г. по 1983 г. – на 39 %). Происходило уменьшение количества зарегистрированных преступлений против личности, однако увеличивалось количество хозяйственных преступлений. За период с 1971 г. по 1985 г. количество хищений социалистической собственности в крупных и особо крупных размерах увеличилось в 5 раз [25, с. 39].

В 1975 г. Президиумом ВС СССР и Совмина СССР принят ряд актов, направленных на борьбу с хищениями и усиление охраны социалистической собственности. Широкое распространение получило проведение комплексных проверок сохранности социалистического имущества. Такие проверки могли быть как общесоюзные, так и региональные, и, как правило, проводились в отдельных отраслях народного хозяйства.

Особенностью хозяйственных преступлений 1970-х гг. стал рост случаев изготовления и сбыта неучтенной продукции в подпольных цехах. Категория «цеховики» – владельцы подпольных цехов и производств, поддерживали связи с некоторыми должностными лицами административных и хозяйственных органов. Тем самым они обеспечивали прикрытие для своей нелегальной деятельности.

Замедление социально-экономического и политического развития страны повлекло за собой рост преступности. В 1978 г. увеличилось количество таких преступлений, как умышленные убийства, причинение тяжких телесных повреждений, изнасилования, разбойные нападения, грабежи, кражи. Наибольший рост преступности произошел в Запорожской, Сумской, Ворошиловградской и Хмельницкой областях [26, с. 19].

Существенное влияние на деятельность МВД УССР оказал тот факт, что Киев стал одним из городов, которым было доверено проведение XXII Олимпийских игр. Подготовка к Олимпиаде-80 по линии МВД началась в 1978 г., когда на основании приказа министерства был создан Оперативный штаб МВД УССР «Олимпиада-80». В рамках подготовки был разработан комплекс специальных мер, направленных на усиление борьбы с преступностью, обеспечение общественного порядка, безопасности дорожного движения, пожарной безопасности. Руководство УВД Киевского горисполкома усилено. Увеличилось количество сотрудников службы виз и регистрации иностранцев, участковых инспекторов милиции и патрульно-постовой службы для обеспечения охраны общественного порядка в период подготовки и проведения Олимпийских игр.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что общественно-политические процессы, происходящие в СССР в начале 1970-х годов, характеризовались определенной демократизацией страны, декларированием полной и окончательной победы социализма и начала построения в стране коммунизма. Это положение было закреплено в Конституции СССР 1977 г. и Конституции УССР 1978 г. К решению государственных и общественных дел, политических и хозяйственных вопросов привлекались общественные организации, профессиональные союзы, комсомольские организации. Негативными явлениями, происходящими в обществе в этот период, можно считать зарождение в отдельных республиках сепаратистских движений. Государство боролось с проявлениями сепаратизма и межнациональной розни, однако проводимых мер оказалось недостаточно, и в дальнейшем это повлекло за собой развал страны.

Проведенное исследование дает основание утверждать, что в 1970-е – начале 1980-х годов произошел ряд качественных изменений, которые повысили эффективность правоохранительной деятельности советской милиции. Меры, которые прошли в ходе централизации управления ОВД дел во второй половине 1960-х годов и дали положительные результаты, были продолжены – изменились общие принципы организации руководства органами милиции, которые строились на научной и аналитической основе. Возрос престиж милицмейской службы и авторитет сотрудников среди населения. Значительно улучшилось материальное и социальное обеспечение сотрудников, увеличилось количество учебных заведений, которые готовили специалистов для ОВД. В правоохранительной деятельности стали широко использоваться достижения науки, техники. К началу 1980-х годов в СССР сформировалась достаточная правовая база, которая обеспечивала организацию деятельности подразделений милиции и регламентировала ее основные направления. В условиях централизации управления ОВД, нормативные акты, которые принимались в УССР были основаны на нормах союзного законодательства и, как правило, дублировали его содержание. В связи с этим можно утверждать, что статус советской милиции на территории СССР в

исследуемый период был единым для всех союзных республик. В первой половине 1970-х годов произошло реформирование структуры и штатов МВД УССР. На основе реорганизованного ГУ милиции созданы новые службы и подразделения – аппараты дознания и следствия, штабы, службы профилактики и другие.

Замедление социально-экономического и политического развития страны повлияло на процесс создания подразделений и отделов, которые специализировались на предупреждении и пресечении отдельных видов противоправных деяний. В 1970-х годах происходил процесс сращивания общеуголовной преступности и теневой экономики, что повлекло за собой создание деформированных социально-экономических отношений. Возможность получить доходы незаконным путем привлекала к участию в таких незаконных схемах часть партийно-государственных чиновников. В результате ранее редкие случаи коррупционных деяний приобрели массовый характер. К концу 1970-х годов перед правоохранительными органами была поставлена более реальная задача – борьба с нарушениями общественного порядка и снижение статистических показателей уровня правонарушений.

Список литературы:

1. Программа Коммунистической партии Советского Союза. – Москва : Политиздат, 1962. – 118 с.
2. История советской милиции : в 2 т. – Т. 2. Советская милиция в период социализма (1936–1977 гг.) / под. ред. Н. А. Щелокова; Акад. МВД СССР. – Москва, 1977. – 338 с. – Текст : непосредственный.
3. Архив МВД ДНР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 20. Т. 1. 1971 г. Л. 210-212. – Текст : непосредственный.
4. Брежнев М. А. Министр Щелоков / М. А. Брежнев, А. В. Науменко. – Москва, 2011. – 544 с.
5. Положение о Министерстве внутренних дел СССР Совета Министров СССР Постановление Совета Министров СССР № 452 от 16 июня 1972 года // Библиотека нормативных актов Союза Советских Социалистических Республик. – URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7828.htm (дата обращения: 26.07.2024). – Текст : электронный.
6. Про затвердження Положення про Міністерство внутрішніх справ Української РСР : Постанова Ради Міністрів Української РСР № 425 від 8 вересня 1972 р. // Звід законів Української РСР. – Т. 8. – Київ : Політвидав України, 1982. – С. 349-355. – Текст : непосредственный.
7. Положение о советской милиции: Постановление Совета Министров СССР № 385 от 8 июня 1973 года // Библиотека нормативных актов Союза Советских Социалистических Республик. – URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8094.htm (дата обращения: 26.07.2024). – Текст : электронный.
8. Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1973. – № 24. – Ст. 309. – Текст : непосредственный.
9. Положення про управління внутрішніх справ виконавчого комітету обласної Ради депутатів трудящих : затверджене постановою Ради Міністрів Української РСР від 19 липня 1974 р. № 380 // Звід законів Української РСР. – Т. 8. – К. : Політвидав України, 1982. – С. 355-361.
10. Положення про відділ внутрішніх справ виконавчого комітету районної Ради депутатів трудящих : Постанова Ради Міністрів Української РСР від 19 липня 1974 р. № 380 // Звід законів Української РСР. – Т. 8. – Київ : Політвидав України, 1982. – С. 361-364. – Текст : непосредственный.
11. Миліція України: історичний нарис, портрети, події / за заг. ред. Ю.О. Смирнова; кол. авт. : Ю. О. Смирнов, П. П. Михайленко, О. Д. Святоцький, М. І. Ануфрієв. – Київ : Видавничий дім «Ін Юре», 2002. – 798 с. – Текст : непосредственный.
12. Чекалин К. С. Контроль деятельности советской милиции. – Москва : ВНИИ МВД СССР, 1976. – 84 с. – Текст : непосредственный.
13. История советской милиции : в 2 т. – Т. 2. Советская милиция в период социализма (1936–1977 гг.) / под. ред. Н. А. Щелокова; Акад. МВД СССР. – Москва, 1977. – 338 с. – Текст : непосредственный.
14. На службі народу: становлення та розвиток слідчого апарату органів внутрішніх справ України. – Київ: ВПЦ при МВС України, 2008. – 200 с. – Текст : непосредственный.
15. Положение о Следственном управлении МВД УССР : Приложение к приказу министра внутренних дел Украинской ССР № 128 от 5 августа 1974 г. // Михайленко П. П., Кондратьев Я. Ю. Історія міліції України у документах і матеріалах: У 3-х т. Київ: Генеза. 2000. Т.3: 1946-1990. – С. 160-162.
16. Миліція України: історичний нарис, портрети, події / за заг. ред. Ю.О. Смирнова; кол. авт. : Ю.О. Смирнов, П.П. Михайленко, О.Д. Святоцький, М.І. Ануфрієв. – Київ : Видавничий дім «Ін Юре», 2002. – 888 с. – Текст : непосредственный.

17. Крушанова Л. А. Историко-правовой аспект становления антиалкогольного регулирования в СССР: от идеи до законодательства // История права (Lex Russica). – 2022. – август. – Том 75. – № 8 (189). – С.109-117. – Текст : непосредственный.
18. О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма: Постановление Совета Министров СССР № 361 от 16 мая 1972 года // Библиотека нормативных актов Союза Советских Социалистических Республик. – URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8094.htm_(дата обращения: 26.07.2024). – Текст : электронный.
19. О принудительном лечении и трудовом перевоспитании хронических алкоголиков: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 марта 1974 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1974. – № 10. – Ст. 287. – Текст : непосредственный.
20. О мерах по предупреждению дорожно-транспортных происшествий и снижению тяжести их последствий: Постановление Совета Министров СССР № 81 от 2 февраля 1976 года // Безопасность дорожного движения: Сборник нормативных актов. – Москва, 1984. – С. 276.
21. Положение о Госавтоинспекции МВД СССР: Постановление Совета Министров СССР № 685 от 10 августа 1978 года // Собрание постановлений Правительства СССР. – 1978. – № 20. – Ст. 124. – Текст : непосредственный.
22. Бандурка О. М., Джафарова О. В. Міліція і населення: теорія і досвід партнерства: Монографія. – Текст : Харків: Вид-во Нац. ун-ту внутр. справ, 2004. – 199 с. – Текст : непосредственный.
23. Щелоков Н. А. По законам гуманизма // Советская милиция. – 1977. – № 7. – С. 3-7.
24. История Донецкой милиции 1917-2000 / Малышев В. С., Бесчастный В. Н., Кириченко Л. Д. и др. – Донецк, Юрпресс, 2000. – 470 с. – Текст : непосредственный.
25. Богданов С. В. Хозяйственно-корыстная преступность в СССР 1945-1990 гг. факторы воспроизводства, основные показатели, особенности государственного противодействия: автореферат дисс. спец. 07.00.02 – отечественная история. Курск, 2010. – 51 с. – Текст : непосредственный.
26. Михайленко П. П., Кондратьев Я. Ю. Історія міліції України у документах і матеріалах: У 3-х т. Київ: Генеза. 2000. Т.3: 1946-1990. – 616 с. – Текст : непосредственный.

Groshevaia V.K. Organizational and legal bases of activity of the Soviet militia on the territory of the USSR in the 1970s - early 1980s // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – Р. 42–58.

В статье проанализированы особенности правоохранительной деятельности органов милиции Украинской ССР в условиях замедления социально-экономического и политического развития страны в 1970-е – начале 1980-х годов, а также влияние проводимых в государстве реформ на организацию работы органов милиции. В ходе проведенного исследования проанализированы нормативные акты 1970-х – начала 1980-х годов, регулирующие правовой статус органов милиции, а также работы ученых и практиков, посвященные проблемам функционирования органов внутренних дел. Исследование материала осуществлено на основе общенаучных способов и приемов познания эмпирического материала, путем анализа, синтеза, моделирования, сравнения, абстрагирования, с использованием формально-логического подхода, частно-научных и специально-юридических методов. Отмечено, что в условиях централизации управления органами внутренних дел, нормативные акты, которые принимались уполномоченными органами Украинской ССР были основаны на нормах союзного законодательства и, как правило, дублировали его содержание, в связи с чем статус советской милиции на территории Советского Союза в исследуемый период был единым для всех союзных республик. Рассматривая генезис правового регулирования статуса органов советской милиции в 1970-е – начале 1980-х годов, автором сделан вывод о взаимосвязи между социально-экономическими и политическими условиями существования государства и общества и организацией правоохранительной деятельности в стране.

Keywords: милиция; правоохранительная деятельность; преступность; общественный порядок; законность.

Spisok literatury:

1. Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz. – Moskva : Politizdat, 1962. – 118 s.
2. Istoriya sovetskoy milicii : v 2 t. – Т. 2. Sovetskaya miliciya v period socializma (1936-1977 gg.) / pod. red. N. A. Shchelokova; Akademiya MVD SSSR. – Moskva, 1977. – 338 s. – Текст : neposredstvennyj.
3. Arhiv MVD DNR. F. 23. Op. 1. D. 20. T. 1. 1971 g. L. 210-212. – Текст : neposredstvennyj.
4. Brezhnev M. A. Ministr Shchelokov / M. A. Brezhnev, A. V. Naumenko. – Moskva, 2011. – 544 s.
5. Polozhenie o Ministerstve vnutrennih del SSSR Soveta Ministrov SSSR Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR № 452 ot 16 iyunya 1972 goda // Biblioteka normativnyh aktov Soyuz. Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik. – URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7828.htm (data obrashcheniya: 26.07.2024).
6. Pro zatverdzhennyya Polozhennyya pro Ministerstvo vnutrishnih sprav Ukraïns'koi RSR : Postanova Rady Ministriv Ukrayinskoi RSR № 425 vid 8 veresnya 1972 r. // Zvid zakoniv Ukrayinskoi RSR. – Т. 8. – Kyiv : Politvidav Ukrayiny, 1982. – S. 349-355. – Текст : neposredstvennyj.
7. Polozhenie o sovetskoy milicii: Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR № 385 ot 8 iyunya 1973 goda // Bib-

- lioteka normativnyh aktov Soyuzu Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik. – URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8094.htm (data obrashcheniya: 26.07.2024). – Tekst : elektronnyj.
8. Ob osnovnyh obyazannostyah i pravah sovetskoj milicii po ohrane obshchestvennogo poriadka i bor'be s prestupnost'yu: Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 8 iyunya 1973 g. // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. – 1973. – № 24. – St. 309. – Tekst : neposredstvennyj.
9. Polozhennya pro upravlinnya vnutrishnih sprav vikonavchogo komitetu oblasnoï Rady deputativ trudyashchih : zatverdzhene postanovoyu Rady Ministriv Ukrayinskoï RSR vid 19 lipnya 1974 r. № 380 // Zvid zakoniv Ukrayins'koï RSR. – T. 8. – K. : Polityvdav Ukrayiny, 1982. – S. 355-361. – Tekst : neposredstvennyj.
10. Polozhennya pro viddil vnutrishnih sprav vikonavchogo komitetu rajonnoï Radi deputativ trudyashchih : Postanova Radi Ministriv Ukraïns'koyi RSR vid 19 lipnya 1974 r. № 380 // Zvid zakoniv Ukraïns'koï RSR. – T. 8. – Kyiv : Polityvdav Ukraïni, 1982. – S. 361-364. – Tekst : neposredstvennyj.
11. Miliciya Ukraïny: istorichnij naris, portreti, podiï / za zag. red. Yu.O. Smirnova; kol. avt. : Yu. O. Smirnov, P. P. Mihajlenko, O. D. Svyatoc'kij, M. I. Anufriev. Kyiv : Vidavnychij dim «In Yure», 2002. 798 s.
12. Chekalin K. S. Kontrol' deyatel'nosti sovetskoj milicii. – Moskva : VNII MVD SSSR, 1976. – 84 s. – Tekst : neposredstvennyj.
13. Istoriya sovetskoj milicii : v 2 t. – T. 2. Sovetskaya miliciya v period socializma (1936–1977 gg.) / pod. red. N. A. Shchelokova; Akad. MVD SSSR. – Moskva, 1977. – 338 s. – Tekst : neposredstvennyj.
14. Na sluzhbi narodu: stanovlennya ta rozvytok slidchogo aparatu organiv vnutrishnih sprav Ukrayiny. – Kyiv: VPC pri MVS Ukraïni, 2008. – 200 s. – Tekst : neposredstvennyj.
15. Polozhenie o Sledstvennom upravlennii MVD USSR : Prilozhenie k prikazu ministra vnutrennih del Ukraïnskoj SSR № 128 ot 5 avgusta 1974 g. // Mihajlenko P. P., Kondrat'ev Ya. Yu. Istoriya milicii Ukraïni u dokumentah i materialah: U 3-h t. Kiïv: Geneza. 2000. T.3: 1946-1990. – S. 160-162.
16. Miliciya Ukrayiny: istorichnij naris, portreti, podiï / za zag. red. Yu.O. Smirnova; kol. avt. : Yu.O. Smirnov, P.P. Mihajlenko, O.D. Svyatockij, M.I. Anufriev. – Kyiv : Vidavnychij dim «In Yure», 2002. 888 s.
17. Krushanova L. A. Istoriko-pravovoj aspekt stanovleniya antialkogol'nogo regulirovaniya v SSSR: ot idei do zakonodatel'stva // Istoriya prava (Lex Russica). – 2022. – avgust. – Tom 75. – № 8 (189). – S. 109-117.
18. O merah po usileniyu bor'by protiv p'yanstva i alkogolizma: Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR № 361 ot 16 maya 1972 goda // Biblioteka normativnyh aktov Soyuzu Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik. – URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8094.htm (data obrashcheniya: 26.07.2024). – Tekst : elektronnyj.
19. O prinuditel'nom lechenii i trudovom perevospitanii hronicheskikh alkogolikov: Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta RSFSR ot 1 marta 1974 goda // Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR. – 1974. № 10. St. 287.
20. O merah po preduprezhdeniyu dorozhno-transportnyh proissheshtvij i snizheniyu tyazhesti ih posledstvij: Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR № 81 ot 2 fevralya 1976 goda // Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya: Sbornik normativnyh aktov. – Moskva, 1984. – S. 276. – Tekst : neposredstvennyj.
21. Polozhenie o Gosavtoinspekcii MVD SSSR: Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR № 685 ot 10 avgusta 1978 goda // Sobranie postanovlenij Pravitel'stva SSSR. – 1978. – № 20. – St. 124.
22. Bandurka O. M., Dzhafarova O. V. Miliciya i naselennya: teoriya i dosvid partnerstva: Monografiya. – Tekst : Harkiv: Vydavnistvo Natsionalnogo universitetu vnutrishnih sprav, 2004. – 199 s. – Tekst : neposredstvennyj.
23. Shchelokov N. A. Po zakonam gumanizma // Sovetskaya miliciya. – 1977. – № 7. – S. 3-7.
24. Istoriya Doneckoj milicii 1917-2000 / Malyshev V. S., Beschastnyj V. N., Kirichenko L. D. i dr. – Doneck, Yurpress, 2000. – 470 s.
25. Bogdanov S. V. Hozyajstvenno-korystnaya prestupnost' v SSSR 1945-1990 gg. faktory vosproizvodstva, osnovnye pokazateli, osobennosti gosudarstvennogo protivodejstviya: avtoreferat dissertatsyi spec. 07.00.02 – otechestvennaya istoriya. Kursk, 2010. – 51 s.
26. Mihajlenko P. P., Kondratyev Ya. Yu. Istoriya milicii Ukrayiny u dokumentah i materialah: U 3-h t. Kyiv: Geneza. 2000. T.3: 1946-1990. – 616 s.

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ НАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ИМПЕРИЙ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Данилов И. Б.

Сибирский государственный университет геосистем и технологий

В статье исследуется эволюция концепции нации в процессе формирования и генезиса империй в конце XVIII – начале XX вв. Анализируется содержание основных понятий, таких как «нация», «этнос», «народ», «народность», подчеркивается их тождественность в рамках обыденной речи. Вместе с тем, отмечается, что в научном обороте синонимизация данных понятий недопустима. Проводится разграничение их значения применительно к правовой науке. Исследуется возникновение и развитие концепции нации в процессе государственного строительства. Делается вывод о том, что до начала XIX в. эта концепция была размыта и не имела большого значения для юридической науки и государственно-правовой практики. Начиная же с XIX в. наблюдается консолидация общества вокруг идей национальной субъектности и первичности нации как актора государственного строительства. Присоединяя к себе новые этносы, империя неизбежно сталкивается с решением вопросов о способе, характере и форме интеграции существующей там управленческой системы в единый имперский властный каркас, определения объема прав местных органов власти, а также механизмов кооптации местных элит в общеимперскую. Делается вывод о необходимости индивидуального решения данных вопросов исходя из особенностей конкретных народностей.

Ключевые слова: нация, этнос, народ, народность, политическая нация, этническая нация, империя, имперский фактор, национальное строительство.

Согласно общепринятому научному подходу многонациональность является одним из ключевых признаков имперских государств, обуславливающих их своеобразие и предопределяющих особые вызовы, стоящие перед ними. Именно этот фактор определяет критическую важность эффективной организации системы управления территориями в составе государства, характеризующимися различным уровнем экономического, политического развития, а также своеобразием культуры, образа жизни населения и традиций. Указанное обстоятельство напрямую обуславливается самобытностью народностей. В контексте сказанного при проведении историко-правовых исследований большое значение имеет разграничение ряда понятий, используемых при описании этнического состава империй. Такими понятиями являются «нация», «этнос», «народ» и «народность».

В современной общей трактовке эти понятия иногда смешиваются. Так, например, в словаре Ожегова «народ» в узком смысле определяется как «нация, национальность или народность» [1, с. 391]. Похожим образом и Советский энциклопедический словарь указывает на то, что «народ» представляет собой, в том числе, «различные формы исторических общностей (племя, народность, нация)» [2, с. 861]. Подобные традиции прослеживались и в дореволюционной России. Толковый словарь Даля определяет нацию как «народ, в обширном значении, язык, племя, колена», а «национальный» – «народный или народу свойственный» [3, с. 1080].

Не отличается особым лексическим значением и термин «этнос». В общепотребимом смысле он зачастую отождествляется с приведенными выше понятиями «народ» и «нация». Так, например, Ожегов фиксирует, что «этнос, м. (спец.). Исторически сложившаяся этническая общность — племя, народность, нация» [1, с. 914]. Как можно заметить, все три категории в словаре представляются в одном ряду, что подчеркивает их синонимичность. Вместе с тем, в юридической науке ши-

роко представлены взгляды, согласно которым объединять названные понятия в контексте исследования государственно-правовых явлений и процессов категорически неправильно. Как отмечает известный специалист Н. И. Красняков, «в современном понимании нация – это совокупность граждан, которые вне зависимости от своей религиозной, этнической или расовой принадлежности обладают равными политическими, гражданскими, экономическими и социальными правами и избирают свое правительство» [4, с. 65]. В предложенной трактовке обращает на себя внимание именно превознесение формально-юридического аспекта нации. Последняя, таким образом может органично включать в себя несколько этносов (понимаемых исключительно как социокультурные, исторические общности). Основным признаком нации является именно политическое и юридическое равенство граждан различной этнической принадлежности в правовом пространстве единого государства.

Примечательно, что истоки подобных идей можно обнаружить в идеологии Великой Французской революции. Согласно трактовке одного из ее ведущих деятелей нация представляет собой «общество людей, живущих под общим законом и представленных одним законодательным учреждением» [5, с. 21]. Некорректным представляется также и признание абсолютной тождественности понятий «нация» и «народ». В. А. Тишков, не отрицая общую подобность приведенных категорий, указывает на более строгий, формализованный и политический характер термина «нация». Народ же чаще ассоциируется с обыденным согражданством, населением страны. Таким образом, понятие «народ» можно свести к государственному территориальному сообществу граждан. При этом понятие «народность» соответствует более естественно сложившейся общности «этнос», и в отношении нее можно в перспективе предусматривать формирование национальной идентичности. В завершение ученый констатирует, что нации возникают не в тот момент, когда формируется некая социально-культурная и языковая гомогенность, нация есть продукт идеологии национализма, причем идея должна распространиться на массовом уровне, – такой подход является господствующим в мировой науке [6, с. 558, 574].

Необходимо особенно отметить, что смысловое наполнение и политико-правовое значение исследуемых категорий также эволюционировали с течением времени. Так, до начала XIX в. концепция нации была размыта в государственной, территориальной, религиозной и культурной идентичности. Право нации на самоопределение рассматривалось как модификация прав человека, и в этом смысле как несоотнесимое к этническим интересам право [7, с. 100]. Социальная стратификация общества традиционно основывалась на его сословной структуре, что было обусловлено основополагающим значением данного института для организации государственной власти и бюрократизации процессов управления. Сословная идентичность, таким образом, полностью заменяла национальную идентичность.

Аналогичным образом понятие нации было представлено и в научном обороте. По замечанию Э. Хобсбаума, слово *nation* до 1884 г. обозначало попросту «совокупность жителей страны, провинции или королевства» [8, с. 26].

Консолидация общества вокруг идей национальной субъектности и первичности нации как актора государственного строительства происходит в начале XIX в., что дает основания для именованного данного столетия в Европе «веком наций». Как отмечает ряд исследователей, формирование национального самосознания народов было во многом связано с возникновением и эволюцией империй. Нация по своей

природе представляет собой итог и результат длительной идейно-просветительской борьбы экономически развитой этнической общности, что в конечном итоге дает ей возможность выступать в качестве политической единицы империи и актора имперского строительства. Именно в составе империи нация обретает субъектность и способность быть демократической, преобразующей силой в постстабильный период эволюции идеологии империи. В иных же условиях она не особенно востребована и себя проявляет включенной в иные социальные группы [9, с. 14].

Развиваясь в контексте эволюции имперской идеологии, нация, как социально-политический конструкт, в значительной степени обособляется от иных социальных групп, формируя, по сути, конкурирующую систему социальной стратификации. Именно нация становится сосредоточением представлений подданных о собственном единстве. С одной стороны, этот фактор выступает движущей силой развития империи, но с другой стороны, представляет для нее известную опасность. Тенденции к отделению и «освобождению» наций неизбежно набирают силу, угрожая стабильности государственного порядка и территориальной целостности имперских государств. Именно поэтому в XIX в. возникают идеи дестабилизирующего фактора многонациональности и идеалы этнически монолитного государства. В науке справедливо отмечается, что этот идеал в следствие развернувшихся революций и войн «принес много пагубного для истории человечества» [10, с. 18]. Анализируя дальнейший генезис категории «империя» в политико-правовой практике и юридической доктрине, можно констатировать историческую несостоятельность подобного взгляда на сущность имперского государства.

Концептуальное осмысление империи с середины XIX века идет по пути признания ее неизбежной многонациональности и дифференциации подходов к характеру властных отношений между центром и регионами в рамках решения национального вопроса. Появляются и развиваются взгляды на государство как на форму организации жизни наций, отражающую наиболее оптимальный способ удовлетворения их потребностей. Следует отметить, что в России во второй половине XIX века доминировали именно подобные представления. Государство рассматривалось как «средство охранения и укрепления народности» [11, с. 43].

Вместе с тем, в контексте исследования империй, отмечается, что любая нация в составе империи формализуется посредством ее бюрократического аппарата, поскольку в процессе присоединения новых территорий именно он является объектом интеграции в единый механизм имперского государства. Нация, таким образом, представляется не как исключительно социокультурная общность, а как особым образом организованная система властных отношений в пределах территории, населенной определенным этносом. Государство же на поздних этапах развития империй предстает в первую очередь как политическое сообщество и единый бюрократический аппарат, а не как форма организации жизни сообщества народностей. Именно это, по мнению известных исследователей, дает империи возможность реализовывать свой потенциал по присоединению новых территорий к собственной цивилизации, как к более развитой, способной донести другим народам ценность государственно-правового бытия [9, с. 17]. Поздние научные представления о сущности наций в составе единого имперского государства, таким образом, основываются не на признании самоценности нации и ее основополагающем характере как главной движущей силы развития государства, а на восприятии нации как своеобразного носителя тра-

диций в организации управления в пределах определенных территорий. Включая нацию в свой состав, империи надлежало решить вопрос о способе, характере и форме интеграции существующей там управленческой системы в единый имперский властный каркас. Такое решение не могло быть универсальными и каждый раз было индивидуализировано применительно к конкретным историко-политическим условиям и особенностям народности. Именно в силу этой причины в империях появлялись совершенно разные формы национальных автономий с уникальными конфигурациями властной конструкции «центр-регионы», объемом прав местных органов власти, а также механизмами кооптации местных элит в общеимперскую.

Кроме того, значительно отличались друг от друга в указанном аспекте и сами империи. В науке справедливо отмечается, что история знает разные типы отношений между империями и входящими в них этническими общностями. Были империи, навязывающие своим подданным культуру носителей власти; в других – победители принимали культуру побежденных; функционировали империи, старавшиеся из уважения к чужим обычаям не посягать даже на откровенно варварские местные пережитки, но неизменным в таком политико-территориальном устройстве остается одно: сосуществование представителей многих этносов в единой системе власти и закона [4, с. 62].

Исследуя понятие и значение нации в контексте государственного строительства, нельзя не остановиться также на типологии наций, основывающейся на их разделении на этнические и политические нации. Если этническая нация представляет собой социокультурную группу, основанную, главным образом, на представлении об общности происхождения и истории, то политическая нация есть отражение восприятия граждан государства себя как единого целого, носителей равных и общих прав и обязанностей во взаимоотношениях с государством. Политическая нация является значительно более юридически формализованным понятием, т.к. отражает принцип юридического равноправия и свободы. Политическая нация – это заведомо открытое политическое сообщество граждан, принадлежность к которому определяется не этническим или расовым фактором, а свободой воли людей в самоидентификации. Принадлежность граждан к политической нации выражается в их стремлении к обретению или сохранению государственности, что не всегда свойственно для этнической нации. В настоящее время в мире насчитывается значительное количество этносов, не обладающих запросом на собственную государственность, и включенных в единую политическую нацию, что является абсолютно естественным.

Таким образом, роль и значение концепции нации в процессе государственного строительства империй, начиная с XIX в. становятся необычайно велики. Эволюционное развитие идеи нации как основы государственного устройства и главного субъекта имперского строительства привело, во многом, к абсолютизации соответствующего положения и в процессе организации советской федерации. Опираясь на национальное самосознание народов, как на источник поддержки революции, Ленин провозглашает идеи этнонационализма и концентрирует их в прогрессивном принципе равноправия народов и самоопределения народов и наций. Указанный принцип стал в дальнейшем основой для формирования нового государства и определения вектора его национальной политики на долгое время.

Список литературы:

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических

- выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. - 4-е изд., дополненное. - М., 2006. - 944 с.
2. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. - 4-е изд. - М., 1988. - 1600 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Часть вторая. II. И-О. М., 1863. - 1351 с.
4. Красняков Н. И. Российская империя: опыт управления национальными регионами (середина XVII – начало XX в.) моногр. / Н. И. Красняков. — Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2023. - 460 с.
5. Аббат Сиейс: От Бурбонов к Бонапарту / Сост. и пер. с фр. П. Певзнер. М.: Алетея, 2003. - 222 с.
6. Тишков В.А. Российская нация и ее критики//Национализм в мировой истории/под ред. В.А. Тишкова, В.А.Шнирельмана;Ин-т этнологиииантропологииим.Н.Н.Миклухо-МаклаяРАН.М.,2007
7. Филиппова Н. Национально-культурная автономия в России: историко-политический контекст и перспективы реализации // Федерализм и децентрализация / Под ред. А.В. Гайды, В.Н. Руденко. - Екатеринбург: УрО РАН, 1998. - 416 с.
8. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А. А. Васильева. СПб., 1998. 305 с.
9. Красняков Н.И. Империя как политико-юридический элемент государственности // Проблемы истории общества, государства и права. Сборник научных трудов Всероссийской заочной научной конференции. Том Выпуск 12. Глав. редактор А.С. Смыкалин. Екатеринбург, 2021. - С. 6-21.
10. Каппелер А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // Ab Imperio. – 2000. – № 1. – С. 15-32.
11. Градовский А.Д. Национальный вопрос. – СПб.: [б. и.], 1877. – 635 с.

Development of the concept of nation in the context of state building of empires at the end of the 18th – beginning of the 20th centuries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 59 – 63.

The article examines the evolution of the concept of nation in the process of formation and genesis of empires in the late 18th – early 20th centuries. The content of such basic concepts as "nation", "ethnos", "people", "nationality" is analyzed, their identity in everyday speech is emphasized. At the same time, it is noted that in scientific circulation synonymization of these concepts is unacceptable. A distinction is made between their meanings in relation to legal science. The emergence and development of the concept of nation in the process of state building is examined. It is concluded that before the beginning of the 19th century this concept was blurred and did not have much significance for legal science and state and legal practice. Beginning in the 19th century, there has been a consolidation of society around the ideas of national subjectivity and the primacy of the nation as an actor in state building. By incorporating new ethnic groups, the empire inevitably faces the solution of questions about the method, nature and form of integrating the existing administrative system into a single imperial power framework, determining the scope of rights of local authorities, as well as mechanisms for co-opting local elites into the general imperial one. A conclusion is made about the need for an individual solution to these issues based on the characteristics of specific nationalities.

Keywords: nation, ethnic group, people, nationality, political nation, ethnic nation, empire, imperial factor, national construction.

Spisok literaturey:

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij / Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. - 4-e izd., dopolnennoe. - М., 2006. - 944 с.
2. Sovetskij enciklopedicheskij slovar' / Gl. red. A. M. Prohorov. - 4-e izd. - М., 1988. - 1600 с.
3. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivago velikoruskago yazyka. Chast' vtoraya. II. I–O. М., 1863. - 1351 с.
4. Krasnyakov N. I. Rossijskaya imperiya: opyt upravleniya nacional'nymi regionami (seredina XVII – nachalo XX v.) monogr. / N. I. Krasnyakov. — Novosibirsk : IPC NGU, 2023. - 460 с.
5. Abbat Siejs: Ot Burbonov k Bonapartu / Sost. i per. s fr. P. Pevzner. М.: Aleteya, 2003. - 222 с.
6. Tishkov V. A. Rossijskaya naciya i ee kritiki // Nacionalizm v mirovoj istorii / pod red. V. A. Tishkova, V. A. Shnirel'mana; In-t etnologii i antropologii im. N. N. Mikluho-Maklaya RAN. М., 2007. - 601 с.
7. Filippova N. Nacional'no-kul'turnaya avtonomiya v Rossii: istoriko-politicheskij kontekst i perspektivy realizacii//Federalizm i decentralizaciya/Pod red. A.V. Gajdy, V.N. Rudenko. Ekaterinburg: UrO RAN, 1998.
8. Hobsbaum E. Nacii i nacionalizm posle 1780 goda / per. s angl. A. A. Vasil'eva. SPb., 1998. - 305 с.
9. Krasnyakov N.I. Imperiya kak politiko-yuridicheskij element gosudarstvennosti // Problemy istorii obshchestva, gosudarstva i prava. Sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoj zaochnoj nauchnoj konferencii. Tom Vypusk 12. Glav. redaktor A.S. Smykalin. Ekaterinburg, 2021. - S. 6-21.
10. Kappeler A. «Rossiya – mnogonacional'naya imperiya»: nekotorye razmyshleniya vosem' let spustya posle publikacii knigi // Ab Imperio. – 2000. – № 1. – S. 15-32.
11. Gradovskij A.D. Nacional'nyj vopros. – SPb.: [b. i.], 1877. – 635 с.

УДК 342.7

**КОНТУРЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В КОНТЕКСТЕ ДОКУМЕНТОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Дейнеко А. Г.

НИУ «Высшая школа экономики»

Наряду с развитием информационных технологий влияние на развитие информационного законодательства в нашей стране оказывают документы стратегического развития. Первые подобные документы появились в России в начале 1990-х, импульс развитию данного института придали «майские указы» Президента Российской Федерации 2012 года и последующие за ними национальные проекты. Стратегические задачи развития страны на период 2024-2036 годов закреплены в новом «майском указе», который подробно анализируется в данной статье. При анализе целевых показателей, связанных с цифровой трансформацией государственного и муниципального управления обращает на себя внимание индикатор формирования «рынка данных». Его буквальное толкование может изменить правовую парадигму защиты персональных данных граждан. Кроме того, влияние информационных технологий не исчерпывается национальной целью «цифровая трансформация», а пронизывает все национальные цели развития. Таким образом, развитие информационного законодательства должно осуществляться с учётом национальных целей и задач, поставленных руководством страны, а также на основании конституционного принципа обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных.

Ключевые слова. Информационное право, национальные цели развития, права человека, национальный суверенитет, цифровая трансформация, «майские указы», информатизация, национальные проекты, документы стратегического развития, информационное общество.

Формирование института документов стратегического развития

Анализ национальных целей и задач развития нашей страны на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. необходимо предварить кратким обращением к истории принятия документов стратегического развития, оказавших влияние на развитие информационного права в России.

Первые попытки сформировать концептуальную основу для развития процессов информатизации предпринимались еще в период начала формирования правовой системы нашей страны. Так, в 1993 г. первым Президентом Российской Федерации *Б.Н. Ельциным* была утверждена Концепция правовой информатизации России [1], в этот же период коллективы учёных публиковали концепции, определяющие принципы применения информационных технологий в различных сферах общественной жизни, например, в системе высшего образования [2]. В конце прошлого столетия экспертами в области права и информационных технологий были также подготовлены проекты стратегических документов, определяющих основные направления государственной информационной политики нашей страны и процессов формирования информационного общества [3], однако дальше одобрения отдельными органами законодательной и исполнительной власти эти документы не продвинулись.

Названные документы характеризовались в целом, оптимистичным отношением к процессам внедрения информационных технологий в различные сферы общественной жизни, в то время как риски и угрозы для прав и свобод граждан, государственного суверенитета и общественной безопасности в них, как правило, не упоминались. Вместе с тем, Концепция правовой информатизации России содержала

тезис, актуальность которого в современных условиях даже возросла: «любая монополизация информации рано или поздно выльется в злоупотребления, начиная с сокрытия информации и кончая её незаконным обнародованием» [4].

В 2000-х годах одним из магистральных направлений развития информационных технологий в сфере государственного управления стала концепция «электронного правительства», соответствующий программный документ был утверждён распоряжением Правительства Российской Федерации в 2008 г. [5]. Критикуя данный документ, П.У. Кузнецов приходит к выводу, что «из буквального прочтения этого документа, а также всех последующих документов по её реализации, невозможно вывести сколько-нибудь определённые средства, при помощи которых должны достигаться поставленные цели» [6]. На нынешнем этапе развития российской государственности концепт «электронного правительства» постепенно отходит на второй план, но А.В. Минбалева справедливо отмечает, что и современные концепты «государства как [цифровой] платформы» являются по своей сути лишь «новым названием старых концепций электронного (цифрового) государства» [7].

Наряду с этим в указанный период предпринимались попытки внедрения обширных баз данных, содержащие персональные данные граждан нашей страны в целях оптимизации процессов государственного управления [8]. Несмотря на ряд технологических и правовых сложностей, с которыми столкнулась идея о создании всеобъемлющих реестров информации о населении, она сохраняет свою актуальность и в наши дни. Об этом в частности, свидетельствует принятый в 2020 г. Федеральный закон «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» [9]. В то же время, соотношение функционала данного реестра с основными личными правами и свободами граждан во многом, остаётся предметом дискуссий [10, с. 161-161].

Поворотным моментом в процессах стратегического планирования стало издание Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в 2012 г. т.н. «майских указов», разработка и утверждение последующих за ними национальных проектов, а также принятие в 2014 г. Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [11]. П. 10 ст. 3 указанного закона определяет документы стратегического развития, как *документированную информацию*, разрабатываемую, рассматриваемую и утверждаемую (одобряемую) органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и иными участниками стратегического планирования.

Как отмечают Н.М. Кропачев и В.В. Архипов, «из содержания указанного закона вытекает, что предметом документов стратегического планирования с точки зрения теории права... является не непосредственное установление прав и обязанностей участников правоотношений с помощью общих норм, ...а нормативное установление целей, задач и собственно ценностей, которые должны применяться при осуществлении технических, организационных и юридических (включая нормотворческие) действий» [12, с. 301]. На наш взгляд, упомянутая легальная дефиниция не позволяет отнести документы стратегического планирования к разновидности нормативных правовых актов, хотя их можно назвать источником информационного права в широком смысле. Такие документы нередко содержат комплекс ценностных ориентиров и установок, которые следует учитывать органам законодательной

власти в своей работе. Стоит согласиться с позицией *Т.А. Поляковой* и *Д.А. Афиногенова*, утверждающих что дальнейшее совершенствование стратегического планирования (в том числе, в информационной сфере) является необходимым условием повышения эффективности государственного управления [13, с. 17].

Ключевые документы стратегического развития в информационно-правовой сфере. В числе документов стратегического развития, непосредственно влияющих на государственную политику в сфере развития и применения информационных технологий, следует отметить:

1) Доктрину информационной безопасности Российской Федерации, принятую в 2016 г., и содержащую систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере [14];

2) Стратегию развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы, утвержденную в 2017 г. и определяющую цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики РФ в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленные на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов [15];

3) Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденную в 2019 г. и определяющую цели и основные задачи развития искусственного интеллекта в РФ, а также меры, направленные на его использование в целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов, в том числе, в области научно-технологического развития [16]. Отметим, что в 2024 г. данный документ претерпел существенные изменения, в том числе, было изменено определение искусственного интеллекта (ранее оно не содержало указания на возможность получения результатов интеллектуальной деятельности, превосходящих созданные человеком) [17];

4) отдельные Государственные программы Российской Федерации, принятые в 2011-2024 гг. и имеющие горизонт планирования до 2030 г.: «Информационное общество», «Научно-технологическое развитие», «Юстиция» и др. Как удалось подсчитать в 2020 г. *А.А. Ефремову*, из 46 действующих государственных программ (сейчас их число составляет 55), только в 8 программах содержались положения, связанные с развитием информационных технологий [18, с. 307-309];

5) федеральные национальные проекты «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», который планируется реализовать в период 2019-2024 гг., и «Экономика данных и цифровая трансформация государства», который придет ему на смену и будет рассчитан на период 2025-2030 гг. и на перспективу до 2036 г. В соответствии с новым «майским» указом Президента Российской Федерации, Правительство Российской Федерации должно разработать такой национальный проект и представить его в Совет при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам в срок до 1 сентября 2024 г. [19];

6) отраслевые концепции, утверждаемые Правительством РФ и затрагивающие более узкие сферы применения информационных технологий. К ним в частности, относятся Концепция обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на дорогах общего пользования [20] и Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г. [21], принятые в 2020 г., а также иные документы;

7) региональные документы стратегического развития, среди которых заслуживает упоминания Концепция «Москва. Умный город 2030» [22], утвержденная столичным правительством в 2018 г. и содержащая основные направления развития городской среды, основанной на применении технологий «больших данных», блокчейна, Интернета вещей, стандарта связи 5G и алгоритмов искусственного интеллекта [23].

Отмеченное разнообразие документов стратегического планирования несколько затрудняет законотворческую деятельность, поскольку их понятийный аппарат далеко не всегда синхронизирован. Так, например, в указанных документах часто упоминаются цифровые платформы, однако их легальное определение пока отсутствует в тезаурусе базового для информационного права Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [24]. В данном случае речь идет не только о доктринальной, но и о практической проблеме, поскольку в упомянутых документах и различных подзаконных актах под цифровыми платформами понимаются как государственные, так и частные, а иногда и международные платформы. К сожалению, этот пробел не является уникальным в своём роде.

Новеллы 2024 года. Как можно увидеть из приведенного списка, на смену концепции «цифровой экономики» в национальных проектах пришла концепция «экономики данных». Нам представляется, что принципиальное отличие этих концепций состоит в том, что хозяйствующие субъекты и органы публичной власти всех уровней должны перейти от парадигмы оцифровки имеющихся данных к их повсеместному использованию при принятии решений. В качестве целей национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» Президентом РФ определены в частности, повышение скорости и качества доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для населения, увеличение доли государственных и муниципальных услуг, предоставляемых в электронном виде, а также формирование к 2030 г. цифровых платформ во всех ключевых отраслях экономики и социальной сферы, включая сферу государственного управления [25].

Отечественные правоведы, оценивая перспективы перехода к «экономике данных» с точки зрения государственного управления, указывают на необходимость повышения адресности, доступности и расширения ассортимента государственных услуг, оказываемых в электронной форме, включая переход на проактивный (беззаявительный) формат их предоставления, что в свою очередь, требует реализации качественно новых подходов к правовому регулированию данных отношений [26].

В новом «майском указе» главы государства национальная цель «цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы» раскрывается в виде 11 целевых показателей. Среди этих показателей стоит обратить внимание на «формирование рынка данных, их активное вовлечение в хозяйственный оборот, хранение, обмен и защиту», «создание системы эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и снижения ущерба от их совершения», «обеспечение сетевого суверенитета и информационной безопасности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [27].

Использование термина «рынок данных» вызывает у нас некоторые опасения в силу того, что буквальное применение рыночных механизмов к персональным дан-

ным граждан может повлечь за собой изменения правовой парадигмы их защиты. В начале 2000-х годов в зарубежных исследованиях звучали инициативы о придании персональным данным правового статуса «ограниченного вещного права», допускающего их отчуждение [28]. На наш взгляд, в практическом плане это приведёт к тому, что в пользовательские соглашения (*terms of use*, *terms of service* и др.) цифровых платформ, содержание которых абсолютное большинство пользователей не в состоянии воспринять, будут массово включаться пункты о безвозвратном отчуждении персональных данных в качестве платы за пользование цифровой платформой. Это снимет с цифровых платформ любые обязательства по обеспечению сохранности таких данных, поскольку переход прав на них уже произошел. Следует поддержать противников такого подхода, утверждающих в частности, что «рынок данных» характеризуется частыми сбоями в виде кражи «товара», а сами персональные данные по своей экономической природе являются общественным благом, «таким, как чистый воздух и национальная безопасность» [29]. В этом отношении владельцы цифровых платформ представляются нам не «классическими» свободным субъектами частноправовых отношений, а лицами, на которые необходимо возлагать публично-правовые обязательства по аналогии, например, с электросетями.

Если вернуться к другим упомянутым в «майском указе» целевым показателям, то справедливо будет заметить, что обеспечение национального суверенитета государства в современных условиях вряд ли возможно без защиты персональных данных его граждан (подданных) и создания системы противодействия преступлениям, совершаемым в подконтрольном этому государству сегменте киберпространства. В 2020 г. подп. «м» ст. 71 Конституции РФ был изложен в редакции, возлагающей на государство обязанность по обеспечению безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных. Сегодня мы можем с уверенностью констатировать, что данная правовая конструкция является конституционно-правовым принципом, который должен определять дальнейшее развитие информационного законодательства.

Кроме того, обращение к другим национальным целям, установленным в «майском указе», показывает, что все они в той или иной степени связаны с информационными технологиями. Так, национальная цель «сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи» требует создания к 2030 г. «цифровой платформы, способствующей формированию, поддержанию и сохранению здоровья человека на протяжении всей его жизни, на базе принципа управления на основе данных». При создании такой платформы принципиально важно обеспечить не только защиту содержащейся в ней информации, составляющую врачебную тайну, но и недискриминационный характер её функционирования.

На эту проблему обращают внимание многие межгосударственные организации, в частности, Панамериканская организация здоровья (ПАНО, *Pan American health organization*) в своем докладе о цифровой трансформации здравоохранения, опубликованном в 2021 г. В докладе отмечается, что обеспечение защиты прав человека в цифровом здравоохранении требует «тщательного анализа правовых документов, относящихся к сектору здравоохранения. Индивидуальные и социальные аспекты человеческого достоинства составляют одну из фундаментальных ценностей процесса цифровой трансформации», а ее нормативно-правовая база «должна быть сво-

бодна от любых географических, образовательных, культурных, политических, религиозных или гендерных предубеждений» [30]. В докладе РАНО также подчеркивается необходимость поиска баланса «между защитой общественного здоровья, как социального блага, и защитой конфиденциальных персональных данных».

Вторая национальная цель – «реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности» – предполагает значительные государственные и общественные усилия по формированию патриотизма в молодёжной среде, укреплению традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей. Эти задачи требуют прежде всего, сбалансированной государственной информационной политики и работы с широким спектром контента, представленного в киберпространстве. Здесь органам публичной власти необходимо создать условия, обеспечивающие баланс между внедряемыми защитными механизмами и конституционными ценностями свободы слова и плюрализма.

Третья национальная цель – «Комфортная и безопасная среда для жизни» – помимо решения частной задачи по созданию в малых населённых пунктах 900 «центров воспроизведения аудиовизуального контента», подключённых к единой цифровой платформе, на наш взгляд тесно связана с дальнейшим развитием программно-аппаратных комплексов «Безопасный город». В сфере функционирования таких комплексов содержится как минимум, одна узловая проблема, связанная с допустимостью и пределами массового распознавания лиц граждан системами уличного видеонаблюдения. Не углубляясь в данную проблему, отметим, что она является яркой иллюстрацией столкновения частных и публичных интересов на поле информационного законодательства.

Следующие три цели – «Экологическое благополучие», «Устойчивая и динамичная экономика» и «Технологическое лидерство» – объединяет в частности, то обстоятельство, что современная экономика характеризуется широким спектром внедрения технологий искусственного интеллекта и других информационных технологий, но вопрос о безопасных и этических пределах их применения в значительной степени остаётся открытым.

Нам представляется, что идея повсеместного внедрения новых информационных технологий, продиктованного одним лишь удобством для их владельцев и пользователей, не в полной мере отвечает перечисленным национальным целям. На наш взгляд, информационное законодательство должно не только фиксировать порядок применения подобных информационных технологий, но и возлагать на их владельцев и пользователей комплекс обязанностей, направленных на недопущение алгоритмической дискриминации и иных нарушений конституционных прав и законных интересов личности. Для этого информационному законодательству потребуется систематизация, конечным итогом которой может стать разработка и принятие информационного кодекса, необходимость в котором, по нашему мнению, давно назрела.

Список литературы:

1. Концепция правовой информатизации России (утв. указом Президента Российской Федерации от 28 июня 1993 г. № 966, ред. от 22 марта 2005 г.) // «Собрание актов Президента и Правительства РФ». 05.07.1993. № 27. Ст. 2521.
2. Концепция системной интеграции информационных технологий в высшей школе – М.: РосНИИСИ, 1993; Концепция развития сети телекоммуникаций в системе высшего образования Российской Феде-

рации – М.: Госкомвуз России, 1994.

3. Концепция Государственной информационной политики Российской Федерации – М.: Институт системного анализа РАН, 1998 (одобрена 15 октября 1998 г. Комитетом по информационной политике и связи Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и 21 декабря 1998 г. Постоянной палатой по государственной информационной политике Политического консультативного совета при Президенте Российской Федерации); Концепция нормативно-правового обеспечения формирования в России информационного общества – М.: НТЦ «Информсистема», 1998 (одобрена 28 мая 1998 г. межведомственной Государственной комиссией по информатизации при Государственном Комитете Российской Федерации по связи и информатизации).
4. абз. второй Раздела IV Концепции правовой информатизации России.
5. Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 г. № 632-р, ред. от 10 марта 2009 г.) // СЗ РФ. 19.05.2008. № 20. Ст. 2372.
6. Кузнецов П.У. Социальная миссия электронного государства: ценности и терминологические проблемы / Информационное общество и социальное государство: сб. науч. работ – М.: Институт государства и права РАН, ИПО «У Никитских ворот», 2011. С. 20.
7. Правовое регулирование цифровых технологий в России и за рубежом. Роль и место правового регулирования и саморегулирования в развитии цифровых технологий: монография / под общ. ред. д.ю.н., доцента А.В. Минбалеева – Саратов: Амрит, 2019. С. 91.
8. Концепция создания системы персонального учёта населения Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 июня 2005 г. № 748-р, утратила силу) // СЗ РФ. 13.06.2005. № 24. Ст. 2414; Постановление Правительства Российской Федерации от 24 октября 2011 г. № 861 (в ред. от 25 апреля 2024 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 27 апреля 2024 г.) «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» // СЗ РФ. 31.10.2011. № 44. Ст. 6274.
9. Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ (ред. от 28 декабря 2022 г.) «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // СЗ РФ. 15.06.2020. № 24. Ст. 3742.
10. Дейнеко А.Г., Кайнер О.В. О перспективах информатизации системы социального обеспечения в Российской Федерации // Четвертые Бачиловские чтения: мат. Междунар. научно-практ. конф./ отв. ред. Т.А.Полякова, А.В.Минбалеев, В.Б.Наумов // Институт государства и права РАН. – М.; Саратов, Амрит, 2022. С. 151-162.
11. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 17 февраля 2023 г.) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 30.06.2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.
12. Кропачев Н.М., Архипов В.В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Т. 14. № 2. С. 301. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.201>
13. Полякова Т.А., Афиногенов Д.А. Роль стратегического планирования в совершенствовании системы государственного управления в Российской Федерации // Вестник Академии права и управления. 2016. № 4 (45). С. 17.
14. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646) // СЗ РФ. 12.12.2016. № 50. Ст. 7074.
15. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203) // СЗ РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.
16. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490, в ред. от 15 февраля 2024 г.) // СЗ РФ. 14.10.2019. № 41. Ст. 5700.
17. Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом» // СЗ РФ. 19.02.2024. № 8. Ст. 1102.
18. Ефремов А.А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.13. – М.: ИЗиСП при Правительстве Российской Федерации, 2020. С. 307-309.
19. п. 9 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 13.05.2024. № 20. Ст. 2584.
20. Концепция обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на дорогах общего пользования (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 724-р) // СЗ РФ. 30.03.2020. № 13. Ст. 1995.
21. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и

- робототехники до 2024 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р) // СЗ РФ. 31.08.2020. № 35. Ст. 5593.
22. Концепция «Москва. Умный город 2030» [Электронный ресурс] // URL: https://ict.moscow/docs/Strategy_Smart_City_v5.pdf (дата обращения: 1 июня 2024 г.).
23. Подробнее о содержании Концепции – см., например: Василенко И.А. Москва - «умный город»: основные направления и перспективы смарт-стратегии развития столицы // Власть. 2019. № 3. С. 91-95.
24. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 12 декабря 2023 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 31.07.2006. № 31 (Часть I). Ст. 3448.
25. Под п. «б» п. 8 перечня поручений Президента Российской Федерации по реализации Послания Федеральному Собранию Российской Федерации от 30 марта 2024 г. [Электронный ресурс] / URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/73759> (дата обращения: 1 июня 2024 г.).
26. Талапина Э.В., Южаков В.Н., Двинских Д.Ю., Ефремов А.А., Черешнева И.А. Оборот данных в государственном управлении: перспективы правового регулирования – М.: Изд. дом «Дело» РАН-ХиГС, 2020.
27. Подп. «б», «к», «л» п. 8 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 13.05.2024. № 20. Ст. 2584.
28. Schwartz P.M. Property, Privacy, and Personal Data // Harvard Law Review. 2004. Vol. 117. № 7. Pp. 2056-2128.
29. Litman J. Information Privacy / Information Property // Stanford Law Review. 2000. Vol. 52, № 5. P. 1285.
30. Eight Guiding Principles of Digital Transformation of the Health Sector (PAHO/EIH/IS/21-0004) – Pan American Health Organization, 2021 [Электронный ресурс] / URL: https://iris.paho.org/bitstream/handle/10665.2/54256/PAHOEIHIS210004_eng.pdf (дата обращения: 1 июня 2024 г.).

Alexey G. Deineko The contours of the development of information legislation in the context of the documents of the strategic development of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 64 – 73.

Along with the development of information technologies, strategic development documents have a huge impact on the development of information legislation in our country. The first such documents appeared in Russia in the early 1990s, the impulse for the development of this institute was given by the "May decrees" of the President of the Russian Federation in 2012 and subsequent national projects. The strategic objectives of the country's development for the period 2024-2036 are fixed in the new "May decree", which is analyzed in detail in this article. When analyzing the targets related to the digital transformation of public administration, the indicator of the formation of the "data market" attracts our attention. Its literal interpretation can change the legal paradigm of protecting citizens' personal data. In addition, the impact of information technology is not limited to the national goal of "digital transformation", but permeates all national development goals. Thus, the development of information legislation should be carried out taking into account the national goals and objectives set by the country's leadership, as well as on the basis of the constitutional principle of ensuring the security of the individual, society and the state in the application of information technologies and the circulation of digital data.

Keywords. Information law, national development purposes, human rights, national sovereignty, digital transformation, "May decrees", informatization, national projects, strategic development documents, information society.

Spisok literatury:

1. Konceptsiya pravovoj informatizacii Rossii (utv. ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 28 iyunya 1993 g. № 966, red. ot 22 marta 2005 g.) // «Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva RF». 05.07.1993. № 27. St. 2521.
2. Konceptsiya sistemnoj integracii informacionnyh tekhnologij v vysshej shkole – М.: RosNIISI, 1993; Konceptsiya razvitiya seti telekommunikacij v sisteme vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii – М.: Goskomvuz Rossii, 1994.
3. Konceptsiya Gosudarstvennoj informacionnoj politiki Rossijskoj Federacii – М.: Institut sistemnogo analiza RAN, 1998 (odobrena 15 oktyabrya 1998 g. Komitetom po informacionnoj politike i svyazi Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii i 21 dekabrya 1998 g. Postoyannoj palatoj po gosudarstvennoj informacionnoj politike Politicheskogo konsul'tativnogo soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii); Konceptsiya normativno-pravovogo obespecheniya formirovaniya v Rossii informacionnogo obshchestva – М.: NTC «Informsistema», 1998 (odobrena 28 maya 1998 g. mezhvedomstvennoj Gosudarstvennoj komissiej po informatizacii pri Gosudarstvennom Komitete Rossijskoj Federacii po svyazi i informatizacii).
4. abz. vtoroj Razdela IV Konceptcii pravovoj informatizacii Rossii.
5. Konceptsiya formirovaniya v Rossijskoj Federacii elektronnoho pravitel'stva do 2010 goda (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 6 maya 2008 g. № 632-r, red. ot 10 marta 2009 g.) // SZ

RF. 19.05.2008. № 20. Ст. 2372.

6. Kuznecov P.U. Social'naya missiya elektronnoho gosudarstva: cennosti i terminologicheskie problemy / Informacionnoe obshchestvo i social'noe gosudarstvo: sb. nauch. rabot – M.: Institut gosudarstva i prava RAN, IPO «U Nikitskih vorot», 2011. S. 20.

7. Pravovoe regulirovanie cifrovyykh tekhnologiy v Rossii i za rubezhom. Rol' i mesto pravovogo regulirovaniya i samoregulirovaniya v razvitii cifrovyykh tekhnologiy: monografiya / pod obshch. red. d.yu.n., docenta A.V. Minbaleeva – Saratov: Amirit, 2019. S. 91.

8. Konceptiya sozdaniya sistemy personal'nogo uchyota naseleniya Rossijskoj Federacii (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 9 iyunya 2005 g. № 748-r, utratila silu) // SZ RF. 13.06.2005. № 24. Ст. 2414; Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 24 oktyabrya 2011 g. № 861 (v red. ot 25 aprelya 2024 g., s izm. i dop., vstup. v silu s 27 aprelya 2024 g.) «O federal'nyh gosudarstvennyh informacionnyh sistemah, obespechivayushchih predostavlenie v elektronnoj forme gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug (osushchestvlenie funkcij)» // SZ RF. 31.10.2011. № 44. Ст. 6274.

9. Federal'nyj zakon ot 8 iyunya 2020 g. № 168-FZ (red. ot 28 dekabrya 2022 g.) «O edinom federal'nom informacionnom registre, soderzhashchem svedeniya o naselenii Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 15.06.2020. № 24. Ст. 3742.

10. Deineko A.G., Kaïner O.V. O perspektivah informatizacii sistemy social'nogo obespecheniya v Rossijskoj Federacii // CHetvertye Bachilovskie chteniya: mat. Mezhdunar. nauchno-prakt. konf./ otv. red. T.A.Polyakova, A.V.Minbaleev, V.B.Naumov // Institut gosudarstva i prava RAN. – M.; Saratov, Amirit, 2022. S. 151-162.

11. Federal'nyj zakon ot 28 iyunya 2014 g. № 172-FZ (red. ot 17 fevralya 2023 g.) «O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 30.06.2014. № 26 (chast' I). Ст. 3378.

12. Kropachev N.M., Arhipov V.V. Tradicionnye duhovno-nravstvennye cennosti v kontekste cifrovoj transformacii obshchestva: teoretiko-pravovye aspekty // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. T. 14. № 2. S. 301. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.201>

13. Polyakova T.A., Afinogenov D.A. Rol' strategicheskogo planirovaniya v sovershenstvovanii sistemy gosudarstvennogo upravleniya v Rossijskoj Federacii // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2016. № 4 (45). S. 17.

14. Doktrina informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii (utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 5 dekabrya 2016 g. № 646) // SZ RF. 12.12.2016. № 50. Ст. 7074.

15. Strategiya razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017–2030 gody (utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 9 maya 2017 g. № 203) // SZ RF. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.

16. Nacional'naya strategiya razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 goda (utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 10 oktyabrya 2019 g. № 490, v red. ot 15 fevralya 2024 g.) // SZ RF. 14.10.2019. № 41. Ст. 5700.

17. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 15 fevralya 2024 g. № 124 «O vnesenii izmenenij v Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 10 oktyabrya 2019 g. № 490 «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii» i v Nacional'nyu strategiyu, utverzhdennuyu etim Ukazom» // SZ RF. 19.02.2024. № 8. Ст. 1102.

18. Efremov A.A. Informacionno-pravovoj mekhanizm obespecheniya gosudarstvennogo suvereniteta Rossijskoj Federacii: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.13. – M.: IZiSP pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii, 2020. S. 307-309.

19. p. 9 Ukaza Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maya 2024 g. № 309 «O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda» // SZ RF. 13.05.2024. № 20. Ст. 2584.

20. Konceptiya obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya s uchastiem bespilotnyh transportnyh sredstv na dorogah obshchego pol'zovaniya (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 25 marta 2020 g. № 724-r) // SZ RF. 30.03.2020. № 13. Ст. 1995.

21. Konceptiya razvitiya regulirovaniya otnoshenij v sfere tekhnologij iskusstvennogo intellekta i roboto-tekhniki do 2024 goda (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 19 avgusta 2020 g. № 2129-r) // SZ RF. 31.08.2020. № 35. Ст. 5593.

22. Konceptiya «Moskva. Umnyj gorod 2030» [Elektronnyj resurs] // URL: https://ict.moscow/docs/Strategy_Smart_City_v5.pdf (data obrashcheniya: 1 iyunya 2024 g.).

23. Podrobnее o soderzhanii Konceptii – sm., naprimer: Vasilenko I.A. Moskva - «umnyj gorod»: osnovnye napravleniya i perspektivy smart-strategii razvitiya stolicy // Vlast'. 2019. № 3. S. 91-95.

24. Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ (red. ot 12 dekabrya 2023 g.) «Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii» // SZ RF. 31.07.2006. № 31 (CHast' I). Ст. 3448.

25. Pod p. «b» p. 8 perechnya poruchenij Prezidenta Rossijskoj Federacii po realizacii Poslaniya Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii ot 30 marta 2024 g. [Elektronnyj resurs] / URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/73759> (data obrashcheniya: 1 iyunya 2024 g.).

26. Talapina E.V., YUzhakov V.N., Dvinskih D.YU., Efremov A.A., CHereshneva I.A. Oborot dannyh v gosudarstvennom upravlenii: perspektivy pravovogo regulirovaniya – M.: Izd. dom «Delo» RANHiGS, 2020.

27. Podp. «b», «k», «l» p. 8 Ukaza Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maya 2024 g. № 309 «O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda» // SZ RF.

13.05.2024. № 20. Ст. 2584.

28. Schwartz P.M. Property, Privacy, and Personal Data // Harvard Law Review. 2004. Vol. 117. № 7. Pp. 2056-2128.

29. Litman J. Information Privacy / Information Property // Stanford Law Review. 2000. Vol. 52, № 5. P. 1285.

30. Eight Guiding Principles of Digital Transformation of the Health Sector (PAHO/EIH/IS/21-0004) – Pan American Health Organization, 2021 [Elektronnyj resurs] / URL: https://iris.paho.org/bitstream/handle/10665.2/54256/PAHOEIHIS210004_eng.pdf (data obrashcheniya: 1 iyunya 2024 g.).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 74–77.

УДК 342

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛОЦМАНСКОЙ ПРОВОДКИ В ГРЕНЛАНДИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Змерзлый Б. В., Кириллова Т. К.

В статье указано, что в ходе эволюции государственно-административного устройства Гренландии, не смотря на существенное расширение сфер деятельности, переданных Данией органам местного самоуправления, активной работе парламента и правительства Гренландии по урегулированию вопросов, связанных с регулированием деятельности торгового мореплавания и обеспечения его безопасности, оказалась, что, 1) Гренландия не в состоянии самостоятельно разрешить весь комплекс проблем, связанных с организацией деятельности лоцманов по техническим, кадровым, организационным и политическим причинам; 2) полная передача вопросов регулирования лоцманской проводки и деятельности лоцманов от королевства Дании к Гренландии оказалась невозможна, в силу, кроме указанных, еще и внешнеполитических причин, среди которых – ответственность именно Дании, а не Гренландии за безопасность торгового судоходства в ее территориальных водах.

Ключевые слова: королевство Дания, Гренландия, самоуправление, лоцманская проводка, правовое регулирование, закон, Исполнительный указ по Гренландии о лоцманской проводке и т.д. от 11 декабря 2015 г.

Регулирование деятельности торгового мореплавания может принадлежать только государству, а право установления законов и правил лишь его высшему законодательному органу. Логика данного правила безупречна, т.к. в одном государстве, его портах и водах не должно действовать различных, тем более противоречащих друг другу законов, особенно в эпоху, когда морское право стало всеобщим, а его основные нормы, в том числе в отношении деятельности лоцманов урегулированы соответствующими актами ИМО (международная морская организация) и, соответственно, ООН.

В тоже время, региональная специфика допустима, в отдельных конкретных случаях. Она может касаться уровня юрисдикции в регионе центральных (общегосударственных) служб, места встречи судов лоцманами и период их деятельности; отдельные составляющие подготовки, которые касаются региональной специфики и т.п. Также можно напомнить, что, к примеру, в США организация деятельности лоцманов отнесена к компетенции штатов, а не центрального правительства.

Длительное время, суверенитет Дании в полной мере распространялся на ее заморские территории – Исландию, Фарерские острова, Гренландию. Однако, обретение Исландией автономии, а затем и суверенитета запустило сложный процесс трансформации отношений между метрополией и ее заморскими территориями.

В контексте данной публикации ставится задача выявить, какие изменения произошли в организации лоцманской проводки в Гренландии, после получения ее народом самоуправления в 2009 г. [1] и, соответственно, с начавшимся переходом под юрисдикцию местных властей значительного количества ранее подконтрольных Дании, служб и ведомств (или их частей), влияние создание гренландских органов управления на местах (в том числе и в отношении торговых портов), соответствующих ведомств и т.п.

В тоже время, многие ранее принятые законы продолжили свою силу для Гренландии и Фарерских островов [2–4]. С другой стороны, Дания начала поиск и выра-

ботку новых подходов в отношении дополнения, изменения и приспособления необходимых нормативных актов, применительно к новым условиям. Важным шагом на этом пути стало принятие 24.08.2015 г. приказа о вступлении в силу для Гренландии частей Закона о лоцманской проводке [5]. В нем законодатель, во-первых, вносил различные текущие дополнения и изменения относящиеся в целом к данной сфере регулирования, а во-вторых указал, какие нормы и положения неприменимы далее в Гренландии.

К таковым были отнесены «Сфера действия закона» (гл. 1); «Определения» (гл. 2); §§ 4-7 и 10 гл. 3 «Использование пилотов»; гл. 4 «Разрешение на лоцманскую проводку» § 11 п. 2 и § 13; гл. 6 «Лоцманская проводка на суше»; § 19 Главы 9 «Pilotage»; п.1-2 § 20; гл. 10; пп. 2-3 гл. 14 (Меры и т.д.). Зато сохранена Глава 13 «в» «Лоцманская проводка в водах Гренландии».

Следующим шагом в данном направлении стало принятие Исполнительного указа по Гренландии о лоцманской проводке и т.д. от 11 декабря 2015 г., с учетом произошедших изменений в данной сфере регулирования, в том числе с учетом выше-рассмотренного акта от 24 августа 2015 г., «определяются после консультаций с правительством Гренландии и на основании разрешения»...

Не имея возможности детально излагать содержащиеся в нем нормы, укажем, что данным актом Дания закрепила за собой сертификацию лоцманов; установила определение «Лицензия лоцмана», «Район лоцманской проводки», «лоцман-стажер» и его удостоверение; требования к выдаче лоцманского удостоверения, право запроса Датским морским ведомством дополнительной информации по медицинскому свидетельству; правила оформления лицензии лоцмана, срок ее действия, возможные причины отзыва лицензии; требования к подготовке лоцманов (гл. 3); требования для выдачи удостоверения лоцмана-стажера (гл. 4); требования к знанию местности (гл. 5); экзамены на пригодность для получения лоцманской лицензии (гл. 6); административные и уголовные меры на основании Уголовного кодекса Гренландии или, в некоторых случаях - Дании (гл. 7) [6].

Таким образом, государственные и законодательные органы Дании достаточно быстро отреагировали на возможные вызовы, связанные с передачей отдельных сфер ответственности в области обеспечения безопасности торгового судоходства в гренландских водах самоуправлению Гренландии, не обладающему, на момент передачи, в достаточной мере необходимым опытом, материальными и людскими ресурсами.

Более того, даже при широком самоуправлении Гренландии она все еще остается составной частью королевства Дания, что означает всю полноту меру ответственности государства за происходящее в его внутренних и территориальных водах.

Сохранение же за Данией вопросов сертификации также следует считать не вынужденной, а скорее необходимой естественной мерой, вызванной не только имеющейся комплексной базой для подготовки и переподготовки лоцманов, но и соответствующие традиции, кадры и, конечно – единообразие в данном вопросе.

В определенной степени акт от 11 декабря 2015 г. стал поворотным в регулировании вопросов организации деятельности лоцманов в районе Гренландии. Об этом свидетельствуют, в частности, соответствующие законы (уставы о лоцманской проводке) от 12.04.2016 [7] и 29.03.2023 [8], в которых вопросы, связанные с Гренландией, не нашли своего самостоятельного отображения.

Дополнительным подтверждением контроля Дании над водами Гренландии вообще и вопросами лоцманской проводки в частности, можно считать издание в 2020 г. Geodastyrelsen (Датское агентство по геодезическим) сборника по общим сведениям о лоцманской проводке в Гренландии. В данном издании кроме важных общих данных, относящихся к вопросам организации лоцманской проводки и деятельности лоцманов Дании содержится информация следующего характера: во-первых, – в гл. 1: «Гренландский лоцман - Направления плавания по Восточной Гренландии», «Гренландский лоцман - Направления плавания в Западной Гренландии», «Гренландский лоцман - Пояснения к географическим названиям», «Фарерский лоцман», «Информация о портах Фарерских островов»; во-вторых, гл. 2 – «Название вод в Гренландии»; гл. 3 – «Общая информация о Гренландии»; гл. 4 – «Указания по курсу для плавания вдоль Гренландии»; гл. 5 – «Советы по плаванию на маломерных судах в гренландских водах»; гл. 6 – «Глубинные условия у берегов Гренландии»; гл. 7 – «Поверхностные течения вокруг Гренландии»; гл. 8 – «Приливы и отливы»; гл. 9 – «Лед»; гл. 10 – «Климатические условия в Гренландии» [9].

Таким образом, исходя из анализа изложенного материала, можно прийти к выводу о том, что в ходе эволюции государственно-административного устройства Гренландии, не смотря на существенное расширение сфер деятельности, переданных Данией органам местного самоуправления, проводящейся активной работе парламента и правительства Гренландии по урегулированию вопросов, связанных с регулированием деятельности торгового мореплавания и обеспечения его безопасности, оказалась, что, 1) Гренландия не в состоянии самостоятельно разрешить весь комплекс проблем, связанных с организацией деятельности лоцманов по техническим, кадровым, организационным и политическим причинам; 2) полная передача вопросов регулирования лоцманской проводки и деятельности лоцманов от королевства Дании к Гренландии оказалась невозможна, в силу, кроме указанных, еще и внешнеполитических причин, среди которых – ответственность именно Дании, а не Гренландии за безопасность торгового судоходства в ее территориальных водах.

Список литературы:

1. Змерзлый Б. В., Хрущев Р. С. Проект конституции Гренландии. Содержание и недостатки // Вестник Московского университета. Серия 26. Государственный аудит. 2023. № 3. С. 7-20.
2. 1916 17/4 L. 131 Lodsvesenet. – URL: Lovregister (rigsombudsmanden.fo); Lov nr. 131 af 17. april 1916 om Lodsvesenet, som senest ændret ved lov nr. 155 af 14. april 1920. – URL: Lógasavn (logir.fo) (дата обращения – 03.07.2024)
3. Forslag til lov om ændringer i lov nr. 131 af 17. april 1916 om lodsvesenet med senere ændringer. (Vedtaget af folketinget ved 3. behandling den 2. juni 1954.*). – URL: 19531_L144_som_vedtaget.pdf (folketingstidende.dk) (дата обращения – 03.07.2024)
4. B. 118 2/6-1900 Brugen af lodskendingsflag. - Lógasavn (logir.fo); A. 9 17/1-34 Signaler for lods). – URL: Lovregister (lms.fo)
5. Anordning om ikrafttræden for Grønland af dele af lodsloven // Lovtidende A 2015 Udgivet den 29. august 2015 24. august 2015. Nr. 985. – URL: BP1353 (1).pdf (дата обращения – 03.07.2024)
6. Bekendtgørelse for Grønland om lodsning m.v. 11. december 2015. – URL: Bekendtgørelse for Grønland om lodsning m.v. (retsinformation.dk) (дата обращения – 03.07.2024)
7. Bekendtgørelse af lodslov. - LBK nr 352 af 12/04/2016. – URL: Lodsloven (retsinformation.dk) (дата обращения – 04.07.2024)
8. Bekendtgørelse af lodslov. - LBK nr 346 af 29/03/2023. – URL: Lodsloven (retsinformation.dk) (дата обращения – 05.07.2024)
9. Den grønlandske Lods. Generelle oplysninger om Grønland. Ajourført til SKR 27/2020. - 130120_dgl_ostvestgrønland_dk-skr_27_2020.pdf (gst.dk) (дата обращения – 06.07.2024)

Zmerzlyi B. V., Kirillova T. K. State organization of pilotage in Greenland in modern conditions

// Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 74 – 77.

The article indicates that in the course of evolution of the state-administrative structure of Greenland, despite the significant expansion of the spheres of activity transferred by Denmark to the local self-government bodies, the active work of the Parliament and the Government of Greenland on the settlement of issues related to the regulation of the activities of merchant shipping and ensuring its safety, it turned out that, 1) Greenland is not able to independently solve the whole complex of problems related to the organisation of pilotage activities on technical, personnel and technical issues, and 2) Greenland is not able to solve the whole complex of problems related to the organisation of pilotage in Greenland.

Keywords: Kingdom of Denmark, Greenland, self-government, pilotage, legal regulation, law, Greenland Executive Decree on pilotage etc. of 11 December 2015.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 78–83.

УДК 347.62

ЗНАЧЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ БРАКА И СЕМЬИ ДЛЯ ГОСУДАРСТВА. АНТИЧНОСТЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Котова С. Г., Зоз В. А.

В данной статье проанализированы основные подходы к пониманию законодательного регулирования понятий и основных ценностей о браке и семье. Современная цивилизация в виду многочисленных морально-нравственных трансформаций существенно расширила понимание брака, практически утратив правовое понятие семьи и как следствие индивидуализировав семейные ценности исходя из личных потребностей их участников, подстраивая базовые морально-нравственные ориентиры под удовлетворение физиологических потребностей и устранив участие государственного управления в этих вопросах максимально. В статье проанализированы истоки правового регулирования данных отношений в античности, которое сравнивается с современным нормированием в семейном праве Российской Федерации. Продемонстрирована цель и ценность законодательного регулирования брачно-семейных отношений, не ущемляя при этом право на свободное развитие личности и принятие собственных судьбоносных решений. Предложено понятие брака, отвечающее традиционным семейным ценностям.

Ключевые слова: брак, семья, римское право, семейное право, родство, ценность брака для современного государства, кауза, намерения или причины заключения брака, отличительные черты современной семьи.

В реалиях нашего времени многие развитые страны констатируют так называемый «кризис брака». Россия, не взирая на активное стремление поддерживать традиционные семейные ценности (которые чаще всего социумом понимаются крайне односторонне, только как разнородное мероприятие), к сожалению, не является исключением. В среднем по России по статистике, на 10 браков приходится 7 разводов. В 2023 г. только за январь–октябрь в России зарегистрировали 800,4 тысячи браков и 566,8 тысячи разводов [10].

Для начала необходимо напомнить, что любой брак является семьей, но, очевидно, что далеко не в каждой семье имеются муж и жена, некоторые семьи состоят из одного из родителей в силу ряда причин (развод, смерть или изначальное отсутствие отца как социальной, а не только биологической функции), так как в законодательстве и доктрине часто эти понятия смешиваются. Интересно, что в отношении семьи возможны случаи, когда в составе одной общности сожительства одни члены считают такое объединение семьей, например, бабушка, воспитывающая внука, а взрослый внук уверенно транслирует позицию себя как одинокого человека, доминирующего бабушку. В результате пилотных опросов аудитории студентов примерно половина из них считает, что при собственном замужестве они создадут собственную семью, другая же половина считает, что их родители останутся членами их семей. При этом, родителей своих супругов членами своей семьи готовы считать значительно меньшее количество студентов. То есть даже ориентированная на правовые знания профессиональная аудитория не понимает юридических критериев, разграничивающих сожительство, родство и семью. С браком ситуация с одной стороны проще, так как существует целый ряд норм, реципированных еще из римского права в отношении условий и препятствий вступления в него, а также наличия его государственной регистрации. Однако, в процессе заимствования правового ре-

гулирования, существовавшего в период античности мы утратили одно важное составляющее каждой юридической конструкции, которая придавала смысл, и как следствие законность ее существования в праве. И правовое регулирование брака не является исключением. Мы даже не имеем однозначного его перевода. Так, важнейшей юридической величиной, определяющей сущностное значение любого регулируемого правом явления, римляне называли *causa*. Кауза представляла собой и цель, и намерения, и причину вступления в какие-либо юридически значимые отношения. У платных договоров была одна причина, у дарения другая, у завещания третья, а для законности брака, как особого юридического союза, не являвшегося ни сделкой, ни договором, требовалась четвертая. Так вот целью или причиной вступления в античный традиционный брак являлось создание семьи, и что это значит, римляне тоже конкретизировали. Так как семью можно было создать и иным путем уже в Древнем Риме активно использовался, например, институт усыновления (касался он исключительно мальчиков, отсюда такое название, по нашему мнению, сохранение данного понятия свидетельствует о рудиментной норме для удочерения, так как не соответствует сути явления).

Древнеримский юрист Модестин (III в. н. э.) определил брак как «союз мужчины и женщины, единство всей жизни, человеческого и божественного права» [9, D. 23.2.1.]. Эта классическая дефиниция брака не предполагает запрет разводов, как ее трактуют многие исследователи современности, так как даже при распространении христианской религии, негативно относящейся к данной возможности, римское право никогда не запрещало свободный выход из брака, так как насилие над волеизъявлением лиц на любом этапе правоотношений нивелировало юридическое значение данных действий. Интересно, что уже юристы Древнего Рима признавали как физическое, так и моральное насилие, не ставя приоритетов ни по отношению ни к одной из форм такого воздействия на свободного человека. Модестин подчеркивал данным определением, что созданная семья предполагает намерение (каузу) объединить всю свою жизнь как в области правового регулирования, так в области единых морально-нравственных ориентиров, таких как религия. Интересно, что это единение не касалось права собственности женщины. Так, согласно архаичному источнику Законам XII таблиц: «...определено, что *res mancipi* (особо значимое имущество), принадлежащие женщине, находившейся под опекою агнатов, не подлежали давности, за исключением лишь того случая, когда сама женщина передавала эти вещи с согласия опекуна» [8, Т. 5]. Таким образом, имущество женщины даже в браке, под рукой (*cum manu mariti*) оставалось в ее принадлежности, то есть праве собственности только, если она сама не изъявляла желания с согласия опекуна, его кому-либо передать. При этом даже дарения между супругами в римском праве было запрещено: «В силу обычая у нас принято, что дарения между мужем и женой не имеют силы. Принято же это для того, чтобы в силу взаимной любви (супруги) не отнимали путем дарений (имущества) друг от друга, не соблюдая меры и (действуя) с легкомысленной расточительностью в отношении себя» [9, D. 23.2.1.].

В этой же норме мы находим термин агнатического родства, значение которого говорит о том, что все члены одной семьи, которые подчинялись власти своего главы семейства, условно называемым отцом, так как в состав семьи архаичной древнеримской семьи был очень обширен, в нее могли входить и не кровные родственники (клиенты) и жены сыновей, и престарелые родители, бабушки, дедушки и про-

чие лица, которых приняли в эту общность не на время, а на постоянной основе. Так вот, все они были тоже родственниками, но не по крови, а в соответствии с наличием семейных уз, при подчинении одному *pater familias*. Кровное родство (когнатическое) тоже существовало, но ему не отдавалось предпочтение, так как, само по себе наличие биологического родства не представляет гарантии близких отношений, в отличие от отношений членов одной семьи. Девочки, выходя замуж переходили под власть главы другой семьи, им мог стать как сам муж, так и другой мужчина, которому подчинялся ее муж. Мы же рецепировали только кровное родство, отчего муж и жена в соответствии с нашим нормированием не являются родственниками. И так же, как и в Древнем Риме наличие кровного родства между мужчиной и женщиной, во избежание инцестных браков, являлось непреодолимым препятствием для его заключения. В связи с чем возникает ряд коллизий, так как в римском законодательстве эти два вида родства раскрываются исключительно в праве лиц и уже не конкретизируются при другом нормировании. В нашем случае, если мы употребляем специальное нормирование в отношении родственников, нам в каждом таком случае необходимо добавлять «и супругов», однако, законодатель не всегда уделяет этому должное внимание. Например, в ст. 38 Федерального закона № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: «Под обстоятельствами, вынуждающими зарегистрированного кандидата снять свою кандидатуру, а избирательное объединение отозвать выдвинутого им зарегистрированного кандидата, понимаются ограничение зарегистрированного кандидата судом в дееспособности, тяжелая болезнь, стойкое расстройство здоровья зарегистрированного кандидата, его близких родственников» [2]. То есть супруги из круга заинтересованных лиц в данных правоотношениях таким образом выпадают.

Сравнивать юридические понятия института патриархальной римской семьи с современным подобным понятием не представляется возможным. Мы и супругов не можем обязать жить исключительно совместно, вести общее хозяйство и в обязательном порядке стремиться к рождению детей.

Ошибка современной юридической техники, попытаться определять семью через брак или перечень ее участников [1, ст.ст. 1, 2]. Надо отдавать себе отчет, что членство в одной и той же семье подвижно: кто-то естественным образом когда-то умирает, кто-то рождается, кто-то выходит замуж/женится с понимаем создания собственной семьи при сохранении теплых родственных отношений с родителями. Самоидентификация в отношении членства семьи стала ключевой позицией, сложившейся в обществе. И, надо полагать, что подобное явление не изменится в ближайшем будущем. Право в данном случае должно выработать хоть какие-то критерии, отличающие сожителей квартирантов, например, от семьи. На наш взгляд, возвращаясь к каузе или причине жить в семье является именно добровольное намерение разделить единство всей жизни с членами данной группы людей на бессрочной основе. А намерение как субъективная сторона любого деяния является уже вполне юридическим признаком. Вместе с тем, это не означает, что данное намерение не может поменяться. Возможно, кто-то решит уйти из данной семьи. Это, естественно, негативное явление если мы говорим не о взрослых детях, но это частые факты, которое право не может запретить, так как теряется свобода волеизъявления человека, но закон предусматривает определенное регулирование таких ситуаций (если

взрослый трудоспособный член семьи оставляет каких-либо иждивенцев в силу возраста или состояния здоровья, к нему применяются требования об алиментных обязательствах).

Интересно в рамках исследования античного понимания брака и семьи и высказывания греческих философов. Так, в соответствии с мышлением Платона, дело мужчины – «осмысление и построение мира, а посему к браку и воспитанию детей мужчины особо не имеют стремлений» [4, с. 350]. Именно право, обычаи и морально-нравственное общественное регулирование должно ориентировать мужчин на институт брака и создание своей семьи. Так как именно мужская поддержка дает женщинам возможность преодолевать периоды временной нетрудоспособности в связи с рождением и воспитанием маленьких детей. В связи с чем Платон стоял на позиции жесткого контроля государством брачно-семейных отношений, не отрицая свободу выбора супруга по предпочтению внешнего вида.

Аристотель описывал ценность государства через естественную потребность людей в общении, и первичной группой такого общения считал семью, с которой начинаются морально-нравственные ориентиры в государстве. И кризис семьи неизбежно знаменует распад государства [5].

В контексте данного исследования вспоминается нашумевший психолого-социологический эксперимент ученого-этолога Джона Кэлхуна «Вселенная 25». В котором подопытными выступали четыре здоровые крысы (две самки и два самца), им создали самые комфортные условия жизни, с постоянным поступлением пропитания и отсутствием внешних врагов, что давало сначала высокий всплеск рождаемости, а в последствии делало самцов ленивыми и безразличными к самкам. И каждый раз, когда популяция становилась внушительной начинали появляться самцы, которых сам Кэлхун назвал «красивыми», которые целыми днями напролет лишь ухаживали за собой, чистили свою шерстку, ели и спали, не обращая никакого внимания на окружающих. Эти самцы игнорировали самок, но интересовались друг другом [11]. Самки же становились агрессивными и часто загрызали свое потомство. Так, пышный рассвет их цивилизации достаточно быстро знаменовал ее полное исчезновение. Эксперимент назван так по количеству раз его повторений, и результат всегда вел к вымиранию абсолютно всех особей в условиях «мышинного рая», когда было всего достаточно, утрачивался интерес к семейным ценностям. В стадии переключения инстинктов самцов и самок, их пытались снова отобрать по две особи разного пола и запустить в новую модель их идеального мира, но такие крысы уже отказывались размножаться. Конечно, хочется верить, что это всего лишь животные, что люди руководствуются не только инстинктами в подобных отношениях. Даже если это всего лишь вероятность, она должна настораживать. Юристов в первую очередь, потому что если переложить учение Аристотеля на поведение крыс в вышеуказанном эксперименте, то он очевидно оказался прав. Прочные гетерогенные браки, созданные на их основе семьи, воспитывающие и защищающие своих детей, которые учат их справляться с сильнейшим экономическим давлением и конкуренцией, дающие им возможность качественно овладеть каким-либо ремеслом, без обязанности зарабатывать до этого. Все это определяет будущее нашей страны и гармоничное последовательное развитие государства, обеспеченное здоровым не только физически, но и психологически молодым поколением.

Несмотря на то, что существует ряд социологов и правоведов, предлагающих ле-

гализовать союзы среди лиц одного пола в нашей стране, учитывая тот факт, что «в других странах давно существуют и однополые браки. Подобные пары могут узаконить свои отношения в Швеции, Франции. Если такие браки фактически существуют (незарегистрированные, и в России в том числе), то целесообразнее их признавать, нежели игнорировать» [6, с. 125]. Считаем, что подобное узаконивание негативно скажется на демографической политике и разложит государство изнутри. При этом отрицать подобные физические отношения также не имеет смысла, история показала, что любое явление становится сильнее, когда ужесточают меры юридической ответственности за него. Юристам необходимо понимать, что легализовать в данном случае равно популяризировать, что было бы стратегически не верным решением для развития государства.

Задача юристов на сегодняшний день в России создать такое законодательное регулирование, которое бы давало простое и не ограничивающее в правах выбора определение брака. Мы предлагаем определять брак как союз между мужчиной и женщиной, зарегистрированный в установленном законом порядке с целью единения их жизни. Фактически такое определение брака отделяет на содержательном уровне любое сожительство без цели единения жизни (что позволит идентифицировать фиктивные браки, на сегодняшний день такой юридической возможности не существует), оставляет возможность проживать отдельно, устанавливать раздельный режим имущества, если так складываются обстоятельства, кроме прочего не дает возможность легализовать в нашей стране однополый союз, никому ничего прямо не запрещая и не преследуя юридически за уже случившиеся подобные отношения. Кроме прочего еще античное определение брака как союза, а не как договора или сделки указывало на исключительность правового подхода к данному явлению, что не позволит распространять аналогию права из данных категорий при возникновении пробелов законодательного регулирования отношений в браке.

Список литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 10.06.2024).
2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2022 № 67-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 10.06.2024).
3. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 10.06.2024).
4. Платон. Филеб. Государство. Тимей. М.: Мысль, 1999. С. 350.
5. Аристотель. Сочинения. Т. 3. URL: <http://grachev62.narod.ru/aristotel/arpol3.html> (дата обращения: 11.06.2024).
6. Макарова И.А. Понятие «брак» в контексте научных теорий // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 17 (346). Челябинск, 2014. С. 125.
7. Сорокин П. Кризис современной семьи (социологический очерк). URL: <http://soul.dn.ua/material/599> (дата обращения: 10.06.2024).
8. Законы XII таблиц. URL: <https://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446588975> (дата обращения: 15.06.2024).
9. Дигесты Юстиниана. URL: <https://rimpravo.ru/24-kniga-digest-iustiniana#gsc.tab=0> (дата обращения: 17.06.2024).
10. Статистика зарегистрированных браков и разводов: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31604> (дата обращения: 17.06.2024).
11. Хужина Я. Утопия для мышей: 53 года эксперименту «Вселенная-25» // «Научная Россия». URL: <https://scientificrussia.ru/> (дата обращения: 15.06.2024).

Kotova S.G., Zoz V.A. The importance of legislative regulation of the basic concepts of marriage

and family for the state. Antiquity and modernity // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 78 – 83.

This article analyzes the main approaches to understanding the legislative regulation of concepts and basic values about marriage and family. Modern civilization, due to numerous moral transformations, has significantly expanded the understanding of marriage, practically losing the rightful concept of family and, as a result, individualizing family values based on the personal needs of their participants, adjusting basic moral guidelines to satisfy physiological needs and eliminating the participation of public administration in these issues maximum. The article analyzes the origins of the legal regulation of these relations in antiquity, which is compared with modern regulation in family law of the Russian Federation. The purpose and value of legislative regulation of marriage and family relations is demonstrated, without infringing on the right to free personal development and making one's own fateful decisions. The concept of marriage is proposed, which corresponds to traditional family values.

Key words: marriage, family, Roman law, family law, kinship, the value of marriage for a modern state, causa, intentions or reasons for marriage, distinctive features of a modern family.

Spisok literatury:

1. Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 29.12.1995 № 223-FZ // Konsul'tantPlyus: sajт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (data obrashcheniya: 10.06.2024).
2. Ob osnovnyh garantiyah izbiratel'nyh prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 12.06.2022 № 67-FZ // Konsul'tantPlyus: sajт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (data obrashcheniya: 10.06.2024).
3. Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej: Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 № 809 // Konsul'tantPlyus: sajт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (data obrashcheniya: 10.06.2024).
4. Platon. Fileb. Gosudarstvo. Timej. M. : Mysl', 1999. S. 350.
5. Aristotel'. Sochineniya. T. 3. URL: <http://grachev62.narod.ru/aristotel/arpol3.html> (data obrashcheniya: 11.06.2024).
6. Makarova I.A. Ponyatie «brak» v kontekste nauchnyh teorij // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 17 (346). CHelyabinsk, 2014. S.125.
7. Sorokin P. Krizis sovremennoj sem'i (sociologicheskij ocherk). URL: <http://soul.dn.ua/material/599> (data obrashcheniya: 10.06.2024).
8. Zakony III tablic. URL: <https://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446588975> (data obrashcheniya: 15.06.2024).
9. Digesty Yustiniana. URL: <https://rimpravo.ru/24-kniga-digest-iustiniana#gsc.tab=0> (data obrashcheniya: 17.06.2024).
10. Statistika zaregistrovannyh brakov i razvodov: Oficial'nyj sajт Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31604> (data obrashcheniya: 17.06.2024).
11. Huzhina YA. Utopiya dlya myshej: 53 goda eksperimentu «Vselennaya-25» // «Nauchnaya Rossiya». URL: <https://scientificrussia.ru/> (data obrashcheniya: 15.06.2024).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 84–94.

УДК 342

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ ДАНИИ В XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ.

Кошкин А. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье рассмотрен процесс создания и эволюции систему управления пенитенциарными заведениями в Дании в XVI – первой половине XX вв. Установлено, что до первой половины XIX в. в Дании, не смотря на формально ведущую роль министерства юстиции пенитенциарные учреждения управлялись гражданским и военным ведомствами. Важную роль в данном процессе играла датская канцелярия, которая в 1848 г. была разделена на 5 департаментов, из них 2-й отвечал за юстицию и полицию. Реформы 1848 г. оказались половинчатыми – из министерства юстиции не удалось в полной мере выделить функции характерные для министерства внутренних дел. Конституция 1855 г. привела к перераспределению задач министерств, но с 1861 по 1884 г. при министерстве юстиции действовало тюремное отделение с незначительным персоналом и функциями. Тюремная комиссия, созданная в 1840 г., предложила создать единую тюремную службу, а с ее упразднением с 1.01.1849 г. в 1850 г. изменено управление отдельными исправительными заведениями с упразднением коллежских управлений. Лишь после этого в каждом исправительном учреждении появился отдельный директор, подчиненный Инспекции тюрем. В 1910 г. начался новый этап реформы управления пенитенциарными заведениями, во главе которой стоял директор тюрем, подчиненный министру юстиции. Реально же управление тюрем с самостоятельным начальником стало действовать с 1921 г., однако уточнение и определение его полномочий происходило и в 1930-х гг., в том числе в связи с созданием наблюдательного совета по тюремному труду. Законом от 18.05.1937 г. все тюрьмы предварительного заключения из управлений муниципалитетов и графств переданы государству.

Ключевые слова: Дания, пенитенциарные заведения, коллегия, канцелярия, министерство юстиции, закон, инспекции.

По мнению датского ученого Йохана Хайнсена, «С начала 1600-х до середины 1800-х годов тюремная система Дании была двойкой. С одной стороны, стояли «карающие дома». Это были так называемые работные дома, где работали как мужчины, так и женщины-преступники, как правило, на производстве текстиля. До начала 1800-х годов в этих учреждениях часто размещались и другие группы, помимо осужденных преступников, например, туда могли поместить своих детей или слуг, если они нуждались в наказании. Первый карательный дом, более известный как Дом детей, был введен в эксплуатацию в 1605 г. и во многом был личным проектом короля Кристиана IV. Позже и в иных регионах страны появились и «карающие дома», т.е. тюрьмы.

С другой стороны, также были институты, которые в начале 1700-х годов стали известны как «рабы». Эти лица, в первую очередь мужского пола, находясь в тюрьмах использовались для физического и иного труда в крепостях или на военно-морской верфи в Копенгагене. Эта форма принудительного или каторжного труда известна еще в 1560-х годах. К концу XVI в. Военно-морская верфь превратилась в центр этой системы, а заключенные перемещались между различными военными местами по мере потребности в рабочей силе. Трункен возник как кульминация подъема этой системы. С этим зданием Дания получила свою первую тюрьму, которая была создана для содержания осужденных преступников» [1].

Таким образом, с учетом этого и иных источников по рассматриваемой проблеме, можно заключить, что пенитенциарная система Дании в XVII – начале XIX вв.

не имела централизованного управления и развивалась одновременно как гражданским, так и военным ведомствами. Данный подход не был для Европы чем-либо необычным. Подобный этап своего развития прошла и пенитенциарная система Российской империи [2].

В тоже время, исторически, в Дании сложилось так, что министерству юстиции подчинены полиция и прокуратура, судебная система и служба (управление) пробации, т.е. пенитенциарная система, иные подразделения. Сегодня данное министерство осуществляет лишь общий контроль и координацию указанных, практически самостоятельных в своей работе ведомств.

Эволюция данного министерства и его составных подразделений имеет богатую и насыщенную историю, однако основой создания важнейших государственных институтов управления Дании были канцелярии, появившиеся в этой стране в позднем средневековье. Само же название «датская канцелярия» стало использоваться после 1523 г., т.е. при Фредерике I. Второй канцелярией королевства была так называемая немецкая канцелярия, в задачи которых входило управление германскими герцогствами.

До 1848 г. канцелярии оставались параллельными учреждениями, имевшими примерно одинаковую тематику: датская канцелярия для королевства (до 1814 г. также для Норвегии) и немецкая канцелярия для герцогств. После 1660 г. обе канцелярии получили надстройку в виде коллегий [2, с. 29-35; 3, с. 268; 4, с. 24], которые должны изучать и рассматривать поступившие дела, представлять королю свои рекомендации.

В 1800-х годах датская канцелярия рассматривала себя в первую очередь как судебная коллегия. Ее председатель с 1813 г. носил титул министра юстиции [5]. Однако она осуществляла управление в ряде областей, которые не входили в понятие юстиции, например, церковное и школьное управление, экономика рыночных городов и т.д. Также она выполняла функции государственного секретариата с задачами, которые сегодня возложены на канцелярию премьер-министра, например, распределение дел между правительственными коллегиями.

В конце существования абсолютной монархии в государственном календаре было указано следующее о Датской Канцелярии: «С 1800 года датская канцелярия делилась на департаменты, руководителями которых являлись депутаты (члены) Коллегии канцелярий, так называемые «*cancelli lords*».

Департаменты, по крайней мере формально, являлись лишь подготовительными органами, право принимать решения и рекомендации королю были закреплены за пленумом коллегии.

В 1848 г., после отмены коллегиальной системы, датская канцелярия была разделена на 5 департаментов. Коллегия канцлеров состояла из президента, генерал-прокурора, оба из которых являлись членами Тайного совета, а также 3-х заместителей и ассессора. Дела 4-го департамента распределялись между двумя депутатами. Оценщик возглавлял 5-й департамент, но он не был полностью равен депутатам, участвовал в заседаниях коллегии канцлеров только по вопросам, касающимся его собственного департамента.

1-й департамент ведал церковными и школьными делами в королевстве и соседних с ним странах, а также в некоторых частях герцогства Шлезвиг (Альс, Ирё и Тёминглен)» [6, с. 12]. 2-й отвечал за юстицию и полицию. В его ведении также

находились вопросы, связанные с промышленностью рыночных городов, местным самоуправлением, законодательством о бедных и т.д. В 3-м департаменте находились дела, касающиеся остальной части королевства и соседних стран (Фарерские острова, Исландия, Гренландия и Вест-Индия). 4-й отвечал за систему регистрации земель и администрацию графств (надзор за поместьями). 5-й – за вопросы пожарного страхования и пожарной полиции, и финансовый аудит.

Когда 22.03.1848 г. было образовано «Мартовское министерство», то предполагалось, что коллегиальная система управления будет заменена министерствами, каждое из которых возглавлял член правительства (член Государственного совета).

Государственный секретарь С. Э. Барденфлет с 22.01.1848 г. назначен министром юстиции. 14 дней спустя датская канцелярия была упразднена. 3 апреля Барденфлет представил королю предложение «О реорганизации Датской канцелярии Вашего Величества в Министерство юстиции». В тот же день оно получило королевскую резолюцию и вступило в силу 5 апреля [7].

Входе данной организации планировалось и создание МВД, при этом, до 1848 г. не было правительственной коллегии для общегражданского управления (внутренних дел). Вопросы, охватываемые в то время этим понятием, а именно – местное управление, народное представительство, промышленность, сельское хозяйство, общественные работы и др., были разделены между несколькими коллегиями. Такой подход в государственном строительстве критиковался еще современниками реформы [8, с. 1-128; 9; 10, с. 1-8; 11].

Революционные события в Европе 1848-1849 гг. привели к тектоническим изменениям в формах правления многих государств, иному отношению к правам человека вообще и заключенных в частности. Не обошли эти события и Данию – по их результату была принята Конституция 1849 г. [12].

В 1848 г., при переходе к министерскому правлению принято решение о создании МВД, однако отсутствие традиции разделения судебных и других гражданских административных дел вызывало некоторую неопределенность. Разногласия в правительстве по поводу того, как решить эту проблему, лишь затягивали разрешение вопроса.

С 1.06.1848 г. проведена реорганизация Министерства юстиции между 1-м и 2-м департаментами, в результате распределение по географическому признаку прекратилось. Такое распределение позволяет предположить, что предполагалось собрать в одном из департаментов то, что считалось пригодным для передачи в МВД.

Ко 2-му департаменту были отнесены дела о народном представительстве, натурализации, промышленности, местном самоуправлении, оказании помощи бедным, посадке на мель, медицине и театральным пособиям. Остальные дела, в основном судебно-полицейские и семейные, поступали в 1-й департамент.

Споры о наиболее лучшем распределении дел между министерствами юстиции и внутренних дел, происходили с участием в них главы правительства А.В. Мольтке [13]. Согласно указу от 3.12.1848 г. [14], министерство юстиции состояло из 3-х департаментов: 1-е отделение с одним кабинетом. Начальником отдела был Ф. К. Е. Дальстрём, служивший канцеляристом в момент упразднения канцелярии.

2-е отделение с 4 отделениями, а именно: отделение по страхованию от огня рыночных городов и сельскохозяйственных построек, отделение по ревизии завещаний и общественных фондов учредителей и 2 отделения по ревизии фондов несо-

вершеннолетних (ученические отделения). Главой управления был Андреас Мёллер. 3-й департамент с 1-м отделением. Первым изменением в организации министерства юстиции после 1848 г. стало расширение, в основном произошедшее за счет иных управленческих подразделений государства.

Когда в октябре 1855 г. вступил в силу конституционный закон о датской монархии (общегосударственная конституция), он привел к значительным изменениям в распределении обязанностей между министерствами в связи с тем, что теперь полностью разграничивались общие дела монархии и особые дела провинций. Так, министр МВД стал министром финансов по особым делам королевства и в этом качестве должен был представлять парламенту предложения по бюджету министерств королевства: министерства юстиции, МВД и министерства культуры [6, s. 23].

Чтобы разгрузить МВД, исландский департамент был переведен в министерство юстиции, который занимался также фарерскими и гренландскими делами и занимал своеобразное положение, когда с точки зрения бюджета, персонала и т.д. (вопросы секретариата) принадлежал МВД, но министерское решение вопросов его юрисдикции принадлежало соответствующему министру, т.е. по вопросам юстиции – министру юстиции, по вопросам школы – министру культуры и т.д.

Таким образом, во-первых, исландский департамент в вопросах секретариата был передан в ведение министерства юстиции, а во-вторых, решение министерства по исландским и фарерским (но не гренландским), которые до того находились в ведении министра внутренних дел, в дальнейшем должны были приниматься министром юстиции.

Гренландские же вопросы оставались в ведении министра внутренних дел. До 1858 г. они по-прежнему решались в экспедиционной канцелярии исландского департамента, но затем были переданы в МВД по делам общественных работ. Когда гренландские дела не перешли в министерство юстиции в 1855 г., это было связано с тем, что колонии являлись общими делами монархии по системе всего государства. Идея заключалась в том, что гренландские дела, как и вест-индские, должны быть переданы в ведение министерству по общим внутренним делам монархии. Однако это так и не было реализовано [15].

С 1861 г. министерство юстиции было организовано так: 7-й департамент с 1-й экспедиционной конторой. 2-й департамент с 3 отделениями, а именно: экспедиционное отделение департамента (2-е отделение), отделение страхования от огня рыночных городов и сельских строений и отделение ревизии налоговых органов. Исландский департамент с 1-й диспетчерской конторой. С 1861 по 1884 г. существовало еще одно отделение – тюремное. Оно было создано после упразднения должности главного тюремного инспектора [6, s. 26].

Штат тюремной канцелярии состоял из начальника и помощника (секретаря). В среднем в день отправлялось от 1 до 2 депеш. В ревизионном отделении службы выплат работали начальник, 3 помощника и 3 клерка. Количество его отправок были так же малы, как и в тюремной канцелярии, что говорит не столько о малом штате сотрудников, но и то, что работа в этом отделении носила иной характер, чем в экспедиционных отделениях [6, s. 27].

Для министерства юстиции период с 1880-х по 1914 г. был увеличения активности: больше задач, больше бумажной работы, больше сотрудников [6, s. 33].

В тоже время, за период с 1880 по 1913 гг. общий объем дел отделений практи-

чески не изменился. В дополнение к сказанному выше, департамент министерства юстиции был разгружен в связи с созданием в 1910 г. управления по тюремной службе. В 1914 г. проведено существенное ограничение зоны ответственности департамента [6, s. 35].

Тот факт, что профессиональное централизованное управление тюремной службой было создано в 1848 г., лишь отчасти связан с общей административной реформой, происходившей в это же время. При прежней системе управление пенитенциарными учреждениями принадлежало канцелярии (*under kancellierne*), но с 1840 г. комиссия подготовила и частично осуществила реформы в отношении организации учреждений и порядка отбывания наказаний.

В течение некоторого времени количество осужденных увеличивалось по отношению к численности населения, что могло быть вызвано ростом преступности или более эффективной работой полиции. Кроме того, с конца XVIII в. смертная казнь и другие телесные наказания стали применяться реже и были заменены тюремным заключением [6, s. 72]. Однако, в исправительных учреждениях наблюдалась переполненность, где сложились условия, вызывающие критику со стороны общественности. Тюремь называли «школами отягчающих обстоятельств» и «питомниками порока». В знак протеста против такого развития событий, которое не было исключительно датским, возникло международное движение за реформы. Его целью было превращение тюрем в исправительные центры.

В Дании С. Н. Давид возглавил эту критику. Это привело к тому, что королевским постановлением от 8.04.1840 г. создана тюремная комиссия, состоящая из 2-х депутатов от каждой канцелярии, 2-х экспертов по строительству и С. Н. Давида. Комиссия представила несколько отчетов. Одним из результатов ее деятельности стало строительство исправительно-воспитательного дома в Хорсенсе (1848 г.).

В комиссии С. Н. Давид выступал за то, чтобы объединить управление исправительными учреждениями под началом одного высокопоставленного чиновника в качестве посредника между учреждениями и правительством. Это встретило сопротивление со стороны представителей в комиссии, якобы из-за повышения расходов, но, вероятно, в большей степени потому, что они не хотели, чтобы оппозиционер Дэвид, занял высокий официальный пост [16].

Когда С. Э. Барденфлет в 1848 г. стал министром юстиции, С. Н. Дэвид вновь обратился к идее создания совета. В письме от 17.06.1848 г. он, ссылаясь на зарубежный опыт, объяснил, какие обязанности должны возлагаться на суперинтенданта тюремной службы – осуществлять общее руководство государственными пенитенциарными учреждениями – в то время это были Кристиансхавн, Мён, Оденсе и Выборг, а также надзор за муниципальными тюрьмами и учреждениями принудительного труда.

В отношении первых наиболее важной задачей было обеспечение единообразия через ежеквартальные отчеты и частые проверки на местах как в управлении, так и в обращении с заключенными. Что касается центров содержания под стражей, то Дэвид сравнил контроль, который должен осуществляться, с контролем, который государство осуществляло над организацией муниципальных школ.

22.11.1848 г. Барденфлет смог представить королю предложение о новой системе управления тюремной системой. Постановлением от 27.09.1848 г. Тюремная комиссия упразднена с 1.01.1849 г. С этой же даты планировалось назначение главного

инспектора тюремной службы, который «помимо обязанностей, ранее возлагавшихся на Тюремную комиссию, должен будет взять на себя Совету управляющих исправительными заведениями в качестве посредника между соответствующим министерством и правлениями отдельных исправительных учреждений в соответствии с инструкциями, которые будут ему сообщены». В итоге было принято решение о назначении Давида на эту должность.

В письме от 13.12.1848 г., в котором министр юстиции уведомляет о назначении Давида, ему предлагалось «представить проект инструкции, которая, таким образом, будет составлена для Вас в Вашем полном качестве, так же как я должен также просить вас высказать свое мнение о том, каким образом отдельные гражданские пенитенциарные учреждения могли бы получить местное управление, соответствующее новым условиям, которые возникли»¹.

Для экономики исправительных учреждений труд заключенных имел большое значение, но и создавал различные проблемы, которые в инструкции изложены в следующих, несколько неопределенных выражениях: «Что касается работы, выполняемой в исправительных учреждениях он (комендант) должен заботиться о том, чтобы это было как можно более выгодно возможно, а с другой стороны, в соответствии с уголовно-исполнительной системой и частной промышленностью, как можно меньше препятствовать» [6, с. 74].

Следует указать, что в данный период труд заключенных состоял в основном из подрядных работ для частных компаний, а также работы по обеспечению деятельности самих учреждений (финансовая работа) [17]. Если ко второму виду деятельности претензий не могло возникнуть, то выполнение подрядных работ означало проникновение на рынок данных услуг, что создавало конкуренцию частным подрядчикам. В 1850 г. изменено управление отдельными исправительными учреждениями. До этого они подчинялись местным коллегиям и инспекциям, которые действовали не слишком эффективно.

Постановлением от 14.07.1850 г. коллежские управления упразднены. Письмом Министерства юстиции от 3 августа того же года установлена новая структура управления исправительными учреждениями. В каждом из них был назначен директор, старший чиновник на местах, задача которого заключалась в основном в надзоре, а повседневное управление осуществлялось инспектором [18].

Примерно до начала XX в. Инспекция тюрем была весьма скромной организацией. Офисный аппарат был очень небольшим, но суперинтендант отвечал за довольно обширные командировки. В первом десятилетии XX в. количество командировок удвоилось, но оно все равно было незначительным по сравнению с экспедиционными отделениями министерства юстиции.

Парламент Дании исключил из законопроекта финансовые льготы для Карла Гуса, который был принят парламентом. Закон был ратифицирован 18 апреля 1910 г. и вступил в силу 1 октября. Постановлением № 136 от 26.05.1910 г. [19], на новую дирекцию из 1-го отделения были возложены министерские дела, касающиеся управления тюремной службой, отбывания, отпущения и смягчения наказания, а из 2-го отделения – дела о восстановлении в правах. 29 октября 1910 г. издана инструкция для начальника тюремной службы [20]. Она начиналась следующим обра-

¹ Очевидно оговорка о инструкции от 3 августа 1850 г.

зом: «Директор тюрем отвечает перед министром юстиции за управление и надзор за тюремной службой страны одновременно с выполнением обязанностей начальников департаментов. Что касается в соответствии с королевским постановлением от 25 мая экспедиции министерства юстиции к нему и в отношении дел, касающихся Тюремной службы, которые ранее рассматривались через 1-е отделение Министерства. Канцелярия».

22 июня 1910 г. королевской резолюцией Торкиль Фуссинг назначен директором. В Инспекции было всего 2 сотрудника. Они были назначены на должность директора. Теперь к ним добавились 3 сотрудника из департамента министерства юстиции, включая ответственного секретаря, который исполнял обязанности начальника канцелярии. Штатная должность начальника управления была введена только в 1921 г. В результате создания управления должность главного инспектора, занимавшая неполный рабочий день, была заменена штатной должностью директора.

При создании управления предполагалось, что его деятельность будет в дальнейшем более активной, ведь это предполагалось реформой 1910 г. Вместе с тем, упоминается расширение трудовых операций, увеличилось количество дел о помиловании. Так, предполагалось, что ежегодное количество номеров журналов достигнет около 1750 и номеров писем около 3 000, но к 1919 г. оно достигло 8 504 номеров писем.

В результате реформы государственной службы 1919 г. директор был отнесен к тому же классу должностей, что и начальники отделов. В предложении к закону о стандартизации на 1920/21 гг. предусмотрена должность заместителя директора из-за его загруженности. В комментариях к законопроекту указаны причины роста нагрузки, в том числе сильное увеличение числа как заключенных, так и персонала.

Рассматривался и вопрос о возвращении некоторых дел в департамент из тех дел, которые в 1910 г. были переданы управлению. В результате было принято решение о том, что секретарь, работающий в Департаменте, будет также работать в Управлении, где он фактически выполнял функции начальника канцелярии. Таким образом, речь шла не о расширении числа руководящих должностей, а о замене неофициальной должности руководителя офиса на должность уполномоченного заместителя директора. Однако это привело лишь к созданию стандартизированной должности руководителя подразделения, что была введена с 1.01.1921. С этой же даты Управление передало часть дел департаменту, в котором только что была утверждена четвертая должность начальника отдела.

Следует упомянуть, что 30.01.1920 г. между постоянным секретарем Шредером и директором Фуссингом достигнута договоренность о том, какие дела будут переданы (о смягчении и отмене наказания, помиловании), хотя помилование заключенных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях (из государственных тюрем с 1933 г.), должны были остаться в Управлении. Кроме того, в ведение Управления должны были передаваться дела об убийствах на почве оскорбленной чести. Это было реализовано указом от 30.12.1920 г. и исполнительным приказом № 735 от того же числа.

В письме от 10.02.1921 г., направленном министру юстиции, начальник тюрьмы указал на несоответствие между королевским постановлением и исполнительным приказом. Согласно первому, дела, касающиеся отбывания, смягчения и отмены наказания, должны были передаваться в департамент, в то время как в указе, состо-

ящем только из описания порядка распределения дел между 4-мя отделениями Департамента, ничего не говорится о делах, связанных с отбыванием наказания, что, по словам Фуссинга, не являлось частью соглашения между ним и Шредером [6, с. 92].

Фуссинг предложил устранить это несоответствие путем толкования, по которому термин «содержать» в королевской резолюции включить случаи, касающиеся необходимости и сроков отбывания наказания в виде лишения свободы, а также исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы (штрафы и смертная казнь), поскольку исполнение наказаний, связанных с лишением свободы, было отнесено к компетенции Директората в соответствии с законом о его учреждении, что не могло быть изменено указом.

В соглашении между Шредером и Фуссингом также указывалось, что все дела о тюремных обществах и аналогичных учреждениях для поддержки освобожденных заключенных должны быть переданы в ведение Директората. По мнению Фуссинга, это должно было произойти уже в 1910 г. в соответствии с инструкциями, данными начальнику тюрьмы, но фактически эти вопросы остались в Управлении. С 1921/22 финансового года они перешли в ведение Управления [6, с. 92].

В 1926 г. комиссар Бирч умер. Согласно закону, об учреждении управления, оно прекратило свое существование после его ухода. Руководство трудовыми операциями перешло к начальнику управления Вайбюлю, который, однако, не получал ни жалованья Бирча, ни комиссионных [21].

Во второй половине 1920-х гг. резко возросло количество жалоб частных предпринимателей на конкуренцию со стороны пенитенциарных учреждений. В результате 9.04.1929 г. министерство юстиции назначило комиссию по изучению финансовой стороны работы в исправительных учреждениях с тем, чтобы осветить ее с общей оперативной точки зрения. Речь идет об утверждениях, что цены на продукцию заключенных приводили к «искажению конкуренции». В состав комитета входили 4 члена: главный финансовый бухгалтер Ханса Бьярне (председатель), офис-менеджер Вайбилл из дирекции, председатель Ассоциации ремесленников Копенгагена и председатель Ассоциации переплетчиков.

Когда стало известно о создании комитета, Промышленный совет также попросил о допуске своего представителя в комитет, что и было сделано. В июле 1930 г. социал-демократический депутат П. Андерсен также стал членом комитета [22].

В ходе работы комитета выявились принципиальные разногласия между представителями администрации и промышленности. Только 16.12.1931 г. комитет смог представить отчет [23]. Интересным в данном контексте является предложение комитета о создании постоянного органа по вопросам функционирования тюремной службы с участием представителей администрации, датского парламента, работодателей и трудового коллектива. В октябре 1932 г. министр юстиции назначил наблюдательный совет по тюремному труду, состоящий из 7 членов во главе с директором тюремной службы. 2 члена назначались Датским парламентом. На практике это были по 1 представителю от каждой из 2-х крупнейших партий.

Кроме того, двое назначались по рекомендации Конфедерации датских профсоюзов (LO), а представители работодателей назначались по рекомендации Объединенного представительства датской промышленности и ремесел (Ремесленный совет) и Промышленного совета соответственно.

В задачи Совета входило обсуждение общих вопросов по трудовой деятельности и рассмотрение жалоб. Прием новых субъектов трудовой деятельности следовало представлять на рассмотрение Совета. Его компетенция была только консультативной, но директор, если он не считал возможным следовать рекомендации большинства членов, должен был представить спорный вопрос министру. При этом никакой правовой основы деятельности не было, а сам Совет был создан административным порядком [27].

Тем не менее, данный орган (Совет) существует до сих пор, что правда в несколько измененном виде и теперь называется Наблюдательным советом по вопросам трудоустройства заключенных в исправительных учреждениях.

За расширением Тюремного совета в 1910 г. стояли планы передать в ведение государства центры содержания под стражей, которые находились в собственности и управлении муниципалитетов и графств и использовались частично для содержания подсудимых, а частично для отбывания более коротких сроков лишения свободы [6, с. 94]. В 1924 г. внесен законопроект о передаче их в государственную собственность. Он не был реализован, но в связи с ним, директор Фуссинг, по просьбе министра юстиции, подготовил доклад по этому вопросу. Фуссинг высказался за то, чтобы государство взяло все исполнение наказаний в свои руки. Это была наиболее рациональная система, которая была внедрена почти во всех европейских странах.

После принятия закона № 166 от 18 мая 1937 г. об организации полиции и пенитенциарной системы 1 апреля 1938 г. [25] все тюрьмы предварительного заключения были переданы государству. Это означало, что с этой же даты в Управлении был создан отдел тюремной службы, фактически новая должность, которую возглавлял заместитель начальника тюрьмы, позднее – начальник тюрьмы.

Список литературы:

1. Trunken - det første fængsel på Bremerholmen i København fra ca. 1620. – URL: [Trunken - det første fængsel på Bremerholmen i København fra ca. 1620 \(danmarkshistorien.dk\)](http://Trunken - det første fængsel på Bremerholmen i København fra ca. 1620 (danmarkshistorien.dk)) (дата обращения: 11.01.2024)
2. Л. Ф. Пертли. Тюремная политика Российской империи (1879-1917 годы) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - №9/2023. – С. 29–35. – URL: [Тюремная политика Российской империи \(1879-1917 годы\) \(cyberleninka.ru\)](http://Тюремная политика Российской империи (1879-1917 годы) (cyberleninka.ru)) (дата обращения: 12.01.2024)
3. Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII-XX вв. Историко-правовой анализ развития : монография. СПб., 2004. С. 268.
4. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1961. Т. 3. – С. 24.
5. Kgl. resolution af 6.12.1813.
6. Niels Petersen Justitsministeriet. Organisation og arkiv. – Udgivet af RIGSARKIVET I kommission hos G EC GAD ADMINISTRATIONS HISTORISKE STUDIER nr. 6 1982. – S. 12. – URL: [Arkivalieronline \(sa.dk\)](http://Arkivalieronline (sa.dk)) (дата обращения: 13.01.2024)
7. Justitsmin. 1. kt. 1848 nr. Y 741.
8. Bidrag til Geheimeraad Frederik Moltkes Levnetsbeskrivelse. Af Overauditeur Ludv. J. F. Moltk // HISTORISK TIDSSKRIFT, Fjerde Række, udgivet af den danske historiske Forening, ved dens Bestyrelse. – S. 1-128. – URL: [Historisk Tidsskrift, Fjerde Række. Andet Bind \(slaegtsbibliotek.dk\)](http://Historisk Tidsskrift, Fjerde Række. Andet Bind (slaegtsbibliotek.dk)) (дата обращения: 15.01.2024).
9. Moltke's "Udkast til en forandret Organisation af de øverste Regierings-Collegier. 1840.
10. Betænkninger fra Christian VIIIs tid om styrelsen af det danske monarki, Kbh. 1969, s. 1-8.
11. Bidrag til Geheimeraad Frederik Moltkes Levnetsbeskrivelse. - Historisk Tidsskrift, Bind 4. række, 2 (1870 - 1872). – URL: [_Visning af: Bidrag til Geheimeraad Frederik Moltkes Levnetsbeskrivelse. | Historisk Tidsskrift \(дата обращения: 14.01.2024\)](http://_Visning af: Bidrag til Geheimeraad Frederik Moltkes Levnetsbeskrivelse. | Historisk Tidsskrift (дата обращения: 14.01.2024))
12. Исаев М.А. Основы конституционного права Дании / М. А. Исаев ; МГИМО(У) МИД России. – М. : Муравей, 2002. – 337 с. – ISBN 5-89737-143-1.
13. Konseilspræsidiat 1848 nr. 173, Finansministerensjournal 1848 nr. 128, Justitsmin. 2. dpt. 1848 nr. A 1586.

14. Justitsmin. 1. kt. 1848 nr. A 1954.
15. Konseilspræsidiets, forestillinger 1855 nr. 7, kgl. resolution af 28.10.1855.
16. Harald Jørgensen, C. N. David, Kbh. 1950, s. 151-80. Fængselskommissionens arkiv findes under Danske Kancelli, se Vejledende Arkivregistraturer I, Kbh. 1943, s. 99: G XIV 169, Kommissionen til at overveje, hvilken Betydning der i Danmark og Holsten bør tillægges nyere Systemer for Straffeanstalters Indretning. – URL: [Vejledende-Arkivregistraturer-I-Danske-Kancelli-og-de-dermed-beslaegtede-institutioner.pdf](#) (rigsarkivet.dk) (дата обращения: 09.01.2024)
17. Justitsmin. 1. kt. 1848 nr. A 58.
18. Justitsmin. 1. kt. 1850 nr. C 1936.
19. PREBEN DOLLERUP. Geheimkonseillet og Danske kancelli 1690—95 // Historisk Tidsskrift, Bind 12. række, 1 (1963 - 1966). – URL: Visning af: Geheimkonseillet og Danske kancelli 1690—95 | Historisk Tidsskrift (дата обращения: 29.01.2024)
20. Hvem styrer fængslerne og fangehåndteringen i Danmark? Stillingen som direktør for fængselsvæsenet/kriminalforsorgen gennem 111 år. – URL: [gjrgensen,+6k_08_Peter+Fransen_NTfK_1_2021](#) (1).pdf (дата обращения: 29.01.2024)
21. Dir. f. fængselsv. 1926 nr. 314.
22. Dir. f. fængselsv. 1928 nr. 697, 1929 nr. 569.
23. Betænkning afgivet af Justitsministeriets Udvalg af 9. April 1929 angaaende Fængselsarbejdet. Maskinskrevet. (Svennevig nr. 526).
24. Dir.f.fængselsv. 1932 nr. 357. Instruks nr. 227 (MT) af 20.10.1932.
25. Betænkning om politiets og arrestvæsenet fremtidige ordning på Færøerne. Afgivet af ved justitsministeriets skrivelse af 26. september 1955 nedsatte udvalg. – S. 26. – URL: [1956.12 Betænkning om politiets og arrestvæsenets fremtidige ordning på Færøerne.pdf](#) (lms.fo) (дата обращения: 9.02.2024).

Koshkin A. S. The development of the Danish penitentiary system of administration in the XVI-first half of the twentieth century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 3. – P. 84 – 94.

The article considers the process of creation and evolution of the penitentiary institutions management system in Denmark in the 16th - first half of the 20th centuries. It is established that until the first half of the XIX century in Denmark, despite the formally leading role of the Ministry of Justice, penitentiary institutions were managed by civil and military departments. An important role in this process was played by the Danish Chancellery, which in 1848 was divided into 5 departments, of which the 2nd was responsible for justice and police. The reforms of 1848 turned out to be half-hearted - the Ministry of Justice could not be fully separated from the Ministry of the Interior. The Constitution of 1855 led to a redistribution of tasks of the ministries, but from 1861 to 1884 the Ministry of Justice had a prison department with insignificant staff and functions. The Prison Commission established in 1840 proposed to create a unified prison service, and with its abolition from 1.01.1849 in 1850 the management of individual correctional institutions was changed with the abolition of collegiate administrations. Only after that a separate director subordinated to the Inspectorate of Prisons appeared in each correctional institution. In 1910, a new stage of the reform of penitentiary administration began, with a director of prisons, subordinate to the Minister of Justice, at the head of it. In reality, the prison administration with an independent director began to operate in 1921, but its powers were clarified and defined in the 1930s, including in connection with the establishment of the Prison Labour Supervisory Board. The Act of 18.05.1937 transferred all pre-trial prisons from the municipal and county governments to the state.

Keywords: Denmark, penitentiary institutions, board, office, Ministry of Justice, law, inspections.

Spisok literaturey:

1. Trunken - det første fængsel på Bremerholmen i København fra ca. 1620. – URL: [Trunken - det første fængsel på Bremerholmen i København fra ca. 1620](#) (danmarkshistorien.dk) (data obrashcheniya: 11.01.2024)
2. L. F. Pertli. Tyuremnaya politika Rossijskoj imperii (1879-1917 gody) // Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy. - №9/2023. – S. 29–35. – URL: [Tyuremnaya politika Rossijskoj imperii \(1879-1917 gody\)](#) (cyberleninka.ru) (data obrashcheniya: 12.01.2024)
3. Uporov I. V. Penitenciarnaya politika Rossii v XVIII-HKH vv. Istoriko-pravovoj analiz razvitiya : monografiya. Spb., 2004. S. 268.
4. Gernet M. N. Istoriya carskoj tyur'my. M., 1961. T. 3. – S. 24.
5. Kgl. resolution af 6.12.1813.
6. Niels Petersen Justitsministeriet. Organisation og arkiv. – Udgivet af RIGSARKIVET I kommission hos G EC GAD ADMINISTRATIONS HISTORISKE STUDIER nr. 6 1982. – S. 12. – URL: [Arkivalieronline](#) (sa.dk) (data obrashcheniya: 13.01.2024)
7. Justitsmin. 1. kt. 1848 nr. Y 741.
8. Bidrag til Geheimeraad Frederik Moltkes Levnetsbeskrivelse. Af Overauditeur Ludv. J. F. Moltk // HISTORISK TIDSSKRIFT, Fjerde Række, udgivet af den danske historiske Forening, ved dens Bestyrelse. – S. 1-128. – URL: [Historisk Tidsskrift, Fjerde Række. Andet Bind](#) (slaegtsbibliotek.dk) (data obrashcheniya: 15.01.2024).

9. Moltke's "Udkast til en forandret Organisation af de øverste Regierings-Collegier. 1840.
10. Betænkninger fra Christian VIII's tid om styrelsen af det danske monarki, Kbh. 1969, s. 1-8.
11. Bidrag til Geheimeraad Frederik Moltkes Levnetsbeskrivelse. - Historisk Tidsskrift, Bind 4. række, 2 (1870 - 1872). – URL:
Visning af: Bidrag til Geheimeraad Frederik Moltkes Levnetsbeskrivelse. | Historisk Tidsskrift (data obrashcheniya: 14.01.2024)
12. Isaev M.A. Osnovy konstitucionnogo prava Danii / M. A. Isaev ; MGIMO(U) MID Rossii. – M. : Muravej, 2002. – 337 s. – ISBN 5-89737-143-1.
13. Konseilspræsidiets 1848 nr. 173, Finansministerensjournal 1848 nr. 128, Justitsmin. 2. dpt. 1848 nr. A 1586.
14. Justitsmin. 1. kt. 1848 nr. A 1954.
15. Konseilspræsidiets, forestillinger 1855 nr. 7, kgl. resolution af 28.10.1855.
16. Harald Jørgensen, C. N. David, Kbh. 1950, s. 151-80. Fængselskommissionens arkiv findes under Danske Kancelli, se Vejledende Arkivregistraturer I, Kbh. 1943, s. 99: G XIV 169, Kommissionen til at overveje, hvilken Betydning der i Danmark og Holsten bør tillægges nyere Systemer for Straffeanstalters Indretning. – URL: [Vejledende-Arkivregistraturer-I-Danske-Kancelli-og-de-dermed-beslaegtede-institutioner.pdf](#) (rigsarkivet.dk) (data obrashcheniya: 09.01.2024)
17. Justitsmin. 1. kt. 1848 nr. A 58.
18. Justitsmin. 1. kt. 1850 nr. C 1936.
19. PREBEN DOLLERUP. Geheimkonseillet og Danske kancelli 1690—95 // Historisk Tidsskrift, Bind 12. række, 1 (1963 - 1966). – URL: Visning af: Geheimkonseillet og Danske kancelli 1690—95 | Historisk Tidsskrift (data obrashcheniya: 29.01.2024)
20. Hvem styrer fængslerne og fangehåndteringen i Danmark? Stillingen som direktør for fængselsvæsenet/kriminalforsorgen gennem 111 år. – URL: [gjrgensen,+6k_08_Peter+Fransen_NTfK_1_2021 \(1\).pdf](#) (data obrashcheniya: 29.01.2024)
21. Dir. f. fængselsv. 1926 nr. 314.
22. Dir. f. fængselsv. 1928 nr. 697, 1929 nr. 569.
23. Betænkning afgivet af Justitsministeriets Udvalg af 9. April 1929 angaaende Fængselsarbejdet. Maskinskrevet. (Svennevig nr. 526).
24. Dir.f.fængselsv. 1932 nr. 357. Instruks nr. 227 (MT) af 20.10.1932.
25. Betænkning om politiets og arrestvæsenets fremtidige ordning på Færøerne. Afgivet af ved justitsministeriets skrivelse af 26. september 1955 nedsatte udvalg. – S. 26. – URL: [1956.12 Betænkning om politiets og arrestvæsenets fremtidige ordning på Færøerne.pdf](#) (lms.fo) (data obrashcheniya: 9.02.2024).

УДК 342.5

**ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЕ БАТАЛЬОНЫ В БОРЬБЕ С ФАШИСТСКО-
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМ ПОДПОЛЬЕМ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ
УКРАИНЫ, ПРИБАЛТИКИ, БЕЛОРУССИИ В 1944-1953 ГГ.
(ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**

Мутигуллин А. В.

*Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии
Российской Федерации*

В статье на основе анализа архивных документов, историко-правовых документов и литературы кратко раскрывается правовое регулирование деятельности истребительных батальонов по борьбе с фашистско-националистическим подпольем в Украине, Белоруссии и Прибалтике. Раскрываются особенности и порядок выполнения истребительными батальонами задач согласно нормативным документам НКВД-МВД СССР по борьбе с подпольем и его вооруженными бандгруппами. Раскрывается генезис развития правового регулирования деятельности истребительных батальонов по борьбе с бандитизмом. При этом отмечается, что в рассматриваемых исторических условиях, в СССР существенную роль в борьбе с фашистско-националистическим подпольем сыграли подразделения истребительных батальонов.

Ключевые слова: истребительные батальоны, ГУББ МВД СССР, правовое регулирование, чекистское обслуживание, борьба, фашистско-националистическое подполье, бандитизм.

В историографии понятие «истребительные батальоны» в ряде работ вводят в научный оборот обширный комплекс источников, связанных с деятельностью НКВД-МВД СССР. Стоит отметить, что ученые, занимающиеся проблематикой деятельности истребительных батальонов, в основном, связывают свое повествование в рамках периода Великой Отечественной войны. В качестве примера можно привести работу Билейко С.В. «Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне», а также замкнуты в границах событий, происходящих в конкретных областях. Так в своей работе Верютин Д.В. раскрывает и показывает деятельность подразделений истребительных батальонов на территории Центрального Черноземья. В тоже время деятельность истребительных батальонов по борьбе с фашистско-националистическим подпольем и его вооруженными бандформированиями в завершающий период Великой Отечественной войны и первое десятилетие после войны остается во многом вне фокуса изучения. Стоит отметить, что вопросы деятельности истребительных батальонов в западных регионах СССР, в научных трудах закрепляются лишь в отдельных главах.

Если рассматривать деятельность истребительных батальонов на территории СССР в период 1941-1945 гг., то стоит отметить, что численность подразделений существенно сократилась, а задачи, по сути, остались те же самые. Что нельзя сказать о западных регионах СССР. Освобождение западных территорий СССР (Украина, Белоруссия, Прибалтийские республики) войсками Красной Армии от немецко-фашистской оккупации открыли и усилили антисоветскую деятельность пособники фашистов, преступных элементов, кулаков, националистов [1, с. 56]. Они объединились и стали участниками фашистско-националистического подполья, что послужило ростом преступности и развития бандитизма в западных регионах страны.

Для борьбы с фашистско-националистическим подпольем и для укрепления советской власти, в том числе и истребительные батальоны, провело ряд политико-правовых мер. В первую очередь это было связано с реорганизацией и нормативно-правовом закреплении деятельности истребительных батальонов. Стоит отметить, что, в своей основе деятельность истребительных батальонов предусматривала непосредственную борьбу с националистическим подпольем, усиления роли советской власти в освобожденных местностях, в частности в сельской местности.

Изначально истребительные батальоны были созданы на основании Постановления СНК СССР от 24.06.1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» [2, с. 245]. Далее, в соответствии с требованиями постановления, НКВД СССР издал приказ № 00804, в котором детально регламентировал задачи и организационно-штатную структуру подразделений истребительных батальонов. Далее, в конце 1941 г. Приказ НКВД СССР от 12.12.1941 № 001683 регламентировал создание истребительных батальонов на освобожденных от оккупации немецко-фашистских войск территориях СССР. Изначально истребительные батальоны предназначались для борьбы с десантами диверсионными группами противника, поддержания советского порядка на подконтрольных территориях, а также для охраны важных объектов. В дальнейшем, с началом активной деятельности фашистско-националистического подполья в Украине, Прибалтике и Белоруссии начиная с 1944 г. на подразделения истребительных батальонов возложили задачу борьбы с подпольем и его вооруженными бандитскими группами.

В Западной Украине создание истребительных батальонов было регламентировано Постановлением Политбюро ЦК КП(б) У от 10.01.1945 «Об усилении борьбы с украинскими националистами в западных областях Украины» [3, с. 115]. Стоит отметить, что данный нормативный документ являлся дополнением приказа НКВД УССР. Нормативный документ регламентировал, что «в связи с нехваткой сил и средств внутренних войск НКВД УССР, а также для стабилизации обстановки в западных областях Украины, в районных центрах и крупных селах создать истребительные батальоны для борьбы с бандитизмом, а также с фашистско-националистическим подпольем». Важно подчеркнуть, что в западной Украине была наиболее сложная обстановка с деятельностью фашистско-националистического подполья, что требовало от руководства страны и республики принятия экстренных и жестких мер борьбе с бандитизмом.

В Белоруссии создание истребительных батальонов проходило планомерно с процессом освобождения республики от оккупации, а также из-за более низкой активности деятельности фашистско-националистического подполья. Создание истребительных батальонов в Белоруссии было регламентировано приказом НКВД БССР от 20 ноября 1943 г. Данный нормативный документ определял на освобожденных территориях создавать подразделения истребительных батальонов по штатам, предусмотренным приказом от июня 1941 г. № 00804 и постановлении СНК СССР [4].

Похожие нормативно-правовые меры применялись и в Прибалтике. Для усиления борьбы с подпольем сначала в Литве, затем в Латвии и Эстонии по распоряжению народного комиссара внутренних дел СССР Л. Берии начали формироваться истребительные батальоны. На эти батальоны возлагались задачи патрулирования

населенных пунктов, прочесывания вероятных мест укрытия бандгрупп и др.

Необходимо указать, что на начальном этапе члены истребительных батальонов (как их называли, «ястребки») вели свою деятельность на «общественных началах». Преимущественно в состав истребительных батальонов входили малоимущие крестьяне, поддерживавшие советскую власть. Однако «ястребки» не освобождались от призыва в армию. С учетом вышеперечисленных факторов формирование истребительных батальонов велось крайне неудовлетворительно. Но с изданием распоряжения военного комиссара Литвы от 15 декабря 1944 г. «Об освобождении бойцов истребительных батальонов от призыва в Красную Армию» ситуация резко изменилась в положительную сторону. Так, к концу марта 1945 г. количество истребительных батальонов в республике составлял 22 с общей численностью бойцов свыше 11 000 чел. [5, с. 256].

В послевоенное время активность деятельности националистических бандформирований усилилась, что требовало от руководства МВД СССР решительного пересмотра в деятельности истребительных батальонов [6, с. 135]. Так в Приказе ГУББ МВД СССР от 29 мая 1946 г. № 7/4-14 «О повышении боевой способности истребительных батальонов» в целях повышения боевой способности истребительных батальонов было регламентировано провести следующие мероприятия:

1. Организовать и провести проверку всего личного состава истребительных батальонов на предмет их связи с «оуновцами». Всех сомнительных, не внушающих доверие исключать из состава истребительных батальонов под видом сокращения, нецелесообразности отрыва от хозяйства, явных предателей и «двурушников» немедленно арестовывать.

2. Организовать надежное чекистское обслуживание личного состава истребительных батальонов. Ведение этой работой возложить на начальников районных отделов МВД. Организацию работы и повседневный контроль за ее состоянием в районах возложить на заместителей начальников управлений МВД.

3. Управлению по борьбе с бандитизмом МВД УССР производить в срочном порядке расследования по всяким фактам измены, предательства со стороны бойцов истребительных батальонов, отказа от выполнения приказов, связи с бандитами, виновных немедленно арестовывать и предавать суду. При расследовании выявлять какая конкретно проводилась работа со стороны РО МВД по повышению политической грамотности, боеспособности личного состава батальона.

4. Разработать конкретные указания истребительным батальонам по предотвращению разоружения бандитами отдельных бойцов истребительных батальонов на квартирах, на полевых дорогах и других мест.

5. Добиться, чтобы районные партийные комитеты улучшили политико-воспитательную работу среди личного состава истребительных батальонов, одновременно предупредить начальников РО, не снимать ответственность за политическое воспитание бойцов истребительных батальонов.

6. Поднять ответственность отделений ОББ УМВД областей за состояние истребительных батальонов. Осуществлять постоянный контроль, проверку состояния батальонов на местах, что должно являться основным методом работы отделений.

7. Всей суммой оперативных и политических мероприятий добиться в

кратчайшие срок укрепления истребительных батальонов, повышения их боевой способности, не допуская при этом свертывания из-за опасения новых фактов измены и предательства [7].

При осуществлении контроля со стороны ГУББ МВД СССР было выявлено, что истребительные батальоны и группы содействия в значительной степени ослабили работу по противодействию деятельности фашистско-националистического подполья в Украине и Прибалтийских республиках было отмечено снижение боеспособности личного состава местных формирований, отсутствие сопротивляемости бандитским нападениям и недостаток наступательной инициативы в борьбе с бандитизмом. В связи с этим был издан приказ ГУББ МВД СССР от 1946 г. «О недостатках в работе истребительных батальонов и вооруженных групп содействия». Данный нормативный документ регламентировал:

1. Восстановить специальные аппараты (отделы, отделения, которые были введены в штаты Управлений – Отделов ББ приказом НКВД СССР от 28 декабря 1944 г. № 001525, для руководства истребительными батальонами и незамедлительно направить их работу по предназначению).

2. Восстановить и усилить работу по непрерывной организации служебно-боевой подготовке и воспитанию личного состава истребительных батальонов по прилагаемой тематике.

3. Усилить контроль и оказание практической помощи местным органам МВД в деле повышения боеспособности истребительных батальонов и активного их использования в борьбе с бандитизмом.

4. Установить правильный учет состояния и деятельности истребительных батальонов и других местных формирований.

5. Определить формы статистической отчетности о состоянии и оперативно-боевой деятельности истребительных батальонов по предлагаемому образцу ежемесячно к 15 числу.

6. Для анализа и сбора информации в порядке внесрочной информации ежедневно сообщать о фактах всех нападений, террористических актов на объекты, группы и отдельных бойцов истребительных батальонов, действиях бойцов, результатах их деятельности и так далее [8, с. 101-102].

Для повышения воинской дисциплины и порядка в подразделениях истребительных батальонов, а также для увеличения эффективности борьбы с фашистско-националистическим подпольем ГУББ МВД СССР издало распоряжение от 13.06.1946 г. № 7/4-25 «Об повышении воинской дисциплины и порядка в подразделениях истребительных батальонов», в котором было регламентировано провести следующие мероприятия:

1. Исключить всякого рода самовольные отлучки бойцов истребительных батальонов из казарменного расположения (гарнизона), без разрешения командира подразделения.

2. В каждом гарнизоне иметь круглосуточный внутренний наряд: дежурного, дневальных и часовых.

3. Обязать командиров подразделений и дежурного гарнизона производить проверку несения службы часовых и внутренних нарядов днем и ночью, путем личной проверки.

4. В каждом гарнизоне обязательно иметь: инструкции, утвержденные

начальником РО МВД, внутреннему наряду, план тревог и распорядок дня.

5. Для охраны и обороны гарнизона истребительных подразделений, на каждые сутки производить боевой расчет с выделением дежурных подразделений из расчета: от батальона – одна рота, от роты один взвод, от взвода – одно отделение, которое в расположении казармы находится в полной боевой готовности. Эти подразделения при тревоге немедленно действуют по приказу командира гарнизона и дают возможность по тревоге привести в боевую готовность остальные подразделения, расположенные в казармах [9].

Несмотря на результативность деятельности подразделений истребительных батальонов по борьбе с фашистско-националистическим подпольем в деятельности истребительных батальонов имелось место ряду упущений. Так, несмотря на неоднократные требования к решительному улучшению работы органов МВД СССР по агентурному обслуживанию личного состава истребительных батальонов, эта работа была поставлена крайне неудовлетворительно. По состоянию на 1.12.1946 г. на территории западных областей Украины имелось 1757 истребительных батальонов с общей численностью 33461 чел. Для агентурного обслуживания этого контингента имелось всего 2602 осведомителя, что в среднем составляло один осведомитель на каждый истребительный батальон. Необходимо отметить, что такое количество осведомления не могло качественно проводить разработку вражеского элемента, проникающего в истребительные батальоны. В свою очередь органы МВД не принимали мер к увеличению численного состава агентурно-осведомительной сети и улучшению качества ее работы. На 1.11.1946 г. агентурно-осведомительный аппарат состоял из 3014 чел., на 1.12.1946 составлял 2802, т.е. произошло уменьшение на 212 чел. Важно подчеркнуть, что факты, которыми располагало МВД СССР по неудовлетворительной постановке работы по чекистскому обслуживанию личного состава истребительных батальонов в ряде РО МВД напрямую способствовали к проникновению в истребительные батальоны агентуры ОУН-УПА, которая на протяжении длительного периода времени безнаказанно поддерживала преступные связи с бандами, проводили активную шпионскую работу, снабжало банды оружием и боеприпасами, разлагало личный состав истребительных батальонов, склоняя последних к предательству. В целях улучшения работы по чекистскому обслуживанию личного состава истребительных батальонов МВД СССР был издан приказ МВД СССР от 31.12.1946 № 1/18189 «Об усилении чекистского обслуживания личного состава истребительных батальонов органов МВД западных областей УССР». Данный нормативный документ регламентировал создать в истребительных батальонах работоспособную агентурно-осведомительную сеть, при этом завербовав в каждый истребительный батальон не менее 2-3 человек. Кроме того, организовать агентурное обслуживание и семей бойцов истребительных батальонов через имеющееся осведомление и агентуру на селе. Основное внимание уделить агентурно-осведомительной сети, направленной на своевременное вскрытие фактов подрывной деятельности агентуры ОУН-УПА, проникшей в состав истребительных батальонов, а также выявление и предотвращение готовящихся бандитами налетов и точечных антиполитических действий против советского, партийного актива и личного состава истребительных батальонов, МВД-МГБ СССР. Необходимо учесть тот факт, что в тех случаях, когда была доказана практическая деятельность бойцов

истребительных батальонов в ОУН-УПА, их задерживали и предавали суду. Тех лиц, в отношении которых поступала компрометирующая информация, отчисляли из истребительных батальонов и направляли к местам жительства [10].

Можно констатировать, что создание истребительных батальонов с институциональной точки зрения было идентичным на всех территориях западных регионов СССР. Но в практической служебно-боевой деятельности имелись определенные специфические особенности, в основном заключающиеся в активности деятельности подполья в западных регионах СССР [11, с. 26]. Руководство НКВД, партийные органы уделяли важное значение деятельности истребительных батальонов [12, с. 28], так как они являлись важным инструментом контроля обстановки на освобожденных территориях, где действовали националистические бандформирования, а также способом консолидации лояльного местного населения с целью полного уничтожения деятельности фашистско-националистического подполья.

Истребительные батальоны с момента создания и в дальнейшем до полного уничтожения фашистско-националистического подполья с учетом изменения оперативной обстановки, изменений тактики борьбы бандформирований подпадали под организационно-штатные мероприятия, а также постоянно совершенствовались и изменяли приемы и способы борьбы с фашистско-националистическим подпольем с учетом изменения их тактики действий. На всем протяжении борьбы с националистическим подпольем, истребительные батальоны накапливали необходимый опыт, который в дальнейшем может быть использован в борьбе с националистическими силами, в том числе в рамках выполнения задач специальной военной операции.

Список литературы:

1. Упоров И. В. Государственная политика СССР по борьбе с бандитизмом на бывших в оккупации советских территориях (1943–1953 гг.): моногр. М.: Изд-во Юрлитинформ, 2015. – 216 с.
2. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш», 1939 – март 1946 / сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2006. С. 245.
3. Политическое руководство Украины: 1938–1989. М., 2006. С. 114–118.
4. ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 518. Л. 3.
5. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) // Сборник документов. Составители: Владимирцев Н. И., Кокурин А. И. М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. – 640 с.
6. Мутигуллин, А. В. Правовое положение органов государственной безопасности в борьбе с фашистско-националистическим подпольем на территории Прибалтики в 1944-1955 гг. / А.В. Мутигуллин // Актуальные проблемы обеспечения безопасности личности, общества и государства в современных геополитических условиях : Сборник научных трудов Всероссийского межвузовского круглого стола, Санкт-Петербург, 17 марта 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. – С. 133-138.
7. ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 524. Л. 5-6.
8. Климов А. А. Деятельность внутренних войск МВД СССР по обеспечению общественной безопасности на территории западных областей Украинской ССР (1944–1953 гг.) (Историческое исследование): дис. канд. истор. наук. Москва, 2005. – 196 с.
9. ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 524. Л. 13.
10. ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 524. Л. 18-19.
11. Мутигуллин, А. В. Деятельность государственных органов по восстановлению советской власти на освобожденной от оккупации территории Украины в 1944-1945 гг. / А. В. Мутигуллин, С. В. Игнатьева // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2024. – № 1(26). – С. 20-27.
12. Бутов, С. В. Роль истребительных батальонов НКВД СССР в обороне Ленинграда в период

Великой Отечественной войны / С. В. Бутов, Ф. С. Сибгатуллин, Е. Р. Симончук // ВАШ подвиг не забыт: к годовщине прорыва блокады Ленинграда и полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады : Сборник научных статей. Военно-историческая межведомственная конференция, Санкт-Петербург, 25–27 января 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. – С. 32–38.

Mutigullin A.V. Fighter battalions in the fight against the fascist-nationalist underground in the western regions of Ukraine, Baltic States, Belarus in 1944-1953 (historical and legal aspect) // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 95–101.

Based on the analysis of archival documents, historical and legal documents and literature, the article briefly reveals the legal regulation of the activities of fighter battalions to combat the fascist-nationalist underground in Ukraine, Belarus and the Baltic States. The article reveals the features and procedure for the execution of tasks by fighter battalions in accordance with the normative documents of the NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR to combat the underground and its armed gangs. The genesis of the development of legal regulation of the activities of fighter battalions to combat banditry is revealed. At the same time, it is noted that in the historical conditions under consideration, in the USSR, units of fighter battalions played a significant role in the fight against the fascist-nationalist underground.

Keywords: fighter battalions, GUBB of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, legal regulation, Chekist service, struggle, fascist-nationalist underground, banditry.

Spisok literatury:

1. Uporov I. V. State policy of the USSR to combat banditry in the occupied Soviet territories (1943-1953): monograph. M.: Publishing house of Yurlitinform, 2015. – 216 p.
2. Lubyanka. Stalin and the NKVD-NKGB-GUKR "Smersh", 1939 – March 1946 / comp. V.N. Khaustov, V.P. Naumov, N.S. Plotnikova. M., 2006. pp. 245.3.
3. The political leadership of Ukraine: 1938-1989. M., 2006. pp. 114-118.
4. GARF. F. 9478. Op. 1. D. 518. L. 3.
5. NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR in the fight against banditry and armed nationalist underground in Western Ukraine, Western Belarus and the Baltic States (1939-1956) // Collection of documents. Compiled by: Vladimirtsev N. I., Kokurin A. I. M.: Joint edition of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. – 640 p.
6. Mutigullin, A.V. The legal position of state security agencies in the fight against the fascist-nationalist underground in the Baltic States in 1944-1955 / A.V. Mutigullin // Actual problems of ensuring the security of the individual, society and the state in modern geopolitical conditions : A collection of scientific papers of the All-Russian Interuniversity round table, St. Petersburg, March 17, 2023. – St. Petersburg: St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2024. – pp. 133-138.
7. GARF. F. 9478. Op. 1. D. 524. L. 5-6.
8. Klimov A. A. The activities of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of the USSR to ensure public safety in the western regions of the Ukrainian SSR (1944-1953) (Historical research): dissertation of the Candidate. history of sciences. Moscow, 2005. – 196 p.
9. GARF. F. 9478. Op. 1. D. 524. L. 13.
10. GARF. F. 9478. Op. 1. D. 524. L. 18-19.
11. Mutigullin, A.V. Activity of state bodies for the restoration of Soviet power in the territory of Ukraine liberated from occupation in 1944-1945 / A.V. Mutigullin, S. V. Ignatieva // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. – 2024. – № 1(26). – Pp. 20-27.
12. Butov, S. V. The role of the NKVD fighter battalions of the USSR in the defense of Leningrad during the Great Patriotic War / S. V. Butov, F. S. Sibgatullin, E. R. Simonchuk // YOUR feat is not forgotten: on the anniversary of the breakthrough of the siege of Leningrad and the complete liberation of Leningrad from the Nazi blockade : A collection of scientific articles. Military-historical Interdepartmental Conference, St. Petersburg, January 25-27, 2023. – St. Petersburg: St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of Troops of the National Guard of the Russian Federation, 2023. – pp. 32-38.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 102–112.

УДК 334.732.2(091)

ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ КРЕДИТНО-КООПЕРАТИВНЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ В ИСТОРИИ ПОТРЕБКООПЕРАЦИИ РОССИИ

Невлев В.В.

Белгородский университет кооперации, экономики и права

Содержание статьи посвящено изучению кооперативных закономерностей в процессе развития кредитных обществ потребительской системы России. Исследованы исторические этапы формирования структуры правового регулирования кредитования. Дана краткая ретроспектива становления отечественной кредитной кооперации, обоснована сущность проблемы. Определена степень изученности заявленной темы с учетом сегодняшних условий юридической науки. Освещено влияние на динамику правового регулирования исторических, социально-экономических и идеологических факторов. Отмечены главные периоды становления российского института кредитной кооперации. Показано значение народных трудовых традиций и примитивной кооперации в зарождении кредитования. Обозначены противоречия в идеологии советского государства в отношении кредитной кооперации. Отмечены ценностные установки, указывающие направления кооперативного развития. Названы формы двойственности кредитной деятельности, определена социальная специфичность кооперативной идеологии. Выявлена необходимость правового регулирования кредитной кооперации в структуре институтов гражданского общества. Подчеркнуто значение правового оформления кредитной кооперации в государственных документах. Показано влияние российской правовой ментальности на развитие и деятельность кредитных кооперативов. Освещено состояние правового регулирования кредитной кооперации совокупностью формальных и неформальных источников.

Ключевые слова: потребительская кооперация, кредитные общества, правовое развитие, кредитное законодательство, финансовая помощь, кредитные принципы, закономерность, институт гражданского общества, история кооперации, правомочность.

После отмены крепостного права с развитием капиталистических отношений в России формировались предпосылки для возникновения и развития потребительских обществ в различных регионах страны. Одним из первых направлений была кредитная кооперация. В современной правовой и кооперативной теории кредитная кооперация трактуется как форма организации социально-экономической деятельности кредитных потребительских учреждений, при активном участии граждан для оказания финансовой помощи малоимущему населению.

Исходное обоснование проблемы. Происходящие в стране изменения обнаружили дефицит духовности в нашем обществе. Явления глобализации, материальное разделение общества определили утрату части благ, в прошлом гарантированных народу государством, привели к понижению нравственного уровня общества, утрате общечеловеческих ценностей. В этих условиях потребительская кооперация, как никакая иная форма хозяйствования, поддерживает духовную и социальную основу общества, проявляя реальную заботу о пайщиках, сельских жителях.

Потребительскую кооперацию различают с иными субъектами предпринимательской деятельности кооперативная самобытность, её статус некоммерческой социально-ориентированной общественной системы, кооперативные идеология, философия, культура, менталитет, истоки которых ведут в российскую общинность, народную соборность. Кооперативные формы деятельности направлены на получение социального эффекта, берегут нравственные принципы, превносящие начала справедливости в экономическую жизнь.

Кредитная потребительская кооперация – важная финансовая система для малого

и среднего предпринимательства. Она жизненно важная часть деятельности кооперативов, небольших предприятий, рыболовецких артелей, крестьянских (фермерских) хозяйств и другого предпринимательства, как форма недорогого и эффективного кредита для развития производительных и товарно-денежных отношений.

Перспективные возможности кредитной кооперации как формы хозяйствования и социализации ещё неполно изучены, что определяет новые горизонты для работы в данном направлении, включая различные аспекты отечественной правовой науки. Это подчеркивает актуальность теоретических изысканий в области данной проблемы, а также играет практическую роль в условиях мировой финансовой нестабильности. Исследование основ институционального становления российского законодательства о кредитной кооперации, совершенствование механизмов правового регулирования кредитно-кооперативных закономерностей являются важными научными задачами, решение которых способствует созданию современных правовых моделей кредитования [3].

В особенности, подлежат пересмотру некоторые аспекты правового регулирования исходных кредитных потребительских кооперативов России, осмыслению должна быть подвергнута взаимозависимость понятий социализм и кооперация. Принятие 18 июля 2009 г. Федерального закона «О кредитной кооперации» определило перед научным обществом задачу сравнительно-правового анализа его базовых положений и других законодательных документов, регулирующих деятельность кредитных потребительских кооперативов России.

Неполностью изучена тематика деятельности механизма правового регулирования закономерностей кредитной кооперации, не является предметом научного внимания ученых-правоведов онтологический статус кредитной кооперации как института гражданского общества. Указанные обстоятельства определили актуальность комплексного изучения исторической и теоретико-правовой базы кредитной потребительской кооперации России.

Выбранная проблема статьи не получила необходимого теоретического осмысления в юридической литературе. Российская наука содержит в себе изучение института кредитной потребительской кооперации, осуществляемое по трем главным направлениям: история становления кооперации, теория кооперации и правовое регулирование кооперации. Последняя составляющая, выражающая юридическую компоненту кредитной потребительской кооперации в ее исторической проекции, очень незначительна [4].

Исследование исторической и теоретико-правовой базы регулирования кредитной потребительской кооперации в России основывалось на переосмыслении взглядов, идей и концепций российских и западных ученых. При изучении особенностей развития российского законодательства о кредитной потребительской кооперации освещались работы М.М. Агаркова, А.Н. Анциферова, С.В. Бородаевского, М.Л. Хейсина, Р.О. Халфиной. Доказательности данной проблемы содействовали исследования А.В. Аверьянова, В.В. Витрянского, Д.Г. Плахотной, Д. Шастина. Сопоставлялись работы российских и некоторых западных ученых, таких как Б. Балкенхол, С. Гилберт, Дж. Керолл, А. Селигман.

Особо выделяем труды белгородских правоведов и ученых, сотрудничавших с белгородскими вузами. Вклад в общее учение о праве и государстве внесли Г.А. Борисов, И.А. Исаев, М.В. Мархгейм, А.Е. Новикова, Е.Е. Тонков и другие. Исследо-

вали отечественное законодательство о потребительской кооперации Н.В. Витрук, В.П. Касаткин, О.А. Липич, Т.А. Селиверстов, В.И. Теплов. Кредитную кооперацию как вид института гражданского общества изучали Н.Н. Олейник, А.М. Рабец, В.Н. Самсонов, С.В. Тычинин. Особенности правового регулирования кредитной кооперации отразили в своих работах А.Ю. Кузубова, И.А. Ряпухина, Е.В. Сафронова, Ю.Н. Стариков.

Имеются по заявленной проблеме научные публикации автора [10-14]. Изучались в кредитной кооперации взаимоотношения с кредитными промыслами: Н.Н. Олейник [15, с. 58-66; 16, с. 276-281]; экономические аспекты правового регулирования: А.А. Глушецкий [5], Л.В. Соловьёва [13, с. 280-287; 18]; её место в общей системе потребительской кооперации: В.В. Невлев [10, с. 19-23; 12, с. 348-356; 14], Л.В. Соловьёва [17].

Материалы статьи соотносились с трудами ученых дореволюционного периода: А.Н. Анциферова [1, с. 17], С.В. Бородаевского [2, с. 91], М.И. Туган-Барановского [20, с. 96], А.В. Чаянова [22], работами В.И. Ленина о кооперации [9]. Советский период изучали И.Н. Буздалов [3], А.П. Климов [7], Л.Е. Теплова [19, с. 13-14]. Российской истории кредитной кооперации посвящены работы К.И. Вахитова [4], Н.К. Фигурновской [21]. Кроме этого использовались нормативно-правовые документы государственного и ведомственного характера.

Объектом изучения являлись общественные отношения, проявляющиеся в ходе правового регулирования закономерностей зарождения, становления и развития институтов кредитной потребительской кооперации. Предметом исследования служит система нормативно-правового регулирования закономерностей становления и развития кредитной потребительской кооперации в России.

Цель данной темы изучения заключается в участии в комплексном исследовании нормативно-правового регулирования закономерностей потребительской кооперации в России в его исторической и теоретико-правовой составляющих, определении причин и условий институционально-правового развития.

Исторические вехи правового оформления кредитной кооперации. Экономическая специфика кредитования нуждается в особой правовой регламентации. Развитие кредитной кооперации в России рассматривается на трех исторических этапах: дореволюционном, довоенном и современном [8]. Первое кредитное общество официально было организовано семьей Лугининых в 1865 г. в селе Рождественское Костромской губернии. Устав кооператива был составлен по образцу Шульце-Делического ссудо-сберегательного товарищества. Из-за сложного экономического состояния в России опыт Лугининых не смог получить должного распространения. С середины 90 гг. XIX в. наблюдался экономический подъем, который способствовал развитию кредитной кооперации. Принимаются государственные документы об учреждениях мелкого кредита, общий кооперативный закон. Открывается Московский народный банк (МНБ) для нужд кредитной кооперации [4].

После революции, большевики не создали четкой программы в отношении к кредитной кооперации. Закрывались и национализировались кредитные товарищества, реквизирувалось имущество, ликвидирован МНБ. Принятые правовые акты не способствовали развитию кредитной кооперации. В начале 20 гг. XX в. разразился тяжелый экономический кризис. Правительство объявило переход к новой экономической политике (НЭП). Это было лучшее время для деятельности кредитной ко-

операции в советские годы. Усиление процессов индустриализации и коллективизации, отмена НЭП, кредитная реформа 1930 г. уничтожили кредитную кооперацию на многие годы [11, с. 291-295].

В войну и послевоенный период этот вид кооперации не существовал. В 80 гг. возникли перебои с продовольствием, которые стали государственной проблемой. Было введено частное сельскохозяйственное производство, которое потребовало кредитования. В России была разработана правовая основа деятельности кредитных кооперативов, принят ряд кооперативных законов, в том числе в 2009 г. ФЗ «О кредитной кооперации». Формируются кредитные системы – потребительская и сельскохозяйственная, которые контролируются государством, гарантированы Конституцией и Гражданским кодексом РФ. Выполняя экономические функции, кредитная кооперация одновременно решает социальные задачи, являясь важным институтом гражданского общества [6]. Такова вкратце предистория современной кредитной кооперации России. Остановимся более подробно на особенностях её правового развития.

В процессе изучения проблемы автор приходит к заключению, что в теории кооперации XIX – начала XX вв. отсутствовали единые подходы к определению «кооперация». При типизации многообразных, возникших в XIX – начале XX вв. трактовок, в теоретических работах дореволюционных ученых высвечиваются два главных направления: институциональное, в границах которого кооперация определялась как союз кооперативов для общего осуществления хозяйственной и общественной деятельности, и функциональное, отдающее первенство процессуальному содержанию кооперации для совместного ведения определенной деятельности с целью реализации общей цели. При этом, терминологическое искажение, исключение основных аспектов, определяемых диалектическим характером социальных явлений, мешают характеру развития научного познания.

Обе дефиниции целиком соответствуют кредитной кооперации, которая является одной из главных составных частей потребкооперации [22]. Установлено, что российское законодательство о потребительском кооперативном кредитовании создавалось под воздействием российского и западного опыта. Изучение правовых и исторических источников позволило обозначить следующие примерные периоды становления и развития отечественного института кооперативного кредитования: 1834 г. - 1917 г. – время создания правовой базы становления кредитной кооперации; 20 марта 1917 г. – 30 января 1930 г. – советский этап правового оформления кооперативного кредитования; 26 мая 1988 г. – по настоящее время – антиэтатическая модель законодательства о кредитной кооперации [10, с. 19-23].

Естественное вхождение кредитной потребительской кооперации в российскую социально-экономическую реальность связано с наличием традиций отечественного хозяйствования, элементов примитивной кооперации или предкооперации (крестьянские общины, артельные формы хозяйствования, институты складчины и взаимопомощи). Условиями, определившими в конце XIX – начале XX вв. массовость охвата населения России кредитным потребительским кредитованием, служат угасание общинной формы земледелия, замена локального натурального хозяйства рыночным, финансовая поддержка государством кредитных товариществ через выделение средств на формирование основных капиталов [15, с. 58-66].

В истории социалистической экономики с характерными для нее плановостью,

централизацией и другими факторами этатизма, деятельность кредитной кооперации с самого начала была обречена на неудачу. Разработка и принятие определенного числа законодательных актов, способствующих развитию кооперативного кредитования в годы НЭП, не помогло восстановить указанный институт до уровня начала XX в. Конфликтные противоречия в политике и идеологии советского государства в отношении кредитной потребительской кооперации, субстанционально отразившейся в невозможности плановой экономики стать основой для применения негосударственной общественной формы в удовлетворении финансовых потребностей населения способствовали исключению ее из жизни российского общества на многие годы [14].

Современное многообразие кооперативов в стране свидетельствует о том, что они востребованы в разных сферах деятельности и необходимы разным социальным слоям населения. Кредитные кооперативы создали на региональных и национальных уровнях свои объединения – союзы, ассоциации, партнерства – и стали равноправными субъектами гражданского оборота наряду с хозяйственными товариществами, обществами и организациями других организационно-правовых форм.

Таким образом, на пороге XXI в. кооперативное движение России представляет собой крупное социально-экономическое движение, способное усилить потенциал рыночной экономики. Самостоятельная, самоуправляемая и самофинансируемая кредитная кооперативная организация может стать способом защиты и реализации экономических и социальных интересов граждан через привлечения их собственных средств, более активного включения в хозяйственный оборот локальных источников производства и эффективного применения трудовых, материальных и финансовых ресурсов.

Влияние кооперативных закономерностей на правовое регулирование кредитной деятельности. Существует общепринятое в научной мысли определение сущности понятия «закономерность». «Закономерность (закон) – это относительно устойчивая и регулярная взаимосвязь между явлениями и объектами реальности, проявляющаяся в процессах изменения и развития. Знание законов определенных явлений заложено в основе процессов объяснения в науке и научного предвидения» [6, с. 23]. Кредитно-кооперативные закономерности можно трактовать как устойчивые взаимосвязи между потребительской кооперацией и её подвидом – кредитной кооперацией, в процессе развития и объяснения изменений. Рассмотрим сложившиеся в кооперативной теории и практике кредитно-кооперативные закономерности прошлых лет.

Правовое регулирование кооперативной деятельности базируется на её принципах как важных ценностных правилах [8]. Генезис принципов кредитной кооперации был определен универсальными правилами кооперации, утвержденными в 1895 г. первым Конгрессом Международного кооперативного альянса. Они утверждают неизменность для всех видов обществ главных кооперативных принципов. Анализ теории и практики деятельности кредитной потребительской кооперации на международном уровне позволяет обозначить ряд ценностных принципов, выделяющих основные направления развития кредитной кооперации.

К ним следует отнести: 1) взаимопомощь, означающую объединение совместных усилий и ресурсов для достижения единых целей; 2) взаимответственность, отражающуюся в совместном обязательстве солидарной ответственности по договорен-

ностям кооператива; 3) самоуправление, реализуемое членами кредитного кооператива как непосредственно самими, так и через избираемые руководящие органы; 4) добровольность, предполагающая свободу волеизлияния каждого члена в принятии решения о приобретении прав и обязанностей; 5) открытость кооперативов для вступления в них всех желающих физических и юридических лиц вне зависимости от пола, расы, национальности, имущественного положения; 6) идентичность, дающую возможность членам кооперативного объединения параллельно являться его учредителем и потребителем услуг; 7) территориальность, означающую сотрудничество членов кооператива, основанное на личном знакомстве [19, с. 13-14].

Правовое регулирование кредитной потребительской кооперации России реализуется комплексом формальных источников. Помимо государственного влияния на деятельность кредитных кооперативов предполагается наличие института саморегулирования. В его роль входят упорядочение и контроль за работой, представление и защита интересов своих членов, реализуемых через объединения кооперативов в самоуправляемые организации и союзы кредитных обществ [12, с. 348-356].

Результат достижения правовых целей современного российского законодательства о кредитной кооперации находится в непосредственной зависимости от социальной обусловленности и качества законотворчества, уровня правосознания и правовой культуры всех граждан, соотносительности историческим традициям коллективного ведения хозяйства. Достижение качественного уровня правового регулирования институтов кредитной потребительской кооперации реально только через посредство органичного включения юридической конструкции в идеологию и культуру конкретного общества [20].

Кредитная потребительская кооперация – ещё один из институтов гражданского общества. Это подтверждается присутствием у нее специфических черт: наличием уникальных взаимосвязей между членами кредитных кооперативов; постановкой особых целей и задач; сформированной многолетней практикой деятельности кооперативной идеологией. Это означает, что модель потребительского кооперативного кредитования представляет собой негосударственный общественный институт, организованный на членстве и позволяющий кооперации (их группам) удовлетворять свои финансовые потребности. Дуалистичность кредитной потребительской кооперации выражается в том, что она является и формой хозяйствования, и формой социализации с особой философией и коллективистской психологией [21].

Социальное назначение кредитной потребительской кооперации в том, что она: 1) является компонентом так называемого «третьего сектора» (сектора добровольной активности), включающего в себя граждан, не ставящих задачи по получению личного дохода через членство в объединении; 2) содействует консолидации личности и общества, снимая социальную напряженность; 3) гарантирует доступную финансовую поддержку, предоставляя возможность повышения личного благосостояния; 4) помогает решать важные экономические задачи, поощряет инициативность, предприимчивость, ответственность, увеличивает занятость населения; 5) стимулирует потребительский спрос, способствует развитию производства [5].

Проводимые исследования по определению причин, тормозящих развитию малого бизнеса в России, выявили, что одним из основных негативных факторов является трудность получения банковского кредита. Подчеркивалось, что за рубежом на один банк приходится около ста кредитных кооперативов, которые оказывают фи-

нансовую поддержку субъектам малого предпринимательства. Это свидетельствует о том, что наличие кредитных институтов потребительской кооперации способствует быстрому и эффективному решению проблем малого бизнеса, помогает задействовать в экономической деятельности определенную часть населения страны [7].

Разработка перспективных вариантов кредитно-кооперативных закономерностей в современных условиях. Изучение кооперативного законодательства, юридических документов и материалов практики позволили выработать примерные варианты новых кооперативных закономерностей кредитования. Эти закономерности касаются теории и практики различных аспектов кредитной кооперации. За прошедшие десятилетия XXI в. произошли значительные изменения в структуре российского законодательства о кредитной потребительской кооперации. Принятие части первой Гражданского кодекса РФ (далее – ГК) повлияло на качественные изменения в правовом положении о кредитных кооперативах. Реализацией общих положений ГК занимаются федеральные законы об отдельных видах кооперативов.

Действующее российское гражданское законодательство подтвердило многообразие кооперативов в стране и утвердило за ними статус юридического лица. У граждан появилась реальная вероятность решения необходимых социально-экономических задач. Поступательно расширяется диапазон и углубляется круг научных исследований в кредитной сфере. В научном обороте появились современные правовые конструкции, институты, понятия, требующие необходимого научного осмысления. В этом свете ожидаются разрабатываемые кредитные регламентации и закономерности.

В ГК РФ важно утвердить главный принцип кооперации «один член – один голос» для всех разновидностей кооперативов. Обозначенный принцип играет основополагающую роль в теории и практике кооперативного движения. Он дает одинаковые возможности участия членов кооператива в его управлении независимо от имущественного состояния или иного участия в кредитной деятельности.

Определенные в современном законодательстве о потребительских кредитных кооперативах рамки распределяемого дохода не отвечают сущности потребительского кооператива. В ГК РФ требуется ввести нормы, предполагающие ограничения распределяемого дохода между членами кредитного кооператива не выше восьми процентов. В данном случае прибыль в кооперативе будет лишь средством достижения его главной цели. Следовательно, потребительскому кредитному кооперативу дадут перечень более четких отличий от коммерческой организации.

Российское гражданское законодательство предполагает реальность иметь фирменное название только для коммерческих организаций. Потребительский кредитный кооператив отнесли к некоммерческим организациям, он считается лишь активным участником гражданского оборота. При таких обстоятельствах кредитный кооператив не имеет права равного участия в гражданских правоотношениях. В современное законодательство следует ввести норму о возможности потребительским кредитным кооперативам получить фирменное наименование.

Взаимоотношения союзов потребительских кредитных кооперативов как соглашений с публичными образованиями, имеющими права и обязанности для всех их членов, носят черты гражданско-правового представительства. По этому к указанным отношениям нельзя применять конструкцию административного договора.

На законодательном уровне следует разрешить проблему возможности быть

учредителями кредитных потребительских обществ и их союзов не только гражданам и юридическим лицам, но государственным и муниципальным органам. Таким кооперативам и их союзам необходимо получить официальный статус кооперативных организаций, охраняемых государством. Деятельность потребительских обществ и их союзов, курируемых государством, необходимо трактовать как временный результат, способный вывести при случае из трудного экономического положения потребительские общества и их союзы, включенные в состав союзной кооперации. Также следует искать экономические стимулы и разрабатывать правовые условия для создания независимых кредитных потребительских обществ и их союзов.

Традиционной формой реализации предпринимательской деятельности кооперативами называют кооперативное предприятие. Однако ГК РФ считает возможным создание только государственных и муниципальных предприятий. Исходя из этого следует внести в ГК РФ разрешение о создании потребительскими кредитными кооперативами предприятий для проведения различных видов хозяйственности. Правовой формой образования предприятий потребительскими кооперативами можно считать закрепленную в ГК РФ конструкцию права хозяйственного ведения.

Для этого необходимо внести изменения в ГК РФ в части внесения кооперативов, наравне с государственными и муниципальными органами, в структуру учредителей унитарных предприятий, созданных на правах хозяйственного ведения. При этом кооперативное предприятие не нужно считать разновидностью коммерческих организаций. Получение прибыли для пользы кооператива через институт предприятия помогает реализации общей цели потребительского кооператива. Хозяйственная деятельность кредитного кооператива возможно может быть организована также на основе договора доверительного управления имуществом с отличительными условиями.

Кооперативные банковские организации – составной элемент кооперативного сектора экономики во многих странах мира. Подобные организации существовали в дореволюционной России, но прекратили свою деятельность в административно-командных условиях. По существующему в России банковскому законодательству кредитные организации имеют право проводить банковскую деятельность лишь в форме хозяйственного общества, организация банковской деятельности в форме потребительского кооператива сегодня невозможна.

Данная причина считается тормозом развития как непосредственно кредитной кооперации, так и кооперации в целом. Кооперативам следует позволить осуществлять банковскую деятельность. Для этих целей требуется внести изменения в ч. 1 ст. 1 ФЗ «О банках и банковской деятельности», где уточнить, что кредитная организация может образовываться в форме кооператива.

Внутренние кооперативные взаимоотношения составляют из себя комплекс имущественных и неимущественных условий по управлению кредитным потребительским кооперативом и его имуществом, появляющихся между его членами, органами управления и контроля, другими субъектами кооперативных отношений и иных лиц, не контактных с деятельностью потребительского кооператива.

В потребительских кредитных кооперативах обязан действовать разный правовой режим ответственности его членов по обязательствам, исходящий из целей и задач конкретного кооператива. Императивной нормой п. 4 ст. 116 ГК РФ о субси-

диарной ответственности членов кредитного кооператива по его обязательствам в границах неоплаченной части дополнительного взноса каждого члена кооператива безосновательно нарушается право потребительского кооператива на самостоятельное определение объема ответственности членами конкретного кооператива.

Для этого важно выработать пределы ответственности членов потребительских кооперативов по обязательствам кооператива: 1) в объеме невнесенной части дополнительного взноса каждого из членов кооператива; 2) в размере всей стоимости принадлежащего членам кооператива пая; 3) неограниченная ответственность членов кооператива.

При этом член кредитного потребительского кооператива с неограниченной ответственностью не имеет права состоять одновременно членом другого кооператива с такой же неограниченной ответственностью. На законодательном уровне следует решить вопрос о наделении судов компетенциями регистрации, образования и прекращения деятельности кредитных потребительских кооперативов. Разрешить им проведение контроля за составом органов управления кооперативов и отчетами по итогам года, обеспечить доступность к информации о деятельности кооперативов, инициировать различные вопросы их деятельности. Исходя из разграничения кооперативов на хозяйственные и социальные, разрешить вопрос о соответствующем разделении подведомственности дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

Режим права собственности кредитных кооперативов и его членов должен соответствовать исходным началам гражданского права. Вопрос о праве собственности члена кооператива можно задавать только по желанию самого члена кооператива. Норма п. 4 ст. 218 ГК, соответствующая которой «член жилищного, жилищно-строительного, дачного, гаражного или иного потребительского кооператива, полностью внесший свой паевой взнос за квартиру, дачу, гараж, иное помещение, предоставленное этому лицу кооперативом, приобретает право собственности на указанное имущество», не отвечает важному принципу гражданского права – приобретению гражданами прав и обязанностей своей волей и по своему интересу. В связи с этим данная норма нуждается в корректировке. Так, основанием получения права собственности члена кредитного кооператива, полностью заплатившего пай, необходимо признать заявление члена кооператива о передаче в собственность соответствующего имущества.

В потребительском кредитном кооперативе могут действовать 2 режима права собственности. В тех потребительских кооперативах, где в значении пая его членом вносится натуральное имущество (земельный участок, строительные материалы и другие), иное имущество, находящееся в хозяйственном владении члена потребительского кооператива (квартира члена ЖСК или ЖК после выплаты пая; земельный участок в сельскохозяйственном потребительском кооперативе и садоводческом, огородническом и дачном потребительском кооперативах; денежные средства, переданные членом кооператива кредитному потребительскому кооперативу граждан на основании договора), последнего необходимо признавать собственником этого имущества.

При этом право собственности члена кредитного кооператива на данное имущество может являться в виде совместной долевой собственности. В частности, право общей долевой собственности распространяется на вспомогательные помещения в

жилых домах (крыши, чердаки, подвалы, лестничные проходы и другие), а также на объекты инженерной инфраструктуры. Соответственно, в аналогичных случаях члены потребительских кредитных кооперативов могут быть субъектами права совместной долевой собственности по образцу товариществ собственников жилья.

Важная полезность изучаемой проблемы состоит в том, что получаемые результаты содействуют более объективной реконструкции исторических этапов становления и развития кредитной потребительской кооперации в России, поднимают на более высокий уровень изучения теорию организационно-правовых основ потребительского кредитования. Восприятие потенциала кредитной потребительской кооперации как института гражданского общества способствует осознанию ценностной ориентации кооперации как универсального механизма достижения экономической стабильности, соединяющего идеологические и хозяйственные начала.

Список литературы:

1. Анцыферов А.Н. Кооперация в сельском хозяйстве Германии и Франции. Воронеж, 1909. С. 17.
2. Бородаевский С.В. Сборник по мелкому кредиту. СПб., 1912. С. 91.
3. Буздалов И.Н. Возрождение кооперации. М.: Экономика, 1990.
4. Вахитов К.И. История потребительской кооперации России. М.: ЦУМК Центросоюза РФ, 1998. Ч. 1,2.
5. Глушецкий А.А. Кооперация: роль в современной экономике. М.: Профиздат, 1991.
6. Ермаков В.Ф. Духовно-нравственное возрождение общества на основе реструктуризации управления системой потребительской кооперации: монография. Белгород: Изд-во «Кооперативное образование», 2004. 163 с.
7. Климов А.П. Потребительская кооперация в системе развитого социализма. М.: Экономика, 1980.
8. Коряков И.А. Принципы кооперативного движения. Чита, 1998. С. 11.
9. Ленин В.И. О кооперации: статьи и речи. М.: Госиздат, 1930. 182 с.
10. Невлев В.В. Конституционно-правовое развитие кредитной кооперации в истории России // Вестник Томского государственного университета. Право. №26. Томск, 2017. С. 19-23.
11. Невлев В.В. Правовая компонента обществ взаимного кредита в развитии послереволюционного частного производства / В.В. Невлев, Н.Н. Олейник // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». Т. 28. Вып. 2. Ижевск, 2018. С. 291-295.
12. Невлев В.В. Социально-правовая трансформация института кредитной кооперации в Российском законодательстве / В.В. Невлев, Л.В. Соловьева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. Т. 8 (74). №2. Симферополь, 2022. С. 348-356.
13. Невлев В.В. Конвергенция социально-экономической природы правового регулирования кредитной кооперации / В.В. Невлев, Л.В. Соловьева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. Т. 9 (75). №1. Симферополь, 2023. С.280-287.
14. Невлев В.В. История кооперативного движения в южных регионах России: правовое сопровождение: монография, Белгород: ООО «Эпицентр», 2018. 172 с.
15. Олейник Н.Н. Историко-правовое развитие кооперации кредитных обществ и кустарных промыслов в пореформенный период / Н.Н. Олейник, В.В. Невлев // История государства и права. №11. Москва, 2019. С. 58-66.
16. Олейник Н.Н. Особенности государственно-правового взаимодействия кредитного законодательства и кустарной политики в дореволюционной России / Н.Н. Олейник, В.В. Невлев, Н.П. Маслов // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». Т.30. Вып.2. Ижевск, 2020.С.276-281.
17. Соловьева Л.В. Организационно-правовое становление кредитной кооперации в истории России: монография / Л.В. Соловьева, В.В. Невлев. Белгород: ООО «Эпицентр». 2020. 120 с.
18. Соловьева Л.В. Экономико-правовая деятельность кредитных кооперативов: учебное пособие / Л.В. Соловьева, В.В. Невлев. Белгород: ООО «Эпицентр». 2020. 76с.
19. Теплова Л.Е. Основы потребительской кооперации. М.: Изд-во Вита-Пресс, 2005. С. 13-14.
20. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 2010. С. 96.
21. Фигуровская Н.К. Кооперация. Страницы истории. В 3 т. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков. Т. 1. М.: Наука. 1999. С. 10.
22. Чаянов А.В. Краткий курс кооперации. Томск: Книжное изд-во, 1988. 70 с.

Nevlev V.V. Legal Development of Credit and Cooperative Governing Laws in the History of Consumer Cooperation in Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical sci-

ence. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 102 – 112.

The article is devoted to the study of cooperative patterns in the history of the credit society's development within the Russian consumer system. The formation stages of the legal regulation structure of the lending process are studied. A brief retrospective of the formation of domestic credit cooperation is given and the essence of the problem is substantiated. The level of the stated topic development are determined in the light of modern requirements for legal science. The influence of historical, socio-economic and ideological factors on the dynamics of legal regulation are revealed. The main periods in the development of the domestic institution of credit cooperation are noted. The importance of folk labor traditions and primitive credit cooperation emergence is shown. The contradictions in the policy of the Soviet state in relation to credit cooperation are identified. The axiological guidelines for determination of cooperative development directions are named. The duality forms of credit activity are indicated, the specifics of the cooperative ideology socialization are highlighted. The importance of legal regulation of credit cooperation as an institution of civil society is emphasized. The importance of legal registration of credit cooperation in government documents is noted. The influence of the Russian legal mentality on the development and activities of credit cooperatives is shown. The state of legal regulation of credit cooperation is covered by a combination of formal and informal sources.

Keywords: consumer cooperation, credit societies, legal regulation, credit legislation, financial assistance, credit principles, regularity, civil society institution, history of cooperation, eligibility.

Spisok literatury:

1. Antsyferov A.N. Kooperatsiya v sel'skom khozyaystve Germanii i Frantsii. Voronezh, 1909. S. 17.
2. Borodayevskiy S.V. Sbornik po melkomu kreditu. SPb., 1912. S. 91.
3. Buzdalov I.N. Vozrozhdeniye kooperatsii. M.: Ekonomika, 1990.
4. Vakhitov K.I. Istoriya potrebitel'skoy kooperatsii Rossii. M.: TSUMK Tsentrosoyuza RF, 1998. CH. 1,2.
5. Glushetskiy A.A. Kooperatsiya: rol' v sovremennoy ekonomike. M.: Profizdat, 1991.
6. Yermakov V.F. Dukhovno-nravstvennoye vozrozhdeniye v obshchestve na osnove restrukturalizatsii upravleniya sistemoy potrebitel'skoy kooperatsii: monografiya. Belgorod: Izd-vo «Kooperativnoye obrazovaniye», 2004. 163 s.
7. Klimov A.P. Potrebitel'skaya kooperatsiya v sisteme razvitoogo sotsializma. M.: Ekonomika, 1980.
8. Koryakov I.A. Printsipy kooperativnogo dvizheniya. Chita, 1998. S. 11.
9. Lenin V.I. O kooperatsii: stat'i i rechi. M.: Gosizdat, 1930. 182 s.
10. Nevlev V.V. Konstitutsionno-pravovoye razvitiye kreditnoy kooperatsii v istorii Rossii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. №26. Tomsk, 2017. S. 19-23.
11. Nevlev V.V. Pravovaya komponenta obshchestv vzaimnogo kredita v razvitiy poslerevolutsionnogo chastnogo proizvodstva / V.V. Nevlev, N.N. Oleynik // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo». T. 28. Vyp. 2. Izhevsk, 2018. S. 291-295.
12. Nevlev V.V. Sotsial'no-pravovaya transformatsiya instituta kreditnoy kooperatsii v Rossiyskom zakonodatel'stve / V.V. Nevlev, L.V. Solov'yeva // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. T. 8 (74). №2. Simferopol', 2022. S. 348-356.
13. Nevlev V.V. Konvergentsiya sotsial'no-ekonomicheskoy prirody pravovogo regulirovaniya kreditnoy kooperatsii / V.V. Nevlev, L.V. Solov'yeva // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. T. 9 (75). №1. Simferopol', 2023. S.280-287.
14. Nevlev V.V. Istoriya kooperativnogo dvizheniya v yuzhnykh regionakh Rossii: pravovoye soprovozhdeniye: monografiya, Belgorod: OOO «Epitsentr», 2018. 172 s.
15. Oleynik N.N. Istoriko-pravovoye razvitiye kooperatsii kreditnykh obshchestv i kustarnykh promyslov v poreformenny period / N.N. Oleynik, V.V. Nevlev // Istoriya gosudarstva i prava. №11. Moskva, 2019. S. 58-66.
16. Oleynik N.N. Osobennosti gosudarstvenno-pravovogo vzaimodeystviya kreditnogo zakonodatel'stva i kustarnoy politiki v dorevolutsionnoy Rossii / N.N. Oleynik, V.V. Nevlev, N.P. Maslov // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo». T.30. Vyp.2. Izhevsk, 2020. S. 276-281.
17. Solov'yeva L.V. Organizatsionno-pravovoye stanovleniye kreditnoy kooperatsii v istorii Rossii: monografiya / L.V. Solov'yova, V.V. Nevlev. Belgorod: OOO «Epitsentr». 2020. 120 s.
18. Solov'yeva L.V. Ekonomiko-pravovaya deyatel'nost' kreditnykh kooperativov: uchebnoye posobiye / L.V. Solov'yova, V.V. Nevlev. Belgorod: OOO «Epitsentr». 2020. 76s.
19. Teplova L.Ye. Osnovy potrebitel'skoy kooperatsii. M.: Izd-vo Vita-Press, 2005. S. 13-14.
20. Tugan-Baranovskiy M.I. Sotsial'nyye osnovy kooperatsii. M., 2010. S. 96.
21. Figurovskaya N.K. Kooperatsiya. Stranitsy istorii. V 3 t. Izbrannyye trudy rossiyskikh ekonomistov, obshchestvennykh deyateley, kooperatorov-praktikov. T. 1. M.: Nauka. 1999. S. 10.
22. Chayanov A.V. Kratkiy kurs kooperatsii. Tomsk: Knizhnoye izd-vo, 1988. 70 s.

УДК 342

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ САНИТАРНО- ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В РСФСР С 1918 ПО 1927 ГГ.

Ратникова В. И.

Дальневосточный государственный университет путей сообщения

В статье рассматриваются вопросы становления санитарно-эпидемиологической службы в советский период российской государственности в период с 1918 по 1927 гг. Цель исследования – изучение историко-правового опыта по формированию органов государственной власти в сфере медико-санитарного дела с 1918 по 1927 гг. Отмечается, что на состояние деятельности государственных органов в области медико-санитарного дела существенно повлияли социальные и исторические факторы: массовое распространение эпидемических инфекционных заболеваний; низкий уровень жизни и гигиенических навыков населения; отсутствие единой санитарной службы; разрозненность законодательных актов; недостаток лекарственных средств и первые этапы формирования фармацевтической промышленности. Наряду с масштабной законодательной деятельностью, единственно верным путём виделось просвещение в области здоровья и гигиены граждан, пропагандирование облика нового человека, обладающего не только высоким уровнем интеллектуального, но и физического развития. В работе выделены отдельные органы и учреждения, отвечающие в период с 1918 по 1927 гг. за претворение политики государства в области медико-санитарного дела, для чего устанавливалось определённое количество и наименование должностей. Отдельное внимание уделялось таким важным объектам, с точки зрения общественного здоровья, как организация учреждений для детей, строительство и эксплуатация железнодорожных путей, и координация иных способов перевозок, государственная граница.

Ключевые слова: санитарно-эпидемиологическая служба, Народный комиссариат здравоохранения, санитарное дело, медико-санитарное дело, РСФСР, эпидемии инфекционных заболеваний, конституции, декреты, здравоохранение, народное здоровье.

Становление санитарно-эпидемиологической службы в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике (РСФСР) связано с разрешением множества государственных задач по созданию единой системы улучшения народного здоровья. Ситуация осложнялась масштабными эпидемиями чумы, натуральной оспы, сыпного тифа, шестой пандемией холеры и других особо опасных инфекционных заболеваний; отсутствием медико-технического оснащения, лекарственного обеспечения и научного медицинского знания по выявлению, диагностике, профилактике и лечению тяжёлых и быстро распространяющихся карантинных инфекций; несогласованностью государственных и ведомственных органов, отвечающих за здравоохранение; дуализмом и разрозненностью нормативно-правовых актов в сфере санитарно-эпидемиологической службы, оказания фармацевтической и медицинской помощи.

Требовалось срочное правовое обоснование для создания структуры в государственном аппарате управления, отвечающей за санитарный надзор, мониторинг инфекционных заболеваний, их профилактику и лечение, выявление заболевших и их изоляцию, а также другую противоэпидемическую работу.

Основные принципы устройства государства РСФСР были определены в первой Конституции РСФСР от 10.07.1918 [1]. Вся власть в центре и на местах в РСФСР принадлежала Всероссийскому съезду Советов рабочих, крестьянских, казачьих и

красноармейских депутатов, а в период между съездами – Всероссийскому центральному исполнительному комитету советов (далее – ВЦИК), который избирался и подчинялся съезду. ВЦИК являлся высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом РСФСР. Для общего управления делами РСФСР ВЦИК образовывал СНК. В число последних вошёл Народный комиссариат здравоохранения.

С 15-18 июня 1918 г. состоялся I Всероссийский съезд медико-санитарных отделов, на котором обсуждались первоочередные проблемы здравоохранения. При этом отдельно рассматривались вопросы санитарно-просветительской деятельности в различных формах: беседы, лекции, выставки, брошюры о профилактических прививках, плакаты по сыпному тифу и т.д. Уделялось внимание подготовке специалистов в области санитарного и санитарно-технического дела в короткие сроки.

Декрет СНК РСФСР «О Народном комиссариате здравоохранения» был принят 11.07.1918 г. [2]. НКЗ РСФСР стал центральным медицинским органом, руководящим всем медико-санитарным делом РСФСР. В дальнейшем НКЗ РСФСР был организован не только в центре, но и на местах. Ими стали отделы здравоохранения, занимающиеся врачебно-санитарным делом при губернских, городских и уездных исполкомах [3].

Первоначально санитарно-эпидемической работой занимались входящие в структуру НКЗ Военно-санитарный и Школьно-санитарный отделы, а также Центральный Медико-санитарный совет. Помимо них такую деятельность выполняли другие отделы. Например, Врачебно-санитарная служба военно-дорожных организаций комитета государственных сооружений как орган Страховой медицины [4]; секция Борьбы с социальными болезнями; Санитарно-эпидемиологическая секция.

Задачами Отдела школьной санитарии НКПС стали вопросы, касающиеся здоровья учащихся, гигиены школ и др., под общим контролем НКЗ и постоянного сотрудника. Он организовывал мероприятия по предупреждению и борьбе с эпидемиями, меры гигиены в школах, а также нес ответственность за санаторно-курортное дело [5].

Функциями Военно-санитарного отдела НКЗ стали следующие: противоэпидемические, фармацевтические, медицинского снабжения, санитарно-курортные, психиатрические, санитарные, статистические, и другие [6]. В пределах боевых действий военно-санитарные органы и учреждения находились в подчинении местным военно-санитарным властям.

В октябре 1918 г. Центральный Медико-санитарный совет путей сообщения преобразовался в самостоятельный Отдел НКЗ, руководящий всем медико-санитарным делом на железных дорогах, направляющий деятельность подведомственных ему Медико-санитарных советов всех железных дорог, в том числе и Отдела Санитарно-врачебной помощи [7]. С 1.10.1924 г. медико-санитарные организации, обслуживающие железнодорожные, речные и морские пути сообщения были переданы в ведение НКЗ республик. С 13.06.1919 г. организация медико-санитарной помощи флоту перешло в НКЗ на правах самостоятельного отдела [8].

Таким образом, санитарные органы были разделены по важным для страны

сферам деятельности – образовательная, военная, путевая. Однако только органами и секциями советские власти не ограничились. Так, 08.11.1919 г. принято постановление об образовании временной особой Всероссийской комиссии по улучшению санитарного состояния республики РСФСР [9]. Согласно данному акту, при органах НКЗ могли образовывать местные комиссии, которые наряду с Всероссийской, обязаны были наблюдать и контролировать проведение в жизнь всех мероприятий по санитарии и деятельность медико-санитарного персонала. Ими учитывались санитарные состояния лечебных учреждений, приютов, тюрьмы, бань, парикмахерских, столовых, гостиниц и других. Так как антибиотики и многие другие лекарственные средства, способствующие профилактике и лечению инфекционных заболеваний, ещё не были изобретены и не применялись, а имеющихся медикаментов не хватало из-за отсутствия должного уровня фармацевтического производства, большее внимание уделялось санитарному просвещению, здоровью, питанию, чистоте, гигиене, как личной, так и социальной.

Комиссии имели право возбуждать через НКЗ требования об отстранении от должности лиц медико-санитарного или административного персонала в случаях саботажа или злоупотреблений и т. д.

Не обошли вопросы здравоохранения в Программе РКП (большевиков), принятой на VIII съезде в 1919 г. [10] уделялось огромное внимание оздоровительным и санитарным мерам, как основе деятельности в области охраны народного здоровья. Первоочередными санитарными задачами стали:

- проведение широких санитарных мероприятий, которые включали оздоровление населённых мест, а именно почвы, воды и воздуха; организацию общественного питания на основе научно-гигиенических знаний; предупреждение развития и распространения заразных инфекционных и венерических болезней; создание санитарного законодательства;
- борьба и предупреждение развития социальных болезней: туберкулеза, «венеризма», так тогда называли сифилис и другие венерические болезни, алкоголизма и т. д.);
- обеспечение общедоступной, бесплатной и квалифицированной лечебной и лекарственной помощи.

В 1920 г. стали появляться Дома санитарного просвещения, где проводили клубы по пропаганде гигиены. Для проведения санитарно-эпидемиологических мер предусматривалось повсеместное создание заразных барачных, дезинфекционных лабораторий, изоляционных домов, санитарно-пропускных пунктов на границах и путях сообщения, домов санитарного просвещения, противотуберкулёзных и венерических диспансеров в уездах и городах [12, с. 78-79].

С 1921 г. при здравоохранении стали создавать межведомственные санитарно-просветительные комиссии, знакомявшие население с основными правилами санитарии и гигиены. С 15 по 20 марта 1921 г. прошло первое Всероссийское совещание по санитарному просвещению, на котором установили, что необходима дальнейшая эмпирическая разработка методов санитарного просвещения. 3-8 мая 1922 г. состоялся VI Всероссийский съезд бактериологов и эпидемиологов, давший начало широкой противоэпидемической деятельности и развитию бактериологической службы страны, включая организацию научно-исследовательских институтов.

15 сентября 1922 г. издан декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О санитарных органах республики» [11]. В нём был очерчен круг задач санитарных органов при Народном комиссариате здравоохранения: санитарная охрана воды, воздуха и почвы; санитарная охрана жилищ; санитарная охрана пищевых продуктов; организация противоэпидемических мероприятий; организация борьбы с социальными болезнями; охрана здоровья детей; санитарная статистика; санитарное просвещение; участие в вопросах санитарной охраны труда и общей организации лечебно-санитарного дела.

Губернские отделы здравоохранения устанавливали общий план санитарной и противоэпидемической работы на местах. В зависимости от числа жителей устанавливались должности работников санитарного дела: в губернском центре 3 должности санитарных врачей для обслуживания по общей санитарии, эпидемическому делу, санитарной статистике и других, указанных задач; в уездах с числом жителей до 200.000 человек – одна должность санитарного врача и одна должность санитарного помощника; в уездах с числом жителей свыше 200.000 человек – добавляется ещё одна должность санитарного врача. Помимо них должна быть предусмотрена 1 должность жилищно-санитарного инспектора на каждые 25 тыс. жителей и 1 должность санитарно-пищевого врача на каждые 100 тыс. жителей. Указанные нормы могли быть снижены.

Санитарные врачи наделялись существенными правами: входа как в общественные, так и частные здания, строения и сооружения для осмотра; выемок материалов и продуктов для микробиологического и химического анализа; представления оснований о наложении взысканий в административном порядке; внеочередной покупки билетов в пределах места службы; предъявления требования по благоустройству. Санитарный врач имел право через местные отделы управления закрыть предприятие или здание до разбора дела в народном суде. Военные части также могли быть осмотрены, при согласовании с их начальниками и обслуживающим врачебно-санитарным персоналом.

В декабре 1922 г. I съезд Советов СССР утвердил Декларацию и Договор об образовании СССР. Официальное оформление единого Советского государства произошло 31.01.1924 г. при утверждении первой Конституции СССР [13]. В целях руководства отдельными отраслями государственного управления, входящими в круг ведения Совета народных комиссаров СССР, были образованы 10 народных комиссариатов, среди которых Народный комиссариат здравоохранения не значился. Различали общесоюзные народные комиссариаты – единые для всего СССР и объединенные народные комиссариаты СССР. В п. 67 Конституции СССР 1924 г. устанавливалось, что ЦИК союзных республик образуют исполнительные органы – СНК, куда вошёл Народный комиссариат здравоохранения.

Конституция РСФСР 1925 г. закрепила НКЗ как одно из 11 учреждений, осуществляющих государственное управление по вопросам, входящим в круг ведения Совета народных комиссаров РСФСР [14]. Позже вышел Декрет ВЦИК об общем положении о Народных комиссариатах РСФСР [15]. НКЗ вошёл в перечень необъединённых Народных комиссариатов РСФСР, которые непосредственно подчиняются ВЦИК, его Президиуму и Совету народных комиссаров РСФСР.

Стоит отметить, что отдельное внимание стали уделять санитарной охране государственных границ. 10.03.1925 г. СНК СССР принял положение о санитарной

охране морских границ СССР [16], которое просуществовало до принятия Временного положения о санитарной охране границ СССР в 1926 г. [17]. Помимо этого, Правительством СССР была ратифицирована Международная санитарная конвенция от 21.07.1926 г. (г. Париж).

В соответствии с положениями, санитарная охрана границ имела целью предупреждение заноса заразных болезней из-за границы в СССР и из СССР за границу, таких карантинных инфекций, как чума, холера, жёлтая лихорадка, сыпной и брюшной тиф и натуральная оспа. В связи с этим учреждались врачебно-наблюдательные станции и пункты, а также был введён санитарный патент, как официальное удостоверение о благополучном или неблагополучном состоянии здоровья людей.

Вместе с тем, претворению мероприятий в должном объёме и качестве мешала разрозненность нормативных актов, так как принималось большое количество циркуляров, инструкций, положений и пр. в области медико-санитарного дела. В результате Народный комиссариат здравоохранения РСФСР в 1926 г. издал сборник важнейших законов и распоряжений по вопросам санитарно-профилактического дела «Санитарное законодательство». В него вошли такие отделы, как жилищно-коммунальная санитария, гигиена питания, заразные болезни, борьба с социальными болезнями, борьба с профессиональными заболеваниями и санитарная охрана труда, санитарная статистика, санитарное просвещение, охрана здоровья детей и подростков, охрана материнства и младенчества. Санитарное дело в лечебных и курортных учреждениях, сывороточно-вакцинное и лабораторное дело, усовершенствование санитарных врачей, иные законоположения.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении Положения о Народном комиссариате здравоохранения» было принято 28.03.1927 г. В нём закреплялось распространение ведения Народного комиссариата здравоохранения РСФСР на всю территорию СССР [18]. В ведение НКЗ вошли: организация и руководство санитарным делом в Республике и проведение общесанитарных мероприятий по предупреждению заболеваемости населения, в частности, разработка вопросов санитарного благоустройства городов и селений и руководство проведением санитарно-гидротехнических мероприятий; организация санитарного просвещения и проведение санитарно-просветительных мероприятий; снабжение санитарных учреждений медикаментами, инструментарием и прочим медицинским имуществом; организация и руководство медико-санитарным делом на эксплуатируемых и строящихся железных дорогах и на водных путях сообщения на территории РСФСР; меры по санитарной охране сухопутных и морских границ от занесения эпидемий; организация и руководство медико-санитарным делом в местах лишения свободы.

В состав НКЗ стали входить другие Управления, в частности: Санитарно-профилактическое, Медико-санитарное путей сообщения, Военно-Санитарное Красной армии. При нём также состояли Центральная эпидемическая комиссия и Центральная санитарно-статистическая комиссия. Разделение на отделы производилось постановлением комиссариата в пределах штатов.

Таким образом, в сложной эпидемической и санитарной обстановке, в исторической период гражданской войны и экономической разрухи, дефицита лекарственных средств профилактики и лечения инфекций, Советские власти

использовали все доступные правовые механизмы в период 1918 – 1927 гг., чтобы предотвратить возникновение новых заболеваний, и уменьшить количество уже возникших эпидемий, как натуральная оспа, брюшной и сыпной тиф, туберкулёз и других. В основу формирования государственной санитарно-эпидемиологической службы легли такие принципы, как государственный характер санитарного дела [19], централизация и специализация. Особое внимание государственные органы власти уделяли организации санитарной охраны окружающей среды: воды, воздуха и почвы; санитарной охраны жилища и пищевых продуктов; организации противоэпидемических мероприятий и борьбы с социальными болезнями. Охрана здоровья детей предусматривала просветительскую работу с родителями, защиту детей путём организации детских образовательных, лечебных, санаторных учреждений.

Система действенных санитарно-эпидемических мероприятий была развёрнута на основе принятых нормативно-правовых актов РСФСР и СССР не только внутри страны, обеспечивая поддержание общественного здоровья, наличие лекарственных средств и строительство медицинских учреждений. Одновременно с этим, грамотно построенная внешняя санитарная политика по отношению к участникам и грузам, пересекающим государственную границу, гарантировала безопасность страны в сфере эпидемиологии, санитарии и гигиены.

Список литературы:

1. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10.07.1918. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2024).
2. О Народного комиссариата здравоохранения»: Декрет СНК от 18.07.1918. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2024).
3. Подлинные положения и инструкции об организациях и учреждениях подведомственных Народному комиссариату здравоохранения РСФСР // ГАРФ. – Ф. А-482. – Оп. 1. – Д. 509. – Л. 1-58.
4. Приложение к циркуляру № 5. Положение о врачебно-санитарной службе военно-дорожных организаций Комитета Государственных Сооружений. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/153074-prilozhenie-k-tsirkulyaru-locale-nil-5-polozhenie-o-vrachebno-sanitarnoy-sluzhbe-voenno-dorozhnyh-organizatsiy-komiteta-gosudarstvennyh-sooruzheniy> (дата обращения: 01.02.2024).
5. Об Отделе Школьной Санитарии Народного Комиссариата Здравоохранения и об Отделах Школьной Санитарии Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов (Положение): Постановление Наркомздрава РСФСР, Наркомпроса РСФСР от 20.09.1918. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2024).
6. О слиянии Военно-Санитарного Управления с Народным Комиссариатом Здравоохранения (Положение): Постановление СНК РСФСР от 29.08.1918. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2024).
7. О Медико-Санитарном Отделе Путей Сообщения при Народном Комиссариате Здравоохранения: Постановление Народных Комиссариатов Здравоохранения и Путей Сообщения от 19.10.1918 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917-1918 гг. – Москва, 1942. – Ст. 817.
8. О переходе Управления Санитарной частью Флота в ведение Народного Комиссариата Здравоохранения: Постановление Народного Комиссариата Здравоохранения и Революционного Военного Совета Республики от 13.06.1919 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1919 г. – Москва, 1943. – Ст. 323.
9. Нестеренко А. И. Из деятельности особой Всероссийской комиссии по улучшению санитарного состояния Республики // Гигиена и санитария. – 1972. – № 6. – С. 56-58.
10. VIII съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков). – URL: <http://museumreforms.ru/node/13768> (дата обращения: 01.02.2024).
11. О санитарных органах республики: Декрет Совета народных Комиссаров от 15.09.1922 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый. – Москва, 1950. – Ст. 1004.
12. Голубев А. А. Правовое регулирование отечественного здравоохранения в 1917-1941 гг. : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Голубев Андрей Александрович; [Место защиты:

Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2010. – 214 с.

13. Об утверждении Основного Закона (Конституции) Союза Советских Социалистических Республик: Постановление II Съезда Советов СССР от 31.01.1924. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2024).

14. Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР: Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11.05.1925. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2024).

15. Общее положение о Народных комиссариатах РСФСР: Декрет ВЦИК от 17.08.1925. – URL: https://e-ecolog.ru/docs/wvpvTCy_EStZUwrkRJOG7 (дата обращения: 01.02.2024).

16. Положение о санитарной охране морских границ Союза Советских Социалистических Республик: Постановление СНК СССР от 10.03.1925. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2024).

17. Об утверждении Временного положения о санитарной охране границ Союза ССР: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30.04.1926. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2024).

18. Об утверждении положения о Народном комиссариате здравоохранения: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28.03.1927 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3241.htm. (дата обращения: 01.02.2024).

19. Беляев Е. Н. Роль Н.А. Семашко в становлении государственной санитарно-эпидемиологической службы РСФСР (к 90-летию принятия декрета СНК "О санитарных органах республики") // Российская академия медицинских наук. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья. – 2012. – № S1. – С. 27-29.

Ratnikova V. I. Formation of the state sanitary and epidemiological service in the RSFSR from 1918 to 1927 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – Р. 113 – 120.

The article examines the issues of the formation of the sanitary-epidemiological service during the Soviet period of Russian statehood in the period from 1918 to 1927. The purpose of the study is to study the historical and legal experience in the formation of public authorities in the field of health care from 1918 to 1927. It is noted that the state of activity of government bodies in the field of health care was significantly influenced by social and historical factors: the massive spread of epidemic infectious diseases; low standard of living and hygiene skills of the population; lack of a unified sanitary service; fragmentation of legislative acts; shortage of medicines and the first stages of the formation of the pharmaceutical industry. Along with large-scale legislative activity, the only right way was seen to be education in the field of health and hygiene of citizens, promoting the appearance of a new person, possessing not only a high level of intellectual, but also physical development. The work highlights individual bodies and institutions responsible in the period from 1918 to 1927. for the implementation of state policy in the field of health care, for which a certain number and name of positions were established. It was noted that special attention was paid to such important objects, from the point of view of public health, as the organization of institutions for children, the construction and operation of railways, and the coordination of other means of transportation, the state border.

Keywords: sanitary and epidemiological service, People's Commissariat of Health, sanitary affairs, medical and sanitary affairs, RSFSR, epidemics of infectious diseases, constitutions, decrees, healthcare, public health.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Socialisticheskoj Federativnoj Sovetskoj Respubliki: prinyata V Vserossijskim S'ezdom Sovetov v zasedanii ot 10.07.1918. – URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 01.02.2024).

2. O Narodnogo komissariata zdavoohraneniya»: Dekret SNK ot 18.07.1918. – URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 01.02.2024).

3. Podlinnye polozheniya i instrukcii ob organizacijah i uchrezhdeniyah podvedomstvennyh Narodnomu komissariatu zdavoohraneniya RSFSR // GARF. – F. A-482. – Op. 1. – D. 509. – L. 1-58.

4. Prilozhenie k cirkulyaru № 5. Polozhenie o vrachebno-sanitarnoj sluzhbe voenno-dorozhnyh organizacij Komiteta Gosudarstvennyh Sooruzhenij. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/153074-prilozhenie-k-tsirkulyaru-locale-nil-5-polozhenie-o-vrachebno-sanitarnoy-sluzhbe-voenno-dorozhnyh-organizatsiy-komiteta-gosudarstvennyh-sooruzhenij> (data obrashcheniya: 01.02.2024).

5. Ob Otdel Shkol'noj Sanitarii Narodnogo Komissariata Zdravoohraneniya i ob Otdel Shkol'noj Sanitarii Sovetov Rabochih i Krest'yanskih Deputatov (Polozhenie): Postanovlenie Narkomzdrava RSFSR, Narkomprosa RSFSR ot 20.09.1918. – URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 01.02.2024).

6. O sliyanii Voенно-Sanitarnogo Upravleniya s Narodnym Komissariatom Zdravoohraneniya (Polozhenie): Postanovlenie SNK RSFSR ot 29.08.1918. – URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 01.02.2024).

7. O Mediko-Sanitarnom Otdel Putej Soobshcheniya pri Narodnom Komissariate Zdravoohraneniya: Postanovlenie Narodnyh Komissariatov Zdravoohraneniya i Putej Soobshcheniya ot 19.10.1918 // Sobranie uza-

- konenij i rasporyazhenij rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva za 1917-1918 gg. – Moskva, 1942. – St. 817.
8. O perekhode Upravleniya Sanitarnoj chast'yu Flota v vedenie Narodnogo Komissariata Zdravoohraneniya: Postanovlenie Narodnogo Komissariata Zdravoohraneniya i Revolyucionnogo Voennogo Soveta Respubliki ot 13.06.1919 // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva za 1919 g. – Moskva, 1943. – St. 323. 9. Nesterenko A. I. Iz deyatel'nosti osoboј Vserossijskoј komissii po uluchsheniyu sanitarnogo sostoyaniya Respubliki // Gigiena i sanitariya. –1972. – № 6.
10. VIII s"ezd Rossijskoј Kommunisticheskoi Partii (bol'shevikov). – URL: <http://museumreforms.ru/node/13768> (data obrashcheniya: 01.02.2024).
11. O sanitarnyh organah respubliki: Dekret Soveta narodnyh Komissarov ot 15.09.1922 // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva za 1922 g. Otdel pervyj. – Moskva, 1950. – St. 1004.
12. Golubev A. A. Pravovoe regulirovanie otechestvennogo zdravoohraneniya v 1917-1941 gg. : dissertaciya ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.01 / Golubev Andrej Aleksandrovich; [Mesto zashchity: Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova]. – Moskva, 2010.
13. Ob utverzhdenii Osnovnogo Zakona (Konstitucii) Soyuzа Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik: Postanovlenie II S"ezda Sovetov SSSR ot 31.01.1924. – URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 01.02.2024).
14. Ob utverzhdenii teksta Konstitucii (Osnovnogo Zakona) RSFSR: Postanovlenie XII Vserossijskogo S"ezda Sovetov ot 11.05.1925. – URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 01.02.2024).
15. Obshchee polozhenie o Narodnyh komissariatah RSFSR: Dekret VCIK ot 17.08.1925. – URL: https://e-ecolog.ru/docs/wvpvTCy_EStZUwrkRJOG7 (data obrashcheniya: 01.02.2024).
16. Polozhenie o sanitarnoj ohrane morskikh granic Soyuzа Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik: Postanovlenie SNK SSSR ot 10.03.1925. – URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 01.02.2024).
17. Ob utverzhdenii Vremennogo polozheniya o sanitarnoj ohrane granic Soyuzа SSR: Postanovlenie CIK SSSR, SNK SSSR ot 30.04.1926. – URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 01.02.2024).
18. Ob utverzhdenii polozheniya o Narodnom komissariate zdravoohraneniya: Postanovlenie VCIK i SNK RSFSR ot 28.03.1927 // Biblioteka normativno-pravovyh aktov Soyuzа Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3241.htm. (data obrashcheniya: 01.02.2024).
19. Belyaev E. N. Rol' N.A. Semashko v stanovlenii gosudarstvennoj sanitarno-epidemiologicheskoi sluzhby RSFSR (k 90-letiyu prinyatiya dekreta SNK "O sanitarnyh organah respublik") // Rossijskaya akademiya medicinskih nauk. Byulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya. – 2012. – № S. 1.
- .

УДК 340.12

ОБРАЗ БУДУЩЕГО РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Сафронов Н. А.¹, Выходцева А. В.

Юго-Западный государственный университет

В данной научной статье исследуется политика Российской Федерации в сфере сохранения традиционных ценностей и определяется ее значение для формирования концептуальных основ будущего России. В работе анализируются документы стратегического планирования через футурологическую призму, выявляются ключевые идеи, которые должны стать фундаментом обновленной России. Авторами проведено социологическое исследование, в котором приняли участие 684 респондента в возрасте от 18 до 30 лет, с целью определения идеальной модели будущего России глазами молодого поколения. Оно показало приверженность молодежи традиционным ценностям, которая способствует укреплению социальных связей, сохранению культурного наследия, повышению нравственности и развитию экономики, основанной на честности и социальной ответственности. Авторы пришли к выводу о преемственности ценностных начал и идеалов России в различных поколениях и к заключению, что политика традиционных ценностей Российской Федерации является неотъемлемой основой для будущего страны. Поддержание традиционных ценностей позволит России сохранить свою уникальную идентичность, обеспечить внутреннюю стабильность, укрепить международное положение и построить процветающее и справедливое общество.

Ключевые слова: образ будущего, современная Россия, традиционные ценности, прогресс, будущее, национальность, общество, русский мир, политика, стратегическое планирование.

В свете текущих событий в России и мире возросла актуальность сохранения исторической памяти о культурно-нравственных истоках российского народа, которые служат основой национальной идентичности. Также остро стоит вопрос о защите традиционных ценностей, которые формируют моральный компас и социальные нормы в российском обществе.

Современная Россия стоит на историческом распутье, определяя свой путь в динамично меняющемся мире. По мере того, как страна устремляется к прогрессу, крайне важно задуматься о ценностях, которые будут определять ее будущее.

Традиционные ценности России, уходящие корнями в ее богатую многовековую историю и самобытную культуру, являются неотъемлемой частью национальной идентичности и играют основополагающую роль в построении процветающей и устойчивой нации. Эти ценности формируют мировоззрение россиян, их отношение к жизни и их чувство принадлежности к своему народу. Они обеспечивают основу для социальных норм, институтов и политических систем, которые определяют развитие страны.

В ходе научного исследования авторами был рассмотрен образ будущего России через призму защиты традиционных ценностей. Проанализировано фундаментальное значение этих ценностей для российской культуры и общества, а также исследовано их влияние на будущее развитие страны.

Анализ включал оценку вызовов, с которыми сталкиваются традиционные цен-

¹ Данная статья подготовлена в рамках реализации программы развития ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» проекта «Приоритет 2030»

ности в современном мире, и определение роли государства и общества в их сохранении. Авторами также рассмотрены потенциальные последствия утраты этих ценностей и преимущества их сохранения. Цель исследования заключалась в том, чтобы предоставить углубленное понимание того, как защита традиционных ценностей может формировать образ будущего России.

Исследование выявило сложную взаимосвязь между традиционными ценностями и будущим России. Авторы пришли к выводу, что защита этих ценностей имеет решающее значение для сохранения культурной целостности, социальной стабильности, национальной безопасности и духовного благополучия нации [7, с. 12]. Сохраняя и продвигая свои традиционные ценности, Россия может сохранить свою уникальность, укрепить свое национальное единство и построить процветающее будущее для своих граждан.

Сегодня различные антироссийские силы пытаются переписать историю и уменьшить роль русского народа в различных исторических событиях.

В своей речи на параде 9 мая 2024 г. Президент РФ Владимир Владимирович Путин заявил: «Правду о Второй мировой войне пытаются исказить, она мешает тем, кто строит колониальную политику на лжи. Реваншизм и издевательство над историей, оправдание нацизма – часть общей политики западных элит» [2]. Следовательно, перед властью и обществом стоит сложная задача воспитания высоких нравственных качеств у российской молодежи, от которой зависит будущее страны.

Распад СССР, крушение системы социализма, уничтожение многополярности несомненно привело к постепенному отказу от идеалов социальной справедливости, носителем которых был Советский Союз. Не произошло и возвращения к идеалам имперского периода. Антироссийская риторика постепенно отравляла молодое поколение. «В сознание российской молодежи 1990-х годов внедрялись разрушающие морально-психологическое состояние «новые» ценностные ориентиры, вытеснялись или приобретали искаженную деструктивную коннотацию смыслы и термины, обозначающие такие понятия, как честь, нравственность, долг, духовность и защита Родины» [5, с. 80].

В результате этого в молодежной среде возникло своего рода ценностное безвременье, когда старые ценности были разрушены, а новые еще не сформировались. Это привело к моральной дезориентации, росту апатии и безразличия, а также формированию потребительского отношения к жизни.

Однако в последние годы наметилась положительная тенденция к возрождению традиционных российских ценностей, кроме того, у российского населения возрастает интерес к истории, к судьбе своего государства. Так, явка на прошедших 15–17 марта выборах составила 77,44% (более 87 млн чел.), сообщила глава ЦИК Элла Памфилова. Это рекордный показатель с 1991 г. [6].

Это происходит благодаря усилиям государства, общественных организаций и семьи. Важную роль в этом процессе играют образовательные учреждения, которые включили в свои программы курсы по духовно-нравственному воспитанию.

В результате этих усилий в молодежной среде растет интерес к истории и культуре своей страны, появляется понимание важности патриотизма, долга и чести. Молодые люди все чаще участвуют в общественных и политических мероприятиях, направленных на развитие страны.

Кроме того, с начала Специальной военной операции (СВО) значительно возрос

патриотизм русского народа. Это можно проследить в различных роликах и постах, выкладываемых в социальных сетях, в песнях о величии России, которые становятся всё более и более популярными. Однако, самое главное проявление патриотизма – это помощь, оказываемая мирным населением, солдатам. Общая угроза ещё больше сплотила русский народ. Конечно, процесс возрождения традиционных российских ценностей не быстрый и не простой. Он требует постоянных усилий со стороны государства, общества и семьи. Но этот процесс необходим для воспитания духовно богатой и нравственно здоровой молодежи, которая будет способна построить сильную и процветающую Россию.

Итак, существуют общечеловеческие ценности, придающие смысл жизни всех людей на Земле, а также ценности, разделяемые большинством конкретного общества. Как общечеловеческие, так и специфические для конкретных сообществ ценности формируют основу национального менталитета. Утрата этих ценностей может привести к размыванию национальной идентичности, что чревато разобщением нации и негативными политическими и социальными последствиями. Эти обстоятельства оказывают деформирующее воздействие на общественное сознание, поскольку пропаганда и манипуляции, ставшие повсеместными в условиях глобализации, вестернизации и создания единого информационного медиапространства, направлены на унификацию и стирание традиционных ценностей [3, с. 47].

Российские духовно-нравственные ценности служат основой для воспитания граждан и патриотов на данном историческом этапе. При этом особую значимость в процессе формирования гражданского самосознания у молодого поколения россиян на основе общероссийских традиционных ценностей, определенных Указом Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», приобретает деятельность государственных структур.

Указ был разработан в соответствии с Федеральным законом №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014. В этом документе впервые перечислены традиционные российские ценности: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

Государственная политика, изложенная в рассматриваемом Указе, представляет собой совокупность четко определенных мероприятий, реализуемых Президентом РФ и другими органами государственной власти при участии институтов гражданского общества. Реализация этой политики возложена на федеральные органы исполнительной власти, которые действуют в соответствующих сферах своей деятельности в пределах установленных полномочий.

В главе II рассматриваемого Указа Президента говорится о том, что для сохранения и укрепления традиционных ценностей, а также для противодействия распространению деструктивной идеологии, реформы в сфере образования и воспитания, культуры, науки, СМИ и массовых коммуникаций должны проводиться с учетом исторических традиций и накопленного российского общества опыта. При этом необходимо проводить широкие общественные обсуждения.

Решение проблем в области сохранения и укрепления традиционных ценностей должно осуществляться по следующим основным направлениям:

- Корректировка документов стратегического планирования для определения более эффективных механизмов защиты традиционных ценностей и обеспечения национальных интересов в этой области.
- Установление межведомственного взаимодействия по вопросам защиты традиционных ценностей.
- Совершенствование системы государственной поддержки проектов в сфере культуры и образования, учитывая цели государственной политики по сохранению традиционных ценностей.
- Разработка и применение новых методов противодействия рискам распространения деструктивных идеологий в информационном пространстве.
- Совершенствование форм и методов воспитания и образования детей и молодежи в соответствии с политикой сохранения традиционных ценностей.
- Повышение эффективности деятельности научных, образовательных, просветительских и культурных организаций в области сохранения исторической правды, памяти и противодействия искажению истории.
- Улучшение деятельности правоохранительных органов по профилактике и пресечению правонарушений, направленных на распространение деструктивных идеологий.

В дальнейшем ситуация может развиваться по двум сценариям: позитивному или негативному. Позитивный сценарий будет реализован при условии последовательного проведения государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей. Он предполагает усиление защищенности российского общества от угроз и рисков, формирование высоконравственных личностей, уважающих традиционные ценности, обладающих современными знаниями и навыками, готовых к созидательной деятельности и защите Родины. Этот сценарий предусматривает постепенное решение существующих проблем и поиск ответов на новые вызовы на основе традиционных ценностных ориентиров.

Негативный сценарий может реализоваться в случае отсутствия мер по противодействию распространению деструктивных идеологий [1].

Исходя из вышесказанного, в главе III Указа определены цели политики сохранения и защиты традиционных ценностей:

- Защита и передача традиционных ценностей будущим поколениям.
- Предотвращение распространения деструктивных идеологий.
- Формирование международного образа России как страны, хранителя и защитника общечеловеческих духовных и нравственных ценностей.

Таким образом, государственная политика в контексте данного Указа является комплексной и многоуровневой системой, предполагающей взаимодействие различных ветвей власти и общественных организаций. Она направлена на достижение конкретных целей и задач, определенных в Указе, и осуществляется через реализацию ряда конкретных мер.

Федеральные органы исполнительной власти играют ключевую роль в реализации государственной политики. Они разрабатывают и реализуют соответствующие программы, выделяют необходимые ресурсы и осуществляют мониторинг и оценку результатов. Участие институтов гражданского общества также имеет важное зна-

чение. Они обеспечивают обратную связь между властью и обществом, участвуют в разработке и реализации государственной политики, а также осуществляют общественный контроль.

Комплексная реализация всех направлений, обозначенных в Указе Президента, является необходимым условием для эффективного решения задач по сохранению и укреплению традиционных ценностей в современном российском обществе.

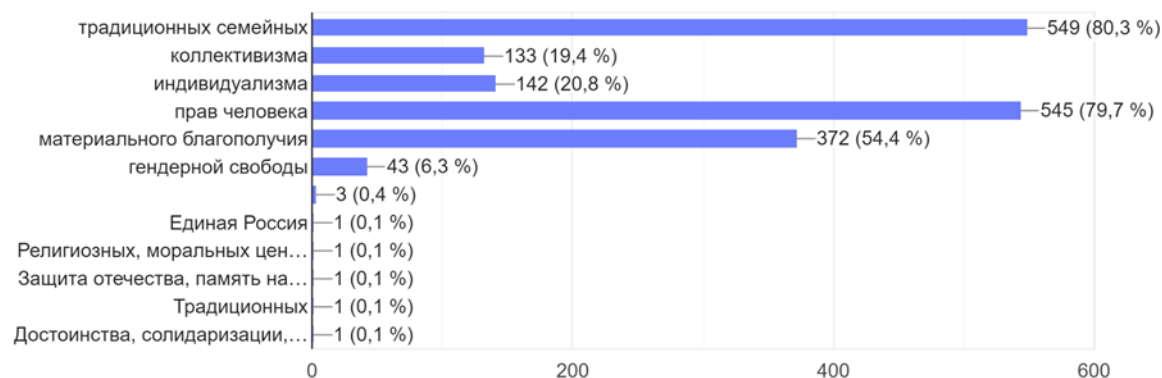
Последовательная и системная государственная политика в этой области позволит обеспечить преемственность традиционных ценностей, противодействовать распространению деструктивных идеологий и сформировать позитивный международный образ России как страны, приверженной общечеловеческим духовным и нравственным ценностям.

Следовательно, государственная политика в сфере сохранения и укрепления традиционных ценностей играет ключевую роль в обеспечении стабильности, безопасности и духовного здоровья российского общества. Кроме того, следует сказать о том, что данная политика должна быть направлена в первую очередь на молодежь, так как именно от нее зависит будущее российского государства.

Авторами было проведено исследование в формате опроса, в котором приняли участие 684 респондента – это студенты 1 – 3 курсов, представлявшие 14 вузов нашей страны, и в результате которого была выявлена модель будущей России, приемлемая для сегодняшней молодежи.

Носителем каких ценностей должна быть Россия?

684 ответа

(Рис. 1)

Результаты опроса, представленные на рисунке 1, показывают, что подавляющее большинство студентов 1 – 3 курсов (80,3%) считают традиционные ценности основой будущей России. Это согласуется с выводами о том, что в последние годы всё чаще прослеживается тенденция среди русской молодежи о защите традиционных исторических ценностей.

В то же время, значительное число студентов (79,7%) также отметили важность прав человека. Это свидетельствует о том, что молодежь не только придерживается

традиционных ценностей, но и считает, что они должны сосуществовать с уважением к правам и свободам человека. Эти результаты показывают, что модель будущей России, приемлемая для сегодняшней молодежи, представляет собой гармоничный синтез традиционных ценностей и современных демократических принципов.

Молодежь стремится сохранить то, что делает Россию уникальной, при этом признавая важность развития в соответствии с международными стандартами прав и свобод человека. Эта модель может служить руководством для государственной политики, направленной на формирование будущего России, которое будет соответствовать устремлениям подрастающего поколения и укреплять позиции страны на мировой арене.

Нужна ли России идеология?

684 ответа

(Рис. 2)

Исходя из диаграммы, изображенной на рисунке 2, видно, что подавляющее большинство студентов считает, что России нужна идеология. Такой вывод позволяет предположить, что студенты осознают важность наличия системы ценностей, принципов и целей, которые будут направлять развитие страны и определять ее место в мировом сообществе. Подобная высокая поддержка идеи наличия идеологии среди студентов может быть обусловлена несколькими факторами, включая патриотические настроения, стремление к стабильности и поиску смысла в жизни. Молодое поколение, представленное студентами, находится в процессе формирования своих взглядов и убеждений, и наличие четкой идеологии может дать им ориентиры и направление для дальнейшего развития. Идеология может также способствовать объединению общества, создавая общие цели и ценности, вокруг которых могут сплотиться граждане. В условиях глобальных вызовов и перемен, с которыми сталкивается Россия, наличие идеологии может стать важной основой для консолидации общества и обеспечения его поступательного развития.

Государственная идеология России должна базироваться на

684 ответа

(Рис. 3)

Изучая диаграмму, представленную на рисунке 3, можно констатировать, что значительная часть студентов считает, что государственная идеология Российской Федерации должна базироваться на традиционных ценностях народов России. Такой выбор в пользу традиционных ценностей отражает стремление студентов сохранить культурную самобытность страны и обеспечить преемственность между поколениями.

Традиционные ценности, передаваемые из поколения в поколение, являются основой духовной и нравственной жизни общества. Они включают в себя такие понятия, как патриотизм, семья, уважение к старшим, трудолюбие и взаимопомощь. Возвращение к традиционным ценностям воспринимается студентами как способ укрепить моральные устои общества и противостоять негативным влияниям извне.

Идеология, основанная на традиционных ценностях, может способствовать воспитанию гармонично развитой личности, обладающей высокими нравственными качествами и чувством ответственности перед обществом. В условиях глобализации и культурного разнообразия наличие сильной идеологии, опирающейся на традиционные ценности, может помочь России сохранить свою уникальность и противостоять процессам нивелирования культурных различий.

Кроме того, традиционные ценности могут стать объединяющим началом для многонационального народа России. Они представляют собой общее культурное наследие, которое связывает людей разных национальностей и вероисповеданий. Идеология, основанная на традиционных ценностях, может способствовать укреплению единства и взаимопонимания в обществе.

Резюмируя предшествующие рассуждения, можно сказать, что в условиях глобальных вызовов и перемен, с которыми сталкивается современная Россия, политика традиционных ценностей приобретает особую актуальность и становится основой для обеспечения устойчивого развития и сохранения самобытности страны. Традиционные ценности, передаваемые из поколения в поколение, формируют духовно-нравственный стержень общества, обеспечивают преемственность между поколениями и способствуют консолидации многонационального народа России.

Политика традиционных ценностей, проводимая государством, направлена на сохранение и укрепление таких основополагающих ценностей, как жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Эти ценности являются неотъемлемой частью исторического и культурного наследия России и играют важную роль в воспитании подрастающего поколения и поддержании общественного порядка.

Исследования показывают, что подавляющее большинство поддерживает политику традиционных ценностей и видит в ней основу для будущего страны. Эти ценности дают людям чувство принадлежности к обществу, формируют нравственные ориентиры и способствуют укреплению семьи и других социальных институтов.

Политика традиционных ценностей также является важным фактором противодействия негативным влияниям извне, таким как разрушение семейных ценностей, распространение индивидуализма и потребительства. Возвращение к традиционным ценностям позволяет сохранить культурную самобытность России, противостоять процессам нивелирования культурных различий и сохранить духовное и нравственное здоровье общества. Однако, реализация политики традиционных ценностей требует комплексного подхода, включающего в себя законодательные меры, образовательные программы, работу со СМИ и общественными организациями. Особая роль в этом процессе принадлежит семье, которая является первичным носителем и хранителем традиционных ценностей.

Необходимо отметить, что современная молодежь выступает сторонником централизации власти. 63,6 % опрошенных оптимальной формой правления считают президентскую республику. 14 % оказались сторонниками монархии. Лучшей формой государственного устройства молодое поколение считает федерацию (79,1), однако на втором месте оказалась империя (14,5). Главными союзниками России студенты назвали армию и флот.

Интересные ответы, подтверждающие выводы авторов, получили на вопрос: «С чем ассоциируется у Вас Русский мир». 26,8 % ответили с русской природой; 21,1 % – с русской матрешкой – известным символом традиционных ценностей, семьи, поиска истины; 17,8 – с победой, в которой воплотились лучшие качества русского народа. Таким образом, обеспечение патриотического воспитания и сохранение исторической памяти являются важнейшими задачами для поддержания национального единства и укрепления российского государства. В условиях информационной войны, которую ведут против России некоторые западные страны, искажение истории и распространение ложных сведений представляют серьезную угрозу национальной безопасности [4, с. 151].

Необходимо развивать различные формы патриотического воспитания, начиная со школьного возраста. Молодежь должна знать и понимать историю своей страны, ее победы и поражения, уроки, которые были извлечены из прошлого. Патриотическое воспитание должно прививать любовь к Родине, уважение к ее символам и традициям, готовность защищать ее интересы. Важно сохранять историческую память о духовно-нравственных истоках российского народа. Именно эти ценности

объединяли людей на протяжении веков, служили основой для формирования национального характера и государственности.

Необходимо противостоять любым попыткам переписать или исказить историю России. Для этого необходимо развивать историческую науку, поддерживать исторические памятники и музеи, а также активно распространять правдивую информацию о прошлом и настоящем нашей страны.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей" // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 22.05.2024 г.)
2. Выступление Президента России Владимира Путина. 09.05.2024 URL: <https://www.1tv.ru/shows/den-pobedy/obrashenie-prezidenta/vystuplenie-prezidenta-rossii-vladimira-putina-09-05-2024>
3. Ковалев А.А., Борзова Е.П. Разрушение традиционных ценностей как возможный фактор ментальной деградации народа // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т.24. №3-2. С. 38-49.
4. Коряковцева, О. А. Россия XXI века: традиционные ценности как фактор цивилизационного развития / О. А. Коряковцева // PolitBook. – 2024. – № 2. – С. 151-164.
5. Малышева, Е. М. Базовые традиционные российские духовно-нравственные ценности в условиях современного противостояния с Западом / Е. М. Малышева, С. Г. Хасанова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 11. – С. 79-85.
6. ЦИК сообщила результаты подсчета 100% протоколов на выборах президента URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/03/2024/65f832489a79473c742a8575> (дата обращения: 12.05.2024 г.)
7. Юзиханова, Э. Г. Государственная политика защиты традиционных ценностей / Э. Г. Юзиханова, С. В. Смелова // Право и управление. – 2022. – № 12. – С. 11-15.

Safronov N.A., Vyhodtseva A.V. Image of russia's future in the context of state policy in the sphere of preserving traditional values // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 121 – 129.

This scientific article examines the policy of the Russian Federation in the sphere of preserving traditional values and determines its importance for the formation of conceptual foundations of Russia's future. The paper analyzes strategic planning documents through the futurological prism, identifies key ideas that should become the foundation of a renewed Russia. The authors conducted a sociological study, which involved 684 respondents aged 18 to 30 years old, in order to determine the ideal model of the future of Russia through the eyes of the young generation. It showed that young people are committed to traditional values that strengthen social ties, preserve cultural heritage, enhance morality and develop an economy based on honesty and social responsibility. The authors concluded that the continuity of Russia's values and ideals across generations and concluded that the policy of traditional values of the Russian Federation is an integral basis for the future of the country. Maintaining traditional values will allow Russia to preserve its unique identity, ensure internal stability, strengthen the international position and build a prosperous and just society.

Keywords: image of the future, modern Russia, traditional values, progress, future, nationality, society, Russian world, politics, strategic planning.

Spisok literatury:

1. Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 N 809 "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej" // SPS Konsul'tantPlyus (data obrashcheniya: 22.05.2024 g.)
2. Vystuplenie Prezidenta Rossii Vladimira Putina. 09.05.2024 URL: <https://www.1tv.ru/shows/den-pobedy/obrashenie-prezidenta/vystuplenie-prezidenta-rossii-vladimira-putina-09-05-2024>
3. Kovalev A.A., Borzova E.P. Razrushenie tradicionnyh cennostej kak vozmozhnyj faktor mental'noj degradacii naroda // Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. 2023. T.24. №3-2. S. 38-49.
4. Koryakovceva, O. A. Rossiya XXI veka: tradicionnye cennosti kak faktor civilizacionnogo razvitiya / O. A. Koryakovceva // PolitBook. – 2024. – № 2. – S. 151-164.
5. Malysheva, E. M. Bazovye tradicionnye rossijskie duhovno-nravstvennye cennosti v usloviyah sovremen-nogo protivostoyaniya s Zapadom / E. M. Malysheva, S. G. Hasanova // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2023. – № 11. – S. 79-85.
6. CIK soobshchila rezul'taty podscheta 100% protokolov na vyborah prezidenta URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/03/2024/65f832489a79473c742a8575> (data obrashcheniya: 12.05.2024 g.)
7. YUzihanova, E. G. Gosudarstvennaya politika zashchity tradicionnyh cennostej / E. G. YUzihanova, S. V. Smelova // Pravo i upravlenie. – 2022. – № 12. – S. 11-15.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 130-138.

УДК 341.9

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Трифонов С. Г.

Внешнеэкономическая деятельность в целом, внешнеэкономические сделки в частности, опосредуют предпринимательскую деятельность субъектов соответствующих правоотношений, осложнённых иностранным элементом. Именно институт внешнеэкономических сделок представляет собой важную структурную единицу в самом международном торговом обороте и представляет собой договорную конструкцию, регулирующую отношения в области международного коммерческого оборота, в том числе соглашений в сфере купли-продажи различных товаров, выполнением работ либо оказанием услуг. В связи с этим институт внешнеэкономических сделок играет важную роль в мировых хозяйственных связях. В основе внешнеэкономических связей государств всегда лежат национальные интересы, определяющие в конечном счете как внутреннюю, так и внешнюю политику. Вместе с тем внешнеэкономическая деятельность осуществляется также с учетом возможностей национальной экономики, ее состояния, степени развитости отдельных ее отраслей. Понимание настоящего будущего состояния экономики вряд ли возможно без изучения исторического опыта, поскольку многие тенденции развития, берут свое начало как в отдаленные времена, так и в недавние. Изучение исторического опыта регулирования ВЭД позволяет избежать ошибок в правовом регулировании и выявить общие тенденции, являющиеся фундаментальными. В заключении автор утверждает, что регламентация ВЭД стала одной из важнейших задач еще на этапе становления российской государственности. При этом до начала XX века говорить о подробном и детальном урегулировании исследуемых отношений не приходится. В разные периоды уменьшалось или увеличивалось количество субъектов, которым данная деятельность была. Только переход к рыночной экономике устранил данный правовой институт, но при этом потребовал принятия значительного количества нормативных актов.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, внешнеэкономические отношения, правовое регулирование, история правового регулирования, периодизация, нормативно-правовой акт, правоприменительная практика.

Известно, что внешнеэкономические связи в виде торговли существовали еще во время становления племенных союзов славянских племен до того, как были созданы первые русские государства.

В качестве одного из первых источников, дошедших до нас, являются двусторонние Договоры Руси с Византией разных лет [1, с. 114], которые: «...регламентировали вопросы торговли, пошлин, отношения между греками и русскими (гражданские и уголовные), международные обязательства русских возвращать имущество греков, потерпевших кораблекрушение, вопросы взаимного выкупа и возвращения рабов и пленников» [2, с. 307; 1, с. 114]. Это показывает заинтересованность государства в урегулировании уже существующих отношений для придания им стабильности. Источники также нам показывают, что попытки урегулировать нормами права имущественные отношения, в том числе внешнеэкономические предпринимались достаточно часто. Поскольку мощнейшие запасы ресурсов не могли быть освоены только в рамках национальной экономики, а отдельные товары и технологии, в которых государство остро нуждалось отсутствовали, но были в избытке в других государствах.

Учитывая изложенное, тем не менее ряд исследователей считают, что: «... точкой отсчёта регламентации ВЭД стал 1918 г» [2, с. 307].

Изучение доктринальных и нормативных источников дает возможность выделить следующие периоды, в рамках которых правовая регламентация ВЭД осу-

ществлялась характерными приемами и способами для данной эпохи:

«1) зарождение элементов правового регулирования внешнеэкономических отношений (X-XV века)» [2, с. 307; 1, с. 114];

2) протекционистская внешнеэкономическая политика (XVI – первая половина XIX века)» [2, с. 307; 1, с. 114];

3) поиск пути реформирования внешнеэкономической стратегии (50-е – 80-е годы XIX века)» [2, с. 307; 1, с. 115];

4) либерализация правового регулирования внешнеэкономической деятельности (90-е годы XIX века – 1918 год)» [2, с. 307; 1, с. 115];

5) государственная монополия на внешнеэкономическую деятельность (1918 – 1991 годы)» [2, с.307; 1, с.115];

6) переход к открытой экономике (1991 – 1998 года)» [2, с. 307; 1, с. 115];

7) евразийская интеграция (1999 год – настоящее время)» [2, с. 307; 1, с. 115].

В рамках первого этапа, окончившего в XV в. несмотря на существование в определённые периоды единого русского государства, тем не менее стоит отметить архаичность и конкретность правового регулирования в сфере ВЭД, стоит отметить, что они были присущи также и регулированию внутренней торговли в княжествах и торговым отношениям между самими княжествами.

Отсутствие норм, систематически регламентирующих вопросы внешней и внутренней торговли соседствовало как с различиями в правовом статусе отечественных и иностранных купцов, так и с отсутствием общегосударственной концепции, или же установки на развитие внешнеэкономических отношений вообще и внешнеторговых в частности. Говоря об ограничении прав иностранных купцов, стоит указать, что их присутствие на территории русского государства ограничивалось временем реализации собственных и закупки русских товаров. Розничная торговля и торговля с другими иностранными купцами были недоступны.

Первичные дошедшие до нас источники внешнеторгового регулирования это договоры 907, 911, 944, 971 и 1043 годов между киевскими князьями и византийскими императорами, также «среди важнейших договоров X-XV веков необходимо отметить мирную грамоту новгородцев с немцами 1195 года» [3, с. 89-90], «Договор Новгорода с немецкими городами и Готландом 1270 года» [4, с. 20], «Соглашение между Ганзой и царем Иваном Васильевичем 1487 года» [5, с. 70].

Тексты правовых актов того времени с точки зрения современной юридической техники недостаточно эффективны, а двусторонние договоры и правовые обычаи выступали преимущественными источниками правового регулирования.

Отличный от общего порядок регулирования указан в ст. 69 Русской Правды: «...закрепляющей преимущество иностранного кредитора перед любыми местными кредиторами должника (за исключением князя)» [1, с. 114; 5, с. 70]. Указанная статья предоставляла преимущество зарубежным кредиторам перед всеми местными, кроме случаев, когда в роли займодавца выступал князь. Исследуемая норма получила широкое распространение в дальнейшем.

Следующий в правовом регулировании ВЭД этап представляется возможным связать с дипломатическим признанием русского государства и появлением новых торговых договоров с европейскими государствами.

XVI в. - это когда на территории централизованного русского государства проникают английские купцы, открывая для России новые мировые рынки поскольку

имеющиеся посредники в лице Ганзы и недружественные государства такие как Шведское королевство, Речь Посполитая [1, с. 114; 5, с. 70]. Иван Грозный хорошо понимая выгоды внешней торговли с Англией предоставил британским купцам освобождение от пошлин и право торговать через территорию русского царства с другими государствами. Льготы действовали не все время, но периодически возобновлялись.

В исследуемый период возможно отметить усиление роли нормативных актов в качестве источника правового регулирования ВЭД. А также еще одной тенденцией выступило ограничение прав иностранных купцов, очевидно под давлением местного купеческого лобби. Помимо прочего ужесточались меры относительно свободного хождения иностранных денежных единиц, в качестве валюты для ВЭД был установлен рубль, а также предпринята попытка унификации таможенного – тарифного регулирования [6, с. 29].

Господствующей доктриной в сфере экономики в тот момент считался протекционизм, что и нашло свое отражение в правовом регулировании того периода.

Этажейные нормативные источники, регламентирующие ВЭД в исследуемый период по мнению Михайленко Е.А это: «.... Соборное Уложение 1649 г., Новоторговый Устав 1667г., Манифесты от 16.04.1702 г., 30.07.1720, от 01.01.1807г., Свод законов Российской Империи» [7, с. 18]. К концу исследуемого периода экономическая и технологическая отсталость Российской Империи не в последнюю очередь зависящая от неэффективного регулирования внешней торговли привела к ряду крупных военно-политических поражений.

В годы правления Александра Второго, навязанный государству Парижский трактат 1856 года при всей его негативной роли закреплял абсолютную свободу торговли и привел к появлению новых внешнеторговых договоров с рядом европейских государств, заключенных в 1850-ые годы. Таким образом, даже поражение в Крымской войне, несшее колоссальные негативные геополитические последствия в определенной степени способствовало открытости экономики Российской Империи и возможности осуществления ВЭД в более комфортных условиях как для российских, так и для иностранных субъектов.

Следующий период правового регулирования данной выше классификации еще активнее способствовал свободе торговли и возникновению новых экономических связей, в том числе в сфере ВЭД. «Данный период можно охарактеризовать как период максимальной свободы участия во внешнеэкономической деятельности: были сняты практически все ограничения на участие в экономической жизни России иностранных граждан, для иностранных инвестиций открыты практически все отрасли экономики, введена свободно конвертируемая валюта, для привлечения инвестиций в промышленность России установлены относительно высокие пошлины на ввоз готовых товаров» [8, с. 80]. При этом «высокие пошлины воспринимались как основной инструмент защиты национальной экономики от поглощения иностранным капиталом» [8, с. 80].

Учреждение и легальная регламентация монополии РСФСР (позднее СССР) на внешнеторговые операции рядом исследователей воспринимается как отправная точка нового этапа регламентации ВЭД.

Декрет СНК РСФСР «О национализации внешней торговли» 2.04.1918г. определил орган государственной власти, осуществляющий торговлю с иностранными

государствами от имени РСФСР, через 2 года данный орган получил статус «Народного комиссариата внешней торговли» [9, с. 22; 10, с. 45; 11].

По мнению А.В. Губаревой: «...с образованием Союза ССР, действие Декрета «О национализации внешней торговли» было распространено на всю территорию СССР, а его основное содержание вошло в Конституции СССР 1924 и 1936 гг. Конституция СССР 1977 г. распространила государственную монополию на все виды внешнеэкономической деятельности СССР» [10, с. 46].

Правовая регламентация ВЭД из текстов отдельных законов становится частью советских правовых кодификаций. По мнению Губаревой А.В.: «...данная сфера регулирования относилась к предмету ведения высших органов власти Союза СССР, а в период с 1936 по 1957 г., в компетенцию Союза ССР входило принятие Гражданского кодекса СССР» [9, с. 22; 10, с. 45]. П.С. Смирнов указывает, что: «лишь незначительному количеству субъектов было разрешено заключать внешне-торговые сделки, которые по сути сводились только к международной купле-продаже» [8, с.80]. Позднее источником правового регулирования ВЭД выступили «Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 года», которые вновь утверждали государственную монополию на введение внешнеэкономической деятельности.

В конце 70-х годов прошлого века вышло «Постановлением Совета Министров СССР от 14 февраля 1978 г. №122» увеличившее субъектный состав возможных участников ВЭД, а также содержащая процедурные нормы относительно заключения и обнародования внешнеэкономических контрактов. Данные изменения имели причиной усиления внешнеэкономических связей СССР.

Новые веяния в урегулировании ВЭД появились в СССР в 1986 г. и отражены в «Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по совершенствованию уровня внешнеэкономическими связями» [9, с. 22; 10, с. 45], которым учреждались специфичные органы, курирующие ВЭД, но самым главным в этом постановлении было то, что помимо Министерств СССР и союзных республик правом заключать соответствующие сделки были наделены отдельные предприятия.

Как указывал С.Н. Лебедев: «... Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1987 г. № 6362-ХІ «О вопросах, связанных с созданием на территории СССР и деятельностью совместных предприятий, международных объединений и организаций с участием советских и иностранных организаций, фирм и органов управления» закреплена возможность и основные условия создания и деятельности совместных предприятий в СССР» [13, с. 212; 14]. Постановлением Совета Министров СССР от 2.12.1988 г. № 1405 «О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, объединений и организаций» [15] предприятиям было предоставлено право выхода на внешний рынок.

Постановлением Совмина СССР от 7.03.1988 г. № 203 «О мерах государственного регулирования внешнеэкономической деятельности» модифицирована институциональная процедура государственного регулирования ВЭД, что в конечном счете привело к нарастанию доли таких сделок в масштабах государства и увеличению притока валютной выручки. В СССР в конце его существования сохранялась, хоть и значительно ослабленная, но все же монополия на осуществления ВЭД и полная ее отмена произошла только лишь с прекращением существования СССР.

Российское законодательство начала 90-ых годов встало на путь либерализации норм о ВЭД и заимствования отдельных правовых институтов.

Как писала А.В. Губарева: «...Указом Президента РСФСР от 15 ноября 1991 г. № 213 «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР» были сняты все ограничения на выход на внешний рынок, а хозяйствующие субъекты приобрели внешнеэкономическую правоспособность в силу факта своего существования, это был период фактически полного отказа от государственного регулирования не только внешнеэкономической деятельности, но и экономики в целом, последствием явилось формирование системы экспорта, ориентированной на вывоз сырья и энергоресурсов, и создана система незаконного «бегства» капиталов за рубеж» [10; 1, с. 307].

В экономической жизни страны происходили фундаментальные изменения и был имплементирован в национальный право такой институт как свободная экономическая зона, институт достаточно неоднозначный, приносящий как существенную пользу в развитии конкретных территорий, но дискриминирующий ряд участников ВЭД, не работающих в режиме свободной экономической зоны.

Согласно п. «л» ст.71 Конституции РФ: «В ведении Российской Федерации находятся: внешнеэкономические отношения Российской Федерации» [19].

Стоит указать, что в сфере ВЭД субъекты РФ получили значительные полномочия. Такой либеральный подход в регулировании помог промышленно развитым районам наладить обширные внешнеэкономические связи. Обновление законодательства о таможенно-тарифном регулировании деле в 1993 г. привело к изменению структуры субъектов ВЭД, уменьшив долю субъектов, осуществляющих закупки централизованно и увеличив долю субъектов, действующих как предприниматели. С 1994 г. доля первых субъектов сокращается до нуля, а с середины 1994 г. устраняется такой важнейший нетарифный барьер в сфере ВЭД как квотирование экспорта.

Негативные последствия для экономики после принятия ФЗ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» [20] не замедлили сказаться в виде невозвращения валютной выручки, изменения структуры торгового баланса и все это было последствием максимально возможной либерализации сферы ВЭД. Такое положение дел существовало до экономического кризиса 1998 г., последствием чего стало усиление регулирующей роли государства в экономических отношениях.

Существующие меры воздействия на внешнеэкономическую деятельность представляют собой гибкое сочетание тарифных и по возможности редкое использование не тарифных методов для отдельных товарных групп, а также появлением системы государственного субсидирования производства отдельных видов товаров и диверсификация валютных резервов государства, что стало особо актуальным в период проведения СВО. Текущая правовая регламентация внешнеэкономической деятельности – это заимствование успешных иностранных образцов и в конечном счете выстраивание собственного уникального регулирования в соответствии с потребностями экономики государства [16, с. 22]. Также в качестве характерной черты развития представляется возможным выделить активизацию экономических взаимоотношений в рамках ЕврАзЭС и БРИКС.

Одни из самых значительных изменений в правовом регулировании детерминировано процессами экономической интеграции в рамках ВТО. В «п. 4 ст. XVI Соглашения об учреждении ВТО (Марракеш, 15.04.1994 г.) закреплено, что: «Каждый

член обеспечивает соответствие своих законов, иных нормативных актов и административных процедур своим обязательствам, вытекающим из прилагаемых Соглашений» [10]. Полноценное участие РФ в ВТО обуславливалось приведением как федерального законодательства в соответствии с требованиями ВТО, так и законодательства субъектов.

Стоит указать, что государственная регламентация как внутренних, так и внешнеэкономических отношений всегда представляет собой комплекс согласованных публичных и частных интересов, поскольку без публичного интереса ВЭД невозможна в принципе, а частный интерес чаще всего лежит в основе большинства внешнеэкономических сделок.

К недостаткам правового регулирования ВЭД стоит отнести известного рода дисбаланс частной и публичной регламентации различных групп общественных отношений. С другой стороны, ряд авторов утверждают, что значительная роль государства в регулировании экономических отношений не является негативным явлением, гораздо важнее определить пределы вмешательства государства в исследуемые отношения. Приведенные положения сполна относятся к нормам ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» [21], в рамках которого усилена административная нагрузка на бизнес, но при этом делается попытка защитить права российских субъектов ВЭД.

ФЗ «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров» [22] по мнению ряда авторов выступает: «... новеллой носящий протекционистский характер в отличие от прежних нормативных актов соответствующих принципов экономического либерализма» [17, с. 185]. При этом Бицоева Л. Ф. отмечает, что: «...данный закон не расходится с идеологией и правовым регулированием ВТО по данному вопросу» [17, с. 185]; устанавливает «...порядок введения и применения специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер при импорте товаров» [23].

Как указывают многие исследователи данный ФЗ четко определяет институциональную сторону и процессуальные аспекты, касающиеся как сроков реагирования, так и подробно расписаны соответствующие санкции, которые могут быть возложены на субъектов в виде специфичной антидемпинговой пошлины, которые делает ввоз товаров экономически не выгодным и бессмысленным.

Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» пришел на смену ранее действовавшему Закону РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» от 9.10.1992 г. Целью нового закона является «обеспечение реализации единой государственной валютно-финансовой политики, а также устойчивости валюты РФ и стабильности внутреннего валютного рынка как факторов прогрессивного развития национальной экономики и плодотворного участия нашей страны в международном экономическом сотрудничестве».

Подводя, становится очевидным, что регламентация ВЭД стала одной из важнейших задач еще на этапе становления российской государственности. При этом до начала XX в. говорить о подробном и детальном урегулировании исследуемых отношений не приходится. Весьма сильно данное правовое регулирование зависело от политических взаимоотношений, личностей и предпочтений главы государства, но весь этот период ознаменован аккумулярованием зарубежного и отечественного опыта в правовом регулировании и как показала практика хоть его и не

использовали на сто процентов, определенные выводы все же были сделаны.

Десятилетие перед 1-й Мировой войной ознаменовались экономическим соперничеством, и государственные деятели и научное сообщество вплотную занялись вопросами регламентации внешнеэкономической деятельности, в первую очередь вводя протекционистские меры. Будучи, по сути, революцией буржуазной, февральская Революция 1917 г. не привнесла ничего категорически нового, а вот Октябрьская революция 1917 г. привела к введению мощных протекционистских мер в виде введения государственной монополии на внешнюю торговлю [18, с. 18].

Весь период существования советского государства существовала государственная монополия на внешнеэкономическую деятельность. В разные периоды уменьшалось или увеличивалось количество субъектов, которым данная деятельность была разрешена, но отхода от этого принципа не наблюдалось никогда. Только переход к рыночной экономике устранил данный правовой институт, но при этом потребовал принятия значительного количества нормативных актов. Рассматривая этапы осуществления правового регулирования ВЭД, стоит указать, что последние значительные изменения в правовой регламентации данной деятельности пришлось на эпоху контрсанкционной политики Правительства РФ, проводимой с 2014 г.

Список литературы:

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – С. 114 – 117.
2. Михайленко Е.А. Историко-правовой анализ регулирования внешнеэкономической деятельности в России. // Сборник статей по материалам III Национальной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы правоприменения и управления на современном этапе развития общества». Ставрополь, 2021. – С.307-308
3. Владимирский-Буданов М. Хрестоматия по истории русского права. Выпуск первый. Издание второе дополненное. Киев: типография Императорского Университета Св. Владимира, 1876. - С. 89-90.
4. Андреевский И. Рассуждение о договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 году. Санкт-Петербург: Типография Якоба Треля, 1855. - С. 19 – 35.
5. Кулишер И. М. История русской торговли и промышленности / Сост. А. В. Куряев – Челябинск: Социум, 2003. – С. 70-71.
6. Лодыжевский К. Н. История русского таможенного тарифа. - СПб.: 1886. – С. 29.
7. Павлов П. В. Особые административно-правовые режимы осуществления внешнеторговой деятельности: проблемы и перспективы: монография. - М.: Норма, 2012. - С. 18.
8. Смирнов С. А. Правовое регулирование иностранного предпринимательства в России во второй половине XIX – начале XX веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - Москва, 2003. – С. 80.
9. Губарева А. В. Исторический очерк регулирования внешнеэкономической деятельности в России. // INTERNATIONAL JOURNAL OF RUSSIAN STUDIES. № 4 - 2015/1
10. Губарева А. В. Ретроспективный анализ правового регулирования внешнеэкономической деятельности. // История: факты и символы. – 2014-№1-2 -С. 45-52;
11. Декрет СНК РСФСР 2 апреля 1918г. «О национализации внешней торговли» // СПС Гарант
12. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1987 г. № 6362-XI «О вопросах, связанных с созданием на территории СССР и деятельностью совместных предприятий, международных объединений и организаций с участием советских и иностранных организаций, фирм и органов управления // Собрании постановлений Правительства СССР. 1987 г. № 9. Ст. 40.
13. Лебедев, С. Н. Избранные труды по международному коммерческому арбитражу, праву международной торговли, международному частному праву, частному морскому праву / С. Н. Лебедев; МГИМО (У) МИД России. Кафедра междунар. частн. и гражд. права; сост. А. И. Муранов. - Москва: Статут, 2009. - 717 с.
14. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1987 г. № 6362-XI «О вопросах, связанных с созданием на территории СССР и деятельностью совместных предприятий, международных объединений и организаций с участием советских и иностранных организаций, фирм и органов управления // Собрании постановлений Правительства СССР. 1987 г. № 9. Ст. 40.
15. Постановление Совета Министров СССР от 2 декабря 1988 г. N 1405 "О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, объединений и

организаций".//СП СССР. 1989. № 2. Ст. 7.

16. Кузьменко Ю.А. Институт внешнеэкономической сделки: теоретико-правовой анализ // Ученые записки КФУ имени В.И. Вернадского. Юридические науки. - №4-2022-С.22-227.

17. Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности субъектов предпринимательства в Российской Федерации: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Бицоева Лаура Феликсовна; [Место защиты: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова]. - Владикавказ, 2011. - 186 с.

18. Андреева О.А. Феномен революции в истории государства и права/История государства и права. - 2010. - № 19. - С. 12.

19. "Конституция Российской Федерации"(принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Поправки, внесенные Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ, вступили в силу 4 июля 2020 года (Указ Президента РФ от 03.07.2020 N 445).// Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации - Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

20. Федеральный закон от 13 октября 1995 г. № 157-ФЗ «О государственном регулировании внешне-торговой деятельности» //Собрание законодательства РФ. 16.10.1995. №42. Ст. 3923/

21. Федеральный закон от 08.12.2003 N 164-ФЗ (ред. от 25.12.2023) "Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности".//Российская газета. N 254, 18.12.2003.

22. Федеральный закон от 08.12.2003 N 165-ФЗ (ред. от 08.12.2020) "О специальных защитных, анти-демпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров"// Российская газета. N 253, 17.12.2003

23. Федеральный закон от 08.12.2003 N 165-ФЗ (ред. от 08.12.2020) "О специальных защитных, анти-демпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров" // Российская газета. N 253, 17.12.2003.

Trionov S. G. Legal regulation of foreign economic activity in Russia: a retrospective analysis // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 130–138.

Foreign economic activity in general, foreign economic transactions in particular, mediate the entrepreneurial activity of subjects of relevant legal relations complicated by a foreign element. It is the institution of foreign economic transactions that represents an important structural unit in the international trade turnover itself and represents a contractual structure regulating relations in the field of international commercial turnover, including agreements in the field of purchase and sale of various goods, performance of works or provision of services. In this regard, the institute of foreign economic transactions plays an important role in global economic relations. The foreign economic relations of States are always based on national interests, which ultimately determine both domestic and foreign policy. At the same time, foreign economic activity is also carried out taking into account the capabilities of the national economy, its condition, and the degree of development of its individual sectors. Understanding the present future state of the economy is hardly possible without studying historical experience, since many development trends originate both in remote times and in recent ones. Studying the historical experience of foreign economic activity regulation makes it possible to avoid mistakes in legal regulation and identify general trends that are fundamental. In conclusion, the author argues that the regulation of foreign economic activity has become one of the most important tasks even at the stage of the formation of Russian statehood. At the same time, until the beginning of the twentieth century, it is not necessary to talk about a detailed and detailed settlement of the studied relations. In different periods, the number of subjects that were involved in this activity decreased or increased. Only the transition to a market economy eliminated this legal institution, but at the same time required the adoption of a significant number of regulations.

Keywords: foreign economic activity, foreign economic relations, legal regulation, history of legal regulation, periodization, normative legal act, law enforcement practice.

Spisok literatury:

1. Vladimirskiy-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava. M.: Izdatel'skiy dom «Territoriya budushchego». 2005. – S. 114 – 117.

2. Mikhaylenko Ye.A. Istoriko-pravovoy analiz regulirovaniya vneshneekonomicheskoy devatel'nosti v Ros-sii.// Sbornik statey po materialam III Natsional'noy zaobnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nyye problemy pravoprimeneniya i upravleniya na sovremennom etape razvitiya obshchestva». Stavropol', 2021. – S.307-308

3. Vladimirskiy-Budanov M. Khrestomatiya po istorii russkogo prava. Vypusk pervyy. Izdaniye vtoroye dopolnennoye. Kiyev: tipografiya Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira, 1876. - S. 89-90.

4. Andreyevskiy I. Rassuzhdeniye o dogovore Novgoroda s nemetskimi gorodami i Gotlandom, zaklyuchennom v 1270 godu. Sankt-Peterburg: Tipografiya Yakoba Treva, 1855. - S. 19 – 35.

5. Kulisher I. M. Istoriya russkoy trgovli i promyshlennosti / Sost. A. V. Kuryayev – Chelyabinsk: Sotsium,

2003. – S. 70-71.

6. Lodyzhhevskiy K. N. Istoriya russkogo tamozhennogo tarifa. – SPb.: 1886. – S. 29 7. Pavlov P. V. Osobyve administrativno-pravovyye rezhimy osushchestvleniya vneshnetorgovoy deyatel'nosti: problemy i perspektivy: monografiya. – M.: Norma, 2012. – S. 18.

8. Smirnov S. A. Pravovoye regulirovaniye inostrannogo predprinimatel'stva v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale KHKH vekov. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. – Moskva, 2003. – S. 80. 9. Gubareva A. V. Istoricheskiy ocherk regulirovaniya vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti v Rossii.// INTERNATIONAL JOURNAL OF RUSSIAN STUDIES. № 4 - 2015/1

10. Gubareva A. V. Retrospektivnyy analiz pravovogo regulirovaniya vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti.//Istoriya: fakty i simvol'y. – 2014-№1-2 -S. 45-52;

11. Dekret SNK RSFSR 2 aprelya 1918g. «O natsionalizatsii vneshney torgovli».//SPS Garant

12. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 13 yanvarya 1987 g. № 6362-XI «O voprosakh, svyazannykh s sozdaniyem na territorii SSSR i deyatel'nost'yu sovmestnykh predpriyatiy, mezhdunarodnykh ob"yedineniy i organizatsiy s uchastiyem sovetskikh i inostrannykh organizatsiy, firm i organov upravleniya.//Sobranii postanovleniy Pravitel'stva SSSR. 1987 g. N 9. St. 40.

13. Lebedev, S. N. Izbrannyye trud'y do mezhdunarodnomu kommercheskomu arbitrazhu, pravu mezhdunarodnoy torgovli, mezhdunarodnomu chastnomu pravu, chastnomu morskomu pravu / S. N. Lebedev; MGIMO (U) MID Rossii. Kafedra mezhdunar. chastn. i grazhd. prava; sost. A. I. Muranov. – Moskva: Statut, 2009. – 717 s.

14. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 13 yanvarya 1987 g. № 6362-XI «O voprosakh, svyazannykh s sozdaniyem na territorii SSSR i deyatel'nost'yu sovmestnykh predpriyatiy, mezhdunarodnykh ob"yedineniy i organizatsiy s uchastiyem sovetskikh i inostrannykh organizatsiy, firm i organov upravleniya.//Sobranii postanovleniy Pravitel'stva SSSR. 1987 g. № 9. St. 40.

15. Postanovleniye Soveta Ministrov SSSR ot 2 dekabrya 1988 g. N 1405 "O dal'nevshem razvitii vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti gosudarstvennykh, kooperativnykh i inyykh obshchestvennykh predpriyatiy, ob"yedineniy i organizatsiy".//SP SSSR. 1989. № 2. St. 7.

16. Kuz'menko YU.A. Institut vneshneekonomicheskoy sdelki: teoretiko-pravovoy analiz.//Uchenyye zapiski KFU imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. – №4-2022-S.22-227

17. Pravovoye regulirovaniye vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti sub"vektov predprinimatel'stva v Rossiyskovykh Federatsiy: dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.03 / Bitsoyeva Laura Feliksovna; [Mesto zashchity: Sev.-Oset. gos. un-t im. K.L. Khetagurova]. – Vladikavkaz, 2011. – 186 s.

18. Andreyeva O.A. Fenomen revolyutsii v istorii gosudarstva i prava//Istoriya gosudarstva i prava. – 2010. – № 19. – S. 12.

19. "Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii"(prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennyimi v hode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020). Popravki, vnesennyye Zakonom RF o popravke k Konstitutsii RF ot 14.03.2020 N 1-FKZ, vstupili v silu 4 iyulya 2020 goda (Ukaz Prezidenta RF ot 03.07.2020 N 445).// Oficial'nyy tekst Konstitutsii RF, vkluchayushchij novye sub"ekty Rossiyskoy Federatsii - Doneckuyu Narodnuyu Respubliku, Luganskuyu Narodnuyu Respubliku, Zaporozhskuyu oblast' i Hersonskuyu oblast', opublikovan na Oficial'nom internet-portale pravovoy informatsii <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022. Oficial'nyy tekst Konstitutsii RF s vnesennymi popravkami ot 14.03.2020 opublikovan na Oficial'nom internet-portale pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

20. Federal'nyy zakon ot 13 oktyabrya 1995 g. № 157-FZ «O gosudarstvennom regulirovanii vneshnetorgovoy deyatel'nosti».//Sobranie zakonodatel'stva RF. 16.10.1995. №42. St. 3923/

21. Federal'nyy zakon ot 08.12.2003 N 164-FZ (red. ot 25.12.2023) "Ob osnovakh gosudarstvennogo regulirovaniya vneshnetorgovoy deyatel'nosti".//Rossiyskaya gazeta. N 254, 18.12.2003.

22. Federal'nyy zakon ot 08.12.2003 N 165-FZ (red. ot 08.12.2020) "O special'nykh zashchitnykh, antidempingovykh i kompensatsionnykh merakh pri importe tovarov"// Rossiyskaya gazeta. N 253. 17.12.2003

23. Federal'nyy zakon ot 08.12.2003 N 165-FZ (red. ot 08.12.2020) "O special'nykh zashchitnykh, antidempingovykh i kompensatsionnykh merakh pri importe tovarov" // Rossiyskaya gazeta. N 253. 17.12.2003.

УДК 340.15

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Трошкина Д. Э.

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

В статье проводится историко-правовое исследование трансформации государственных преступлений в уголовном праве советского периода на основе периодизации формирования и развития советского законодательства о контрреволюционных преступлениях. Акцент в статье сделан на рассмотрении контрреволюционных преступлений как одного из вида государственных преступлений, которые признавались наиболее опасными для советской власти. Автор статьи пришел к выводу, что контрреволюционные преступления представляли угрозу для советского государства на всех этапах его развития. Однако исключение термина «контрреволюционное преступление» из уголовного законодательства в послевоенный период позволило отказаться от классового подхода, принципа объективного вменения и понятия «враг народа» в советском уголовном праве. В результате были созданы условия для развития гуманистических положений в современном уголовном законодательстве России.

Ключевые слова: уголовное законодательство, безопасность государства, защита государственных интересов, государственные преступления, контрреволюционные преступления, советская власть, советское государство.

В настоящее время защита государственных интересов является чрезвычайно важной для российского государства. Ряд документов стратегического планирования направлены на противодействие общественно опасным деяниям, посягающим на нарушение единства и территориальной целостности РФ, дестабилизацию внутриполитической и социальной обстановки в стране. Так, в Стратегии национальной безопасности РФ, утверждённой Указом Президента РФ 2.07.2021 г., «защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны» [1] занимают второе место в перечне национальных интересов РФ, а «оборона страны, государственная и общественная безопасность» [1] являются одним из стратегических национальных приоритетов России. Поэтому противодействие государственным преступлениям представляет приоритетное направление в уголовной политике современного российского государства. Однако, как справедливо отмечает профессор Ю.В. Николаева «уголовная политика в сфере противодействия государственным преступлениям неотделима от истории развития России, смены общественно-экономического, политического положения» [2, с. 152]. Советский опыт борьбы с преступлениями, посягающими на государственный строй, является актуальным и ценным для современного уголовного законодательства.

В историко-правовой науке отдельные вопросы, посвященные изучению государственных преступлений в советский период, рассматривались А.А. Герцензоном, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурмановым в коллективной монографии «История советского уголовного права» [3], В.Н. Рябчуком в уголовно-правовом и криминологическом исследовании «Государственная измена и шпионаж» [4], Т.К. Агузаровым, Ю.В. Грачевой в историко-правовых очерках «Государственные преступления в уголовном праве России в XX веке» [5], в научных статьях Ю.В. Николаевой [2,6], В.М.

Деревсковой [7], Е.В. Щелконоговой [8], А.И. Чучаева [9], Н.И. Биюшкиной [10] и др. При этом акцент в работах делался на характеристике государственных преступлений в советском уголовном законодательстве или проведении аналогии некоторых составов государственных преступлений советского периода с составами общественно опасных деяний, содержащимися в действующем УК ФР.

Целью статьи является историко-правовое исследование трансформации государственных преступлений в уголовном праве советского периода на основе периодизации формирования и развития советского законодательства о контрреволюционных преступлениях. Акцент в статье сделан на рассмотрении контрреволюционных преступлений как одного из вида государственных преступлений, которые признавались наиболее опасными для советской власти.

Целесообразно в формировании и развитии советского законодательства о контрреволюционных преступлениях выделить четырех этапов:

1) 1922-1924 гг. – период формирования дефиниции «контрреволюционное преступление» и определение его видов в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г.;

2) 1924-1941 гг. – период развития преступлений, посягающих на государственный строй в общесоюзном уголовном законодательстве;

3) 1941-1945 гг. – период образования новых составов контрреволюционных преступлений в условиях военного времени;

4) 1945-1960 гг. – период отказа от термина «контрреволюционное преступление» и появление «особо опасных государственных преступлений» в уголовном законодательстве советского государства.

Появление термина «контрреволюционное преступление» было обусловлено революционными событиями 1917 года, происходящими в российском государстве, результатом которых стало свержение Временного правительства и установление советской власти. Для обеспечения безопасности «нового» советского государства и укрепления власти Советов необходимо было на законодательном уровне регламентировать борьбу с контрреволюцией.

Первый этап (1922-1924 гг.) характеризуется принятием первого советского УК РСФСР 1922 г., в котором впервые было сформулировано понятие «контрреволюционное преступление» и определены его составы. Согласно ст. 57 УК РСФСР 1922 г. под контрреволюционным преступлением понималось «всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции Р.С.Ф.С.Р. рабоче-крестьянского правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п. средствами» [11]. По мнению проф. А.В. Маклецова понятие контрреволюционного преступления «носит декларативно-политический характер и с точки зрения юридико-технической может быть использовано советскими юристами только как определение цели действий, именуемых контрреволюционными» [12, с. 180-181].

В качестве объектов посягательства советский проф. А.А. Пионтковский в рамках данной статьи выделял – «классовое господство пролетариата в его политическом выражении; коммунистическую систему собственности; основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции» [13, с. 11].

В УК РСФСР 1922 г. было закреплено 17 составов контрреволюционных преступлений, которые советский ученый-правовед А.Н. Трайнин предлагал классифицировать в зависимости от их непосредственного объекта следующим образом:

1. Преступления изменнические (ст. 59 «Сношение с иностранными государствами или их отдельными представителями с целью склонения их к вооруженному вмешательству в дела Республики»; ст. 66 «Участие в шпионаже»);

2. Насильственные контрреволюционные преступления (ст. 58 «Организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний»; ст. 64 «Участие в выполнении террористических актов»; ст. 65 «Организация в контрреволюционных целях разрушения или повреждения железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений или строений»);

3. Интеллектуальные контрреволюционные преступления (ст. 69 «Пропаганда и агитация, выражающаяся в призыве к свержению власти Советов»; ст. 70 «Пропаганда и агитация в направлении помощи международной буржуазии»; ст. 72 «Изготовление, хранение, распространение агитационной литературы»; ст. 73 «Распространение ложных слухов, могущих вызвать общественную панику, дискредитировать власть»);

4. Экономическая контрреволюция (ст. 63 «Противодействие в контрреволюционных целях нормальной деятельности советских учреждений»);

5. Специальные составы контрреволюционных преступлений (ст. 67 «Активные действия и активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных должностях при царском строе»; ст. 71 «Самовольное возвращение в пределы РСФСР»);

6. Соучастие и прикосновенность в контрреволюционных преступлениях (ст. 60 «Соучастие в совершении контрреволюционных преступлений»; ст. 61 «Участие в организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии»; ст. 62 «Участие в организации, действующей в контрреволюционных целях, путем возбуждения населения к массовым волнениям»; ст. 68 «Укрывательство и пособничество контрреволюционных преступлений») [14, с. 19].

Представленная классификация позволяет определить общественную опасность рассматриваемых преступлений для советской власти, а также сделать вывод о том, что уголовно-правовой охране, в первую очередь, подлежали общественный строй советского государства, его политическая и экономическая системы.

Впервые определение понятия «контрреволюционное преступление» подверглось изменению в 1923 г., когда постановлением ВЦИК от 10.07.1923 г. «Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р.» [15] в ст. 57 УК РСФСР 1922 г. были внесены изменения. Во-первых, был дополнен перечень действий совершения контрреволюционного деяния – «путем подрыва или ослабления советской власти» [15]; во-вторых, в ч. 2 ст. 57 УК РСФСР 1922 г. уголовно-наказуемым признавалось покушение на совершение контрреволюционного преступления. Заместитель народного комиссара юстиции РСФСР Н.В. Крыленко утверждал, что вносимые поправки необходимы «для эластичности нашей карательной политики и для борьбы со скрытыми формами контрреволюционной деятельности» [16, с. 50].

В соответствии с вышеуказанным постановлением, кроме ст. 57 «Контрреволюционное преступление», изменениям подлежали ст. 63 «Экономическая контррево-

люция» и ст. 67 «Активные действия и активная борьба против рабочего класса и революционного движения» УК РСФСР 1922 г. Так, ст. 63 УК РСФСР 1922 г. дополнена частью 2, предусматривающей уголовную ответственность за совершение саботажа, под которым понимались «действия, выразившиеся в сознательном неисполнении возложенных по службе обязанностей, заведомо небрежном их исполнении или осложнении той же деятельности излишней канцелярской волокитой и т.д.» [15] (ч. 2 ст. 63). По мнению Д.А. Савченко «изменение имело значение, прежде всего, в борьбе с, так называемой, экономической контрреволюцией, считавшейся новой формой сопротивления классовых врагов диктатуры рабочего класса» [17, с. 124]. В ст. 67 УК РСФСР 1922 г. устанавливалась уголовная ответственность не только лиц, занимающих ответственные должности при царском строе, но и состоящих на особо секретных должностях, к которым относилась агентура бывших охранных отделений.

На IV сессии ВЦИК IX созыва изменениям была подвергнута ст. 64 УК РСФСР 1922 г., в соответствии с которым слово «участие» в выполнении террористических актов заменялось на слово «организация» [18], подразумевающей подготовку, распределение ролей между участниками, а также руководство их деятельностью. Тем самым, советский законодатель расширил уголовную ответственность за совершение террористического акта. Таким образом, на первом этапе (1922-1924 гг.) формирования преступлений, посягающих на государственный строй советского государства в ст. 57 УК РСФСР 1922 г. было сформулировано понятие «контрреволюционное преступление» и установлен перечень его видов (ст. ст. 58-73), которые в первые два года действия УК РСФСР 1922 г. были подвергнуты изменениям в соответствии с условиями социально-политической обстановки данного периода.

Второй этап (1924-1941 гг.) развития преступлений, посягающих на государственный строй, в общесоюзном уголовном законодательстве связан с проведением новой кодификации уголовного законодательства. Особенность данного периода заключалась в том, что правовое регулирование государственных, в том числе контрреволюционных преступлений, относилось к компетенции СССР (ст. 3 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»). Это обстоятельство свидетельствует о том, что определение норм о контрреволюционных преступлениях было передано на уровень СССР, а не союзных республик.

До принятия ЦИК СССР Положения о государственных преступлениях в УК РСФСР 1926 г. включались статьи о контрреволюционных преступлениях (ст. ст. 57-73) УК РСФСР 1922 г. с необходимыми редакционными поправками. Глава I. «Контрреволюционные преступления» УК РСФСР 1926 г. была дополнена нормой об использовании «религиозных предрассудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям» [19] (ст. 119 глава III. «Нарушение правил об отделении церкви от государства» УК РСФСР 1922 г.), которая стала признаваться контрреволюционным преступлением (ст. 58.14 УК РСФСР 1926 г.)

С принятием и утверждением ЦИК СССР 25.02.1927 г. «Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)» [20] нормы указанного закона полностью заменили статьи гл. I. «Контрреволюционные преступления» УК РСФСР 1926 г. [21].

В УК РСФСР 1926 г. был сокращен перечень составов контрреволюционных преступлений (с 18 до 14), советский законодатель отказался от признания контрреволюционными таких деяний как: ст. 58.6 «Участие в организации, действующей в целях, означенных в статье 58.1 настоящего кодекса, путем возбуждения населения к массовым волнениям, неплатежу налогов и невыполнению повинностей»; ст. 58.15 «Пропаганда и агитация в направлении помощи международной буржуазии»; ст. 58.16 «Самовольное возвращение в пределы РСФСР»; ст. 58.18 «Измышление и распространение в контрреволюционных целях ложных слухов или непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее» УК РСФСР 1926 г. [19]. В период проведения НЭП сохранение указанных общественно опасных деяний в уголовном законодательстве было нецелесообразно.

В 1934 г. ЦИК СССР принято постановление «О дополнении положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене родине» [22], им устанавливалась уголовная ответственность за совершение изменнических действий гражданами СССР, военнослужащими, а также членами семьи подозреваемого в измене (ст. ст. 1¹-1⁴). После дополнения закона о государственных преступлениях соответствующие изменения нашли свое отражение в УК РСФСР 1926 г. По постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 20.07.1934 г. «О дополнении Уголовного кодекса РСФСР ст. ст. 58-1а, 58-1б, 58-1в, 58-1г» глава I. «Контрреволюционные преступления» была дополнена 4я составами контрреволюционных деяний: ст. 58-1а «Измена родине», ст. 58-1б «Измена родине, совершенная военнослужащими», ст. 58-1в «Ответственность совершеннолетних членов семьи за совершение измены военнослужащим», ст. 58-1г «Недонесение об измене» [23].

Таким образом, на втором этапе развития преступлений, посягающих на государственный строй, в общесоюзном уголовном законодательстве (1924-1941 гг.) советский законодатель отказался от криминализации контрреволюционных преступлений, утративших свою актуальность и дополнил главу I. «Контрреволюционные преступления» УК РСФСР 1926 г. новыми видами общественно опасных деяний.

Третий этап (1941-1945 гг.) – период советского законодательства о контрреволюционных преступлениях в условиях военного времени. Основополагающие значение для указанного периода имели постановления Государственного Комитета Обороны СССР, указы Президиума Верховного Совета СССР, Пленумы Верховного Суда СССР, приказы и разъяснения Прокуратуры СССР и Народного комиссариата юстиции СССР уголовно-правового содержания.

Борьба с контрреволюционными преступлениями регламентировалась Положением о государственных преступлениях 1927 г., а также УК РСФСР 1926 г. с внесенными в него изменениями, принятыми в довоенное время. Однако чрезвычайная обстановка, складывающаяся в период ВОВ, способствовала появлению новых противоправных общественно опасных деяний, которые квалифицировались органами как контрреволюционные преступления. Так, по делам о контрреволюционной агитации и пропаганде (ч. 2 ст. 58.10 УК РСФСР 1926 г.) в процессе судебной практики было дано толкование понятия «военной обстановки», под которой понималась «обстановка, создававшаяся во время войны всюду в стране, независимо от близости или отдаленности места совершения преступления от фронта» [3, с. 434].

В июле 1941 г. Президиум ВС СССР принял Указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» [24], в соответствии с которым граждане привлекались к ответственности в виде тюремного заключения на срок от 2 до 5 лет. Военные трибуналы квалифицировали данные деяния как контрреволюционную пропаганду и агитацию (ст. 58.10 УК РСФСР 1926 г.) Пленум Верховного суда СССР указывал, что данное деяние можно было квалифицировать по ст. 58.10 УК РСФСР 1926 г. в том случае, если распространяемые слухи, возбуждающие тревогу среди населения, характеризовались антисоветским содержанием, а также и в том случае, если лицо сознательно во вменяемом состоянии допускало высказывания против советской власти, то есть тем самым выражался контрреволюционный умысел, который содержался в указанных высказываниях [25, с. 63-64].

Новым общественно опасным деянием в условиях военного времени признавалась порча трофейного оружия или военного имущества, а также уклонение от сдачи указанных предметов, которые квалифицировались по ст. 58.14 УК РСФСР 1926 г. (саботаж). Так, по постановлению ГКО СССР от 16.01.1942 г. № 1156 «О сдаче трофейного имущества», все граждане, которые проживали на освобожденной Красной Армией территории, должны были сдавать брошенное огнестрельное или холодное оружие, боеприпасы к нему, военное и общественное имущество в течение 24 ч. после обнаружения, воинским частям, органам НКВД СССР или местным органам власти. Согласно п. 3 указанного постановления «Лица, не сдавшие в установленный срок огнестрельное и холодное оружие, боеприпасы, подлежат ответственности по ст. 182 Уголовного кодекса, а в случае злостного уклонения от сдачи – по ст. 58 п. 14 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующим статьям Уголовного кодекса других союзных республик» [26].

За порчу огнестрельного или холодного оружия, боеприпасов к нему, а также военного имущества или уклонение от сдачи прочего имущества вышеназванным постановлением устанавливалась ответственность в виде штрафа до 3000 руб. и лишение свободы сроком на 6 мес., а в случае злостной порчи указанных предметов или злостного уклонения от сдачи данного имущества предусматривалась уголовная ответственность по ст. 58.14 УК РСФСР 1926 г. [26]

Во исполнение постановления ГКО СССР от 16 января 1942 г. № 1156 «О сдаче трофейного имущества» НКЮ СССР 26.01.1942 принял приказ «Об ответственности граждан, проживающих в освобожденных Красной Армией населенных пунктах, за несдачу трофейного имущества, брошенного противником» [27], согласно которому военные трибуналы должны были квалифицировать указанные деяния по ст. 58.14 и ст. 182 УК РСФСР 1926 г. и рассматривать их в срок не позднее 3-х дней со дня поступления дела в военный трибунал. По мнению председателя Верховного суда СССР И.Т. Голякова в данном случае указанные деяния не могли рассматриваться как вид контрреволюционного саботажа, так как отсутствовала специальная цель контрреволюционного преступления – «ослабление власти правительства и деятельности государственного аппарата» [25, с. 140], которая выступала существенным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 58.14 УК РСФСР 1926 г. Поэтому отказ от сдачи трофейного имущества, его порча или злостное уклонение от сдачи прочего имущества на освобожденных территориях, следовало выделять в самостоятельный состав такого преступления, как присвоение социали-

стической собственности с установлением санкции, предусмотренной ст. 58.14 УК РСФСР 1926 г.

Особо тяжким общественно опасным деянием в период военного времени признавалось совершение шпионажа, измены Родине советскими гражданами, а также пособничество солдатам немецкой армии. Данный вид преступного деяния определялся в советском уголовном праве как специальный состав измены Родине. Согласно указу Президиума ВС СССР от 19.04.1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников» [28] устанавливалась ответственность в виде смертной казни путем повешения для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан, а также каторжные работы сроком от 15 до 20 лет для пособников из местного населения.

Стоит отметить, что в советском уголовном законодательстве отсутствовали указанные виды наказаний, УК РСФСР 1926 г. не предусматривал санкций в виде каторжных работ, а смертная казнь осуществлялась путем расстрела, а не повешения. По мнению Г.Р. Кудояровой «законодательство “с двойным дном” дало возможность официально отсутствующей мере наказания укомплектовать лагеря рабочей силой, предназначенной для выполнения тяжелых работ, - страшная мера наказания для осужденных за измену Родине стала привлекательной для осуществления наказания за контрреволюционные преступления» [29, с. 31]. Однако, как отмечает С.Г. Степаненко «указ от 19 апреля 1943 года, предусматривавший для военных преступников и их пособников такие меры наказания, как смертная казнь через повешение и ссылка на каторжные работы, давали в руки советского правосудия самое действенное оружие борьбы с ними во время войны, а также их после ее завершения» [30, с. 162]. Мы полагаем, что в условиях военного времени необходимо было применение более строгих видов наказаний за совершение особо опасных преступных деяний против государства и власти (измена Родине, шпионаж).

Таким образом, в период ВОВ уголовное законодательство о контрреволюционных преступлениях продолжало регулироваться Положением о госпреступлениях 1927 г., а также УК РСФСР 1926 г. с внесенными в него изменениями. Однако чрезвычайная обстановка военного времени способствовала появлению новых видов общественно опасных деяний, посягающих на государство и власть, борьба с которыми предусматривалась принимаемыми в указанный период нормативными правовыми актами уголовно-правового содержания различными органами государственной власти (ГКО СССР, Верховным Советом СССР, Верховным Судом СССР, Прокуратурой СССР и НКЮ СССР).

Четвертый этап (1945-1960 гг.) развития уголовного законодательства о государственных преступлениях в послевоенный период связан с принятием нового общесоюзного уголовного закона о государственных преступлениях – закон СССР от 25.12.1958 «Об уголовной ответственности за государственные преступления» [31] (далее – закон о государственных преступлениях 1958 г.) и проведением новой кодификации уголовного законодательства в РСФСР – принятие УК РСФСР 1960 г.

Закон о государственных преступлениях 1958 г. имел важное значение для уголовного законодательства советского государства в борьбе с противоправными деяниями, посягающими на безопасность государства и власть. Советский законода-

тель отказался от термина «контрреволюционное преступление», которое просуществовало в уголовном законодательстве более 40 лет. Проф. Ю.В. Николаева отмечает, что «упразднение термина “контрреволюционное преступление” повлекло за собой упразднение контрреволюционного умысла и цели, а также исключение такой меры социальной защиты как объявление врагом трудящихся» [6, с. 314]. Согласно этому закону термин «контрреволюционные преступления» подлежал замене на термин «особо опасные государственные преступления», содержащие 10 составов преступных посягательств против государственного строя (ст. ст. 1-10) [31].

Так, в законе о государственных преступлениях 1958 г. не выделялись в качестве самостоятельных составов преступлений такие деяния, как «вооруженное восстание, захват власти в центре и на местах (ст. 2), сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством, способствование иностранному государству, находящемуся с СССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады (ст. 3), оказание помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, стремится к ее свержению (ст. 4), склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп к вооруженному вмешательству в дела СССР» (ст. 5) Положения о преступлениях государственных 1927 г. Все эти деяния содержались в ст. 1 «Измена родине» закона о государственных преступлениях 1958 г., согласно которой: «Измена родине, то есть деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти» [31]. По мнению Л.Н. Смирнова указание на умышленный характер действий обеспечивало соблюдение основного принципа советского уголовного права о применении уголовного наказания лишь к лицам, виновным в совершении того или иного преступления [32, с. 82]. Поэтому в статье «Измена Родине» не была предусмотрена уголовная ответственность и наказание членов семьи изменника Родины, не виновных в совершении преступления. Что, в свою очередь, способствовало отказу от принципа объективного вменения в уголовном законодательстве и признание привлечения к уголовной ответственности исключительно за виновное совершение преступления. Норма о недонесении о готовящейся или совершенной измене (ст. 1⁴ Положения о преступлениях государственных 1927 г.) [20] отсутствовала в законе о государственных преступлениях 1958 г., однако устанавливалась ответственность за «недонесение об известных готовящихся или совершенных государственных преступлениях» (ст. 26 закона СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления») [31].

Некоторым уточнениям и изменениям по сравнению со ст. 6 Положения о преступлениях государственных 1927 г. подверглась ст. 2 закона о государственных преступлениях 1958 г., предусматривающая наказание за шпионаж. Её новая редакция устанавливала ответственность за передачу, а равно похищение или собирание с целью передачи иностранному государству, иностранной организации или их агентуре не только сведений, составляющих государственную или военную тайну, но и «иных сведений для использования их в ущерб интересам СССР» [31].

Существенным изменениям была подвергнута статья о террористическом акте. Впервые в законе о государственных преступлениях 1958 г. сформулирована дефиниция «террористического акта», под которым понималось «Убийство государственного или общественного деятеля, или представителя власти, совершенное в связи с его государственной или общественной деятельностью, с целью подрыва или ослабления Советской власти» [31] (ч. 1 ст. 3). Квалифицирующим видом террористического акта являлось причинение тяжкого телесного повреждения государственному или общественному деятелю, или представителю власти (ч. 2 ст. 3). Данный вид преступного деяния отсутствовал в Положении о преступлениях государственных 1927 г. Также в законе о государственных преступлениях 1958 г. уточнен основной признак преступления, определявший его особую опасность для государства и общества – «подрыв или ослабление советской власти» [33, с. 175] (ст. 3).

Новым в правовом понимании террористического акта стало «Убийство представителя иностранного государства с целью провокации войны или международных осложнений» (ч. 1 ст. 4), а также «тяжкое телесное повреждение, причиненное тем же лицам с той же целью» (ч. 2 ст. 4). Необходимость в криминализации указанного противоправного деяния была обусловлена историческими условиями. Как отмечал заслуженный юрист РСФСР С.В. Бакшеев: «В истории советского государства были случаи, когда агенты империализма покушались на представителей иностранных государств, аккредитованных при советском правительстве, с целью создать для СССР международные осложнения или спровоцировать войну. Такие действия являлись посягательством на внешнюю безопасность СССР и должны рассматриваться как особо опасные государственные преступления» [34, с. 27].

Некоторые изменения были внесены в норму о диверсии. Согласно ст. 5 закона о государственных преступлениях 1958 г. уголовно-наказуемым признавалось «совершение массовых отравлений или распространение эпидемий и эпизоотий с целью ослабления Советского государства» [31].

Вредительство в вышеназванном законе определялось как «действие или бездействие, направленное к подрыву промышленности, транспорта, сельского хозяйства, денежной системы, торговли или иных отраслей народного хозяйства, а равно деятельности государственных органов или общественных организаций с целью ослабления Советского государства, если это деяние совершено путём использования государственных или общественных предприятий, учреждений, организаций либо путём противодействия их нормальной работе» [31]. Тем самым советский законодатель установил уголовную ответственность не только за совершение определенного действия, но и за бездействие лица. По сравнению с редакцией ст. 7 Положения о преступлениях государственных 1927 г. был расширен перечень объектов посягательства путем включения сфер сельского и народного хозяйства.

Объективная сторона государственного преступления, предусмотренного ст. 7 «Анτισоветская агитация и пропаганда» закона о государственных преступлениях 1958 г. была дополнена деянием, заключающемся в «распространении клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» [31]. Стоит отметить, что указанное дополнение не являлось нововведением в уголовном законодательстве, а было заимствовано из ст. 73 УК РСФСР 1922 г., в которой устанавливалась ответственность за «измышление и распространение в контрреволюционных целях ложных и неверных сведений, возбуждающих недове-

рие к власти или дискредитировать ее» [11].

Квалифицирующими признаками ст. 7 «Антисоветской агитации и пропаганды» выступали совершение указанного деяния «лицом, ранее осужденным за особо опасные государственные преступления, а равно совершенные в военное время» (ч. 2 ст. 7 закона СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления») [31]. В новой редакции советский законодатель отказался от совершения данного преступления «при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в местностях, объявленных на военном положении» [20], которые были определены в ч. 2 ст. 10 Положения о преступлениях государственных 1927 г.

Новеллой в законе СССР от 25.12.1958 «Об уголовной ответственности за государственные преступления» стала ст. 8, устанавливающая уголовную ответственность за пропаганду войны. Предпосылкой криминализации указанного деяния стал принятый Верховным Советом СССР закон от 12.03.1951 «О защите мира» [35], в котором определялось, что «пропаганда войны, в какой бы форме она ни велась, подрывает дело мира, создает угрозу новой войны и является ввиду этого тягчайшим преступлением против человечества» [35]. Однако в законе отсутствовала конкретная санкция за пропаганду войны. В ст. 8 закона о государственных преступлениях 1958 г. указывалось, что данное преступление «наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет» [31].

Закон 1958 г. сохранил нормы, предусматривающие уголовную ответственность за организационную деятельность, направленную к подготовке или совершению особо опасных государственных преступлений, а равно за участие в антисоветских организациях (ст. 9); а также за особо опасные государственные преступления, совершенные против другого государства трудящихся (ст. 10) [31].

Необходимо отметить, что некоторые преступления потеряли свою актуальность в связи с изменением социально-политической обстановки в послевоенное время. Одним из таких преступлений являлся контрреволюционный саботаж, предусмотренный ст. 14 Положения о преступлениях государственных 1927 г. По мнению Н.И. Загородникова устаревшей и потерявшей свое значение статьей являлась также «статья, предусматривающая ответственность за активные действия и активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны» (ст. 13 Положения о государственных преступлениях 1927 г.) [36, с. 86]. Как отмечал Л.Н. Смирнов «практическое применение норм, установленных этими статьями за последние годы было настолько ничтожным, что законодатель совершенно правильно вовсе исключил их» [32, с. 86].

Статьи закона о государственных преступлениях 1958 г. были включены в УК РСФСР 1960 г., утвержденный Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 г. [37], без изменений, трансформировав «контрреволюционные преступления» в «особо опасные государственные преступления», а «особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления» в «иные государственные преступления».

Таким образом, в уголовном законодательстве о государственных преступлениях в послевоенный период произошли значительные изменения, которые заключались в: отказе от термина «контрреволюционное преступление», замена его термином «особо опасные государственные преступления», как следствие исключение контр-

революционной цели и умысла из законодательного описания преступлений; уточнении понятий ряда особо опасных государственных преступлений (измена Родине, шпионаж, террористический акт, диверсия, вредительство, антисоветская агитация и пропаганда); появлении нового состава государственного преступления «Пропаганда войны» (ст. 8); исключении из уголовного законодательства норм, потерявших свою значимость и актуальность (ст.13, ст. 14 Положение о преступлениях государственных 1927 г.)

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что контрреволюционные преступления, являясь разновидностью государственных преступлений, представляли угрозу для советского государства на всех этапах его развития. Однако исключение термина «контрреволюционное преступление» из уголовного законодательства в послевоенный период позволило отказаться от классового подхода, принципа объективного вменения и понятия «враг народа» в советском уголовном праве. В результате были созданы условия для развития гуманистических положений в современном уголовном законодательстве России.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.06.2024). – Текст: электронный.
2. Николаева Ю.В. Государственные преступления в системе Особенной части Уголовного кодекса РСФСР и Уголовного кодекса Российской Федерации // Государство и право. 2023. № 1. – С. 142-152.
3. История советского уголовного права / А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов [и др.]. – Москва: Юрид. изд-во, 1948. – 466 с.
4. Государственная измена и шпионаж: уголовно-правовое и криминологическое исследование / В. Н. Рябчук. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2007. – 1100 с.
5. Агузаров Т.К. Государственные преступления в уголовном праве России в XX веке: историко-правовые очерки / Т.К. Агузаров, Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. Москва: Проспект, 2015. – 166 с.
6. Николаева Ю.В. Уголовная ответственность за государственные преступления в советский период // Образование и право. 2022. № 9. – С. 308-317.
7. Деревскова В.М. Контрреволюционные преступления в СССР в свете репрессий и реабилитации (историко-правовой анализ) // Искусство правоведения. The art of law. 2023. № 4 (8). – С. 8-22.
8. Щелконогова Е.В. Советское уголовное уложение и Уголовный кодекс РФ: сравнительно-правовой анализ // Российский юридический журнал. 2016. № 3. – С. 126-134.
9. Чучаев А.И. Советское уголовное уложение (общая характеристика) // Lex Russica. 2012. Т. 71. № 5. – С. 833-857.
10. Биюшкина Н.И. Уголовное законодательство советских социалистических республик в 1920-х гг.: сравнительно-правовой анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 6. – С. 70-81.
11. Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
12. Маклецов А.В. Уголовное законодательство РСФСР до издания Уголовного кодекса // Право Советской России: сборник статей / сост. Н.Н. Алексеевым [и др.]. – Прага: Тип. Легиография, 1925. Вып. 2. – С. 180-181.
13. Пионтковский А.А. Контрреволюционные преступления в Уголовном Кодексе РСФСР // Советское право. № 2 (8). 1924. – С. 11-15.
14. Уголовное право РСФСР. Часть особенная: Преступления против государства и социального порядка / А.Н. Трайнин; под общ. ред. Д.А. Магеровский. – Ленинград: Гос. изд-во, 1925. – 339 с.
15. Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 10 июля 1923 г. «Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1923. № 48. Ст. 479.
16. Стенографический отчет: вторая Сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета X созыва / РСФСР. – Москва: 7-я тип. «Мосполиграф», 1923. – 805 с.
17. Савченко Д.А. История российского законодательства об ответственности за государственные преступления: учеб. пособие / Д.А. Савченко; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации, Сиб. акад. гос. службы (СибАГС). – Новосибирск: СибАГС, 2002. – 247 с.

18. Постановление IV сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва от 11 ноября 1922 г. «Об изменениях и дополнениях Уголовного Кодекса РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 72-73. Ст. 906.
19. Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
20. Постановление ЦИК СССР от 25 февраля 1927 г. «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1927. Отд. I. № 12. Ст. 123.
21. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 6 июня 1927 г. «Об изменении Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 г.» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1927. № 49. Ст. 330.
22. Постановление Центрального Исполнительного Комитета от 8 июня 1934 г. «О дополнении положений о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене родине» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК от 9 июня 1934 г. № 133.
23. Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР от 20 июля 1934 г. «О дополнении Уголовного кодекса РСФСР ст. ст. 58-1а, 58-1б, 58-1в, 58-1г» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1934. № 30. Ст. 173.
24. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941 г. № 32.
25. Советское право в период Великой Отечественной войны. Часть II. Уголовное право. Уголовный процесс / под редакцией И.Т. Голякова. – Москва: юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. – 216 с.
26. Постановление ГКО СССР от 16 января 1942 г. № 1156 «О сдаче трофейного имущества» // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. Официальный сайт. – URL: <https://www.prilib.ru/item/1345047> (дата обращения: 22.06.2024). – Текст: электронный.
27. Приказ Народного комиссариата юстиции СССР от 26 января 1942 г. № 6 «Об ответственности граждан, проживающих в освобожденных Красной Армией населенных пунктах, за сдачу трофейного имущества, брошенного противником» // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. 22 марта 1942 г. - 1 мая 1943 г. – Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1943. – 296 с.
28. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников» // В штабах Победы. 1941-1945. Документы в 5 книгах / отв. ред. А.К. Сорокин / Книга 3. 1943. «Любая упорное сопротивление врага...». – Москва: РОССПЭН, 2020. – 576 с.
29. Кудоярова Г.Р. Реализация Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 в судебной практике СССР // Вестник Московского университета МВД России. 2015. №1. – С. 28-31.
30. Степаненко С. Г. Судебные процессы над военными преступниками и их пособниками как акт реализации норм международного гуманитарного права (на материалах краснодарских судебных процессов 1943 – 1974 гг.) / С.Г. Степаненко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. №1 (5). – С. 161-165.
31. Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 8.
32. Смирнов Л.Н. Об уголовной ответственности за государственные преступления // Советское государство и право. 1959. № 2. – С. 79-87.
33. Политический терроризм в России в последней четверти XIX-начале XXI в.: генезис и особенности проявления: монография / Н.А. Володина, В.П. Пляскин, С.Д. Половецкий, М.С. Полянский, И.А. Шеин. – Санкт-Петербург: Научные технологии, 2023. – 330 с.
34. Бакшеев С. В. Закон об уголовной ответственности за государственные преступления // Советская юстиция. 1959. № 2. – С. 47-78.
35. Закон СССР от 12 марта 1951 г. «О защите мира» // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 21 марта 1951 г. № 5.
36. Загородников Н.И. Уголовная ответственность за государственные преступления / канд. юрид. наук полк. Н.И. Загородников. – Москва: [б.и.], 1959. – 53 с.
37. Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» // Свод законов РСФСР. Т. 8. – 854 с.

Troshkina D.E. Transformation of state crimes in the criminal legislation of the soviet period // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – Р.

139 – 152.

The article provides a historical and legal study of the transformation of state crimes in the criminal law of the Soviet period based on the periodization of the formation and development of Soviet legislation on counterrevolutionary crimes. The article focuses on the consideration of counterrevolutionary crimes as one of the types of state crimes that were recognized as the most dangerous for the Soviet government. The author of the article came to the conclusion that counterrevolutionary crimes posed a threat to the Soviet state at all stages of its development. However, the exclusion of the term "counterrevolutionary crime" from criminal law in the post-war period made it possible to abandon the class approach, the principle of objective imputation and the concept of "enemy of the people" in Soviet criminal law. As a result, conditions were created for the development of humanistic provisions in the modern criminal legislation of Russia.

Key words: criminal law, state security, protection of state interests, state crimes, counterrevolutionary crimes, soviet power, the Soviet state.

Spisok literatury:

1. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» / Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – URL: <http://pravo.gov.ru> (data obrasheniya: 18.06.2024). – Tekst: e'lektronnyj.
2. Nikolaeva Yu.V. Gosudarstvenny'e prestupleniya v sisteme Osobennoj chasti Ugolovnogo kodeksa RSFSR i Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Gosudarstvo i pravo. 2023. № 1. – S. 142-152.
3. Istoriya sovetskogo ugolovnogo prava / A.A. Gercenzon, Sh.S. Gringauz, N.D. Durmanov [i dr.]. – Moskva: Yurid. izd-vo, 1948. – 466 s.
4. Gosudarstvennaya izmena i shpionazh: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie / V. N. Ryabchuk. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskij centr Press, 2007. – 1100 s.
5. Aguzarov T.K. Gosudarstvenny'e prestupleniya v ugolovnom prave Rossii v XX veke: istoriko-pravovy'e ocherki / T.K. Aguzarov, Yu.V. Gracheva, A.I. Chuchayev. Moskva: Prospekt, 2015. – 166 s.
6. Nikolaeva Yu.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za gosudarstvenny'e prestupleniya v sovetskij period // Obrazovanie i pravo. 2022. № 9. – S. 308-317.
7. Derevskaya V.M. Kontrevolyucionny'e prestupleniya v SSSR v svete repressij i reabilitacii (istoriko-pravovoj analiz) // Iskustvo pravovedeniya. The art of law. 2023. № 4 (8). – S. 8-22.
8. Shhelkonogova E.V. Sovetskoe ugolovnoe ulozhenie i Ugolovnyj kodeks RF: sravnitel'no-pravovoj analiz // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2016. № 3. – S. 126-134.
9. Chuchayev A.I. Sovetskoe ugolovnoe ulozhenie (obshchaya xarakteristika) // Lex Russica. 2012. T. 71. № 5. – S. 833-857.
10. Biyushkina N.I. Ugolovnoe zakonodatel'stvo sovetskix socialisticheskix respublik v 1920-x gg.: sravnitel'no-pravovoj analiz // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2021. № 6. S. 70-81.
11. Postanovlenie Vserossijskogo central'nogo ispolnitel'nogo komiteta ot 1 iyunya 1922 g. «O vvedenii v dejstvie Ugolovnogo Kodeksa RSFSR» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR. 1922. № 15. St. 153.
12. Maklecov A.V. Ugolovnoe zakonodatel'stvo RSFSR do izdaniya Ugolovnogo kodeksa // Pravo Sovetskoy Rossii: sbornik statej / sost. N.N. Alekseev [i dr.]. Praga: Tip. Legiografiya, 1925. Vy'p. 2. S. 180.
13. Piontkovskij A.A. Kontrevolyucionny'e prestupleniya v Ugolovnom Kodekse RSFSR // Sovetskoe pravo. № 2 (8). 1924. – S. 11-15.
14. Ugolovnoe pravo RSFSR. Chast' osobennaya: Prestupleniya protiv gosudarstva i social'nogo poryadka / A.N. Trajnin; pod obshh. red. D.A. Magerovskij. – Leningrad: Gos. izd-vo, 1925. – 339 s.
15. Postanovlenie Vserossijskogo central'nogo ispolnitel'nogo komiteta ot 10 iyulya 1923 g. «Ob izmeneniyax i dopolneniyax Ugolovnogo kodeksa R.S.F.S.R.» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR. 1923. № 48. St. 479.
16. Stenograficheskij otchet: vtoraya Sessiya Vserossijskogo central'nogo ispolnitel'nogo komiteta X sozy'va / RSFSR. – Moskva: 7-ya tip. «Mospoligraf», 1923. – 805 s.
17. Savchenko D.A. Istoriya rossijskogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za gosudarstvenny'e prestupleniya: ucheb. posobie / D.A. Savchenko; Ros. akad. gos. sluzhby' pri Prezidente Ros. Federacii, Sib. akad. gos. sluzhby' (SibAGS). – Novosibirsk: SibAGS, 2002. – 247 s.
18. Postanovlenie IV sessii Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta IX sozy'va ot 11 noyabrya 1922 g. «Ob izmeneniyax i dopolneniyax Ugolovnogo Kodeksa RSFSR» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR. 1922. № 72-73. St. 906.
19. Postanovlenie VCIK ot 22 noyabrya 1926 g. «O vvedenii v dejstvie Ugolovnogo kodeksa R.S.F.S.R. redakcii 1926 goda» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR. 1926. № 80. St. 600.
20. Postanovlenie CIK SSSR ot 25 fevralya 1927 g. «Polozhenie o prestupleniyax gosudarstvenny'x (kontrevolyucionny'x i osobo dlya Soyuza SSR opasny'x prestupleniyax protiv poryadka upravleniya)» // Sobranie zakonov i rasporyazhenij Rabochego-Krest'yanskogo pravitel'stva SSSR. 1927. Otd. 1. № 12. St. 123.
21. Postanovlenie VCIK i SNK RSFSR ot 6 iyunya 1927 g. «Ob izmenenii Ugolovnogo kodeksa R.S.F.S.R.

- redakcii 1926 g.» // *Sobranie zakonov i rasporyazhenij Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR*. 1927. № 49. St. 330.
22. Postanovlenie Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta ot 8.06.1934. «O dopolnenii polozheniya o prestupleniyax gosudarstvenny'x (kontrevolyucionny'x i osobo dlya Soyuza SSR opasny'x prestupleniyax protiv poryadka upravleniya) stat'yami ob izmene rodine» // *Izvestiya CIK SSSR i VCIK* ot 9.06.1934.
23. Postanovlenie Vserossijskogo central'nogo ispolnitel'nogo komiteta i Soveta narodny'x komissarov RSFSR ot 20 iyulya 1934 g. «O dopolnenii Ugolovnogogo kodeksa RSFSR st. st. 58-1a, 58-1b, 58-1v, 58-1g» // *Sobranie zakonov i rasporyazhenij rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva*. 1934. № 30. St. 173.
24. Ukaz Prezidiuma Verxovnogo Soveta SSSR ot 6 iyulya 1941 g. «Ob otvetstvennosti za rasprostranenie v voennoe vremya lozhny'x sluxov, vzbuzhdayushhix trevogu sredi naseleniya» // *Vedomosti Verxovnogo Soveta SSSR*. 1941 g. № 32.
25. *Sovetskoe pravo v period Velikoj Otechestvennoj vojny*. Chast' II. Ugolovnoe pravo. Ugolovny'j process / pod redakciej I.T. Golyakova. – Moskva: yuridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva yusticii SSSR, 1948. 216 s.
26. Postanovlenie GKO SSSR ot 16 yanvarya 1942 g. № 1156 «O sdache trofejnogo imushhestva» // *Prezidentskaya biblioteka imeni B.N. El'cina*. Oficial'ny'j sajt. – URL: <https://www.prilib.ru/item/1345047> (data obrashheniya: 22.06.2024). – Tekst: e'lektronny'j.
27. Prikaz Narodnogo komissariata yusticii SSSR ot 26 yanvarya 1942 g. № 6 «Ob otvetstvennosti grazhdan, prozhivayushhix v osvobodzhenny'x Krasnoj Armiej naselenny'x punktax, za nesdachu trofejnogo imushhestva, broshennogo protivnikom» // *Zakonodatel'ny'e i administrativno-pravovy'e akty voennogo vremeni*. 22 marta 1942 g. - 1 maya 1943 g. – Moskva: Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1943. – 296 s.
28. Ukaz Prezidiuma Verxovnogo Soveta SSSR ot 19 aprelya 1943 g. № 39 «O merax nakazaniya dlya nemeczko-fashistskix zlodeev, vinovny'x v ubijstvax i istyazaniyax sovetskogo grazhdanskogo naseleniya i plenny'x krasnoarmejcev, shpionov, izmennikov Rodiny' iz chisla sovetskix grazhdan i ix posobnikov» // *V shtabax Pobedy*. 1941-1945. Dokumenty' v 5 knigax / otv. red. A.K. Sorokin / Kniga 3. 1943. «Lomaya upornoe soprotivlenie vruga...». – Moskva: ROSSPE N, 2020. – 576 s.
29. Kudoyarova G.R. Realizaciya Ukaza Prezidiuma Verxovnogo Soveta SSSR ot 19 aprelya 1943 g. № 39 v sudebnoj praktike SSSR // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2015. №1. – S. 28-31.
30. Stepanenko S. G. Sudebny'e processy' nad voenny'mi prestupnikami i ix posobnikami kak akt realizacii norm mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava (na materialax krasnodarskix sudebny'x processov 1943 – 1974 gg.) / S.G. Stepanenko // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy' teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2010. №1 (5). – S. 161-165.
31. Zakon SSSR ot 25 dekabrya 1958 g. «Ob ugolovnoj otvetstvennosti za gosudarstvenny'e prestupleniya» // *Vedomosti VS SSSR*. 1959. № 1. St. 8.
32. Smirnov L.N. Ob ugolovnoj otvetstvennosti za gosudarstvenny'e prestupleniya // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1959. № 2. – S. 79-87.
33. Politicheskij terrorizm v Rossii v poslednej chetverti XIX-nachale XXI v.: genezis i osobennosti proyavleniya: monografiya / N.A. Volodina, V.P. Plyaskin, S.D. Poloveczkij, M.S. Polyanskij, I.A. Shein. – Sankt-Peterburg: Naukoemkie tehnologii, 2023. – 330 s.
34. Baksheev S. V. Zakon ob ugolovnoj otvetstvennosti za gosudarstvenny'e prestupleniya // *Sovetskaya yusticiya*. 1959. № 2. – S. 47-78.
35. Zakon SSSR ot 12 marta 1951 g. «O zashhite mira» // *Vedomosti Verxovnogo Soveta RSFSR* ot 21 marta 1951 g. № 5.
36. Zagorodnikov N.I. Ugolovnaya otvetstvennost' za gosudarstvenny'e prestupleniya / kand. yurid. nauk polk. N.I. Zagorodnikov. – Moskva: [b.i.], 1959. – 53 s.
37. Zakon RSFSR ot 27 oktyabrya 1960 g. «Ob utverzhdenii Ugolovnogogo kodeksa RSFSR» // *Svod zakonov RSFSR*. T. 8. – 854 s.
- .

УДК 340.113.1

СУЩНОСТЬ И СВОЙСТВА АРГУМЕНТАЦИИ В ПРЕЛОМЛЕНИИ К ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Турапин В. Ю., Алокова М. Х.

Теоретические вопросы, связанные с аргументацией, актуальны для различных областей знания, но для юриспруденции они имеют особое значение, поскольку практически вся юридическая деятельность так или иначе связана с необходимостью доказывания различных мнений и позиций. В настоящей статье рассмотрен сущностный аспект аргументации, проанализированы различные подходы к определению термина «аргумент», исследованы характерные свойства аргументации в преломлении к юридической деятельности. Особое внимание было акцентировано на том, что аргументация - это результат мыслительной деятельности человека, основанный на анализе и обобщении знаний о различных явлениях и процессах. Авторы пришли к выводу, что аргументация в юридической деятельности, во многом, имеет определяющее значение с точки зрения достижения заявителями (сторонами) поставленных целей. Эффективная аргументация является признаком профессионализма субъекта, её использующего, и, одновременно, залогом получения искомого результата.

Ключевые слова: аргумент, аргументация, юридическая деятельность, социальная деятельность, интеллектуальная деятельность, юридический язык, судебная речь, судебный процесс, довод, коммуникативный процесс, результат.

Термин «аргумент» достаточно часто используется в языке, применяется в различных отраслях знания. Кроме того, следует отметить, что у данного термина достаточно много определений, которые характеризуются разностью авторских подходов. Приведем лишь некоторые из них. В словаре В. И. Даля аргумент трактуется как «причина, убеждение, доказательство, довод» [12]. В Толковом словаре Д.Н. Ушакова – «довод, основание, приводимые в доказательство» [13]. В логике аргумент трактуется как «мысль, истинность которой проверена и доказана практикой и которая поэтому может быть приведена в обоснование истинности или ложности другого положения» [6, с. 49]. В Философском словаре, аргумент (от лат. *argumentum* – довод) – это «доказательство, та его часть, на которой основывается его достоверность» [16].

Ю. Хабермас вполне справедливо указывает, что «в процессе аргументации ориентированная на достижение успеха установка соревнующихся сторон во всяком случае принимает коммуникативную форму, в которой иными средствами продолжается действие, ориентированное на достижение взаимопонимания» [17, с. 241–242]. Аргументация, по мнению Г.В. Сориной, это «определенная человеческая деятельность, протекающая внутри социального контекста» [14, с. 72]. В свою очередь, А.А. Ивин пишет о том, что аргументация направлена на «убеждение в приемлемости каких-то положений. В числе последних могут быть не только описания реальности, но и оценки, нормы, советы, предостережения, декларации, обещания и т.п.» [4, с. 11].

По утверждению А.П. Кузнецова, «аргументация - это коммуникативный процесс, направленный на обеспечение информационного взаимодействия между субъектами, служащий обоснованием той или иной позиции и позволяющий с помощью различных приёмов и методов изменять взгляды, мнения и установки людей, оказывать влияние на их поведение и действия» [10, с. 18].

По мнению Е.Н. Лисанюк, «аргументация – это интеллектуальная познавательная деятельность, осуществляемая когнитивными агентами на основе естественного языка в форме речевого коммуникативного взаимодействия (диалога) с целью проверки аргументативной состоятельности позиций сторон» [11, с. 35-36].

Как в устной речи, так и в письменной, при изложении какой-либо позиции мы стараемся её аргументировать, приводя такие доводы, которые могут доказать нашу правоту в том или ином случае. Поэтому аргументы и аргументация как процесс играют важнейшую роль при обосновании авторских позиций во всех отраслях знания, в том числе, конечно же, и в юриспруденции. И.А. Герасимова справедливо отмечает, что «аргументация как особая интеллектуальная деятельность лежит в основании рационального познания и общения» [2, с. 3].

Л.А. Котельникова и Г.И. Рузавин, говоря о принуждении и убеждении как существующих способах воздействия на поведение людей, приходят к выводу о том, что «одним из важнейших средств разумного убеждения является аргументация. Она называется так потому, что в ней убеждение основывается на доводах разума и логики, а не на эмоциях, чувствах и тем более не на волевом и ином воздействии или принуждении» [9, с. 9]. Полагаем, что это очень важное замечание. Действительно, принуждение как способ воздействия на поведение человека, зачастую, может быть более рационально, так как результат может быть достигнут быстрее. При этом, если ситуацию рассматривать в динамике, то убеждение, построенное на выверенной аргументации, гораздо более эффективно, поскольку с его помощью меняется человеческое сознание, трансформируется мнение по той или иной ситуации. В юридической сфере это особенно очевидно. К примеру, в рамках судебного процесса, наряду с юридическими фактами, фактор убеждения весьма значим. Прокурор или адвокат могут убедить суд принять то или иное решение, используя различные аргументы. При этом принудить суд вынести такое решение практически невозможно.

А.А. Ивин выделяет следующие черты аргументации:

«- аргументация всегда выражена в языке, имеет форму произнесенных или написанных утверждений;

- аргументация является целенаправленной деятельностью: она имеет своей задачей усиление или ослабление чьих-то убеждений;

- аргументация - это социальная деятельность, поскольку она направлена на другого человека или других людей, предполагает диалог и активную реакцию другой стороны на приводимые доводы;

- аргументация предполагает разумность тех, кто ее воспринимает, их способность рационально взвешивать аргументы, принимать их или оспаривать» [3, с. 7].

Интересно преломить эти выделенные черты (а точнее, как нам представляется, свойства) к юридической деятельности.

Так, прежде всего, согласимся с тем, что аргументация выражена в языке. Это очень важное её свойство. Именно с помощью юридического языка выстраиваются словесные логические цепочки, которые ложатся в основу аргументированного мнения того или иного лица. При этом в официальном языке, используемом, к примеру, в судебных актах, особое место занимают юридические термины, с помощью которых аргументация решения или приговора становится чётче и понятнее. А вот в разговорном юридическом языке, используемом, например, адвокатом в судебной

речи, для аргументации позиции, наряду с терминами, есть место и для образных языковых средств (эпитеты, метафоры, сравнения, аллегории и др.), которые усиливают эффект убеждения. Так, к примеру, С.А. Котельникова в статье, посвященной анализу судебных речей А.Ф. Кони, отмечает, что «особенностями официальных речей Кони считаются не только юридическая точность и стилевая безупречность, но и образность, подчас даже живописность – эти художественные средства он умело подчинял задачам правосудия» [8].

Вот небольшая выдержка из речи адвоката В.И. Жуковского по делу Гулак-Артёмовской: «...это подает повод прокурору представить ее в виде русалки, которая затягивает в воду и свидетелей обвинения, и свидетелей защиты, и высокопоставленных лиц, и целое здание кассационного сената. По воде идут круги, а прокурор в глубоком размышлении изумляется глубине общественной язвы. По его мнению, она врывается даже в совесть судей, а я замечу, что совесть судей не должна быть продажна и доступна проискам женщины» [15]. Как мы видим, адвокат, аргументируя свою позицию относительно невиновности своей подзащитной (видимо, немного «приукрашивая» речь прокурора), использует аллессию, сопоставляя её с русалкой, и далее, соответственно, выстраивая свою мысль, основываясь на этом образе. Конечно же, как мы видим, это усиливает эффект речи и, соответственно, её влияние на судей.

Или, например, еще один известный русский адвокат В.Д. Спасович, аргументируя свою позицию, вполне уместно использует в одной из своих судебных речей сравнение: «всякому известно, какое сильное впечатление производит испуг на организм не только людей, но - и животных. Известно, что делается с медведем, когда он чего-нибудь испугается. Для такого рода явлений нет экспертов. Следовательно, есть основание допустить у Дементьева после полученного им удара такое бессознательное состояние, при котором ему не может быть вменено в вину, что бы он ни сделал» [15].

Следующая черта, выделенная А.А. Ивиным, заключается в том, что аргументация является целенаправленной деятельностью: она имеет своей задачей усиление или ослабление чьих-то убеждений. Для права это особенно важно. Самым наглядным примером является судебный процесс. Стороны в процессе, конечно же, хотят добиться своих целей, поэтому они стараются подбирать такие аргументы, которые убедили бы суд в их правоте. При этом, крайне важно уважение сторон друг к другу, проявляющееся, прежде всего, в морально-этической составляющей, в корректности и подлинности аргументации. По справедливому замечанию А.Ф. Кони, «особого такта и выдержки требует и отношение обвинителя к противнику в лице защитника. Прокурору не приличествует забывать, что у защиты, теоретически говоря, одна общая с ним цель содействовать, с разных точек зрения, суду в выяснении истины доступными человеческим силам средствами и что добросовестному исполнению этой обязанности, хотя бы и направленному к колебанию и опровержению доводов обвинителя, никоим образом нельзя отказывать в уважении» [7].

При этом отметим, что убеждение суда, склонение его на свою сторону, может быть подкреплено самыми различными аргументами. Готовясь к процессу, каждая сторона оценивает их эффективность и выбирает те, которые, с её точки зрения, максимально попадут «в цель». Так, к примеру, Ф.Н. Плевако в речи по делу Бартенёва в качестве аргумента приводит слова жертвы: «но я хочу убедить вас собствен-

ными словами покойной, что она считала себя глубоко виновной перед Бартеневым, а это сознание - основание между многими другими к пощаде подсудимого, так как убийцы не исключены из категории лиц, относительно которых допустимо снисхождение» [15].

Вполне справедливо А.А. Ивин выделяет и следующее свойство: аргументация - это социальная деятельность, поскольку она направлена на другого человека или других людей, предполагает диалог и активную реакцию другой стороны на приводимые доводы. Опять же, применительно к праву, отметим, что аргументы одной стороны в любом процессе практически всегда не остаются без внимания другой стороны. На этом, во многом, основан принцип состязательности судопроизводства, согласно которому суд разрешает спор на основе состязания сторон, доказывания им оспариваемых фактов, а также обоснования применения либо неприменения тех или иных правовых норм, выявления особенностей их толкования. Особо отметим, что принцип состязательности судопроизводства закреплён в Конституции Российской Федерации (ч. 3 ст. 123).

Вот, к примеру, реакция адвоката К.Ф. Хартулари на аргументы обвинения по делу Левенштейн: «я согласен с представителем обвинения, что правосудие не может и не должно прощать человека, когда он протестует по поводу нарушения своих законных прав путем преступления, имея возможность восстановить их во всякое время, при помощи судебной власти; но не мне судить о том положении, в какое может быть поставлено правосудие, когда на скамье обвиняемых, как в данном случае, оказывается лицо, поставленное законом вне всякого права на судебную защиту» [15]. То есть здесь мы видим активную позицию стороны защиты с приведением (цитированием) доводов стороны обвинения. Адвокат, соглашаясь с базовым тезисом обвинителя, всё же старается убедить присяжных заседателей в том, что данный тезис в этом конкретном случае не реализован. Таким образом, мы видим, что аргументация К.Ф. Хартулари одновременно адресована и представителю обвинения, и суду.

Как отмечалось выше, аргументация предполагает разумность тех, кто ее воспринимает, их способность рационально взвешивать аргументы, принимать их или оспаривать. По справедливому мнению Н.А. Власенко, «природа наделила человека величайшим благом – разумом, т. е. свойством быть разумным, которое должно гарантироваться и обеспечиваться, и эту миссию выполняет право, его механизмы» [1, с.49]. Процесс аргументирования подразумевает мыслительную деятельность субъекта, при этом его визави должен воспринимать сформулированные доводы: соглашаться с ними или оспаривать. При этом возможно и игнорирование аргументов той или иной стороны. В устной речи сторон в рамках судебных процессов это бывает достаточно часто, также, впрочем, как и в обыденной юридической речи.

Если же мы возьмем деловую письменную речь, то здесь традиционно, на аргументы одной стороны, изложенные, к примеру, в заявлении, иске, следует аргументированный ответ другой стороны (ответ на заявление, возражение на иск и т.п.). Ответные доводы могут быть обусловлены как необходимостью их представить (к примеру, в ответе на заявление со стороны органа муниципальной или государственной власти), так и желанием стороны оспорить аргументы соперника (например, возражение на иск).

С нашей точки зрения, ещё одним свойством аргументации является то, что это

результат мыслительной деятельности человека, основанный на анализе и обобщении знаний о различных явлениях и процессах. И здесь мы согласны с тезисом Е.Н. Шульги о том, что «аргументация – это сложная интеллектуальная деятельность, направленная на передачу конкретной мысли, на обоснование идеи, точки зрения, теоретического положения, гипотезы или концепции» [18, с. 156]. Прав и К.В. Каргин, понимая под аргументацией «интеллектуальную, вербальную, социальную деятельность, состоящую в приведении доводов рационального и (или) эмоционального характера в целях убеждения адресата аргументации в правильности занимаемой субъектом аргументации позиции и (или) неправильности позиции оппонента» [5, с. 60]. На интеллектуальную составляющую аргументации довольно часто обращается внимание, в том числе, и в представленных выше определениях данного понятия.

Формулирование аргументов, обосновывающих тезис (позицию) в любой сфере, в том числе, и в юридической, непосредственно сопряжено с мыслительной (интеллектуальной) деятельностью. В свою очередь, для определения наиболее точных, выверенных и убедительных доводов необходим анализ и обобщение существующего опыта (знаний) о различных явлениях и процессах. В юридической деятельности это особенно важно. Так, не подтверждённая весомыми и эффективными аргументами позиция прокурора или адвоката по тому или иному делу является заведомо слабой. В свою очередь, отсутствие необходимых доводов в заявлении или ином юридическом документе может способствовать получению отрицательного результата для заявителя. В заключение отметим, что аргументация в юридической деятельности, во многом, имеет определяющее значение с точки зрения достижения заявителями (сторонами) поставленных целей. Эффективная аргументация в этой связи является признаком профессионализма субъекта, её использующего, и, одновременно, залогом получения искомого результата.

Список литературы:

1. Власенко Н.А. Разумность и право: связь явлений и пути исследования // Журнал российского права. 2011, № 11. С. 49. – Текст : непосредственный.
2. Герасимова И.А. Предисловие / Теория и практика аргументации. М., 2001. С. 3. – Текст : непосредственный.
3. Ивин А.А. Основы теории аргументации. М., 1997. С. 7. – Текст : непосредственный.
4. Ивин А.А. Теория аргументации. М., 2000. С. 11. – Текст : непосредственный.
5. Каргин К.В. Понятие юридической аргументации // Юридическая техника. 2013, № 7 (часть 1). С. 60. – Текст : непосредственный.
6. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М., 1975. – С. 49. – Текст : непосредственный.
7. Кони А.Ф. Приёмы и задачи прокуратуры (из воспоминаний судебного деятеля // А.Ф. Кони. Избранные труды и речи. – Тула, 2000. / URL: http://az.lib.ru/k/koni_a_f/text_1924_priemy_i_zadachy.shtml (дата обращения: 06.05.2024). - Текст: электронный.
8. Котельникова С.А. Умение «твердо править словом»: судебные речи русского юриста А. Ф. Кони // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/umenie-tverdo-pravit-slovom-sudebnye-rechi-russkogo-yurista-a-f-koni/viewer> (дата обращения: 05.05.2024). - Текст: электронный.
9. Котельникова Л.А., Рузавин Г.И. Системный подход к процессу убеждения и аргументации // Теория и практика аргументации. М., 2001. С. 9. – Текст : непосредственный.
10. Кузнецов А.П. Правовая аргументация: понятие, сущностная характеристика, значение // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013, № 3. С. 18. – Текст : непосредственный.
11. Лисанюк Е.Н. Логико-когнитивная теория аргументации – Дисс... доктора филос наук. – Санкт-Петербург, 2015. С. 35-36. – Текст : непосредственный.
12. Словарь В.И. Даля // URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=475> (дата обращения: 05.05.2024). - Текст: электронный.
13. Словарь Д.Н. Ушакова // URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=914> (дата обращения 03.05.2024) - Текст: электронный.
14. Сорина Г.В. Вопросно-ответная процедура в аргументационной деятельности // Теория и практика

аргументации. М., 2001. С. 72. – Текст : непосредственный.

15. Судебные речи известных русских юристов // URL: <https://hatituli.ru/rech-po-delu-gulak-artemovskoj/10/> <https://hatituli.ru/rech-po-delu-dementeva/8/> <https://hatituli.ru/rech-po-delu-barteneva/18/> URL: <https://hatituli.ru/rech-po-delu-levenshtejn/2/> (дата обращения: 05.05.2024). - Текст: электронный.
16. Философский словарь // URL: <http://www.philosophydic.ru/argument> (дата обращения: 04.05.2024). -
17. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 241–242.
18. Шульга Е.Н. Аргументация и интерпретация // Логико-философские штудии. Том 16 (№ 1–2), 2018. С. 156. – Текст : непосредственный.

Turanin V.Yu., Alokova M.Kh. Essence and properties of argumentation in refraction to legal activity // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 3. – P. 153 – 158.

Theoretical issues related to argumentation are relevant for various fields of knowledge, but for jurisprudence they are of particular importance, since almost all legal activity is in one way or another connected with the need to prove various opinions and positions. This article examines the essential aspect of argumentation, analyzes various approaches to defining the term “argument,” and examines the characteristic properties of argumentation in relation to legal activity. Particular attention was focused on the fact that argumentation is the result of human mental activity, based on the analysis and generalization of knowledge about various phenomena and processes. The authors came to the conclusion that argumentation in legal activity is, in many ways, of decisive importance from the point of view of the applicants (parties) achieving their goals. Effective argumentation is a sign of the professionalism of the subject using it, and, at the same time, the key to obtaining the desired result.

Keywords: argument, argumentation, legal activity, social activity, intellectual activity, legal language, judicial speech, trial, argument, communication process, result.

Spisok literatury:

1. Vlasenko N.A. Razumnost' i pravo: svyaz' yavlenij i puti issledovaniya // ZHurnal rossijskogo prava. 2011, № 11. S. 49. – Текст : непосредственный.
2. Gerasimova I.A. Predislovie / Teoriya i praktika argumentacii. М., 2001. С. 3. – Текст : непосредственный.
3. Ivin A.A. Osnovy teorii argumentacii. М., 1997. С. 7. – Текст : непосредственный.
4. Ivin A.A. Teoriya argumentacii. М., 2000. С. 11. – Текст : непосредственный.
5. Kargin K.V. Ponyatie yuridicheskoy argumentacii // YUridicheskaya tekhnika. 2013, № 7 (chast' 1). S. 60. –
6. Kondakov N.I. Logicheskij slovar'-spravochnik. – М., 1975. – С. 49. – Текст : непосредственный.
7. Koni A.F. Priomy i zadachi prokuratury (iz vospominanij sudebnogo deyatelya // A.F. Koni. Izbrannyye trudy i rechi. – Tula, 2000. / URL: http://az.lib.ru/k/koni_a_f/text_1924_priemy_i_zadachy.shtml (data obrashcheniya: 06.05.2024). - Текст: электронный.
8. Kotelnikova S.A. Umenie «tverdo pravit' slovom»: sudebnye rechi russkogo yurista A. F. Koni // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/umenie-tverdo-pravit-slovom-sudebnye-rechi-russkogo-yurista-a-f-koni/viewer> (data obrashcheniya: 05.05.2024). - Текст: электронный.
9. Kotelnikova L.A., Ruzavin G.I. Sistemnyj podhod k processu ubezhdeniya i argumentacii // Teoriya i praktika argumentacii. М., 2001. С. 9. – Текст : непосредственный.
10. Kuznetsov A.P. Pravovaya argumentaciya: ponyatie, sushchnostnaya harakteristika, znachenie // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2013, № 3. S. 18. – Текст : непосредственный.
11. Lisanyuk E.N. Logiko-kognitivnaya teoriya argumentacii – Diss... doktora filos nauk. – Sankt-Peterburg, 2015. S. 35-36. – Текст : непосредственный.
12. Slovar' V.I. Dalya // URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=475> (data obrashcheniya: 05.05.2024).
13. Slovar' D.N. Ushakova // URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=914> (data obrashcheniya: 03.05.2024) - Текст: электронный.
14. Sorina G.V. Voprosno-otvetnaya procedura v argumentacionnoj deyatel'nosti // Teoriya i praktika argumentacii. М., 2001. С. 72. – Текст : непосредственный.
15. Sudebnye rechi izvestnyh russkih yuristov // URL: <https://hatituli.ru/rech-po-delu-gulak-artemovskoj/10/> <https://hatituli.ru/rech-po-delu-dementeva/8/> <https://hatituli.ru/rech-po-delu-barteneva/18/> URL: <https://hatituli.ru/rech-po-delu-levenshtejn/2/> (data obrashcheniya: 05.05.2024). - Текст: электронный.
16. Filosofskij slovar' // URL: <http://www.philosophydic.ru/argument> (data obrashcheniya: 04.05.2024).
17. Habermas YU. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie. SPb., 2000. S. 241–242.
18. SHul'ga E.N. Argumentaciya i interpretaciya // Logiko-filosofskie shtudii. Том 16 (№ 1–2), 2018. С. 156.

УДК 340.11

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ: ЗНАЧЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ОТ СПОСОБОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Иванов А. И.

ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»

В представленном научном исследовании рассматривается теоретический аспект системы права и ее место в юридической науке, с особым вниманием к норме права как одному из ее элементов. Обсуждается структура нормы права, включая гипотезу, диспозицию и санкцию, а также ее общеправовые характеристики. Основное внимание уделяется соотношению нормы права и нормативно-правовых предписаний, а также классификации последних по способам юридического воздействия: управомочивающие, рекомендуемые, запрещающие, поощряющие и обязывающие. В статье приводятся конкретные и практические примеры таких норм, исследуя тем самым их роль и значение в системе права. Исследуемая тема актуальна как для теоретического аспекта теории права, так и для практического правоприменения действующего законодательства.

Ключевые слова: система права, нормативно-правовые предписания, обязывающие предписания; управомочивающие предписания, запрещающие предписания, поощряющие предписания, рекомендуемые предписания, классификация предписаний, разновидность предписаний, способы воздействия предписаний.

Документооборот – один из ключевых элементов эффективной работы органов внутренних дел. Однако, несмотря на все преимущества, с ним связаны определенные проблемы. Недостаточная автоматизация процесса обработки документов, отсутствие единой системы электронного документооборота, неэффективное распределение задач и отсутствие контроля – все это является источником сложностей, с которыми сталкиваются сотрудники органов внутренних дел в своей повседневной работы.

Современная юриспруденция постоянно развивается, так как представляет собой динамичную науку в условиях развития информационных технологий и перехода гражданского общества к новым формам взаимодействия, в связи с чем нормативно-правовые предписания играют ключевую и важную роль в регулировании поведения граждан и определенных институтов. Юридическая наука за все свое существование сформировала достаточное количество правовых знаний, концепций, теорий и терминологического аппарата. Нормативно-правовые предписания устанавливают соответствующие права поведения, обязанности субъектов права и их правильное отношение к жизненным ценностям и ориентациям. Роль нормативно-правовых предписаний подчеркивается обеспечением стабильности и поддержанием порядка в обществе.

Общественно-экономические и политические процессы, протекающие в российском обществе, активизировали повышенное внимание к проблемам формирования и использования законодательного массива, а, следовательно, подняли актуальные вопросы применения нормативно-правовых предписаний в российском государстве. Отечественная правовая доктрина современного периода отличается существование разнообразных мнений, взглядов по поводу характеристики нормативно-правовых предписаний и их особенностей. Во многом, такие мнения и взгляды отличаются

друг от друга, и, соответственно, они нуждаются в научном обобщении.

Для рассмотрения нормативно-правовых предписаний необходимо уделить теоретическому аспекту системе права, поскольку данный институт является ее основополагающим элементом [1, с. 160].

В контексте современного общества, где разнообразие культур, ценностей и интересов становится все более явным, система права приобретает особую важность. Она служит не только инструментом регулирования поведения, но и механизмом обеспечения справедливости и защиты прав и свобод каждого индивида. По мнению Д.А. Липинского и А.А. Мусаткиной, система права «...это явление объективное, обусловленное общественными отношениями, а именно: появлением новых социальных связей; возникновением ранее неизвестных угроз...» [2, с. 31]. По мнению приведенных авторов, система права предстает не как что-то статичное и неизменное, а как динамичное явление, взаимодействующее с общественной реальностью. Однако с учетом постоянного развития юридической науки, под системой права следует понимать совокупность норм, установленных в границах государства и призваны обеспечивать реализацию прав и свобод граждан. Она основывается на правовой норме, которая обязательна для всех субъектов правовых отношений. Правовая система, как было отмечено ранее, является динамичной, она постоянно развивается, поскольку ей необходимо адаптироваться под вновь появившиеся потребности общества, а также к новым безостановочным преобразованиям, происходящим в настоящее время.

Говоря о сущности системы права необходимо сказать, что ее установленные правила необходимы для обеспечения, справедливого и соответствующего правопорядку общественную жизнь. Она является для функционирования государства основой, поскольку обеспечивает соблюдение установленных законодательных норм, защиту прав и свобод граждан. Среди основных черт ей присуще следующие: иерархичность, дифференцированность, динамичность, устойчивость, объективность.

Иерархичность правовых норм отражается в расположении их в определенной последовательности в зависимости от наделения юридической силы. Наглядным примером является Конституция РФ, являющаяся наивысшим нормативно-правовым актом на территории российского государства, ввиду обладания ее высшей юридической силы по сравнению с другими законодательными источниками.

Дифференциация непосредственно связана с регулированием определенной сферы общественных отношений (отрасли, подотрасли, институты), являющихся самостоятельными [3, с. 30]. Каждая область права охватывает определенные аспекты законодательства и нормативных актов с целью обеспечения более систематического и специализированного регулирования определенных юридических вопросов. В рамках отрасли права существуют законы, прецеденты и правовые доктрины, служащие основой для принятия решений в соответствующих областях. Области права помогают разделить и упорядочить законы для соответствия разнообразным сферам жизни и деятельности в обществе. В юридической доктрине закрепляются общие области права: «...гражданское право, административное право, уголовное право, трудовое право, финансовое право, земельное право, сельскохозяйственное право, экологическое право, семейное право, исправительно-трудовое право, уголовно-процессуальное право, гражданско-процессуальное право и другие отрасли права»

[4, с. 163]. Каждая из этих областей имеет свои специфические принципы, нормы и правила, регулирующие конкретные типы юридических отношений и специфические юридические вопросы. Так, например, уголовно-процессуальное право регулирует «...порядок рассмотрения уголовных дел и обеспечивает справедливость и законность уголовного процесса. Определяет права и обязанности участников уголовного процесса, устанавливает процедуры ведения расследования, доказывания и разрешения дела» [5, с. 391-320]. Гражданское право в свою очередь, регулирует отношения между субъектами (физическими и юридическими лицами), устанавливая правила обязательственных отношений по вопросу собственности, возмещения убытков, заключение договоров и совершение сделок. Отрасли права продолжают развиваться в соответствии с изменяющимися социальными, экономическими и политическими условия для последующей адаптации к новым вызовами и потребностям общества. Динамичность и устойчивость как основные черты системы права выражаются в постоянных изменениях, совершенствовании правовых норм, стабильности сохранения структуры в целости и обеспечении преемственной связи в целях правового регулирования.

Объективность отражает реальную существующую систему общественных отношений в современном гражданском обществе и государстве. Как и любая рассматриваемая система права, она состоит из таких взаимосвязанных элементов, как норма права, институт права, подотрасль права и отрасль права. Наиболее значимое место во взаимосвязи системы права и нормативно-правовых предписаний занимает норма права [6, с. 10]. Норма права – это официально и законодательно определенный свод правил и положений, установленный государством с целью регулирования общественных отношений. В свою очередь нормы права устанавливают взаимные права и обязанности участников конкретных правоотношений. Именно норма права является первичным элементом системы права и служит первоисточником для построения всей правовой системы [7, с. 176]. Они выступают в качестве нормативной основы деятельности органов государства, средством охраны и дальнейшего развития прав и свобод граждан. Нормам права в обеспечении дисциплины и общественного порядка принадлежит важное значение.

Каждая норма права содержит определенный образец поведения. Они могут быть негативными (например, нормы, закрепленные в Уголовном кодексе РФ) и позитивными (например, образцы возможного и дозволенного поведения: ФЗ «Об образовании», ФЗ «О службе в таможенных органах РФ» и т.п.). Нормативные образцы поведения отражают способы возможного воздействия на социальные связи и процессе. К числу таких способов относятся дозволения, обязывания, запреты, поощрения, рекомендации и принуждение.

Нормам права присущи следующие черты:

- принудительные меры государства. Принудительность выражается в обеспечении стабильности и порядка в гражданском обществе путем применения санкционных мер правовых норм;
- носит общеобязательный характер, выражающийся в оказании весомого влияния на сознание индивидов, и, следовательно, и на их поведение, направленный на регулирование широкого круга общественных отношений;

Норма права представлена тремя стандартно установленными элементами: гипотеза

теза, диспозиция, санкция. Гипотеза указывает конкретно на то условие или обстоятельство, когда правовая норма вступает в юридическую силу или начинает действовать (например, в норме о превышении скорости движения на дороге гипотезой может быть превышение установленного ограничения скорости). Диспозиция представлена частью нормы, устанавливающей права и обязанности субъекта (субъектов) в отношении указанных в гипотезе условий. Санкция включает в себя последствия нарушения или соблюдения (несоблюдения) нормы [8, с. 3]. Это мера ответственности или поощрения, которая применяется в зависимости от действий субъекта относительно диспозиции. В случае нарушения нормы санкция может предусматривать штрафы, уголовные наказания или другие меры наказания. В случае соблюдения нормы санкция может включать в себя права или льготы.

Нормативно-правовые предписания представляют собой более широкий объект исследования, включающий законы, правила и стандарты, определяющие обязательные правила и нормы для их соблюдения в гражданском обществе.

В зависимости от способов юридического воздействия нормативно-правовые предписания рассматривают управомочивающие, обязывающие, запрещающие, поощряющие и рекомендуемые.

Управомочивающие нормативно-правовые предписания представляют собой важный инструмент в правовой системе, предназначенный для делегирования конкретному субъекту правовой статус: прав, обязанностей и ответственности к ведению определенной деятельности. Так, примером является правовой статус сотрудников полиции, установленный ФЗ «О службе в органах внутренних дел», в соответствии с которым определяется круг полномочий сотрудников органов внутренних дел. Следующим наглядным примером управомочивающих нормативно-правовых предписаний может быть закон, предоставляющий право сотрудников предварительного расследования на проведение обыска в случае подозрения в совершении преступного деяния. В данном случае закон является управомочивающим актом, который определяет и предоставляет полномочия правоохранительным органам для осуществления таких действий в соответствии с установленными нормами действующего законодательства [9, с. 44]. Основной особенностью таких норм является соблюдение принципа законности, государственности и справедливости.

Обязывающие нормативно-правовые связаны с соблюдением правовых норм, которым должны следовать субъекты и выполнять соответствующие обязанности, предусмотренные нормативно-правовыми актами всех уровней. Обязывающие предписания могут касаться различных аспектов жизнедеятельности и отрасли правоотношений: гражданские, уголовные, административные, налоговые и т.д. Среди основных черт обязывающих норм необходимо подчеркнуть обязательность исполнения всеми субъектами права. Так, ст. 45 Налогового кодекса РФ закрепляет обязанность по уплате налога, сбора, страховых взносов, что является обязательным для каждого гражданина РФ. Одна из обязанностей в трудовых правоотношениях закреплена в ст. 21 Трудового кодекса РФ, в частности, обязанности работника по добросовестному исполнению трудовых обязанностей, соблюдению трудовой дисциплины и требований охраны и безопасности труда. В случае несоблюдения и невыполнения обязанностей могут последовать соответствующие меры государственных принуждений, что связано с негативными последствиями в виде привлечения к дисциплинарной, административной, гражданской или уголовной ответственности

[10, с. 22]. Обязывающие нормативно-правовые предписания играют ключевую роль в организации и функционировании правовой системы общества. В контексте привлечения к ответственности необходимо рассмотреть запрещающие нормативно-правовые предписания как один из способов юридического воздействия.

Запрещающие нормативно-правовые предписания связаны с установлением запретов на определенные действия или поведение субъектов права в целях обеспечения общественного порядка, безопасности, справедливости и защиты интересов общества. Они направлены на регулирование поведения и установление границ допустимого в обществе. Запрещающие предписания касаются как широкого спектра областей отношений (например, уголовное право, экологическое право), так и узкого спектра (например, отдельные институты правоотношений). Такие предписания устанавливают четкие границы поведения и предупреждают о возможных последствиях нарушения такого правила (например, ст. 105 УК РФ закрепляет охрану жизни личности в части лишения жизни другого человека).

Поощряющие нормативно-правовые предписания направлены на стимулирование желаемого поведения субъектов права. Такие нормы устанавливают правила или порядок, которые побуждают к соблюдению законности, участию в общественной жизни. Нормы, закрепляющие разного рода поощрения устанавливают применение специальных льгот, преференций или иных мер поощрения. Например, для сотрудников, осуществляющих свою деятельность в сфере принудительного исполнения Федеральным законом «О службе в органах принудительного исполнения РФ» предусмотрен ограниченный перечень мер поощрений за добросовестное исполнение профессиональной деятельности.

Рекомендующие нормативно-правовые предписания являются важным элементом в действующей правовой системе, направленным на ориентирование субъектов права в конкретной сфере правоотношений и деятельности относительно рекомендуемого поведения. В отличие от обязывающих норм, рекомендующие предписания не обладают прямой обязательной силой, однако они рекомендуют определенные действия или подходы к решению проблем на основе лучших практик, научных исследований или общественных консультаций. Такие нормы могут быть представлены как в виде законодательных актов, нормативных документов, рекомендаций, инструкций. Неоднозначной принято считать мнение об обязательности исполнения органами судебной власти Пленума Верховного суда РФ (далее – Пленум ВС РФ).

В.В. Кожевников считает, что нормы, предусмотренные Пленумом ВС РФ, являются рекомендательными не для суда, а для органов и организаций, граждан [11, с. 13].

И.А. Клепицкий рассматривает позицию Пленума Верховного суда РФ как официальное толкование закона, однако с учетом сложившейся правоприменительной судебной практики констатирует, что несмотря на функцию правотворчества, вышестоящие инстанции должны руководствоваться не Пленумом ВС РФ, а обзором судебной практики и такие разъяснения должны быть консервативными [12, с. 105].

В.О. Белоносов, проводя научное исследование считает, что «...несмотря на свой рекомендательный характер, некоторые правовоположения в постановлениях Пленума Верховного суда РФ имеют не только важный, но и само собой разумеющийся характер, который сложно трактовать как необязательный. Такие случаи относятся к субсидиарным (вспомогательным) правовоположениям, направленным на регулиро-

вание уголовно-процессуальных отношений» [13, с. 16].

Следовательно, одна часть авторов считает, что положения Пленума ВС РФ строго обязательны, а другая часть авторов склоняется к мнению о том, что они носят сугубо рекомендательный характер. Кроме того, в настоящее время практически в каждом органе государственной власти существуют локальные нормативно-правовые акты, регламентирующие механизм действия конкретного института. На примере органов, осуществляющих правоохранительную деятельность имеются ведомственные инструкции и приказы, методические пособия. Другим примером является норма ч. 2 ст. 75 УК РФ, предусматривающая рекомендацию примирения с потерпевшим и заглаживания причиненного вреда. Несмотря на данную норму активно развивается вопрос о применении медиации в уголовном судопроизводстве как основания отказа в возбуждении уголовного дела [14, с. 68-69].

В заключении проведенного комплексного научного исследования следует констатировать следующее. Нормативно-правовые предписания представляют собой конкретные положения действующего законодательства, направленные на установление правил, имеющих разный способ юридического воздействия. Рассмотрев классификацию нормативно-правовых предписаний, мы резюмируем, что они могут быть поощряющими, рекомендующими, управомочивающими, запрещающими, обязывающими. Каждый из элементов приведенной классификации имеет соответствующую характеристику и механизм применения со стороны субъектов правовых отношений. Таким образом, в современном обществе нормативно-правовые предписания играют важную и неотъемлемую роль, обеспечивая стабильность, порядок и защиту прав и свобод граждан. Нормативно-правовые предписания способствуют развитию гражданского общества и укреплению правовой культуры. Они являются основой для создания структурированной системы правовых норм, обеспечивающей справедливость и равенство перед законом. Вести речь о правовом государстве и его функционировании без нормативно-правовых предписаний невозможно, поскольку такие предписания создают определенные условия для устойчивого развития экономики, социальной сферы и политической системы, чем подчеркивается важность и актуальность нормативно-правовых предписаний.

Список литературы:

1. Барба Д.С. Право в системе социальных регуляторов // Молодой ученый. 2020. № 43 (333). С. 157-167.
2. Липинский Д.А. Система права и система юридической ответственности: некоторые проблемы взаимосвязей и соотношения / Д.А. Липинский, А.А. Мусаткина // Право и политика. 2019. № 9. С. 29-47.
3. Абрамова А.И. Современные тенденции интеграции и дифференциации правового регулирования // Журнал российского права. 2018. № 9(261). С. 29-38.
4. Земскова К.В. Общая характеристика некоторых отраслей российского права // Молодой ученый. 2020. №14 (304). С. 163-167.
5. Исмаилов Д.А. Понятие и значение уголовно-процессуального права в современном государстве // Вопросы российской юстиции. 2024. № 29. С. 314-321.
6. Перевалов В.Д. Нормы права: проблемы понимания и определения // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5(101). С. 10-19
7. Малиновская Н.В. Структура правовой нормы: становление конструкции // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 1. С. 175-180.
8. Мусаткина А.А. О общем понятии санкции нормы права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1(50). С. 4.
9. Исмаилов Д. А. Правоохранительная служба: ретроспективный анализ, проблемы и решения / Д.А. Исмаилов, А.В. Мурузиди, Г.А. Ожегова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 4(93). С. 40-48.
10. Исмаилов Д.А. Роль и значение дисциплинарной ответственности в уголовно-процессуальной дея-

- тельности сотрудников органов внутренних дел / Д.А. Исмаилов, О.Е. Репетева // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 2. С. 18-25
11. Кожевников В.В. О рекомендательных нормах права / В. В. Кожевников // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2021. Т. 18, № 4. С. 5-18.
12. Клепицкий И.А. Обязательность разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в уголовном праве // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 6(175). С. 95-107.
13. Белоносов В.О. Обязательны ли разъяснения пленума Верховного суда Российской Федерации? // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 3(17). С. 13-17.
14. Исмаилов Д.А. Применение медиации в деятельности участковых уполномоченных полиции / Д.А. Исмаилов, А.В. Мурузиди // Теология. Философия. Право. 2021. № 2(16). С. 61-69.

Ivanov A. I. Normative-legal prescriptions: meaning and classification from the methods of legal influence // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 159 – 165.

The presented scientific research examines the theoretical aspect of the legal system and its place in legal science, with special attention to the rule of law as one of its elements. The structure of the rule of law, including hypothesis, disposition and sanction, as well as its general legal characteristics are discussed. The main attention is paid to the relationship between the rule of law and regulatory legal prescriptions, as well as the classification of the latter according to the methods of legal influence: authorizing, recommending, prohibiting, encouraging and binding. The article provides concrete and practical examples of such norms, thereby exploring their role and significance in the legal system. The topic under study is relevant both for the theoretical aspect of the theory of law and for the practical enforcement of current legislation.

Keywords: legal system, regulatory prescriptions, binding prescriptions, authorizing prescriptions, prohibiting prescriptions, encouraging prescriptions, recommending prescriptions, classification of prescriptions, type of prescriptions, ways of influencing prescriptions.

Spisok literatury:

1. Abramova A.I. Sovremennye tendencii integracii i differenciacii pravovogo regulirovaniya // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 9(261). S. 29-38.
2. Barba D.S. Pravo v sisteme social'nyh reguljatorov // Molodoj uchenyj. 2020. № 43 (333). S. 157-167.
3. Belonosov V.O. Obyazatel'ny li raz'yasneniya plenuma Verhovnogo suda Rossijskoj Federacii? // Vestnik Samarskogo juridicheskogo instituta. 2015. № 3(17). S. 13-17.
4. Zemskova K.V. Obshchaya harakteristika nekotoryh otraslej rossijskogo prava // Molodoj uchenyj. 2020. №14 (304). S. 163-167.
5. Ismajlov D.A. Ponyatie i znachenie ugolovno-processual'nogo prava v sovremennom gosudarstve // Voprosy rossijskoj yusticii. 2024. № 29. S. 314-321.
6. Ismajlov D. A. Pravoohranitel'naya sluzhba: retrospektivnyj analiz, problemy i resheniya / D.A. Ismajlov, A.V. Muruzidi, G.A. Ozhegova // Nauchnyj vestnik Orlovskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2022. № 4(93). S. 40-48.
7. Ismajlov D.A. Primenenie mediacii v deyatel'nosti uchastkovyh upolnomochennyh policii / D.A. Ismajlov, A.V. Muruzidi // Teologiya. Filosofiya. Pravo. 2021. № 2(16). S. 61-69.
8. Ismajlov D.A. Rol' i znachenie disciplinarnoj otvetstvennosti v ugolovno-processual'noj deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del / D.A. Ismajlov, O.E. Repeteva // YUridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2023. Т. 9, № 2. S. 18-25.
9. Klepickij I.A. Obyazatel'nost' raz'yasnenij Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii v ugolovnom prave // Lex Russica (Russkij zakon). 2021. Т. 74, № 6(175). S. 95-107.
10. Kozhevnikov V.V. O rekomendatel'nyh normah prava / V. V. Kozhevnikov // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2021. Т. 18, № 4. S. 5-18.
11. Lipinskij D.A. Sistema prava i sistema juridicheskoy otvetstvennosti: nekotorye problemy vzaimosvyazej i sootnosheniya / D.A. Lipinskij, A.A. Musatkina // Pravo i politika. 2019. № 9. S. 29-47.
12. Malinovskaya N.V. Struktura pravovoj normy: stanovlenie konstrukcii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 1. S. 175-180.
13. Musatkina A.A. O obshchem ponyatii sankcii normy prava // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015. № 1(50). S. 4.
14. Perevalov V.D. Normy prava: problemy ponimaniya i opredeleniya // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2017. № 5(101). S. 10-19.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 166–172.

УДК 340

КАТЕГОРИИ «РЕФОРМА» И «ПРАВОВАЯ РЕФОРМА» В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Кисс С. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье проведен анализ категорий «реформа» и «правовая реформа» в контексте государственной трансформации. Автором отмечается генезис восприятия категории «реформа»: как отрицательное явление (до XX ст.); как «нововведение или изменение общественного строя» (середина XX ст.); как «необходимость развития общества и государства» (современность). Определено, что правовая реформа является фундаментом реформирования всего общества и выражается не только в повышении качества правового регулирования, но и в повышении уровня правовой культуры и правосознания. Анализ доктринальных исследований позволил сделать вывод, что правовую реформу можно рассматривать не только как способ реализации государственной политики, предусматривающий изменение принципов и основ реализации общественных отношений путем трансформации их нормативно-правового обеспечения, но и как процесс воплощения нового правового порядка.

Ключевые слова: правовая реформа, реформа в праве, реформа, теория права, правовая система.

В последнее время довольно часто в юридических исследованиях фигурируют понятия «реформа», «трансформация», «модернизация», которые также часто отождествляются с понятиями «революция» и «эволюция». В некоторых исследованиях эти понятия схожи по своему значению и иногда дополняют друг друга, но каждое из вышеприведенных понятий имеет свои характерные особенности, позволяющие отграничивать их друг от друга и различать.

Даже не признавая реформу, как таковую, среди первостепенных задач большинства современных государств, правовая реформа постоянно просматривается, и более или менее интенсивно реализуется, в правовом и политическом поле большинства их них (как в так называемых государствах с переходной экономикой, так и в «развитых странах») [1, с. 33].

Однако, отечественные научные работы посвящены, в основном, изучению основных характеристик, условий и предпосылок проведения реформ [2; 3; 4], роли истории российской государственности в развитии современных правовых реформ [5], развитию политических институтов в условиях реформирования общества [6], динамике правовых институтов в условиях реформирования [7; 8], преимуществ и недостатков различных моделей реформирования [9], в то время как даже определение понятия «реформа» остается почти без внимания исследователей.

Исследования П.Я. Черных показывает, что в русском языке слово «реформа» впервые встречается в начале XIX в. в словаре Н.М. Яновского (1806) [10, с. 114]. Данное понятие Н.М. Яновский приводит в значении «переформировка, переформирование, реформирование войск». Однако, далее идет раскрытие смежной категории: «отсюда, реформировать – перемѣнять, переновлять, исправлять, преобразовывать что либо» (стб. 562) (пунктуация оригинала сохранена – прим. автора) [11].

В начале XX ст. термин «реформа» имел крайне отрицательную эмоциональную окраску, поскольку предусматривал изменения, которые в историческом контексте имели разрушительные последствия для правящей элиты того времени. Речь идет, в

частности, о реформе общественного строя вследствие отмены в 1861 г. крепостного права, вследствие церковного раскола из-за действий патриарха Никона [12].

В целом, начало XX ст. ознаменовалось существенными общественными сдвигами, что отразилось на содержательном восприятии такой категории как «реформа». Под этой категорией стали понимать любое новшество, преобразование существующего строя, трансформацию характера общественных отношений [13, с. 843]. В «Малом энциклопедическом словаре» позднее появляется существенное дополнение к определению категории «реформа», и под ней стали понимать нововведение или изменение общественного строя, достигаемое путем изменения существующей системы правового обеспечения такого строя. Другими словами, по мнению правоведов того времени, реформа должна приниматься и внедряться на законодательном уровне через принятие специального нормативно-правового акта, которым устанавливается новый порядок вещей [14, с. 1058].

Однако, считаем необходимым акцентировать на том, что «реформа» в этот период означает изменение законодательного обеспечения действующего политического режима и существующего политического строя без его свержения, поскольку, свержение царского режима в России (также имеющее отрицательное социально-экономическое значение), характеризуется термином «революция» (Октябрьская революция 1917 г.). Под словом «реформа» обычно понимается медленное, постепенное преобразование политической и экономической системы, причем, как правило, «сверху», в отличие от «революции» – быстрого радикального переворота «снизу». В марксистском дискурсе реформа и революция отличаются по их отношению к существующей «общественно-экономической формации», которые должны последовательно менять друг друга: реформа – это изменение в рамках данной «общественно-экономической формации», революция – изменение формации как таковой. В любом случае подразумевается, что и реформа, и революция – это то, что всегда изменяет что-то худшее к лучшему, менее прогрессивное на более прогрессивное, и даже реакционное на передовое. Если советская историческая (да и юридическая) наука всегда предпочитала революцию, то сегодня на первом плане, как правило, – реформы [15, с. 58].

Советский и российский публицист, политолог, дипломат А.Е. Бовин во второй половине XX ст. дает классическое определение категории «реформа» как любого социального преобразования, изменения условий реализации общественных отношений путем изменения законодательства, которым они регулируются. При этом, исследователь акцентировал внимание на том, что реформа требует реализации политическим руководством страны лучшего курса их существования, повышения социальных стандартов жизни и установления более четких правил правового регулирования общественных отношений. Поэтому реформа, по его мнению, должна восприниматься положительно и означать изменения известной обществу модели реализации государственной власти, в том числе методом конфигурации законодательства и институционального обеспечения государственной политики [16, с. 580].

Однако, несмотря на такое политическое восприятие, категория «реформа» традиционно имеет все же негативную окраску, поскольку всегда означает нарушение определенного строя, выхода за пределы зоны комфорта и трансформацию привычного строя.

Трактовку реформы, предложенную А.Е. Бовиным, на сегодняшний день можно

считать традиционной и фактически классической. Иначе говоря, реформирование, как процесс государственного управления, уже не воспринимается как негативное явление, даже учитывая, что сами по себе реформы являются следствием нестабильности, существующей в политической или экономической жизни страны. Но следует акцентировать внимание и на том, что современное понимание категории «реформа» требует существенного переосмысления, в особенности, в части ее отождествления с такими смежными категориями как «изменения», «трансформация» и т.д. Реформа подразумевает более глубокие основательные процессы, которые достигают самых основ социального устройства в обществе, а потому, необходимо осознать, что реформа отождествляется с качественными преобразованиями. Так, и более узкий термин «конституционная реформа», должен предусматривать изменение качества правового регулирования общественных отношений и устройства механизма государства, имея в виду изменение принципов и подходов к организации политических институтов и их взаимодействия между собой в процессе регулирования общественно-политических процессов [17, с. 83].

Однако, несмотря на ряд попыток дать четкое определение феномена реформы, ученые так и не пришли к единому мнению относительно общепринятой научно-юридической дефиниции «правовой реформы». Еще в период первых этапов трансформации российской правовой системы В.Д. Горобец обосновывал тезис о том, что правовая реформа является фундаментом реформирования всего общества и определил правовую реформу как «...качественное обновление и усовершенствование законодательства, практики его применения, повышение роли и значения судебной власти, суда, правоохранительных органов, достижение необходимого уровня правовой культуры, имеющих целью создание основ правового государства» [18, с. 12]. По мнению правоведа, правовая реформа выражается в повышении качества нормативно-правового регулирования, а также модернизации подходов органов государственной власти к реализации ими властных полномочий, что в свою очередь находит отражение в повышении уровня правового сознания общества и его [общества] правовой культуры. Считаем, что такое понимание правовой реформы конструктивно с учетом его практической направленности, которая проявляется в понимании правовой реформы как специфической формы правотворчества. Но, по мнению А.Г. Семашко, такое понимание правовой реформы не является полным, поскольку «современными теоретиками правовой реформы на первый план выдвигается комплексность, поэтапность, целью которой является создание правового государства, гражданского общества, способствование экономическому развитию страны» [19].

Нам считается интересным взгляд на проблему содержательного наполнения термина «правовая реформа» Ф. М. Сафина, который данную категорию представляет как всеобъемлющую трансформацию подходов и содержания правового регулирования общественных отношений, которая происходит не только в практической плоскости, путем изменения законодательства, но и в доктринальных подходах к его разработке, принятию и правоприменению, в целом [20, с. 81]. И эта позиция находит отображение не только в дальнейших толкованиях теоретиков права, но и в практических комментариях. Так, по мнению Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина правовая реформа – это непрерывный процесс «создания системных предпосылок», направленный на «сближение правовой реальности и конституционного идеала» [21, с. 19] и трансформации России как правового и социального

государства [22, с. 10]. Не менее интересной представляется позиция Р.А. Рябцева, который видит правовую реформу через изменение правосознания граждан и представляет ее как осуществляемое государством системное, целенаправленное изменение как законодательства, так и правосознания, с учетом перспектив реализации создаваемых правовых норм и через содержащую элементы положительного правосознания государственную идеологию [23, с. 14]. Ряд ученых-правоведов рассматривает «правовую реформу» как комплексную категорию, включающую трансформацию правовой системы [24, с. 140], в частности, и всего правового поля [25, с. 149], в целом.

Еще в дореволюционной России юристы рассматривали правовую реформу как прикладную науку, призванную стабилизировать действующее (текущее) законодательство и способствовать разработке более совершенного права (Б. Кистяковский, С. Муромцев, Н. Коркунов, Л. Петражицкий и др.). Современное понимание правовой реформы несколько изменилось, поскольку изменились условия научного познания и практической реализации правовой доктрины. Можно прийти к выводу, что правовая реформа – это способ (либо форма) реализации государственной политики, предусматривающий изменение принципов и основ реализации общественных отношений путем трансформации их нормативно-правового обеспечения.

По нашему мнению, правовая реформа – это многоаспектная и многогранная категория. Ее можно рассматривать и как акт политической воли правящей элиты [26, с. 327], который приводит к сознательной трансформации существующих подходов к созданию/изменению права, в частности, и государства, в целом. Эта деятельность носит всеобъемлющий характер и приводит к изменению сущности государственного управления, трансформации правового сознания общества, следствием чего становится принятие и реализация норм права нового качества, изменяющих сам характер правового регулирования общественных отношений.

Хотя, с другой стороны, можно сказать, что такой подход к пониманию сущности правовой реформы не отвечает собственно реформационным потребностям, поскольку отражает лишь изменение подходов к способу, порядку и механизмам формирования правового массива без изменения сущности самого законодательного подхода к трансформации праворегулирующей и правоприменительной способности нормативно-правовых актов. Однако, это может касаться лишь государств, не стремящихся (и не способных) к правовой трансформации. Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что правовая реформа – это не только изменение установленных в законах основных принципов и целей правового регулирования, но и разработка качественно нового режима правопорядка в обществе.

Список литературы:

1. Скурко Е.В. Правовая реформа: конкурентоспособность законодательства и правовой системы как политическая и экономическая перспектива // Гражданин и право. 2016. № 6. С. 30–37.
2. Петров К.В. Понятия «правовая реформа» и «реформа» в юридической науке // Государство и право. 2020. № 4. С. 156–161.
3. Трофимов В.В. Правовая политика как научная основа правовых реформ // Государство и право. 2010. № 6. С. 101–104.
4. Матчанова З.Ш. Правовые реформы в Российской Федерации: международно-правовое измерение // Научное мнение. 2014. № 5. С. 54–57.
5. Андреева О.А. История российского государства и права как источник современной правовой реформы // История государства и права. 2005. № 5. С. 16–19.
6. Малько А. В. Правовая политика в условиях правовой реформы в современной России // Правовая

- политика России: теория и практика: монография / Афанасьев С.Ф. и др.; Под ред.: Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Издательство Проспект, 2006. С. 54–92.
7. Кулиева А.М. Трансформационные процессы в механизме правового регулирования в условиях цифровизации права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10. № 2. С. 43–56.
8. Скурко Е.В., Миросердова Д.М. Правовая реформа в динамике правовых институтов: некоторые вопросы теории и практики // Гражданин и право. 2018. № 7. С. 3–11.
9. Латыпов Д.А. Реформирование государственной службы в постсоциалистических странах: общее и особенное (сравнительно-политический анализ опыта России и Польши): специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»: дис. ... на соискание ученой степени канд. полит. наук. Уфа, 2007. 168 с.
10. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1999. Т. 2: Панцирь-Ящур. 559 с.
11. Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту: содержащий разные в русском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины СПб. : Тип. Акад. наук, 1803-1806. 3 т. Авт. указан в посвящении. Ч. 3: [От О до Я]. 1806. 1322 стб. // Государственная публичная историческая библиотека России. URL: <http://elibrary.ru/nodes/21440-ch-3-ot-o-do-ya-1806> (дата обращения: 06.05.2024).
12. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт рус. фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний: Т. 1-2. Санкт-Петербург: тип. Имп. акад. наук, 1902-1903. Т. 2. 1903. 831 с.
13. Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля: в 4 т. / под ред. А.И. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб. М.: Товарищество М. О. Вольфа, 1903-1909. Т. 3: П Р. 1907. 893 с.
14. Малый энциклопедический словарь: в 2 т. 2-е изд. СПб.: Брокгауз Ефрон, 1907-1909. Т. 2. Вып. 4: Почва. усов. 1909. 2215 с.
15. Карпец В. И. Реформы и право в России: история и современность. Реформы и право / отв. ред. А. Тихомиров. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006. С. 55–60.
16. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 839 с.
17. Кисс С.В. Характеристика понятия «конституционная модернизация» в условиях государственного строительства России // Уральский Форум конституционалистов: материалы Девятого форума, Екатеринбург, 02–07 октября 2023 года. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2024. С. 82–86.
18. Горобец В.Д. Правовая реформа в Российской Федерации: состояние и перспективы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Российская академия управления. М., 1992. 19 с.
19. Семашко А.Г. Роль религиозных организаций в разработке правовых реформ в России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-religioznyh-organizatsiy-v-razrabotke-pravovyh-reform-v-rossii> (дата обращения: 06.07.2024).
20. Сафин Ф.М. Правовая реформа: проблемы реализации в субъектах Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Башкирский гос. ун-т. Уфа, 2000. 167 с.
21. Концепция Зорькина – Танчева о соотношении современных доктрин верховенства права и правового государства // Законодательство и экономика. 2011. № 10 (330). С. 17–25.
22. Зорькин В.Д. Тезисы о правовой реформе в России // Законодательство и экономика. М., 2004. № 2. С. 4–10.
23. Рябцев Р.А. Современная правовая реформа в России и правосознание (Теоретико-правовые проблемы изменения правосознания граждан): специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореф. дис. ... на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 21 с.
24. Пучков О.А. Методологические аспекты правовой реформы в России // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2012. Вып. 4. С. 140–145.
25. Дорская А.А. Правовые реформы в России: проблемы классификации // Вопросы правоведения. № 3. 2013. С. 147–165.
26. Мякшев А.П. Национальные элиты в позднем СССР (1985–1991 годы): от кризиса межэтнического доверия к развалу единого государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 321–328.

Kiss S.V. Categories of "reform" and "legal reform" in the context of state transformation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 166–172.

The article analyzes the categories of "reform" and "legal reform" in the context of state transformation. The author notes the genesis of the perception of the category "reform": as a negative phenomenon (before the 20th century); as "an innovation or change in the social system" (mid-20th century); as "the need for the development of society and the state" (modern times). It is determined that legal reform is the foundation for reforming the entire society and is expressed not only in improving the quality of legal regulation, but also in

raising the level of legal culture and legal awareness. The analysis of doctrinal studies allowed us to conclude that legal reform can be considered not only as a way of implementing state policy, providing for a change in the principles and foundations of the implementation of social relations by transforming their regulatory framework, but also as a process of implementing a new legal order.

Keywords: legal reform, reform in law, reform, theory of law, legal system.

Spisok literaturey:

1. Skurko E.V. Pravovaya reforma: konkurentosposobnost' zakonodatel'stva i pravovoj sistemy kak politicheskaya i ekonomicheskaya perspektiva // *Grazhdanin i pravo*. 2016. № 6. S. 30–37.
2. Petrov K.V. Ponyatiya «pravovaya reforma» i «reforma» v yuridicheskoy nauke // *Gosudarstvo i pravo*. 2020. № 4. S. 156–161.
3. Trofimov V.V. Pravovaya politika kak nauchnaya osnova pravovykh reform // *Gosudarstvo i pravo*. 2010. № 6. S. 101–104.
4. Matchanova Z.SH. Pravovye reformy v Rossijskoj Federacii: mezhdunarodno-pravovoe izmerenie // *Nauchnoe mnenie*. 2014. № 5. S. 54–57.
5. Andreeva O.A. Istoriya rossijskogo gosudarstva i prava kak istochnik sovremennoj pravovoj reformy // *Istoriya gosudarstva i prava*. 2005. № 5. S. 16–19.
6. Mal'ko A. V. Pravovaya politika v usloviyah pravovoj reformy v sovremennoj Rossii // *Pravovaya politika Rossii: teoriya i praktika: monografiya* / Afanas'ev S.F. i dr.; Pod red.: N.I. Matuzova, A.V. Mal'ko. M.: Izdatel'stvo Prospekt, 2006. S. 54–92.
7. Kulieva A.M. Transformacionnye processy v mekhanizme pravovogo regulirovaniya v usloviyah cifrovizacii prava // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*. 2024. T. 10. № 2. S. 43–56.
8. Skurko E.V., Miloserdova D.M. Pravovaya reforma v dinamike pravovykh institutov: nekotorye voprosy teorii i praktiki // *Grazhdanin i pravo*. 2018. № 7. S. 3–11.
9. Latypov D.A. Reformirovanie gosudarstvennoj sluzhby v postsocialisticheskikh stranah: obshchee i osobennoe (sravnitel'no-politicheskij analiz opyta Rossii i Pol'shi): special'nost' 23.00.02 «Politicheskie instituty, processy i tekhnologii: dis. ... na soiskanie uchenoj stepeni kand. polit. nauk. Ufa, 2007. 168 s.
10. CHernyh P.YA. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t. 3-e izd. M.: Rus. YAz., 1999. T. 2: Pancir'-YAshchur. 559 s.
11. YAnovskij N.M. Novyj slovotolkovatel', raspolzhenij po alfavitu: soderzhashchij raznye v rossijskom yazyke vstrechayushchiesya inostrannye recheniya i tekhnicheskie terminy SPb. : Tip. Akad. nauk, 1803-1806. 3 t. Avt. ukazan v posvyashchenii. CH. 3: [Ot O do YA]. 1806. 1322 stb. // *Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii*. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/21440-ch-3-ot-o-do-ya-1806> (data obrashcheniya: 06.05.2024).
12. Mihel'son M.I. Russkaya mysl' i rech': Svoe i chuzhoe: Opyt rus. frazeologii: Sb. obraznykh slov i inoskazanij: T. 1-2. Sankt-Peterburg: tip. Imp. akad. nauk, 1902-1903. T. 2. 1903. 831 s.
13. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka V. Dalya: v 4 t. / pod red. A.I. Boduena-de-Kurtene. SPb. M.: Tovarishestvo M. O. Vol'fa, 1903-1909. T. 3: P R. 1907. 893 s.
14. Malyj enciklopedicheskij slovar': v 2 t. 2-e izd. SPb.: Brokgauz Efron, 1907-1909. T. 2. Vyp. 4: Pochva. usop. 1909. 2215 s.
15. Karpec V. I. Reformy i pravo v Rossii: istoriya i sovremennost'. Reformy i pravo / otv. red. A. Tihomirov. M.: Izd. dom GU-VSHE, 2006. S. 55–60.
16. Filosofskij enciklopedicheskij slovar' / gl. red. L.F. Il'ichev i dr. M.: Sov. enciklopediya, 1983. 839 c.
17. Kiss S.V. Harakteristika ponyatiya «konstitucionnaya modernizaciya» v usloviyah gosudarstvennogo stroitel'stva Rossii // *Ural'skij Forum konstitucionalistov: materialy Devyatogo foruma, Ekaterinburg, 02–07 oktyabrya 2023 goda. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet im. V.F. YAkovleva, 2024. S. 82–86.*
18. Gorobec V.D. Pravovaya reforma v Rossijskoj Federacii: sostoyanie i perspektivy : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01 / Rossijskaya akademiya upravleniya. M., 1992. 19 s.
19. Semashko A.G. Rol' religioznykh organizacij v razrabotke pravovykh reform v Rossii // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2014. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-religioznykh-organizatsiy-v-razrabotke-pravovykh-reform-v-rossii> (data obrashcheniya: 06.07.2024).
20. Safin F.M. Pravovaya reforma: problemy realizacii v sub'ektah Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01 / Bashkirskij gos. un-t. Ufa, 2000. 167 s.
21. Konceptiya Zor'kina – Tancheva o sootnoshenii sovremennykh doktrin verhovenstva prava i pravovogo gosudarstva // *Zakonodatel'stvo i ekonomika*. 2011. № 10 (330). S. 17–25.
22. Zor'kin V.D. Tezisy o pravovoj reforme v Rossii // *Zakonodatel'stvo i ekonomika*. M., 2004. № 2. S. 4–10.
23. Ryabcev R.A. Sovremennaya pravovaya reforma v Rossii i pravosoznanie (Teoretiko-pravovye problemy izmeneniya pravosoznaniya grazhdan): special'nost' 12.00.01 «Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve»: avtoref. dis. ... na soiskanie uchenoj stepeni kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2005. 21 s.

24. Puchkov O.A. Metodologicheskie aspekty pravovoj reformy v Rossii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo. 2012. Vyp. 4. S. 140–145.
25. Dorskaya A.A. Pravovye reformy v Rossii: problemy klassifikacii // Voprosy pravovedeniya. № 3. 2013. S. 147–165.
26. Myakshev A.P. Nacional'nye elity v pozdnem SSSR (1985–1991 gody): ot krizisa mezhetnicheskogo doveriya k razvalu edinogo gosudarstva // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. T. 17, vyp. 3. S. 321–328.

УДК 342.5

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН

Вичева А. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье установлено, что охрана здоровья граждан – социальная обязанность государства, направленная на сбережение народа. Проведенное исследование показало, что муниципальный уровень публичной власти обеспечивает доступность медицинской помощи в рамках компетенции, очерченной вопросами местного значения, а именно – созданием условий для оказания медицинской помощи населению. Определено, что функции местного самоуправления выступают средством реализации социальной направленности деятельности местного самоуправления. Обосновывается позиция, что органы местного самоуправления, обеспечивая доступность медицинской помощи и создавая условия для ее оказания, осуществляют социально значимую деятельность. Автор приходит к выводу, что полномочия органов местного самоуправления в области охраны здоровья имеют высокое социальное значение, и выступают в качестве социально ориентированных полномочий, от исполнения которых муниципальная власть отказаться не в праве.

Ключевые слова: социальное государство, органы публичной власти, охрана здоровья, медицинская помощь, доступность, органы местного самоуправления, вопросы местного значения, полномочия, функции, создание условий для оказания медицинской помощи населению.

Социальная ориентация государства предусматривает обеспечение гарантий социальной защищенности населения, когда все уровни публичной власти задействованы в регулировании социальной сферы жизнедеятельности общества, гармонизации отношений между государством и человеком, создании условий для формирования социальной справедливости.

Осуществление государством социальной политики, одним из направлений которой, является охрана здоровья населения, создает такое положение для граждан, когда они могут реализовывать свои права и интересы, что в свою очередь способствует не только индивидуальному развитию личности, но и всего государства в целом.

Все указанное, предположительно, влияет на современную политику Российской Федерации, где повышаются социальные стандарты, а социальная направленность органов власти становится приоритетной.

Уяснение нормативных предписаний, содержащихся в статье 7 Конституции Российской Федерации, позволяет сделать вывод, что сущность социального государства в России заключается в «создании условий, обеспечивающих достойную жизнь граждан и свободное развитие человека» [1].

Считается, что при «создании условий» органами публичной власти осуществляется нормативное правовое регулирование, формирование благоприятных предпосылок и обстоятельств [2] для осуществления деятельности или реализации конкретного блага. В исследуемой сфере общественных отношений создаются нормативные акты и благоприятные предпосылки для обеспечения достойной жизни.

Достойная жизнь, по мнению Н.Н. Аверьяновой, Н.В. Тюменевой, С.Е. Якушевой представляет собой «состояние социальной защищенности, выраженное в доступности важнейших социальных благ» [3, с. 29].

И.Н. Николаенко в данном аспекте указывает, что это «жизненный уровень, необходимый для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи» [4, с. 17].

С учетом указанного, становится понятной логика закрепления в части 2 ст. 7 Основного закона России положения, что здоровье людей находится под охраной государства. Создание условий для поддержания здоровья и обеспечение доступности благ, его поддерживающих, как представляется, является непосредственным проявлением обеспечения достойной жизни со стороны государства.

В подтверждение полученного тезиса, следует отметить, что укрепление здоровья граждан, в соответствии с пунктом 32 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [5] является целью государственной политики в сфере сбережения народа, а создание условий для его укрепления, как определено в пункте 29 указанного документа, выступает направлением современной социально-экономической политики России.

Достойный уровень жизни, как отмечает Д.А. Чупилин, обеспечивают и гарантируют социальные права [6, с. 4]. Одним из социальных прав граждан в нашем государстве является, предусмотренное статьей 41 Конституции Российской Федерации, право на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Анализируя, рассмотренные нормативные положения через призму статьи 2 Основного закона России, приходим к выводу, что охрана здоровья граждан – социальная обязанность государства, направленная на сбережение народа.

А.Г. Вишневский к деятельности государства по сбережению народа кроме прочего также относит сохранение и умножение здоровья людей [7, с. 4]. Остановимся на некоторых особенностях исполнения указанной обязанности, направленных на обеспечение стратегического интереса государства.

Следует отметить, что обязанность государства по охране здоровья населения определяется путем ее закрепления в компетенции соответствующего уровня публичной власти.

Так, в соответствии с пунктом «ж» ст. 72 Конституции Российской Федерации «координация вопросов здравоохранения, в том числе обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи» находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Часть 1 ст. 132 Основного закона нашего государства определяет, что органы местного самоуправления «обеспечивают в пределах своей компетенции доступность медицинской помощи».

При этом, современное состояние правового регулирования исследуемой сферы общественных отношений, позволяет обосновывать предположение, что муниципальный уровень публичной власти обеспечивает доступность медицинской помощи в рамках компетенции, очерченной вопросами местного значения, а именно – созданием условий для оказания медицинской помощи населению [8, с. 57]. Как представляется, под созданием условий для оказания медицинской помощи следует понимать реализацию комплекса мер по осуществлению органами местного самоуправления текущей (плановой) деятельности, направленной на обеспечения до-

ступности медицинской помощи населению, в том числе оперативной поддержки субъектам предоставления медицинской помощи, муниципального образования в соответствии с международными правовыми актами, Конституцией Российской Федерации, федеральным законодательством, законодательством субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами.

Анализ указанных положений, позволяет обоснованно считать, что социальная обязанность государства в указанной области общественных отношений реализуется на федеральном, региональном, муниципальном уровне власти, обеспечивая при этом реализацию принципа единства публичной власти в Российской Федерации. Обратим внимание, что органы государственной власти обеспечивают «оказание медицинской помощи», а органы местного самоуправления – «создание условий для оказания медицинской помощи».

Как представляется, такое разграничение предметов ведения обусловлено тем фактом, что только федеральный бюджет и бюджет субъекта Российской Федерации может обеспечить обязательства по непосредственному оказанию медицинской помощи, у муниципального бюджета таких возможностей нет. При этом, статья 41 Конституции Российской Федерации содержит положение, что медицинская помощь может оказываться в муниципальных учреждениях здравоохранения.

Ретроспективный анализ, позволяет сделать вывод, что действительно до 2011 года в Российской Федерации муниципальная власть наравне с государственной обладала полномочиями по оказанию медицинской помощи. Но проведенная реформа, в указанный период, практически повсеместно ликвидировала муниципальную систему здравоохранения в Российской Федерации.

Однако, в действующей редакции Приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации от 6 августа 2013 года № 529н «Об утверждении номенклатуры медицинских организаций» [9] содержится положение, что в муниципальной системе здравоохранения медицинские организации по территориальному признаку могут быть муниципальными.

На современном этапе развития российского государства органы местного самоуправления в пределах полномочий обеспечивают доступность медицинской помощи и создают условия для ее оказания, из чего следует, что они являются субъектами исполнения обязанности по охране здоровья населения.

Социальное значение полномочий органов местного самоуправления, на наш взгляд, закрепляется в Федеральном законе от 6 октября 2003 года №131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее ФЗ № 131) через юридическую конструкцию «вопросы местного значения», которая представляет собой «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых осуществляется населением и органами местного самоуправления самостоятельно» [10].

Следует отметить, что указанный нормативный правовой акт предусматривает большое количество вопросов местного значения без четкого разделения их на группы, например по сферам жизнедеятельности, переводя эту область общественных отношений на уровень научных дискуссий.

Так, проводя классификацию вопросов местного значения, И.И. Тепляков выделяет социальные вопросы местного значения [11, с. 77]. Из чего возможно предположить, что органы местного самоуправления, исполняя социальную обязанность

по охране здоровья, реализуют социальные вопросы местного значения.

Возникает вопрос, является ли деятельность по осуществлению социальных вопросов местного значения «социальной»? И.А. Газиева определяет социальную деятельность как «систему социальных действий, направленных на достижение цели через реализацию соответствующих функциональных задач» [12, с. 24].

Функции местного самоуправления выступают средством реализации социальной направленности деятельности местного самоуправления. По качеству выполнения функций муниципальной власти возможно судить об уровне, степени соответствия (или несоответствия) местного самоуправления своему социальному назначению, эффективности этого вида публичной власти в сфере здравоохранения и области оказания медицинской помощи населению.

Встречается позиция, что значительная часть вопросов местного значения связана с социально значимой деятельностью, которую А.В. Курочкин и Д.И. Файзрахманов определяют как «деятельность ... по обустройству жизненного пространства в пределах поселения и охватывающая сферы, в которых человек организует свое бытие в соответствии со своими потребностями...» [13, с. 115].

Схожее определение указанной деятельности дает Н.В. Реброва, но дополнительно отмечает, что цикл процессов направлен на удовлетворение социально значимой потребности [14, с. 273].

Охрана здоровья и медицинская помощь выступает именно такой значимой потребностью населения муниципального образования. Следует отметить, что медицинская помощь является необходимым базовым социальным благом для любого человека, т.к. от ее наличия зависит качество здоровья населения, которое в свою очередь влияет на уровень и потенциал трудовых ресурсов, способность граждан защитить свое

Отечество, охранять окружающую среду, сберегать культурное наследия, т.е. сделать все то, что характерно свободной развитой в демократическом и социальном плане личности, включая развивать местное самоуправление и иные демократические институты государства.

Органы местного самоуправления должны знать не только состояние здоровья населения, но и проблемные вопросы оказания медицинской помощи, обусловленные спецификой географического, экономического и демографического характера, соответственно данные вопросы должны решаться с привлечением установленных законодательством форм консультативной демократии, а также с использованием новых информационных технологий, активно внедряющихся в систему здравоохранения Российской Федерации.

Именно муниципальный уровень публичной власти в первую очередь задействован в удовлетворении указанных потребностей, т.к. именно на этом уровне обеспечивается доступность медицинской помощи (транспортная, информационно-коммуникационная, территориальная и др.) [8, с. 56].

В соответствии с пунктом 2 Замечаний общего порядка № 19 «Право на социальное обеспечение (статья 9)» Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам [15] «право на социальное обеспечение охватывает право на доступ к благам». Представляется, что органы местного самоуправления, обеспечивая доступность медицинской помощи и создавая условия для ее оказания, осуществляют социально значимую деятельность.

Конституция Российской Федерации, закрепляя полномочия органов местного самоуправления по обеспечению доступности медицинской помощи не определяет вид муниципального образования, в котором это полномочие должно быть реализовано. Представляется, что все виды муниципальных образований реализуют это конституционное полномочие.

Однако, в результате проведенного анализа ФЗ № 131 выяснилось, что существующая двухуровневая система местного самоуправления в Российской Федерации предоставляет возможность исключительно городским, муниципальным округам и муниципальным районам реализовывать вопросы местного значения в области охраны здоровья и оказания медицинской помощи населению.

Только указанные муниципальные образования реализуют вопрос местного значения – создание условий для оказания медицинской помощи населению. Если мы предполагаем, что социальное значение муниципальных органов в области охраны здоровья заключается в возможности осуществлении полномочий по созданию условий для оказания медицинской помощи, тогда представляется возможным сделать вывод, что у органов власти поселений такое социальное значение отсутствует, а следовательно они не задействованы в реализации исследуемой социальной обязанности государства.

В данном контексте также следует упомянуть Закон Республики Крым от 29 декабря 2016 г. «О здравоохранении в Республике Крым». Им, на органы местного самоуправления и муниципалитеты республики возложено:

1) формирование у граждан мотивации для регулярной двигательной активности и занятий физической культурой и спортом и создание необходимых для этого условий;

2) формирование у граждан представлений и знаний о рациональном и полноценном питании и здоровом образе жизни; 3) формирование у граждан мотивации к отказу от злоупотребления алкогольной продукцией и табаком и немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ; 4) формирование у граждан мотивации к своевременному обращению за медицинской помощью;

5) популяризация здорового образа жизни;

6) повышение квалификации специалистов по вопросам профилактики заболеваний и формирования здорового образа жизни;

7) предотвращение возможного распространения заболеваний, в том числе социально значимых заболеваний, заболеваний, представляющих опасность для окружающих, и инфекционных заболеваний, не являющихся социально значимыми, минимизация последствий их распространения;

8) информирование граждан о причинах возникновения заболеваний и условиях, способствующих их распространению;

9) информирование граждан о медицинских организациях, осуществляющих профилактику заболеваний и оказывающих медицинскую помощь;

10) иные необходимые меры по профилактике заболеваний и формированию здорового образа жизни.

Для выполнения этих функций, органы местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в установленные ими сроки и порядке должны ежегодно отчитываться перед населением о результатах реализации мероприятий по профилактике заболеваний и формированию здорового образа жизни, в том числе

посредством размещения соответствующей информации на официальном сайте органа.

В целях осуществления вышеуказанных мер, органы местного самоуправления городских округов и муниципальных районов могут утверждать муниципальные программы. В свою очередь, уполномоченный исполнительный орган Республики Крым в сфере охраны здоровья в установленном им порядке оказывает содействие органам местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в реализации на территориях муниципальных образований мероприятий по профилактике заболеваний и формированию здорового образа жизни, в том числе посредством представления соответствующих данных.

Информирование населения о возможности распространения социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих, на территории муниципального образования, а также об угрозе возникновения и о возникновении эпидемий (ст. 8.2.).

Для своевременного информирования населения о возможности распространения социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих, на территории муниципального образования органы местного самоуправления городских округов и муниципальных районов на основе ежегодных статистических данных доводят до сведения населения муниципального образования следующую информацию:

1) о перечне социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих;

2) о причинах возникновения и условиях распространения социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих, об уровне распространенности таких заболеваний на территории муниципального образования и уровне заболеваемости ими населения муниципального образования;

3) об уровне смертности населения муниципального образования от социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих;

4) о прогнозах возможного распространения социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих, о мерах по предотвращению их возможного распространения и минимизации последствий такого распространения на территории муниципального образования;

5) о медицинских организациях, оказывающих медицинскую помощь гражданам, страдающим социально значимыми заболеваниями и заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, на территории муниципального образования, а также о медицинских организациях, осуществляющих диспансерные осмотры граждан.

В случае угрозы возникновения и о возникновении эпидемий органы местного самоуправления городских округов и муниципальных районов своевременно доводят до сведения населения муниципальных образований достоверную информацию:

1) о симптомах, характере и продолжительности протекания заболеваний, послуживших причиной возникновения эпидемий или угрозы возникновения эпидемий;

2) о причинах возникновения эпидемий и условиях, способствующих их распространению;

3) об эпидемических очагах на территории муниципального образования;

4) о мерах по предотвращению угрозы возникновения эпидемий и ликвидации последствий возникших эпидемий, включая данные о проводимых карантинных мероприятиях, о мерах неспецифической и специфической профилактики заболеваний, послуживших причиной возникновения эпидемии или угрозы возникновения эпидемии;

5) о медицинских организациях, оказывающих медицинскую помощь на территории муниципального образования в условиях возникновения эпидемий, приемах и способах защиты населения от возникших эпидемий.

Органы местного самоуправления городских округов и муниципальных районов обязаны осуществлять информирование населения муниципального образования о возможности распространения социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих, на территории муниципального образования в срок не позднее 30 календарных дней со дня получения соответствующих статистических данных.

Статьей 9 Закона установлены «Государственные гарантии бесплатного оказания гражданам медицинской помощи». К ним, в частности, относятся:

«1. Медицинская помощь на территории Республики Крым оказывается медицинскими организациями и классифицируется по видам, условиям и форме оказания такой помощи, которые устанавливаются федеральным законодательством.

2. Гарантированный объем бесплатного оказания гражданам медицинской помощи устанавливается программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, утверждаемой Правительством Российской Федерации на соответствующий период (далее - программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи), и территориальной программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в Республике Крым, включающей в себя территориальную программу обязательного медицинского страхования, установленную в соответствии с федеральным законодательством об обязательном медицинском страховании.

3. Территориальная программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в Республике Крым разрабатывается в соответствии с Федеральным законом "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации", программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, а также в соответствии с федеральным законодательством об обязательном медицинском страховании.

4. Реализация территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в Республике Крым осуществляется за счет средств бюджета Республики Крым и средств обязательного медицинского страхования. При условии выполнения финансовых нормативов, установленных программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, территориальная программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в Республике Крым может содержать дополнительные виды и условия оказания медицинской помощи, а также дополнительные объемы медицинской помощи, в том числе предусматривающие возможность превышения усредненных показателей, установленных стандартами медицинской помощи.

Важным направлением деятельности также является санитарно-эпидемиологическое благополучие населения Республики Крым (ст. 12), которое обеспечивается путем:

1) разработки, утверждения и реализации государственных программ Республики Крым обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, согласованных с территориальным органом федерального органа исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения;

2) введения и отмены на территории Республики Крым Советом министров Республики Крым ограничительных мероприятий (карантина) на основании предложений, предписаний главного государственного санитарного врача Республики Крым и его заместителей;

3) осуществления санитарно-гигиенического просвещения населения Республики Крым.

Что же касается прав несовершеннолетних в сфере охраны здоровья, то предусмотрено, что:

«1. В сфере охраны здоровья несовершеннолетние имеют права, установленные федеральным законодательством и законодательством Республики Крым.

2. Несовершеннолетние имеют право на прохождение медицинских осмотров, в том числе профилактических медицинских осмотров, в связи с занятиями физической культурой и спортом, прохождение диспансеризации, диспансерного наблюдения, медицинской реабилитации, оказание медицинской помощи, в том числе в период обучения и воспитания в образовательных организациях, в порядке, установленном уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, и на условиях, установленных уполномоченным исполнительным органом Республики Крым в сфере охраны здоровья.

3. Порядок и условия проведения медицинской консультации без взимания платы при определении профессиональной пригодности несовершеннолетних устанавливаются уполномоченным исполнительным органом Республики Крым в сфере охраны здоровья в соответствии с федеральным законодательством и законодательством Республики Крым.

4. Дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, и дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации, до достижения ими возраста четырех лет включительно могут содержаться в медицинских организациях государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения в порядке, установленном уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, и на условиях, установленных уполномоченным исполнительным органом Республики Крым в сфере охраны здоровья [].

В тоже время, по нашему мнению, не смотря на указанные и рассмотренные нормативные акты, дискуссионным становится предположение, что все органы местного самоуправления обладают конституционными полномочиями по обеспечению доступности медицинской помощи.

В завершение следует отметить, что социальное значение полномочий органов местного самоуправления в области создания условий для оказания медицинской помощи населению заключается в том, что муниципальные образования, с одной стороны реализуют полномочия в области здравоохранения, имеющие государ-

ственно-правовую природу, и соответственно имеющую государственную значимость, а с другой стороны, социальное значение исследуемых полномочий состоит в том, что местное самоуправление по своей правовой природе призвано обеспечивать важные социальные функции и задачи: здравоохранение, обеспечение населения товарами и услугами, решение иных важных для граждан вопросов.

Поэтому полномочия местных органов в области охраны здоровья граждан имеют высокое социальное значение, и выступают в качестве социально ориентированных полномочий, от исполнения которых муниципальная власть отказаться не в праве.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФЗК, от регулирования 14.03.2020 №1-ФЗК) // Российская газета. 2020. № 144.
2. Вопросы местного значения, права органов местного самоуправления URL: <http://komitet4.km.duma.gov.ru/Voprosy-i-otvety/Federalnyj-zakon-ot-6-oktyabrya-2003-god/Vopros/Voprosy-mestnogo-znacheniya-stati-14-16-/item/16596141/> (дата обращения 25.06.2024).
3. Аверьянова Н. Н., Тюменева Н. В., Якушева С. Е. Конституционно-правовое содержание категории «достойная жизнь человека» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 29-35.
4. Николаенко И.Н. Социально-правовое государство и право человека на достойное существование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2008. – 23 с.
5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. № 27 (часть II) ст. 5351
6. Чупилин Д. А. Социальные споры в цивилистическом процессе: к проблеме понятия // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 8. С. 3-8.
7. Вишневский А.Г. Сбережение народа или депопуляция России? докл. к XI Междунар. науч. конф. Государственного университета - Высшей школы экономики по проблемам развития экономики и общества, Москва, 6-8 апреля 2010 г. / А. Г. Вишневский; Гос. ун-т - Высшая школа экономики. - М. : Изд. дом Государственного университета - Высшей школы экономики, 2010 - 82 с.
8. Вичева А.А. Обеспечение доступности медицинской помощи как новый уровень конституционных полномочий органов местного самоуправления в России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки №1. 2022. С.54-61.
9. Об утверждении номенклатуры медицинских организаций: Приказ Министерства здравоохранения РФ от 6 августа 2013 г. № 529н // Российская газета от 7 октября 2013 г. № 224.
10. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2003. №40. Ст.3822.
11. Тепляков И.И. Вопросы местного значения как предмет ведения органов местного самоуправления: история, теория, практика: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Игорь Игоревич Тепляков. – Казань, 2019. – 226 с.
12. Газиева И.А. Структура социальной деятельности и социальная эффективность // Вестник ВятГУ. 2009. № 4. С.23-28.
13. Курочкин А.В., Файзрахманов Д.И. О содержании социальной функции органов местного самоуправления // Социально-политические науки. 2015. №4. С. 113-117.
14. Реброва Н.В. Сущность понятия «социально значимая деятельность» и ее роль в современном обществе // Научный альманах. 2016. № 3-2 (17). С. 273-275.
15. Перечень замечаний общего порядка (общих рекомендаций), принятых международными договорными органами ООН, действующими в сфере защиты прав и свобод человека, и касающихся толкования отдельных положений международных договоров Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/documents/international_practice/33013/ (дата обращения 25.06.2024).

16. ЗАКОН РЕСПУБЛИКИ КРЫМ от 29 декабря 2016 года N 341-ЗПК/2016 О здравоохранении в Республике Крым (с изменениями на 27 декабря 2023 года). - URL: [О здравоохранении в Республике Крым от 29 декабря 2016 - docs.cntd.ru](https://docs.cntd.ru/О_здравоохранении_в_Республике_Крым_от_29_декабря_2016)

Vicheva A. A. On the issue of the social significance of the powers of local governments in the field of public health protection // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 173-183.

The article establishes that protecting the health of citizens is a social obligation of the state aimed at saving the people. The conducted research has shown that the municipal level of public authority ensures the availability of medical care within the competence outlined by issues of local importance, namely, the creation of conditions for the provision of medical care to the population. It is determined that the functions of local self-government act as a means of implementing the social orientation of the activities of local self-government. The position is substantiated that local governments, ensuring the availability of medical care and creating conditions for its provision, carry out socially significant activities. The author comes to the conclusion that the powers of local governments in the field of health protection are of high social importance, and act as socially oriented powers, from which the municipal government has no right to refuse.

Keywords: welfare state, public authorities, health protection, medical care, accessibility, local governments, issues of local importance, powers, functions, creation of conditions for the provision of medical care to the population.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii. Prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FZK, ot regulirovaniya 14.03.2020 №1-FZK) // Rossijskaya gazeta. 2020. № 144.
2. Voprosy mestnogo znacheniya, prava organov mestnogo samoupravleniya URL: <http://komitet4.km.duma.gov.ru/Voprosy-i-otvety/Federalnyj-zakon-ot-6-oktyabrya-2003-god/Vopros/Voprosy-mestnogo-znacheniya-stati-14-16-/item/16596141/> (data obrashcheniya 25.06.2024).
3. Averk'yanova N. N., Tyumeneva N. V., Yakusheva S. E. Konstitucionno-pravovoe sodержanie kategorii «dostojnaya zhizn' cheloveka» // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 3 (97). S. 29-35.
4. Nikolaenko I.N. Social'no-pravovoe gosudarstvo i pravo cheloveka na dostojnoe sushchestvovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. - M., 2008. – 23 s.
5. O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii Ukaz Prezidenta RF ot 2 iyulya 2021 g. № 400 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 5 iyulya 2021 g. № 27 (chast' II) st. 5351
6. Chupilin D. A. Social'nye spory v civilisticheskom processe: k probleme ponyatiya // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2020. № 8. S. 3-8.
7. Vishnevskij A.G. Sberezhenie naroda ili depopulyaciya Rossii? dokl. k XI Mezhdunar. nauch. konf. Gosudarstvennogo universiteta - Vysshej shkoly ekonomiki po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 6-8 aprelya 2010 g. / A. G. Vishnevskij ; Gos. un-t - Vysshaya shkola ekonomiki. - M. : Izd. dom Gosudarstvennogo universiteta - Vysshej shkoly ekonomiki, 2010 - 82 s.
8. Vicheva A.A. Obespechenie dostupnosti medicinskoj pomoshchi kak novyj uroven' konstitucionnyh polnomochij organov mestnogo samoupravleniya v Rossii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki №1. 2022. S.54-61.
9. Ob utverzhdenii nomenklatury medicinskih organizacij: Prikaz Ministerstva zdavoohraneniya RF ot 6 avgusta 2013 g. № 529n // Rossijskaya gazeta ot 7 oktyabrya 2013 g. № 224.
10. Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 6 oktyabrya 2003 g. № 131-FZ // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2003. №40. St.3822.
11. Teplyakov I.I. Voprosy mestnogo znacheniya kak predmet vedeniya organov mestnogo samoupravleniya: istoriya, teoriya, praktika: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.02 / Igor' Igorevich Teplyakov. – Kazan', 2019. – 226 s.
12. Gazieva I.A. Struktura social'noj deyatel'nosti i social'naya effektivnost' // Vestnik VyatGU. 2009. № 4. S.23-28.
13. Kurochkin A.V., Fajzrahmanov D.I. O sodержanii social'noj funkcii organov mestnogo samoupravleniya // Social'no-politicheskie nauki. 2015. №4. S. 113-117.
14. Rebrova N.V. Sushchnost' ponyatiya «social'no znachimaya deyatel'nost'» i ee rol' v sovremennom ob-

shchestve // Nauchnyj al'manah. 2016. № 3-2 (17). S. 273-275.

15. Perechen' zamechanij obshchego poryadka (obshchih rekomendacij), prinyatyh mezhdunarodnymi dogovornymi organami OON, dejstvuyushchimi v sfere zashchity prav i svobod cheloveka, i kasayushchihsya tolkovaniya otдел'nyh polozhenij mezhdunarodnyh dogovorov Rossijskoj Federacii. URL: https://www.vsrif.ru/documents/international_practice/33013/ (data obrashcheniya 25.06.2024).

16. ZAKON RESPUBLIKI KRYM ot 29 dekabrya 2016 goda N 341-ZRK/2016 O zdravooohranenii v Respublike Krym (s izmeneniyami na 27 dekabrya 2023 goda). - URL: O zdravooohranenii v Respublike Krym ot 29 dekabrya 2016 - docs.cntd.ru.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 184–190.

УДК 342.56

**ИНСТИТУТ АРБИТРАЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ
ПО РАССМОТРЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ
И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ, ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ
ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Филонов А. В.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

Данная статья посвящена институту арбитражных заседателей, который может применяться в арбитражном судопроизводстве современной России. Дан анализ развития, выделены положительные и отрицательные стороны, показано современное состояние данного института. Показан порядок формирования института арбитражных заседателей, условия участия арбитражных заседателей в процессе, их правовой статус и объем полномочий. Показаны статистические данные участия арбитражных заседателей в арбитражном процессе за последние годы. Автором в данной статье проведен анализ причин сокращения применения данного института в арбитражном судопроизводстве за последнее десятилетие. Кроме того, предложены возможные пути оптимизации деятельности данного института на современном этапе развития арбитражного судопроизводства в Российской Федерации, которые по мнению автора помогут усилить роль и значение данного института при рассмотрении экономических споров, и создадут благоприятные условия для дальнейшего функционирования и развития данного института, его применения в арбитражном процессе. А его практическая значимость не вызывает сомнений, так как применение данного института в ходе судебного процесса позволяет реализовывать на практике конституционный принцип участия представителей народа в отправлении правосудия.

Ключевые слова: арбитражные заседатели, арбитражный процесс, арбитражное судопроизводство, организация судебной деятельности, правовой статус, совершенствование, оптимизация, гражданское общество, правовое государство.

Совершенствование системы судебной защиты прав и свобод граждан, интересов физических и юридических лиц непосредственно связано с внедрением в отечественное судопроизводство элементов непосредственной демократии, связанное с участием представителей народа в арбитражном и уголовном судопроизводстве в качестве соответственно арбитражных и присяжных заседателей.

Данная форма отправления правосудия с участием представителей народа предусмотрена непосредственно Конституцией Российской Федерации 1993 г., а именно ч. 5. ст. 32 [1], и является по сути связующим звеном между обществом и судебной властью, способом общественно-социального контроля судебной системы. Исходя из данного конституционного принципа, ст. 19 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации 2002 г. предусматривает возможность использования института арбитражных заседателей в ходе арбитражного процесса. Исходя из содержания ст. 19 данного кодекса, арбитражные заседатели привлекаются к участию в процессе по ходатайству одной из сторон (причем, эта сторона должна убедить суд в необходимости участия в данном процессе заседателей как специалистов в рассматриваемом вопросе, и, кроме того, с тем, чтобы на процессе участвовали заседатели должен согласиться судья как председательствующий на процессе).

Проблемным вопросам применения института арбитражных заседателей посвятили свои научные труды такие исследователи, как: Клеандров М.И. [6-7], Малешин Д. Я. [8], Нарутто С.В., Смирнова В.А. [9], Никитина А.Н. [10], Приходько И.А. [11], Хренов А.В. [14], Чикулаев Р.В. [15], Яковлев В. Ф. [18] и др.

В диссертационных работах, учебных изданиях и научных публикациях сформу-

лированы базовые положения теории участия представителей народа в судопроизводстве, изучены отдельные аспекты генезиса этой формы в контексте рассмотрения уголовных и арбитражных дел, раскрыта специфика формирования и деятельности института судебных заседателей в отдельных регионах России, выявлены организационные и процессуальные особенности их работы, уточнена роль суда при участии арбитражных заседателей как социального института и др.

Сегодня к актуальным направлениям научного поиска можно относить изучение состояния института арбитражных заседателей в условиях происходящей в России трансформации социума, дополнительное аргументирование предложений для разрешения основных проблем теории и практики его функционирования, в том числе, с использованием исторического опыта, критического анализа действующего законодательства и правоприменительной практики.

Основным нормативно-правовым актом, определяющим правовое положение арбитражных заседателей, является Федеральный закон «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» от 30.05.2001 №70-ФЗ [2].

На основании указанного нормативного акта арбитражными заседателями арбитражных судов субъектов РФ являются граждане РФ, наделенные в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, полномочиями по осуществлению правосудия при рассмотрении арбитражными судами субъектов РФ в первой инстанции подведомственных им дел, возникающих из гражданских правоотношений.

Арбитражные заседатели привлекаются к рассмотрению дел по ходатайству одной из сторон. Заинтересованная сторона должна убедить суд в необходимости участия в данном процессе арбитражных заседателей как специалистов в рассматриваемом вопросе. С этим мнением должен согласиться и сам судья, который будет председательствующим в ходе этого процесса. Указанное ходатайство должно быть заявлено до начала рассмотрения дела по существу, как минимум за месяц. Состав арбитражного суда при участии арбитражных заседателей состоит из судьи и заседателей. Как правило, на одного судью приходится два арбитражных заседателя. При осуществлении правосудия они пользуются правами судьи и несут обязанности судьи. Особенность такого процесса заключается в том, что голос арбитражного заседателя равнозначен голосу судьи, все вопросы на таком процессе разрешаются коллегиально, и коллегиально принимаются решения. Это означает, что если два арбитражных заседателя проголосуют за решение, с которым не согласен судья-председательствующий на данном процессе, то итоговое решение будет принято то, за которое проголосуют заседатели, а не судья. Арбитражные заседатели, участвующие в осуществлении правосудия, являются независимыми, как и судья, и подчиняются только Конституции РФ и закону.

Согласно ст. 2 данного закона арбитражными заседателями могут быть граждане, достигшие 25 лет, но не старше 70 лет, с безупречной репутацией, имеющие высшее профессиональное образование и стаж работы в сфере экономической, финансовой, юридической, управленческой или предпринимательской деятельности не менее пяти лет.

Арбитражные заседатели одновременно не могут занимать как государственные, так и муниципальные должности, в том числе занимать должность судьи, проходить службу в правоохранительных органах, заниматься адвокатской деятельностью, быть военнослужащим вооруженных сил РФ и т. д.

В соответствии с законом «Об арбитражных заседателях», в каждом арбитражном суде субъекта РФ составляются списки арбитражных заседателей, которые направляются в Верховный Суд РФ и утверждаются Пленумом Верховного Суда. Кандидатуры арбитражных заседателей предлагаются торгово-промышленными палатами, ассоциациями и объединениями предпринимателей, иными общественными и профессиональными объединениями.

Списки арбитражных заседателей публикуются в Бюллетени Верховного Суда РФ и в СМИ.

Согласно ст. 4 закона, арбитражный заседатель осуществляет свои полномочия в течение двух лет. Полномочия арбитражного заседателя прекращаются в последний день месяца, в котором истекает срок его полномочий. В случае, если рассмотрение дела, начатого с участием арбитражного заседателя, к моменту истечения срока его полномочий не окончено, арбитражный заседатель продолжает осуществлять свои полномочия до окончания рассмотрения дела по существу. По истечении срока полномочий арбитражный заседатель может быть включен в список арбитражных заседателей повторно.

Полномочия арбитражных заседателей могут быть приостановлены или прекращены, данные причины перечисляются в статье пять данного закона.

Правовой статус арбитражных заседателей действует весь срок, на который избран в качестве такового арбитражный заседатель, то есть на два года. Тогда, как присяжный заседатель пользуется особым статусом только на время участия его в уголовном процессе в качестве присяжного. В другое время, несмотря на то, что он находится в списке присяжных, он имеет такой же статус, как и обычные граждане.

Арбитражные заседатели привлекаются к рассмотрению дел в арбитражных судах первой инстанции по ходатайству стороны в связи с особой сложностью дела и (или) необходимостью использования специальных знаний, арбитражных заседателей для принятия объективного решения и недопущения ошибочного решения со стороны суда. Ходатайство должно быть заявлено не позднее чем за один месяц до начала судебного разбирательства [3].

Чтобы исключить какие-либо возможные коррупционные схемы, арбитражные заседатели после инициативы стороны избираются с помощью случайной выборки среди специалистов в этой области, которые находятся в данном списке.

Арбитражным судом субъекта Российской Федерации из средств федерального бюджета заседателям выплачивается компенсационное вознаграждение в размере одной четвертой должностного оклада судьи, которое рассчитывается пропорционально количеству дней его участия в осуществлении правосудия, но не менее пятикратного размера минимальной оплаты труда, установленного законодательством.

За арбитражным заседателем в период осуществления им правосудия сохраняется средний заработок по основному месту работы, а также гарантии и льготы, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Время исполнения арбитражным заседателем полномочий по осуществлению правосудия учитывается при исчислении ему всех видов трудового стажа [4 с.213].

С целью усовершенствования института арбитражных заседателей был принят Федеральный закон от 27 июля 2010 г. №228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации».

Но не смотря на все демократические признаки, которые присущи институту арбитражных заседателей, на ту положительную роль, которую могут сыграть заседатели как специалисты в той или иной области в ходе процесса, применение данного института на практике постепенно сокращается в отличие от института присяжных заседателей.

Так, если в 2010 г. с участием института арбитражных заседателей рассматривалось 4119 дел, то уже в 2012-159, а в 2014 году-14, в 2017 г. -2. В 2022 и 2023 годах данный институт вообще не был востребован [5].

Данная ситуация, сложившаяся вокруг применения института арбитражных заседателей, имеет целый ряд объяснений:

- Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации дает возможность применения данного института только по определенным категориям дел. И если при рассмотрении гражданских споров их участие возможно, то при рассмотрении дел, возникающих из административных правоотношений, привлечь арбитражных заседателей к рассмотрению таких дел невозможно. Привлекаться они могут только по спорам, возникающим из гражданских правоотношений. Дела, возникающие из публичных правоотношений, отнесенные к подведомственности арбитражных судов, не рассматриваются с их участием;

- заседатели, находящиеся в списке, не всегда являются востребованными специалистами в той или иной области экономики, в которых бы были заинтересованы как стороны спора, так и арбитражные суды в целом, т. е. наблюдается некоторая невостребованность института арбитражных заседателей сторонами на процессе;

- для того, чтобы стороны спора не могли влиять на арбитражных заседателей и чтобы сами арбитражные заседатели не имели личной заинтересованности при рассмотрении конкретного дела, согласно ст. 19 Административного процессуального кодекса РФ, отбор кандидатур арбитражных заседателей осуществляется путем случайной выборки с использованием автоматизированной информационной системы, а значит, в этом случае выбор может пасть на то лицо, которое не является значимым специалистом именно в этой области. А значит, привлечение арбитражных заседателей в этом случае может оказаться просто бессмысленным;

- не всегда внутри списка арбитражные заседатели распределены четко и правильно по специализациям;

- для того, чтобы арбитражные заседатели были привлечены к участию в судебном процессе, необходима убедительная аргументация со стороны заинтересованного субъекта, участвующего в споре, а также согласие судьи, председательствующего на процессе. При этом, четко определенных критериев аргументации для сторон, как и для судей, не существует на сегодняшний день;

- при определении списков арбитражных заседателей не всегда представители торгово-промышленных палат, ассоциаций и объединений предпринимателей относятся заинтересовано к этому вопросу, и зачастую проявляют в некоторой степени формализм.

И все-таки, необходимо подчеркнуть тот факт, что данный институт, на наш взгляд, несомненно позволяет реализовать на практике один из конституционных принципов, каким является провозглашенный в Конституции РФ 1993 г. принцип участия граждан РФ в отправлении правосудия (ч.5 ст.32 Конституции РФ). При этом, если процент применения института присяжных заседателей растет из года в

год, то применение института арбитражных заседателей, наоборот, сокращается. Это подтверждает тот факт, что есть объективные и субъективные факторы, влияющие негативно на работу данного института. В связи с выше сказанным, можно задать вопрос: «А нужен ли вообще данный институт в арбитражном судопроизводстве?» Этот вопрос на сегодняшний день остается дискуссионным. Но, несмотря на это, по нашему мнению, данный институт при определенных условиях может быть востребованным и важным в случае рассмотрения сложных неординарных дел. Но для этого необходимо оптимизировать работу данного института. Что позволило бы поднять его эффективность и значимость, авторитет среди населения, чтобы сами арбитражные заседатели воспринимали бы свои обязанности не как тяжелое бремене, а наоборот, как почетное право гражданина осуществлять правосудие от лица народа. Для оптимизации и улучшения работы данного института, на наш взгляд, было бы целесообразным внести следующие изменения в законодательство и работу арбитражных заседателей:

- снять какие-либо ограничения на категории дел, по которым можно применять институт заседателей;

- в нормативно-правовых актах четко прописать те критерии, которые бы позволяли отнести то или иное дело в число особо сложных, а значит требующих при их рассмотрении обязательного привлечения института арбитражных заседателей;

- прописать в законах четко те категории дел, которые должны будут рассматриваться исключительно с участием арбитражных заседателей;

- необходимо в списке арбитражных заседателей четко перераспределять их по группам в соответствии с их специализацией на основе того, специалистами в какой области экономики они являются (например, специалист в банковском деле, в области финансов и т. д.);

- необходимо внести изменения в нормативные акты, которые регулируют вопросы порядка и способа формирования списка арбитражных заседателей (так как иногда в эти списки бесконтрольно попадают лица, которые вряд ли будут востребованы судом и сторонами спора в силу их слабой подготовленности как специалистов, что, несомненно, понижает значимость и уровень доверия к данному институту);

- разработать меры ответственности в случае, если заседатель не является на судебные заседания, что приводит к безосновательному затягиванию судебного процесса в силу безответственного поведения арбитражного заседателя, и наоборот, предложить меры дополнительного поощрения, если гражданин добросовестно и ответственно выполнил обязанности как арбитражный заседатель;

- разъяснять заинтересованным гражданам в чем преимущество и значение применения данного института в ходе судебного процесса.

Таким образом, на наш взгляд, дальнейшее развитие и применение института арбитражных заседателей является важным этапом в усилении эффективности работы и повышении уровня доверия населения к работе арбитражных судов, так как арбитражные заседатели, как представители народа, во многом выполняют функцию посредников или связующего звена между обществом и судебной ветвью власти.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации 1993 года ч.5 ст.32.
2. Федеральный закон «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» от 30.05.2001 года №70-ФЗ.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации 2002 года ст.19.

4. Судоустройство и правоохранительные органы: учебник для бакалавров (отв. ред. Ю. К. Орлов. - 2-е изд., перераб. и доп.-Москва: Проспект, 2018. – 335 с.
5. Колесникова, Е. О. Значение института арбитражных заседателей в российском арбитражном судопроизводстве / Е. О. Колесникова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 52 (499). – С. 262-265. – URL : <https://moluch.ru/archive/499/109744/> (дата обращения: 31.07.2024).
6. Клеандров М. И. Арбитражные суды Российской Федерации. Учебное пособие / М. И. Клеандров. – М.: юристь, 2001. – 191 с.
7. Клеандров М. И. Экономическое правосудие России: Прошлое, настоящее, будущее / М. И. Клеандров. Институт государства и права РАН. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 600 с.
8. Малешин Д. Я. Гражданская процессуальная система России / Д. Я. Малешин. – М.: Статут, 2011. – 494 с. // СПС «КонсультантПлюс».
9. Нарутто С. В., Смирнова В. А. Присяжные и арбитражные заседатели: теория и практика: монография / С. В. Нарутто, В. А. Смирнова. – М.: Проспект, ТК Велби, 2008. – 208 с.
10. Никитина А. Н. Участие в судопроизводстве арбитражных заседателей / А. Н. Никитина // Арбитражная практика. – М.: изд. дом «Арбитражная практика». – 2004. – №1. – С. 56-58.
11. Приходько И. А. Заявление ходатайства о рассмотрении дела с участием арбитражных заседателей: изменения в АПК РФ / И. А. Приходько // Арбитражная практика. – 2010. – №2. – С. 17-21.
12. Скутин А. Ф. Временная остановка арбитражного процесса (вопросы теории и практики): монография / А. Ф. Скутин. – М.: Проспект, 2014 // СПС «Консультант Плюс».
13. Ходыкин Р. М. Арбитражные заседатели: признак зрелости общества или чужеродный элемент в российском арбитражном процессе? / Р. М. Ходыкин // Вестник ВАС РФ. – 2012. – №8 – С. 30–49 // СПС «Консультант Плюс».
14. Хренов А. В. Об арбитражных заседателях / А. В. Хренов // Закон: Апрель. – 2009. – №4. – С. 123-126.
15. Чиклаев Р. В. Опыт участия арбитражных заседателей в рассмотрении дел, связанных с ценными бумагами / Р. В. Чиклаев // Арбитражный и гражданский процесс. – М.: Юрист. – 2010. – №10. – С. 20-24.
16. Шерстюк А. Ф. Производство в арбитражном суде первой инстанции: Учебное пособие / В. М. Шерстюк. – М.: Проспект, 2014. – 384 с.
17. Юридическая энциклопедия. Издание 6-е, дополнительное и переработанное / Под ред. М. Ю. Тихомирова. М. – 2010. – 1088 с.
18. Яковлев В. Ф. Экономические споры в современной России и механизмы их разрешения / В. Ф. Яковлев // Закон. – Москва. – 2009. – №5. – С. 109-115.

Filonov A. B. The institute of arbitration assessors in the judicial process on consideration of economic disputes: positive and negative sides, possible ways of optimisation of its activity // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 3. – P. 184–190.

This article is devoted to the institute of arbitration assessors, which can be applied in arbitration proceedings in modern Russia. It analyses the development, highlights the positive and negative sides, shows the current state of this institution. The order of formation of the institute of arbitration assessors, conditions of participation of arbitration assessors in the process, their legal status and scope of powers are shown. Statistical data of participation of arbitration assessors in the arbitration process in recent years are shown. The author in this article analysed the reasons for the reduction of the application of this institute in arbitration proceedings over the last decade. In addition, the author suggests possible ways to optimise the activity of this institution at the present stage of development of arbitration proceedings in the Russian Federation, which in the author's opinion will help to strengthen the role and importance of this institution in the consideration of economic disputes, and will create favourable conditions for further functioning and development of this institution, its application in arbitration proceedings. And its practical significance does not cause doubts, as the application of this institute in the course of judicial process allows to realise in practice the constitutional principle of participation of representatives of the people in the administration of justice.

Key words: arbitration assessors, arbitration process, organization of judicial activity, legal status, improvement, optimization, civil society, rule of law.

Spisok literatury:

1. The Constitution of the Russian Federation of 1993, part 5 of Article 32.
2. Federal Law No. 70-FZ dated 30.05.2001 on Arbitration Assessors of Arbitration Courts of the Subjects of the Russian Federation.
3. The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 2002, art. 19.
4. Judicial system and law enforcement agencies: a textbook for bachelors (ed. by Yu. K. Orlov.-2nd ed., reprint, and add.-Moscow: Prospekt, 2018. – 335 p.
5. Kolesnikova, E. O. The importance of the institute of arbitration assessors in Russian arbitration proceedings / E. O. Kolesnikova. – Text : direct // Young scientist. – 2023. – № 52 (499). – Pp. 262-265. – URL :

<https://moluch.ru/archive/499/109744/> (date of application: 07/31/2024).

6. Kleandrov M. I. Arbitration courts of the Russian Federation. Textbook / M. I. Kleandrov. – M.: yurist, 2001. – 191 p.
7. Kleandrov M. I. Economic justice of Russia: Past, present, future / M. I. Kleandrov; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – M.: Walters Kluwer, 2006. – 600 p.
8. Maleshin D. Ya. The civil procedural system of Russia / D. Ya. Maleshin. – M.: Statute, 2011. – 494 p. //SPS "ConsultantPlus".
9. Naruto S. V., Smirnova V. A. Jury trial and arbitration: theory and practice: monograph / C. V. Naruto, V. A. Smirnova. - M.: Prospect, Tk Welby, 2008. – 208 PP.
10. Nikitina A. N. Participation in the proceedings of arbitration assessors / A. N. Nikitina // Arbitration practice. – M.: ed. The house of Arbitration Practice. – 2004. – No. 1. – Pp. 56-58.
11. Prikhodko I. A. Application for consideration of a case with the participation of arbitration assessors: changes in the Agro-industrial Complex of the Russian Federation / I. A. Prikhodko // Arbitration practice. - 2010. – No. 2, – Pp. 17-21.
12. Skutin A. F. Temporary suspension of the arbitration process (issues of theory and practice): monograph /A. F. Skutin. – M.: Prospect, 2014 // SPS "Consultant Plus".
13. Khodykin R. M. Arbitration assessors: a sign of the maturity of society or an alien element in the Russian arbitration process? / R. M. Khodykin // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2012. – No.8 – pp. 30-49 // SPS "Consultant Plus".
14. Khrenov A. V. On arbitration assessors / A. V. Khrenov // Law: April. – 2009. – No. 4. – Pp. 123-126.
15. Chikulaev R. V. The experience of participation of arbitration assessors in the consideration of cases related to securities / R. V. Chikulaev // Arbitration and civil procedure. – M.: Lawyer. – 2010. – No. 10. – Pp. 20-24.
16. Sherstyuk A. F. Proceedings in the arbitration court of the first instance: Textbook / V. M. Sherstyuk. – M.: Prospect, 2014. – 384 p.
17. The Legal Encyclopedia. 6th edition, additional and revised / Edited by M. Yu. Tikhomirov. M. – 2010. – 1088 p.
18. Yakovlev V. F. Economic disputes in modern Russia and the mechanisms of their resolution / V. F. Yakovlev // Law. – Moscow. – 2009. - No. 5. – Pp. 109-115.

УДК 342.7

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОБЩЕСТВЕ ВО ВЗГЛЯДАХ РЕШИДА МЕДИЕВА

Хаяли Б. Р.

В статье анализируются политико-правовые взгляды Решид Медиевича Медиева на роль государства и местного самоуправления в обеспечении социальной справедливости на основе культурно-национальной автономии в конституционном государстве, в котором существует принцип разделения властей. Сделан вывод, что политико-правовая доктрина эволюционного развития общества Р. М. Медиева была прогрессивной и в значительной степени совпадала с программными документами партий социалистов революционеров, социалистов народников и Партии Народной Свободы. Вместе с тем политико-правовые взгляды Р. М. Медиева учитывали национальные особенности народов Российского государства. общественный прогресс, по мнению Р. М. Медиева, возможен в рамках конституционного государства, на основе принципа разделения властей, повышения роли органов местного самоуправления, создания национально-культурной автономии, способных решать социальные проблемы, обеспечить правовую защиту различных слоев населения.

Ключевые слова: Решид Медиевич Медиев, конституционное государство, местное самоуправление, культурно-национальная автономия.

Модернизация промышленности и сельского хозяйства в России во второй половине XIX–начале XX ст., с одной стороны, способствовала формированию новых общественных отношений, с другой стороны, существенно обострила социальные противоречия в обществе. В исследуемый период происходит переход крымских татар от культурно-просветительской деятельности к политической, направленной на реализацию культурно-национальной автономии в правовом поле Российского государства.

В связи с этим актуальным является изучение политико-правовых взглядов Решид Медиевича Медиева, который был убежден в том, что роль государства и местного самоуправления в решении острых социальных проблем, в обеспечении социальной справедливости является решающей, основанной на принципах равенства наций и признание права наций на самоопределение. Важно отметить, что Р. М. Медиев к этому времени прошел серьезную школу общественной и просветительской деятельности, истоками которой был джадидизм [1, с. 94].

Как считал Р. М. Медиев роль государства и местного самоуправления в обеспечении социальной справедливости возможно в формате культурно-национальной автономии. В связи с этим он развивает положения программы ПСР о федеративном устройстве Российского государства и введение культурно-национальной автономии для национальных меньшинств [2, с. 26–27]. Его взгляды были созвучны теоретическим положениям лидера партии В. М. Чернова, который на третьем съезде поддержал идею территориальной и экстерриториальной автономии [3, с. 378].

Программные документы Партии Народной Свободы, несмотря на то, что в них отсутствовал популярный лозунг о праве наций на самоопределение, но закреплялся принцип равноправия народов, как и программные документы «Трудовой группы», признававшей право народов на самоопределение, также послужили теоретической

основой концепции Р. М. Медиева [4, с. 29].

Р. М. Медиев считал, что государственным институтам принадлежит решающая роль в решении социальных проблем общества, особенно рабочих и крестьян. Но в отличие от идеологии трудовой народно-социалистической партии и журнала «Русское богатство», считавших, что путем просвещения и образования народных масс необходимо воспитывать в них неприятие общественного и государственного устройства России, призывать их к протесту и действиям по отстаиванию своих прав и свобод, а также оказывать воздействие непосредственно на власть с тем, чтобы она пришла к выводам о необходимости государственного преобразования [5, с. 33], Р. М. Медиев и в теории и на практике придерживался эволюционных идей преобразования общества, путем открытия школ для взрослых, благотворительных обществ, издания брошюр, просвещающих население. В отношении русского мусульманства он считал, что просвещение является лучшим средством для устранения обособленности и замкнутости русскоподданных мусульман [6, л. 3].

Принимая во внимание то, что редактор «Ватан хадими», допускал публикации с критикой монархического строя, можно сделать вывод, что Р. М. Медиев был противником абсолютной монархии. Так, в статье Нуреддина Агаева, посвященной государственному будущему Российского государства, сделан вывод, что «абсолютная монархия не является формой управления государством, которая служит народу. Во всех абсолютных монархиях, которые существовали до нашего времени, унижение и деспотизм были обычным явлением». Автор имеет в виду не только европейские монархии, но и монархии исламского мира с тиранией мусульманских правителей [7, с. 99].

Р. М. Медиев критиковал духовенство, возводившее тиранов в сан святых, и выступал против монархических режимов всех типов, в том числе султанской власти в Османской империи. Свою позицию он сформулировал на страницах «Ватан хадими», считая, что все аристократические монархии в истории несли гнет и деспотизм. Следовательно, от них нельзя ждать справедливости [8, с. 160]. Просвещение является основой избавления от деспотизма, основой свободы и культуры. При этом ведущая роль в просвещении народа должна была принадлежать женщине [9, л. 7–8].

Поддерживая идеи лидеров трудовой народно-социалистической партии убежденных в том, что переход к социализму должен осуществляться исключительно в государственно-правовой форме, Р. М. Медиев развивал идеи национально-культурной автономии. При этом он, будучи противником деспотических режимов, не придерживался радикальных методов борьбы, отдавая предпочтение широкому вовлечению населения в местное самоуправление. Культурно-национальная автономия, по мнению Р. М. Медиева, должна была основываться на гарантированных правах участия мусульман в выборах, в разработке и обсуждении законодательных предположений, в возможности открытия общеобразовательных и профессиональных училищ. Благосостояние народа находится в полной зависимости от его развития, которое в свою очередь стоит в тесной связи с положением школы и печати на том языке, на котором говорит народ. Поэтому предоставление свободы печати, стеснения которой вызывались не только Цензурным уставом, но и личными взглядами лиц, ведающих печатным делом должно быть ликвидировано. Составной частью этого процесса должна была стать ликвидация сословных званий у крымских татар и проведение верующими свободных выборов муфтия [10, л. 4–5].

Р. М. Медиев на протяжении всей своей жизни активно участвовал в решении важных для общества социально значимых задач. Критерием его деятельности можно считать справедливый подход, с учетом интересов всех социальных, этнонациональных групп и членов общества. Социальная справедливость, роль государства и местной администрации в ее обеспечении является концептуальным базисом политико-правовых взглядов просветителя.

Политико-правовые взгляды Р. М. Медиева о роли государства и местного самоуправления в обеспечении социальной справедливости в обществе формировались под влиянием младотурецкой революции 1908 г., в ходе которой была восстановлена Конституция 1876 г., закрепившая конституционную монархию. Оценивая события младотурецкой революции, Р. М. Медиев поддержал закрепление в конституции принцип разделения властей и основных прав граждан. В оценке Р. М. Медиева младотурки, восприняв идеи на Западе, показали себя цивилизованными конституционалистами [11, л. 2].

Особенно ярко идеи роли государства и органов местного самоуправления в решении социальных проблем проявились в выступлениях Р. М. Медиева в Государственной Думе второго созыва 1907 г., посвященные положению рабочих и крестьян. Обращаясь к депутатам, он неоднократно подчеркивал, что в России установлен конституционный строй, конституционное государство [12, с. 1794].

Выступая на второй сессии десятого заседания 15 марта 1907 г. Р. М. Медиев, затрагивая проблему безработицы в обществе, отметил то, что она пустила глубокие корни и подтачивает силы трудящегося народа вообще и рабочего класса в особенности. Его речь являлась отражением тяжелого положения прав человека в условиях сложившегося трудовых отношений. В частности, он отмечал, что безработица негативно влияет на массы, подрывает в обществе стабильность, наносит удар по политическому и экономическому строю государства. Общество, состоящее преимущественно из рабочих и крестьян – это основа Российского государства. Настаивая на оказании помощи рабочему классу, Р. М. Медиев в выступлении обращает внимание депутатов на многочисленные нарушения прав рабочих, приводит примеры устаревших правовых норм, активно призывает депутатов принять участие в устранении факторов безработицы в губерниях России. Он подчеркивает, что состояние промышленности неразрывно связано с положением безработных. По его убеждению, принятый пакет правовых актов, направленный на ликвидацию безработицы, в недостаточной форме привлекает государственные институты, а местные губернские власти недостаточно наделены необходимыми инструментами в решение проблемы [13, ст. 578–579].

Также он отметил, ошибочное восприятие депутатами принимаемых законов, которые служат их интересам, создавая несправедливые условия труда в отношении крестьян, лишая безработных их законных прав, что существенно ухудшает положение граждан. Безусловно, безработица и несправедливое отношение к крестьянам, игнорирование их проблем создает дополнительные проблемы в обществе. Парламентарий был глубоко убежден в том, что Россия зиждется на рабочем и крестьянине. «Крестьянин и рабочий – это главные колоссы, поддерживающие Россию. Крестьянин и рабочий – это та сила, которая на месте старого здания прежней России создаст новое роскошное здание новой свободной России». Недопустимо, чтобы рабочие и крестьяне испытывали голод и безработицу

[14, с. 579–581].

В выступлении на второй сессии 24 заседания Государственной Думы 9 апреля 1907 г. Р. М. Медиев затронул аграрный вопрос. «Земля и воля» это крик, вырвавшийся из груди, настрадавшейся груди русского народа, «земля и воля» лозунг избранных из недр народа его представителей в первой Государственной Думе, так безвременно прекратившей свое существование в своем лучшем стремлении – стремлении наделить безземельный, холодный, голодный, трудящийся народ землей». Он критикует правительство и в особенности администрацию в регионах. По его глубокому убеждению, ни роспуск Государственной Думы первого созыва, ни принятие исключительных законов не могут решить проблему безземельных крестьян [15, с. 1788].

Анализируя проблему аграрных противоречий в Таврической губернии, Р. М. Медиев критикует позицию крупных землевладельцев, которые отстаивали «священность и неприкосновенность» частной собственности, но при этом молчали о праве крестьян на землю. В докладе Р. М. Медиев обосновывает принцип – «Землей должен пользоваться тот, кто на ней трудится, а не тот, кто заставляет надрываться на земле других, кто строит свое счастье на труде других». Вступая в полемику П. Д. Святополком-Мирским, он критикует тезис «земельная собственность священна» и провозглашает, если чья-то земельная собственность священна, то и священна земельная собственность простого крестьянина, обиденного человека [16, с. 1789].

В качестве примера он приводит положение безземельных крестьян в Таврической губернии. Это было обусловлено изъятием 600 000 десятин земли, принадлежавших сельским обществам. Помимо этого, на Крымском полуострове было 200 000 десятин вакуфных земель. Эти земли нельзя было продавать, закладывать, конфисковать и никакими другими путями закрепощать в частную собственность. В исследованиях историков относительно этих земель сказано, что самые свирепые деспоты, какие только имелись в азиатских государствах, с благоговением относились к священной неприкосновенности вакуфных имуществ, охраняемых самим Богом. Однако сегодня в руках сельских обществ осталось всего 79 000 десятин, а из вакуфных земель осталось всего 87 000 десятин. Прежде они были собственностью Бога, а теперь стали собственностью графов Мордвиновых, Воронцовых-Дашковых, Каховских. Р. М. Медиев на конкретных фактах показывает, как захватывались земли и как происходил процесс обезземеливания крестьян. Анализируя вопрос наделения крестьян землей, депутат отстаивает интересы всего населения Таврической губернии, независимо от национальности. При этом он отмечает, что его избрали русские и крымскотатарские крестьяне. Русские крестьяне дружно поддерживали татар и дали им возможность иметь в Государственной Думе своего представителя. Прошло сто лет, и вот теперь представитель крымских татар говорит вам о своих желаниях, о своей судьбе. В нашем народе насчитывается теперь почти 50 000 безземельных крестьян [17, с. 1789–1792].

В целях достижения социальной справедливости в обществе Р. М. Медиев предложил передать вакуфные, выморочные, казенные, удельные, и помещичьи земли в пользование безземельных крестьян. По его убеждению, это позволило бы преодолеть бедность и нищету трудового народа. Вакуфное имущество, деньги (около одного миллиона руб.) и земли, которые находились в ведении особой

вакуфной комиссии в Таврической губернии, распоряжавшейся ими в собственных интересах, которыми пользовалось исключительно мусульманское духовенство, передать крестьянам [18, с. 1793].

Речь Р. М. Медиева на 29 заседании сессии 17 апреля 1907 г., на котором депутаты активно обсуждали вопросы переселения крестьян, а также финансирование переселения и помощи голодающим, при отсутствии единого мнения у депутатов, дополняет картину его политико-правовых взглядов. Анализируя переселенческую политику, он отметил, что она наносит существенный вред экономике. Продовольственной комиссией был внесен на рассмотрение запрос о неотложной денежной помощи голодающим. По данному вопросу имелось заключение продовольственной и сметной комиссий. Главной целью было получение 6 000 000 руб. для решения проблем голодающего населения. Противники этой инициативы в противовес доводам продовольственной комиссии говорили о бюрократических процедурах, которые мешали устранению проблемы голодающих. При этом следует обратить внимание на то, что сами депутаты также создавали различного рода бюрократические барьеры, приводя в доводы уже ранее выделенные бюджетом 27 000 000 руб., которые якобы включили в помощь голодающим. В заключении Р. М. Медиев обратил внимание на то, что депутат Измайлов из Новгородской губернии, отметил, что часть денег перешла в распоряжение Красного креста, который зарекомендовал себя как «учреждение бюрократическое и безответственное» [19, ст. 2245–2246].

Выступления Р. М. Медиева в Государственной Думе второго созыва свидетельствовали о его стремлении решить социальные противоречия в обществе и в частности улучшить материальное положение, жилищные условия, трудовые права рабочих и крестьян на основе принципов, соответствующих нормам права и морали и которые должны отвечать интересам, как общества, так и отдельной личности. Справедливость в первую очередь выражается в объективной оценке общественных отношений, в выработке государством и местным самоуправлением правовой концепции устранения факторов, препятствующих социальному прогрессу.

При рассмотрении аграрного вопроса в Государственной Думе Р. М. Медиевым был подготовлен доклад по насущным вопросам землепользования. В докладе отмечается высокий уровень неблагоприятных последствий, которые явились следствием нерешенности вопросов землепользования в течение продолжительного времени. В выступлении депутат отмечал значительную, если не ведущую роль парламента в разрешении этого вопроса. Основой выступления Р. М. Медиева была идея священного права собственности на землю каждого гражданина. Недопустимо разделение на вельмож и крестьян, права на землю должны быть равными у всех категорий граждан. Депутат приводит в пример несправедливое распределение земли на Крымском полуострове, где изначально под различными лозунгами проводилось хищение более 500 000 десятин земли у крестьян и обращение их в собственность различного рода знати, в то время как у сельских обществ осталось лишь малое количество. Следовательно, в решении острых социальных проблем, таких как безработица, бедность и неустроенность рабочего класса, а также безземелье крестьян и отсутствие элементарных прав, по мнению Р. М. Медиева, должна принадлежать Государственной Думе. Он считал, что депутаты должны

своевременно реагировать на социальные проблемы. Именно на народных представителях лежит ответственность за тяжелое положение рабочих и крестьян. Решения Государственной Думы в отношении острых социальных проблем, по мнению Р. М. Медиева, должны быть реальными, эффективными и действенными. Сила рабочего класса нужна России. Поэтому народные представители, не взирая ни на что, должны изыскать все меры к тому, чтобы немедленно помочь безработным рабочим в их беспомощном положении.

Р. М. Медиев в своей общественной и государственной деятельности стремился на практике реализовать идеи социальной справедливости как гарантии прав граждан, как гарантии прогресса общества. Просветитель до своего избрания депутатом Государственной Думы второго созыва и после ее роспуска являлся членом городской управы, занимал должность заступающего место городского головы Карасубазара Таврической губернии, успешно проявил себя в правотворческой деятельности. Р. М. Медиев считал, что Городовое положение 1892 г., установившее квоты по религиозному принципу, существенно ограничивает участие населения в деятельности местного самоуправления и, следовательно, в решении экономических, социальных, культурно-образовательных задач. Он добивался предоставления мусульманам гражданских и политических прав, отмене существующих ограничений.

Р. М. Медиев, основываясь на принципах равенства и справедливости, считал, что местное самоуправление должно быть основано на свободных и равных выборах, без различия национальности и вероисповедания. Принимая во внимание, что в соответствии с законодательством Российского государства число гласных не христиан в городских думах не должно было превышать одной трети от общей численности думы, 15 октября 1905 г. дворяне, мещане и представители духовенства Карасубазара под руководством Р. М. Медиева обратились к Таврическому губернатору В. Е. Волкову, в котором указали на отсутствие возможности полноценной работы городской думы и учета их интересов, когда выборы проходят по религиозному принципу. В качестве аргумента в прошении авторы ссылались на принцип равенства и практику Закавказского края, где ограничения при выборах гласных городских дум в отношении нехристиан были отменены. Участники петиции в обращении просили увеличить состав городской думы Карасубазара наполовину из числа гласных, не исповедующих христианство. В частности, они отметили, что жители Карасубазара мусульмане отстранены от участия в городском общественном управлении, тогда как не менее половины горожан из них избиратели нехристиане. Устранение нас из состава думы все время неблагоприятно отражалось на наших интересах. Последнее рельефно выступает при сравнении деятельности Бахчисарайской городской думы и нашей. Перечислять в чем страдали наши интересы не составляет предмета настоящей просьбы, но мы это осознавали и потому перед текущим четырехлетием просили вас о разрешении выборов Карасубазарской думы наполовину из числа не христиан [20, с. 8].

Выступая против ограничений в городском самоуправлении по конфессиональному принципу, он обосновывает свои взгляды на основе предшествующего практического опыта, который показал, что, когда мусульмане получали в самоуправлении голоса пропорционально населению, их действия вполне были легальными. Ограничения мусульман имелись в финансовой сфере, в торговых и промышленных товариществах, а также при строительстве культовых сооружений. Принцип спра-

ведливости должен был затронуть также адвокатуру, когда для получения звания присяжного поверенного мусульманину требуется особое разрешение. Идею пропорционального представительства Р. М. Медиев обосновывает практикой, которая сложилась в армии, где ответственные должности в штабах, командование воинскими частями доверялись мусульманам, всегда исполнявшим свои обязанности добросовестно и по долгу присяги. Равноправие во всех сферах общественной жизни будет способствовать благосостоянию каждого верноподданного в интересах правительства. Соответственно заявители просили увеличить гласных думы нехристиан наполовину [21, л. 1–1 об.].

17 января 1906 г. в ответе за подписью губернатора Таврической губернии В. В. Новицкого жителям Карасубазара было сообщено об удовлетворении их просьбы министром МВД П. М. Дурново [22, л. 1 об.]. Последующая работа самоуправления Карасубазара показала существенный рост эффективности местного самоуправления в решении социально-экономических и культурных задач города.

Такая же практика была применена при выборах в 1910 г. В это время в городскую думу Карасубазара из 26 гласных могли быть избраны только семь гласных из числа мусульман [23, л. 3]. Гласные думы, исходя из интересов развития города, обратились с прошением к губернатору. Это ходатайство подписали 15 гласных, 7 из которых были мусульмане. В частности, в ходатайстве отмечалось, что городская дума с 1906 г. состояла из 13 христиан и 13 не христиан. Разрешение на увеличение состава гласных из нехристиан до половины общего числа гласных думы как на четырехлетие с 1906 г., так и на текущее 1910 г. разрешалось министром МВД в порядке ст. 44 Городового положения 1892 г. каждый раз по ходатайствам представителей местного не христианского населения. Опыт последних двух четырехлетий, когда местное население входило в городскую думу в половине числа гласных, показал и показывает, что интересы всего городского населения думой свято соблюдаются. Городское самоуправление за этот период времени подняло благосостояние города, его благоустройство на такую высоту, что Карасубазар в некоторых отношениях стал примером для многих крымских городов [24, л. 1–1 об.]. Министр МВД удовлетворил просьбу карасубазарцев и 8 июня 1910 г. состоялись очередные выборы. 23 июня губернатор В. В. Новицкий утвердил список вновь избранных гласных городской думы на четырехлетие с 1910 г. по 1914 г., среди которых из 26 гласных 12 были мусульмане [25].

Таким образом, общественный прогресс, по мнению Р. М. Медиева, возможен в рамках конституционного государства, на основе принципа разделения властей, повышения роли органов местного самоуправления, создания национально-культурной автономии, способных решать социальные проблемы, обеспечить правовую защиту различных слоев населения.

Список литературы:

1. Тимошук, О. Кримськотатарська політико-правова думка кінця XVIII–початку XX століття: особливості генезису та автономістські процеси еволюції. / О. Тимошук, П. Таран. – Харків: Видавець СПД ФО Вапнярчук Н. М., 2004. – 2004. – 176 с.
2. Бурмистрова, Т. Ю. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий России (1905–1907 гг.) / Т. Ю. Бурмистрова, В. С. Гусакова. – М.: Мысль, 1976. – 262 с.
3. Федоренко, А. А. Взаимоотношение партий социалистов-революционеров с российскими национальными партиями / А. А. Федоренко // История национальных политических партий России. Материалы международной конференции. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН),

1997. – С. 375–381.

4. Бурмистрова, Т. Ю. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий России (1905–1907 гг.) / Т. Ю. Бурмистрова, В. С. Гусакова. – М.: Мысль, 1976. – 262 с.

5. Назаров, В. В. Идеология неонароднических партий: программно-тактические разногласия эсеров и энесов / В. В. Назаров // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. История. Международные отношения, вып. 2, ч. 1 – С. 30–41.

6. Центральный музей Тавриды (г. Симферополь). Архивный фонд Р. М. Медиева. КП 26996. Д. 9978.

7. Kırımlı, H. Kırım tatarlarında milli kimlik ve milli hareketler (1905–1916) / H. Kırımlı. – Ankara. – 1996. – 296 s.

8. Ланда, Р. Г. Ислам в истории России / Р. Г. Ланда. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 312 с.

9. Центральный музей Тавриды (г. Симферополь). Архивный фонд Р. М. Медиева. КП 26995. Д. 9977.

10. Центральный музей Тавриды (Симферополь). Архивный фонд Р. М. Медиева. КП 26997. Д. 9979.

11. Центральный музей Тавриды (Симферополь). Архивный фонд Р. М. Медиева. КП 26995. Д. 9977.

12. Государственная Дума. Стенографический отчет. Сессия II. Т. 1. СПб., 1907.

13. Стенографические отчеты / Государственная Дума. Второй созыв. 1907 год. Сессия вторая. Т. 1, Т. 2, Заседания 1-30 (с 20 февраля по 30 апреля). – С.-Петербург: Государственная типография, 1907.

14. Государственная Дума. Стенографический отчет. Сессия II. Т. 1. СПб., 1907.

15. Государственная Дума. Стенографический отчет. Сессия II. Т. 1. СПб., 1907.

16. Государственная Дума. Стенографический отчет. Сессия II. Т. 1. СПб., 1907.

17. Государственная Дума. Стенографический отчет. Сессия II. Т. 1. СПб., 1907.

18. Государственная Дума. Стенографический отчет. Сессия II. Т. 1. СПб., 1907.

19. Стенографические отчеты / Государственная Дума. Второй созыв. 1907 год. Сессия вторая. Т. 1, Т. 2, Заседания 1-30 (с 20 февраля по 30 апреля). – С.-Петербург : Государственная типография, 1907.

20. Городские выборы. (Составление избирательных списков и производство выборов в городские думы). Справочник для гор. управ, гласных гор. дум и городских избирателей / Сост. Л. Я. Александров (Секретарь Симферопольской Гор. Управы)/. – Симферополь: Типография Г. М. Эпеля и Ф. Т. Коршунова, 1912.

21. Центральный музей Тавриды (г. Симферополь). Архивный фонд Р. М. Медиева. КП 26988. Д. 9970.

22. Центральный музей Тавриды (г. Симферополь). Архивный фонд Р. М. Медиева. КП 26990. Д. 9972.

23. Центральный музей Тавриды (г. Симферополь). Архивный фонд Р. М. Медиева. КП 26990. Д. 9972.

24. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 492.

25. Список гласных Карасубазарской городской думы, избранных на четырехлетие с 1910 г. на основании городского положения 1892 года // Таврические губернские ведомости. 1910, 25 июня. № 47.

Khayali B. R. The role of the state and local self-government in ensuring social justice in society in the views of Reshid Mediev // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 191–199.

The article analyzes the political and legal views of Reshid Mediev on the role of the state and local self-government in ensuring social justice based on cultural and national autonomy in a constitutional state in which there is a principle of separation of powers. It is concluded that the political and legal doctrine of the evolutionary development of R. M. Mediev's society was progressive and largely coincided with the program documents of the parties of Socialist revolutionaries, Socialist Populists and the People's Freedom Party. At the same time, R. M. Mediev's political and legal views took into account the national characteristics of the peoples of the Russian state. Social progress, according to R. M. Mediev, is possible within the framework of the constitutional state, on the basis of the principle of separation of powers, increasing the role of local self-government bodies, creation of national-cultural autonomy, capable of solving social problems and ensuring legal protection of various segments of the population.

Keywords: Reshid Medievich Mediev, constitutional state, local self-government, cultural and national autonomy.

Spisok literatury:

1. Timoshchuk, O. Krimskotatarska politiko-pravova dumka kintsya XVIII-pochatku KhKh stolittya: osoblivosti genezisu ta avtonomistski protsesi evolyutsii. / O. Timoshchuk. P. Taran. – Kharkiv: Vidavets SPD FO Vapnyarchuk N. M., 2004. – 2004. – 176 s.

2. Burmistrova, T. Yu. Natsionalnyy vopros v programmakh i taktike politicheskikh partiy Rossii (1905–1907 gg.) / T. Yu. Burmistrova. V. S. Gusakova. – М.: Mysl. 1976. – 262 s.

3. Fedorenko, A. A. Vzaimootnosheniye partiy sotsialistov-revolutsionerov s rossiyskimi natsionalnymi partiyami / A. A. Fedorenko // Istoriya natsionalnykh politicheskikh partiy Rossii. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii. – М.: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya»(ROSSPEN). 1997. – С. 375–381.

4. Burmistrova, T. Yu. Natsionalnyy vopros v programmakh i taktike politicheskikh partiy Rossii (1905–1907 gg.) / T. Yu. Burmistrova. V. S. Gusakova. – М.: Mysl. 1976. – 262 s.

5. Nazarov, V. V. Ideologiya neonardnicheskikh partiy: programmno-takticheskiye raznoglasiya eserov i

- enesov / V. V. Nazarov // Izvestiya Saratovskogo universiteta. 2011. T. 11. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. vyp. 2. ch. 1 – S. 30–41.
6. Tsentralnyy muzey Tavridy (g. Simferopol). Arkhivnyy fond R. M. Mediyeva. KP 26996. D. 9978.
7. K?r?ml?. H. K?r?m tatarlar?nda milli kimlik ve milli hareketler (1905–1916) / H. K?r?ml?. – Ankara. – 1996. – 296 s.
8. Landa. R. G. Islam v istorii Rossii / R. G. Landa. – M.: Izdatelskaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. 1995. – 312 s.
9. Tsentralnyy muzey Tavridy (g. Simferopol). Arkhivnyy fond R. M. Mediyeva. KP 26995. D. 9977.
10. Tsentralnyy muzey Tavridy (Simferopol). Arkhivnyy fond R. M. Mediyeva. KP 26997. D. 9979.
11. Tsentralnyy muzey Tavridy (Simferopol). Arkhivnyy fond R. M. Mediyeva. KP 26995. D. 9977.
12. Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskiy otchet. Sessiya II. T. 1. SPb.. 1907.
13. Stenograficheskiye otchety / Gosudarstvennaya Duma. Vtoroy sozyv. 1907 god. Sessiya vtoraya. T. 1. T. 2. Zasedaniya 1-30 (s 20 fevralya po 30 aprelya). – S.-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. 1907.
14. Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskiy otchet. Sessiya II. T. 1. SPb.. 1907.
15. Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskiy otchet. Sessiya II. T. 1. SPb.. 1907.
16. Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskiy otchet. Sessiya II. T. 1. SPb.. 1907.
17. Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskiy otchet. Sessiya II. T. 1. SPb.. 1907.
18. Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskiy otchet. Sessiya II. T. 1. SPb.. 1907.
19. Stenograficheskiye otchety / Gosudarstvennaya Duma. Vtoroy sozyv. 1907 god. Sessiya vtoraya. T. 1. T. 2. Zasedaniya 1-30 (s 20 fevralya po 30 aprelya). – S.-Peterburg : Gosudarstvennaya tipografiya. 1907.
20. Gorodskiy vybory. (Sostavleniye izbiratelnykh spiskov i proizvodstvo vyborov v gorodskiy duma). Spravochnik dlya gor. uprav. glasnykh gor. dum i gorodskikh izbirateley / Sost. L. Ya. Aleksandrov (Sekretar Simferopolskoy Gor. Upravy)/. – Simferopol: Tipografiya G. M. Epelya i F. T. Korshunova. 1912.
21. Tsentralnyy muzey Tavridy (g. Simferopol). Arkhivnyy fond R. M. Mediyeva. KP 26988. D. 9970.
22. Tsentralnyy muzey Tavridy (g. Simferopol). Arkhivnyy fond R. M. Mediyeva. KP 26990. D. 9972.
23. Tsentralnyy muzey Tavridy (g. Simferopol). Arkhivnyy fond R. M. Mediyeva. KP 26990. D. 9972.
24. GARK. F. 42. Op. 1. D. 492.
25. Spisok glasnykh Karasubazarskoy gorodskoy duma. izbrannykh na chetyrekhletniye s 1910 goda na osnovanii gorodovogo polozheniya 1892 goda // Tavricheskiye gubernskie vedomosti. 1910. 25 iyunya. № 47.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 200–207.

323УДК 342.5

**ПРОКУРОРЫ КРЫМСКОЙ АССР:
ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ (1922–1941 гг.)**

Хаяли Р. И.

**Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации**

В статье на основе анализа архивных документов и применения просопографического метода реконструированы служебные биографии и создан коллективный портрет прокуроров Крымской АССР 1920–1930-х гг. Указано, что за период с начала организации прокуратуры Крымской АССР с 1922 г. по 1941 г. ведомством руководили 12 прокуроров. В среднем на занимаемой должности назначаемые лица находились 1 год и 7 месяцев. Средний возраст прокуроров составил 33 года. На протяжении всего периода советского государственного строительства предвоенного времени требования к кандидатам на должность прокурора республики в целом оставались неизменными. По социальному происхождению большинство прокуроров происходили из крестьян, реже из рабочих. Подавляющая часть назначаемых лиц имела начальное образование. Трудовую деятельность начинали на производстве или в советских и партийных органах. Комсомольское прошлое и членство в партии кандидата были обязательными требованиями эпохи при формировании советской номенклатурной элиты. Частая смена прокуроров республики объясняется различными факторами: нехваткой кадров в других наркоматах, переводом прокуроров на другие должности, необходимостью решения новых социально-экономических задач, нестабильностью политической обстановки в обществе, низкими требованиями к профессиональной подготовке кандидатов.

Ключевые слова: прокурор, просопографический портрет, Крымская АССР, документальные источники.

Изучение биографических параметров на основе просопографического метода, методов исторической науки позволяет получить характеристику личностей и сформировать общий портрет прокуроров Крымской АССР советской эпохи социалистического строительства.

8 октября 1921 г. ВЦИК РСФСР утвердил положение «О Крымской Советской Социалистической Республике». 18 октября 1921 г. вступил в силу декрет об образовании в составе РСФСР в границах Крымского полуострова Автономной Крымской Социалистической Республики. Создание органов прокуратуры в республике в 1922 г. было составной частью государственного строительства. На должность наркома юстиции и прокурора Крымской ССР КрымЦИК назначил Исмаила Керимовича Керимджанова (Фирдевс). И. К. Керимджанов родился 2 декабря 1888 г. в Симферополе в семье мелкого торговца. Образование получил в государственном учебном заведении – Симферопольской татарской учительской школе, готовившей учителей для начальных школ. В дореволюционный период в разное время работал учителем, в Таврическом губернском по крестьянским делам присутствии, в Таврическом поземельном банке. В 1917 г. вступил в партию большевиков. В годы революции принимал активное участие в установлении советской власти в крае – член ЦИК, нарком по иностранным и национальным делам Социалистической Советской Республики Тавриды (1918 г.). В 1919–1920 гг. член Казанского губкома РКП(б). В 1920–1921 гг. заведующий комиссариатом народного просвещения Крымской АССР.

Под руководством И. К. Керимджанова наркоматом юстиции было разработано «Положение о прокурорском надзоре в Крымской ССР», утвержденное 25.08.1922 г. ЦИК и СНК Крымской ССР. 1.09.1922 г. в республике приступили к организации прокуратуры. В Симферополе прокуратура республики была организована 16.09.1922 г.

Работа прокуратуры Крымской ССР основывалась на циркуляре НКЮ РСФСР № 1, который определил основные направления прокурорской деятельности: «Поставить основной задачей такое повседневное направление работы прокуратуры, чтобы каждый трудящийся страны знал и понял, что именно в лице прокурора он всегда имеет первого и самого близкого защитника, и охранителя его интересов» [1, с. 15].

Органам прокуратуры республики в процессе организации прокурорского надзора пришлось преодолеть значительные трудности – отсутствие профессиональных кадров, теоретических знаний и практических навыков у прокурорских работников. Необходимо было подобрать кадры, сформировать городские и окружные прокуратуры, обеспечить их оборудованием, кодексами, копиями циркуляров НКЮ РСФСР и Крымской ССР, другими нормативно-правовыми актами. О результатах проделанной работы нарком НКЮ и прокурор республики И. К. Керимджанов выступил с докладом на заседании Крымского областного комитета РКП/б 10 января 1923 г., по результатам которого было принято решение о разработке «Положения о НКЮ» и «Положения о Крымском суде» [2, л. 19].

Работа по разработке «Положения о НКЮ» была завершена через год. 17 января 1924 г. принимается постановление КрымЦИК и в действие вводится «Положение о Народном комиссариате юстиции», в котором закреплялся статус отдела прокуратуры [3, л. 21]. На отдел возлагались следующие задачи: а) осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестовывания нарушающих законы постановлений, предложение об отмене или изменении изданных постановлений; б) руководство и наблюдение за деятельностью помощников прокурора республики, а также помощников на местах и дача им разъяснений и указаний по всем возникающим в их деятельности вопросам; в) непосредственное наблюдение за деятельностью органов следствия, дознания в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью Крымполитуправления; г) наблюдение за правильным функционированием мест лишения свободы и исправительно-трудовых учреждений и разработка совместно с НКВД правил об исправительно-трудовой системе в отношении лиц, приговоренных к лишению свободы или принудительным работам без лишения свободы, другие задачи [4, л. 22].

Отдел прокуратуры в системе наркомата юстиции состоял из четырех работников прокуратуры – прокурор, два его помощника по гражданским и уголовным делам при Всекрымском суде, прокурор за наблюдением за органами ОГПУ и местами заключения. Также были назначены шесть окружных прокуроров. Аппарат прокуратуры республики состоял из 32 работников.

В марте 1924 г. И. К. Керимджанов был переведен на другую работу. Должность наркома юстиции и прокурора республики временно исполнял Афанасий Михайлович Гуров, из рабочих, член партии, с низшим образованием. Ранее работал заместителем председателя Главного суда Крымской АССР, а в последующем переведен

на должность старшего помощника прокурора республики. Прокуратуру возглавлял 10 месяцев до декабря 1924 г. В период руководства прокуратурой А. М. Гуровым была поставлена задача – органам прокуратуры «на основе директив партии приблизить советский аппарат, в том числе и суды к трудящимся массам». Прокурорам предписывалось усилить надзор за судами, обеспечить рассмотрение дел в установленные сроки [5, л. 231–231 об.].

С декабря 1924 г. по декабрь 1925 г. прокуратуру возглавлял член ВКП/б Решид Аблаевич Ногаев, 1896 года рождения, из крестьян, с низшим образованием. Как и И. К. Керимджанов до назначения наркомом НКЮ и прокурором республики он возглавлял наркомат просвещения Крымской ССР.

В это время перед прокуратурой республики была поставлена задача повышения качества прокурорского надзора за нормативно-правовыми актами, принимаемыми советами всех уровней, которые в обязательном порядке должны были предоставлять проекты решений прокурорам района или города. Политическая и социальная направленность нормативно-правовых актов, принимаемых сельскими советами, во многом зависела от их классового состава. В связи с этим прокуратура осуществляла надзор за избирательным процессом в городские, поселковые и сельские советы, их исполнительными органами [6, л. 5].

С самого начала зарождения советской прокуратуры общий надзор был признан основным направлением прокурорского надзора. В период руководства прокуратурой республики Р. А. Ногаевым в июне 1925 г. состоялось совещание областных прокуроров РСФСР, на котором были подведены первые итоги и поставлены новые практические задачи. На совещании также были определены основные направления общего надзора – надзор за постановлениями и распоряжениями местных органов власти и хозяйственных учреждений. В целях осуществления намеченных задач на совещании было принято решение об увеличении количественно и качественно штатов прокуратуры [7, с. 907–909]. Решение совещания областных прокуроров РСФСР рекомендовало всем прокурорам совместно с помощниками разработать и принять годовые календарные планы со строгим контролем исполнения и отчетности [8, л. 56].

С декабря 1925 г. по май 1926 г. ЦИК Крымской АССР на должность наркома НКЮ и прокурора республики назначает Османа Зекию Бекирова, 1896 г. рождения, по происхождению из кустарей, уроженца Бахчисарая, со средним образованием, члена РКП/б с 1919 г. Ранее работал в отделе по разработке законодательства республики при КрымЦИК. После увольнения с должности руководитель группы опубликования законов при СНК СССР.

В мае 1926 г. наркоматом юстиции и республиканской прокуратурой руководил Эмирусейн Софу. Родился 9.02.1883 г., из крестьян, участник Первой мировой войны, член партии с декабря 1920 г. и член Крымского ревкома. До назначения наркомом юстиции и прокурором республики, на советской работе – с 18.12.1923 г. полномочный представитель представительства Крымской АССР при наркомнаце СССР.

Смена руководства прокуратуры республики была обусловлена возросшими требованиями к кадровому составу. В период советского государственного строительства при приеме на работу в прокуратуру в первую очередь учитывались социальное происхождение, социальное положение и партийность, во вторую очередь уро-

вень образования, опыт работы по профессии. Приоритетным становятся установки, изложенные в циркуляре № 1 НКЮ РСФСР от 13 января 1927 г. за подписью помощника прокурора РСФСР Н. В. Крыленко, в котором указывалось на необходимость на заполнение всех освобождающихся должностей в системе органов прокуратуры по преимуществу рабочими «как из состава наиболее активных рабочих от станка, проявивших себя на общественно-политической работе, так и из рабочих, уже непосредственно работающих в органах юстиции» [9, л. 6–7].

С началом проведения политики коллективизации в республике значительно расширяется сфера прокурорского надзора. В 1929 г. в циркуляре на имя райпрокуроров республики было обращено внимание на то, что отдельные работники прокуратуры не смогли проявить достаточной выдержки перед сопротивлениями кулаков, формально относились к отдельным фактам кулацкого сопротивления, не сумели в достаточной мере применить закон в борьбе с кулаком [10, л. 10]. Райпрокурорам и райсудам республики прокурором республики Э. Софу были даны указания, суть которых заключалась в следующем: обеспечить в своей практической работе решительное наступление на кулацко-спекулятивные элементы, сопротивляющиеся хлебозаготовкам, путем организации судебных процессов; непосредственно райпрокурорам усилить надзор за административными органами, налагающими взыскания на нарушителей [11, л. 11].

Работа прокуратуры в 1930 г. была нацелена на организацию надзора за наркоматами и хозяйствами, на которые было возложено проведение весенней посевной кампании. С этой целью прокуратура приступила к обследованию на предмет готовности наркомата земледелия, Крымсельсоюза, Сельхозбанка, конторы сельхозснабжения.

Организация прокурорского надзора в исследуемый период в той или иной отрасли в значительной степени зависела от смены курса политики партии. С весны 1930 г. и по ноябрь 1931 г. наркоматом юстиции руководил Абдулла Мустафаевич Чачи, 1902 г. рождения, уроженец села Корбекуль Алуштинского района, из крестьян середняков, с низшим образованием, член партии с 1924 г. В 1920 г. на комсомольской и партийной работе, затем в органах прокуратуры. С 1 октября 1927 г. помощник прокурора республики.

В ноябре 1931 г. на должность наркома юстиции и прокурора республики КрымЦИК был назначен Григорий Павлович Плинокос. Родился в октябре 1896 г. в семье рабочего уроженец Нижнеднепровской станции Екатеринославской губернии, из крестьян, с общим образованием. В 1911 г. окончил железнодорожное училище в г. Екатеринославе. затем был рабочим на заводе сельхозоборудования, на Южной железной дороге и в Севастопольском порту. С началом войны призван на службу во флот. С 1920 г. матрос Красного Черноморского флота. Служил до июля 1921 г. Член партии с 15.03.1921 г. В 1921 г. избран заместителем председателя Севастопольского окрисполкома и горсовета. С 15.01.1924 г. прокурор Евпаторийского округа, с 1925 г. заместитель прокурора республики. С февраля 1932 г. переведен на работу в советские органы власти. С сентября 1928 г. заместитель председателя ЦИК Крымской АССР, прокурор Крымской АССР. В марте 1932 г. Г. П. Плинокос был направлен на организацию хлебозаготовок в Крыму и назначен уполномоченным Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК СССР по Крымской АССР.

В период руководства прокуратурой республики Г. П. Плинокосом всем районным и городским прокурорам было дано указание, в котором отмечалось, что, несмотря на совершенно ясные и четкие директивы партии и правительства по проведению хозяйственно-политических кампаний на селе, прокурорские работники недостаточно решительно и быстро направляют удар по конкретным виновникам перегибов.

В соответствии с инструктивным письмом прокурора Крымской АССР Г. П. Плинокоса 13 января 1931 г. и в целях повышения организации прокурорского надзора, всем районным и городским прокурорам предписывалось в повседневной работе по руководству следствием осуществлять надзор за тем, чтобы расследование уголовных дел проводилось с фактическими обстоятельствами дела, решительным образом пресекая случаи неправомерного вмешательства в ход следствия различных организаций и лиц. С этой целью прокурорам рекомендовалось периодически созывать ежемесячные производственные совещания следователей уголовного розыска и милиции. Районным прокурорам необходимо было усилить надзор по вопросу возвращения дел судами на дознание, а также за сроками дознания и следствия [13, л. 98–99]. В задачи прокуратуры также входила организация надзора: за рациональным использованием капиталовложений и осуществлением реконструкции производства; за качеством продукции и исполнением промфинплана; за трудовой дисциплиной рабочих и хозяйственников; борьба с преступностью и отрицательными явлениями в данной сфере. Одним из направлений прокурорского надзора являлась охрана жизни и здоровья рабочих, правильным применением КЗоТ, соблюдением коллективных договоров и борьба с незаконными увольнениями рабочих [13, л. 171–172].

С марта 1932 г. по апрель 1934 г. прокуратуру республики возглавлял Мемет Эмирсалиев, 1900 г. рождения, из крестьян. Уроженец села Улу-Сала Бахчисарайского района. В 1920 г. был избран председателем сельского ревкома. В 1925 г. окончил юридические курсы в Ростове. В 1925–1926 гг. работал помощником прокурора Симферопольского района. В 1926–1929 гг. прокурор Бахчисарайского, Карасубазарского районов. В 1930 г. окончил судебно-прокурорско-следственное отделение высших юридических курсов переподготовки руководящих работников органов юстиции в Москве. В 1930–1931 гг. – прокурор Симферопольского района. В 1932–1934 гг. – нарком юстиции и прокурор Крымской АССР. В последующем работал в советских органах.

В период руководства прокуратурой республики М. Эмирсалиевым в условиях социалистических преобразований, охвативших все сферы общества, принимаются важные нормативно-правовые акты, направленные на реформирование прокуратуры. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1933 г. ликвидирована Прокуратура Верховного Суда Союза ССР и учреждена прокуратура Союза ССР. Положение конкретизировало функции Прокуратуры СССР, определило взаимоотношения и формы руководства Прокурора СССР деятельностью прокуратур союзных республик [14, с. 510–511]. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 декабря 1933 г. утвердило Положение о прокуратуре Союза ССР [15, с. 61–62]. Отныне прокурор мог опротестовывать приговоры и решения судов в вышестоящие судебные инстанции, приостанавливая их исполнение, требовать пересмотра, в порядке надзора, приговоров и решений, вступивших в законную силу, давать необходимые указания органам расследования.

Основная задача прокуратуры заключалась в «укреплении социалистической законности и должной охраны общественной собственности [16, с. 475]. В связи с этим менялась система и функции организации прокурорского надзора. Изменился порядок назначения прокурора Крымской АССР. Прокурор автономии назначался и отзывался Прокурором РСФСР с согласия Прокурора Союза ССР. Также прокуроры по специальным делам и по надзору за оперативными секторами ОГПУ в Крымской АССР назначались и отзывались Прокурором СССР. Отныне прокуратура республики осуществляла прокурорский надзор на основе союзного положения.

В деле реорганизации органов прокуратуры важным этапом стал приказ Прокурора СССР «О перестройке аппарата прокуратуры в центре и на местах» № 76 от 24 марта 1934 г., опубликованный на страницах журнала «За социалистическую законность» [17, с. 45]. В приказе закреплялась ликвидация функциональных частей отделов и перестройки их по производственному или производственно-территориальному принципу. При этом необходимо было обеспечить высокое качество работы по охране общественной (социалистической) собственности и осуществление социалистической законности во всех сферах народного хозяйства и госаппарата, усилив единоначалие и личную ответственность прокурорских работников. Структура прокуратур автономных республик и областей строилась по образцу прокуратуры союзной республики [18, с. 513–514].

С 1935 г. по август 1936 г. прокуратуру Крымской АССР возглавлял член партии Я. И. Мухтаров, с 1920 г. на комсомольской и партийной работе в Бахчисарайском райкоме партии в отделе культуры. Прокурор Бахчисарайского района, председатель Главсуда, второй заместитель наркома юстиции и прокурора республики. В это время завершается централизация органов прокуратуры республики на основе постановления ЦИК и СНК СССР «Об образовании комиссариата юстиции Союза ССР» от 20 июля 1936 г. № 68/1299, в соответствии с которым органы прокуратуры и следствия республики были выведены из состава НКЮ и подчинены Прокурору СССР [19.]. Процесс создания единой централизованной системы органов прокуратуры и закрепление статуса прокуратуры на конституционном уровне проходил в русле реформирования советского государственного аппарата.

Константин Николаевич Монатов возглавлял прокуратуру с 29.09.1936 г. по май 1938 г. Родился в деревне Бахчи-Эли в 1902 г. Из крестьян с низшим образованием. Член РКП(б) с 1925 г. В 1925–1929 гг. председатель сельского совета, районного комитета крестьянской взаимопомощи. В 1929–1930 гг. нарком внутренних дел Крымской АССР.

В период руководства прокуратурой К. Н. Монатовым была проведена аттестация городских и районных прокуроров, по результатам которой Прокурор Союза ССР 23.08.1938 г. издал приказ № 1074, в котором отмечались недостатки при проведении аттестации. Прокурорам республик, краев и областей были даны указания – осуществлять проверку районных и городских прокуроров по всем направлениям деятельности один-два раза в год, обеспечив инструктаж и устранение недочетов.

Циркуляр Прокурора Союза ССР и Центрсоюза СССР и РСФСР № 89 4556 от 26 декабря 1937 г. поставил перед прокуратурой республики задачу повести решительную борьбу с растратами и хищениями. Прокурорский надзор охватил все учреждения и организации, предприятия, колхозы и совхозы республики, в которых имела задолженность по зарплате. Особое внимание было обращено на своевременное реагирование органов прокуратуры на незаконные постановления советов и исполко-

мов всех уровней, нарушения устава сельхозартели, незаконные действия должностных лиц, нарушающих интересы государства, Конституцию, права граждан, действующее законодательство, социалистическую демократию.

Алексей Павлович Катрущенко возглавлял прокуратуру с 28 октября 1939 г. по 1 февраля 1941 г. Трудовую деятельность начал рабочим Севморзавода. Член ВКП(б), с низшим образованием. Ранее работал прокурором Ичкинского района. В предвоенное время, начиная с 1940 г., в задачи прокуратуры входило осуществление надзора за выполнением приказов военного времени, особенно в трудовом законодательстве.

Таким образом, применение просопографического, хронологического и аналитического методов, анализ документальных источников, позволили реконструировать служебные биографии наркомов юстиции и прокуроров Крымской АССР, их социальное происхождение, социальное положение, партийность, уровень образования, время занимаемой должности, основные направления работы ведомства по организации прокурорского надзора.

Всего за период с начала организации прокуратуры Крымской АССР с 1922 г. по 1941 г. ведомством руководили 12 прокуроров. В среднем на занимаемой должности назначаемые лица находились 1 год и 7 месяцев. Средний возраст прокуроров составил 33 года. На протяжении всего периода советского государственного строительства предвоенного времени требования к кандидатам на должность прокурора республики в целом оставались неизменными. По социальному происхождению большинство прокуроров происходили из крестьян, реже из рабочих. Подавляющая часть назначаемых лиц имела начальное образование. Трудовую деятельность начинали на производстве или в советских и партийных органах. Комсомольское прошлое и членство в партии кандидата были обязательными требованиями эпохи при формировании советской номенклатурной элиты. Частая смена прокуроров республики объясняется различными факторами: нехваткой кадров в других наркоматах, переводом прокуроров на другие должности, необходимостью решения новых социально-экономических задач, нестабильностью политической обстановки в обществе, низкими требованиями к профессиональной подготовке кандидатов.

Список литературы:

27. Полянский С. К вопросу о работе прокуратуры по общему надзору // Еженедельник советской юстиции. 1925. – № 41.
28. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 9.
29. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 52.
30. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 52.
31. ГАРК. Ф. Р-1100. Оп. Д. 28.
32. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 46.
33. Лаговьер Н. Итоги июньского совещания прокуроров // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 26.
34. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 46.
35. ГАРК. Ф. Р- 1110. Оп. 1. Д. 141.
36. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 196.
37. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 196.
38. ГАРК. Ф. Р-703. Оп. 1. Д. 1.
39. ГАРК. Ф. Р-703. Оп. 1. Д. 1.
40. История советской прокуратуры в важнейших документах. Под ред. К. А. Мокичева. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952.
41. Колыхалов Д. М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность в СССР в 1928–1941 гг., монография. Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – М., 2014.
42. История советской прокуратуры в важнейших документах / Под ред. В. П. Ускова. – М.: 1947.

43. За социалистическую законность. 1934. – № 4.

44. История советской прокуратуры в важнейших документах. Под. ред. К. А. Мокичева. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952.

45. Постановление ЦИК и СНК СССР Об образовании комиссариата юстиции Союза ССР // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК от 21 июля 1936 (№ 168). – Ст. 339.

Khayali R.I. Prosecutors of the Crimea ASSR: Prosopographic portrait (1922–1941) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 200–207.

In the article, based on the analysis of archival documents and the application of the prosopographic method, official biographies are reconstructed and a collective portrait of prosecutors of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic of the 1920s–1930s is created. It is indicated that during the period from the beginning of the organisation of the Prosecutor's Office of the Crimean ASSR from 1922 to 1941, the department was headed by 12 prosecutors. On average, the appointees had been in office for 1 year and 7 months. The average age of prosecutors was 33 years. Throughout the entire period of Soviet state-building before the war, the requirements for candidates for the post of procurator of the republic generally remained unchanged. In terms of social origin, most prosecutors came from peasants, less often from labourers. The overwhelming majority of appointees had primary education. They started their working life in production or in Soviet and Party bodies. Komsomol past and membership in the Party were mandatory requirements of the era when forming the Soviet nomenklatura elite. The frequent change of prosecutors of the republic is explained by various factors: shortage of personnel in other Commissariats, transfer of prosecutors to other positions, the need to solve new socio-economic problems, instability of the political situation in society, low requirements for the professional training of candidates.

Key words: prosecutor, prosopographical portrait, Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, documentary sources.

Spisok literaturey:

1. Polyanskij S. K voprosu o rabote prokuratury po obshchemu nadzoru // Ezhenedel'nik sovetskoj yusticii. 1925. – № 41.
2. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 9.
3. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 52..
4. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 52.
5. GARK. F. R-1100. Op. D. 28.
6. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 46.
7. Lagovier N. Itogi iyun'skogo soveshchaniya prokurorov // Ezhenedel'nik sovetskoj yusticii. 1925. № 26.
8. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 46.
9. GARK. F. R- 1110. Op. 1. D. 141.
10. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 196.
11. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 196.
12. GARK. F. R-703. Op. 1. D. 1.
13. GARK. F. R-703. Op. 1. D. 1.
14. Istoriya sovetskoj prokuratury v vazhnejshih dokumentah. Pod. red. K. A. Mokicheva. – М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1952.
15. Kolyhalov D. M. Pravoohranitel'nye organy i pravoohranitel'naya deyatel'nost' v SSSR v 1928–1941 gg., monografiya. Akademiya General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. – М., 2014.
16. Istoriya sovetskoj prokuratury v vazhnejshih dokumentah / Pod red. V. P. Uskova. – М.: 1947.
17. Za socialisticheskuyu zakonnost'. 1934. – № 4.
18. Istoriya sovetskoj prokuratury v vazhnejshih dokumentah. Pod. red. K. A. Mokicheva. – М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1952.
19. Postanovlenie CIK i SNK SSSR Ob obrazovanii komissariata yusticii Soyuzs SSR // Izvestiya CIK Soyuzs SSR i VCIK ot 21 iyulya 1936 (№ 168). – St. 339.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК 342.56

О ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОМ МЕТОДЕ И ТЕОРИИ ОГРАНИЧЕНИЙ КАК ЭЛЕМЕНТАХ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анохин А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуются проблемы программно-целевого потенциала конституций, в частности, Конституции РФ 1993 года. Особое внимание уделено использованию в рамках функций конституционного регулирования программно-целевого метода и теории ограничений, придающих конституции характеристики процессуального документа, фиксирующего нормативные и смысловые положения высшей степени обобщения. Изучение закрепленных в Конституции РФ юридических конструкций под углом зрения элементов конституционного регулирования, позволяет выявить в них процессуальную по – сути «заданность и направленность движения «субъектно – объектного» состава системы конституционного регулирования. Представляется, что с подобных методологических позиций должно проводиться исследование программно-целевого потенциала Конституции РФ.

Ключевые слова: программно – целевой метод, теория ограничений, функции конституционного регулирования.

Исследование комплекса проблем, связанных с конституционным процессом и конституционным регулированием всегда имело приоритетный характер в отечественной науке конституционного права. В структуре рассматриваемой проблематики особое значение придавалось выявлению программно-целевого потенциала конституций, как советского периода, так и современной России [2, с.81,82]. Особую значимость имеет дискуссия, относительно программно-целевых возможностей Конституции РФ 1993 г. [1], поскольку высказываемые научные позиции обладают ориентирующим влиянием не только на конституционное правотворчество, но и на осмысление стратегии развития России в целом, возможности осуществлять процессы модернизации государства общества на программно-плановой основе.

Имеет место точка зрения о том, что Конституция РФ 1993 г. практически не содержит прямо формулируемых норм-целей ни в Преамбуле, ни в других разделах [3, с. 96]. С другой стороны, отмечалось, что действующая Конституция России имеет многоцелевой характер. В наиболее концентрированном виде важнейшие цели, преследуемые Конституцией, представлены и зафиксированы в ее преамбуле. Данные цели пронизывают все содержание Конституции РФ [4, с. 710]. Указывалось, что Конституция РФ 1993 г. содержит программные положения, хотя нормы-цели и нормы-задачи, содержащиеся в Конституции РФ, носят принципиально иной юридический характер и используются, в отличие от советских конституций, для оценки конституционности законодательных и иных нормативно-правовых актов [2, с. 81; 82]. Поэтому проблемы программно-целевой направленности Конституции РФ 1993 года остаются актуальными и в настоящий период, в связи с чем требуют своего разрешения. Отсюда цель статьи – поиск методологического направления выявления программно-целевого потенциала Конституции РФ 1993 г.

Как представляется, для решения отмеченных проблем предварительно следует

выделить структуру системы конституционного регулирования, зафиксированную в Конституции РФ. Это прежде всего «субъектно-объектный состав», где в качестве «субъекта» выступает народ России в статусе учредительного корпуса, то есть народ России принимающий действующую Конституцию РФ. В качестве «объекта» выступает система субъектов «народ РФ (в статусе субъекта публичной власти) – государство – общество – личность». Следующий элемент системы конституционного регулирования – «прямые и обратные связи» между субъектно-объектным составом». Закрепленный в Преамбуле акт принятия Конституции РФ народом (субъектов учредительной власти) – прямые связи. Закрепленные в гл. 9 «Конституционные поправки и пересмотр конституции» – обратные связи. И третий структурный элемент – «процесс конституционного регулирования» – рассматриваемый в динамике процесс взаимодействия регулирующей и регулируемой подсистем.

С учетом данной структуры системы конституционного регулирования, возможно выделение «цели» регулирующей подсистемы (субъекта) и «цели» регулируемой подсистемы (объекта). Цель регулирующей подсистемы (субъекта) – перевод «объекта» в качественно новое состояние. Цель «объекта» – достижение заданного (нормативно) качественно нового состояния. Эти цели (субъекта и объекта) достигаются в рамках третьего структурного элемента – процесса конституционного регулирования. Причем цели субъекта – выступают целями первого порядка. Они достигаются через осуществление целей объекта – целей второго порядка.

Важно то, что в Преамбуле Конституции РФ закреплены программно – целевые положения, относящиеся к субъекту – народу России (понимаемому в процессе его исторического движения: прошлые поколения – ныне живущее поколение – будущие поколения), а в разд. 1 Конституции РФ нормативно закреплены программно-целевые положения, относящиеся к объекту – системе субъектов «народ, как субъект публичной власти – государство – общество – личность». Соединение данных программно-целевых положений происходит, как отмечено выше, в ходе процесса конституционного регулирования.

Итак, с учетом положений о структуре системы конституционного регулирования, одним из путей решения проблемы рассмотрения программно – целевого потенциала конституции, может выступить использование методологии теории управления, и в частности, программно-целевого метода и метода ограничений. Данные методы в своем единстве составляют действенный механизм управления достижением будущих состояний социальных систем, что может быть применено в теории конституционного регулирования и для конструирования «образа будущего» социальных систем в процессе конституционного правотворчества.

Программно-целевой метод направлен на формирование «образа будущего» в виде постановки целевых ориентиров, разработки комплекса мероприятий (программы) для достижения цели, управления процессом движения к достижению поставленной цели.

Теория ограничений – это методология управления системами, базирующаяся на поиске единичных, но критически значимых участков процесса («узких мест»), которые определяют успех и эффективность работы системы в целом [5, с. 111].

Предварительным условием применения метода ограничений является приготовление «поля возможных решений», обеспечивающих «свободу» выбора. Формируя эту область, мы мысленно «снимаем» ограничения, способные вызвать нежелатель-

ный ход событий, чтобы вместо них ввести другие (в форме принятых решений), обеспечивающих нужный результат [6, с. 128-129].

В приведенных теоретических положениях речь идет о формировании концепции системы управления (разновидностью которой может быть представлена система конституционного регулирования, закрепленная, прежде всего, на уровне конституции), где целевые установки, представляющие собой нормативно формализованный образ будущих состояний «субъектно – объектного» состава (социальных систем: «народ как субъект учредительной власти» и «народ – «государство» - «общество» - «личность») – которые могут быть достигнуты через преобразование комплекса ограничений, выступающих нормативными правовыми условиями, задающими параметры функционирования системы в целом. Именно предварительная систематизация и выстраивание моделей подобных ограничений, а также формирование плана правотворческих мероприятий (программы) по их устранению, замене и корректировке составляют предварительный этап создания данной системы (в нашем случае системы конституционного регулирования как управления движением социальных систем в рамках конституционного правотворчества).

Осуществление управления в соответствии с приведенным планом мероприятий, является непрерывным процессом деятельности, состоящей в целенаправленном формировании условий, обеспечивающих превращение некоторых возможностей в действительность. Важно лишь знать, какие ограничения нам неподвластны и должны оставаться как проявление социальных и экономических законов, а какие могут быть «сняты» [6, с. 129].

С учетом изложенного можно утверждать, что формирование системы конституционного регулирования охватывается этапом конституционного правотворчества. В процессе его осуществления конституция создается как документ, закрепляющий непрерывный акт целеполагания (концептуально воплощающий «образ будущего»), а регулирование используется как способ управления движением социальных систем (объектов). При этом конституция фиксирует в своих установлениях социальные законы и закономерности высшего иерархического порядка. Соответственно, конструирование управления движением системных объектов конституционного регулирования осуществляется через формирование надлежащих нормативных правовых условий (снятия или установления ограничений).

При этом специфика российского конституционного правотворчества (правотворческой техники) состоит в том, что «цель», выступающая формализованным «образом будущего», непосредственно не фиксируется. Специфика ее закрепления состоит в конструировании нормативно-правовых условий, воздействующих на будущие состояния субъектов конституционного права таким образом, что направленность данного воздействия приводит к заданному результату (цели). Соответственно, указанную «цель» можно установить опосредованно, путем толкования нормативно-правовой конструкции, установив направленность воздействия нормативно-правовых условий на «состояние» субъекта конституционного права.

Под «нормативными правовыми условиями» в конституционном правотворчестве в контексте излагаемого материала, необходимо понимать, прежде всего, вариант закрепления статуса субъекта конституционного права (его конституционно-правового статуса), а также нормативной фиксации ряда иных элементов, входящих в конструкцию правового регулирования (конституционные принципы, нормы-

декларации).

Поэтому конституционно-правовой статус субъекта это нормативная форма фиксации «цели – образа будущего» через нормативную заданность (направленность) движения «субъектно-объектного» состава системы конституционно регулирования, а также ее (систему) дифференцирующие нисходящие иерархические уровни.

Так, например, в Конституции РФ 1993 г. конституционно-правовой статус (правовые условия ограничения состояния) российского государства на высшем иерархическом уровне задается через ряд нормативных параметров (конституционно-правовой формат движения в будущее для достижения «цели – образа будущего»): преемственность в развитии российской государственности; государственное единство; государствообразующий народ, государственный суверенитет; тип государства (демократическое, правовое, социальное, светское); форма государства (республика, федерация, демократический режим); столица; символы, государственный язык.

Итак, изложенное выше обосновывает возможность рассмотрения механизма управления формированием нормативных параметров (заданности) движения «субъектно-объектного» состава системы конституционного регулирования (а также дифференцирующие данную систему нисходящие иерархические уровни), в качестве конструкции конституционного регулирования.

Помимо иных аспектов использования данной конструкции в конституционном правотворчестве, представляется необходимым показать особую роль функций конституционного регулирования в процессе создания конституции как «системы управления движением» всей системы конституционного регулирования.

Поэтому важно указать, что в теории права особое внимание уделяется не только исследованию функций права, но и функций правового регулирования. В связи с этим предлагается выделять такие функции правового регулирования: статическую (функция закрепления), динамическую (функция способствования развития и возникновения новых отношений), негативную (функция вытеснения) [7, с. 36].

Данные теоретико-правовые положения распространяются и на конституционное право, в связи с чем могут быть использованы и в проводимом исследовании. Поэтому можно утверждать, что общей целью реализации функций конституционно – правового регулирования является перевод «субъектно-объектного» состава системы конституционного регулирования новое, более прогрессивное состояние, которое выражается терминологией «образа будущего».

Но указанная «цель» — это не только итоговое состояние данной системы, это еще и отражение итогового состояния в текущих состояниях системы (смене состояний), выступающих выражением законов и закономерностей общественного развития. Важно то, что данным процессом можно управлять через функции правового регулирования. Управление подобным движением осуществляется через формирование в ходе конституционного правотворчества новых субъектов (вместе с их конституционно-правовыми статусами) и новых нормативных конструкций – конституционно-правовых статусов субъектов (нормативных правовых условий - ограничений) – динамическая функция; сохранения и стабилизации ряда доказавших свою полезность существующих состояний субъектов конституционного права (в виде их конституционно-правовых статусов) – правовых условий(преемственность) – функция стабилизации; устранение прежних (неперспективных) субъектов конституци-

онного права - функция вытеснения.

Таким образом в процессе конституционного правотворчества происходит создание нового нормативно-правового «путеводителя» для системы «народ – государство – общество – личность». Однако все это должно осуществляться на основе понимания единства отечественного конституционного развития, практического воплощения и достижения преемственности и общности в данном процессе.

В соответствии с положениями Преамбулы Конституции РСФСР 1978 г. «...Народ РСФСР сохраняя преемственность идей и принципов Конституции РСФСР 1918 года, Конституции РСФСР 1925 года, Конституции РСФСР 1937 года ... и в соответствии с Конституцией СССР ... принимает и провозглашает настоящую Конституцию...» [8].

Исходя из данной преемственности, формирование нормативных правовых условий (ограничений) при реализации отмеченных выше функций конституционного регулирования, представляло собой процесс замены советской конституционной модели на конституционную модель Российской Федерации и корректировку действующей конституционной модели. Это происходило в период конституционного правотворчества при создании Конституции РФ 1993 г. и продолжилось в последующий период, вплоть до конституционной реформы 2020 г.

Так, в частности, действие функции стабилизации проявилось прежде всего в сохранении сильной, суверенной государственной власти, концепции народовластия, республиканской формы правления, федеративной формы устройства России. Динамическая функция позволила снять нормативные правовые ограничения (изменить конституционный статус): 1) с российского государства (в виде социалистического типа государства), заменив их на новые (демократическое, правовое, социальное, светское государство; 2) с российского общества (в виде социалистического типа общества), заменив на гражданский тип общества; 3) с идеологического, политического, экономического развития (в виде социалистической идеологии, политической, экономической системы), заменив их на новое нормативное правовое закрепление соответствующих принципов многообразия. Функция вытеснения проявилась прежде всего в устранении института власти КПСС (субъекта конституционного права) и осуществления строительства коммунизма.

Итак, применяемые в ходе конституционного правотворчества функции правового регулирования содержат в себе общие направления преобразования прежней конституционной модели и формирования и последующей корректировки новой конституционной модели. Более конкретно динамическая функция и функция стабилизации проявляются в специфике конструирования конституционно-правовых статусов субъектов, отражающих направленность сохранения либо развития «состояний» данных субъектов. С этой точки зрения «конституционно-правовой статус субъектов» выступает обобщенной, интегративной конструкцией направленности (программности) сохранения либо развития (через установление нормативных правовых ограничений) «состояний» указанных субъектов, а также ввода в конституцию новых субъектов с соответствующим конституционно правовым статусом.

Функция вытеснения наиболее полно проявляется во всей системе запретов, содержащихся в конституции. Нормативная правовая фиксация в конституции запретов выступает ограничением (направлением) вытеснения нежелательных отношений и видов поведения. В ходе конституционного правотворчества, рассматривае-

мого как единый, непрерывный, длящийся процесс данная функция может реализовываться через исключение из конституции некоторых субъектов и устранения из конституционно-правовых статусов субъектов ряда их правовых возможностей.

Вместе с тем, направленность (программность) движения субъектов конституционного права к достижению «цели» в виде «образа будущего», воплощенная в их конституционно-правовых статусах, не исчерпывает смыслового потенциала данной юридической конструкции. Речь идет о том, что конструкция «правового статуса», в том числе и конституционно-правового, содержит в себе такой элемент как «принципы правового статуса». Данные «принципы» по сути являются нормативной формой фиксации ценностно-идеологических положений, которые также имеют свою теоретическую основу.

Поэтому через правотолковательную деятельность Конституционного Суда РФ возможно выведение и конструирование формализованной и четкой целевой направленности движения субъектов конституционного права, что в сочетании с отмеченной выше программностью позволит конкретизировать регулятивные возможности Конституции РФ и сделать конституционные положения реальным и действенным основанием формирования стратегии развития российского государства и общества, воплощенной в законодательстве РФ.

Итак, изложенное свидетельствует, что проблема выявления программно-целевого потенциала Конституции РФ не является однозначной и для своего решения требует подходов, основывающихся, в том числе, и на достижениях теории управления. Представляется обоснованным использование программно-целевого метода и теории ограничений, в комплексе направленных на раскрытие способности конституционного регулирования эффективно управлять движением социальных систем для достижения ими целевых ориентиров в виде «образа будущего». Важно при этом учитывать, что зафиксированное в Конституции РФ движение системы субъектов конституционного права (социальных систем), как и саму конституцию, следует рассматривать с позиций непрерывного, основанного на преемственности конституционного процесса. С этой точки зрения конституция выступает документом, закрепляющим «процесс движения», но этот процесс имеет высшую степень нормативного и смыслового обобщения.

Вместе с тем, изучение закрепленных в Конституции РФ юридических конструкций под углом зрения элементов конституционного регулирования, позволяет выявить в них процессуальную по – сути «заданность и направленность движения «субъектно – объектного» состава системы конституционного регулирования. Представляется, что с подобных методологических позиций должно проводиться исследование программно-целевого потенциала Конституции РФ.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. - Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
2. Кравец И.А. Ценность конституционной телеологии и конституционная легитимность политического и идеологического многообразия: доктрина и практика // Российский журнал правовых исследований. – 3015. - №3(4). – с.80 – 99.
3. Сравнительное конституционное право: учебник // Отв. ред. В. Е. Чиркин. – М.: «Манускрипт», 1996. – 729 с.
4. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права: учебник. В 2 т. Т. 1 /М.Н. Марченко. – М. : Проспект, 2015. – 744 с.

5. Налетова А.Н. Теория ограничений систем: истоки и перспективы // Международный научный журнал «Вестник науки» №6(63). – №4. – 2023. – С. 110-115.
6. Марков Ю.Г. Функциональный подход в современном научном познании. – Новосибирск: Наука, 1982. – 255 с.
7. Горшенев В.М. способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.:Юридическая литература, 1972. – 258 с.
8. Конституция РСФСР от 12 апреля 1978 года. – Доступ из справ.-правовой системы Консультант-Плюс. – Текст: электронный.

Anokhin A.N. On the programmatically targeted method and theory of limitations as elements of constitutional regulation in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 3. – P. 208–214.

The problems related to the target potential of constitutions, and in particular, the 1993 Constitution of the Russian Federation are studied in the article. Special attention is paid to the application of the program-target method and the theory of limitations in the constitutional regulation functions, which provide the constitution with the characteristics of the procedural document and establish normative and semantic provisions of the highest degree of generalization. The study of the legal constructions enshrined in the Constitution of the Russian Federation from the angle of the elements of constitutional regulation allows us to identify in them procedural in essence "set and direction of movement of the "subject-object" composition of the system of constitutional regulation. It seems that the study of the programme-target potential of the Constitution of the Russian Federation should be conducted from similar methodological positions.

Keywords: software - target method, theory of limitations, functions of constitutional regulation.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: [prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossijskogo golosovaniya 01 iyulya 2020 g.]. – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy Konsul'tanTPlyus. – Tekst: ehlektronnyj.
2. Kravec I.A. Cennost' konstitucionnoj teleologii i konstitucionnaya legitimnost' politicheskogo i ideologicheskogo mnogoobraziya: doktrina i praktika // Rossijskij zhurnal pravovykh issledovanij. – 3015. – №3(4). – s.80 – 99.
3. Sravnitel'noe konstitucionnoe pravo: uchebnik // Otv. red. V. E. Chirkin. – M.: «ManuskripT», 1996. – 729 s.
4. Marchenko M.N. Problemy obshchej teorii gosudarstva i prava: uchebnik. V 2 t. T. 1 /M.N. Marchenko. – M.: Prospekt, 2015. – 744 s.
5. Naletova A.N. Teoriya ogranichenij sistem: istoki i perspektivy // Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Vestnik naukI» №6(63).№4. – 2023. -s.110-115.
6. Markov YU.G. Funkcional'nyj podkhod v sovremennom nauchnom poznanii. – Novosibirsk: Nauka, 1982. – 255 s.
7. Gorshenev V.M. sposoby i organizacionnye formy pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom obshchestve. M.:Yuridicheskaya literatura, 1972. – 258 s.
8. Konstituciya RSFSR ot 12 aprelya 1978 goda. – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy Konsul'tanTPlyus. – Tekst: ehlektronnyj..

УДК 347.962

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗАКОННОСТИ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

Басова Ю. Ю.

Крымский юридический институт (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Рост количества и масштабов чрезвычайных ситуаций, а также необходимость защиты прав пострадавших, вызвало необходимость научного обсуждения вопросов предотвращения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Особое внимание уделяется деятельности государственных органов, в частности, прокуратуры. В статье рассмотрены теоретические и прикладные аспекты деятельности прокуратуры по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях. Особое внимание было уделено вопросам уточнения понятия «чрезвычайная ситуация», а также развитию научных взглядов на классификацию чрезвычайных ситуаций различных видов. На основе проведенного анализа автор выделяет составные элементы системы обеспечения законности в условиях ЧС, исследует особенности внутрифункциональной деятельности прокуратуры в чрезвычайных ситуациях, таких как организация прогнозирования и планирования деятельности органов прокуратуры в чрезвычайных ситуациях; распределение обязанностей между прокурорскими работниками; обеспечение безопасности работников; организация управления и т.д. В статье определены вопросы, требующие дальнейшего научного осмысления.

Ключевые слова: прокуратура, законность, теоретические аспекты деятельности прокуратуры, прикладные аспекты деятельности прокуратуры, актуальные направления деятельности прокуратуры, чрезвычайные ситуации.

Одной из доминирующих тенденций жизни современного общества является увеличение количества чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС). По данным ООН в 2023 г. было опубликовано 43 объявления о ЧС в 29 странах, что является самым большим за последние десятилетия, а число пострадавших составило свыше 130 млн человек [1].

В нашей стране уровень опасности и риска возникновения ЧС различного генезиса остается достаточно высоким. Несмотря на снижение количества ЧС природного и техногенного характера, их масштаб, убытки, количество пострадавших ежегодно увеличивается. В России, безусловно, осознаются проблемы, которые несут за собой подобного рода ЧС. Вместе с этим, на протяжении 2022–2023 гг. возросло количество актов техногенного терроризма (удары по объектам критической инфраструктуры беспилотными летательными аппаратами в Курской, Белгородской, Ленинградской, Ростовской областях, террористические атаки на Крымский мост). Также на протяжении последних десятилетий фиксируется рост локальных, ситуативных событий (не-санкционированных публичных мероприятий: митингов, пикетов, шествий и др.), способных привести к ЧС социально-политического характера (массовым беспорядкам, вооруженному мятежу, блокированию работы органов государственной власти и т.д.).

Государство обеспечивает безопасность и правопорядок через систему государственных органов, которые реализуют государственную политику во всех сферах жизни общества, включая обеспечение законности как в обычных условиях жизнедеятельности государства и общества, так и в условиях ЧС. С этой целью реализуется совокупность научно обоснованных теоретических и прикладных положений, поли-

тических, организационных, социально-экономических, правовых, информационных, специальных и иных мер, направленных на предупреждение и ликвидацию последствий ЧС различного происхождения.

Прокуратура Российской Федерации занимает важное место в реализации указанных направлений деятельности. Выполняя свои обязанности как в условиях нормального (стабильного) функционирования государства, так и при возникновении ЧС, органы прокуратуры активно используют предусмотренный законодательством комплекс мер прокурорского реагирования, направленный как на предупреждение ЧС, так и на восстановление нормальной жизнедеятельности общества в целом, обеспечение и восстановление прав пострадавших.

Во исполнение положений федеральных законов № 2202-1-ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 (п. 2.1, 2,5 ст. 6); № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 (п. 8 ст. 63); № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 г. (ч.11.3 ст. 9; ч.1, 12); приказов Генерального прокурора от № 276 11 мая 2016 г. (п.9.1; 11.1; 11.2); № 84 от 07.05.2008 (п.7.3); № 140 от 3 марта 2017 г. (п. 2.5); № 575 от 04.10.2021; № 774 от 22.12.2021 (п.4.1); № 830 от 27.11.2019 (Раздел 2); № 295 от 17 мая 2018; № 265 от 27 мая 2021 г; № 321 от 26.04.2024 работа прокуратур по принятию надзорных мер, направленных на предупреждение и ликвидацию последствий ЧС, обеспечение и восстановление прав пострадавших, предупреждение и выявление нецелевого расходования бюджетных средств, выделенных на предупреждение и ликвидацию последствий ЧС является предметом постоянного внимания органов прокуратуры РФ.

Осуществление прокурорской деятельности в условиях ЧС является одной из составляющих элементов системы внешне- и внутрифункциональной деятельности прокуратуры, что, к сожалению, исследовано фрагментарно. Актуальными являются исследования, которые направлены на анализ отдельных направлений (отраслей) надзорной деятельности [2; 3; 4]. Однако до настоящего времени принципиальные теоретические и прикладные аспекты (направления), позволяющие целостно раскрыть особенности внешне- и внутрифункциональной деятельности прокуратуры в условиях ЧС, не нашли должного освещения в научной литературе либо по ним не выработано единого мнения.

Применительно к деятельности прокуратуры важными вопросами (направлениями) научного исследования являются вопросы усовершенствование понятийного аппарата; усовершенствование правового регулирования деятельности прокуратуры; определение задач и функций прокуратуры в условиях ЧС; исследование особенностей внутрифункциональной деятельности прокуратуры в ЧС и др.

Первым направлением, которое имеет важное значение для развития деятельности прокуратуры в указанных условиях является усовершенствование понятийного аппарата. Поскольку в данной научной проблематике выработка единого законодательно-го и научного подхода к определению понятия «чрезвычайная ситуация» является первичной задачей, отметим, что вопросам определения рассматриваемой правовой категории в научных исследованиях уделялось достаточно внимания, и несмотря на пристальное внимание ученых, на сегодня так и не выработан единый подход. Начиная с 80-х годов академик РАН проф. Б.Н. Порфирьев разработал и ввел в научный

оборот само понятие ЧС, определив ее как внешне неожиданную обстановку, возникшую внезапно, характеризующуюся человеческими жертвами, неопределенностью, конфликтностью, стрессовым состоянием населения, значительными социально-экологическими и экономическими убытками, необходимостью быстрого реагирования (принятия управленческих решений) [5]. Однако на данный момент ЧС определяется значительно шире и рассматривается в контексте нормативно закреплённой, научной категории, юридического факта и специального административно-правового режима.

Относительно нормативного определения ЧС отметим, что в Федеральном законе № 68-ФЗ от 21.12.1994 понятие ЧС определяется как обстановка, сложившаяся на определенной территории в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значимые материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей. Существующий нормативный подход к определению понятия ЧС имеет ряд недостатков, в частности: нечеткость правовых формулировок (такие правовые категории, как «значительные материальные потери», «нарушение условий жизнедеятельности людей» не имеют четких количественных или качественных критериев); определен ограничен (исчерпывающий) перечень видов ЧС; несоответствие современным вызовам и угрозам (ФЗ № 68 был принят в 1994 г. и с тех пор не претерпевал существенных изменений).

Проведенный анализ содержания научных трудов специалистов по данному направлению научного поиска [5–11] дает возможность осуществить попытку разработки и внедрения в научный оборот, в нормативные правовые акты единого, унифицированного понятия ЧС и определить ее как опасное явление или обстановку (природного, техногенного, социального характера), предупреждение или ликвидация которой предусматривает применение уполномоченными государственными органами комплекса особо значимых для государства и общества правовых, организационных (режимных), процессуальных, материально-обеспечивающих, аварийно-спасательных, санитарно-эпидемиологических и других мер с целью восстановления, обеспечения законности и правопорядка на определенной территории, а также прав пострадавших.

Особое внимание следует уделить теоретическим подходам к классификации ЧС. В настоящее время существует множество различных подходов к их классификации: по масштабам распространения, по причиненным убыткам, по количеству погибших и т.д. В научных исследованиях ЧС чаще всего классифицируют по источнику их возникновения: природные и техногенные. Однако помимо указанных видов в обществе могут возникать и иные обстоятельства, которые по своим характеристикам соответствуют определению ЧС. Актуальным является вопрос унификации терминологии и создания единой системы классификации ЧС, которая бы учитывала все их многообразие.

В настоящий момент ни один из действующих нормативных правовых актов не содержит унифицированной (целостной) классификации данных явлений. В качестве иллюстрации служит ФКЗ № 3-ФКЗ от 30.05.2001 г. «О чрезвычайном положении», в котором выделены ЧС техногенного, природного и экологического характера. В ФКЗ от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» выделены ЧС военного характера, а

именно: агрессия против Российской Федерации или непосредственная угроза агрессии. В Постановлении Правительства РФ от 21 мая 2007 г. № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» конкретизированы классификационные признаки ЧС природного и техногенного характера. В некоторой мере указанный пробел дополняют утвержденные в данной области ГОСТы, в частности: «ГОСТ Р 22.0.02-94 Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Термины и определения основных понятий; ГОСТ Р 22.8.01-96 Ликвидация чрезвычайных ситуаций общие требования; ГОСТ Р 22.0.03-95 Природные чрезвычайные ситуации термины и определения; ГОСТ Р 22.0.03-95 Природные чрезвычайные ситуации термины и определения; ГОСТ Р 22.0.08-96 Техногенные чрезвычайные ситуации. взрывы Термины и определения; ГОСТ 22.0.04.97 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Биолого-социальные чрезвычайные ситуации. Термины и определения». По нашему мнению, данная классификация выглядит формально и не дает целостного и четкого представления о спектрах причин и условий возникновения ЧС.

Однако современные вызовы, с которыми сталкивается общество, требуют пересмотра существующего подхода классификации ЧС с учетом новых угроз, таких как ЧС биолого-социального, террористического, социального характера. Профессор М.П. Киреев считает, что к причинам возникновения ЧС следует отнести явления природного, техногенного, биолого-социального характера [12, с. 335]. Позиция ученого подкрепляется положениями ГОСТ Р 22.0.02-94, ГОСТ Р 22.0.04.97. Профессор М.П. Киреев также справедливо отмечает, что «наша страна столкнулась с распространением COVID-19, вызвавшим ЧС биолого-социального характера» [12, с. 335–336]. Несмотря на то, что биолого-социальные ЧС были определены ГОСТ Р 22.0.02-94 еще в 1994, на законодательном уровне этот вид ЧС был определен только в 2020 г. в федеральном законе от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации».

Приведенные примеры достаточно наглядно показывают разнообразие подходов относительно классификации ЧС. С учетом научных позиций С.А. Старостина [13; 14], М.П. Киреева, А.В. Мелехина, ЧС необходимо разделять по сфере проявления на: природные (землетрясение, наводнения, цунами и др.); техногенные (ЧС, возникновение которых вызвано авариями, катастрофами на промышленных объектах, транспортных и иных объектах критической инфраструктуры); комбинированные (возникновение ЧС связано с наличием комплекса причин, сочетанием природного, техногенного и социального фактора); социально-политические (совершение или реальная угроза совершения террористического акта; нападение или покушение на экипаж воздушного (морского) судна; захват заложника; провоцирование или организация межнациональных и межконфессиональных конфликтов, массовых беспорядков; попытки захвата государственной власти или изменения конституционного строя государства путем, не предусмотренным действующим законодательством или путем насилия; вооруженный мятеж и др.).

В целом, выработка единого, унифицированного подхода к определению понятия ЧС, их классификации и закреплению в законодательстве является важной задачей, которая имеет большое значение для обеспечения законности и правопорядка в РФ.

Вторым направлением, которое имеет существенное значение в исследуемой сфере является нормативное определение задач прокуратуры в ЧС. Проблема определения задач органов прокуратуры достаточно длительный период находится в поле зре-

ния ученых и практиков. Профессор А.Ю. Винокуров предлагает следующую классификацию задач: общие (закрепленные в Конституции, федеральном законодательстве); специальные (вытекающие из содержания конкретных функций); частные – задачи, которые не являются постоянными, их возникновение обусловлено текущей обстановкой или вышестоящий прокурором [15, с. 49–50]. В то же время В.В. Фалеев обращает внимание на классификацию задач прокуратуры в ЧС, разделяя их на две группы: основные (организация прокурорского надзора; участие прокурора в реализации правоохранительными органами ограничительных мер; организация представления специальных донесений о ЧС); приоритетные (обеспечение безопасности работников; координация действий сотрудников правоохранительных органов; осуществление надзора за законностью финансирования мероприятий связанных с ликвидацией последствий ЧС) [16, с. 29–31]. Подобную позицию высказывают Г.Д. Белова [17, с. 256], В.А. Максимов [18, с. 12].

Частично задачи прокуратуры при возникновении ЧС закреплены в приказе Генпрокурора РФ от 26.04.2024 № 321 [19]. К ним отнесены создание мобильных и временных приемных; координация деятельности контролирующих и правоохранительных органов по фиксации следов правонарушения и пресечению противоправной деятельности и др. Перечисленные задачи ориентированы на внешнефункциональную деятельность прокуратуры. Вместе с тем приказ не содержит положений, регламентирующих внутриорганизационную деятельность в условиях ЧС.

Изучение опыта организации деятельности прокуратуры в ЧС позволяет определить следующую закономерность: вместе с «обычными», повседневными задачами прокуратура осуществляет выполнение дополнительных, качественно новых задач, которые направлены на восстановление нарушенной жизнедеятельности и ликвидацию негативных последствий. Таким образом, к задачам прокуратуры в ЧС следует отнести: защиту и восстановление прав пострадавших от ЧС; принятие всего комплекса мер прокурорского реагирования, направленных на скорейшее восстановление и нормализацию жизнедеятельности территории, на которой возникла ЧС, а также на своевременное проведение аварийно-восстановительных и спасательных работ; принятие надлежащих мер, направленных на предупреждение дефицита товаров первой необходимости и продуктов питания; принятие надлежащих мер, направленных на возмещение причиненного негативными последствиями ЧС ущерба, на получение материальных выплат; обеспечение целевого расходования бюджетных средств; принятие надлежащих мер, направленных на обеспечение безопасности органов прокуратуры, служебной документации, работников прокуратуры и членов их семей.

Следовательно, в рамках открытой научной дискуссии, предлагаем указанный перечень задач закрепить в Положении об организации деятельности органов и организаций прокуратуры в чрезвычайных ситуациях, которое предлагается утвердить приказом Генерального прокурора Российской Федерации.

Вместе с тем сегодня требуют нормативного урегулирования вопросы, связанные с особенностями осуществления внутриорганизационной и внешнефункциональной деятельности прокуратуры в условиях ЧС (наводнений, пожаров, снежных циклонов, террористических актов, захвата особо важных объектов, блокирование или нападение на здания прокуратуры и т.д.). Данные вопросы являются крайне актуальными, так как обусловлены новыми угрозами безопасности, в том числе, связанных, с проведением СВО на Украине.

Необходимость нормативного закрепления указанных вопросов обусловлено тем, что перечисленный ранее список нормативных правовых актов, регулирующих деятельность прокуратуры по обеспечению законности в ЧС не содержит специальных норм, которые бы свидетельствовали об изменении правового статуса работников прокуратуры в условиях ЧС (наделения их дополнительными правами и обязанностями, необходимыми для выполнения задач в ЧС).

Третье направление связано с исследованием особенностей внутрифункциональной деятельности прокуратуры в ЧС. Прокуроры, выполняя свои функции как в обычных условиях, так и в ЧС, выступают как субъекты и объекты управления. Их управленческое воздействие проявляется при осуществлении внешнефункциональной деятельности, а также в процессе внутрисистемной деятельности [20, с. 4]. Проведенный анализ научных подходов к изучению особенностей организации внутрифункциональной деятельности прокуратуры, а также практики деятельности прокуратуры в ЧС дает возможность определить совокупность вопросов, требующих разрешения, к которым, по мнению автора, относятся:

- организация прогнозирования и планирования деятельности прокуратуры в ЧС (прогнозирование возможных ЧС на территории обслуживания с учетом наличия объектов техногенной сферы, объектов критической инфраструктуры, наличие мест массового пребывания людей, предназначенных для проведения спортивных, культурных и иных массовых мероприятий, подготовка планов эвакуации, схем оповещения личного состава). Эффективная реализация указанного направления может быть обеспечена путем использования искусственного интеллекта. Генеральный прокурор Российской Федерации И.В. Краснов отметил необходимость широкого применения искусственного интеллекта для прогнозирования динамики развития различных негативных явлений.

- распределение обязанностей между прокурорскими работниками. Следует учитывать опыт деятельности прокуратуры в ЧС г. Севастополя, Республики Крым, Краснодарского края, Иркутской области, который доказывает необходимость незамедлительного и адекватного реагирования на возникшие угрозы. Считаем целесообразным законодательно закрепить ряд положений, касающихся особенностей распределения обязанностей связанных с внутриорганизационной деятельностью: определить обязанности руководителя в ЧС, обязанности дежурного (ответственного) по органу прокуратуры в ЧС; обязанности иных прокурорских работников в ЧС. В данном случае речь идет об обязанностях, связанных с порядком проведения учебных тренировок по отработке действий в ЧС, организации оповещения о ЧС и сбора прокурорских работников в установленном месте, об организации проведения инструктажа прокурорских работников (первичного, внепланового, целевого), об организации безопасной эвакуации работников, об обеспечении безопасности зданий и сохранности служебной документации;

- обеспечение безопасности работников в ЧС приобретает особую значимость ввиду опасности, которой подвергается их жизнь и здоровье в ЧС. Анализ нормативных актов [21] и практики показывает необходимость разработки и внедрения эффективных мер обеспечения безопасности работников, особенно в контексте выявленных видов угроз для личной безопасности, безопасности от проявлений актов терроризма и экстремизма, безопасности от угроз техногенного и природного характера. Для обеспечения эффективной защиты работников в ЧС необходимо комплексное приме-

нение указанных мер, учитывающих специфику деятельности прокуратуры, ее места расположения и характера потенциальных угроз;

– организация управления. Особого внимания заслуживают вопросы организации системы управления органами прокуратуры в ЧС. Отметим, что эффективная реализация временных задач предполагает изменение организационных форм деятельности прокуратуры, объективная необходимость которых обусловлена сложностью задач, выполняемых в условиях быстрой смены оперативной обстановки, концентрацией дополнительных (приданных) сил и средств, необходимостью осуществления координационной деятельности, а также осуществления в сжатые сроки значительного объема управленческих функций. В таких условиях возникает потребность в максимально эффективной организации деятельности сил и средств органов и организаций прокуратуры, своевременной подготовке, принятии и реализации управленческих решений. Наиболее полно указанные потребности обеспечивают мобильные и временные приемные, оперативный штаб, мобильные оперативные группы, межведомственные рабочие группы, межрегиональная прокуратура территории, на которой введено чрезвычайное положение. Выявление закономерностей деятельности указанных временных органов позволит повысить эффективность деятельности в ЧС;

– обеспечение деятельности прокуратуры в ЧС. Анализ практики показывает, что обеспечение деятельности прокуратуры в ЧС состоит в решении комплекса организационных вопросов, направленных на создание необходимых условий для организованного и своевременного реагирования на ЧС, поддержание сил и средств органов и организаций прокуратуры в высокой готовности. По нашему мнению, к этому перечню можно отнести: кадровое обеспечение деятельности прокуратуры в ЧС (организация подготовки и повышения квалификации прокурорских работников); морально-психологическое обеспечение деятельности прокуратуры в ЧС; материально-техническое и финансовое (тыловое) обеспечение деятельности прокуратуры в ЧС; информационно-аналитическое обеспечение деятельности прокуратуры в ЧС;

– организация делопроизводства, рассмотрения обращений и приема граждан в условиях ЧС. Действующие организационно-распорядительные документы Генерального прокурора РФ устанавливают общий порядок реализации указанных направлений. Вместе с тем регламентация особенностей такой деятельности в ЧС не предусмотрена. Так, например, Приказ Генпрокурора РФ от 30.01.2013 № 45 определяет общий срок рассмотрения обращений граждан. Указанные сроки рассмотрения обращений распространяются и на обращения, пострадавших в результате ЧС граждан. В условиях ЧС, требующей безотлагательного рассмотрения обращения, сроки, установленные законодательством затрудняют реализацию прав граждан.

Подводя итог, подчеркнем, что разработка теоретических и прикладных аспектов деятельности прокуратуры в ЧС является новым направлением научных исследований и требует комплексного подхода, который предполагает углубленное изучение различных направлений прокурорской деятельности.

Важно отметить, что представленные проблемные вопросы, требующие дальнейшей научной разработки, не претендуют на полноту и бесспорность. Дальнейшее развитие деятельности прокуратуры в ЧС является непрерывным процессом, требующим внимания со стороны законодателя, ученых и практиков.

Список литературы:

1. Emergency Preparedness and Response in 2023 URL: <https://reporting.unhcr.org/unhcr-emergency->

preparedness-and-response-2023 (дата обращения 26.02.2024).

2. Курилова Е.В. Правовые и организационные основы прокурорского надзора за исполнением законодательства об административной ответственности в экологической сфере: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Курилова Екатерина Владимировна. М., 2014.
3. Плугарь Д.М. Прокурорский надзор за исполнением законов об антитеррористической защищенности объектов железнодорожного транспорта: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Плугарь Денис Михайлович. М., 2018, 224 с.
4. Ступаченко Е.В. Взаимодействие органов прокуратуры с постоянно действующими координационными совещаниями по обеспечению правопорядка в субъектах Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Ступаченко Евгений Викторович. М., 2019, 245 с.
5. Порфирьев Б.Н. Государственное управление в чрезвычайных ситуациях: анализ методологии и проблемы организации. М.: Наука, 1991. 136 с.
6. Громов М.А. «Особые условия» как универсальное понятие для деятельности органов и подразделений МВД России: их виды, характеризующие признаки, классификация // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 4.
7. Грязнов А.В. Концепция и конституционные основы института чрезвычайного положения // Государство и право. 1994. № 6.
8. Губанов В.М. Чрезвычайные ситуации социального характера и защита от них: учеб. пособие / В.М. Губанов, Л.А. Михайлов, В.П. Соломин. М.: Дрофа, 2007.
9. Малышев А.А., Силуков М.А. Чрезвычайные ситуации бесконфликтного и конфликтного типа: учеб. пособие / Под ред. А.А. Малышева. М.: ИПК МГЛУ «Г+Рема», 2008.
10. Мелехин А.В. Чрезвычайное законодательство РФ: теоретические, правовые и организационные проблемы его реализации: монография. М.: Академия управления МВД России, 2013.
11. Старостин С.А. Чрезвычайное положение: монография. М.: Проспект, 2019. 120 с.
12. Киреев М.П., Федоров Р.В. Деятельность ОВД в чрезвычайных ситуациях: морально-психологическая среда // Пробелы в российском законодательстве. 2021. №5., Т. 14. С. 334 – 337
13. Старостин С.А. МВД России в системе защиты от чрезвычайных ситуаций: мон. Рязань, 2004.
14. Старостин С.А. Чрезвычайное положение: монография. М.: Проспект, 2019. 120 с.
15. Винокуров А.Ю. Прокурорский надзор: учебник для среднего профессионального образования / А.Ю. Винокуров, Ю.Е. Винокуров; / под общей ред. А.Ю. Винокурова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 380 с.
16. Фалеев В.В. Действия прокурора города, района в условиях чрезвычайных ситуаций / Организация работы прокуратур городов, районов и приравненных к ним прокуратур: сб. материалов: вып. 6 / под общ. ред. Э.Б. Хатова / Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2021. 88 с.
17. Организация и управления в органах прокуратуры: сб. учебно-методич. материалов. Вып. 2 / Э.Э. Агаронова, Г.Д. Белова, С.Н. Будаев и др. / под общ. ред. Э.Б. Хатова / Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2016. 264 с.
18. Максимов В.А. Организация деятельности прокурора-руководителя в чрезвычайных ситуациях: Метод. материалы / ИПК РК Академ. Генер. прокуратуры РФ. М.: 2007. 24 с.
19. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26.04.2024 № 321 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475568/ (дата обращения 21.02.2024).
20. Шурпаев Ш.М. Теория управления: учебное пособие для обучающихся по программе специалитета. СПб.: Санкт-Петербургский юрид. институт (филиал) Ун-та прокуратуры Рос. Федерации, 2022. 120 с.
21. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 27.11.2019 № 830 «Об утверждении Концепции безопасности органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339645/cfafccb241db35bf5e7ffb3f1ed7b0967e9eb96f/

Basova Y. Y. Current problems and prospects for the development of the prosecutor's office's activities to ensure law in emergency situations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 215–223.

The increase in the number and scale of emergency situations, as well as the need to protect the rights of victims, necessitated a scientific discussion of the issues of prevention and elimination of consequences of emergency situations. Particular attention is paid to the activities of state bodies, in particular, the prosecutor's office. The article considers theoretical and applied aspects of the prosecutor's office to ensure the rule of law in emergency situations. Particular attention was paid to the issues of clarifying the concept of "emergency situation", as well as the development of scientific views on the classification of emergency situations of various types. Based on the analysis, the author identifies the constituent elements of the system of ensuring the rule of law in emergency situations, examines the features of the intra-functional activities of the prosecutor's office in emergency situations, such as the organization of forecasting and planning of the activities of the prosecutor's office in emergency situations; distribution of responsibilities between prosecutors; ensuring the

safety of employees; organization of management, etc. The article identifies issues that require further scientific understanding.

Key words: prosecutor's office, legality, theoretical aspects of the prosecutor's office, applied aspects of the prosecutor's office, current areas of the prosecutor's office, emergency situations.

Spisok literatury:

1. Emergency Preparedness and Response in 2023 URL: <https://reporting.unhcr.org/unhcr-emergency-preparedness-and-response-2023> (data obrashcheniya 26.02.2024).
2. Kurilova E.V. Pravovye i organizacionnye osnovy prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva ob administrativnoj otvetstvennosti v ekologicheskoy sfere : dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.11 / Kurilova Ekaterina Vladimirovna. M., 2014.
3. Plugar' D.M. Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonov ob antiterroristicheskoy zashchishchennosti ob"ektov zheleznodorozhnogo transporta : dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.11 / Plugar' Denis Mihajlovich. M., 2018, 224 s.
4. Stupachenko E.V. Vzaimodeystvie organov prokuratury s postovanno deystvuyushchimi koordinacionnymi soveshchaniyami po obespecheniyu pravoporyadka v sub"ektah Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.11 / Stupachenko Evgenij Viktorovich. M., 2019, 245 s.
5. Porfir'ev B.N. Gosudarstvennoe upravlenie v chrezvychajnykh situacijah: analiz metodologii i problemy organizacii. M. : Nauka, 1991. 136 s..
6. Gromov M.A. «Osobyje usloviya» kak universal'noe ponyatie dlya devatel'nosti organov i podrazdelenij MVD Rossii: ih vidy, harakterizuyushchie priznaki, klassifikaciya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2013. № 4.
7. Gryaznov A.V. koncepciya i konstitucionnye osnovy instituta chrezvychajnogo polozheniya // Gosudarstvo i pravo. 1994. № 6.
8. Gubanov V.M. CHrezvychajnye situacii social'nogo haraktera i zashchita ot nih : ucheb. posobie / V.M. Gubanov, L.A. Mihajlov, V.P. Solomin. M. : Drofa, 2007.
9. Malyshev A.A., Silukov M.A. CHrezvychajnye situacii beskonfliktnogo i konfliktnogo tipa : ucheb. posobie / Pod red. A.A. Malysheva. M. : IPK MGLU «G+Rema», 2008.
10. Melekhin A.V. CHrezvychajnoe zakonodatel'stvo RF: teoreticheskie, pravovye i organizacionnye problemy ego realizacii : monografiya. M. : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2013.
11. Starostin S.A. CHrezvychajnoe polozhenie: monografiya. M. : Prospekt, 2019. 120 s.
12. Kireev M.P., Fedorov R.V. Devatel'nost' OVD v chrezvychajnykh situacijah: moral'no-psihologicheskaya sreda // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2021. №5., T. 14. S. 334 – 337
13. Starostin S.A. MVD Rossii v sisteme zashchity ot chrezvychajnykh situacij: monografiya. Ryazan', 2004.
14. Starostin S.A. CHrezvychajnoe polozhenie: monografiya. M. : Prospekt, 2019. 120 s.
15. Vinokurov A.YU. Prokurorskiy nadzor : uchebnik dlya srednego professional'nogo obrazovaniya / A.YU. Vinokurov, YU.E. Vinokurov; / pod obshchej red. A.YU. Vinokurova. 5-e izd., pererab. i dop. M. : Izd-vo YUrait, 2023. 380 s.
16. Faleev V.V. Deystviya prokurora goroda, rajona v usloviyah chrezvychajnykh situacij / Organizaciya raboty prokuratur gorodov, rajonov i priiravnennyh k nim prokuratur: sb. materialov: vyp.6 / pod obshch. red. E.B. Hatova / Akad. Gen. prokuratury Ros. Federacii. M., 2021. 88 s.
17. Organizaciya i upravleniya v organah prokuratury: sb. uchebno-metodich. materialov. Vyp. 2 / E.E. Agaronova, G.D. Belova, S.N. Budaj i dr. / pod obshch. red. E.B. Hatova / Akkad. Gen. prokuratury Ros. Federacii. M., 2016. 264 s.
18. Maksimov V.A. Organizaciya devatel'nosti prokurora-rukovoditelya v chrezvychajnykh situacijah : Metod. materialy / IPK RK Akad. Gener. prokuratury RF. M. : 2007. 24 s.
19. Prikaz General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii ot 26.04.2024 № 321 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva v sfere zashchity naseleniya i territorij ot chrezvychajnykh situacij prirodno i tekhnogennogo haraktera» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475568/
20. SHurpaev SH.M. Teoriya upravleniya : uchebnoe posobie dlya obuchayushchihsva po programme specialiteta. SPb. : Sankt-Peterburgskij yurid. institut (filial) Un-ta prokuratury Ros. Federacii, 2022. 120 s.
21. Prikaz General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii ot 27.11.2019 № 830 «Ob utverzhdenii koncepcii bezopasnosti organov i organizacij prokuratury Rossijskoj Federacii» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339645/cfafccb241db35bf5e7ffb3f1ed7b0967e9eb96f/

УДК 39242

АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Будник Р. А., Пархоменко А. Г., Мелехин А. В., Усанов В. Е.

Центр сравнительного государственного права Института Китая и современной Азии РАН

Статья посвящена анализу основ права на доступ к информации государственных органов и особенностей его реализации в Европейском Союзе. В работе используются формально-юридический, аналитический и диалектический методы исследования правовых проблем и судебных решений. На основании исследования ряда судебных дел автор приходит к выводу об имеющихся место нарушениях права граждан на получение информации государственных органов в Европейском Союзе. Статья 10 Европейской конвенции по правам человека в силу общего характера формулировок и наличествующих в ней оговорок о допустимых ограничениях свободы выражения мнений, устанавливаемых государством, должным образом реализацию этого права не обеспечивает. Сделано заключение о том, что адвокатам по делам о нарушении права граждан на получение информации государственных органов стоит чаще апеллировать к законодательным актам, которые содержат конкретные нормы, регулирующие отношения по данному вопросу. К таким относятся Рекомендация Комитета министров государствам-членам ЕС о доступе к официальным документам и Конвенция Совета Европы о доступе к официальным документам.

Ключевые слова: свобода информации, право на информацию, право знать, информация государственных органов, свобода выражения мнений, ограничение свободы выражения мнений, Европейской конвенция по правам человека, коллизия правовых норм

Право на информацию является одним из базовых прав человека [1]. В актах международного права оно описано как право, которое гарантирует свободу самовыражения, необходимое для укрепления демократии и участия граждан в жизни и управлении обществом, как инструмент противодействия коррупции и защиты окружающей среды. Целевыми результатами реализации этого права считаются повышение качества государственного управления, улучшение инвестиционного климата, снижение коррупции, активизация гражданского общества и усиление его роли в принятии государственных решений. Важным следствием свободы информации и права на доступ к информации, которое на практике позволяет обществу реализовать вышеуказанные цели, является доступ к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления [2].

Право на доступ к информации вообще и информации, касающейся управления государством в частности, ведет свою историю с 1766 г., когда Швеция приняла закон о доступе к информации. В то время это был единственный подобный документ в мире. Этим законом устанавливалась свобода прессы, включая свободу печати, публикации и распространения материалов о правительстве, судах и парламенте. Документ позволял национальному парламенту получать доступ к информации от короля. Положения этого закона в дальнейшем стали частью конституции Швеции, их гипотеза строится на том, что свобода прессы зависит от возможности доступа граждан к информации, а цель состоит в разрешении использования архивов, копирования документов на месте или получения заверенных копий [3].

Следующий в исторической цепочке правовой акт косвенно, но безапелляционно

утвердил право граждан на доступ к определенной информации государственных органов. В 1789 г. Национальное учредительное собрание Франции приняло Декларацию прав человека и гражданина, которая и сегодня является частью Конституции Франции [4]. В ст. 14 Декларации устанавливается, что «Все граждане имеют право устанавливать сами или через своих представителей необходимость государственного налога, добровольно соглашаться на его взимание, следить за его расходованием и определять его долевого размер, основание, порядок и продолжительность взимания». Право на доступ к информации не было основной целью этой декларации, однако оно было утверждено в качестве инструмента для регулирования отношений по общественно значимому вопросу об установлении и расходовании налогов [5].

На международном уровне право на информацию возникает в 1946 г. в Резолюции 59(I) Генеральной Ассамблеи ООН о «Созыве международной конференции по вопросу о свободе информации». В документе указывается: «свобода информации является основным правом человека и представляет собой критерий всех видов свободы, защите которых Объединенные Нации себя посвятили; свобода информации подразумевает право повсеместно и беспрепятственно собирать, передавать и опубликовывать информационные сведения; вследствие этого она является основной предпосылкой для всякой серьезной попытки способствовать достижению мира и мировому прогрессу; свобода информации безусловно требует от тех, кто пользуется ее привилегиями, желания и умения не злоупотреблять ими; основным принципом ее является моральная обязанность стремиться к выявлению объективных фактов и к распространению информации без злостных намерений; взаимопонимание и сотрудничество между народами невозможно при отсутствии бдительного и здорового мирового общественного мнения, которое, в свою очередь, всецело зависит от свободы информации». Данная формулировка носит обобщенно-декларативный характер, что соответствует духу установочной конференции, однако из нее не следует конкретно-предметного права запрашивать и получать информацию от органов государственной власти.

В 1966 г. США приняли Закон о свободе информации. Особенностью этого федерального закона является конкретика его положений в части установления права общественности на получение информации от федеральных правительственных учреждений. Закон о свободе информации, кодифицированный в Параграфе 552 Кодекса США, устанавливает, что «каждая персона» может подать запрос и получить на него ответ, включая граждан США, иностранных граждан, организации, ассоциации и университеты [6]. После Уотергейтского дела в 1974 г. в закон были внесены поправки, требующие более строгого соблюдения его требований государственными агентствами, а в 1996 г. в него были включены дополнения, обеспечивающие более широкий доступ к информации, выраженной в электронной форме.

Совет Европы в 1981 г. принял Рекомендацию для государств-членов союза о доступе к информации, находящейся в распоряжении органов государственной власти. Этот необязывающий нормативный акт призывает участников обеспечить такое положение граждан, чтобы каждый человек, находящийся в юрисдикции государства-члена ЕС, имел право на основании своего запроса получить информацию, которой располагают органы государственной власти, за исключением некоторых данных законодательных и судебных органов. Эта рекомендация отражает европей-

скую тенденцию, направленную на признание «права знать» посредством обеспечения доступности и повышения открытости административной информации, что отражено в таких законодательных актах как закон Франции «О мероприятиях по улучшению отношений между администрацией и населением и о некоторых административных, социальных и финансовых положениях», и закон Нидерландов об информационной открытости администрации, оба принятые в 1978 году.

Сегодня базовые нормы международного права о доступе к информации содержатся в ст. 10 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.; в ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах ООН 1966 г., который основан на Всеобщей декларации прав человека; в ст. 13 Конвенции ООН против коррупции 2003 г.; в Орхусской конвенции Европейской Экономической Комиссии ООН «О доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды»; в документах ООН, ОБСЕ, ЮНЕСКО, Конвенции Совета Европы о доступе к официальным документам, решениях Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд), резолюциях Комитета и Парламентской ассамблеи Совета Европы. Главным принципом международного законодательства в данной области считается принцип максимальной открытости информации, от которого можно отступать только в некоторых случаях, обусловленных общественным интересом, правами человека и безопасностью общества, которые должны быть сформулированы четко, конкретно и без возможности расширительного толкования.

В директивном замечании Комитета ООН по правам человека сказано, что ст. 19 Пакта гарантирует право на информацию, находящуюся в распоряжении государственных органов. Условия пакта требуют, чтобы государства в приоритетном порядке распространяли информацию, имеющую общественный интерес, и что доступ к ней должен быть несложным, быстрым, эффективным и практичным. В замечании также сказано, что государствам рекомендуется разработать и ввести в действие процедуры, необходимые для реализации права на информацию. Плата за доступ к информации должна быть невысокой, государственные учреждения обязаны отвечать на запросы своевременно, а в случае отказа в предоставлении информации органы власти должны его аргументировано обосновать, при этом государства обязаны создать механизм обжалования таких отказов.

Конвенция ООН против коррупции требует, чтобы государства приняли надлежащие меры для обеспечения населения эффективным доступом к информации, и обязывает обеспечить защиту информаторов, сообщающих о фактах коррупции, поскольку это соответствует общественному интересу.

Соблюдение стандартов свободы информации в целом, и свободы информации о деятельности и результатах работы государственных органов в частности, накладывает как минимум два обязательства на правительства и органы государственной власти. Во-первых, это обязанность обнародовать ключевую информацию о мероприятиях, осуществляемых государственными органами. Во-вторых, это обязанность отвечать на запросы граждан и обеспечить им доступ к документам о работе государственных учреждений. Законы национальных государств о доступе к информации должны содержать следующие базовые принципы. Право на доступ – это право физического лица, организации или юридического лица запрашивать информацию у государственных органов без вменения им обязанности правового обосно-

вания своего интереса к ней. Обязанность предоставлять информацию – это обязанность государственных органов отвечать на запросы и предоставлять информацию, что предполагает создание регламентов работы с запросами и установление предельных сроков для подготовки и отправки ответов. Если национальные законы не соответствуют указанным правилам, то они противоречат международным нормам, и в спорных моментах должны применяться международные нормы.

При этом право на доступ к информации, как и право на свободу выражения мнений, не является абсолютным и может быть ограничено. Так, п. 3 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах гласит, что ограничения должны быть установлены законом и являться необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. Эти условия можно использовать в качестве теста при определении законности и обоснованности ограничения или нарушения права на свободу информации.

В современном мире созданы специализированные рейтинги для оценки доступности информации в разных странах. Одним из наиболее известных инструментов является Обзор открытости бюджета государств, в котором РФ в 2019 г. фигурировала на высоком четырнадцатом месте [7]. Также стоит упомянуть о действующих международных партнерствах, таких как Партнерство Открытых Правительств (OGP – open government partnership), в котором Российская Федерация не принимает участие; и Группа государств против коррупции (GRECO – group of states against corruption), созданная Советом Европы, членом которого Россия оставалась до конца 2003 г. Эти международные союзы созданы и работают с целью стимулирования государств к внедрению прогрессивных стандартов доступа к информации. В 2015 г. по предложению ЮНЕСКО день 28 сентября был назначен «Международным днем всеобщего доступа к информации».

2. Методология

Методология настоящего исследования построена на анализе судебных дел и вынесенных по ним решений, которые прямо или косвенно затрагивают проблематику ст. 10 Европейской конвенции по правам человека (далее – ЕКПЧ). Выбранный фокус исследования обусловлен наметившимся расхождением между интерпретацией Европейского Суда духа, буквы и интенции данной нормы, заключающейся в обеспечении свободы получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей независимо от государственных границ, и практикой отказов в предоставлении информации гражданам и организациям со стороны органов государственной власти в странах ЕС. В работе используются формально-юридический, аналитический и диалектический методы исследования правовых проблем и судебных решений.

3. Результаты

Результаты настоящего исследования представляют собой анализ судебной практики о доступе к информации государственных органов в ЕС. Предваряя анализ релевантных споров и вынесенных решений по ним, необходимо отметить следующее. Ст. 10 ЕКПЧ сформулирована так, что из ее текста прямо не вытекает ни общего права гражданина на доступ к информации ни конкретного правомочия на доступ к информации государственных органов. Конвенция в целом не налагает на государства-члены определенных обязательств по сбору и распространению ин-

формации.

Однако актуальная прецедентная практика Европейского Суда транслирует обществу сообщение о том, что Конвенция является живым инструментом, который следует интерпретировать в свете современных условий, что требует более широко и всеобъемлющего толкования свободы информации и признания права на доступ к ней. В своих решениях суд занимает недвусмысленную позицию, согласно которой право доступа к информации, находящейся в распоряжении органов государственной власти, следует считать попадающим под действие ст. 10 ЕКПП. Соответственно, такое право и обязанность возникают, во-первых, в тех случаях, когда раскрытие информации было предписано вступившим в законную силу постановлением суда, и, во-вторых, в обстоятельствах, когда доступ к информации необходим для реализации свободы получать и распространять информацию, а непредоставление доступа препятствует осуществлению этого права.

Позиция Европейского Суда заключается в том, что ст. 10 ЕКПП применима в тех случаях, когда запрос информации, данных или документов обусловлен общественными интересами и преследует соответствующие цели, что и вызывает необходимость раскрытия сведений. Такая необходимость возникает всякий раз, когда предоставление информации обеспечивает прозрачность порядка ведения государственных дел и вопросов, представляющих интерес для общества. Общественный интерес имеет место во всех проблемах и делах, которые затрагивают граждан в такой степени, что они начинают активно интересоваться ими. К таковым могут относиться вопросы, которые вызывают серьезные разногласия между социальными слоями и группами, и инициируют потребность общества в информации по ним, в том числе для гармонизации общественных отношений. Тот факт, что запрошенная информация существует и может быть сообщена, представляет собой важный аргумент при оценке того, можно ли рассматривать отказ в предоставлении этих данных как вмешательство в свободу получения и распространения информации, защищенную статьей 10 Конвенции. Далее мы рассмотрим три судебных дела и вынесенные решения по ним, которые выводят данную проблему в поле практических отношений в конкретных обстоятельствах.

Первое дело, которое обращает на себя внимание при анализе проблемы исследования, это «Венгерский Хельсинкский комитет против Венгрии», постановление по которому вынесено Европейским Судом 8.11.2016 г. [8]. Истец – Венгерский Хельсинкский комитет является неправительственной организацией (НПО), основанной в 1989 г. Задачами НПО являются контроль за соблюдением международных стандартов в области прав человека в Венгрии, обеспечение юридического представительства жертвам нарушений этих прав, продвижение и развитие юридического образования в стране и за ее пределами. Основными направлениями деятельности НПО являются защита прав иностранных беженцев, ищущих убежища и нуждающихся в международной защите, а также мониторинг деятельности правоохранительных органов и судебной системы в области прав человека. В частности, основное внимание уделяется доступу к правосудию, условиям содержания под стражей и эффективному обеспечению права на защиту.

Суть дела заключается в отказе государственных органов Венгрии предоставить информацию, касающуюся работы адвокатов по назначению, поскольку власти классифицировали эту информацию как персональные данные, не подлежащие рас-

крытию в соответствии с венгерским законодательством. Суд отметил, что информация, запрошенная у полиции НПО-истцом, была необходима для завершения работы по изучению функционирования системы государственных защитников, проводимого ею с целью внести свой вклад в дискуссию по данному вопросу, представляющему очевидный общественный интерес. По мнению Суда, отказав заявителю в доступе к запрошенной информации, национальные власти нарушили реализацию свободы НПО на получение и распространение информации, что подрывает саму суть ее прав, предоставленных статьей 10 ЕКПП.

Суд установил, что права государственных защитников на неприкосновенность частной жизни не пострадали бы, если бы запрос НПО-истца о предоставлении информации был удовлетворен, поскольку несмотря на то, что он по общему признанию касался персональных данных, он не включал в себя информацию, находящуюся вне общественного достояния. Суд также постановил, что тенденциозная интерпретация венгерскими властями национального законодательства привела к нарушению прав НПО-истца на свободу выражения мнения. Суд счел, что запрет на публикацию результатов исследования, проведенного НПО, противоречит общественным интересам поскольку ограничивает дискуссию по важному для граждан вопросу.

Доводы Правительства об оправданности и необходимости ограничения доступа к информации в демократическом обществе Суд признал несостоятельными и решил, что, несмотря на конвенциональную свободу усмотрения, оставленную за государством-ответчиком, его решение было несоразмерным преследуемой законной цели в виде защиты прав других граждан, и представляет собой факт нарушения ст. 10 ЕКПП.

Второе дело о насильственном удалении журналистов из пресс-зала парламента лишило их возможности непосредственно получать информацию о происходящих в парламенте событиях – «Сельмани и другие против бывшей югославской Республики Македония», решение по которому было вынесено в феврале 2017 г. [9]. Истцами по делу выступили журналисты, освещавшие парламентские дебаты во время которых вспыхнули беспорядки, спровоцированные группой депутатов, что привело к вмешательству сотрудников службы безопасности. Когда заявители отказались подчиниться приказу покинуть пресс-галерею, их выдворили насильно.

Центральный вопрос судебного разбирательства заключался в том, было ли обжалуемое вмешательство властей необходимым для обеспечения законных интересов в демократическом обществе. Действия властей по устранению беспорядка в палате парламента соответствовали общественным интересам. Однако задача средств массовой информации заключалась в распространении информации о происходящих событиях, а общественность имела право получать такую информацию. Во время беспорядков истцы по делу оставались пассивными свидетелями, которые наблюдали за происходящим и выполняли свою работу. Никакой угрозы общественной безопасности они не представляли. Их удаление повлекло за собой неблагоприятные последствия в виде лишения возможности получать и транслировать обществу информацию о разворачивающихся в парламенте событиях из первых рук. Действия властей Суд счел нарушением статьи 10 ЕКПП, поскольку общество было лишено возможности получать информацию по значимому вопросу вследствие того, что журналисты были отстранены от реализации своих профессиональ-

ных функций.

Третье дело касается отказа в доступе к информации по находящемуся на рассмотрении конституционному делу Таршашаг а Сабадшагьогекерт против Венгрии [10]. В марте 2004 г. депутат венгерского парламента и другие лица подали жалобу о проверке конституционности поправок к УК, касающихся преступлений, связанных с наркотиками. Несколько месяцев спустя истец по делу – правозащитная неправительственная организация, контролирующая политику государства в области противодействия обороту наркотиков, запросила доступ к находящейся на рассмотрении жалобе. Конституционный суд отклонил ходатайство заявителя, объяснив, что поданные в него жалобы могут быть доступны посторонним лицам только с согласия их автора. Истец подал иск в областной суд с требованием к Конституционному суду предоставить ему доступ к материалам в соответствии с положениями Закона о данных 1992 г. В решении, оставленном в силе апелляционным судом, региональный суд отклонил иск истца, установив, что запрошенные данные являются персональными и, следовательно, не могут быть предоставлены без согласия заявителя жалобы. По мнению национальных судов, защита таких данных не может быть перечеркнута другими законными интересами, включая доступность публичной информации.

Европейский Суд постановил, что информационная монополия Конституционного Суда Венгрии в таких случаях представляет собой форму цензуры. По существу дела Суд отметил, что запрошенная истцом информация существовала, была готова к передаче и не требовала дополнительных действий со стороны Правительства. В этих обстоятельствах государство было обязано устранить препятствия к распространению общественно значимой информации, которую запросил истец. Кроме того, в жалобе депутата не было обнаружено никаких упоминаний о его частной жизни. Предоставление политическим деятелям возможности подвергать цензуре прессу и общественные дебаты под предлогом охраны их личных прав стало бы фатальной ошибкой, угрожающей свободе выражения мнений. Суд счел, что препятствия, призванные воспрепятствовать доступу к информации, представляющей общественный интерес, могут помешать работникам средств массовой информации выполнять жизненно важную роль общественного надзирателя. В данном деле суд также усмотрел нарушение статьи 10 ЕКПП.

Обоснование постановлений по вышеизложенным делам наглядно свидетельствует о максимально расширительном толковании Европейским Судом духа и буквы статьи 10 ЕКПП. Невозможно не отметить коллизии норм права, которые имеют место практически в каждом из подобных дел. В приведенных судебных спорах столкновение норм о свободе получения и распространения информации государственных органов с положениями действующих законов об охране персональных данных, общественной безопасности и неприкосновенности частной жизни, было решено в пользу свободы информации. При этом аргументация Суда, занимающего эту позицию, выглядит в каждом случае достаточно сложной и небесспорной. По результатам анализа судебной практики представляется, что в будущем Суд может оказываться в ситуации недостатка убедительных доводов, склоняющих чашу баланса в пользу применения положений статьи 10 ЕКПП для вынесения решения.

4. Дискуссия и заключение

В дискуссионной части работы необходимо упомянуть о других наличествую-

щих правовых инструментах, регулирующих доступ к информации государственных органов в Евросоюзе.

В этой связи, во-первых, стоит отметить Рекомендацию N Rec (2002)2 Комитета Министров государствам-участникам о доступе к официальным документам от 21 февраля 2002 года. Этот документ содержит недвусмысленное требование обеспечить доступ граждан и организаций к информации государственных органов: «Государства-члены должны гарантировать право каждого на доступ по запросу к официальным документам, находящимся в распоряжении государственных органов. Этот принцип должен применяться без дискриминации по какому-либо признаку, включая национальное происхождение...». Кроме в Рекомендации устанавливается строго ограниченный список исключений из данного правила: государства-члены могут ограничить право доступа к официальным документам, однако эти ограничения должны быть четко установлены в законе, должны быть необходимыми в демократическом обществе и соразмерными целям защиты. К оправдывающим исключения общественным интересам в Рекомендации отнесены: национальная безопасность, оборона и международные отношения; общественная безопасность; профилактика, расследование и судебное преследование преступной деятельности; неприкосновенности личной жизни и других правомерных частных интересов; коммерческие и иные экономические интересы; равенства сторон в ходе судебного разбирательства; охрана природы; инспекционные, контрольные и наблюдательные функции органов государственной власти, экономической, кредитно-денежной и валютной политики государства, конфиденциальность обсуждений в ходе подготовки какого-либо вопроса внутри органа государственной власти либо между такими органами.

Данный список ограничений выглядит весьма широким и предоставляющим разнообразные возможности для обоснования ограничений доступа к информации в случае такой необходимости. Именно по этой причине так важна прецедентная практика Европейского Суда, поддерживающая свободу доступа и распространения информации на основании положений статьи 10 ЕКПП.

Далее необходимо упомянуть о Рекомендации CM/Rec(2016)4 Комитета министров Совета Европы государствам-членам о защите журналистики, безопасности журналистов и других субъектов средств массовой информации, принятой 13 апреля 2016 года. В части обеспечения свободы информации как общей ценности в данной резолюции отмечено, что государства-члены должны создать комплексную законодательную базу, которая позволит журналистам и другим субъектам СМИ эффективно и без страха участвовать в общественных дебатах. Такая структура должна [...] гарантировать общественный доступ к информации [...].

Третьим, весьма конкретным международно-правовым актом, продвигающим обсуждаемые ценности, является Конвенция Совета Европы о доступе к официальным документам, вступившая в силу 1.12.2020 г. Она является первым обязательным международно-правовым документом, признающим общее право доступа к официальным документам, хранящимся в органах государственной власти. Этот акт устанавливает право доступа к официальным документам. Ограничения этого права допускаются только в целях защиты определенных интересов, таких как национальная безопасность, оборона или конфиденциальность. Он устанавливает минимальные стандарты, которые должны применяться при обработке запросов на доступ к

официальным документам, процедуре проверки и дополнительным мерам. Конвенция обладает необходимой гибкостью, позволяющей национальным законам опираться на эту основу и обеспечивать еще больший доступ к официальным документам.

В заключении важно подчеркнуть, что эта правовая база Евросоюза способна послужить ничуть не менее надёжной опорой для адвокатов и других защитников прав по делам о доступе к информации вообще, и информации государственных органов в частности, чем принципиально значимая, но инструментально неконкретная статья 10 ЕКПП.

Список литературы:

1. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 16 декабря 1966 г.
2. Бркич И., Градоевич Н., Игнатевич С. Влияние экономической свободы на экономический рост? Новые данные Европейской динамической группы. Журнал Финансового Риск Менеджмента, 2020, 13, 26. <https://doi.org/10.3390/jrfm13020026>
3. Ридхольм Л. (2013). Китай и первый в мире закон о свободе информации: Шведский закон о свободе прессы 1766 года, *Javnost – The Public*, 20:4, 45-63, DOI: 0.1080/13183222.2013.11009127
4. Яковлева Л. И. Французская декларация прав человека и гражданина 1789 года: история принятия, предпосылки, уроки // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2018. №3.
5. Декларация прав человека и гражданина. Британская энциклопедия, 9 декабря 2022 г., <https://www.britannica.com/topic/Declaration-of-the-Rights-of-Man-and-of-the-Citizen>
6. Горовиц П., Миллер П. (1982). Закон о свободе информации: федеральная политика и написание современной истории. Журнал Публичный Историк, 4 (4), 87–96. <https://doi.org/10.2307/3377049>
7. Обзор открытости бюджета Международного Бюджетного Партнерства (МБП), 2019, https://internationalbudget.org/sites/default/files/2020-05/2019_Report_RU.pdf
8. Венгерский Хельсинкский комитет против Венгрии. Дело № 18030/11. <https://hudoc.echr.coe.int/fre#%7B%22itemid%22%3A%22001-167828%22%7D>
9. Сельмани и другие против бывшей югославской Республики Македония. Дело № 67259/14. <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%7B%22itemid%22%3A%22001-157729%22%7D>
10. Таршааг а Сабдшаггоокерт против Венгрии. Дело № 37374/05. http://wkeim.bplaced.net/files/echr-CASE_OF_TARSASAG_v._HUNGARY.html

Budnik R. A., Parhomenko A. G., Melekhin A. V., Usanov V. E. Analysis of legal regulation and use of the right to access government information in the European Union // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – Р. 224–233.

The article is devoted to the analysis of the fundamentals of the right to access information of government bodies and the features of its implementation in the European Union. The work uses formal legal, analytical and dialectical methods for studying legal problems and court decisions. Based on a study of a number of court cases, the author comes to the conclusion that there are violations of the right of citizens to receive information from government bodies in the European Union. Article 10 of the European Convention on Human Rights, due to the general nature of the wording and the reservations it contains on permissible restrictions on freedom of expression established by the state, does not properly ensure the implementation of this right. It is concluded that lawyers in cases of violation of the right of citizens to receive information from government bodies should more often appeal to legislative acts that contain specific rules governing relations on this issue. These include the Recommendation of the Committee of Ministers to EU member states on access to official documents and the Council of Europe Convention on access to official documents.

Key words: freedom of information, right to information, right to know, government information, freedom of expression, restriction of freedom of expression, European Convention on Human Rights, conflict of laws.

Spisok literatury:

1. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah. Prinyat rezolyuciej 2200 A (XXI) General'noj Assamblei Organizacii Ob"edinennyh Nacij 16 dekabrya 1966 g.
2. Brkich I., Gradoevich N., Ignat'evich S. Vliyanie ekonomicheskoy svobody na ekonomicheskij rost? Novye dannye Evropejskoj dinamicheskoy gruppy. ZHurnal Finansovogo Risk Menedzhmenta, 2020, 13, 26. <https://doi.org/10.3390/jrfm13020026>
3. Ridhol'm L. (2013). Kitaj i pervyj v mire zakon o svobode informacii: SHvedskij zakon o svobode pressy 1766 goda, *Javnost – The Public*, 20:4, 45-63, DOI: 0.1080/13183222.2013.11009127
4. YAkovleva L. I. Francuzskaya deklaraciya prav cheloveka i grazhdanina 1789 goda: istoriya prinyatiya, predposylki, uroki // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. 2018. №3.

5. Deklaraciya prav cheloveka i grazhdanina. Britanskaya enciklopediya, 9 dekabrya 2022 g., <https://www.britannica.com/topic/Declaration-of-the-Rights-of-Man-and-of-the-Citizen>
 6. Gorovic P., Miller P. (1982). Zakon o svobode informacii: federal'naya politika i napisanie sovremennoj istorii. ZHurnal Publichnyj Istorik, 4 (4), 87–96. <https://doi.org/10.2307/3377049>
 7. Obzor otkrytosti byudzheta Mezhdunarodnogo Byudzhetnogo Partnerstva (MBP), 2019, https://internationalbudget.org/sites/default/files/2020-05/2019_Report_RU.pdf
 8. Vengerskij Hel'sinskij komitet protiv Vengrii. Delo № 18030/11. [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22001-167828%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-167828%22]})
 9. Sel'mani i drugie protiv byvshej yugoslavskoj Respubliki Makedoniya. Delo № 67259/14. [https://hudoc.echr.coe.int/rus#{%22itemid%22:\[%22001-157729%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/rus#{%22itemid%22:[%22001-157729%22]})
 10. Tarshashag a Sabadshag'ogokert protiv Vengrii. Delo № 37374/05. http://wkeim.bplaced.net/files/echr-CASE_OF_TARSASAG_v._HUNGARY.html
- .

УДК 342.4 – 341.231

О ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Капранов А. В., Кудовба О. Н.

В статье, в связи с возрастанием роли технологического суверенитета в структуре национальной безопасности, изучаются различные трактовки данной разновидности государственного суверенитета, исследуются зарубежные и российские подходы к определению понятия «технологический суверенитет». Обозначаются различные причины, предопределившие необходимость оптимизации государственной политики в области закрепления и далее уже отраслевой реализации технологического суверенитета в Российской Федерации. Рассматриваются признаки технологического суверенитета, факторы, позволяющие рассматривать технологический суверенитет как составляющую национальной безопасности Российской Федерации. Авторы формулируют определение технологического суверенитета, определяют ряд статей Конституции Российской Федерации, закладывающие основы технологического суверенитета как составляющей национальной безопасности. Делают вывод, что, несмотря на утверждение в 2022 году Концепции технологического суверенитета России, на закрепление в 2023 году на законодательном уровне понятия «технологический суверенитет», ряда мер, учрежденных в различных отраслях, в целях их реализации и достижения высокого уровня технологической независимости необходимо и далее совершенствовать законодательство, предпринять ряд мероприятий, направленных на решение ряда взаимосвязанных проблем в экономике, промышленности, науке, образовании.

Ключевые слова: цифровизация, технологии, технологическая независимость, государственный суверенитет, технологический суверенитет, национальная безопасность, образование, наука, экономика.

В условиях цифровизации модернизируется широкий спектр общественных отношений, происходит оптимизация публичной власти [1, с. 224; 2, с. 87], в данной связи актуализируются вопросы обеспечения национальной безопасности России с опорой на развитие положений действующего законодательства в сфере инновационных технологий. Все указанное сопряжено с насущной потребностью в масштабной трансформации экономики РФ, в том числе связанной с таким ее показателем, как технологическая независимость. Суверенная экономика страны должна строиться на достижении всеобщего суверенитета, на различных видах суверенитетов, среди которых в последнее время приоритетное внимание оказывается технологическому. Эта категория является новеллой российского законодательства, в ней переплетается большой спектр экономических, информационных, технологических вопросов, также, в связи с тесной связью государственного и технологического суверенитета, предполагается их соотношение как целого и части, усматриваются и конституционно-правовые основания исследований этой тематики.

Суверенитет предполагает существование верховной власти государства над населением в рамках определенной территории. В последние годы мы наблюдаем появление новых терминов, размывающих привычные для нас смысловые рамки понятия суверенитет – «информационный суверенитет», «цифровой суверенитет», «когнитивный суверенитет», «продовольственный суверенитет», «технологический суверенитет» и мн.др. Вместе с тем, понятие «технологический суверенитет» не так уж и ново. Данное понятие используется в мировой науке, по крайней мере, с 70-х годов прошлого века.

Как отмечалось, возникновению данного понятия послужили две причины: научно-технологическая революция, прошедшая во многих странах, которая начала играть роль фактора, обеспечивающего не только экономическую успешность государств, но и их безопасность, прежде всего в информационно-коммуникационной сфере, а с другой стороны, развитие постиндустриального общества повышало роль экономики знаний как важнейшей отрасли народного хозяйства. В данном контексте любая технологическая либо информационная зависимость становилась условием наращивания отставания в мировой гонке конкурентоспособности [3, с. 88-96].

Среди зарубежных авторов не сложилось единого мнения по поводу трактовки понятия технологический суверенитет. Так, например, отмечается, что суверенитет: это возможности самостоятельного инновационного развития технологий, либо защищенность конфиденциальных данных отдельных субъектов, либо это автономия в сфере технологий [4, с. 76-81].

Это объясняется тем, что понятие технологического суверенитета рассматривается с различных точек проблематики. А выяснение контекста проблематики очень важно. Как отмечалось «Каждая проблематика имеет свою структуру, ее элементы необходимо рассматривать реляционно, а не изолированно друг от друга» [5, с. 23].

Технологический суверенитет согласно одному из распространенных определений в ЕС – это «способность государства или федерации государств обеспечить себя (произвести или приобрести) критически важными технологиями, усиливающими конкурентоспособность. Возможность действовать и развиваться без односторонней структурной зависимости» [5, с. 25]. В представлении различных стран технологический суверенитет имеет разный контекст. Например, в США, Европейском Союзе, Индии он связан с ИТ сферой, с цифровой инфраструктурой, в Бразилии с промышленностью. Поэтому определение технологического суверенитета в зарубежных странах является «плавающим», трудно универсально определить его границы, вывести общее определение. Среди отечественных авторов вопрос определения технологического суверенитета так же является дискуссионным. Имеется такая трактовка технологического суверенитета, согласно которой это совокупность научных разработок, импортозамещение и отечественное производство [6].

А.А. Афанасьев предлагал относить к технологическому суверенитету «достигнутый уровень реальной независимости страны в области науки, техники и технологий», что обеспечивает национальный уровень интересов в соответствующей сфере, с институциональной точки зрения ученый полагал, что «технологический суверенитет представляет собой стратегический ориентир, на обеспечение которого направлена совокупность уже существующих и новых правил в плане глобальной открытости экономики с одновременным обеспечением национальной безопасности страны. Правил, позволяющих обеспечить защищенность техносферы страны при воспроизводстве различных ее компонент (технологий, продукции и т.д.) как при их создании на национальной территории, так и при получении от экономик других стран» [7, с. 2377-2394].

Имеется и такая точка зрения, согласно которой «технологический суверенитет означает внутреннюю свободу национального правительства и экономических агентов иметь полноценный доступ и свободно распоряжаться принадлежащими им ключевыми технологиями без риска неправомерного вмешательства иностранного субъекта» [8, с. 1301-1314].

Но наиболее точной представляется следующая трактовка технологического суверенитета «это способность государства обеспечить научно-техническое и промышленное развитие для создания и поддержания на своей территории собственных технологий и инфраструктуры, достаточных для того, чтобы гарантировать независимость своей политики, экономики и обороноспособности от иностранных технологий в критических, жизненно важных сферах» [9, с. 104-108]. История технологического суверенитета насчитывает не один десяток лет и его появление было отмечено еще в XX в. Именно тогда актуальным стал вопрос о независимом положении российского государства на экономической мировой арене и зашла речь о технологической суверенности РФ в контексте обеспечения национальной безопасности.

Такие изменения обусловлены глубокими экономическими, социальными и политическими тенденциями, так как государственные структуры постепенно осознавали, что доступ к новым технологиям играет определяющую роль для их суверенитета, независимости от политики иных стран, что побудило их интерес к конкуренции за развитие своих технологических возможностей.

Особенно остро стоял вопрос о необходимости внедрения технологического суверенитета в российскую правовую систему в 1990-е годы, когда Россия стояла на стыке либеральной и консервативной финансовой системы развития, используя при этом смешанные механизмы государственного управления, заимствованные у зарубежных государств. Позже экономическая система РФ существенно реформировалась и уже в 2012 г. был взят вектор на импортозамещение, а 2014 г. стал первичной ступенью в реализации программы в отношении промышленности.

Однако, импортозамещение требовало соответствующего государственного регулирования со стороны публичной власти, поэтому Правительством принято решение о создании компетентной комиссии по импортозамещению, которая стала осуществлять контрольно-надзорные функции, направленные на соблюдение действующего законодательства, основными положениями которого стало использование только отечественного программного обеспечения в государственных и муниципальных закупках, увеличение объемов внутригосударственной продукции.

Сегодня в концепции обеспечения национальной безопасности [10] прямо о технологическом суверенитете не упоминается, говорится лишь о необходимости охраны государственного суверенитета, народ объявляется носителем народного суверенитета. Однако в перечне стратегических национальных приоритетов указывается устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе. В разделе «Информационная безопасность» информационная безопасность объявляется средством укрепления государственного суверенитета.

Таким образом, история технологического суверенитета насчитывает уже много лет и развивается в соответствии с экономическими, политическими и иными тенденциями государственной политики России. Важно отметить, что наиболее детально исследуемая проблематика стала изучаться лишь тридцать лет назад и имеет ряд существенных как теоретических, так и эмпирических пробелов в действующем законодательстве. Понятие технологического суверенитета трактовать единообразно невозможно в силу множественности подходов к определению, так как субъекты его составляющие достаточно специфичны, в свою очередь соответствующей спецификой обладает и массив общественных отношений, возникающих в технологически-коммуникационной среде. Несмотря на этот теоретический пробел юридиче-

ской литературы, авторы выделяют ряд особых признаков, позволяющих конкретизировать технологический суверенитет как составляющую нацбезопасности РФ.

Технологический суверенитет в условиях развития российского государства является неотъемлемой составляющей государственного суверенитета. Заслуживает быть отмеченным, что реализация технологического суверенитета представляет собой способность государства самостоятельно осуществлять ряд правоприменительных функций, регулирующих однородные общественные отношения в исследуемой сфере инновационных технологий. К таковым функциям следует отнести, прежде всего, функции по разработке и использованию объектов информатизации, всевозможных информационных систем и Интернет-пространства.

Реализация всех этих функций направлена на достижение единой цели – обеспечению национальной безопасности российского государства посредством эффективного и своевременного правового регулирования, осуществляемого непосредственно уполномоченными органами публичной власти. Несмотря на дискуссионность вопроса о признаках технологического суверенитета, следует выделить особые признаки его характеризующие. Так, технологический суверенитет можно определить как правительственную программу, предполагающую замену импортных продуктов на товары, оборудование и ИТ-продукты, предназначенные для использования в государственном заказе, при этом их производство за рубежом полностью исключается с целью поддержания протекционистской политики. Как правило, протекционистская политика представляет собой систему государственного управления, деятельность которой направлена на ограничение ввоза импортных и поддержку внутренних товаров и услуг, являющихся аналогами зарубежным.

Анализируя положительные и негативные аспекты исследуемой политики, мы пришли к выводу о том, что однозначно рассматривать значение протекционизма нельзя. С точки зрения положительного влияния на развитие российского государства важно отметить высокую степень государственной поддержки, что, несомненно, способствует развитию новых отраслей промышленности, стимулирует рост производства посредством повышенной конкурентоспособности, а также существенным образом увеличивает внутренний валовой продукт.

Однако, как и любая другая экономическая политика, протекционизм имеет и ряд негативных характеристик. Важно отметить, что протекционистская политика подразумевает ряд рыночных ограничений, что сказывается на бизнесе, а конкретно его неудобном положении в исследуемых условиях. Так, к основным минусам такой политики можно отнести необоснованно завышенную цену на товары и услуги, замедление предпринимательской инициативы, а также угрозу международным отношениям, что сказывается на формировании и развитии государственного суверенитета, в том числе и технологического.

Помимо этого, необходимо отметить, что большая часть технического оборудования, которое активно эксплуатируется РФ в различных потребительских и иных целях имеет зарубежное происхождение. Соответственно зарубежными считаются и инновационные технологии, благодаря которым разрабатываются и изготавливаются всевозможные технологические новшества.

Анализируя последние события на мировой экономической арене, мы пришли к выводу о том, что технологический суверенитет и его успешное функционирование в пределах российского государства просто необходимо. Новый вехой, ознаменовав-

шей технологический суверенитет как составляющую государственной политики стало начало специальной военной операции в феврале 2022 года. Именно тогда против россиян и кампаний из РФ было введено огромное количество санкций, число которых на данный момент (март, 2023 г.) насчитывает более 10 тысяч.

Ограничения преследовали различный целевой характер и коснулись не только отдельных физических лиц, но и юридических лиц, а в частности металлургической, авиационной и атомной промышленности. Этот перечень далеко не исчерпывающий, и санкционному воздействию поддались также политическая, военная и информационная отрасли. Большинство зарубежных компаний ограничило доступ к своей продукции и ряду услуг, а некоторые и вовсе ушли с российского рынка, тем самым полностью оборвав сотрудничество с российскими клиентами.

Именно вышеприведенные факторы изменения экономического уклада российского государства под воздействием зарубежных санкций предопределили необходимость оптимизации государственной политики в области конституционного закрепления и далее уже отраслевой реализации технологического суверенитета. Признаки технологического суверенитета: технологическая самостоятельность, независимость научно-технологического развития, импортозамещение, производство IT продукции, кооперация между отраслями

Таким образом, под технологическим суверенитетом, как составной части государственного суверенитета и необходимого элемента национальной безопасности следует понимать возможность государства быть защищенным от внешних и внутренних угроз в связи с развитием высокотехнологичных производств, внедрением в производство наукоемких технологий, фактический уровень защищенности собственного государства в политике, экономике от иностранных государств в связи с наличием собственных высоких технологий, независимость от импорта.

Значение технологического суверенитета невозможно переоценить в условиях успешного функционирования российской правовой системы, в соответствии с учетом современных тенденций экономического, политического и духовного развития России, формированием единого информационно-цифрового пространства, возрастает потребность в его конституционно-правовом обосновании, регулировании со стороны публичной власти. Как такового закрепления технологического суверенитета как вида государственного суверенитета в тексте Основного закона нет, однако поправками 2020 г. определен спектр задач, являющихся составляющей государственного ведения со стороны РФ в этой области. Кроме того, в тексте Конституции имеется ряд статей, по совокупному смыслу которого можно сделать вывод, что соответствующие положения выступают конституционной основой технологического суверенитета как составляющей национальной безопасности.

Положения ст. 4 Конституции РФ учредили государственный суверенитет, а поправки 2020 г. конкретизировали важность государственного суверенитета в ч. 2.1 ст.67 Конституции РФ, согласно которым закреплено, что государство обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Безусловно, до конституционной реформы данная защита осуществлялась, однако данными положениями ст. 67 законодатель актуализировал вопрос о независимости России, как на внутреннем, так и на внешнем уровне.

Заслуживает внимания также конкретизация положений о конституционно-правовом статусе органов государственной власти в области обеспечения техноло-

гического суверенитета. Так, обращаясь к п. «е» ст. 71 Конституции РФ мы видим, что основным направлением деятельности государственных структур является установление основ федеральной политики и программ в области государственного, экономического, экологического, научно-технологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации.

Национальному развитию РФ способствует реализация в том числе и научно-технологической политики, которая должна быть положена в основу обеспечения технологического суверенитета. Представляется, именно данное положение Конституции РФ является основой конституционного регулирования исследуемого понятия. Очевидно, что технологический суверенитет может успешно функционировать исключительно в условиях правового обеспечения и законодательного закрепления, а также конкретизации в положениях Основного закона.

Важной составляющей обеспечения технологического суверенитета является экономическая политика, осуществляемая РФ в пределах своего ведения. П. «ж» ст. 71 Основного закона закрепляет установление правовых основ единого рынка, финансового, валютного, кредитного и таможенного регулирования, в том числе и денежной эмиссии. В свете сказанного важно отметить, что исследуемые положения представляют собой основу протекционистской политики, лежащей в основе технологического суверенитета российского государства. Вместе с тем следует подчеркнуть, что внешняя политика и международные отношения РФ с зарубежными странами занимают главенствующее положение в системе обеспечения технологического суверенитета, что также закреплено в п. «к» ст. 71 Конституции РФ.

Технологический суверенитет теснейшим образом связан с инновационным развитием страны в сфере информации, принятием программы «Электронная Россия», далее преобразованная в программу «Информационное общество», развивающаяся на основе стратегий Президента РФ. В этой связи в качестве конституционной основы технологического суверенитета – положения ст. 24 и ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, закрепляющей право на информацию, а также право на доступ к Интернету, которое не закреплено в Конституции, но в совокупности с указанными статьями и Федеральным законом 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [11] получило право на существование. Таким образом, к конституционным основам технологического суверенитета так же следует относить положения законодательства, связанные со сферой обеспечения информационной безопасности. В современной России первым законодательным актом, направленным на решение задач правового обеспечения национальной безопасности, стал Закон РФ 1992 г. «О безопасности» [12]. Роль упомянутого акта в создании основ безопасности в методологическом, организационно-правовом, функциональном неоспорима. В настоящее время действующий Закон РФ «О безопасности» [13] развил базовые основы национальной безопасности в том числе в аспектах обеспечения информационной безопасности как одного из ключевых направлений.

Сегодня действует целый ряд федеральных законов, регулирующих совокупность взаимосвязанных общественных отношений, включая вопросы обеспечения пожарной, промышленной, биологической, радиационной, транспортной и пищевой безопасности, безопасности дорожного движения и др., а также безопасности отдельных объектов инфраструктуры РФ и дружественных государств, в т.ч. объектов топливно-энергетического, оборонно-промышленного комплексов и космической

отрасли. Это позволяет констатировать существенное расширение рамок и векторов обеспечения национальной безопасности в российском законодательстве [14, с. 214]. Обращает на себя внимание ситуация, связанная с отсутствием в системе правового регулирования в области безопасности специального федерального закона, направленного на обеспечение информационной безопасности, несмотря на различные дискуссионные предложения, обосновывающие необходимость его принятия.

Важную роль в обеспечении информационной безопасности играют положения Указа Президента РФ 2021 г., закрепляющего Стратегию национальной безопасности. Следует отметить, что в данном новом документе стратегического планирования проблемам информационной безопасности впервые посвящен целый раздел, в котором обращается внимание на повышение угроз безопасности граждан, общества и государства, в том числе расширение применения цифровых технологий для вмешательства во внутренние дела государства и подрыва его суверенитета (включая информационный, цифровой, сетевой, технологический и др.).

Сегодня государственную правовую политику России в области информационной безопасности отражает Доктрина информационной безопасности РФ, утвержденная Указом Президента РФ в декабре 2016 г., которая, с учетом новой Стратегии национальной безопасности требует существенной корректировки. В т.ч. существует объективная потребность в принятии такого федерального закона, который комплексно регулировал бы указанную сферу, поскольку как справедливо отмечалось, в настоящее время современная регламентация данного вопроса не в полной мере отвечает новым вызовам, угрозам и рискам современного этапа развития общественных отношений [15, с. 112-121].

Учитывая, что в ее рамках Стратегии национальной безопасности к национальным интересам относятся укрепление обороноспособности государства, конкурентоспособности страны, сбережение народа, которые реализуются, в том числе, посредством претворения в жизнь достижений науки и технологий как стратегических национальных приоритетов. Соответственно, положения, связанные с развитием государственной политики в сфере науки, полномочий в сфере науки, закрепленные в положениях п. е) ч. 1 ст. 72, п. в) ч. 1 ст. 114 Конституции РФ так же можно отнести как к положениям, закладывающим основы технологического суверенитета.

В положениях ст. 44 Конституции РФ при регламентации вопросов различного видов творчества, закрепления свободы в данной сфере, упоминается в том числе и техническое творчество, таким образом, закладываются конституционные основы свободы творчества в развитии наукоемких технологий. В области образования, в ч. 5 ст. 43 Конституции говорится об установлении федеральных государственных образовательных стандартов, подразумевающих их и в технологической сфере.

Таким образом, целесообразно сделать вывод о том, что поправки к Конституции РФ в 2020 г. оказали существенное влияние на формирование конституционных основ, определяющих технологический суверенитет как основополагающее направление государственной политики РФ. Следует отметить, что исследуемые поправки далеко не случайны и введены в соответствии с усилением конституционно-правового механизма на территории РФ, в том числе и в отношении технологического развития. Однако, несмотря на то, что понятие «технологический суверенитет» не является новым для российской правовой системы, соответствующего нормативно-правового закрепления оно долгое время не находило. Именно данный

пробел в действующем законодательстве потребовал вмешательства главы государства в данный вопрос в 2022 г.

Президент РФ поручил Правительству РФ на концептуальном, организационно-правовом и методическом уровне с учетом законодательства в сфере планирования [16], национальной безопасности [17], проработать вопросы формирования технологического суверенитета на национальном, а также на территориальных уровнях.

Было указано, что необходимо проработать следующие вопросы: определить понятие «технологическая компания», разработать условия их деятельности, для того, чтобы впоследствии оказывать им государственную поддержку, в том числе проработать правовую базу в области технологического суверенитета во взаимосвязи с работой технологических компаний.

Правительство РФ должно было до декабря 2022 г. сформировать и утвердить Концепцию технологического суверенитета России на период до 2030 г. (далее Концепция). Принята указанная Концепция в мае 2023 г. [18], в ней определены такие понятия как вызовы технологического развития, высокотехнологичная продукция, инновационная продукция, импортозамещение, критические технологии, технологическая кампания и ее критерии, проекты технологического суверенитета, технологический стартап, технологическая инновация, технологическая компания, технологическое лидерство, технологическая политика, технологический приоритет. Но самое главное, дано определение технологического суверенитета.

Под технологическим суверенитетом Концепция предлагает понимать наличие в стране технологий, позволяющих обеспечивать на их основе продукцию, при помощи которой государство будет достигать собственные национальные цели развития и при помощи которых сможет реализовывать национальные интересы. Предусматривается две формы технологического суверенитета, во-первых, это исследования, позволяющее разрабатывать и внедрять технологии, а во-вторых – высокотехнологичное производство на основе данных технологий.

Таким образом, законодатель в Концепции понимает под технологическим суверенитетом не результат деятельности предпринимаемых мер государством в казанной сфере, принимаемый в виде самостоятельности и независимости на мировой арене в сфере инновационного технологического опережающего другие страны развития, а сами инструменты по достижению государством этого суверенного, независимого состояния – критические и сквозные технологии и производство на их основе. В концепции перечисляются современные угрозы российскому технологическому суверенитету, этапы технологического развития, приоритеты в области формирования технологического суверенитета. В концепции обозначаются принципы, цели и индикаторы технологического развития, а также механизмы реализации критических и сквозных технологий.

Вместе с этим, еще в июле 2022 г. Правительство РФ разработало дорожную карту, связанную с достижением технологического суверенитета, с перечнем конкретных мер, в том числе восстановлением разрушенных санкциями технологических цепочек, переформатирование рыночных институтов с учетом цифровых платформ.

Достигаться технологический суверенитет должен в рамках конкретных отраслей. Так, например, в строительной отрасли РФ, в сентябре 2022 г. принят Меморандум по вопросам технологического суверенитета в данной отрасли [19]. Указанный меморандум станет основой для инноваций в данной области, в том числе для

разработки стратегий и политики, для развития различных исследований, взаимодействия науки и производства в строительной отрасли, информационно-аналитического обеспечения и мн.др.

Не менее важным представляется технологический суверенитет в агропромышленном комплексе. Здесь ключевыми выступают вопросы по обеспечению отраслевых стандартов, эффективному взаимодействию субъектов по партнерству, нормативное обеспечение беспилотной сельхозтехники и лизинговых схем и мн.др.

В настоящее время Россия вступила в фазу реализации мер по достижению технологического суверенитета. На всех уровнях от Правительства до фирм и корпораций формирует новый подход к стандартам, определяющим качество предоставляемых услуг, а также товаров. Не менее актуальны направления по формированию организационно-методических и аналитико-информационных основ достижения технологического суверенитета. Кроме того, собирается информация по ключевым показателям экономики в сфере инновационного развития, в этой связи получают развитие различные направления статистического наблюдения, в том числе за использованием цифровых платформ.

Следует констатировать, что необходимо преодолеть существенное технологическое отставание от мировых стран-лидеров, и разрешить данный вопрос нельзя без соответствующего законодательного регулирования в различных сферах. В том числе необходимо комплексно разрешить ряд проблем в науке (недофинансирование, недостаточно высокий уровень управления и мн. др. [20, с. 60]), в образовании, здравоохранении, культуры, которые в современных условиях превращаются в ключевой индикатор конкурентоспособности России [22, с. 384].

Поиск выхода из сложившегося кризиса в области обеспечения технологического суверенитета кроется, как нам представляется, так же, как отмечалось в Стратегии нацбезопасности, в сбережении народа, попросту человеческого ресурса, интеллектуального ресурса, в совокупности с развитием высокотехнологичных отраслей. В перспективах развития технологического суверенитета следует отметить необходимость формирования новой системы управления, нового уклада экономики, в рамках которого государство собирает общество, разные социальные группы вокруг главного критерия – подъема общественного благосостояния. В рамках 7 ст. Конституции РФ данный тренд приобретает новое звучание. Достойный уровень жизни может подразумевать под собой и высокотехнологический аспект уровня жизни.

Формирование технологического суверенитета, таким, образом, зависит от целого ряда факторов, базой формирования технологического суверенитета, безусловно, выступает развитие экономики, не вдаваясь в экономические тонкости, следует отметить, что все исследователи сходятся во мнении, что необходимо произвести отход от экономики сырьевого развития и перейти к высокотехнологической экономике. На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что понятие «технологический суверенитет» многоаспектно. Технологический суверенитет выступает разновидностью государственного суверенитета, закрепленного в Основном законе. В законодательстве России понятие «технологический суверенитет» получило закрепление лишь в 2023 г., в Концепции технологического развития РФ до 2030 г. В Основном законе данный термин не отображен, однако его базовое содержание, основы складываются из ряда статей, закрепленных в нем. К таким статьям следует отнести: положений статей 4, ст. 24, ч. 4 ст. 29, в ч. 5 ст. 43, ч. 2.1 ст. 67, п.

е), п. ж ст. 71, п. е) ч. 1 ст. 72, п. в) ч. 1 ст. 114 Конституции РФ. Вопросы технологического суверенитета тесно связаны с обеспечением национального суверенитета, защиты от внешних и внутренних угроз государства, общества в сферах науки, образования, информации, технологий.

Важными параметрами технологического суверенитета являются аспекты его стратегического планирования, органичной связи с государственным суверенитетом, национальной безопасностью. Становление высокого уровня технологического суверенитета возможно только лишь по итогу слаженных направлений различных видов государственной политики, решению в комплексе проблем в науке, образовании, в различных отраслях промышленности, сельском хозяйстве, международном сотрудничестве, при взаимодействии государства и гражданского общества. Перспективными направлениями по обеспечению технологического суверенитета, как представляется, так же выступает принятие федерального закона «Об информационной и технологической безопасности».

Список литературы:

1. Евсикова Е.В. Публичный финансовый контроль в условиях цифровой трансформации (теоретико-правовой аспект) / Е.В. Евсикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 3. С. 224-236.
2. Евсикова Е.В. Публично-правовая ответственность в современном российском праве: теоретико-правовой аспект / Е.В. Евсикова. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. Т. 8 (74). – № 4. – С. 87-96.
3. Приходько И.И. Теоретические аспекты концепции технологического суверенитета / И.И. Приходько. – Текст: непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2022. Т. 8 (74). – № 4. – С. 88-96.
4. Янковская Е.С. Технологический суверенитет России: понятие, сущность, стратегия и пути ее реализации / Е.С. Янковская. – Текст: непосредственный // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2022. – № 4 (84). – С. 76-81.
5. Томин Л.В. Дискуссии о технологическом суверенитете: анализ концептуальных различий и стратегий обоснования / Л.В. Томин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19. № 1. С. 22-35.
6. Суверенитет сначала в мозгах, а потом в технологиях. 2022. Электронный журнал «Стимул» URL: <https://stimul.online/articles/interview/suverenitet-snachala-v-mozgakh-a-potom-v-tekhnologiyakh/> (дата обращения: 04.05.2024). – Текст: электронный.
7. Афанасьев А.А. «Технологический суверенитет» как научная категория в системе современного знания / А.А. Афанасьев. – Текст: непосредственный // Экономика предпринимательства и права. – 2022. – Том 12. – № 3. – С. 2377-2394.
8. Ештокин С.В. Сквозные технологии цифровой экономики как фактор формирования технологического суверенитета страны / С.В. Ештокин. – Текст: непосредственный // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Том 12. – № 3. – С. 1301-1314.
9. Кротова М.В. Возможности методологии системного анализа применительно к разработке стратегии обеспечения технологического суверенитета России / М.В. Кротова. – Текст: непосредственный // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Материалы XIII Международной научно-практической конференции. Том Выпуск. 17. Часть 2. Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2022. С. 104-108.
10. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://base.garant.ru> (дата доступа: 04.05.2024). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. – Текст: электронный.
11. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // URL: <http://base.garant.ru> (дата доступа: 04.05.2024). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. – Текст: электронный.
12. Закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1 «О безопасности» (утратил силу) // URL: <http://base.garant.ru> (дата доступа: 04.05.2024). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. – Текст: электронный.
13. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» // URL: <http://base.garant.ru> (дата доступа: 04.05.2024). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. – Текст: электронный.
14. Каправнова Ю.В., Овсепян Г.М. Деятельность государственной инспекции безопасности дорожного движения МВЛ России как субъекта обеспечения национальной безопасности / Ю.В. Каправнова, Г.М. Овсепян. – Текст: непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – С. 213-220.

15. Полякова Т.А., Камалова Г.Г. Новые векторы развития системы правового обеспечения информационной безопасности как одного из приоритетов национальной безопасности (к 30-летию принятия Закона Российской Федерации «О безопасности») / Т.А. Полякова, Г.Г. Камалова. – Текст: непосредственный // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 2. – С. 112-121.
16. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // URL: <http://base.garant.ru> (дата доступа: 04.05.2024). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
17. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://base.garant.ru> (дата доступа: 04.05.2024). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. – Текст: электронный.
18. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 № 1315-р «Концепция технологического развития на период до 2030 года» // URL: <http://base.garant.ru> (дата доступа: 04.05.2024). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. – Текст: электронный.
19. Официальный сайт Минстрой России. В России будет создан Консорциум по выработке технической и инновационной политики в области строительства. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/v-rossii-budet-sozdan-konsortsium-po-vyrobke-tekhnich-eskou-i-innovatsionnoy-politiki-v-oblasti-str/> (дата обращения: 04.05.2024). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. – Текст: электронный.
20. Лапаева В.В. Технологический суверенитет России: правовые проблемы/ В.В. Лапаева. – Текст: непосредственный // Научные исследования. – 2-23. – № 2. – С. 60-72.
21. Клепач А.Н., Водоватов Л.Б., Дмитриева Е.А. Российская наука и технологии: взлет, или прогрессирующее отставание (часть I)/ А.Н. Клепач, Л.Б. Водоватов, Е.А. Дмитриева. – Текст: непосредственный // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 6 (195). – С. 76-93.
22. Сарьян В.К., Левашов В.К., Гребняк О.В. Негативные явления в образовании РФ - реальная угроза технологическому суверенитету страны/ В.К. Сарьян, В.К. Левашов, О.В. Гребняк. // Россия: тенденции и перспективы развития: сборник МНПР. М., 2021. Вып. 16. Ч. 2. С. 382-386.

Kapranov A.V., Kudovba O.N. On technological sovereignty as a component of the national // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 234 – 245.

In the article, due to the increasing role of technological sovereignty in the structure of national security, various interpretations of this type of state sovereignty are studied, foreign and Russian approaches to the definition of the concept of "technological sovereignty" are explored. Various reasons are outlined that predetermined the need to optimize state policy in the field of consolidating and further sectoral implementation of technological sovereignty in the Russian Federation. The signs of technological sovereignty and factors allowing considering technological sovereignty as a component of the national security of the Russian Federation are considered. The authors formulate a definition of technological sovereignty, define a number of articles of the Constitution of the Russian Federation, laying the foundations of technological sovereignty as a component of national security. It is concluded that, despite the approval of the Concept of Technological Sovereignty of Russia in 2022, the consolidation of the concept of "technological sovereignty" at the legislative level in 2023, a number of measures established in various industries, in order to implement them and achieve a high level of technological independence, it is necessary to further improve legislation, take a number of measures aimed at solving a number of interrelated problems in the economy, industry, science, and education.

Keywords: digitalization, technology, technological independence, state sovereignty, technological sovereignty, national security, education, science, economy.

Spisok literatury:

1. Evsikova E.V. Publichnyi finansovyi kontrol' v usloviyakh tsifrovoy transformatsii (teoretiko-pravovoi aspekt)/ E.V. Evsikova. – // Текст: непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. Т. 9 (75). – № 3. – С. 224-236.
2. Evsikova E.V. Publichno-pravovaya otvetstvennost' v sovremennoy rossiiskom prave: teoretiko-pravovoi aspekt/ E.V. Evsikova. – // Текст: непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. Т. 8 (74). – № 4. – С. 87-96.
3. Prikhod'ko I.I. Teoreticheskie aspekty kontseptsii tekhnologicheskogo suvereniteta/ I.I. Prikhod'ko. – Текст: непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2022. Т. 8 (74). – № 4. – С. 88-96.
4. Yankovskaya E.S. Tekhnologicheskii suverenitet Rossii: ponyatie, sushchnost', strategiya i puti ee realizatsii / E.S. Yankovskaya. – Текст: непосредственный // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Bobkova филиала Росийской таможенной академии. – 2022. – № 4 (84). – С. 76-81.
5. Tomin L.V. Diskussii o tekhnologicheskoy suverenitete: analiz kontseptual'nykh razlichii i strategii obosnovaniya/ L.V. Tomin. // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. – 2023. – Том 19. – № 1. – С. 22-35.
6. Suverenitet snachala v mozgakh, a potom v tekhnologiyakh. 2022. Elektronnyi zhurnal «Stimul» URL: <https://stimul.online/articles/interview/suverenitet-snachala-v-mozgakh-a-potom-v-tekhnologiyakh/> (data

obrashcheniya: 04.05.2024). – Tekst: elektronnyi.

7. Afanas'ev A.A. «Tekhnologicheskii suverenitet» kak nauchnaya kategoriya v sisteme sovremennogo znaniya / A.A. Afanas'ev. // *Ekonomika predprinimatel'stva i prava*. – 2022. – Tom 12. – № 3. – S. 2377-2394.

8. Eshtokin S.V. Skvoznye tekhnologii tsifrovoi ekonomiki kak faktor formirovaniya tekhnologicheskogo suvereniteta strany / S.V. Eshtokin. – Tekst: neposredstvennyi // *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki*. – 2022. – Tom 12. – № 3. – S. 1301-1314.

9. Krotova M.V. Vozmozhnosti metodologii sistemnogo analiza primenitel'no k razrabotke strategii obespecheniya tekhnologicheskogo suvereniteta Rossii/ M.V. Krotova. – Tekst: neposredstvennyi // *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya*. Ezhegodnik. Materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Tom Vypusk.17. Chast' 2. Otv. red. V.I. Gerasimov. – M., 2022. – S. 104-108.

10. Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 «O strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii» // URL: <http://base.garant.ru> (data dostupa: 04.05.2024). – Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelei.

11. Federal'nyi zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii» // URL: <http://base.garant.ru> (data dostupa: 04.05.2024). – Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelei. – Tekst: elektronnyi.

12. Zakon RF ot 05.03.1992 № 2446-1 «O bezopasnosti» (utratil silu) // URL: <http://base.garant.ru> (data dostupa: 04.05.2024). – Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelei. – Tekst: elektronnyi.

13. Federal'nyi zakon ot 28.12.2010 № 390-FZ «O bezopasnosti» // URL: <http://base.garant.ru> (data dostupa: 04.05.2024). – Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelei. – Tekst: elektronnyi.

14. Kapranova Yu.V., Ovsepyan G.M. Deyatel'nost' gosudarstvennoi inspeksii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya MVL Rossii kak sub'ekta obespecheniya natsional'noi bezopasnosti/ Yu.V. Kapranova, G.M. Ovsepyan. – Tekst: neposredstvennyi // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki*. – 2020. – T. 6 (72). № 3. – S. 213-220.

15. Polyakova T.A., Kamalova G.G. Novye vektory razvitiya sistemy pravovogo obespecheniya informatsionnoi bezopasnosti kak odnogo iz prioritetov natsional'noi bezopasnosti (k 30-letiyu prinyatiya Zakona Rossiiskoi Federatsii «O bezopasnosti») / T.A. Polyakova, G.G. Kamalova. – Tekst: neposredstvennyi // *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. – 2022. – № 2. – S. 112-121.

16. Federal'nyi zakon «O strategicheskoy planirovani v Rossiiskoi Federatsii»; Ukaz Prezidenta RF ot 01.12.2016 № 642 «O strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii» // URL: <http://base.garant.ru> (data dostupa: 04.05.2024). – Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelei.

17. Ukaz Prezidenta RF ot 05.12.2016 № 646 «Ob utverzhdenii Doktriny informatsionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii»; Ukaz Prezidenta RF ot 21.01.2020 № 20 «Ob utverzhdenii Doktriny prodovol'stvennoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii»; Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 «O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii» // URL: <http://base.garant.ru> (data dostupa: 04.05.2024). – Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelei. – Tekst: elektronnyi.

18. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 20.05.2023 № 1315-r «Kontseptsiya tekhnologicheskogo razvitiya na period do 2030 goda» // URL: <http://base.garant.ru> (data dostupa: 04.05.2024). – Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelei. – Tekst: elektronnyi.

19. Ofitsial'nyi sait Ministroi Rossii. V Rossii budet sozdan Konsortsium po vyrabotke tekhnicheskoi i innovatsionnoi politiki v oblasti stroitel'stva. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/v-rossii-budet-sozdan-konsortsium-po-vyrabotke-tekhnich-eskoy-i-innovatsionnoy-politiki-v-oblasti-str/> (data obrashcheniya: 04.05.2024). – Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelei. – Tekst: elektronnyi.

20. Lapaeva V.V. Tekhnologicheskii suverenitet Rossii: pravovye problemy/ V.V. Lapaeva. – Tekst: neposredstvennyi // *Naukovedcheskie issledovaniya*. – 2-23. – № 2. – S. 60-72.

21. Klepach A.N., Vodovotov L.B., Ditrieva E.A. Rossiiskaya nauka i tekhnologii: vzlet, ili progressiruyushchee otstavanie (chast' I)/ A.N. Klepach, L.B. Vodovotov, E.A. Dmitrieva. – Tekst: neposredstvennyi // *Problemy prognozirovaniya*. – 2022. – № 6 (195). – S. 76-93.

22. Sar'yan V.K., Levashov V.K., Grebnyak O.V. Negativnye yavleniya v obrazovanii RF - real'naya ugroza tekhnologicheskoy suverenitetu strany/ V.K. Sar'yan, V.K. Levashov, O.V. Grebnyak. // *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya: sbornik MNPK*. M., 2021. Vyp. 16. Ch. 2. S. 382-386.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 246–253.

УДК 342.9

**ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОНТРОЛЯ ЗА ВРЕМЕННЫМ ПРЕБЫВАНИЕМ И ПРОЖИВАНИЕМ
ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Климова Д. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Актуальность подготовки и написания настоящей статьи обусловлена необходимостью совершенствования правового механизма осуществления государственного контроля за пребыванием и проживанием иностранных граждан в Российской Федерации ввиду интенсивности и специфики современных миграционных потоков, и непосредственного влияния на национальную безопасность Российской Федерации. В статье автором проведен анализ законодательства, регулирующего режим пребывания и проживания иностранных граждан в Российской Федерации, а также контроль за ними, проведен количественный и качественный анализ деятельности подразделений по вопросам миграции МВД Российской Федерации за 2022, 2023 и 2024 гг., предложены пути совершенствования указанной деятельности. Итогом стали сформулированные предложения по изменению действующего законодательства с целью решения вопросов исчисления сроков временного пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации, их постановки на миграционный учет, и повышения эффективности контроля за пребыванием и проживанием иностранных граждан в России.

Ключевые слова: временное пребывание, государственный контроль, иностранные граждане, лица без гражданства, миграция, национальная безопасность, правовое регулирование, срок временного пребывания.

Интенсивные миграционные процессы сегодня оказывают существенное влияние на состояние и развитие государства и общества абсолютно во всех сферах. Именно поэтому приоритетными задачами правового механизма осуществления государственного контроля за пребыванием и проживанием иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации является деятельность всех органов государственной власти с целью противодействия нелегальной миграции, контроля за интенсивными миграционными потоками, а также интеграции мигрантов в принимающее российское общество [10, с. 140].

Миграционные потоки в условиях трансформации современного мира неминуемо воздействуют на безопасность государства, создавая реальные или потенциальные угрозы практически любому ее аспекту. Безопасность представляет надежность, стабильность, а также спокойствие в обществе, сохранность определенных благ. Уровень общественной безопасности в масштабах государства определяется степенью защиты от негативного и угрожающего влияния жизни и здоровью граждан, их правам и законным интересам [15, с. 336].

В современных реалиях исследование правового механизма осуществления государственного контроля за пребыванием и проживанием иностранных граждан в РФ приобретает особую актуальность. С началом специальной военной операции на Украине началась активная волна миграции жителей политически нестабильных и неблагополучных территорий, которая продолжается и сейчас.

Считаем очевидным, что с увеличением количества иностранцев и лиц без гражданства возрастает потенциальная угроза роста преступности среди этой категории лиц. Достаточно вспомнить, к каким последствиям привел увеличившейся поток мигрантов в Европу из стран Ближнего Востока, Северной Африки — это и межна-

циональные и религиозные конфликты, и социальное напряжение, и всплеск преступности. Безусловно, обострение преступности в среде мигрантов вызывает серьезную обеспокоенность.

Контроль (надзор) является самостоятельным видом контрольно-надзорной деятельности МВД РФ [8], и включает в себя контроль (надзор) за пребыванием и проживанием иностранных граждан в РФ и за их трудовой деятельностью [7].

С этой целью осуществляются внеплановые документарные или выездные проверки [13]. Плановые проверки в рамках госконтроля в сфере миграции не проводятся. При этом отдельные авторы (В.С. Пацевич, Н.В. Полякова, Н.С. Запорожский и др.) справедливо отмечают, что в области проверочных мероприятий существуют нерешенные вопросы. Так, они указывают на обязательство согласования проведения внеплановых выездных проверок подразделениями МВД по вопросам миграции с органами прокуратуры (в случае получения информации о нарушениях миграционного законодательства со стороны работодателей). В какой-то мере действительно указанное согласование может препятствовать оперативному реагированию на возможные нарушения [10, с. 154].

Подразделения по вопросам миграции МВД РФ систематически проводят мероприятия по выявлению нарушений законодательства в сфере миграции, принимают на постоянной основе комплексные меры по укреплению правопорядка, усилению контроля за миграционными потоками, противодействию незаконной миграции и преступности среди иностранных граждан и лиц без гражданства.

Анализ статистических данных позволяет констатировать о незначительном снижении в 2023 г. общего количества проверок, при этом наблюдается значительное увеличение в 2023 г. проведения внеплановых документарных проверок. Так, в 2023 г. общее количество проверок составило 283 590, что на 3579 меньше чем в 2022 г., и на 23 723 меньше чем в 2021 г. При этом внеплановых документарных проверок проведено гораздо больше – 7107 (в 2022 г. – 1578, в 2021 г. – 2 393 соответственно), а внеплановых выездных меньше – 276 483 (в 2022 г. – 285 591, в 2021 г. – 304 920 соответственно) [14].

По выявленным нарушениям было составлено почти 900 тысяч административных протоколов (873,3 тыс.), что на 3,6% больше чем в 2022 г. По результатам проводимых мероприятий более ста тысяч мигрантов выдворены за пределы РФ, более 173 тыс. иностранных граждан не разрешен въезд в РФ, что на 22,7% больше по сравнению с 2022 г.

Говоря про общую цифру административных правонарушений, пресеченных органами внутренних дел РФ в сфере миграции за 2023 г., стоит отметить, что она выросла на 4% по сравнению с 2022 г. и составила 2 миллиона [12], что, безусловно, вызывает обеспокоенность.

За 4 месяца 2024 г. подразделениями по вопросам миграции территориальных органов МВД России проведено почти сто тысяч (99 998) мероприятий, направленных на выявление фактов нарушения миграционного законодательства что на 16 051 больше чем в 2023 г., и свидетельствует об усилении контроля в этой сфере.

Возросло количество внеплановых документарных проверок (с 1 378 до 3 579) [14], почти на 2 тыс. увеличилось количество таких проверок, проведенных в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Итогом стало выявление в 3,8 раза больше (с 2 578 до 9 757) правонарушений [13].

За первый квартал 2024 г. с 3 426 до 6 881 (почти в 2 раза) увеличилось количество иностранных граждан, подлежащих административному выдворению, депортации или реадмиссии, которые содержатся в специальных учреждениях; выросло на 18,7% (составило 676 209) общее количество протоколов об административных правонарушениях в отношении иностранных граждан за нарушение правил пребывания (проживания) в РФ.

Было принято 38,4 тыс. решений об административном выдворении и депортации иностранных граждан с территории РФ. Количество принятых органами внутренних дел решений на 28,5% больше, чем за аналогичный период 2023 г. Всего из РФ удалено почти 22 тыс. иностранных граждан, нарушивших режим пребывания (проживания) на территории нашего государства. Это почти в 2 раза больше, чем за первый квартал 2023 г. (12 тыс.) [13].

Анализ выявленных правонарушений позволяет констатировать, что наибольшую их часть составили нарушения правил въезда в РФ, режима и правил пребывания в РФ, среди которых: сообщение заведомо ложных сведений о себе или о цели своего пребывания в РФ; нарушение установленного порядка выезда из РФ; неоднократное привлечение к административной ответственности в течение 3 лет. Только по состоянию на 29 июня 2024 г. было выявлено 5,6 тыс. ранее выдворенных мигрантов, которые попытались попасть на территорию РФ при помощи новых документов с измененными анкетными данными [11].

Участившиеся случаи сообщения заведомо ложных сведений о себе или о цели своего пребывания в РФ позволяет констатировать о необходимости систематического и комплексного подхода к решению вопросов, связанных с увеличением случаев предоставления мигрантами при въезде ложных сведений. Считаем необходимым в данном вопросе повышение эффективности системы миграционного контроля путем внедрения и использования современных технологий и методов для идентификации личности (в частности биометрической идентификации); ужесточение ответственности за предоставление ложных сведений о себе при въезде.

В связи с чем в 2024 г. была активизирована работа по ограничению въезда в РФ иностранных граждан, не соблюдающих требования миграционного законодательства. Такая государственная мера, по нашему мнению, является эффективной и позволяет своевременно пресекать факты нелегальной миграции.

За 4 месяца 2024 г. в отношении лиц, нарушивших миграционное законодательство, принято 78 874 решений о неразрешении въезда, что на 43,7% больше аналогичного периода прошлого года (в 2023 – 54 900 соответственно) [14].

Эффективная работа территориальных подразделений по вопросам миграции, направленная на выявление и пресечение фактов злоупотребления мигрантами правом на получение разрешения на временное проживание далее – РВП), вида на жительство (далее – ВНЖ) и гражданства в упрощенном порядке, способствовала сокращению в 2023 г. количества выданных иностранным гражданам РВП и ВНЖ.

В текущем году указанная тенденция сохраняется. В частности, за январь – апрель 2024 г. выдано на 40,9 % меньше РВП по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (2024 г. – 17 075, 2023 – 28 877 соответственно); более чем на 1000 аннулировано РВП (2024 г. – 1 833, 2023 – 703 соответственно); на 19,2 % меньше выдано ВНЖ (2024 г. – 85 417, 2023 – 105 706 соответственно); отказано в выдаче ВНЖ на 1 909 случаев больше (2024 г. – 3 690, 2023 – 1 781 соответственно); анну-

лировано более чем на 3 тысячи больше ВНЖ (2024 г. – 4 881, 2023 – 1 675 соответственно) [14].

Ведется активная работа по противодействию преступлениям, связанным с организацией незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ). Очевидным становится факт, что нелегальная миграция сегодня приобретает организованный характер и используется в дальнейшем для совершения на территории РФ преступлений экстремистской направленности. Так, в 2023 г. сотрудниками органов внутренних дел для принятия решения в соответствии со ст. 145 УПК РФ [4] было направлено 47 699 материалов, содержащих признаки преступлений, предусмотренных ст. ст. 322.1, 322.2, 322.3, 327 УК РФ [5]. В прокуратуру было направлено 1000 материалов об обнаружении признаков заключения иностранным гражданином фиктивного брака, по которым по которым в 152 случаях принято решение суда о признании брака недействительным [14].

За 4 месяца 2024 г. в отношении 669 лиц принято решение о прекращении гражданства РФ [14], из которых 650 – на основании приговора суда по преступлениям, указанным в ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [6, ч. 1 ст. 24].

Убеждены, что вышеперечисленные меры по осуществлению государственного контроля за соблюдением правил пребывания (проживания) мигрантов привели к снижению иностранной преступности. Так, количество преступлений, совершенных мигрантами, сократилось на 4,7%, число иностранных граждан, привлеченных к ответственности за совершение преступлений, сократилось на 3,8%, доля преступлений, совершенных иностранными гражданами, от общего массива предварительно расследованных преступлений осталась практически неизменной и составила 4,4% [13].

Также отмечается снижение количества лиц, в отношении которых принято положительное решение о приобретении гражданства РФ. Так, общее число таких лиц за 2023 г. составило 378 534, что на 312 511 меньше, чем в 2022 г., и на 356 851 меньше, чем в 2021 г. Снижение количества лиц, принятых в гражданство связано, в первую очередь, с признанием гражданами РФ жителей новообразованных субъектов в соответствии с федеральными конституционными законами, а также с ужесточением контроля в данной сфере. В частности, в 2023 г. в отношении 377 039 лиц принято решение о приеме в гражданство РФ, что на 356 129 меньше чем в 2022 г., и на 312 217 меньше, чем в 2021 г. В результате принимаемых мер по усилению контроля за соблюдением миграционных правил возросло количество уведомлений о заключении трудового или гражданско-правового договора с иностранными гражданами и лицами без гражданства, осуществляющими трудовую деятельность на основании патента либо разрешения на работу.

Аналогичная тенденция зафиксирована и в 2024 г., что свидетельствует об эффективности проводимых мер. Однако стоит отметить имеющиеся недостатки, которые требуют внимания. В целом, анализ миграционных потоков в РФ позволяет отметить, что количество фактов постановки на миграционный учет в 2023 г. уменьшилось на 5,7%, уменьшилось и количество фактов снятия с миграционного учета (на 26,9%). Из общего количества лиц, зарегистрированных по месту жительства в 2023 г. (450 894), количество лиц, имеющих вид на жительство и постоянно проживающих на территории РФ, сократилось на 11,7% и составило 338 295 соответственно [14]. На 36,4% сократилось количество лиц, имеющих разрешение на

временное проживание и временно проживающих на территории РФ (112 599 соответственно). Наибольшее количество иностранных граждан и лиц без гражданства, состоящих на миграционном учете в 2022-2023 гг., въехали в целях работы и с частной целью, что позволяет прийти к выводу, что основная масса прибывших являются трудовыми мигрантами. При этом, по сравнению с 2022 г., увеличилась доля визитов с деловой целью, туризма и учебы в РФ. В частности, с целью работы на территорию РФ въехало в 2023 г. 10 943 009 иностранных граждан (в 2022 г. – 11 806 832), с частной целью – 2 241 004 (в 2022 г. – 2 666 963) [14].

Аналогичная тенденция сохраняется и в 2024 г. За 4 месяца т.г. количество фактов постановки на миграционный учет снизилось на 184 411 по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составило 4 722 890 (в 2023 г. – 4 907 301). По целям въезда наибольшее количество составляет «работа» – 3 235 808, «частная цель» – 625 276, «учеба» – 279 183, «туризм» – 244 125, «иные» – 118 861, «гуманитарная» – 1 784, «деловая» – 89 073, «гуманитарная» – 1 784 [14].

В 2024 г. стало очевидным, что существующая ситуация в миграционной сфере нуждается в пересмотре. Прежде всего, это обусловлено резким ростом уровня преступности среди граждан из Центральной Азии. В связи с чем в Государственную Думу РФ на рассмотрение было внесено два законопроекта, касающихся борьбы с незаконной миграцией. Указанные законопроекты содержат нормы, устанавливающие новый режим высылки иностранцев, которые находятся на территории Российской Федерации без законных на то оснований.

Данный режим предусматривает осуществление контроля со стороны МВД России посредством ведения реестра лиц, над которыми установлен контроль. В отношении так называемых «контролируемых» мигрантов вводится ряд ограничений (запрет на регистрацию юридического лица, запрет на регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя; запрет на покупку недвижимости, автомобиля и пр.; запрет на вождение автомобиля; запрет на заключение брака; запрет на смену места жительства без разрешения контролирующего органа и пр. При несоблюдении указанных запретов иностранный гражданин подлежит принудительной депортации. Несоблюдение требований относительно уважения духовно-нравственных ценностей может стать основанием для попадания в соответствующий реестр контролируемых мигрантов. Кроме того, планируется внесение изменений в административное законодательство посредством дополнения КоАП РФ [3] статьями, предусматривающими дополнительные основания для выдворения мигрантов из России. Следует отметить, что указанные выше изменения – это закономерный результат и адекватная реакция на происходящее.

Однако до сих пор остается нерешенным вопрос так называемых «резиновых квартир», а именно массовой фиктивной постановки на учет по месту жительства или по месту временного проживания. Действующее законодательство не содержит нормы, ограничивающей регистрацию мигрантов по одному адресу проживания. В результате по одному адресу может быть зарегистрировано такое количество мигрантов, которые все физически не поместятся в помещение. Наличие такого факта массовой регистрации в большинстве случаев свидетельствует о фиктивной регистрации, т.е. мигрант зарегистрирован по одному адресу, а проживает по-другому.

С целью пресечения фиктивного миграционного учета, необходимо также установить на законодательном уровне количество поставленных на миграционный учет

иностранных граждан исходя из учетной нормы площади жилого помещения, установленной органом местного самоуправления, за исключением иностранных граждан, не достигших совершеннолетнего возраста.

Также гостиницы и организации, оказывающие гостиничные услуги, зачастую в целях коммерческой выгоды осуществляют фиктивную постановку на миграционный учет огромное количество иностранных граждан. Имеют место быть случаи, когда небольшая гостиница или хостел ставит сотни человек на миграционный учет при наличии мест (в гостинице) на 10–15 человек.

В данном случае полагаем необходимым рассмотреть вопрос о целесообразности установления, из расчета не менее 6 квадратных метров жилой площади на одного человека, в т.ч. в целях обеспечения нормальных условий жизни иностранных граждан [2, ст.105]. Указанная норма позволит не только решить существующие проблемы с «резиновыми квартирами», но и обеспечить права иностранных граждан, закрепленные Конституцией РФ [1].

Также целесообразно ввести административную ответственность за указанное превышение, поскольку фиктивности способствует отсутствие в российском законодательстве ограничений постановки на миграционный учет в зависимости от метража помещения. Ч. 2 ст. 19.27 КоАП РФ [3] сумма штрафа на граждан составляет от 2 тыс. до 5 тыс. руб., что несоизмеримо с целями и основными принципами осуществления миграционного учета, а также возможными последствиями в случае отсутствия информации о месте нахождения иностранного гражданина. В случае наложения в отношении принимающей стороны (физического лица) более существенных штрафов (более 100 000 руб.), заявитель, возможно, воздержится от предоставления заведомо ложных сведений об иностранном гражданине при осуществлении миграционного учета. Также стоит отметить, что в 2023 г. более чем на 4 мил. увеличилось общее количество фактов снятия с миграционного учета – 14 524 958 (в 2022 г. – 10 613 014 соответственно), из них в случае установления факта фиктивной регистрации по месту жительства – 3 190 (в 2022 г. – 29 927), а в случае установления факта фиктивной регистрации по месту пребывания – 765 826 (в 2022 г. – 214 904) [14].

Таким образом, правовой механизм осуществления контроля за соблюдением правил миграционного учета включает в себя комплекс мероприятий, направленных на проверку соблюдения требований законодательства РФ иностранными гражданами, их работодателями и другими лицами.

Проведенный анализ деятельности подразделений по вопросам миграции МВД РФ свидетельствует о наличии недостатков в действующей системе учета иностранных граждан, которые препятствуют формированию объективной оценки нахождения иностранных граждан и лиц без гражданства на территории РФ. Указанные недостатки, по нашему мнению, связаны, в первую очередь, с пробелами в законодательстве. Например, в случаях фактического проживания иностранного гражданина по адресу организации, в которой он осуществляет трудовую деятельность, либо в помещении указанной организации, не имеющем адресных данных, проблемным вопросом выявления и пресечения правонарушений может являться ситуация, когда юридический адрес организации в одном городе, либо субъекте, а иностранный гражданин проживает в другом. Это создает трудности в осуществлении контроля за пребыванием иностранного гражданина, а также выявлением фик-

тивной постановки на миграционный учет. Считаем необходимым в указанной ситуации осуществлять постановку на учет иностранного гражданина в том территориальном подразделении по вопросам миграции, на территории которого он фактически проживает. Указанные меры, по нашему мнению, будут способствовать повышению эффективности государственного контроля за пребыванием и проживанием иностранных граждан в Российской Федерации, исключат существующие противоречия и ошибки правоприменения в указанной сфере.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (в действующей редакции) // ИПО «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/10103000/>
2. Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в действующей редакции) // ИПО «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/12138291/>
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в действующей редакции) // ИПО «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/12125267/>
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в действующей редакции) // ИПО «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/12125178/>
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в действующей редакции) // ИПО «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/10108000/>
6. О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон от 28.04.2023 г. № 138-ФЗ (в действующей редакции) // ИПО «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/406811055/>
7. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ (в действующей редакции) // ИПО «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/184755/>
8. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 // ИПО «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71572244/>
9. Об утверждении Положения об осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции: Постановление Правительства РФ от 13 ноября 2012 г. № 1162 // ИПО «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70259302/>
10. Климова Д. В. Правовое регулирование государственного управления в сфере иммиграции на современном этапе / Д. В. Климова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76), № 1. – С. 153-159.
11. Профильные подразделения МВД России продолжают работу по противодействию нелегальной миграции: официальный сайт ГУВМ МВД РФ // [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/50771357/>
12. Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – декабрь 2023 года: официальный сайт ГУВМ МВД РФ // [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/47183542/>
13. Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – апрель 2024 года: официальный сайт ГУВМ МВД РФ // [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/50771357/>
14. Сервис обеспечения деятельности подразделений по вопросам миграции МВД России. URL: <http://it/mvd.ru>
15. Фадеев К. А. Соотношение понятий общественный порядок и общественная безопасность / К. А. Фадеев // Актуальные проблемы публичного права: сборник научных трудов, Владимир, 18–19 ноября 2021 года / ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых». Том Выпуск 15. Владимир: КопиА-Сервис, 2022. С. 334-338.

Klimova D. V. The legal mechanism for the implementation of state control over the temporary stay and residence of foreign citizens in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 246–253.

The relevance of the preparation and writing of this article is due to the need to improve the legal mechanism for the implementation of state control over the stay and residence of foreign citizens in the

Russian Federation due to the specifics of modern migration flows, their intensity and direct impact on the national security of the Russian Federation. In the article, the author analyzes the regulatory legal acts regulating the regime of stay and residence of foreign citizens in the Russian Federation, as well as control over them, conducted a quantitative and qualitative analysis of the activities of the migration units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for 2022, 2023 and 2024), proposed ways to improve these activities. State control is an independent type of control and supervisory activity of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, and includes two main types: federal state control (supervision) over the stay and residence of foreign citizens in the Russian Federation and federal state control (supervision) over the labor activity of foreign workers. In this aspect, the problematic issues of the implementation of unscheduled inspections are considered separately. The result was formulated proposals to amend the current legislation in order to solve the issues of calculating the terms of temporary stay of foreign citizens and stateless persons on the territory of the Russian Federation and to increase the effectiveness of control over the stay and residence of foreign citizens in the Russian Federation.

Keywords: temporary stay, state control, foreign citizens, stateless persons, migration, migration flows, migration control, legal regulation, period of temporary stay.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993 g. (v dejstvuyushhej redakcii) // IPO «Garant.ru» [E'lektronny'j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://base.garant.ru/10103000/>
2. Zhilishhny'j kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'ny'j zakon ot 29 dekabrya 2004 g. № 188-FZ (v dejstvuyushhej redakcii) // IPO «Garant.ru» [E'lektronny'j resurs].
3. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny'x pravonarusheniyax: Federal'ny'j zakon ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ (v dejstvuyushhej redakcii) // IPO «Garant.ru» [E'lektronny'j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://base.garant.ru/12125267/>
4. Ugolovno-procussual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'ny'j zakon ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ (v dejstvuyushhej redakcii) // IPO «Garant.ru» [E'lektronny'j resurs].
5. Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'ny'j zakon ot 13..6.1996 № 63-FZ (v dejstvuyushhej redakcii) // IPO «Garant.ru» [E'lektronny'j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://base.garant.ru/10108000/>
6. O grazhdanstve Rossijskoj Federacii: Federal'ny'j zakon ot 28.04.2023 g. № 138-FZ (v dejstvuyushhej redakcii) // IPO «Garant.ru» [E'lektronny'j resurs].
7. O pravovom polozhenii inostranny'x grazhdan v Rossijskoj Federacii: Federal'ny'j zakon ot 25.07.2002 g. № 115-FZ (v dejstvuyushhej redakcii) // IPO «Garant.ru» [E'lektronny'j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://base.garant.ru/184755/>
8. Ob utverzhdenii Polozheniya o Ministerstve vnutrennix del Rossijskoj Federacii i Tipovogo polozheniya o territorial'nom organe Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii po sub`ektu Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 21 dekabrya 2016 g. № 699 // IPO «Garant» [E'lektronny'j resurs].
9. Ob utverzhdenii Polozheniya ob osushhestvlenii federal'nogo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v sfere migracii: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 13 noyabrya 2012 g. № 1162// IPO «Garant.ru» [E'lektronny'j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70259302/>.
10. Klimova D. V. Pravovoe regulirovanie gosudarstvennogo upravleniya v sfere immigracii na sovremennom etape / D. V. Klimova // Ucheny'e zapiski Kry'mskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T. 10 (76), № 1. – S. 153-159.
11. Profil'ny'e podrazdeleniya MVD Rossii prodolzhayut rabotu po protivodejstviyu nelegal'noj migracii: oficial'ny'j sayt GUVM MVD RF// [E'lektronny'j resurs]. – URL: <https://mvd.rf/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/50771357/>
12. Rezul'taty` deyatel'nosti podrazdelenij po voprosam migracii territorial'ny'x organov MVD Rossii za yanvar` – dekabr` 2023 goda: oficial'ny'j sayt GUVM MVD RF// [E'lektronny'j resurs]. – URL: <https://mvd.rf/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/47183542/>
13. Rezul'taty` deyatel'nosti podrazdelenij po voprosam migracii territorial'ny'x organov MVD Rossii za yanvar` – aprel` 2024 goda: oficial'ny'j sayt GUVM MVD RF// [E'lektronny'j resurs]. – URL: <https://mvd.rf/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/50771357/>
14. Servis obespecheniya deyatel'nosti podrazdelenij po voprosam migracii MVD Rossii.
15. Fadeev K. A. Sootnoshenie ponyatij obshhestvenny'j poryadok i obshhestvennaya bezopasnost` / K. A. Fadeev // Aktual'ny'e problemy` publichnogo prava: sbornik nauchny'x trudov, Vladimir, 18–19 noyabrya 2021 goda / FGBOU VO «Vladimirskij gosudarstvenny'j universitet imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovy'x». Tom Vy`pusk 15. Vladimir: Kopia-Servis, 2022. – S. 334-338.

УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПАССИВНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ

Мельников П. А., Новикова А. Е.

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Актуальность тематики исследования связана с важностью гарантирования политических правоотношений, сочетающих в себе и конституционную аксиологию прав личности, и неотъемлемый для демократического правового государства принцип народовласти. В этой связи рамках данной работы представлены авторская позиция о конституционных правообеспечительных юридических конструкциях общего и специального электорального характера; на основе анализа федерального законодательства, нормативных правовых актов субъектов Федерации, муниципальных правовых актов охарактеризованы базовые правовые средства защиты пассивных избирательных прав. Особое внимание в статье уделено разрыву возможности ограничения пассивных избирательных прав граждан в целях защиты основ конституционного строя и обеспечения безопасности государства.

Ключевые слова: пассивное избирательное право, защита, ограничение, ценз, гражданство, равенство, судимость.

Сформированные в 1993 г. фундаментальные основы народовластия стали итогом синтеза исторически апробированных концепций государственного устройства и конституционных новелл. В действующей Конституции Российской Федерации (далее – РФ) с учетом всех внесенных по состоянию на 2024 г. изменений, заложены правообеспечительные основы выборности публичных органов власти [1]. Указанные основы являются базисом для создания и поддержания действенного механизма защиты избирательных прав граждан в России. Как и в советских конституциях, в Конституции РФ 1993 г. содержатся правообеспечительные юридические конструкции общего и электорального характера.

К правообеспечительным юридическим конструкциям общего характера, оказывающих воздействие на возможность реализации избирательных прав, мы относим следующие конституционные установления: ст. 2; ч.ч. 1, 4 ст. 3, ч. 2 ст. 6, ч. 3 ст. 13, ч. 1 ст. 15, ч. 1 ст. 17, ст. 18, ч.ч. 1, 2, 3 ст. 19, ч. 1 ст. 45, ч.ч. 2, 3 ст. 55).

В числе правообеспечительных юридических конструкций электорального характера укажем следующие положения Конституции РФ: ч.ч. 2, 3 ст. 3, ч.ч. 1, 2 ст. 32, ч.ч. 1, 4 ст. 81, ч. 2 ст. 96. Представленное многообразие конституционных норм позволило нам выделить ряд характерных черт конституционно-правового регулирования защиты пассивных избирательных прав. Далее приведем заявленные характерные черты с акцентным вниманием содержания некоторых из них.

Итак, гендерное равенство при реализации гражданами своей политической правосубъектности. По верному замечанию С.Н. Слободчиковой стратегия стремления к политическому гендерному балансу в рамках преемственности советского опыта нашла свое отражение и в новом государстве, образовавшемся в конституционном смысле в 1993 г. [2, с. 4]. По мнению А.В. Головинова и Ю.В. Головиновой – полноценная и всесторонняя реализация политических, равно как и других прав российских женщин не представляется возможной вне юридического действия конституционного принципа равенства [3, с. 40]. П.А. Волков, И.В. Миронюк и Д.В. Литвинова раскрывают конституционную доктрину равенства 2-х полов через

категорию равных возможностей, привнесенную в Конституцию РФ как защита от нарушений при реализации принципа равных прав граждан [4, с. 55]. Концептуально важный вывод делают О.А. Строева и М.В. Бондаренко об идее правового равенства мужчин и женщин как неотъемлемой части механизма обеспечения общих прав человека и гражданина [5, с. 32-33].

Позиции С.Н. Слободчиковой, А.В. Головинова и Ю.В. Головиновой относительно наличия каких-либо ограничений политических прав граждан на основании гендерной принадлежности в России частично расходятся, но в совокупности сводятся к следующему – действующее законодательство не ущемляет политические права женщин [3, с. 41] и в целом не предусматривает дискриминации по половому признаку [2, с. 5]. Полностью соглашаясь и придерживаясь приведенного вывода, дополним его. Возможность реализации избирательных прав гражданами, в том числе права избираться в органы публичной власти, вне зависимости от принадлежности к мужскому или женскому полу находится под непосредственной безусловной защитой Конституции РФ как федерального нормативного правового акта высшей юридической силы.

Следующая характерная черта действующего конституционного регулирования – возможность ограничения пассивных избирательных прав граждан в целях защиты основ конституционного строя и обеспечения безопасности государства. Неотъемлемым элементом конституционного механизма защиты пассивных избирательных прав служит проводимая Российским государством цензовая политика, то есть деятельность федерального и регионального законодателя по воплощению декларируемых Конституцией Российской Федерации установлений при определении условий, которым должен соответствовать гражданин для реализации права быть избранным в органы публичной власти. Подчеркнем – в указанной деятельности важно руководствоваться принципами разумности, соразмерности ограничения конституционного права, что может обосновываться исключительно обозначенными конституционными целями. Изложенное в полной мере коррелируется с утвержденной в 2021 г. Стратегией национальной безопасности РФ, в п. 46 которой раскрываются цели государственной и общественной безопасности: «... защита конституционного строя Российской Федерации, обеспечение ее суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защита основных прав и свобод человека и гражданина, укрепление гражданского мира и согласия, политической и социальной стабильности в обществе, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, укрепление законности и правопорядка, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности, традиционных российских духовно-нравственных ценностей от противоправных посягательств, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [6]. В п. 47 Стратегии национальной безопасности РФ перечислены задачи, на решение которых направлена реализация государственной политики как средства достижения обозначенных целей, в том числе: «недопущение вмешательства во внутренние дела Российской Федерации, пресечение разведывательной и иной деятельности специальных служб, организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, наносящей ущерб национальным интересам РФ, других преступных посягательств на основы конституционного строя РФ, права и свободы человека и гражданина, в том числе путем инспирирования "цветных рево-

люций"» [6]. В настоящем исследовании дадим оценку правовой регламентации широко применяемым в российской практике избирательным цензам. Так, условие о достижении определенного возраста предъявляется ко всем потенциальным кандидатам в органы публичной власти:

1) 35 лет – для кандидата на должность Президента РФ (ч. 2 ст. 81 Конституции РФ, п. 2 ст. 3 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ)) [6];

2) 30 лет – для кандидата на должность высшего должностного лица субъектов РФ, с возможностью установления Конституцией (уставом), законом субъекта РФ дополнительных условий, связанных с достижением гражданином определенного возраста (ч. 3 ст. 77 Конституции РФ, ч. 8 ст. 4 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ) [7], ч. 3 ст. 20 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ) [8];

3) 21 год – для кандидата в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ, законодательных органов субъектов Российской Федерации, за исключением Республики Тыва, на должность выборного должностного лица местного самоуправления в субъектах РФ, за исключением Ивановской, Ростовской и Тульской областей (ч. 1 ст. 97 Конституции Российской Федерации, ч. 8 ст. 4 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ, ч. 4 ст. 4 Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ) [9]);

4) 20 лет – для кандидата в депутаты Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва (ч. 3 ст. 4 Закона Республики Тыва от 28.11.2011 № 1031 ВХ-1 «О выборах депутатов Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва») [10];

5) 18 лет – для кандидата на должность выборного должностного лица местного самоуправления в Ивановской, Ростовской и Тульской областях, в депутаты представительного органа муниципального образования (ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ, ч. 3 ст. 5 Закона Ивановской области от 26.11.2009 № 130-ОЗ «О муниципальных выборах», ч. 1 ст. 4 закона Ростовской области от 12.05.2016 № 525-ЗС «О выборах и референдумах в Ростовской области», ч. 4 ст. 1 Закона Тульской области от 18.07.2008 № 1066-ЗТО «О регулировании отдельных правоотношений, связанных с выборами главы муниципального образования, иного выборного должностного лица местного самоуправления») [12, 13, 14].

Результаты приведенного анализа позволяют утверждать, что региональный законодатель не стремится проявлять инициативу и самобытность в регламентации возрастного ценза (в части условий, связанных с достижением гражданином определенного возраста), а придерживается определенного федерального стандарта.

Следующий избирательный ценз – здоровье (дееспособность). Данный ценз закрепляется и дублируется по всей вертикали избирательного законодательства: от Конституции РФ до законов субъектов Федерации; применяется повсеместно и является основанием лишения избирательных прав граждан, признанных судом недееспособными (ч. 3 ст. 32 Конституции РФ, ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ, ч. 4 ст. 3 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ, ч. 6 ст. 4

Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ).

В законодательстве состояние недееспособности гражданина определяется как неспособность вследствие психического расстройства понимать значения своих действий или руководить ими (ч. 1 ст. 29 Гражданского кодекса Российской Федерации) [15]. В своей правовой позиции Конституционный Суд Российской Федерации выделил 2 признака психического расстройства, наличие которых совместно или одного из них позволяет установить недееспособность: интеллектуальный и волевой [16]. Тем самым допустимо сделать вывод, что к гражданам России критерий психического здоровья, подразумевающий наличие одновременно интеллектуального и волевого признаков, предъявляется как условие для реализации избирательных прав. Установить факт соответствия либо несоответствия критерию психического здоровья может только суд.

Следующий избирательный ценз – гражданство. Данный ценз аналогично нашел свое закрепление во всей цепочке избирательного законодательства и связывает возможность реализации гражданами пассивных избирательных прав с 3 аспектами:

1) наличие гражданства РФ – условие применяется к кандидатам на всех федеральных, региональных и муниципальных выборах (ч. 2 ст. 81, ч. 1 ст. 97 Конституции РФ, ч.ч. 1, 8 ст. 4 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ, ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ, ч. 4 ст. 4 Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ, ч. 2 ст. 15, ч. 3 ст. 20 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ);

2) отсутствие когда-либо ранее гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина РФ на территории иностранного государства – условие применяется только к кандидатам на выборах Президента РФ (ч. 2 ст. 81 Конституции РФ, ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ);

3) отсутствие в настоящее время гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина РФ на территории иностранного государства – условие применяется к кандидатам на всех федеральных, региональных и муниципальных выборах (ч. 2 ст. 81, ч. 1 ст. 97 Конституции РФ, ч. 3.1 ст. 4 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ, ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ, ч. 7 ст. 4 Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ, ч. 2 ст. 15, ч. 3 ст. 20 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ).

Законодатель предусмотрел 3 исключения из приведенных установлений:

1) для кандидата на должность Президента РФ – требование об отсутствии гражданства иностранного государства не распространяется на граждан РФ, ранее имевших гражданство государства, которое было принято или часть которого была принята в РФ в соответствии с федеральным конституционным законом, и постоянно проживавших на территории принятого в РФ государства или территории принятой в РФ части государства (ч. 2 ст. 81 Конституции РФ, ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ);

2) для кандидата на выборах в органы местного самоуправления, являющегося гражданином РФ – требование об отсутствии гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание на территории иностранного государства, не применяется в случае, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации

(ч. 3.1 ст. 4 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ);

3) для иностранного гражданина на выборах в органы местного самоуправления – возможность обладания правом быть избранным при соблюдении 2 условий: это предусмотрено международным договором РФ и постоянное проживание на территории соответствующего муниципального образования (ч. 10 ст. 4 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ).

Следующий избирательный ценз – оседлость. Если следовать заданному законодателем в ч. 5 ст. 4 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ толкованию, указанный ценз подразумевает ограничение пассивного избирательного права, связанное с нахождением места жительства на определенной территории РФ, включая требования к продолжительности и сроку проживания на данной территории. Для граждан РФ правовой нормой предписано, что ограничения устанавливаются только Конституцией РФ.

В соответствии с положениями Конституции РФ и дублирующими их нормами федеральных законов ценз оседлости предъявляется: 1) к кандидату на должность Президента РФ (постоянное проживание в Российской Федерации не менее 25 лет согласно ч. 2 ст. 81 Конституции РФ, ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ); 2) к кандидату в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ (постоянное проживание в РФ согласно ч. 1 ст. 97 Конституции РФ, ч. 4 ст. 4 Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ); 3) к кандидату на должность высшего должностного лица субъекта РФ (постоянное проживание в РФ согласно ч. 3 ст. 77 Конституции РФ, ч. 3 ст. 20 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ).

Вместе с тем, вопреки действующей правовой норме ч. 5 ст. 4 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ, в Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ ценз оседлости в качестве условия о постоянном проживании в РФ определен для кандидатов в депутаты законодательного органа субъекта РФ (ч. 2 ст. 15). Возникает закономерный вопрос о допустимости такого противоречия с учетом ч. 6 ст. 1 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ. Напомним, установление ограничений прав и свобод человека и гражданина находится в ведении федерального законодателя и возможно при следовании конституционно значимым целям. Мы приходим к выводу, что действующая в неизменной редакции ч. 5 ст. 4 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ об установлении ценза оседлости только нормами Конституции РФ в настоящее время устарела и требует корректировки, так как ограничивает федерального законодателя в решении стоящих перед ним актуальных задач.

Для иностранных граждан ценз оседлости как условие обладания пассивным избирательным правом связан с проживанием на территории конкретного муниципального образования и выборами непосредственно в его органы местного самоуправления (п. 10 ст. 4 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ).

Следующий избирательный ценз – лимит сроков. Указанный ценз связывает возможность реализации гражданами пассивных избирательных прав: 1) для кандидата на должность Президента РФ – с запретом занятия одним и тем же лицом должности более 2-х сроков (ч. 3 ст. 81 Конституции РФ, ч. 5 ст. 3 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ); 2) для кандидата на должность высшего должностного лица субъекта РФ – с запретом занятия одним и тем же лицом одной и той же выборной должности более устанавливаемого Федеральным законом, конституцией (уставом), законом субъекта РФ количества сроков подряд (ч. 6 ст. 4 Федерального

закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ); 3) для кандидата на должность главы муниципального образования – с запретом занятия одним и тем же лицом должности более устанавливаемого уставом муниципального образования количества сроков подряд (ч. 6 ст. 4 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ).

Следует выделить 2 особенности правового регулирования законодателем данного ценза. Во-первых, делегированность полномочия устанавливать либо не устанавливать ограничение для кандидатов на выборные должности в субъектах РФ. Во-вторых, качественно разный подход к установлению сроков запрета на занятие выборной должности для кандидатов на должность Президента РФ и иные выборные должности: для кандидата на должность Президента РФ – 2 срока, после которых лицо лишается права быть избранным вовсе, для кандидатов на иные выборные должности – заданное количество сроков подряд, что в последующем не препятствует повторно реализовать свое избирательное право.

Следующий избирательный ценз – иностранное имущество. Указанный ценз заключается в возложении обязанности на кандидата при проведении выборов в федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, выборов глав муниципальных районов, глав муниципальных округов и глав городских округов к моменту представления документов, необходимых для регистрации кандидата, списка кандидатов, закрыть счета (вклады), прекратить хранение наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ, и (или) осуществить отчуждение иностранных финансовых инструментов. Несоблюдение требования является основанием отказа в регистрации кандидата (ч. 3, ст. 77, ч. 2 ст. 81, ч. 1 ст. 97 Конституции РФ, ч. 3.3 ст. 33, п. «а.2» ч. 24 ст. 38 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ, ч. 18 ст. 34, ч. 19 ст. 35, п. 13 ч. 2 ст. 39 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ, ч. 13 ст. 4, п. 11 ч. 3 ст. 50 Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ). Из нормоположений следует, что к кандидату в депутаты представительного органа муниципального образования требование об отсутствии иностранного имущества как условие реализации пассивного избирательного права не предъявляется.

В числе в числе типичных цензов пассивных избирательных прав также целесообразно указать фиксацию критерия судимости в избирательных правоотношениях, а также возможность реализации права избираться в органы публичной власти для кандидатов от различных общественных объединений. Количество устанавливаемых избирательных цензов, тенденция их ужесточения в сравнении с советским периодом российской государственности свидетельствуют об усложнении общественно-политических процессов в стране, в том числе ввиду угрозы внешнего вмешательства в ее внутренние дела, что понуждает государство проявлять волю по пресечению появления в органах публичной власти деструктивных элементов.

В качестве ключевого вывода по осуществленному исследованию, необходимо отметить, что свое воплощение конституционные нормы получили в текущем федеральном и региональном законодательстве. Федеральное законодательство представлено базовым (рамочным) Федеральным законом от 12.06.2002 № 67-ФЗ о гарантиях избирательных прав, специализированными законами о федеральных выборах и иными законами, содержащими правообеспечительные юридические конструкции, опосредующие возможность реализации избирательных прав. Рассмотренный сегмент избирательного законодательства субъектов РФ в связи с их много-

численностью настолько масштабен и специфичен, что для целей единства электро-
рального механизма является недостатком.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.
2. Слободчикова С.Н. Гендерный паритет в контексте принципа свободных выборов // Избирательное право. 2018. № 1 (37). С. 2-6.
3. Головинов А.В., Головинова Ю.В. Проблемы реализации политических прав женщин в России: от международных стандартов к конституционному законодательству // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 3 (94). С. 37-41.
4. Волков П.А., МIRONЮК И.В., Литвинова Д.В. Равенство субъектов по Конституции Российской Федерации как основа развития демократического общества // Успехи современной науки. 2017. Т. 6. № 2. С. 54-56.
5. Строева О.А., Бондаренко М.В. Идея «равенства» в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина // Вестник науки. 2018. Т. 1. №7 (7). С. 26-33.
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
7. О выборах Президента Российской Федерации: Федеральный закон от 10.01.2003 г. № 19-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 171.
8. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
9. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ // СЗ РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.
10. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 740.
11. О выборах депутатов Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва: Закон Республики Тыва от 28 ноября 2011 г. № 1031 ВХ-1 // Нормативные акты Республики Тыва, Приложение к газете «Ту-винская правда». 2012. № 6 (54).
12. О муниципальных выборах: Закон Ивановской области от 26 ноября 2009 года № 130-ОЗ // Ивановская газета. 2009. № 218.
13. О выборах и референдумах в Ростовской области: Областной закон Ростовской области от 12.05.2016 № 525-ЗС // Наше время. 2016. № 138-139.
14. О регулировании отдельных правоотношений, связанных с выборами главы муниципального образования, иного выборного должностного лица местного самоуправления: Закон Тульской области от 18 июля 2008 года № 1066-ЗТО // Тульские известия. 2008. № 144.
15. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2012 № 15-П // СЗ РФ. 2012. № 29. Ст. 4167.

Pavel A. Melnikov, Alevtina E. Novikova. Constitutional and legal regulation of the protection of passive electoral rights // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 254–261.

The relevance of the research topic is related to the importance of guaranteeing political legal relations that combine both the constitutional axiology of individual rights and the principle of democracy, which is integral to a democratic rule of law. In this regard, the author's position on constitutional legal structures of a general and special electoral nature is presented within the framework of this work; Based on the analysis of federal legislation, regulatory legal acts of the subjects of the Federation, municipal legal acts, the basic legal means of protecting passive electoral rights are characterized. Special attention is paid to the disclosure of the possibility of restricting the passive electoral rights of citizens in order to protect the foundations of the constitutional system and ensure the security of the state.

Keywords: passive suffrage, protection, restriction, censorship, citizenship, equality, criminal record.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 g. (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 g. № 6-FKZ, ot 30.12.2008 g. № 7-FKZ, ot 05.02.2014 g. № 2-FKZ, ot 21.07.2014 g. № 11-FKZ; s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020 g.) // Rossijskaya gazeta. 1993, 25 dekabrya; 2020, 4 iyulya.
2. Slobodchikova S.N. Gendernyj paritet v kontekste principa svobodnyh vyborov // Izbiratel'noe pravo. 2018. № 1 (37). S. 2-6.

3. Golovinov A.V., Golovinova YU.V. Problemy realizacii politicheskikh prav zhenshchin v Rossii: ot mezhdunarodnykh standartov k konstitucionnomu zakonodatel'stvu // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 3 (94). S. 37-41.
 4. Volkov P.A., Mironyuk I.V., Litvinova D.V. Ravenstvo sub"ektov po Konstitucii Rossijskoj Federacii kak osnova razvitiya demokraticeskogo obshchestva // Uspekhi sovremennoj nauki. 2017. T. 6. № 2. S. 54-56.
 5. Stroeveva O.A., Bondarenko M.V. Ideya «ravenstva» v mekhanizme obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina // Vestnik nauki. 2018. T. 1. №7 (7). S. 26-33.
 6. O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 // SZ RF. 2021. № 27 (chast' II). St. 5351.
 7. O vyborah Prezidenta Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 10.01.2003 g. № 19-FZ // SZ RF. 2003. № 2. St. 171.
 8. Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendumakh grazhdan Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 12.06.2002 № 67-FZ // SZ RF. 2002. № 24. St. 2253.
 9. Ob obshchih principakh organizacii publichnoj vlasti v sub"ektakh Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 21.12.2021 № 414-FZ // SZ RF. 2021. № 52 (chast' I). St. 8973.
 10. O vyborah deputatov Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 22.02.2014 № 20-FZ // SZ RF. 2014. № 8. St. 740.
 11. O vyborah deputatov Verhovnogo Hurala (parlamenta) Respubliki Tyva: Zakon Respubliki Tyva ot 28 noyabrya 2011 g. № 1031 VH-1 // Normativnye akty Respubliki Tyva, Prilozhenie k gazete «Tuvinskaya pravda». 2012. № 6 (54).
 12. O municipal'nykh vyborah: Zakon Ivanovskoj oblasti ot 26 noyabrya 2009 goda № 130-OZ // Ivanovskaya gazeta. 2009. № 218.
 13. O vyborah i referendumakh v Rostovskoj oblasti: Oblastnoj zakon Rostovskoj oblasti ot 12.05.2016 № 525-ZS // Nashe vremya. 2016. № 138-139.
 14. O regulirovanii otdel'nykh pravootnoshenij, svyazannykh s vyborami glavy municipal'nogo obrazovaniya, inogo vybornogo dolzhnostnogo lica mestnogo samoupravleniya: Zakon Tul'skoj oblasti ot 18 iyulya 2008 goda № 1066-ZTO // Tul'skie izvestiya. 2008. № 144.
 15. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ // SZ RF. 1994. № 32. St. 3301.
 16. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 27.06.2012 № 15-P // SZ RF. 2012. № 29. St. 4167.
- .

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 262–277.

УДК 342.52

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО) ОРГАНА ВЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Нифанов А. Н., Клубенко В. С.

В статье рассматривается эволюция законодательного (представительного) органа власти в Республике Крым (с 1921 г. по настоящее время). На основании правовых документов, действующих в указанный период, проведен анализ правового статуса, законодательного органа власти, его полномочий, структуры, модели взаимодействия между органами центральной и местной власти. Характеристика каждого из предложенных этапов позволила выявить факторы, влияющие на осуществление законодательства и народного представительства на территории Республики. В рамках рассматриваемых периодов проанализирован перечень полномочий законодательного органа власти, с учетом изменения статуса Республики, его функции, рассмотрено соотношение принимаемых им решений с правовыми актами государства, в состав которого входила Республика.

Ключевые слова: законодательный (представительный) орган власти, Крымский Центральный Исполнительный Комитет, Центральный Исполнительный Комитет Крымской Автономной Советской Социалистической Республики, Крымская область, Верховный Совет Крымской АССР, Верховная Рада Автономной Республики Крым, Государственный Совет Республики Крым, конституционно-правовой статус, полномочия.

Ретроспектива становления, формирования и развития правового статуса законодательного (представительного) органа власти Республики Крым, позволила сделать анализ с опорой на конкретные временные интервалы, обусловленные политико-правовыми изменениями в государстве. Данный подход позволил взглянуть на этот процесс более детально и содержательно с учетом законодательства и конституций, действовавших в обозначенные периоды развития правового статуса законодательного (представительного) органа власти Республики Крым.

Анализ эволюции правового статуса законодательного (представительного) органа власти Республики Крым целесообразно провести с учетом следующих территориально опосредованных исторических периодов:

- 1921 г. – 1954 г.;
- 1954 г. – 1991 г.;
- 1991 г. – 2014 г.;
- 2014 г. – настоящее время.

При этом отметим, что при изучении вопроса об эволюции законодательного (представительного) органа власти Республики Крым достаточно важным является поэтапное исследование, принимаемых конституций и иных правовых актов, закрепляющих полномочия и регулирующих деятельность законодательного (представительного) органа власти.

Декретом Всероссийского ЦИК и СНК от 18.10.1921 г. образована Автономная Крымская ССР как часть РСФСР в границах Крымского полуострова, которая включала в себя Джанкойский, Евпаторийский, Керченский, Севастопольский, Симферопольский, Феодосийский и Ялтинский округ.

Первая Конституция Крымской ССР была принята Всекрымским Учредительным Съездом Советов 10 ноября 1921 г., определив Крымскую ССР как республику трудящегося народа, управляемую через органы рабочих, крестьян, красноармейцев

и военно-морских депутатов, а также избранные ими структуры. Главным исполнительным органом в Крымской Республике являлся Всекрымский Съезд Советов, который формировал Крымский Центральный Исполнительный Комитет и состоял из 50 членов.

Являясь законодательным и надзорным органом государственной власти КрымЦИК был подотчетен съезду советов. В рамках своей компетенции, КрымЦИК разрабатывал общую политику органов государственной власти, рассматривал предложения советов, избирал и отстранял его членов. Кроме того, в рамках своих полномочий, КрымЦИК мог приостановить решения съезда, а также наложить вето, имел возможность формировать президиум, определять принцип его работы и порядок проведения заседаний, которые не могли проводиться реже одного раза в два месяца [1, с. 83].

Конституция 1921 г. устанавливала, что на своей территории Крым имеет «право принимать и вводить в действие законодательные акты РСФСР, ранее опубликованные, а также издаваемые в последствии с правом их видоизменять с учетом специфики Крыма» [2].

Конституция закрепляла Раздел «Конституция центральной власти», определяла органы Центральной власти КрымССР, их полномочия, состав, порядок избрания и осуществления деятельности, определяла некоторые аспекты ответственности одних органов власти перед другими. В целях урегулирования вопроса о применении законодательства РСФСР на территории Крыма закрепляла за органами власти право принимать законодательные акты с учетом специфики республики, непротиворечащие законодательству РСФСР.

Другими словами, были предприняты попытки закрепить на законодательном уровне нормы права, регулирующие применение нормативных правовых актов, принимаемых центром и республикой, с целью более эффективного урегулирования на территории Крыма политических, экономических, социальных и иных вопросов.

Кроме того, из вышеизложенного следует, что КрымЦИК являлся не только законодательным органом власти, имеющим право принимать законы на своей территории, но и контрольным, в контексте представительного органа не рассматривался, однако осуществлял достаточно широкий круг полномочий и имел возможность осуществлять законодательную деятельность с учетом специфики региона.

Вместе с тем, данная Конституция системно не закрепляла перечень функций и полномочий законодательного органа власти, иных органов власти, в частности по тексту не разрешался вопрос относительно предмета ведения между органами государственной власти РСФСР и Крымской АССР.

Ввиду развития исторических событий, повлекших за собой подписание Договора об образовании СССР, принятия новых Конституций СССР и РСФСР [3, с. 117], 5 мая 1929 г. на VI Всекрымском Съезде Советов принимается Конституция Крымской АССР. Законодательной инициативой обладали как Всекрымский Съезд Советов, так и ЦИК Крымской АССР. В рамках своей компетенции органы могли издавать законодательные акты, обладающие обязательной силой на территории республики.

Одной из исключительных компетенций, в рамках осуществляемого контроля, являлась возможность аннулирования постановлений и решений, принимаемых законодательными органами республики, Съездом советов и ЦИК РСФСР. Тем самым

проявлялся принцип централизации органов государственной власти СССР.

Согласно принятой Конституции, ЦИК Крымской АССР выполнял функции основного законодательного, исполнительного и контрольного органа в период между съездами Советов, а в промежутках между сессиями его обязанности возлагались на избранный Президиум ЦИК Крымской АССР.

В соответствии с предоставленными полномочиями ЦИК Крымской АССР принимал обязательные для выполнения на территории Республики декреты, постановления и распоряжения, рассматривал отдельные законопроекты, представленные на рассмотрение. ЦИК регламентировал основные направления деятельности органов советской власти, осуществлял контроль и надзор за выполнением постановлений съездов СССР, РСФСР, Крымской АССР и центральных органов власти, обязательных для исполнения. Кроме того, ЦИК утверждал постановления по вопросам политической и экономической жизни, вносил существенные изменения в практику работы государственных органов и бюджетную сферу.

При этом исключительное право на внесение поправок, изменений и дополнений в Конституцию, принятую на сессиях ЦИК Крымской АССР во временные промежутки между съездами Советов, принадлежало съездам Советов Крымской АССР.

ЦИК Крымской АССР был ответственен перед съездом Советов Крымской АССР, предоставлял последнему отчет о своей деятельности и доклад.

Кроме того, в ст. 40 Конституции 1929 г. уже на тот период были закреплены нормы права, регулирующие вопрос о предмете ведения съезда Советов и ЦИК Крымской АССР [4, с. 26-43].

Анализа Конституции 1929 г. позволяет сделать вывод, что данный документ устанавливал порядок взаимодействия между Крымской АССР, РСФСР и СССР, определял степень важности и применения актов РСФСР, СССР и Крымской АССР, разграничивал полномочия не только между центром и республикой, но также между органами центральной власти, действующими на территории Крымской АССР. Определяя порядок разграничения вопросов ведения съезда Советов и ЦИК Крымской АССР, Конституция способствовала более эффективной реализации принципа децентрализации.

Конституция 1929 г. более подробно закрепляла полномочия законодательного органа власти – ЦИК Крымской АССР, определяя его, в том числе, распорядительным и контролирующим органом, однако полномочия имели не исчерпывающий, а общий характер. Устанавливалось, что сверх перечисленных вопросов, находящихся в ведении съезда Советов и ЦИК Крымской АССР, к ведению съезда Советов подлежат и другие вопросы, которые можно отнести, исходя из норм, закрепленных в Конституциях СССР, РСФСР и АССР.

Интересно то, что законодательные акты мог принимать не только ЦИК Крымской АССР, но и Всекрымский Съезд Советов, Президиум и СНК Крымской АССР в пределах предоставленных прав, а право дополнения, изменения и утверждения частичных изменений в Конституцию относилось к исключительному ведению съездов Советов Крымской АССР. Президиум в период между сессиями ЦИК Крымской АССР являлся высшим законодательным, контролирующим и распорядительным органом власти.

Значимым событием в развитии конституционного законодательства Крыма, включая оптимизацию норм, регулирующих работу законодательного органа вла-

сти, явилось принятие Конституции Крымской Автономной Советской Социалистической Республики 4 июня 1937 г.

В соответствии с ней название Республики было закреплено, что Крымская АССР входит в состав РСФСР на правах Автономной Республики. Предприняты попытки определить пределы осуществления государственной власти Крымской АССР, установлено, что государственная власть осуществляется на автономных началах вне пределов ст. 14 Конституции СССР и ст. 19 Конституции РСФСР. Фиксируется соотношение законодательства Республики с законодательством СССР, РСФСР. Так, законы СССР, РСФСР обязательны на территории Крымской АССР, а в случае противоречия с законами, принятыми в Республике, действуют законы СССР и РСФСР.

Из вышеизложенного следует, что нормы, закрепленные в Конституции 1937 г., более детально конкретизировали полномочия и пределы осуществления законодательной власти, в сравнении с ранее принятыми на территории Крыма Конституциями. В частности, достаточно четко регулировался вопрос соотношения законодательства СССР, РСФСР и республики, что способствовало осуществлению эффективной, согласованной законодательной деятельности в Крыму и недопущению построения противоречивой правовой системы.

В соответствии с Главой 3 Конституции: «высшим органом государственной власти Крымской АССР являлся Верховный Совет Крымской АССР, при нем действовал Президиум Верховного Совета Крымской АССР, состоящий из Председателя Президиума, двух заместителей, секретаря Президиума и 12 членов, который был подотчетен Верховному Совету Крымской АССР». Верховный Совет Крымской АССР являлся единственным законодательным органом Крымской АССР, избирался гражданами Крымской АССР по избирательным округам сроком на четыре года из расчета: один депутат на 10 тысяч населения. Закон считался утвержденным, если был принят простым большинством голосов. Сессии законодательного органа власти созывались Президиумом два раза в год, а внеочередные по усмотрению Президиума или по требованию одной трети депутатов Верховного Совета. В соответствии со ст. 30 Конституции Президиум давал толкование законов и издавал указы, отменял постановления и распоряжения Совета народных комиссаров (далее – СНК), в том числе решения и распоряжения районных, городских Советов депутатов и трудящихся Крымской АССР ввиду несоответствия закону, при этом в своей деятельности был подотчетен Верховному Совету Крымской АССР.

Кроме того, Верховный Совет Крымской АССР был уполномочен избирать мандатную комиссию, которая проверяла полномочия депутатов, в случае необходимости назначал следственные и ревизионные комиссии по любому вопросу, имел право образовывать Правительство Крымской АССР – Совет Народных Комиссаров Крымской АССР (высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти), по своему решению мог производить изменения Конституции Крымской АССР, принятой большинством не менее двух третей голосов Верховного Совета Крымской АССР с последующим утверждением Верховным Советом РСФСР [5, с. 3-12].

Анализ полномочий законодательного органа власти, закрепленных в Конституции 1937 г., позволяет сделать вывод, что их перечень расширен и конкретизирован, в частности урегулирован порядок осуществления текущей деятельности и приня-

тия решений законодательным органом власти.

30 июня 1945 г. Крымская АССР преобразована в Крымскую область в составе РСФСР [6]. Следовательно, в системе организации власти также произошли изменения, – вместо законодательного органа власти, действовавшего на территории автономной республики, был сформирован областной Совет депутатов трудящихся, а правовой статус области регулировался законодательством РСФСР об административно-территориальном устройстве.

В соответствии с Конституцией РСФСР Советы имели право принимать решения и давать распоряжения в пределах прав, которые закреплялись в законах СССР и РСФСР, регламентировали порядок осуществления деятельности подведомственных учреждений в различных сферах. При Советах создавались отделы исполнительных комитетов, созданных по сферам деятельности (земельный, финансовый, внутренней торговли, здравоохранения и т.д.). Также образовывались отделы и управления, например, такие как: легкой, пищевой, лесной промышленности. Данные отделы и управления подчинялись Советам и комитетам при них [7].

Ввиду изменения правового статуса Республики, были сокращены права и обязанности органа, который ранее осуществлял законодательные полномочия. Теперь Советы имели право принимать нормативные правовые акты в форме решений и распоряжений. Однако, несмотря на то, что правовой статус представительного органа власти был изменен, за ним остался достаточно широкий перечень полномочий, связанных с ведением культурно-политической и хозяйственной деятельности, на территории республики ему были подконтрольны и подотчетны иные органы власти.

Таким образом, первый этап становления и развития правового статуса законодательного органа власти Крыма был достаточно нестабилен, ввиду изменений, происходивших во внутривластной жизни страны, получивших свою формализацию в Конституциях 1921, 1929, 1937 гг. Вместе с тем уже на этом этапе была детально регламентирован правовой статус органов государственной власти республики, их структура, вопросы разграничения предметов ведения органов центральной власти и республики. Однако, перечень полномочий законодательного органа власти, направленных на формирование законодательства Республики с учетом специфики региона, после преобразования в Крымскую область был минимизирован, что негативно отражалось на построении правовой системы в Крыму.

Следующий этап развития представительного органа власти Крыма связан с передачей Крымской области из состава РСФСР в состав УССР. 26 апреля 1954 г. Законом СССР «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» утвержден соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 г. Из его содержания следовало, что передача области была обусловлена общностью экономики, тесными хозяйственными и культурными связями, а также ее территориальной близостью [8, с. 100].

Говоря о правомерности данной процедуры, следует привести следующие точки зрения. Так, по мнению А.Н. Писарева: «решение о передаче Крымской области в состав УССР юридически обосновано не было, более того, противоречило действующему на тот период законодательству, в частности статье 18 Конституции СССР, статье 16 Конституции РСФСР, то есть передача осуществлена без согласия РСФСР» [9, с. 30].

С.В. Мошкин отмечает: «Ввиду пробела в основном законе РСФСР относительно порядка изменения территориально-административных перемен решение о передаче Крымской области было принято с нарушением. В РСФСР необходимо было провести референдум, а не прибегать к превышению полномочий Президиумом Верховного Совета СССР» [10, с. 7].

Первые выборы в местные советы Крымской области в составе УССР состоялись 25 июля 1954 г. По результатам выборов, в областной совет было избрано 119 депутатов. Уже на первом заседании областной совет образовал 10 постоянных комиссий в составе 82 депутатов. Районные советы образовали 158 постоянных комиссий, а в 42 сельских районах избрано 874 депутат. Комиссии отчитывались на сессиях советов, зачитывая доклад. В рамках проведения сессии местные советы рассматривали вопросы хозяйственной и социально-культурной жизни. Кроме того, в данный период деятельность Крымского областного совета и его исполкома была направлена на преодоление последствий войны, восстановление и стабильное развитие народно-хозяйственного комплекса на территории области. При этом главной проблемой являлось то, что органы украинской УССР достаточно медленно реагировали на запросы и потребности, возникающие на территории Крымской области.

В 1965 г. был избран единый областной исполнительный комитет, а в области образовано 12 районов [11, с. 55-70]. Органами государственной власти в областях, районах, городах, районах в городах, поселках и селах являлись областные, районные, городские, районные в городах, сельские Советы депутатов трудящихся. Сессии проводились не менее четырех раз в год.

Особый интерес представляют полномочия советов в сфере осуществления координации социально-культурного строительства. Так, местные советы разрабатывали и утверждали планы программ развития экономики республики, определяли основные направления развития деятельности его органов, соблюдения требований законодательства. Их функции также включали координацию деятельности в области землепользования, охраны окружающей среды, благоустройства, производства товаров и культурного развития. Местные советы осуществляли право на вынесение обязательных для исполнения решений и распоряжений, а также имели право отменять акты нижестоящих советов в случае их несоответствия законодательству. Постоянно действующие комитеты, организованные при местных советах, занимались предложениями по вопросам, входящим в компетенцию советов, и содействовали осуществлению их функций. По аналогии с Конституцией РСФСР после преобразования республики в Крымскую область, Советы имели право создавать комитеты, отделы и управления им подконтрольные [12, с. 112].

Таким образом, Советы народных депутатов в областях, районах, городах, районах в городах, поселках и селах имели право создавать постоянные комиссии, органы народного контроля, исполнительные, распорядительные и иные подотчетные им органы. Советы осуществляли руководство в сфере государственного, хозяйственного, социально-культурного строительства, путем принятия решений и обеспечивали их выполнение, реализацию на практике, в том числе обязаны были информировать население о своей работе и принятых решениях. Исполнительные комитеты формировались из числа депутатов и осуществляли деятельность на основании решений, принимаемых Советами народных депутатов, способствовали реали-

зации их деятельности на практике, имели право выдавать распоряжения, при них существовали отделы и управления.

Третий период эволюции законодательного органа власти Крыма связан с провозглашением независимости Украины и с принятием 12.02.1991 г. Верховным Советом Украинской ССР Закона «О восстановлении Крымской АССР» в составе УССР. Проект Конституции Крымской АССР разрабатывался Верховным Советом Крымской АССР, которым также была принята Декларация о государственном суверенитете республики. Сотрудничество центральных органов государственной власти и органов власти республики отныне строилось на конституционно-договорной основе, что также обусловило принятие отдельных законов, в том числе, Конституционного закона Крымской АССР «Об органах государственной власти Крымской АССР» [13, с. 27-29].

В соответствии с Законом, ВС Крымской АССР являлся высшим органом государственной власти республики, принимал законы и постановления. К его исключительным полномочиям относились вопросы, в т.ч. принятие Конституции Крымской АССР, внесение в нее изменений и дополнений, толкование Конституции и законов Крымской АССР, законодательное регулирование отношений собственности, организации управления социальным, культурным строительством, экономикой, бюджетно-финансовой системы и других отношений на территории республики.

Необходимо отметить, что важной особенностью стала возможность Верховного Совета приостанавливать действие на территории Крымской АССР законодательных актов Верховного совета при превышении последним своих полномочий. Верховный Совет осуществлял надзор за работой подотчетных государственных органов и должностных лиц, принимая во внимание установленный Регламентом и другими законами республики порядок деятельности [14].

В ходе заседания Верховного совета республики 26.02.1992 г. принято решение о переименовании Крымской АССР в Республику Крым. Позднее, 29.04.1992 г., принят Закон «О статусе Автономной Республики Крым», где было определено, что Крым является автономной частью Украины и обладает правом на самостоятельное принятие решений в пределах своей компетенции, определенной Конституцией и законами Украины [13, с. 27-29].

В документе устанавливались общие полномочия органов законодательной и исполнительной власти, относящиеся к их компетенции без явного разделения. Так, в случае возникновения противоречий между нормативными актами Республики Крым и Украины, решение вопроса о соответствии нормативных актов осуществлялось Конституционным судом Украины. Все вышеперечисленное является примером механизма взаимодействия и урегулирования противоречий между законодательными органами на двух уровнях власти [16, с. 89-93].

Конституция Республики Крым, принятая 6 мая 1992 г., впервые вводила принцип разделения властей, предоставляя ее органам возможность действовать самостоятельно в пределах своих полномочий. Верховный Совет Крыма обладал правом принятия законов и осуществления парламентского контроля. Кроме того, законы могли быть приняты в ходе общекрымского референдума. Срок полномочий Верховного Совета Крыма составлял четыре года. Он работал сессионно, а его депутаты имели право предлагать законодательные инициативы, а также обращаться с запросами к организациям и должностным лицам. Президиум был ответственен за

организацию деятельности ВС, его постоянных и временных комиссий.

Детальная регламентация разделения власти на государственную, законодательную и судебную в Конституции 1992 г. позволила исключить возможность смешения функций государственных органов. Так, исключительно Верховный Совет Крыма имел право принимать законы, орган исполнительной власти – постановления и распоряжения, а Президент – указы и распоряжения. Верховный Совет (парламент) являлся высшим государственным органом власти и мог реализовывать законодательную власть в порядке проведения референдума.

Вместе с тем, недостатком являлось отсутствие в тексте Конституции норм, регулирующих соотношение и функционирование правовых систем Республики Крым и Украины, – имелась лишь оговорка, что Республика в лице ее государственных органов и должностных лиц осуществляет все полномочия, за исключением тех, которые «добровольно делегировала Украине». В Конституции 1992 г. не были закреплены нормы, регулирующие порядок разграничения полномочий и взаимодействие органов власти Украины и Республики Крым, что существенно снижало уровень реализации и осуществления Верховным Советом Республики Крым законодательной функции на территории Республики. Лишь 25 сентября 1992 г. с целью усовершенствования механизма взаимодействия между органами власти был принят Закон «О разграничении полномочий между органами государственной власти Украины и Республики Крым» [13, с. 33].

По своему существу принятые нормативные правовые акты, регулирующие в тот период взаимоотношения между органами власти Украины и Республики Крым, не соответствовали принципам взаимоотношений в рамках унитарного государства Украина, так как принцип договорного разграничения полномочий между центральными органами власти и субъектами свойственен федеративным государствам. В ситуации, где Крым являлся автономией в составе Украины, необходимо было выстроить модель взаимоотношений таким образом, при котором центральные органы власти государства непосредственно наделяли полномочиями органы власти Республики, при этом, не ограничивая самостоятельность в законодательной сфере, с целью своевременного урегулирования возникающих на территории Крыма вопросов с учетом местной специфики региона [17, с. 84].

В анализируемый период законодательный орган власти принял 41 Закон Республики Крым, 23 из которых были базовые, 17 о внесении изменений в действующее законодательство и 1 о признании утратившим силу некоторых законодательных актов Республики Крым. Однако негативным фактором было то, что уровень реализации принимаемых законов был очень низок [18, с. 86-87].

В марте 1995 г. Верховной Радой Украины Конституция 1992 г. и Закон о разграничении полномочий были отменены, ликвидирован институт Президентства в Крыму, а 1.11.1995 г. принята новая Конституция Автономной Республики Крым [13, с. 33]. В соответствии с ней Республика Крым является «автономной составной частью Украины, самостоятельно решает вопросы, отнесенные к ее ведению данной Конституцией и Конституцией Украины». Являясь основным законом республики, конституция имела высшую юридическую силу на всей территории, закрепляла принцип разделения властей. Верховный Совет Крыма был высшим органом государственной законодательной власти в Республике Крым, который имел право при-

нимать законодательные акты и осуществлять парламентский контроль за исполнением законодательства. Кроме того, обладал правом законодательной инициативы в Верховном Совете Украины, был однопалатным и состоял из 100 депутатов, права которых конкретизировались в Законе «О статусе депутата Верховного Совета Крыма». Закреплялись нормы, регулирующие вопросы пределов ведения Верховного Совета его исключительной компетенции. Так, законодательный орган власти рассматривал все вопросы, кроме тех, по которым решения могли быть приняты только общекрымским референдумом, органами судебной и исполнительной власти.

Иными словами, законодатель того периода времени подчеркивал важность избегания смещения полномочий между органами власти, что способствовало укреплению сотрудничества между государственными органами и их взаимному сбалансированному воздействию в ходе практической работы. Существенное значение имело закрепление за Верховным Советом Республики Крым возможности принятия Конституции и законов Республики Крым, их интерпретации, внесения изменений и дополнений, а также применения «вектора» (вето) к постановлениям и распоряжениям Правительства Крыма в случае несоответствия их Конституции и законам Республики Крым. Предоставление законодательному органу таких полномочий позволило более активно осуществлять правовую деятельность на территории Республики Крым, учитывая местные особенности.

Верховный Совет Крыма осуществлял свою деятельность сессионно, его организацию работы обеспечивал Президиум. В анализируемой Конституции по сравнению с предыдущей достаточно детально закреплялись полномочия Председателя и Президиума Верховного Совета. Законы и постановления считались принятыми, если за них проголосовало большинство депутатов. Для более эффективной работы и во избежания противоречий в законодательстве центра и региона, по тексту Конституции был закреплен Раздел о предметах ведения и разграничении полномочий между органами государственной власти Украины и Республики Крым. Исходя из ст. 98 Конституции, взаимодействие между органами государственной власти Украины и Республики Крым осуществлялось на основе норм права, которые были закреплены в Конституции Украины, Республики Крым, в договорах и соглашениях между Республикой и Украиной. Четко было определено, какие вопросы не имеет право решать Республика Крым в лице органов власти, в силу их отнесения к исключительному ведению государственных органов Украины. Предусматривалось, что если на территории Республики какой-либо вопрос не урегулирован, то применяется закон Украины до тех пор, пока законодательный орган власти не примет соответствующий акт.

Таким образом, по Конституции 1995 г. орган законодательной власти Республики Крым имел большой спектр полномочий для построения правовой системы на территории Республики, имел возможность принимать нормативные правовые акты, регулирующие все вопросы жизнедеятельности, взаимодействовать с иными органами власти как на территории Республики, так и органами власти Украины, а в случае нарушения полномочий Республики Крым в лице ее органов, имел возможность предпринимать соответствующие меры, избегать противоречий с законодательством Украины. Принятие Конституции Украины 28 июня 1996 г. обусловило необходимость изменения порядка формирования осуществления государственной

власти в Крыму. Ее положениями также было предусмотрено принятие Конституции АР Крым 23 декабря 1998 г. [8, с. 103-106].

В соответствии с Конституцией 1998 г. АРК является неотъемлемой составной частью Украины. Закреплено, что Верховная Рада Автономной Республики Крым (сокращенное наименование Верховная Рада АРК) является представительным органом Автономной Республики Крым, осуществляет представительные, нормотворческие, контрольные функции и полномочия в пределах компетенции.

Соответственно, Верховная Рада перестает выполнять функции законодательного органа власти и становится органом представительства автономии, в то время как Совет министров АРК осуществляет исполнительные функции, подчиняется Верховной Раде, подотчетен ей и несет перед ней ответственность. Правовой основой деятельности представительного органа являются Конституция Украины, Конституция АРК и законы Украины. В случае противоречия нормативных актов, принятых Верховной Радой, Конституции и законам Украины, применяются нормы украинской Конституции и законодательства Украины. Органы государственной власти Украины осуществляют контроль за соответствием нормативных актов, принятых на территории Крыма, законодательству Украины.

ВР состояла из 100 депутатов, срок полномочий составлял 5 лет, а работа велась посредством сессий. Для координации работы, при представительном органе существовал Президиум ВР АРК, также избирались постоянные и временные комиссии из числа депутатов для рассмотрения и подготовки вопросов, относящихся к предмету ведения ВР АРК и контроля за исполнением постановлений и решений.

Вопросы нормативно-правового характера в ВР АРК решались большинством голосов депутатов через открытое или тайное голосование путем принятия постановлений, в то время как вопросы организационного и распорядительного характера разрешались путем принятия решений. В компетенцию ВР входили вопросы, связанные с принятием и внесением изменений и дополнений в Конституцию АРК. Предлагаемые поправки и дополнения вступали в силу после утверждения Верховной Радой Украины и опубликования. ВР АРК имела полномочия принимать нормативно-правовые акты, вносить изменения в них, уточнять процедуры их применения, а также контролировать соблюдение Конституции АРК и других нормативных актов. Основная задача ВР АРК состояла в осуществлении представительства по различным сферам сотрудничества, разрешении экономических, социальных и культурных вопросов, а также в защите интересов населения, обеспечении и защите прав и законных интересов граждан на территории АРК [16, с. 261-311].

Дополнительно порядок деятельности Верховной Рады АРК, ее органов и должностных лиц регулировался Регламентом № 109-II от 30 июня 1998 г. В соответствии с ним был установлен порядок осуществления контроля за законностью постановлений, распоряжений и иных актов Совета министров АРК, порядок проведения отчетности Президиума, постоянных комиссий перед Верховной Радой АРК, порядок внесения и реализации депутатского запроса к подконтрольным и подотчетным органам, а также проведения пленарных заседаний, сессий, т.д. [19].

Таким образом в Конституции были закреплены положения об иерархичном подчинении нормативно-правовой системы Автономной Республики Крым правовой системе Украины. При этом определялся перечень вопросов, относящихся к компетенции Верховной Рады АРК.

Как отмечал, Гафис Г.А. «хоть в тексте Конституции и отсутствует раздел, посвященный "Государственной власти", однако в ней определено распределение полномочий между органами управления на территории Республики». Согласно данным изменениям, Верховная Рада АРК функционирует в качестве представительного органа власти, в то время как исполнительные функции осуществлялись Советом министров АРК в соответствии с компетенцией и подлежали контролю, и отчетности со стороны Верховной Рады АРК» [20].

Наряду с этим, судебные учреждения на территории АРК входили в единую систему судебных органов Украины, что также существенно ограничивало автономию и самостоятельность Крыма в законодательстве. Это привело к замедлению процесса принятия нормативных актов для решения важных вопросов в различных областях деятельности на территории Республики.

После принятия Конституции 1998 г. произошла полная централизация власти со стороны унитарного государства Украина. Верховная Рада АРК была определена как представительный орган АРК (с 2010 г. переименована в Верховный Совет Автономной Республики Крым) и более не имела право принимать в рамках своих полномочий законы. Данные изменения привели к ограничению нормотворческой деятельности законодательного органа власти, тем самым, снизили процессы эффективного регулирования общественных отношений, складывающихся на территории Республики. В свою очередь, уполномоченные органы, осуществляющие деятельность на территории Украины и не находящиеся непосредственно на территории Республики, принимали законы, регулирующие все сферы деятельности в Крыму, в большей мере, без учета специфики региона и мнения его населения. Другими словами, АРК фактически имела статус административно-территориальной единицы, полностью зависящей и подконтрольной органам государственной власти Украины [9, с. 34].

Важнейшим и определяющим этапом становления правотворческой деятельности на территории Республики Крым стал период ее провозглашения 17.03.2014 г. суверенным и независимым государством. Принятие таких правовых актов как Постановление «О независимости Крыма» № 1745-6/14 [20]; Договор о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18.03.2014 г.; Федеральный конституционный закон № 6-ФКЗ от 21.03.2014 г. «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [21, с. 31- 48] привели к изменениям в сфере правотворческой деятельности, в частности ввиду изменения статуса Республики, её органов, полномочий, в том числе по взаимодействию с центром.

После принятия Республики Крым в состав РФ 11.04.2014 г. Государственным Советом Республики Крым принимается Конституция Республики Крым, в которой закреплено, что Республика является демократическим правовым государством в составе РФ. Государственная власть в Республике разделена на законодательную, исполнительную и судебную, имеющие самостоятельность при осуществлении деятельности. Республика Крым выступает равноправным субъектом РФ.

По Конституции 2014 г. Государственный Совет Республики Крым – парламент РК обладает правом законодательной инициативы в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, а также является постоянно действующим

щим высшим и единственным законодательным (представительным) органом государственной власти Республики Крым. Имеет право принимать Конституцию Республики Крым, законы, постановления и вносить в них изменения, осуществляет толкование Конституции и законов Республики Крым, рассматривает вопросы об изменении границ, утверждении бюджета, утверждает порядок осуществления стратегического планирования в Республике, иные полномочия, установленные Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, настоящей Конституцией и законами Республики Крым. Перечень полномочий законодательного (представительного) органа власти закреплен в статье 73 Конституции.

Конституция содержит перечень вопросов, по которым парламент имеет право принимать законы, а также постановления. Законы и постановления принимаются большинством голосов от установленного числа депутатов, если иное не предусмотрено федеральным законом. Государственный Совет состоит из 75 депутатов и осуществляет свои полномочия, если в его составе не менее двух третей от общего количества депутатов, а срок полномочий составляет 5 лет [22].

Важным является закрепление в Конституции 2014 г. положений о рассмотрении вопросов, находящихся в совместном ведении РФ и Республики Крым, вне пределов ведения РФ. Законы и иные нормативные правовые акты Республики Крым не могут противоречить федеральным конституционным законам, федеральным законам, принятым по предметам ведения РФ и предметам совместного ведения, а в случае противоречия действуют положения федерального законодательства. А если противоречие возникло между нормативным правовым актом Республики Крым, что принят по вопросам, находящимся вне пределов ведения РФ и совместного ведения Федерации и субъекта, действует нормативный правовой акт Республики Крым. В рамках системы «сдержек и противовесов» Государственный Совет Республики Крым наделен в определенных случаях правом выразить недоверие Главе Республики Крым.

В Конституции четко определено место Государственного Совета Республики Крым в системе органов государственной власти, и в ст. 75 приведен перечень вопросов, входящих в его компетенцию. Балансировка полномочий исключает возможность неравномерного распределения их между различными органами власти или должностными лицами. Конституционно-правовой статус Государственного Совета Республики Крым как органа законодательной (представительной) власти впервые последовательно представлен без противоречий и двусмысленных толкований, что обеспечивает его эффективное функционирование, в отличие от Верховной Рады Республики Крым [20, с. 8].

Порядок формирования законодательного (представительного) органа власти, четкое установление его правового статуса (прав, обязанностей, гарантий, ответственности), предмета ведения играют важную роль для надлежащего, эффективно осуществленного деятельности данным органом власти.

Помимо Конституции, деятельность законодательного (представительного) органа власти регулируется целым рядом нормативных правовых актов, призванных сделать его функционирование максимально легитимным и эффективным.

В частности, Закон Республики Крым № 2-ЗРК от 30 апреля 2014 г. «О Государственном Совете Республики Крым – Парламенте Республики Крым» закрепляет правовые основы организации и деятельности законодательного (представительно-

го) органа власти, в том числе его статус, принципы деятельности, состав, порядок формирования деятельности, полномочия, организационную основу деятельности, основы взаимодействия с иными органами власти в Республике, организациями, функции, основными из которых являются законодательная, представительная и контрольная [23]. В Регламенте Государственного Совета Республики Крым устанавливается порядок разрешения вопросов организационного, правового, финансового, материально-технического обеспечения деятельности Государственного Совета Республики Крым [24].

Предназначение законодательного (представительного) органа власти определяется его полномочиями, путем осуществления прав и обязанностей, закрепленных на законодательном уровне. Вместе с тем, полномочия (права и обязанности) позволяют выяснить степень эффективности деятельности законодательного органа власти, определить его роль и разграничить отношения между центральными органами власти, местными государственными институтами на территории региона.

При исследовании вопроса эволюции законодательного (представительного) органа власти Республики Крым можно сделать вывод, что процесс становления и развития конституционно-правового статуса данного органа власти прошел длительный и сложный период. Исходя из четырех проанализированных временных этапов, деятельность законодательного органа власти реализовывалась в разных концепциях с учетом позиции власти, осуществляющей политику в отношении Республики.

Ярким примером этого служит Закон Украины «Об отмене Конституции и некоторых законов Автономной Республики Крым» от 17 марта 1995 г. Органы власти Украины вместо того, чтобы совершенствовать уже выстроенные отношения с органом законодательной власти региона, предоставить ему материальные и правовые возможности для разрешения вопросов, возникающих на местном уровне, ограничились правовой статус органа законодательной власти Республики Крым, свели его деятельность к нормативному урегулированию вопросов в лице представительного органа власти [25, с. 28-30], осуществляющего представительные, нормотворческие, контрольные функции и полномочия в пределах компетенции.

В заключении подчеркнем, что принятый в настоящее время массив нормативных правовых актов, последовательно и непротиворечиво закрепляет и регулирует конституционно-правовой статус Государственного Совета Республики Крым. Вместе с тем, предпринятый нами опыт сравнительного анализа позволит выявить положительные факторы в целях совершенствования правового статуса законодательного (представительного) органа власти Республики Крым, насчитывающего в тех или иных государственно-правовых модификациях более чем столетнюю историю.

Список литературы:

1. Минеева Е.К., Зыкина А.П., Минеев А.И. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР и создание Крымской АССР [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 15.04.2024).
2. Конституция Крымской Автономной Социалистической Советской Республики от 10 ноября 1921 г.: [сайт]. - URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/>. - Текст электронный (дата обращения: 15.04.2024).
3. Шармоянц А.Н. Становление Республики Крым как субъекта нормотворческой деятельности в советский период // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. - 2015. - № 1. - С.114-122.
4. Владимир Брошеван Высшие органы власти Крымской АССР: историко-док. справ. - Симферополь, 2007. - 79 с. - Текст: непосредственный.

5. Конституция (основной закон) Крымской Автономной Советской Социалистической Республики. Государственное издательство Крым. АССР. 1938 г. Книгохранилище, с. 3-32. - Текст: непосредственный.
6. Закон РСФСР от 25.06.1946 «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и преобразовании Крымской АССР в Крымскую область». - URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 17.04.2024). - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. - Текст: электронный.
7. Конституция (основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 21.01.1937 г.: [сайт]. - URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> - Текст электронный (дата обращения: 17.04.2024).
8. Голубева Н.А. Конституция Крыма: исторический и правовой аспекты. Крым - неотъемлемая часть России: государственно-правовая история и современность (к 5-летию референдума о независимости Крыма; 75-летию освобождения Крыма от немецко-фашистских оккупантов; к 165-летию начала иностранной интервенции в Крыму): Материалы международной научно-практической конференции от 10 сентября 2019, г. Симферополь – М.: РГУП, 2020. С. 349.
9. Писарев А.Н. Общность и единство истории становления и развития конституционного законодательства и государственности в России и Крыму как важнейшая предпосылка их воссоединения. - Elibrary.ru: науч. электрон. б-ка: - URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 19.05.2024). - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. - Текст: электронный.
10. Мошкин С.В. Крымский передел в 1954 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 20.05.2024).
11. Пашеня В.Н. Крымская область в советский период (1946-1991 гг.): Монография / Таврический нац. Ун-т им. В.И. Вернадского. - Симферополь: ДИАИПИ, 2008. – 250 с.
12. Гончаренко В.Д. Історія Конституційного законодавства України: 36. Док. / І-90 Упоряд. – Х.: Право, 2007. – 256 с.
13. Семак В.И., Дубровский В.Ф., Паршичева И.Е. Конституция Автономной Республики Крым, учебное пособие (часть первая). Симферополь. – 1999, с. 175.
14. Закон Крымской АССР «Об органах государственной власти Крымской Автономной Советской Социалистической Республики» 1991 г.: [сайт]. - URL: <https://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/1991org.htm> - Текст: электронный (дата обращения: 27.04.2024).
15. Миронова А.А. Становление и развитие государственности и права, направления и способы совершенствования законодательства в Крымском Федеральном округе. – Elibrary.ru: науч. электрон. б-ка: - URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 13.05.2024). - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. - Текст: электронный.
16. Супрунюк Е.В. Твои конституции, Республика Крым. Сборник текстов Конституций Крымской ССР, Крымской АССР, Автономной Республики Крым (1921-2024 г. г. - Симферополь, 2014, с. 899. – Текст: непосредственный.
17. Шармоянц А.Н. Становление Республики Крым как субъекта нормотворческой деятельности в начале 90-х гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. - 2015. - Т. 1 (67). № 2. - С. 82-88.
18. Бондарчук И.В. / Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2019 Т. 23. № 1.80-101. Нормотворческая политика Республики Крым в условиях смены конституционных циклов / Elibrary.ru: научная электронная библиотека: [сайт]. - URL: 80 - 97 (дата обращения: 2.05.2024).
19. Регламент Верховной Рады Автономной Республики Крым в ред. 15.05.2002 г. – 62 с. - Симферополь. – Текст: непосредственный.
20. Гафис Гасан оглы Абасов. Сравнительный анализ конституционно-правового статуса Верховной Рады Автономной Республики Крым и Государственного Совета Республики Крым. Теоретические основы права // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 34 (48) 2015: [сайт]. – URL: <http://www.agprf.org/userfiles/ufiles>. – С. 7 (дата обращения: 07.05.2024).
21. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (Москва, 18 марта 2014). - Конституция Республики Крым. - Симферополь: ФЛП А.Е. Плохотнюк, 2014. – 48 с. – Текст: непосредственный.
22. Конституция Республики Крым. Офиц. изд. – 133 с. - Симферополь: «Таврида», 2014. - Текст: непосредственный.
23. Закон Республики Крым от 15.05.2014 г. № 2-ЗРК «О Государственном Совете Республики Крым - Парламенте Республики Крым». - URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 8.05.2024). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. - Текст: электронный.
24. Постановление Государственного Совета Республики Крым от 24.12.2014 г. № 376-1/14 «О Регламенте Государственного Совета Республики Крым». – URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 11.05.2024). - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. – Текст: электронный.
25. Мешков Ю.А. Конституционно-правовой статус Республики Крым: специальность 12.00.02 Конституционное право; муниципальное право: автореферат на соискание ученой степени кандидата юри-

дических наук / Мешков Юрий Александрович. - Москва, 2000. - С.32 [Текст электронный] // Режим доступа: <https://www.disscat.com/search?q=> (дата обращения 18.05.2024).

Aleksey N. Nifanov. Klubenko V. S. Evolution of the legal status of the legislative (representative) body of power of the Republic of Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – Р. 262–277.

The article examines the evolution of the legislative (representative) body of power in the Republic of Crimea (from 1921 to the present). On the basis of legal documents in force in this period, an analysis of the legal status of the legislative authority, its powers, structure, and model of interaction between central and local authorities is carried out. The characteristics of each of the proposed stages made it possible to identify the factors affecting the implementation of lawmaking and popular representation in the territory of the Republic. Within the framework of the periods under review, the list of powers of the legislative body of power is analyzed, taking into account the change in the status of the Republic, its functions, the correlation of its decisions with the legal acts of the state to which the Republic was a part is considered.

Keywords: legislative (representative) body of power, Crimean Central Executive Committee, Central Executive Committee of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, Crimean Region, Supreme Council of the Crimean ASSR, Supreme Rada of the Autonomous Republic of Crimea, State Council of the Republic of Crimea, constitutional and legal status, powers.

Spisok literaturey:

1. Mineeva E.K., Zykina A.P., Mineev A.I. Narodnyy komissariat po delam nacional'nostej RSFSR i sozдание Krymskoj ASSR [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru> (data obrashcheniya: 15.04.2024).
2. Konstituciya Krymskoj Avtonomnoj Socialisticheskoy Sovetskoj Respubliki ot 10 noyabrya 1921 g.: [sajt]. - URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/>. - Tekst elektronnyj (data obrashcheniya: 15.04.2024).
3. Sharmoyanc A.N. Stanovlenie Respubliki Krym kak sub"ekta normotvorcheskoj deyatel'nosti v sovetskij period // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. - 2015. - № 1. - S.114-122.
4. Vladimir Broshevan Vysshie organy vlasti Krymskoj ASSR: istoriko-dok. sprav. - Simferopol', 2007. - 79 s. - Tekst: neposredstvennyj.
5. Konstituciya (osnovnoj zakon) Krymskoj Avtonomnoj Sovetskoj Socialisticheskoy Respubliki. Gosudarstvennoe izdatel'stvo Krym. ASSR. 1938 g. Knigohranilishche, s. 3-32. - Tekst: neposredstvennyj.
6. Zakon RSFSR ot 25.06.1946 «Ob uprazhnenii Checheno-Ingushskoj ASSR i preobrazovanii Krymskoj ASSR v Krymskuyu oblast'». - URL: <https://internet.garant.ru> (data obrashcheniya: 17.04.2024). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelej. - Tekst: elektronnyj.
7. Konstituciya (osnovnoj zakon) Rossijskoj Sovetskoj Federativnoj Socialisticheskoy Respubliki ot 21.01.1937 g.: [sajt]. - URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> - Tekst elektronnyj (data obrashcheniya: 17.04.2024).
8. Golubeva N.A. Konstituciya Kryma: istoricheskij i pravovoj aspekty. Krym - neot'emlemaya chast' Rossii: gosudarstvenno-pravovaya istoriya i sovremennost' (k 5-letiyu referendumu o nezavisimosti Kryma; 75-letiyu osvobozhdeniya Kryma ot nemecko-fashistskih okkupantov; k 165-letiyu nachala inostrannoj intervencii v Krymu): Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii ot10 sentyabrya 2019, g. Simferopol' – M.: RGUP, 2020. s.349.
9. Pisarev A.N. Obshchnost' i edinstvo istorii stanovleniya i razvitiya konstitucionnogo zakonodatel'stva i gosudarstvennosti v Rossii i Krymu kak vazhnejshaya predposylka ih vossoedineniya. - Elibrary.ru: nauch. elektron. b-ka: - URL: <https://elibrary.ru> (data obrashcheniya: 19.05.2024). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelej. - Tekst: elektronnyj.
10. Moshkin S.V. Krymskij peredel v 1954 g. [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru> (data obrashcheniya: 20.05.2024).
11. Pashchenya V.N. Krymskaya oblast' v sovetskij period (1946-1991 gg.): Monografiya / Tavricheskij nac. Un-t im. V.I. Vernadskogo. - Simferopol': DIAJPI, 2008. - 250 s.
12. Goncharenko V.D. Istoriya Konstitucijnogo zakonodavstva Ukraïni: Zb. Dok. / I-90 Uporyad. - H.: Pravo, 2007. - 256 s.
13. Semak V.I., Dubrovskij V.F., Parshicheva I.E. Konstituciya Avtonomnoj Respubliki Krym, uchebnoe posobie (chast' pervaya). Simferopol'. - 1999, s.175.
14. Zakon Krymskoj ASSR «Ob organah gosudarstvennoj vlasti Krymskoj Avtonomnoj Sovetskoj Socialisticheskoy Respubliki» 1991 g.: [sajt]. - URL: <https://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/1991org.htm> – Tekst: elektronnyj (data obrashcheniya: 27.04.2024).
15. Mironova A.A. Stanovlenie i razvitie gosudarstvennosti i prava, napravleniya i sposoby sovershenstvovaniya zakonodatel'stva v Krymskom Federal'nom okruge. - Elibrary.ru: nauch. elektron. b-ka: - URL: <https://elibrary.ru> (data obrashcheniya: 13.05.2024). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelej. - Tekst: elektronnyj.

16. Suprunyuk E.V. Tvoi konstitucii, Respublika Krym. Sbornik tekstov Konstitucij Krymskoj SSR, Krymskoj ASSR, Avtonomnoj Respubliki Krym (1921-2024 g. g. - Simferopol', 2014, s. 899.
17. Sharmoyanc A.N. Stanovlenie Respubliki Krym kak sub"ekta normotvorcheskoj deyatel'nosti v nachale 90-h gg. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. - 2015. - T. 1 (67). № 2. - S. 82-88.
18. Bondarchuk I.V. / Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki. - 2019 T. 23. № 1.80-101. Normotvorcheskaya politika Respubliki Krym v usloviyah smeny konstitucionnyh ciklov / Elybrary.ru: nauchnaya elektronnaya biblioteka: [sajt]. - URL: 80 - 97 (data obrashcheniya: 2.05.2024).
19. Reglament Verhovnoj Rady Avtonomnoj Respubliki Krym v red. 15.05.2002 g. - 62 s. - Simferopol'. - Tekst: neposredstvennyj.
20. Gafis Gasan ogly Abasov. Sravnitel'nyj analiz konstitucionno-pravovogo statusa Verhovnoj Rady Avtonomnoj Respubliki Krym i Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym. Teoreticheskie osnovy prava // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii № 34 (48) 2015: [sajt]. - URL: <http://www.agprf.org/userfiles/ufiles>. - S.7 (data obrashcheniya: 07.05.2024).
21. Dogovor mezhdru Rossijskoj Federaciej i Respublikoj Krym o prinyatii v Rossijskuyu Federaciju Respubliki Krym i obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novyh sub"ektov (Moskva, 18 marta 2014). - Konstituciya Respubliki Krym. - Simferopol': FLP
- A.E. Plohotnyuk, 2014. - 48 s. - Tekst: neposredstvennyj.
22. Konstituciya Respubliki Krym. Ofic. izd. - 133 s. - Simferopol': «Tavrida», 2014.
23. Zakon Respubliki Krym ot 15.05.2014 g. № 2-ZRK
- «O Gosudarstvennom Sovete Respubliki Krym - Parlamente Respubliki Krym». - URL: <https://internet.garant.ru> (data obrashcheniya: 8.05.2024). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelej. - Tekst: elektronnyj.
24. Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 24.12.2014 g. № 376-1/14 «O Reglamente Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym». - URL: <https://internet.garant.ru> (data obrashcheniya: 11.05.2024). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelej. - Tekst: elektronnyj.
25. Meshkov Yu.A. Konstitucionno-pravovoj status Respubliki Krym: special'nost' 12.00.02 Konstitucionnoe pravo; municipal'noe pravo: avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Meshkov Yuriy Aleksandrovich. - Moskva, 2000. - S.32 [Tekst elektronnyj] // Rezhim dostupa: <https://www.dissercat.com/search?q=> (data obrashcheniya 18.05.2024).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 278–284.

УДК 342

**РЕФОРМИРОВАНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В
РОССИИ: ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕАЛИИ
НА ПУТИ К СОЦИАЛЬНОМУ ПРОГРЕССУ**

Позднякова Е. В.¹

Юго-Западный государственный университет

Настоящее исследование посвящено комплексному анализу реформирования исполнительных органов власти в Российской Федерации, фокусируясь на правовых механизмах и административных реалиях, способствующих социальному прогрессу. Особое внимание уделяется рассмотрению методов и инструментов административного права, применяемых в процессе реформирования, включая механизмы оптимизации организационной структуры и распределения полномочий между различными уровнями и ветвями власти. В статье анализируются проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются исполнительные органы в условиях текущих преобразований, а также предлагаются рекомендации по совершенствованию правового и административного регулирования для достижения устойчивого социального прогресса. Ключевыми аспектами исследования являются оценка влияния реформ на повышение прозрачности, эффективности исполнительной власти, а также их роль в обеспечении прав и свобод граждан. В результате проведенного анализа сформулированы выводы о перспективных направлениях дальнейшего развития и совершенствования системы исполнительных органов власти в России, с целью укрепления правового государства и социального благополучия общества.

Ключевые слова: исполнительные органы власти, правовые механизмы, административное право, государственное управление, социальный прогресс, реформирование, Президент РФ, компетенция органов исполнительной власти, промышленная безопасность, незаконная миграция.

Исполнительная деятельность, являясь законодательно обоснованной реализацией полномочий, возложенных на соответствующие государственные органы, представляет собой неотъемлемую составляющую механизма государственного управления, направленную на обеспечение благополучия России. Это достигается посредством развития таких ключевых сфер, как экономическая, культурная (в ее широком понимании), а также административно-политическая сферы [1, с. 39].

В статьях 77, 78, 85, 110 и других положениях Конституции РФ устанавливается субъектное выражение исполнительной власти, то есть разграничение компетенций между органами, реализующими её функции [2]. Содержание деятельности данных органов, направленное на обеспечение благополучия России, включает выполнение определенных задач и функций посредством использования государственно-властных полномочий, закрепленных в законодательных и иных нормативных правовых актах РФ. Компетенция каждого органа исполнительной власти формируется из его задач, функций и полномочий.

Реализация юридически властных полномочий органами исполнительной власти происходит в административно-правовом порядке, что подчеркивает их государственно-властный характер. Данная деятельность представляет собой интегрированный процесс, в котором статус Президента РФ, исполнительная и распорядительная деятельность находятся во взаимосвязи и взаимной зависимости, обусловленной необходимостью обеспечения общественной безопасности, являющейся од-

¹ Данная статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства».

ним из ключевых направлений на пути к достижению реального благополучия страны [3, с. 21].

Для обеспечения безопасности страны Президент РФ утвердил Концепцию общественной безопасности, формирующую систему взглядов на защиту общественного порядка как неотъемлемой части национальной безопасности РФ [4, с. 113].

Под общественной безопасностью понимается состояние защищенности личности, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, а также от социальных и межнациональных конфликтов и чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [5].

В условиях участвовавших атак на промышленные объекты были инициированы реформы в сфере промышленной безопасности. Президент России Владимир Путин подписал Федеральный закон от 25.12.2023 г. №637-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6].

Проект закона, подготовленный Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору, содержит положения, разработанные в соответствии с поручениями Президента по итогам совещания о состоянии угольной отрасли Кузбасса, состоявшегося 2 декабря 2021 г.

Документ направлен на совершенствование правового регулирования в области промышленной безопасности. Помимо изменений в Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», также внесены поправки в федеральные законы «Об акционерных обществах», «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности», «Об обществах с ограниченной ответственностью», «О лицензировании отдельных видов деятельности» и «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [7].

На нормативно-правовом уровне вводится институт аудита систем управления промышленной безопасностью, обязательный для собственников организаций, эксплуатирующих опасные производственные объекты I класса. Субъекты первого класса опасности будут наделены полномочиями по анализу результатов аудита и обязанностями по обеспечению промышленной безопасности на подведомственных им объектах. Эти права и обязанности будут включать в себя не только оценку соответствия установленным стандартам, но и разработку мероприятий по повышению уровня безопасности и предотвращению возможных рисков. Определяется порядок продления срока эксплуатации зданий и сооружений на опасных производственных объектах по истечении установленного срока их службы. Решение о продлении срока эксплуатации должен принимать руководитель эксплуатирующей организации на основании положительного заключения о состоянии промышленной безопасности.

Срок эксплуатации технических устройств на опасных производственных объектах уменьшится с 20 до 10 лет, если отсутствует установленный производителем период эксплуатации или соответствующая документация. Дальнейшая эксплуатация этих устройств будет возможна исключительно при наличии положительного заключения экспертизы промышленной безопасности, подтверждающего их соответствие обязательным нормативным требованиям.

Кроме того, вводится возможность установления индивидуальных требований промышленной безопасности в обосновании безопасности опасных производственных объектов не только на этапах их строительства или реконструкции, но также при проведении технического перевооружения и капитального ремонта линейных объектов. Это означает, что подход к обеспечению безопасности будет гибким и адаптируемым на всех стадиях жизненного цикла объекта, что позволит учитывать специфические риски и условия эксплуатации для каждого конкретного случая.

Специалисты в области промышленной безопасности смогут подтверждать свою квалификацию не только посредством аттестации в Ростехнадзоре, но и успешно сдав профессиональный экзамен, соответствующий требованиям Федерального закона «О независимой оценке квалификации». Это нововведение обеспечит более разнообразные и гибкие пути для подтверждения компетентности экспертов, способствуя повышению уровня их профессионализма и адаптивности к современным требованиям в сфере промышленной безопасности.

Данная редакция уточняет положения федерального законодательства, касающиеся государственного надзора, лицензирования и расследования инцидентов на опасных производственных объектах. Вводится специальный порядок контроля за соблюдением требований промышленной безопасности на объектах, занимающихся разработкой, производством, испытанием, эксплуатацией и утилизацией ядерного оружия и ядерных энергетических установок военного назначения. Этот особый порядок контроля необходим для обеспечения максимально возможного уровня безопасности в таких критических сферах, предусматривая более строгие нормативные требования и процедуры проверки. Закон вступает в силу с 1 сентября 2024 г., за исключением положений об аудите систем управления промышленной безопасностью, которые вступают в силу с 1 сентября 2025 г.

Введение данного закона сопровождается рядом значительных изменений, которые могут породить определенные правовые и административные проблемы. Рассмотрим основные из этих проблем и предложим возможные решения для их эффективного устранения.

1. Компетентность и объективность аудиторов систем управления промышленной безопасностью. Недостаток квалифицированных специалистов для проведения аудита может замедлить внедрение требований закона, а недостаточный контроль за независимостью аудиторов может привести к необъективности проведенных аудитов. Возможное решение этой проблемы видется в разработке и внедрение специализированных образовательных программ для подготовки аудиторов в соответствии с новыми требованиями; установление более строгих критериев отбора аудиторов, а также внедрение механизмов мониторинга и оценки их деятельности для обеспечения независимости и объективности.

2. Оценка безопасности и продление срока эксплуатации объектов. Решения руководителей организаций по продлению эксплуатации зданий и сооружений могут варьироваться по качеству, что создает риск различных трактовок результатов оценки безопасности. Возможны конфликты между различными органами надзора и руководителями организаций относительно критериев и решений по продлению сроков эксплуатации. Считаем, что, разработка и утверждение унифицированных критериев и стандартов для оценки безопасности зданий и сооружений позволит решить данную проблему. Кроме того, проведение регулярных семинаров и тренин-

гов для руководителей эксплуатирующих организаций по новым правилам и стандартам оценки безопасности, будет способствовать повышению оперативности принятия решений.

3. Дополнительные расходы и наличие экспертизы для технических устройств.

Более частая замена технических устройств может повысить операционные расходы компаний. Необходимость положительных заключений экспертизы промышленной безопасности может затруднить оперативный процесс предоставления услуг. Для решения этой проблемы требуется введение государственной поддержки и финансовых стимулов для организаций, обновляющих технические устройства в соответствии с новыми требованиями и увеличение числа сертификационных центров для ускорения процесса получения положительных заключений.

4. Подтверждение квалификации экспертов. Введение профессиональных экзаменов может вызвать нехватку экспертов, если они не смогут пройти новые требования. Необходимое количество сертификационных центров может быть недостаточным. Решить проблему можно с помощью увеличения количества сертификационных центров и ресурсов для проведения профессиональных экзаменов, а также организации краткосрочных обучающих курсов для подготовки экспертов к новым требованиям и прохождению экзаменов.

5. Государственный надзор и координация органов. Введение нового порядка контроля за соблюдением требований промышленной безопасности может потребовать значительных изменений в текущей правоприменительной практике. Координация различных государственных органов может столкнуться с бюрократическими затруднениями. Решение видется в разработке и внедрение интеграционных платформ для координации действий между различными государственными органами, а также проведение обучающих мероприятий для сотрудников государственных органов по новым стандартам и процедурам контроля.

Применение предложенных решений позволит минимизировать риски и обеспечить эффективную реализацию ФЗ №637-ФЗ в области промышленной безопасности.

В контексте реформирования исполнительных органов власти в России значительное внимание уделяется вопросу незаконной миграции и ее воздействию на социальную стабильность и безопасность. Нелегальная миграция иностранных граждан и лиц без гражданства, преимущественно прибывающих из регионов с неблагоприятной общественно-политической, экономической и санитарно-эпидемиологической ситуацией, представляет значительную угрозу общественной безопасности. Незаконное пребывание таких лиц на территории Российской Федерации и их участие в несанкционированной трудовой деятельности часто приводит к ухудшению социальной обстановки в местах их проживания. Более того, такие условия способствуют формированию террористических группировок, распространению политического и религиозного экстремизма, а также усилению националистических настроений.

Внутренняя миграция РФ сопряжена с негативными тенденциями, включая переселение мигрантов из восточных и западных регионов, таких как Украина, в центральные районы страны. Это приводит к усилению дисбаланса в демографическом распределении населения по территории РФ и повышению уровня социальной напряженности в обществе. Усиление социальной напряженности способствует ро-

сту ксенофобии, межнациональной, расовой и религиозной розни, а также увеличению числа этнических организованных преступных группировок.

Государственная дума Российской Федерации поддержала введение режима высылки мигрантов [8]. В соответствии с данным решением, полномочия по принятию решения о выдворении иностранных граждан, не имеющих законных оснований для пребывания на территории страны, будут наделены не только судебные инстанции, но и органы полиции. До момента фактического выезда незаконного мигранта из страны в отношении него будет установлен целый ряд ограничительных мер. Например, такому лицу будет запрещено управлять автотранспортным средством и снимать наличные средства в размере, превышающем 30 тысяч рублей.

Государственная Дума РФ одобрила пакет законопроектов, направленных на введение мер по депортации иностранных граждан, не имеющих законных оснований для пребывания в стране. Один из законопроектов предусматривает изменения в нескольких федеральных законах, регулирующих правовой статус иностранцев и лиц без гражданства на территории России. Другой законопроект вносит коррективы в КоАП РФ, уточняя административные меры, применимые к данным категориям лиц. Эти нововведения направлены на ужесточение контроля и обеспечение соблюдения миграционного законодательства.

При реализации закона о введении режима высылки мигрантов могут возникнуть следующие правовые и административные проблемы такие как:

В условиях функционирования Центра временного содержания иностранных граждан, подлежащих депортации либо административному выдворению за пределы РФ, могут наблюдаться случаи нарушения режима пребывания содержащихся лиц. К таковым нарушениям можно отнести выход за территориальные пределы специализированного учреждения и привлечение содержащихся лиц к выполнению ремонтных работ. Для предотвращения случаев нарушения режима пребывания иностранных граждан, находящихся в Центре временного содержания, следует усилить контроль за соблюдением правил внутреннего распорядка с использованием современных технологий видеонаблюдения и систем контроля доступа. Помимо этого, необходимо проводить регулярные инспекции с участием независимых наблюдателей и представителей правозащитных организаций для мониторинга условий содержания и соблюдения прав содержащихся лиц. Введение специализированных программ обучения для персонала ЦТВС, направленных на повышение их правовой грамотности и навыков взаимодействия с содержащимися лицами, также будет способствовать снижению риска нарушений и укреплению законности в деятельности учреждения.

Актуальность проблемы усугубляется потенциальным вовлечением граждан Российской Федерации в нарушение законодательства по данным вопросам. В частности, если за организацию незаконной миграции предусмотрена мера в виде конфискации имущества, остаётся нерешённым вопрос правовой ответственности лиц, оказывающих содействие в обналаживании денежных средств мигрантами и способствующих незаконным финансовым операциям. Для комплексного решения проблемы вовлечения граждан Российской Федерации в незаконные финансовые операции, связанные с миграцией, необходимо разработать и реализовать ряд мер, включающих усиление законодательного регулирования в отношении финансовых посредников, участвующих в обналаживании денежных средств нелегальных ми-

грантов. Важным шагом является создание специализированных подразделений в правоохранительных органах, направленных на выявление и пресечение подобных преступных схем, а также укрепление сотрудничества с финансовыми учреждениями для мониторинга подозрительных транзакций. Одновременно с этим, целесообразно проводить информационные кампании для повышения осведомленности граждан о правовых последствиях содействия незаконной миграции и обналичиванию денежных средств, что в совокупности будет способствовать уменьшению уровня вовлечённости граждан в такие противоправные действия.

Сложность проблемы дополнительно усиливается вероятностью обострения международных отношений с государствами, входящими в СНГ. Введение запрета на заключение браков среди находящихся в Центре лиц может восприниматься в международно-правовом контексте как нарушение фундаментальных прав человека, так как данный запрет ограничивает доступный способ завершения режима содержания. Для решения проблемы вероятного обострения международных отношений со странами СНГ и потенциального нарушения фундаментальных прав человека, необходимо разработать правовые механизмы, которые позволят лицам, находящимся в Центре временного содержания, реализовывать свое право на заключение брака без нарушений режима содержания. Важно интегрировать эти механизмы в действующую правовую систему, обеспечивая надлежащее сопровождение таких процедур, включая юридическую поддержку и присутствие правозащитных организаций. Это позволит гармонизировать соблюдение прав человека с требованиями внутренней безопасности, а также минимизировать негативные международные реакции, сохраняя при этом конструктивные отношения с государствами СНГ.

Кроме того, передача части полномочий по выдворению МВД России требует глубокого правового анализа с точки зрения управленческих, юридических и процедурных аспектов, чтобы обеспечить соответствие правоприменительной практики основным принципам законодательства и международным стандартам.

Таким образом, анализ реформирования исполнительных органов власти в РФ выявляет комплекс факторов и инструментов, формирующих основу для достижения социального прогресса через совершенствование государственного управления. Результаты проведенного анализа позволяют сделать выводы о перспективных направлениях дальнейшего развития и совершенствования системы исполнительных органов в России. Это включает внедрение современных правовых механизмов и организационно-административных мер, направленных на укрепление принципов правового государства и улучшение социального благополучия общества.

Список литературы:

1. Попова, Н. Ф. Правовое обеспечение государственного и муниципального управления : учебник и практикум для вузов / Н. Ф. Попова ; под общей редакцией Г. Ф. Ручкиной. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 240 с. – Текст : непосредственный.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ, от 06.10.2022) [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант».
3. Астахов, А. И. Административное право : учебное пособие для среднего профессионального образования / А. И. Стахов [и др.] ; под редакцией А. И. Стахова, П. И. Кононова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 501 с. Текст : непосредственный.
4. Воронов, А. М. Правовые концепты к проекту концепции общественной безопасности в Российской Федерации на период до 2030 года / А. М. Воронов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2020. – № 7. – С. 113-117. Текст : непосредственный.

5. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации от 20.11.2013 [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант»
6. Федеральный закон от 25 декабря 2023 года №637-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант».
7. Федеральный закон от 25.12.2023 № 637-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант».
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в целях повышения эффективности федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции) : Законопроект № 614967-8, пояснительная записка [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/614967-8>. (дата обращения: 25.07.2024)

Pozdnyakova E. V. Reforming the executive authorities in Russia: legal mechanisms and administrative realities on the path to social progress // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 278–284.

The present study is devoted to a comprehensive analysis of the reform of executive authorities in the Russian Federation, focusing on the legal mechanisms and administrative realities that contribute to social progress. The article examines the current trends in the changes in the powers of executive authorities, identifying the key factors that influence the efficiency of their functioning. The study includes a review of the legal and regulatory framework governing the activities of executive bodies. Particular attention is paid to the methods and tools of administrative law applied in the process of reform, including mechanisms for optimising the organisational structure and distribution of powers between different levels and branches of government. The article analyses the problems and challenges faced by executive bodies in the current transformations, and offers recommendations for improving legal and administrative regulation to achieve sustainable social progress. The key aspects of the study are the assessment of the impact of reforms on increasing transparency, efficiency of the executive authorities, as well as their role in ensuring the rights and freedoms of citizens. As a result of the analysis, conclusions are formulated about promising directions for further development and improvement of the system of executive authorities in Russia, in order to strengthen the rule of law and social well-being of society.

Keywords: executive authorities, legal mechanisms, administrative law, public administration, social progress, reform, President of the Russian Federation, competence of executive authorities, industrial security, illegal migration.

Spisok literatury:

1. Popova, N. F. Pravovoe obespechenie gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya : uchebnik i praktikum dlya vuzov / N. F. Popova ; pod obshhej redakciej G. F. Ruchkinoy. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva : Izdatel'stvo Yurajt, 2023. – 240 s. – Tekst : neposredstvennyj.
2. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesenny'x Zakonomi RF o popravkax k Konstitucii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 01.07.2020 N 11-FKZ, ot 06.10.2022) [E'lektronnyj resurs] // Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy '«Garant».
3. Astaxov, A. I. Administrativnoe pravo : uchebnoe posobie dlya srednego professional'nogo obrazovaniya / A. I. Staxov [i dr.] ; pod redakciej A. I. Staxova, P. I. Kononova. – 4-e izd., pererab. i dop. – Moskva : Izdatel'stvo Yurajt, 2024. – 501 s. Tekst : neposredstvennyj.
4. Voronov, A. M. Pravovy'e koncepty` k proektu koncepcii obshhestvennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda / A. M. Voronov // Sovremennaya nauka: aktual'ny'e problemy` teorii i praktiki. Seriya: E'konomika i pravo. – 2020. – № 7. – S. 113-117. Tekst : neposredstvennyj.
5. Koncepciya obshhestvennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii ot 20.11.2013 [E'lektronnyj resurs] // Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy '«Garant»
6. Federal'nyj zakon ot 25 dekabrya 2023 goda №637-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O promy'shlennoj bezopasnosti opasny'x proizvodstvenny'x ob'ektov» i otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty` Rossijskoj Federacii» [E'lektronnyj resurs] // Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy '«Garant».
7. Federal'nyj zakon ot 25.12.2023 № 637-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O promy'shlennoj bezopasnosti opasny'x proizvodstvenny'x ob'ektov» i otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty` Rossijskoj Federacii» [E'lektronnyj resurs] // Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy '«Garant».
8. O vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty` Rossijskoj Federacii (v celyax povыsheniya e'ffektivnosti federal'nogo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v sfere migracii) : Zakonoproekt № 614967-8, poyasnitel'naya zapiska [E'lektronnyj resurs]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/614967-8>.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 285–291.

УДК 341.9

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТРСАНКЦИОННЫЙ ПЕРИОД (С 2014 ГОДА)

Трифопова К. В.

Россия в последние годы столкнулась с большим количеством внешних вызовов, имевших результатом существенные трудности в функционировании отечественной экономики. Эти вызовы носили как глобальный характер, так и были инспирированы отдельными государствами, с которыми ранее велась интенсивная внешнеэкономическая деятельность.

Хронологической границей в изменении взаимоотношений выступили события 2014 года, связанные с событиями на Украине. Первичные санкционные решения со стороны США и ряда государств ЕС были приняты и воплощены в действительность после вхождения Республики Крым и города федерального значения Севастополь в состав РФ. Дальнейшее санкционное давление связано с помощью, оказываемой Российской Федерацией Донецкой и Луганской народным республикам. В правовом регулировании ВЭД и правоприменительной практике произошли соответствующие изменения, значение которых сложно переоценить в силу их масштабности. Изменения затронули многие стороны ВЭД и непосредственно выражены как в нормативных актах, так и в правовых позициях высших судов и в конечном счете в практике судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Нововведения в сфере правовой регламентации ВЭД отнюдь не запрещают таковую деятельность в принципе, а просто устанавливают ряд контрсанкционных ограничений, при этом стоит отметить, что сами контрсанкционные ограничения содержат значительные исключения из общего порядка регулирования. Современная правоприменительная практика сталкивается с нарушением принципа равенства субъектов частноправовых отношений проявляющемся в том, что сторона, находящаяся в иностранной юрисдикции, может испытывать значительные ограничения в защите прав. Автор отмечает, что применение контрсанкционных мер должно быть настойчивым, но аккуратным для того, чтобы не разорвать все еще имеющиеся внешнеэкономические связи.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, правовое регулирование, правоприменение, судебная практика, экономические санкции, контрсанкционная политика.

2014 г. стал переломным в отношении наличия экономических санкций в отношении РФ как государства, так и многих субъектов, зарегистрированных в российской юрисдикции, это детерминирует необходимость анализа существующей практики и выработки новых решений для осуществления внешнеэкономической деятельности.

Санкционное давление оказало существенное влияние на существующие внешнеэкономические связи, негативно отразившись на взаиморасчетах, запретах в поставке тех или иных товарных групп, что вызвало в момент перестройки отношений с контрагентами значительные сложности и привело к определенным материальным потерям.

Особое требование на данном этапе предъявляются к деятельности органов законодательной и исполнительной власти, они должны быть максимально гибкими и обеспечивать комфортные условия участникам ВЭД. Стоит указать, что правоприменительная практика также претерпела существенные изменения.

Представляется, что изменения в правовом регулировании ВЭД охватывают несколько существенных аспектов.

Во-первых: «...к существенным изменениям действующего правового регулиро-

вания относится введение ограничений в различных сферах деятельности» [1, с. 224]. Это существенно отразилось на конкретных формах осуществления гражданско-правового принципа автономии воли и привело в конечном счете к увеличению государственной регуляторной деятельности в этой сфере.

Специалисты считают, что этот аспект выражается в следующих действиях: прекращение экспорта определенных товарных групп, что нашло свое выражение в нормотворчестве органов исполнительной власти (Постановлениями Правительства Российской Федерации от 09.03.2022 № 311[2], (далее – Постановление № 311), а также данный аспект изменения выражается в усилении контроля экспорта ряда товаров и технологий государства ЕАЭС (Постановление № 313). Указанные нетарифные барьеры привели к частичному разрыву экономических связей и повышению расходов на администрирование сделок.

Существенно изменились отношения по взаиморасчетам при осуществлении ВЭД. Расчеты за ряд товаров теперь возможны только в определённых банках и чаще всего производятся в российских рублях. Сделки на данный момент, осуществляемые таким образом – это договоры поставки природного газа, кредитные [3] и иные финансовые правоотношения [4, с. 4].

Во-вторых: ряд субъектов, осуществляющих помимо прочего и внешнеэкономическую деятельность были отнесены к категории лиц к которым были применены персональные санкции», что нашло отражение в ряде подзаконных актов главы государства и органов исполнительной власти [5].

Установленные ограничения включают в числе прочих запреты:

«а) на совершение сделок с указанными лицами или в их пользу» [4, с. 4];

б) «исполнение перед лицами, в отношении которых установлены ограничительные меры, обязательств по совершенным сделкам, если такие обязательства не исполнены или исполнены не в полном объеме» [4, с.4];

в) «осуществление финансовых операций, выгодоприобретателями по которым являются лица, в отношении которых установлены ограничительные меры» [4, с. 4].

В-третьих, отдельные национальные субъекты ВЭД получили возможность пользоваться преференциями и специальными режимами, а также в их отношении не применялись меры административного и уголовно-правового характера в оговоренных подзаконных актах случаях. Все это касается мер поддержки отечественных товаропроизводителей, а также связанных с ними зарубежных партнеров, участвующих в налаживании параллельного импорта [6]. Данные меры включали в себя изменения следующих нормативных актов: «Постановлению Правительства РФ от 12.03.2022 № 353 «Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации в 2022 и 2023 годах»; Приказ ТПП РФ от 28.03.2022 №32 «О выдаче сертификатов о происхождении товара формы СТ-1 для российских таможенных органов на безвозмездной основе», Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 19.04.2022 № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 ст. 1359 и ст. 1487 ГК РФ при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории РФ правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» [7].

Новации коснулись сферы валютно-финансового контроля, были устранены некоторые обязательные требования для участников ВЭД, а также смягчены или не

применяются меры административного наказания за правонарушения в данной сфере. Это все нашло свою регламентацию в «Указе Президента РФ от 08.08.2022 N 529 «О временном порядке исполнения обязательств по договорам банковского счета (вклада), выраженных в иностранной валюте, и обязательств по облигациям, выпущенным иностранными организациями» [8] и ФЗ от 13.07.2022 № 235-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [9].

Надо указать, что: «в целях обеспечения возможности проведения расчетов по внешнеэкономическим контрактам были разрешены расчеты между резидентами и нерезидентами даже наличными денежными средствами при условии соблюдения установленных правил» [10].

Федеральные органы исполнительной власти реализуя контрсанкционную политику снизили административную нагрузку на отдельных участников ВЭД, а такая мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях как изъятие или арест в соответствии с Письмом ФТС России Министерства финансов Российской Федерации от 22 марта 2022 г. N 01-07/15151 «О направлении разъяснений» подлежат применению только при крайней необходимости. Заслуживают внимания в вышеуказанном Письме ФТС России требования к устранению формализма при защите государственных интересов [11].

Вносят свой вклад в дело контрсанкционной политики и судебные органы РФ

В частности, при рассмотрении дела о проверке конституционности отдельных положений валютного законодательства Конституционный Суд РФ указывал, что: «правоприменительные органы должны учитывать фактические обстоятельства конкретного дела, которые свидетельствуют об объективных препятствиях в совершении (завершении) законной валютной операции из-за применения иностранным государством ограничительных мер» [12]. Отмечалось, что «деятельность органов публичной власти не должна усугублять правовое и фактическое положение российских граждан и организаций, которых затронули ограничительные меры. Более того, наиболее приемлемой и ожидаемой реакцией органов власти является принятие решений, направленных на содействие таким лицам» [12].

Приведенная аргументация в Постановлении КС РФ, не могла не сказаться на правоприменительной практике судов общей и арбитражной юрисдикции. Органы судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде РФ фиксирует рост споров, связанных с введением отдельных видов санкций и применением новых экономических мер.

Динамика правового регулирования на современном этапе зачастую несет в себе негативные последствия для участников ВЭД в силу необходимости на оперативное реагирование на меняющуюся обстановку и невозможности до принятия выявить отдельные риски и негативные последствия.

Например, во исполнение Указа Президента РФ от 08.03.2022 № 100 «О применении в целях обеспечения безопасности Российской Федерации специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности» [13].

Анализируя подзаконное нормотворчество Президента РФ и органов исполнительной власти (прежде всего Правительства РФ), представляется возможным указать, что данные подзаконные нормативно-правовые акты оперируя специфичной терминологией не дают определений самих используемых терминов, что суще-

ственно осложняет как соблюдение и использование данных норм и вносит элемент неопределенности в процесс правоприменения.

В качестве иллюстрации сказанному подходит отсутствие определения термина «вывоз», который правоприменительными органами понимается как «вывоз товаров с таможенной территории РФ» и «вывоз товаров с таможенной территории ЕАЭС».

Как считает Галева А.М.: «...вывозом товаров является как фактическое перемещение товаров за пределы территории РФ, так и совершение действий, направленных на такое перемещение» [4, с. 4]. Также данный исследователь утверждает, что: «...вследствие этого действия, направленные на помещение товаров под таможенные процедуры и связанные с вывозом в нарушение установленных ограничений, уже могут быть признаны несоблюдением запретов и ограничений и стать основанием для привлечения к административной ответственности» [14].

Соответственно, формально выглядящее как нарушения действия имеют происхождением не злой умысел, направленный на обход административного порядка таможенного регулирования, а представляет собой контрсанкционные действия, предпринимаемые на уровне субъекта ВЭД. В частности, товар, фактически покинувший таможенную территорию РФ до введения санкционного режима, помещается под режим экспорт после введения санкций.

Указанные действия выступают в вид формальных нарушений действующего правового регулирования трансграничной торговли, но в тоже время существуют обстоятельства, объясняющие данные действия, также негативную роль играет быстрое принятие подзаконных нормативных актов в условиях санкционного давления.

Как было отмечено выше ранее вывезенные товары, помещаемые под таможенные режимы экспорта и сходные с ними, становятся, по сути, контрабандой.

Нововведения в сфере правовой регламентации ВЭД отнюдь не запрещают такую деятельность в принципе, а просто устанавливают ряд контрсанкционных ограничений, при этом стоит отметить, что сами контрсанкционные ограничения содержат значительные исключения из общего порядка регулирования.

Современная правоприменительная практика сталкивается с нарушением принципа равенства субъектов частноправовых отношений проявляющемся в том, что сторона, находящаяся в иностранной юрисдикции, может испытывать значительные ограничения в защите прав.

«Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд признал недействительной уступку права требования юридическим лицом Чешской Республики фактическому бенефициару из РФ как совершенную в том числе в обход установленных действующим законодательством запретов и ограничений на основании статей 10, 168 ГК РФ» [4, с. 4]. «Суд, сославшись на включение Чешской Республики в установленный распоряжением Правительства РФ от 13.05.2021 № 1230-р Перечень иностранных государств, совершающих недружественные действия в отношении РФ, граждан РФ или российских юридических лиц, в отношении которых применяются меры воздействия (противодействия), установленные Указом Президента РФ от 23.04.2021 № 243, отметил, что запрещены денежные переводы из России за рубеж в адрес юридических лиц из указанных стран» [15].

При этом «...в Постановлении суда отсутствует указание на то, в соответствии с каким правовым актом установлен подобный запрет на денежные переводы. Кроме

того, ни распоряжение Правительства РФ от 13.05.2021 № 1230-р, на которое сослался суд, ни Указ Президента РФ от 23.04.2021 № 243, во исполнение которого принято данное распоряжение, сами по себе не устанавливают каких-либо ограничений по отношению к иностранным юридическим лицам. Оба правовых акта относятся исключительно к определению количества физических лиц, находящихся в РФ, с которыми дипломатическими представительствами, консульскими учреждениями, а также представительствами государственных органов и государственных учреждений могут быть заключены трудовые договоры» [4, с. 5].

В то же время следует отметить, что правоприменительная практика допускает нарушение положений ст. 10 ГК РФ в рамках рассмотрения гражданских дел, с партнерами, зарегистрированными в иностранных юрисдикциях.

Судебная практика неоднократно в последнее время в делах с участием иностранных контрагентов указывает, что контрсанкционные нормативные акты должны применяться только в строгом соответствии с содержащимися в них предписаниями в противном случае мы получим вопиющие нарушения режима законности при условии расширительного толкования норм контрсанкционного экономического законодательства.

В конечном счете стоит указать, что ответные экономические и юридические меры, принимаемые органами законодательной и исполнительной власти, гибко адаптируются к быстро меняющейся санкционной политике. Важным при исполнении отечественных ответных мер является недопущение формального подхода и наличие гибкого реагирования в различных случаях. Это создаст стабильность в правовом регулировании даже в условиях санкционного давления и позволит сторонам выстраивать более предсказуемые отношения. Негативные последствия применения оперативно принятого законодательства объясняются в первую очередь новизной регулируемых отношений и отсутствием соответствующей практики у органов исполнительной власти.

Список литературы:

1. Кузьменко Ю.А. Институт внешнеэкономической сделки: теоретико-правовой анализ // Ученые записки КФУ имени В.И. Вернадского. Юридические науки. - №4-2022-С.22-227
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 марта 2022 г. N 311 "О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 8 марта 2022 г. N 100". [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.alta.ru/tamdoc/22ps0311/> (дата обращения 10.04.2024)
3. Указ Президента РФ от 05.03.2022 N 95 "О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами". [Электронный ресурс]. Режим работы: <https://base.garant.ru/403615458/>(дата обращения 10.04.2024)
4. Галева А. М. Осуществление внешнеэкономической деятельности в условиях запретов и ограничений: правовое регулирование и тенденции судебной практики //Арбитражные споры. -2023. - N 3. – С.4
5. Указ Президента РФ от 03.05.2022 N 252 "О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций. [Электронный ресурс]. Режим работы: <https://base.garant.ru/404564292/>(дата обращения 10.04.2024)
6. Постановление Правительства РФ от 12.03.2022 N 353 "Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации в 2022 и 2023 годах"). [Электронный ресурс]: (дата обращения 10.04.2024)
7. Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 19.04.2022 N 1532 "Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия". [Электронный ресурс]. Режим работы: <https://base.garant.ru/404580514/>(дата обращения 10.04.2024)
8. Указ Президента РФ от 8 августа 2022 г. N 529 "О временном порядке исполнения обязательств по

договорам банковского счета (вклада), выраженных в иностранной валюте, и обязательств по облигациям, выпущенным иностранными организациями" // Собрание законодательства Российской Федерации. 15 августа 2022 г. N 33 ст. 5887

9. Федеральный закон от 13.07.2022 N 235-ФЗ "О внесении изменений в статью 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" // СПС Консультант Плюс

10. Постановление Правительства РФ от 26.12.2022 N 2433 "Об утверждении Правил осуществления между резидентами и нерезидентами расчетов наличными денежными средствами".//СПС Консультант Плюс

11. Письмо ФТС России Министерства финансов Российской Федерации от 22 марта 2022 г. N 01-07/15151 "О направлении разъяснений». [Электронный ресурс]. Режим работы: <https://www.alta.ru/tamdoc/22p15151/> (дата обращения 10.04.2024)

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2021 N 34-П "По делу о проверке конституционности части 1 статьи 15.25 и пункта 2 части 1 статьи 25.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 6 части 1 статьи 1, частей 4 и 5 статьи 12 Федерального закона "О валютном регулировании и валютном контроле", а также части 2 статьи 2 Федерального закона "О внесении изменений в Федеральный закон "О валютном регулировании и валютном контроле" в связи с жалобой гражданина Н.В. Кузнецова".

13. Указ Президента РФ от 08.03.2022 N 100 "О применении в целях обеспечения безопасности Российской Федерации специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности. [Электронный ресурс]. Режим работы: <https://base.garant.ru/403620548/> (дата обращения 10.04.2024)

14. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.05.2023 по делу N A40-159946/2022: "Объективная сторона административного правонарушения выразилась в помещении ООО "Клевер" под таможенную процедуру экспорта при таможенном декларировании по таможенной декларации товара, запрещенного Постановлением Правительства РФ N 311 к вывозу с территории РФ, что послужило основанием несоблюдения установленных нормативными правовыми актами РФ запретов"// СПС Гарант

15. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.10.2022 по делу N A65-9430/2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/omISdzGXmboW/> (дата обращения 10.04.2024)

Trifonova K.V. Changes in legal regulation and judicial practice in the field of foreign economic activity during the counter-sanctions period (since 2014) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 3. – P. 285–291.

In recent years, Russia has faced a large number of external challenges, which have resulted in significant difficulties in the functioning of the domestic economy. These challenges were both global in nature and were inspired by individual States with which intensive foreign economic activity had previously been conducted. The chronological boundary in changing the relationship was the events of 2014 related to the events in Ukraine. The initial sanctions decisions by the United States and a number of EU states were adopted and implemented after the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol became part of the Russian Federation. Further sanctions pressure is related to the assistance provided by the Russian Federation to the Donetsk and Luhansk People's Republics. There have been corresponding changes in the legal regulation of foreign economic activity and law enforcement practice, the importance of which is difficult to overestimate due to their scale. The changes affected many sides of foreign economic activity and are directly expressed both in regulations and in the legal positions of higher courts and ultimately in the practice of courts of general jurisdiction and arbitration courts. Innovations in the field of legal regulation of foreign economic activity do not prohibit such activities in principle, but simply establish a number of counter-sanctions restrictions, while it is worth noting that the counter-sanctions restrictions themselves contain significant exceptions to the general regulatory procedure. Modern law enforcement practice is faced with a violation of the principle of equality of subjects of private law relations, manifested in the fact that a party located in a foreign jurisdiction may experience significant restrictions in the protection of rights. The author notes that the application of counter-sanctions measures should be persistent, but careful in order not to sever the still existing foreign economic ties.

Keywords: foreign economic activity, legal regulation, law enforcement, judicial practice, economic sanctions, counter-sanctions policy.

Spisok literatury:

1. Kuz'menko YU.A. Institut vnesheekonomicheskoy sdelki: teoretiko-pravovoy analiz.//Uchenyye zapiski KFU imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskije nauki. - №4-2022-S.22-227

2. Postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskov Federatsii ot 9 marta 2022 g. N 311 "O merakh po realizatsii Uказа Prezidenta Rossiyskov Federatsii ot 8 marta 2022 g. N 100". [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.alta.ru/tamdoc/22ps0311/> (data obrashcheniya 10.04.2024)

3. Ukaz Prezidenta RF ot 05.03.2022 N 95 "O vremennom porvadke ispolneniya obyazatel'stv pered nekotorymi inostrannymi kreditorami". [Elektronnyy resurs]. Rezhim raboty:

[https://base.garant.ru/403615458/\(data obrashcheniya 10.04.2024 \)](https://base.garant.ru/403615458/(data obrashcheniya 10.04.2024))

4. Galeva A. M. Osushchestvleniye vneshneekonomicheskoy devatel'nosti v usloviyakh zapretov i ograni-cheniy: pravovoye regulirovaniye i tendentsii sudebnov praktiki//Arbitrazhnyye spory. -2023. - N 3. – S.4

5. Ukaz Prezidenta RF ot 03.05.2022 N 252 "O primenenii otvetnykh spetsial'nykh ekonomicheskikh mer v svyazi s nedruzhestvennyimi deystviyami nekotorykh inostrannykh gosudarstv i mezhdunarodnykh orga-nizatsiy. [Elektronnyy resurs]. Rezhim raboty: [https://base.garant.ru/404564292/\(data obrashcheniya 10.04.2024 \)](https://base.garant.ru/404564292/(data obrashcheniya 10.04.2024))

6. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 12.03.2022 N 353 "Ob osobennostyakh razreshitel'noy devatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii v 2022 i 2023 godakh".[Elektronnyy resurs]: (data obrashcheniya 10.04.2024)

7. Prikaz Ministerstva promyshlennosti i trgovli Rossiyskoy Federatsii ot 19.04.2022 N 1532 "Ob utverz-hdenii perechnya tovarov (grupp tovarov), v otnoshenii kotorykh ne primenyayutsya polozheniya podpunkta 6 stat'i 1359 i stat'i 1487 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii pri uslovii vvedeniya ukazannykh to-varov (grupp tovarov) v oborot za predelami territorii Rossiyskoy Federatsii pravoobladatelyami (patentoobla-datelyami), a takzhe s ikh soglasiya". [Elektronnyy resurs]. Rezhim raboty: [https://base.garant.ru/404580514/\(data obrashcheniya 10.04.2024\)](https://base.garant.ru/404580514/(data obrashcheniya 10.04.2024))

8. Ukaz Prezidenta RF ot 8 avgusta 2022 g. N 529 "O vremennom porvadtke ispolneniya obvyazatel'stv po do-govorom bankovskogo scheta (vklada), vyrazhennykh v inostrannoy valyute, i obvyazatel'stv po obligatsiyam, vypushchennym inostrannymi organizatsiyami".//Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 15 avgus-ta 2022 g. N 33 st. 5887

9. Federal'nyy zakon ot 13.07.2022 N 235-FZ "O vnesenii izmeneniy v stat'yu 15.25 Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyakh".//SPS Konsul'tant Plyus

10. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 26.12.2022 N 2433 "Ob utverzhdenii Pravil osushchestvleniya mezhdu rezidentami i nerezidentami raschetov nalichnymi denezhnymi sredstvami".//SPS Konsul'tant Plyus

11. Pis'mo FTS Rossii Ministerstva finansov Rossiyskov Federatsii ot 22 marta 2022 g. N 01-07/15151 "O napravlenii raz"yasneniy». [Elektronnyy resurs]. Rezhim raboty: <https://www.alta.ru/tamdoc/22p15151/> (data obrashcheniya 10.04.2024)

12. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 09.07.2021 N 34-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti 1 stat'i 15.25 i punkta 2 chasti 1 stat'i 25.11 Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pra-vonarusheniyyakh, punkta 6 chasti 1 stat'i 1, chastev 4 i 5 stat'i 12 Federal'nogo zakona "O valyutnom reguliro-vanii i valyutnom kontrole", a takzhe chasti 2 stat'i 2 Federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v Feder-al'nyy zakon "O valyutnom regulirovanii i valyutnom kontrole" v svyazi s zhaloboy grazhdanina N.V. Kuz-netsova".

13. Ukaz Prezidenta RF ot 08.03.2022 N 100 "O primenenii v tselyakh obespecheniya bezopasnosti Ros-siyskov Federatsii spetsial'nykh ekonomicheskikh mer v sfere vneshneekonomicheskoy devatel'nosti. [Elekt-ronnyy resurs]. Rezhim raboty: <https://base.garant.ru/403620548/> (data obrashcheniya 10.04.2024)

14. Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 12.05.2023 po delu N A40-159946/2022: "Ob"vektivnaya storona administrativnogo pravonarusheniya vvrzilas' v pomeschenii ООО "Klever" pod tamozhennuyu protseduru eksporta pri tamozhennom deklarirovanii po tamozhennov deklaratsii tovara, zap-reshchennogo Postanovleniyem Pravitel'stva RF N 311 k vyvozu s territorii RF, chto posluzhilo osnovaniyem nesoblyudeniya ustanovlennyykh normativnymi pravovymi aktami RF zapretov"// SPS Garant

15. Postanovleniye Odinnadtsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 18.10.2022 po delu N A65-9430/2020. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://sudact.ru/arbitral/doc/omISdzGXMboW/> (data ob-rashcheniya 10.04.2024).

УДК 342.55

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В
СУБЪЕКТАХ РФ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ) В УСЛОВИЯХ
РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ В
КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВОК**

Стоковский В. В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В данной статье рассматриваются понятие и ключевые особенности реализации местного самоуправления в различных субъектах Российской Федерации на примере одного из относительно молодых субъектов РФ, уже преодолевших, в большей степени, переходный период – Республики Крым. Автор анализирует актуальные вопросы, связанные с организацией и функционированием местного самоуправления, спецификой взаимодействия органов местного самоуправления с государственными органами и гражданами. Описываются ключевые принципы и механизмы реализации местного самоуправления, а также проблемы и перспективы его развития в российских регионах. Отдельное внимание уделено институту конституционных поправок, принятых в 2020 г. (в части реформирования Главы 8 Конституции РФ) с последующим их влиянием на политико-правовую среду Крымского полуострова, в том числе в части изучения законодательных новелл изучаемого субъекта федерации. Отдельным достижением исследования является анализ данных Министерства внутренней политики, информации и связи Республики Крым, предоставленных в феврале 2024 г., которые определяют уровень оценки населением эффективности деятельности органов местного самоуправления (в сравнении с предыдущими отчетными периодами: 2020, 2021 и 2022 гг. соответственно). Также изучены проблемы наличия некоторого уровня недоверия населения к местному самоуправлению, неэффективности решений, принимаемых на местном уровне, и предложены пути их решения.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, Республика Крым, конституционные поправки 2020 г., муниципальная демократия, принцип единства публичной власти в РФ, принцип самостоятельности местного самоуправления, взаимодействие между местным самоуправлением и государственным управлением, Глава Республики Крым, гарантируемая самостоятельность.

Местное самоуправление является одним из основных принципов организации власти, представляющее собой ключевой аспект в части реализации возможности по формированию характеристики государства как демократического. Местное самоуправление – это право и способность населения самостоятельно решать вопросы местного значения (такие, как экономические, культурные, социальные и т.д.), исходя из интересов данного населения, исторических и иных местных традиций.

В Российской Федерации местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях. Сформировавшаяся управленческая среда представляет особую ценность, в первую очередь, ввиду того, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти и обеспечивают самостоятельное решение населением вопросов местного значения. Данная модель сама по себе является важным историческим наследием. Однако, несмотря на самостоятельность местного самоуправления, последнее должно взаимодействовать с государственным управлением для обеспечения единства и целостности государства, а также для решения задач, которые требуют участия органов государственной власти. Как правило, такое взаимодействие касается вопросов повышенного уровня значимости, как, например, защита прав и свобод человека и гражданина, охрана общественного порядка, формирование безопасных условий для жизни и здоровья населения и т.д. Для обеспечения эффективного взаимодействия

между местным самоуправлением и государственным управлением на уровне субъектов Российской Федерации создаются специальные органы, в частности такие, как советы муниципальных образований, которые представляют интересы местного самоуправления в регионах. Эти органы могут участвовать в разработке и реализации государственной политики в сфере местного самоуправления, а также в обсуждении и решении вопросов, связанных с взаимодействием органов местного самоуправления и государственной власти.

Вышеуказанные (и многие другие) особенности формируют общеправовое представление о принципах и моделях осуществления местного самоуправления в современной России. Однако, подобные подходы не единичны и, зачастую, могут быть охарактеризованы, как в должной степени динамичные. Отчасти динамизм подобных формирований обусловлен постоянно видоизменяющимися геополитическими условиями нашего государства, сопровождающимися необходимостью реформирования внутриорганизационных и функциональных механизмов. Принятие новых субъектов в состав Российской Федерации обуславливает необходимость в их скорейшей интеграции в российскую правовую среду. Однако, если говорить о таких новообразованных регионах, как Донецкая Народная Республика (ДНР), Луганская Народная Республика (ЛНР), Запорожская и Херсонская области, то видится несколько преждевременным судить о тех достижениях в развитии подходов к функционированию местного самоуправления в рамках нового для указанных субъектов правового поля, т.к. интегративный процесс в муниципально-правовую среду РФ является достаточно сложным и многоэтапным. В связи с чем в контексте предыдущего исследования было уделено внимание указанным этапам в процессе изучения особенностей и подходов уже преодолевшего данный путь субъекта – Республики Крым. Будучи относительно новым субъектом РФ (находящимся в составе России с 2014 года), за 10 лет своего функционирования в российской политико-правовой среде регион не только успешно преодолел переходный период (хотя некоторые сферы жизнедеятельности все еще проходят свои промежуточные этапы), но и, говоря в рамках темы настоящего исследования, развил достаточно успешно функционирующий механизм реализации прав граждан на осуществление управления текущими вопросами на местах.

Как уже было отмечено в более ранней работе, посвященной анализу и оценке перспектив внедрения местного самоуправления Крыма систему муниципального управления в РФ, текущая региональная ситуация «наводит на мысль о наличии действительно многоуровневой системы решения вопросов местного значения.... подобная модель призвана реализовать всеобъемлющий контроль и развитие большинства институтов общественной жизни ...» [1, с. 500]. Однако теперь, в 2024 году, ставшим юбилейным годом нахождения Республики Крым в составе РФ, уже представляется возможным оценить не только общие тенденции к формированию институтов местного самоуправления Крыма по образу и подобию иных субъектов РФ, но также, признавая фактическую завершенность переходного периода, проследить, как Республика Крым в лице его органов власти и населения, справляется с задачами адаптивного характера как политико-правовой реакции на происходящие изменения в стране. Речь идет о глобальных законодательных реформах, оказавших влияние на все уровни общественной жизни – от федерального до местного. А именно – конституционные поправки 2020 г.

Как известно, Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» были внесены изменения в главы с 3 по 8 включительно действующей Конституции РФ. Несмотря на нетронутость фундаментальных глав 1, 2 и 9, которые регулируют такие важные сферы, как основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина, а также порядок изменения самой Конституции, как видится, принятые поправки можно считать глобальными. Помимо изложения некоторых из статей в новой редакции, в преобладающее большинство норм были внесены кардинальные изменения, а также часть статей была принята в основном законе государства впервые. Не углубляясь более в содержательный аспект всех внесенных изменений, что выходит за рамки анализируемой проблематики, остановимся на изучении тех поправок, которые коснулись непосредственно института местного самоуправления. В последующем представится возможным проследить и дать оценку действиям Республики Крым в части адаптивного планирования и развития местного самоуправления на своей территории.

Так, принятие конституционных поправок в части реализации изменений в организации и функционировании местного самоуправления в РФ, как видится, не являлось законодательной неожиданностью. Правовые нормы, действовавшие с 1993 г., разработанные в условиях образования нового независимого государства РФ, несмотря на их прогрессивность, не могли не утратить некоторой взаимосвязи с реальными условиями и потребностями жизни общества за столь продолжительный промежуток времени. Естественноисторические события, обуславливающие неуклонное развитие и видоизменение общественного и государственного строя, в конечном итоге привели к объективной необходимости проведения масштабных реформ. «Реализация Конституции инициирована или, точнее говоря, явилась константой сложившегося конституционно-политического режима, знаменующего доминирующую роль в политической системе России» [2]. Принятие поправок позволило значительно сузить дистанцию между юридической и фактической конституциями, расхождение между которыми могло бы привести к конфликтам и проблемам.

Так, ст. 3 и 12 Конституции РФ сохранились в неизменном виде, провозглашая фундаментальные идеи гарантированности местного самоуправления в России, а также признания формы высшего непосредственного выражения власти народа. При этом гл. 8 Конституции РФ была подвергнута ряду существенных изменений. Нетронутой в части поправок осталась лишь ст. 130 Конституции РФ, провозглашающая сущность и формы реализации местного самоуправления в стране. Состоящий из 4 статей, данный структурный элемент Конституции РФ был видоизменен путем внесения дополнений новыми нормами статей 131-133. Рассмотрим каждую из них более подробно.

Как показывает проведенный анализ, ст. 131 Конституции РФ вызывает наибольшие опасения и дискуссии. Последняя призвана реализовать принцип единства публичной власти в РФ. Однако данная норма раскрывает не сам принцип в контекстной обособленности, а указывает на необходимость его реализации применительно к отдельным категориям вопросов. Среди таковых:

- перечень возможных видов муниципальных образований, в рамках которых осуществляется местное самоуправление (ч. 1. ст. 131). Так, если ранее законода-

тель шел по пути неисчерпывающего перечисления видов муниципальных образований, то принятые поправки учли факт наличия весомого влияния исторических и культурных традиций в каждом отдельно взятом субъекте, прибегнув к использованию нормы отсылочного характера (применимой в рамках соблюдения общих принципов организации местного самоуправления);

- предоставленная возможность органам государственной власти участвовать в формировании органов местного самоуправления (ч. 1.1. ст. 131). В отличие от предыдущей нормы, данная законодательная новелла вызывает множество споров и, как видится, небезосновательных опасений. Исходя из буквального толкования смысла анализируемой нормы, органы государственной власти ничем не ограничены в пределах осуществления указанных полномочий. Соответственно, возникает вопрос об объемах реализации принципа самостоятельности местного самоуправления. На данный момент представляется возможным руководствоваться позицией Конституционного Суда РФ. Так, в соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона №131...» (пункт 2.1): «Закрепляя самостоятельность местного самоуправления в качестве основного принципа его взаимоотношений с органами государственной власти, Конституция Российской Федерации исходит из того, что эта самостоятельность не является абсолютной, она не предполагает отрицания организационного и иных форм взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти, но, однако, исключает решающее участие органов государственной власти в собственно формировании органов местного самоуправления» [3]. Постановление подтверждает провозглашенный статьей 12 Конституции РФ принцип самостоятельности местного самоуправления. Однако, отметим, что данная позиция была сформулирована раньше, чем приняты поправки к ст. 131 Конституции РФ, хотя на текущий момент все еще не опровергнута;

- регламентация осуществления публичной власти городов федерального значения и столиц субъектов РФ с возможностью установления особенностей федеральным законодательством. И, хотя подобная практика пока не получила должного распространения, в рамках юридической доктрины также формируются предположения о возможном преобладании роли органов государственной власти над местным самоуправлением. Так, по мнению К.М. Худолей, «ожидать можно всякого: и простого закрепления статуса административных центров субъектов РФ как региональных столиц наподобие статуса города Москвы как столицы страны, и внедрения неких элементов прямого федерального управления на соответствующих территориях» [4].

В рамках ст. 132 Конституции РФ, в контексте принятых поправок, помимо расширения перечня полномочий органов местного самоуправления (в том числе, за счет применения подхода неисчерпывающего перечисления), особое внимание привлекает часть 3, определившая, что «органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, вводят местные налоги и сборы, решают иные вопросы местного значения...» [5].

Исходя из буквального толкования смысла содержания приведенной нормы, принцип единства публичной власти предполагает, что все органы государственной

власти и органы местного самоуправления должны работать вместе для достижения общих целей и задач. Указанная позиция означает, что все уровни власти обязаны сотрудничать и координировать свои действия, чтобы обеспечить эффективное управление страной. Ст. 133 Конституции РФ, реформируясь в том же направлении, была видоизменена в части обязанности выполнения органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти публичных функций. Существенная гарантия прав местного самоуправления выражается запретом на ограничение их прав, установленных Основным законом страны.

В целом можно сделать вывод, что все выше озвученные поправки, одобренные в рамках Гл. 8 Конституции РФ, приняты в условиях реализации единой цели - формирования действенной модели взаимодействия местного самоуправления с государственным управлением в субъектах РФ. Указанный курс был намечен Президентом РФ в его Послании Федеральному Собранию РФ в 2020 г.: «...вы знаете, к каким проблемам в образовании, здравоохранении, да и в других сферах приводит разрыв ... между государственным и муниципальным уровнями власти. И такая разделенность, запутанность полномочий прежде всего отрицательно сказывается на людях» [6].

Как отмечает в своих исследованиях О.И. Баженова, «такие поправки представляют собой ... попытку выстраивания взаимоотношений государства и местного самоуправления на основе по-прежнему конституционно гарантируемой самостоятельности муниципальной власти с учетом поставленной задачи укрепления (конституционного) единства системы публичной власти» [7, с. 22]. С данным выводом трудно не согласиться. После принятия вышеперечисленных конституционных поправок субъекты РФ отреагировали в соответствии с заданным курсом, привнеся изменения как в уже сформированные модели общественного взаимодействия, так и в субъектовые акты. Все регионы, и, в частности, Республика Крым, пошли по пути муниципальной демократии.

Развитие муниципальной демократии – это курс, по которому продвигается современная Россия, чьи ориентиры направлены на стимулирование более тесного взаимодействия составных элементов совокупного механизма публичной власти. Институт муниципальной демократии является важным аспектом для обеспечения эффективного управления на местном уровне. В РФ данный процесс начался в начале 90-х годов и продолжается до сих пор. Одним из ключевых элементов муниципальной демократии является участие граждан в принятии решений, что реализуется через различные формы, такие как участие в местных выборах, участие в работе общественных советов и других формах волеизъявления.

Подобные законотворческие новеллы, а именно – принятие поправок в Конституцию РФ повлекли за собой также необходимость в изменении положений Конституции Республики Крым (РК). Основной закон региона, признавая неоспоримую возможность населения реализовать свою власть как непосредственно, так и через органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 2 Конституции РК), был видоизменен по образу и подобию модели акта высшей юридической силы в России. Так, в результате принятия Закона Республики Крым от 20.05.2022 № 287-ЗРК/2022, были реализованы такие существенные поправки по анализируемому кругу правоотношений:

1. часть 4 ст. 6 Конституции РК, ранее определявшая нормативно-правовую основу для определения пределов разграничения предметов ведения и полномочий

между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти Республики Крым, ныне также регламентирует указанные взаимоотношения и с органами местного самоуправления полуострова;

2. в вопросе регламентации полномочий Главы Республики Крым (в направлении их расширения) – ряд положений Гл. 4 Конституции РК, в том числе ст. 64. Так, поправки коснулись определения системы органов исполнительной власти, привлечения к ответственности должностных лиц органов местного самоуправления. «В частности, с 1 января 2023 г. Глава Республики Крым своим указом определяет систему исполнительных органов государственной власти Республики Крым ... в ранее действующей редакции Конституции РК данная система регламентируется республиканским законом» [8]. Также на Главу Республики была возложена функция по обеспечению взаимодействия исполнительных органов Республики Крым с органами, входящими в единую систему публичной власти в РФ;

3. часть 1 статьи 78 Конституции РК, определяющая перечень субъектов, обладающих правом законодательной инициативы, в числе которых с 2022 г. – представительные органы местного самоуправления (в отличие от ранней версии – «представительные органы муниципальных образований») [9].

Помимо Конституции РК, основным нормативным актом Крыма, предопределяющим порядок и особенности функционирования местного самоуправления на полуострове, является Закон Республики Крым от 21 августа 2014 г. № 54-ЗРК «Об основах местного самоуправления в Республике Крым». С момента внесения конституционных поправок указанный нормативный акт также неоднократно претерпевал изменения, в том числе принятые:

- Законом Республики Крым от 07.04.2020 N 59-ЗРК/2020 (в части внедрения типа муниципального образования – муниципальный округ);
- Законом Республики Крым от 30.04.2021 N 179-ЗРК/2021 (в части регламентации ответственности за непредставление ответа на обращение или запрос депутата (группы депутатов) представительного органа муниципального образования);
- Законом Республики Крым от 28.10.2021 N 227-ЗРК/2021 (в части регламентации организационно - правовых вопросов проведения схода граждан, определения критериев границ части территории населенного пункта, ка которой может проводиться сход граждан);
- Законом Республики Крым от 06.06.2023 N 437-ЗРК/2023 и т.д. (в части изменения ряда терминов: «высший исполнительный орган государственной власти» - «высший исполнительный орган», «орган исполнительной власти» - «исполнительный орган» и т.д.).

Таким образом, проведенный анализ нормативно-правовой базы Республики Крым наглядно иллюстрирует конституционно заложенную тенденцию к объединению органов местного самоуправления и государственных органов в единую систему публичной власти. Данная концепция, которая подразумевает объединение всех ветвей и уровней власти в один согласованный механизм с целью повышения эффективности управления и обеспечения интересов граждан на всех уровнях, наряду с процедурой развития муниципальной демократии предполагает создание единого центра принятия решений, который будет отвечать за координацию действий различных органов власти и обеспечение согласованности их действий.

В рамках единой системы публичной власти также предполагается повышение

ответственности местных органов власти перед гражданами и государством, укрепление взаимодействия между различными уровнями власти. Все вышеперечисленное должно способствовать более эффективному решению проблем на местах, улучшению качества оказываемых государственных услуг и повышению уровня доверия граждан к органам власти. Как видится, указанные действия и предпринимаемые меры способны оказать благоприятное влияние на существующие сложности в области реализации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации. На текущий момент представляется возможным обратить внимание на две проблемы, обуславливающие требуемые пути развития местного самоуправления в Республике Крым.

Первая заключается в ощущении некоторого уровня недоверия населения к местному самоуправлению. Так, научно-методический Совет Международного Института стратегических исследований «Vector» проводил мониторинг проблем, имеющих место в современном Крыму, в том числе по вопросу нарушения прав человека. В части ответа на вопрос «Если, на Ваш взгляд, имеет место нарушение прав человека в Крыму, то в чем это проявляется?» одной из распространенных точек зрения стала позиция: «местная власть живет по принципу: «тот прав, у кого больше прав...» [10]. На наш взгляд, подобная оценка ситуации, в первую очередь, вызвана отсутствием достаточного уровня прозрачности в действиях представительных органов местного самоуправления.

Для преодоления такого недоверия необходимо проводить работу по повышению уровня определенности и открытости местных органов власти, привлекать население к принятию решений и обеспечивать возможность контроля за деятельностью властей. Для этого необходимо развивать механизмы общественного контроля, включая возможность доступа к информации о деятельности органов власти и возможность участия граждан в обсуждении и принятии решений.

Так, успешным в этом ключе видится подход, реализованный городским округом Армянск. Во исполнение положений Федерального закона от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8 Армянским городским советом Республики Крым было вынесено решение № 271 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов местного самоуправления муниципального образования городской округ Армянск Республики Крым». Указанный акт определил «правила организации и обеспечения доступа к информации о деятельности органов местного самоуправления» [11] данного муниципального образования. Видится, что подобная практика (в случае ее повсеместного использования на территории Республики Крым) способна оказать благоприятное влияние на уровень доверия населения к деятельности органов местного самоуправления ввиду более детальной проинформированности о деятельности последних.

И вторая проблема, достаточно остро стоящая в Республике Крым на пути к общенациональной модели муниципальной демократии – это неэффективность решений, принимаемых на местном уровне, что влечет за собой неудовлетворенность населения работой местных властей. Сведения, полученные нами в рамках предыдущего исследования, позволяли судить о состоянии и уровне эффективности дея-

тельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Республики Крым по состоянию на 2021 г., основываясь на результатах опроса, проводимых Министерством внутренней политики, информации и связи Республики Крым. Не слишком углубляясь в уже приведенные ранее статистические показатели уровня удовлетворенности населения Крыма в анализируемой категории отношений в обозначенный период времени, отметим, что данные, тем не менее, характеризовались как не слишком удовлетворительные: находящиеся ниже порогового числа – порядка 40% неэффективности деятельности органов местного самоуправления [1].

По истечению времени, с учетом апробации принятых конституционных поправок, представляется актуальным привести обновленные данные об оценке эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления, предприятий и учреждений, действующих на

региональном и муниципальном уровнях в Крыму по состоянию за отчетный 2023 год. Так, по данным Министерства внутренней политики, информации и связи Республики Крым, предоставленным в феврале 2024 г., уровень оценки населением эффективности деятельности органов местного самоуправления может быть охарактеризован следующими показателями: «среди городских округов Республики Крым отмечается увеличение значений сводного показателя в сравнении с 2022 г. в 4 из 11 городских округов. Так, увеличение показателя зафиксировано в городских округах Армянск (с 77,41% до 78,30%), Джанкой (с 75,90% до 78,14%), Евпатория (с 68,52% до 68,75%), Красноперекоск (с 76,02% до 78,91%). Снижено значение сводного показателя в городских округах Алушта (-0,15%), Керчь (-0,81%), Саки (-4,20%), Симферополь (-1,48%), Судак (-6,57%), Феодосия (-2,88%), Ялта (-5,30%)»[12]. В целом указанный показатель (а средний процент удовлетворенности населения деятельностью органов местного самоуправления на 2023 г. по Республике Крым составил 73,97%) превысил показатели в 2020 г. (71,02%) и 2021 г. (72,23%), однако в сравнении с 2022 г. оказался на 0,53% ниже (74,50%). И, хотя данная разница не является критичной, ее также не представляется возможным считать статистической погрешностью, что вызывает некоторые опасения касательно дальнейшего развития ситуации на полуострове.

Как видится, учитывая отмечаемую самим населением проблематику (неудовлетворительное состояние дорожного полотна и ненадлежащий ремонт автомобильных дорог, отсутствие централизованного теплоснабжения, неудовлетворительная освещенность улиц, переулков, дорог, парков и т.д.), необходимо, в первую очередь, уделять внимание развитию кадрового потенциала муниципальных служащих, повышению их профессиональной квалификации и мотивации. Все вышеизложенное поможет обеспечить более эффективное управление на местах и повысить уровень удовлетворенности граждан работой местных властей. В заключение также отметим, что развитие муниципальной демократии является сложным и многогранным процессом, требующим совместных усилий со стороны государства, общества и личности. Только при таком подходе возможно достижение устойчивого развития территорий и повышение качества жизни граждан не только в Крыму, но и на территории всего государства.

Список литературы:

1. Стоковский, В. В. Интеграция местного самоуправления Республики Крым в муниципально-правовую систему Российской Федерации / В. В. Стоковский // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 497-505.
2. Кабышев, В.Т. О фактической и юридической Конституции России 1993 года / В.Т. Кабышев // Вестник СГЮА. – 2014. – №1 (96). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-fakticheskoy-i-yuridicheskoy-konstitutsii-rossii-1993-goda>
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 N 30-П "По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189899/
4. Худолей К.М. Изменения в законодательстве об организации публичной власти в субъектах РФ / К.М. Худолей // Ex jure. – 2022. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniya-v-zakonodatelstve-ob-organizatsii-publichnoy-vlasti-v-subektah-rf>
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 «Послание Президента Федеральному Собранию». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/?ysclid=ltmyoqkqci309500728
7. Баженова, О.И. Поправка(и) к Конституции Российской Федерации: местному самоуправлению быть? / О.И. Баженова // Местное право. – 2020. – № 3. – С. 17-26.
8. Официальный сайт Государственного Совета Республики Крым: Парламент Крыма поддержал изменения в Основной Закон республики. – URL: http://crimea.gov.ru/news/20_05_2022_3
9. Конституция Республики Крым от 11 апреля 2014 года (с изменениями на 20 мая 2022 года) (в ред. Закона Республики Крым от 20.05.2022 N 287-ЗПК/2022). – URL: <https://docs.cntd.ru/document/413901001?ysclid=ltocbhlgb359858315>
10. Научно-методический Совет Международного Института стратегических исследований «Vector»: Нарушения прав человека в Крыму в оценке общественного мнения местного населения. – URL: <https://iisr.ru/news/20190121/104.html>
11. Решение Армянского городского совета Республики Крым от 26 июля 2016 г. N 271 "Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов местного самоуправления муниципального образования городской округ Армянск Республики Крым" (XXXII сессия I созыва). – URL: <https://base.garant.ru/43812560/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>
12. Итоги пороса об оценке эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления, предприятий и учреждений, действующих на региональном и муниципальном уровнях и осуществляющих оказание услуг населению муниципальных образований Республики Крым за 2023 год // Министерство внутренней политики, информации и связи Республики Крым. – URL: <https://rk.gov.ru/uploads/main/container/2024/02/15/pdf>

Stokovsky V.V. Features of the implementation of local self-government in the subjects of the Russian Federation (on the example of the Republic of Crimea) in the context of the development of municipal democracy in Russia in the context of constitutional amendments // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 292–301.

This article examines the concept and key features of the implementation of local self-government in various subjects of the Russian Federation on the example of one of the relatively young subjects of the Russian Federation that have already overcome, to a greater extent, the transition period - the Republic of Crimea. The author analyzes topical issues related to the organization and functioning of local government, the specifics of the interaction of local governments with government agencies and citizens. The key principles and mechanisms of the implementation of local self-government, as well as the problems and prospects of its development in the Russian regions are described. Special attention is paid to the institute of constitutional amendments adopted in 2020 (in terms of reforming Chapter 8 of the Constitution of the Russian Federation) with their subsequent impact on the political and legal environment of the Crimean Peninsula, including in terms of studying legislative novels of the studied subject of the federation. A separate achievement of the study is the analysis of data from the Ministry of Internal Policy, Information and Communications of the Republic of Crimea, provided in February 2024, which determine the level of public assessment of the effectiveness of local government (compared with previous reporting periods: 2020, 2021 and 2022, respectively). The problems of a certain level of public distrust of local self-government, inefficiency of decisions taken at the local level are also studied, and ways to solve them are proposed.

Keywords: local governments, the Republic of Crimea, constitutional amendments of 2020, municipal democracy, the principle of unity of public authority in the Russian Federation, the principle of independence

of local government, interaction between local government and public administration, the Head of the Republic of Crimea, guaranteed independence.

Spisok literatury:

1. Stokovskij, V. V. Integraciya mestnogo samoupravleniya Respubliki Kry`m v municipal`no-pravovuyu sistemu Rossijskoj Federacii / V. V. Stokovskij // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2023. – T. 9, № 2. – S. 497-505.
2. Kaby`shev, V.T. O fakticheskoj i yuridicheskoj Konstitucii Rossii 1993 goda / V.T. Kaby`shev // Vestnik SGYuA. – 2014. – №1 (96). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-fakticheskoy-i-yuridicheskoy-konstitutsii-rossii-1993-goda>
3. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 01.12.2015 N 30-P "Po delu o provere konstitucionnosti chastej 4, 5 i 5.1 stat`i 35, chastej 2 i 3.1 stat`i 36 Federal`nogo zakona «Ob obshhix principax organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii» i chasti 1.1 stat`i 3 Zakona Irkutskoj oblasti «Ob otdel`ny`x voprosax formirovaniya organov mestnogo samoupravleniya municipal`ny`x obrazovaniy Irkutskoj oblasti» v svyazi s zaprosom gruppy` deputatov Gosudarstvennoj Dumy». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189899/
4. Xudolej K.M. Izmeneniya v zakonodatel`stve ob organizacii publichnoj vlasti v sub`ektax RF / K.M. Xudolej // Ex jure. – 2022. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniya-v-zakonodatelstve-ob-organizatsii-publichnoj-vlasti-v-subektah-rf>
5. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
6. Poslanie Prezidenta RF Federal`nomu Sobraniyu ot 15.01.2020 «Poslanie Prezidenta Federal`nomu Sobraniyu». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/?ysclid=ltmyoqkqci309500728
7. Bazhenova, O.I. Popravka(i) k Konstitucii Rossijskoj Federacii: mestnomu samoupravleniyu by`t`? / O.I. Bazhenova // Mestnoe pravo. – 2020. – № 3. – S. 17-26.
8. Oficial`ny`j sayt Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Kry`m: Parlament Kry`ma podderzhal izmeneniya v Osnovnoj Zakon respubliki. – URL: http://crimea.gov.ru/news/20_05_2022_3
9. Konstituciya Respubliki Kry`m ot 11 aprelya 2014 goda (s izmeneniyami na 20 maya 2022 goda) (v red. Zakona Respubliki Kry`m ot 20.05.2022 N 287-ZRK/2022). – URL: <https://docs.cntd.ru/document/413901001?ysclid=ltoebhlgr359858315>
10. Nauchno-metodicheskij Sovet Mezhdunarodnogo Instituta strategicheskix issledovaniy «Vector»: Narusheniya prav cheloveka» v Kry`mu v ocenke obshhestvennogo mneniya mestnogo naseleniya. – URL: <https://iisr.ru/news/20190121/104.html>
11. Reshenie Armyanskogo gorodskogo soveta Respubliki Kry`m ot 26 iyulya 2016 g. N 271 "Ob obespechenii dostupa k informacii o deyatel`nosti organov mestnogo samoupravleniya municipal`nogo obrazovaniya gorodskoj okrug Armyansk Respubliki Kry`m" (XXXII sessiya I sozy`va). – URL: <https://base.garant.ru/43812560/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>
12. Itogi porosa ob ocenke e`ffektivnosti deyatel`nosti rukovoditelej organov mestnogo samoupravleniya, predpriyatij i uchrezhdenij, dejstvuyushhix na regional`nom i municipal`nom urovnyax i osushhestvlyayushhix okazanie uslug naseleniyu municipal`ny`x obrazovaniy Respubliki Kry`m za 2023 god // Ministerstvo vnutrennej politiki, informacii i svyazi Respubliki Kry`m. – URL: <https://rk.gov.ru/uploads/main/container/2024/02/15/.pdf>

УДК 347.77

ТЕХНОЛОГИЯ (НОУ-ХАУ) КАК ТВОРЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Ширкова И. В.

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли»

В статье рассматриваются интеллектуальные права на объекты промышленной собственности, в частности, на технологии, которые в современных условиях представляют собой комплекс технических решений, включающий как защищенные интеллектуальными правами результаты интеллектуальной деятельности, так и не защищенные, как например, секреты производства (ноу-хау), с целью определения возможности их использования в достижении определенных национальных целей развития России, направленных на обеспечение экологической безопасности. Проанализированы нормативные документы, свидетельствующие о существующей экологической ситуации в государстве и о перспективах переориентации экономики на инновационное развитие в рамках выполнения «экологических» задач. Выявлены законодательные несоответствия, ограничивающие интеллектуальные права правообладателей технологий, при условии их использования в производстве по утилизации и обезвреживанию отходов и соблюдения требований законодательства по их внедрению в производство.

Ключевые слова: секреты производства, технологии, интеллектуальные права, экологическая безопасность, утилизация отходов производства

Развитие любого государства – это прежде определение целей, для реализации которых необходимо выполнения поставленных задач. В целях осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития РФ, что неразрывно связано и с увеличением численности населения страны, и повышением уровня жизни граждан, и созданием комфортных условий для их проживания, Президентом РФ были определены национальные цели развития РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., в частности, определенные цели были направлены на обеспечение экологической безопасности, а именно, комфортной и безопасной среды для жизни; экологическом благополучии; устойчивой и динамичной экономике; технологическом лидерстве. Также, ориентируясь на курс устойчивого развития Российского государства, Правительством РФ были определены приоритетные направления государственной промышленной и научно-технологической политики всех уровней от федерального до отраслевого, связанные с ресурсосбережением, обеспечением экологической безопасности, рациональным использованием природных ресурсов и охраной окружающей среды [1].

В современных условиях экологические реалии, к сожалению, не утешительные, так, согласно данным, указанным в Стратегии экологической безопасности РФ на период до 2025 г. а, за прошлый (советский) период хозяйственной и иной деятельности было накоплено свыше 30 млрд. тонн отходов производства и потребления. По итогам инвентаризации территорий выявлено более 300 объектов накопленного вреда окружающей среде, являющиеся источником потенциальной угрозы жизни и здоровью 17 млн. чел. [2]. По данным Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 г., в РФ наибольшее количество отходов образуется при добыче полезных ископаемых, в процентном соотношении от общего количества образующих отходов они составляют более 86 %, на долю секторов экономики, не связанных с

добычей полезных ископаемых, приходится порядка 8 % в образующихся отходов, наиболее отходоёмкими из которых являются металлургическое производство – 5,6 % (данные 2016 г.) [1].

Выполнение поставленных экологических целей предполагает структурную перестройку экономики на основе передовых технологических нововведений. Переориентация экономики на инновационное развитие будет способствовать экономическому росту, и, как следствие, повышению качества жизни населения [3, с. 47].

Инновационное развитие зависит от реализации творческого потенциала, поскольку разработка, апробирование и применение изобретений, полезных моделей, ноу-хау и других объектов интеллектуальной собственности, применение которых возможно было эффективно использовать в хозяйственном обороте, обеспечивая экономическую безопасность, напрямую зависит от заинтересованности творца объектов интеллектуальной собственности, поэтому действенная охрана и защита интеллектуальных прав – мощный мотиватор для создания инновационных технологий. Недостаточность научных разработок в вопросах создания и реализации инновационных технологий и других объектов интеллектуальной собственности, которые позволят обеспечить экологическую безопасность, рациональное использования природных ресурсов и охрану окружающей среды, а также обеспечение эффективной охраны и защиты правообладателям промышленной собственности, обусловили актуальность исследования.

Серьезным камнем преткновения в реализацию курса «Экологическая безопасность» является сложившаяся многолетняя система захоронения отходов на территории нашей страны. Поэтому создание, формирование на перспективу отрасли промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов является актуальной задачей развития отечественной экономики на современном этапе, которая регламентируется основополагающими законодательными и иными правовыми актами Российской Федерации.

Национальное законодательство включает следующие нормативные документы: Конституция РФ; Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации»; Федеральный закон «О техническом регулировании»; Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации»; Федеральный закон «Об охране окружающей среды»; Федеральный закон «Об отходах производства и потребления»; Федеральный закон «О стандартизации в Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 7.05.2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике»; Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»; Транспортная стратегия РФ на период до 2030 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 22.11.2008 № 1734-р; Энергетическая стратегия России на период до 2030 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 13.12.2009 № 1715-р; Основы государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2030 г., утвержденные Президентом РФ 30.05.2012 г.

Однако вышеуказанная нормативная база нуждается в усовершенствовании и конкретизации как понятийного аппарата в области обращения с отходами, утилизацией, обезвреживанию и рециклинга отходов, так и обеспечения правовой охраны

объектов интеллектуальной собственности, способствующих ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде или, по крайней мере, снижающие негативное воздействие на окружающую среду и здоровье человека.

Как уже было указано выше, на территории нашего государства наиболее приемлемым способом утилизации отходов, существовал, исходя из советского опыта, и существует – захоронение отходов на полигонах. Поэтому мировой опыт создания отходоперерабатывающей отрасли, к сожалению, мы только осваиваем. В мировом сообществе принято решение по предотвращению образования отходов путем повторного использования отходов, так называемый рециклинг производства отходов, и только в исключительных случаях, возможно экологически безопасное захоронение не утилизируемых фракций. Такого рода производство осуществляется в рамках выполнения условий Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением, по которым, каждое государство, ратифицировавшее Конвенцию, РФ ратифицировала в 1994 г., обязуется принимать надлежащие меры по обеспечению сведения к минимуму образования отходов на ее территории с учетом социальных, технических и экономических аспектов [4]. Таким образом, главный эффект в решении проблемы отходов связан с их вовлечением в повторное использование.

Если говорить о промышленных отходах РФ, то использование вторичных ресурсов может являться не только экологическим, то и довольно-таки рентабельным способом утилизации, поскольку она располагает значительными ресурсами лома черных и цветных металлов, которые образуются как при производстве и обработке металлоизделий, так и за счет выхода амортизационного лома. Количество потребляемого лома ежегодно возрастает, что связано с изменением структуры выплавки стали. Для цветной металлургии России уровень использования вторичных ресурсов наиболее значителен при производстве свинца, алюминиевых и медных сплавов. Зола и шлаки металлургического производства, отходы химических производств могут выступать в качестве вторичных ресурсов, в том числе при производстве строительных материалов (гранулированного шлака, щебня, шлакопортландцемента), в нефтяном производстве [1]. Поэтому мировой опыт рециклинга отходов необходимо адаптировать под особенности отечественной промышленности черной и цветной металлургии для производства вторичных ресурсов.

В настоящее время в России практически не ведутся технологические разработки применения вторичных ресурсов по причине использования в производственном процессе, как правило, зарубежных технологий, техники и оборудования, а наиболее весомой причиной использования зарубежных технологий является отсутствие российских аналогов. С целью разрыва существующего замкнутого круга и снижения импортозависимости, требуется принятие мер по мотивированию, стимулированию и обеспечению защиты интеллектуальных прав отечественных разработчиков объектов интеллектуальной собственности, обеспечивающих утилизацию промышленных отходов, с целью защиты окружающей среды.

В современных условиях, связанных с бурными экономическими событиями, объекты интеллектуальной собственности подвержены преобразованиям: изменяется их перечень в нормативной базе, а также отношение к обеспечению правовой охраны, что в свою очередь требует новых юридических решений, своевременно отражающих преобразования для внесения ясности как для правообладателей, так и

для пользователей результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. Сложность принятия новых юридических решений еще и в том, что объекты интеллектуальной собственности различны между собой. По источнику происхождения все они – неосозаемые блага, относящиеся либо к знаниям, являющимся результатами интеллектуального труда, либо к информации, которая не связана с творческим потенциалом человека [5]. В связи с чем правовое регулирование охраны объектов интеллектуальной собственности также формируется на их различиях:

- объекты, связанные с содержательной сущностью (охрана технических решений, представляющие коммерческую ценность для экономического оборота). К ним относятся изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения. Эти результаты интеллектуальной деятельности охраняются только при условии получения охранного документа – патента, а значит необходимо определить границы, правомерного и незаконного использования объектов промышленной собственности другими лицами при наличии исключительного права у патентообладателя;

- объекты с приоритетным значением формы, то есть натуры (произведения науки, литературы и искусства, и производные от них исполнения, фонограммы и др.). На них распространяется принцип презумпции автора, не требующий особой охранной процедуры (охрана обеспечивается с момента выхода «в свет» соответствующих объектов) и следует закрепить в нормативных актах, как быть с оригиналами или экземплярами произведений, или фонограмм правомерно введенных в гражданский оборот на территории РФ путем их продажи или иного отчуждения;

- объекты, созданные для идентификации юридического лица, товаров работ или услуг. Характерной особенностью для средств индивидуализации является отсутствие автора. К ним относятся товарные знаки и знаки обслуживания, фирменные наименования, географические указания, наименования мест происхождения товаров (НМПТ), коммерческие обозначения. Момент возникновения исключительного права пользования тем или иным средством индивидуализации, за исключением коммерческого обозначения, связан с его государственной регистрацией. Для данной группы объектов немаловажно обеспечить законодательный баланс между реализацией исключительных прав правообладателем и предотвращением недобросовестной конкуренции.

- результаты интеллектуальной деятельности, которые никак не «формализуемые и тем не менее участвуют в экономическом обороте, которые обособляются иным образом, прежде всего путем сохранения в секрете от неопределенного круга участников открытого рынка» [6].

Для обеспечения развития отрасли промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства наиболее востребованными являются объекты промышленной собственности, которые участвуют в экономическом обороте, а именно, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, секреты производства. Поэтому для разработчиков объектов интеллектуальной собственности в данной отрасли необходимо обеспечить их охрану и защиту интеллектуальных прав правообладателей. И, если для обеспечения охраны интеллектуальных прав в отношении объектов патентного права (изобретения, полезные модели, промышленные образцы) необходимо получить патент, который и обеспечит защиту от неправо-

мерного (без согласия) использования объектов патентного права, то, в отношении секретов производства (ноу-хау), все значительно сложнее, поскольку экономическая ценность секрета производства состоит в недоступности для других лиц сведений, использующих в хозяйственной деятельности.

В ГК РФ секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие) о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам, если к таким сведениям у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путем введения режима коммерческой тайны (ст. 1465 ГК РФ) [7]. То есть коммерческая ценность секрета производства не в самом результате, который можно рассматривать как предпосылку на статус изобретения, а информации о нем [8, с. 57].

Юрист В.А. Дозорцев отмечал, что секреты производства не всегда являются результатами творческой деятельности, это сведения, которые обладают экономической ценностью, при условии сохранения их в тайне другим лицам [6, с. 45].

Защита права на секреты производства (ноу-хау) обеспечивается не исключительными правами, разрешающих или запрещающих правообладателем использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, как например, в отношении объектов патентного права, а лишь в договорном порядке, поскольку секреты производства не всегда являются результатом интеллектуальной деятельности, а значит на них не распространяются исключительные права, что и вызывает определенные сложности в обеспечении их охраны, так как право на секрет производства возникает только в результате заключения договора, по которому одна сторона передает другой стороне конфиденциальные сведения, следовательно, обязанность возникает только у стороны договора, и только при исполнении или при нарушении договора. И при условии попадания секрета производства в публичный доступ, секрет производства теряет свой статус, потому что он уже не тайна для других лиц.

Для достижения целей по обеспечению экологической безопасности и рационального природопользования путем утилизации отходов, и вторичного их использования, отечественным «утилизаторам» необходимо приобрести соответствующую лицензию, предварительно, получив положительное заключение государственной экологической экспертизы (ГЭЭ) [9]. Объектами ГЭЭ федерального уровня являются проекты технической документации, среди которых новые технологии, использование которых может оказать воздействие на окружающую среду [10]. В соответствии с Порядком ведения государственного кадастра отходов, утвержденного Приказом Минприроды России от 30.09.2011 № 792, информацию о технологиях разработчики добровольно передают в Росприроднадзор, который формирует Банк данных, являющийся открытым информационным ресурсом, размещенный на официальном сайте Росприроднадзора.

Таким образом, если технология по утилизации отходов состоит не только из результатов интеллектуальной деятельности (объекты патентных прав), которые охраняются патентом, но также включает в себя, так называемую, «техническую

помощь» (ноу-хау), то есть сведения, которые не охраняются исключительными правами, то значит открытое информационное поле лишит возможности правообладателей на сохранение в тайне секретов производства, а значит и на защиту интеллектуальных прав.

Профессор А.А. Карцхия считает, что ввиду перехода от «вертикальной» производственной интеграции в рамках одной корпорации к «горизонтальной» модели создания и использования промышленной собственности (аутсорсинг, краудсорсинг, открытые технологии) на базе промышленной кооперации, усложняется и технический уровень продукции, в связи с чем в гражданский оборот вовлекаются сложные объекты правовой охраны, включающие несколько объектов промышленной собственности, в частности: технологии, инновационные компании, патентные (технологические) пулы, основой которых является совокупность имущественных прав на различные объекты промышленной собственности [11].

Изменилось и понятие технологии, сегодня технология представляет собой комплекс технических решений, включающий защищенные патентами результаты интеллектуальной деятельности и необходимый комплекс технической и разрешительной документации (сертификаты производства и качества), но и секреты производства (ноу-хау), технологический опыт практического применения технологии, квалификацию персонала [12, с. 21]. Для эффективного решения поставленных задач по оптимизации системы регулирования и обеспечения эффективности функционирования создаваемой инновационной отраслевой инфраструктуры по обработке и утилизации отходов, необходимо учитывать возникший правовой коллапс незащищенности интеллектуальных прав разработчиков уникальных технологий.

В настоящее время промышленная собственность используется не только для удовлетворения потребностей потребителя, но и для решения глобальных вопросов, в том числе и обеспечение экологической безопасности, то есть прослеживается изменение вектора от всеобъемлющей защиты прав авторов промышленной собственности к сбалансированности интересов правообладателей, инвесторов, потребителей, общества и государства [13].

Эти новые тенденции должны сформировать новые подходы по обеспечению правовой охраны промышленной собственности и защиты интеллектуальных прав.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Экологическая ситуация в стране, в том числе, показатели загрязнения окружающей среды отходами, которые являются источником потенциальной угрозы жизни и здоровью населения, требует активизации разработки и внедрения отечественных инновационных технологий с целью создания и развития отрасли промышленности по утилизации отходов производства.

2. Определенная правовая несогласованность между публичными интересами общества, связанными с обеспечением экологической безопасности, которая зависит не только от экологических факторов, но и от скорейшего приведения предприятий промышленного сегмента в соответствие с требованиями законодательства РФ (в частности, публикация в открытом доступе одобренных технологий утилизации отходов, не всегда имеющих возможность патентования), и частноправовыми интересами правообладателей интеллектуальных прав, которые разрабатывают технологии, позволяющие адаптировать предприятия под нормы и стандарты законодательства, способствующее обеспечению экологической безопасности РФ, создает юри-

дический коллапс, который порождает невозможность гарантирования защиты интеллектуальных прав правообладателям объектов промышленной собственности.

3. Назрела необходимость создания сбалансированной законодательной системы, удовлетворяющая интересы правообладателей интеллектуальных прав и обеспечивающая государственную экологическую безопасность, а именно формирование нормативной базы, которая позволяла, отслеживая производство промышленных предприятий с рециклингом отходов, функционирующих на базе разработанных и утвержденных технологий, не ограничивать и ущемлять исключительные права правообладателей этих технологий.

Список литературы:

1. Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года [Электронный ресурс] : Распоряжение Правительства РФ от 25.01.2018 № 84-р // Электрон. текстовые и граф. дан. Москва, 2024. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/y8PMkQGZLfbY7jhn6QMruaKoferAowzJ.pdf> (дата обращения: 16.05.2024).
2. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176 // Электрон. текстовые и граф. дан. Москва, 2024. – Режим доступа: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/UKAZ_176.pdf?ysclid=lvw8liylk641571226 (дата обращения: 16.05.2024).
3. Ленчук Е.Б. Новые возможности и риски в осуществлении научно-технологического развития России // Экономическое возрождение России. 2019. № 1(59). С. 46–52.
4. О контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением [Электронный ресурс] Базельская Конвенция утв. 22.03.1989 г. // Электрон. текстовые и граф. дан. Москва, 2024. – Режим доступа: https://rpn.gov.ru/upload/iblock/23c/as9obdqp053eoxo5mul0cgd9x3ik9t2x/Bazel_konvenzia.pdf (дата обращения: 16.05.2024)
5. Калина И.И., Типологизация объектов интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. / Саратов, 2011 г. Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologizatsiya-obektov-intellektualnoy-sobstvennosti> (дата обращения: 16.05.2024).
6. Дозорцев, В.А., 2003. // Интеллектуальные права: Понятие; Система; Задачи кодификации. / Исследовательский центр частного права. Москва: Статут, 2003 г., 416 с.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации : часть четвертая : ФЗ от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (с изменениями от 05.15.2024 № 503-ФЗ.). [Электронный ресурс] :// Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – Электрон. текстовые и граф. дан. Москва, 2024. – Режим доступа: URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.05.2024)
8. Ширкова, И. В. Особенности правового регулирования охраны нетрадиционных объектов интеллектуальной собственности / И. В. Ширкова // Правовая позиция. – 2023. – № 8(44). – С. 54-58. – EDN KMOLHN.
9. Положение о лицензировании деятельности по сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению отходов I–IV классов опасности [Электронный ресурс] Постановление Правительства РФ от 26.12.2020 № 2290 // Электрон. текстовые и граф. дан. Москва, 2024. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/132253/> (дата обращения: 13.05.2024)
10. Об экологической экспертизе [Электронный ресурс] :Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ (в ред. от 14.05.2024). Электрон. текстовые и граф. дан. Москва, 2020. – Режим доступа: https://rpn.gov.ru/upload/iblock/894/ygd1d03xljaj091dff0fr0mvceq0j3hi/Federalnyy-zakon-ot-23.11.1995-N-174_FZ-Ob-ekologicheskoy-ekspertize.pdf (дата обращения 16.05.2024)
11. Карцхия А. А. Промышленная собственность как фактор национальной безопасности // Правовая информатика. 2015. № 4. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/promyshlennaya-sobstvennost-kak-faktor-natsionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 16.05.2024).
12. Карцхия А.А. Трансфер технологий или «Промышленный Ренессанс» // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. № 9. 2015. С. 11-25
13. Карцхия А. А. Промышленная собственность как фактор национальной безопасности // Правовая информатика. 2015. № 4. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/promyshlennaya-sobstvennost-kak-faktor-natsionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 16.05.2024).

Shirkova I.V. Technology (know-how) as a creative mechanism for ensuring the environmental safe-

ty of the state // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 3. – P. 302–309.

The article discusses intellectual rights to objects of industrial property, in particular to technologies, which in modern conditions represent a complex of technical solutions, including both results of intellectual activity protected by intellectual rights and not protected, such as production secrets (know-how), in order to determine the possibility of their use in the implementation of certain national development goals of the Russian Federation aimed at ensuring environmental safety. Regulatory documents are analyzed that indicate the existing environmental situation in the state and the prospects for reorienting the economy towards innovative development as part of the implementation of “environmental” tasks. Legislative inconsistencies have been identified that limit the intellectual rights of technology copyright holders, subject to their use in the production of recycling and waste disposal and compliance with legal requirements for their implementation in this production.

Key words: production secrets, technologies, intellectual rights, environmental safety, waste disposal.

Spisok literatury:

1. Strategiya razvitiya promy'shlennosti po obrabotke, utilizatsii i obezvrezhivaniyu otxodov proizvodstva i potrebleniya na period do 2030 goda [E'lektronny'j resurs] : Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot. 25.01.2018 № 84-r // E'lektron. tekstovy'e i graf. dan. Moskva, 2024. – Rezhim dostupa: <http://static.government.ru/media/files/y8PMkQGZLfY7jhn6QMruaKoferAowzJ.pdf> (data obrashheniya: 16.05.2024)
2. O Strategii e'kologicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda [E'lektronny'j resurs] : Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 19.04.2017 g. № 176 // E'lektron. tekstovy'e i graf. dan. Moskva, 2024. – Rezhim dostupa: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/UKAZ_176.pdf?ysclid=lvw8liylk641571226 (data obrashheniya: 16.05.2024).
3. Lenchuk E.B. Novy'e vozmozhnosti i riski v osushhestvlenii nauchno-texnologicheskogo razvitiya Rossii // E'konomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2019. № 1(59). S. 46–52.
4. O kontrole za transgranichnoj perevozkoj opasny'x otxodov i ix udaleniem [E'lektronny'j resurs] Bazel'skaya Konvenciya utv. 22.03.1989 g. // E'lektron. tekstovy'e i graf. dan. Moskva, 2024. – Rezhim dostupa: https://rpn.gov.ru/upload/iblock/23c/as9obdqp053eoxo5mul0cgd9x3ik9t2x/Bazel_konvenzia.pdf (data obrashheniya: 16.05.2024)
5. Kalina I.I., Tipologizatsiya ob'ektov intellektual'noj sobstvennosti [E'lektronny'j resurs] // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-e'konomicheskogo universiteta. / Saratov, 2011 g. Rezhim dostupa : <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologizatsiya-obektov-intellektualnoy-sobstvennosti>.
6. Dozorcev, V.A., 2003. // Intellektual'ny'e prava: Ponyatie; Sistema; Zadachi kodifikatsii. / Issledovatel'skij centr chastnogo prava. Moskva: Statut, 2003 g., 416 s.
7. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii : chast' chetvertaya : FZ ot 18 dekabrya 2006 g. № 230-FZ (s izmeneniyami ot 05.15.2024 № 503-FZ.). [E'lektronny'j resurs] :// Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii «Gosudarstvennaya sistema pravovoj informacii». – E'lektron. tekstovy'e i graf. dan. Moskva, 2024. – Rezhim dostupa: URL: <http://pravo.gov.ru> (data obrashheniya: 06.05.2024)
8. Shirikova, I. V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya oxrany' netraditsionny'x ob'ektov intellektual'noj sobstvennosti / I. V. Shirikova // Pravovaya pozitsiya. – 2023. – № 8(44). – S. 54-58. – EDN KMOLHN.
9. Polozhenie o licenzirovanii deyatel'nosti po sboru, transportirovaniyu, obrabotke, utilizatsii, obezvrezhivaniyu, razmeshheniyu otxodov I–IV klassov opasnosti [E'lektronny'j resurs] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26.12.2020 № 2290 // E'lektron. tekstovy'e i graf. dan. Moskva, 2024. – Rezhim dostupa: <http://government.ru/docs/all/132253/> (data obrashheniya: 13.05.2024)
10. Ob e'kologicheskoy e'kspertize [E'lektronny'j resurs] :Federal'ny'j zakon ot 23.11.1995 № 174-FZ (v red. ot 14.05.2024). E'lektron. tekstovy'e i graf. dan. Moskva, 2020. – Rezhim dostupa: https://rpn.gov.ru/upload/iblock/894/ygd1d03xljaj091dff0fr0mvceq0j3hi/Federalnyy-zakon-ot-23.11.1995-N-174_FZ-Ob-ekologicheskoy-ekspertize.pdf (data obrashheniya 16.05.2024)
11. Karczxiya A. A. Promy'shlennaya sobstvennost' kak faktor nacional'noj bezopasnosti // Pravovaya informatika. 2015. № 4. Rezhim dostupa: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/promyshlennaya-sobstvennost-kak-faktor-natsionalnoy-bezopasnosti>
12. Karczxiya A.A. Transfer texnologij ili «Promy'shlenny'j Renessans» // Intellektual'naya sobstvennost'. Promy'shlennaya sobstvennost'. № 9. 2015. S. 11-25
13. Karczxiya A. A. Promy'shlennaya sobstvennost' kak faktor nacional'noj bezopasnosti // Pravovaya informatika. 2015. № 4. Rezhim dostupa: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/promyshlennaya-sobstvennost-kak-faktor-natsionalnoy-bezopasnosti> (data obrashheniya: 16.05.2024).

УДК: 342.95

КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ НАЗНАЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ: ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ НОРМАТИВНОЙ МОДЕЛИ

Цындра В. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье актуализируется потребность в исследовании вопроса создания нормативной модели концепции административно-наказательной политики в Российской Федерации. Рассмотрены основные подходы к определению способов её легитимизации: теоретический (экспертный) и нормативный (формальный). К факторам, оказывающим негативное влияние на формирование научным сообществом консолидированной концепции государственной политики Российской Федерации в области назначения административных наказаний, отнесены: отсутствие государственного запроса на реформирование института административных наказаний, отставание реформирования общих начал назначения административных наказаний от организационно-правовых реформ, в том числе и контрольно-надзорной деятельности, проводимых в рамках трансформации отношений между государством и гражданами, государственными органами и бизнес-структурами, инициированными в 2015-2020 гг.; несформированность отечественными школами административистов целостных концепций данной составляющей административно-деликтной политики, которые могут стать основой для дискуссии, позволившей выработать единую концепцию и представить её на рассмотрение общественности и законодателю. Высказано предположение о том, что данную концепцию необходимо рассматривать как объект правотворчества, разработка которого осуществляется в соответствие с установленной процедурой, а конечный результат этой деятельности – проект закона или подзаконного нормативного правового акта. Для придания государственной политике Российской Федерации в области назначения административных наказаний легитимности, предложено: создать при Президенте России совет по кодификации и совершенствованию законодательства об административной ответственности, которому поручить разработку соответствующих концепций и законопроектов; закрепить её основные положения в нормативном правовом акте – Указе Президента Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная политика в области назначения административных наказаний, административные наказания, концепция, нормативная модель.

Усложнение внешних и внутренних социально-экономических кризисных процессов, непосредственным участником которых выступает Российская Федерация, оказывает воздействие на большинство реформ, проводимых в нашей стране.

Несмотря на то, что сегодня усилия российского государства переориентированы на обеспечение национальной безопасности и защиту суверенитета, обеспечение прав и свобод граждан, законных интересов физических и юридических лиц, отстаивание традиционных человеческих ценностей, являются безусловными приоритетами для функционирования органов публичной власти всех уровней, а также целью основных преобразований в экономике, социально-культурной сфере, образовании, правовой защиты населения и др.

Обращаясь к Федеральному Собранию 29.02.2024 г. Президент России В.В. Путин ещё раз акцентировал внимание на том, что главным результатом таких преобразований является «...оценка людей, то, как меняется к лучшему их жизнь. Массштаб исторических вызовов, которые стоят перед Россией, требует предельно чёткой, слаженной работы государства, гражданского общества, бизнеса» [1].

Более того, количество административных правонарушений в России ежегодно растёт, преимущественно за счет увеличения их числа в области дорожного движе-

ния. Так, основным субъектом административно-юрисдикционной деятельности – органами внутренних дел – в 2023 г. возбуждено 247,9 млн (+17%) дел об административных правонарушениях; из них в сфере безопасности дорожного движения составило 240,1 млн (+17,6%) (непосредственно сотрудниками полиции – 19,1 млн. дел, 221 млн. – посредством специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме и имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи) [2, с. 6]. Элементарные подсчеты показывают, что в прошлом году на каждого россиянина приходилось 1,64 административных правонарушения (в 2012 – 0,65, увеличение более чем в 2,5 раза).

Подобная ситуация связана с внедрением в практику выявления и фиксации нарушений правил дорожного движения современных технических средств и информационно-телекоммуникационных технологий, которые позволяют автоматизировать процессы получения и оценки доказательств фактах таких правонарушений, подготовки процессуальных документов о привлечении владельца транспортного средства к административной ответственности, доведения до него принятого решения и создания условий для выполнения постановления о наложении административного штрафа.

В свою очередь, упрощение административного производства в этой области привело к нигилистическому восприятию отдельными гражданами потребности в соблюдении правил дорожного движения, а соответственно – не достижению целей административной ответственности, которые обусловлены применением данного вида государственной репрессии (негативных последствий для социального или имущественного статуса физического лица, предупреждения повторного совершения ими аналогичных правонарушений и воспитания других лиц в духе соблюдения требований законодательства в области безопасности дорожного движения).

Не снижается и актуальность трансформации положений кодифицированного закона, определяющего основы административной ответственности в правовой акт, который обеспечит баланс средств, применяемых для охраны и защиты социально важных институтов общества, прав и свобод человека, и минимизирует необоснованное вмешательство со стороны государства, его должностных лиц на поведение физических и деятельность юридических лиц.

В связи с этим, дальнейшее развитие института административной ответственности в России предусматривает обновление (разработку новых) кодифицированных законодательных актов, регулирующих материальные и процессуальные основы данного вида юридической ответственности [3].

Необходимые изменения должны базироваться на преобразовании этого института из «...преимущественно карательно-фискального инструмента в институт, подлежащий дифференцированному применению с учётом риск-ориентированного подхода в случае, если профилактические и принудительно-профилактические меры не имели должного воздействия» [4].

К сожалению, разработанные в 2019 г. и прошедшие в 2020 г. экспертную оценку и общественное обсуждение, проекты нового Кодекса РФ об административных правонарушениях и Процессуального кодекса РФ об административных правонарушениях, не представлены на рассмотрение российского парламента [5-9].

Дальнейшему развитию концептуальных идей и взглядов на предназначение, особенности установления и назначения административных наказаний в России, а

также их внедрению в практику будет содействовать разработка основ формирования и реализации государственной политики в области назначения административных наказаний в Российской Федерации.

Считаем, что основные подходы к трансформации основ регулирования соответствующих групп правоотношений целесообразно закрепить в концепции государственной политики РФ в области назначения административных наказаний

Проблематика нормативного закрепления государственно-политических идей, отражающих потребности социума в административно-деликтном регулировании общественных отношений, отражена в научных теоретиков права, конституционалистов, криминологов и административистов, среди которых следует выделить труды С.С. Алексеева, Ю.О. Гончаровой, Э.В. Густовой, М.Л. Давыдовой, В.В. Денисенка, А.Н. Жеребцова, С.М. Зырянова, А.В. Иванчина, А.И. Илалутдинова, Т.В. Кашаниной, Н.А. Лопашенка, И.В. Максимова, А.В. Малько, Н.А. Орловской, Ю.Е. Пудовчкина, П.П. Осипова, Д.Е. Пономарёва, Ю.И. Попугаева, С.В. Синюкова, Ю.П. Соловья, М.Ю. Спирина, Н.Н. Тарасова, А.П. Шергина, А.В. Урумова, В.В. Чевычелова и др.

Этими учеными сформированы общие положения теории нормативно-правового регулирования и юридической техники, построения правовых концепций и концепция деликтных политик (уголовно-правовой, уголовно-исполнительности, административно-деликтной и др.), разработаны научные проекты некоторых из них, а также предложения для субъектов правотворческой деятельности.

В тоже время, разработка нормативной модели государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний рассмотрена фрагментарно или как часть административно-деликтной политики. Целью данной публикации является рассмотрение теоретических и прикладных аспектов построения нормативной модели административно-наказательной политики в РФ. Её достижение предусматривает анализ научных подходов к нормативному закреплению базовых положений формирования и реализации административно-наказательной политики, а также определения вида, структуры и содержания соответствующего нормативного акта, в котором сформулированы основные положения её концепции.

Изучение научных и учебных публикаций, в которых рассматривается методологические аспекты обоснования целесообразности установления административно-деликтных санкций, их видов и размеров, эффективности воздействия на личность правонарушителя и других субъектов юридической ответственности, позволило нам выделить два основных подхода к определению способов легитимизации административно-наказательной политики: теоретический (экспертный) и нормативный (формальный).

В рамках первого подхода, исследователи, с использованием современных методов познания политико-правовых явлений: анализируют состояние административной деликтности за определённый период времени, оценивая позитивные и негативные аспекты реализации отдельных видов административных наказаний; сравнивают концепции административно-наказательной политики в других государствах, эффективность внедряемых изменений и определяют возможность использования позитивного зарубежного опыта в России; обосновывают необходимость изменения основ административно-наказательной политики, выделяя наиболее значимые проблемы, решение которых требует проведения соответствующих реформ в

законодательстве и правоприменительной практике; раскрывают содержание элементов государственной политики в области назначения административных наказаний; устанавливают связь между иными деликтными политиками и правовыми реформами, проводимыми в государстве; очерчивают этапы реализации концепции, раскрывая их содержание; предлагают критерии оценивания эффективности мер, реализация которых предусмотрена соответствующих концепцией и др.

В свою очередь, в отечественной юриспруденции существуют примеры таких теоретических концепций государственной политики, разработанные авторскими коллективами под руководством ведущих российских ученых. В частности это научные проекты: правовой политики, муниципально-правовой политики, правозащитной политики, правоохранительной политики, антикоррупционной политики (А.В. Малько и др.), развития российского законодательства Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров и др.); уголовно-правовой политики (М.М. Бабаев, Г.М. Миньковский и др.), административно-деликтной политики (А.П. Шергин и др.) и др.

Едва ли не единственным примером консолидированного подхода к оформлению концептуальных положений, оптимизации регулирования административно-деликтных отношений, является «Концепция реформирования законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях», представленная в качестве приложения к коллективной монографии (авторский коллектив состоял из 10 специалистов, 6 из которых работали в НИУ ВШЭ, по одному в РАНХиГС, МГЮА, Государственно-правовом управлении Президента РФ и РУДН) «Реформа административной ответственности в России», подготовленной в рамках исследования Института проблем административно-правового регулирования НИУ ВШЭ по выполнению государственного заказа Государственной Думы Федерального Собрания РФ на 2017 г. «Подготовка предложений по совершенствованию федерального правового регулирования в сфере административной ответственности на основе анализа и обобщения находящихся на рассмотрении Государственной Думы законопроектов по вопросам административной ответственности, оценок и предложений заинтересованных государственных органов, институтов гражданского общества, делового и академического сообществ» [10].

В тексте этой научной концепции содержатся и положения, касающиеся основ назначения административных наказаний, которые отражены как в общих положениях об административной ответственности (§ 4-6, раздел «Исполнение административных наказаний»), так и связанных с отдельными видами правонарушений и правонарушениями отдельных субъектов (например, несовершеннолетних).

В дальнейшем, большая часть этих предложений была использована при создании «Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (разработана межведомственной рабочей группой и одобрена 05.06.2019 г. на совещании у председателя Правительства России) (раздел 2.4). В тоже время необходимо признать, что она была направлена на оперативное решение конкретной задачи – разработку нового КоАП и не содержит в себе положений, ориентированных на перспективу. По сути, срок её действия должен был закончиться с принятием этого кодекса (01.01.2021 г.)

Несмотря на разработку теоретических подходов к пониманию основных элементов и содержания административно-деликтной политики и её составляющей – административно-наказательной политики, их единая концепция научным сообще-

ством текстуально не сформулирована.

По нашему мнению, к причинам сложившейся ситуации, следует относить: отсутствие государственного запроса на реформирование института административных наказаний в Российской Федерации, отставание реформирования общих начал назначения административных наказаний от организационно-правовых реформ, в том числе и контрольно-надзорной деятельности, проводимых в рамках трансформации отношений между государством и гражданами, государственными органами и бизнес-структурами, инициированными в 2015-2020 гг.; несформированность общественными школами административистов целостных представлений о данной составляющей административно-деликтной политики, которые могли бы стать основой для дискуссии, позволившей выработать единую концепцию и представить её на рассмотрение общественности и законодателю.

Второй подход характеризует концепцию административно-наказательной политики как часть «политико-правового документа доктринально-прикладного характера», основная задача которого заключается в «...отражении современного состояния законодательства об административных правонарушениях и законотворческой деятельности в сфере административной ответственности, направлений и перспективных стратегических ориентиров развития законодательства, а также путей повышения эффективности норм административно-деликтного права» [11, с. 23-24].

В связи и с этим, эту концепцию необходимо рассматривать как объект правотворчества, разработка которой осуществляется в соответствии с установленной процедурой, а конечный результат этой деятельности – проект закона или подзаконного нормативного правового акта (указа Президента РФ, постановления Правительства РФ, акта органа государственной власти должностного лица или органа субъекта РФ).

В российском законодательстве существуют примеры нормативного закрепления положений концепций (стратегий) государственной (национальной) политики в той или иной сфере. Так, указами Президента РФ утверждены концепции внешней политики РФ (2023 г.), государственной национальной политики на период до 2025 г. (2012 г.), национальной безопасности РФ (2021 г.); демографической политики РФ до 2025 г. (2007 г.), содействия международному развитию (2016 г.) и др.

Кроме этого, концепции развития отдельных сфер общественной жизни, утверждаются и распоряжениями Правительства РФ. Например, в области дополнительного образования детей (2022 г.), государственной семейной политики (2014 г.), добровольчества (волонтерства) (2018 г.), комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов (2021 г.), региональной информатизации (2014 г.), уголовно-исполнительной системы (2021 г.) и др.

Подобный опыт, имеется и в ряде государств-членов СНГ. Например, концепции правовой политики утверждены указами президентов Республики Беларусь (2023 г.), Республики Казахстан (2021 г.), Кыргызской Республики (2023 г.), которыми устанавливаются и основы оптимизации института административной ответственности и подинститута назначения административных наказаний.

Отдельного внимания заслуживает организация процесса совершенствования ГК РФ в 2008-2023 гг. В частности, в Указе Президента РФ от 18.07.2008 г. № 1108 разработка концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, предложений о мерах по её реализации, в том числе и проектов федеральных

законов о внесении изменений в ГК РФ, была поручена Совету при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства и Исследовательскому центру частного права при Президенте РФ.

Соответствующая концепция была одобрена Советом по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства на заседании, состоявшемся 07.10.2009 г. под председательством Президента РФ, а в последствие на её основе были разработаны проекты законов о внесении изменений в ГК РФ, большинство которых одобрены парламентом России. Далее советом была разработана «Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25.09.2020 № 202/оп-1/2020), ставшая основой для изменения положений ГК РФ.

Использование имеющегося отечественного и зарубежного опыта закрепления концептуальных положений государственной политики, позволяет предположить о том, что для придания государственной политике РФ в области назначения административных наказаний легитимности целесообразно: с целью обеспечения системности и ускорения разработки предложений для совершенствования законодательства РФ об административной ответственности, новых Кодексов, изменений в законодательные акты, а также взаимодействия между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ, общественными объединениями, научными учреждениями и организациями при рассмотрении вопросов, связанных с совершенствованием административно-деликтного законодательства, создать соответствующий совет при Президенте России; закрепить её основные положения в нормативном правовом акте – Концепции государственной политики РФ в области назначения административных наказаний. В её структуре целесообразно предусмотреть следующие разделы: общие положения; характеристика современного состояния применения административных наказаний в РФ цели, задачи, функции и принципы административно-наказательной политики; механизм формирования и реализации административно-наказательной политики (субъекты, этапы и стадии, формы и методы); критерии эффективности реализации административно-наказательной политики; основные направления повышения эффективности административно-наказательной политики; утвердить данную концепцию указом Президента РФ, с учётом положений других доктринально-программных документов – Концепции уголовно-правовой и административно-деликтной политики РФ. Утверждение Концепции административно-наказательной политики указом Президента РФ находится в рамках его полномочий в области юстиции и внутренних дел, а также общественной безопасности. Также, по нашему мнению, подобное решение позволит активизировать участие государственных органов, руководство которыми осуществляет глава государства (МВД РФ, Минюстом РФ, ФССП, ФСБ РФ, ФСВНГ РФ) в разработке и реализации её положений.

Список литературы:

1. Послание Президента Федеральному Собранию, 29.02.2024. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 01.03.2024).
2. Баканов К.С., Ляхов П.В., Исаев М.М. и др. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2023 году: информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024. 120 с.
3. Жеребцов, А. Н. Реализация государственной политики Российской Федерации в области назначе-

ния административных наказаний: анализ содержания / А. Н. Жеребцов, В. Н. Цындра // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73), № 4. – С. 256-265.

4. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. – URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=326534&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.00802087887504288#019061831112247418> (дата обращения: 16.05.2024).

5. Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099059) (не внесен в ГД ФС РФ). – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=191214> (дата обращения: 16.05.2024).

6. Проект «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099061) (не внесен в ГД ФС РФ). – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=191299> (дата обращения: 16.05.2024).

7. Минюст переработал все части КоАП. – URL: <https://iz.ru/1137559/2021-03-16/minjust-pererabotal-vse-chasti-koap> (дата обращения: 16.05.2024).

8. Новый проект КоАП могут опубликовать для обсуждения в апреле. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/novyy-proekt-koap-mogut-opublikovat-dlya-obsuzhdeniya-v-aprele.html> (дата обращения: 16.05.2024).

9. В Минюсте рассказали о новой редакции КоАП РФ. – URL: <https://ura.news/news/1052475984> (дата обращения: 16.05.2024).

10. Реформа административной ответственности в России: монография / под общей редакцией А.В. Кирина, В.Н. Плигина. Москва: ВШЭ, 2018. 476 с.

11. Рогачева О. С. Эффективность норм административно-деликтного права: автореф... дисс. д-ра. юрид. наук: 12.00.14. – Воронеж, 2012. 50 с.

Tsyndrya V.N. Concept of state policy of the Russian Federation in the field of assignment of administrative punishments: issues of creation of a regulatory model // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 310–317.

The article updates the need to study the issue of creating a normative model of the concept of administrative and punitive policy in the Russian Federation. The main approaches to determining ways of legitimizing it are considered: theoretical (expert) and normative (formal). Factors that have a negative impact on the formation by the scientific community of a consolidated concept of state policy of the Russian Federation in the field of imposing administrative penalties include: the lack of a state request for reforming the institution of administrative penalties, the lag behind the reform of the general principles of imposing administrative penalties from organizational and legal reforms, including control and supervisory activities carried out as part of the transformation of relations between the state and citizens, government bodies and business structures initiated in 2015-2020; the lack of comprehensive concepts of this component of administrative-tort policy in domestic schools of administrative specialists, which can become the basis for a discussion that will make it possible to develop a unified concept and present it to the public and the legislator. It has been suggested that this concept should be considered as an object of lawmaking, the development of which is carried out in accordance with the established procedure, and the final result of this activity is a draft law or a by-law. To give the state policy of the Russian Federation in the field of imposing administrative penalties legitimacy, it is proposed: to create a council under the President of Russia for the codification and improvement of legislation on administrative responsibility, which will be entrusted with the development of relevant concepts and bills; consolidate its main provisions in a normative legal act - the Decree of the President of the RF.

Key words: state policy in the field of imposing administrative penalties. administrative penalties, concept, normative model

Spisok literaturey:

1. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu, 29.02.2024. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 01.03.2024).

2. Bakanov K.S., Lyaxov P.V., Isaev M.M. i dr. Pravoprimenitel'naya deyatel'nost' v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v 2023 godu: informacionno-analiticheskij obzor. M.: FKU «NCz BDD MVD Ros-sii», 2024. 120 s.

3. Zherebcov, A. N. Realizaciya gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti naznacheniya administrativnyx nakazanij: analiz soderzhaniya / A. N. Zherebcov, V. N. Cyndrya // Ucheny'e zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2021. – Т. 7 (73), № 4. – С. 256-265.

4. Konceptiya novogo Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyx pravonarusheniyax. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=326534&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.00802087887504288#019061831112247418> (дата обращения: 16.05.2024).

5. Projekt «Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax» (podgotovlen Minyustom Rossii, ID proekta 02/04/01-20/00099059) (ne vnesen v GD FS RF). – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=191214> (data obrashheniya: 16.05.2024).
 6. Projekt «Processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax» (podgotovlen Minyustom Rossii, ID proekta 02/04/01-20/00099061) (ne vnesen v GD FS RF). – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=191299> (data obrashheniya: 16.05.2024).
 7. Minyust pererabotal vse chasti KoAP. – URL: <https://iz.ru/1137559/2021-03-16/miniust-pererabotal-vse-chasti-koap> (data obrashheniya: 16.05.2024).
 8. Novy`j proekt KoAP mogut opublikovat` dlya obsuzhdeniya v aprele. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/novyy-proekt-koap-mogut-opublikovat-dlya-obsuzhdeniya-v-aprele.html> (data obrashheniya: 16.05.2024).
 9. V Minyuste rasskazali o novej redakcii KoAP RF. – URL: <https://ura.news/news/1052475984> (data obrashheniya: 16.05.2024).
 10. Reforma administrativnoj otvetstvennosti v Rossii: monografiya / pod obshhej redakciej A.V. Kirina, V.N. Pligina. Moskva: VShE`, 2018. 476 s.
 11. Rogacheva O. S. E`ffektivnost` norm administrativno-deliktnogo prava: avtoref... diss. d-ra. yurid. nauk: 12.00.14. – Voronezh, 2012. 50 s.
- .

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343

ПРАВОВОЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЕВРОПЕЙСКОГО ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ХЕЛЬСИНКИ
(HEUNI)

Великая О. С.

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье рассмотрены важнейшие нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность Европейского института уголовной политики в Хельсинки с 1981 по 2022 гг. Основными из которых стали соглашения финляндского государства с ООН о создании такого научного учреждения. Целью института является обеспечение регулярного обмена информацией и опытом по вопросам уголовной политики между европейскими странами с различными социально-экономическими системами. Институт также содействует подготовке специалистов в этой области и проводит исследования, связанные с предупреждением преступности и уголовной политикой. Основными задачами Института определялись: а) организовывать семинары для лиц, принимающих решения, администраторов, экспертов и исследователей; б) собирать информацию по вопросам, входящим в сферу его компетенции, и сообщать информацию заинтересованным правительствам, а также публиковать и распространять материалы и информацию, относящиеся к данной области; в) проводить, в пределах своих ресурсов, исследования в интересах достижения целей Института, и д) организовывать конференции и совещания для достижения этих целей. Нормативными актами, зачастую согласованными не только с ООН, но и с иными заинтересованными странами, принятыми после создания института, в основном регулировались вопросы его внутреннего устройства, управления, определения персонала.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, Финляндия, Европейский институт уголовной политики в Хельсинки, правовая база, нормативные акты, соглашения.

Общая гуманитарная и социальная направленность международной политики 1970-х, способствовала не только определенному «потеплению» международной обстановки, но и созданию Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1973 г.), а затем и принятию такого важного акта как подписанные 1 августа 1875 г. Хельсинкские соглашения [1]. Данное событие не только закрепило статус Финляндии как нейтральной страны, но и показало ее важность в качестве площадки для консультации и разрешения важнейших международных гуманитарных проблем.

Все вышеуказанное стимулировало дальнейшее развитие подобной деятельности. 23 декабря 1981 г. было подписано, а 8 августа 1882 г. заключено соглашение между правительством Финляндии и ООН о создании Хельсинкского института уголовной политики, действующего под эгидой ООН [2]. Изначально было установлено, что данный институт тесно сотрудничает с Институтом исследований правовой политики министерства юстиции Финляндии.

Целью института является обеспечение регулярного обмена информацией и опытом по вопросам уголовной политики между европейскими странами с различными социально-экономическими системами. Институт также содействует подготовке специалистов в этой области и проводит исследования, связанные с предупреждением преступности и уголовной политикой (ст. 1, п. 3).

Основными задачами Института определялись:

а) организовывать семинары для лиц, принимающих решения, администраторов, экспертов и исследователей;

б) собирать информацию по вопросам, входящим в сферу его компетенции, и сообщать информацию заинтересованным правительствам, а также публиковать и распространять материалы и информацию, относящиеся к данной области;

с) проводить, в пределах своих ресурсов, исследования в интересах достижения целей Института, и

д) организовывать конференции и совещания для достижения этих целей (ст. 1, п. 4).

Во главе данного учреждения стоит консультативный совет во главе с председателем (назначается генеральным секретарем ООН), директор (назначается правительством Финляндии), старший советник, эксперт-консультант и т.д. (ст. 3). При этом, расходы на содержание института в соглашении разделены между Финляндией, ООН и иными странами (ст. 5).

Указ о вступлении в силу Соглашения с ООН о создании Хельсинкского института уголовной политики был подписан 23 июля 1982 г. [3]; 9 июля 1982 г. подписан «Закон об утверждении некоторых положений Соглашения с Организацией Объединенных Наций о создании Хельсинкского института уголовной политики и внесении в него поправок, а также о применении Соглашения» [4], в нем уточнялся состав института и особенности занятия отдельных должностей; а 20 августа 1982 г. президентом Финляндии подписан декрет о Хельсинском институте уголовной политики в ООН [5].

Последним документом определялось наличие в институте директора с неполным рабочим днем; эксперта консультанта; дополнительные должности старшего научного сотрудника, дизайнера и офисного секретаря; оговорено право, в рамках бюджета, иметь других вспомогательных сотрудников и временных агентов, сотрудников по контракту (разд. 1). В разделах 2-3 определялись особенности исполнения своих должностей директором, а в разделах 4 – 5 критерии отбора персонала; в разделе 6 – прием, отпуск и отставка персонала института, разделом же 7 за министерством юстиции Финляндии закреплено право назначать «временный персонал, соответствующий обладателям должностей старшего научного сотрудника и планировщика и соответствующий персонал с трудовым договором», право директора принимать на отдельные должности персонал по собственному усмотрению (разд. 7).

Также в документе устанавливалось право института на получение грантов и пожертвований (разд. 10), специфика организации работы консультативного совета (разд. 11). Интересен также тот факт, что декретом Министерство юстиции представляет план действий, годовой отчет и проект отчета о доходах и расходах Института, в МИД для направления в Секретариат ООН (разд. 13).

В его развитие и дополнение 7 августа 1987 г. принят закон «Утверждение некоторых положений Соглашения с Организацией Объединенных Наций о создании Хельсинкского института уголовной политики в рамках Организации Объединенных Наций и внесение поправок в Закон об осуществлении Соглашения».

Данным актом, в соответствии с решением парламента, разделы 1, 3-5 и 7 Закона от 9 июля 1982 г. об утверждении некоторых положений соглашения с ООН о создании Хельсинкского института уголовной политики и о применении Соглашения (582/82) изменены следующим образом:

«Закон о утверждении некоторых положений Соглашения с Организацией Обь-

единенных Наций о создании Хельсинкского института уголовной политики и внесении в него поправок, а также о применении Соглашения

Раздел 1. Положения Соглашения между правительством Финляндии и Организацией Объединенных Наций от 23 декабря 1981 г. о создании Хельсинкского института уголовной политики под эгидой Организации Объединенных Наций и Протокола о внесении поправок в него в Нью-Йорке 14 апреля 1987 г. в той мере, в какой они подпадают под действие законодательства, остаются в силе в соответствии с договоренностью.

Раздел 3. Институт уголовной политики имеет консультативный совет, в состав которого входят, помимо председателя и четырех членов, назначаемых Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций, трех членов, назначаемых Государственным советом, которые знакомы с международным сотрудничеством в области уголовной политики, и, в силу своих служебных обязанностей, директора Института и, без права голоса, руководителя департамента уголовной политики Секретариата ООН или его представителя.

Раздел 4. В пределах бюджета на доходы и расходы Институт политики probation может иметь постоянных и временных должностных лиц и контрактный персонал.

Раздел 5. Директор Института уголовной политики назначается Государственным советом после консультаций с Генеральным секретарем ООН. Другие постоянные должностные лица назначаются министерством юстиции после консультаций с директором института» [6].

После принятия данного акта, 21 августа 1987 г. в Положение о Хельсинкском институте уголовной политики под эгидой ООН были внесены некоторые правки [7]. В частности, отменялись ст. 9, 15(2) и 16 Декрета от 20 августа 1982 г. (630/82), раздел 1, раздел 4(2), разделы 5-7, предыдущая подсубпозиция раздела 6 и раздел 8(2) были изменены следующим образом:

«Коллектив института и его задачи

Раздел 1. Хельсинкский институт уголовной политики, который действует под эгидой ООН, имеет оплачиваемую по контракту должность директора.

Институт имеет должности старшего научного сотрудника, конструктора и секретаря офиса. В рамках бюджета Институт может также иметь других постоянных должностных лиц и, кроме того, временных должностных лиц и сотрудников по контракту.

Помимо вышеупомянутого персонала в состав Института могут входить временные эксперты, назначаемые Генеральным секретарем ООН.

Критерии отбора персонала

Раздел 4. Директор должен иметь высшее образование, подходящее для должности, а также опыт в планировании задач сферы деятельности института или в выполнении должности.

Раздел 5. Должностное лицо Института, за исключением тех, которые упомянуты в разделе 4, должно обладать такими навыками и способностями, которые необходимы для успешного занятия должности.

Условия предоставления временных должностных лиц и работников, имеющих трудовой договор, регулируются положениями о праве на соответствующую постоянную должность.

Прием и увольнение персонала.

Раздел 6. Назначение Директора Института и других постоянных должностных лиц предусмотрено Законом об утверждении некоторых положений Соглашения с ООН о создании Хельсинкского института уголовной политики и внесении поправок в Закон о применении Соглашения (710/87).

Директор назначается на определенный срок, не превышающий 3-х лет за один раз. Должность директора заполняется без объявления вакантной.

Раздел 7. Министерство юстиции будет принимать нанятых по контракту сотрудников, соответствующих обладателям должностей старшего научного сотрудника и планировщика, если предполагается, что трудовые отношения продлятся более четырех месяцев.

Директор Института может в пределах имеющихся ассигнований допускать временных должностных лиц и сотрудников, имеющих контракты, отличные от тех, которые указаны в п. 1.

Раздел 8. Отпуск для других должностных лиц и освобождение от обязанностей сотрудников по контрактам предоставляются Директором на срок не более трех месяцев и на более длительный период министерством юстиции» [8].

В таком виде положения о организации работы института продолжали свое действие до 2000 г., когда 23 ноября было принято «Постановление Правительства отмена некоторых положений, касающихся места юрисдикции министерства юстиции», которым отменена «Статья 15 Декрета Хельсинкского института уголовной политики, действующего под эгидой Организации Объединенных Наций, от 20 августа 1982 г. (630/1982)» [9].

Важность деятельности института нашло свое подтверждение в 2022 г., когда после длительного обсуждения в парламенте Финляндии, а также с учетом мнений и пожеланий иных стран, в частности Швеции, 11.11.2022 принят закон «Утверждение некоторых положений Соглашения с Организацией Объединенных Наций о создании Хельсинкского института уголовной политики и внесении поправок в Протокол о внесении в него изменений и дополнений в Закон об осуществлении Соглашения».

Данным актом, в соответствии с решением парламента с поправками шведская формулировка названия Закона о создании Хельсинкского института уголовной политики при ООН и Протокола о внесении в него поправок и Закона о применении Соглашения (582/1982), а также разделов 2-6 с поправками, внесенными шведской формулировкой названия и разделами 3-5 Закона 710/1987, а именно:

«Раздел 2. Европейский институт уголовной политики, который действует под эгидой Организации Объединенных Наций, действует в рамках административного подразделения министерства юстиции. Цели и задачи Института изложены в Соглашении с Организацией Объединенных Наций о создании Хельсинкского института уголовной политики, который действует под эгидой Организации Объединенных Наций (Finnish Treaty Series 41 и 42/1982). В этой деятельности Институт независим и независим.

Раздел 3. Институт имеет консультативный совет, в состав которого входят:

- 1) председатель и четыре члена, назначаемые Генеральным секретарем ООН;
- 2) три члена, назначаемые Правительством, знакомые с международным сотрудничеством в области уголовной политики;

- 3) в силу занимаемой должности директор Института;
- 4) без права голоса – представитель Управления ООН по наркотикам и преступности.

Раздел 4. Институт состоит из Директора, должностных лиц, знакомых с его сферой деятельности, и, при необходимости, других сотрудников.

Раздел 5. Директор Института назначается Государственным советом на срок, не превышающий пяти лет после консультаций с Генеральным секретарем ООН. Министерство юстиции назначает постоянных должностных лиц и принимает сотрудников к открытым трудовым отношениям после консультаций с директором института.

Раздел 6. Постановлением правительства издаются более подробные положения о персонале, специальных критериях отбора должностных лиц, назначении на должность или отношениях на государственной службе, обязанностях и заместителях директора, надбавках, деятельности консультативного совета и вознаграждении, выплачиваемом членам консультативного совета, а также о представлении определенных документов в ООН.

Правила процедуры Института издаются Директором Института. Регламент предусматривает руководство, внутреннюю организацию и разделение труда, обязанности должностных лиц и их организацию, подготовку и решение вопросов, депутатов. Правила процедуры могут также предусматривать другие вопросы, входящие в сферу управления Институтом и необходимые для организации его деятельности» [10]. Вступление в силу данного закона установлено на 1 января 2023 г.

В завершение нашего исследования следует указать, что по мнению самого учреждения, важность его деятельности определяется тем, что «Тесная связь HEUNI с Министерством юстиции Финляндии способствует тому, что через HEUNI финские власти и лица, принимающие решения, имеют в своем распоряжении опыт и информацию из первых рук о европейских криминальных и политических явлениях. Участие HEUNI в дебатах по уголовной политике ООН и ЕС, а также разработка программ влияет на то, что рациональная уголовная политика, основанная на изученной информации, находит свое отражение в международных инструментах и процессуальных документах. Кроме того, участие HEUNI косвенно повышает узнаваемость и вес Финляндии на этих аренах. Операционные модели и инструменты, разработанные HEUNI, также доступны в Финляндии, и, с одной стороны, они предотвращают явления, которые имеют прямое влияние на Финляндию.

HEUNI активно сотрудничает с властями и неправительственными организациями Финляндии. В частности, с операторами по торговле людьми HEUNI активно взаимодействует, сотрудничая с различными операторами, участвуя в семинарах, проводя презентации и обучая по вопросам торговли людьми, а также являясь членом сети сотрудничества по борьбе с торговлей людьми и сети организаций.

HEUNI также играет важную роль в предотвращении насилия в отношении женщин и борьбе с коррупцией в Финляндии, и HEUNI представлена в различных национальных экспертных сетях» [11].

Важнейшими направлениями деятельности института сегодня являются: «Улучшение доступа к правосудию и качества услуг для уязвимых жертв преступлений»; «Доступ к правосудию Уголовное правосудие Помощь жертвам Жертвы преступлений»; «Углубление понимания и реагирования на экономические преступления и

корпоративные преступления»; «Коррупция Экономические преступления Трудовая эксплуатация»; «Определение новой области исследований в соответствии с глобальными криминальными угрозами и мегатрендами»; «Усиление мер уголовного правосудия, включая выявление торговли людьми и подобных преступлений (таких как принудительный брак, эксплуатация детей и молодежи, трудовая эксплуатация); «Эксплуатация подростков и детей Торговля людьми Трудовая эксплуатация»; «Повышение квалификации предприятий и агентств по государственным закупкам для выявления и предотвращения эксплуатации в цепочках поставок»; «Экономические преступления Торговля людьми Трудовая эксплуатация Жертвы преступлений»; «Усиление роли HEUNI в реализации приоритетов Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и борьбы с преступностью»; «Доступ к правосудию ЦУР ООН». Ведутся исследования и по другим программам.

Также можно указать, что деятельность института отражена в его ежегодных отчетах [12].

Список литературы:

1. Дипломатия Франции. 40-летие Хельсинкских соглашений. – URL: 45-летие Хельсинкских соглашений (01.08.20) - Министерство Европы и иностранных дел (diplomatie.gouv.fr) (дата обращения : 27.07.2024)
2. Suomen hallituksen ja Yhdistyneiden Kansakuntien välinen SOPIMUS Yhdistyneiden Kansakuntien alaisuudessa toimivan Helsingin kriminaalipoliittisen instituutin perustamisesta. – URL: СОГЛАШЕНИЕ между правительством Финляндии и Организацией Объединенных Наций о создании Хельсинкского института уголовной политики под эгидой Организации Объединенных Наций - FINLEX ® (www-finlex-fi.translate.google) (дата обращения : 27.07.2024)
3. Asetus Yhdistyneiden Kansakuntien kanssa Yhdistyneiden Kansakuntien alaisuudessa toimivan Helsingin kriminaalipoliittisen instituutin perustamisesta tehdyn sopimuksen voimaansaattamisesta ja sopimuksen eräiden määräysten hyväksymisestä sekä sopimuksen voimaansaattamisesta annetun lain voimaantulosta. – URL: Указ о вступлении в силу Соглашения с Организацией Объединенных Наций о создании Хельсинкского института уголовной политики и об утверждении некоторых положений Соглашения и вступлении в силу Закона об осуществлении Соглашения - FINLEX ® (www-finlex-fi.translate.google) (дата обращения : 27.07.2024)
4. Laki Helsingin kriminaalipoliittisen instituutin perustamisesta ja muuttamisesta sekä sopimuksen soveltamisesta Yhdistyneiden Kansakuntien kanssa tehdyn sopimuksen eräiden määräysten hyväksymisestä. 9 päivänä heinäkuuta 1982. – URL: 582/1982 - Справочник законодательных изменений - FINLEX ®
5. Asetus Helsingin kriminaalipoliittisesta instituutista Yhdistyneissä Kansakunnissa. 20. elokuuta 1982. – URL: Постановление в контексте Организации Объединенных Наций... 630/1982 - Оригинальные акты - FINLEX ® (дата обращения : 27.07.2024)
6. Laki Helsingin kriminaalipoliittisen instituutin perustamisesta Yhdistyneiden Kansakuntien yhteyteen Yhdistyneiden Kansakuntien kanssa tehdyn sopimuksen eräiden määräysten hyväksymisestä ja sopimuksen voimaansaattamisesta annetun lain muuttamisesta sopimuksen täytäntöönpanemiseksi. – URL: Право с Организацией Объединенных Наций... 710/1987 - Оригинальные акты - FINLEX ® (дата обращения : 27.07.2024)
7. 1987 vp. - HE n:o 10 Hallituksen esitys Eduskunnalle Yhdistyneiden Kansakuntien kanssa Yhdistyneiden Kansakuntien yhteydessä toimivan Helsingin kriminaalipoliittisen instituutin perustamisesta tehdyn sopimuksen muuttamista koskevan pöytäkirjan eräiden määräysten hyväksymisestä. – URL: HE 10/1987 vp (edilex.fi) (дата обращения : 27.07.2024)
8. Asetus. Yhdistyneiden Kansakuntien alaisuudessa toimivan Helsingin kriminaalipoliittisen instituutin perussäännön muuttamisesta. – URL: Постановление в контексте Организации Объединенных Наций... 712/1987 - Оригинальные акты - FINLEX ® (дата обращения : 27.07.2024)
9. Hallituksen päätös eräiden oikeusministeriön toimivaltaa koskevien säännösten kumoaminen. – URL: Постановление Правительства о некоторых аспектах деятельности Министерства юстиции... 988/2000 - Оригинальные акты - FINLEX ® (дата обращения : 27.07.2024)
10. Laki Helsingin kriminaalipoliittisen instituutin perustamista koskevan Yhdistyneiden Kansakuntien kanssa tehdyn sopimuksen eräiden määräysten hyväksymisestä ja sopimuksen voimaansaattamislain muuttamisesta ja täydentämisestä tehdyn pöytäkirjan muuttamisesta. – URL: Право с Организацией Объединенных Наций... 900/2022 - Оригинальные акты - FINLEX ® (дата обращения : 27.07.2024)
11. The European Institute for Crime Prevention and Control, affiliated with the United Nations (HEUNI). –

URL: Frontpage | Heuni (дата обращения : 27.07.2024)

12. Annual Report 2021. A year to remember: HEUNI's 40th Anniversary.

Velikaya O. S. legal basis for the creation and operation of the European criminal policy institute in Helsinki (HEUNI) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 3. – P. 318–324.

The article examines the most important legal acts regulating the activities of the European Institute of Criminal Policy in Helsinki from 1981 to 2022. The main of which were the agreements between the Finnish state and the UN on the establishment of such a scientific institution. The aim of the institute is to ensure a regular exchange of information and experience on criminal policy issues between European countries with different socio-economic systems. The Institute also promotes the training of specialists in this field and conducts research related to crime prevention and criminal policy. The main objectives of the Institute were: a) to organize seminars for decision makers, administrators, experts and researchers; b) collect information on matters within its competence and communicate information to interested governments, as well as publish and disseminate materials and information related to this field; c) to carry out, within its resources, research for the furtherance of the objectives of the Institute, and d) to organize conferences and meetings to further these objectives. Regulatory acts, often coordinated not only with the UN, but also with other interested countries, adopted after the establishment of the institute, mainly regulated the issues of its internal structure, management, and staffing.

Key words: United Nations, Finland, European Criminal Policy Institute in Helsinki, legal framework, regulations, agreements.

УДК 341.3

ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Малиновский О. Н.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

В статье исследуются вопросы становления, развития и современного состояния международно-правовой защиты гражданского населения в условиях вооружённых конфликтов. Отмечается, что Россия внесла существенный вклад в становление и эволюционное развитие международного гуманитарного права и последовательно выступает за соблюдение всеми государствами его норм. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что рассматриваемые нормы создают правовую основу, достаточную для обеспечения эффективной защиты гражданского населения. Однако данные нормы нарушались США и некоторыми другими субъектами международного права в ходе предшествовавших вооружённых конфликтов. В настоящее время они массово и грубо нарушаются подконтрольными Киевскому режиму вооружёнными формированиями, а также армией Израиля. В этой связи актуализируется вопрос о неотвратимости ответственности за эти нарушения и, в частности, о создании международного трибунала по Украине.

Ключевые слова: вооружённые конфликты, международное гуманитарное право, международно-правовая защита, гражданское население, принципы, нормы, гуманность, нарушения.

Проблема международно-правовой защиты гражданского населения в условиях вооружённых конфликтов с течением времени не теряет своей актуальности. Несмотря на то, что эта проблема постоянно находится в спектре пристального внимания юридической науки, она нуждается в дальнейших исследованиях. В ходе происходящих в различных регионах мира вооружённых конфликтов гибнут ни в чем не повинные гражданские лица, в том числе женщины, старики, дети. И если из общего количества погибших во время Первой мировой войны гражданское население составляло 5%, то в ходе ряда последующих вооружённых конфликтов этот показатель неуклонно возрастал.

Совокупность принципов и норм международного права, регулирующих различные аспекты вооружённых конфликтов, в том числе вопросы защиты их жертв, общеизвестна в качестве международного гуманитарного права, являющегося важнейшей отраслью современного международного права. Исключительно важную роль в деле становления и развития этих принципов и норм сыграла деятельность Международного комитета по оказанию помощи раненым, при активном участии которого в 1864 г. в Женеве была созвана Международная конференция, итогом которой стало принятие Конвенции об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны, а также инициативы России по созыву и проведению Санкт-Петербургской конференции 1868 г. Принятая на конференции Декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль провозгласила принцип ограничения воюющих в выборе средств нанесения вреда противнику. Декларация указала на наличие границ, в «которых потребности войны должны остановиться перед принципами человеколюбия», и провозгласила недопустимость ведения боевых действий непосредственно против гражданского населения [1, с. 228 – 229].

В 1874 г. по предложению России в Брюсселе была созвана новая международ-

ная конференция, рассмотревшая разработанный российской делегацией «Проект международной конвенции о законах и обычаях сухопутной войны». Данный проект лег в основу принятых в Гааге в 1899 и 1907 гг. конвенций о законах и обычаях сухопутной войны, в которых принцип защиты гражданского населения получил дальнейшее развитие. В частности, было запрещено предательски убивать или ранить лиц, принадлежащих к населению неприятеля, объявлять, что никому не будет пощады. Большое значение имела включенная в преамбулу конвенций «оговорка Мартенса», устанавливающая, что гражданское население, как и комбатанты, исходя из принципа гуманности, требований общественного сознания и международных обычаев, продолжает оставаться под защитой международного права и в тех случаях, когда конкретные ситуации вооруженных конфликтов не регламентируются его нормами. Весьма серьезные новеллы содержались в ст. 25 конвенции 1907 г., запрещающей атаковать или бомбардировать незащищенные города, селения, жилища или строения, а также в ст. 46, обязывающей уважать семейные и имущественные права граждан оккупированных территорий и не посягать на их честь и жизнь [2].

Разработка и принятие указанных и ряда других Гаагских конвенций — важная веха в развитии международного гуманитарного права, о чем свидетельствует тот факт, что до 1949 года они продолжали оставаться основными юридическими источниками, регламентирующими вопросы ведения военных действий. Нормы данных конвенций входят в так называемое «Гаагское право».

Новым этапом кодификации международного гуманитарного права явилась Женевская дипломатическая конференция 1949 г., которая приняла четыре конвенции о защите жертв войны. Эти конвенции, называемые «Женевским правом», охватили основные категории жертв войны, в том числе гражданское население (IV Конвенция).

Одно из главных мест в IV Конвенции занимает ст. 32. Она запрещает сторонам вооруженного конфликта принимать меры, которые могут причинять физическое страдание или привести к уничтожению покровительствуемых лиц. Новеллой Конвенции стало закрепление норм о запрете применения коллективных наказаний. В целях усиления защиты раненых, больных, инвалидов, престарелых, детей до 15-летнего возраста, беременных женщин и матерей с детьми до 7-летнего возраста Конвенция предусмотрела необходимость создания специальных санитарных и безопасных зон и местностей (ст. 14). В Конвенции закреплено положение, согласно которому гражданские больницы не могут подвергаться нападению ни при каких обстоятельствах (ст. 18) [3].

Оценивая значение IV Женевской конвенции, нельзя не учитывать, что этот международно-правовой документ разрабатывался с учётом трагического опыта Второй мировой войны, в ходе которой гражданское население стран-жертв агрессии понесло огромные потери вследствие преступной оккупационной политики фашизма (массовые расстрелы мирных жителей, заключение их в концлагеря и т.п.). Это обстоятельство и привело к тому, что Конвенция приоритетное и детальное внимание уделила статусу гражданского населения оккупированных территорий и его защите от произвола противника, в то время как вне правового регулирования остался целый ряд вопросов защиты гражданских лиц непосредственно в ходе боевых действий. Из этого следует, что Конвенция, при всем её важном значении, не смогла в полной мере решить проблему защиты гражданского населения. На недо-

статочно полный характер защиты указывалось и в оговорках, сделанных СССР при её подписании. Так, отмечалось, что она «не вполне отвечает требованиям гуманности, поскольку она не распространяется на лиц, находящихся вне оккупированной территории» [4].

В этой связи были предприняты попытки ликвидировать указанный пробел: Международный комитет Красного Креста в 1956 г. подготовил Проект правил для ограничения опасностей, которым подвергается гражданское население во время войны; в 1968 г. на Тегеранской конференции по правам человека была принята резолюция «Права человека в вооруженных конфликтах»; в 1970 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «Основные принципы защиты гражданского населения в период вооруженных конфликтов».

Однако поднять систему международно-правовой защиты гражданского населения на принципиально новый договорной уровень удалось лишь в 1977 г. на Женевской дипломатической конференции по гуманитарному праву, результатом работы которой стало принятие двух дополнительных протоколов к Женевским конвенциям 1949 г. Протокол I касается защиты жертв международных вооруженных конфликтов, Протокол II — защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера.

Принятие Протоколов 1977 г. — один из самых решительных шагов по развитию и универсализации норм международного гуманитарного права и их интеграции в сферу как международных, так и внутригосударственных отношений.

Протокол I формулирует понятия «гражданское лицо» и «комбатант» и определяет последних как лиц, входящих в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте (кроме духовного и медицинского персонала), и имеющих право принимать непосредственное участие в военных действиях. Согласно Протоколу, статус комбатантов распространяется также на личный состав организованных движений сопротивления при условии соблюдения этими движениями ряда требований; население неоккупированной территории, которое при приближении неприятеля, не успев сформироваться в регулярные войска, стихийно по собственному почину берется за оружие для борьбы с вторгающимися войсками, если оно открыто носит оружие и соблюдает законы и обычаи войны. Гражданское население определяется Протоколом как совокупность лиц, не принадлежащих ни к одной из категорий комбатантов. В случае сомнения относительно того, является ли то или иное лицо гражданским, оно считается таковым, т.е. Протокол установил презумпцию принадлежности к гражданским лицам.

В Протоколе говорится о мерах предосторожности, которые должны приниматься при планировании или осуществлении нападений на противника (ст.57). В частности, нападающая сторона обязана удостовериться, что объекты нападения не являются гражданскими лицами; а также принять все практически возможные меры предосторожности при выборе средств и методов нападения, чтобы избежать случайных потерь жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц.

Значительное внимание в Протоколе уделяется обязанностям противостоящих сторон по защите гражданского населения при ведении боевых действий, ограничению применения некоторых видов обычного оружия. В частности, запрещается использовать против гражданского населения мины, мины-ловушки, зажигательное

оружие. Существенная правовая защита предоставляется лицам, входящим в состав организаций гражданской обороны, а также журналистам, находящимся в районах вооруженных конфликтов. Устанавливается обязанность по розыску лиц, пропавших без вести, по возвращению останков погибших [5].

Трудно переоценить и значение Протокола II, распространившего действие принципа защиты гражданского населения на вооруженные конфликты немеждународного характера. В частности, Протокол устанавливает, что население как таковое, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападения (ст.13) [6].

В целом Женевское право запрещает убийства, пытки, нанесение увечий или любые формы телесных наказаний; взятие заложников, коллективные наказания, акты терроризма, оскорбительное и унижающее обращение, надругательство над человеческим достоинством, в частности, унижительное и оскорбительное обращение, принуждение к проституции или непристойное посягательство в любой его форме; медицинские или научные опыты, которые не вызваны необходимостью врачебного лечения; осуждение и применение наказаний без предварительного судебного решения, принудительное перемещение, а также ряд других действий.

В ряду принципов современного международного гуманитарного права, имеющих непосредственное отношение к гражданскому населению и нашедших отражение в нормах международного гуманитарного права, в первую очередь, следует выделить принцип защиты гражданского населения. Иными отраслевыми принципами, применимыми к рассматриваемой категории жертв войны, являются: принцип гуманности; принцип недопустимости дискриминации; принцип ответственности; принцип ограничения воюющих сторон в выборе средств и методов ведения вооруженных конфликтов; принцип обеспечения безопасности и оказания гуманитарной помощи гражданскому населению.

Как справедливо подчёркивается в юридической литературе, принцип защиты гражданского населения находится в тесной взаимосвязи с другими юридически закрепленными принципами международного гуманитарного права, что обеспечивает всей системе данной отрасли международного права цельность и органическое единство [7, с. 56]. Наряду с этим отмечается, что научная дискуссия об отраслевых принципах международного гуманитарного права продолжается, в том числе по вопросам их обобщения, уточнения базовых норм в сфере международного гуманитарного права и соотношения запретов и принципов в этой области [8, с.19].

Одна из главных целей международного гуманитарного права – гуманизация вооруженных конфликтов, минимизация, насколько это возможно, его неблагоприятных последствий в целом, и последствий в отношении гражданского населения, в частности. Исходя из этого, можно констатировать, что принцип гуманности является основополагающим и распространяется на все сферы вооружённой борьбы [9, с. 18]. При этом в специальных исследованиях констатируется, что в ходе развития международного гуманитарного права количество и содержание прав, которые не могут быть ограничены, меняются в сторону усиления защиты индивидов [10, с. 465].

Важно отметить, что конвенционные нормы международного гуманитарного права являются обязательными и для государств, которые не являются участниками конвенций. По отношению к данным государствам эти нормы выступают как обыч-

но-правовые. Таким образом, нормы международного гуманитарного права связывают все государства. Проведенный краткий анализ международно-правовой защиты гражданского населения в условиях вооруженных конфликтов, истории её становления и развития позволяет сделать вывод о том, что регулирование данной проблемы, эволюционируя, прошло в своем развитии ряд этапов. Автор считает, что рассмотренные нормы достаточно чётко регулируют широкую палитру вопросов и создают прочную правовую основу, достаточную для обеспечения защиты гражданских лиц. Однако, эффективность данных норм зависит от выполнения воюющими сторонами вытекающих из них требований.

Российская Федерация является участницей Женевских конвенций 1949 г., Протоколов 1977 г., большинства других актов, регулирующих вопросы вооружённых конфликтов, и последовательно выступает за неукоснительное выполнение всеми государствами обязательств, вытекающих из них. В России осуществлен целый комплекс мер по имплементации норм международного гуманитарного права. В частности, установлена уголовная ответственность за применение запрещённых средств и методов войны, мародерство. В Вооружённых Силах России действует Наставление по международному гуманитарному праву. Международное гуманитарное право изучается курсантами и слушателями военных образовательных организаций, а также студентами ряда гражданских вузов. Начиная с 1997 г. по 2021 г. в Санкт-Петербурге на базе СПбГУ ежегодно проводились международные «Мартенсовские чтения», что явилось признанием особой роли нашего государства в становлении и развитии международного гуманитарного права. Теоретические и практические аспекты международного гуманитарного права продолжают оставаться предметом исследований российских ученых-правоведов.

К сожалению, приходится констатировать, что в вооружённых конфликтах второй половины XX - начала XXI веков принципы и нормы международного гуманитарного права, касающиеся гражданского населения, часто нарушались. Они грубо нарушались США и некоторыми другими субъектами международного права в периоды вооружённых конфликтов в Югославии, Ираке, Ливии и ряде других стран.

Нормы международного гуманитарного права нарушаются и в ходе происходящих в настоящее время вооружённых конфликтов. При этом, на характер современных вооружённых конфликтов влияет комплекс целого ряда взаимосвязанных факторов, в том числе их сопряжение с совершением террористических актов, активное применение кибератак, «урбанизация» конфликтов, увеличение числа акторов и др., что порождает дополнительные трудности [11, с.118].

Массовые грубые нарушения норм международного гуманитарного права, которые привели к тысячам жертв среди мирных граждан, в том числе детей, являющихся одной из наиболее уязвимых категорий населения, совершены армией Израиля на территории Палестины. К ним, в первую очередь, относятся: массированные удары по гражданским объектам, в том числе по больницам, коллективные наказания жителей сектора Газа и др.

Масса грубых нарушений данных норм со стороны подконтрольных Киеву режиму вооружённых формирований фиксируется в ходе начавшегося на Украине в 2014 г. вооружённого конфликта. В их ряду, в частности, применение против гражданского населения кассетных боеприпасов, мин типа «лепесток», химического оружия, размещение вооружений и военной техники среди гражданских объектов,

пытки и убийства гражданских лиц, систематические обстрелы мирных населённых пунктов и гражданских объектов, мародерство. Страны так называемого «коллективного запада», исходя из политики двойных стандартов, либо игнорируют факты этих нарушений, либо, используя недостоверную информацию, лицемерно искажают такие факты, препятствуя их объективной оценке. Власти стран, поддерживающих Киевский режим, не только спонсируют этот режим, поставляют ему оружие и участвуют в подготовке бойцов ВСУ, способствуя эскалации вооружённого конфликта, но и продолжают раскручивать маховик информационной войны, сопровождаящейся информационными вбросами и усилением русофобских настроений.

Автор разделяет позицию, согласно которой необходимо создать международный трибунал для привлечения к уголовной ответственности неонацистских военных и политических преступников Украины. Призыв к созданию такого трибунала содержится в резолюции, принятой в августе 2023 г. в Минске на втором Международном антифашистском конгрессе, в котором участвовало более 30 стран [12]. Представляется, что в состав судейского корпуса этого трибунала должны войти юристы государств, в которых осуждается и считается неприемлемой политика и практика неонацизма и международно-правового нигилизма. На сегодняшний день чрезвычайно важной является задача продолжения большой проводимой Россией работы по своевременной фиксации всех фактов нарушений международного гуманитарного права вооружёнными формированиями Украины.

Подводя общий итог, необходимо ещё раз отметить, что рассмотренные нормы способны обеспечить достаточно эффективную защиту гражданского населения в периоды вооружённых конфликтов. Основная проблема заключается в том, что данные нормы грубо нарушаются, в связи с чем актуализируется вопрос о неотвратимости ответственности за эти нарушения.

Список литературы:

1. Декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль, заключенная в Санкт-Петербурге 29 ноября (11 декабря) 1868 года // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. – СПб., 1994. – № 1. – С. 228 – 229.
2. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 18 октября 1907 года // <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (Дата обращения 21.02.2024).
3. Женевская Конвенция о защите гражданского населения во время войны (Женева, 12 августа 1949 г.) // <https://base.garant.ru/2540383/> (Дата обращения 21.02.2024).
4. Оговорки СССР, сделанные при подписании четырех Женевских Конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 года // [@egNPA#txt](https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?Id=12093328). (Дата обращения 21.02.2024).
5. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I) (с изменениями и дополнениями) // <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377> (Дата обращения 24.02.2024).
6. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, (Протокол II) от 8 июня 1977 г. // <https://base.garant.ru/2540378/> (Дата обращения 25.02.2024).
7. Воронцова Н.А., Сибилева О.П. Боевые действия в городах: проблемы международно-правовой защиты гражданского населения и гражданских объектов // Московский журнал международного права. 2023. № 3. С. 56.
8. Ястребова А.Ю. Отдельные подходы к системе специальных принципов международного гуманитарного права: содержание и эволюция // Московский журнал международного права. 2022. № 3. С. 19.
9. Котляров И.И. Международное право и вооруженные конфликты. Монография. М.: Московский университет МВД России, 2003. С.18.
10. Русинова, В. Н. Права человека в вооруженных конфликтах: соотношение норм международного гуманитарного права и международного права прав человека: специальность 12.00.10 – «Международное право; Европейское право»: дис. на соиск. ... д-ра юрид. наук/ Русинова Вера Николаевна; Прави-

тельство Российской Федерации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва – 2015. – 465 с. – Текст: непосредственный.

11. Котляров И.И., Пузырева Ю.В. Международно-правовое регулирование противодействия терроризму в мирное время и в период вооруженных конфликтов: региональный подход Содружества Независимых Государств // Московский журнал международного права. 2022. № 2. С.118.

12. Конгресс в Минске призвал мир сплотиться в борьбе с возрождающимся фашизмом // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18540065> (Дата обращения 02.03.2024).

Malinovsky O. N. The problem of international legal protection of civilian populaation in conditions of armed conflicts // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 325–331.

The article investigates the issues of formation, development and the current state of international legal protection of civilians in armed conflicts. It is noted that Russia has made a significant contribution to the formation and evolutionary development of international humanitarian law and consistently advocates for compliance with its norms by all States. Based on the analysis conducted, it is concluded that the norms under consideration create a legal framework sufficient to ensure effective protection of the civilian population. However, these norms have been violated by the United States and some other subjects of international law during previous armed conflicts. Currently, they are massively and grossly violated by armed groups controlled by the Kiev regime, as well as by the Israeli army. In this regard, the issue of the inevitability of taking responsibility for these violations and, the establishment of an international tribunal for Ukraine in particular is being updated.

Key words: armed conflicts, international humanitarian law, international legal protection, civilian population, principles, norms, humanity, violations.

Spisok literatury:

1. Deklaraciya ob otmene upotrebleniya vzryvchatyh i zashigatel'nyh pul', zaklyuchennaya v Sankt-Peterburge 29 noyabrya (11 dekabrya) 1868 goda // Vestnik Mezhparlamentskoj Assam-blei. – SPb., 1994. – № 1. – S. 228 – 229.

2. Konvenciya o zakonah i obyayah suhoputnoj vojny, 18 oktyabrya 1907 goda // <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (Data obrashcheniya 21.02.2024).

3. Zhenevskaya Konvenciya o zashchite grazhdanskogo naseleniya vo vremya vojny (Zheneva, 12 avgusta 1949 g.) // <https://base.garant.ru/2540383/> (Data obrashcheniya 21.02.2024).

4. Ogovorki SSSR, sdellannye pri podpisanii chetyreh Zhenevskih Konvencij o zashchite zhertv vojny ot 12 avgusta 1949 goda // [@egNPA#txt](https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?Id=12093328). (Data obrashche-niya 21.02.2024).

5. Dopolnitel'nyj protokol k Zhenevskim konvenciyam ot 12 avgusta 1949 goda, kasayu-shchijsya zashchity zhertv mezhdunarodnyh vooruzhennyh konfliktov, ot 8 iyunya 1977 g. (Protokol I) (s izmeneniyami i dopolneniyami) // <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377> (Data obrashcheniya 24.02.2024).

6. Dopolnitel'nyj protokol k Zhenevskim konvenciyam ot 12 avgusta 1949 goda, kasayu-shchijsya zashchity zhertv vooruzhennyh konfliktov nemezhhdunarodnogo haraktera, (Protokol II) ot 8 iyunya 1977 g. // <https://base.garant.ru/2540378/> (Data obrashcheniya 25.02.2024).

7. Voroncova N.A., Sibileva O.P. Boevye dejstviya v gorodah: problemy mezhdunarodno-pravovoj zashchity grazhdanskogo naseleniya i grazhdanskikh ob'ektov // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2023. № 3. С. 56.

8. Yastrebova A.Yu. Otdel'nye podhody k sisteme special'nyh principov mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava: sodержanie i evolyuciya // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2022. № 3. С. 19.

9. Kotlyarov I.I. Mezhdunarodnoe pravo i vooruzhennye konflikty. Monografiya. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii, 2003. S.18.

10. Rusinova, V. N. Prava cheloveka v vooruzhennyh konfliktah: sootnoshenie norm mezh-dunarodnogo gumanitarnogo prava i mezhdunarodnogo prava prav cheloveka: special'nost' 12.00.10 – «Mezhdunarodnoe pravo; Evropejskoe pravo»: dis. na soisk.... d-ra yurid. nauk/ Rusinova Vera Nikolaevna; Pravitel'stvo Rossijskoj Federacii, Nacional'nyj issledo-vatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki».- Moskva – 2015. – 465 s. – Tekst: nepo-sredstvennyj.

11. Kotlyarov I.I., Puzyreva Yu.V. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie protivodej-stviya terrorizmu v mirnoe vremya i v period vooruzhennyh konfliktov: regional'nyj pod-hod Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2022. № 2 . С.118.

12. Kongress v Minske prizval mir splotit'sya v bor'be s vozrozhdayushchimsya fashizmom // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18540065> (Data obrashcheniya 02.03.2024).

УДК 341.7

**НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ПОМЕЩЕНИЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АНАЛИЗ
СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ПРАКТИКИ ГОСУДАРСТВ ПРЕБЫВАНИЯ**

Шумиленко А. П., Пастухова Л. В.

Статья посвящена анализу опасной противоправной практики различных государств пребывания, касающейся систематического невыполнения ими их обязательств по обеспечению неприкосновенности помещений дипломатических представительств Российской Федерации на их территории. Дается обзор основных элементов обязательств государств пребывания в соответствии со статьёй 22 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. Определены и рассмотрены основные виды нарушений обязательств государств пребывания по указанной статье: незаконное проникновение в помещения дипломатических представительств РФ, нанесение ущерба посольствам и миссиям Российской Федерации, нарушение спокойствия дипломатических представительств России, оскорбление достоинства дипломатических представительств РФ, а также осуществление в отношении посольств и миссий Российской Федерации следственных, ограничительных, принудительных и исполнительных действий. Особое внимание уделено обзору и анализу соответствующей международно-правовой практики Соединённых Штатов Америки.

Ключевые слова: дипломатические представительства, помещения дипломатических представительств, иммунитеты дипломатических представительств, неприкосновенность помещений дипломатических представительств.

Одной из крайне тревожных тенденций развития права внешних сношений в начале XXI века стало исключительное обострение проблемы обеспечения неприкосновенности помещений зарубежных органов внешних сношений аккредитуемых государств на территории соответствующих государств пребывания [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Современная история международных отношений содержит весьма значительное количество примеров ситуаций, когда очевидная несостоятельность или откровенное нежелание конкретных государств пребывания принимать соответствующие меры приводили к серьёзному нарушению ими их обязательств по *Венской конвенции о дипломатических сношениях* 1961 г. [8] (далее – ВК–1961) по обеспечению неприкосновенности помещений посольств и миссий (дипломатических представительств) иностранных государств на их территории. Ещё 12 лет назад наиболее яркими примерами таких ситуаций можно было считать многочисленные инциденты 2011–2012 гг., касающиеся грубого нарушения неприкосновенности помещений дипломатических представительств Сирии в Лондоне, Вене, Риме, Каире, Афинах, Варшаве, Праге и др. городах мира [9, с. 1–6]. Однако с 2014 г. упомянутая проблема стала наиболее актуальной именно для Российской Федерации, неоспоримыми доказательствами чего являются зафиксированные Россией и задокументированные впоследствии Генеральным секретарём ООН в его докладах «Рассмотрение эффективных мер по усилению защиты, безопасности и охраны дипломатических и консульских представительств и представителей» многочисленные примеры вопиющих нарушений Австрией, Болгарией, Великобританией, Грецией, Ирландией, Италией, Латвией, Литвой, Молдовой, Нидерландами, Польшей, Румынией, Словакией, Словенией, США, Украиной, Францией, Чехией, Швейцарией, а также Эстонией их обязательств перед РФ по ВК–1961 [10; 11, с. 10–14; 12, с. 23–39].

По нашему убеждению, формированию объективного представления о теоретических и практических нюансах проблемы обеспечения неприкосновенности помещений дипломатических представительств государств способствуют научные труды следующих исследователей: Й. Бао [13], Э. Денза [14, с. 112–148; 15, с. 135–179; 16, с. 110–148], Ю. Г. Дёмин [17, с. 35–64], М.-Б. А. Исмаил [18], С. И. Налик [19, с. 273–285], К. К. Сандровский [20, с. 163–172], Э. Сатоу, Лорд Гор-Бусс, Д. Пакенхем [21, с. 109–115], А. Робертс [22, с. 101–112; 23, с. 222–245], а также Х. Э. Фалкони Пью [24], М. Харди [25, с. 41–48] и др. [26, с. 54–84; 27; 28]. Следует также особо подчеркнуть, что в отечественной научной литературе анализу соответствующей теории и практики государств по выполнению их обязательств, определённых ст. 22 ВК–1961, посвящено недостаточно внимания.

Неприкосновенность помещений – один из важнейших иммунитетов посольств и миссий иностранных государств на территории государства пребывания [13, с. 149], обеспечивающий нормальное функционирование указанных зарубежных органов внешних сношений аккредитуемых государств. Ю. Г. Дёмин абсолютно справедливо отмечает, что ВК–1961 не устанавливает никаких ограничений относительно размеров помещений дипломатического представительства, а также количества зданий, используемых в качестве его «помещений» [17, с. 35] («здания или части зданий, используемые для целей представительства, включая резиденцию главы представительства, кому бы ни принадлежало право собственности на них, включая обслуживающий данное здание или часть здания земельный участок» (ст. 1 (i) ВК–1961) [8, с. 98, 147]). Более того, исходя именно из функциональной теории обоснования дипломатических привилегий и иммунитетов, в п. 3 ст. 41 ВК–1961 было предусмотрено, что помещения дипломатического представительства «не должны использоваться в целях, не совместимых с функциями представительства, предусмотренными настоящей Конвенцией, или другими нормами общего международного права, или же какими-либо специальными соглашениями, действующими между аккредитуемым государством и государством пребывания» [8, с. 120, 159].

Поскольку в практике государств изначально не разграничивались личная резиденция посла и помещения дипломатического представительства [14, с. 221; 18, с. 88; 19, с. 374; 21, с. 122; 22, с. 126; 23, с. 225], а неприкосновенность помещений посольства или миссии рассматривалась именно как естественное продолжение иммунитета личной неприкосновенности посла («каждый монарх должен проявлять ... уважение к личному жилищу официального представителя, если ему отвратительна ... мысль о столь заслуживающем наказания преступлении, как вторжение в дом, который должен быть священным и неприкосновенным» [26, с. 82]), неудивительно, что запрет представителям каких бы то ни было органов власти государства пребывания вступать в любую часть помещений дипломатического представительства аккредитуемого государства без явно выраженного предварительного согласия главы этого представительства (п. 1 ст. 22 ВК–1961 [8, с. 106, 152]) носит сегодня абсолютный характер. Эта норма дипломатического права не предусматривает никаких исключений (тем самым лишая государства пребывания возможности предполагать что-либо вообще – либо возникновение исключительных обстоятельств, либо само наличие согласия главы посольства [19, с. 275]) – она должна быть соблюдена даже в случае пожара или потопа в помещениях дипломатического представительства либо при землетрясении (К. К. Сандровский был прав, подчёркивая,

что Венская конференция абсолютно обоснованно отвергла противоположный подход как «опасный путь, ведущий, по существу, к подрыву ... идеи неприкосновенности» [20, с. 167]). В связи с этим, однако, в практике государств случались и курьёзы – в своё время в результате пожара было частично разрушено здание посольства СССР в Канаде, поскольку канадским пожарным было отказано в доступе в помещения, а усилия членов персонала самостоятельно погасить огонь не увенчались успехом [19, с. 275]. Если же глава дипломатического представительства отсутствует или по определённым причинам лишён возможности решить указанный вопрос, государство пребывания обязано (п. 1 ст. 19 ВК–1961 [8, с. 106, 151]) обратиться с соответствующим запросом относительно разрешения (согласия) или к временному поверенному в делах, или непосредственно к правительству аккредитующего государства. Например, в 1980 г. вступление представителей органов власти Гватемалы в помещения посольства Испании по просьбе членов персонала, а не главы представительства привело к серьёзному конфликту и разрыву дипломатических отношений между этими двумя государствами [17, с. 43]. В то же самое время Ю. Г. Дёмин полагает, что форс-мажорные обстоятельства (например, захват помещений посольства или миссии террористами) по общему международному праву можно рассматривать в качестве единственного исключения из правила, определённого в п. 1 ст. 22 ВК–1961 [17, с. 44]. Например, осуществлённая в апреле 1997 г. спецподразделениями Перу без ведома и без разрешения правительства Японии операция по освобождению 480 человек, захваченных в заложники в декабре 1996 г. во время приёма в резиденции японского посла в Перу, была воспринята Премьер-министром Японии с пониманием и благодарностью [17, с. 45]. Поскольку представители органов власти государства пребывания не могут проникнуть по своему желанию в помещения иностранного посольства (или миссии) без согласия его главы (т. е. посла, посланника, поверенного в делах, временного поверенного в делах), фактически исключается любая возможность осуществления в отношении как самих помещений, так и предметов их обстановки, любого другого находящегося в них имущества, а также средств передвижения представительства таких действий, как обыск, арест или реквизиция, а также исполнительных действий (п. 3 ст. 22 ВК–1961 [8, с. 108, 152]) [24, с. 174; 25, с. 44–45]. Например, 19 декабря 2005 г. Арбитражный трибунал по дипломатическому иску Эритреи против Эфиопии подчеркнул в своём решении, что насильственное проникновение представителей органов власти Эфиопии в помещения посольства Эритреи, а также их дальнейший обыск не могут быть оправданы предположением государства пребывания об осуществлении в помещениях иностранного дипломатического представительства враждебной по отношению к государству пребывания деятельности [16, с. 123].

В соответствии с положениями п. 2 ст. 22 ВК–1961, на государстве пребывания лежит «специальная обязанность принимать *все надлежащие меры для защиты помещений представительства от всякого вторжения или нанесения ущерба* и для предотвращения всякого нарушения спокойствия представительства или оскорбления его достоинства» [8, с. 108, 152] (курсив наш. – А.П.Ш., Л.В.П.) любыми действиями как представителей органов власти государства пребывания, так и частных лиц. В частности, одним из ярких примеров нарушения государством обязательств по п. 2 ст. 22 ВК–1961 является организация в 1989 г. (во время интервенции США в Панаме) полётов американских военных самолётов над помещениями представи-

тельства Ватикана, чтобы вынудить получившего в них убежище экс-президента Панама Мануэля Норьегу их покинуть [17, с. 46]. Обязанность государства пребывания принимать *все надлежащие меры* для защиты помещений дипломатического представительства от посягательств частных лиц охватывает:

1) организацию (*в случае необходимости*) местными органами власти физической охраны иностранного посольства или миссии, а также пресечение каких бы то ни было нападений, вторжений, угроз либо прочих посягательств [25, с. 47] (например, в ноябре 1979 г. во время поджога здания посольства США в Исламабаде в ходе разбушевавшейся антиамериканской демонстрации правительство Пакистана обеспечило срочную эвакуацию с помощью вертолётов всех дипломатов США, осаждённых в посольстве [20, с. 165]); некоторые аспекты упомянутых обязательств государство пребывания может (и должно) учитывать ещё на стадии первоначального поиска помещений (п. 1 ст. 21 ВК–1961 [8, с. 106, 151]), особенно в том случае, если аккредитуемое государство обратилось к нему с отдельной просьбой усилить меры защиты помещений его дипломатического представительства в соответствии с положениями отдельных нормативно-правовых актов аккредитуемого государства;

2) проведение (*в случае явно имевшего место либо предполагаемого* (особенно аккредитуемым государством) *нарушения*) тщательного и беспристрастного расследования, а также осуществление справедливого наказания виновных лиц (например, упомянутые международно-правовые обязательства США более детально регламентированы нормами Закона о защите иностранных должностных лиц и официальных гостей США 1972 г. (ч. 22/d Главы II Раздела 22/1115 (6:120)) [17, с. 51]; а в упомянутом нами ранее примере из практики Пакистана правительство государства пребывания объявило позднее об аресте и привлечении к суду военного трибунала более 10 организаторов нападения на посольство США и допросах следственными органами ещё 40 человек по этому делу [20, с. 165]; похожая ситуация наблюдалась и в Египте в 2011 г., когда полиция государства пребывания в конечном итоге взяла ситуацию под свой контроль и обеспечила дальнейшее привлечение к ответственности всех виновных в нападении на посольство Израиля в Каире пропалестинских революционеров (9–11 сентября они снесли оборонительную стену посольства, вторглись в его помещения, обыскали их, вышвырнули из окон документы и вынудили эвакуировать военными самолётами из Египта весь персонал посольства Израиля) [16, с. 135; 18, с. 90]);

3) обеспечение адекватного возмещения причинённого вреда (адекватной компенсации нанесённого ущерба) (соответствующие международно-правовые обязательства ФРГ конкретизированы, например, положениями статьи «Исключительные возмещения» федерального бюджета Германии, в которых предусмотрена обязательная компенсация ущерба, нанесённого демонстрантами в ФРГ иностранным посольствам и миссиям [17, с. 52]; наглядным примером компенсации нанесённого нематериального ущерба являются официальные извинения министра иностранных дел Сирии на следующий день после того, как 14 ноября 2011 г. в ответ на решение Лиги арабских государств о приостановлении членства Сирии (из-за её неспособности осуществить планы ЛАГ по прекращению насилия) тысячи сторонников правительства Б. Асада напали на посольства Саудовской Аравии, Катар, Турции и Франции, а полиция государства пребывания не предоставила им никакой защиты [16, с. 135]; ещё один похожий пример имел место в практике Польши, когда её

Президент Бронислав Коморовский в заявлении в эфире радиостанции ZET публично принёс извинения за погромы («абсолютный скандал, который никак нельзя оправдать»), устроенные в День независимости Польши 11 ноября 2013 г. польскими националистами во время «Марша независимости» возле здания посольства Российской Федерации в Варшаве (в результате действий многотысячной агрессивно настроенной толпы в течение нескольких часов было заблокировано нормальное функционирование посольства РФ, а его имуществу был нанесён материальный ущерб) [28, с. 57, 53–54].

Как утверждает Э. Денза, в современной практике государств наблюдается сильная тенденция к обязательной выплате государством пребывания компенсации аккредитуемому государству в любом случае [15, с. 166], особенно, когда это нарушение неприкосновенности помещений иностранного посольства или миссии частными лицами: а) было организовано либо спровоцировано государством пребывания; б) стало следствием попустительства или отсутствия должной осмотрительности (пер. с англ. «*due diligence*») государства пребывания (например, результатом халатности, небрежности, невнимательности, медлительности и т. п., препятствующих предотвращению соответствующих нарушений); в) не повлекло за собой наказание (привлечение к ответственности) всех виновных лиц [17, с. 53]. Например, через несколько дней после того, как в апреле 2011 г. в Триполи разъярённая толпа нанесла ущерб посольствам Франции, США и Катара, а дипломатическое представительство Великобритании сожгла в ходе нападения, в отсутствие удовлетворительных извинений или возмещения причинённого вреда последняя выслала ливийского посла со своей территории [16, с. 135]. В похожей ситуации, когда в конце ноября 2011 г. в ответ на новые санкции (введённые против Ирана после доклада МАГАТЕ о предполагаемой реализации Ираном программы создания ядерного оружия) Иран вознамерился выслать британского посла, а толпа демонстрантов на следующий день с камнями и бомбами с зажигательной смесью напала на британское посольство, сорвала его флаг, разграбила помещения, разбила портреты королевы и другое имущество и сожгла машину посольства, пока рядом стояла и бездействовала иранская полиция, Великобритания на следующий день закрыла её посольство в Тегеране и дала иранским дипломатам в Лондоне 48 часов на то, чтобы покинуть государство пребывания. Правительство Ирана лишь один раз формально выразило сожаление по поводу событий в Тегеране, заявив при этом, что иранское посольство в Лондоне тоже подверглось нападению толпы [16, с. 136].

В дипломатической практике государств случались и случаи, когда нарушение государством пребывания неприкосновенности помещений посольства или миссии аккредитуемого государства являлось результатом действий именно последнего из них. Например, в 1966 г. дипломатический казус, возникший в отношениях между Китайской Республикой (КР, Тайвань), Китайской Народной Республикой (КНР), а также Францией и ЮНЕСКО, стал следствием одностороннего решения аккредитуемого государства об изменении характера его зарубежного органа внешних сношений: после официального признания правительством Франции правительства КНР в январе 1964 г. посольство КР (представлявшее в Париже до этого момента интересы китайского националистического правительства Тайваня) объявило, что преобразуется в постоянное представительство КР при ЮНЕСКО (где оно в то время ещё официально представляло весь Китай); тем не менее, правительство Фран-

ции требовало передать помещения посольства КР представителям недавно признанного правительства КНР и предложило предоставить представительству при ЮНЕСКО новые помещения; в ответ на отказ представителей Тайваня принять все предложенные государством пребывания варианты 12 марта 1966 г. на основании обращения, поступившего от Кэ д'Орсэ (МИД Франции – транслит. с фр. «*Quai d'Orsay*»), помещения посольства КР были заняты подразделениями национальной полиции Франции и без каких-либо происшествий переданы представительству правительства КНР; несмотря на решительные протесты в адрес французского правительства со стороны главы дипломатического представительства КР и Генерального директора ЮНЕСКО, большинство специалистов по проблемам права внешних сношений квалифицировали действия Франции как правомерные (во-первых, отказ Франции от ранее предоставленного ею КР признания националистического правительства Тайваня автоматически лишил представительство КР права занимать соответствующие помещения, принадлежавшие теперь уже КНР; во-вторых, органы власти государства пребывания несли ответственность за обеспечение сохранения и передачи всей собственности китайского государства законному представителю признанного Францией правительства КНР; в-третьих, адресованные представительству КР (Тайваня) при ЮНЕСКО предложения государства пребывания по поводу его обеспечения адекватными новыми помещениями явно свидетельствуют о том, что правительство Франции пыталось добросовестно выполнять обязательства, определённые ст. 18 Соглашения о штаб-квартире ЮНЕСКО 1954 г.) [27, с. 90–91].

Э. Денза и Ю. Г. Дёмин абсолютно обоснованно подчёркивают, что теория и практика современных дипломатических отношений государств, к сожалению, не дают однозначного ответа на вопрос о конкретных границах неприкосновенности помещений дипломатических представительств [14, с. 126; 17, с. 55].

Общий обзор практики государств пребывания по вопросам обеспечения защиты, безопасности и охраны посольств и миссий Российской Федерации за период 2014–2024 гг. позволяет выделить следующие *основные виды нарушений обязательств государств пребывания по ст. 22 ВК–1961*:

1) *незаконное проникновение в помещения дипломатических представительств РФ* (п. 1 ст. 22 и п. 2 ст. 22): а) *вторжение представителей органов власти государства пребывания в помещения посольства РФ* имело место в США (в период с декабря 2016 г. по апрель 2018 г. в рамках осуществления комплекса носивших провокационный и враждебный характер насильственных мер, якобы имплементирующих положения Акта об иностранных миссиях 1982 г. и принятых на его основе «определений» Государственного секретаря США [11, с. 11], американское правительство санкционировало насильственное – со взламыванием замков и выведением из строя въездных ворот – проникновение представителей органов власти США [11, с. 12] в часть помещений Посольства Российской Федерации (по адресу: 115 Town Point Lane, Centreville, MD), использовавшуюся в целях проведения протокольных мероприятий [11, с. 11]; в дальнейшем регулярный доступ в эти помещения представителей властных структур США осуществлялся как в отсутствие согласия, так и без уведомления РФ [11, с. 13]); б) *вторжение частных лиц на территорию посольств и миссий России* было зафиксировано и пресечено в Словакии (30.04–01.05.2022) [12, с. 39]; а также в) *«нарушение воздушного пространства» над территорией дипломатических представительств России беспилотными летатель-*

ными аппаратами (БЛА) было зафиксировано в Чехии (27.02.2022, 02.03.2022 и 03.03.2022) [12, с. 29–30];

2) нанесение ущерба дипломатическим представительствам Российской Федерации (п. 2 ст. 22): а) применение угроз причинением вреда помещениям, имуществу и членам персонала посольств и миссий – дипломатическим представительствам России по почте и электронной почте поступали: угрозы общего характера (в США (24.02.2022), Франции (25.02.2022) и Греции (26.02.2022)); угрозы совершения террористических актов в зданиях посольств РФ (в Молдове (06-08.2020), Австрии (02-03.2022), Чехии (26.02.2022, 02.03.2022), Польше (9, 14, 18, 19.03.2022) и США (07.04.2022)); предупреждения о заминированных ТС дипломатических представительств РФ (в Швейцарии (22.02.2022 и 24.02.2022)); б) попытки нанесения серьёзного ущерба дипломатическим представительствам РФ предпринимались в Украине (неоднократно осуществлялись попытки поджога с использованием взрывпакетов (14.04.2014), ёмкостей с зажигательной смесью (9-10.03.2016), а также файеров (25.11.2018, 14.03.2020) и сигнальных ракетниц (14.03.2020)) и Нидерландах (03.03.2022 на территорию консульского отдела Посольства РФ в Гааге забросили рюкзак, в котором спрятали газовый баллон, завёрнутый в пропитанную горючей жидкостью ткань; к счастью, это устройство не сработало! [12, с. 38]); в) причинение вреда зданиям, ограждениям и имуществу посольств и миссий (приблизительный перечень повреждений охватывает: повреждения фасада и стен зданий (в Литве (02-03.2022)); разбитые стёкла окон помещений (в Украине (06.03.2016), Польше (26.02.2022), Швейцарии (26-27.02.2022) и Эстонии (03.03.2022)); повреждённые ограждения (в Украине (16.06.2018), Чехии (27.02.2022) и Литве (02-03.2022)); сломанные ворота (в США, Исландии (27.02.2022), а также Ирландии (07.03.2022)); взломанные замки (в США); испорченные видеорекамеры (в Украине (06.03.2016), Чехии (24.02.2022), Эстонии (26.02.2022)); разбитый информационный стенд (в Чехии (21-22.08.2019))); г) забрасывание помещений, ограждений и территории посольств и миссий РФ посторонними предметами: пиротехническими средствами (дымовыми шашками и петардами) – в Украине (14.04.2014, 06.03.2016, 16-17.09.2016, 14.03.2020); камнями – в Украине (14.04.2014, 22.06.2014), а также Швейцарии (26-27.02.2022); ёмкостями и пакетами с краской – в Украине (14.04.2014, 22.08.2014, 06.03.2016, 06.03.2022), Австрии (07.04.2022), Чехии (24.02.2022, 26.02.2022, 27.02.2022), США (24.02.2022), Эстонии (24.03.2022, 3-4.04.2022), Польше (26.02.2022, 28.03.2022), Словении (26.02.2022), Великобритании (26.02.2022), Ирландии (27.02.2022), Латвии (02.03.2022, 12.04.2022), Болгарии (27-29.02.2022) и Италии (02.03.2022); пищевыми продуктами – яйцами (в Украине (06.03.2016, 24.02.2022), Чехии (24.02.2022, 26.02.2022), Швейцарии (26-27.02.2022), Эстонии (26.02.2022, 16.04.2022), а также Латвии (28.02.2022)), помидорами и кетчупом (в Чехии (18.04.2021, 24.02.2022, 26.02.2022)); мусором – стеклом (в Чехии (21-22.08.2014)), бытовыми отходами (в Исландии (27.02.2022)), а также продуктами жизнедеятельности домашних питомцев (в Чехии (27.02.2022)); д) нанесение повреждений транспортным средствам посольств и миссий – происходило в Украине (14.06.2014, 06.03.2016), Канаде (24.02.2022), Словении (26.02.2022), Исландии (27.02.2022), Ирландии (03.03.2022), Швейцарии (05.03.2022) и Эстонии (11.04.2022) [10; 11; 12];

3) нарушение спокойствия дипломатических представительств России (п. 2

ст. 22): а) создание общих помех нормальному функционированию посольств и миссий наблюдалось в США (с декабря 2016 г. по апрель 2018 г.), Украине (с 2018 г.) и Молдове (с 25.03.2022); б) перекрытие (блокировка) входа (въезда), а также ограничение доступа членов персонала и посетителей в помещения дипломатических представительств имели место в Украине (18.03.2018, 25.11.2018, 11.05.2019 и 26.01.2022), Канаде (24.02.2022), Ирландии (начиная с 24.02.2022), Греции (26.02.2022), Чехии (27.02.2022), США (27.02.2022), а также Эстонии (13.04.2022); в) препятствование передвижению автотранспортных средств посольств и миссий осуществлялось в Украине (22.02.2014), США (26.02.2022) и Латвии (12.04.2022 – неустановленные ТС неоднократно пытались спровоцировать создание аварийных ситуаций с участием служебных ТС дипломатического представительства РФ); а также г) интенсивное звуковое воздействие на работу посольств и миссий оказывалось в Украине (30.06.2021) и Чехии (02.03.2022 и 03.03.2022) [10; 11; 12];

4) оскорбление достоинства дипломатических представительств РФ (ст. 20 и п. 2 ст. 22): а) совершение оскорбительных действий в отношении РФ (устное использование агрессивной антироссийской риторики, русофобских лозунгов и ненормативной лексики вблизи посольств и миссий России наблюдалось в Украине (26.05.2021, 26.01.2022), США (26.02.2022) и Эстонии (13.04.2022)); б) совершение оскорбительных действий в отношении государственных символов РФ (осквернение государственного флага России имело место в Украине (14.06.2014, 14.03.2020), Чехии (26.02.2022) и Эстонии (19.03.2022)); в) совершение оскорбительных действий в отношении помещений посольств и миссий России (внешние ограждения (ограды, заборы, стены) дипломатических представительств либо обвешивались (обклеивались) вывесками, плакатами и наклейками антироссийского содержания (в Украине (26.05.2021), Чехии (27.02.2022), Эстонии (13.04.2022)), либо раскрашивались в цвета флага Украины (в Украине (22.08.2014)), либо исписывались нецензурными надписями (в Австрии (07.04.2022)), проукраинской символикой (в США (27.02.2022)) и нацистской символикой (в Чехии (27.02.2022) и Эстонии (13.04.2022)); на фасад и внешние стены зданий посольств и миссий проецировались оскорбительные (а также русофобские по содержанию) видеозаписи (в Украине (18.03.2018)), изображения, надписи, фото (в Украине (12.06.2020, 07.10.2020, 30.06.2021)), а также проукраинские символы (в США (16.03.2022))) [10; 11; 12];

5) осуществление в отношении дипломатических представительств РФ следственных, ограничительных, принудительных и исполнительных действий (п. 3 ст. 22): после вторжения представителей органов власти США в помещения посольства РФ (в период с декабря 2016 г. по апрель 2018 г.) государство пребывания неоднократно потворствовало нарушениям иммунитета упомянутых помещений, предметов их обстановки и другого находящегося в них имущества от обыска, реквизиции, ареста и исполнительных действий (что подтверждается примерами осуществления: следственных действий (под видом так называемых «осмотров» либо «инспекций» в них проводились обыски [11, с. 12]); ограничительных действий (РФ была лишена доступа к используемой ею в суверенных целях собственности [11, с. 11]; поскольку Государственный департамент США систематически отказывал России в предоставлении доступа в часть помещений её же посольства (по адресу: 115 Town Point Lane, Centreville, MD), несмотря на предусмотренный его же нотами «разрешительный порядок» их посещения российскими представителями, РФ была

фактически полностью и на протяжении продолжительного времени лишена возможности контроля над этим объектом, доступа в него и осуществления в отношении него принадлежащих ей правомочий [11, с. 13]); и *принудительных действий* (российское дипломатическое представительство, члены его персонала, а также члены их семей были фактически изгнаны из занимаемых ими на законных основаниях помещений [11, с. 11])); при этом правительство США утверждало, что все его действия полностью соответствовали международному праву и национальному законодательству, и, несмотря на систематические протесты РФ, не предпринимало никаких мер для прекращения своего противоправного поведения и урегулирования ситуации, а также не привлекло к ответственности ни одно из лиц, причастных к планированию, организации и осуществлению вторжения в помещения посольства РФ и их дальнейший фактический захват [11, с. 13] (и весьма показательно, что с ранее упомянутых помещений, вопреки неоднократным протестам МИД России, представители органов власти США сняли и удалили госфлаги РФ [11, с. 13]).

Необходимо отдельно подчеркнуть, что нарушения неприкосновенности помещений дипломатических представительств РФ неоднократно происходили при откровенном попустительстве правоохранительных органов государств пребывания – США (в период с декабря 2016 г. по апрель 2018 г. [11, с. 12–13]), Украины (в период лето–осень 2016 г. [10, с. 4–5], а также 12.06.2020 [12, с. 25]), Чехии (18.04.2021 [12, с. 28]), Ирландии (07.03.2022 [12, с. 34]), Латвии (12.04.2022 [12, с. 38]) и Эстонии (13.04.2022 [12, с. 36]).

Таким образом, анализ доктрины международного права и соответствующей практики государств пребывания позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, если в XX-ом веке в праве внешних сношений для государств пребывания основным следствием существенного охлаждения межгосударственных отношений с аккредитуемым государством становилось, зачастую, ограничительное применение норм ст. 8 ВК–1961 (гражданство членов персонала) и ст. 11 ВК–1961 (численность персонала), понижение класса представительства (ст. 14 и 15 ВК–1961) и частое объявление дипломатических агентов *persona non grata* (ст. 9 ВК–1961), то в XXI-ом веке в схожих ситуациях государства пребывания всё чаще не стесняясь позволяют себе отступать от обязательств по обеспечению привилегий и иммунитетов дипломатических представительств аккредитуемых государств;

во-вторых, если в XX-ом веке большинство капиталистических государств даже в условиях Холодной войны признавало необходимость соблюдения норм ст. 45 ВК–1961 и было готово, даже в случае вооружённого конфликта, «уважать и охранять помещения представительства вместе с его имуществом и архивами», то в XXI-ом веке для государств «коллективного Запада» в условиях развязанной ими против Российской Федерации экономической войны (их так называемой «санкционной политики») неприкосновенность помещений иностранных дипломатических представительств на их территории утрачивает свой абсолютный характер;

в-третьих, если в XX-ом веке практика применения норм права внешних сношений большинства государств мира характеризовалась соблюдением предписаний ст. 47 ВК–1961 (принцип недискриминации), то в XXI-ом веке у представителей «Западной цивилизации» в моду вошла практика «двойных стандартов» в их отношениях с государствами постсоветского пространства (например, во второй половине прошлого века США убеждали Комиссию международного права ООН в том,

что, поскольку возможность реквизиции дипломатической собственности аккредитуемых государств или же её изъятия путём «осуществления права на принудительное отчуждение» не исключается международным правом абсолютно, в очень исключительных обстоятельствах такое право может быть реализовано, но лишь при условии незамедлительной выплаты компенсации, а также предоставления представительству помощи в поиске альтернативных помещений [16, с. 120], а в XXI-ом веке правительство США санкционирует абсолютно беспардонный захват части помещений российского посольства, настаивает на правомерности своих действий и не намерено предоставлять РФ справедливую компенсацию);

в-четвёртых, если в XX-ом веке минимально необходимым законным основанием для ограничения государством пребывания неприкосновенности помещений иностранных посольств или миссий считалось нарушение аккредитуемыми государствами их обязательств по ст. 41 ВК–1961 (п. 1 – уважать законы и постановления государства пребывания, а также не вмешиваться во внутренние дела этого государства; п. 3 – не использовать помещения представительства в целях, не совместимых с его функциями [25, с. 42]), то в XXI-ом веке достаточным основанием для игнорирования предписаний п. 1 ст. 22 ВК–1961 и предоставления государством пребывания представителям его органов власти права проникать в помещения иностранного посольства или миссии без согласия его главы, похоже, является общее недовольство внешней политикой аккредитуемого государства; но так быть не должно! (поскольку «тем самым выхолащивается и обесмысливается самая суть основополагающих институтов международного дипломатического и консульского права, нарушается фундаментальный принцип *ne impediatur legatio*» [11, с. 14]);

в-пятых, в XX-ом веке, по нашему мнению, прогрессивное развитие международного права прав человека ещё не оказывало ощутимо негативное воздействие на практику реализации государствами норм других отраслей международного права, а в XXI-ом веке, к сожалению, в ущерб исполнению обязательств по праву внешних сношений (по п. 2 ст. 22 ВК–1961), государства пребывания всё чаще бездействуют в случаях перерастания акций протеста и митингов у стен посольств и миссий аккредитуемых государств в откровенную вакханалию беснующей и неудержимой толпы «защитников демократических ценностей», прикрываясь при этом их международно-правовыми и конституционно-правовыми обязательствами по обеспечению прав их граждан на свободу мысли и слова, а также на мирные собрания, митинги и демонстрации [17, с. 49];

в-шестых, фривольное толкование США и их союзниками норм ВК–1961 способно серьёзно пошатнуть всю систему современных международных отношений, поставив под угрозу стабильность международного правопорядка, поскольку «последствия принятых властями США мер, затрагивающих действие международных обязательств характера *erga omnes*, выходят далеко за рамки двусторонних отношений США и России и способны создать крайне нежелательный прецедент» [11, с. 14] (сегодня мы наблюдаем, похоже, очередной – 50 лет спустя – приступ наплевательства США на нормы права внешних сношений: в начале 80-х гг. прошлого века на протяжении длительного времени советские официальные учреждения, включая посольство СССР в Вашингтоне, находились под ударом «разнузданной кампании террора и насилия», осуществляемой при попустительстве органов власти США «некоторыми сионистскими и различными эмигрантскими организациями»

[20, с. 165]).

Список литературы:

1. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 6 December 2010. UN Doc. A/RES/65/30. 10 January 2011 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1051434&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
2. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 14 December 2012. UN Doc. A/RES/67/94. 14 January 2013 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1248424&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
3. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 10 December 2014. UN Doc. A/RES/69/121. 18 December 2014 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1468754&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
4. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 13 December 2016. UN Doc. A/RES/71/145. 20 December 2016 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1643730&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
5. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 20 December 2018. UN Doc. A/RES/73/205. 11 January 2019 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1845830&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
6. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 15 December 2020. UN Doc. A/RES/75/139. 22 December 2020 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N2036905&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
7. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 7 December 2022. UN Doc. A/RES/77/108. 19 December 2022 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N2274197&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
8. *Vienna Convention on Diplomatic Relations*. Done at Vienna, on 18 April 1961 // United Nations Treaty Series (UNTS). – 1965. – Vol. 500. – № 7310. – P. 96–126, 146–161.
9. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Report of the Secretary-General. Addendum. UN Doc. A/67/126/Add.1. 28 September 2012 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1252821&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
10. Рассмотрение эффективных мер по усилению защиты, безопасности и охраны дипломатических и консульских представительств и представителей. Доклад Генерального секретаря. Добавление. UN Doc. A/71/130/Add.1. 5 October 2016 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1631120&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
11. Рассмотрение эффективных мер по усилению защиты, безопасности и охраны дипломатических и консульских представительств и представителей. Доклад Генерального секретаря. UN Doc. A/73/189. 19 July 2018 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1823133&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
12. Рассмотрение эффективных мер по усилению защиты, безопасности и охраны дипломатических и консульских представительств и представителей. Доклад Генерального секретаря. UN Doc. A/77/208. 21 July 2022 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N2243423&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
13. Bao Y. The Protection of Public Safety and Human Life vs the Inviolability of Mission Premises: A Dilemma Faced by the Receiving State / Yinan Bao // *Diplomatic law in a new millennium* / ed. by P. Behrens. 1st ed. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 149–171.
14. Denza E. *Diplomatic Law. A Commentary to the Vienna Convention on Diplomatic Relations* / Eileen Denza. 2nd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – 444 p.
15. Denza E. *Diplomatic Law. A Commentary to the Vienna Convention on Diplomatic Relations* / Eileen Denza. 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 578 p.
16. Denza E. *Diplomatic law: commentary on the Vienna Convention on Diplomatic Relations* / Eileen Denza. 4th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 471 p.
17. Дёмин Ю. Г. Статус дипломатических представительств и их персонала / Ю. Г. Дёмин: Учебное пособие. – 2-е издание, дополненное. – М.: Междунар. отношения, 2010. – 224 с.
18. Ismail M.-B. A. *Islamic and Transnational Diplomatic Law: a Quest for Complementarity in Divergent Legal Theories* / M.-B. A. Ismail. – UK: Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2016. – XVII, 280 p.

19. Nahlik S. E. Development of Diplomatic Law: Selected Problems / S. E. Nahlik // Académie de droit international. Recueil des Cours. – 1990. – Т. 222. – Р. 187–364.
20. Сандровский К. К. Дипломатическое право: Учебник для юрид. ин-тов и ф-тов / К. К. Сандровский. – Киев: Вища школа. Головное изд-во, 1981. – 240 с.
21. Satow's Guide to Diplomatic Practice. 5th ed. / ed. by Lord Gore-Booth and Desmond Pakenham. – London, New York: Longman, 1979. – 544 p.
22. Satow's Guide to Diplomatic Practice. 6th ed. / ed. by Sir Ivor Roberts. – New York: Oxford University Press, 2009. – 730 p.
23. Satow's Guide to Diplomatic Practice. 7th ed. / ed. by Sir Ivor Roberts. – New York: Oxford University Press, 2017. – 880 p.
24. Falconi Puig J. E. Contemporary Developments Relating to the Inviolability of Mission Premises / Juan E. Falconi Puig // Diplomatic law in a new millennium / ed. by P. Behrens. 1st ed. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 172–178.
25. Hardy M. Modern Diplomatic Law / M. Hardy. – Manchester: Manchester University Press, 1968. – 150 p.
26. Трактат о посольствах и послах / Пер. с франц. Е. В. Лавровой; общ. ред., предисл., послесл. и примеч. Л. А. Сифуровой. – М.: Научная книга, 2006. – 251 с.
27. Абашидзе А. Х. Право внешних сношений: Учебное пособие / А. Х. Абашидзе, М. В. Фёдоров. – М.: Междунар. отношения, 2009. – 384 с.
28. Молчанова Е. Р. Нарушение дипломатической неприкосновенности: возможные пути решения конфликта / Е. Р. Молчанова // Учёные записки СПб филиала РТА. – 2013. – № 4 (48). – С. 53–64.

Andrey P. Shumilenko. Larisa V. Pastukhova. Inviolability of the premises of diplomatic missions of the Russian Federation: analysis of the relevant practice of receiving states // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 325–344.

The article is devoted to the analysis of the dangerous illegal practices of various receiving states regarding their systematic failure to fulfill their obligations to ensure the inviolability of the premises of diplomatic missions of the Russian Federation on their territory. An overview is given of the main elements of the obligations of receiving states in accordance with Article 22 of the Vienna Convention on Diplomatic Relations of 1961. The main types of violations of the obligations of receiving states under this article are identified and considered: illegal entry (intrusion) into the premises of diplomatic missions of the Russian Federation, damage to embassies and missions of Russia, disturbance of the peace of diplomatic missions of the Russian Federation, impairment of the dignity of diplomatic missions of Russia, as well as implementation in relation to embassies and missions of the Russian Federation of investigative, restrictive, compulsory and executive actions. Particular attention is paid to the review and analysis of the relevant international legal practice of the United States of America.

Key words: diplomatic missions, premises of diplomatic missions, immunities of diplomatic missions, inviolability of premises of diplomatic missions.

Spisok literatury:

1. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 6 December 2010. UN Doc. A/RES/65/30. 10 January 2011 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1051434&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
2. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 14 December 2012. UN Doc. A/RES/67/94. 14 January 2013 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1248424&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
3. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 10 December 2014. UN Doc. A/RES/69/121. 18 December 2014 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1468754&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
4. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 13 December 2016. UN Doc. A/RES/71/145. 20 December 2016 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1643730&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
5. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 20 December 2018. UN Doc. A/RES/73/205. 11 January 2019 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1845830&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
6. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 15 December 2020. UN Doc. A/RES/75/139. 22 December 2020 // United Nations. Official Document System. URL:

- <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N2036905&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
7. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 7 December 2022. UN Doc. A/RES/77/108. 19 December 2022 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N2274197&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
8. *Vienna Convention on Diplomatic Relations*. Done at Vienna, on 18 April 1961 // United Nations Treaty Series (UNTS). – 1965. – Vol. 500. – № 7310. – P. 96–126, 146–161.
9. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Report of the Secretary-General. Addendum. UN Doc. A/67/126/Add.1. 28 September 2012 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1252821&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
10. Rassmotrenie effektivnykh mer po usileniiu zashchity, bezopasnosti i okhrany diplomaticheskikh i konsul'skikh predstavitelstv i predstavitelei. Doklad Generalnogo sekretaria. Dobavlenie. UN Doc. A/71/130/Add.1. 5 October 2016 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1631120&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
11. Rassmotrenie effektivnykh mer po usileniiu zashchity, bezopasnosti i okhrany diplomaticheskikh i konsul'skikh predstavitelstv i predstavitelei. Doklad Generalnogo sekretaria. UN Doc. A/73/189. 19 July 2018 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1823133&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
12. Rassmotrenie effektivnykh mer po usileniiu zashchity, bezopasnosti i okhrany diplomaticheskikh i konsul'skikh predstavitelstv i predstavitelei. Doklad Generalnogo sekretaria. UN Doc. A/77/208. 21 July 2022 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N2243423&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
13. Bao Y. The Protection of Public Safety and Human Life vs the Inviolability of Mission Premises: A Dilemma Faced by the Receiving State / Yinan Bao // *Diplomatic law in a new millennium* / ed. by P. Behrens. 1st ed. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 149–171.
14. Denza E. *Diplomatic Law. A Commentary to the Vienna Convention on Diplomatic Relations* / Eileen Denza. 2nd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – 444 p.
15. Denza E. *Diplomatic Law. A Commentary to the Vienna Convention on Diplomatic Relations* / Eileen Denza. 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 578 p.
16. Denza E. *Diplomatic law: commentary on the Vienna Convention on Diplomatic Relations* / Eileen Denza. 4th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 471 p.
17. Dyomin Yu. G. Status diplomaticheskikh predstavitelstv i ikh personala / Yu. G. Dyomin. – Uchebnoe posobie. – 2-e izdanie, dopolnennoe. – M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2010. – 224 s.
18. Ismail M.-B. A. *Islamic and Transnational Diplomatic Law: a Quest for Complementarity in Divergent Legal Theories* / M.-B. A. Ismail. – UK: Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2016. – XVII, 280 p.
19. Nahlik S. E. *Development of Diplomatic Law: Selected Problems* / S. E. Nahlik // *Académie de droit international. Recueil des Cours*. – 1990. – T. 222. – P. 187–364.
20. Sandrovskii K. K. *Diplomaticheskoe pravo: Uchebnik dlia iurid. in-tov i f-tov* / K. K. Sandrovskii. – Kiev: Vyshcha shkola. Golovnoe izd-vo, 1981. – 240 s.
21. Satow's Guide to Diplomatic Practice. 5th ed. / ed. by Lord Gore-Booth and Desmond Pakenham. – London, New York: Longman, 1979. – 544 p.
22. Satow's Guide to Diplomatic Practice. 6th ed. / ed. by Sir Ivor Roberts. – New York: Oxford University Press, 2009. – 730 p.
23. Satow's Guide to Diplomatic Practice. 7th ed. / ed. by Sir Ivor Roberts. – New York: Oxford University Press, 2017. – 880 p.
24. Falconi Puig J. E. Contemporary Developments Relating to the Inviolability of Mission Premises / Juan E. Falconi Puig // *Diplomatic law in a new millennium* / ed. by P. Behrens. 1st ed. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 172–178.
25. Hardy M. *Modern Diplomatic Law* / M. Hardy. – Manchester: Manchester University Press, 1968. – 150 p.
26. Traktat o posolstvakh i poslakh / Per. s frants. E. V. Lavrovoi; obshch. red., predisl., poslesl. i primech. L. A. Sifurovoi. – M.: Nauchnaia kniga, 2006. – 251 s.
27. Abashidze A. Kh. *Pravo vneshnikh snoshenii: Uchebnoe posobie* / A. Kh. Abashidze, M. V. Fedorov. – M.: Mezhdunar. otnosheniia, 2009. – 384 s.
28. Molchanova E. R. Narushenie diplomaticheskoi neprikosновенности: vozmozhnye puti resheniia konflikta / E. R. Molchanova // *Uchenye zapiski SPb filiala RTA*. – 2013. – № 4 (48). – S. 53–64.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ НАУКИ)

УДК 34

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДОМЕННЫХ ИМЕН В КОНТЕКСТЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ДОМЕННЫХ СПОРОВ В РОССИИ

Воробьева О. А., Мишунина А. А.

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

В статье рассматриваются основные проблемы правового положения доменных имен в рамках разрешения доменных споров в России. Выделены следующие проблемы: не определено место доменных имен в системе права; отсутствует единый государственный реестр доменных имен; доменные имена не могут быть одинаковыми даже для разных сфер деятельности; отсутствие единого порядка рассмотрения доменных споров. Проблемы являются актуальными, так как доменные имена все чаще становятся средством индивидуализации, выступают предметом судебных разбирательств в области интеллектуальной собственности. Авторами были предложены способы урегулирования проблем: внесение изменений в ГК РФ определив доменные имена в качестве средств индивидуализации; предложено создание единого реестра доменных имен; рассмотрено предложение по созданию отдельного органа входящего в структуру Роспатента, который бы рассматривал доменные споры в рамках отдельной категории дел, что позволило бы отграничить и структурировать рассмотрение подобных дел. В свою очередь, внесение данных изменений позволит снять нагрузку с судебной системы РФ.

Ключевые слова: доменные имена, домены, доменные споры, средства индивидуализации, товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования, киберсквоттинг, право интеллектуальной собственности, интеллектуальная собственность.

В последние годы информационные технологии развиваются активными темпами, цифровизация затрагивает все больше сфер нашей жизни. Не обошла стороной цифровизация и сферу предпринимательства. Почти каждая организация на данный момент имеет свой собственный Интернет-сайт или же, полностью осуществляет всю свою деятельность в онлайн-формате. Среди потребителей также возрос спрос на дистанционную продажу товаров и услуг. Соответственно, конкуренция среди компаний в Интернет-пространстве возрастает с каждым годом все больше.

Актуальность исследования подтверждается и данными, представленным по итогам 2022 г. Tinkoff eCommerce –платформы для роста онлайн-продаж. Платформа отметила, что за последние два года в России в 1,5 раза увеличилось количество продавцов на маркетплейсах, при этом, большая их часть (60%) осуществляет свою деятельность на Wildberries. Также, за последние годы примерно на 40% выросла востребованность среди россиян в осуществлении покупок именно через маркетплейсы [3]. Востребованность в таком формате продажи и покупки товаров и услуг с каждым годом лишь увеличивается, как среди продавцов, так и среди граждан.

Именно поэтому, все предприниматели стремятся привлечь внимание пользователей среди множества предлагаемых товаров и услуг в сети Интернет, в том числе посредством создания Интернет-сайтов. Нужно отметить, что веб-сайт компании является одним из основных ее элементов в информационном поле [6]. Это объясняется тем, что практически все продажи сейчас перешли в онлайн-формат, именно с интернет-сайта организации зачастую начинается знакомство с ней. Как известно, доменное имя сайта, которое является одним из основных способов попадания на сайт компании, зачастую является и ее наименованием. Несмотря на то, что законодатель выделяет только такие средства индивидуализации, как товарные знаки, зна-

ки обслуживания, фирменные наименование и некоторые иные, доменное имя все чаще выступает в роли самостоятельного средства индивидуализации. В связи с этим, для простого попадания на сайт, необходимо создание узнаваемого и краткого доменного имени, которое позволит гражданам оперативно попасть на сайт нужной компании. Стоит отметить, что доменные имена приобретают все большую значимость, так как с их помощью можно индивидуализировать сайты в сети Интернет.

Задачей исследования выступает определение проблем по законодательному урегулированию доменных имен в системе интеллектуальной собственности, а также определение необходимости усовершенствования системы рассмотрения доменных споров в РФ. Что же включает в себя доменное имя сайта? Для начала, необходимо разобраться с тремя терминами, которые различны в техническом их значении, однако, практически идентичны в юридическом. Понятие «доменная зона» – подразумевает под собой домены первого или верхнего уровня. При помощи доменов верхнего уровня в интернет-пространстве осуществляется разделение сайтов по различным основаниям. Например, к доменам верхнего уровня относятся:

1. .com, .info, .net, .org, .biz – международные домены, которые применяются к сайтам не только на территории нашего государства, но и по всему миру, что позволяет находить сайты иных государств. Споры с участием международных доменных имен осуществляются по правилам, предусмотренным международными правилами, утвержденным Всемирной организацией интеллектуальной собственности (далее – ВОИС) и ICANN (Корпорацией по управлению доменными именами и IP-адресами).

2. .ru, .su, .рф – данные домены используются исключительно на территории нашего государства. Споры с использованием таких доменов будут разрешаться на основании Положения "О процедурах, подлежащих применению при возникновении споров о доменных именах", а также на основе иных актов.

Также, домены верхнего уровня классифицируют: 1) в зависимости от принадлежности к определенному государству: Российской Федерации – домены .ru, .su, .рф, домен Республики Беларусь - .by, Великобритании – .gb и т.д.; 2) в зависимости от вида деятельности: ««.travel» – туристический и «.biz» – бизнес» [4].

Следующее понятие – «домен» – домены второго или нижнего уровня. Такие домены отделены от доменов верхнего уровня точкой. Именно домены второго уровня зачастую становятся предметом споров, так как отражают средства индивидуализации компаний, их наименование. Например, в доменном имени www.wildberries.ru «.wildberries» – домен второго уровня, «.ru» домен – первого уровня, демонстрирующий его принадлежность владельцу из России.

Существуют также субдомены/поддомены, которые непосредственно связаны с доменами второго уровня. Возьмем, к примеру, всем известный домен – «music.yandex.ru». Нам уже известно, что «.ru» – домен первого уровня, следовательно, далее за ним располагается домен второго уровня – «.yandex». Ну и следующее за ним обозначение – «.music», соответственно, является субдоменом, так как связан с компанией Яндекс, которому принадлежит рассматриваемый нами стриминговый сервис для прослушивания музыки. На законодательном уровне понятие доменного имени закреплено в нескольких источниках.

Согласно п. 15 ст. 2 Федерального закона N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под доменным именем понимается символическое обозначение, при помощи которого осуществляется адресация Интер-

нет-сайтов для получения доступа к информации, размещенной на таких сайтах [8].

В «Правилах регистрации доменных имен в доменах .RU и .РФ» (утв. решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 05.10.2011 N 2011-18/81) (далее – Правила) под доменным именем понимается «символьное обозначение, предназначенное для сетевой адресации, в которой используется система доменных имен (DNS)» [9]. Рекомендации ЮНЕСКО «О развитии и использовании многоязычия, и всеобщем доступе к киберпространству» выделяют доменное имя, как «имя, которое дается адресату в Интернете и содействует доступу пользователей к Интернет-ресурсам» [14].

Однако, самым точным и наиболее полным понятие «доменного имени» было изложено в учебнике МГЮА им. О.Е. Кутафина под общей редакцией председателя Суда по интеллектуальным правам, доктора юридических наук, профессора Л.А. Новоселовой, в котором оно было определено, как «уникальное символьное и понятное человеку обозначение, основной функцией которого является адресация к узлам в сети Интернет и расположенным на них информационным ресурсам, идентификация этих ресурсов, а также которое в качестве вспомогательной функции может (но не обязательно) выполнять идентификацию (индивидуализацию) владельца сайта, его товаров, работ и услуг» [1]. Таким образом, основными функциями доменных имен можно назвать: 1) является техническим средством преобразования IP-адреса владельца в более простое символьное обозначение для поиска информационных ресурсов; 2) выступает средством индивидуализации в Интернете; 3) индивидуализирует физических лиц, путем размещения в доменах второго уровня имени правообладателя.

Разобравшись с многообразием определений доменного имени стоит остановиться и на связи доменных имен со средствами индивидуализации. Так, согласно ст. 1477 ГК РФ товарные знаки являются средствами для индивидуализации товаров, а знаки обслуживания индивидуализируют оказываемые услуги. Исключительные права на данные средства индивидуализации подтверждаются соответствующим свидетельством.

Ст. 1473 ГК РФ предусмотрено, что фирменное наименование обязательно указывается при регистрации юридического лица и вносится в учредительные документы. Фирменное наименование состоит из организационно правовой формы – ООО, АО и др., а также самого названия. Именно последнее позволяет отличить одну организацию от другой, сделать ее узнаваемой. Поэтому часто фирменное наименование организации регистрируется правообладателями в качестве товарных знаков или знаков обслуживания. В отношении же доменных имен правовая природа несколько неоднозначна. В гражданском законодательстве их не выделяют в качестве отдельных средств индивидуализации. В рамках ст. 1484 ГК РФ доменные имена рассматриваются лишь как способ выражения иных средств индивидуализации, подлежащих государственной защите, в сети Интернет [2].

Среди ученых ведутся дискуссии по поводу положения доменного имени в системе гражданского права. Так, одни ученые утверждают, что доменные имена не могут выступать средством индивидуализации, являясь лишь формой выражения уже существующих средств индивидуализации. Вторая половина ученых утверждает обратное, в связи с тем, что потребители при помощи доменов второго уровня

могут быстро и эффективно найти в сети Интернет известные им наименования и организации. А это, свидетельствует о том, что домены выполняют не только техническую функцию адресации на тот или иной Интернет-ресурс, но и помогают заменить цифровое обозначение сайтов на узнаваемые для простых граждан товарные знаки и фирменные наименования.

Здесь стоит упомянуть Постановление Президиума ВАС РФ от 16.01.2001 N 1192/00, в котором суд указал, что доменные имена стали выполнять функции средств индивидуализации, которые позволяют отличать товары одних производителей от других [10]. Сегодня суды придерживаются несколько другого мнения. Так, Суд по интеллектуальным правам в своем постановлении от 27 июня 2019 г. № С01-456/2019 по делу № А40-173311/2018 указал на то, что доменное имя не может являться объектом исключительных прав, в связи с тем, что сейчас в законодательстве нашего государства не предусмотрен приоритет использования доменов по дате их регистрации по отношению к дате регистрации иных средств индивидуализации [11]. Данное мнение подтверждается и п. 33 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10, где в настоящее время установлено, что доменные имена не являются средствами индивидуализации, поэтому при возникновении каких-либо разногласий, споры будут решаться по общим правилам ГК РФ [12].

Позволим себе не согласиться с устоявшейся судебной практикой. На данный момент доменные имена становятся более узнаваемы в качестве самостоятельных средств индивидуализации. Существуют также примеры регистрации в качестве товарных знаков доменов первого и второго уровня: mail.ru – товарный знак № 375640, ok.ru – товарный знак № 284289. Указанные доменные имена уже давно воспринимаются пользователями как отдельные средства индивидуализации, которые позволяют быстро находить указанные веб-сайты.

Исходя из изложенного, считаем целесообразным выделить доменные имена, как отдельные средства индивидуализации. Это объясняется и тем, что за последние годы они стали не только техническим средством адресации, но и позволяют выделять товары и услуги, а также сами компании, отграничивая их от других аналогичных на рынке Интернет-ресурсов, что фактически доказывает их индивидуализирующую функцию. Поэтому, предлагаем внести изменения в ГК РФ. В частности, включив в ст. 1225 ГК РФ доменные имена в перечень средств индивидуализации товаров и услуг. Также внести поправки в гл. 76, дополнив ее параграфом «Право на доменное имя», где изложить правила использования доменов в качестве средств индивидуализации и информацию об исключительных правах на них.

Считаем необходимым остановиться также на вопросе, который пока не разрешен в правоприменительной практике, хотя продолжает вызывать множество вопросов у практикующих юристов.

На основании ст. 1483 ГК РФ товарные знаки не могут быть зарегистрированы в случае, если они одинаковы с товарами, применяемыми в аналогичной сфере деятельности. То есть, если аналогичные товарные знаки используются в различных, не смежных областях деятельности, то их регистрация возможна и законна. Данное утверждение подтверждается примером: товарный знак № 133391 «Матрёшка» зарегистрирован для веществ, обладающие диетическими свойствами, детского питания, кофе, какао, сахар, рис и иных продуктов, а товарный знак № 209966 с идентичным обозначением «Матрёшка» зарегистрирован для пива; минеральных и газир-

рованных воды и прочих безалкогольных напитков, алкогольных напитков.

При этом, приведенная выше ситуация не возможна при регистрации доменных имен, в связи с тем, что каждое отдельное доменное имя всегда относится к конкретному IP-адресу, а также Интернет-сайту. Домен позволяет выполнить переадресацию на конкретный сайт. Однако, если рассматривать домен, в качестве средства индивидуализации, то указанный выше подход к правовой природе доменного имени, значительно сужает область их применения для правообладателей. В качестве разрешения указанного вопроса предлагаем разработать отдельную площадки (сайт) по регистрации и учету зарегистрированных доменных имен на государственном уровне, по аналогии с иными средствами индивидуализации.

Также, для того, чтобы стало возможным регистрация аналогичных доменных имен для разных сфер деятельности, возможно создание реестра поддоменов, которые бы обозначали какую-либо сферу деятельности, к которой относится Интернет-сайт и его домен. Например, для всех сайтов юридической направленности добавлять к доменам второго уровня .ug или .law. Для сайтов государственных органов можно использовать .gov, по аналогии с уже существующим сайтом Государственной Думы РФ - <http://duma.gov.ru/>. Далее необходимо рассмотреть вопрос о доменных спорах и способах их разрешения.

Сегодня не существует законодательного закрепления понятие доменных споров. Поэтому, для его определения обратимся к правоприменительной практике и научной литературе. В судебных решениях зачастую доменные споры определяют, как споры об использовании доменов идентичных или схожих до степени смешения со средствами индивидуализации (чаще всего с товарными знаками) [7]. По постановлению Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.03.2014 № СП-21/4 «Об утверждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров» нарушением исключительных прав на товарные знаки является использование в доменном имени тождественных или сходных до степени смешения с товарными знаками, в отношении аналогичных товаров, для которых применяется такой товарный знак [13].

При разрешении доменных споров судам РФ рекомендовано применять положения ст. 10 ГК РФ, а также ст. 10.bis Парижской конвенции, где в пар. 2 определено, что под недобросовестной конкуренцией необходимо понимать любой акт, который не соответствует обычаям в сфере торговли и промышленности [5]. Также, при разрешении доменных споров суд может руководствоваться и положениями «Единой политики разрешения споров о доменных именах UDRP» (далее UDRP), утвержденной 24.10.1999 Корпорацией по присвоению доменными именами и IP-адресами ICANN (далее – «Политика») [16].

Выделяют несколько видов доменных споров. В зависимости от субъекта нарушения права выделяют: 1) споры о защите прав правообладателей средств индивидуализации; 2) споры о защите прав правообладателей доменных имен. В зависимости от предмета защиты выделяют: 1) споры, связанные с киберсквоттингом; 2) споры, связанные с недобросовестной конкуренцией.

Рассмотрим подробнее классификацию споров в зависимости от предмета защиты. Одной из наиболее часто встречающихся причин возникновения доменных споров является «киберсквоттинг» (от английского «cyber» – виртуальный и «squat» –

захватывать). Киберсквоттинг – это недобросовестная регистрация и использование доменных имен, содержащих в себе средства индивидуализации. Лиц, которые осуществляют данную деятельность называют «киберсквоттеры». Именно они чаще всего становятся стороной разбирательств в рамках доменных споров, и не всегда на стороне ответчиков.

Одним из главных признаков киберсквоттинга является то, что правонарушители полностью осознают противоправность своих действий, осуществляя их целенаправленно. Это означает, что нарушители знают о наличии зарегистрированного средства индивидуализации, но несмотря на это, осуществляют регистрацию аналогичного домена. Они также, целенаправленно могут осуществлять поиск освободившихся или не используемых доменов для их регистрации и последующего использования в своих целях. Главная цель киберсквоттинга – получение материальной выгоды с добросовестных правообладателей при минимальных затратах на регистрацию и обслуживание доменов.

Киберсквоттеры осуществляют свою деятельность в разнообразных формах, так они могут перепродавать купленное или зарегистрированное ими ранее доменное имя правообладателям средств индивидуализации, с аналогичным обозначением. Это объясняется тем, что правообладателям зачастую необходимы домены для реализации своей деятельности в Интернет-пространстве, а наличие зарегистрированного домена, который совпадает с их товарных знаков или фирменным наименованием, лишает их такой возможности, а, соответственно, и прибыли [20].

Существует несколько разновидностей киберсквоттинга.

1. Брендовый киберсквоттинг – правонарушители сознательно регистрируют доменные имена используя уже известные средства индивидуализации, которые не зарегистрированы в качестве доменных имен. Данная деятельность направлена не на продвижение собственных продуктов, а лишь на создание препятствий правообладателям товарных знаков, знаков обслуживания и иных средств индивидуализации, на их использование в доменном имени сайта.

2. Тайпсквоттинг – один из наиболее часто встречающихся видов киберсквоттинга. Он подразумевает намеренное искажение доменного имени при помощи замены символов на близкие по значению, перемены букв местами, постановки иных знаков в наименовании и иные способы. Например, <http://www.disneyland.com/> и <http://www.dinseyland.com/>. Если не вглядываться в наименование домена, то можно и не заметить, что третья и четвертая буквы в наименовании поменялись местами. Пользователь при поиске сайта, вероятно, не заметит данной ошибки и может попасть на сайт злоумышленника.

Подобные домены рассчитаны на невнимательность пользователей, которые могут не заметить подвоха в наименовании, а могут и самостоятельно допустить опечатку в названии. Такие ошибки позволяют повысить посещаемость сайтов киберсквоттеров и окупить затраты на их регистрацию, даже, если сайт не удастся перепродать.

3. Предметный киберсквоттинг – данный вид не запрещен законом, однако ограничивает права добросовестных правообладателей. Так, киберсквоттеры используют в доменных именах общеупотребимые слова и словосочетания, которые могут быть использованы при осуществлении какой-либо узконаправленной деятельности.

3. Саундсквоттинг – подразумевает совпадение домена и средства индивидуализации по звучанию. Такой вид рассчитан на популярные в последнее время устрой-

ства с функцией распознавания голоса (умные колонки и т.д.). При их использовании часто бывает, что система неправильно распознает команды, задаваемые человеком и есть шанс, что вместо необходимого сайта таким образом человек попадет на созвучный сайт киберсквоттера.

4. Обратный киберсквоттинг – также является одним из распространенных в последнее время.

Такой вид киберсквоттинга заключается в том, что злоумышленник осуществляет поиск и анализ брендов и их сайтов. Определяет наиболее посещаемые и не зарегистрированные домены. Регистрирует их и предъявляет претензии к правообладателям средств индивидуализации. Либо же ждет, пока сам правообладатель не обнаружит занятый домен и не обратится к нему с просьбой о выкупе такого домена или же за разрешением спора в судебном порядке.

В таком случае суд может учитывать даты государственной регистрации как домена, так и средства индивидуализации.

Зачастую такие дела выигрывают именно злоумышленники, так как по сложившейся судебной практике и российскому законодательству, приоритет защиты все-таки у товарных знаков, знаков обслуживания и фирменных наименований. Это обусловлено и тем, что доменные имена не являются самостоятельным средством индивидуализации согласно гражданскому законодательству нашего государства. Данное утверждение подтверждается и примером из судебной практики. В деле № А40-71701/2023 суд встал на сторону правообладателя товарного знака отметив, что домены не входят в перечень объектов исключительных прав, ГК РФ не регламентирует установление преимуществ в обладании и использовании доменов в зависимости от даты их регистрации по отношению к дате регистрации средств индивидуализации. Дата регистрации домена не является правовым основанием для признания правомерным использование в домене обозначения аналогичному товарному знаку истца [15].

В данном примере ярко проиллюстрирована ситуация, когда добросовестный правообладатель доменного имени осуществил его регистрацию задолго до правообладателей на средства индивидуализации. Это доказывает, что владельцы доменов не всегда нарушают или злоупотребляют правами, и, следовательно, также нуждаются в защите со стороны судебной системы. Именно поэтому, необходимо законодательное определение правового положения доменов в системе права интеллектуальной собственности.

5. Произвольный киберсквоттинг. Данный вид подразумевает регистрацию доменных имен, которые еще не зарегистрированы и никем не используются, с целью предугадать на какие доменные имена будет спрос в дальнейшем. То есть, киберсквоттеры осуществляют поиск новых организаций, на которые растет спрос или поиск только что появившихся перспективных компаний на рынке, которые, например, создали страницу в социальных сетях, но еще не имеют своего сайта. Это напоминает случаи, когда люди покупают заранее билеты на концерты или кино, ожидая что их быстро раскупят ввиду известности актеров, музыкантов или по иным причинам, чтобы в дальнейшем перепродавать их другим за более высокую цену.

Некоторые специалисты также выделяют киберсквоттинг в зависимости от

наименования доменов второго уровня, а именно: 1) по отрасли. То есть неправомерная регистрация и использование доменных имен в зависимости от какой-то конкретной сферы применения сайта; 2) именные домены. Регистрация домена, содержащего фамилию и имя человека, в особенности известной личности, но также и частных лиц, обладающих личным брендом или определенной аудиторией.

В связи с введением в июне 2023 г. ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» самозанятые граждане теперь могут регистрировать товарные знаки. Так как такие граждане зачастую осуществляют деятельность, связанную с их «личным брендом», то есть они узнаваемы среди определенного круга лиц в сети Интернет, то у многих из них появилась необходимость в регистрации товарных знаков, содержащих собственную фамилию или имя, а в последствии и регистрации доменного имени. Но, кроме правовой природы самого доменного имени и классификации доменных споров, существует вопрос их процессуального рассмотрения.

Российская система рассмотрения доменных споров складывается исключительно из рассмотрения подобных споров в порядке подачи жалобы в ФАС, обращения в Палату по патентным спорам, однако основным способом рассмотрения доменных споров можно назвать судебный порядок. Несомненно, судебное рассмотрение имеет свои преимущества, например, это позволяет сформулировать несколько и достаточно обширных требований, предъявить требования сразу к нескольким объектам защиты, также, у суда есть полномочия на истребования тех доказательств, которое недоступно обычным гражданам, есть возможность признания судебных решений РФ за ее пределами в соответствии с международными договорами и Конвенцией ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, также есть возможность принудительного исполнения судебных решений в соответствии с законодательством нашего государства [17].

Но при указанных положительных моментах, существуют и негативные. Например, загруженность судов нашего государства, также, длительность сроков рассмотрения дел, определенные трудности в исполнении судебных решений. Кроме того, арбитражные суды не всегда изучают актуальную судебную практику, особенно по таким специфичным делам, как доменные споры. Суды зачастую просто не учитывают скорость информационных процессов и изменчивость Интернет-пространства, поэтому принимают решения основываясь на базовых нормах права.

В связи с этим, возникает вопрос о необходимости поиска иных, альтернативных вариантов разрешения доменных споров. По нашему мнению, одной из интересных и, на данный момент, наиболее успешной, можно назвать такую внесудебную систему по рассмотрению доменных споров, как «Единая политика разрешения споров о доменных именах» (UDRP), а также «Правила Единой политики разрешения споров о доменных именах» (далее – Правила). Данная система является обязательной в договорных отношениях между регистраторами доменов и их администраторами на международном уровне. В рамках данной системы владелец товарного знака, обнаруживших нарушение его прав при использовании или регистрации домена, у него есть возможность при помощи выше указанной политики UDRP отобрать или даже аннулировать домен. Для этого, ему необходимо будет обратиться в специальную организацию, занимающуюся разрешением таких споров, по аналогии с третейскими судами [18]. У данной процедуры рассмотрения доменных споров су-

ществует ряд преимуществ:

1. Четко определены границы доказывания. Так, правообладатель обязан доказать, что домен ответчика идентичен или схож до степени смешения с его средством индивидуализации; что ответчик является незаконным правообладателем доменного имени; что домен зарегистрирован и использовался недобросовестно. А обладатель домена обязан доказать: что до возникновения у истца претензий он зарегистрировал и использовал доменное имя добросовестно, для продвижения собственных товаров и услуг; что администратор домена широко известен среди потребителей и пользователей под данным доменным именем, несмотря на то, что не имеет зарегистрированного средства индивидуализации; администратор домена использует его наименование без цели извлечения прибыли, в информационных и развлекательных целях и без цели опорочить репутацию истца или его средства индивидуализации.

2. Сроки рассмотрения споров значительно сокращены, в сравнении с судебными сроками рассмотрения споров. При рассмотрении таких споров время от даты, когда была подана жалоба до вынесения решения и его исполнения – от двух до трех месяцев, а это в несколько раз быстрее, чем средний срок рассмотрения спора в порядке судебного разбирательства [19].

3. Высокая квалификация специалистов в области рассмотрения доменных споров. Именно то, что арбитрам приходится рассматривать специфические, узко направленные споры, позволяет им наиболее глубоко изучить данную сферу и получить более глубокие знания. Это способствует более тщательному и объективному разрешению спора.

Несмотря на то, что данная система функционирует в мире уже более 20 лет, рассмотрение доменных споров с доменными зонами .RU, .SU, .РФ не возможно, по причине их не присоединения к процедуре UDRP. Как отметил в своей работе доктор юридических наук А.Г. Серго подобная ситуация может объясняться необходимостью сохранения национальной идентичности и независимости доменных имен России [19].

Поэтому, в РФ необходима собственная организация системы по досудебному урегулированию доменных споров. Так, как предлагают в своем исследовании доктор юридических наук А.Г. Серго и юрисконсульт ООО «КЛОВЕРМЕД»; медиатор Т.Г. Сусалева, для реализации указанной системы возможно создание «Палаты по доменным спорам при Федеральной службе по интеллектуальной собственности (далее – ПДС при Роспатенте)» [17]. Авторы предлагают сделать данный орган обязательным органом досудебного урегулирования доменных споров в отношении национальных доменных зон. Также, специалисты определяют ряд преимуществ создания такого органа, среди которых: 1) узкая направленность споров, что позволит снять нагрузку на судебный аппарат и сделать рассмотрение споров более качественным; 2) требования к процессуальным документам могут быть менее высокими в связи с использованием определенной единой «формы для заполнения», что позволит повысить доступность правосудия, а также снизить расходы на привлечение сторонних специалистов [17]; 3) наличие и обеспечение соблюдения жестких сроков по рассмотрению споров; 4) отсутствие необходимости возмещения расходов на представителя и иных судебных расходов, так как стороны решают спор исключительно «своими силами».

По нашему мнению, создание подобного органа необходимо в существующих реалиях. Поскольку зачастую спор можно решить еще на досудебной стадии, что позволит избежать ненужных расходов в связи с рассмотрением дела в судебном порядке, а также позволит снять нагрузку с судов. Также, создание узкоспециализированного органа, безусловно, повысит качество рассмотрения доменных споров и актуализирует практику по их рассмотрению основываясь на современных реалиях Интернет-пространства.

Изучив все ключевые моменты в правовом регулировании доменных имен, а также особенности рассмотрения доменных споров, мы сделали вывод, что изучаемая тема является актуальной в настоящее время, и с каждым годом лишь будет набирать еще большую востребованность в ее урегулировании. Сказанное объясняется активным развитием Интернет-технологий и перехода предпринимательства в онлайн-формат. Однако, на сегодняшний день остается не разрешенным вопрос правового положения доменных имен, как средств индивидуализации, и требует законодательного урегулирования. Это объясняется тем, что доменные имена все чаще выступают средствами индивидуализации товаров, услуг и самих организаций, однако правовой охраной в области интеллектуальной собственности они не обладают. Для упрощения процедуры регистрации и использования доменов в качестве средств индивидуализации было предложено создание отдельной площадки по регистрации и отслеживанию уже зарегистрированных доменных имен на государственном уровне. Данная площадка позволит систематизировать все доменные имена, которые используют в своей деятельности интернет-предприниматели. Также, для того, чтобы стало возможным регистрация аналогичных доменных имен для разных сфер деятельности, предложено создание реестра поддоменов, которые бы обозначали сферу деятельности, к которой относится домен. Данное нововведение позволит исключить вероятность попадания на сайты иных правообладателей, с аналогичным доменом, но иной сферой деятельности. Следовательно, киберсквоттерам будет сложнее «подделать» домены и иные средства индивидуализации с целью получения прибыли.

В заключении, с целью повышения качества рассмотрения доменных споров и снятия нагрузки с судебных и иных государственных органов, был рассмотрен вопрос о создании «Палаты по доменным спорам при Федеральной службе по интеллектуальной собственности». По нашему мнению, создание данного органа позволит актуализировать практику по рассмотрению доменных споров, что значительно увеличит объективность и качество их разрешения.

Список литературы:

1. Ворожевич А.С., Гринь О.С., Корнеев В.А. и др.; под общ. ред. Новоселовой Л.А.. М/ Право интеллектуальной собственности: учебник: Статут, 2018. Т. 3: Средства индивидуализации;
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ // ЭПС "Система ГАРАНТ";
3. Итоги 2022 года для маркетплейсов по версии Тинькофф: россияне потратили на них в полтора раза больше денег: Тинькофф Банк официальный сайт – URL: <https://www.tinkoff.ru/about/news/24012023-results-of-2022-for-marketplaces-according-to-tinkoff/> (дата обращения: 15.10.2023). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный;
4. Краснов, С. С. Правовая природа доменного имени / С. С. Краснов // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : материалы XVI Международной научно-практической конференции : в 2 т., Тольятти, 19–20 апреля 2019 года. Том 1. – Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева (институт), 2019. – С. 181-184. – EDN ZBDOTJ;
5. Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20.03.1883) // ЭПС "Си-

стема ГАРАНТ";

6. Лукичева Л. И., Егорычева Е. В., Егорычев А. Д. Основные функции управления доменным именем как бизнес-активом // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 6—18. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-6-18>;
7. Новоселова Л.А. авт.-сост., Корнеев В.А., Кольздорф М.А. [и др.]/Суд по интеллектуальным правам: итоги первых десяти лет работы: сборник – Москва: Проспект, 2023 – Текст: непосредственный;
8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ // ЭПС "Система ГАРАНТ";
9. Правила регистрации доменных имен в доменах .RU и .РФ (утв. решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 05.10.2011 N 2011-18/81) // СПС «КонсультантПлюс»;
10. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 января 2001 г. N 1192/00 "При рассмотрении иска о запрещении использовать товарный знак, зарегистрированный на имя истца, в доменном имени страницы ответчика во Всемирной компьютерной сети Интернет и восстановлении деловой репутации истца, суд сделал неправильный вывод о том, что спорные правоотношения не подпадают под действие законодательства о товарных знаках" // ЭПС "Система ГАРАНТ";
11. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27 июня 2019 г. N C01-465/2019 по делу N A40-173311/2018 Суд оставил без изменения судебные акты о запрете использовать обозначение в доменном имени и на страницах веб-сайта и о взыскании компенсации, поскольку факт нарушения ответчиками исключительного права на товарный знак подтверждается материалами дела // ЭПС "Система ГАРАНТ";
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации" // ЭПС "Система ГАРАНТ";
13. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28 марта 2014 г. N СП-21/4 "Об утверждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров" // ЭПС "Система ГАРАНТ";
14. Рекомендация о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству. Принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО 15 октября 2003 г: официальный сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/multilingualism_recommendation.shtml (дата обращения 05.01.2024);
15. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 18.12.2023 г. по делу № А40-71701/2023;
16. Серго А. Г. Урегулирование доменных споров: полезный опыт ВОИС для России / А. Г. Серго // Труды по интеллектуальной собственности. – 2021. – Т. 37, № 1-2. – С. 234-250. – EDN PQERMQ;
17. Серго А.Г., Сусалёва Т.Г. Палата по доменным спорам при Роспатенте. Почему бы и да? // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 43, No 4. С. 26–42; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.16350>;
18. Серго А.Г., Романенкова Е.И. Опыт всемирной организации интеллектуальной собственности по урегулированию доменных споров // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 151—163. аог 10.17223/22253513/43/13;
19. Серго А.Г., Сусалёва Т.Г. Российский арбитражный центр разрешения доменных споров как средство эффективной борьбы за права российских правообладателей и администраторов доменных имен // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т.42, No 3. С.8–25;
20. Тарасевич, К. А. Киберсквоттинг как фактор воздействия на деловую репутацию юридического лица / К. А. Тарасевич // Ленинградский юридический журнал. – 2021. – № 1(63). – С. 108-119. – DOI 10.35231/18136230_2021_1_108. – EDN KAGGRR.

Vorobyova O. A., Mishunina A. A. Features of the legal status of domain names in the context of domain dispute settlement in Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 345–356.

The article discusses the main problems of the legal status of domain names in the framework of domain dispute resolution in Russia. The following problems are highlighted: the place of domain names in the legal system has not been determined; there is no unified state register of domain names; domain names cannot be the same even for different fields of activity; there is no unified procedure for considering domain disputes. The problems are urgent, as domain names are increasingly becoming a means of individualization and are the subject of litigation in the field of intellectual property. The authors proposed ways to resolve problems: amending the Civil Code of the Russian Federation by defining domain names as means of individualization; proposed the creation of a unified registry of domain names; considered a proposal to create a separate body within the structure of Rospatent, which would consider domain disputes within a separate category of cases, which would allow to delimit and structure the consideration of such cases. In turn, the introduction of these changes will relieve the burden on the judicial system of the Russian Federation.

Keywords: domain names, domains, domain disputes, means of individualization, trademarks, service marks, brand names, cybersquatting, intellectual property law, intellectual property.

Spisok literatury:

1. Vorozhevich A.S., Grin' O.S., Korneev V.A. i dr.; pod obshh. red. Novoselovoj L.A.. M/ Pravo intelektual'noj sobstvennosti: uchebnik: Statut, 2018. T. 3: Sredstva individualizacii;
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaja) ot 18.12.2006 N 230-FZ // JePS "Sistema GARANT";
3. Itogi 2022 goda dlja marketplejsov po versii Tin'koff: rossijane potratili na nih v poltora raza bol'she deneg: Tin'koff Bank oficial'nyj sajt – URL: <https://www.tinkoff.ru/about/news/24012023-results-of-2022-for-marketplaces-according-to-tinkoff/> (data obrashhenija: 15.10.2023). – Rezhim dostupa: svobodnyj. – Tekst : jelektronnyj;
4. Krasnov, S. S. Pravovaja priroda domennogo imeni / S. S. Krasnov // Tatishhevskie chtenija: aktual'nye problemy nauki i praktiki : materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii : v 2 t., Tol'jatti, 19–20 aprelja 2019 goda. Tom 1. – Tol'jatti: Volzhskij universitet imeni V.N. Tatishheva (institut), 2019. – S. 181-184. – EDN ZBDOTJ;
5. Konvencija po ohrane promyshlennoj sobstvennosti (Zakljuchena v Parizhe 20.03.1883) // JePS "Sistema GARANT";
6. Lukicheva L. I., Egorycheva E. V., Egorychev A. D. Osnovnye funkcii upravlenija domennym imenem kak biznes-aktivom // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija. 2022. № 3 (35). S. 6—18. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-6-18>;
7. Novoselova L.A. avt.-sost., Korneev V.A., Kol'zdorf M.A. [i dr.]/Sud po intelektual'nym pravam: itogi pervyh desjati let raboty: sbornik – Moskva: Prospekt, 2023 – Tekst: neposredstvennyj;
8. Ob informacii, informacionnyh tehnologijah i o zashhite informacii (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.10.2023) Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 N 149-FZ // JePS "Sistema GARANT";
9. Pravila registracii domennyh imen v domenah .RU i .RF (utv. resheniem Koordinacionnogo centra nacional'nogo domena seti Internet ot 05.10.2011 N 2011-18/81) // SPS «Konsul'tantPljus»;
10. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 16 janvarja 2001 g. N 1192/00 "Pri rassmotrenii iska o zapreshhenii ispol'zovat' tovarnyj znak, zaregistrirannyj na imja istca, v domennom imeni stranicy otvetchika vo Vsemirnoj komp'juternoj seti Internet i vosstanovlenii delovoj reputacii istca, sud sdelal nepravil'nyj vyvod o tom, chto spornye pravootnoshenija ne podpadajut pod dejstvie zakonodatel'stva o tovarnyh znakah" // JePS "Sistema GARANT";
11. Postanovlenie Suda po intelektual'nym pravam ot 27 ijunja 2019 g. N S01-465/2019 po delu N A40-173311/2018 Sud ostavil bez izmenenija sudebnye akty o zaprete ispol'zovat' oboznachenie v domennom imeni i na stranicah veb-sajta i o vzykanii kompensacii, poskol'ku fakt narushenija otvetchikami iskljuchitel'nogo prava na tovarnyj znak podtverzhdaetsja materialami dela // JePS "Sistema GARANT";
12. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23.04.2019 N 10 "O primenenii chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii" // JePS "Sistema GARANT";
13. Postanovlenie Prezidiuma Suda po intelektual'nym pravam ot 28 marta 2014 g. N SP-21/4 "Ob utverzhdenii spravki no voprosam, vznikajushhim pri rassmotrenii domennyh sporov" // JePS "Sistema GARANT";
14. Rekomendacija o razvitii i ispol'zovanii mnogojazychija i vseobshhem dostupe k kiberprostranstvu. Prinjata General'noj konferenciej JuNESKO 15 oktjabrja 2003 g: oficial'nyj sajt. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/multilingualism_recommendation.shtml (data obrashhenija 05.01.2024);
15. Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy ot 18.12.2023 g. po delu № A40-71701/2023;
16. Sergo A. G. Uregulirovanie domennyh sporov: poleznyj opyt VOIS dlja Rossii / A. G. Sergo // Trudy po intelektual'noj sobstvennosti. – 2021. – T. 37, № 1-2. – S. 234-250. – EDN PQEPMQ;
17. Sergo A.G., Susaljova T.G. Palata po domennym sporam pri Rospatente. Pochemu by i da? // Trudy po intelektual'noj sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. T. 43, No 4. S. 26–42; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.16350>;
18. Sergo A.G., Romanenkova E.I. Opyt vsemirnoj organizacii intelektual'noj sobstvennosti po uregulirovaniju domennyh sporov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2022. № 43. S. 151— 163.
19. Sergo A.G., Susaljova T.G. Rossijskij arbitrazhnyj centr razreshenija domennyh sporov kak sredstvo jeffektivnoj bor'by za prava rossijskih pravoobladatelej i administratorov domennyh imen // Trudy po intelektual'noj sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. T.42, No 3. S.8–25;
20. Tarasevich, K. A. Kiberskvotting kak faktor vozdejstvija na delovuju reputaciju juridicheskogo lica / K. A. Tarasevich // Leningradskij juridicheskij zhurnal. – 2021. – № 1(63). – S. 108-119. – DOI 10.35231/18136230_2021_1_108. – EDN KAGGRR.

УДК 347

**РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
РЕГУЛИРУЮЩЕГО ОТНОШЕНИЯ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЧУЖОГО
ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА ДЛЯ РАЗМЕЩЕНИЯ СЕТЕЙ
ВОДОСНАБЖЕНИЯ**

Заболотный В. Ю.

ФГАУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

В статье проанализирован процесс развития правового регулирования отношений, связанных с использованием чужого земельного участка для размещения водопроводных коммуникаций. Отмечается, что землевладельцы, занятые сельским хозяйством, зачастую использовали соседние земельные участки для размещения водопроводных труб без правового урегулирования данных правоотношений. Законодательно право использования чужого земельного участка было закреплено лишь в местных положениях некоторых губерний Российской Империи, в связи с чем регулярно возникали судебные споры, направленные на защиту права ограниченного пользования чужим земельным участком. Проблемы в гражданском законодательстве предлагалось решить введением в действие нового Гражданского Уложения, содержащего соответствующие нормы, частично заимствованные из зарубежного законодательства, и не принятого из-за произошедшей в стране революции. В этой связи в данной статье исследовано дореволюционное российское право и связанная с ним судебная практика Правительствующего Сената, изучена взаимосвязь содержащихся в проекте Гражданского уложения Российской Империи и Земельном кодексе Российской Федерации норм об ограничениях права собственности и сервитутах. Сделан вывод о возможности использования имеющегося отечественного и зарубежного цивилистического опыта в ходе дальнейшего реформирования правовых норм, связанных с использованием чужого земельного участка.

Ключевые слова: сервитут, ограничения права собственности, российское дореволюционное законодательство, Правительствующий Сенат, гражданское законодательство, земельное законодательство.

Институт сервитута, известный со времен римского права, является сравнительно «молодым» в нашей стране. Долгое время он оставался вне поля зрения цивилистической науки, так как после установления советской власти право частной собственности на землю было отменено, а вместе с ним исчезла необходимость в урегулировании отношений, связанных с использованием чужого земельного участка. С переходом Российской Федерации к рыночной экономике и принятием первой части Гражданского кодекса этот правовой институт был восстановлен.

Вместе с тем отношения, связанные с использованием чужого земельного участка, были хорошо известны российскому дореволюционному законодательству и регулировались соответствующим разделом Свода законов гражданских. Они именовались правом участия в пользовании и выгодах чужого имущества и включали в себя как положения об ограничении права собственности, так и положения об использовании чужих землевладений.

Несмотря на существовавшее законодательное урегулирование таких отношений, в правоприменительной практике возникало немало споров, связанных с воспрепятствованием собственнику земельного участка в использовании части его участка другими лицами, например, для проведения водопровода для хозяйственных нужд. В римском праве этот вид сервитута именовался *servitus aquaeductus*. На примере указанного случая и будет проанализировано развитие российского зако-

нодательства, регулирующего исследуемые правоотношения.

В Российской Империи большая часть населения была занята сельскохозяйственной деятельностью, для осуществления которой было необходимо наличие источников воды для орошения пахотных земель и садов. Однако, не всегда такие источники находились рядом с обрабатываемыми владениями, в связи с чем возникала необходимость использования соседних земельных участков для строительства водопроводных и мелиоративных сооружений для забора воды из озер, прудов и рек. Сводом законов гражданских эти и ряд других схожих правоотношений, связанные с использованием чужого земельного участка, урегулированы не были. В некоторых губерниях такие отношения регулировались отдельными нормами местного законодательства основанными, в частности, на сложившихся обычаях.

Например, в Своде гражданских узаконений губерний прибалтийских упоминалось более тридцати разновидностей вещных сервитутов, разделенных в законе на сельские (в свою очередь включавшие в себя дорожные, водные, промысловые и иные сервитуты) и городские (домовые) сервитуты. В Гражданском кодексе Царства Польского также существовали положения о сервитутах, которые подразделялись на городские и сельские, постоянные и непостоянные, «явные и неявные» (по римской терминологии положительные и отрицательные) [1, с. 76]. В 1882 г. Александром III было принято решение о начале реформирования действующего гражданского законодательства, результатом которого должно было стать новое Гражданское уложение Российской Империи, систематизирующее существующие положения и узаконения различных губерний и восполняющее пробелы права.

Для совершенствования законодательства редакционная комиссия по составлению проекта гражданского уложения наряду с научными исследованиями в области права и зарубежным законодательством, исследовала и решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената, которые занимали особое место в формировании единообразной правоприменительной практики на территории всей Российской Империи. Деятельность указанного департамента, являвшегося судом кассационной инстанции, была направлена на контроль за точным и единообразным соблюдением законов всеми судебными инстанциями. По результатам рассмотрения кассационных жалоб выносились решения, которые публиковались в ежегодных сборниках. После 1877 г. число публикуемых решений уменьшилось, так как в кассационном департаменте была проведена реформа, направленная на оптимизацию рабочих процессов внутри департамента, а именно на рассмотрение общим департаментским присутствием лишь наиболее значимых в правовом смысле дел, решения по которым и подлежали публикации. Зачастую они содержали мотивированные выводы о коллизиях и пробелах в законодательстве. Одним из таких являлось решение Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената от 10 октября 1879 г. № 243.

Предметом спора являлось восстановление нарушенного права участия, выражавшегося в воспрепятствовании ответчиком использования истцом водопроводного канала, прорытого из реки Альмы и размещенного на земельном участке ответчика, необходимого для орошения своих садов и огородов. Суд первой инстанции в удовлетворении исковых требований отказал. В апелляционной жалобе поверенный истца просил Симферопольский мировой съезд судей обратить внимание на то, что садоводство и разведение винограда в Крыму обусловлено существовавшим долгие

годы порядком, согласно которому владельцы садов и виноградников для их орошения пользовались водой из специальных каналов, проведенных по соседним земельным участкам, в связи с чем при разрешении данного спора суд первой инстанции должен был руководствоваться правовыми обычаями, поскольку данные правоотношения не имеют официального правового регулирования. В частности, отсутствуют положения о том, разрешается ли владельцу земельного участка, совершать действия, направленные на ограничение доступа воды, протекающей по специальным каналам, к соседнему земельному участку, на котором находятся сады и огороды. Суд апелляционной инстанции оставил вышеуказанную жалобу без удовлетворения, указав, что право участия частного в пользовании и выгодах имущества может быть признано законным только в тех случаях, когда оно установлено на основании закона, по соглашению собственников имений или на ином законном акте. Во всех остальных случаях вышеуказанное право не подлежит защите и восстановлению, так как реализовано самовольно, то есть без каких-либо правовых оснований. В кассационной жалобе поверенный истца вновь изложил указанные в апелляционной жалобе доводы, обратив внимание на неправильное толкование законов о праве участия и на необходимость установления всех обстоятельств дела путем допроса свидетелей и изучения сложившегося в губернии порядка водопользования. В возражениях на кассационную жалобу ответчик Деревянко пояснил, что канал перекрыт им до получения истцом Дмитриевым имения по завещанию от госпожи Демизон, которая пользовалась водопроводным каналом только по разрешению ответчика и которая законного права участия не имела и не завещала, в связи с чем права истца не нарушены. В результате рассмотрения кассационной жалобы Гражданский кассационный департамент Правительствующего Сената отменил решение Симферопольского мирового съезда и отправил дело на новое рассмотрение. Обосновывая принятое решение, кассационный департамент указал, что отсутствие в действующих законах норм о порядке пользования водой для искусственного орошения не может являться основанием для отказа в реализации права на использование соседнего участка для сооружения водопроводных каналов, так как данные правоотношения урегулированы местным положением, которое восполняет недостатки общероссийского гражданского законодательства [2].

Так, согласно ст. 102 Местного положения о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях Великороссийских, Новороссийских и Белорусских от 19 февраля 1861 г., применимую к возникшим правоотношениям, согласно которой крестьяне Таврической и других степных губерний, где существует искусственное орошение, могут пользоваться водой для поливки своих садов, огородов и полей на существовавшем ранее основании, однако новые каналы для полива могут сооружаться только с разрешения владельца [3].

Аналогичные положения существовали в Закавказских губерниях и позволяли крестьянам пользоваться системами искусственного орошения для поливки своих садов, огородов и полей на существовавших ранее основаниях. Независимо от этого, порядок строительства и эксплуатации поливных каналов в Закавказском крае определялся также и действующими местными обычаями. Такие нормы регионального законодательства были направлены на защиту ранее сложившегося порядка водопользования для домашних, хозяйственных и промышленных нужд, на который неоднократно ссылался поверенный истца в своих жалобах. Данная позиция под-

тверждается и выводами кассационного департамента, который в своем решении указал следующее: «Не устанавливая новых прав по этому предмету, а подтверждая лишь установившиеся уже права и предписывая продолжать пользование на существовавшем основании или по местным обычаям, приведенные узаконения тем самым свидетельствуют, что ими не вводится какое либо новое начало в действующее законодательство, а что и до издания этих узаконений с существованием искусственного орошения были связаны известные права и обязанности. При таком значении этих узаконений Правительствующий Сенат усматривает в них признание законом общего начала, что в поименованных местностях, в том числе и в Крыму, существование искусственного орошения устанавливает юридические отношения, порождающие права и обязанности. Эти юридические отношения должны быть приурочены к праву участия частного в пользовании и выгодах чужого имущества, так как упомянутые указания закона по означенному предмету помещены в том отделе гражданских законов, в котором сосредоточены правила об этом праве [2].

Таким образом, Гражданский Кассационный Департамент, указав на наличие пробела в действующем законодательстве, разъяснил о необходимости отнесения данных правоотношений к праву участия частного в пользовании и выгодах чужого имущества. Вместе с тем Свод законов гражданских не содержал точного определения права участия частного, в связи с чем для отнесения тех или иных правоотношений к данному праву, необходимо было обращаться к отдельным законоположениям, в которых содержались разъяснения этих прав, и на их основании определять, относятся ли спорные правоотношения к тому или иному праву [4, с. 385].

В ходе реформирования гражданского законодательства редакционная комиссия в разъяснениях к проекту Гражданского Уложения указала, что существующее право участия в пользовании и выгодах чужого имущества, подразделяющееся на общее и частное, является ограничением права собственности, схожим с существовавшим в римском праве легальным сервитутом [5, с. 143].

Учитывая, что право участия в пользовании и выгодах чужого имущества не предоставляло право пользования чужой вещью, а лишь устанавливало пределы права собственности, в проект гражданского уложения были включены соответствующие главы под названием «ограничения права собственности на пользу соседей», «ограничения права собственности на пользу общую», содержащиеся в разделе о праве собственности, и глава «сервитуты», содержащаяся в разделе вотчинных прав в чужом имуществе [5, с. 143-144].

Предусмотренные проектом ограничения права собственности были направлены в первую очередь на установление допустимых пределов осуществления права собственности в отношении своего имущества, например: не строить здания над земельным участком соседа, не преграждать своими строениями и насаждениями вид из соседского имения, не делать скат крыши, выступающий на соседский участок, не направлять водосточные трубы, не сметать сор и не спускать грязную воду и какие-либо иные жидкости на землю или строения соседа и т.д.

К таким ограничениям была отнесена и ст. 795 проекта, которая предусматривала право использовать чужое имение за соответствующее вознаграждение для размещения на его территории каналов или труб для пользования водой из естественного или искусственного водохранилища [6, с. 647-648]. Ее положения были направлены на урегулирование не только земельных интересов, но также на

удовлетворение потребностей домашнего хозяйства и промышленности. При этом, с целью недопущения причинения неудобств собственникам обременяемых земельных участков, не допускалось проведение воды через соседний участок без наличия явной промышленной или хозяйственной необходимости. Кроме того, запрещалось проводить воду через ту часть имения, которая застроена, или занята двором, садом, поскольку эти места могли иметь для собственника домовладения не материальную, а личную ценность, связанную, например, с воспоминаниями, и их обременение не могло быть компенсировано путем денежного вознаграждения [5, с. 199-200].

Помимо обязательного условия о возмездности использования чужого земельного участка, редакционная комиссия дополнительно разъяснила, что вода может быть проведена только по трубам или каналам, которые будут наименьшим образом обременять собственника земельного участка. При этом запрещалось использовать уже существующие чужие водопроводные сооружения, за исключением случаев, когда разрешение на их использование будет предоставлено самим собственником [5, с. 200]. В свою очередь раздел проекта Гражданского Уложения, посвященный сервитутам, содержал аналогичные нормы, посвященные праву использования чужого земельного участка для проведения воды.

Содержание данного права раскрывалось в ст. 1016 проекта Гражданского Уложения, предоставляющей право размещать необходимые трубы, каналы и шлюзы на чужом земельном участке для организации водоснабжения и водоотведения своего земельного участка [6, с. 874].

Как и положения вышеупомянутых статей проекта Гражданского уложения, данная норма была направлена на урегулирование отношений, связанных с использованием чужого земельного участка для размещения на нем труб и прочих сооружений для водоснабжения и водоотведения. При этом, в случае установления такого сервитута, на его обладателя возлагалась обязанность по содержанию и своевременному обслуживанию труб, каналов, желобов и подобных сооружений. Содержала статья и положения о запрете размещения водопроводных труб по территории дворов, садов и застроенных мест. Данные положения совпадают с разъяснениями редакционной комиссии к статье проекта, отнесенной к ограничениям права собственности, в которых также указано о запрете на размещение водопроводных сооружений в значимых для собственника земельного участка местах. Однако этот запрет мог быть отменен соглашением сторон. Отличительной же чертой данной нормы права являлось предоставление обладателю сервитута возможности отведения с господствующего земельного участка иных жидкостей, возникающих, например, в ходе производственной деятельности фабрики [5, с. 249-250].

Размещение статей, регулирующих однородные правоотношения, в различных главах проекта уложения было осуществлено по примеру гражданского законодательства германской правовой семьи и отличалось основаниями возникновения таких отношений. Так, ограничения права собственности возникали в силу прямого указания закона, а установление сервитута основывалось на частно-правовых отношениях и зависело от волеизъявления сторон.

Аналогичное разграничение указанных правоотношений можно наблюдать в гражданском законодательстве Швейцарии, где отношения, связанные с законными ограничениями права собственности именуются правами соседства. К таким ограничениям отнесена возможность обязать каждого собственника земельного участка

разместить на его участке трубы водоснабжения и водоотведения [7]. В свою очередь положения о поземельном сервитуте указанного кодекса позволяют сторонам по своей воле заключить договор об установлении сервитута, в том числе и для вышеуказанных целей [7].

Нельзя, однако, не упомянуть о наличии иного подхода к правовому регулированию исследуемых правоотношений, изложенного во французском гражданском законодательстве, в котором положения об ограничениях права собственности и сервитутах содержатся в едином разделе и именуются сервитутами. Основаниями для установления сервитута являются предписания закона, соглашение между собственниками или естественное положение местностей [8]. При этом, размещение водопровода на чужом земельном участке отнесено Кодексом Наполеона к постоянным и явным сервитутам и может устанавливаться по соглашению сторон [8].

При установлении такого сервитута собственник господствующего земельного участка наделяется правами владения и пользования частью чужого земельного участка, а на собственника обременяемого участка в свою очередь возлагаются обязанности не препятствовать использованию этой части участка. Такой подход является более правильным и соответствует правовой природе сервитута.

Возвращаясь к проекту гражданского уложения следует отметить, что в силу политических процессов, произошедших в России в начале XX в., он так и не был принят, однако его содержание отразило направление развития юридической науки того времени и впитало большинство новых социально-экономических потребностей этого периода, которые остаются актуальными и по настоящее время.

Так, в 2018 г. в Земельный кодекс РФ были введены новые положения о публичном сервитуте, регулирующие, в том числе и отношения по использованию чужого земельного участка для размещения на нем сетей водоснабжения и водоотведения.

На момент введения указанных положений в гражданском законодательстве уже существовали нормы, позволяющие по соглашению сторон установить сервитут для размещения линейных объектов, к которым, в том числе, относится и водопровод.

При подготовке законопроекта Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям исходил из того, что значительную часть линейных объектов (кроме автомобильных и железных дорог) можно разместить на земельном участке, не прерывая текущую хозяйственную деятельность на нем и не прекращая прав на них у прежних правообладателей, для чего достаточно установить ограничения прав, позволяющие разместить линейный объект. Следует отметить, что введенные нормы являлись результатом систематизации уже имеющихся отдельных федеральных и региональных законов. Например, к моменту принятия федерального закона о внесении изменений в Земельный кодекс РФ в части введения положений о публичном сервитуте, такие нормы уже существовали в законодательстве Республики Крым и в восьми федеральных законах России [9]. Из вышеизложенных разъяснений следует, что под публичным сервитутом подразумевается ограничение права собственности одного лица в пользу других лиц, связанное с использованием части земельного участка для определенных нужд, и устанавливаемое на основании решения органа государственной власти.

Подтверждает указанное суждение и порядок оформления публичного сервитута. В отличие от частного сервитута, государственная регистрация которого осуществляется в качестве права на земельный участок, публичный сервитут такой регистра-

ции не подлежит. Сведения о нем вносятся в единый государственный реестр недвижимости в качестве ограничения права на земельный участок.

Таким образом, современное законодательство РФ, как и проект гражданского уложения Российской Империи, разделяет однородные отношения, связанные с использованием чужого земельного участка, по основаниям их возникновения на такие, которые возникают на основании закона, а именно по решению органа государственной власти (публичный сервитут) или на основании соглашения сторон (частный сервитут). Тем не менее, введенные в земельный кодекс статьи именуются публичным сервитутом и по своей правовой природе схожи с данным правовым институтом, который регулируется нормами ГК РФ, однако находятся вне ведения гражданского законодательства. Установление публичного сервитута, как и частного, направлено на использование чужого земельного участка для определенных нужд за соответствующее вознаграждение. В этой связи возникает ряд вопросов, являющихся предметом дискуссий научного сообщества на протяжении многих лет.

Во-первых, уместно ли размещение норм о публичном сервитуте, ограничивающих право собственности, в Земельном кодексе, регулирующем отношения по использованию и охране земель в РФ как основ жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории? [10]. Представляется, что более верным было бы отнесение указанных норм к соответствующему разделу гражданского законодательства, как это сделано в гражданском законодательстве зарубежных стран, а также в римском праве.

Во-вторых, возможно ли отнести к ограничениям права собственности отношения, связанные с использованием чужого земельного участка?

Вероятно, что нет. Нормы, связанные с ограничением права собственности не могут регулировать отношения, связанные с использованием чужого земельного участка, так как направлены лишь на установление пределов реализации прав самого собственника. В данной ситуации более подходящей является систематизация указанных отношений, закрепленная во французском гражданском законодательстве, где все отношения, связанные с использованием чужого земельного участка, именуются сервитутами и отличаются по основаниям их установления.

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования правовых норм о сервитутах, содержащихся в российском законодательстве, в том числе путем устранения указанных в настоящей статье противоречий. Для этих целей может быть использован опыт дореволюционного российского права и его судебная практика, а также положения зарубежного гражданского законодательства.

Список литературы:

1. Копылов А.В. Ограниченные вещные права на землю в римском, русском дореволюционном и современном российском гражданском праве: диссертация кандидата юридических наук. М., 1998. 297 с.
2. Решение № 243 от 10 октября 1879 года по делу мещанина Василия Дмитриева // Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. СПб. 1879. URL: <https://zakon.blob.core.windows.net/public-container/1879.pdf> (дата обращения: 28.03.2024 г.)
3. Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях: великороссийских, новороссийских и белорусских. СПб. 1861. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003574845/ (дата обращения: 28.03.2024 г.)
4. Сост. Тютрюмов И.М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Рига. 1923. – 1413 с.
5. Вотчинное право. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Граж-

данского Уложения с объяснениями. Кн. 3. Т. 1. СПб. 1902. – 630 с.

6. Под ред. и с предисл. И.М. Тютрюмова, обер-прокурора 2-го Деп. Правительствующего сената. Сост. А.Л. Саатчиан. Гражданское уложение. Проект Ред. комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеч. из трудов Ред. комиссии) Т. 1. СПб: Кн. маг. "Законоведение", 1910. – 1215 с.

7. Швейцарский гражданский кодекс. 1907. (с изм. и доп. от 01 января 2024 г.) URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/24/233_245_233/en (дата обращения: 25.03.2024).

8. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). 1804. (с изм. и доп. от 20 марта 2024 г.) URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721 (дата обращения: 25.03.2024).

9. Пояснительная записка к законопроекту № 187920-7 // СОЗД ГАС «Законотворчество». 2018. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/187920-7> (дата обращения: 25.03.2024).

10. "Земельный кодекс Российской Федерации" от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 14.02.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024). Доступ из справочно-правовой системы "КонсультантПлюс".

Zabolotnyy V.Y. The development of Russian legislation regulating relations on the use of someone else's land for the placement of water supply systems // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 357–364.

Abstract: The article analyzes the process of development of legal regulation of relations related to the use of someone else's land for the placement of water utilities. It is noted that landowners engaged in agriculture often used neighboring land plots to place water pipes without a legal settlement of these legal relations. Legally, the right to use someone else's land was fixed only in the local regulations of some provinces of the Russian Empire, in connection with which judicial disputes regularly arose aimed at protecting the right of limited use of someone else's land. It was proposed to solve the gaps in civil legislation by putting into effect a new Civil Code containing relevant norms partially borrowed from foreign legislation and not adopted due to the revolution that took place in the country. In this regard, this article examines pre-revolutionary Russian law and the judicial practice of the Governing Senate related to it, examines the relationship between the norms on restrictions of property rights and easements contained in the draft Civil Code of the Russian Empire and the Land Code of the Russian Federation. The conclusion is made about the possibility of using the existing domestic and foreign civil law experience in the course of further reform of legal norms related to the use of someone else's land.

Keywords: easement, limitations of property rights, Russian pre-revolutionary legislation, The Governing Senate, land legislation, civil legislation.

Spisok literatury:

1. Kopylov A.V. Ogranichennye veshhnye prava na zemlju v rimskom, russkom dorevoljucionnom i sovremennom rossijskom grazhdanskom prave: dissertacija kandidata juridicheskikh nauk. M., 1998. – 297 s.

2. Reshenie № 243 ot 10 oktjabrja 1879 goda po delu meshhanina Vasilija Dmitrieva // Reshenija Grazhdanskogo kassacionnogo departamenta Pravitel'stvujushhego Senata. SPb. 1879. URL: <https://zakon.blob.core.windows.net/public-container/1879.pdf> (data obrashhenija: 28.03.2024 g.).

3. Mestnoe polozhenie o pozemel'nom ustrojstve krest'jan, vodvorennyh na pomeshhich'ih zemljah v gubernijah: velikorossijskih, novorossijskih i belorusskih. SPb. 1861. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003574845/ (data obrashhenija: 28.03.2024 g.).

4. Sost. Tjutrumov I.M. Zakony grazhdanskije s raz'jasnenijami Pravitel'stvujushhego Senata i kommentarijami russkich juristov. Riga. 1923. – 1413 s.

5. Votchinnoe pravo. Projekt Vysochajshe uchrezhdennoj Redakcionnoj Komissii po sostavleniju Grazhdanskogo Ulozhenija s ob'jasnenijami. Кн. 3. Т. 1. SPb. 1902. – 630 s.

6. Pod red. i s predisl. I.M. Tjutrumova, ober-prokurora 2-go Dep. Pravitel'stvujushhego senata. Sost. A.L. Saatchian. Grazhdanskoe ulozhenie. Projekt Red. komissii po sostavleniju Grazhdanskogo ulozhenija (s ob'jasnenijami, izvlech. iz trudov Red. komissii) Т. 1. SPb: Кн. маг. "Законоведение", 1910. – 1215 s.

7. Shvejcarskij grazhdanskij kodeks. 1907. (s izm. i dop. ot 01 janvarja 2024 g.) URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/24/233_245_233/en (data obrashhenija: 25.03.2024).

8. Grazhdanskij kodeks Francii (Kodeks Napoleona). 1804. (s izm. i dop. ot 20 marta 2024 g.) URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721 (data obrashhenija: 25.03.2024).

9. Pojasnitel'naja zapiska k zakonoprojektu № 187920-7 // SOZD GAS «Zakonotvorchestvo». 2018. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/187920-7> (data obrashhenija: 25.03.2024).

10. "Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii" ot 25.10.2001 N 136-FZ (red. ot 14.02.2024) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.03.2024). Dostup iz spravocno-pravovoj sistemy "Konsul'tantPljus".

УДК: 347.4

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ СВОБОДЫ ТОЛКОВАНИЯ ДОГОВОРА И СПОСОБАХ ТАКОГО ОГРАНИЧЕНИЯ

Некрасова Е. В., Ульянов А. Ю.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Статья посвящена вопросу ограничения свободы толкования договора. Авторами анализируются положения действующего законодательства, а также позиции Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ по исследуемой тематике. Исследуется возможность применения таких институтов, как интеграционная оговорка и принцип толкования «*contra proferentem*». Указано, что интеграционная оговорка является важным инструментом в договорной практике, однако её применение требует внимательного и взвешенного подхода. Стороны, включающие такую оговорку в свои договоры, должны учитывать возможные риски и последствия, а суды — использовать её с осторожностью, обеспечивая соблюдение основных принципов справедливости и добросовестности в правоприменительной практике. В заключении работы формулируются выводы о возможности включения сторонами договора условий договора об интеграционной оговорке и применении принципа толкования «*contra proferentem*» в правоприменительной практике в РФ.

Ключевые слова: договор, частно-правовое регулирование, толкование, толкование договора, свобода договора, «*contra proferentem*», интеграционная оговорка, ограничение толкования.

Гражданское право, как сфера частно-правового регулирования, базируется на определенных основополагающих началах, одним из которых является принцип свободы договора. Договор представляет собой одно из базовых понятий в цивилистике, соединяющее волеизъявление субъекта и предписания нормативно-правовых актов. Он является многогранной категорией, с помощью которой, участники гражданских правоотношений получают возможность реализовывать субъективные гражданские права, а также удовлетворять экономические интересы. Соответственно, представляется актуальным вопрос применения и толкования принципа свободы договора при уяснении положений договора.

Ст. 431 ГК РФ гласит, что «При толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условий договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом. Если правила, содержащиеся в части первой настоящей статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон» [1]. Из смысла статьи можно сделать вывод, что при толковании условий договора судом должна применяться определенная иерархия способов толкования, которая отдает предпочтение, в первую очередь букальному, во вторую – системному, а в третью – субъективному толкованию. Исходя из системного анализа положений ст. 6 и ст. 431 ГК РФ, а также разъяснений Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» [5], можно прийти к выводу, что названный выше перечень способов толкования положений

договора является исчерпывающим, поскольку презумпция диспозитивности применяется в отношении только тех норм, которые регулируют субъективные права и обязанности сторон. Однако, подобное умозаключение невозможно назвать обоснованным ввиду его противоречия целям установления принципа свободы договора в гражданском праве.

Согласно п. 32 Постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», стороны контракта, осложненного иностранным элементом, в соглашении о применимом праве могут предусмотреть право любой страны, даже той, у которой отсутствуют какие-либо связи с договором или его участниками [6]. Более того, участники таких соглашений вправе прийти к соглашению о применении документов, содержащих правила, рекомендованные участникам оборота международными организациями или объединениями государств, одним из которых являются Модельные правила европейского частного права [3]. Подобное положение дел призвано создать наиболее благоприятные для сторон условия по реализации внешнеэкономических контрактов, например, в ситуации, когда договор составляется в двух экземплярах на разных языках, один из которых имеет приоритет при разрешении смысловых разногласий. Допустимость установления подобных условий о толковании положений соглашений напрямую подтверждается ст. II-8:107 Модельных правил европейского частного права [8, с. 354].

Подобная гибкость позволяет сторонам выбрать наиболее подходящую правовую систему, учитывая специфику их договорных отношений и стремление к предсказуемости правоприменения. В то же время, выбор правовой системы, не связанной с договором или его участниками, может вызывать определенные трудности в правоприменительной практике, особенно если выбранное право отличается существенными особенностями, не свойственными национальным правовым порядкам сторон.

Важно также учитывать, что, несмотря на возможность выбора права любой страны, в соответствии с положениями ст. 1193 ГК РФ применение этого права должно соответствовать основным принципам правового порядка страны, в которой рассматривается спор [2]. Это означает, что выбранное право не должно противоречить основополагающим нормам и публичному порядку страны суда, рассматривающего дело. Допустимость установления подобных условий также подчеркивается тем, что стороны могут предусмотреть применение различных правовых норм для разных частей договора. Это особенно актуально для сложных коммерческих сделок, где различные аспекты договора могут подчиняться разным правовым режимам, обеспечивая тем самым более точное и гибкое регулирование.

На практике, применение интеграционных оговорок и возможность выбора права любой страны часто используется в международных коммерческих договорах, особенно в тех случаях, когда стороны стремятся минимизировать риски и обеспечить предсказуемость своих взаимоотношений. Такие положения позволяют создать более стабильные и понятные условия для ведения бизнеса, что особенно важно в условиях глобализации и растущей взаимозависимости национальных экономик [8, с. 355-356]. Также представляется интересным рассмотрение вопроса о включении в договор так называемой интеграционной оговорки, подразумевающей установление сторонами правила, согласно которому толкование положений договора и определение субъективных прав и обязанностей его участников должны определяться ис-

ключительно исходя из четко прописанных в соглашении условий. Интеграционная оговорка — это условие договора, согласно которому в текст договора-документа включены все согласованные сторонами условия и никакие предшествовавшие его заключению переписка, устные и письменные заявления, заверения, договоренности сторон, не включенные в договор-документ (далее — материалы преддоговорного этапа), не являются его частью и не могут быть использованы для изменения, дополнения условий договора-документа либо исключения из него каких-либо положений. В интеграционной оговорке может быть указано и на недопустимость использования материалов преддоговорного этапа для целей толкования договора. Распространение оговорки на толкование представляет собой частное проявление фундаментальной проблематики пределов свободы договора в его толковании. При таком способе толкования отличительной особенностью выступает полное игнорирование предшествующих заключению договора переписок, обещаний, обменов документами, а также любых заявлений. Законность интеграционной оговорки, блокирующей возможность использования источников восполнения пробелов со стороны суда, также подтверждается ст. II.- 4:104 Модельных правил европейского частного права [8, с. 371].

Несмотря на очевидные преимущества интеграционной оговорки, такие как упрощение толкования договора и снижение риска возникновения споров, существует и ряд проблем, связанных с её применением. Во-первых, полное исключение преддоговорных материалов из процесса толкования может привести к игнорированию важных аспектов соглашения, которые не были полностью отражены в текстовой части договора. Это может особенно усложнить разрешение споров в тех случаях, когда одна из сторон действует недобросовестно, используя правовую неграмотность или неопытность другой стороны.

Во-вторых, интеграционная оговорка может препятствовать суду в восстановлении справедливости, особенно если одна из сторон вводит другую в заблуждение или предоставляет недостоверную информацию на этапе переговоров. В таких случаях, суды могут оказаться в ситуации, когда они обязаны строго придерживаться текста договора, несмотря на очевидные доказательства злоупотребления правами одной из сторон. Это может подрывать доверие к правовой системе и создавать прецеденты, в которых недобросовестное поведение остается безнаказанным.

Кроме того, при международных сделках стороны могут сталкиваться с различиями в правовых системах и правоприменительной практике, что делает интеграционную оговорку еще более сложной в применении. В различных юрисдикциях подходы к толкованию договоров могут значительно различаться, и то, что является допустимым в одной стране, может быть полностью неприменимым в другой. Это требует от сторон тщательной проработки условий договора и понимания возможных правовых последствий включения интеграционной оговорки.

В этом контексте важно отметить, что суды применяя интеграционные оговорки, должны стремиться к балансу между буквальным толкованием текста договора и учетом принципов добросовестности и справедливости. С одной стороны, интеграционная оговорка помогает упростить и ускорить процесс разрешения споров, но с другой — не должна превращаться в инструмент для уклонения от выполнения договорных обязательств.

При использовании интеграционной оговорки в российской договорной практи-

ке, стороны при включении ее в текст договора, как правило не имеют намерения распространить ее действие на процесс толкования договора. Вряд ли допустима ситуация, когда один из предусмотренных в ст. 431 ГК РФ методов толкования окажется частично заблокированным оговоркой, которая попала в договор в числе стандартных условий и о которых одна из сторон может не знать [11, с. 139-141].

Интересным способом ограничения свободы толкования договора является принцип, который действует почти во всех странах мира, согласно которому при некоторой неясности того или иного положения договора оно толкуется против той стороны, которая составляла проект договора. Это принцип толкования *contra proferentem* (от лат. *verba fortius accipiuntur contra proferentem* — слова в договоре надлежит толковать против того, кто их написал). Следует заметить, что указанный принцип сформировался еще в эпоху Древнего Рима. Согласно вышеуказанному принципу, при возникновении какого-либо сомнения или двусмысленности в понимании условий договора содержащее их условие должно разрешаться не в пользу стороны, подготовившей его проект или настоявшей на включении данного условия в договор [9, с. 12]. Средневековые европейские юристы (прежде всего, глоссаторы), систематизируя разрозненные заимствования этой идеи в тексте *Corpus Juris Civilis* относительно разного типа договоров, индуцировали общий принцип *interpretatio contra proferentem* («толкование против предложившего»), согласно которому неясное условие договора должно толковаться против того, кто при заключении договора его предложил и, соответственно, в пользу того кто его принял. С тех пор, принцип *contra proferentem* получил широкое развитие в европейском, английском и американском праве, он закреплен в актах международной унификации договорного права и постепенно превратился в очевидность для иностранных юристов и закреплен в большом количестве нормативных актов (п. 2 §305с Немецкого гражданского уложения, п. 2 ст. 6:238 ГК Нидерландов; ст. 1370 ГК Италии, ст. 1288 ГК Испании, ст. 915 Австрийского гражданского уложения, ст. 41 Закона про контрактах КНР; ст. 4.6 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА и др.). Безусловно, существуют причины широкого распространения вышеуказанного принципа в зарубежных странах. Этическим преимуществом принципа *contra proferentem*, по мнению многих цивилистов, является и то, что он отвечает не только принципам справедливости, но и этическим принципам автономии воли. Подобный прием толкования оставляет шансы на то, что в итоге признанное судом содержание спорного условия будет соответствовать истинной воле сторон. Она не может быть определена судом непосредственно, в силу чего и применяется этот принцип, но есть вероятность, что из нескольких возможных интерпретаций этого условия именно интерпретация, отвечающая интересам принимающей стороны, соответствовала действительной воле сторон. *contra proferentem* представляется удачным инструментом разрешения споров о толковании договора в сфере договоров присоединения. Он возлагает негативные последствия неясного текста договора исключительно на разработчика, указывая судам толковать спорное условие в пользу принимающей стороны. Соответственно неясность и многозначность договорного условия перестает быть серьезной проблемой и контрагент, которому предложено неясное условие, может достаточно легко предугадать, какое толкование будет применено судом, и в своем поведении на него и полагаться. Это же будет вынужден делать и разработчик, осознающий, что при разрешении спора

именно такая позиция будет поддержана судом. В результате данное правило толкования достаточно эффективно координирует поведение сторон договора, указывая на наиболее выгодную принимающей стороне интерпретацию договора. Суду же этот принцип открывает достаточно простой способ определения содержания спорных договорных условий, не требующий применения к процессу толкования своих представлений о добросовестности, справедливости и позволяющий разрешать спор на основе содержания договора.

Несмотря на то, что данный принцип официально не признан действующим в правовом поле России, нельзя отрицать его целесообразность при толковании, в первую очередь, договоров присоединения для которых характерно наличие экономически сильных игроков на рынке, способных оказывать существенное влияние на содержание условий заключаемых ими соглашений с потребителями (например, страхование, кредит, перевозки и т.д.). Принцип *contra proferentem* направлен на стимулирование сторон к максимально ясному формулированию содержания договора и находит свое закрепление в судебной практике, а также в ст. 4.6 «Принципов международных коммерческих договоров (Принципов УНИДРУА)» [3].

Обращаясь к российской судебной практике, стоит обратить внимание на Постановление Президиума ВАС № 6040/12 от 02 октября 2012 г., в котором он закрепил очень похожую на принцип *contra proferentem* идею в отношении толкования условий банковской гарантии: «При изложенных обстоятельствах, принимая во внимание, что банк является субъектом, осуществляющим профессиональную деятельность на финансовом рынке, толкование условий банковской гарантии должно осуществляться в пользу бенефициара в целях сохранения обеспечения обязательства» [4]. В данном случае, критерием выбора толкования в пользу бенефициара стал не факт составления проекта банком, а тот факт, что банк является профессиональным игроком на рынке выдачи банковских гарантий. По своему смыслу - это не что иное, как разновидность принципа *contra proferentem*. Артем Карапетов предлагает такое определение этого принципа: «Если есть спорное с точки зрения толкования условие договора, и при этом сложно установить, кто отвечал за составление проекта, но одна из сторон является профессиональным игроком на соответствующем рынке и по роду своей профессии регулярно заключает такие договоры, то спорное условие договора должно толковаться в пользу контрагента» [10, с. 16]. Еще одним примером применения принципа *contra proferentem* при толковании условий договора является Определение Верховного Суда РФ от 02.06.2023 № 305-ЭС22-29440 по делу № А40-215162/2021. В рамках вышеуказанного дела страховая компания, как профессиональный участник рынка при формировании условий договора о страховом случае искажила определенное уголовным законодательством понятие «кража», сузив его до формулировки «тайное хищение чужого имущества с незаконным проникновением в помещение», что в дальнейшем послужило основанием для отказа в выплате страхового возмещения в связи с хищением части имущества страхователя. Однако, ВС РФ справедливо указал, что подобное поведение страховщика во взаимосвязи с интересами страхователя по страхованию имущества от всех рисков, связанных с противоправными действиями третьих лиц, является недобросовестным поведением, направленным на нарушение имущественных интересов другой стороны соглашения и получение необоснованной выгоды. Соответственно, условие договора страхования о краже, как страховом случае, необходимо

было толковать, применяя принцип, т.е. признавая кражу в целом основанием для выплаты страхового возмещения [7].

Проанализировав сущность принципа *contra proferentem* следует заметить, что использование *contra proferentem* судами не должно быть безграничным и применимым во всех ситуациях, когда необходимо разъяснить условия договора. К нему нужно обращаться в крайних случаях, если общие способы толкования по ст. 431 ГК РФ не разрешают установить истинное значение спорного положения.

Таким образом, следует обратить внимание на то, что возникают ситуации, когда достаточно затруднительно произвести качественное толкование условий договора на основании правил, исключительно предусмотренных в ст. 431 ГК РФ. В связи с этим, представляется допустимым и целесообразным совершенствовать правила гражданского законодательства о толковании договоров путем закрепления эффективных методов толкования, которые хорошо известны зарубежному законодательству, но пока еще недостаточно распространены в РФ; представляется целесообразным закрепить законодательно принцип толкования *contra proferentem*, так как это создаст более благоприятные условия по осуществлению субъективных прав и обязанностей контрагентами в целях удовлетворения потребностей рынка и обеспечения принципа эффективности законодательного регулирования.

Если говорить о природе интеграционной оговорки, то необходимо отметить, что включение сторонами в соглашение положения о ней преследует целью повышение правовой определенности согласованных сторонами условий договора и защиту разумных ожиданий сторон, что является особо актуальным вопросом в современных условиях стремительно развивающегося экономического оборота. К недостаткам и возможным рискам, связанным со включением подобной оговорки в договор, можно отнести тот факт, что в правоприменительной практике и доктрине отсутствует единство мнений касательно распространения ее действия на толкование договора с учетом предшествующей переписки сторон. Соответственно, на практике возникают риски недобросовестного поведения стороны, желающей придать условию соглашения смысл, отличающийся от того, из которого стороны исходили при согласовании содержания договора до момента его заключения. По этой причине обоснованным и подходящим российскому правопорядку видится подход свойственный международным унификациям частного права, согласно которому интеграционная оговорка не влияет на процесс толкования, а для ее распространения на толкование необходимо прямо указать на это в договоре. Таким образом, интеграционная оговорка является важным инструментом в договорной практике, однако её применение требует внимательного и взвешенного подхода. Стороны, включающие такую оговорку в свои договоры, должны учитывать возможные риски и последствия, а суды — использовать её с осторожностью, обеспечивая соблюдение основных принципов справедливости и добросовестности в правоприменительной практике.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 12.03.2019) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — ст. 3301. — Текст : непосредственный.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 07.08.2023) // «Собрание законодательства РФ», 19.01.2007. — № 5. — ст. 410. — Текст : непосредственный.
3. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (1994 год) [разработаны Международным институтом унификации частного права (УНИДРУА)] — Доступ из справ.- правовой системы Консультант // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14121/ (дата обращения: 07.06.2024). — Текст : электронный.

4. Постановление Президиума ВАС РФ от 02.10.2012 № 6040/12 по делу N A40-63658/11-25-407 – Доступ из справ. - правовой системы Консультант // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=310844#2oplpgUWMsRCYIGT2> (дата обращения: 07.06.2024). – Текст : электронный.
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» – Доступ из справ. - правовой системы Консультант // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161322/ (дата обращения: 07.11.2023). – Текст : электронный.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» - Доступ из справ. - правовой системы Консультант // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328771/000996174c0342ec7ab14493e96ee96197087467/ (дата обращения: 07.06.2024). – Текст : электронный.
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.06.2023 № 305-ЭС22-29440 по делу № А40-215162/2021 – Доступ с официального сайта Верховного Суда РФ // URL: https://vsrf.ru/stor_pdf_esc.php?id=2249490 (дата обращения: 07.06.2024). – Текст : электронный.
8. Рассказов, Н. Ю. Модельные правила европейского частного права (перевод с английского) (науч. ред. Н.Ю. Рассказова) / Н.Ю. Рассказов – Москва : Статут, 2013. – 989 с. – Текст : непосредственный.
9. Богданов, Д. Е. Применение правила contra proferentem при толковании договоров с позиции тенденции солидаризации гражданского права / Д. Е. Богданов // Адвокат, 2016. - № 1. – С. 11 – 15. – Текст : непосредственный.
10. Карапетов, А. Г. Contra proferentem как метод толкования договора / А. Г. Карапетов // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. - 2013. - №7. - С. 6-35. - Текст : непосредственный.
11. Мехонцева, А. А. Интеграционная оговорка: сравнительно-правовое исследование / А. А. Мехонцева // Вестник экономического правосудия Российской Федерации - 2023. - №8. – С. 137-171. – Текст : непосредственный.

E. V. Nekrasova, A. Yu. Ulianov. On the issue of limiting the freedom of interpretation of a agreement and the ways of such limitation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 365–372.

The article is devoted to the issue of limiting the freedom of interpretation of the contract. The authors analyze the provisions of the current legislation, as well as the positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation on the subject under study. The possibility of applying such institutions as the integration clause and the principle of interpretation «contra proferentem» is being investigated. It has been pointed out that the integration clause is an important tool in treaty practice, but its application requires a careful and balanced approach. Parties incorporating such a clause into their contracts should consider the possible risks and consequences, and courts should use it with caution, ensuring that the basic principles of fairness and good faith are observed in law enforcement practice. In the conclusion of the work, conclusions are formulated about the possibility of the parties to the agreement to include the terms of the agreement on the integration clause and the application of the principle of interpretation of «contra proferentem» in law practice in the Russian Federation.

Keywords: contract, private law regulation, interpretation, interpretation of the contract, freedom of contract, «contra proferentem», integration clause, limitation of interpretation.

Spisok literatury:

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 12. 03. 2019) // Sbornik zakonodatel'stva RF. – 05.12.1994. – № 32. – st. 3301. – Текст : непосредственный.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) ot 18.12.2006 № 230-FZ (red. ot 07. 08. 2023) // «Sbornik zakonodatel'stva RF», 19.01.2007. – № 5. – st. 410. – Текст : непосредственный.
3. Principy mezhdunarodnykh kommercheskich dogovorov (Principy UNIDRUA) (1994 god) [razrabotany Mezhdunarodnym institutom unifikacii chastnogo prava (UNIDRUA)] – Dostup iz sprav.- pravovoj sistemy Konsul'tant // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14121/ (data obrashcheniya: 07.06.2024). – Текст : электронный.
4. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 02.10.2012 № 6040/12 po delu N A40-63658/11-25-407 – Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy Konsul'tant // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=310844#2oplpgUWMsRCYIGT2> (data obrashcheniya: 07.06.2024). - Текст : электронный.
5. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 14.03.2014 № 16 «O svobode dogovora i ee predelah» – Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy Konsul'tant // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161322/ (data obrashcheniya: 07.11.2023). – Текст : электронный.
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 09.07.2019 № 24 «O primenenii norm mezhdunarodnogo chastnogo prava sudami Rossijskoj Federacii» - Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy Konsul'tant // URL:

- https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328771/000996174c0342ec7ab14493e96ee96197087467/ (data obrashcheniya: 07.06.2024). – Tekst : elektronnyj.
7. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 02.06.2023 № 305-ES22-29440 po delu № A40-215162/2021 – Dostup s oficial'nogo sajta Verhovnogo Suda RF // URL: https://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=2249490 (data obrashcheniya: 07.06.2024). – Tekst : elektronnyj.
8. Rasskazov, N. Yu. Model'nye pravila evropejskogo chastnogo prava (perevod s anglijskogo) (nauch. red. N.Yu. Rasskazova) / N.Yu. Rasskazov – Moskva : Statut, 2013. – 989 s. – Tekst : neposredstvennyj.
9. Bogdanov, D. E. Primenenie pravila contra proferentem pri tolkovanii dogovorov s pozicii tendencii solidarizacii grazhdanskogo prava / D. E. Bogdanov // Advokat, 2016. - № 1. – S. 11 – 15. – Tekst : neposredstvennyj.
10. Karapetov, A. G. Contra proferentem kak metod tolkovaniya dogovora / A. G. Karapetov // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii. - 2013.- №7. - S. 6-35. - Tekst : neposredstvennyj.
11. Mekhonceva, A. A. Integracionnaya ogovorka: sravnitel'no-pravovoe issledovanie / A. A. Mekhonceva // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii - 2023. - №8. – S. 137-171.– Tekst : neposredstvennyj.
- .

УДК 346.7

ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ СУБЪЕКТОВ СФЕРЫ ТЕПЛОСНАБЖЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ЗАЩИТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТЕПЛОСНАБЖЕНИИ

Семенов Д. Е.

Институт философии и права. Новосибирский государственный университет

Статья посвящена раскрытию не освещённой в юридической литературе теме законных интересов субъектов сферы теплоснабжения с точки зрения того, какие интересы заложены в основу принципов правового регулирования данной сферы. В целях анализа потребовалось выявить определение категории «законный интерес», поскольку в законодательстве, судебной практике и юридической доктрине единого подхода к его пониманию не сложилось. В процессе дальнейшего исследования определены основные законные интересы субъектов сферы теплоснабжения. Исследование показало, что интересы основной целевой группы отрасли теплоснабжения — потребителей и государства — не имеют общих точек соприкосновения с интересами тех лиц, которые обеспечивают существование и функционирование данной сферы. Законодательство о теплоснабжении таким образом имеет в своей основе антагонизм законных ожиданий основных его субъектов от самого функционирования и развития сферы теплоснабжения и как следствие необходимость уступок в ущерб национальным интересам, национальной безопасности, инфляции — в целях смягчения такого антагонизма.

Ключевые слова: теплоснабжение, естественные монополии, теплосетевые организации, тепло-снабжающие организации, законные интересы, субъекты сферы теплоснабжения, принципы законодательства о теплоснабжении.

Законодательство о теплоснабжении является «молодым» самостоятельным направлением законодательства, появление которого относится к 2010 г. [1], и своим «отпочкованием» из энергетического законодательства олицетворяет собой результат индустриального развития страны, произошедшего за последнее столетие. Особенность данной сферы законодательства определяется моментом появления самой системы централизованного теплоснабжения и историческим контекстом её развития. Первые объекты централизованного теплоснабжения появились в России лишь в начале прошлого столетия. К моменту революции 1917 г. энергетические объекты находились в отдельных регионах Российской империи: в Петербурге, Москве, Баку, а также в Сибири и на Дальнем Востоке, Кавказе, на территории сегодняшней Украины, Царства Польского, прибалтийских губерний [2, с. 311–314; 3, №№ 2554–2682]. До смены политического режима в дореволюционной России был принят ряд нормативных актов, регулирующих технические аспекты эксплуатации объектов энергетики, были разработаны концепции и принципы развития данной отрасли [4, с. 11–16, 28–96, 170–272; 5]. Основное же своё развитие сфера централизованного теплоснабжения получила в период СССР. Первый закон о теплоснабжении принимался уже в третьем историческом (политическом, идеологическом) контексте, по прошествии почти двадцати лет после его смены. Федеральный закон от 27.07.2010 №190-ФЗ «О теплоснабжении» [1] таким образом был призван обобщить как опыт развития данной отрасли экономики, полученный до развала Советского Союза, так и опыт существования новых хозяйственных связей, а также накопившуюся судебную практику и сложившиеся правовые позиции судебных инстанций по вопросам рассмотрения соответствующих споров.

Для правовой науки одинаково представляет интерес и значение не только анализ отдельных правовых институтов, обязательств, правоотношений, но и в целом

общий анализ той или иной отрасли или подотрасли законодательства, например, основных целей, задач или тех интересов, которые ими защищаются, поскольку как частное не может рассматриваться в отрыве от общего, так и наоборот. Так, например, нормы законодательства о защите прав потребителей, как известно, направлены в целом на защиту приобретателя товаров, работ, услуг — физического лица, действующего в личных интересах. Данный принцип применяется даже в том случае, если отношения возникли не в прямо предусмотренных соответствующим законом о защите прав потребителей случаях. В частности, Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [6] является специальным нормативным правовым актом, регулирующим отношения по приобретению строящихся объектов недвижимости. Приобретателями в данных правоотношениях могут быть как физические лица, действующие в личных целях, так и юридические лица. Положения ч. 2 и 5 ст. 7 этого ФЗ сформулированы диспозитивно и буквально допускают установление в договоре с участником долевого строительства любых иных условий в отношении указанных взаимоотношений, отличных от указанных в названном законе. ВС РФ, рассматривая соответствующий спор, обратил внимание, что такая диспозитивность в случае, когда на стороне участника долевого строительства выступает потребитель, ограничена общими принципами законодательства о защите прав потребителей, а именно о недопустимости включения в договор с потребителем условий, ухудшающих его положение по сравнению с общими нормами законодательства [7]. Полагаем, и анализ обозначенного в теме статьи направления (подотрасли) законодательства обогатится изучением его общей направленности.

«Законный интерес» является выработанным юридической доктриной правовым институтом, который объединяет в себе формы притязаний (ментального, духовного, психологического и поведенческого плана) субъектов права на материальные или нематериальные блага, поведение других лиц. С тем, что данные притязания субъектов являются предпосылкой для создания норм права, и без интереса норма права, по сути, является пустой, согласны, пожалуй, все учёные-правоведы [8, с. 249; 9, с. 604–607; 10, с. 375, 380–381; 11, с. 201; 12, с. 45–46].

В нормативно-правовых и судебных актах правовой институт «интерес» получил широкое упоминание (статьи 30, 36, 55, 69, 83, 132 Конституции РФ [13], статьи 1, 13, 30, 31, 32, 36, 37, 39 и др. ГК РФ [14; 15; 16; 17], судебные акты судов и разъяснения высших судебных инстанций [18; 19; 20]). Между тем, какое-либо законодательное определение данного термина отсутствует. Не наблюдается общего согласия и учёных по этому вопросу. Несмотря на опубликование в советский и постсоветский период нескольких фундаментальных научных правовых работ относительно интереса как правовой категории [21; 22; 23], выявление новых признаков, свойств, конструирование новых определений интереса как категории права продолжается и в настоящее время.

Интерес в целом и законный интерес (как допускаемый правом интерес) в частности — по сути являются неким звеном, которое связует субъекта права и некое благо. Содержание же этого «звена» определялось учёными по-разному: как мотив деятельности человека (Р. фон Иеринг [24, с. 8]), оценка благ (Г. Ф. Шершеневич [9, с. 603–607]), как отражённая потребность — прошедшая через сознание и выражен-

ная в деятельности или в побуждении человека (В. П. Грибанов [25, с. 52], С. В. Михайлов [26, с. 89], А. В. Малько [27, с. 209]), как процесс осознания потребности (Л. А. Чеговадзе [28, с. 19]), как стремление, устремление индивидуума к достижению блага (В. А. Кучинский [29, с. 87], Г. В. Мальцев [30, с. 364], Н. А. Шайкенов [31, с. 165]). Существовало также понимание данного института и через саму категорию «благо»: интерес является благом, выгодой, которые обеспечены или охраняются нормами права (М. А. Гурвич [32, с. 86], И. Л. Брауде [33, с. 57]). С. Ф. Кечекьян признавал все перечисленные характеристики интереса, указывая, что это понятие неопределённое, и интересом может быть и стремление индивидуума получить известное благо, и определённое психологическое состояние индивидуума, так и само благо, к которому индивидуум стремится [34, с. 52].

В постсоветский период были предложены новые видения законного интереса: через термин «благополучие» — как своего рода «мостик» к достижению человеком благополучия [А. Г. Малинова [35]], через юридическую дозволенность (В. В. Субочев, [23, с. 20–25, 54; 36, с. 366–380], С. А. Бурмистрова [37]), а также через целеполагание, волю и волеизъявление (А. В. Рыжик [38]).

Поскольку понятие законного интереса в данной статье необходимо с целью выявления предпочтений или приоритетов, которые отражены в законодательстве о теплоснабжении на данной стадии его развития, такая поставленная цель позволила выделить на базе всех предложенных доктриной вариантов следующую дефиницию интереса как категории права: законным интересом являются не запрещённые правом (законом) ожидания субъекта либо от результатов собственных действий, либо от своего правового состояния, либо ожидания субъекта совершения определённых действий или бездействия другими субъектами.

Технологический процесс централизованного теплоснабжения представляет собой последовательные этапы: выработка тепловой энергии на источнике тепла и последующая транспортировка и распределение [39]. Обеспечение производства и передачи тепловой энергии от источника тепла до конечных потребителей выполняют различные службы, в ведении которых находится обслуживание теплового, электрического оборудования и средств управления. И если в период СССР, во всём указанном сложном действе участвовали фактически 2 субъекта: государство как владелец всего теплового хозяйства и потребитель, — то сегодня различные функции могут выполняться самостоятельными субъектами, ведущими соответствующую деятельность (юрлица, индивидуальные предприниматели).

Федеральный закон «О теплоснабжении» №190-ФЗ от 27.07.2010 [40] (далее по тексту — «Закон о теплоснабжении») выделяет следующие группы субъектов теплоснабжения, которые соответствуют и основным технологическим процессам: теплоснабжающая организация (этап выработки тепловой энергии), теплосетевая организация (этап транспортировки и распределения тепловой энергии), потребители тепловой энергии (собственно потребление тепловой энергии). Безусловно, в процессе теплоснабжения задействованы также и другие службы, как-то: диспетчерские, ремонтные службы, аварийные бригады и т.п. Данные субъекты выполняют вспомогательную роль, и кроме того, их функции могут выполняться основными субъектами (теплоснабжающими и теплосетевыми организациями) самостоятельно, посредством создания соответствующих подразделений внутри своих организаций. Также диспетчерские, ремонтные и иные подрядные службы, действующие как от-

дельные специализированные организации, могут осуществлять свою деятельность и в другой ресурсоснабжающей деятельности: электро-, водо-, газоснабжение, в силу технологической близости и взаимосвязи всех указанных процессов, — то есть относить их к сфере теплоснабжения как её специфических участников не представляется целесообразным.

Законными интересами потребителей тепловой энергии — их не запрещёнными действующей в Российской Федерации системой права ожиданиями как от обращения к теплоснабжающей организации о подключении, так и от самого подключения к системе теплоснабжения являются: получать качественную (включая экологическую чистоту и безопасность) тепловую энергию, своевременно, и доступную как в технологическом смысле, так и с точки зрения цены. Учитывая современный уровень технологического развития, полагаем, что доступность тепловой энергии для современных потребителей заключается в том, что затраты на неё являются незначительными в общем объёме доходов, в том числе с учётом размера пенсий и пособий нетрудоспособным категориям населения.

Поддержка и презюмирование правовой системой России таких интересов следует из положений Конституции РФ [41] (далее также — «Конституция»), провозгласившей человека, его права и свободы высшей ценностью. Конституция гарантирует право на образование, свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, охрану государством достоинства личности, право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности, право на экологическую и собственную безопасность, государство гарантирует защиту материнства, детства и семьи, свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания, — и иные права и свободы, являющиеся реализацией самых высоких ценностей человечества, сложившихся к настоящему времени. В качестве национальных целей развития РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. определены, в том числе, сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи, реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности, комфортная и безопасная среда для жизни, экологическое благополучие, устойчивая и динамичная экономика, технологическое лидерство [42]. Безусловно, невозможна реализация столь высоких потребностей и идеалов без первостепенного удовлетворения базовых потребностей в тёплом жилье.

Теплоснабжающей организацией законодатель считает организацию или индивидуального предпринимателя, которые осуществляют продажу потребителям и (или) другим теплоснабжающим организациям произведённых или приобретённых тепловой энергии (мощности), теплоносителя, и владеют на праве собственности или ином законном основании источниками тепловой энергии и (или) тепловыми сетями в системе теплоснабжения, посредством которых осуществляется теплоснабжение потребителей тепловой энергии (ст. 2 Закона о теплоснабжении). В приведённом определении прямо не указано, что теплоснабжающей организацией может быть только коммерческая организация. Однако, статусы теплоснабжающей организации-организации и теплоснабжающей организации-индивидуального предпринимателя в Законе о теплоснабжении не разделены, а понятие индивидуальных предпринимателей включает в себя занятие деятельностью, направленной на извле-

чение прибыли (ст. 23 ГК РФ). Кроме того, как будет показано ниже, в основу регулирования сферы теплоснабжения закладывается обеспечение доходности таких лиц. Представляется, что на стороне теплоснабжающей организации выступает коммерческая организация или индивидуальный предприниматель.

Основная цель деятельности любой коммерческой организации и индивидуального предпринимателя — извлечение прибыли (ст. 50 ГК РФ). При этом деятельность коммерческих организаций подразумевает распределение полученной прибыли между её участниками. Соответственно, законным ожиданием теплоснабжающих организаций от результатов осуществления ею деятельности по выработке тепловой энергии (законным интересом) является получение максимальной прибыли при минимальных по размеру и необременительных по времени затратах.

Теплосетевую организацию законодатель определяет как организацию или индивидуального предпринимателя, имеющих во владении тепловые сети и иное оборудование, соответствующих определённым критериям (протяжённость сетей и иные [43]), которые оказывают услуги по передаче тепловой энергии. Выводы относительно законных интересов теплосетевой организации в полной мере аналогичны таковым для теплоснабжающей организации.

Активную роль в сфере теплоснабжения занимает также государство. Так, государство осуществляет регулирование цен на тепловую энергию и услуги по её передаче, утверждает схемы теплоснабжения административно-территориальных образований, осуществляет государственный энергетический надзор в сфере теплоснабжения, антимонопольное регулирование, принимает меры по организации обеспечения теплоснабжения потребителей в случае неисполнения теплоснабжающими организациями или теплосетевыми организациями своих обязательств либо отказа указанных организаций от исполнения своих обязательств, участвует в подготовке тепловых сетей и оборудования к отопительному сезону (статьи 4 — 6.1 Закона о теплоснабжении). Теплоснабжение воинских частей, учреждений, предприятий и организаций федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых предусмотрена военная служба, обозначены законодателем как неотъемлемая часть безопасности государства [44]. Сфера теплоснабжения также является объектом внимания государства по вопросам обеспечения национальной безопасности: энергетическая безопасность, в том числе обеспечение устойчивого тепло- и энергоснабжения населения и субъектов национальной экономики, повышение энергетической эффективности экономики и эффективности государственного управления в сфере топливно-энергетического комплекса, интенсивное технологическое обновление сектора энергетики, развитие энергетической инфраструктуры в целях ускорения роста российской экономики, и иные аспекты энергетической безопасности, перечислены как составляющие основы обеспечения национальной безопасности [45].

Таким образом, сфера теплоснабжения является не только средством обеспечения базовых потребностей гражданина и человека в достойных условиях жизни и труда, но и потребностей государства как гаранта Конституции РФ. Обеспечение суверенитета, защита территории и населения от внешних угроз, повышение уровня жизни населения — закреплены и вытекают из положений Конституции РФ. Государство в связи с этим является самостоятельным субъектом сферы теплоснабжения.

С учётом конституционно обозначенных функций государства, определённых им основ обеспечения безопасности государства и национальной безопасности, утверждённой энергетической стратегии страны до 2035 г. [46] и поставленных национальных целей развития РФ [42] могут быть определены ожидания государства от функционирования всей сферы теплоснабжения (законные интересы государства как субъекта сферы теплоснабжения). Так, в интересы государства как субъекта сферы теплоснабжения входят интересы: чтобы теплоснабжение в стране было качественным, безопасным не только с технологической точки зрения, но и с точки зрения экологии, теплоснабжение также должно быть ресурсосберегающим, энерго-сберегающим и энергоэффективным, государство заинтересовано в минимальном росте цен на тепловую энергию или лучше в отсутствии такового, в доступности по цене и по технологическим условиям для всех категорий населения и предприятий. Кроме того, на государстве лежит конституционная обязанность не только обеспечивать достойную жизнь и свободное развитие человека, но и гарантировать единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддерживать конкуренцию, свободу экономической деятельности (ст. 5, 8 Конституции). Следовательно, в сферу интересов государства в сфере теплоснабжения входит также и минимизация споров и конфликтов между профессиональными участниками сферы теплоснабжения — теплоснабжающими и теплосетевыми организациями, обеспечение их экономических интересов.

Интересы государства в сфере теплоснабжения, таким образом, являются противоречивыми, и в некоторой степени взаимоисключающими. Бóльшая их часть, а именно: связанная с энергетической, экологической и физической безопасностью, обеспечением доступности теплоснабжения и развитием всей данной сферы, — при их реализации обеспечит реализацию интересов потребителей тепловой энергии. Создание же экономических условий для осуществления предпринимательской деятельности напрямую не входит в сферу интересов потребителей, — но соответствуют ожиданиям профессиональных субъектов сферы теплоснабжения.

При этом, можно отметить, что интересы субъектов «производящего звена» сферы теплоснабжения — теплоснабжающих и теплосетевых организаций — не имеют пересечения с интересами потребителей тепловой энергии. Такое несовпадение вызвано тем, что сфера теплоснабжения является естественной монополией. В конкурентных сферах предприниматели заинтересованы в качестве товара или услуги, использовании передовых технологий, улучшению условий обслуживания, уменьшению цен, — исключительно поскольку данные факторы увеличивают конкурентоспособность соответствующего производителя или посредника и, как следствие спрос на его продукцию или услуги. Вынужденное стремление улучшать качество товара и обслуживания, уменьшать цены — объединяет потребителей (и государство как гарант прав потребителей) с одной стороны и производителей и посредников — с другой. В сфере же естественных монополий тому же потребителю аналогичный товар не может быть предложен каким-либо другим субъектом, ни на тех же условиях, ни с лучшими условиями или по более низкой цене. С учётом указанного, использование передовых технологий, модернизация, обновление, инновации, развитие системы теплоснабжения таким образом, чтобы это обеспечивало развитие соответствующей отрасли промышленности и региона, — как действия, требующие значительных финансовых вложений, окупаемость которых может составлять годы,

а порой и вовсе стоит под вопросом, — не входят в сферу непосредственных интересов профессиональных участников системы теплоснабжения. В раскрытии технологических подробностей своей деятельности (количественный и качественный состав тепловых сетей, находящихся в ведении теплоснабжающей и теплосетевой организации, способ организации теплоснабжения, технологические характеристики источника тепла (оборудование, система и т.д.), направления расходования получаемых от деятельности денежных средств и т.п.) теплоснабжающие и теплосетевые организации таким образом также не заинтересованы непосредственно, без прямых обязывающих к тому норм закона. Обеспечение безопасности сферы теплоснабжения и простой работоспособности оборудования — являются лишь косвенными интересами производителей, в той мере, в какой это способствует получению прибыли, с учётом минимизации расходов.

Таким образом, в сфере теплоснабжения перед законодателем, с учётом выбранной в государстве экономической системы, стоит задача обеспечить реализацию столь разноплановых и не имеющих общих точек соприкосновения интересов основных субъектов производства и потребления тепловой энергии, и в это же время защитить стратегические интересы государства.

В ст. 3 Закона о теплоснабжении [40] законодатель определил принципы, которые заложены им в основу правового регулирования отношений в сфере теплоснабжения. Такими принципами являются: 1) обеспечение надежности теплоснабжения в соответствии с требованиями технических регламентов; 2) обеспечение энергетической эффективности теплоснабжения и потребления тепловой энергии с учетом требований, установленных федеральными законами; 3) обеспечение приоритетного использования комбинированной выработки электрической и тепловой энергии для организации теплоснабжения; 4) развитие систем централизованного теплоснабжения; 5) соблюдение баланса экономических интересов теплоснабжающих организаций и интересов потребителей; 6) обеспечение экономически обоснованной доходности текущей деятельности теплоснабжающих организаций и используемого при осуществлении регулируемых видов деятельности в сфере теплоснабжения инвестированного капитала; 7) обеспечение недискриминационных и стабильных условий осуществления предпринимательской деятельности в сфере теплоснабжения; 8) обеспечение экологической безопасности теплоснабжения; 9) обеспечение безопасной эксплуатации объектов теплоснабжения.

Большинство из закреплённых законодателем принципов правового регулирования сферы теплоснабжения направлены на защиту интересов потребителей и государства (п. 1—4, 8, 9). Однако, в числе принципов не содержится упоминания необходимости обеспечения минимизации и прозрачности цен на энергоресурсы, защита прав и законных интересов потребителей тепловой энергии, доступность теплоснабжения всем категориям населения и производства.

Интересы профессиональных участников сферы теплоснабжения закреплены в пп. 5 — 7 посредством установления принципов соблюдения баланса экономических интересов теплоснабжающих организаций и интересов потребителей, обеспечения экономически обоснованной доходности текущей деятельности теплоснабжающих организаций и используемого при осуществлении регулируемых видов деятельности в сфере теплоснабжения инвестированного капитала, обеспечения недискриминационных и стабильных условий осуществления предпринимательской

деятельности в сфере теплоснабжения.

С учётом того, что «общего знаменателя» у законных интересов теплоснабжающих и теплосетевых организаций с одной стороны и потребителей — с другой — нет, задача соблюдения баланса экономических интересов данных субъектов может быть достигнута только путём компромисса, т.е. уступок с той и с другой стороны. С учётом специфики сферы теплоснабжения, такие уступки могут касаться либо технологических, либо ценовых требований, а, следовательно, в любом случае в той или иной части будут ущемлены как интересы потребителя, так и стратегические интересы государства.

Принципы обеспечения экономически обоснованной доходности текущей деятельности теплоснабжающих организаций и используемого при осуществлении регулируемых видов деятельности в сфере теплоснабжения инвестированного капитала, и обеспечения недискриминационных и стабильных условий осуществления предпринимательской деятельности в сфере теплоснабжения — воплощают в себе интересы профессиональных участников данной сферы и той части интересов государства, в которой последнее обязалось обеспечивать свободу экономической деятельности. С учётом действующих норм о возможности субсидирования недополученных доходов теплоснабжающих и теплосетевых организаций (ст. 31 Бюджетного кодекса РФ [47]) [48; 49] выходит, что коммерческие предприятия — теплоснабжающие и теплосетевые организации — работают в условиях гарантированной прибыльной деятельности.

Указанные в пп. 5 – 7 ст. 3 Закона о теплоснабжении принципы, как и включение в сферу теплоснабжения в качестве обеспечивающего её существование звена коммерческих организаций представляются «чуждыми» сфере теплоснабжения с точки зрения её первоначального назначения: обеспечение жизнедеятельности граждан и индустриального развития страны, защита безопасности и суверенитета государства. В литературе в этой связи отмечается, что, например, в датском Законе о теплоснабжении 1990 г. закреплён принцип бесприбыльности деятельности в сфере теплоснабжения [50, с. 265]. Полагаем, законодательство о теплоснабжении нуждается в «переосмыслении» вопроса о назначении данной сферы: может ли она быть гарантированным источником дохода субъектов, которые сами по себе не заинтересованы в её развитии? В настоящий же момент данное направление законодательства вынужденно регулирует взаимоисключающие интересы её субъектов. Наличие таких противоречий может оказывать непосредственное влияние и на развитие соответствующей сферы экономики, поскольку любой компромисс между не имеющими объединяющих интересов стимулов субъектами достигается за счёт уступок в области технического и технологического состояния системы теплоснабжения или роста цен, то есть в ущерб стратегическим интересам государства и интересам потребителей.

Список литературы:

1. О теплоснабжении: Федеральный закон № 190-ФЗ от 27.07.2010: ред. до 17.06.2011 // Российская газета. – 2010. – № 168.
2. Список фабрик и заводов Российской Империи, со включением Сибири, Средней Азии и Кавказа. Составлен по официальным сведениям Отдела промышленности Министерства торговли и промышленности / сост. В. Е. Варзар. — Санкт-Петербург: Типография Киришбаума (отделение), 1912. – 403 с.
3. Фабрично-заводские предприятия Российской Империи (исключая Финляндию). Составлено под руководством Редакционного комитета Совета Съездов представителей промышленности и торговли. / сост. Л. К. Езиоранский. – Петроград: Издали инж. путей сообщ. Д. П. Кандауров и сын, 1914. 1612 с.
4. Грищенко, А.И. Энергетическое право России (Правовое регулирование электроэнергетики в 1885—

- 1918 гг.). / А. И. Грищенко, П. С. Зиноватный. — Москва: Юрист, 2008. — 279 с.
5. Гуревич, П. Основные вопросы электрической политики в послевоенную эпоху в России. / П. Гуревич // *Электричество*. — 1917. — № 2. — С. 30-40.
6. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 214-ФЗ от 30.12.2004: с изм. на 14.02.2024. — Текст: электронный. // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14.08.2020 №307-ЭС19-24320 по делу №А56-44694/2019// Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел: [сайт]. — URL.: <https://kad.arbitr.ru/Card/ddd5f1f2-1f39-4308-87bf-4cc979822066>
8. Иеринг, Рудольф Цель в праве. Первый том. / Р. фон Иеринг; перевод с немецкого В. Р. Лицкой [и др.] — Санкт-Петербург: Н. В. Муравьев, 1881. — 412 с.
9. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права / Г. Ф. Шершеневич. М., 1910. — 805 с.
10. Гамбаров, Ю.С. Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая. / Ю. С. Гамбаров. СПб, 1911. 780 с.
11. Муромцев, С. А. Определение и основное разделение права. / С. А. Муромцев. М., 1879. 240 с.
12. Рыжик, А.В. Теория интереса собственника в российском гражданском праве: специальность 5.1.3. «Частно-правовые цивилистические науки»: дис. на соиск. ... д-ра юрид. наук. / Рыжик Андрей Владимирович: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. — Москва, 2022. — 485 с.
13. Конституция Российской Федерации: Новая редакция со всеми изменениями и основными федеральными законами на 2023 год. — Москва: Эксмо, 2023. — 320 с.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: №51-ФЗ от 30.11.1994: с изм. на 22.03.2024. // КонсультантПлюс: [сайт]. URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
15. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: №14-ФЗ от 26.01.1996: с изм. на 12.09.2023. // КонсультантПлюс: [сайт]. URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/
16. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 3: №146-ФЗ от 26.11.2001: с изм. на 04.08.2023. // КонсультантПлюс: [сайт]. URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/
17. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 4: №230-ФЗ от 18.12.2006: с изм. на 10.02.2024. // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/
18. О свободе договора и ее пределах: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 16 от 14.03.2014 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2014. — № 5.
19. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лисицына Андрея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации и статьей 209 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22.03.2012 № 478-О-О. — Текст: электронный. // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ: [сайт]. — URL.: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70067604/>
20. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.06.2016 № 5-КГ16-74. — Текст: электронный. // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ: [сайт]. — URL.: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71359318/>
21. Гукасян, Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском праве. — Саратов, 1976. 191 с.
22. Экимов, А.И. Интересы и право в социалистическом обществе. — Л., ЛГУ, 1984. — 134 с.
23. Субочев, В.В. Законные интересы / В. В. Субочев; под ред. А. В. Малько. М.: НОРМА, 2008. 496 с.
24. Тарановский, Ф.В. Интерес и нравственный долг в праве. / Ф. В. Тарановский. — Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1899. — 20 с.
25. Грибанов, В.П. Интерес в гражданском праве / В. П. Грибанов // Советское государство и право. — 1967. — № 1. — С. 49–56.
26. Михайлов, С.В. Интерес как общенаучная категория и ее отражение в науке гражданского права. / С. В. Михайлов. // Государство и право. — 1999. — № 7. С. 86–97.
27. Малько, А.В. Стимулы и ограничения в праве / А. В. Малько. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2012. — 383 с.
28. Чеговадзе, Л.А. Система и состояние гражданского правоотношения: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. / Чеговадзе Людмила Алексеевна; Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, Кафедра правового обеспечения рыночной экономики. — Москва, 2005. — 43 с.
29. Кучинский, В.А. Законные интересы: от Конституции к правореализующей деятельности. / В. А. Кучинский. // Теоретические вопросы реализации Конституции СССР. / Институт государства и права Российской академии наук; [отв. ред. Б.Н. Топорнин]. М.: Издательство ИГиП РАН, 1982. С. 85–88.
30. Мальцев, Г.В. Социальные основания права. / Г. В. Мальцев. — Москва: НОРМА, 2007. — 800 с.
31. Шайкенов, Н.А. Правовое обеспечение интересов личности / Н. А. Шайкенов. — Свердловск: Издательство Уральского университета, 1990. — 200 с.
32. Гурвич, М. А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия. / М. А. Гурвич. // Вопросы гражданского процессуального, гражданского и трудового права. Труды ВЮЗИ. / Всесоюзный юридический заочный институт. — Москва, 1965. — Том 3. — С. 62 – 117.
33. Брауде, И. Л. К вопросу об объекте правоотношения по советскому гражданскому праву. / И. Л.

- Брауде. // Советское государство и право. – 1951. – № 3. С. 56–58.
34. Кечекьян, С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. / С. Ф. Кечекьян. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1958. – 187 с.
35. Малинова, А. Г. "Интерес" как понятие правоведения: проблемы доктринального определения. / А. Г. Малинова. // Российский юридический журнал. – 2021. – № 2. – С. 29–42.
36. Субочев, В. В. Законные интересы. / В. В. Субочев. // Проблемы теории государства и права. Учебник / Под ред. А. В. Малько. – Москва: Юрлитинформ, 2012. – С. 362–380.
37. Бурмистрова, С.А. Правовой интерес как отдельная правовая возможность: механизм защиты в гражданском процессе / С. А. Бурмистрова // Журнал российского права. – 2020. № 6. С. 134–147.
38. Рыжик, А.В. Охраняемый законом интерес: проблемы правоприменения. / А. В. Рыжик. // Цивилист. – 2023. № 1. С. 27–31.
39. Об утверждении методических рекомендаций о порядке мониторинга и контроля устранения аварий и инцидентов на объектах жилищно-коммунального хозяйства: Приказ Минстроя России от 04.06.2020 № 305/пр: ред. на 04.06.2020. — Текст: электронный. // Минстрой России: [сайт]. — URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/ae9/prikaz-305pr.pdf>
40. О теплоснабжении: Федеральный закон № 190-ФЗ от 27.07.2010: с изм. на 08.03.2024. — Текст: электронный. // Система ГАРАНТ: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/12177489/>
41. Конституция Российской Федерации: Новая редакция со всеми изменениями и основными федеральными законами на 2023 год. — Москва: Эксмо, 2023. — 320 с.
42. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации №309 от 07.05.2024: ред. от 07.05.2024. // Официальное опубликование правовых актов: [сайт]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015>
43. Об организации теплоснабжения в Российской Федерации и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации № 808 от 08.08.2012: с изм. на 06.06.2023. // Система ГАРАНТ: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/70215126/>
44. О мерах по осуществлению устойчивого функционирования объектов, обеспечивающих безопасность государства: Указ Президента Российской Федерации от 23.11.1995 № 1173: с изм. на 18.12.2016. — Текст: электронный. // Система ГАРАНТ: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/105476/>
45. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации № 400 от 02.07.2021: ред. на 02.07.2021 // Система ГАРАНТ: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/401425792/>
46. Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1523-р от 09.06.2020: с изм. на 28.02.2024. // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354840/
47. Бюджетный кодекс Российской Федерации: №145-ФЗ от 31.07.1998: с изм. на 13.07.2024. — Текст: электронный. // Система ГАРАНТ: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/12112604/>
48. Об утверждении Методических рекомендаций по внедрению целевой модели рынка тепловой энергии на территории поселения, городского округа: Приказ Минэнерго России № 770 от 14.09.2018: ред. на 14.09.2018. — Текст: электронный. // Система ГАРАНТ: [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71948704/>
49. Об утверждении Методических рекомендаций по проведению субъектами Российской Федерации мониторинга состояния объектов систем теплоснабжения: Приказ Минстроя России от 30.11.2021 N 869/пр: ред. на 01.01.2022. — Текст: электронный. // Система ГАРАНТ: [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403258637/>
50. Свирков, С.А. Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии: монография / С. А. Свирков. – Москва: Статут, 2013. – 479 с.

Dmitriy E. Semenov. The legitimate interests of the subjects of the heat supply sector as an object of protection by heat supply legislation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 373–384.

The article is devoted to the issue of the legitimate interests of subjects of the heat supply sector, not covered in the legal literature, in terms of which of them had based the principles of legal regulation of this sphere. For the purposes of the analysis, it was necessary to identify the term "legitimate interest", since there was no unified definition of it in the legislation, judicial practice and legal doctrine. Then the main legitimate interests of the subjects of the heat supply sector have been identified. The study showed that the interests of the main target group of the heat supply industry — which are the consumers and the state — do not have any common with the interests of those persons who ensure the existence and functioning of this sphere. Thus, the legislation on heat supply is based on the antagonism of the legitimate expectations of its main subjects from the very functioning and development of the heat supply sector and, as a result, there is the need for concessions to the detriment of national interests, national security, inflation — in order to mitigate such antagonism.

Key words: heat supplying, natural monopolies, heat distribution organizations, heat supply organizations, legitimate interests, subjects of the heat supply sphere, principles of legislation on heat supply

Spisok literatury:

1. On heat supply: Federal Law No. 190-FZ dated 07/27/2010: ed. to 06/17/2011 // Rossiyskaya Gazeta. - 2010. - No. 168.
2. List of factories and plants of the Russian Empire, including Siberia, Central Asia and the Caucasus. Compiled according to official information from the Industry Department of the Ministry of Trade and Industry / comp. V. E. Varzar. — St. Petersburg: Kirshbaum Printing House (department), 1912. — 403 p.
3. Factory enterprises of the Russian Empire (excluding Finland). Compiled under the guidance of the Editorial Committee of the Council of Congresses of Representatives of Industry and Trade. / comp. L. K. Ezioransky. — Petrograd: Izdali eng. paths of communication D. P. Kandaurov and son, 1914. — 1612 p.
4. Grishchenko, A.I. Energy law of Russia (Legal regulation of the electric power industry in 1885-1918). / A. I. Grishchenko, P. S. Zinovatny. — Moscow: Yurist, 2008. — 279 p.
5. Gurevich, P. The main issues of electric policy in the post-war era in Russia. / P. Gurevich. // Electricity. — 1917. — No. 2. — pp. 30-40.
6. On participation in the shared construction of apartment buildings and other real estate objects and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 214-FZ of 12/30/2004: as amended on 02/14/2024. // ConsultantPlus: [website]. URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/
7. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/14/2020 No.307-ES19-24320 in case No. A56-44694/2019. — Text: electronic. // Electronic justice. File of arbitration cases: [website]. — URL.: <https://kad.arbitr.ru/Card/dd5f1f2-1f39-4308-87bf-4cc979822066>
8. Iering, Rudolf The goal is right. The first volume / R. von Iering; translated from the German by V. R. Litskaya [et al.]. — St. Petersburg: N. V. Muravyov, 1881. — 412 p.
9. Shershenevich, G.F. General theory of law. / G. F. Shershenevich. Moscow: Publishing house of the Bashmakov brothers, 1910. — 805 p.
10. Gambarov, Y.S. Course of civil law. Vol. 1. General part. / Y. S. Gambarov. St. Petersburg, 1911. 780 p.
11. Muromtsev, S. A. Definition and basic division of law. / S. A. Muromtsev. — Moscow, 1879. — 240 p.
12. Ryzhik, A.V. Theory of the owner's interest in Russian civil law: specialty 5.1.3. "Private law civil sciences": dis. for the job. ... Dr. Jurid. sciences'. / Andrey Vladimirovich Ryzhik: Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. — Moscow, 2022. — 485 p.
13. The Constitution of the Russian Federation: A new version with all the changes and the main federal laws for 2023. — Moscow: Eksmo, 2023. — 320 p.
14. The Civil Code of the Russian Federation. Part One: No. 51-FZ of 11/30/1994: as amended on 03/22/2024. // ConsultantPlus: [website]. URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
15. The Civil Code of the Russian Federation. Part Two: No. 14-FZ of 01/26/1996: as amended on 09/12/2023. // ConsultantPlus: [website]. URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/
16. The Civil Code of the Russian Federation. Part Three: No.146-FZ of 11/26/2001: as amended on 08/04/2023. // ConsultantPlus: [website]. URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/
17. The Civil Code of the Russian Federation. Part four: No.230-FZ of 12/18/2006: as amended on 02/10/2024. // ConsultantPlus: [website]. URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/
18. On freedom of contract and its limits: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 16 dated 03/14/2014. // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. — 2014. — № 5.
19. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Lisitsyn Andrey Alexandrovich for violation of his constitutional rights by Article 242.2 of the Budget Code of the Russian Federation and Article 209 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 03/22/2012 No. 478-O-O. — Text: electronic. // Information and legal portal GARANT: [website]. — URL.: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70067604/>
20. Resolution of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/07/2016 No. 5-KG16-74. // Information and legal portal GARANT: [website]. — URL.: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71359318/>
21. Ghukasyan, R. E. The problem of interest in Soviet civil law. / R. E. Ghukasyan. Saratov, 1976. — 191 p.
22. Ekimov, A.I. Interests and law in a socialist society / A. I. Ekimov. L., 1984. 134 p.
23. Subochev, V.V. Legitimate interests / V. V. Subochev; edited by A. V. Malko. M.: NORMA, 2008. 496 p.
24. Taranovsky, F.V. Interest and moral duty in law. / F. V. Taranovsky. — Warsaw: Printing House of the Warsaw Educational District, 1899. — 20 p.
25. Gribanov, V.P. Interest in civil law / V. P. Gribanov // The Soviet State and Law. - 1967. No. 1. Pp. 49-56.
26. Mikhailov, S.V. Interest as a general scientific category and its reflection in the science of civil law. / S. V. Mikhailov // State and law. - 1999. — No. 7. pp. 86-97.
27. Malko, A.V. Incentives and restrictions in law / A.V. Malko. - 3rd ed., reprint. and add. — M., 2012. 383 p.
28. Chegovadze, L.A. The system and state of civil law relations: specialty 12.00.03 "Civil law; business law; family law; private international law": abstract of the dissertation of Dr. jurid. sciences'. / Lyudmila Alekseevna Chegovadze; Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Department of Legal Support of Market Economy. — Moscow, 2005. — 43 p.
29. Kuchinsky, V.A. Legitimate interests: from the Constitution to law-realising activity. / V. A. Kuchinsky. // Theoretical issues of the implementation of the Constitution of the USSR. / Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; [ed. by B.N. Toporin]. M.: IGI RAS Publishing House, 1982. — pp. 85-88.
30. Maltsev, G.V. Social foundations of law. / G. V. Maltsev. — Moscow: NORMA, 2007. — 800 p.

31. Shaikenov, N.A. Legal protection of the interests of the individual / N. A. Shaikenov. Sverdlovsk: Ural University Press, 1990. — 200 p.
32. Gurvich, M. A. Civil procedural legal relations and procedural actions. / M. A. Gurvich. // Issues of civil procedure, civil and labor law. The works of VUZI. / All-Union Correspondence Law Institute. M., 1965. Volume 3. — pp. 62-117.
33. Braude, I. L. On the issue of the object of legal relations under Soviet civil law. / I. L. Braude. // The Soviet State and Law. — 1951. — No. 3. pp. 56-58.
34. Kechekyan, S.F. Legal relations in a socialist society. / S. F. Kechekyan. — Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958. — 187 p.
35. Malinova, A. G. "Interest" as a concept of jurisprudence: problems of doctrinal definition. / A. G. Malinova. // Russian Law Journal. — 2021. — No. 2. — pp. 29-42.
36. Subochev, V. V. Legitimate interests. / V. V. Subochev // Problems of the theory of state and law. Text-book / Edited by A. V. Malko. — Moscow: Yurлитinform, 2012. — pp. 362-380.
37. Burmistrova, S.A. Legal interest as a separate legal opportunity: a mechanism of protection in the civil process. / S. A. Burmistrova. // Journal of Russian Law. - 2020. — No. 6. — pp. 134-147.
38. Ryzhik, A.V. Legally protected interest: problems of law enforcement // Civilist. 2023. No. 1. pp. 27-31.
39. On approval of methodological recommendations on the procedure for monitoring and controlling the elimination of accidents and incidents at housing and communal services facilities: Order of the Ministry of Construction of the Russian Federation dated 06/04/2020 No. 305/pr.: ed. on 06/04/2020// Ministry of Construction of Russia: [website]. — URL.: <https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/ae9/prikaz-305pr.pdf>
40. On heat supply: Federal Law No. 190-FZ of 07/27/2010: as amended on 03/08/2024. — Text: electronic. // The GARANT system: [website]. — URL: <https://base.garant.ru/12177489/>
41. The Constitution of the Russian Federation: A new version with all the changes and the main federal laws for 2023. — Moscow: Eksmo, 2023. — 320 p.
42. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036: Decree of the President of the Russian Federation No. 309 dated 05/07/2024: ed. from 05/07/2024. // Official publication of legal acts: [website]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015>
43. On the organization of heat supply in the Russian Federation and on amendments to certain Acts of the Government of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation No. 808 dated 08.08.2012: as amended on 06.06.2023. // The GARANT system: [website]. — URL: <https://base.garant.ru/70215126/>
44. On measures to ensure the sustainable operation of facilities that ensure the security of the State: Decree of the President of the Russian Federation dated 11/23/1995 No. 1173: as amended on 12/18/2016. — Text: electronic. // The GARANT system: [website]. — URL: <https://base.garant.ru/105476/>
45. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated 07/02/2021: as amended on 07/02/2021. // The GARANT system: [website]. — URL: <https://base.garant.ru/401425792/>
46. On approval of the Energy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2035: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1523-r dated 06/09/2020: as amended on 02/28/2024. // ConsultantPlus: [website]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354840/
47. Budget Code of the Russian Federation: No.145-FZ dated 07/31/1998: as amended on 07/13/2024 // The GARANT system: [website]. — URL: <https://base.garant.ru/12112604/>
48. On approval of Methodological recommendations for the implementation of the target model of the thermal energy market in the territory of the settlement, urban district: Order of the Ministry of Energy of the Russian Federation No. 770 dated 09/14/2018: ed. on 09/14/2018. — Text: electronic. // The GARANT system: [website]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71948704/>
49. On approval of Methodological recommendations for the subjects of the Russian Federation to monitor the condition of heat supply system facilities: Order of the Ministry of Construction of the Russian Federation dated 11/30/2021 N 869/pr: ed. on 01.01.2022. — Text: electronic. // The GARANT system: [website]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403258637/>
50. Svirkov, S.A. The main problems of civil law regulation of energy turnover: a monograph. / S. A. Svirkov. — Moscow: Statute, 2013. — 479 p.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЗАЁМНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ТРУДА

Процевский В. А., Моисеенко М. А.

Юридический институт Севастопольского государственного университета

В данной статье исследуются особенности юридической регламентации, возникающие в связи с необходимостью применения заёмного труда. Предлагаются правовые предписания, направленные на изменение механизма его правового регулирования в Российской Федерации (далее РФ). Освещается генезис этого правового явления в Российской Империи и Российской Советской Федеративной Социалистической Республике (далее РСФСР). Рассматриваются различные точки зрения современных ученых, а также уделяется внимание решениям судов по делам о применении заёмного труда. В работе проанализирован международный опыт применения заёмного труда в таких государствах как Германия, Франция, Бельгия и других. Также авторами рассматриваются Конвенции и Рекомендации издания Международной организации труда о нестандартных формах занятости, к которым и относится исследуемое правовое явление. Предлагается расширить круг общественных отношений, входящих в предмет трудового права. В заключении авторами были предложены варианты решения существующих проблем. По мнению авторов, такие меры будут способствовать дальнейшей защите прав и интересов работника.

Ключевые слова: заёмный труд, Кодекс законов о труде, Трудовой кодекс, занятость населения, Центр занятости, Частное агентство занятости, трудоустройство, трудовые отношения, предмет трудового права, договор о предоставлении труда, аутсорсинг, аутстаффинг, Международная организация труда.

В настоящее время заёмный труд в РФ запрещен на основании ч. 1 ст. 56.1 ТК РФ. Однако ранее он имел место.

Корни данного правового явления уходят далеко в историю российского права. Появление такого явления относится к середине 19 века. Положение «О ротном хозяйстве» (1878 г.) разрешало командиру направлять своих подчиненных на работу в свободное от службы время, которая производилась в черте расположения части или вне её. Командир также обладал правом заключать договоры с нанимателями. Таким образом ротный командир является третьей стороной в этих отношениях [1].

Принятый в этот же период времени, «Торговый устав» предоставлял право найма корабельщику, нужного ему, состава экипажа корабля. Однако, в этом случае, корабельщик являлся представителем собственника корабля [1].

С приходом Советской власти изменилось правовое регулирование в стране. Новая идеология требовала существенных перемен в законодательстве страны. Отрасль трудового права не стала исключением из общего правила. В 1918 г. был принят Кодекс законов о труде (далее КЗоТ) РСФСР, согласно 1 ст. которого в стране была объявлена всеобщая трудовая повинность для населения [2]. Такой правовой институт как заёмный труд не мог существовать, так как трудоустройством всецело занималось государство. Следующий КЗоТ РСФСР был принят в 1922 г., он отменял всеобщую трудовую повинность в мирное время, но и не запрещал полностью. Стоит отметить новшество в советском праве, а именно закрепление такого правового института как заёмный труд. Ст. 27 этого Кодекса разрешала работнику заключение трудового договора сразу с несколькими нанимателями [3].

КЗоТ РСФСР 1971 г. не содержал норм, регулирующих заёмный труд [4]. Долгое

время его регулирования отсутствовало по причине планового характера экономики страны, то есть негосударственные предприятия отсутствовали. На основании этого отпадала необходимость в регулировании данного процесса.

После вступления, в 2002 г., в силу нового Трудового кодекса РФ заёмный труд не регламентировался, но просто не был запрещён и регулировался по принципу: «не запрещено – значит разрешено». После его запрета в 2014 г. и введении в действие новой ст. 56.1 стал формироваться новый правовой механизм этого правового явления, закреплённый в главе 53.1 ТК РФ. В частности, гражданин обязан обратиться в Частное агентство занятости, которое является посредником в заключении трудового договора между ним и организацией. После такого трудоустройства работник обязуется выполнять работу в интересах и под управлением и лица, с которым не состоит в трудовых отношениях [5]. В законодательстве появляется новый вид договора о предоставлении труда работников (персонала), который легализует наличие посредника в заключении трудового договора [5].

Следует обратить внимание на большое количество научных статей по настоящей теме, что свидетельствует о постоянном интересе к данной проблеме и необходимости толкования таких правовых норм (Процевского В.А. [6], Е.Н. Егорову [7], С.Ю. Чучу [8], Н.А. Яковенко [9] и др.).

Изучение природы такого правового явления, как заёмный труд, представляет собой важную задачу для теории и практики современного трудового права в России. Вместе с тем, существует проблема скрытого заёмного труда, который не всегда официально оформляется. Это указывает на серьезные пробелы в правовом регулировании, что приводит к нарушению трудовых прав и законных интересов работников. Именно поэтому, подходы Международной организации труда (далее МОТ) к нестандартным формам занятости, что представляют большой интерес для российской практики правового регулирования заёмного труда и позволяет определить наиболее эффективные международные практики и внедрить их в российский контекст [10]. В частности, на наш взгляд, требует дополнительного исследования также такие правовые явления как аутсорсинг и аутстаффинг. Разграничим эти два правовых явления. Аутсорсинг – это передача определенных функций внешним исполнителям, передача компанией определенных процессов на обслуживание другой компании, специализирующейся в соответствующей области [11]. В свою очередь, аутстаффинг относится к сфере управления персоналом. В этом случае, компания пользуется услугами работников, являющихся сотрудниками другой компании [11]. При аутстаффинге исключается должность из штатного расписания для выполнения определенной работы [11].

Следует отметить, что С.Ю. Чуча, фокусируется в своей работе на теоретических аспектах трудовых правоотношений в условиях изменяющейся сферы труда, делая акцент на обозначении проблемы в контексте заёмного труда, выявлении его специфики и особенностей в рамках теории трудового права [8]. Мы же, в свою очередь стараемся рассмотреть проблему с практической точки зрения путем внесения необходимых изменений и дополнений в действующее трудовое законодательство РФ.

Обратимся к решениям судов по данной категории споров. В соответствии с материалами дела 2023 г. Общество с ограниченной ответственностью (далее ООО) «Ника» обратилось в суд с иском к Государственной инспекции труда Республики

Башкортостан, на действия начальника отдела охраны труда этой инспекции о признании незаконным и отмене его заключения о несчастном случае [12].

Истец являлся работодателем по не основному месту работы работника в период с 14.10.2020 г. по 2.12.2020 г. Между ООО «Ника» и работником возникли трудовые отношения, в связи с простым по основному месту его работы. Договор обязывал работника выполнять работу под руководством ООО «ЮГ-ПТ», однако данное условие противоречит части 1 и 3 ст.56.1 ТК РФ и с учетом требований ч. 2 ст. 9 ТК РФ не подлежит применению. 27.11.2020 г. во время исполнения трудовых обязанностей при подъеме по наружной лестнице на объект строительства в результате падения с высоты работник получил травму. На основании медицинского заключения, травма была признана тяжелой.

Исходя из предоставленных документов суд определил, что пострадавший является работником ООО «Ника» и состоит с ним в трудовых отношениях, а осуществлял деятельность по его заданию в интересах другого юридического лица. На основании требований ст. 229 ТК РФ несчастный случай, происшедший с работником при выполнении работы на территории другого работодателя, расследуется по месту его работы. Из всего вышеизложенного суд решил, что иск ООО «Ника» к Государственной инспекции труда Республики Башкортостан является необоснованным и не подлежащим удовлетворению.

Представляет интерес ещё одно судебное решение. В 2022 г. состоялось судебное заседание по иску ООО «ПИК-Комфорт» к Государственной инспекции труда о признании незаконным предписания, в соответствии с которым Инспекция возложила на ООО «ПИК-Комфорт» обязанность устранить нарушения требований ст. 56.1 и 360 ТК РФ и трудовых прав граждан, а именно использование заёмного труда работников ООО «Комфортный дом» в соответствии с договором на оказание услуг [13]. ООО «ПИК-Комфорт» ссылаясь на тот факт, что нарушений трудового законодательства не имелось в связи с заключением и исполнением договора об оказании услуг. Также известно, что каких-либо взаимных претензий по договору стороны не предъявляли. Суд, исследовав представленные в обоснование иска документы, отмечает, что ООО «ПИК-Комфорт» и ООО «Комфортный дом» заключили договор на оказание определённых услуг. На основании договора Исполнитель обязался оказать Заказчику, а Заказчик принять и оплатить указанные в договоре такие услуги [13]. Как пояснил в судебном заседании представитель ООО «ПИК-Комфорт», трудовых отношений между ООО «ПИК-Комфорт» и лицами, осуществляющими услуги, не было, и заработную плату они получали по месту своей основной работы. Как было установлено судом, в целях предоставления услуг, управляющая компания заключила договор подряда, предметом которого являлось оказание таких услуг. Местом предоставления услуг являлись помещения, относящиеся к имуществу собственника и не принадлежат ООО «ПИК-Комфорт».

Признаком заёмного труда является осуществление трудовых функций по распоряжению работодателя под управлением другого юридического лица. В соответствии с договором оплата осуществлялась за выполненную услугу путем перечисления Заказчиком денежных средств на расчетный счет Исполнителя.

Следовательно, в данных общественных отношениях отсутствуют признаки заёмного труда, а последний запрещён диспозицией ст. 56.1 ТК РФ. Предписание Государственной инспекции труда было признано незаконным и подлежащим от-

мене.

После анализа судебных решений необходимо обратить внимание на некоторые положения Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 N 1032-1 в редакции от 12.12.2023 г. Действующая редакция ст. 18.1 Закона допускает право юридическим лицам, Частным агентствам занятости, временно предоставлять работников другому юридическому или физическому лицу по соответствующему договору [14]. После законодательного закрепления деятельности Частных агентств занятости начали проявляться проблемы их правового положения. Стоит выделить такую важную проблему как расследование несчастных случаев с работниками. Частное агентство занятости, заинтересовано не выплачивать компенсацию ущерба пострадавшему работнику. Также имеет место уклонение таких работодателей от уплаты налогов и страховых взносов [13]. На основании вышеизложенных фактов законодатель решил внести соответствующие поправки в действующий ТК РФ дополнив его новыми статьями. Новые статьи подразумевают возложение новых полномочий на Центр занятости населения [14]. Это решение поможет урегулировать существующие проблемы в деятельности Частных агентств занятости и не привести к их полному запрету, как настаивают некоторые современные авторы [11].

Предлагаем внести ещё одно важное, на наш взгляд, изменение в законодательство. После того как Центр занятости населения получит право осуществлять полномочия Частных агентств занятости, следует признать утратившей силу гл. 53.1 и ч. 3 ст. 56.1 ТК РФ. Считаем, что такие отношения могут регулироваться ч. 3 ст. 74 ТК РФ. Работодатель обязан предлагать вакансии работнику у другого работодателя при невозможности предоставления работы у основного работодателя, и оформить изменения трудовых отношений путем временного перевода работника с его согласия. Также считаем, что необходимо дополнить ч. 3 ст. 74 ТК РФ: «В этих случаях работодатель обязан предлагать работнику все вакансии, имеющиеся у него или у другого работодателя».

Государство со своей стороны предоставляет гарантии гражданам в сфере их занятости. Гл. 3 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации» закрепляет эти гарантии [14]. Такие нормы в действующем ТК РФ отсутствуют. Что касается, КЗоТ 1971 г., то он содержал главу III-A «Обеспечение занятости и гарантии реализации права граждан на труд» [4]. Такое положение помогало гражданам эффективно реализовывать свои гарантии в сфере занятости.

На основании данного опыта предлагаем дополнить существующий ТК РФ новой главой с вышеуказанным названием, в которой будут закрепляться основные и дополнительные права граждан в этой сфере. Предлагаем включить такую главу 1.1 в действующий ТК РФ после правовых норм, предусмотренных главой 1 ТК РФ.

На основании включения новой главы в текст действующего ТК РФ, предлагаем дополнить ч. 2 ст. 1 Кодекса п. 10 следующего содержания: «обеспечению занятости населения». Считаем, что трудоустройство неотделимо от общественных отношений в сфере занятости населения, которые должны входить в предмет трудового права.

Обратимся к опыту правового регулирования общественных отношений заемного труда в зарубежных государствах. Например, в Великобритании заемный работник приобретает право на равные права с постоянными только после 12 недель пол-

ной занятости [16, с. 41]. В Германии этот принцип не применяется если работник ранее находился в статусе безработного [16, с. 41]. Некоторые страны устанавливают предельные сроки использования заемного труда: во Франции – не более 18 месяцев, в Бельгии – не более 6 месяцев [16, с. 41]. В Италии заемный труд запрещен работникам с низкой квалификацией.

Таким образом, заёмный труд представляет собой весьма актуальное правовое явление в современном обществе, требующее серьезного и комплексного правового регулирования. Анализ научных исследований и судебной практики, представленных в данной статье, позволяет выделить ключевые аспекты и проблемы, связанные с заёмным трудом. Эффективная модель юридической регламентации заёмного труда стала бы важным и актуальным направлением в целях обеспечения сбалансированности трудовых отношений. Решение этих проблем будет способствовать дальнейшей защите прав и законных работников.

Список литературы:

1. Тимофеев С.А. Эволюция правового регулирования института заемного труда в российском трудовом законодательстве второй половины XIX – начала XX в // Социология и право. 2017. №4 (38). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-pravovogo-regulirovaniya-instituta-zaemnogo-truda-v-rossiyskom-trudovom-zakonodatelstve-vtoroy-pолоviny-xix-nachala-xx>. (дата обращения: 10.07.2024)
2. Кодекс законов о труде РСФСР от 10 декабря 1918. [Электронный ресурс] URL: https://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_18.htm -Режим доступа- открытый (дата обращения: 12.07.2024)
3. Кодекс законов о труде РСФСР 1922года [Электронный ресурс]- URL - https://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_22.htm - Режим доступа- открытый. (дата обращения: 14.07.2024)
4. Кодекс законов о труде РСФСР 1971 года [Электронный ресурс]- URL - <https://base.garant.ru/3961942/> -Режим доступа: открытый (дата обращения: 14.07.2024)
5. "Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 06.04.2024) [Электронный ресурс]- URL- https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ -Режим доступа: открытый (дата обращения: 16.07.2024)
6. Процевский, В.А. Проблемы правового регулирования заемного труда в России / В.А. Процевский, В.С. Полит // Современное общество и право. – 2023. – № 1(62). – С. 31-36.
7. Егорова, Е.Н. Подходы Международной организации труда к вопросу правового регулирования нестандартных форм занятости / Е.Н. Егорова // Юридическая наука. – 2022. – № 9. – С. 88-91.
8. Чуча, С.Ю. Теория трудовых правоотношений в условиях трансформации сферы труда: обозначение проблемы / С.Ю. Чуча // Государство и право. – 2023. – № 3. – С. 153-157. – DOI 10.31857/S102694520024820-3. – EDN YXQPFT. (дата обращения: 18.07.2024)
9. Яковенко, Н.А. Аутсорсинг и аутстаффинг: проблемы правового регулирования в России / Н.А. Яковенко // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2022. – № 1(51). – С. 127-131. – EDN KHEUFJ. (дата обращения: 18.07.2024)
10. Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспективы решения в разных странах. Обзорная версия. Международное Бюро Труда – Женева: МБТ, 2017. (дата обращения: 20.07.2024)
11. Герасимова Е.С. Заемный труд: подходы к регулированию в России и в мире. [Электронный ресурс]- URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/g1ts3oupq5/69717101.pdf> Режим доступа- открытый (дата обращения: 20.07.2024)
12. Решение № 2А-5363/2023 от 9 ноября 2023 г. по делу № 2А-5363/2023 [Электронный ресурс]- URL: <https://sudact.ru/regular/doc/enp5BEREny54/> -Режим доступа-открытый (дата обращения: 20.07.2024)
13. Решение №02а-0004 2022. от 15 февраля 2022 г. [Электронный ресурс]- URL: <https://mosgorsud.ru/mgs/cases/docs/content/2dd6d410-8e59-11ec-a7afcb7d3e4719d3> Режим доступа-открытый (дата обращения: 22.07.2024)
14. Закон РФ от 19.04.1991 N 1032-1 (ред. от 25.12.2023) "О занятости населения в Российской Федерации" [Электронный ресурс] URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
15. Комплексные изменения в ТК РФ приняты в первом чтении [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/25746/> Режим доступа-открытый
16. Сарпеков, Р. К. Перспективы внедрения института заемного труда в Республике Казахстан / Р. К. Сарпеков, А. Арыстан // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики

V. A. Protsevsy, M. A. Moiseenko. Peculiarities of legal regulation of contingent relations in the labour sphere // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 385–390.

This article studies the peculiarities of legal regulation arising in connection with the need to use contingent labour. Legal prescriptions aimed at changing the mechanism of its legal regulation in the Russian Federation (hereinafter referred to as RF) are proposed. The genesis of this legal phenomenon in the Russian Empire and the Russian Soviet Federative Socialist Republic (hereinafter RSFSR) is highlighted. Different points of view of modern scientists are considered, and attention is paid to court decisions on cases of contingent labour. The paper analyzes international experience of contingent employment in such countries as Germany, France, Belgium and others. The authors also consider the Conventions and Recommendations of the International Labour Organization on non-standard forms of employment, which include the legal phenomenon under study. It is proposed to expand the range of public relations included in the subject of labour law. In conclusion, the authors proposed options for solving the existing problems. According to the authors, such measures will contribute to further protection of the rights and interests of the employee.

Keywords: contingent labour, Labour Code, Labour Code, employment, employment of population, Employment Centre, Private Employment Agency, employment, labour relations, subject of labour law, labour contract, outsourcing, outstaffing, International Labour Organization.

Spisok literatury:

1. Timofeev S.A. Evolyuciya pravovogo regulirovaniya instituta zaemnogo truda v rossijskom trudovom zakonodatel'stve vtoroj poloviny XIX - nachala XX v // Sociologiya i pravo. 2017. №4 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-pravovogo-regulirovaniya-instituta-zaemnogo-truda-v-rossijskom-trudovom-zakonodatel'stve-vtoroy-poloviny-xix-nachala-xx>. (data obrashcheniya: 10.07.2024)
2. Kodeks zakonov o trude RSFSR ot 10 dekabrya 1918 [Elektronnyj resurs] URL: https://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_18.htm -Rezhim dostupa- otkrytyj
3. Kodeks zakonov o trude RSFSR 1922 goda [Elektronnyj resurs]- URL - https://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_22.htm - Rezhim dostupa- otkrytyj
4. Kodeks zakonov o trude RSFSR 1971 goda [Elektronnyj resurs]- URL - <https://base.garant.ru/3961942/> - Rezhim dostupa: otkrytyj (data obrashcheniya: 14.07.2024)
5. "Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii" ot 30.12.2001 N 197-FZ (red. ot 06.04.2024) [Elektronnyj resurs]- URL- https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ -Rezhim dostupa: otkrytyj
6. Procevsij, V.A. Problemy pravovogo regulirovaniya zaemnogo truda v Rossii / V.A. Procevsij, V.S. Polit // Sovremennoe obshchestvo i pravo. – 2023. – № 1(62). – С. 31-36.
7. Egorova, E.N. Podhody Mezhdunarodnoj organizacii truda k voprosu pravovogo regulirovaniya nestandartnyh form zanyatosti / E.N. Egorova // Yuridicheskaya nauka. – 2022. – № 9. – С. 88-91.
8. CHucha, S.YU. Teoriya trudovyh pravootnoshenij v usloviyah transformacii sfery truda: oboznachenie problemy / S.YU. CHucha // Gosudarstvo i pravo. – 2023. – № 3. – С. 153-157.
9. YAkovenko, N.A. Outsorsing i autstaffing: problemy pravovogo regulirovaniya v Rossii / N.A. YAkovenko // Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. – 2022. – № 1(51). – С. 127-131. – EDN KHEUFJ. (data obrashcheniya: 18.07.2024)
10. Nestandartnye formy zanyatosti. Analiz problem i perspektivy resheniya v raznyh stranah. Obzornaya versiya. Mezhdunarodnoe Byuro Truda – ZHeneva: MBT, 2017. (data obrashcheniya: 20.07.2024)
11. Gerasimova E.S. Zaemnyj trud: podhody k regulirovaniyu v Rossii i v mire. [Elektronnyj resurs]- URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/g1ts3oupq5/69717101.pdf> Rezhim dostupa-otkrytyj
12. Reshenie № 2A-5363/2023 ot 9 noyabrya 2023 g. po delu № 2A-5363/2023 [Elektronnyj resurs] - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/enp5BEREny54/> -Rezhim dostupa-otkrytyj (data obrashcheniya: 20.07.2024)
13. Reshenie №02a-0004_2022. ot 15 fevralya 2022 g. [Elektronnyj resurs]- URL: <https://mosgorsud.ru/mgs/cases/docs/content/2dd6d410-8e59-11ec-a7afb7d3e4719d3>
14. Zakon RF ot 19.04.1991 N 1032-1 (red. ot 25.12.2023) "O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii"[Elektronnyj resurs] URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ -Rezhim dostupa-otkrytyj (data obrashcheniya: 23.07.2024)
15. Kompleksnye izmeneniya v TK RF prinyaty v pervom chtenii [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/25746/> Rezhim dostupa-otkrytyj (data obrashcheniya: 25.07.2024)
16. Sarpekov, R. K. Perspektivy vnedreniya instituta zaemnogo truda v Respublike Kazahstan / R. K. Sarpekov, A. Arystan // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. – 2020. – № 2(60). – С. 37-46.

УДК 349.2(075.8)

ВЛИЯНИЕ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА НА ТРУДОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Хронин Н. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Исследование посвящено анализу влияния принципа свободы договора на трудовые и социальные отношения. Особое внимание обращается на анализ Постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 года №16 «О свободе договора и её пределах», что позволяет провести сравнение подходов к договорной свободе в гражданском и трудовом праве. Исследование выявляет, что хотя в гражданском праве, принцип свободы договора имеет фундаментальное значение, в трудовом праве его применение сталкивается с необходимостью защиты прав работников, что влечёт за собой определённые ограничения. Это обусловлено стремлением обеспечить справедливый баланс между интересами работников и работодателей, а также необходимостью защиты общественных интересов.

Ключевые слова: принцип свободы договора, трудовые отношения, социальные отношения, влияние, Гражданский кодекс, Трудовой кодекс.

С переходом к рыночной экономике принцип свободы договора получил значительное развитие в Российской Федерации. Это обуславливает необходимость глубокого анализа его влияния на трудовые отношения, которые являются основой социальной стабильности в стране. В условиях глобализации и усиления международного сотрудничества, принцип свободы договора выходит на передний план как инструмент регулирования трудовых отношений, что требует адаптации российского законодательства и практики правоприменения к международным стандартам. Сбалансированное применение принципа свободы договора в трудовых отношениях способствует защите прав и интересов как работников, так и работодателей, что важно для обеспечения социальной справедливости и экономической эффективности. Актуализация и модернизация трудового законодательства с учетом принципа свободы договора позволяют более гибко регулировать трудовые отношения, адаптируя их к меняющимся условиям рынка труда и потребностям экономики.

Множество экспертов подчеркивают, что в трудовом праве ключевую роль играет принцип свободы труда. Этот принцип дает каждому человеку право самостоятельно решать, как и где применять свои профессиональные навыки, выбирать желаемую сферу деятельности или профессию. Он включает в себя возможность отказаться от определенной работы или вообще избегать участия в трудовой деятельности. В. Г. Сойфер утверждает, что для наемного труда, свобода находит свое выражение в трудовом договоре. Этот документ позволяет индивидуально оговаривать условия работы, которые отражают личные интересы и стремления каждого человека.

Целью исследования является комплексный анализ воздействия принципа свободы договора на формирование и развитие трудовых отношений, а также его последствий для социальной сферы в РФ. Исследование направлено на выявление как положительных, так и возможных негативных аспектов свободы договора, его роли в адаптации трудового законодательства к современным экономическим условиям, и влиянии на защиту прав и интересов работника и работодателя.

Принцип свободы договора играет значительную роль в регулировании трудовых и социальных отношений в РФ, но его применение в этих сферах имеет свои особенности и ограничения. В общем смысле, принцип свободы договора, закреплённый в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ), предоставляет сторонам широкие полномочия в определении условий договора, выборе контрагента и формы договора, включая возможность заключения смешанных договоров.

Однако, несмотря на широкие возможности, предоставляемые принципом свободы договора, его применение в трудовых отношениях ограничивается трудовым законодательством и необходимостью защиты прав работников. В трудовых отношениях действуют специальные нормы, направленные на обеспечение баланса интересов между работниками и работодателями, а также на защиту прав работников, как экономически более слабой стороны. Это означает, что в трудовых договорах не всегда возможно полное проявление свободы договора, поскольку многие условия трудовых отношений регулируются императивными нормами трудового права и важно помнить, что применение этого принципа в контексте трудовых отношений не должно приводить к ущемлению прав и интересов работников, которые защищены трудовым законодательством [1, с. 265].

В контексте развития гражданского общества, В. Г. Сойфер подчеркивает важность эволюции трудового права в направлении усиления договорных механизмов в регулировании трудовых отношений. Это подразумевает сокращение прямого участия государства в управлении трудом и передачу определенных функций самоуправляемым организациям. Сойфер также акцентирует внимание на возможности работника выбирать между общими правами и гарантиями, установленными законодательством, а также личными интересами, которые могут быть связаны с материальными, производственными или бытовыми аспектами [2, с. 170].

Т. Н. Меркулова обращает внимание на тенденцию сближения трудового и гражданского права, которая, по её мнению, обусловлена рыночными трансформациями в экономике. Эта тенденция отражает стремление к более гибкому и адаптивному регулированию трудовых отношений, что во многом соответствует динамике современной экономики [3, с. 78].

Оба этих подхода указывают на значительные изменения в трудовом праве, вызванные экономическими и социальными процессами в обществе. Они подчеркивают необходимость адаптации законодательства к новым условиям и предоставление большей свободы в формировании трудовых отношений, что может способствовать эффективности и производительности труда, а также удовлетворению индивидуальных потребностей работников.

В юридической теории, цивилистический принцип свободы договора анализируется через три ключевых элемента: возможность субъектов гражданского права свободно вступать в договорные отношения; их право заключать различные виды договоров, в том числе непоименованные в действующем законодательстве; способность сторон самостоятельно формулировать условия договора, даже если он основан на модели, предложенной законодательством.

Однако, согласно Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах», российское гражданское право не стремится к предоставлению неограниченной свободы в договорных отношениях. В частности, если законодательная норма, касающаяся договорных прав

и обязанностей, не содержит явного запрета на установление иных условий, она считается императивной, если цели законодательства требуют этого для защиты важных интересов, таких как интересы менее защищённой стороны договора или общественные интересы. [4]. Если же норма предусматривает возможность установления иных условий, суды могут ограничить эту диспозитивность, исходя из целей и сущности законодательного регулирования. В случае споров о характере нормы (императивном или диспозитивном), суд обязан объяснить, как именно законодательство либо необходимость защиты определённых интересов или предотвращение нарушения баланса интересов сторон, влияют на ограничения свободы договора. Ст. 421 ГК РФ подчеркивает, что несмотря на центральное положение свободы договора, закон имеет приоритет, даже перед нормами, поддерживающими этот принцип.

В трудовых отношениях, увеличение договорной свободы может способствовать более эффективной организации работы, улучшению использования ресурсов и повышению производительности. Это, в свою очередь, может привести к росту доходов. Однако, есть потенциальные риски для здоровья работников из-за увеличения трудовой нагрузки, что может сократить продолжительность их жизни и общую численность населения. Хотя работники могут, изначально, соглашаться на более длительное рабочее время для увеличения заработка, непрерывная интенсивная работа может стать невыполнимой в связи с состоянием здоровья. Таким образом, важно признать, что такая свобода не является абсолютной и требует определенных ограничений в любой сфере, будь то экономические отношения или отношения, связанные с трудовой деятельностью. В связи с этим, важным является социальное партнерство, которое в России строится на основе свободы договора, что позволяет работодателям и профсоюзам совместно решать вопросы, касающиеся трудовых и социальных прав работников. Оно способствует урегулированию конфликтов, улучшению условий труда и обеспечению социальной защиты [5, с. 47].

Трудовое право, в частности, несет в себе задачу балансировки между производственными целями государства, доходами граждан и социальной защитой населения. В контексте трудовых отношений это означает, что ограничение договорной свободы сторон должно быть четко регламентировано с учетом интересов работников, работодателей и государства. Государство играет ключевую роль в установлении этих ограничений в целях обеспечения справедливости и защиты в трудовых отношениях. Как выше было указано, принцип свободы договора является одним из ключевых в гражданском праве и, хотя он несколько ограничен в трудовых отношениях, из-за их специфической природы, его значение и влияние на трудовые и социальные отношения в РФ можно оценить через несколько аспектов:

1. Ограниченное применение в трудовых отношениях. В отличие от гражданского права, где принцип свободы договора позволяет сторонам свободно формировать условия договора, в трудовом праве, этот принцип значительно более ограничен. Трудовые отношения регулируются Трудовым кодексом РФ, который устанавливает строгие нормы и стандарты для защиты прав работников. Это включает в себя минимальный размер оплаты труда, условия труда, продолжительность рабочего времени, обязательный отпуск и другие аспекты, которые не подлежат изменению по соглашению сторон.

2. Свобода выбора работодателя и работника. Несмотря на регулятивную приро-

ду трудового права, принцип свободы договора проявляется в возможности работника выбирать работодателя и наоборот. Это способствует мобильности трудовых ресурсов и стимулирует конкуренцию среди работодателей за квалифицированные кадры.

3. Коллективные договоры. В рамках принципа свободы договора, коллективные договоры играют важную роль. Они позволяют представителям работников и работодателей договариваться о условиях труда, оплате труда и прочих аспектах трудовых отношений, что является проявлением этого принципа в коллективном формате.

4. Изменения в законодательстве. В последние годы, в России наблюдается тенденция к увеличению гибкости трудового законодательства, что может расширить границы принципа свободы договора в трудовых отношениях. Это возможность более широкого использования временной и проектной работы, аутсорсинга и других форм занятости.

Следует заметить, что законодательные гарантии для работников формировались постепенно, ограничивая свободу работодателей в пользу защиты прав трудящихся. Это происходило через преодоление сопротивления со стороны работодателей, которые стремились сохранить нелимитированную договорную свободу. До введения таких ограничений, трудовой договор, как таковой, отсутствовал и действовал лишь гражданско-правовой договор личного найма. Ограничение свободы договора позволило развиваться трудовому праву как самостоятельной отрасли. Сегодня, принцип свободы договора позволяет расширить социальные гарантии за счет дополнительных соглашений между работодателем и работником. Например, работодатель может предоставить дополнительные льготы и компенсации сверх обязательных, установленных законодательством [6, с. 41].

Исторические изменения в трудовом праве подчеркивают общую тенденцию: с увеличением договорной свободы снижаются требования к охране труда, что было основным направлением фабричного законодательства. В то время, как расширение договорной свободы может вести к повышению производительности и доходов, это также может иметь вредные последствия, включая ухудшение условий труда и здоровья работников, повышенный риск травматизма, увеличение заболеваемости и снижение общего благополучия рабочих. Таким образом, несмотря на потенциальные положительные аспекты расширения договорной свободы, необходим баланс между договорными правами и гарантиями безопасности и здоровья на рабочем месте. Следует заметить, что существуют обязательные нормы трудового права, которые должны соблюдаться. Например, минимальный размер оплаты труда, нормы рабочего времени и отдыха, охрана труда [7, с. 59].

Ст. 56 Трудового кодекса РФ устанавливает, что несмотря на возможность свободного заключения трудового договора, его условия должны соответствовать действующему трудовому законодательству, другим нормативно-правовым актам, а также коллективному договору. Это означает, что хотя стороны могут вносить в договор дополнительные условия, не регламентированные законом или локальными нормативными актами, эти условия не должны ухудшать положение работников по сравнению с уже установленными нормами.

Согласно ч. 4 ст. 8 Трудового кодекса РФ, любые дополнения к трудовому договору должны быть сформулированы так, чтобы не оказывать негативного влияния на права и гарантии работников, которые предусмотрены законодательством, кол-

лективными или иными соглашениями. Свобода договора должна обеспечивать баланс интересов сторон трудового договора, не допуская злоупотреблений со стороны работодателя или ущемления прав работника [8, с. 25].

Кроме этого, трудовое законодательство устанавливает особые ограничения условий трудового договора. В частности, ст. 58 Трудового кодекса РФ ограничивает максимальный срок срочного трудового договора 5 годами, за исключением случаев, когда закон предусматривает другой срок. Установлены возрастные ограничения для заключения трудового договора, в целях защиты здоровья и образовательных возможностей несовершеннолетних. В соответствии со ст. 63 Трудового кодекса РФ, трудовые договоры могут быть заключены с лицами, достигшими шестнадцатилетнего возраста. Однако, есть исключения, позволяющие молодежи начать работать ранее. Так, граждане достигшие пятнадцатилетия, могут быть приняты на работу для выполнения легких видов труда, которые не наносят вреда их здоровью. Кроме того, несовершеннолетние в возрасте от 14 лет могут заключать трудовой договор с согласия хотя бы одного из родителей или опекунов. Это разрешено только для работы, которая не вредит здоровью подростка, не мешает его учёбе и выполняется во время, свободное от занятий. В определённых сферах, таких как кинематография, театр, концертные и цирковые организации, заключение трудовых договоров допускается даже с лицами младше 14 лет. В этих случаях, требуется согласие родителя или опекуна, а также разрешение органа опеки и попечительства, чтобы убедиться, что деятельность не повредит здоровью или моральному развитию ребёнка.

Законодательство РФ вносит чёткие ограничения в свободу заключения трудовых договоров, особенно когда дело касается изменения условий труда. Эти ограничения, установлены в гл. 12 Трудового кодекса РФ и обусловлены необходимостью защиты общественных интересов. Основным ограничением является то, что любые изменения, вносимые в трудовой договор, включая перевод на другую работу, требуют письменного согласия работника. Однако, ст. 722 Трудового кодекса РФ предусматривает исключения, когда согласие работника не требуется. Такие случаи включают экстренные ситуации, такие как катастрофы, производственные аварии, пожары или эпидемии, когда перевод может быть осуществлён без учёта воли работника, чтобы защитить жизнь или нормальные жизненные условия населения.

Кроме того, ст. 74 Трудового кодекса РФ позволяет работодателю изменять условия трудового договора без согласия работника в случаях изменения организационных или технологических условий труда. Исключение составляет изменение трудовой функции, которое требует согласия работника.

Важно отметить, что ограничения свободы трудового договора могут быть введены не только законодателем, но могут формироваться и в процессе согласования сторонами трудового договора. При этом, закон предусматривает возможность участия других субъектов, определённых в законодательстве, что подчёркивает важность общественных интересов в регулировании трудовых отношений.

На теоретическом уровне, «свобода» как работника, так и работодателя, предполагается равной. Однако на практике, из-за экономической зависимости работника от работодателя, эта свобода часто оказывается иллюзорной. Большинство работников, зависимы от своих работодателей, что ограничивает их способность полностью отстаивать свои интересы.

С другой стороны, полный отказ от принципа свободы договора в трудовых от-

ношениях также не совместим с принципами демократического правового государства. Поэтому, несмотря на необходимость императивных ограничений в сфере трудовых договоров, важно продолжать совершенствование трудового законодательства. Это совершенствование должно учитывать текущую политическую и экономическую ситуацию и быть направлено на повышение конкурентоспособности национального бизнеса, улучшение мотивации к труду и увеличение трудовой мобильности. Неоспоримо, что принцип свободы договора играет ключевую роль в регулировании трудовых и социальных отношений в РФ, обеспечивая гибкость и возможность для сторон договориться о взаимовыгодных условиях. Однако, его реализация ограничивается обязательными нормами законодательства, направленными на защиту прав работников и обеспечение справедливости в трудовых отношениях [9, с. 36].

Преимущества использования принципа свободы договора в трудовых отношениях в РФ проявляется в таких аспектах, как:

1. Возможность установления нестандартных форм занятости, таких как временная работа, работа по срочным трудовым договорам, сезонная работа, а также частичная занятость. Это особенно важно для тех субъектов, которые не могут или не хотят работать полный рабочий день, например, студентов, пенсионеров или родителей с маленькими детьми.

2. Мобильность рабочей силы. Свобода договора способствует повышению мобильности рабочей силы, позволяя работникам легко менять место работы в поисках лучших условий. Это стимулирует работодателей предлагать более конкурентоспособные условия труда, чтобы привлечь и удержать квалифицированных специалистов.

3. Инновации и стартапы. В условиях стремительного развития технологий и появления новых бизнес-моделей, принцип свободы договора играет ключевую роль в развитии инновационных компаний и стартапов. Такие компании часто нуждаются в гибких и нестандартных трудовых отношениях, чтобы оперативно реагировать на изменения рынка и быстро адаптироваться к новым условиям.

4. Развитие дистанционных форм труда. Современные информационные технологии открывают новые возможности для организации труда на дистанционной основе. Принцип свободы договора позволяет работодателям и работникам согласовывать условия дистанционной работы, включая график, средства коммуникации и отчетности, что особенно актуально в условиях пандемий и других форс-мажорных обстоятельств.

5. Применение гибких систем оплаты труда. Принцип свободы договора дает возможность внедрять различные системы оплаты труда, включая сдельную оплату, премиальные системы, опционы на акции и другие формы вознаграждения. Это позволяет работодателям более точно мотивировать работников в зависимости от их вклада в результаты труда.

Одно из ограничений свободы трудового договора для работодателей выражается в необходимости заключать договор с определенными работниками. Это требуется в случае приема на работу инвалидов по установленной квоте, а также приглашенных в порядке перевода и выборных профсоюзных работников после окончания срока их полномочий.

Особое значение, в контексте принципа свободы трудового договора, имеет ст. 84

Трудового кодекса РФ. Эта статья определяет основания для прекращения трудового договора в случае нарушения правил, установленных Трудовым кодексом РФ или иными федеральными законами, при его заключении. То есть, трудовые договоры не должны содержать условий, ухудшающих или ограничивающих положение работника в сравнении с действующим трудовым законодательством. Важно, чтобы при заключении договора соблюдались принципы, гарантированные Конституцией РФ, и учитывались интересы обеих сторон. Если в трудовой договор включены условия, противоречащие законодательству, то они не будут применяться. В случае, если одна из сторон пытается навязать свои интересы в ущерб другой стороне, такие условия могут быть оспорены и признаны недействительными в судебном порядке.

Таким образом, принцип свободы договора, закрепленный в ГК РФ, играет ключевую роль в регулировании обязательственных и гражданско-правовых отношений, предоставляя сторонам широкие возможности для определения условий договора и выбора контрагентов. В трудовом праве, несмотря на широкий спектр договорной свободы, существуют особые законодательные ограничения, направленные на защиту общественных интересов, прав и интересов работников, что важно для поддержания баланса в экономических и социальных отношениях. Учитывая, что вмешательство государства в сферу трудовой свободы является неизбежным и исторически обоснованным аспектом социального устройства, крайне важно четко определить границы такого ограничения. Это позволяет разграничить область, в которой действительно можно реализовать свободу в трудовых отношениях, сохраняя при этом равновесие интересов всех участников. В контексте трудового законодательства, расширение договорной свободы может иметь как положительные, так и отрицательные социальные последствия, включая негативное влияние на здоровье и благосостояние работников. Это подчеркивает важность сбалансированного подхода к регулированию трудовых отношений.

Список литературы:

1. Березкина М.А. Принцип свободы договора и его пределы в предпринимательской деятельности // Гуманитарные и правовые проблемы современной России: материалы научно-практической конференции. – Новосибирск, 2021. – С. 265-267.
2. Онищенко В.В., Хугаев Р.Г. К вопросу о свободе трудового договора и ее границах // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69), № 4. – С. 168-173.
3. Меркулова Т. Н. Теоретико-прикладные вопросы взаимодействия норм трудового и гражданского права // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. - № 4 (64). – 2017. – С. 76-80.
4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2015. - № 5.
5. Зуев С.М. Свобода договора и защита трудовых прав: современные тенденции // Юридическая наука и практика. – 2023. – № 3. – С. 45-53.
6. Кузнецова Л.В. Принцип свободы договора в трудовых отношениях: проблемы и решения // Российский юридический журнал. – 2021. – № 6. – С. 38-47.
7. Лазарев М.А. Влияние свободы договора на социальные гарантии работников // Социальное и трудовое право. – 2022. – № 1. – С. 56-64.
8. Михайлов Д.Ю. Свобода трудового договора и социальная защита работников // Право и экономика. – 2024. – № 2. – С. 22-30.
9. Хохлов Е.Б. Современные проблемы реализации принципа свободы договора в трудовом праве // Правовые исследования. – 2022. – № 9. – С. 33-41.

N. V. Khronin The influence of the principle of freedom of contract on labor and social relations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 391–398.

The study is devoted to the analysis of the influence of the principle of freedom of contract on labor and social relations. In addition, the author draws special attention to the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated March 14, 2014 No. 16, concerning freedom of contract and its limits, which allows for a comparison of approaches to contractual freedom in civil and labor law. The study reveals that although in civil law the principle of freedom of contract is of fundamental importance, in labor law its application is faced with the need to protect the rights of workers, which entails certain restrictions. This is due to the desire to ensure a fair balance between the interests of workers and employers, as well as the need to protect public interests.

Keywords: principle of freedom of contract, labor relations, social relations, influence, the Civil Code, the Labour Code.

Spisok literatury:

1. Berezkina M.A. Princip svobody dogovora i ego predely v predprinimatel'skoj deyatel'nosti // Gumanitarnye i pravovye problemy sovremennoj Rossii: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii. – Novosibirsk, 2021. – S. 265-267.
2. Onishchenko V.V., Hugaev R.G. K voprosu o svobode trudovogo dogovora i ee granicah // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. – 2017. – T. 3 (69), № 4. – S. 168-173.
3. Merkulova T. N. Teoretiko-prikladnye voprosy vzaimodejstviya norm trudovogo i grazhdanskogo prava // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. - № 4 (64). – 2017. – S. 76-80.
4. Postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 14 marta 2014 g. № 16 «O svobode dogovora i ee predelah» // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii. – 2015. - № 5.
5. Zuev S.M. Svoboda dogovora i zashchita trudovyh prav: sovremennye tendencii // Yuridicheskaya nauka i praktika. – 2023. – № 3. – S. 45-53.
6. Kuznecova L.V. Princip svobody dogovora v trudovyh otnosheniyah: problemy i resheniya // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. – 2021. – № 6. – S. 38-47.
7. Lazarev M.A. Vliyanie svobody dogovora na social'nye garantii rabotnikov // Social'noe i trudovoe pravo. – 2022. – № 1. – S. 56-64.
8. Mihajlov D.Yu. Svoboda trudovogo dogovora i social'naya zashchita rabotnikov // Pravo i ekonomika. – 2024. – № 2. – S. 22-30.
9. Hohlov E.B. Sovremennye problemy realizacii principa svobody dogovora v trudovom prave // Pravovye issledovaniya. – 2022. – № 9. – S. 33-41.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.98

**ОСОБЕННОСТИ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ПОИСКА
И(ИЛИ) ИЗЪЯТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ МЕСТ
ЗАЛЕГАНИЯ (СТ.243.2 УК РФ). И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МЕХАНИЗМ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Баграмян С. Л.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье автором выявляются и анализируются возможные связи между существенными особенностями способа совершения преступления и его механизмом. При этом, в качестве основного звена, влияющего на элементы криминалистической характеристики преступления, выделяются предмет преступного посягательства и личность преступника, во взаимосвязи со способом совершения преступления. Названные связи проявляются в некоторых ситуациях предварительного расследования как зависимости или тенденции, а в ряде случаев, в качестве закономерностей и имеют большое теоретическое и практическое значение, прежде всего, для выдвижения версий и раскрытия неочевидных преступлений данного вида. Причем, основное назначение получаемой в итоге концептуальной модели – статистическое, математическое, иное количественное и качественное отражение всех элементов механизма преступления, связей и зависимостей между ними. Отмечается, что эта модель, кроме достоверных, также содержит и вероятностные сведения, отражая тем самым принцип динамичности явлений окружающей действительности. Изучение судебно-следственной практики и мнений практических работников правоохранительных органов, занятых в противодействии этому виду преступлений, показывает, что сформулированные на основе криминалистической характеристики преступлений, как типовой описательной концептуальной модели, рекомендации, весьма востребованы.

Ключевые слова: способ совершения преступления, механизм преступления, личность преступника, криминалистическая характеристика преступления, версионный процесс, археологический предмет, незаконный поиск и(или) изъятие, культурный слой.

Изучая способ совершения преступления связанного с незаконным поиском и(или) изъятием археологических предметов из мест залегания в его криминалистическом понимании, необходимо отметить, что он, так же как и способы многих других преступлений, представляет собой систему взаимосвязанных обстоятельств внешней среды и психофизических свойств личности преступника, и состоит из интегрированных и обусловленных причинно-следственными связями этапов, включающих в себя: подготовительные действия, непосредственную реализацию преступного умысла и сокрытие следов преступления. Актуальность интегрированного подхода к способу преступления обусловлена тем обстоятельством, что действия по подготовке, совершению и сокрытию преступления, объединенные зачастую общим преступным замыслом, являются наиболее характерными при его совершении.

Схожие взгляды к определению и оценке способа совершения преступления, популярны и среди других исследователей. При этом отмечается системный индивидуализированный «набор», комплекс действий и операций, типичные следы от которого всегда остаются на месте преступления [1, с. 110-116].

Многими учёными отмечается особое место способа совершения деликта, в структуре криминалистической характеристики преступления, вследствие того, что: «...он по своей «следовой» информативности... объединяет все четыре элемента: предмет преступного посягательства, обстоятельства совершения преступления, личность преступника ... а также обстоятельства, способствовавшие совершению

преступления» [2, с. 24].

В парадигме нашего исследования непосредственного способа совершения противозаконного поиска и(или) изъятия археологических предметов из мест залегания отметим, что уголовный закон различает действия, направленные на научное исследование археологических памятников, т.е. археологическую разведку, археологические раскопки и поиск с изъятием.

С точки зрения законодателя, эти действия отличаются не только по криминологической характеристике и целям, но и по содержанию. Так, археологические раскопки и археологическая разведка определены в нормативном акте. Однако «поиск» и «изъятие» никак не толкуются законодателем в примечании соответствующих норм УК РФ.

Вместе с тем, разведка и раскопки, исходя из понимания их законодателем, предполагают соответствующие действия (использование методов) по поиску и изъятию археологических предметов. Ведение раскопок и разведок памятников археологии допускается только при наличии разрешений (открытых листов) выдаваемых и регистрируемых в установленном порядке.

Согласно Положения о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации [3], отсутствие статуса археологических полевых работ и, как следствие, разрешения (открытого листа) непосредственно определяет незаконный характер действий, о которых идет речь в диспозиции ч.1 ст. 243.2 УК РФ. Таким образом, наличие открытого листа, легализующего поиск и изъятие, выступает критерием признания этих способов (методов) исследования памятников законным, или напротив, противоправным.

Словарное значение термина «поиск» следующее: «Поиск – это ...разведочные работы по обнаружению чего-нибудь». В то же время, «изъять», означает «вынуть что-либо, достать, добыть» [4, с.33,56].

Диспозиция ч.1 ст. 243.2 УК РФ, предусматривает в качестве последствий противоправного деяния, при поиске или изъятии археологических предметов из мест залегания, уничтожение или повреждение культурного слоя. Из этого следует, что под объективным криминообразующим признаком ст. 243.2 УК РФ следует понимать такое изменение свойств объекта в результате механического воздействия на него, которое приводит к полной и невозстановимой утрате его первоначального облика и исключает возможность реставрационных работ (уничтожение), либо обязательные восстановительные работы (повреждение).

Таким образом, объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 243.2 УК РФ по своей конструкции является материальным; деяние следует считать оконченным с момента утраты культурным слоем, из которого извлекли предмет, своего первоначального вида полностью или частично [5, с. 2-5].

Между тем, повреждение и уничтожение культурного слоя, в нормах конкретизированы терминами «поиск» и «изъятие» [6, с. 107-111].

В части 3 ст. 243.2 УК РФ, путем введения квалифицирующих признаков, законодатель уточняет эти термины: а) поиск с использованием специальных технических средств поиска и (или) землеройных машин; б) поиск лицом с использованием своего служебного положения; в) поиск группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Равнозначно, и альтернативно преступники несут ответственность и за: а) изъятие с использованием специальных технических средств поиска и (или) землеройных машин; б) использованием своего служебного положения; в) изъятие группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Таким образом, в контексте нашего исследования, поиск предполагает проведение поисковых работ, повреждающих и (или) уничтожающих культурный слой и направленных на отыскание археологических предметов. Изъятие, в свою очередь, означает вторжение в культурный слой с извлечением оттуда соответствующих предметов, что влечет уничтожение или повреждение культурно слоя.

Незаконный поиск, может осуществляться, в том числе, с использованием приспособленных в этих целях предметов и вещей (металлодетекторов, щупов, георадаров и др.), механизмов, связанные с вторжением в земляной покров или иную среду (вещество), в которой сокрыты такие предметы (объекты).

Как показывает наше исследование, наиболее часто (60,4%) в качестве способа совершения преступления в отношении археологических предметов, в рамках ст. 243.2 УК РФ, проявляется изъятие посредством повреждения культурного слоя. Менее часто (39,6%), преступление заключается в активных противоправных поисковых действиях, повреждающих культурный слой. Такое последствие преступных действий, как уничтожение, согласно изученным уголовным делам, практически не встречается.

Изучение действий преступников, приводящих к наступлению последствий характерных для повреждения или уничтожения и средств совершения таких преступлений, определяет способ совершения преступления с точки зрения влияния его на механизм преступления в целом.

Так, по *степени подготовленности к совершению преступления*, можно выделить:

1. Преступление, совершенное с заранее возникшим умыслом и с предварительной подготовкой. Такой способ, в основном реализуется так называемыми «чёрными археологами», которые не только полностью осознают противоправность своих действий, но и принимают активные действия по сокрытию следов преступления. А тот факт, что незаконный поиск и(или) изъятие археологических предметов из мест залегания требует от субъектов, осуществляющих его не только определённых знаний в области археологии и истории, но и некоторых навыков по обращению с техническими средствами поимка, побуждает преступников к осуществлению подготовительных действий. К ним могут относиться приобретение и (или) изготовление орудий и средств совершения преступления, их апробация, заблаговременное изучение обстановки, получение археологических, исторических, этнографических сведений об объекте посягательства.

С заранее возникшим умыслом и предварительной подготовкой, совершаются преступления в отношении выявленных памятников археологии. Преступники предварительно изучают исторические документы, в которых содержится информация о конкретном археологическом объекте (находящихся в нем предметах). Либо производят незаконный поиск на местности без повреждения культурного слоя. Для этого, ими осуществляется приискание орудий и средств совершения преступления, собираются сведения о том, выявлен этот памятник или нет, как часто посещается людьми местность, где он находится.

2. Преступление, совершенное с заранее возникшим умыслом, но без предвари-

тельной подготовки. При реализации данного способа, преступник, заранее решив совершить преступление, использует для этого орудия и средства, обнаруженные на месте происшествия. Такими средствами могут быть палки, бытовые предметы, лопата, землеройные машины (бульдозеры, экскаваторы и т.д.), сельскохозяйственная техника. Ответственность за их использование (ч.3 ст. 243.2 УК РФ) ужесточена законодателем вполне правомерно, т.к. практика показывает, что любыми землеройными машинами культурный слой уничтожается полностью.

Субъектами, выбирающими такой способ действий, как правило, являются строительные рабочие, сельскохозяйственные работники, обрабатывающие участок местности, на котором они обнаружили могильник или скрытый курган.

3. С внезапно возникшим умыслом и без предварительной подготовки. Такая ситуация возможна, когда преступление совершено спонтанно. Например, субъектом случайно обнаружен могильник или курган. Лицо, руководствуясь мотивами любопытства, использует подручные средства для их раскопки, уничтожает или повреждает культурный слой.

Злоумышленник в таких ситуациях использует те орудия и средства, которые ему удастся обнаружить на месте совершения преступления, например, лопата, топор. Часто, он применяет изготавливаемые здесь же на месте из дерева и проволоки щупы. Археологические предметы вытаскиваются из шурфа или раскопа с помощью переделанных в «кошки» вил и грабель, крюков на веревке.

Руководствуясь *характером действий и использованием орудий и средств*, непосредственный способ преступления, можно классифицировать, как: *простой* (с применением мускульной силы человека, подручных средств - любых предметов, применение которых может повлечь уничтожение (повреждение) культурного слоя – палок, топоров, лопат, ломов, металлических прутьев, труб и т.д.) – таких случаев в общей массе преступлений, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ и направленных на приобретение сокрытых под землей и в воде предметов, наибольшее количество (86,3%); *сложный* (с применением орудий и механизмов – тракторов, грейдеров, бульдозеров, экскаваторов - использование которых связано с возможностью преступника (ков) иметь специальные навыки по управлению ими и доступ к такой технике); сложный способ не редкость при совершении преступлений в отношении еще не обнаруженных и не поставленных на государственный учет могильников, городищ, курганов, которые подвергаются незаконным раскопкам с использованием подобных механизмов (13,7%).

По мнению опрошенных в ходе нашего исследования следователей и дознавателей, уничтожение и повреждение памятников истории и культуры в целом, наиболее часто совершаются путем следующих действий: а) незаконной раскопки памятника археологии (шурфование, рытье колодцев и проч.) 34,9%; б) изъятия конструктивной части фрагмента или содержимого памятника археологии (26,9%); в) умышленных действий, связанных с незаконной поисковой деятельностью в отношении археологических памятников (траление, незаконные разведочные раскопы, поиск с помощью металлоискателей, металлодетекторов и георадаров) (20,9%); г) физического (механического) воздействия на участок местности, где обнаруживается культурный слой (10,5%); д) незаконное вторжение на территорию археологического памятника, находящегося под водой с его механическим повреждением (6,8%).

Часто преступление совершается незамаскированными способами. Видимо ввиду того, что памятники археологии, как предметы преступного посягательства, не

редко располагаются вдали от населенных пунктов. Однако в некоторых случаях имеет место и маскировка преступных действий, что характерно для преступлений, совершенных с заранее возникшим умыслом и с предварительной подготовкой.

Как известно, механизм совершения преступления – это системный, сложный, динамический порядок взаимодействия криминалистически значимых элементов преступной деятельности субъекта и факторов объективной действительности, определяющий содержание преступной деятельности и обуславливающий возникновение криминалистически значимой информации [7, с. 28-32].

Наше исследование убедительно показывает закономерную связь между выбором преступником непосредственного способа совершения рассматриваемого преступления и механизмом его совершения, а, следовательно, и механизмом этого преступления вообще. Связь при выборе преступником тех способов совершения преступления, классификация которых предложена нами выше, выражается в виде зависимостей, тенденций и закономерностей. Каждый из рассмотренных нами выше самостоятельных способов совершения преступлений, закономерно образует соответствующие ему следы. В свою очередь, прослеживаются закономерности между реализацией каждого способа, свойственными этой реализации следами, побуждениями преступника, определившими выбор того, или иного способа совершения преступления, а также места, времени и обстоятельств его совершения.

Вместе с тем, личность преступника, не всегда можно установить по выбираемому им способу. Здесь связи между данными элементами механизма преступления проявляются лишь в виде зависимостей и тенденций.

При этом ключевым и стержневым элементом, является все же непосредственный способ совершения преступления во взаимосвязи с предметом преступного посягательства. Именно эти два элемента формируют остальные части механизма преступления и определяют непосредственные действия лиц – участников преступного события.

В качестве примера отображающего такую взаимосвязь рассмотрим случай, имевший место в окрестностях села Терновка Балаклавского района города Севастополя где, в начале апреля 2019 г., двое граждан К. и В., заранее сговорившись и действуя умышленно, совершили незаконный поиск и изъятие из мест залегания в земле археологических артефактов [8]. Следствием было установлено, что примерно с 16-00 до 18-00 ч., подозреваемые, с использованием заранее приiskanного металлодетектора марки «СКИФ» и штыковой лопаты, на участке поля, в районе села Терновка, и осуществили сканирование почвы и рытьё не менее трёх ям. В результате противоправных действий, было добыто из земли несколько старинных монет периода Золотой Орды, датируемые XIII-XIV веками. В последствии подозреваемые были задержаны. В ходе расследования подозреваемый К. пояснил, что он увлекается коллекционированием старинных монет, в связи с чем, часть незаконно изъятых археологических предметов он оставил для своей коллекции, а часть продал другим лицам.

Преступление, совершалось с заранее возникшим умыслом и с предварительной подготовкой, что позволило, проанализировав следы преступления, изъять его орудия, обнаружить и зафиксировать действия преступников, в т.ч. выявить лицо, оказывавшее им содействие путем сокрытия изъятых предметов, выявить свидетелей преступления.

В ходе досудебного расследования по данному факту, на основании показаний сви-

детелей и подозреваемых, а также установлении способа совершения противоправных действий, был восстановлен весь механизм совершения преступления, что во многом определило ход, содержание и сроки расследования на первоначальном этапе.

Подводя итоги нашего исследования, отметим, что способ совершения преступления, предусмотренного ст. 243.2 УК РФ, отображаясь во внешней среде (в основном на месте происшествия), наделяя «информативностью» выявленные следы преступления, выступает в качестве соединителя криминалистической характеристики личности преступника с предметом посягательства и сложившимися обстоятельствами совершения преступления. Таким образом, просматривается прямая корреляция способа совершения преступления и его механизма.

По информации о способе и предметах посягательства, можно судить о типичном расположении следов (следовой картине), орудиях (средствах преступления), а, следовательно, и о личностных свойствах субъекта преступления [9, с. 5].

Воссоздание механизма преступления, в свою очередь, является неотъемлемым этапом версионного процесса. Например, способ преступления «поиск», с использованием лишь металлоискателя, указывает на версию об участии «поисковика-любителя», который осуществляет поисковые действия в качестве увлечения в свободное от работы время, в качестве хобби. Использование же при реализации способа преступления металлических щупов, георадаров, крючков-тралов для извлечения предметов из водоемов, напротив, свидетельствует о преступнике-профессионале.

Таким образом, криминалистическая характеристика преступления как информационная модель, и в настоящее время представляет собой реальное отражение типичных признаков и свойств механизма отдельного вида (рода, группы) преступления, имеющее ряд свойственных ей черт.

Список литературы:

1. Смолякова, А. С. К вопросу о сущности способа совершения наркопреступлений с использованием сети Интернет / А. С. Смолякова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 5(13). – С. 110-116. – EDN XEARUZ
2. Джемелинский, В.А., Натура, А.И. Первоначальный этап расследования надругательств над телами умерших и местами их захоронения: учеб.-практическое пособие / В. А. Джемелинский, А. И. Натура ; под общ. ред. А. И. Натура. - Москва : Юрлитинформ, 2006. – 159 с.
3. О порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) / Информационное письмо Министерства культуры РФ от 17 апреля 2013 г. № 37-01-39/05-ИД // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://archaeolog.ru>.
4. Ожегов, С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. - 4-е изд., дополненное. - М.: Азбуковник, 1999. – 938 с.
5. Грузинская, Е. И. Преступность и наказуемость деяний, посягающих на культурное наследие России (на примере ст. 243 УК РФ) / Е. И. Грузинская // Научный поиск. – 2014. – № 3.2. – С. 2-5.
6. Комарова, Е.В. Уголовная ответственность за незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания (ст. 243.2 УК РФ). / Научный вестник Магистр. 2016. №2. С. 107-111.
7. Самойлов, А.В. Механизм совершения преступления и криминалистическая характеристика преступления: соотношение понятий. Статья / Провинциальные научные записки. Региональный открытый социальный институт (Курск). – 2015, №2. – С. 28-32.
8. Приговор Балаклавского районного суда города Севастополя № 1-194/2019 от 10 декабря 2019 г. по делу № 1-194/2019. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bUeZqNTnsoxa/?ysclid=Izsk42mh22429116151>.
9. Савельев, В.А. Методы получения и сохранения информации в ходе расследования преступлений: учебное пособие / В. А. Савельев. - Краснодар: КубГАУ, –2016. – С. 5.

Bagramyan S. L. Features of the method of illegal search and (or) seizure of archaeological objects from their sites (art.243.2 of the criminal code of the russian federation) and its effect on the mechanism of the crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т.

10 (76). № 3. – P. 399–405.

The main link influencing the elements of the criminalistic characteristics of a crime is the subject of criminal encroachment and the identity of the offender, in conjunction with the method of committing the crime. The named connections between the elements of the criminalistic characteristics of illegal search and (or) the seizure of archaeological objects from their sites, which we will consider below, manifest themselves in some situations of preliminary investigation as dependencies or trends, and in some cases, as patterns. These connections are of great theoretical and practical importance. First of all, to put forward versions and disclose non-obvious crimes of this type. The study of forensic investigative practice and the opinions of law enforcement practitioners involved in countering this type of crime shows that recommendations formulated on the basis of criminalistic characteristics of crimes as a typical descriptive conceptual model are in high demand. In the article, the author identifies and analyzes possible connections between the essential features of the method of committing a crime and its mechanism. Moreover, the main purpose of the resulting conceptual model is statistical, mathematical, and other quantitative and qualitative reflection of all elements of the crime mechanism, connections and dependencies between them. This model, in addition to reliable ones, also contains probabilistic information, thereby reflecting the principle of dynamism of the phenomena of the surrounding reality.

Keywords: the method of committing the crime, the mechanism of the crime, the identity of the offender, the criminalistic characteristics of the crime, the versioning process, the archaeological object, illegal search and (or) seizure, the cultural layer.

Spisok literatury:

1. Smolyakova, A. S. K voprosu o sushchnosti sposoba soversheniya narkoprestuplenij s ispol'zovaniem seti Internet / A. S. Smolyakova // *Sibirskie ugovovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya*. – 2016. – № 5(13). – S. 110-116. – EDN XEARUZ
2. Dzhemelinskij, V.A., Natura, A.I. Pervonaal'nyj etap rassledovaniya nadrugatel'stv nad telami umershih i mestami ih zahoroneniya: ucheb.-prakticheskoe posobie / V. A. Dzhemelinskij, A. I. Natura ; pod obshch. red. A. I. Natura. – Moskva : Yurlitinform, 2006. – 159 s.
3. O poryadke provedeniya arheologicheskikh polevyh rabot (arheologicheskikh raskopok i razvedok) / Informacionnoe pis'mo Ministerstva kul'tury RF ot 17 aprelya 2013 g. № 37-01-39/05-ID // Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa: <http://archaeolog.ru>.
4. Ozhegov, S. I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij / Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. – 4-e izd., dopolnennoe. – M.: Azbukovnik, 1999. – 938 s.
5. Gruzinskaya, E. I. Prestupnost' i nakazuemost' deyanij, posyagayushchih na kul'turnoe nasledie Rossii (na primere st. 243 UK RF) / E. I. Gruzinskaya // *Nauchnyj poisk*. – 2014. – № 3.2. – S. 2-5. – EDN SNYWPH.
6. Komarova, E.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnye poisk i (ili) iz'yatie arheologicheskikh predmetov iz mest zaleganiya (st. 243.2 UK RF). Stat'ya. / *Nauchnyj vestnik Magistr*. 2016. №2. S.107-111.
7. Samojlov, A.V. Mekhanizm soversheniya prestupleniya i kriminalisticheskaya harakteristika prestupleniya: sootnoshenie ponyatij. Stat'ya / *Provincial'nye nauchnye zapiski. Regional'nyj otkrytyj social'nyj institut (Kursk)*. 2015, №2 S.28-32.
8. Prigovor Balaklavskogo rajonnogo suda goroda Sevastopolya № 1-194/2019 ot 10 dekabrya 2019 g. po delu № 1-194/2019. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bUeZqNTnsoxa/?ysclid=lzsk42mh22429116151>.
9. Savel'ev, V.A. Metody polucheniya i sohraneniya informacii v hode ras-sledovaniya prestuplenij: uchebnoe posobie / V. A. Savel'ev. – Krasnodar: KubGAU, –2016. – S. 5.

УДК 342.724

О РОЛИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В БОРЬБЕ С НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИЕЙ

Булатов Т. Р.

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся надзорной деятельности органов прокуратуры Российской Федерации в сфере борьбы с нелегальной миграцией. Раскрываются роль и место прокуратуры РФ в системе органов публичной власти, занимающихся вопросами миграции. Исследуются причины нелегальной миграции, а также негативные последствия, которые она несет. Проанализированы нормативно-правовые акты, регулирующие процессы, связанные с незаконной миграцией, в том числе внутренние ведомственные акты, регламентирующие борьбу органов публичной власти с незаконной миграцией. Приведены статистические данные, в которых отражаются современные тенденции развития миграционных процессов в Российской Федерации. В выводах сформулированы проблемы, с которыми сталкиваются органы публичной власти, реализующие полномочия в сфере борьбы с нелегальной миграцией; подчеркивается ключевая роль органов прокуратуры в поддержании эффективности в борьбе с нелегальной миграцией, при этом особенно выделяются надзорная и координационная функции.

Ключевые слова: Конституция РФ, права человека, органы публичной власти, прокуратура Российской Федерации, иностранный гражданин, мигрант, трудовая миграция, нелегальная миграция, миграционная политика, надзорная функция.

На сегодняшний день миграционная политика Российской Федерации направлена на повышение социально-экономических показателей в стране. Основная ее цель – стимулирование развития экономики и улучшение демографической ситуации в стране. В Концепции государственной миграционной политики, утвержденной до 2025 г. [1] можно найти законодательное закрепление этих положений.

Для решения поставленных задач Россия активно привлекает трудовых мигрантов, предоставляя им широкие возможности для работы и самореализации, что, в свою очередь, положительно отражается на экономическом процветании страны. Эта тенденция способствует достижению целей, изложенных в Концепции, и укреплению экономического потенциала государства. Тем не менее, вместе с притоком законных мигрантов, Россия сталкивается с проблемой нелегальной миграции.

С каждым годом увеличивается количество иностранцев, пребывающих в РФ. Однако это явление сопровождается ростом числа тех, кто находится в стране без соответствующих разрешений, в том числе работающих без оформления необходимых документов. Миграционная политика России ориентирована на обеспечение благоприятных условий для легальных мигрантов, при этом уделяя внимание проблемам, связанным с незаконной миграцией.

События, происходящие в современном мире, увеличивают потоки нелегальной миграции, которые представляют собой вызов для многих стран, включая РФ. Указ Президента России №400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» был принят 2.07.2021 г. [2], он закрепляет основные направления деятельности государства в области обеспечения национальной безопасности и выделяет нелегальную миграцию как одну из ключевых угроз. Подчеркивается, что неконтролируемый поток мигрантов может негативно сказываться на социально-экономической стабильности, правопорядке и состоянии общества в целом.

К сожалению, из-за острой проблемы нелегальной миграции складывается негативный имидж мигрантов в общественном сознании. Такое восприятие не только ухудшает положение мигрантов, но и способствует возникновению напряженности и конфликтов между населением и приезжими иностранцами. Результатом этого является возрастание ксенофобии и социальной изоляции, что вносит дополнительные трудности в процесс интеграции мигрантов и обеспечения внутренней гармонии.

Важно понимать, что вопрос миграции требует комплексной проработки. С одной стороны, необходимо обеспечивать защиту границ и следить за соблюдением миграционного законодательства, а с другой – стремиться к созданию условий для успешной адаптации и интеграции легальных мигрантов в общество.

Однако на сегодня особенно актуально встает вопрос об ужесточении контроля над мигрантами, для обеспечения государственной безопасности и целостности государства, а также спокойствия и благополучия граждан РФ. Мигранты в последние годы стали чаще нарушать законодательство, начиная с административных правонарушений и заканчивая уголовными преступлениями, об этом свидетельствуют статистические данные, приведенные одним из российских новостных изданий [3]. Ко всему, стоит отметить, что среди них появляются сторонники террористических организаций. Так, 22.03.2024 г. в Московской области на территории концертного комплекса «Крокус Сити Холл» был совершен теракт, в результате которого погибло много людей. Виновными в этой трагедии были признаны четверо мигрантов из Таджикистана [4]. То, что мигранты, которые прибыли на территорию РФ для осуществления трудовой деятельности, были привлечены к организации и проведению теракта, говорит также и об упущении нашего законодательства, в том числе в части контроля за иностранными гражданами на территории нашей страны.

Среди органов, занимающихся вопросами миграции, в том числе незаконной миграции, ключевую роль играет исследуемый нами важнейший правозащитный орган государства – прокуратура Российской Федерации. Она не только надзирает за соблюдением законодательства РФ, но и осуществляет контроль и координацию деятельности органов публичной власти, которые занимаются вопросами миграции.

В проекте Приказа Генеральной прокуратуры РФ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере миграции» от 22.01.2024 г. [5], в п. 1.3. закреплено, что в рамках предоставленных прокурору полномочий необходимо добиваться эффективного противодействия незаконной миграции; предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов; недопущения незаконного привлечения к трудовой деятельности нелегальных мигрантов; предотвращать вовлечение мигрантов в криминальную среду, экстремистскую, террористическую или коррупционную деятельность.

В этом документе говорится о необходимости использовать все возможные формы взаимодействия органов публичной власти, а также национальных представительств, диаспор, религиозных организаций и других институтов гражданского общества для предотвращения, своевременного выявления и пресечения преступлений в данной сфере. Намеченные в приказе Генеральной прокуратуры РФ направления противодействия нелегальной миграции являются ключевыми и требуют компетентного и внимательного подхода не только со стороны органов прокуратуры, но и

всей системы органов публичной власти, а также общественных институтов.

Нерегулируемый поток мигрантов может способствовать росту преступности, создавая множество проблем для правоохранительных органов. Отсутствие четко выработанной системы контроля за миграционными потоками усиливает риск возникновения тенденции роста незаконной трудовой миграции, что приведет к нарушению прав и свобод человека и гражданина, которые являются высшей ценностью в нашем государстве и охраняются Конституцией [6].

В рамках этих проблем, борьба с нелегальной миграцией должна стать приоритетом для органов публичной власти. Важно не только выявлять и пресекать разовые случаи нарушений миграционного законодательства, но и разработать комплексный подход к наведению порядка в этой сфере. Эффективная система противодействия должна включать в себя такие меры как: совершенствование отечественного законодательства; сотрудничество с другими государствами для контроля миграционных потоков; интеграцию и адаптацию мигрантов; контроль за пребыванием мигрантов на территории РФ.

Создание благоприятной социально-экономической среды в стране невозможно без урегулирования вопросов, связанных с миграционной политикой государства. Поэтому разработка и реализация всесторонней программы по противодействию нелегальной миграции, которая учитывает, как правоохранительные, так и социальные аспекты, становится неотложной задачей. Эти действия должны привести к созданию стабильной и безопасной обстановки в России.

Зачастую, неэффективность деятельности органов публичной власти в вопросах регулирования труда иностранных работников усугубляет ситуацию. Ошибки в оценке необходимости иностранной рабочей силы в той или иной сфере деятельности, а также формальный подход к управлению миграционными потоками, распределению этих потоков по регионам могут стать катализаторами для разжигания межэтнической напряженности и даже экстремизма. Недоработки в этом направлении создают благоприятную почву для конфликтов, основанных на национальной неприязни [7, с. 5-8; 8, с. 196-214].

Согласно статистическим данным, в России находится более 6 миллионов иностранцев, среди которых около половины – трудовые мигранты [9]. За 2022 г. было зафиксировано более 660 000 случаев фиктивной регистрации иностранцев, а также 220 фиктивных регистраций браков, заключенных с их участием. По всей стране растет количество нарушений миграционного законодательства, в том числе, связанных с нелегальной миграцией. Это позволяет говорить об актуальности данной проблемы и необходимости выработки более эффективных мер по противодействию нелегальной миграции в нашей стране.

Одной из главных целей прокурорского надзора в этой области является предупреждение нарушений миграционного законодательства и борьба с ними [10, с. 418, 11, с. 29, 12, с. 67-69]. В то же время при осуществлении надзора прокуратуры должны исходить из принципа недопустимости подмены функций органов контроля (надзора), а также создания препятствий правомерной предпринимательской деятельности участников экономических отношений.

Прокуратуры осуществляют мониторинг сведений, характеризующих состояние законности в сфере миграции, в том числе статистических данных органов публичной власти, научных учреждений, публикаций в средствах массовой информации,

сети «Интернет». По полученной информации о нарушении законодательства прокурор незамедлительно организует прокурорскую проверку, в результате которой принимает соответствующее решение.

В момент, когда поступает информация о возможных нарушениях в сфере миграции, прокуратура немедленно реагирует, требуя проведения проверок уполномоченными структурами. В числе ведомств, отвечающих за противодействие миграционным нарушениям, выделяется Управление по вопросам миграции при МВД РФ, а также его территориальные подразделения. Кроме того, прокуратура надзирает за деятельностью: Следственного комитета, Федеральной службы безопасности, Федеральной службы судебных приставов и др.

На протяжении последних лет отмечается, что многие нарушения в сфере миграции, возникшие на фоне неудовлетворительного контроля миграционных потоков, напрямую связаны с недостаточной эффективностью работы вышеупомянутых государственных органов публичной власти. Эту проблему необходимо решать путем усиления контроля за деятельностью органов публичной власти в сфере незаконной миграции, в том числе со стороны прокуратуры, а также повышения их ответственности, что позволит добиться значительного снижения уровня незаконной миграции и укрепить общественное доверие к органам власти. Прозрачность действий органов публичной власти, оперативное реагирование на обращения граждан должны стать основополагающими принципами в борьбе с незаконной миграцией.

Разработка эффективных стратегий предотвращения правонарушений и корректировка существующих, является одним из важнейших направлений в деятельности органов публичной власти, так как отсутствие мер по пресечению нарушений «на корню» может привести к дестабилизации общества. К сожалению, зачастую, наблюдается низкая эффективность деятельности полиции в сфере борьбы с правонарушениями иностранных граждан, что неизбежно подрывает правопорядок в обществе. Такая ситуация оказывает негативное влияние на социальную стабильность, способствуя росту ксенофобских настроений и националистических тенденций [13, с. 2-5, 14, с. 35-38, 15, с. 136-138].

Увеличение числа правонарушений, совершенных иностранцами, может стать подспорьем для определенных политических групп, стремящихся использовать ситуацию в своих интересах. Это может привести к попыткам манипулирования общественным мнением и дестабилизации политического климата в стране. Такие действия политических сил могут усугубить и без того сложную обстановку, и привести к разжиганию межэтнической ненависти. Поэтому необходимо обеспечить полноценную интеграцию и адаптацию мигрантов в нашем обществе и создать условия, при которых нарушения закона станут редкостью [16, с. 2-4, 17, с. 298-301, 18, с. 6-7].

При работе с нарушениями миграционного законодательства существует три ключевых проблемных направления, на решение которых направлено большинство ресурсов как прокуратуры, так и поднадзорных органов:

1. Проблема административного выдворения незаконных мигрантов за пределы РФ.

В ряде регионов РФ количество лиц, находящихся в центрах временного содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, значительно превышает поло-

женные нормативы. Поэтому центры отказывают в приеме иностранцев, невзирая на решения судов об административном выдворении. А мигранты, которые уже находятся в них, из-за недостатка финансирования ожидают депортации порой от 3 до 6 месяцев. При этом на их содержание затрачиваются значительные средства из государственного бюджета. Гораздо выгоднее было бы приобрести им билет в страну депортации, тем самым во много раз сократив эти расходы.

2. Проблема фиктивной постановки на регистрационный и миграционный учет иностранных граждан.

Фиктивная регистрация используется для достижения определенных целей, например, при необходимости устроиться на работу в другом регионе или обеспечить посещение ребенком определенного образовательного учреждения. Проблема фиктивной регистрации не обходит стороной и сферу образования. В частности, имеются случаи, когда для зачисления детей в школу или другие учебные заведения родители используют подобные манипуляции с постановкой на учет, чтобы обойти территориальное прикрепление.

3. Проблема осуществления незаконной трудовой деятельности без необходимых разрешительных документов.

Многочисленные нарушения выявляются органами прокуратуры в деятельности организаций, привлекающих мигрантов (причем, как внешних, так и внутренних) к трудовой деятельности. Работодатели, зачастую, привлекают к труду иностранцев, не имеющих необходимых документов для осуществления трудовой деятельности в РФ, а также с нарушениями при составлении трудового договора с ними. Регулярно выявляются такие факты как проживание работников на строительных объектах, в помещениях, не соответствующих установленным нормам, что является грубейшим нарушением со стороны работодателя.

Таким образом, в заключении проведенного исследования можно сделать вывод: прокуратура выполняет ключевую роль в поддержании законности и правопорядка в сфере миграции, активно пресекая выявленные правонарушения; деятельность прокуратуры направлена как на предупреждение, выявление и пресечение незаконной миграции, так и на противодействие злоупотреблениям, нарушающим права граждан РФ и иных лиц, законно находящихся на территории РФ, эти направления деятельности прокуратуры способствуют укреплению государственной безопасности и поддержанию правовой стабильности России; в рамках своих полномочий, прокуроры не только выявляют случаи, когда были нарушены законы, но и принимают всесторонние шаги для их пресечения, прибегая к мерам прокурорского реагирования; эти меры включают в себя не только устранение самих нарушений, но и выявление причин и обстоятельств, которые к ним приводят, для предотвращения повторения подобных нарушений.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. №622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы» // СЗ РФ. 05.11.2018. №45. Ст. 6917.
2. Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. №400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 05.07.2021. №27 (часть II). Ст. 5351.
3. На незаконную миграцию объявлена охота // РИА Новости. [Электронный доступ]. URL: <https://ria.ru/20231025/perestroyka-1905030244.html> (Дата обращения: 24.03.2024 г.).
4. Суд назвал имена фигурантов дела о теракте в «Крокус Сити Холе» // [Электронный источник]. URL: <https://www.rbc.ru/society/24/03/2024/660064ad9a79471d61577e41> (Дата обращения: 25.03.2024 г.).
5. Проект Приказа Генпрокуратуры России «Об организации прокурорского надзора за исполнением

- законов в сфере миграции» (по состоянию на 22.01.2024) // [Электронный доступ]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=100634#OqX3c3UwJYdXGmEW1> (Дата обращения: 03.02.2024 г.).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 01.07.2020. № 31. Ст. 4398.
7. Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Идеологические основания миграционной политики как источник правообразующей деятельности государства // Миграционное право. №4. 2023. С. 5-8.
8. Сажина В.А., Высоцкая З.Р. Эволюция миграционной политики России в отражении правовых источников политико-идеологического характера // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. №81. С. 196-214.
9. МВД назвало число иностранцев в России (интервью В. Казаковой) // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2022/11/24/951913-mvd-nazvalo-chislo-inostrantsev-v-rossii> (Дата обращения: 28.01.2024 г.).
10. Булатов Т.Р., Михайлов В.В. О правовом регулировании пребывания иностранных граждан на территории РФ // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского: Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). № 1. – С. 418-423.
11. Булатов Р.Б. О позитивном влиянии миграции на развитие России в условиях экономических санкций // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. №1 (58). 2023. С. 29-32.
12. Андрейцо С.Ю. Проблемы правового регулирования трудовой миграции в России // Государственная служба и кадры. 2023. №4. С. 67-69.
13. Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Духовно-нравственные ценности и миграционная безопасность в России: правообразующий аспект // Миграционное право. №3. 2023. С. 2-5.
14. Дидидзе М.А. Незаконная миграция: понятие, причины появления и пути преодоления // Миграционное право. №3. 2023. С. 35-38.
15. Ахмадуллин И.Р. Этническая ксенофобия в современной России // ВЭПС. 2022. №4. С. 136-138.
16. Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Противодействие преступности в сфере миграции: правообразующие тенденции // Миграционное право. 2023. № 1. С. 2-4.
17. Хайрисламов А. Р. Постановка проблемы интеграции трудовых мигрантов в культуру безопасности Российской Федерации // Молодой ученый. — 2022. — № 13 (408). — С. 298-301.
18. Сальников В.П., Воронков К.И. Проблемы правового регулирования миграционных процессов в Российской Федерации // Миграционное право. 2023. № 3. С. 6-7.

Bulatov T.R. On the role of the prosecutor's office of the Russian Federation in the fight against illegal migration // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – Р. 406–412.

The article discusses issues related to the supervisory activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the field of combating illegal migration. The role and place of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the system of public authorities dealing with migration issues are revealed. The causes of illegal migration are investigated, as well as the negative consequences that it carries. The normative legal acts regulating the processes related to illegal migration, including internal departmental acts regulating the fight of public authorities against illegal migration, are analyzed. Statistical data are presented, which reflect the current trends in the development of migration processes in the Russian Federation. The conclusions formulate the problems faced by public authorities exercising powers in the field of combating illegal migration; emphasize the key role of the Prosecutor's office in maintaining effectiveness in combating illegal migration, with particular emphasis on supervisory and coordination functions.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, human rights, public authorities, prosecutor's office of the Russian Federation, foreign citizen, migrant, labor migration, illegal migration, migration policy, supervisory function.

Spisok literatury:

- 1.Ukaz Prezidenta RF ot 31 oktyabrya 2018 g. №622 «O Konceptcii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019 - 2025 gody» // SZ RF. 05.11.2018. №45. St. 6917.
- 2.Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02 iyulya 2021 g. №400 «O strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 05.07.2021. №27 (chast' II). St. 5351.
- 3.Na nezakonnyuyu migraciyu ob'yavlena ohota // RIA Novosti. [Elektronnyj dostup]. URL: <https://ria.ru/20231025/perestroyka-1905030244.html> (Data obrashcheniya: 24.03.2024 g.).
- 4.Sud nazval imena figurantov dela o terakte v «Krokus Siti Hole» // [Elektronnyj istochnik]. URL: <https://www.rbc.ru/society/24/03/2024/660064ad9a79471d61577e41> (Data obrashcheniya: 25.03.2024 g.).
- 5.Proekt Prikaza Genprokuratury Rossii «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov v sfere migracii» (po sostoyaniyu na 22.01.2024) // [Elektronnyj dostup]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=100634#OqX3c3UwJYdXGmEW1>

(Data obrashcheniya: 03.02.2024 g.).

6. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 01.07.2020 № 11-FKZ) // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 01.07.2020. № 31. St. 4398.
7. Habibulin A.G., Mursalimov K.R. Ideologicheskie osnovaniya migracionnoj politiki kak istochnik pravoobrazuyushchej deyatel'nosti gosudarstva // *Migracionnoe pravo*. №4. 2023. S. 5-8.
8. Sazhina V.A., Vysockaya Z.R. Evolyuciya migracionnoj politiki Rossii v otrazhenii pravovyh istochnikov politiko-ideologicheskogo haraktera // *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik*. 2020. №81. S. 196-214.
9. MVD nazvalo chislo inostrancev v Rossii (interv'yu V. Kazakovoj) // [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2022/11/24/951913-mvd-nazvalo-chislo-inostrantsev-v-rossii> (Data obrashcheniya: 28.01.2024 g.).
10. Bulatov T.R., Mihajlov V.V. O pravovom regulirovanii prebyvaniya inostrannyh grazhdan na territorii RF // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo: Yuridicheskie nauki*. – 2023. – T. 9 (75). № 1. – S. 418-423.
11. Bulatov R.B. O pozitivnom vliyanii migracii na razvitie Rossii v usloviyah ekonomicheskikh sankcij // *Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoy akademii*. №1 (58). 2023. S. 29-32.
12. Andrejco S.YU. Problemy pravovogo regulirovaniya trudovoj migracii v Rossii // *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*. 2023. №4. S. 67-69.
13. Habibulin A.G., Mursalimov K.R. Duhovno-nravstvennye cennosti i migracionnaya bezopasnost' v Rossii: pravoobrazuyushchij aspekt // *Migracionnoe pravo*. №3. 2023. S. 2-5.
14. Dididze M.A. Nezakonnaya migraciya: ponyatie, prichiny poyavleniya i puti preodoleniya // *Migracionnoe pravo*. №3. 2023. S. 35-38.
15. Ahmadullin I.R. Etnicheskaya ksenofobiya v sovremennoj Rossii // *VEPS*. 2022. №4. S. 136-138.
16. Habibulin A.G., Mursalimov K.R. Protivodejstvie prestupnosti v sfere migracii: pravoobrazuyushchie tendencii // *Migracionnoe pravo*. 2023. № 1. S. 2-4.
17. Hajrislamov A. R. Postanovka problemy integracii trudovyh migrantov v kul'turu bezopasnosti Rossijskoj Federacii // *Molodoj uchenyj*. — 2022. — № 13 (408). — S. 298-301.
18. Sal'nikov V.P., Voronkov K.I. Problemy pravovogo regulirovaniya migracionnyh processov v Rossijskoj Federacii // *Migracionnoe pravo*. 2023. № 3. S. 6-7.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 413–419.

УДК 343.13

СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПРИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОМ ПРОИСШЕСТВИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Бирук М. С.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье представлен результат проведенного методологического исследования роли влияния установления технической возможности у водителя предотвратить ДТП на наличие либо отсутствие в его действиях состава преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ. Результаты исследования, полученные в ходе реализации совокупности методов научного познания, таких как общенаучный метод диалектического познания, системно-структурный, сравнительно-правовой, формально-логический, эксперимент, позволят оптимальным образом повысить эффективность изучения поставленной проблемы. В заключительной части статьи автор предлагает возможные пути решения выявленной проблемы.

Ключевые слова: причинно-следственная связь при ДТП, момент возникновения опасности, момент обнаружения опасности, техническая возможность предотвратить ДТП, скорость движения транспортного средства, скорость движения пешехода, следственный эксперимент, дополнительный осмотр места происшествия.

Постановлением Пленума ВС РФ от 9.12.2008 г. № 25 [4] разъяснено, что для квалификации совершенного преступления по признакам состава, предусмотренного ст. 264 УК РФ, в обязательном порядке в каждом конкретном случае необходимо устанавливать наличие у водителя технической возможности предотвратить ДТП, при этом ВС РФ не делает из указанной рекомендации каких-либо исключений в зависимости от механизма совершенного ДТП и места его совершения. Так, при совершении наезда на пешехода в дневное время суток на нерегулируемом пешеходном переходе при невыполнении требования абз. 1 п. 10.1 Правил дорожного движения РФ и при совершении наезда в темное время суток на проезжей части вне пешеходного перехода для верной квалификации деяния как 264 УК РФ необходимо установить наличие технической возможности у водителя предотвратить совершенный наезд.

Однако, изученные статистические данные и материалы судебно-следственной практики (по Республике Крым) показали, что, несмотря на это, в 2023 г. сформировалась отрицательная тенденция, с которой сложно согласиться: квалифицировать совершенное ДТП в виде наезда на пешеходов на нерегулируемых пешеходных переходах (как исключение из всех механизмов ДТП) как преступление только при установлении деяния – нарушения пункта ПДД РФ (например, водитель не принял экстренного торможения в соответствии с абз. 1 п. 10.1 ПДД РФ) и фиксацией наступивших последствий. Данная позиция обосновывается тем, что наличие технической возможности у водителя предотвратить ДТП возможно установить самим следователем из анализа следовой информации при осмотре места ДТП и объяснений участников события, и в проведении с этой целью специальных исследований (автотехническая экспертиза) не требуется. Так, Л. [5] органом предварительного следствия обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, заключающегося в том, что он, не допуская превышения скоростного режима, не выполнил требования п. 10.1 ПДД РФ и совершил наезд на пешехода, пересекавшего нерегулируемый пешеходный переход слева направо по ходу его движе-

ния, чем причинил потерпевшему тяжкий вред здоровью. При этом в ходе предварительного следствия по уголовному делу проведена не одна судебная автотехническая экспертиза, выводы каждой из которой сводились к тому, что водитель с технической точки зрения не располагал возможностью предотвратить ДТП и в действиях водителя Л. несоответствия требованиям ПДД РФ с технической точки зрения не усматривается. Однако, несмотря на это, орган предварительного следствия предъявил лицу обвинение, прокурор утвердил обвинительное заключение и дело поступило в суд на рассмотрение, которым 22.06.2023 судом вынесен оправдательный приговор, который вступил в законную силу. Подобные решения не единичны.

Под технической возможностью избежать ДТП мы понимаем возможность избежать наезда (столкновения, опрокидывания) путем снижения скорости, остановки транспортного средства или маневра. Соответственно, водитель располагает необходимой технической возможностью, если он успевает остановить транспортное средство до места возможной встречи с препятствием или, снизив скорость, позволяет подвижному препятствию (другому транспортному средству, пешеходу) выйти за пределы опасной зоны при данной скорости движения этого препятствия, соответственно, напрямую зависит от остановочного пути автомобиля в конкретной сложившейся ситуации. Для решения вопроса о технической возможности предотвращения происшествия, следует исходить из технических данных, особенностей транспортного средства, дорожной обстановки (дорожные условия, видимость, обзорность, особенности и техническое состояние данного транспортного средства, его скоростью и скоростью движения пешехода) и соответствующего ей нормативного значения времени реакции водителя. Предлагаем рассмотреть на конкретной смоделированной ситуации влияние наличия или отсутствия технической возможности водителя предотвратить ДТП на установление наличия прямой причинно-следственной связи в исследуемом нами материальном составе преступления: Водитель, управляя автомобилем, в светлое время суток движется по дороге, которая имеет две полосы движения (по одной полосе в каждую сторону) и на нерегулируемом пешеходном переходе допускает наезд на пешехода, который переходит проезжую часть справа налево по ходу движения автомобиля.

Остановочный путь в общем виде можно представить в виде двух составляющих:

- 1) расстояния, которое проходит автомобиль с момента обнаружения водителем опасности для движения до момента срабатывания тормозной системы автомобиля;
- 2) расстояния, которое проходит автомобиль с момента срабатывания тормозной системы автомобиля до его полной остановки. Для того, чтобы достоверно и точно рассчитать остановочный путь автомобиля в конкретной ситуации, используется формула [2, с. 10-110], включающая в себя, в частности, время реакции водителя, время запаздывания срабатывания тормозного привода, время нарастания замедления при экстренном замедлении, коэффициент сцепления шин с дорогой. Необходимо отметить, что все эти технические величины, включенные в формулу, определяются экспертом на основе исходных и справочных данных. Предположим, что следовательно после проведенных следственных действий имеет следующие идеальные исходные данные: 1) автомобиль технически исправен, степень загрузки: один водитель, груз отсутствовал; 2) ДТП произошло в условиях ясной погоды; 3) проезжая часть: сухой асфальтобетон, две полосы для движения, по одной полосе для движения в каждом направлении. Ширина полосы для движения автомобиля

составляет 3,75 м (для простоты эксперимента берем среднюю ширину проезжей части); 4) место наезда на пешехода расположено на расстоянии 2,2 м от правого края проезжей части по ходу движения автомобиля; 5) видимость пешехода с рабочего места водителя автомобиля наступает с момента выхода пешехода на проезжую часть, ранее пешеход не просматривается, ввиду зеленых насаждений, расположенных за пределами проезжей части справа; 6) в ходе следственных действий, получены следующие данные о движении пешехода и автомобиля: скорость движения автомобиля составляет 40 км/ч, скорость движения пешехода 1,1 м/с.

В данной дорожной обстановке техническая возможность предотвращения данного происшествия для водителя определяется сравнением остановочного пути автомобиля (S_0) в условиях места происшествия, с расстоянием, на котором находился автомобиль от места наезда на пешехода, в момент выхода пешехода на проезжую часть (S_a), то есть в момент возникновения опасности для движения водителю автомобиля.

Далее предлагаем оценить действия водителя в предложенной нами смоделированной ситуации на предмет установления технической возможности предотвратить ДТП в двух вариантах развития события, в каждом из которых нет нарушения скоростного режима (абз.1 п.10.1 ПДД РФ) и следовательно необходимо оценить в сложившейся обстановке выполнение требования абз. 2 п.10.1 ПДД РФ предотвратило бы ДТП или нет:

1) вариант №1: в ходе следственных действий, получены следующие данные о движении пешехода и автомобиля: скорость движения автомобиля составляет 40 км/ч, скорость движения пешехода 1,1 м/с, но момент возникновения опасности и момент обнаружения опасности водителем различен с временным интервалом: пешеход выбегает на проезжую часть из-за препятствия, например, припаркованного транспортного средства;

2) вариант №2: скорость движения автомобиля составляет 60 км/ч, скорость движения пешехода 0,85 м/с, но момент возникновения опасности и момент обнаружения опасности водителем различен с временным интервалом: пешеход выходит спокойным шагом на проезжую часть из-за препятствия.

Обратим внимание, что в каждом из предложенных нами вариантах №1 и №2 правоприменитель (по Республике Крым) усматривает признаки состава преступления, предусмотренного ст.264 УК РФ.

ВАРИАНТ №1: Определим остановочный путь автомобиля, при условии движения со скоростью 40,0 км/ч, с учетом дорожных условий, имеющих место на момент ДТП: $S_0 = (t_1 + t_2 + 0,5 \cdot t_3) \cdot V_a / 3,6 + V_a^2 / 26 \cdot j_a$ где: $t_1 = 1,0$ (с) – ситуационное время реакции водителя; $t_2 = 0,1$ (с) – время запаздывания срабатывания тормозного привода автомобиля; $t_3 = 0,35$ (с) – время нарастания замедления при экстренном торможении автомобиля; $j_a = 6,8$ (м/с²) – установившееся замедление автомобиля в условиях места происшествия; $V_a = 40$ (км/ч) – скорость движения автомобиля: $S_0 = (1,0 + 0,1 + 0,5 \cdot 0,35) \cdot 40 / 3,6 + 40^2 / 26 \cdot 6,8 = 23,2$ (м).

Далее определим расстояние, на котором находился автомобиль от места наезда в момент выхода пешехода на проезжую часть, при условии движения автомобиля со скоростью 40 км/ч, по формуле: $S_a = V_a \cdot t_n / 3,6$ (м) где: t_n – время, которое прошло с момента выхода пешехода на проезжую часть и до момента наезда на него, (с).

$t_n = S_n/V_n = 2,2/1,1 = 2,0$ (с). Где: $S_n = 2,2$ (м) – расстояние, которое преодолел пешеход с момента выхода на проезжую часть и до момента наезда на него; $V_n = 1,1$ (м/с) – скорость движения пешехода. $S_a = 40 \cdot 2,0 / 3,6 = 22,2$ (м)

Из проведенного расчёта следует, что в момент выхода пешехода на проезжую часть, автомобиль от места наезда на пешехода, находился на расстоянии 22,2 м и, следовательно, наглядно видно, что в данных дорожных условиях водитель с технической точки зрения, не располагал технической возможностью предотвратить наезд на пешехода путем торможения, поскольку остановочный путь автомобиля, равный (S_0) = 23,2 м, больше расстояния, на котором находился автомобиль от места наезда на пешехода, в момент выхода пешехода на проезжую часть (S_a) = 22,2 м, то есть в момент возникновения опасности для движения водителю автомобиля. Другими словами, в данной дорожной обстановке, водитель автомобиля, с технической точки зрения, при обнаружении выходящего на проезжую часть пешехода и применении им мер к экстренному торможению, физически не смог бы остановить автомобиль до линии движения пешехода (места столкновения).

Вариант №2: Определим остановочный путь автомобиля, при условии движения со скоростью 60,0 км/ч, с учетом дорожных условий, имеющих место на момент ДТП: $S_0 = (t_1 + t_2 + 0,5 \cdot t_3) \cdot V_a / 3,6 + V_a^2 / 26 \cdot j_a$ где: $t_1 = 1,0$ (с) – ситуационное время реакции водителя; $t_2 = 0,1$ (с) – время запаздывания срабатывания тормозного привода автомобиля; $t_3 = 0,35$ (с) – время нарастания замедления при экстренном торможении автомобиля; $j_a = 6,8$ (м/с²) – установившееся замедление автомобиля в условиях места происшествия; $V_a = 60$ (км/ч) – скорость движения автомобиля:

$$S_0 = (1,0 + 0,1 + 0,5 \cdot 0,35) \cdot 60 / 3,6 + 60^2 / 26 \cdot 6,8 = 41,6 \text{ (м)}$$

Из расчетов следует, что остановочный путь автомобиля, при условии движения со скоростью 60 км/ч, в данных дорожных условиях, равен – 41,6 м. Определим расстояние, на котором находился автомобиль от места наезда в момент выхода пешехода на проезжую часть, при условии движения автомобиля со скоростью 60 км/ч, по формуле: $S_a = V_a \cdot t_n / 3,6$ (м) где: t_n – время, которое прошло с момента выхода пешехода на проезжую часть и до момента наезда на него, (с). $t_n = S_n/V_n = 2,2/0,85 = 2,6$ (с) где: $S_n = 2,2$ (м) – расстояние, которое преодолел пешеход с момента выхода на проезжую часть и до момента наезда на него; $V_n = 0,85$ (м/с) – скорость движения пешехода. $S_a = 60 \cdot 2,6 / 3,6 = 43,3$ (м)

Из проведенного расчёта следует, что в момент выхода пешехода на проезжую часть, автомобиль от места наезда на пешехода, находился на расстоянии 43,3 м и, следовательно, приходим к выводу, что в данных дорожных условиях водитель с технической точки зрения располагал технической возможностью предотвратить наезд на пешехода путем торможения, поскольку остановочный путь автомобиля, равный (S_0) = 41,6 м, меньше расстояния, на котором находился автомобиль от места наезда на пешехода в момент выхода пешехода на проезжую часть (S_a) = 43,3 м, то есть в момент возникновения опасности для движения водителю автомобиля. Другими словами, в данной дорожной обстановке, водитель с технической точки зрения при обнаружении выходящего на проезжую часть пешехода и применении им мер к экстренному торможению мог остановить автомобиль до линии движения пешехода (места столкновения).

Отметим, что мы проводили расчеты, используя благоприятные дорожные условия (видимость, солнечная ясная погода и т.д.), оперируя всего двумя переменными

– скоростью движения автомобиля и скоростью движения пешехода, но для решения вопроса о технической возможности предотвращения происшествия будут влиять конкретные условия: момент возникновения опасности и момент ее обнаружения водителем (разница в итоговом результате наглядно проиллюстрирована в разобранных выше вариантах №1 и №2), особенности транспортного средства, дорожной обстановки и соответствующего ей нормативного значения времени реакции водителя. Каждая из указанных групп исходных данных может содержать в себе от двух-трех до десяти различных данных об обстоятельствах происшествия [5, с. 1-112]. Для наглядности остановимся на некоторых из них. Хотим обратить внимание, что каждый из ниже приведенных показателей по своей природе может быть установлен только экспериментальным путем: 1) величина замедления, являющаяся одной из основных величин, необходимых при проведении расчетов для установления механизма происшествия и решения вопроса о технической возможности предотвратить происшествие путем торможения; 2) коэффициент сцепления шин с дорогой; 3) коэффициент сопротивления движению; 4) скорость движения транспортного средства по показаниям свидетелей; 5) время движения пешехода; 6) величина замедления при экстренном торможении; 7) дальность видимости препятствия; 8) обзорность для водителя в момент ДТП также определяется в каждом конкретном случае отдельно.

На основании примера очевидно, что наличие или отсутствие технической возможности предотвратить ДТП невозможно установить следователю, опираясь только на информацию первоначального осмотра места ДТП или показания участников, без проверки опытным путем проведения следственного эксперимента для получения соответствующих исходных данных и без использования специальных познаний путем назначения автотехнической экспертизы. Так, например, Первый кассационный суд общей юрисдикции г. Саратова [3], отменяя обвинительный приговор суда первой инстанции, которым лицо признано виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, справедливо обосновал и указал на незаконность вынесенного приговора по причине того, что в ходе судебного следствия причинно-следственная связь между нарушением водителем абзаца 2 п. 10.1 ПДД РФ (не принятие мер к снижению скорости) и наступившими последствиями в виде наезда на пешехода, пересекавшего нерегулируемый пешеходный переход на запрещающий сигнал светофора, в результате чего наступила смерть последнего, установлено только на основании анализа самой ситуации происшедшего события, а не на основании анализа механизма ДТП, без установления наличия или отсутствия технической возможности предотвратить ДТП, не приняв во внимание обоснование своей позиции судом первой инстанции в той части, что ст.196 комментируемого кодекса не предусматривает среди обязательных видов назначения судебных экспертиз автотехническую экспертизу.

УПК РФ в ст. 181 позволяет следователю провести опытные действия по проверке обстоятельств или воссозданию каких-то обстоятельств и событий только путем проведения одного единственного следственного действия – следственного эксперимента, однако, нужно констатировать, что ст.144 УПК РФ не закрепляет среди следственных действий, разрешенных к проведению до возбуждения уголовного дела, следственный эксперимент. Таким образом, следователь при установлении оснований для возбуждения уголовного дела вынужден: либо проводить дополни-

тельный осмотр места происшествия с целью получения необходимых экспериментальных данных (который в дальнейшем признается судом недопустимым доказательством, ярким примером этого служит судебное решение по уголовному делу № 25212 (№ 1-100/2014) [1, с. 294], которым установлена подобная подмена между проведенным фактически и предусмотренным уголовно-процессуальным законом следственными действиями), либо, игнорируя рекомендации Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 принимать решение о возбуждении уголовного дела без установления наличия технической возможности водителя предотвратить ДТП. Полагаем, оба пути не обеспечивают реализацию в соответствии с ч.2 ст. 6 УПК РФ назначения уголовного судопроизводства в части защиты от незаконного и необоснованного обвинения личности, ограничения прав и свобод: в первом случае происходит подмена одного следственного действия (осмотр места происшествия) другим – следственным экспериментом, о невозможности второго варианта мы доказали на основании выше приведенных математических вычислений по смоделированному ДТП.

На основании изложенного считаем необходимым внесение изменений в ч. 1 ст. 144 УПК РФ в части включения следственного эксперимента в перечень следственных и иных процессуальных действий, которые могут проводиться до возбуждения уголовного дела и невозможность принятия решения следователем о возбуждении уголовного дела без установления технической возможности предотвратить ДТП путем проведения следственного эксперимента и назначения автотехнической экспертизы.

Список литературы:

1. Бирук М.С., Самородский Е.О. Автотехническая экспертиза и следственный эксперимент – неотъемлемые орудия следователя в сборе оснований для возбуждения уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ. Евразийский юридический журнал. № 3. 2023. С. 290–294.
2. Методические рекомендации по производству автотехнической экспертизы. М.: ВНИИСЭ, 1971. 112 с.
3. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции г. Саратов от 11.01.2022 по делу № 77-3/2022 (77-5242/2021) // официальный сайт Первого кассационного суда.
4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016) // Справочная правовая система «Консультант плюс».
5. Приговор Ялтинского городского суда Республики Крым от 22.06.2023 по делу №1-178/2023 // Официальный сайт Ялтинского городского суда Республики Крым

Biruk M.S. investigative experiment in a traffic accident: problems and prospects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – Р. 413–419.

The article presents the result of a methodological study of the role of the influence of establishing a driver's technical ability to prevent an accident on the presence or absence of corpus delicti in his actions, provided for in Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation. The research results obtained in the course of implementing a set of methods of scientific knowledge, such as the general scientific method of dialectical knowledge, systemic-structural, comparative-legal, formal-logical, experiment, will allow to optimally increase the efficiency of studying the problem at hand. In the final part of the article, the author suggests possible ways to solve the identified problem.

Key words: cause-and-effect relationship in an accident, moment of danger, moment of detection of danger, technical ability to prevent an accident, vehicle speed, pedestrian speed, investigative experiment, additional inspection of the scene.

Spisok literatury:

1. Biruk M.S., Samorodskiy Ye.O. Avtotekhnicheskaya ekspertiza i sledstvennyy eksperiment – neot'yemlyemye orudiya sledovatelya v sbore osnovaniy dlya возбуждения уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ. Евразийский юридический журнал. № 3. 2023. С. 290–294.

2. Methodological recommendations for conducting automotive technical examination. M.:VNIISE,1971.112 p.
3. Determination of the First Cassation Court of General Jurisdiction of the city of Saratov dated January 11, 2022 in case No. 77-3/2022 (77-5242/2021) // official website of the First Cassation Court.
4. On judicial practice in cases of crimes related to violation of traffic rules and operation of vehicles, as well as their unlawful taking without the purpose of theft: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 9, 2008 No. 25 (as amended on May 24, 2016) // Legal reference system "Consultant Plus".
5. Sentence of the Yalta City Court of the Republic of Crimea dated June 22, 2023 in case No. 1-178/2023 // Official website of the Yalta City Court of the Republic of Crimea.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 420–425.

УДК 343.231

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НА АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВАХ НЕЦЕНЗУРНОЙ БРАНИ И ЕЁ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Волков П. А., Овсепян Г.М., Ячменев С. П.

За последние десять лет совершенное административных правонарушений путем нанесения наклеек или стикеров на транспортные средства с содержанием нецензурной брани получили значительное распространение в Российской Федерации. В статье рассматривается совершение подобных правонарушений с нравственной и правовой точки зрения. Отражены сущность и особенности таких способов. Обозначены отдельные аспекты противодействия подобным правонарушениям. Отражены проблемы, которые не позволяют противостоять правонарушениям указанного вида в полной мере. Вместе с тем акцентировано внимание на необходимость внесения изменений в действующее административное законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: нецензурная брань, правонарушение, мелкое хулиганство, личность, нравственность, безопасность дорожного движения, общественный порядок, общественная безопасность, проблемы.

Современный мир развивается достаточно динамично и не всегда имеется возможность оперативно оценить, отреагировать на новые угрозы общественной безопасности и внести изменения в законодательство. Ярким примером недооценённых угроз в административно-правовой сфере могут являться случаи использования на автотранспортных средствах наклеек или стикеров содержащих в себе нецензурную брань или жаргонные выражения. В настоящий момент на территории Российской Федерации фиксируется рост популярности такого метода самовыражения, а сами наклейки и стикеры содержащие нецензурную брань или жаргонные выражения пользуются большим спросом. Нередки случаи, когда подобного рода выражения попадают во внимание малолетних и несовершеннолетних лиц, тем самым формируя определённый интерес к подобного рода лексике, а также провоцируя следующие вопросы, способные поставить многих родителей в тупик:

– Мама, а что у дяди на машине написано? «По ..уй!»

Чтобы не быть голословными, мы представляем вашему вниманию фототаблицу из примеров проявления «самовыражения» владельцев автотранспортных средств, передвигающихся по российским дорогам.

Как правило, жаргонные выражения употребляются достаточно ограниченным кругом лиц. Зачастую носителей жаргонных предложений объединяет общая деятельность, интересы, положение в социуме или общая социальная группа. Помимо этого, носители жаргона достаточно часто выносят запас своих знаний в обще-

ственность. Почти каждый из нас сталкивается с повсеместным использованием нецензурной брани (как устно, так и в формате граффити или наклеек), происходят процессы легитимизации данных выражений, их нейтрализации и растворения в устном русском языке. На наш взгляд это является ярким примером безнравственных действий [4].

На современном этапе развития общества и государства, к антиобщественным и безнравственным действиям мы можем отнести целый перечень поступков: жестокое обращение с животными, азартные игры, наркомания, проституция, злоупотребление алкогольными напитками и др. Если мы обратимся к результатам теоретической деятельности о человеческой природе, полученным К.Марксом, а именно к марксистскому учению о нравственности, то позволим себе отметить, что познание человеком природы бытия осуществляется исходя из его окружения. Таким образом формируя окружение с глубокими моральными, нравственными и этическими ценностями, где интересы лица совпадали со всем человечеством, мы формируем чистое и нравственное общество.

Рассматривая данный вопрос с этической точки зрения, мы должны отдавать себе отчёт в том, что человек, как социальное существо, не способен существовать вне социальных систем, а соответственно должен соблюдать общеобязательные нормы должного поведения в обществе, выраженные в форме правовых законов, а также иные нормы, основанные на традициях, обычаях, моральных и этических ценностях.

Проанализировав Российское административное законодательство можно прийти к выводу, что только два состава Гл. 6 КоАП РФ, а это «занятие проституцией», «получение дохода от занятия проституцией, если этот доход связан с занятием другого лица проституцией» отнесены к административным правонарушениям, посягающим на общественную нравственность. Из этого следует, что размещение на автотранспортных средствах наклеек и стикеров содержащих в себе нецензурную брань или жаргонные выражения отнести к вышеуказанной главе не представляется возможным отнести [1].

При этом, по мнению законодателя, нецензурная брань в общественных местах, наркомания, распитие алкогольных напитков или спиртосодержащей продукции в общественных местах, нахождение в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения являются нарушениями прав граждан, здоровья населения и общественного порядка, но не имеют ничего общего с нравственностью. Когда рушатся моральные нормы, человеческое общество всегда стремится к упадку. Следует подчеркнуть, что стабильность государственного развития включает в себя комплекс задач и функций по реализации типовых административно-правовой защиты по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности от противоправных посягательств на групповые и межличностные отношения в публичной сфере [2].

В настоящий момент, нравственное воспитание и в целом соблюдение этических норм является одним из самых проблем направлений как для государства, так и для общества в целом. Одной из отличительных черт данной проблемы, является наличие склонности к использованию подобного рода «самовыражения» у граждан всех возрастов. Рассматривая данную проблему, мы можем прийти к закономерному вопросу: Что делать, если государство даёт право гражданам проявлять свои личност-

ные качества, но реализуются они путём совершения действий, которые не имеют правового ограничения? Стоит также учесть, что подобного рода действия могут носить безнравственный, антиобщественный и в целом неприемлемый характер. В данном случае мы ведём речь о нанесении на транспортное средство наклеек или стикеров, содержащих нецензурную брань.

Использование в речи, в сети «Интернет», нецензурной брани, достаточно распространённое социальное явление на постсоветском пространстве. Большинство жителей РФ считает недопустимым употребление нецензурной брани в общественных местах, однако, несмотря на свои убеждения, продолжает её употреблять. Особо творческие личности оказались настолько неразлучны с бранной речью, что создали новую форму её выражения – размещение на транспортных средствах в виде стикеров и наклеек. Если мы обратимся к действующему законодательству, то сможем определить, что единственный случай ответственности за ненормативную лексику, предусмотренный законом, предусмотрен ст. 20.1 КоАП РФ, то есть нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества. Следует также отметить, что такого рода лексика является наиболее распространённой формой мелкого хулиганства. Если изучить эту форму более пристально, что можно заметить, что она, как правило, вызывает наибольшие сложности и проблемы. Соответственно мы можем получить следующий вывод: данная форма мелкого хулиганства охватывает все случаи ругательства с использованием нецензурной брани. Процессуальные документы, оформляемые сотрудниками органов внутренних дел уполномоченных собирать материалы об административном правонарушении, предусмотренном ст. 20.1 КоАП, по общему правилу не содержат нецензурной брани, которая является основанием для административного производства. Правовая составляющая всем известных понятий должна иметь юридически точный характер, так как именно за сотрудниками полиции остаётся определение сущности высказанных субъектом правонарушения слов [1; 8; 5].

В контексте интересующего нас вопроса обращает на себя внимание то факт, что сегодня брендинг транспортных средств очень популярен и позволяет без особых затрат продвинуть свой продукт. Индивидуальные предприниматели, граждане могут заказывать стикеры или наклейки для автомобильной рекламы своей продукции. Главное — подходить к задаче разумно, тогда со стикерами или наклейками на транспортных средствах никаких проблем не будет. Существуют стикеры, которые можно размещать на автомобилях без согласования [6].

К ним относятся: реклама (исключение составляют табачные, алкогольные изделия, пивные напитки, слабоалкогольные изделия); опознавательные знаки, размещение которых прописано в законодательстве; разрешение на допуск транспортного средства к участию в дорожном движении; данные собственника автомобиля, товарный знак; объявление, предлагающее приобрести эту конкретную машину.

Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона «О рекламе» реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределённому кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке. Так же, частью 6 ст. 5 Федерального закона «О

рекламе» предусмотрено, что в рекламе не допускается использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении пола, расы, национальности, профессии, социальной категории, возраста, языка человека и гражданина, официальных государственных символов (флагов, гербов, гимнов), религиозных символов, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, а также объектов культурного наследия, включенных в Список всемирного наследия [10].

5.05.2014 г. Федеральным законом от 05.05.2014 г. № 101-ФЗ внесены изменения в ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» в соответствии с которым экземпляры аудиовизуальной продукции и фонограмм на любых видах носителей, экземпляры печатной продукции (за исключением продукции средств массовой информации), содержащие нецензурную брань, допускаются к распространению только в запечатанной упаковке и при наличии текстового предупреждения в виде словосочетания «содержит нецензурную брань» [9]. Порядок размещения данного текстового предупреждения определен Постановлением Правительства РФ от 07.12.2015 г. № 1336 согласно которого, предупреждение наносится любым доступным способом, цветом, контрастным фону, легко читаемым шрифтом и по размеру должно занимать не менее 5% площади поверхности. Нанесение предупреждения обеспечивается лицом, допустившим к распространению соответствующую продукцию. На экземплярах аудиовизуальной продукции и фонограмм текстовое предупреждение размещается на лицевой поверхности либо лицевой стороне, а также на упаковке. На экземплярах печатной продукции предупреждение размещается на обложке и на упаковке [11].

Невыполнение указанных требований образует состав административного правонарушения по ч.1 ст. 14.3 КоАП РФ за нарушение рекламодателем, рекламопроизводителем или рекламораспространителем законодательства о рекламе и влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 2000 до 2500 руб.; на должностных лиц – от 4000 до 20000 руб.; на юридических лиц – от 100 тысяч до 500 тыс. руб.

Проводя анализ можно убедиться в том, что действующее законодательство, как и вышеперечисленные нормативные правовые акты не содержат четких разъяснений, определений того, что понимать под «нецензурной бранью». А соответственно у должностных лиц, уполномоченных в соответствии с законом рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.1 КоАП РФ, нет конкретных критериев о понятии сущности объективной стороны данного правонарушения. Таким образом, актуальным видится рассмотрение вопросов с законодательным закреплением понятия «нецензурная брань».

Сотрудниками ДПС ГИБДД МВД России регулярно проводятся рейдовые мероприятия или «сплошные отработки» в целях выявления административных правонарушений. В ходе рейдовых мероприятий в основном уделяется внимание пресечению грубых нарушений в сфере дорожного движения, связанных с управлением транспортными средствами в состоянии опьянения и другим мероприятиям. При проведении подобных мероприятий, хотелось бы рекомендовать сотрудникам ДПС ГИБДД МВД России, при остановке транспортных средств проводить визуальный осмотр транспортного средства на наличие наклеек или стикеров, содержащих нецензурную брань на транспортных средствах. Как правило, в рейдовых мероприяти-

ях принимают участие и сотрудники отдела пропаганды безопасности дорожного движения ГИБДД МВД России. Думается, что освещение в СМИ, а также на официальных страницах территориальных ГИБДД МВД России в социальных сетях случаев выявления транспортных средств и привлечения к административной ответственности водителей за управление транспортным средством с наклейками или стикерами, содержащими нецензурную брань будет являться профилактикой, а также средством, которое уберёжёт других водителей от необдуманных действий. Поскольку количество вышеуказанных транспортных средств, передвигающихся по дорогам общего пользования достаточно большое и оно постоянно растёт, то мы можем констатировать тот факт, что работа в данном направлении является недостаточной [1; 6; 3].

Также необходимо отметить то, что «мелкое хулиганство», как правило, происходит в одном месте, то есть не носит продолжительный характер и свидетелями его, как правило, является небольшой круг лиц. Возвращаясь же к наклейкам или стикерам, содержащим нецензурную брань на транспортных средствах, то здесь уже правонарушение происходит довольно продолжительное время, пока транспортное средство перемещается или припарковано в общественном месте, и ко всему прочему количество лиц, которые имеют возможность прочесть нецензурные выражения, в том числе и дети, становится весьма обширным, что приводит в высокой степени общественной опасности подобных действий. Ко всему вышесказанному, в целях пресечения нарушения законности, необходимо говорить о том, что необходимо издание нормативного правового акта, который бы устанавливал понятие «нецензурная брань», перечень слов и выражений, которые будут признаны нецензурными. Считаем необходимым внесение изменений в ст. 20.1 КоАП РФ, в частности, в ч. 4 изложить в следующей редакции: «Нанесение на транспортное средство, информации, выражающейся в неприличной форме, а также содержащую нецензурную брань, выражения оскорбительного характера – влечет наложение административного штрафа в размере от двадцати тысяч до тридцати тысяч рублей с конфискацией орудия совершения правонарушения и административный арест на срок до пятнадцати суток». Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 настоящей статьи, – влечет наложение административного штрафа в размере от ста тысяч до двухсот тысяч рублей с конфискацией орудия совершения правонарушения и административный арест на срок до пятнадцати суток.

Подводя итог, мы пришли к выводу, что ранее упомянутые обстоятельства обуславливают необходимость в корректировке положений предусмотренных ст. 20.1 КоАП РФ. Вышеуказанные предложения могут показаться несколько сложными и достаточно спорными, вызывая дискуссию в научной среде, однако не стоит забывать и об угрозе подобного рода правонарушениях для общества. Несомненно, что во главе угла должны всегда находиться нравственность, права человека, которые в случае реализации идей несомненно будут еще больше защищены [1; 3; 8].

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. – Москва : Проспект 2023. – 816 с. Нецензурная брань, ее пагубная сущность. – Москва, Благо, 2000. – 32 с.
2. Желвис, В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В.И. Желвис. – Москва: Ладомир, 2001. – 330 с.
3. Правила дорожного движения на 2024 год. Официальный текст с 3D иллюстрациями – Москва : Издательство АСТ, 2024. – 96 с. – (ПДД 3D).
4. Китаев-Смык Л.А. ,Сексуально-вербальная защита и агрессия (матерная речь и матерная ругань). //

Речевая агрессия в современной культуре. Челябинск: Изд. ЧГУ, 2005, с. 17 – 21.

5. Административный процесс: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» и «Государственное и муниципальное управление» / В.В. Волкова [и др.]. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2019. – 199 с.

6. К.В. Шульгина. Способы и проблемы фиксации ненормативной лексики в протоколе допроса // Юрилингвистика. 2020. №17. С. 8-11.

7. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. М., 2006. – Т.1: А-Л.

8. Жеребило Т.В., Мейриева А.С. Классификация эвфемизмов, используемых в современном русском языке. / Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2-5. – С. 1107-1110. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36992>.

9. Федеральный закон от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/.

10. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. N 38-ФЗ «О рекламе». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/?ysclid=ltlsegf2an769390891.

11. Постановление Правительства Российской Федерации от 07 декабря 2015 г. N 1336 «Об утверждении Правил размещения текстового предупреждения о наличии нецензурной брани на экземплярах отдельных видов продукции». URL: <https://base.garant.ru/71271828/?ysclid=ltlsid4fmo520002177>.

Volkov P.A., Hovsepyan G.M., Yachmenev S.P. On the issue of the use of obscene language on motor vehicles and its legal regulation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 420–425.

Over the past ten years, more sophisticated administrative offenses by applying stickers or stickers to vehicles containing obscene language have become widespread in the Russian Federation. The article examines the commission of such offenses from a moral and legal point of view. The essence and features of such methods are reflected. Certain aspects of countering such offenses are outlined. The problems that do not allow to resist offenses of this type in full are reflected. At the same time, attention is focused on the need to amend the current administrative legislation of the Russian Federation.

Key words: obscenity, offense, petty hooliganism, personality, morality, traffic safety, public order, public safety, problems.

Spisok literatury:

1. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah. – Moskva : Prospekt 2023. – 816 s. Necenzurnaya bran', ee pagubnaya sushchnost'. – Moskva, Blago, 2000. – 32 s.

2. ZHelvis, V.I. Pole brani: Skvernoslovie kak social'naya problema v yazykah i kul'turah mira / V.I. ZHelvis. – Moskva: Lodomir, 2001. – 330 s.

3. Pravila dorozhnogo dvizheniya na 2024 god. Oficial'nyj tekst s 3D illyustracijami – Moskva : Izdatel'stvo AST, 2024. – 96 s. – (PDD 3D).

4. Kitaev-Smyk L.A. ,Seksual'no-verbal'naya zashchita i agressiya (maternaya rech' i maternaya rugan'). // Rechevaya agressiya v sovremennoj kul'ture. CHelyabinsk: Izd. CHGU, 2005, s. 17 – 21.

5. Administrativnyj process: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po napravleniyu podgotovki «YUrisprudenciya» i «Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie» / V.V. Volkova [i dr.]. – 4-e izd., pererab. i dop. – М.: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2019. – 199 s.

6. К.В. SHul'gina. Sposoby i problemy fiksacii nenormativnoj leksiki v protokole doprosa // YUringvistika. 2020. №17. S. 8-11.

7. Efremova T.F. Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. V 3 t. М., 2006. – Т.1: А-Л.

8. ZHerebilo T.V., Mejrieva A.S. Klassifikaciya evfemizmov, ispol'zuemyh v sovremenном русском языке. / Fundamental'nye issledovaniya. – 2015. – № 2-5. – S. 1107-1110. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36992>.

9. Federal'nyj zakon ot 1 iyunya 2005 g. N 53-FZ «O gosudarstvennom yazyke Rossijskoj Federacii». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/.

10. Federal'nyj zakon ot 13 marta 2006 g. N 38-FZ «O reklame». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/?ysclid=ltlsegf2an769390891.

11. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 07 dekabrya 2015 g. N 1336 «Ob utverzhdenii Pravil razmeshcheniya tekstovogo preduprezhdeniya o nalichii necenzurnoj brani na ekzemplarah otidel'nyh vidov produkcii». URL: <https://base.garant.ru/71271828/?ysclid=ltlsid4fmo520002177>.

УДК 34.096, 328.185, 35.072.61

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Галустян Н.В.

*Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»*

В статье анализируются сущностные особенности процесса цифровизации, ее влияние на развитие общественных отношений в целом и на социализацию личности в современных реалиях. Исследуется проблема степени значимости внедрения цифровых информационных технологий в конкретную сферу противодействия коррупции, а также исследуются различные аспекты применения в борьбе с коррупцией уже существующих антикоррупционных мер в цифровом формате, где отдельное внимание обращено на функции государственного контроля, обозначаются предпосылки их дальнейшего совершенствования. Предлагаются рекомендации, способствующие дальнейшей разработке и закреплению комплексного подхода в реализации мер противодействия коррупционным проявлениям, дальнейшему совершенствованию механизма внедрения цифровых технологий в процесс борьбы с коррупцией с учетом последних тенденции и изменений в общественной жизни.

Ключевые слова: цифровая среда, цифровизация, информационные технологии, общественные отношения, сохранение личности в информационном пространстве, антикоррупционный контроль, меры противодействия коррупции, борьба с коррупцией, девиантное поведение, низкий уровень правовой культуры, информационная грамотность населения, комплексный подход, прозрачность деятельности представителей управленческих властных структур, защита конфиденциальных данных.

На сегодняшний день невозможно представить общественные отношения в различных сферах жизнедеятельности без перевода информации в цифровую среду. Такой формат очень удобен, уже становится привычным, является более экономичным с точки зрения затрат на обмен информацией и предоставляет широкий спектр новых возможностей с учетом большой степени экономии времени. Однако стоит более подробно рассмотреть определение понятия термина «цифровизация» с тем, чтобы выявить степень влияния данного сравнительно нового явления на процесс противодействия коррупционным проявлениям, поскольку цифровые технологии внедряются буквально во все сферы жизни.

В качестве понимания определения понятия «цифровизация» в широком смысле сегодня видится некоторое популярное явление в развитии экономической системы на общемировом уровне, характеризующееся трансформацией информационных данных в форму цифрового воплощения и позиционируется как наиболее эффективное средство повышения уровня экономики и улучшения жизни во всех сферах общества. Характеризуя термин «цифровизация» в узком смысле, И.В. Гудков отмечает, что это процесс «создания цифровой информации путем преобразования практических или теоретических сведений в цифровые данные. Такая информация используется обычными пользователями и направлена на потенциальный экономический и социальный рост»[1].

Следует признать, что изобретение людьми и последующее применение интеллектуальных механизмов становится комфортным уже в обычных жизненных условиях, включая бытовые, а не только потенциально создает цифровую экономику со своими особенностями и закономерностями. Тому примером стали программы «умный дом» или «умный город». Всем отраслям на данном этапе свойственно внедрение цифровых преобразований, но «легче поддаются сферы деятельности, которые связаны с информационно-коммуникационными технологиями» - утверждает М.М.

Бродач [2]. Описывая влияние внедрения цифровых технологий на комфортное обустройство повседневной жизни и быта, необходимо учитывать степень подобного влияния, прежде всего, на развитие социальных институтов и в целом на социализацию личности в обществе. Вот здесь важно подчеркнуть, насколько существенны и заметны изменения личности, выраженные в изменении мыслительной деятельности, уровня восприятия внешней информации, культурного и социального пространства, коммуникабельности, лексики, культуры общения, пространства в социуме и в целом скорости процесса социализации.

Цифровизация во многом положительно влияет на жизнь людей. Это наблюдается в экономике, в предпринимательской деятельности, в скорости обеспечения взаимодействия различных общественных и социальных институтов, как уже нами отмечено, в заметном повышении качества оказываемых нам услуг и продвижения товаров, совершения сделок в электронном цифровом формате, тем самым, повышая качество жизни, наблюдается появление новых усовершенствованных моделей и бизнес-проектов, повышение прозрачности экономической деятельности, увеличение внедрения замещающих человека технологий в производство, роботов, а также прозрачности деятельности органов власти и управления, что существенно влияет на снижение уровня роста коррупционных противоправных деяний.

Однако, на фоне всех преимуществ влияния цифровых технологий на жизненные сферы деятельности, однозначно возникает множество негативных аспектов и даже угроз, которые нельзя сбрасывать со счетов. Эти тенденции уже прослеживаются в изменении формата живого общения, что в последствие, сильно повлияет на социализацию целых поколений. Физиологически человек эволюционирует довольно медленно, потенциал использования возможностей головного мозга человеком, по мнению ряда ученых, довольно велик и продолжает исследоваться. А развитие и внедрение цифровых технологий идет «семимильными шагами» и, в связи с этим, требует нового формата мыслительной деятельности, скорости реакции, восприятия информационных потоков, больших затрат на эти процессы внимания, памяти, концентрации, зрения, изменение психической реакции на вокруг происходящее. Приведем пример, когда студенты в аудиториях фиксируют информацию, которую слышат на лекции, путем набора текста в смартфоне, планшете или ноутбуке, хотя никто не отменял рукописные лекции и в целом степень положительного влияния письма на мыслительную деятельность человека, развитие моторики, зрительную память в процессе написания наукоемких понятий и определений. Как результат многократных наблюдений – в большинстве подобных случаев прослеживается снижение уровня процесса усвоения логически выстроенной информации, вытекающее порой в снижение уровня знаний, а если информация, фиксируемая подобным способом, усваивается успешно, то, зачастую, не запоминается на длительный период времени. В результате, несмотря на общую тенденцию внедрения цифровых технологий в процесс обучения, предпочтение более трудоемкому процессу классического рукописного конспектирования может помочь студентам получать более глубокие знания. Помимо перечисленных негативных последствий влияния цифровых технологий, следует обязательно учесть общую тенденцию снижения рабочих мест, а возможно, в будущем, замены представителей целых профессий цифровыми автоматизированными технологиями, что крайне удобно и экономично в современном формате. Сложно, допустим, представить, что обучение в онлайн-формате, с использованием только цифровых технологий может качественно полностью заменить живые уроки опытных учителей или лекции преподавателей высшей школы. Хотя, в то же время необходимо понимать, что целый ряд представителей других профессий более рационально и экономично впоследствии на самом деле заменить точечным внедрением и использованием указанных выше технологий. Поэтому к

данному вопросу необходимо подойти крайне избирательно, взвешенно, опираясь на уже имеющийся положительный опыт. Кроме обозначенных проблемных аспектов, важно учесть, что наряду с прогрессом в исследуемых отношениях появляется формат целого общества «недобросовестных пользователей цифровыми услугами, факты массового проявления мошенничества в данной сфере, пиратство и распространение вредоносного контента» - отмечает в своем исследовании В.Г. Халин [3].

Самым серьезным в негативном смысле последствием внедрения цифровых технологий на фоне удобства, экономичности, универсальности и скорости, является то, что происходит ориентация личности, в основном, только на самоутверждение, зачастую в отрыве от общественных нравственных и моральных ценностей, как следствие, недостатка живого человеческого общения в социуме, замены реальных связей между людьми в социуме виртуальными, в итоге прослеживается некая компьютерная зависимость и отсутствие необходимой среды эмоционального общения, что особенно влияет на психику детей и подростков. Это, возможно, может в дальнейшем негативно повлиять на образ жизни и поведение в различных сферах жизнедеятельности. Поэтому, как отмечает М.Г. Лазар, «особую актуальность приобретает проблема сохранения личности в информационном пространстве, порождая «дефицит человечности», появление раннего психологического старения общества, человеческое одиночество и снижение физического здоровья» [4].

Таким образом, обобщая смысл трактовки определения понятия «цифровизация» в узком и широком его формате, отметим, что последнее подразумевает некую обработку важной и наиболее продуктивной для экономики, бизнеса, научной деятельности информации в доступные для любого пользователя цифровые данные с целью дальнейшего развития всех сфер и направлений жизнедеятельности в стране, в том числе связанных и с вопросами борьбы с коррупцией, и с вопросами сохранения национальной безопасности в целом. Но, как любое новое общественное явление, имеет свои как положительные, так и отрицательные последствия. Поэтому важной задачей становится исследование вопросов влияния внедрения цифровых технологий в каждую отдельно взятую сферу, в нашем случае, сферу борьбы с коррупцией с применением цифровых технологий, вопросов целесообразности и грамотности внедрения цифрового формата в этот процесс с тем, чтобы наиболее эффективно реализовывать данное направление деятельности и добиться показателей снижения роста коррупционных проявлений.

Информационные технологии, а также всеобъемлющее присутствие и распространение интернета во всех сферах нашей жизнедеятельности на современном этапе развития общества претендует на признание очередной, четвертой волны в промышленной революции. Как было описано выше, подобный формат обеспечил доступ к большим массивам данных о социальной жизни общества. Сфера правовых отношений в обществе не является исключением. На основе использования информационно-коммуникационных технологий появляются перспективы разработки новых, наиболее целесообразных и эффективных мер противодействия бюрократизму, низкой производительности труда и коррупции как проблемам, возникающим в процессе осуществления государственного управления. Но, вместе с тем, следует помнить, что одновременно с развитием цифровизации могут появиться и уже появляются новые формы коррупционных противоправных деяний, в частности, указывают в своем исследовании Кравченко, А. Г., Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Воронцов С. А., «посредством применения новых электронных схем и процессов, приводящих уже к электронной бюрократизации, а также электронной коррупции» [5]. Негативное воздействие коррупции серьезно подрывает авторитет государственной власти, существенно уменьшая степень доверия граждан к социальным институтам общества, вызывает процессы разложения всей общественной структуры

ры вопреки увеличению материального благосостояния и повышения уровня жизни людей, являясь одной из самых главных проблем в современном мире, и препятствует нормальному развитию многих государств. Это вызывает необходимость сосредоточения сил и средств для борьбы с коррупцией, внедрения новых действенных мер, их закрепления в законодательстве.

Существует ряд принципов, которые являются ключевыми в проведении антикоррупционной политики, основанной на применении цифровых технологий. К ним можно отнести «принцип прозрачности деятельности государственных служащих, их ответственности перед обществом, проверяемости предоставленных ими сведений, автоматического обеспечения процедур принятия управленческих решений, прямой контроль государства, а также управление рисками системно, обязательный учет социальной оценки власти и наличие обратной связи в системе управления» - считает В.О. Чекулаев [6].

Поскольку мы определили, что применение цифровых технологий в государственном управлении представляет собой актуальный и значимый инструмент борьбы с коррупцией, подчеркнем, что достижения в указанной сфере на современном этапе позволяют качественно усовершенствовать стратегию разработки и применения антикоррупционных мер с помощью обеспечения должной степени прозрачности и доступности сведений о деятельности представителей властных структур, укрепления доверия к деятельности представителей аппарата управления, подразумевая обеспечение неподкупности государственных и муниципальных служащих, чего можно добиться, по мнению А.А. Валиахметовой «усилением верховенства закона, а также активного вовлечения граждан в правотворческую деятельность и в процесс принятия решений» [7].

Потенциальная составляющая цифровых технологий способствует повышению результатов проведения мероприятий антикоррупционного характера, вызывают возникновение новых отношений, которые в корне исключают возможность появления коррупции. В связи с этим большинство стран мира используют сегодня цифровизацию с целью прозрачности информации и противодействия коррупционным проявлениям. Одновременно разработка новых продуктов цифровизации порождает новые уязвимые места и угрозы, так или иначе связанные с коррупцией. Они выражаются как минимум в появлении новых инструментов для отмывания денег, распространении мошеннических схем с использованием личных данных и распространении киберпристутности.

Все вышеуказанное вызывает необходимость разработки мер по соблюдению баланса между регулированием и практическим внедрением цифровых инноваций, решению проблем, связанных с крайней необходимостью защиты прав человека, а также гарантированное обеспечение сохранения конфиденциальности информации.

Надо заметить, соглашаясь с мнением А.В. Ураева, что «в борьбе с коррупцией важную роль играют краудсорсинговые платформы, позволяющие гражданам сообщать о случаях вымогательства или предложения взятки через интернет или по телефону. Такие инструменты по большей части предназначены для обнародования фактов бытовой коррупции, с которой люди сталкиваются ежедневно. Для эффективной обработки поступающих обращений используются технологии искусственного интеллекта (ИИ), он автоматически классифицирует информацию по степени срочности и суммам, прогнозируя модели реагирования, и создает статистические отчеты на основе полученных данных» [8].

Подобное использование искусственного интеллекта играет большую роль в выявлении конфликта интересов благодаря процессу мониторинга поисковых систем. С помощью анализа данных и финансовой транзакции цифровые программы имеют свойство обнаруживать конфликты интересов и в дальнейшем передавать информа-

цию по подведомственности сотрудникам правоохранительных органов для проведения ими мероприятий по проверкам наличия либо отсутствия коррупционных схем. Кроме того, «с помощью технологий искусственного интеллекта возможно спрогнозировать случаи коррупции, анализируя сформированные коррупционные схемы и карты» - пишет А. Г. Кравченко А. Г., А. И. Овчинников, А. Ю. Мамычев, С. А. Воронцов [5].

Важно также упомянуть степень значимости применения такой антикоррупционной меры, как осуществление антикоррупционного контроля за исполнением полномочий государственных и муниципальных служащих с помощью технологии Big Data. Ее использование дает возможность объединив отдельные фрагменты информации и получить в итоге общую картину коррупционной деятельности.

Также сегодня активно применяется цифровая технология распределенных реестров, именуемая блокчейном, с целью избежания рисков при заключении сделок с недвижимостью, оформление прав собственности и заключение государственных и муниципальных контрактов. Эта мера представляет собой альтернативный механизм отчетности с повышенным уровнем прозрачности осуществления необходимых операций и предотвращение мошеннических схем посредством более скрупулезного контроля.

Еще одной мерой на сегодняшний день является разработка и внедрение проведения открытых торгов с использованием цифровых платформ с технологией распределения реестров, позволяющие обеспечить более рациональное распределение и использование средств бюджета с помощью «внедрения смарт-контрактов» - приходит к выводу А.В. Ураев [8].

Все перечисленные меры свидетельствуют об использовании новых возможностей в противодействии коррупции, что позволяет достичь определенных положительных результатов, улучшая прозрачность деятельности представителей управленческих властных структур и повышая степень доверия со стороны граждан и всего общества к ним.

Поскольку представить себе жизнедеятельность современного общества невозможно без использования информационных компьютерных технологий, а также данный формат позволяет существенно экономить ресурсы, время, делает доступным довольно обширные потоки информации для обычного пользователя в повседневной жизни, следует помнить, «что при любом обращении в интернет остается определенный след в цифровом формате, который впоследствии может позволить узнать по определенным идентификационным признакам информацию о лице, осуществляющем те или иные манипуляции в информационно-коммуникационной сети» - отмечают М.А. Маслиенко и Н.А. Дроботова [9, с.48].

Данная ситуация делает, с одной стороны, уязвимой информацию, личные данные лиц, использующих продукты цифровизации по назначению в любой жизненной ситуации, возможно, учебе или профессиональной деятельности, что требует активного вмешательства государственного аппарата с контролирующими функциями по защите и охране больших баз данных. А с другой стороны, позволяет правоохранительным органам более оперативно выявлять информацию о тех лицах, которые, наоборот, использовали интернет ресурсы и заимствовали чужие цифровые данные, возможно, вскрыли информацию, с целью реализации мошеннических схем или совершения более тяжких преступлений коррупционной направленности.

В этой связи на лицо актуальность совершенствования разработки и законодательного закрепления цифровизации самих средств противодействия киберпреступникам, которыми должны умело пользоваться сотрудники правоохранительных ор-

ганов, чтобы иметь возможность быстро отслеживать и вычислять объекты посягательства и субъектов совершения противоправных деяний. Тогда можно будет рассуждать, на наш взгляд, о всеобъемлющем контроле над коррупционной преступностью в цифровом пространстве.

Учеными также исследуется указанная проблема. Интересен тот факт, что «применительно к борьбе с преступностью необходимо делать ставку не на искоренение преступности, а скорее на степень жесткости государственного и общественного контроля в отношении нее» – пишет в своем исследовании Я.И. Галинский, цитируя труды ученого-криминолога Э. Дюркгейма [10, с. 42].

Предпринята попытка дать определение понятия государственного контроля над преступностью как, в частности, «законной деятельности целостной системы уполномоченных органов, выражающейся в сдерживании девиантного (отклоняющегося) поведения отдельных индивидов и их групп» – указывает А.Н. Харитонов [11].

Следовательно, говорить о целостной системе государственного контроля над преступностью, подразумевать его без учета цифровой трансформации в общественных отношениях, представляется невозможным в период тотальной цифровизации всех сфер жизни.

Вопросы контроля над коррупционной преступностью в эпоху цифровых технологий являются достаточно недавними для исследования научным сообществом на фоне государственного контроля над преступностью в иных сферах. Поэтому требуется разработка и внедрение новых мер и механизмов реализации контролирующих функций на законодательном уровне, о чем упоминается в Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы, где именно к сфере безопасности государства и обеспечения правопорядка отнесены цифровые технологии [12]. Они сами, эти меры борьбы с коррупционными преступлениями, должны иметь характер цифровизованных, для этого требуется подготовка специалистов в системе правоохранительных органов, специальные дополнительные программы обучения, нормативно закреплённые и проверенные на практике.

Такой подход позволит снизить уровень роста коррупционных преступлений в целом, так как преступления, совершаемые в информационной цифровой среде злоумышленниками, предполагают масштабный характер охвата объектов посягательства, а значит, жертвами могут стать множество лиц, пользующихся информационным пространством в позитивных целях. Таким образом, пресечение подобного рода противоправных деяний позволит наиболее эффективно повысить общий уровень безопасности и общественного порядка, поскольку снизит процент совершения преступлений и других видов, а не только коррупционных.

Не следует исключать пользу, которую приносит применение цифровых технологий при использовании цифрового пространства в виде платформ на уровне осуществления деятельности должностных лиц органов государственной власти по оказанию услуг потребителям. Примером тому может служить довольно успешный проект внедрения электронного правительства, где практически невозможно внедрить коррупционные схемы между госслужащими и лицами, обращающимися с заявлениями об оказании услуг.

«Беря во внимание последнюю позицию, следует констатировать уже имеющуюся практику наличия манипуляций с тендерами, проводимыми в электронном виде, когда достаточно только в заявке изменить одну букву алфавита на латиницу и, как следствие, потенциальные конкуренты не смогут получить возможность принять участие в конкурсе. Помимо приведенного примера, взятого из практики, имеет место много других способов обмануть «цифру» в описываемой области, с целью дальнейшего обеспечения возможности «нужному лицу» получения государственного или муниципального подряда за так называемые

«откаты» - указывает в своей работе А.А. Гаджива [14, с.336].

Также, «переход на дистанционную цифровую форму коммуникации между государством и населением, придание этой коммуникации обезличенного и технически проверяемого характера (закрытые перечни документов, фиксация сроков оказания публичных услуг, жестко фиксированный алгоритм действий граждан и должностных лиц) способствовали снижению числа коррупционных действий госслужащими, ранее провоцируемых посредством увеличения временных и документационных издержек граждан» – отмечают А.Г. Кравченко, А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев, С.А. Воронцов [5]. Применительно к вышеуказанному примеру приведем следующее мнение главы Сбера: «Прозрачность деятельности, которая заложена в «цифре», обеспечивает доступ к цифровой информации, в таких условиях любое принятое чиновником решение всегда можно проанализировать и дать оценку на предмет его коррупционности» – отмечает Герман Греф [15].

Прогнозируя перспективу внедрения цифровых технологий в отношения по оказанию услуг населению должностными лицами органов государственного и муниципального управления, можно предположить замену функций цифровыми программами большого числа чиновников за ненадобностью, что, в свою очередь, существенно сэкономит бюджет, сделает систему отношений прозрачной и в целом снизит уровень коррупции. А это та самая профессиональная сфера, в которой как раз стоило бы допустить подобные замены, о которых рассуждали выше.

Подтверждается подобная перспектива, в частности, А.В. Курочкиным и Т.А. Кулаковой: «цифровизация способна оказать мощное воздействие на государственные процессы, делая их более инклюзивными, эффективными, подотчетными и прозрачными, что, в конечном итоге отражается на снижении коррупционной составляющей в сфере государственного управления в целом на федеральном и региональном уровнях» [16, с.2349].

Однако, напомним, что проблема негативных последствий цифровизации тоже заслуживает отдельного внимания, несмотря на все доводы о положительных показателях в деле борьбы с коррупцией.

Можно утверждать, что новые продукты цифровизации, существенно минимизируя традиционные привычные форматы коррупционного поведения, параллельно создают условия для возникновения на практике латентных способов реализации полномочий чиновниками. Так образуется теневой сектор управления.

Здесь важно, чтобы не были созданы заинтересованными лицами такие «удобные обстоятельства», при которых процесс внедрения цифровых технологий не привел бы к трансформации коррупции в более высокий также цифровой уровень. Это тоже весьма серьезная проблема сегодняшней действительности. Трансформируются и изменяются жизненные реалии – видоизменяется и усугубляется, как следствие, вслед за этим процессом уходит в «тень» преступная коррупционная деятельность с использованием цифрового формата. Поэтому средства борьбы должны носить эффективный и действенный характер, идти в ногу со временем.

На современном этапе развития общества «лучший способ получить ответ на вопрос о контроле в мире, полном умных машин, - понять ценности тех, кто фактически создает эти системы» – отмечает Дж. Брокман [13].

Согласимся с мнением о том, что «все чаще возникают ситуации, когда лица, которые обязаны контролировать процессы применения цифровых технологий, зачастуювольно или невольно становятся вовлеченными в коррупционные механизмы, там они востребованы по причине наличия у них уникальных знаний, компетенций и навыков обхода программных кодов, а также фальсификации цифровых решений. Особый контроль за деятельностью таких «специалистов» со стороны правоохранительных органов имеет очень большое значение, поэтому требует разработки меха-

низмов его эффективной реализации, более того, возникла необходимость вести их учет (Реестр)» – пишет А.А. Гаджиева [14].

Прослеживается тенденция, что «в целом негативные последствия диджитализации можно классифицировать на общие (применительно ко всей преступности в целом) и специальные (касающиеся непосредственно коррупции. Например, общим негативным последствием цифровизации остается слабая защищенность информационных ресурсов от хакеров. В этой связи необходимо, чтобы новые цифровые решения, платформы и системы обеспечивались соответствующими стандартами безопасности» - указывает А.А. Гаджиева [14, с. 334].

Таким образом, подытожив, сделаем вывод о том, что новые цифровые технологии должны систематически совершенствоваться и обновляться, что представляет собой также довольно затратный процесс их использования. Это также вызывает обременение у граждан и должностных лиц, требуя получения специальных знаний в данной сфере, обучения, повышения квалификации, что является одной из болевых проблемных точек в исследуемом вопросе, поскольку на сегодняшний день информационная грамотность населения, да и большинства должностных лиц, существенно отстает от необходимого уровня.

Как социальное явление коррупция достаточно многолика и многогранна, она проявляется в том числе и в заключении запрещенных гражданско-правовых сделок (например, принятие в дар или дарение подарков, оказание услуг госслужащему третьими лицами). Поэтому использование целого комплекса мер борьбы с коррупцией, включая сегодняшний формат инновационных цифровых технологий, будет способствовать достижению положительных результатов в указанной сфере.

Терпимое, привычное отношение общества к коррупции, отсутствие активной гражданской позиции в этом вопросе, низкий уровень правовой культуры, отсутствие осознания всей степени опасности последствий коррупции, все еще являются основными пороками на фоне существующих эффективных мер борьбы с коррупцией.

Систематическое правовое информирование населения, пропаганда антикоррупционной политики, на наш взгляд, должны продолжаться непрерывно, тем более, что в этой сфере существенное влияние оказывают уже имеющиеся и стремительно развивающиеся новые цифровые технологии, вошедшие в нашу жизнь. Только профилактика и устранение причин и условий, которые дают почву для возникновения коррупционных проявлений, наряду с применением целесообразных мер, даст действенный результат. Только комплексный подход реализации мер противодействия коррупционным проявлениям, включая сегодняшние возможности новых информационных компьютерных технологий, возможно, позволит найти ту самую «золотую середину» и даст положительный результат в борьбе с коррупцией.

В качестве выводов и предложений в завершении работы, в том числе, хотелось бы отметить, что цифровизация экономики и ее диджитализация – это процесс неизбежный, но на этом фоне важно своевременно предвидеть возможные последствия, включая, прежде всего, негативные, поскольку их заочное прогнозирование способствует минимизации рисков и своевременному предупреждению совершения коррупционных преступлений. Наряду с этим, необходимо продолжать исследовать и вносить предложения по дальнейшему совершенствованию механизма внедрения цифровых технологий в процесс борьбы с коррупцией, преодолевая возникающие технические проблемы, а также дальнейшему совершенствованию возможностей сохранения и защиты конфиденциальных данных и пресечению всякого злоупотребления в использовании цифрового формата в коррупционных целях.

Список литературы:

1. Бродач, М.М. Цифровизация и внедрение умных технологий в России// Здания высоких техноло-

- гий. – 2020. – С. 6-8. [Электронный ресурс] // URL: http://zvt.abok.ru/upload/pdf_articles/777.pdf (дата обращения: 24.04.2024).
2. Гудков, И.В. Цифровизация: понятие и сущность [Электронный ресурс] // URL: <https://xn--80aimgg.xn--80ae9b7b.xn--p1ai/Files/ArticleFiles/9194cff2-dced-4dda-82b8-8b07c6c9c380.pdf> (дата обращения: 04.03.2024).
3. Халин, В.Г. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски [Электронный ресурс] // URL: В.Г. Халин, Г.В. Чернова // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10. – С. 46-66. Режим доступа: https://spb.ranepa.ru/images/nauka/UK_DOI/10_18/Khalin_10_18.pdf (дата обращения: 04.03.2024).
4. Лазар, М.Г. Цифровизация общества, ее последствия и контроль над населением [Электронный ресурс] // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. – 2018. – С. 170–181. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obschestva-ee-posledstviya-i-kontrol-nad-naseleniem> (дата обращения: 04.03.2024).
5. Кравченко, А. Г., Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Воронцов С. А. Использование цифровых технологий в сфере противодействия коррупции // Административное и муниципальное право. – 2020. – № 6. – С. 52-63. [Электронный ресурс] // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33458 (дата обращения: 03.03.2024).
6. Чекулаев, В.О. Цифровые технологии в борьбе с коррупцией: возможности и ограничения Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием), посвященная применению информационных и коммуникационных технологий в образовании и науке. Проходит в режиме интернет конференции с 27 по 29 марта 2024 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://birskin.ru/index.php/2012-02-07-11-31-02> (дата обращения: 04.03.2024).
7. Валиахметова, А. А., Сотников А. А., Черкашин И. Д. Современные цифровые технологии в сфере противодействия коррупции // Молодой ученый. 2021. № 21 (363). С. 173-175. [Электронный ресурс] // URL: <https://moluch.ru/archive/363/81197/> (дата обращения: 04.03.2024).
8. Ураев, А. В. Глобальная цифровизация как эффективный инструмент антикоррупционной политики государства // Молодой ученый. 2023. № 2 (449). С. 17-20. [Электронный ресурс] // URL: <https://moluch.ru/archive/449/98823/> (дата обращения: 04.03.2024).
9. Маслиенко, М.А., Дроботова, Н.А. Цифровизация коррупционных правонарушений: основные проблемы и пути противодействия // Проблемы правоохранительной деятельности. 2022. № 2. С. 48–52.
10. Галинский, Я.И. Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы // Российский ежегодник уголовного права. – 2013. – № 7. – С. 42-58.
10. Базылев, Б. Т. Сущность позитивной юридической ответственности [Текст]/ Б. Т. Базылев // Правоведение. -1979. - № 4. - С. 40 – 46.
11. Харитонов А.Н., Государственный контроль над преступностью : Теорет. и правовые проблемы : Монография / А. Н. Харитонов; М-во внутр. дел Рос. Федерации. Ом. юрид. ин-т. - Омск : Ом. юрид. ин-т МВД России, 1997. - 239 с.
12. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» / Консультант-Плюс [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 14.03.2024).
13. Брокман, Дж. Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте. М.: Альпина-Нон-фикшн. 2017. – 552 с.
14. Гаджиева, А.А. Проблемы противодействия коррупции и коррупционной преступности в условиях цифровой трансформации // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 11-2. С. 331.
15. Греф назвал единственный способ борьбы с коррупцией в России – РИА Новости. 16.01.2019 [Электронный ресурс] // URL: https://ria.ru/20190116/1549421166.html?chat_room_id=1549421166 (дата обращения: 14.03.2024).
16. Курочкин, А.В., Кулакова Т.А., Коверзнева С.А. Антикоррупционный потенциал инструментов «цифровой экономики»: политико-управленческий анализ // Креативная экономика. – 2019. – № 12. – С. 2349-2360.

Galustyan N.V. Digitalization and fighting anti-corruption at the present stage of society development // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024.– Т. 10 (76). № 3. – Р. 426–435.

The article analyzes the essential features of the digitalization process, its impact on the development of social relations in general and on the socialization of the individual in modern realities. The problem of the degree of significance of the introduction of digital information technologies in the specific field of anti-corruption is explored, and various aspects of the application of existing anti-corruption measures in a digital format in the fight against corruption are examined, where special attention is paid to the functions of state control, and the prerequisites for their further improvement are identified. Recommendations are offered to facilitate the further development and consolidation of an integrated approach to the implementation of measures to combat corruption, further improvement of the mechanism for introducing digital technologies into the process of combating corruption, taking into account the latest trends and changes in public life.

Key words: digital environment, digitalization, information technology, public relations, preservation of personality in the information space, anti-corruption control, anti-corruption measures, fight against corruption, deviant behavior, low level of legal culture, information literacy of the population, integrated approach, transparency of the activities of management representatives government structures, protection of confidential data.

Spisok literaturey:

1. Brodach, M.M. Cifrovizaciya i vnedrenie umnyh tekhnologij v Rossii// Zdaniya vysokih tekhnologij. –

2020. – С. 6-8. [Elektronnyj resurs] // URL: http://zvt.abok.ru/upload/pdf_articles/777.pdf (data obrashcheniya: 24.04.2024).
2. Gudkov, I.V. Cifrovizatsiya: ponyatie i sushchnost' [Elektronnyj resurs] // URL: <https://xn--80aimgp.xn--80ae9b7b.xn--p1ai/Files/ArticleFiles/9194cff2-dced-4dda-82b8-8b07c6c9c380.pdf> (data obrashcheniya: 04.06.2024).
3. Halin, V.G. Cifrovizatsiya i ee vliyanie na rossijskuyu ekonomiku i obshchestvo: preimushchestva, vyzovy, ugrozy i riski [Elektronnyj resurs] // URL: V.G. Halin, G.V. Chernova // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. – 2018. – № 10. – С. 46-66. Rezhim dostupa: https://spb.ranepa.ru/images/nauka/UK_DOI/10_18/Khalin_10_18.pdf (data obrashcheniya: 04.06.2024).
4. Lazar, M.G. Cifrovizatsiya obshchestva, ee posledstviya i kontrol' nad naseleniem [Elektronnyj resurs] // Problemy deyatel'nosti uchenogo i nauchnyh kollektivov. – 2018. – С. 170–181. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obshchestva-ee-posledstviya-i-kontrol-nad-naseleniem> (data obrashcheniya: 14.06.2024).
5. Kravchenko, A. G., Ovchinnikov A. I., Mamychyev A. YU., Voroncov S. A. Ispol'zovanie cifrovyyh tekhnologij v sfere protivodejstviya korrupcii // Administrativnoe i municipal'noe pravo. – 2020. – № 6. – С. 52-63. [Elektronnyj resurs] // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33458 (data obrashcheniya: 03.03.2024).
6. ChEkulaev, V.O. Cifrovyye tekhnologii v bor'be s korrupciej: vozmozhnosti i ogranicheniya Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (s mezhdunarodnym uchastiem), posvyashchennaya primeneniyu informacionnyh i kommunikacionnyh tekhnologij v obrazovanii i nauke. Prohodit v rezhime internet konferentsii s 27 po 29 marta 2024 g. [Elektronnyj resurs] // URL: <https://birskin.ru/index.php/2012-02-07-11-31-02> (data obrashcheniya: 04.03.2024).
7. Valiahmetova, A. A., Sotnikov A. A., Cherkashin I. D. Sovremennyye cifrovyye tekhnologii v sfere protivodejstviya korrupcii // Molodoj uchenyj. 2021. № 21 (363). С. 173-175. [Elektronnyj resurs] // URL: <https://moluch.ru/archive/363/81197/> (data obrashcheniya: 04.03.2024).
8. Uraev, A. V. Global'naya cifrovizatsiya kak effektivnyj instrument antikorrupcionnoj politiki gosudarstva // Molodoj uchenyj. 2023. № 2 (449). С. 17-20. [Elektronnyj resurs] // URL: <https://moluch.ru/archive/449/98823/> (data obrashcheniya: 04.03.2024).
9. Maslienko, M.A., Drobotova, N.A. Cifrovizatsiya korrupcionnyh pravonarushenij: osnovnye problemy i puti protivodejstviya // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. – 2022. – № 2. – С. 48–52.
10. Galinskij, YA.I. Social'nyj kontrol' nad prestupnost'yu: ponyatie, rossijskaya real'nost', perspektivy // Rossijskij ezhegodnik ugolovnogo prava. – 2013. – № 7. – С. 42-58.
11. Haritonov A.N., Gosudarstvennyj kontrol' nad prestupnost'yu : Teoret. i pravovyye problemy : Monografiya / A. N. Haritonov; M-vo vnutr. del Ros. Federacii. Om. yurid. in-t. - Omsk : Om. yurid. in-t MVD Rossii, 1997. - 239 s.
12. Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 № 203 «O Strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017 – 2030 gody» / Konsultant-Plyus [Elektronnyj resurs] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (data obrashcheniya: 14.03.2024).
13. Brokman, Dzh. CHto my думаем о машинах, которые думают: Vedushchie mirovyye uchenye ob iskusstvennom intellekte. M.: Al'pina-Non-fikshin, 2017. – 552 s.
14. Gadzhieva, A.A. Problemy protivodejstviya korrupcii i korrupcionnoj prestupnosti v usloviyah cifrovoj transformacii // Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava. – 2021. – № 11-2. – С. 331-
15. Gref nazval edinstvennyj sposob bor'by s korrupciej v Rossii – RIA Novosti. 16.01.2019 [Elektronnyj resurs] // URL: https://ria.ru/20190116/1549421166.html?chat_room_id=1549421166 (data obrashcheniya: 14.03.2024).
16. Kurochkin, A.V., Kulakova T.A., Koverzneva S.A. Antikorrupcionnyj potencial instrumentov «cifrovoj ekonomiki»: politiko-upravlencheskij analiz // Kreativnaya ekonomika. – 2019. – № 12. – С. 2349-2360

УДК 316.354

**ПРАКТИКА УЧАСТИЯ ВОЛОНТЕРОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ:
ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

Горлова Н. И., Зарубина К. А.

Во многих странах в системе правового обеспечения правопорядка традиционно заметную роль играли различные добровольные формирования граждан, ставшие по-настоящему важным социальным явлением. В основе взаимодействия полиции и общества заложен принцип общественного доверия и поддержки граждан в вопросах обеспечения правопорядка. Организация сотрудничества выстроена таким образом, чтобы максимально использовать помощь волонтеров в работе полиции. Кроме того, отметим, что исследование практик включения граждан в сферу обеспечения общественной безопасности расширяет теоретические представления о выстраивании паритетных отношений между правоохранительными органами и гражданами на добровольной и безвозмездной основе. Цель исследования – анализ практики участия волонтеров в деятельности полиции (на основе изучения опыта отдельных зарубежных стран). Дан краткий исторический экскурс возникновения и развития различных форм сотрудничества граждан с целью оказания помощи в решении проблем обеспечения общественного порядка и безопасности в США и Великобритании. Результаты исследования позволили определить специфику и функционал добровольных помощников в рядах полиции, а также особенности организации волонтерского менеджмента.

Ключевые слова: волонтеры, волонтерские программы, институты гражданского общества, общественная безопасность, партнерство, полиция, сотрудничество.

За несколько десятилетий накоплен немалый опыт сотрудничества полиции с волонтерами в решении правоохранительных задач. Во многих странах в системе правового обеспечения правопорядка традиционно заметную роль играли различные добровольные формирования граждан, ставшие по-настоящему важным социальным явлением. В основе взаимодействия полиции и общества заложен принцип общественного доверия и поддержки граждан в вопросах обеспечения правопорядка [1, с. 82–91]. Организация сотрудничества выстроена таким образом, чтобы максимально использовать помощь волонтеров в работе полиции. Так, в США в основе сотрудничества полиции с гражданами заложен принцип «активного социального партнерства», который предусматривает интеграцию общественной активности в правоохранительную деятельность в различных форматах деятельности добровольных помощников – от патрулирования волонтерскими формированиями общественных мест до проведения профилактических и просветительских мероприятий в учебных заведениях. Партнерские отношения и готовность граждан к плодотворному сотрудничеству, безусловно, можно рассматривать в качестве ключевого индикатора доверия граждан полиции.

Исследование практик включения граждан в сферу обеспечения общественной безопасности расширяет теоретические представления о выстраивании паритетных отношений между правоохранительными органами и гражданами на добровольной и безвозмездной основе. Это позволяет значительно укрепить сотрудничество различных институтов гражданского общества и органов власти, осуществляющих противодействие правонарушениям. При этом подчеркнем, что практика создания добровольных формирований граждан недостаточно изучена, хотя в отдельных государствах этот опыт имеет положительное распространение, что также определяет актуальность представленного исследования.

Цель исследования – анализ практики участия волонтеров в деятельности полиции (на основе изучения опыта отдельных зарубежных стран). Для достижения поставленной цели в исследовании решаются следующие задачи: изучить вопросы взаимодействия полиции и волонтеров в Великобритании; проанализировать опыт участия волонтеров в деятельности полиции в США; определить основные принципы организации деятельности волонтеров в

службе полиции в отдельных прогрессивных зарубежных странах.

В работе использовались принципы объективности, всесторонности и научной достоверности, что позволило комплексно изучить практику участия волонтеров в деятельности полиции на основе зарубежного опыта. В данной работе использовались такие научные методы исследования, как метод анализа, синтеза, обобщения, систематизации, сравнительно-правовой и хронологический методы. К примеру, хронологический метод исследования позволил изучить практику участия волонтеров в полицейской службе в исторической ретроспективе. Сравнительно-правовой метод применялся для установления сходств и различий участия волонтеров в деятельности полиции в таких странах, как Великобритания и США. Методы синтеза, систематизации, обобщения, анализа использовались при формулировании выводов исследования.

Академический интерес к вопросам взаимодействия полиции и волонтеров значительно возрос. Отдельные аспекты, связанные с опытом привлечения правоохранительными органами добровольных помощников и организации работы с ними, затронуты в исследованиях А.Ю. Баранова [2, с.151–154], А.И. Кустикова [3, с. 39–41], Т.В. Малкова, В.Ф. Саетгараева [4, с.197–213.], С.Е. Пролетенкова [5, с. 249–259] и некоторых других учёных [6, с. 60–65; 7, с.10–14; 8, с.15–20; 9, с.33–37; 10, с. 139–140; 11, с. 15–24].

Модели сотрудничества общественности и полиции представлены в работах зарубежных авторов: Т. Бакера [12, с. 12–18], Дж. Л. Брудни [13, с. 219–256], Дж. Грин [14, с. 299–370], Д.П. Розенбаум [15, с. 103–134] и др. Итак, проводя анализ опыта содействия гражданского общества правоохранительным органам, хотелось бы отметить, что среди государств, отличающихся активным участием волонтеров в работе полиции особо выделяются такие страны, как США и Великобритания. В связи с чем считаем необходимым провести анализ деятельности волонтеров в данной сфере именно в этих государствах.

Отметим, что в Великобритании, согласно ежегодным отчетам, только в 2019 г. 11,9 млн. граждан на безвозмездных началах оказали посильную помощь органам правопорядка в рамках программы «Граждане в полиции». Спектр выполняемых задач волонтеров достаточно широк – от патрулирования улиц, участия в полицейских рейдах, обеспечения общественной безопасности во время массовых мероприятий до работы с социальными сетями по выявлению противоправного контента, проведения просветительских уроков в учебных заведениях по профилактике правонарушений несовершеннолетних. Каждый из добровольных помощников должен отработать определенное количество часов в месяц и пройти необходимое обучение, после которого может приступать к выполнению своих обязанностей.

Отдельно стоит подчеркнуть, что согласно действующему законодательству, волонтеры могут рассчитывать на компенсационные выплаты в случае получения травмы во время своего дежурства и пенсионное содержание при полной потере трудоспособности. Волонтеры полиции проходят специальную подготовку и наделяются соответствующими полномочиями в рамках выполняемого функционала.

Также в Великобритании существует Добровольная общественная служба поддержки полиции («Community Service Officers Program»), она поддерживает постоянные контакты между полицией и населением, а также предотвращает и выявляет преступления. Более 80% взрослого населения Великобритании хотя бы раз приняли участие в этих добровольных программах. Данные особенности реализации программы содействия граждан правоохранительным органам указывают на высокий уровень активности граждан Великобритании, а также на развитость механизмов участия волонтеров в правоохранительной деятельности. Кроме того, стоит подчеркнуть, что это напрямую влияет на обеспечение безопасности общества и государства, в целом, от общественно опасных посягательств, причём с минимальными затратами для собственной системы органов государственной власти.

Другим государством с положительным опытом вовлечения граждан в правоохранительную деятельность на добровольных началах являются США. Так, в США большой популяр-

ностью среди населения пользуется программа «Добровольцы в полицейской службе», которая является частью программы «Гражданский корпус» и инициативы «Корпуса свободы США» Джорджа Буша-младшего. Программа «Добровольцы в полицейской службе» направлена на подготовку квалифицированных волонтеров, способных оказать профессиональную и своевременную помощь сотрудникам полиции.

Общий надзор за состоянием общественного порядка осуществляет организованное добровольное формирование «Соседский дозор» («Neighborhood Watch») из числа неравнодушных граждан. Основная цель объединений заключается в патрулировании улиц районов города и доведении до полиции любой информации криминального характера. Сегодня в США насчитывается более 100 тыс. добровольных формирований. Один из первых самоорганизованных патрулей из числа жителей района Квинс (Нью Йорк) появился в 1964 г., после резонансного убийства молодой женщины Китти Женовезе [15, с. 103–134]. Движение «соседей» получило признание и по всей стране массово стали создаваться подобные формирования. Национальная ассоциация шерифов полиции поэтапно выстраивала сотрудничество с общественностью. Сегодня волонтеры в составе отрядов патрулируют районы и улицы, участвуют в профилактических мероприятиях, следят за соблюдением правопорядка. Кроме того, жители, используя телефонную связь и Интернет, в том числе обращаясь к различным социальным сетям, не вмешиваясь, сообщают полиции о преступлениях или о подозрительных лицах. Информирование полиции о подозрительных действиях является общественной нормой и позволяет предотвращать преступления до их совершения [12, с. 6–7].

Примечательно, что в отечественном историческом опыте взаимодействия правоохранительных органов с общественностью в вопросах социальной мобилизации граждан на добровольных началах для обеспечения общественного порядка есть подобные модели сотрудничества. Речь идет о вовлечении населения в безвозмездные практики в форматах дружин по борьбе с хулиганством, обществ содействия милиции, бригад содействия милиции, добровольных народных дружин [16, с. 51–62; 17, с. 55–63; 18, с. 10].

Еще одна программа «Идентификация» («Operation Identification») при поддержке населения была запущена в 1963 г. Программа нацелена на борьбу с кражами со взломом в домах и на предприятиях и предусматривала использование маркировки собственности при помощи специальных знаков и наклеек, что, в свою очередь, помогало отслеживать украденное имущество и вернуть его законному владельцу. Только в период с 1974 по 1978 г. Управление помощи правоохранительным органам потратило около 26 млн. долларов на финансирование 378 проектов по предотвращению преступности с использованием владельцами технологии маркировки своей собственности.

Заметную роль играют профильные полицейские академии, которые готовят граждан для работы волонтерами в полиции. Обучение предусматривает теоретические и практические занятия (курсы самообороны, оказания первой медицинской помощи, техники безопасности и др.) для успешного выполнения волонтерами своих обязанностей в рядах полиции.

Сегодня полицейские управления многих штатов США предлагают волонтерам стать частью резервных или вспомогательных полицейских сил, в обязанности которых входит патрулирование улиц и поддержание общественного порядка. К основным формам несения добровольными помощниками патрульной службы относятся [19]: 1) патрулирование на транспортных средствах (машины, мотоциклы, велосипеды); 2) пешее патрулирование.

К примеру, программа вспомогательной полиции реализуется со второй половины XX в. в полиции Нью-Йорка. В 1950 г. 81-й Конгресс США принимает «Закон о гражданской обороне». Нормативный акт положил начало образованию общественных формирований гражданской обороны в помощь правоохранительным и вооруженным силам США. Так, в муниципальном бюджете Нью-Йорка предусматривались целевые статьи расходов по организации обучения и оснащения добровольцев гражданской обороны. Согласно указу мэра Нью-Йорка, в 1967 г. управление добровольными формированиями обороны перешло в ведение управления полиции Нью-Йорка (NYPD). Ежегодно более 4500 волонтеров работают в ря-

дах вспомогательной полиции Нью-Йорка. Каждый желающий житель города, достигший 17-летнего возраста, может подать заявку на участие в волонтерской программе. Верхняя возрастная граница добровольного помощника – 65 лет. Среди требований к кандидатам – гражданство США, хорошее физическое состояние, а также волонтеры должны обладать высокими моральными качествами [13, с. 219–256].

После подачи заявки кандидата ждет внутреннее расследование на предмет возможных проблем с законом. Следующий этап – 140-часовая (18 недель) подготовка волонтера-полицейского, в программу обучения которого входят курсы по оказанию первой медицинской помощи, самообороны, знакомство с законами штата и методами патрулирования, процедурами ареста правонарушителей и правилами задержания. С 2008 г. полиция Нью-Йорка включила в программу новобранцев волонтеров курсы по отработке ситуаций домашнего насилия. По завершению обучения рекрутерам предстоит письменный экзамен и сдача физических нормативов. Далее волонтеров вспомогательной полиции ждет испытательный срок службы, выдается удостоверение личности, обмундирование и дубинка, они могут рассчитывать на компенсационные выплаты в случае полученной травмы или увечья при исполнении служебных обязанностей [14, с. 299–370].

Полицейские-волонтеры работают неполный рабочий день, но часто исполняют те же обязанности, что и штатные полицейские. К примеру, патрулируют районы и отвечают на вызовы службы экстренной помощи, в то время как другие обеспечивают соблюдение правил дорожного движения. Роли, задачи и функционал волонтеров отличаются в зависимости от полицейского управления конкретного города. Так, в Чикаго (штат Иллинойс) полицейские управления отслеживают некоторые городские мероприятия с помощью камер наблюдения. В 2008 г. 22-й полицейский округ начал формировать круг добровольных помощников для наблюдения за камерами, расположенными на углах улиц города. Волонтеры минимум один час в неделю помогают полиции, наблюдая на мониторах за противоправным поведением граждан, сообщая о выявленных случаях нарушений правопорядка дежурному офицеру. В Санта-Кларите (штат Калифорния) волонтеры сотрудничают с Департаментом шерифа Лос-Анджелеса в поиске пропавших детей, а также привлекаются к регулированию дорожного движения. Волонтеры полицейского управления Западной Ковины (штат Калифорния) выполняют широкий диапазон должностных обязанностей – от маркировки брошенных автомобилей, выдачи штрафов за нарушения правил остановки и стоянки транспортного средства до вручения повесток в суд, выдачи штрафов автовладельцам за нарушение правил остановки и парковки транспортных средств. С начала запуска волонтерской программы в 1991 г. добровольные помощники отработали более 170 000 часов, промаркировали 14 000 брошенных или незаконно припаркованных автомобилей, вручили около 8 000 повесток в суд и выдали более 30 000 штрафов за парковку.

В некоторых полицейских управлениях волонтеры служат как резервные полицейские, которые проходят обучение, носят форму и патрулируют на маркированных полицейских машинах. Некоторые штаты и полицейские агентства разрешают волонтерам носить огнестрельное оружие и производить аресты. Традиционно в полицейских управлениях востребованы волонтеры-специалисты, которые обладают определенными профессиональными умениями (например, знание иностранных языков для выполнения функций переводчика). Так, добровольные помощники-переводчики помогают сотрудникам полиции управления Колорадо-Спрингс (штат Колорадо) в работе с испаноязычным населением. Нередко полиция обращается за помощью к it-волонтерам для обработки информационных данных, обеспечения компьютерной поддержки и др. С 1999 г. волонтерская программа успешно интегрирована в деятельность полицейского управления Джексонвилл-Бич (Флорида), добровольные помощники которого оказывают поддержку фронт-офису, патрулируют пляж на квадроциклах, а также помогают службе по контролю за животными [20]. Управление 2 раза в год реализует образовательный проект «Академия гражданской полиции», в которой обу-

чается в среднем 30-35 волонтеров. Обучение длится 18 недель (3 ч. в неделю).

Волонтеры с инвалидностью – важная составляющая службы полиции США и Великобритании. К примеру, программа привлечения добровольцев отдела полиции в Северном Майами-Бич (штат Флорида), запущенная в начале 1980-х гг. по инициативе ветерана, ослепшего на Второй мировой войне, стала одной из первых успешных инклюзивных практик в мире. Только 2009 г. 75 волонтеров с инвалидностью отдела полиции в Северном Майами-Бич отработали 19 605 часов. В настоящее время сотрудничество с волонтерами из числа людей с инвалидностью широко практикуется в полицейских отделах США. К примеру, в 2019 г. в полицейском отделе города Честерфилд Каунти (штат Вирджиния) насчитывалось более 90 добровольных помощников с инвалидностью. Наиболее распространенная функция волонтеров с инвалидностью – участие в обучении новобранцев полиции, в ходе которого осуществляется проигрывание практических кейсов, например, кража в магазине, поиск транспортных средств, домашнее нападение, пропажа пациентов с болезнью Альцгеймера и т.д. Например, волонтеры с нарушением слуха помогают новобранцам с освоением технологий взаимодействия с пострадавшими или правонарушителями, имеющими нарушение слуха. Удачным опытом признано и участие волонтеров с инвалидностью в деятельности Департамента полиции Конкорда (штат Калифорния). При содействии департамента в городе был создан Комитет правительственных учреждений и общественных организаций по работе с гражданами с особыми потребностями. Участие в Комитете волонтеров с инвалидностью обеспечивает поступление информации из первых рук о потребностях и проблемах маломобильных граждан города, о новых законах, связанных с инвалидностью, и т.д.

Как видим, волонтерские формирования надежно встроены в систему правоохранительных органов США и демонстрируют высокую эффективность в работе. Причём эта эффективность обусловлена не обычным формальным привлечением граждан к выполнению отдельных обязанностей полиции посредством содействия работе её структурных подразделений, а вследствие должного обеспечения системы защиты граждан, осуществляющих такую добровольческую деятельность: от частичной оплаты труда, до повышения профессиональной квалификации волонтеров в данной сфере.

Таким образом, содействие общественности на добровольных началах правоохранительным органам является одной из наиболее востребованных гражданами сфер приложения добровольческого труда в системе обеспечения правопорядка и безопасности в таких ведущих современных государствах, как Великобритания и США. Эта практика основана на множестве важных составляющих, а именно: на предусмотрении специальных льгот и привилегий у граждан, участвующих в такой деятельности; на страховом обеспечении волонтеров, осуществляющих подобную деятельность; на системе обучения добровольных волонтерских формирований, осуществляющих на постоянной основе сотрудничество с полицией и т.д. Несмотря на кажущуюся простоту использования этих механизмов совершенствования правоохранительной деятельности, считаем данную практику высоко эффективной, причём не только для обеспечения общественного порядка и спокойствия, но и для укрепления институтов гражданского общества. В связи с этим полагаем, что подобный опыт необходимо учитывать, в том числе при создании оптимального механизма взаимодействия российских правоохранительных органов с добровольной общественностью в соответствии с новыми запросами современности, при том, что подобный положительный опыт взаимодействия правоохранительных органов с общественностью в вопросах социальной мобилизации граждан на добровольных началах для обеспечения общественного порядка в отечественной истории работы органов внутренних дел уже был.

Список литературы:

1. Меньшикова Н.С. Партнерская модель взаимодействия государства и гражданского общества: содержание, признаки и условия создания // Вопросы государства и права: сборник научных трудов / под общ. ред. Л. В. Карнаушенко. – Вып. 2. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. – С.82–91. – Текст: непосредственный.

2. Баранова А.Ю. Волонтерство в полиции как способ укрепления общественного доверия к правоохранительным органам // MODERN SCIENCE. – 2022. – № 3. – С.151–154.
3. Кустиков А.И. Полиция в системе правоохранительных органов Российской Федерации // Актуальные исследования. – 2023. – № 2 (132). – Ч.II. – С.39–41. – Текст: непосредственный.
4. Малкова Т.В., Саитгараев В.Ф. Политика содействия гражданского общества в деятельности полиции США // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 1 (100). – С.197–213. – Текст: непосредственный.
5. Пролетенкова С.Е. О концептуальных основах обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 1 (96). – С.249–259. – Текст: непосредственный.
6. Королькова О.А. Организационные основы взаимодействия территориальных органов МВД России с добровольческими организациями при осуществлении розыска лиц, пропавших без вести // Научный портал МВД России. – 2013. – № 3(23). – С. 60–65. – Текст: непосредственный.
7. Щуров А. Помощь – от чистого сердца // Полиция России. – 2018. – № 4. – С. 10–14. – Текст: непосредственный.
8. Бурчакова М.А., Хожемпо В.В. Волонтерство как форма проявления социальной ответственности государства, общества и бизнеса // Современные технологии управления. – 2015. – №. 4(52). – С.15–20. – Текст: непосредственный.
9. Дьяков Н.В., Темненко С.А. О взаимодействии УМВД России по Белгородской области с волонтерами в розыске без вести пропавших граждан // ППД. – 2021. – № 2. – С. 33–37.
10. Ковшевацкий В.И. Анализ административно-правовых основ взаимодействия органов внутренних дел с добровольческими (волонтерскими) организациями // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 6. – С. 139–140. – Текст: непосредственный.
11. Соломин В.П., Лавренко А.В., Сморгунюва В.Ю. Государственная политика по созданию правовой основы деятельности волонтеров как эффективного инструмента социализации молодежи и формирования гражданских ценностей // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2012. – № 3. – С. 15–24. – Текст: непосредственный.
12. Baker Thomas E., Baker Jane P., and Zezza Ralph. Neighborhood Watch: Leadership Challenge // The FBI Law Enforcement Bulletin. – 1999. February. – P.12–18. – Текст: непосредственный.
13. Brudney J.L. The effective use of volunteers: Best practices for the public sector // Law and Contemporary Problems. – 1999. September/October. – P.219–256. – Текст: непосредственный.
14. Greene J.R. Community policing in America: Changing the nature, structure, and function of the police // Horney J. (ed.) Policies, Processes, and Decisions of the Criminal Justice System. – 2000. – Vol. 3. – Washington DC: National Institute of Justice. – P. 299–370. – Текст: непосредственный.
15. Rosenbaum D. P. The Theory of Research Behind Neighborhood Watch // Crime and Delinquency. – 1987. – № 33. – P.103–134. – Текст: непосредственный.
16. Павлов А.Г. Взаимодействие органов милиции и общественных организаций по охране правопорядка в период новой экономической политики (историко-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 3 (31). – С.51–62. – Текст: непосредственный.
17. Иванов В.А., Бояринцева И.А. О добровольных народных дружинах и роли партии в организации их деятельности (конец 1950-х – середина 1980-х годов) // Вестник Чувашского университета. Чебоксары. – 2015. – № 2. – С.55–63. – Текст: непосредственный.
18. Рыбалка О.В. Общественная активность в СССР в начале 1960-х – второй половине 1970-х гг.: формирование и развитие добровольных народных дружин. – СПб., 2010. – 182 с.
19. Hilal Susan M. Volunteer police reserve officers: An identity theory perspective [электронный ресурс] URL: <https://openprairie.sdstate.edu/etd/5972/> (дата обращения 25.01.2024). – Текст: электронный.
20. Police Use of Civilian Volunteers [электронный ресурс] URL: <https://www.policchiefmagazine.org/police-use-civilian-volunteers/> (дата обращения 25.01.2024). – Текст: электронный.

Gorlova N.I., Zarubina K.A. The practice of volunteer participation in police activities: the experience of foreign countries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 3. – P. 436–442.

In many countries, various voluntary formations of citizens have traditionally played a significant role in the legal system of law enforcement, which have become a truly important social phenomenon. The interaction between the police and society is based on the principle of public trust and support of citizens in matters of law enforcement. The organization of cooperation is structured in such a way as to maximize the use of volunteer assistance in police work. In addition, it should be noted that the study of the practices of including citizens in the field of public safety expands theoretical ideas about building parity relations between law enforcement agencies and citizens on a voluntary and gratuitous basis. The purpose of the study is to analyze the practice of volunteer participation in police activities (based on the study of the experience of individual foreign countries). A brief historical overview of the emergence and development of various forms

of cooperation between citizens in order to help solve problems of ensuring public order and security in the United States and Great Britain is given. The results of the study allowed us to determine the specifics and functionality of volunteer assistants in the ranks of the police, as well as the specifics of the organization of volunteer management.

Keywords: volunteers, volunteer programs, civil society institutions, public safety, partnership, police, cooperation.

Spisok literatury:

1. Men'shikova N.S. Partnerskaja model' vzaimodejstvija gosudarstva i grazhdanskogo obshhestva: soderzhanie, priznaki i uslovija sozdaniya // Voprosy gosudarstva i prava: sbornik nauchnyh trudov / pod obslh. red. L. V. Karnaushenko. – Vyp. 2. – Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2016. – S.82–91. – Tekst: neposredstvennyj.
2. Baranova A.Ju. Volonterstvo v policii kak sposob ukreplenija obshhestvennogo doverija k pravoohranitel'nyh organam // MODERN SCIENCE. – 2022. – № 3. – S.151–154. – Tekst: neposredstvennyj.
3. Kustikov A.I. Policija v sisteme pravoohranitel'nyh organov Rossijskoj Federacii // Aktual'nye issledovaniya. – 2023. – № 2 (132). – Ch.II. – S.39–41. – Tekst: neposredstvennyj.
4. Malkova T.V., Saetgaraev V.F. Politika sodejstvija grazhdanskogo obshhestva v dejatel'nosti policii SShA // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2022. – № 1 (100). – S.197–213.
5. Proletenkova S.E. O konceptual'nyh osnovah obespechenija obshhestvennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – № 1 (96). – S.249–259. – Tekst: neposredstvennyj.
6. Korol'kova O.A. Organizacionnye osnovy vzaimodejstvija territorial'nyh organov MVD Rossii s dobrovol'cheskimi organizacijami pri osushhestvlenii rozyska lic, propavshih bez vesti // Nauchnyj portal MVD Rossii. – 2013. – № 3(23). – S. 60–65. – Tekst: neposredstvennyj.
7. Shhurov A. Pomoshh' – ot chistogo serdca // Policija Rossii. – 2018. – № 4. – S. 10–14. – Tekst: neposredstvennyj.
8. Burchakova M.A., Hozhempo V.V. Volonterstvo kak forma projavlenija social'noj otvetstvennosti gosudarstva, obshhestva i biznesa // Sovremennye tehnologii upravlenija. – 2015. – № 4(52). – S.15–20.
9. D'jakov N.V., Temnenko S.A. O vzaimodejstvii UMVD Rossii po Belgorodskoj oblasti s volonterami v rozyske bez vesti propavshih grazhdan // PPD. – 2021. – № 2. – S. 33–37. – Tekst: neposredstvennyj.
10. Kovshevackij V.I. Analiz administrativno-pravovyh osnov vzaimodejstvija organov vnutrennih del s dobrovol'cheskimi (volonterskimi) organizacijami // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2022. – № 6. – S. 139–140. – Tekst: neposredstvennyj.
11. Solomin V.P., Lavrenko A.V., Smorgunova V.Ju. Gosudarstvennaja politika po sozdaniyu pravovoj osnovy dejatel'nosti volonterov kak jeffektivnogo instrumenta socializacii molodezhi i formirovanija grazhdanskikh cennostej // Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta. – 2012. – № 3. – S. 15–24.
12. Baker Thomas E., Baker Jane P., and Zezza Ralph. Neighborhood Watch: Leadership Challenge // The FBI Law Enforcement Bulletin. – 1999. February. – P.12–18. – Tekst: neposredstvennyj.
13. Brudney J.L. The effective use of volunteers: Best practices for the public sector // Law and Contemporary Problems. – 1999. September/October. – P.219–256. – Tekst: neposredstvennyj.
14. Greene J.R. Community policing in America: Changing the nature, structure, and function of the police // Horney J. (ed.) Policies, Processes, and Decisions of the Criminal Justice System. – 2000. – Vol. 3. – Washington DC: National Institute of Justice. – P. 299–370. – Tekst: neposredstvennyj.
15. Rosenbaum D. P. The Theory of Research Behind Neighborhood Watch // Crime and Delinquency. – 1987. – № 33. – P.103–134. – Tekst: neposredstvennyj.
16. Pavlov A.G. Vzaimodejstvie organov milicii i obshhestvennyh organizacij po ohrane pravoporjadka v period novoj jekonomicheskoi politiki (istoriko-pravovoj aspekt) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2006. – № 3 (31). – S.51–62. – Tekst: neposredstvennyj.
17. Ivanov V.A., Bojarinceva I.A. O dobrovol'nyh narodnyh družinah i roli partii v organizacii ih dejatel'nosti (koniec 1950-h – seredina 1980-h godov) // Vestnik Chuvashskogo universiteta. Cheboksary, - 2015. – № 2. – S.55–63. – Tekst: neposredstvennyj.
18. Rybalka O.V. Obshhestvennaja aktivnost' v SSSR v nachale 1960-h – vtoroj polovine 1970-h gg.: formirovanie i razvitie dobrovol'nyh narodnyh družin. – SPb., 2010. – 182 s. – Tekst: neposredstvennyj.
19. Hilal Susan M. Volunteer police reserve officers: An identity theory perspective [jelektronnyj resurs] URL: <https://openprairie.sdstate.edu/etd/5972/> (data obrashhenija 25.01.2024). – Tekst: jelektronnyj.
20. Police Use of Civilian Volunteers [jelektronnyj resurs] URL: <https://www.policiechiefmagazine.org/police-use-civilian-volunteers/> (data obrashhenija 25.01.2024). – Tekst: jelektronnyj.

УДК 343.9.022:323

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ КАК ОДНОЙ ИЗ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ерохин Р. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье детально рассмотрены правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности на территории Российской Федерации. Дана общая характеристика экстремистской деятельности на современном этапе развития общества с учетом постоянно меняющейся обстановки в стране и в мире. Детально рассмотрено распространение экстремистских взглядов в молодежной среде и изучены причины и условия, делающие именно эту социальную группу привлекательной для экстремистских организаций. Рассмотрены особенности организации взаимодействия правоохранительных органов и иных участников противодействия экстремистской идеологии в аспекте совершенствования методической, методологической и материально-технической баз, используемых указанными субъектами.

Ключевые слова: экстремизм, национальная безопасность, предупреждение, профилактика, противодействие, идеология.

Одной из главных угроз национальной безопасности на сегодняшний день является распространение экстремистской идеологии и радикализма, неразрывно связанных с крайней формой их проявления – терроризмом, который зачастую приводит к большому числу жертв среди населения. Трагическим примером этого для нашей страны является террористический акт, совершенный 22.03.2024 г. в торговом центре «Крокус Сити Холл» Подмоскovie. По данным опубликованным в средствах массовой информации задержанный правоохранительными органами мужчина заявляет, что «за атаку ему обещали около 500 тыс. руб., а готовился он к теракту, слушая «проповедника» в Telegram»[1].

Без надлежащего уровня противодействия радикализм может распространиться во все сферы жизни общества, представляя угрозу для национальной безопасности государства. Отдельным аспектом в распространении экстремистской идеологии является проведение специальной военной операции на территории Украины, в ходе которой с целью подрыва национальной безопасности РФ наблюдается увеличение количества выявляемых правоохранительными органами и специальными службами попыток активизации и расширения спектров своей деятельности экстремистскими организациями на территории РФ. В подтверждение озабоченности угрозами для национальной безопасности вследствие распространения экстремистской идеологии можно привести содержание ст. 8 Указа Президента РФ от 2.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в которой особое внимание уделяется противодействию следующим взглядам и убеждениям: «усиливающаяся нестабильность в мире, рост радикальных и экстремистских настроений могут привести к попыткам разрешить нарастающие межгосударственные противоречия за счет поиска внутренних и внешних врагов, к разрушению экономики, традиционных ценностей и игнорированию основных прав и свобод человека» [2]. На сегодняшний день противодействие таким настроениям на государственном уровне пока не искоренено в связи с постоянным расширением сфер осуществления экс-

тренистских действий и увеличением количества проявлений данной противоправной идеологии [3, с. 1], которая осуществляется под эффектом культурно-цивилизационных процессов современности, что по нашему мнению является одной из предпосылок обострения этнических, религиозных, межкультурных отношений и других деструктивных явлений, способствующих распространению экстремистских идей в широкие слои населения. Нормативно-правовое закрепление экстремистская деятельность получила в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, который определяет ее как: «деятельность, направленную на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни...» [4] и т. д. Закрепление довольно широкого спектра деяний, под которыми понимаются экстремистские действия преследует своей целью недопущение распространения деструктивных идей среди населения.

Можно выделить ряд особенностей, характеризующих современный экстремизм: увеличение количества участников экстремистских сообществ; переход координации и совершения преступлений экстремистской направленности в «цифровое поле»; наличие многоступенчатой системы подбора и вербовки новых участников посредством создания или мониторинга социальных групп, в которые входят граждане с разными уровнями нетерпимости и готовности к действиям; выработка приемов совершения преступлений более жестокими способами; использование новейших достижений науки и техники для сокрытия следовой информации о своей противоправной деятельности. Указанные особенности наряду с увеличением количества мигрантов из стран СНГ требуют постоянного совершенствования предупредительных мер данной угрозе национальной безопасности России.

Рассматривая широту распространения экстремистских идей в различных сферах жизни общества, необходимо особое влияние уделить такой социальной группе как молодежь. Молодежь является социально-демографической группой, сочетающей в себе ряд признаков: социальные, психологические черты, возрастные характеристики, а также положение в социальной структуре общества [5]. Она представляет собой самую перспективную и уязвимую группу населения. Несовершеннолетний возраст характеризуется незавершенным процессом физического и духовного развития человека, что позволяет противоправным группировкам прививать экстремистскую идеологию.

Для детального рассмотрения распространения экстремистских взглядов в молодежной среде необходимо изучить причины и условия, делающие именно эту социальную группу привлекательной для экстремистских организаций. К ним можно отнести: 1) отсутствие четкой социальной направленности, что определяется тем, что человек, еще не успел осознать свое место в окружающем мире; 2) невысокий уровень социального опыта, поскольку молодой человек еще не успел научиться жить в обществе, налаживать контакты, не освоил нормы права в такой степени, чтобы они стали осознанным правилом поведения; 3) низкая степень развития воли и чувства, наблюдается отсутствие самоконтроля, отсутствует привычка анализировать свои действия; 4) неумение отдавать отчет за свое поведение и эмоции, особенно в сложных жизненных ситуациях; 5) явление девальвации нравственных ценностей, что приводит к совершению преступлений; 6) насилие, немотивированная

агрессия и жестокость. Указанный выше перечень не является исчерпывающим, так как современный молодой человек является более сложным объектом для исследования. Эти факторы, которые характерны и для некоторых групп лиц старшего возраста, стали эффективным оружием в руках экстремистских организаций.

Отдельного внимания заслуживает факт использования экстремистами достижений науки и техники. Также трагическим примером может послужить произошедший 2.04.2023 террористический акт в г. Санкт-Петербурге, в ходе которого Дарья Трепова вручила военному корреспонденту Владлену Татарскому закамуфлированное в статуэтку в виде бюста дистанционно управляемое самодельное взрывное устройство. В результате этих действий корреспондент скончался, а ещё 52 чел. получили ранения различной степени тяжести. Как было установлено оперативно-следственными органами, она выполняла указания лиц, действовавших с территории Украины [6], при этом получение указаний о тактике совершения указанного преступления осуществлялось через одну из наиболее известных на сегодняшний день социальных сетей «Telegram». Необходимо отметить, что большинство из известных нам экстремистских организаций расширили свое присутствие во многих медиа-ресурсах, особенно в Интернете. Именно там находится большое количество информации о пользователях, которая позволяет определить целевую аудиторию.

Повышение уровня защищенности от проникновения в информационное пространство РФ экстремистов и террористов является одним из наиболее актуальных направлений в деятельности правоохранительных органов, наряду с противодействием так называемым «фейкам» или ложной информации.

Основная задача по противодействию распространению экстремистской идеологии в РФ лежит на сотрудниках органов внутренних дел, которые осуществляют основные профилактические и предупредительные мероприятия среди населения. Следует отметить, что подразделения уголовного розыска и участковых уполномоченных полиции на территориях оперативного обслуживания производят «отработку» отдельных социальных групп, не адаптировавшихся к социальным условиям места проживания и формирующих общности граждан по национальному, религиозному или иным признакам. Полученная информация о возможной их причастности к экстремистским или террористическим организациям должна быть оперативно передана сотрудникам, в обязанности которых непосредственно входит осуществление оперативной разработки и документирование их противоправной деятельности [7, с. 24].

Достижение результата в сфере противодействия экстремизму возможно лишь в случае эффективно выстроенного взаимодействия между различными субъектами правоохранительных органов, а также специальных служб с привлечением к содействию представителей органов государственной власти, религиозных, образовательных организаций в целях профилактики распространения религиозного экстремизма и разрушения навязываемых идей и взглядов экстремистского характера. Правильно выстроенная система взаимодействия между различными участниками предупредительной, профилактической и иных видов деятельности по противодействию распространения экстремистской идеологии позволит оперативно реагировать на поступающую информацию, что несомненно является одним из условий эффективного противодействия экстремистской угрозе. Отдельное внимание должно быть уделено недопущению распространения таких материалов в Сети посред-

ством осуществления мониторинга социальных сетей, особенно в сообществах граждан, объединенных на основе религиозного, расового, национального единства.

Стоит отметить, что многие пользователи считают, что при распространении информации посредством сети Интернет, их действия полностью анонимны и не образуют никакой следовой информации, однако данные представления ошибочны, поскольку согласно положений ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму и отдельные законодательные акты Российской Федерации, в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 6 июля 2016 года № 374-ФЗ, который также получил название «Закон Яровой», а именно ст. 15, дополнившая п. 1, 2, ч. 3 и ч. 4.1 ст.10.1 ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» тем, что организаторы распространения информации в сети Интернет обязаны на протяжении 1 года хранить информацию о: «фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей сети «Интернет» и информацию об этих пользователях» [8], и до шести месяцев информацию о: «текстовые сообщения пользователей сети «Интернет», голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные электронные сообщения пользователей сети «Интернет»» [8]. Также на организаторов возлагается ответственность на передачу данных о декодировании сообщений граждан сотрудникам ФСБ [8].

Распространение этой информации среди широких слоев населения, и особенно среди молодежи, может иметь предупредительную функцию и способствовать исключению Интернета из механизма вербовки и привлечения граждан, пользующихся социальными сетями, к сотрудничеству для осуществления экстремистской деятельности. Доведение до граждан данных положений, не раскрывая тактических приемов проводимых мероприятий, позволит им уяснить, что информация хранится у организаторов распространения информации в Интернет, в частности Интернет-провайдеров, а соответственно они не обезличены и им не удастся скрыться от правосудия.

Реализация рассмотренных ранее мер должна осуществляться совместно с устранением факторов, способствующих их распространению. Такая деятельность должна строиться на принципах законности, оперативности принятия решений, уважение прав и свобод человека и гражданина, комплексного подхода и других, без которых невозможно выполнение задач, стоящих перед правоохранительными органами в данном направлении деятельности. Для совершенствования механизма противодействия распространению экстремистской идеологии необходимо совершенствование следующих сфер деятельности государства: освещение и разъяснение особенностей национальных культур народов, населяющих РФ; усиление деятельности отдельных участников предупредительной и профилактической деятельности посредством организации эффективного взаимодействия; совершенствование системы мониторинга с привлечением более широких слоев населения к содействию правоохранительным органам, путем создание интернет-платформ, куда граждане могли бы направлять сведения, носящие, по их мнению, экстремистский характер, с сохранением анонимности сведений об их личности; проведение просветительских и информационных мероприятий среди различных социальных групп населения РФ.

Подводя итог, видится необходимым обозначить, что для осуществления эффективного противодействия экстремистской угрозе необходимо участие довольно большого количества субъектов, к которым относятся органы государственной власти, органы субъектов РФ, местные органы власти в тесной связи с правоохранительными органами и общественными, религиозными, социальными организациями при построении эффективной системы взаимодействия и координации действий для достижения общего результата. Особое внимание должно быть уделено выявлению и пресечению попыток использования членами экстремистских организаций новейших достижений науки и техники для сокрытия следовой информации о своей противоправной деятельности, в частности вербовки к сотрудничеству граждан из различных социальных групп, особенно среди молодежи и несовершеннолетних, являющихся активными пользователями сети Интернет, так как именно в этой среде он приобретает наиболее деструктивный характер ввиду психологических особенностей исследуемой категории граждан. Необходимо уделять должное внимание освещению истинных целей экстремистской деятельности, которая зачастую прикрывается мнимым достижением общего блага, реализацией национальных, религиозных, расовых или иных идей.

Список литературы:

1. Теракт в «Крокус Сити Холле» // Официальный сайт Группы компаний РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/24/03/2024/65fdc5279a7947060de78e08> (дата обращения: 02.06.2024).
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Доступ из ЭПС «Система ГАРАНТ» [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 29.05.2024).
3. Тарчоков Б.А. Особенности предупреждения этнорелигиозного экстремизма в субъектах Российской Федерации // Журнал Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета 2 с. [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-preduprezhdeniya-etnoreligioznogo-ekstremizma-v-subektah-rossiyskoy-federatsii/viewer> (дата обращения: 01.06.2024).
4. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Доступ из ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 25.05.2024).
5. Зоз В.А., Телешенко К.С. Деятельность органов внутренних дел по противодействию молодежному экстремизму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 3. С. 457–460.
6. Дарье Треповой предъявили обвинение по делу о теракте, в котором погиб Владлен Татарский // Официальный сайт Группы компаний РБК. URL: <https://rg.ru/2023/10/10/trepovoj-predstavleno-obvinenie-pro-tiazhkim-statiam-uk-v-ramkah-dela-o-terakte-v-kotorom-pogib-tatarskij.html> (дата обращения: 05.06.2024).
7. Иванов С.И., Шишина Е.А. Проблемы профилактики радикального религиозного экстремизма и некоторые направления их решения в современных условиях // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня образования службы уголовного розыска. 2019 38 с.
8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Доступ из ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/12148555/> (дата обращения: 25.05.2024).

Erokhin R.A. The spread of extremist ideas as one of the threats to the national security of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – Р. 443–448.

In the article the legal and organisational foundations of counteraction to extremist activity in the territory of the Russian Federation are considered in detail. The general characteristic of extremist activity at the present stage of society development is given, taking into account the constantly changing situation in the country and in the world. The spread of extremist views in the youth environment is considered in detail and the reasons and conditions that make this particular social group attractive to extremist organisations are studied. The peculiarities of the organisation of interaction between law enforcement agencies and other participants in

countering extremist ideology in the aspect of improving the methodological, methodological and material and technical bases used by these subjects are considered.

Keywords: extremism, national security, prevention, prevention, counteraction, ideology.

Spisok literatury:

1. Terakt v «Krokus Siti Holle» // Oficial'nyj sajt Gruppa kompanij RBK. URL: <https://www.rbc.ru/society/24/03/2024/65fdc5279a7947060de78e08> (data obrashcheniya: 02.06.2024).
2. O Strategii nacional'noj b ezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 // Dostup iz EPS «Sistema GARANT» [sajt]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (data obrashcheniya: 29.05.2024).
3. Tarchokov B.A. Osobennosti preduprezhdeniya etnoreligioznogo ekstremizma v sub"ektah Rossijskoj Federacii // ZHurnal Politematicheskij setevoy elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta 2 s. [sajt]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-preduprezhdeniya-etnoreligioznogo-ekstremizma-v-subektah-rossiyskoj-federatsii/viewer> (data obrashcheniya: 01.06.2024).
4. O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti: Federal'nyj zakon ot 25.07.2002 № 114-FZ // Dostup iz EPS «Sistema GARANT». URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (data obrashcheniya: 25.05.2024).
5. Zoz V.A., Teleshenko K.S. Deyatel'nost' organov vnutrennih del po protivodejstviyu molodezhnomu ekstremizmu // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2023. T. 9 (75). № 3. S. 457–460.
6. Dar'e Trepovoj pred'yavili obvinenie po delu o terakte, v kotorom pogib Vladlen Tatarskij // Oficial'nyj sajt Gruppa kompanij RBK. URL: <https://rg.ru/2023/10/10/trepovoj-prediyavleno-obvinenie-po-tiazhkim-statiam-uk-v-ramkah-dela-o-terakte-v-kotorom-pogib-tatarskij.html> (data obrashcheniya: 05.06.2024).
7. Ivanov S.I., SHishina E.A. Problemy profilaktiki radikal'nogo religioznogo ekstremizma i nekotorye napravleniya ih resheniya v sovremennyh usloviyah // Aktual'nye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoj deyatel'nosti: materialy VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya obrazovaniya sluzhby ugolovnogo rozyska. 2019 38 c.
8. Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii: Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ // Dostup iz EPS «Sistema GARANT». URL: <https://base.garant.ru/12148555/> (data obrashcheniya: 25.05.2024).

УДК 342.9

**СЛУЖЕБНЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ ДЛЯ РАБОТЫ УЧАСТКОВЫХ
УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И
ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Заброда Д. Г., Осяк А. Н., Осяк В. В.

В статье актуализируется необходимость изучения вопросов, связанных с обеспечением участковых уполномоченных полиции помещениями для выполнения возложенных на них служебных обязанностей. Проанализированы статистические данные за 2020-2023 гг., отражающие состояние функционирования участковых пунктов полиции и других служебных помещений, в которых несут службу участковые уполномоченные полиции. Установлены основные недостатки в их материально-техническом обеспечении. Рассмотрены и охарактеризованы с использованием практических примеров основные виды служебных помещений (мест), предоставляемых для работы участковых уполномоченных полиции: участковые пункты полиции; административно-жилые комплексы в сельской или отдаленных местностях, помещения в территориальных органах внутренних дел, зданиях органов местного самоуправления, общественных пунктов охраны порядка, многофункциональных центрах и многофункциональных участковых пунктах полиции, передвижных участковых пунктов полиции и передвижных пунктах полиции. Сформулированы предложения, направленные на устранение факторов, снижающих эффективность использования участковых пунктов полиции и административно-жилых комплексов в современных условиях.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, участковый пункт полиции, административно-жилой комплекс, служебное помещение, административный участок.

Система охраны правопорядка в населенных пунктах РФ предусматривает создание условий для доступа граждан к государственным органам, обеспечивающим защиту их прав, свобод и законных интересов от преступлений и иных противоправных посягательств. Основным звеном данной системы является служба участковых уполномоченных полиции (далее – УУП), сотрудники которой уже около 100 лет остаются самыми близкими и доступными для граждан сотрудниками органов внутренних дел. Благодаря им «...растёт доля граждан, которые считают, что полиция оказывает существенную помощь в решении их проблем. Число людей, которые знают своего участкового, также повышается» [1-5].

Сегодня, в состав службы входит более 48 тыс. сотрудников полиции, из которых около 17 тыс. – в сельской местности (некомплект в 2023 г. составил 19,7%) [6, с.12]. Статистика МВД России свидетельствуют в сравнении с 2019 г. ими рассмотрено на 26,2% больше заявлений и сообщений (с 13 561 634 до 17 112 662); нагрузка по данному направлению на одного сотрудника службы по штатной численности выросла на 28% (с 283,8 до 363,3), по фактической – на 46,3% (с 309,4 до 452,6); в 2020-2023 гг. оказывалось индивидуальное профилактическое воздействие с 632 940 гражданами (включая: 218 153 поднадзорных лица, 129 658 – подпадающих под действие ФЗ от 06 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», 45 418 – больных алкоголизмом, 23 045 – наркоманией, 195 278 – допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, 22 609 – совершивших правонарушения при проведении публичных или официальных спортивных мероприятий) [7, с. 17].

Важными гарантиями реализации УУП возложенных на них задач, является

надлежащее материально-техническое обеспечение, и, в первую очередь, выполнение органов местного самоуправления закреплённой в законодательстве обязанности предоставлять сотруднику полиции, замещающему должность УУП, в пределах границ муниципальных образований помещения для работы на обслуживаемом административном участке (ч. 7 ст. 48 ФЗ «О полиции») [8].

Так, на 1.01.2023 г. в пользовании УУП находился 16 081 1 (2022 г. – 16 040) участковый пункт полиции. При этом, меньше всего обеспеченность УПП в республиках Дагестан (65,6%), Крым (57,2%), Марий Эл (52,7%), Тыва (49%), Курганской (41,5%), Тульской (13,9%), Тверской (68,6%), Ульяновской (64,9%) областях, федеральной территории «Сириус» (60%). Дополнительно требуется 1 976 УПП (в 2022 г. – 2 608), а доля УПП, соответствующих требованиям нормативных правовых актов, составляет 65,7% (10 571 из 16 081).

Актуальность данной темы обуславливается необходимостью приведения служебных помещений, в которых выполняют свои служебные обязанности УУП, к требованиям правовых актов и нормативов органов внутренних дел и региональным условиям несения ими службы, выявления и распространения позитивного опыта их функционирования, а также повышение взаимодействия с государственными органами субъектов РФ и органами местного самоуправления для упрощения доступа граждан к полиции и правоохранительным услугам. Цель данной публикации состоит в изучении современного состояния и определении перспектив развития служебных помещений для работы УУП. Достижение данной цели предполагает: рассмотрение основных подходов к определению статуса служебных помещений УУП, анализ опыта их создания и организации работы в различных регионах России, выявления факторов, снижающих эффективность их создания и использования, а также разработка предложения для их устранения.

Оценивая состояние теоретической разработки, рассматриваемой нами проблематики необходимо констатировать, что в научной и учебной литературе вопросы создания и использования служебных помещений как органов внутренних дел в целом, и отдельных подразделений полиции рассматриваются фрагментарно. Общая характеристика организации работы УПП осуществлена в учебных пособиях и специальных изданиях, посвященных деятельности службы УУП, таких авторов как: А.А. Беженцев, А.В. Борисова, А.Г. Гришаков, М.И. Давыдова, В.А. Джемелинский, Е.В. Кашкина, В.А. Кудин, Д.Е. Петрова, К.Д. Рыдченко, А.В. Хандогина и др.

Однако, работы, в которых раскрыты особенности статуса иных помещений, используемых УУП в ходе несения службы, отсутствуют, а сама возможность их существования – лишь фиксируется в нормативных актах МВД России (например, Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020-2023 гг.) и государственных органов субъектов РФ, а также отражается в новостных публикациях и выступлениях руководителей государственных органов. УПП используются и для реализации других полномочий полиции. Например, для доставления лиц, совершивших административные правонарушения, проведения инструктажа нарядов патрульно-постовой службы, несущих службу на административных участках, обучения представителей общественности, участвующих в охране общественного порядка, проведения профилактической работы с лицами, состоящими на учётах в ОВД. Также, УПП является местом, в котором УУП использует технические средства и компьютерную технику, оформляет и

хранит необходимые служебные и процессуальные документы, имеет возможность для отдыха и др.

В ФЗ «О полиции» виды таких помещений и требования к ним не установлены. Соответствующее разъяснение дается, в п. 21 приказа МВД России от 29.03.2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (далее – приказ МВД России № 205-2019), которым установлено, что «...свою деятельность при несении службы УУП осуществляет ...в служебном помещении, расположенном на административном участке – участковом пункте полиции».

Буквальное толкование данной нормы позволяет сделать вывод, что именно участковый пункт полиции (далее – УПП) следует рассматривать как основное служебное помещение УУП. Особенности материально-технического обеспечения УПП закреплены в приложении № 3 к Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке. В зависимости от места расположения нами выделены три вида УПП: располагаемые в отдельно стоящем здании; размещаемые в одном здании с предприятиями, организациями; размещаемые в жилых домах [9].

Сегодня, в связи с интенсивным ростом в крупных населенных пунктах многоэтажных застроек, объединенных в микрорайоны, в которых проживает по несколько десятков тысяч человек, в градостроительных нормах отдельных регионов России (Республика Татарстан, г. Москва, г. Нижний Новгород, г. Санкт-Петербург, г. Самара, г. Севастополь) закреплена обязанность создания УПП в строящихся зданиях с учётом нормативов МВД России [10].

В тоже время, такие формы несения службы УУП как прием граждан и отчёт перед населением может осуществляться и в других помещениях. В частности, в случаях отсутствия на административном участке УПП, невозможности осуществления приема граждан на УПП, по решению начальника территориального органа УУП может проводить прием граждан в здании территориального органа или помещении, предоставленном органами местного самоуправления (п. 31 приказа МВД России №205-2019). В свою очередь, место проведения отчёта перед населением определяется с учетом местных условий и предполагаемого количества участников и согласовываются с органами местного самоуправления (п. 23 приказа МВД России от 30.08.2011 г. № 975 «Об организации и проведении отчетов должностных лиц территориальных органов МВД России»).

Также с целью решения задач обеспечения УУП служебными помещениями и жильем в ряде регионов внедряется административно-жилые комплексы (далее – АЖК). Возведение АЖК осуществляется в рамках реализации региональных программ по улучшению жилищных условий отдельных категорий граждан, обеспечения охраны общественного порядка и профилактики правонарушений, а также целевых программ по строительству (приобретению) АЖК для предоставления жилых помещений и обеспечения деятельности УУП. Создание таких комплексов характерно для субъектов РФ, в которых доминирует сельская и присутствует отдалённая местность, а решение вопросов охраны правопорядка в них – отнесены к приоритетным задачам региональных государственных органов и органов местного самоуправления.

Основной целью их создания является обеспечение условия для качественного

выполнения УУП обязанностей в сельской и отдалённой местностях, а также упрощения доступа населения к полиции. Она достигается путём совмещения служебного жилья для УУП (в отдельных случаях с возможностью ведения подсобного хозяйства) и служебного помещения (УПП), оснащенного современным оборудованием, средствами связи и местом для автомобиля.

Среди лидеров в данной сфере является Республика Татарстан (далее – РТ), опыт которой был распространён в Воронежской обл., Красноярском крае, Липецкой обл., Республике Мордовия, Тюменской обл., Ямало-Ненецком автономном округе и других регионах России. Так, в сельской местности для решения вопроса обеспечения УУП жильем и служебными помещениями при поддержке Президента Республики Татарстан в 2012-2016 гг. реализовывалась программа строительства АЖК, результатом реализации которой стало строительство 181 такого здания (в 2013 г. построено 83 таких комплекса, в 2014 г. – 40, в 2015 г. – 39) [11].

Типовой проект АЖК, по согласованию с МВД по РТ, разрабатывался Государственным жилищным фондом при Президенте РТ. Общая площадь типового АЖК составляет 95,03 кв.м., из них: в нежилом помещении площадью 21,82 кв.м. располагается УПП; в жилых помещениях площадью 73,21 кв.м. – служебное жилье УУП (3 комнаты, кухня-столовая, санузел). В других регионах габариты АЖК отличаются. Например, в с. Лопазное Сладковского р-на Тюменской обл. в мае 2019 г. открыт АЖК около 160 кв.м, состоящий из служебного помещения, квартиры УУП и гаража для служебного автомобиля. В 2023 г. с. Кочетовка Мичуринского р-на Тамбовской обл. построен АЖК площадью свыше 100 кв.м., в служебной части которого оборудованы кабинет УУП и помещение для лиц, задержанных в административном порядке [12, 13].

Имеет место и практика выделения помещений для УУП в общественных пунктах охраны порядка (далее – ОПОП). Действовавшая в советский период система ОПОП предусматривала наличие в них помещения для участковых инспекторов милиции, что обеспечивало более тесную связь между ними и общественностью, участвующей в охране правопорядка, а также позволяло сотрудникам ОВД осуществлять руководство деятельностью добровольных народных дружин, внештатных сотрудников в области предупреждения, выявления и пресечения правонарушений и др. Такой опыт имеется в г. Москва, Республике Татарстан, Приморье и др. [14-16]. Например, в Троицком и Новомосковском административных округах г. Москвы в пос. Воскресенское в 2018 г. открыт комплексный пункт охраны порядка. В нём располагается УПП муниципального отдела МВД «Коммунарский», общественный пункт охраны порядка и штаб народной дружины поселения [17].

В качестве инновационной формы с целью упрощения гражданами исполнения обязанностей, а также реализации прав и законных интересов физических и юридических лиц, объединения усилий органов местного самоуправления и ОВД по наведению порядка на обслуживаемой территории создаются многофункциональные центры и многофункциональные УПП в которых выделяются помещения для УУП. Например, в г. Череповце начато возведение Городских управ, которые позиционируются как новый институт местного самоуправления. В 2021 г. введено в эксплуатацию 8 помещений (всего планируется возвести 26) таких многофункциональных центров. Главной задачей управ является комплексное решение проблем населения, поэтому они совмещены с УПП [18].

Ещё одним способом решения вопросов оптимизации условий для выполнения служебных обязанностей УУП является использование передвижных участковых пунктов полиции. Такая форма организации их деятельности с 2013 г. применяется в г. Орле, где специально оборудованный автомобиль с соответствующей маркировкой выезжает в удаленные от стационарных УПП районы города и новые микрорайоны. В них УУП, оперуполномоченные и сотрудники ПДН ОВД по заранее установленному графику осуществляют приём граждан по вопросам, отнесённым к компетенции полиции, доводят до населения информацию профилактического характера и др. [19-21]. Места для работы УУП предоставлены и в передвижных пунктах полиции, используемых в Новгородской обл., Саратовской обл., Тамбовской обл. [22-24].

Также, распространяется возведение мобильных (модульных) пунктов полиции, оборудованных в виде малых архитектурных форм (например, металлических блок-контейнеров, сооружений из легковозводимых конструкций (Вологодская обл., Ростовская обл., Республика Коми, г. Севастополь и др.), которые предполагается устанавливать в тех районах населённого пункта, где нет стационарных УПП [25-28]. Например, в 2023 г. по предложениям МУ МВД России «Люберецкое» при поддержке Правительства Московской обл. администрацией г. Котельники и строительной компанией «ПИК» возведен модульный УПП (площадь здания составила 106,8 кв.м.; финансирование составило порядка 5 млн руб.), рассчитанный на 4 сотрудников службы [29].

Таким образом, можно сделать вывод о наличии позитивных изменений в создании условий для выполнения УУП возложенных на них обязанностей, в первую очередь, строительство новых и модернизации действующих участковых пунктов полиции. При этом, последнее десятилетие ознаменовалось развитием традиционных и появлением новационных форм обеспечения сотрудников данного подразделения служебными помещениями, активизацией сотрудничества ОВД и органов местной власти в этой области, в том числе и планомерным увеличением финансирования строительства УПП в рамках федеральных, региональных и ведомственных правоохранных и других программ, реализуемых в субъектах РФ.

В тоже время, изучение научных публикаций, анализ результатов деятельности УУП и проведенного нами опроса сотрудников полиции (более 120 чел.), позволил выделить ряд факторов, снижающих эффективность создания и использование УПП в современных условиях: неполнота обеспечения служебными помещениями УУП в отдельных регионах России; наличие противоречия между пониманием сущности понятий «помещение для работы на обслуживаемом административном участке» и «участковый пункт полиции», как категорий определяющих место выполнения служебных обязанностей УУП, и использованием УПП другими сотрудниками полиции (например, ПДН ОВД, уголовного розыска и др.); пробелы в нормативном регулировании порядка создания и использования иных, кроме УПП, помещений и мест для работы УУП: административно-жилых комплексов, передвижных УПП, общественных пунктов охраны порядка и др.; несоразмерность уровня материально-технического и информационного обеспечения в различных субъектах РФ (например, по уровню развития средств аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», ресурсов общественных организаций правоохранительной направленности); отсутствие типовых проектов УПП, АЖК (размеров, видов помещений (служебных

кабинетов, жилья, места для хранения служебного транспорта и др.), предназначенных для строительства в регионах РФ с различными климатическими условиями, несоответствие служебных помещений нормативам, установленным законодательством (например, регулирующим приём граждан, пребывание лиц в служебных помещениях органов внутренних дел (доставленных, задержанных) и нормативными актами МВД России (оснащенности необходимым оборудованием, оргтехникой, средствами связи и т.п.); недостатки в подготовке УУП к эффективному использованию УПП.

С целью решения указанных выше проблем предлагается:

1) МВД России подготовить: а) типовое положение о участковом пункте полиции и административно-жилом комплексе, закрепив в нём не только требования к материально-техническому оснащению, но и их понятие, предназначение, задачи и функции, прав и обязанности сотрудников полиции, которые его эксплуатируют, критерии оценивания эффективности их работы, порядком ведения необходимой и др.); дополнить приказы МВД России, регулирующие использование такой формы организации охраны общественного порядка как передвижные пункты полиции, положениями о передвижных участковых пунктах полиции; в) изменения в нормативы положенности по оснащению УПП и АЖК, учитывающие условия местности, в которых они будут эксплуатироваться (географические, климатические и др.), а также потребности в оснащении специальным транспортом (например, снегоходами, квадроциклами, катерами (лодками) и местами для его хранения, связью и спецтехникой; г) предложения о порядке предоставления жилья УУП, который нес службу в УПП, созданном в форме АЖК, и уволился из органов внутренних дел в установленном порядке;

2) территориальными органами внутренних дел: а) при разработке правоохранительных программ, предусматривать финансирование на строительство новых и модернизацию действующих УПП (приведение их в соответствие с федеральными и ведомственными нормативам оснащенности и безопасности, обеспечения доступа граждан к административным зданиям органов власти (в том числе и для маломобильных групп), а в случае необходимости – АЖК для УУП; б) разработать предложения по закреплению в нормативах градостроительного проектирования, утверждаемых органами власти субъектов Российской Федерации, требования о выделении необходимого количества служебных и жилых помещений для УУП, а также критерии для строительства УПП; в) проводить регулярные встречи с главами муниципальных образований с целью обоснования потребности выделения ими помещений для работы УУП, выделения земельных участков для строительства УПП; г) побуждать к принятию решений глав муниципальных образований, невыполняющих требования п. 7 ст. 48 ФЗ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» путем обращения с информацией в соответствующие органы прокуратуры и т.п.

3) с целью повышения информационного обеспечения деятельности УУП: разработать проект (модель) «умного УПП», провести его апробацию на базе нескольких подразделений УУП (например, расположенных в городе-мегаполисе, городе районного значения и сельском или удаленном населенном пункте); обеспечить интеграцию соответствующего программного продукта в информационные сервисы МВД России и АПК «Безопасный город»; предусмотреть оснащение УПП высокопроизводительной компьютерной техники и быстродействующими сетями, без-

условную защиту персональных данных и конфиденциальной информации; принять меры по повышению уровня компьютерной грамотности УУП и руководителей подразделений УУП; стимулировать УУП, которые проявляют активность в освоении и использовании современных компьютерных технологий разъяснительной работы; провести информационно-разъяснительную работу среди населения о возможностях и особенностях использования «умного» УПП; осуществлять мониторинг и распространение позитивного опыта применения УУП современных информационно-телекоммуникационных технологий для решения возложенных на службу задач и др. [30, 31].

Следует также указать и на необходимость повышения уровня подготовки УУП к использованию возможностей существующих и модернизируемых УПП, что предусматривает учёт данной потребности как в процессе их служебной подготовки на местах, так и в процессе обучения в образовательных организациях системы МВД России. В связи с этим, считаем целесообразным использовать базовые участковые пункты полиции (один из УУП территориального органа, который имеет условия, характерные для аналогичных органов и подразделений, стабильно высокий уровень показателей оперативно-служебной деятельности, опытных УУП, оборудованный в соответствии с требованиями МВД России), учебные полигоны, имитирующие условия УПП, а также виртуальные модели УПП, позволяющие формировать навыки пользования электронными сервисами МВД России, предназначенными для пользования УУП.

Список литературы:

1. Стенограмма выступления В. Колокольцева на заседании коллегии МВД России, 03.02.2022 URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62860> (дата обращения: 09.04.2024).
2. Владимир Колокольцев поздравил лауреатов X Всероссийского конкурса МВД России «Народный участковый». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=u2HVgNHQgE> (дата обращения: 09.04.2024).
3. Оценка деятельности полиции в Российской Федерации в 2021 г. (по данным ФГКУ «ВНИИ МВД России»). URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/publicopinion> (дата обращения: 09.04.2024).
4. Выступление В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД (28.02.2019). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913> (дата обращения: 09.04.2024).
5. Заброда, Д. Г. Основные направления совершенствования форм несения службы участковыми уполномоченными полиции / Д. Г. Заброда, А. Н. Осяк // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74), № 1. С. 149-155.
6. Двыдов М. Самая «народная» // Полиция России. 2023. март. № 3. 67 с.
7. Справка об исполнении Плана мероприятий по реализации Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020-2023 годы. – М., ГУООП МВД России, 2024. 36 с.
8. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Гарант.ру: сайт. URL: <https://base.garant.ru/12182530/>.
9. Заброда, Д. Г. Совершенствование организации деятельности участковых пунктов полиции / Д. Г. Заброда, Г. Б. Шеховцова // Актуальные вопросы применения норм административного права (Корневские чтения) : Сб. науч. трудов VII Международной научно-практической конференции, Москва, 31 марта 2023 года / Сост. Г.Н. Василенко. – Москва: МУ МВД России им. В.Я. Кикотя, 2023. С. 161-165.
10. Республиканские нормативы градостроительного проектирования Республики Татарстан: Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 27.12.2013 № 1071 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
11. Пресс-конференция на тему «Деятельность участковых уполномоченных полиции. Ко дню службы». URL: https://16.xn--b1aew.xn--p1ai/press_slujba/press_reliz/item/14970521
12. Административно-жилой комплекс для участкового открыли в Сладковском районе URL: <https://35.mvd.pf/news/item/25012828/> (дата обращения: 16.02.2024)
13. В Тамбовской области участковому полиции построили дом с входом на работу. URL: <https://www.onlinetambov.ru/news/society/v-tambovskoy-oblasti-uchastkovomu-politsii-postroili-dom-s-vkhodom-na-rabotu/>
14. Пункты охраны порядка. URL: https://yandex.ru/maps/org/oporny_punkt_politsii_tsentralnogo_rayona/1272898999/
15. В Лениногорске открыли общественный пункт охраны правопорядка. URL: <https://leninogorsk.bezformata.com/listnews/leninogorske-otkrili-obshestvenniy-punkt/110542295/>
16. Участковые - графики приема. URL: <https://spasskmr.ru/index.php/organizatsii-rajona/mo-mvd-rossii-spaskij/1203-uchastkovye-grafiki-priema> (дата обращения: 16.02.2024).

17. В «новой Москве» открыли комплексный пункт охраны порядка [Электронный ресурс]. – URL: http://moscowbig.ru/news/v_novoy_moskve_otkryli_kompleksnyj_punkt_okhrany_porjadka/2018-08-23-5476
18. В Череповце появились городские управы. URL: https://www.dp.ru/a/2021/11/23/V_Cherepovce_pojavilis_gor
19. Орловская полиция ведёт приём в большой машине с сиреной. URL: <https://www.mk-orrel.ru/social/2022/09/06/orlovskaya-policiya-vedyot-priyom-v-gazele-s-sirenoy.html>
20. В новых микрорайонах областного центра ведётся прием граждан в передвижных пунктах полиции. URL: <https://www.infoorel.ru/news/v-novyh-mikroraionah-oblastnogo-centra-vedetsya-priem-grazhdan-v-peredviznyh-punktah-policii.html> (дата обращения: 16.02.2024).
21. На территории Орла начал работу передвижной участковый пункт полиции. URL: <https://vestiorel.ru/novosti/29548.html>
22. В качестве эксперимента. URL: <https://novvedomosti.ru/articles/society/7283/>
23. Глава УМВД Чепурной: новые пункты полиции нужно открывать на новой Набережной и на проспекте Героев Отечества. URL: <https://nversia.ru/news/glava-umvd-chepurnoy-novye-punkty-policii-nuzhno-otkryvat-na-novoy-naberezhnoy-i-na-prospekte-geroev-otechestva/> (дата обращения: 16.02.2024).
24. Тамбовские полицейские станут более мобильными: в городе появились передвижные пункты задержания. URL: <https://www.online-tambov.ru/news/society/tambovskie-politseyskie-stanut-bolee-mobilnymi-v-gorode-poyavilis-peredviznye-punkty-zaderzhaniya/> (дата обращения: 16.02.2024).
25. В Волгограде откроются передвижные участковые пункты милиции. URL: <https://volgograd-trv.ru/news/obschestvo/12863-v-volgograd-otkroyutsya-peredviznye-uchastkovye-punkty-milicii.html>
26. В Ростовской области появятся мобильные пункты полиции. URL: <https://tinyurl.com/3mbbthxj>
27. В Коми начнут закупать для участковых мобильные пункты. URL: <https://news-komi.ru/news/v-komi-nachnut-zakupat-dlya-uchastkovyh-mobilnye-punkty/> (дата обращения: 16.02.2024).
28. В Севастополе появятся передвижные пункты полиции. URL: <https://crimea-news.com/society/2016/04/07/186811.html>
29. Функционирование модульного участкового пункта полиции. – М., ГУОООП МВД России. 4 с.
30. Билоконь, В. П. Перспективы развития «умных» участковых пунктов полиции / В. П. Билоконь, Д. Г. Заброда // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 09 июня 2023 года. – Краснодар: КрУ МВД России, 2023. С. 383–387.
31. Заброда, Д. Г. К вопросу о разработке виртуального участкового пункта полиции // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, 14 апреля 2023 года. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2023. С. 41–46.

Zabroda D.G., Osyak A.N., Osyak V.V. Office premises for the work of district police officers: current state and prospects for improvement // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 449–457.

The article updates the need to study issues related to providing local police officers with premises to perform their official duties. Statistical data for 2020–2023 was analyzed, reflecting the state of functioning of local police stations and other office premises in which local police officers serve. The main shortcomings in their material and technical support have been identified (their number does not correspond to the staff of the units, incomplete equipment with the necessary technical means, obsolescence of premises and equipment, etc.). The main types of office premises (places) provided for the work of district police officers are examined and characterized using practical examples: local police stations; administrative residential complexes in rural or remote areas, premises in territorial internal affairs bodies, local government buildings, public law enforcement centers, multifunctional centers and multifunctional police stations, mobile police stations and mobile police stations. Proposals have been formulated aimed at eliminating factors that reduce the effectiveness of the use of local police stations and administrative and residential complexes in modern conditions, concerning: eliminating gaps in the legal regulation of their status, construction and use procedures; interaction between internal affairs bodies, state bodies of the constituent entities of the Russian Federation and local governments in this area; improving information support for the work of local police officers, including the introduction of “smart” local police stations; increasing the level of training of local police commissioners to use the capabilities of modernized local police stations, etc.

Key words: local police commissioner, local police station, administrative residential complex, office premises, administrative area.

Spisok literatury:

1. Stenogramma vy`stupleniya V. Kolokol`ceva na zasedanii kollegii MVD Rossii, 03.02.2022 URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62860> (data obrashheniya: 09.04.2024).
2. Vladimir Kolokol`cev pozdravil laureatov X Vserossijskogo konkursa MVD Rossii «Narodny`j uchastkovy`j». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-u2HVgNHQgE> (data obrashheniya: 09.04.2024).
3. Ocenka deyatel`nosti policii v Rossijskoj Federacii v 2021 g. (po danny`m FGKU «VNII MVD Rossii»). URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/publicopinion> (data obrashheniya: 09.04.2024).
4. Vy`stuplenie V. Putina na rasshirennom zasedanii kollegii MVD (28.02.2019). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913> (data obrashheniya: 09.04.2024).
5. Zabroda, D. G. Osnovny`e napravleniya sovershenstvovaniya form neseniya sluzhby` uchastkovy`mi upolnomochenny`mi policii / D. G. Zabroda, A. N. Osyak // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo uni-versiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2022. T. 8 (74), № 1. S. 149–155.
6. Dvy`dov M. Samaya «narodnaya» // Policiya Rossii. 2023, mart. № 3. 67 s.
7. Spravka ob ispolnenii Plana meropriyatij po realizacii Konceptcii razvitiya sluzhby` uchastkovy`x upolnomochenny`x policii territorial`ny`x organov MVD Rossii na 2020–2023 g. M., GUOOOP MVD Rossii,

2024. 36 s.

8. О полиции: Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 № 3-FZ // Garant.ru: sajt. URL: <https://base.garant.ru/12182530/> (data obrashheniya: 16.02.2024).
9. Zabroda, D. G. Sovershenstvovanie organizatsii deyatel'nosti uchastkovy'x punktov politsii / D. G. Zabroda, G. B. Shexovczova // Aktual'ny'e voprosy primeneniya norm administrativnogo prava (Korenevskie chteniya) : Sb. nauch. trudov VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 31 marta 2023 goda / Sost. G.N. Vasilenko. – M.: MU MVD Rossii im. V.Ya. Kikotya, 2023. S. 161-165.
10. Respublikanskije normativy gradostroitel'nogo proektirovaniya Respubliki Tatarstan: Postanovleniem Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan ot 27.12.2013 № 1071 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy 'Konsul'tant-Plyus'.
11. Press-konferenciya na temu «Deyatel'nost' uchastkovy'x upolnomochenny'x politsii. Ko dnyu sluzhby». URL: https://16.xn--b1aew.xn--p1ai/press_slujba/press_reliz/item/14970521 (data obrashheniya: 16.02.2024).
12. Administrativno-zhiloj kompleks dlya uchastkovogo otkry'ti v Sladkovskom rajone URL: <https://35.mvd.rf/news/item/25012828/> (data obrashheniya: 16.02.2024)
13. V Tambovskoj oblasti uchastkovomu politsii postroili dom s vxodom na rabotu. URL: <https://www.onlinetambov.ru/news/society/v-tambovskoy-oblasti-uchastkovomu-politsii-postroili-dom-s-vkhodom-na-rabotu/> (data obrashheniya: 16.02.2024).
14. Punkty oxrany poryadka. URL: https://yandex.ru/maps/org/oporny_punkt_politsii_tsentralnogo_rayona/1272898999/
15. V Leninogorske otkry'ti obshchestvennyj punkt oxrany pravoporyadka. URL: <https://leninogorsk.bezformata.com/listnews/leninogorske-otkrili-obshchestvenny-punkt/110542295/>
16. Uchastkovy'e - grafiki priema. URL: <https://spasskmr.ru/index.php/organizatsii-rajona/mo-mvd-rossii-spaskij/1203-uchastkovye-grafiki-priema> (data obrashheniya: 16.02.2024).
17. V «novoj Moskve» otkry'ti kompleksnyj punkt oxrany poryadka [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://moscowbig.ru/news/v-novoj-moskve-otkrili-kompleksnyj-punkt-okhrany-porjadka/2018-08-23-5476>
18. V Cherepovce poyavilis gorodskie upravly. URL: https://www.dp.ru/a/2021/11/23/V_CHerepovce_pojavilis_gor (data obrashheniya: 16.02.2024).
19. Orlovskaya politsiya vedyt priyom v bol'shoj mashine s sirenoj. URL: <https://www.mk-orel.ru/social/2022/09/06/orlovskaya-politsiya-vedyt-priyom-v-gazele-s-sirenoj.html>.
20. V novy'x mikrorajonax oblastnogo centra vedetsya priem grazhdan v peredvizhny'x punktax politsii. URL: <https://www.infoorel.ru/news/v-novyh-mikrorajonah-oblastnogo-centra-vedetsya-priem-grazhdan-v-peredvizhnyh-punktah-politsii.html> (data obrashheniya: 16.02.2024).
21. Na territorii Orla nachal rabotu peredvizhnoj uchastkovy'j punkt politsii. URL: <https://vestiorel.ru/novosti/29548.html> (data obrashheniya: 16.02.2024).
22. V kachestve eksperimenta. URL: <https://novvedomosti.ru/articles/society/7283/>
23. Glava UMVD Chepurnoj: novy'e punkty politsii nuzhno otkryvat' na novoj Naberezhnoj i na prospekte Geroev Otechestva. URL: <https://nversia.ru/news/glava-umvd-chepurnoy-novye-punkty-politsii-nuzhno-otkrivat-na-novoy-naberezhnoj-i-na-prospekte-geroev-otechestva/> (data obrashheniya: 16.02.2024).
24. Tambovskie policejskie stanut bolee mobil'ny mi: v gorode poyavilis peredvizhny'e punkty zaderzhaniya. URL: <https://www.online-tambov.ru/news/society/tambovskie-politsejskie-stanut-bolee-mobilnymi-v-gorode-poyavilis-peredvizhnye-punkty-zaderzhaniya/> (data obrashheniya: 16.02.2024).
25. V Volgograde otkroyutsya peredvizhny'e uchastkovy'e punkty militsii. URL: <https://volgograd-trv.ru/news/obshchestvo/12863-v-volgograde-otkroyutsya-peredvizhnye-uchastkovye-punkty-militsii.html>
26. V Rostovskoj oblasti poyavyatsya mobil'ny'e punkty politsii. URL: <https://tinyurl.com/3mbbthxj>
27. V Komi nachnut zakupat dlya uchastkovy'x mobil'ny'e punkty. URL: <https://news-komi.ru/news/v-komi-nachnut-zakupat-dlya-uchastkovykh-mobilnye-punkty/> (data obrashheniya: 16.02.2024)
28. V Sevastopole poyavyatsya peredvizhny'e punkty politsii. URL: <https://crimea-news.com/society/2016/04/07/186811.html> (data obrashheniya: 16.02.2024).
29. Funkcionirovanie modul'nogo uchastkovogo punkta politsii. – M., GUOOP MVD Rossii. 4 s.
30. Bilokon V. P. Perspektivy razvitiya «umny'x» uchastkovy'x punktov politsii / V. P. Bilokon, D. G. Zabroda // Administrativno-pravovoe regulirovanie pravooxranitel'noj deyatel'nosti: teoriya i praktika: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Krasnodar, 09 iyunya 2023 goda. – Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2023. S. 383-387.
31. Zabroda, D. G. K voprosu o razrabotke virtual'nogo uchastkovogo punkta politsii / D. G. Zabroda // Aktual'ny'e problemy pravooxranitel'noj deyatel'nosti: Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Rostov-na-Donu, 14 aprelya 2023 goda. – Rostov-na-Donu: RYul MVD Rossii, 2023. S. 41-46.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 458–462.

УДК 343.13

ПРОБЛЕМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Исмаилов Д. А., Мецеракова Ю. О.

В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются участковые уполномоченные полиции в своей профессиональной деятельности. Исследование включает анализ основных проблемных аспектов, возникающих при исполнении служебных обязанностей, таких как кадровый голод, недостаточная правовая осведомленность и сложности в взаимодействии с населением, регламентация уголовно-процессуального статуса. Авторами проведен обзор существующих нормативно-правовых актов и выявлены пробелы в законодательстве, влияющие на эффективность работы участковых уполномоченных полиции. На основании проведенного анализа предлагаются пути улучшения правоприменительной практики, включая меры по совершенствованию законодательной базы, повышение квалификации сотрудников полиции, а также развитие механизмов общественного контроля и взаимодействия с гражданами. Статья направлена на улучшение понимания специфики работы участковых уполномоченных и создание условий для повышения их профессиональной эффективности. Кроме того, авторами одним из решений проблем предложены законодательные изменения в части регламентации уголовно-процессуального статуса участкового уполномоченного полиции как субъекта уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции; уголовно-процессуальная деятельность; уголовное судопроизводство; деятельность участкового уполномоченного; органы внутренних дел; проблемы участкового уполномоченного; статус участкового уполномоченного; предварительное расследование; процессуальная проверка; подразделение участковых уполномоченных.

Участковый уполномоченный полиции занимает важное место в системе правоохранительных органов, обеспечивая правопорядок и безопасность на территории своего участка. Однако в процессе выполнения своих обязанностей участковый уполномоченный сталкивается с множеством проблем, которые существенно затрудняют его работу и снижают эффективность защиты прав и интересов граждан.

Как известно, участковый уполномоченный полиции занимается «расследованием и раскрытием не тяжких преступлений и преступлений средней тяжести...» [3, с. 68]. Уголовно-процессуальная деятельность участкового уполномоченного полиции при производстве дознания регламентируется уголовно-процессуальным кодексом (далее – УПК РФ), который в частности, закрепляет принципы уголовного судопроизводства (ст. ст. 6-19 УПК РФ), порядок требования к проведению следственных действий, и в целом, «...общие положения, досудебное производство, судебное производство, особый порядок уголовного судопроизводства, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства» [2, с. 318].

Проблемы в деятельности участкового уполномоченного полиции носят как процессуальный, так и организационный характер. Процессуальные проблемы связаны, во-первых, с производством им следственных действий на этапе доследственной проверки. Так, например, при назначении и производстве судебной экспертизы нарушаются установленные законом сроки принятия процессуального решения по сообщению о преступлении. Право на получение образцов для сравнительного исследования в силу положений ст. 202 УПК РФ предоставлено только следователю, в то время, как в порядке ст. 144 УПК РФ данное полномочие может реализоваться и лицом, наделенным полномочиями по дознанию. Вызывает вопросы юридическая

сила предметов и документов, изъятых в порядке ст. 144 УПК РФ, т.к. изъятие предметов и документов в соответствии с УПК РФ может осуществляться только в ходе выемки и обыска, производство которых до возбуждения уголовного дела невозможно.

Во-вторых, в правоприменительной практике существует проблема использования в доказывании сведений, полученных до регистрации сообщения о преступлении в книге учета сообщений о преступлениях, но в связи с этим сообщением. В силу положений, закрепленных в Приказе МВД России №205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (далее – Приказ МВД России №205) и Приказе МВД России №736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях», участковый уполномоченный полиции, принимая заявление о преступлении, обязан направить его в подразделение дежурной части для оформления регистрации и присвоения соответствующего номера, лишь после этого возможно совершение действий по проверке такого сообщения, но в некоторых случаях проверочные действия необходимо произвести немедленно, тогда возникает вопрос о законности результатов таких действий.

В-третьих, разрешая сообщение о преступлении и осуществляя проверочные мероприятия, участковый уполномоченный полиции, часто направляет свои усилия на профилактику преступности и выявление фактов, изложенных в заявлении или сообщении о преступлении, при этом не уделяет должного внимания установлению обстоятельств, имеющих юридическое значение. К таким обстоятельствам, как правило, относятся: событие преступления (время, место, способ совершения и т.д.), виновность, характер и степень вреда, причиненного преступлением, а также обстоятельства, которые могут стать основанием для освобождения от уголовной ответственности и наказания, согласно пп. 1, 4 и 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Участковый уполномоченный, выступая в роли органа дознания, обязан тщательно устанавливать указанные обстоятельства в процессе доследственной проверки, поскольку именно они принимаются во внимание при принятии решения о возбуждении уголовного дела. В случае несвоевременного установления, например, обстоятельств, исключающих возможность освобождения от уголовной ответственности и наказания, уголовное дело может быть приостановлено на стадии уголовного производства. Это может отрицательно сказаться на статистической отчетности и уголовно-процессуальной деятельности участкового уполномоченного полиции и, в общем, на деятельности ОВД.

В-четвертых, участковый уполномоченный полиции вправе приступить к производству по уголовному делу лишь по поручению начальника подразделения или руководителя органа дознания. Этот процесс допускается в том случае, если участковый находится в сельской местности и существует дефицит кадрового состава дознавателей и следователей. В остальных случаях деятельность участкового в уголовном судопроизводстве ограничивается принятием решения о возбуждении уголовного дела и производством неотложных следственных действий.

В-пятых, порядок проведения проверки по сообщению о преступлении представляется недостаточно урегулированным. Д.А. Варнавский справедливо подчеркива-

ет, что отсутствие четко прописанной и организованной процедуры проверки сообщений о преступлениях может иметь негативные последствия, включая возможность сокрытия преступлений от регистрации и необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела [1, с. 85]. Отсутствие четко определенной и организационно структурированной процедуры проверки сообщений о преступлениях создает риск для эффективного реагирования правоохранительных органов на подобные ситуации. При отсутствии ясных норм и процедур, возникает опасность сокрытия преступлений как путем отсутствия их регистрации, так и через формальный отказ в возбуждении уголовного дела. Четко продуманные процедуры и регламентации не только обеспечивают прозрачность и системность в работе правоохранительных органов, но и предотвращают возможные злоупотребления или иные недоразумения, связанные с рассмотрением сообщений о преступлениях. Введение стандартизированных процедур способствует более эффективной работе правоохранительной системы, предотвращая потенциальные случаи сокрытия преступлений и поддерживая доверие общества к системе правосудия.

Дискуссионным является вопрос о соотношении уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности в работе участкового уполномоченного полиции. Одни считают, что оперативно-розыскная деятельность является административной и не входит в процессуальную сферу [6, с. 195], в то время как другие авторы полагают, что оперативно-розыскную деятельность следует рассматривать как процессуальную, но не следственную. Они подчеркивают, что все, что регламентировано законом и положением ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», следует считать процессуальным [5, с. 70].

Споры о том, является ли оперативно-розыскная деятельность административной или процессуальной, отражают разнонаправленные точки зрения в научно-правовом сообществе. Те, кто считают оперативно-розыскную деятельность административной, вероятно, подчеркивают оперативный характер таких действий, ориентированных на сбор информации и предупреждение преступлений. Другие полагают, что оперативно-розыскную деятельность следует рассматривать как процессуальную, потому что она направлена на сбор доказательств для последующего уголовного преследования и судебного разбирательства. Решение данного вопроса влияет на оценку сведений, полученных участковым уполномоченным в ходе доследственной проверки и на оценку его места в системе органов дознания.

Помимо процессуальных проблем в деятельности участкового уполномоченного, можно выделить и ряд проблем организационного характера. Так, проблема нехватки кадров особо остро стоит в подразделениях участковых уполномоченных полиции [4, с. 217]. На практике достаточно часто за участковым закреплено несколько участков, и он просто физически не успевает выполнять свои обязанности.

С точки зрения эффективности несения службы участковыми уполномоченными полиции в качестве проблемы можно назвать недостаточное внимание к поддержанию высокого профессионального уровня сотрудников, их регулярному обучению и переподготовке с учетом современных методов борьбы с преступностью.

Отсутствие юридического образования у сотрудников службы участковых уполномоченных полиции представляет собой одну из основных причин, способствующих проблемам в их уголовно-процессуальной деятельности. Без должного уровня юридической компетенции участковых уполномоченных полиции возникает риск

неправильного истолкования норм права в ходе расследования и производства дознания. Это может привести к неправомерным действиям в отношении граждан, таким как неправомерные задержания, обыски, и другие меры, которые противоречат закону и ограничивают основные права и свободы граждан. Кроме того, отсутствие юридического образования может влиять на процесс взаимодействия с судебными органами. Сотрудники, не обладающие необходимыми юридическими знаниями, могут испытывать трудности в представлении доказательств, соблюдении процессуальных формальностей и в обеспечении соблюдения принципов уголовного судопроизводства. Недостаток подготовки в области юриспруденции также может оказывать отрицательное воздействие на обеспечение законности и защиту прав граждан в процессе расследования. В результате этого появляются случаи нарушения принципов уголовного судопроизводства, включая неправомерные обвинения и несоблюдение процессуальных гарантий.

Проблемой является неопределенность правового статуса сотрудников полиции. Отсутствие четкой регламентации и определения того, к какому виду госслужбы они относятся, может сказываться на их мотивации и ответственности. Это влияет на профессиональное развитие сотрудников и, следовательно, на качество их работы в уголовно-процессуальной деятельности. Не менее важным аспектом является несостоятельность социального обеспечения сотрудников полиции. Недостаточные материальные возможности, невысокие заработные платы и неудовлетворительные условия труда могут стать причиной демотивации и отсутствия заинтересованности в качественном выполнении служебных обязанностей. Стоит отметить отсутствие предоставления социальных льгот и гарантий, что усугубляет финансовое и социальное положение сотрудников. Это влияет на их общую работоспособность и может создать предпосылки для неэффективности в уголовно-процессуальной сфере.

Исследование проблем в деятельности участкового уполномоченного полиции выявило ряд недостатков, влияющих на эффективность и качество работы в данной сфере. Основные проблемы включают недостаточную координацию с другими органами правопорядка, недостаточные ресурсы и обучение, а также недостаточное взаимодействие с обществом, проблемы кадровой политики, отсутствие четкого закрепленного уголовно-процессуального статуса участкового уполномоченного полиции. В целом, комплекс этих факторов создает неблагоприятные условия для эффективной работы участковой полиции в роли органа дознания. Решение данных проблем требует системного подхода, охватывающего сферы кадровой политики, правового статуса, социального обеспечения и гарантий для сотрудников полиции.

С учетом изложенного в качестве путей решения намеченных проблем в деятельности участковых уполномоченных полиции можно сделать следующие предложения: внести изменения в ч. 3 ст. 40 УПК РФ дополнив ее п. 4 в следующей редакции: «участковых уполномоченных полиции – по категориям преступлений небольшой и средней тяжести», тем самым предоставив участковому уполномоченному полиции официальный статус лица, уполномоченного возбуждать уголовное дело и производить неотложные следственные действия; закрепить определение участкового уполномоченного полиции в Приказе МВД России №205, а именно, в п. 2 Общего положения: «участковый уполномоченный полиции – это должностное лицо структурного подразделения полиции, осуществляющее свои полномочия на определенной территории, наделенное полномочиями по охране прав и свобод человека и гражданина, обеспечению общественной безопасности, возбуждению уго-

ловного дела и осуществлению отдельных полномочий по дознанию и производству неотложных следственных действий, административной деятельности, противодействию и профилактике преступности и иных действий в соответствии с действующим законодательством»; установить порядок наделения участкового уполномоченного полиции полномочиями по дознанию путем внесения изменений в Приказ МВД России №205, предусмотрев в нем право руководителя территориального органа внутренних дел своим постановлением наделить участкового уполномоченного правом производить дознание или отдельные следственные действия по уголовным делам. В этих целях возможно ввести должность участкового-дознателя, предусмотрев по отношению к нему повышенные квалификационные требования: наличие юридического образования, срок выслуги в органах внутренних дел не менее двух лет, соответствие морально-психологическим качествам.

Список литературы:

1. Варнавский Д.А. Проверка сообщения о преступлении: генезис и перспектива // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2018. – № 1(15). – С. 84-87.
2. Исмаилов Д. А. Понятие и значение уголовно-процессуального права в современном государстве / Д. А. Исмаилов // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 29. – С. 314-321.
3. Исмаилов Д. А. Применение медиации в деятельности участковых уполномоченных полиции / Д. А. Исмаилов, А. В. Мурузиди // Теология. Философия. Право. – 2021. – № 2(16). – С. 61-69.
4. Исмаилов Д.А. Проблемы кадровой политики подразделений полиции: причины и решения // XLVIII Самарская областная студенческая научная конференция: тезисы докладов, Самара, 11–22 апреля 2022 года / Министерство образования и науки Самарской области; Совет ректоров вузов Самарской области; Ассоциация вузов Самарской области. Том 2. Санкт-Петербург: ООО "Эко-Вектор", – 2022. – С. 217-218.
5. Куликова Н.С. К вопросу о соотношении административной и оперативно-розыскной деятельности полиции // Инновационная наука. – 2016. – № 3-2. – С. 69-70.
6. Легостаев В.П. ОРД как вид правоохранительной деятельности и ее признаки // Вестник Академии знаний. – 2013. – № 4(1). – С. 195-199.

Ismailov D. A., Meshcheryakova Y. O. Problems in the activity of the district police commissioner and ways to solve them // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 3. – P. 458–462.

This article discusses the problems faced by district police officers in their professional activities. The study includes an analysis of the main problematic aspects that arise in the performance of official duties, such as staff starvation, insufficient legal awareness and difficulties in interacting with the public, regulation of criminal procedural status. The authors conducted a review of existing regulatory legal acts and identified gaps in legislation affecting the effectiveness of the work of district police officers. Based on the analysis, ways to improve law enforcement practice are proposed, including measures to improve the legislative framework, improve the skills of police officers, as well as the development of mechanisms for public control and interaction with citizens. The article is aimed at improving the understanding of the specifics of the work of district commissioners and creating conditions for improving their professional effectiveness. In addition, the authors have proposed legislative changes in terms of regulating the criminal procedural status of the district police commissioner as a subject of criminal proceedings as one of the solutions to the problems.

Keywords: the district commissioner of the police; criminal procedural activities; criminal proceedings; activities of the district commissioner; internal affairs bodies; problems of the district commissioner; the status of the district commissioner; preliminary investigation; procedural verification; division of district commissioners.

Spisok literatury:

1. Varnavskij D.A. Proverka soobshheniya o prestuplenii: genezis i perspektiva // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. 2018. № 1(15). S. 84-87.
2. Ismajlov D.A. Problemy` kadrovoj politiki podrazdelenij policii: prichiny` i resheniya // XLVIII Samarskaya oblastnaya studencheskaya nauchnaya konferenciya: tezisyy` dokladov, Samara, 11–22 aprelya 2022 goda / Ministerstvo obrazovaniya i nauki Samarskoj oblasti; Sovet rektorov vuzov Samarskoj oblasti; Associaciya vuzov Samarskoj oblasti. Tom 2. Sankt-Peterburg: ООО "E`ko-Vektor", 2022. S. 217-218.
3. Ismajlov D. A. Ponyatie i znachenie ugolovno-procussual`nogo prava v sovremennom gosudarstve / D. A. Ismajlov // Voprosy` rossijskoj yusticii. 2024. № 29. S. 314-321.
4. Ismajlov D. A. Primenenie mediacii v deyatel`nosti uchastkovy`x upolnomochenny`x policii / D. A. Ismajlov, A. V. Muruzidi // Teologiya. Filosofiya. Pravo. 2021. № 2(16). S. 61-69.
5. Kulikova N.S. K voprosu o sootnoshenii administrativnoj i operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti policii // Innovacionnaya nauka. 2016. № 3-2. S. 69-70.
6. Legostaev V.P. ORD kak vid pravooxranitel`noj deyatel`nosti i ee priznaki // Vestnik Akademii znaniy. 2013. № 4(1). S. 195-199.

УДК 343.341.1

**ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ КАК НАИБОЛЕЕ ПЕРСПЕКТИВНОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ В ОБЛАСТИ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ
БЕЗ ОБРЕМЕНЕНИЯ ОСУЖДЕННОГО ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ
ОБЯЗАННОСТЯМИ**

Пикин И. В.

Владимирский юридический институт ФСИН России

Исследование посвящено анализу такого вида уголовного наказания как исправительные работы, а также вопросам реализации уголовной политики государства в области применения уголовных наказаний, не связанных с обременением осужденных дополнительными обязательствами. В работе автором анализируется современное состояние законодательства и правоприменительная практика в области применения наказания в виде обязательных работ. Автором уделено внимание историческому аспекту вопросов, связанных с данным видом наказания, доктринальные подходы к рассматриваемому институту исправительных работ, обозначены ключевые моменты, определяющие их содержание в действующей системе наказаний. В процессе рассмотрения вопросов применения и исполнения данного вида наказания автором анализируются положения ППВС, мнения авторов, а также судебно-следственной практика по отдельным вопросам применения данного вида наказания.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовное наказание, исправительные работы.

Современная уголовная политика развивается в контексте ослабления мер репрессии в отношении лиц, совершивших общеуголовные преступления. Это прослеживается на примерах общей либерализации уголовного законодательства, ежегодного уменьшения количества осуждаемых к лишению свободы, возрастанию осуждаемых к иным видам уголовного наказания [20]. При этом наказания, сочетающие в себе реализацию функции обязательного привлечения осужденных к труду в качестве ключевой обязанности (имущественные наказания), обладают на сегодняшний день особо значимой ролью. При помощи минимального набора индивидуально определенных картельных элементов, в первую очередь – материального характера, такие наказания способны достичь стоящих перед ними целей и при этом не допустить десоциализации человека, совершившего преступление, не погружая его в негативную криминогенную среду преступников.

Одним из видов таких имущественных наказаний являются исправительные работы, предусмотренные ст. 50 УК РФ). Особенностью реализации данного вида наказания является то, что осужденный не отстраняется от своей официальной трудовой деятельности, а лишь претерпевает определенные судом финансовые лишения. Более того, тем осужденным, которые к моменту назначения исправительных работ, не имели основного места работы, такое место определяется органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями (далее – УИИ) в районе места жительства осужденного. Все это говорит об универсальном сочетании в рамках исправительных работ карательной и экономической функций, заставляя осужденного испытывать определенные лишения и ограничения, а государству – получать дополнительный доход в бюджет.

Правоприменительный опыт последних лет свидетельствует о востребованности данного вида наказания: количество осуждаемых к исправительным работам за предшествующие 4 года находится в границах 48 тыс. чел. в год, а их доля в общем

объеме ежегодно осуждаемых варьируется в районе 8,5 %. Вместе с тем, несмотря на многолетний правоприменительный опыт исправительных работ, накопление солидной судебной практики, аккумулированной в разъяснениях Пленума ВС РФ [11], исправительные работы, как и любой правовой инструмент, не лишены определенных недостатков и противоречий законодательного и организационного характера. Это препятствует единообразному восприятию сущности, содержания и процедуры реализации данного вида наказания, лежит в основе судебных ошибок.

Любой институт наказания уголовного права России отличается своей уникальностью, самобытностью, сущностными характеристиками и особенностями применения и реализации. Исправительные работы не являются исключением. В рамках данной работы представляется необходимым проанализировать законодательный и доктринальный подходы к понятию и сущности данного вида наказания.

Исторический генезис реализации принудительного труда свидетельствует о том, что он применялся в отношении осужденных издревле и весьма успешно выполнял карательную функцию. Вместе с тем, такого как сегодня деления видов наказания в зависимости от особенностей осуществления трудовой деятельности осужденных, долгое время не существовало в принципе. В XIX в. все подобного рода работы осужденных именовались «общественными работами» [15]. А институт исправительных работ появился лишь в советское время, выступал как альтернатива лишению свободы и именовался в разные годы принудительными, обязательными или исправительно-трудовыми работами [9]. А в таком виде, в котором он известен нам сейчас, он появился лишь с 1958 г. и закрепился в уголовном законодательстве в связи с принятием УК РСФСР 1960 г. [10].

Принятие УК РФ в 1996 г. ознаменовало некоторый иной подход к реализации уголовной политики в связи, с чем в основу был заложен плюрализм в области закрепления исчерпывающего перечня уголовных наказаний, куда логичным образом вошли и исправительные работы. Их непосредственное содержание раскрывается в ст. 50 УК РФ, которая, с момента ее включения в УК РФ периодически подвергалась определенным изменениям. Обращение к ч. 1 ст. 50 УК РФ позволяет определить современную правовую природу исправительных работ. В общих чертах данный вид наказания толкуется учеными как «осуществление трудовой деятельности на постоянной основе с полным трудоустройством и, соответственно, оплатой работы, из которой производятся отчисления в доход государства» [5]. Также исправительные работы определяют, как «основной вид наказания, предполагающий деление осужденных на лиц, имеющих основное место работы и не имеющих его на указанный в приговоре суда срок с удержанием в доход государства части заработной платы» [22]», как «современный вид срочного имущественного наказания, сочетающий в себе использование достаточного карательного потенциала в отношении осужденного и весьма положительный экономический эффект назначение которых обеспечивает снижение общего числа осуждаемых к наказанию в виде лишения свободы и служит реализации гражданами, совершившими наименее опасные преступления, возможности исправиться без изоляции от общества» [4].

Опираясь на положения УК РФ и доктринальные подходы к рассматриваемому институту исправительных работ обозначим главные моменты, определяющие их сущность на современном этапе. Как подчеркивают исследователи, «карательное воздействие на осужденного предполагает принудительное заключение трудового

договора, помимо воли осужденного, с тем предприятием, на которое ему будет указано. При этом осужденный может быть привлечен к любой работе как квалифицированной, так и к неквалифицированной» [8].

Что касается главного элемента кары рассматриваемого наказания, т.е. удержания определенного процента от официального заработка, то такое удержание устанавливается индивидуально для каждого осужденного в приговоре суда, но в пределах от 5 до 20 %. Как указывает И. А. Подройкина, исправительные работы влекут «весьма незначительные финансовые потери, сохраняя большую часть заработка» [16]. Исследователь права, поскольку встречается много случаев, когда суды назначают минимальный процент ежемесячной выплаты осужденным в виде 5 % [19]. При этом отсутствие в приговоре суда указания сколько именно процентов удерживается с осужденного в доход государства является нарушением требований судопроизводства в этой области и такие приговоры подлежат отмене [17]. Удержание средств происходит автоматически из зарплаты осужденного за каждый отработанный месяц независимо от наличия к нему претензии по исполнительным документам. При производстве удержаний учитывается денежная и натуральная часть заработной платы осужденного. Однако, что денежные средства не могут быть удержаны из пособий, получаемых осужденным в порядке социального страхования и социального обеспечения, из выплат единовременного характера, за исключением пособий по безработице и ежемесячных страховых выплат по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Однако, в законодательстве остается не разрешенным вопрос о порядке возврата или зачета излишне удержанных сумм из заработной платы [26].

В п. 16 постановление Пленума ВСуда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указывается, что «при назначении наказания по совокупности преступлений, за каждое из которых назначены исправительные работы, при применении принципа полного или частичного сложения наказаний сложению подлежат только сроки исправительных работ. Проценты удержаний не складываются» [12]. Это означает весьма гуманистический подход, согласно которому осужденный застрахован от чрезмерно высокого процента удержания денежных средств, которое не коррелирует с количеством совершенных им преступлений по совокупности. Соответственно, осужденный к исправительным работам одновременно наделен двумя правовыми статусами – в качестве работника, выполняющего определенную трудовую функцию (связан с работодателем трудовым договором) и в качестве осужденного (связан с государством в рамках уголовно-исполнительных отношений по поводу отбывания наказания на основании обвинительного приговора суда). И, как усматривает О. Н. Уваров, «указанные отношения существуют самостоятельно и никоим образом не взаимосвязаны» [23]. Однако, не соглашаясь с указанным автором, считаем, что эти статусы осужденного неразрывно связаны друг с другом, поскольку именно трудовые отношения переплетаются с отношениями по исполнению приговора и определяют саму сущность исправительных работ в аспекте карательного потенциала.

Возможность замены исправительных работ более строгим видом наказания. Так, в случае злостного уклонения от отбывания исправительных работ, мера уголовной ответственности может быть ужесточена. Так, суд может заменить неотбытое наказание принудительными работами или лишением свободы из расчета один

день принудительных работ или один день лишения свободы за 3 дня исправительных работ. Важное замечание относительно данного правила сделал ВС РФ, указав в п. 5.9 постановлении Пленума ВС РФ от 20.12.2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» следующее: «Эти положения применяются судом независимо от того, предусмотрено ли наказание в виде принудительных работ или лишения свободы санкцией статьи Особенной части УК РФ, по которой было назначено наказание» [13].

Согласно ч. 3 ст. 46 УИК РФ злостно уклоняющимся от отбывания исправительных работ признается осужденный, допустивший повторное нарушение порядка и условий отбывания наказания после объявления ему предупреждения в письменной форме за любое из указанных в ч. 1 ст. 46 УИК РФ нарушений, а также скрывшийся с места жительства осужденный, местонахождение которого неизвестно. К таким нарушениям согласно ч. 1 ст. 46 УИК РФ относит: «а) неявка на работу без уважительных причин в течение пяти дней со дня получения предписания уголовно-исполнительной инспекции; б) неявка в уголовно-исполнительную инспекцию без уважительных причин; г) прогул или появление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения». В качестве уважительной причины не явки в УИИ или на место работы суды признают помимо болезни, например, содержание лица в специальном приемнике-распределителе УМВД России, ввиду чего не считается, что он уклонялся от отбывания исправительных работ [2].

Подчеркнем, что ученые рассматривают институт уклонения от отбывания наказания в несколько ином свете: «в форме уголовно-противоправного непроступного бездействия как составляющие части существующего, но не признанного законодателем уголовно-правового феномена под названием “уголовный проступок” представляют собой самостоятельные юридические факты, которые при соблюдении определенных уголовным и уголовно-исполнительным законодательством оснований влекут наступление негативных последствий, ухудшающих правовое положение лица, их совершившего» [7]. Считаем, что это несколько новаторский подход, который требует дальнейшего научного обоснования и исследования и объективно имеет право на самостоятельное существование.

Возможность признания наказания в виде исправительных работ условным в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 73 УК РФ вне зависимости от срока их назначения и категории осужденных лиц. Это обстоятельство свидетельствует о том, что данный вид наказания является одним из немногих, наравне с лишением свободы, который может отбываться осужденным условно. Анализ правоприменительной практики приводит к выводу, что условно данный вид наказания назначается достаточно редко [21]. Вместе с тем, уголовное законодательство не определяет каких-либо различий в исполнении условного осуждения к исправительным работам и, например, лишения свободы. Также, судя по сопоставлению перечня запретов, ограничений и обязанностей, возлагаемых на условно осужденных и осужденных к исправительным работам, очевидно, что степень карательного воздействия в рамках последних гораздо меньше, в связи с чем мы приходим к выводу о том, что исполнение исправительных работ условно обладает большим карательным воздействием и обременением, чем исполнение их реально.

В качестве положительных характеристик исправительных работ необходимым отметить, что осужденный продолжает проживать дома, ему не устанавливается

обязанность отмечаться в УИИ, его не ограничивают в возможностях выезда за территорию муниципального образования в свободное от основной работы время, нет предписаний к надлежащему поведению в обществе. Но, тем не менее, на весь период отбывания данного наказания и год после за ним сохраняется судимость, которая по общему правилу служит существенным препятствием к осуществлению полноценной жизнедеятельности [14]. (например, выезд за границу).

Посредством осуждения к исправительным работам ранее не работающий человек должен быть трудоустроен, получать стабильную заработную плату, что несомненно положительным образом должно сказываться на его деятельности. Это объясняется в первую очередь тем, что в рамках реализации исправительных работ отсутствует негативное влияние других осужденных, как это может быть, например, при отбывании принудительных работ или лишения свободы, происходит «гораздо меньшая степень социальной стигматизации осужденного, чем при лишении свободы» [24], а «сохранение законодателем социальной среды, в которой осуществляется трудовая деятельность осужденного, оказывает положительное воздействие на личность преступника» [1] и это считаем несомненным достоинством института исправительных работ. При отбывании исправительных работ воздействие на осужденного происходит не только через администрацию контролирующего органа, но и через трудовой коллектив [25], положительно сказываясь на поведении осужденного, обязуя его соблюдать правила внутреннего распорядка, дисциплинируя и прививая трудовые навыки [3]. Все это, безусловно, коррелирует с принципами гуманизма, которых наша страна придерживается вот уже долгие годы в сфере реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики. Таким образом, с уверенностью можно сказать, что исправительные работы – это тот вид наказания, который полностью обращен к осужденному.

Исправительные работы могут служить тем видом наказания, которое может использоваться судами при замене оставшейся неотбытой части наказания менее строгим. Однако, правоприменительный опыт показывает, что это не всегда находит должное осознание лицом, освобождаемым от более строгого наказания, такого, как лишение свободы. Например, Б. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ. Согласно приговору Соломбальского районного суда г. Архангельска Б. «совершил преступление спустя 3 дня после прибытия в г. Архангельск ввиду освобождения из мест лишения свободы на основании постановления Борского городского суда Нижегородской области, заменившего оставшийся не отбытый срок наказания исправительными работами, что свидетельствует о том, что подсудимый на протяжении длительного времени должных выводов для себя не делает, на путь исправления не встает и исправительное воздействие предыдущего наказания не является для него достаточным» [18].

Также, руководствуясь подходом Е. В. Кашкиной необходимо выделить следующие специальные принципы, на которых базируется институт исправительных работ: принцип воспитания в трудовом коллективе; принцип стимулирования; принцип социального взаимодействия; принцип контроля и автономности [6].

Подводя итог, отметим, что возникновение института исправительных работ, как вида уголовного наказания, произошло в период существования советского уголовного права, и в этот период данный вид наказания имел в большей степени идейный и экономический характер. С принятием УК РФ, сохранил данный вид наказания,

исходя из накопленного опыта применения, а также из ряда экономических и правоприменительных оснований, в связи с чем, исправительные работы, как вид наказания применяются и в наши дни исключительно в качестве основного вида наказания. Уголовно-правовой анализ ст. 50 УК РФ продемонстрировал, что исправительные работы являются самым мягким по степени карательного воздействия видом уголовного наказания среди всех наказаний, связанных с имущественным воздействием на осужденного. В свете реформирования уголовно исполнительской системы законодатель все больше уделяет внимание именно наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества, и исправительным работам уделяется существенное внимание в системе организации принудительного труда осужденных, как наказанию, выступающему наиболее гуманным и простым в исполнении без обременения осужденного дополнительными обязанностями.

Список литературы:

1. Авдеева Е. В. Научные и практико-ориентированные подходы к реализации уголовного наказания в виде исправительных работ // Адвокатская практика. 2020. № 5. С. 20.
2. Апелляционное постановление Ярославского областного суда № 22-1326/2023 от 27 июня 2023 г. по делу № 4/17-39/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/dUZ6sYQwAxYR](https://sudact.ru/regular/doc/dUZ6sYQwAxYR).
3. Воробьев С. М., Корнеев С. А. Институт возмещения ущерба или иного заглаживания вреда: теоретико-правовые и практические аспекты // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30 (1-4). № 2. С. 146-153.
4. Горшкова Н.А. Состав осужденных к исправительным работам: социально-демографические показатели // Пениitenciарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2022. № 3. С. 68.
5. Звонов А. В. Кара уголовного наказания в виде исправительных работ: краткий анализ содержательной стороны // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 1(38). С. 16.
6. Кашкина Е. В. К вопросу о возможности выделения специальных принципов института исправительных работ // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. № 2(40). С. 99-104.
7. Коробейников Д. В. Уклонение от исполнения наказания и отбывания назначенного наказания в форме уголовно-противоправного неправомерного бездействия как разновидность уголовного проступка: понятие, признаки, правовые последствия // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 1.
8. Курочкина В. Р. Проблемы исполнения наказания в виде исправительных работ // Будущее науки-2020 : сборник научных статей 8-й Международной молодежной научной конференции: в 5 томах, 21-22 апреля 2020 г. Том 2. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 316.
9. Майстренко Г. А. Уголовное наказание в виде исправительных работ: историко-правовой анализ // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 8-1. С. 313.
10. Мамонтова А.А. История становления и развития уголовного наказания в виде исправительных работ // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2020. № 1(3).
11. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : [постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 : в ред. от 18 декабря 2018 г. № 43] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2; Российская газета. 2018. 26 декабря.
12. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : [постановление Пленума ВС РФ от 22.12.2015 г. № 58 : в ред. от 18.12.2018 г. № 43] // Бюллетень ВС РФ. 2016. № 2.
13. О практике применения судами законодательства об исполнении приговора : [постановление Пленума ВС РФ от 20.12.2011 г. № 21 : в ред. от 18.12.2018 г. № 43] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019.
14. Одинцова Л. Н. О понятии и значении института судимости в современном российском законодательстве // Вестник Кузбасского института. 2018. № 3(36). С. 62-77.
15. Одинцова М. А. История зарождения и становления наказания в виде исправительных работ // Профессиональное юридическое образование и наука. 2022. № 3(7). С. 82.
16. Подройкина И. А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2017. С. 194.
17. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 15 июня 2011 г. № 116-П11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 2.
18. Приговор Соломбальского районного суда г. Архангельска № 1-235/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 1-235/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/xHfY2UXLqgWc/](https://sudact.ru/regular/doc/xHfY2UXLqgWc/) (дата обращения: 16.12.2023).
19. Приговор Шелеховского городского суда № 1-143/2023 от 22 мая 2023 г. по делу № 1-143/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/667vIzY2EzHO/](https://sudact.ru/regular/doc/667vIzY2EzHO/)
20. Развитие уголовно-исполнительной системы (2017-2025 годы) : [распоряжение Правительства РФ от 23.12.2016 г. № 2808-р] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 2 (Часть II), ст. 413; О Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года : [распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29.04.2021 г. № 1138-р : в ред. от 27.05.2023 г. № 1374-р] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 20, ст. 3397; 2023. № 22, ст. 3996.
21. Тагиров Ш. М. Ответственность за уклонение от отбывания исправительных работ // Аллея науки.

2020. Т. 1, № 9(48). С. 400.

22. Тарыкин В. К., Енина А. С. Общая характеристика наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества // Молодежь и наука: шаг к успеху. 2019. С. 337;

23. Уваров О. Н. О трудовых отношениях при отбывании наказания в виде исправительных работ // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 115.

24. Устинов А. А. Наказания в виде обязательных работ и исправительных работ: проблемы правовой регламентации // IV международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: Материалы международных научно-практических конференций и круглых столов, к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России, в 10 т., 20-22 ноября 2019 г. Том 3. Рязань: Академия ФСИН России, 2019. С. 340.

25. Чулунов Е. А. Уголовное наказание в виде исправительных работ в зарубежных странах // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 3. С. 15.

26. Шонин И. Г. Соблюдение законодательства при исполнении наказания в виде исправительных работ // Законность. 2021. № 7. С. 17-20.

Ivan V. Pikin. Correctional work as the most promising direction in the field of implementation of criminal policy without burdening the convicted person with additional responsibilities // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – Р. 463–470.

The study is devoted to the analysis of this type of criminal punishment as correctional labor, as well as issues of implementation of the state's criminal policy in the field of application of criminal penalties not related to burdening convicts with additional obligations. In the work, the author analyzes the current state of legislation and law enforcement practice in the field of applying punishment in the form of compulsory labor. The author paid attention to the historical aspect of issues related to this type of punishment, doctrinal approaches to the institution of correctional labor under consideration, and identified the key points that determine their content in the current punishment system. In the process of considering the issues of application and execution of this type of punishment, the author analyzes the provisions of the PPVS, the opinions of the authors, as well as judicial and investigative practice on certain issues of the application of this type of punishment.

Key words: criminal policy, criminal punishment, correctional work.

Spisok literatury:

1. Avdeeva E. V. Nauchnye i praktiko-orientirovannye podhody k realizacii ugovnogo nakazaniya v vide ispravitel'nyh rabot // Advokatskaya praktika. 2020. № 5. С. 20.
2. Apellyacionnoe postanovlenie Yarovskogo oblastnogo suda № 22-1326/2023 ot 27 iyunya 2023 g. po delu № 4/17-39/2023 // Sudebnye i normativnye akty RF : [sajt]. – URL: //sudact.ru/regular/doc/dUZ6sYQwAxYR.
3. Vorob'ev S. M., Korneev S. A. Institut vozmeshcheniya ushcherba ili inogo zaglzhivaniya vreda: teoretiko-pravovye i prakticheskie aspekty // CHelovek: prestuplenie i nakazanie. 2022. Т. 30 (1-4). № 2. С. 146-153.
4. Gorshkova N.A. Sostav osuzhdennyh k ispravitel'nyh rabotam: social'no-demograficheskie pokazately/Penitenciarное право: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika.2022.№3.С. 68.
5. Zvonov A. V. Kara ugovnogo nakazaniya v vide ispravitel'nyh rabot: kratkij analiz soderzhatel'noj storony // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 1(38). С. 16.
6. Kashkina E. V. K voprosu o vozmozhnosti vydeleniya special'nyh principov instituta ispravitel'nyh rabot // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. № 2(40). С. 99-104.
7. Korobejnikov D. V. Uklonenie ot ispolneniya nakazaniya i otyvaniya naznachennogo nakazaniya v forme ugovno-protivopravnogo neprestupnogo bezdejstviya kak raznovidnost' ugovnogo prostupka: ponyatie, priznaki, pravovye posledstviya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2023. № 1.
8. Kurochkina V. R. Problemy ispolneniya nakazaniya v vide ispravitel'nyh rabot // Budushchee nauki-2020 : sbornik nauchnyh statej 8-j Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchnoj konferencii: v 5 tomah, 21-22 aprelya 2020 g. Tom 2. Kursk: Yugo-Zapadnyj gosudarstvennyj universitet, 2020. С. 316.
9. Majstrenko G. A. Ugolovnoe nakazanie v vide ispravitel'nyh rabot: istoriko-pravovoj analiz // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2022. Т. 12, № 8-1. С. 313.
10. Mamontova A.A. Istoriya stanovleniya i razvitiya ugovnogo nakazaniya v vide ispravitel'nyh rabot//Vestnik Tom'skogo instituta povysheniya kvalifikacii rabotnikov FSIN Rossii.2020.№1(3).
11. O praktike naznacheniya sudami Rossijskoj Federacii ugovnogo nakazaniya : [postanovlenie Ple-numa Verhovnogo Suda RF ot 22 dekabrya 2015 g. № 58 : v red. ot 18 dekabrya 2018 g. № 43] // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2016. № 2; Rossijskaya gazeta. 2018. 26 dekabrya.
12. O praktike naznacheniya sudami Rossijskoj Federacii ugovnogo nakazaniya : [postanovlenie Ple-numa VS RF ot 22.12.2015 g. № 58 : v red. ot 18.12.2018 g. № 43] // Byulleten' VS RF. 2016. № 2.
13. O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva ob ispolnenii prigovora : [postanovlenie Plenu-ma VSRF ot 20.12.2011g.№ 21: v red. ot 18.12.2018 g. № 43] // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2019.
14. Odincova L. N. O ponyatii i znachenii instituta sudimosti v sovremennom rossijskom zakonodatel'stve // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2018. № 3(36). С. 62-77.
15. Odincova M. A. Istoriya zarozhdeniya i stanovleniya nakazaniya v vide ispravitel'nyh rabot // Professional'noe yuridicheskoe obrazovanie i nauka. 2022. № 3(7). С. 82.
16. Podrojkina I. A. Teoreticheskie osnovy postroeniya sistemy nakazaniy v ugovnom zakonodatel'stve Rossii : dis. ... d-ra yurid. nauk. Rostov n/D, 2017. С. 194.
17. Postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Suda RF ot 15 iyunya 2011 g. № 116-P11 // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2012. № 2.
18. Prigovor Solombal'skogo rajonnogo suda g. Arhangel'ska № 1-235/2020 ot 30 iyulya 2020 g. po delu №

- 1-235/2020 // Sudebnye i normativnye akty RF : [sajt]. – URL: //sudact.ru/regular/doc/xHfY2UXLqgWc/ (data obrashcheniya: 16.12.2023).
19. Prigovor SHelekhovskogo gorodskogo suda № 1-143/2023 ot 22 maya 2023 g. po delu № 1-143/2023 // Sudebnye i normativnye akty RF : [sajt]. – URL: //sudact.ru/regular/doc/667vlZY2EzHO/
20. Razvitie ugovovno-ispolnitel'noj sistemy (2017-2025 gody) : [rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 23.12.2016 g. № 2808-r] // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2017. № 2 (CHast' II), st. 413; O Konceptii razvitiya ugovovno-ispolnitel'noj sistemy RF na period do 2030 goda : [rasporyazhenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 29.04.2021 g. № 1138-r : v red. ot 27.05.2023 g. № 1374-r] // So-branie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2021. № 20, st. 3397; 2023. № 22, st. 3996.
21. Tagirov SH. M. Otvetstvennost' za uklo-nenie ot otdyvaniya ispravitel'nyh rabot // Alleya nauki. 2020. T. 1, № 9(48). S. 400.
22. Tarykin V. K., Enina A. S. Obshchaya harakteristika nakazaniy, ne svyazannyh s izolyaciey osuzhdennogo ot obshchestva // Molodezh' i nauka: shag k uspekhu. 2019. S. 337;
23. Uvarov O. N. O trudovyh otnosheniyah pri otdyvanii nakazaniya v vide ispravitel'nyh rabot // Ugolovnaya yusticiya. 2019. № 13. S. 115.
24. Ustinov A. A. Nakazaniya v vide obyazatel'nyh rabot i ispravitel'nyh rabot: problemy pravovoj reglam-entacii // IV mezhdunarodnyj penitenciarnyj forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie» : Materialy mezhdunarodnyh nauchno-prakticheskikh konferencij i kruglyh stolov, k 140-letiyu ugolov-no-ispolnitel'noj sistemy Rossii i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii, v 10 t., 20-22 noyabrya 2019 g. Tom 3. Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2019. S. 340.
25. CHulunov E. A. Ugolovnoe nakazanie v vide ispravitel'nyh rabot v zarubezhnyh stranah // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. 2023. № 3. S. 15.
26. SHonin I. G. Soblyudenie zakonodatel'stva pri ispolnenii nakazaniya v vide ispravitel'nyh rabot // Za-konnost'. 2021. № 7. S. 17-20.
- .

УДК 332.2

**К ОСОБЕННОСТЯМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ,
РУСОФОБИИ И УКРАИНСКОМУ НЕОНАЦИЗМУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В
ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Рябченко А. Г., Амбарцумов А. А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»

На данном этапе Российская Федерация и все мировое сообщество претерпевают ряд изменений, в том числе негативного характера, в политической, правовой и экономических сферах. Вводимые санкции в отношении РФ оказывают большое влияние на экономическое благополучие большого числа стран. В связи с проведением Специальной военной операции актуальными становятся вопросы особенностей противодействия экстремизму, русофобии и украинскому неонацизму. В статье рассматриваются предпосылки формирования русофобии и ее содержательные особенности, возможные последствия компенсаторной реституции. Оценивается специфика украинского неонацизма, его ключевые отличия от фашизма, нацизма. Определяются преступления экстремистской направленности, их смежность с осуществлением террористической деятельности. В свете этого, подчеркивается значимость модернизации миграционной политики, оказывающей косвенное влияние на процентное соотношение преступлений экстремистской направленности, подчеркивается значимость упрощения процесса подачи заявлений для осуществления миграционного учета посредством применения информационных технологий для снижения числа «теневых» мигрантов.

Ключевые слова: глобализация, информатизация, неонацизм, противодействие экстремизму, украинский неонацизм, фашизм, экстремизм, русофобия.

В настоящее время происходит большое количество политических, экономических и правовых изменений, которые актуализируют рассмотрение вопросов, посвященных разрешению существующих проблем в области совершения преступлений экстремистской направленности, русофобии. Отдельного внимания заслуживает течение украинского неонацизма, который модифицируется и обретает губительные масштабы. Понятие «русофобия» появилось еще в начале XIX в. [1], является смежным предметом для изучения в различных научных направлениях (философия, юриспруденция, филология). В период с 1930-х по 1970-е гг. понятие практически не использовалось, а «вспышка» его применения ознаменовалась концом 1980-х гг., хотя на данном историческом этапе образ СССР и России имел позитивный окрас. Можно предположить, что это было связано слабо сформированной политикой со стороны правящих лиц. Однако применение данного термина оставалось косвенным и могло в единичных случаях употребляться в СМИ зарубежных стран.

24.12.2022 г. Президент РФ В.В. Путин в 5:30 по московскому времени сообщил о начале проведения Специальной военной операции, что вновь актуализировало данный термин. В настоящее время русофобия представляет собой крайне негативное отношение к русской истории, государственности и русскому этносу, а также к иным элементам, опосредованно относящимся к русской культуре, являясь, в то же время, идеологией западных стран и ее оружием в информационной войне.

Наиболее ярким проявлением русофобии является осуществление актов вандализма, которые происходят в странах Европы. Памятники, связанные с Россией и ее культурой, обливают краской, разрушают и ликвидируют. Объектами вандализма становятся магазины с российской продукцией, дома культуры, здания РПЦ. Жертвами русофобии становятся русские люди: студентов отчисляют из европейских университетов, русские дети подвергаются травле в школе, европейские врачи отка-

зывают в лечении тяжело больным русским пациентам. Абсурдным актом русофобии признается отмена российской культуры путем исключения русских спортсменов от участия в Олимпиаде, переименования картин (картина Э. Дега «Русские танцовщицы» была переименована в «Украинские танцовщицы»), запрет на исполнение музыки российских композиторов и т.д. Уничтожение памятников культуры и русофобия, в свою очередь, влекут за собой проблемы осуществления компенсаторной реституции. При этом дела о хищении культурных ценностей и их последующей реституции не имеют сроков исковой давности, что подчеркивает их повышенную значимость, а институт компенсаторной реституции признается одним из наиболее значимых и имеющих сложный механизм реализации в рамках международно-правовой ответственности. На данном этапе вопросы реституции наиболее часто поднимаются в связи с перемещением культурных ценностей в период ВОВ: Германия, Польша требуют возвращения культурных ценностей с территорий РФ на протяжении долгого времени (2004, 2012, 2014 гг.).

Однако вышеперечисленные действия расцениваются нами как негативные и влекущие за собой осуществление попыток по «пересмотру» результатов ВОВ. Все ценности, которые были перемещены, имеют документальное закрепление такого процесса и стали возмещением в счет потери тысячи фундаментальных элементов русской культуры в ходе войны. Такие действия в полной мере соответствуют международному и российскому законодательству (праву). Кроме того, нахождение ценностей на территории РФ предполагает лишь исключительность права распоряжения ценностями, однако они также отнесены к фонду мировой культуры и находятся в свободном доступе к просмотру со стороны заинтересованных граждан, в том числе иностранных, в музеях на территории РФ. Невозможность пересмотра результатов ВОВ также закрепляется в ст. 107 Устава ООН. При этом стоит отметить, что проведение СВО между Украиной и РФ может создать новые предпосылки для реституционных взаимоотношений, что требует разработки нормативных основ, регулирующих порядок осуществления компенсаторной реституции.

Все вышеназванные действия подчеркивают, что русофобия, как явление, была сформирована не сейчас, а имеет глубинные истоки формирования. Н.П. Моница отмечает, что русофобия состоит из политического, духовного и исторического элементов [2]. Непримируемость стран Запада и России отмечалась на протяжении многих лет, что вызывало противостояние между геополитическими системами и нравственными ценностями. Политическая борьба существует в той или иной степени всегда, но ряд стран, например, США, осуществляет лоббирование других стран для «продвижения» своих интересов и исполнения целей, оказывающих негативное влияние на РФ. Стоит также обратиться к аспектам, которые определяют начало проведения СВО. Так, одной из целей СВО признается «денацификация» Украины, так как в период с 2014 г. политическая деятельность Украины обрела окраску русофобии, допуская запрет на проведение уроков на русском языке, изменение исторических фактов в учебниках, запрет на деятельность СМИ на русском языке. Все эти факторы показывают нетерпимость правящих элит по отношению к РФ и к лицам, которые с ранних лет осуществляли обучение на русском языке, читали русскую литературу и т.д. Не единожды отмечаются факторы того, что в Украине предвзято относятся к лицам, которые общаются на русском языке. Тотальность русофобии подчеркивается также в высказываниях правителей. Фактор «тренда» на

руссофобию у европейских элит был подчеркнут президентом Беларуси А.Г. Лукашенко во время торжественного собрания, посвященного Дню победы [3]. По мнению Д.С. Пескова, руссофобия как феномен будет существовать на протяжении многих лет ввиду длительного формирования таких «идей» в СМИ зарубежных недружественных стран [4], но он все еще не отрицает возможность восстановления дипломатических отношений между Украиной и Россией при принятии ряда условий.

Анализу в юридическом контексте подвергаются также термины «фашизм», «нацизм» и «неонацизм», установление границ которых позволяет сформировать эффективную реализацию антифашистской деятельности. Взаимосвязь таких понятий как «нацизм» и «фашизм» подчеркивалась еще в выступлениях Муссолини в 1937 г. («Братья по крови: фашизм и нацизм») [5]. В декабре 2022 г. Генассамблея ООН приняла резолюцию России о недопущении фактов неонацизма, недопустимости героизации нацизма. В документах отражалось осуждение осквернения памятников, воздвигнутых в честь героев ВОВ. В то же время, несмотря на 120 голосов «ЗА», 50 государств, ряд из которых относится к странам бывшей фашистской «Оси», были «ПРОТИВ» (в том числе Германия, Италия, США, Великобритания). Такие действия не могут рассматриваться в качестве осуждения политики РФ, а подчеркивают действительное отношение правящих элит таких стран. Со стороны некоторых стран такое решение видится весьма кощунственным, так как во время 2-й мировой войны наши страны являлись союзниками и преследовали единые цели. На национальном уровне вопросы наступления ответственности за осуществление таких действий установлены ст. 354.1 УК РФ («Реабилитация нацизма»).

На затягивание конфликта, происходящего между Украиной и Россией влияет вмешательство большого количества стран. Во Франции СМИ упомянули конфликт в Украине с февраля 2022 г. до февраля 2023 г. 2 296 325 раз [6]. Это ли не подчеркивает высокий уровень вмешательства других стран, тогда как информационная «война» обретает повышенное значение в эпоху глобализации? Кроме того, активное взаимодействие между странами в контексте СВО формирует мнение о том, что к РФ на протяжении долгого времени была политическая неприязнь, которая просто обрела свой выплеск в момент объявления проведения СВО. Несмотря на такие действия «политических элит», социальные опросы показывают иное отношение общества. Так, 2/3 опрошенного населения Франции поддерживают необходимость проведения переговоров с Россией, а также необходимость улучшения наступившего в ходе конфронтации экономического и социального положения. В ходе санкционного режима и принятия «санкционных пакетов», РФ была вынуждена выдвинуть ряд встречных санкций, что стало оказывать значительное влияние на уровень жизни. В особенности это коснулось ряда третьих стран в Европе, которые зависят от центра, но в то же время получают малое количество поддержки на данном этапе.

На протяжении долгого времени в СМИ и иных информационных каналах также «замалчиваются» и подвергаются жесткой цензуре откровения С. Хёрша, который подтвердил не единожды высокую степень влияния США на Украину, а также ряд иных факторов, порочащих украинскую власть. Сожаление выражал председатель Конференции по мировой политике Тьерри де Монбриаль, указывая на невозможность самостоятельного отстаивания интересов Европы, в связи с чем происходит укрепление НАТО [7]. Неустанное вливание денежных средств и спонсирование конфликта в Украине со стороны США замалчивается в СМИ, возвращая госдолг.

В свете последних событий наиболее актуальным видится также установление особенностей украинского неонацизма. Нацизм был присущ украинским националистам еще в 1930-х гг., когда отдельные организации украинских нацистов продвигали свои цели, желая стать «подручными» для нацистской Германии, борясь против идеологии СССР. Современный украинский неонацизм вобрал в себя черты тех времен, однако на этот раз продажа территорий и ценностей осуществляется в угоду США и стран НАТО. На протяжении долгого времени НАТО оказывало косвенное воздействие на РФ, Украину и Беларусь. Для коллективного Запада одной из целей в эпоху глобализации становится разложение культуры русского народа, «информационный» захват дезориентированных людей, стремление воспользоваться социально-экономическим кризисом в угоду девальвации морали. Все это может быть продемонстрировано происходящими в США в том числе изменениями среди которых: гендерные установки, разложение значимости института семьи, районы города, в которых обитает большое количество наркотически зависимых людей, что игнорируется государством. Несмотря на попытки «коллективного Запада» и украинских неонацистов, в РФ неонацисты за совершаемые деяния подлежат назначению уголовного наказания за экстремизм (например, по ст.282.1 УК РФ). Зачастую приговор может включать в себя совокупность преступных деяний (ст. 282.1, ст. 213 («Хулиганство»), ст. 167 («Умышленное уничтожение или повреждение имущества»). Наблюдается высокий уровень глобализации и информатизации всех общественных процессов, что влияет на особенности реализации национальной медиаполитики государства, которая на данном этапе является одним из наиболее действенных рычагов управления общественным мнением. В Украине с 2004 г. действует украинский Центр информационно-психологических операций, находящий широкую поддержку со стороны иностранных специалистов, и оказывающий негативное эмоциональное влияние на массы, доносящий информацию не с точки зрения политических фактов, а с точки зрения устрашения, вербовки, искажения фактов.

Считаем, что информационная война, ведущаяся рядом стран, может быть выгодна России, так как «однобокость» взглядов влечет за собой возникновение «пропасти» между преподносимой информацией в СМИ и реальной обстановкой. Кроме того, не стоит замалчивать в СМИ моменты, когда войска терпят поражения или отступают, так как это, хоть и подрывает веру, но в то же время показывает прозрачность деятельности властей и военных структур, повышает уровень доверия к властным структурам. В настоящее время высокую значимость обретают не только государственные СМИ, но и отдельные информационные каналы, «независимые» СМИ. Так, блогерами освещается физическая агрессия во время событий Майдана, связь украинских интернет-батальонов и штаба Навального (в блоге Д. Стешина).

Образ «врага» формируется и в национальном, и в зарубежном СМИ, однако зарубежные СМИ достаточно часто обращаются именно к внешним параметрам политиков. Так, образ Зеленского формируется как молодого, прогрессивного мужчины, в большинстве подчеркивая его ораторские способности как актера, возможность давления посредством эмоциональных высказываний. Противопоставляется этому образ В.В. Путина, который дискредитируется ввиду его возрастных, внешних изменений, перенося такие качества на собирательный образ России. Так, Эндрю Пирс и Хартли-Брюер используют эпитеты «царь Путин», «империя зла», публикуют фотографии президента, указывая на его внешнюю непривлекательность, что

явно имеет декларативный характер, и не связано с осуществлением управленческих функций. Его внешность и возраст сопоставляются зашоренности и излишнему консерватизму в правлении, что не является действительным фактором.

В то же время, блогеры, отстаивающие позицию России, часто указывают на факты агрессии не только со стороны Украины, но и других стран. А. Дедуренко, анализируя ряд статданных, публикует списки стран-жертв, пострадавших от задокументированных бомбардировок США. Стоит отметить, что большое количество масштабнейших военных конфликтов в истории «замалчивается» в информационных ресурсах, а в некоторых случаях находит поддержку, как, например, военный конфликт между Ираном и Ираком в 1980-1988 гг., что позволяет говорить о том, что такое «внимание» со стороны ряда стран не случайно. Следует отметить недопустимость полного запрета и ограничения информационной открытости о проведении СВО. После смерти Сталина Хрущев яро критиковал его позиции и развенчивал культ личности, что сформировало негативное отношение к непогрешимости правителя, привело к краху системы государства. Все это было связано с наличием большого количества «белых пятен» в истории в период тотального запрета ранее.

Аналогичные ситуации возникали и в зарубежных государствах: разоблачение, опубликованное в газете Washington Post, привело к отставке Президента США Р. Никсона. Это подчеркивает значимость взаимодействия информационных структур и органов государственной власти, недопустимость наложения запретов на распространение информации о ходе СВО, которая не относится к секретной.

Несмотря на вышеназванные факторы, следует также устанавливать меры юридической ответственности за публикацию информации о ходе СВО, противоречащей идеологии РФ либо фейковой информации. В марте 2022 г. была введена административная ответственность (ст. 20.3.3. КоАП РФ [8]) и уголовная ответственность (ст. 207.3, 280.3, 284.2 УК РФ [9]) за осуществление таких действий. Санкция предусматривает возможность назначения меры вплоть до лишения свободы. Однако законодательство все еще не в полной мере позволяет установить особенности вновь введенных статей, что влечет трудности в квалификации преступных деяний.

Термин «дискредитация» был введен в УК РФ с введением статей в 2022 г., но его дефиниция закреплена не была. Считаем, что такой термин можно определять как «совершение действий (видится невозможным применение формы в виде бездействия, так как мысли и иные «абстрактные» формы не могут признаваться совершенными), которые направлены на подрыв имиджа и доверия к субъекту». В рассматриваемом аспекте такие действия совершаются по отношению: к армии РФ; действиям политических лидеров; стране в целом.

Вновь принятые нормы не противоречат ранее принятым международным документам (Устав ООН [10], Всеобщая декларация прав человека [11] и др.), которые носят демократический характер, что подчеркивает тот факт, что хотя РФ и подвергается всевозможным санкционным мерам и осуждению, продолжает придерживаться основ построения демократического правового государства. Кроме того, Россия остается участником ряда международных и интеграционных организаций, несмотря на постоянное притеснение. Так, одной из таких организаций является ВТО, которая была создана 01.01.1995 г., и является интеграционной в области международной торговли, позволяет упорядочить отношения в области торговли, участником которой является Россия.

Данная организация, как и любая другая, подвергается всевозможной критике. Так, в ряде работ подчеркивается влияние США и ориентация деятельности организации «на страны Запада» [12]. Не единожды выдвигались предложения о выходе из ВТО (такой законопроект был выдвинут в марте 2022 г. партией «Справедливая Россия – патриоты – за правду»), но такой выход видится неэффективным ввиду повышения экспортных пошлин и санкций в международном торговом обороте [13]. На протяжении долгого времени Россия не могла стать членом ВТО, что также может подчеркнуть тот факт, что выход РФ может стать положительным для ряда «недружественных» стран. Аналогичная позиция подтверждалась Постпредом Н. Платоновым в марте 2024 г., говоря о том, что положения, на которых построена торговля, в полной мере соответствуют законодательству РФ, подчеркивая отсутствие необходимости такого выхода. Анализируя законодательство, можно также отметить сходство в деятельности ВТО и ЕАЭС, который «дружественен» для РФ.

В момент объявления СВО В.В. Путиным были обозначены основные цели ее проведения – «демилитаризация и денацификация Украины». Постепенно данные цели находят расширение и подробную аргументацию, в т.ч. ввиду действий США, НАТО. Страны НАТО на протяжении долгого времени размещали на территории Украины военные комплексы, что создавало высокую угрозу для безопасности границ РФ, в связи с чем РФ стремится к достижению безъядерного статуса Украины. Российским законодательством наказуемой является не только экстремистская деятельность, но и публичные призывы к ее осуществлению (ст. 280 УК РФ), что подчеркивает тяжесть совершаемого преступления. Активное использование информационных технологий влечет за собой возникновение киберпреступности.

В настоящее время преступления экстремистской направленности зачастую совершаются посредством применения информационно-телекоммуникационных технологий (в сети Интернет). Давление оказывается за счет доказывания «прогрессивности», «неизбежности» формирования экстремистских взглядов. Сложности могут возникать в случае того, когда информация размещается для русскоязычных пользователей, а «истoki» формирования доменов, организаций и ресурсов размещаются в других странах, особенно стран недружественных по отношению к РФ.

Наиболее «податливыми» к такому убеждению оказываются подростки, собственное мнение которых проходит стадию формирования и имеет черты юношеского максимализма, желания «противостоять» чему-либо, пусть даже эфемерному и неправдивому. Среди элементов «экстремистских» идеологий обязательно присутствует какой-либо политический, социальный или экономический негативный фактор, который «провоцирует» к уверованию в преподносимую информацию и позволяет сформировать агрессивную негативную позицию.

С целью повышения значимости информационных технологий следует отметить необходимость изучения и использования следователем не только «классических» оперативных мероприятий и их результатов, но также и изучения данных, полученных путем анализа информационно-телекоммуникационной сети. Так, при расследовании преступлений экстремистской направленности анализу могут быть подвергнуты социальные сети преступника (круг общения, анализ сведений, размещенных на странице, группы, где осуществляется вербовка людей). Говоря о преступлениях террористической направленности, наиболее часто вербовке подвергаются женщины, которые в ходе военных действий могли потерять мужа или брата. Ста-

дии вербовки предшествует знакомств, и возможно даже склонение к употреблению наркотических веществ для изменения волевых качеств «жертвы» вербовщика.

Одной из крайних форм экстремизма становится терроризм, осуществление которого влечет за собой крайне негативные последствия и приносящий непоправимый урон обществу и государству. Проблемы терроризма опосредованно влекут за собой обострение вопрос миграционной политики, в основе регулирования которой положен ФЗ № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [14]. Кроме того, постоянно осуществляется выдворение иностранных граждан, который нарушают порядок миграции, миграционный учет. За 2023 г. согласно информации, размещенной на официальном ресурсе МВД РФ, за пределы было удалено более 100 тыс. таких граждан [15]. Однако обостренность украинского конфликта также спровоцировала ряд послаблений миграционной политики: в период присоединения территорий ЛНР, ДНР, ЗО и ХО распоряжением Правительства РФ был установлен иной порядок въезда для ряда иностранных граждан с учетом бедственного положения и притеснения, что также подчеркивает русофобский и неонацистский характер деятельности украинских властей [16].

Вопросы миграционной политики были вновь подняты после террористического акта на территории «Крокус Сити Холл» 22.03.2024 г. в 20:00, унесшего жизни сотни граждан [17]. Было установлено, что большинство лиц, совершивших теракт, были ранее привлечены к административной ответственности, нарушали миграционную политику, а в ходе сокрытия с места преступления направлялись в сторону украинской границы. Считаем необходимым подчеркнуть, что исключительно ужесточение миграционной политики не приведет к ожидаемым результатам, так как работодатели, желающие воспользоваться «нелегальной рабочей силой» будут придумывать «обходы» и искать пробельные стороны закона, повышая теневой сектор пребывания таких лиц на территории РФ. Ужесточение мер видится возможным только в санкции ст. 322.3 УК РФ за повторную фиктивную постановку на учет мигрантов. Упрощение же порядка получения миграционных документов позволит увеличить количество подаваемых заявлений, что снизит количество «теневых» мигрантов. Кроме того, большинство процессов можно перевести в онлайн-режим, оставив в «офлайне» исключительно саму подачу документов на физических носителях и итоговое получение миграционных документов.

На фоне негативных событий государством должна проводиться очень «взвешенная» политика с целью недопущения межнациональной розни, ксенофобии и исламофобии, так как в ряде случаев совершение террористических актов и экстремистской деятельности своей основной целью видит именно необходимость посеять раздор в многонациональном государстве, которым является Россия, что провозглашается основным законом – Конституцией РФ [18]. На основании вышеизложенного стоит отметить значимость проведения СВО, высоко оценить бескомпромиссное осуществление денацификации субъектов, косвенно проповедующих неонацистскую политику. «Лихорадочность» действий Запада, постоянного вооружения Украины «в долг» позволяет продемонстрировать высокий уровень подготовки РФ к проведению СВО, осведомленности о позиции США, готовность к «затяжному конфликту».

Нами была отмечена конструктивная позиция РФ и отсутствие повсеместной «негативизации» действий мирового сообщества. Данную позицию можно подчерк-

нуть тем фактом, что Россия остается участником интеграционной организации ВТО, продолжает осуществлять экспортную торговлю в соответствии с международными актами, а политики подчеркивают отсутствие необходимости выхода из организации, в связи с отсутствием противоречий между международными и национальными нормативно-правовыми актами в рассматриваемой области. Также, мы могли отметить высокую взаимосвязь ряда осуществляемых преступных действий, таких как русофобия, неонационализм, экстремизм, терроризм. Проблемы противодействия терроризма включают в себя также необходимость повышения эффективности миграционной политики, а русофобия создает предпосылки для установления проблемности фактора реализации международной компенсаторной реституции.

Для снижения активности осуществления экстремистской деятельности следует уделять внимание не только формированию законодательной базы, но также и работе органов полиции, миграционных служб и иных структур, в том числе проверке их деятельности контролирующими органами на предмет готовности к реализации слаженных оперативных мероприятий в ходе чрезвычайной ситуации, уделяя особое внимание подразделениям, располагающимся в субъектах РФ, демонстрируя «реальную» готовность, а не только в «центре» для демонстрации «показательной» готовности. Несмотря на максимальную эскалацию конфликта, Россия и Украина все еще могут в будущем нормализовать дипломатические отношения, однако возможным это будет только в том случае, если удастся достигнуть свержения неонацизма, ставшего одной из основных идеологий правительства Украины.

Список литературы:

1. Душенко К. В. Первые дебаты о «русофобии» (Англия, 1836-1841) // Историческая экспертиза. – 2022. – № 4. – С. 225–242.
2. Моница Н.П. Идеология русофобии: духовно-исторические истоки формирования // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 3. – С. 15–19.
3. Лукашенко назвал русофобию трендом у европейских элит // Известия iz. URL: <https://iz.ru/1693242/2024-05-07/lukashenko-nazval-rusofobiuu-trendom-u-evropeiskikh-elit>
4. Русофобия на Западе продлится десятилетия, считает Песков // Официальный сайт «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20240128/rusofobiya-1923999221.html> (дата обращения: 02.05.2024).
5. Griffin R. Fascism. Oxford, New York, 1995.
6. Руткевич Н.А. Реконструкция образа Врага в новых условиях // Россия в глобальной политике. 2023. – Т. 21. – № 4. – С. 160–178.
7. De Montbrial T. Que révèle cette crise de l'avenir de l'Europe et du désordre mondial? // Colloque de la Fondation Res-Publica. 27.09.2022. – URL: https://fondation-res-publica.org/shop/La-guerre-d-Ukraine-et-l-ordre-du-monde_p170.html (дата обращения: 05.05.2024).
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
10. Раздел I. Понятие международного права, его сущность и роль в международных отношениях, политике и дипломатии. 1. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/>
11. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс» – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.05.2024).
12. Pisani-Ferry J. The global economy's three games // Project syndicate. - 2018. - URL: <https://www.project-syndicate.org> (дата обращения: 02.05.2024).
13. Акулов А. Почему Россия не выходит из ВТО // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2022/05/20/14876480.shtml?ysclid=lujzyjoi990081812>
14. Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15.08.1996 № 114-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.05.2024).
15. Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – декабрь 2023 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/47183542/>
16. Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2020 № 2571-р (ред. от 29.07.2023) «О перечне иностранных государств, гражданам которых оформляется единая электронная виза» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.05.2024).
17. Нападение на Crocus City Hall // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/chronicle/napadenie-na-crocus-city-hall.html> (дата обращения: 07.05.2024).

18. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.doc&base_LAW_2875 (дата обращения: 07.05.2024).

Ryabchenko A. G., Ambartsumov A. A. To the peculiarities of countering extremism, russophobia and ukrainian neo-nazism using information and telecommunication technologies in the era of globalization // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 3. – P. 471–479.

At this stage, the Russian Federation and the entire world community are undergoing a number of changes, including negative ones, in the political, legal and economic spheres. The sanctions imposed on the Russian Federation have a great impact on the economic well-being of a large number of countries. In connection with the Special Military Operation, the issues of countering extremism, Russophobia and Ukrainian neo-Nazism are becoming relevant. The article examines the prerequisites for the formation of Russophobia and its content features, possible consequences of compensatory restitution. The specifics of Ukrainian neo-Nazism, its key differences from fascism and Nazism are evaluated. Extremist crimes and their contiguity with the implementation of terrorist activities are determined. In light of this, the importance of modernizing migration policy, which has an indirect impact on the percentage of extremist crimes, is emphasized, and the importance of simplifying the application process for migration registration through the use of information technology to reduce the number of "shadow" migrants is emphasized.

Keywords: globalization, informatization, neo-Nazism, countering extremism, Ukrainian neo-Nazism, fascism, extremism, russophobia

Spisok literatury:

1. Dushenko K. V. Pervye debaty o «rusofobii» (Angliya, 1836-1841) // Istoricheskaya ekspertiza. – 2022. – № 4. – S. 225-242.
2. Monina N.P. Ideologiya rusofobii: duhovno-istoricheskie istoki formirovaniya // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. - 2018. - № 3. - S. 15-19.
3. Lukashenko nazval rusofobiyu trendom u evropejskih elit // Izvestiya iz. URL: <https://iz.ru/1693242/2024-05-07/lukashenko-nazval-rusofobiuu-trendom-u-evropejskikh-elit> (data obrashcheniya: 02.05.2024).
4. Rusofobiya na Zapade prodlihsya desyatiletia, schitaet Peskov // Oficial'nyj sajt «RIA Novosti». URL: <https://ria.ru/20240128/rusofobiya-192399221.html> (data obrashcheniya: 02.05.2024).
5. Griffin R. Fascism. Oxford, New York, 1995.
6. Rutkevich N.A. Rekonstrukciya obraza Vraga v novyh usloviyah // Rossiya v global'noj politike. 2023. – T. 21. – № 4. – S.160–178.
7. De Montbrial T. Que révèle cette crise de l'avenir de l'Europe et du désordre mondial? // Colloque de la Fondation Res-Publica. 27.09.2022. – URL: https://fondation-res-publica.org/shop/La-guerre-d-Ukraine-et-l-ordre-du-monde_p170.html (data obrashcheniya: 05.05.2024).
8. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 11.03.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2002. – № 1 (ch. 1). – St. 1.
9. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 23.03.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1996. – № 25. – St. 2954.
10. Razdel I. Ponyatie mezhdunarodnogo prava, ego sushchnost' i rol' v mezhdunarodnyh otnosheniyah, politike i diplomatii. 1. Ustav Organizacii Ob"edinennyh Nacij (Prinyat v g. San-Francisko 26.06.1945) (s izm. i dop. ot 20.12.1971) // SPS «Konsul'tantPlyus». – URL: <https://www.consultant.ru/>
11. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General'noj Assambleej OON 10.12.1948) // SPS «Konsul'tantPlyus» – URL: <https://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 04.05.2024).
12. Pisani-Ferry J. The global economy's three games // Project syndicate. - 2018. - URL: <https://www.project-syndicate.org> (data obrashcheniya: 02.05.2024).
13. Akulov A. Pochemu Rossiya ne vyhodit iz VTO // Gazeta.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2022/05/20/14876480.shtml?ysclid=lujzyjoi990081812>
14. Federal'nyj zakon «O poryadke vyezda iz Rossijskoj Federacii i v"ezda v Rossijskuyu Federaciju» ot 15.08.1996 № 114-FZ (poslednyaya redakciya) // SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 07.05.2024).
15. Rezul'taty deyatel'nosti podrazdelenij po voprosam migracii territorial'nyh organov MVD Rossii za yanvar' – dekabr' 2023 goda // Oficial'nyj sajt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/47183542/> (data obrashcheniya: 07.05.2024).
16. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 06.10.2020 № 2571-r (red. ot 29.07.2023) «O perechne inostrannyh gosudarstv, grazhdanam kotoryh oformlyayetsya edinaya elektronnyaya viza» // SPS «Konsul'tantPlyus»
17. Napadenie na Crocus City Hall // Interfaks. URL: <https://www.interfax.ru/chronicle/napadenie-na-crocus-city-hall.html> (data obrashcheniya: 07.05.2024).
18. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // SPS «Konsul'tantPlyus». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/onli>.

УДК 343.541

**СПЕЦИФИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ДЕТЕЙ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Ирицян В. В., Рябченко А. Г.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»

В статье нами были рассмотрены особенности и специфика отдельных составов преступлений против несовершеннолетних лиц. Осуществили анализ статистических данных, позволяющий сделать нам неутешительный прогноз о росте преступности в рассматриваемой области, также отмечено, что рост может быть вызван тем фактором, что законодатель и лица, воспитывающие детей, стали уделять больше внимание их психическому благополучию, а это, в свою очередь, привело к повышению доверия со стороны жертв насилия и иных преступных деяний в отношении детей, которые стали раскрывать детали совершенного. Нами также были исследованы законодательные источники зарубежных стран на предмет возможности заимствования положительных аспектов. Кроме того, были разработаны рекомендации в отношении дальнейшего формирования законодательства и производства следственных и иных оперативных действий при расследовании преступлений против детей.

Ключевые слова: материнство и детство, несовершеннолетние, онлайн-преступность, преступления против несовершеннолетних.

На протяжении многих лет вопросы защиты прав детей являлись одними из наиболее животрепещущих. Повышенный интерес к рассматриваемой теме связан, в первую очередь, с несформированностью психики ребенка, его неспособности к рациональному мышлению в полной степени. Подростки являются более виктимными, что делает их более «уязвимыми» к вовлечению в осуществление противозаконной деятельности со стороны совершеннолетних лиц. Однако первые весомые попытки по созданию нормативно-правовой базы в данной области были предприняты только к 1913 г. в ходе Международного конгресса по охране детей, а одним из первых международных нормативно-правовых актов стала Женевская декларация прав ребенка 1924 г [1]. В настоящее время повсеместно происходит большое количество экономических, политических, социальных и правовых процессов, которые носят дестабилизирующий характер, а также оказывают влияние на увеличение числа совершаемых преступлений, в том числе против несовершеннолетних лиц (к таким процессам можно отнести неконтролируемую миграцию, экономический кризис, утрату значимости ряда социальных институтов, например, негативный окрас приобретает институт брака ввиду большого числа разводов). Тяжелые бытовые, материальные и психологические условия также могут быть вызваны рядом международных вооруженных конфликтов, которые влекут за собой возникновение процессов вынужденной миграции.

В России 2024 г. объявлен В.В. Путиным как Год семьи, о чем принят соответствующий Указ Президента РФ [2], а 2018-2027 – Десятилетием детства. Это еще раз подчеркивает заинтересованность государства в развитии и укреплении системных ценностей и традиций, их поддержке и стимулировании. Государством финансируются различные детские инновационные проекты, предоставляются скидки и льготы для многодетных семей, устанавливаются различные выплаты в зависимости от специфики состава семьи и др. Значимость института материнства и детства подчеркивается в Конституции РФ (ст. 38) [3]. Повышенное внимание законодателя к рассматриваемой проблематике выражается также в том, что преступления против несовершеннолетних включены и составляют отдельную 20 гл. Уголовного кодекса

РФ (далее - УК РФ [4]). Данная категория преступлений имеет наиболее высокий социально опасный характер, так как несовершеннолетние лица являются будущим страны, а преступления в отношении них будут оказывать влияние на дальнейшее развитие РФ как государства на международной арене. Кроме того, отдельные составы преступлений содержатся также в иных главах УК РФ, где преступление в отношении несовершеннолетнего становится квалифицирующим признаком, повышающим уровень уголовной ответственности за совершенное преступное деяние.

Неутешительными оказываются и статистические сведения различных организаций и государственных органов. М. Львова-Белова, детский омбудсмен, в ноябре 2023 г. отметила, что за 2023 г. в отношении несовершеннолетних детей было совершено более 100 000 преступных деяний, начиная с 2018 г., неуклонно растет статистика в области преступлений сексуального характера по отношению к несовершеннолетним [5]. Кроме того, более 50% преступлений совершается родственниками или близкими лицами по отношению к несовершеннолетним (тренеры, друзья родителей, учителя и др.). Это связано со сформировавшимся доверительными отношениями между указанными лицами, что снижает возможность того, что ребенок расскажет о содеянном в отношении него.

Говоря о выше обозначенной специфике, не стоит забывать тот аспект, что, наряду с раскрытыми и обнаруженными преступлениями, существует также латентная преступность, а дети, боясь реакции взрослых, зачастую скрывают совершенные в отношении них действия из страха, вины, стыда (у ребенка крадут телефон, а он говорит, что потерял его; ребенок может умалчивать о переписке с «онлайн-другом», когда по ту сторону экрана сидит совершеннолетнее лицо, имеющее злой умысел). С другой стороны, рост преступности в статистических сводках в отношении детей объясняется в частности тем, что данная проблема в последнее время стала одной из наиболее обсуждаемых и ей уделяется повышенное внимание, между родителями и детьми стали формироваться более доверительные отношения, стали широко привлекать к анкетированию и опросам психологов.

Одним из факторов, который привел к росту числа преступлений в отношении детей, стала пандемия COVID-19. Ввиду того, что многие дети были вынуждены обучаться, используя информационные технологии, возросло количество преступлений, совершаемых в сети Интернет. Повышенный рост преступлений против несовершеннолетних отмечался в Канаде, в США [6]. К насильственным действиям в сторону детей могла также побуждать потеря работы членов семьи, которая вела к усугублению кризисной ситуации в межличностных семейных отношениях.

В сети Интернет подавляющее число преступлений связано с изготовлением и оборотом порнографических материалов с участием несовершеннолетних, а также оборотом незаконных психотропных и наркотических веществ.

Наркотические вещества распространяются в сети Интернет через различные социальные сети, виртуальные магазины и другие онлайн-платформы, которые не имеют четко установленного IP-адреса, что значительно усложняет их обнаружение (делает действия преступников анонимными). В некоторых случаях лицо может проживать на территории одного государства, а осуществлять продажу наркотических средств или запрашивать порнографические материалы у несовершеннолетнего, проживающего в другом государстве, что отражает проблему взаимодействия различных правовых порядков и процесса выдачи такого лица, который также не явля-

ется в полной мере совершенным и отлаженным.

К высокому уровню латентности преступлений с использованием сети Интернет в отношении несовершеннолетних приводит и отсутствие необходимых технологий в распоряжении всех подразделений органов расследования преступлений, отсутствие специальных знаний в IT-сфере. Такая ситуация чаще встречается в менее «обеспеченных» регионах страны. Устранение данных аспектов позволит повысить уровень раскрытия таких преступлений. Снижению уровня преступности может способствовать и своевременная блокировка таких ресурсов.

Наиболее весомым криминогенным фактором является деятельность педофильного сообщества. Совершение преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних оказывает на них непоправимое психическое влияние, может способствовать дальнейшему нарушению их физического развития.

Говоря о педофилах, которые «орудуют» в сети Интернет, можно сказать о том, что такие лица извлекают у несовершеннолетних лиц различные фото и видео материалы, а затем распространяют их посредством сети Интернет с целью дальнейшего извлечения прибыли, угрожая несовершеннолетнему распространить кадры, если он не найдет запрашиваемые денежные средства, либо используют их в собственных интересах, что может не менее пагубно влиять на психику ребенка. При этом большая часть переписок может осуществляться через мессенджеры, такие как Telegram, а перевод денежных средств запрашивают на «подставные» счета, что осложняет поиск виновного лица. Затем средства могут переводиться на криптовалютные кошельки, что влечет за собой невозможность дальнейшего установления передвижения денежных средств.

Изучение формирования и последствий педофилии, и возникающих вследствие нее действий, находится на стыке юридической и медицинской науки. Так, педофилия отнесена к группе заболеваний парафилий, которые определяются расстройствами полового влечения (как и гомосексуализм, зоофилия). В то же время, во многих странах гомосексуализм уже стал вариантом нормы, а зоофилия часто остается вне поля зрения правовой науки, хотя это не умаляет значимости возможного нанесения вреда животному, а также является жестоким обращением с ним, что в РФ карается нормами уголовного закона (ст. 245 УК РФ).

В медицине выделяют собственно педофилию (влечение к детям до 11 лет) и гебофилию (влечение к постпубертатным детям после 11 лет). К сожалению, устойчивых положительных результатов лечения таких заболеваний пока еще не выработано, а данные деяния караются уголовным законодательством во всех прогрессивных странах. Однако стоит отметить, что не каждое психическое отклонение педофилического характера влечет за собой уголовную ответственность.

За «мыслительную деятельность» уголовная ответственность наступить не может, хотя, возможно, при своевременном проведении для того лица психиатрических экспертиз, можно было бы снизить количество совершаемых преступлений.

Ранее мы говорили об установлении возраста сексуального согласия в развитых странах, но в ряде стран до сих пор ранние браки, а, соответственно, ранний сексуальный контакт, признается вариантом нормы (Африка, Южная Америка, Южная Азия). В таких странах многие девушки вступали в брак в несовершеннолетнем возрасте, чтобы избежать более суровой доли (вступление в террористические организации, похищения и т.д.). В некоторых странах, несмотря на установленный запрет,

совершеннолетние лица все же вступают в браки, а после их задержания, несовершеннолетние девушки жалуются на то, что теперь некому будет содержать семью (например, в Индии). Проблема ранних браков, по нашему мнению, является достаточно недооцененной и заслуживает дальнейшего внимания правоведов. Ее масштабность требует слаженной работы межгосударственных органов, осуществляющих защиту прав детей.

Вернемся к вопросам совершения преступлений сексуального характера. Именно категория преступлений, связанных с сексуальным насилием, является одной из наиболее латентных среди преступлений, совершаемых против несовершеннолетних, так как жертвы насилия не всегда сообщают о случившемся в соответствующие органы из-за чувства стыда или страха (например, когда насильник угрожает убить членов семьи, если несовершеннолетний расскажет о совершенном). К таким преступлениям отнесены в том числе не состоящие в гл. 20 УК РФ.

Доподлинно известно, насколько для правовой науки важен категориальный аппарат и его четкость для формирования единообразия судебной и иной правоприменительной практики, но сегодня до сих пор не выработано определения для термина «жестокое обращение с детьми», в том числе в рамках ст. 156 УК РФ, которая определяет особенности назначения наказания за ненадлежащее исполнение обязанностей родителя или иного законного представителя (их неисполнение).

В науке существует большое количество точек зрения по данному вопросу, которые не имеют единой направленности. Сложность выработки понятия связывается с тем, что не представляется возможным ограничить «жестокое обращение» исключительно категориями психического и физического насилия. При этом нет необходимости выделять сексуальное насилие в отдельную категорию, так как его можно отнести к физическому насилию, а оскорбление – к психическому насилию, но, например, пренебрежение интересами и нуждами ребенка затруднительно определить в ту или иную категорию. Нельзя также отрицать того факта, что ряд преступлений со стороны несовершеннолетних совершается по вине взрослых, когда дети совершают преступления для заработка денежных средств, получения желаемых предметов. Негативное воздействие может нести не только недостаток денежных средств, но и конфликты в семье, беспризорность, употребление алкогольной продукции или наркотических веществ. Зачастую преступные деяния несовершеннолетними совершаются по «наводке» совершеннолетних лиц, а наказание виновному назначается как за основное деяние, так и за вовлечение несовершеннолетнего (ч. 4 ст. 150 УК РФ). В неблагополучных семьях дети могут вовлекаться в занятия бродяжничеством и попрошайничеством для того, чтобы взрослые продолжали свое «паразитическое» существование за счет средств, которые наиболее охотно дают маленьким детям. Родители «детей-попрошаек» зачастую могут являться мигрантами, что также затрудняет аспект привлечения их к ответственности.

Отдельные исследования в рамках уголовно-правовой науки посвящены исследованию преступлений в области вовлечения несовершеннолетнего в преступления (ст. 150-151.2 УК РФ). Хотелось бы обратиться к зарубежному законодательству, отметив тот факт, что введенный в силу УК Республики Казахстан в 2015г. содержит отдельную главу «Уголовные правонарушения против семьи и несовершеннолетних». При этом считаем прогрессивным важный аспект: для лиц, которые занимаются педагогической деятельностью (осуществляющих воспитательные функции)

предусматривается пожизненный запрет на осуществление указанной деятельности, при совершении ими преступлений рассматриваемой категории.

В рамках антиобщественных действий наиболее распространенными становятся употребление алкогольной продукции и одурманивающих веществ. Для данных действий обязательным, в рамках УК РФ, становится признак «систематичности». В свете этого значимым становится вопрос о категориальной определенности такого термина. Определение такого термина содержится в ст. 232 УК РФ. При этом систематическим признается действие, которое было совершено более 2-х раз.

«Систематичность» в качестве обязательного признака рассматривается с разных научных позиций на протяжении долгого времени. Так, например, исходя из положений ч.5 ст. 190 УИК РФ [7], систематическим нарушением признается действие, которое совершено в течение 1-го года 2 и более раз подряд, что говорит о временном критерий в отношении данного признака. Однако тогда видится более аргументированным применение термина «повторности», а не систематичности, как в рамках ст. УК РФ. По нашему мнению, критерий систематичности представлен совершением преступного действия однородного характера повторно. Для ст. 151 УК РФ указанный признак является одним из системообразующих и позволяет отграничить совершенное преступление от правонарушения, предусмотренного ст. 6.10 Кодекса об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ [8]).

Вместе с тем, повышенный интерес представляют собой различные статистические данные. Согласно правовому анализу, проведенному Е.В. Сокол, было установлено, что подавляющее большинство вовлечателей представлены лицами мужского пола, а именно – 85%. Соответственно, вовлечателей женского пола всего 15% [9]. Считаем, что это не в полной мере соответствует действительности, так как женщины чаще всего обладают возможностью психического воздействия, применяют манипулятивные приемы, которые могут вести к повышению сложности установления их в качестве вовлечателя. Например, женщина может соблазнить несовершеннолетнего подростка и попросить его о чем-либо ввиду его высокой степени убеждаемости. Ряд вопросов в рамках правоприменительной практики встает при реализации положений ст. 153 УК РФ (Подмена ребенка). Смежными к данному составу являются положения ряда статей УК РФ. Так, интересным представляется тот факт, что уголовно-правовая норма об ответственности за торговлю людьми установлена ст. 127.1 УК РФ. Она была введена в 2003 г. совместно с ст. 127.2 УК РФ, а также претерпевала ряд редакций, но уже после редакции 2008 г. показала свою «состоятельность».

В связи с тем, что в п. «б» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ в качестве квалифицирующего признака изначально предусматривалось совершение деяния в отношении заведомо несовершеннолетнего, одновременно было принято законодательное решение о признании утратившей силу ст. 152 УК РФ об ответственности за торговлю несовершеннолетними, однако ст. 153 УК РФ не утратила своей силы, так как предполагает замену одного ребенка другим, а также имеет иные цели и мотивы. Ретроспективный анализ позволяет говорить о том, что в рассматриваемой области законодатель пытается прийти к «выработке» наиболее «устойчивой» правовой нормы, которая бы охватывало большее количество деяний, не имея при этом обширного содержания и разброса.

Торговля людьми, в том числе несовершеннолетними, в настоящее время не при-

знается распространенным преступлением. Путем анализа официальной статистики и судебной практики, удастся установить, что судимых лиц по такой статье весьма мало. Считаем, что низкий уровень регистрации таких преступлений не связан с тем, что такие преступления не совершаются. Это может быть связано, как с тем, что лица, которые совершают такие преступления, имеют очень тщательную подготовку и их оказывается сложно изобличить. Во-вторых, в некоторых случаях потерпевшие числятся в качестве без вести пропавших, что также снижает уровень лиц, совершивших похищение в целях торговли, но такая статистика не должна оказывать влияние на дальнейшую проработку правовых норм, так как все нормы, как мы уже могли отметить, действуют в определенной взаимосвязи и направлены на противодействие негативным социальным явлениям.

В 2018 г. за торговлю людьми осуждено 19 лиц, в том числе 13 лиц за совершение этого деяния в отношении несовершеннолетнего. В 2019 г. – 25 и 8 лиц; в первые 6 месяцев 2020 г. – 7 и 5 лиц, соответственно [10]. Следует подчеркнуть, что низкий уровень не демонстрирует малозначительность существующих статей и не умаляет их характерных особенностей. Ряд исследователей считает смежными ст. 126 УК РФ и ст. 153 УК РФ, говоря о том, что ст. 126 охватывает состав ст. 153 УК РФ, и может быть исключена, а также обосновывают невостребованность ст. 153 УК РФ практикой. Сложно согласиться с такой позицией, так как при подмене вместо «украденного» ребенка оставляют другого, а при похищении «замены» не оставляют. В то же время значимым и сложным остается вопрос о взаимном обмене детьми, когда родители договариваются о подмене детей. В в таком случае нецелесообразно применять положения ст. 153 УК РФ, т.к. такая сделка обладает признаками добровольности, взаимности, но законодательством запрещена торговля и передача людей, а, значит, такие действия соответствуют ст. 127.1 УК РФ.

На протяжении долгого времени отмечается проблема того, что лица, ранее совершившие преступления, зачастую ставятся «на учет» исключительно формально, что ставит под угрозу большое количество несовершеннолетних. Так, еще в 2009 г. СК РФ) отмечался ряд преступлений (например, в отношении Е. Табакова в Ногинске), которые были совершены в отношении детей лицами, что ранее были осуждены за преступные деяния [11]. Наиболее часто насильственные действия совершаются теми лицами, которые уже несли ответственность за половые преступления, что также подчеркивается ранее приведенными медицинскими данными. В этом специалисты медицинского и юридического профиля единогласны в своем мнении.

По мнению правоохранителей, недостаточный уровень контроля, в т.ч. со стороны участковых полицейских, халатное отношение, приводят к последствиям подобного характера. Учет таких позиций позволяет более эффективно формировать план по разработке профилактических мер. Важным вытекающим направлением криминалистической деятельности становится изобличение совершеннолетних лиц, которые вовлекают несовершеннолетних в совершение преступных деяний.

Считаем также, что одним из наиболее негативных аспектов в данном вопросе является даже не столько система контроля, сколько система реабилитации заключенных после их выхода из тюрьмы, так как большинство лиц, которые провели «за решеткой» длительный срок, по сути, выходят в «новую страну», что зачастую делает их весьма дезадаптированными, а это, в свою очередь, толкает их на совершение нового преступления (например, кража еды, вещей, ограбление людей).

Интересным представляется для изучения и рассмотрения опыт зарубежных стран, в том числе в КНР, где действует закон «О предупреждении совершения преступлений несовершеннолетними», что определяет ответственность за совершение преступлений в области совершения преступлений несовершеннолетними. Опыт Китая приводится как один из положительных по данным Национального бюро статистики (NBS), что обосновывается в большей степени достаточно «жесткой» политикой государства и его государственным устройством. В Китае действует достаточно эффективная система «социального рейтинга». Она предполагает наличие рейтинга, который снижается и повышается в зависимости от совершаемых поступков, а также позволяет получать скидки, льготы и иные преференции со стороны государственных структур, а в случае его негативного спада такое лицо может быть даже уволено с работы или не принято на обучение в высшее учебное заведение. Частично аналогичная система действует в РФ, например, когда в случае нарушения норм законодательства лицо теряет право занимать какие-либо госдолжности.

На основании вышеизложенного хотелось бы отметить, что к основным «детерминантам» осуществления преступлений несовершеннолетними, которые вызваны вовлечением со стороны совершеннолетних лиц, могут стать негативные аспекты воспитания, отсутствие организации досуга, отсутствие материальных средств, психологическая отстраненность родителей. Нами был отмечен рост преступности в отношении несовершеннолетних лиц, что, с одной стороны, может быть связано с повышением внимания к данной теме, а также более «вовлеченным» типом воспитания со стороны родителей, но, с другой стороны, ущербностью существующего законодательства, несмотря на высокий уровень его проработки.

Существующая ситуация связана не только с недостатками законодательства. В правовой ситуации с совершением преступлений в Интернет отмечается недостаточность подготовленности IT-специалистов и прогрессивных технологий в отдельных оперативно-разыскных подразделениях. Видится перспективной своевременная блокировка ресурсов, способствующих беспрепятственного распространения запрещенных веществ или порноматериалов. Эта проблема, ввиду ее высокой криминальной организованности, требует воздействия со стороны международных органов, обеспечивающих защиту детей, а также взаимодействия национальных государственных органов, избобличающих преступные организации. Можно отметить тесную взаимосвязь подавляющего числа преступных деяний (их смежный характер), таких как незаконная миграция, вовлечение в террористические организации, распространение наркотических веществ, торговля людьми. Это говорит о необходимости комплексной проработки существующих уголовно-правовых норм.

Список литературы:

1. Женевская декларация прав ребенка 1924 г. (принята 26 ноября 1924 г. Лигой Наций, г. Женева) // Humanium. – URL: <https://www.humanium.org/en/text-2/> (дата обращения: 29.05.2024).
2. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // Собрание законодательства РФ, 27.11.2023, № 48, ст. 8560.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс»
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
5. Мамиконян О. За последний год в России совершено более 100 000 преступлений против детей // Forbes. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/501161-za-poslednij-god-v-rossii-soverseno-bolee-100-000-prestuplenij-protiv-detej> (дата обращения: 29.05.2024).
6. Штурма Я. Насилие в изоляции: как пандемия поставила детей под угрозу // Газета.ру. URL:

<https://www.gazeta.ru/social/2020/09/08/13240994.shtml> (дата обращения: 29.05.2024).

7. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.12.2023) // Собрание законодательства РФ, 13.01.1997, № 2, ст. 198.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024, с изм. от 24.05.2024) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.

9. Сокол, Е.В. Особенности личности несовершеннолетнего, вовлеченного в совершение преступления. Журнал «Вестник Краснодарского университета МВД России». 2009. // [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lichnosti-nesovershennoletnego-vovlechenного-v-sovershenie-prestupleniya> (дата обращения: 30.05.2024).

10. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Раздел «Данные судебной статистики» // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (Дата обращения: 26.05.2024)

11. Заявление Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации: всплеск преступлений против детей вызывает озабоченность // Право.RU. URL: <https://pravo.ru/news/view/10120/> (

Ryabchenko A. G., Iritsyan V. B. Specificity of crimes against children: comparative aspects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 480–487.

In this scientific article, we have considered the features and specifics of certain types of crimes against minors. An analysis of statistical data was carried out, which allows us to make a disappointing forecast about the growth of crime in the area under consideration, but it was also noted that the increase may also be caused by the fact that the legislator and those raising children began to pay more attention to their mental well-being, and this, in turn, led to increased trust on the part of victims violence and other criminal acts against children who began to disclose the details of what had been committed. We also examined the legislative sources of foreign countries for the possibility of borrowing positive aspects. In addition, recommendations were developed regarding the further formation of legislation and the production of investigative and other operational actions in the investigation of crimes against children.

Keywords: motherhood and childhood, minors, online crime, crimes against minors.

Spisok literatury:

1. Zhenevskaya deklaraciya prav rebenka 1924 g. (prinyata 26 noyabrya 1924 g. Ligoj Nacii, g. Zheneva) // Humanium. – URL: <https://www.humanium.org/en/text-2/> (data obrashcheniya: 29.05.2024).

2. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 22.11.2023 № 875 «O provedenii v Rossijskoj Federacii Goda sem'i» // Sbranie zakonodatel'stva RF, 27.11.2023, № 48, st. 8560.

3. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // SPS «Konsul'tantPlyus» (

4. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 06.04.2024) // Sbranie zakonodatel'stva RF, 17.06.1996, № 25, st. 2954.

5. Mamikonyan O. Za poslednij god v Rossii soversheno bolee 100 000 prestuplenij protiv detej // Forbes. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/501161-za-poslednij-god-v-rossii-soverseno-bolee-100-000-prestuplenij-protiv-detey> (data obrashcheniya: 29.05.2024).

6. Shturma Ya. Nasilie v izolyacii: kak pandemiya postavila detej pod ugrozu // Gazeta.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/09/08/13240994.shtml> (data obrashcheniya: 29.05.2024).

7. Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 08.01.1997 № 1-FZ (red. ot 24.06.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s 11.12.2023) // Sbranie zakonodatel'stva RF, 13.01.1997, № 2, st. 198.

8. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 22.04.2024, s izm. ot 24.05.2024) // Sbranie zakonodatel'stva RF, 07.01.2002, № 1 (ch. 1), st. 1.

9. Sokol, E.V. Osobennosti lichnosti nesovershennoletnego, vovlechenного v sovershenie prestupleniya. Zhurnal «Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii». 2009. // [Elektronnyj resurs]: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lichnosti-nesovershennoletnego-vovlechenного-v-sovershenie-prestupleniya> (data obrashcheniya: 30.05.2024).

10. Sajt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF. Razdel «Dannye sudebnoj statistiki» // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (Data obrashcheniya: 26.05.2024)

11. Zayavlenie Sledstvennogo komiteta pri prokureture Rossijskoj Federacii:vsplesk prestuplenij protiv detej vyzyvaet ozaobchennost' // Pravo.RU. URL: <https://pravo.ru/news/view/10120/>

УДК: 343

**ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ И БЕЗОПАСНОСТЬ – ДОМИНАНТЫ
НОВОГО МИРОПОРЯДКА: ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ. УГОЛОВНО-
ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Семёнова И. В.

Санкт–Петербургский ордена Жукова институт войск национальной гвардии

Безопасность цифровой информации непосредственно связана с безопасностью цифровой сети передачи информации. В России активно внедряются цифровые технологии для обмена данными в предприятиях различного масштаба и госорганах, что способствует улучшению связи и её защиты. Вопросы защиты таких систем от киберпреступлений регулируются национальными и международными институтами, в зависимости от их компетенции и области действия. В статье автором анализируется законодательство, регулирующее отдельные аспекты правового закрепления и научного толкования цифровой информации, способов ее передачи.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, цифровая информация, цифровая система передачи, безопасность, преступное посягательство, владелец, должностное лицо, доступ к информации, способы защиты.

Всемирная паутина Интернета создала предпосылки для создания всемирного единого информационного пространства – единой глобальной цифровой экосистемы. В процессе развития в данном направлении всех стран, появилось недоверие, что послужило катализатором в формировании цифрового суверенитета, который позволяет государству осуществлять контроль цифровой среды, включая контроль поставок и использования всей цепочки поставок от данных до аппаратного и программного обеспечения. Внедрение в ПО технические устройства шпионских программ недружественными государствами, позволяющие отслеживать перемещение, прослушивать и просматривать деятельность наших граждан, формирует тенденцию к усилению цифрового суверенитета, начиная от критически важных цифровых компонентов, таких как компьютерные чипы вплоть до контроля над международным потоком данных граждан. Эти события приводят к фрагментации рынков высоких технологий. Дальнейшее развитие цифровой трансформации, отмечается на государственном уровне, представляет угрозу не только для информации, но и личности, обществу и государству в целом [1].

Цифровой суверенитет позволяет государству выступать в качестве конечного хранителя всей цифровой информации, поступающей в страну или покидающей ее, а также управляющего всеми информационными потоками внутри страны. Формирующийся авторитарный режим построения цифрового суверенитета также является приоритетом национальной безопасности, связывая свободное перемещение информации с глобальными проблемами, в том числе с проблемами в сфере безопасности, неприкосновенности частной жизни, материального благополучия. При этом поощряя меры, направленные на защиту прав человека, во имя национальных интересов и сохраняя важные политико-экономические и идеологические основы самоопределения, несмотря на устойчивую глобальную цифровую конвергенцию.

В сфере цифровых коммуникаций в современности актуализируется вопрос защиты информации. Расширение сети Интернет и прогресс в области цифровых инноваций усиливают потребности в правовых нормах и технологических решениях

для обеспечения приватности и надежности обмена данными. С начала XXI в. Россия активно применяет последние достижения в области цифровой коммуникации. Этот процесс способствовал усилению взаимодействия между гражданами и улучшению уровня защиты данных для частных и корпоративных пользователей. Распространение цифровых технологий охватывает различные секторы страны, способствуя повышению эффективности и надежности информационного обмена.

В цифровом пространстве существуют 4 основных характеристики, которые отличаются внушительными масштабами и объемами: это возможности хранения информации, быстрота её поиска и идентификации, а также дистанция и скорость, с которой данные и знания передаются и распространяются [2]. Обсуждая защиту данных в интернете, нельзя игнорировать безопасность сетевых каналов, ведь преступления могут быть осуществлены с использованием информационных технологий или же сама информация может стать целью атаки [3, с. 160]. Инструменты и системы для сбора данных, их хранения, обработки и распространения настолько взаимозависимы, что их разделение на разные классы не требуется. Они объединены в единый комплекс инфо- и телекоммуникационных технологий [4, с. 52].

Не только владелец информации может распоряжаться ею. Государственные структуры, в рамках своих полномочий, также имеют доступ к электронным данным для следственных действий в рамках уголовного расследования. Определенные частные организации могут получить право работать с такими данными после одобрения со стороны властей для выполнения услуг или научных работ. Необходимо помнить, что закон может устанавливать особые полномочия для сотрудников правоохранительных органов, касающиеся входа в электронные сети и работы с информацией в них. Правила доступа к подобным системам, будь то открытый или ограниченный доступ, должны быть четко прописаны и закреплены на уровне законодательства [5, с. 111]. Наиболее распространенный тип цифровой информации известен как двоичные данные, которые состоят из единиц (1) и нулей (0).

Развитие цифровых систем передачи информации в России имеет множество преимуществ. Эти технологии не только позволяют ускорить обмен информацией между людьми и организациями, но и обеспечивают дополнительный уровень безопасности от несанкционированного доступа к конфиденциальным данным. Кроме того, эти системы позволяют более точно отслеживать активы, что помогает сократить потери, обеспечивая надлежащее управление ресурсами и их эффективное использование. Наконец, они помогают повысить эффективность работы, позволяя автоматизировать сложные задачи, практически не требуя вмешательства человека.

Цифровое шифрование и технологические средства мониторинга, такие как видеокамеры и распознавание лиц, ключевые для защиты от хакеров и преступников. Они помогают правоохранителям следить за порядком в своей юрисдикции. Шифрование данных обеспечивает их безопасность при передаче по Интернету и другим сетям. Эти системы защиты необходимы для передачи информации на расстояние.

В защите своих цифровых данных заинтересованы различные организации. Такая задача ставится перед специализирующимися на этом ведомствами, а первоначальными вопросами безопасности – Интерпол и Всемирный банк, разрабатывая стандарты и правила предотвращения неавторизованного доступа к информации, применяя при этом систему шифрования [6], в том числе применяя механизмы аутентификации [7, с. 15].

Системы передачи цифровой информации состоят из различных элементов, включая аппаратные компоненты, протоколы, алгоритмы и методы аутентификации, средства мониторинга активности в сетевой инфраструктуре. Они могут состоять из набора аппаратных и программных компонентов, работающие синхронно и служат для передачи, хранения и приема цифровых данных. Эти элементы состоят из компьютеров, модемов, терминалов, коммутаторов, кабелей и других сетевых устройств. Цифровые технологии включают в себя различные сети, в том числе спутниковую связь, для подключения к сети, системы камер наблюдения. Также к ним относятся децентрализованные хранилища для защищенного сохранения данных, VPN для надежного взаимодействия между компьютерами на расстоянии; облачные сервисы, предлагающие мощности для обработки информации через интернет. Преступные действия направлены на осуществление атак на цифровые системы передачи информации существуют с момента появления последних, цель которых заключается в получении доступа к конфиденциальным данным, без ведома и согласия собственника. Распространенные методы совершения преступлений включают в себя: тактику социальной инженерии, например, фишинговые письма, содержащие вредоносные вложения, которые рассылаются большому количеству пользователей в надежде обманом заставить их загрузить вредоносное ПО на свой компьютер; атаки типа «отказ в обслуживании», когда несколько запросов делаются одновременно, так что сервер, на котором расположен сайт, становится перегруженным и не может обработать их все, что приводит к сбою; атаки типа «человек посередине», когда злоумышленник перехватывает сообщения, передаваемые двумя легитимными пользователями, изменяя содержимое, которым они обмениваются, при этом создавая видимость нормального общения между двумя сторонами.

В работе авторов Ю. Н. Жданова, С. К. Кузнецова и В. С. Овчинского анализируются типы киберпреступлений, методы их осуществления, а также меры борьбы с ними. Отдельное внимание уделено аспектам международного взаимодействия в борьбе с киберпреступностью [8]. Представляется, что важность разработки защищенной системы для пересылки цифровой информации, остается актуальной по настоящее время. Превентивными мерами по защите информации являются проверка подлинности пользователей, шифрование данных перед их передачей в интернет, установка фаерволов для фильтрации входящего трафика, обновление ПО для исправления уязвимостей и наблюдение за сетью на предмет необычных действий.

Методы шифрования включают в себя кодирование сообщений, передаваемых по сети, таким образом, чтобы только те, кто обладает ключами, могли расшифровать их, что способствует затруднению доступ хакеров или неавторизованных пользователей к ним. Меры безопасности также могут включать процедуры аутентификации, такие как двухфакторная аутентификация, при которой пользователям требуется не только имя пользователя, но и дополнительный код, отправляемый через текстовое сообщение, прежде чем они будут допущены в сеть. В сетях всегда должны быть установлены брандмауэры, чтобы блокировать вредоносные атаки, но при этом пропускать законный трафик. Кроме того, наличие эффективной политики, информирующей сотрудников о потенциальных угрозах в организациях, убеждать сотрудников быть бдительными и уведомлять о подозрительных действиях в области IT-безопасности. Улучшение работы сети достигается за счет оптимизации передачи данных, уменьшения задержек и увеличения пропускной способности. Для

получения бесперебойной работы необходимо установить запасные системы и ПО для автоматического переключения при сбоях, при этом систематически обновлять резервные копии, чтобы в случае потери данных обеспечить быстрое восстановление сервиса. Помимо предотвращения преступной деятельности, о которой говорилось выше, наличие надежной цифровой системы передачи информации является важным для обеспечения общественной безопасности во время кризисов, стихийных бедствий, чрезвычайных ситуаций.

Наличие качественно работающей системы позволит при наступлении форс-мажорных обстоятельств, своевременно разослать уведомления населению пострадавших районов, информируя их о том, какие шаги необходимо предпринять, чтобы оставаться в безопасности вовремя ситуации, а также предоставлять информацию о самой ситуации, тем самым минимизируя потери, материальный ущерб, нанесенный региону, пострадавшему от инцидента. Важность наличия надежного способа связи между организациями нельзя недооценивать в наше время, особенно учитывая текущее состояние межконтинентального взаимодействия в современном мире, где кибератаки становятся все более частыми и изощренными с каждым годом.

В связи с этим необходимо уделять пристальное внимание разработке безопасного надежного способа передачи информации в цифровом формате организациями, чтобы убедиться, что граждане страны остаются в безопасности все время, независимо от территориально нахождения человека. К нормативной правовой базе, регулирующей использование и меры безопасности, связанные с цифровыми системами передачи информации, отнесем Доктрину информационной безопасности РФ, которая определяет составляющую по обеспечению национальной безопасности в информационной сфере [9]; ФЗ № 152-ФЗ об информационных технологиях, определяющий пользователям, участвующих в обработке электронных документов, соблюдения определенных требований в отношении возможностей шифрования, используемые для защиты информации, и определяет меры технической защиты, при передаче по сети конфиденциальной личной или корпоративной информации [10].

ФЗ №149-ФЗ о защите от несанкционированного доступа, который обязывает всех пользователей, участвующих в обработке электронных документов на территории РФ. Применение алгоритмов криптографии для надежной передачи данных, предписывается законом ФЗ №152, устанавливает основные принципы обеспечения безопасности информационных систем и компьютерного оборудования от неавторизованных действий. Закон, определяющий принципы, на основе которых строится защита цифровой информации [12]. Приказ №472 Минсвязи и массовых коммуникаций РФ, устанавливающий дополнительные требования к аутентификации пользователей при доступе к сетям с использованием компьютера, подключенного напрямую через кабельные соединения [13], в т.ч. определяя порядок безопасного хранения паролей, чтобы не могли быть доступны третьи лица без разрешения и другие, но, настоящее время законодательное регулирование этого вопроса, недостаточна во многих областях. Основная сложность регулирования связана с неспособностью законов адекватно регулировать тонкости работы цифровых коммуникаций. Нередко законодательные акты нечетки и обобщенные, что мешает защите пользователей от атак киберпреступников, эксплуатирующих системные уязвимости. К тому же, законы редко определяют алгоритм действий компаниям по обработке и защите персональных данных клиентов.

Существующее правовое регулирование в сфере цифровой передачи информации не в полной мере может адекватно отражать технологический прогресс и возникающие в связи с этим новые виды рисков для пользователей. Необходима своевременная адаптация законов так, чтобы они предвосхищали потенциальные угрозы, связанные с инновациями в области ИТ. Законы должны регулярно обновляться по мере появления новых технологий. Есть и пробелы, существующие в системе правоприменения, когда речь идет о существующих законах, касающихся систем передачи данных. Без надлежащего исполнения этих законов субъекты могут чувствовать себя менее заинтересованными или мотивированными следовать им, что может привести к дальнейшим проблемам безопасности. В целом, несмотря на некоторые попытки обеспечить законодательную поддержку безопасности цифровых систем передачи данных, необходимо сделать гораздо больше для того, чтобы конфиденциальность и безопасность были действительно защищены в сети. Важно, чтобы законодатели признали эту необходимость и работали над созданием более комплексные правила, которые будут соответствовать развивающимся технологиям и возникающим угрозам, чтобы не оставлять пользователей уязвимыми при использовании этих услуг в Интернете.

Представляется, что цифровую безопасность следует отождествлять с информатизацией. Национальная безопасность не может существовать без кибербезопасности, а без информатизации нет модернизации общества и государства. Развитие цифровой безопасности – это не только вопрос суверенитета, но и контроля над информацией и людьми. Работа с общественным мнением в сети должна быть важнейшей задачей пропаганды и идеологической работы с обществом.

Список литературы:

1. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 29.04.2023) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество"» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (часть II), ст. 2159.
2. Ракитов А.И. Человек в оцифрованном мире / А.И. Ракитов // Философские науки. 2016. № 6. С. 32-46.
3. Семенова И. В. Цифровая информация как предмет посягательства преступлений в сфере компьютерной информации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8, № 4. – С. 158-165.
4. Аносов А. В. Некоторые аспекты понятийного аппарата цифровой криминологии / А. В. Аносов // Цифровая трансформация системы МВД России: Сборник научных статей по материалам Международного форума. В 2-х частях, Москва, 20 октября 2022 года / под редакцией И.Г. Чистобородова. Том Часть 1. – Москва: Академия управления МВД Российской Федерации, –2022. – С. 48-55.
5. Першин А. Н. Цифровые права лиц, осуществляющих предварительное расследование // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2021. – №2 (78). – С 108-115.
6. Васильева И. Н. Криптографические методы защиты информации: учебник и практикум для вузов / И. Н. Васильева. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. –349 с.
7. Викторов А. С. Механизм аутентификации и авторизации для обеспечения безопасности периферийного сервиса // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. – 2018. – № 5(45). – С. 15.
8. Жданов Ю. Н. Кибермафия. Мировые тенденции и международное противодействие: монография / Ю. Н. Жданов, С. К. Кузнецов, В. С. Овчинский; вступ. Ст. О. В. Храмова. – М.: Норма, 2022. – 182 с.
9. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. г. № 50 ст. 7074.
10. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собр. законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.), ст. 3448.
11. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.), ст. 3451.
12. Руководящий документ. Решение председателя Госстанкомиссии России от 30 марта 1992 г. // URL.: <https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/spetsialnye-normativnye-dokumenty/rukovodyashchij-dokument-ot-30-marta-1992-g>.

13. Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 14.09.2020 № 472 «Об утверждении Формата электронной подписи, обязательного для реализации всеми средствами электронной подписи» // URL.: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010290040>.

Semenova I.V. Digital sovereignty and security dominants of the new world order: individual questions. Criminal-legal aspect // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 488–493.

Based on the analysis, the author comes to the conclusion that the security of digital information is directly related to the security of the digital information transmission network. Digital information transmission systems are being implemented throughout Russia, from small businesses to large government agencies, to ensure the security, efficiency and reliability of communications. Speaking about the security of digital information, it is impossible to ignore the security of the digital transmission system of such information, since crimes can be committed both with the help of the information sphere, an element of which is the digital system. The security of digital information transmission systems is controlled by various organizations both at the national and international level, depending on their jurisdiction and sphere of activity. In the article, the author analyzes the legislation regulating certain aspects of the legal consolidation and scientific interpretation of digital information, methods of its transmission.

Keywords: digital sovereignty, digital information, digital transmission system, security, criminal encroachment, owner, official, access to information, methods of protection.

Spisok literatury:

1. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 313 (red. ot 29.04.2023) «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy` Rossijskoj Federacii "Informacionnoe obshchestvo"» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2014. № 18 (chast' II), st. 2159.
2. Rakitov A. I. Chelovek v ocifrovannom mire/A.I. Rakitov // Filosofskie nauki. – 2016. – № 6. – S. 32-46.
3. Semenova I. V. Cifrovaya informaciya kak predmet posyagatel'stva prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii // Ucheny`e zapiski Kry mskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2022. – Т. 8, № 4. – S. 158-165.
4. Anosov A. V. Nekotory`e aspekty` ponyatijnogo apparata cifrovoj kriminologii // Cifrovaya transformaciya sistemy` MVD Rossii: Sbornik nauchnyx statej po materialam Mezhdunarodnogo foruma. V 2-x ch., М., 20.10.2022 / pod red. I.G. Chistoborodova. Т. 1. – М.: Akademiya upravleniya MVD RF, 2022. – S. 48-55.
5. Pershin A. N. Cifrovyy`e prava licz, osushhestvlyayushhix predvaritel'noe rassledovanie // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2021. №2 (78). – S 108-115.
6. Vasil'eva I. N. Kriptograficheskie metody` zashhity` informacii: uchebnik i praktikum dlya vuzov / I. N. Vasil'eva. Moskva: Izdatel'stvo Yurajt, 2023. 349 s.
7. Viktorov A. S. Mexanizm autentifikacii i avtorizacii dlya obespecheniya bezopasnosti periferijnogo servisa/Informacionno-e`konomicheskie aspekty standartizacii i texnicheskogo regulirovaniya. 2018.№5(45).S. 15.
8. Zhdanov Yu. N. Kibermafija. Mirovy`e tendencii i mezhdunarodnoe protivodejstvie: monografiya / Yu. N. Zhdanov, S. K. Kuznecov, B. S. Ovchinskij; vstu. Stat. O. V. Xramova. Moskva: Norma, 2022. – 182 s.
9. Ukaz Prezidenta RF ot 5 dekabrya 2016 g. № 646 «Ob utverzhdenii Doktriny` informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» //Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2016. g. № 50 st. 7074.
10. Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ (red. ot 29.12.2022) «Ob informacii, informacionny`x texnologiyax i o zashhite informacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2006. № 31 (1 ch.), st. 3448.
11. Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ (red. ot 06.02.2023) «O personal'ny`x dannyx`» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2006. № 31 (1 ch.), st. 3451.
12. Rukovodyashhij dokument. Reshenie predsedatelya Gostexkomissii Rossii ot 30 marta 1992 g. // URL.: <https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/spetsialnye-normativnye-dokumenty/rukovodyashchij-dokument-ot-30-marta-1992-g>.
13. Prikaz Ministerstva cifrovogo razvitiya, svyazi i massovy`x kommunikacij Rossijskoj Federacii ot 14.09.2020 № 472 «Ob utverzhdenii Formata e`lektronnoj podpisi, obyazatel'nogo dlya realizacii vsemi sredstvami e`lektronnoj podpisi» // URL.: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010290040>.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 494-498.

УДК 34.09

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСОБЕННОСТЕЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

Степанян А. В.

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний

Статья исследует особенности правового регулирования процесса ресоциализации осуждённых, с основным акцентом на осужденных впервые. В статье проводится анализ нормативно-правовой базы, регулирующей процесс социальной адаптации осужденных, а также основные этапы и механизмы проведения работы по ресоциализации и социальной реабилитации осужденных в исправительных учреждениях, сущность и значение института пробации в РФ. На примере пенитенциарной и исполнительной пробации рассмотрен механизм исполнения пробации и её роль в ресоциализации, социальной адаптации и ресоциализации осужденных. Приведены конкретные примеры оказания содействия в ресоциализации сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций и исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы. В статье проведен анализ международных норм права, регламентирующих применение пробации и международного опыта в данной сфере. Сформулировано понятие пробации, её значения в оказании содействия в ресоциализации осужденным как к лишению свободы, так и к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденных от общества, выявлена тенденция развития российского общества и общие черты его менталитета с нормами международного общества.

Ключевые слова: ресоциализация, осужденные мужского пола, места лишения свободы, впервые отбывающие наказание, социальная реабилитация, социализация, рецидив преступлений.

Создание эффективной и законодательно обоснованной системы ресоциализации осужденных является необходимой, с целью обеспечения безопасности в исправительных учреждениях. Качественная подготовка осужденных к освобождению из исправительного учреждения и создание условий для их успешного возвращения в общество способствуют значительному снижению уровня рецидива.

Для лиц отбывающих наказание в местах лишения свободы пенитенциарные учреждения становятся домом, в котором они сталкиваются с выбором между свободной жизнью в рамках закона или жизнью вне закона, испытывая на прочность уголовно-исполнительную систему. Лица, которые не проходят службу в уголовно-исполнительной системе (далее - УИС) и ранее не знакомые с ней, представляют ее как что-то неизведанно-плохое, страшное, как если попасть на войну или в пучину стихийных бедствий. Основная масса людей привыкла жить спокойно, не переступая черту закона, у каждого есть страх оказаться в местах лишения свободы ведь за стенами исправительного учреждения они не могут себя реализовать. Когда случается так, что гражданин попадает в исправительное учреждение и он понимает, что недостаточно обладает знаниями о правилах внутреннего распорядка дня, тюремной субкультуре, жизни в исправительном учреждении в целом, ведь для многих людей нахождение в местах отбывания наказания сильно влияет на психику и на дальнейшее поведение человека, исходя из всего вышеперечисленного он не может решить возникающие проблемы и преодолевать сложности, связанные с ним (согласно статистике за последние 5 лет, граждан впервые осужденных стало на 26% меньше) [0]. Нахождение в условиях социальной изоляции носит временный характер и предполагает возвращение лица, отбывшего наказание, в нормальную социальную среду с последующей адаптацией к жизни «на воле» [0, с. 4- 5].

Таким образом, осужденные к лишению свободы проходят адаптацию в трёх относительно самостоятельных, но тем не менее взаимосвязанных и взаимообусловленных этапах, а именно: первичная адаптация к условиям исправительного учреждения; ресоциализация в исправительном учреждении; постпенитенциарная ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация. На этапе поступления осужденного в исправительное учреждение происходит его знакомство с правилами внутреннего распорядка, другими осужденными, порядками и обычаями исправительного учреждения, с правами и обязанностями осужденного. Важно проинформировать вновь прибывшего (особенно тех, кто осужден впервые) об опасностях, типичных проблемах и вызовах, которые могут стоять перед осужденным. Достаточно значимым является дифференциация осужденных, поскольку как известно из практики прошлых лет для осужденных имеет значение ст. УК РФ, согласно которой человек отбывает наказание, так как за некоторые группы преступлений уважение к человеку среди других осужденных может как повыситься, так и понизиться, в связи с чем могут возникнуть различные последствия. При этом необходимо помнить, что существует 2 нормативные системы – официальное пенитенциарное право и теневое «криминальное» право – которые влияют на формирование «тюремных отношений» [0, с. 6–7]. В первом случае воздействие на осужденных оказывается администрацией исправительного учреждения, во втором – спецконтингент, содержащийся в нем.

Т.е., осужденный, попавший в исправительное учреждение впервые, проходит через процесс социальной деформации. Условия, в которых находится спецконтингент, имеют негативное влияние на индивида, что затрудняет его ресоциализацию в обществе после отбытия срока лишения свободы. Чаще всего это связано именно с изоляцией лица от общества, его попаданием в криминально зараженную среду.

В связи с этим в России был принят закон от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [0], цель которого - создание условий для социальной адаптации осужденных, что отбыли срок лишения свободы. Пробация представляет собой систему внешнего контроля и соцподдержки осужденных по освобождению, включает меры ресоциализации, в т.ч. помощь в трудоустройстве, образовании, медицинской и психологической поддержке, содействие восстановлению прав и интересов осужденного в обществе. Цель пробации - минимизация риска рецидива преступлений и успешное возвращение осужденных в общество.

Сегодня ФСИН России, а также уголовно-исполнительное законодательство являются институтами государственной власти в России, осуществляющие функцию исполнения наказаний. Целью пенитенциарной системы, по концепции развития УИС до 2030 г. [0] – исправление осужденных, их ресоциализация и способствование к социальной адаптации. Это означает, что пенитенциарная система в РФ преследует не только наказание за совершенные преступления, но и реабилитацию осужденных, помощь им в возвращении в общество. В основе этой системы лежит философия, по которой осужденные, отклонившиеся от общепризнанных норм, не являются неизлечимыми и могут изменить свое поведение, поскольку в привычном понимании на лице, отбывшем наказание в виде лишения свободы, как правило, «ставится крест» во многих аспектах.

Указанный ФЗ хоть и был принят в феврале 2023 г., однако вступил в силу лишь с 01.01.2024 г. Он имеет достаточно интересную структуру, согласно которой про-

бация осуществляется в несколько этапов. Как указано, часть положений вступает в силу с 2024 г., они и включают в себя первый, ознакомительный этап, на котором происходит повышение квалификации сотрудников УИС, ознакомление осужденных с нововведениями, правами и обязанностями осужденных, знакомство работников УИС с новыми нормативно-правовыми актами (ряд имеющихся ранее приказов и инструкций утратили силу в связи с ФЗ «о пробации в РФ»). На данном этапе активно апробируется исполнительная пробация. Второй этап начинается со вступления в законную силу 5, 6 и 7 гл. ФЗ с 01.01.2025 г. На данном этапе планируется полное внедрение института пробации в пенитенциарную систему, исполнение постпенитенциарной пробации. Указанным законом определяются цели, задачи и принципы пробации, правовое положение лиц, в отношении которых применяется пробация, направления деятельности и полномочия субъектов пробации в РФ.

Пробация – это альтернативный вид наказания, который предполагает назначение осужденному определенного набора условий для исполнения в течение периода времени вместо того, чтобы отправлять его в тюрьму. Осужденный остается на свободе, но находится под постоянным наблюдением и контролем со стороны специалистов. Пробация является одной из эффективных мер по предотвращению рецидивности преступлений и реинтеграции осужденных в общество [0, с. 3-4]. Другими словами, в России постепенно реализуется концепция правосудия, которая предполагает использование альтернативных мер наказания для совершивших правонарушения. Эти меры могут включать в себя обязательные консультации и программы реабилитации, общественные работы, вместо тюремного заключения. Целью пробации является не только наказание за совершенное преступление, но и реабилитация преступника и предотвращение его дальнейшей рецидивной деятельности.

Основные положения закона вступают в силу в 2024 г., тогда как некоторые разделы (гл. 5, 6, 7 и тд.) вступают в силу в 2025 г. Это означает, что внедрение института пробации в РФ планируется постепенное, поэтапно включая в нормы закона принятые предписания. В 2025 г. вступит в силу гл. 5. «Постпенитенциарная пробация». В ней предусмотрена деятельность субъектов пробации в отношении лиц, к которым применяется пробация, после истечения сроков отбывания наказания.

Принцип гуманизма прописан в концепции развития УИС до 2030 г. и, можно сказать, что Российская пенитенциарная система идет по пути гуманизации [0, с. 3-4]. Данное направление актуализируется нормами законодательства и применяемых к лицам наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Но вместе с тем, важно также учитывать опыт других стран, который показывает, что для повышения эффективности работы системы пробации необходимо: 1) исчерпывающие формулировки законодательных актов. Обязательная опора основ идеи пробации на опыт зарубежных государств; 2) создание программ реабилитации, антирецидивной помощи для лиц, вышедших на свободу; 3) организация профподготовки и повышения квалификации персонала, работающего в сфере пробации; 4) развитие сотрудничества с другими органами государственной власти, гражданским обществом и международными организациями в сфере пробации; 5) использование инновационных технологий и методов работы в системе пробации. Закон включает в себя все эти меры. Кроме того, важно то, что внедрение закона происходит постепенно, в контексте поэтапного реформирования, а значит, у законодателя будет время для того, чтобы в процессе реализации основ концепции совершенствовать и преобразовы-

вать уязвимые места, восполнять пробелы и добиваться большей эффективности.

Рассмотрим пример. Осужденный к обязательным работам состоит на учете в уголовно-исполнительной инспекции (далее – УИИ). С января 2024 г. в обязанности сотрудника УИИ входит также разъяснение осужденному его права на обращение с заявлением о содействии УИИ в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. В рамках данного содействия осужденному может быть оказана помощь в восстановлении или приобретении документов, поиске работы, восстановлении социальных связей (предполагает поиск родственников осужденного, с которыми у него была утрачена связь в связи с отбыванием наказания), помощь в приобретении необходимых ему вещей согласно времени года (для этого УИИ взаимодействует с различными организациями, которые принимают в дар одежду и обувь, которая стала не нужна другим гражданам. В некоторых инспекциях отведен специальный уголок (стол, шкаф), к которому люди приносят свои вещи для таких случаев. Если осужденный обращается с заявлением о содействии к своему инспектору, то он перенаправляет его к инспектору группы пробации, который в дальнейшем осуществляет с ним работу. Производится оценка индивидуальной нуждаемости, на неё отведено 30 дней, после чего в форме постановления выносится решение о целесообразности (или отказе) оказании помощи. После этого инспектор группы пробации составляет для осужденного индивидуальную программу, по которой ему необходимо выполнять меры, необходимые не только для оказания ему помощи в решении его проблемы, но и способствующие его ресоциализации в обществе. Несмотря на то, что международными положениями предусмотрено, что пробация не должна накладывать на осужденного дополнительные обязанности и обременения, всё же у него есть некая обязанность – выполнение мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой. Если осужденный дважды уклоняется от их выполнения, то выносится постановление о прекращении пробации, при этом повторно пробация не применяется, что означает невозможность повторного обращения осужденного с заявлением вне зависимости от серьезности его проблемы. Подводя итог, укажем, что ФЗ «О пробации» для РФ есть ни что иное, как показатель социального роста страны. Тот факт, что Российское общество готово к таким реформам говорит о высоком уровне правового сознания населения, о готовности реализовывать основную идею демократии – гуманизации общества. Пробация является основным показателем данного процесса, т.к. она предусматривает активные меры не только сотрудников УИС, но и общественных движений и организаций, религиозных организаций и фондов по оказанию помощи осужденным в повторной социализации в обществе. Это говорит о том, что общество готово принять осужденных и граждан с судимостью в общество, снять с них «ярлыки» и помочь стать одним целым с правопослушным населением. Применение пробации предусмотрено ко всем категориям осужденных, что также означает, что вне зависимости от тяжести совершенного преступления, осужденный может стать правопослушным членом общества.

Успешное внедрение института пробации позволит высвободить значительные человеческие и финансовые ресурсы и направить их в более нуждающиеся отрасли, поскольку гуманизация УИС предусматривает также приоритет назначения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, что позволит сократить расходы государства на содержание ИУ и их спецконтингент. Одно из ключевых позитивных последствий данного события станет гуманный и не травмирующий

человека процесс его социализации и ресоциализации. Ведь, по своей природе, осужденный за какое-либо противоправное действие человек, так или иначе является «ячейкой общества», имея равные права на полноценную жизнь среди себе подобных. И именно в тот момент, когда требуется возвращение человека в социум, на помощь приходит пробация. Субъекты пробации, обладая большим спектром полномочий, способны гарантировать создание условий для успешной «реабилитации» человека, помогая ему восстановить свой социальный статус в обществе.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Ведомости Съезда депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 2023. – № 6. – Ст. 373.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р (ред. от 27 мая 2023 г.) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 19. – ст. 2952.
3. Число заключенных уголовно-исполнительной системы в России. 13 августа 2020 г. [электронный ресурс] // URL : <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/08/13/836640-chislo-zaklyuchennih>
4. Ромашов Р.А., Арбузова С.А. Нормативно-правовые аспекты ресоциализации осужденных в современной России // Ведомости УИС. – 2014. – №6 (145). – С. 37-41.
5. Нестеров А.Ю. Пенитенциарная ресоциализация несовершеннолетних судимых: основные понятия, закономерности и правовая основа (вопросы теории и практики) // Власть. – 2018. – №6. – С. 96-103.
6. Нестеров А.Ю. Перспективы развития института службы пробации в Российской Федерации // Власть. – 2018. – №4. – С. 40-47.
7. Корниенко Г.А. Современное состояние и перспективы развития уголовно-исполнительной системы // Сборник тезисов выступлений и докладов участников III МПФ. В 8 т. – Рязань: Академия ФСИН России. – 2017. – Т. 1. – С. 9-19.

Stepanian A.V. Characteristics of the features of legal regulation of the resocialization process // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 494–498.

This article explores the features of the legal regulation of the process of re-socialization of convicts, with the main focus on convicts for the first time. The article analyzes the regulatory framework governing the process of social adaptation of convicts, as well as the main stages and mechanisms of work on re-socialization, social adaptation and social rehabilitation of convicts in correctional institutions, the essence and significance of the institute of probation in the Russian Federation. In addition, using the example of penitentiary and executive probation, the mechanism of probation execution and its role in the resocialization, social adaptation and resocialization of convicts are considered. Specific examples of assistance in re-socialization by employees of penal enforcement inspections and correctional institutions of the penal enforcement system are given. The article also analyzes the international norms of law governing the use of probation and international experience in this field. As a result of the study, the concept of probation was formulated, its significance in assisting in the re-socialization of convicts to both imprisonment and punishments unrelated to the isolation of convicts from society, and also revealed the trend of development of Russian society and the approximation of its mentality to the norms of international society.

Keywords: re-socialization, male convicts, places of deprivation of liberty, serving sentences for the first time, social rehabilitation, socialization, recidivism.

Spisok literatury:

1. Federal'nyi zakon ot 06.02.2023 № 10-FZ «O probacii v Rossiiskoi Federacii» // Vedomosti Stvvezda deputatov Rossiiskoi Federacii i Verhovnogo Soveta Rossiiskoi Federacii, 2023, no. 6, St. 373.
2. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federacii ot 29 aprelya 2021 g. № 1138-r (red. ot 27 maya 2023 g.) «O Konceptcii razvitiya ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federacii na period do 2030 goda» // Sbranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federacii, 2021, no.19, st. 2952.
3. Chislo zaklyuchennyh ugovovno-ispolnitel'noi sistemy v Rossii [The number of prisoners in the penal system in Russia]. 13 avgusta 2020 g. [electronic resource] // URL : <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/08/13/836640-chislo-zaklyuchennyh>
4. Romashov R.A., Arbuzova S.A. *Normativno-pravovye aspekty resotsializacii osuzhdennyh v sovremennoi Rossii* [Regulatory and legal aspects of the re-socialization of convicts in modern Russia] // Vedomosti UIS, 2014, no. 6 (145), pp 37-41.
5. Nesterov A.Yu. Penitenciarная resotsializaciya nesovershennoletnih sudimyh: osnovnye ponyatiya, zakonomernosti i pravovaya osnova (voprosy teorii i praktiki) [Penitentiary re-socialization of convicted minors: basic concepts, patterns and legal basis (issues of theory and practice)] // Vlast', 2018, no. 6, pp. 96-103.
6. Nesterov A.Yu. Perspektivy razvitiya instituta sluzhby probacii v Rossiiskoi Federacii [Prospects for the development of the Probation Service Institute in the Russian Federation] // Vlast', 2018, no. 4, pp. 40-47.
7. Kornienko G.A. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya ugovovno-ispolnitel'noy sistemy // Sbornik tezisov vystupleniy i dokladov uchastnikov III MPF, V 8 Vol., Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2017, Vol. 1, pp. 9-19.

УДК 343.2.343.9

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЫ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА (ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ)

Стрельников К. Н.

Краснодарский университет МВД России

В статье рассматриваются особенности внутреннего строения двух разновидностей преступного сообщества (преступной организации), а именно: 1) структурированной организованной группы; 2) объединения организованных групп. Опираясь на материалы судебной практики и научных трудов, установлено, что указанному преступному формированию, в первую очередь, свойственна более сложная внутренняя иерархия со своими вертикальными (количество уровней, задействованных в процессе управления) и горизонтальными (функциональное взаимодействие участников и структурных подразделений между собой) связями; наличие единого руководящего звена (что в первую очередь свидетельствует о большей степени структурированности и устойчивости); функционирование в составе сообщества обособленных структурных подразделений (в том числе территориально или функционально). Анализ уголовного законодательства и судебной практики показал, что особенностями внутреннего строения «структурированной организованной группы» является наличие в её составе не менее двух структурных подразделений, напротив, «объединению организованных групп» свойственна инетграция ранее самостоятельно действовавших групповых образований (в том числе территориально или функционально обособленных) в одно целое преступное формирование.

Ключевые слова: преступное сообщество (преступная организация), внутреннее иерархическое строение, структурированная организованная группа, объединение организованных групп, преступная специализация, наличие руководящего звена, вертикальные и горизонтальные уровни управления.

Исходя из судебной практики и положений уголовного закона, одним из основных признаков преступного сообщества (преступной организации) (далее – сообщество), отличающих его от других видов преступных формирований, выступает «структурированность». Указанный признак характеризуется наличием в составе сообщества взаимосвязанных между собой исполнительных и управленческих звеньев; строгим и детальным распределением преступных ролей и функциональных обязанностей; высоким уровнем внутренней дисциплины и организованности; централизацией управления и наличием иерархической внутренней структуры. Но, несмотря на различное понимание сущности указанного признака представителями уголовного права и криминологии вопросы, касающиеся установления особенностей внутренней структуры и преступных связей между различными структурными подразделениями, входящими в сообщество, по-прежнему остаются актуальными среди практических сотрудников и требуют дальнейшего изучения [1-11].

Изучая особенности внутренней структуры преступного сообщества (организации), отметим что указанное преступное формирование на сегодняшний день, может функционировать в 2-х формах: 1) как «структурированной организованной группы»; 2) как «объединения организованных групп». Обязательным в обеих формах выступает: 1) наличие единого руководящего звена; 2) преследование участниками сообщества специальной цели, указанной в ч. 4 ст. 35 УК РФ [12]. На наш взгляд, выделение законодателем 2-х разновидностей сообщества выступает необходимым критерием определения способа создания указанного группового формирования и его внутреннего иерархического строения.

Рассматривая сущность первой разновидности, отметим, что п. 3 постановления Пленума ВС от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел

об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» (далее – постановление Пленума Верховного Суда от 10.06.2010 г. № 12) закрепляет, что «структурированная организованная группа» характеризуется: 1) наличием подразделений (подгрупп, звеньев и т.п.); 2) стабильностью состава; 3) согласованностью действий участников сообщества [13].

Анализ уголовного законодательства и судебной практики показал, что особенностями внутреннего строения структурированной организованной группы выступает наличие в её составе не менее 2-х структурных подразделений, которые осуществляют деятельность под единым руководством, и их преступная работа находится в непосредственной причинной связи с преступной направленностью самого сообщества. Около 60 % преступных сообществ создаются, функционируют и осуществляют свою преступную деятельность в качестве «структурированной организованной группы», в составе не менее 2-х самостоятельно действующих структурных подразделений [14]. Признаками «структурного подразделения» преступного сообщества (организации) исходя из п. 4 постановления Пленума ВС от 10.06.2010 № 12 выступают: 1) функциональная и территориальная обособленность; 2) наличие в составе группы 2-х и более лиц (в т.ч. руководитель); 3) осуществление в рамках и в соответствии с целями сообщества преступной деятельности [13].

Согласно приговору Ленинского районного суда г. Смоленска № 1-109/2018 от 19.09.2018 Созданное подсудимой Рыбаковой Н.А. преступное сообщество, с целью извлечения прибыли, путем осуществления незаконной банковской деятельности на территории г. Смоленска, г. Санкт-Петербурга, г. Москвы и Московской обл., г. Архангельска, г. Пскова, г. В.Новгород [15], характеризовалось наличием следующей внутренней структуры: **1.** Руководитель «нелегального банка» – лицо, выполняющее следующие функциональные обязанности: 1) поиск, найм и оплата помещений, используемых как офисы «нелегальных расчетно-кассовых центров», а также работников и управляющих в указанные центры; 2) приискание будущих «клиентов» «нелегального банка», а именно юридических лиц, заинтересованных в проведении различных банковских операций в обход официальных банковских структур и государственного финансового контроля со стороны Росфинмониторинга, за вознаграждение в виде определённого %; 3) приискание лиц («дропов»), согласных за материальное вознаграждение выступать в качестве номинальных учредителей и руководителей (подставных лиц) юридических организаций. **2.** Структурное подразделение сообщества №1, осуществляющее нелегальные расчетно-кассовые операции на территории г. Смоленска. **3.** Структурное подразделение №2, осуществляющее нелегальные расчетно-кассовые операции на территории г. Санкт-Петербурга. **4.** Структурное подразделение №3, осуществляющее нелегальные расчетно-кассовые операции в г. Москвы и области. **5.** Структурное подразделение сообщества №4, осуществляющее нелегальные расчетно-кассовые операции на территории г. Архангельска. **6.** Структурное подразделение №5, осуществляющее нелегальные расчетно-кассовые операции на территории г. Пскова. **7.** Структурное подразделение сообщества №6, осуществляющее преступную деятельность на территории г. В.Новгород.

Эти подразделения осуществляли следующие функциональные обязанности в сообществе: 1) поиск «клиентов», заинтересованных в «обналичивании» или транзите денежных средств, заключение с ними мнимых сделок без цели создания соответствующих им правовых последствий в виде движения товаров (работ,

услуг); 2) получение от «клиентов» средств на расчетные счета организаций, подконтрольных соучастникам преступления, под видом расчетов по мнимым сделкам, путем использования поддельных платежных документов, перечисление безналичных средств на необходимый счет; 3) «обналичивание» поступивших средств через расчетные счета фирм, подконтрольных участникам организованной группы и передача их «клиентам»; 4) удержание вознаграждения «нелегальным расчетно-кассовым центром» в виде % от суммы «обналиченных» средств.

8. «Нелегальные расчетно-кассовые центры» (офисы «нелегального банка») – осуществляли прием от юрлиц и индивидуальных предпринимателей денежные средства на корреспондирующие счета легальной кредитной организации, с которой корреспондировал счет «нелегального банка», проводили незаконные банковские операции в обход финансового контроля со стороны Росфинмониторинга, а также «обналичивали» денежные средства, с последующей их передачей «клиентам».

9. Подставные лица («дропы») – лица, которые использовались руководителем «нелегального банка», а также руководителями структурных подразделений сообщества, для достижения своих целей. Эти лица осуществляли следующие функциональные обязанности в сообществе: 1) оформляли на себя в банковском учреждении расчетные (дебетовые) карты за денежное вознаграждение; 2) предоставляли данные своей банковской карты, доступ к приложению интернет банкинга или непосредственно банковскую карту за денежное вознаграждение, на которую в последующем переводились денежные средства, полученные в результате осуществления незаконной банковской деятельности; 3) «обналичивали» определенную денежную сумму в банкомате или банковском учреждении, с последующей передачей обналиченной суммы другому лицу, получая за указанные действия определенный процент с совершенной финансовой операции; 4) осуществляли регистрацию в налоговом органе в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица в целях внесения в ЕГРЮЛ/ЕГРИП, ЕГРН сведений о подставном лице. Эти лица классифицировались на 2 класса: а) «разводные дропы» – чьи данные были получены обманным путём с использованием навыков «социальной инженерии» или злоупотребления доверием; б) «не разводные дропы» – лица, которые осознанно шли на верификацию и предоставления своих паспортных, регистрационных и банковских данных (реквизитов), преследуя цель получения вознаграждения.

10. «Дроповод» (лицо, управляющее дроп-сервисом в определенном регионе) – лицо, которое обладает определённым кругом лиц, которые сотрудничают с ним для: 1) проведения финансовых операций в процессе осуществления незаконной банковской деятельности; 2) «обналичивания» денежных средств, полученных в результате совершения незаконных финансовых операций; 3) регистрации и постановки на учет в налоговом органе в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица; 4) открытия в различных банковских учреждениях расчетных счетов для осуществления дистанционных платёжных операций по счету посредством сети «Интернет»; 5) предоставления USB-токена для доступа к интернет банкингу юридического лица или индивидуального предпринимателя.

Следующим примером служит приговор Ленинградского райсуда г. Калининград № 1-46/2020 от 14.02.2020 созданное неустановленным в ходе предварительного следствия лицом сообщество, для извлечения прибыли, путем незаконной деятельность по организации и проведению азартных игр с использованием игрового обо-

рудования в различных помещениях, расположенных на территории г. Калининграда и области [16], характеризовалось наличием следующей внутренней структуры:

1. Руководитель незаконных игорных заведений – лицо, выполняющее обязанности: 1) общее руководство преступным сообществом и постоянный контроль за деятельностью незаконных игорных заведений; 2) поиск и вовлечение в сообщество новых участников для расширения преступной деятельности; 3) распределение среди членов сообщества преступных ролей и функциональных обязанностей; 4) обеспечение бесперебойного и круглосуточного взаимодействия с руководителями структурных подразделений сообщества, курирующих незаконные игорные заведения; 5) распределение среди участников полученного преступного дохода в зависимости от заранее установленного процента.

2. Управляющий игорным заведением – лицо, выполняющее обязанности: 1) осуществление постоянного контроля за деятельностью незаконных игорных заведений; 2) поиск и вовлечение в незаконные игорные заведения работников, принятие решений о приеме их на работу и последующее их обучение; 3) техническое сопровождение (игорных систем), расположенных в сети «Интернет», с использованием которых проводились незаконные азартные игры; 4) инкассация денежных средств в конце рабочего дня; 5) постоянный контроль за обеспечением безопасной деятельности незаконных игорных заведений.

3. Начальник службы безопасности – лицо, выполняющее обязанности: 1) разработка мер по обеспечению надежной защиты объектов и помещений игорных заведений; 2) вовлечение в преступную деятельность иных охранников, а также водителей с личным автотранспортом; 3) обучение новых сотрудников охранной деятельности; 4) применении мер поощрения и наказания к охранникам, нарушившим правила поведения; 5) составления и введение графика дневных и ночных смен охраны.

4. Техник (программист) – лицо, выполняющее обязанности: 1) установка и запуск ПО на игровом оборудовании; 2) настройка игрового оборудования, обновление его конфигураций; 3) обновление комплектующих игрового оборудования; 4) проведение технического аудита с целью выявления вредоносных программ, установленных в игровое оборудование; 5) устранение сетевых неполадок; 6) работа с базами данных, сетевое сопровождение игрового оборудования.

Наряду с указанными лицами, в созданном неустановленным лицом преступном сообществе были предусмотрены следующие должности у работников, из числа персонала игорных заведений: **1.** Администраторы-бармены – лица, выполняющие обязанности: 1) оказание консультационной помощи посетителям игорных заведений; 2) ведение статистической отчетности игровой деятельности; 3) реализация спиртных напитков и продуктов питания в зоне отдыха. **2.** Охранники – лица, выполняющие функциональные обязанности: 1) обеспечение безопасности игорных заведений; 2) контроль за соблюдением правил поведения в игровых залах; 3) недопущения входа в заведения правоохранительных органов и посторонних лиц.

Интересен приговор Заволжского районного суда г. Ульяновск № 1-284/2023 от 7.08.2023 Созданное ФИО1 преступное сообщество, для совершения мошеннических действий в сфере страхования, путем обмана относительно наступления страхового случая, включало в себя структурное подразделение, состоящее преимущественно из должностных лиц – сотрудников ГИБДД, которые используя служебное положение оказывали покровительство и помощь руководителю и участникам со-

общества [17]. Указанное преступное формирование включало следующие структурные подразделения, наряду с руководящим звеном:

1. «Организационно-управленческое» подразделение, что осуществляло следующие функции: 1) поиск лиц, согласных за вознаграждение выступать в качестве «фиктивных» собственников транспортных средств и «подставных» водителей; 2) заблаговременная подготовка т.с. для последующего участия в «подставном» ДТП; 3) непосредственное участие в инсценировке ДТП (умышленном столкновении транспортных средств); 4) подготовка и заполнение необходимых документов от имени «подставных» водителей для последующего оформления инсценированного ДТП в подразделении ГИБДД и страховой компании или РСА; 5) приобретение новых т.с. для дальнейшего их использования в ходе инсценировок ДТП; 6) налаживание связей с представителями страховых компаний или РСА для проведения указанными лицами фиктивных осмотров транспортных средств, пострадавших в результате ДТП и составление на основе этих осмотров подложных документов; 7) приискание должностных лиц из сотрудников ГИБДД, готовых за вознаграждение фальсифицировать административные материалы инсценированным ДТП.

2. Структурное подразделение «подставных» водителей и «фиктивных» собственников ТС, его лица: 1) предоставляли данные своего паспорта и водительского удостоверения, которые в дальнейшем использовались с целью составления необходимых фиктивных документов для оформления инсценированного ДТП; 2) участвовали в подачи фиктивных документов в страховые компании или РСА, а также в подразделение ГИБДД для оформления ДТП и получения страховой выплаты; 3) получения страховой выплаты и передача денежных средств руководителю сообщества либо руководителю «организационно-управленческого» подразделения.

3. Структурное подразделение «автоэкспертов», что занималось: 1) проведение формальных осмотров транспортных средств, пострадавших в ДТП; 2) составление подложных актов осмотров транспортных средств, с максимальной калькуляцией суммы ущерба, причиненного в результате инсценированного ДТП, с целью получения пострадавшей стороной максимальной страховой выплаты, предусмотренной полисом ОСАГО, а именно 400 000 руб.

4. Структурное подразделение «должностных лиц ОБ ДПС ГИБДД» осуществляющее в интересах руководителя сообщества: 1) не пресечение преступной деятельности сообщества, а также оказание покровительства его членам; 2) составление фальсифицированных административных материалов по инсценированным ДТП, с последующей их передачей для регистрации в группу исполнения административного законодательства ОБ ДПС ГИБДД; 3) передача зарегистрированных материалов третьи лицам для их подачи в страховую компанию или РСА.

«Структурированной организованной группе», кроме единого руководящего звена, присущи: 1) согласованность действий структурных подразделений; 2) распределение среди подразделений функциональных обязанностей в соответствии с деятельностью сообщества (наличие исполнительных и обеспечительных звеньев сообщества); 3) осознание руководителями структурных подразделений общих целей сообщества и стремление участников к их достижению; 4) наличие преступной специализации подразделений. Выделение законодателем «руководителя группы», помимо участников и распределение среди членов группы функциональных ролей (наличие иерархических взаимоотношений), свидетельствует о наличии в структу-

рированной организованной группе стойких структурных связей [18-20].

Анализируя вторую разновидность сообщества, которую законодатель называет «объединение организованных групп». Особенности её внутреннего строения выступает объединение ранее самостоятельно действовавших (территориально или функционально обособленных) организованных групп целое преступное формирование. По мнению Д.А. Григорьева, В.И. Морозова, такая разновидность сообщества изначально имеет внутреннюю структурную оформленность; при указанной форме соучастия имеет место объединение 2-х и более самостоятельно функционирующих и структурно-оформленных организованных групп под единым руководящим звеном, для совместного совершения преступных действий [7].

Л.М. Прокументов отмечает, что основным отличием указанных разновидностей сообщества между собой выступает способ их образования. По его мнению, «структурированная организованная группа» создается, функционирует и осуществляет свою преступную деятельность в такой форме, либо приобретает указанную форму в процессе осуществления совместной преступной деятельности. Напротив, «объединение организованных групп» предполагает функционирование определённый период времени территориально и (или) функционально обособленных организованных групп, но затем, объединившихся под единым руководством в одно целое, для более эффективного совместного совершения преступных действий [21].

Изучая законодательные признаки второй разновидности сообщества, стоит отметить, что «объединение организованных групп» предполагает: 1) наличие единого руководящего звена; 2) наличие устойчивых связей между самостоятельно действующими организованными группами; 3) совместное планирование и участие в совершении тяжких или особо тяжких преступлений; 4) совместное выполнение иных действий, направленных на функционирование такого объединения [13]. Введение законодателем признака «наличие единого руководства» свидетельствует о высокой степени структурированности, устойчивости, сплоченности и иерархической оформленности сообщества, что повышает качество совместной преступной деятельности и общественную опасность такого группового формирования [22]. Руководство сообществом предполагает осуществление не только организационных и управленческих функций, но и обеспечительных, защитных и превентивных.

В качестве примера, стоит привести приговор Куйбышевского районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области № 1-39/20 18.02.2020, по которому ФИО1 в 2010 г., обладая высоким авторитетом в криминальной среде г. Новокузнецка, создал преступное сообщество с целью систематического получения прибыли, путем совершения корыстно-насильственных преступлений против собственности, именуемое в последующем в криминальном мире «Вертолетовские» [23]. Изначально это сообщество осуществляло свою преступную деятельность в качестве «структурированной организованной группы», в состав которой входили лица из числа охранников торговых баз, продуктовых магазинов, и ночных клубов, расположенных на территории, именуемой в г. Новокузнецке «Вертолетной площадкой». С целью расширения преступной деятельности сообщества и укрепления криминального авторитета, ФИО1 было принято решение о включении в состав сообщества, ранее самостоятельно действующих на территории г. Новокузнецка Кемеровской области:

1. Организованной группы «старших» (лиц, занимающих более высокую по отношению к другим участникам сообщества ступень в неформальной иерархии, об-

ладающих наибольшим преступным опытом и авторитетом). Участники группы выполняли следующие функциональные обязанности в сообществе: 1) контроль за соблюдением мер дисциплины, безопасности и конспирации рядовыми членами общества и «младшими»; 2) анализ совместно с руководителем сообщества объектов преступного посягательства; 3) разработка планов совершения конкретных преступных действий; 4) сбор денежных средств с лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность на территории г. Новокузнецка, за «криминальное покровительство»; 5) разрешение споров, возникающих между «коммерсантами», за денежное вознаграждение.

2. Организованной группы «младших» (молодых лиц, не имеющих стабильных и законных источников доходов). Эти лица выполняли следующие функциональные обязанности по указанию «старших»: 1) поиск объекта преступного посягательства, как правило, из числа предпринимателей или лиц, осуществляющих торговую деятельность в г. Новокузнецк или Кемеровской об. 2) Применение к предпринимателям насилия, поджога, угроз в отношении их родственников, в случае отказа платить за «криминальное покровительство»; 3) оказание силовой или иной поддержки в ходе участия в разрешении коммерческих споров; 4) непосредственное участие в совершении корыстно-насильственных преступлений против собственности.

Таким образом, «объединение организованных групп» выражается в добровольном соглашении, которое заключается между самостоятельно действующими организованными группами, что в свою очередь влечёт за собой объединение людских, финансовых, технических и иных «ресурсов» для расширения и повышения эффективности своей преступной деятельности, формирование цепочки взаимодействия в процессе совершения преступных действий и характеризуется: 1) наличием в составе сообщества 2-х и более организованных групп, взаимодействующих между собой в процессе планирования, подготовки, совершения и сокрытия преступных действий; 2) наличием единого руководящего звена сообщества, независимо от наличия руководителей в организованных группах; 3) соблюдением участниками и руководителями организованных групп, установленных в преступном сообществе правил и требований внутренней дисциплины, мер защиты и конспирации. 4) общей преступной направленностью организованных групп и преступного сообщества.

Подводя итог, укажем: I) правоприменительная практика подчеркивает необходимость наличия в «структурированной организованной группе» или в «объединении организованных групп» сложной внутренней структуры с вертикальными и горизонтальными уровнями взаимодействия для признания группового формирования – преступным сообществом (преступной организацией); II) наличие в сообществе трёхуровневой системы управления и взаимодействия: 1) руководитель (организатор) сообщества (организационно-руководящее звено); 2) руководитель структурного подразделения или организованной группы (непосредственно-руководящее звено); 3) рядовые члены (непосредственно-исполнительное звено). В-третьих, особенностями организационного усложнения внутренней структуры сообщества выступают: 1) наличие в составе сообщества 2-х и более структурных подразделений, численностью не менее 2-х чел.; 2) территориальная и (или) функциональная обособленность структурных подразделений (криминальной специализации и квалификации); 3) наличие в составе структурного подразделения руководителя (организатора); 4) прямое

подчинение структурных подразделений и его членов руководящему звену сообщества; 5) взаимодействие на вертикальном и горизонтальном уровнях между структурными подразделениями для достижения общих преступных целей; 6) участие каждого структурного подразделения в процессе подготовки, совершения и сокрытия преступлений; 7) осознание участниками структурных подразделений, что они действуют совместно с другими подразделениями, входящими в сообщество, под единым руководством, в целях достижения общего преступного результата.

Список литературы:

1. Карпенко И.В. Признак структурированности преступного сообщества (преступной организации) по действующему уголовному законодательству / И.В. Карпенко // Синергия Наук. 2021. № 60. С. 403-413.
2. Стуконог И.В. Особенности применения законодательства об уголовной ответственности за организацию преступного сообщества / И.В. Стуконог, В.А. Ястребов // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.). 2021. С. 491-503.
3. Кармановский М.С. Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности преступного сообщества (преступной организации) / М.С. Кармановский, Е.В. Косьяненко // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2(54). С. 87-92.
4. Жукова, С.С. Структурированность как признак преступного сообщества (преступной организации) / С.С. Жукова // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 3(50). С. 47-56.
5. Галекбаров Г.В. К вопросу о содержании признака структурированности преступного сообщества (преступной организации) // Проблемы становления гражданского общества. 2018. С. 25-29.
6. Михайлов М.У. Структурированность как признак преступного сообщества (преступной организации) // Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2017. № Т39. С. 641-645.
7. Григорьев Д.А. К вопросу о содержании признака структурированности преступного сообщества (преступной организации) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. №3(21). С. 46-54.
8. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова. СПб., 2005. С. 282.
9. Шеслер А.В. Уголовное законодательство и судебная практика о преступном сообществе / А. В. Шеслер // Академический вестник. 2011. № 1(15). С. 152-157.
10. Шеслер А.В. Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении // Lex russica. 2015. № 6. С. 30-38.
11. Мондохонов А.Н. Вопросы уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) / А.Н. Мондохонов // Уголовное право. 2010. № 2. С. 51-56.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: УК: действующая редакция: - Текст: электронный. - URL: <http://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 23.04.2024).
13. "О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)": постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101362/ (дата обращения: 23.04.2024).
14. Якушева Т.В. Законодательная регламентация практика привлечения к уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации): дис. ... канд. юрил. навк. М., 2016.
15. Приговор Ленинского районного суда г. Смоленска № 1-109/2018 от 19 сентября 2018 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://clck.ru/39iUSD> (дата обращения: 24.04.2024).
16. Приговор Ленинградского районного суда г. Калининграда № 1-46/2020 от 14 февраля 2020 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/A2mZ1UJvaNWx/>
17. Приговор Заволжского районного суда г. Ульяновск № 1-284/2023 от 07 августа 2023 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8Fg8Zqz8i2J8/>
18. Глухова К.С. Структурированная организованная группа как признак преступного сообщества // Актуальные проблемы и перспективы развития предварительного следствия в России. 2020. С. 107-110.
19. Журавлев М.И. Структурированная организованная группа как признак преступного сообщества // Юридические науки как основа формирования правовой культуры человека. 2020. С. 205-208.
20. Дубовой В.О. Проблемы квалификации преступлений по ст. 210 УК РФ / В.О. Дубовой // Перспективы развития институтов права и государства. 2021. С. 232-245.
21. Прокументов Л.М. Преступное сообщество (преступная организация) как форма соучастия в преступлении // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 138-142.
22. Глазкова Л.В. Понятие и виды организованных преступных групп: системный анализ / Л.В. Глазкова // Мониторинг правоприменения. 2016. № 1(18). С. 26-30.
23. Приговор Куйбышевского районного суда г. Новокузнецка № 1-39/20 18.02.2020г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XcKAkBwLoILL/?ysclid=lul9nwjixp262711973>.

Strelnikov K.N. Features of the internal structure of a criminal community (criminal organization) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 499–507.

The article examines the features of the internal structure of two types of criminal community (criminal organization), namely: 1) a structured organized group; 2) associations of organized groups. Based on materials from judicial practice and scientific works, it has been established that this criminal group, first of all, is characterized by a more complex internal hierarchy with its own vertical (number of levels involved in the management process) and horizontal (functional interaction of participants and structural units among themselves) connections; the presence of a single management team (which primarily indicates a greater degree of

structure and stability); functioning as part of a community of separate structural units. An analysis of criminal legislation and judicial practice has shown that the peculiarities of the internal structure of a "structured organized group" is the presence in its composition of at least two structural divisions; on the contrary, an "association of organized groups" is characterized by the integration of previously independently operating group formations (including territorially or functionally separate) criminal formation.

Key words: criminal community (criminal organization), internal hierarchical structure, structured organized group, association of organized groups, criminal specialization, presence of leadership, vertical and horizontal levels of management.

Spisok literatury:

1. Karpenko I.V. Priznak strukturirovannosti prestupnogo soobshchestva (prestupnoj organizacii) po dejstvuyushchemu ugovolnomu zakonodatel'stvu / I. V. Karpenko // Sinergiya Nauk. 2021. № 60. S. 403-413.
2. Stukonog I.V. Osobennosti primeneniya zakonodatel'stva ob ugovolnoj otvetstvennosti za organizaciyu prestupnogo soobshchestva / I.V. Stukonog V.A. Yastrebov // Progress i preemstvennost' v rossijskom ugovolnom prave (k 95-letiyu UK RSFSR 1926 g. i 25-letiyu UK RF 1996 g.). 2021. S. 491-503.
3. Karmanovskij M.S. Problemy zakonodatel'noj reglamentacii ugovolnoj otvetstvennosti prestupnogo soobshchestva (prestupnoj organizacii) / M.S. Karmanovskij, E.V. Kos'yanenko // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 2(54). S. 87-92.
4. ZHukova, S.S. Strukturirovannost' kak priznak prestupnogo soobshchestva (prestupnoj organizacii) / S.S. ZHukova // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2019. № 3(50). S. 47-56.
5. Galekbarov G.V. K voprosu o soderzhanii priznaka strukturirovannosti prestupnogo soobshchestva (prestupnoj organizacii) / G.V. Galekbarov // Problemy stanovleniya grazhdanskogo obshchestva. 2018. S. 25-29.
6. Mihajlov M.U. Strukturirovannost' kak priznak prestupnogo soobshchestva (prestupnoj organizacii) / M.U. Mihajlov, V.A. Volkolupova // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal "Koncept". 2017. № T39. S. 641-645.
7. Grigor'ev D.A. K voprosu o soderzhanii priznaka strukturirovannosti prestupnogo soobshchestva (prestupnoj organizacii) // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2012. № 3(21). S. 46-54.
8. Rossijskoe ugovolnoe pravo. Obshchaya chast' / pod red. V.S. Komissarova. SPb., 2005. S. 282.
9. SHesler A.V. Ugolovnoe zakonodatel'stvo i sudebnaya praktika o prestupnom soobshchestve / A. V. SHesler // Akademicheskij vestnik. 2011. № 1(15). S. 152-157.
10. SHesler A.V. Perspektivy sovershenstvovaniya ugolovno-pravovyh norm o souchastii v prestuplenii // Lex russica. 2015. № 6. S. 30-38.
11. Mondohonov A.N. Voprosy ugovolnoj otvetstvennosti za organizaciyu prestupnogo soobshchestva (prestupnoj organizacii) / A.N. Mondohonov // Ugolovnoe pravo. 2010. № 2. S. 51-56.
12. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ: UK: dejstvuyushchaya redakciya: [prinyat Gosudarstvennoj dumoj 24 maya 1996 goda: odobren Sovetom Federacii 5 iyunya 1996 goda]. - Tekst: elektronnyj. - URL: <http://base.garant.ru/10108000/> (data obrashcheniya: 23.04.2024).
13. "O sudebnoj praktike rassmotreniya ugolovnyh del ob organizacii prestupnogo soobshchestva (prestupnoj organizacii) ili uchastii v nem (nej)": postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 10 iyunya 2010 g. № 12 // Konsul'tant Plyus: sajt. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101362/
14. YAkusheva T.V. Zakonodatel'naya reglamentaciya praktika privlecheniya k ugovolnoj otvetstvennosti za organizaciyu prestupnogo soobshchestva (prestupnoj organizacii): dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2016. 219 s.
15. Prigovor Leninskogo rajonnogo suda g. Smolenska № 1-109/2018 ot 19 sentyabrya 2018 g. // Sudebnye i normativnye akty RF. URL: <https://clck.ru/39jUSD> (data obrashcheniya: 24.04.2024).
16. Prigovor Leningradskogo rajonnogo suda g. Kaliningrada № 1-46/2020 ot 14 fevralya 2020 g. // Sudebnye i normativnye akty RF. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/A2mZLUUYaNWX/>.
17. Prigovor Zavolzhsckogo rajonnogo suda g. Ul'yanovsk № 1-284/2023 ot 07 avgusta 2023 g. // Sudebnye i normativnye akty RF. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8Fg8Zqz8i2J8/> (data obrashcheniya: 25.04.2024).
18. Gluhova K.S. Strukturirovannaya organizovannaya gruppa kak priznak prestupnogo soobshchestva / K.S. Gluhova // Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya predvaritel'nogo sledstviya v Rossii. 2020. S. 107-110.
19. ZHuravlev M.I. Strukturirovannaya organizovannaya gruppa kak priznak prestupnogo soobshchestva / M.I. ZHuravlev // Yuridicheskie nauki kak osnova formirovaniya pravovoj kul'tury cheloveka. 2020. S. 205-208.
20. Dubovoj V.O. Problemy kvalifikacii prestuplenij po st. 210 UK RF / V.O. Dubovoj // Perspektivy razvitiya institutov prava i gosudarstva. 2021. S. 232-245.
21. Prozumentov L.M. Prestupnoe soobshchestvo (prestupnaya organizaciya) kak forma souchastiya v prestuplenii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 352. S. 138-142.
22. Glazkova L.V. Ponyatie i vidy organizovannyh prestupnyh grupp: sistemnyj analiz / L.V. Glazkova // Monitoring pravoprimeneniya. 2016. № 1(18). S. 26-30.
23. Prigovor Kujbyshevskogo rajonnogo suda g. Novokuznecka № 1-39/20 18 fevralya 2020 g. // Sudebnye i normativnye akty RF. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XcKAKBwLoLL/?ysclid=lul9nwjixp262711973>

УДК 343.97

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Тихомирова О. Г., Зоз В. А.

В данной статье рассматривается роль социальных сетей в формировании суицидального поведения у несовершеннолетних. Дети более активно осваивают информационную среду, являясь пользователями социальных сетей и в большей степени влияют на цифровизацию старшего поколения. При этом несовершеннолетние не обладают развитым критическим мышлением, вследствие чего могут быть вовлечены в различные деструктивные течения и группы в процессе освоения онлайн-среды. Особое внимание уделено вопросу рассмотрения причин суицидального поведения у подростков, особенностям закрепления ответственности на законодательном уровне. При этом проведен анализ и выделены типы суицида, которые предшествуют конечному этапу самоубийства. Рассмотрены взгляды и утверждения ряда социологов, приведены статистические данные исследований в данной области. Обозначены причины способствующие суицидальному поведению подростков при использовании социальных сетей. В частности недостаточный контроль со стороны родителей является одним из основополагающих аспектов. В работе представлено авторское видение способов разрешения указанных аспектов.

Ключевые слова: несовершеннолетние, суицид, личность преступника, «группы смерти», пропаганда суицида.

В последние годы информатизация всех сфер человеческой деятельности перешла на новый качественный уровень, широкое распространение получили информационные технологии и системы, информационно – телекоммуникационные сети, большое внимание уделяется защите [1]. В век цифровых технологий дети все более активнее стали включаться в глобальные интернет-коммуникации и виртуальные сообщества. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ «Высшая школа экономики» изучил, насколько включены в процессы цифровизации современные дети и как эту включенность пытаются контролировать их родители. Опрос показал, что дети - важные агентами цифровизации их семей. Ими активно происходит процесс освоения онлайн-среды. Почти все являются пользователями социальных сетей: 97% опрошенных подростков имеют аккаунт. Эта доля – самая высокая среди всех возрастных групп [2].

В конце XVIII в. известный американский социолог из Калифорнийского университета – Д. Филлипсон выявил так называемый «Эффект Вертера» («синдром Вертера»). «Эффект Вертера» – это массовая волна подражающих самоубийств, которые совершены после широкого освещения такого поведения на телевидении, в средствах массовой информации, в художественной литературе, в кинематографе или в Интернет. У подростков чаще чем у взрослых наблюдается «Эффект Вертера». Таким образом, СМИ и правоохранительные органы сами того не замечая акцентируют внимание подростков на таком поведении, что в свою очередь поднимает волну асоциального поведения у несовершеннолетних. А.И. Шапель указывает, что «в ряду причин самоубийств несовершеннолетних все более существенную роль играет безнаказанное размещение в сетях общего доступа информации, провоцирующей ребенка или подростка на лишение себя жизни, да и не только провоцирующей, но популяризирующей информации» [3]. Мы согласны с данным высказываем и считаем, что в настоящее время в социальной Сети многие противоправные действия со стороны злоумышленников остаются безнаказанными. Российские дети подлежат меньшему контролю со стороны родителей в социальных сетях. Каждый

третий родитель использует какие-либо средства обеспечения безопасности в сети Интернет, помимо антивируса. Т.е., дети в сети почти не защищены от распространения информации, склоняющей несовершеннолетних к асоциальному поведению. Необходимо в каждом случае индивидуально рассматривать личностные качества несовершеннолетнего, его социальный статус и положение в семье [4]. При работе в соцсетях подросткам приходится сталкиваться с определенными проблемами: возможность анонимной деятельности; недостаточно эффективное правовое регулирование внутрисетевых отношений; незащищенность от получения противоправной информации. К видам противоправной информации, распространяемой в сети, относят: пропаганду суицидального поведения, детской и взрослой порнографии, экстремизма, кибербуллинг, киднеппинг и т.д. [5].

Для определения роли социальных сетей в формировании суицидального поведения у подростков нами был применен метод комплексного исследования специальной литературы и сообществ, пропагандирующих суицидальное поведение.

Начало 2017 г. ознаменовалось новостями о многочисленных случаях совершения самоубийства в среде российской молодежи. В средствах массовой информации стали появляться новости о страшных «играх», участие в которых стояли подростку жизни. Самой популярной игрой в социальных сетях в «ВКонтакте», «Instagram», «Facebook», «Twitter» стала игра «Синий кит», целью которой выступала пропаганда суицидального поведения. Она получила широкое распространение. В социальных сетях «ВКонтакте» и «Инстаграм» стали появляться картинки с хештегами «Синий кит», «Я в игре», «Разбуди меня в 4:20», «Тихий дом». При нажатии на них подросток автоматически переходил по ссылке на нужную страницу или виртуальное сообщество, пропагандирующее самоубийство. Групповое общение в рассматриваемых группах происходило поздно ночью или рано утром. Это связано с тем, что частые недосыпания негативно действовали на нервную систему подростков, что влияло в свою очередь на их раздражительность, ослабление внимания, памяти и т.д. [6]. При таком общении администратор акцентирует внимание на проблемах у подростков, отсутствие у них жизненной позиции и места в социуме. Суицид позиционировался, как способ решения всех проблем. Участники сообществ думали о том, что, совершив самоубийство они станут популярнее в соцсетях.

Кроме этого, при анализе данных представленных СМИ, нами была выявлена тенденция, когда подростки перед тем как спрыгнуть с крыши многоэтажного дома снимали с себя куртку. Данное действие рассматривается как некий ритуал. Как уже упоминалось выше, зачастую подростки совершают самоубийство только для того, чтобы на них обратили внимание. Таким образом, осуществление такого рода ритуала сближает детей, и они начинают чувствовать себя неодинокими.

Данная игра всколыхнула все общество, поэтому остро встал актуальный вопрос о путях решения данной проблемы. Начало было положено в июне 2017 г. ФЗ № 120-ФЗ в УК РФ были внесены соответствующие изменения, которые как раз касались этой проблематики. В соответствии с внесенными изменениями дополнилась ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» и появились 2 совершенно новых состава преступления: ст. 110.1 УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и ст. 110.2 УК РФ «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства». До этого периода времени следователи СК РФ квалифицировали действия злоумышленников только

по ст. 110 УК РФ, что в свою очередь не всегда охватывало объективную сторону противоправных деяний со стороны виновных лиц. Примером тому является уголовное дело, возбужденное старшим следователем ГСУ СК России по г. Санкт-Петербург в мае 2016 г. по факту подстрекательства к совершению самоубийства (ч. 4 ст. 33, ст. 110 УК РФ). В ходе следствия установлено, что в период с декабря 2013 г. по май 2016 г. в социальной сети «ВКонтакте» были созданы ряд сообществ. Основной целью данных групп – о распространение суицидального поведения среди подростков. Сообщества имели закрытый доступ для посещения. Лицам, которым все-таки администраторы давали возможность посещать такие сайты, необходимо было выполнять соответствующие задания и тесты, которые в конечном счете приводили к определенным последствиям – самоубийству. В ходе работы МВД и ФСБ РФ в Московской области задержали одного из администраторов таких групп. Им оказался Ф. Будейкин, зарегистрированный под псевдонимом как «Филипп Лис». От его противоправных действий пострадало 20 подростков [7].

Необходимо отметить и то, что в соответствии с ФЗ от 22.02.2017 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» с 25.03.2017 вступили в силу поправки в КоАП РФ об усилении ответственности операторов связи за нарушение порядка блокировки запрещенной информации. Важной в решении данной проблемы является и роль органов прокуратуры. Прокуратура осуществляет мониторинг соцсетей и выявление источников, содержащих запрещенную информацию; проводит проверки и рассматривает на предмет соответствия законодательству групп и аккаунтов, пропагандирующих самоубийства и принимает соответствующие меры прокурорского реагирования в случае выявления таких нарушений. Практическим примером служит заявление в суд, поданное прокурором Железнодорожного р-а г. Красноярск, о признании запрещенной к распространению в РФ информации, размещенной в Сети Интернет на портале соцсети «ВКонтакте», призывающей к суициду. Требования прокурора были удовлетворены. Информация, имеющая целью вовлечение подростков в суицидальную игру, условием которой является совершение самоубийства по инструкции куратора признана противоречащей интересам неопределенного круга лиц [8].

Обеспечением безопасности детей в социальных сетях занимается Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. На них возложена задача по выявлению и блокированию запрещенного контента. Расследование преступлений, связанных с самоубийством требует в знаниях психологических особенностей как лица, совершившего суицид, так и лица совершившего преступление данной направленности.

Таким образом можно выделить следующие типы суицида, которые предшествуют конечному этапу самоубийства – истинный суицид, демонстративный суицид и скрытый суицид. 1). Истинный суицид характеризуется желанием подростка лишиться себя жизни. Как правило, он сопровождается долгим периодом переживаний со стороны подростков и угнетенным настроением, апатией к жизни и депрессивным состоянием. Истинное самоубийство под собой имеет продуманный план. Чаще всего при таком поведении подростки оставляют предсмертные записки, где объясняют своим родным и близким значение такого поступка. При истинном самоубийстве по статистическим данным подростки в качестве способа лишения себя жизни выбирают подвешивание или спрыгивание с высокоэтажных зданий. 2). Де-

монстративный суицид никаким образом не связан с желанием ребенка осознанно лишить себя жизни. Цель данного поведения – как можно быстрее обратить внимание на себя и на свои проблемы близких людей. В таких ситуациях подросток, как правило, сообщает о намерении покончить жизнь самоубийством и использует такие действия и высказывания в роли своеобразного шантажа. При демонстративном суициде подросток чаще всего использует неядовитые лекарства с целью отравления, порезы на руках и всевозможные картинки и фотографии с подвешиванием. 3) Скрытый суицид или косвенный суицид не имеет под своей основой намерение ребенка лишить себя жизни. В этих ситуациях подросток осуществляет соответствующие действия, которые связаны с риском для жизни, и он это понимает и осознает (употребление сильно действующих психотропных и наркотических средств, увлечение занятием экстремальными видами спорта и т.д.).

Не менее важным обстоятельством для эффективного расследования уголовного дела является исследование личности потерпевшего. Для этого следователь зачастую прибегает за помощью к специалистам. Объектом исследования в данном случае является живой человек, а в случае гибели потерпевшего – материалы уголовного дела: допрос свидетелей, личные записи потерпевшего, информация, снятая с технических средств связи и т.д. Личность преступника при таком роде преступлений как правило имеет низкий уровень социализации. В их поведении чаще всего присутствуют: эгоцентризм, устойчивые конфликты с окружающими, отсутствие самокритичности и постоянное оправдание своих поступков. При анализе личности администраторов и кураторов таких сообществ был выявлен такой факт, что большинство таких преступников были плохо адаптированы в обществе: имелись серьезные проблемы в семье, в школе, личной жизни. Поэтому при общении с детьми в социальных сетях они высмеивали простые человеческие ценности, и внушали, что единственный способ из сложившейся ситуации - это самоубийство.

При исследовании эмоционального состояния потерпевшего, специалистам необходимо выяснить наличие или отсутствие у него депрессивного настроения в момент совершения самоубийства. Как известно, администраторы таких сообществ сами не осуществляют никаких действий, направленных на лишение человека жизни. Подросток принимает такое решение самостоятельно. Поэтому в процессе расследования следователям необходимо доказать наличие причинно-следственной связи между действиями администратора «группы смерти», направленных на возбуждение желания у ребенка совершить такой поступок, и решением подростка покончить жизнь самоубийством. Как не парадоксально, но с приданием широкой огласки в средствах массовой информации сведений о появлении в социальных сетях «групп смерти» общество разделилось на два лагеря. Одни стали называть себя администраторами таких групп, а другие стали играть в такие «игры», то есть одни лица почувствовали в себе желание управлять, а другие – желание подчиняться.

В одном из своих выступлений президент РФ В.В. Путин пояснил, что в нашем государстве практически нет цензуры, однако общество должно ограждать себя от угроз, поэтому в Интернете должно быть запрещено то, что запрещено в обществе (пропаганда суицида, насилие, употребление наркотиков и т.д.). Таким образом, на основе всего выше изложенного можно прийти к выводу о том, что в социальных сетях имеются сообщества, которые направлены на формирование суицидального поведения среди подростков. Механизм таких групп осуществляется в игровой

форме, и поэтому в этой ситуации у несовершеннолетних исчезает грань между виртуальной и реальной жизнью.

Список литературы:

1. Сретенцев Д.Н. Правовые, организационные и методические аспекты информационно-аналитического обеспечения судебно-экспертной деятельности: автореф. дис. ... на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Московский университет МВД РФ. М., 200. С. 3.
2. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Институт статистических исследований и экономики знаний. URL: <https://issek.hse.ru/> (дата обращения: 10.06.2024).
3. Лумбунова В.В. Доведение до самоубийства несовершеннолетних с использованием социальных сетей и сети «Интернет»: пути решения проблемы // Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения: сб. науч. трудов по итогам межд. научно-практической конференции. 2017. С. 75–78.
4. Иванов С.И. Отдельные аспекты предупреждения и раскрытия преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Ученые записки КФУ им.В.И. Вернадского. 2024. Т. 10 (76). № 1. С. 284–290.
5. Зоз В.А., Лагуточкина А.С. Отдельные элементы современного состояния противодействия преступлениям, совершенным с использованием социальных сетей, в отношении несовершеннолетних // Ученые записки КФУ имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 4. С. 292–298.
6. Лагуточкин А.В. Использование социальных сетей в противодействии экстремистским угрозам со стороны несовершеннолетних // Протестная активность несовершеннолетних и молодежи: причины, формы и методы профилактики деструктивных и радикальных проявлений. Симф., 2022. С. 78–85.
7. Мурсалиев Г. Группа смерти // Новая газета-№51 от 16.05.2016 г.
8. Лумбунова В.В. Доведение до самоубийства несовершеннолетних с использованием социальных сетей и сети «интернет»: пути решения проблемы. URL: <https://izron.ru/articles/aktualnye-problemy-yurisprudentsii-i-puti-resheniya-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodno-sektsiya-6-ugolovnoe-pravo-i-kriminologiya-ugolovno-ispolnitelnoe-pravo/dovedenie-do-samoubiystva-nesovershennoletnikh-s-ispolzovaniem-sotsialnykh-setey-i-seti-internet-put/> (дата обращения: 10.06.2024).

Tikhomirova O.G., Zoz V.A. The role of social networks in the formation of suicidal behaviour in minors // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 508–512.

This article examines the role of social networks in the formation of suicidal behaviour in minors. Children master the information environment more actively, being users of social networks and to a greater extent influencing the digitalisation of the older generation. At the same time, minors do not have a developed critical thinking, as a result of which they can be involved in various destructive currents and groups in the process of mastering the online environment. The authors pay special attention to the issue of considering the causes of suicidal behaviour in adolescents, the peculiarities of fixing responsibility at the legislative level. At the same time the types of suicidal behaviour that precede the final stage of suicide are analysed and highlighted. Views and beliefs of a number of sociologists are considered, statistical data of researches in this field are given. The reasons contributing to suicidal behaviour of teenagers using social networks are outlined. In particular, insufficient parental control is one of the fundamental aspects. The author's vision of ways to resolve these aspects is presented in the paper.

Key words: minors, suicide, personality of the offender, "death groups", suicide propaganda.

Spisok literatury:

1. Sretencev D.N. Pravovye, organizacionnye i metodicheskie aspekty informacionno-analiticheskogo obespecheniya suebno-ekspertnoj deyatel'nosti: avtoref. dis. ... na soiskanie uchenoj stepeni kand. yurid. nauk. Moskovskij universitet MVD RF. M., 200. S. 3.
2. Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki». Institut statisticheskikh issledovanij i ekonomiki znaniy. URL: <https://issek.hse.ru/> (data obrashcheniya: 10.06.2024).
3. Lumbunova V.V. Dovedenie do samoubijstva nesovershennoletnih s ispol'zovaniem social'nyh setej i seti «Internet»: puti resheniya problemy // Aktual'nye problemy yurisprudencii i puti resheniya: sb. nauch. trudov po itogam mezhd. nauchno-prakticheskoy konferencii. 2017. S. 75–78.
4. Ivanov S.I. Otdel'nye aspekty preduprezhdeniya i raskrytiya prestuplenij, sovershaemyh nesovershennoletnimi // Uchenye zapiski KFU im.V.I. Vernadskogo. 2024. T. 10 (76). № 1. S. 284–290.
5. Zoz V.A., Lagutochikina A.S. Otdel'nye elementy sovremennogo sostoyaniya protivodeystviya prestupleniyam, sovershennym s ispol'zovaniem social'nyh setej, v otnoshenii nesovershennoletnih // Uchenye zapiski KFU imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2022. T. 8 (74). № 4. S. 292–298.
6. Lagutochkin A.V. Ispol'zovanie social'nyh setej v protivodeystvii ekstremistskim ugrozam so storony nesovershennoletnih // Protestnaya aktivnost' nesovershennoletnih i molodezhi: prichiny, formy i metody profilaktiki destruktivnyh i radikal'nyh proyavlenij. Simf., 2022. S. 78–85.
7. Mursaliev G. Gruppy smerti // Novaya gazeta-№51 ot 16.05.2016 g.
8. Lumbunova V.V. Dovedenie do samoubijstva nesovershennoletnih s ispol'zovaniem social'nyh setej i seti «internet»: puti resheniya problemy. URL: <https://izron.ru/articles/aktualnye-problemy-yurisprudentsii-i-puti-resheniya-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodno-sektsiya-6-ugolovnoe-pravo-i-kriminologiya-ugolovno-ispolnitelnoe-pravo/dovedenie-do-samoubiystva-nesovershennoletnikh-s-ispolzovaniem-sotsialnykh-setey-i-seti-internet-put/> (data obrashcheniya: 10.06.2024).

УДК 346

**О КАЧЕСТВЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
«ФИНАНСОВЫМ ПИРАМИДАМ» И НЕЗАКОННЫМ ВАЛЮТНЫМ
ОПЕРАЦИЯМ**

Карязов Н. В.

Статья посвящена вопросам качества расследования преступлений, связанных с организацией «финансовых пирамид» и незаконных валютных операций. Актуальность темы обусловлена значительным распространением преступлений, связанных с нелегальной деятельностью на финансовом рынке, противодействие которым является одной из приоритетных задач правоохранительных органов. Следственным подразделениям необходимо активно выявлять и расследовать преступления данной категории, поскольку эта противоправная деятельность наносит существенный вред экономическим интересам государства. Использование полученного опыта в выявлении и расследовании незаконных валютных операций, а также разработка новых методов позволит эффективно противостоять развитию данного вида преступлений.

Ключевые слова: расследование преступлений, финансовая пирамида, незаконная валютная операция, национальная платежная система, оперативно-розыскные мероприятия,

Практика расследования преступлений экономической направленности свидетельствует о необходимости внесения изменений в законодательство о национальной платёжной системе в части регулирования деятельности иностранных платежных систем, с учетом международного опыта. ФЗ от 02.08.2019 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» и ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» установлены требования к иностранным платежным системам, работающим в России. Закреплено, что информация об иностранной организации, являющейся оператором иностранной платежной системы, в рамках которой осуществляются трансграничные переводы денежных средств физлиц, должна быть включена в реестр операторов иностранных платежных систем Банка России, при этом осуществление любых действий возможно исключительно через обособленное подразделение такой компании в РФ. В ходе мониторинга практики расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с противоправной деятельностью на финансовом рынке, проблем, обусловленных отсутствием в РФ представительств операторов иностранных платежных систем либо их отказом от взаимодействия с правоохранительными органами, не выявлено.

Международный опыт регулирования деятельности иностранных платежных систем свидетельствует о целесообразности проработки вопроса об ужесточении контроля в данной сфере, при этом необходимо учитывать не только криминогенную, но экономическую обстановку в стране, в том числе последствия ухода международных платежных систем и появляющиеся в этой связи перспективы.

Пресечение преступлений, связанных с нелегальной деятельностью на финансовом рынке, является одной из приоритетных задач уполномоченных органов и, с учетом внедрения новых, прежде всего дистанционных способов незаконной активности, предопределяет необходимость совершенствования существующих подходов к борьбе с современной преступностью и повышению эффективности раскрытия и расследования таких деяний. В 2023 г. ЦБ РФ выявлено более 5700 финансовых пирамид и нелегальных поставщиков финансовых услуг, что на 15,5% больше показателя 2022 г. «По сравнению с 2022 г. выявлено на 46% больше финансовых пира-

мид, нелегальных кредиторов – на 9%. При этом почти на 30% снизилось количество нелегальных участников рынка ценных бумаг» [1]. По данным Росфинмониторинга 90 % «финансовых пирамид» находится в системе «Интернет». Кроме того, «как правило, бенефициары, собственники находятся в офшорах. Фигуранты конкретно – это в основном граждане Украины, Латвии, Великобритании, Болгарии и других стран. Но 11 финансовых пирамид закрыто на сегодняшний день, и более 60 уголовных дел сейчас разбирается в отношении их» [2]. Негативная конъюнктура финансового рынка привела к снижению привлекательности легальных финансовых институтов и способствовала активизации нелегальной деятельности. В феврале состоялось заседание Координационного совещания руководителей правоохранительных органов РФ по теме «Об эффективности деятельности правоохранительных органов по противодействию преступным посягательствам на финансовом рынке», где отмечено, что в качестве рисков выступают: «создание в интернет-пространстве финансовых пирамид, которые, как правило, маскируются под легальные гражданско-правовые формы, и последующая их навязчивая популяризация в сети» и «вовлечение в криминальный оборот криптовалют и иных виртуальных активов».

Пресечение незаконной деятельности «финансовых пирамид» является одной из задач правоохранительных органов и, с учетом активного внедрения новых, прежде всего, дистанционных способов преступной деятельности, предопределяет необходимость выработки скоординированных мер борьбы с преступностью на финансовом рынке и повышению эффективности деятельности по раскрытию и расследованию данных преступлений. Негативная конъюнктура финрынка, обусловленная введением экономических санкций привела к снижению привлекательности легальных финансовых институтов, находящихся под надзором Банка России, и способствовала активизации нелегальной деятельности.

Интернет-проекты функционируют как по типу «финансовых пирамид», так и в виде «инвестиционных компаний», которые привлекают как можно большее число участников для сбора денежных средств и криптовалюты. В реализации подобных схем наметился ряд тенденций, ранее не свойственных «финансовым пирамидам»: деятельность осуществляется исключительно в «Интернет»; отсутствуют представительства как на территории РФ, так и за ее пределами; связь с представителем «интернет-проекта» возможна исключительно посредством «Интернет» или телефона; отсутствует возможность установить идентификационные данные организатора деятельности «интернет-проекта»; создание отдельных небольших интернет-проектов в разных субъектах РФ и максимальная конспирация связей данных «финансовых пирамид» с их организаторами, осуществляющими управление незаконной деятельностью дистанционно, в т.ч. через посредников или доверенных лиц; использование для привлечения в «финансовую пирамиду» медийных личностей, блогеров, шоуменов и т.д., которые публично демонстрируют в социальных сетях свои истории успеха, создавая рекламу деятельности злоумышленников, обеспечивающей приток новых вкладчиков-инвесторов; ориентация на привлечение небольших сумм денежных средств за счет охвата большого к-ва вовлеченных в «финансовую пирамиду», что также позволяет злоумышленникам частично обезопасить себя от обращения пострадавших, т.к. похищенные средства не влекут причинения значительного ущерба для каждого отдельного вкладчика и последние не готовы тратить свое время на попытки их возврата и изобличение преступников; привлече-

ние в качестве вкладчиков лиц, имеющих незаконные (незадекларированные) доходы, которые не могут разместить свои средства в иных (легальных) инвестиционных проектах без объяснения источника получения средств. К тому же организаторы «пирамид» рассчитывают, что такие лица не станут сообщать в правоохранительные органы о совершенных в отношении них преступных действиях.

В целях своевременного пресечения указанной деятельности налажено постоянное взаимодействие с подразделениями Росфинмониторинга и Банка России, которые осуществляют мониторинг функционирования подозрительных организаций и в случае установления в их работе признаков противоправности, информируют правоохранительные органы. Комплекс мероприятий по документированию фактов хищения денежных средств граждан под предлогом инвестирования проводится в рамках ФЗ от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [3] по результатам проверки поступающих обращений граждан. Одной из ключевых проблем, связанных с расследованием уголовных дел о таких преступлениях, является высокий уровень их латентности. Сайты интернет-проектов как правило зарегистрированы в иных государствах, организаторы активно используют подменные номера, а обналичивание и легализация похищаемых средств осуществляется через сети дропов. Для управленческого воздействия на деятельность подразделений, осуществляющих расследование преступлений на финансовом рынке оказывается методическая и практическая помощь: организуется сбор, обобщение и анализ сведений о преступлениях, связанных с деятельностью «финансовых пирамид», по результатам которого осуществляется подготовка аналитических обзоров с предложениями по расследованию преступлений, связанных с «финансовыми пирамидами».

Криминальная обстановка в сфере экономической деятельности в РФ, несмотря на принимаемые на государственном уровне меры по смягчению налоговой нагрузки, борьбе с «черным рынком» и незаконными финансовыми операциями, либерализации законодательства и развитию правосознания в сфере предпринимательской деятельности, продолжает оставаться сложной. Сегодня активно развивается целая индустрия по разработке и применению всевозможных схем незаконных финансовых операций, уклонения от уплаты налогов, незаконному выводу активов за рубеж, легализации и отмыванию денежных средств, полученных преступным путем, созданию механизмов, обеспечивающих сокрытие доходов вне юрисдикции РФ. Все это подрывает основы экономики, внешние экономические связи, наносит репутационный и экономический ущерб государству.

Доходы, полученные от незаконной деятельности, уклонение от уплаты налогов, таможенных и иных платежей, являются источником «грязных денег», которые питают криминальную среду, нелегальный бизнес и коррупцию. При этом государство сталкивается с активным оттоком капитала из страны, что обескровливает экономику, т.к. скрытые за границей средства, выбывают с финансового рынка РФ.

В сложившейся обстановке особое значение приобретает задача повышения эффективности деятельности органов внутренних дел по выявлению и расследованию преступлений, связанных с незаконными валютными операциями по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ на банковские счета нерезидентов с предоставлением кредитной организации, обладающей полномочиями валютного контроля, подложных документов. На законодательном уровне РФ принимаются активные меры по предотвращению сокрытия средств субъектов экономи-

ческой деятельности страны за ее пределами, в том числе доходов, добытых преступным путем. ФЗ от 28.06.2013 № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» [4] в УК внесена дополнительная ст. 193.1 «Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов», что предусматривает уголовную ответственность за осуществление денежных переводов на счет одного или нескольких нерезидентов с представлением кредитной организации, обладающей полномочиями агента валютного контроля, документов, связанных с проведением таких операций и содержащих заведомо недостоверные сведения об основаниях, целях и назначении перевода.

Расследование названных преступлений требует своевременного изъятия и ареста крупных сумм наличных средств и денежных средств, находящихся на счетах компаний, используемых при совершении преступления резидентов и нерезидентов, в целях обращения их в доход государства. При этом необходимо обратиться к прокурору в целях инициирования соответствующих исковых заявлений об обращении преступного дохода в пользу государства. Одной из проблем расследования таких преступлений является отсутствие практических рекомендаций, разъяснений ВС РФ. Данной статьей охватывается только узкий круг действий по выводу капитала за пределы России, которые связаны только с валютными операциями между резидентом и нерезидентом. Криминальные элементы разрабатывают и внедряют другие способы незаконного вывода за рубеж средств, используя операции на фондовых рынках либо совершая «зеркальные» сделки с ценными бумагами, но суть таких операций – незаконный вывод из страны денежных средств на счета нерезидентов.

В качестве положительных примеров расследования преступлений рассматриваемой категории можно привести следующие уголовные дела. Уголовные дела расследовались по обвинению руководителей и участников международного преступного сообщества П., К. и др., которым было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 и 3 ст. 210 и ч. 3 ст. 193.1 УК РФ [5]. Проведенным расследованием установлено, что с 2013 по 2014 гг. К. совместно с владельцем молдавского банка «М» П. и известным в Молдове политиком и предпринимателем В. создали и возглавили международное преступное сообщество для организации незаконного вывода денежных средств из РФ в иные государства. В преступную деятельность были вовлечены владельцы российских банков, которые организовали незаконные валютные операции с молдавским банком «М» по подложным документам. Руководители структурного подразделения международного преступного сообщества С. и П. организовали открытие расчётных счетов подконтрольным компаниям для зачисления на них более 176 млрд руб. клиентов, а руководители казначейства совместно с директором казначейства молдавского банка П. приобрели на эти средства иностранную валюту и перечислили ее на счета молдавского банка «М», тем самым выведя ее из финансовой системы РФ.

С обвиняемыми П., К. и др. заключены соглашения о досудебном сотрудничестве. При расследовании этих уголовных дел был проведен комплекс следственных и оперативно-розыскных мероприятий - допрошены большое количество свидетелей из сотрудников перечисленных выше кредитных организаций, произведены обыски, выемки документации, в т.ч. содержащие сведения из автоматизированной

банковской системы российских кредитных организаций, и их последующие осмотры проведены оперативно-розыскные мероприятия на территории г. Москвы и других субъектов РФ, в ходе которых изъяты финансово-хозяйственная документация, регистрационные документы, печати, предметы и документы в отношении резидентов и нерезидентов, используемых в незаконной деятельности; по результатам проведенных следственных действий и мероприятий в порядке ст. 91, 92 УПК РФ по подозрению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 и 3 ст. 210 и ч. 3 ст. 193.1 УК РФ, задержаны К., С., П. и др., которым предъявлено обвинение в совершении этих преступлений, после чего в отношении них избраны меры пресечения в виде заключения под стражу; в рамках международного сотрудничества на территории Республик Молдова и Латвия изъяты финдокументы по деятельности нерезидентов; проведены сложные трудоемкие судебные бухгалтерские экспертизы по установлению сумм средств, выведенных российскими кредитными организациями на счета нерезидента (банка «М») под видом валютных сделок. В ходе изучения внимание уделено установлению структуры, их участников, распределению ролей. Эти сведения подтверждались допросами свидетелей, результатами оперативно-розыскных мер. В ходе расследования установлено, кто является организатором и лидером преступной организации, роль каждого соучастника, наличие лиц, оказывающих услуги по регистрации юридических лиц, используемых при совершении преступления, дистанционно управляющих их счетами, организовывающих взаимоотношения с клиентами, приобретавших валюту и других источников, изготавливавших подложные решения судом Молдавии, составляющих банковские документы прикрытия валютных операций с молдавским банком и другими нерезидентами.

После получения указанных сведений проводились совещания с сотрудниками оперативных подразделений, на которых была выработана тактика проведения их реализации, заключающейся в проведении обысковых мер, направленных на обнаружение и изъятие предметов и документов, имеющих доказательственное значение, задержание участников преступного сообщества, проведение других неотложных следственных действий. Перед проведением реализации, при составлении и согласовании совместного плана следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий необходимо определить наиболее оперативно значимую информацию, которая может быть утрачена либо уничтожена лицами, в отношении которых происходит реализация оперативной информации, для чего привлекаются наиболее подготовленные сотрудники. Согласованное, совместное планирование следственных действий и оперативно-розыскных мер необходимо для полноты, всесторонности и качества проводимых действий, направленных на получение и формирование доказательственной базы по преступлению. Совместный план следственных действий и оперативно-розыскных мер дает возможность осуществлять качественный ведомственный контроль, соблюдение сроков выполнения поставленных задач.

При расследовании уголовных дел данной категории необходимо направить запросы об оказании правовой помощи компетентным органам иностранных государств, в которых зарегистрированы нерезиденты, расположены кредитные организации, на счета которых переводились денежные средства российских компаний. Исполнение данных международных запросов требует значительного времени, что влияет на сроки предварительного следствия. Документы, полученные в рамках данных запросов, являются доказательствами по делу, т.к. содержат сведения о ли-

цах, регистрирующих нерезидентов, открывавших им расчетные счета, а также контролировавших их денежные потоки. Важно своевременно изъять в кредитных организациях РФ всю финансово-хозяйственную документацию, предоставленную как обоснование валютных операций, назначить и провести бухгалтерские и почерковедческие судебные экспертизы, с целью установления сумм переводов, а также принадлежности подписей в документах, лицам, привлекаемым к уголовной ответственности по делу. На основании собранных доказательств, органам следствия и оперативным сотрудникам УСБ ФСБ России удалось пресечь деятельность международного преступного сообщества, которое организовало незаконный вывод денежных средств из РФ в иные государства. Данные уголовные дела являлись трудоемкими в расследовании ввиду международного характера исследуемых обстоятельств, поскольку незаконные валютные операции совершались на территориях РФ, Молдовы, Украины, Латвии, а деньги направлялись на банковские счета нерезидентов в зарубежные страны. Уголовные дела имели государственное значение, обусловленное защитой престижа и репутации РФ, как участника ВЭД. Учитывая изложенное, следственным подразделениям необходимо активно выявлять и расследовать преступления данной категории, поскольку эта противоправная деятельность наносит существенный вред экономическим интересам государства. Использование полученного опыта в выявлении и расследовании незаконных валютных операций, а также разработка новых методов позволит эффективно противостоять развитию данного вида преступлений.

Список литературы:

1. ЦБ выявил свыше 5700 пирамид и нелегальных поставщиков финуслуг в 2023 году // Ведомости. 09 февраля, 19:11 / Финансы. – URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2024/02/09/1019549-tsb-viyavil-svishe> (дата обращения: 21.05.2024)
2. Информация директора Росфинмониторинга на встрече с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в марте 2023 года. – URL: <https://www.fedsfm.ru/releases/6412>
3. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». – URL: Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности" (с изменениями и дополнениями) | ГАРАНТ (garant.ru) (дата обращения: 24.05.2024)
4. Федеральный закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям». – URL: Федеральный закон от 28.06.2013 N 134-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям" (с изменениями и дополнениями) | ГАРАНТ (garant.ru) (дата обращения: 24.05.2024)
5. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024). – URL: УК РФ Статья 210. Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) \ КонсультантПлюс (consultant.ru) (дата обращения: 24.05.2024)

Karyazov N.V. On the quality of the investigation of certain types of economic crimes: the experience of countering "financial pyramids" and illegal currency transactions // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 513–518.

The article is devoted to the issues of the quality of investigation of crimes related to the organization of "financial pyramids" and illegal currency transactions. The relevance of the topic is due to the significant spread of crimes related to illegal activities in the financial market, countering which is one of the priorities of law enforcement agencies. Investigative units need to actively detect and investigate offences of this category, as this illegal activity causes significant harm to the economic interests of the state. The use of the experience gained in detecting and investigating illegal currency transactions, as well as the development of new methods will make it possible to effectively counter the development of this type of crime.

Keywords: crime investigation, financial pyramid scheme, illegal currency transaction, national payment system, operational investigative measures.

УДК 343.9.022

**ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИЛИ
РЕЛИГИОЗНОЙ ВРАЖДЫ КАК МОТИВА СОВЕРШЕНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ИЛИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО
ХАРАКТЕРА**

Лагуточкин А. В., Чаплыгина В. Н.

В статье рассматриваются предпосылки возникновения национальной или религиозной вражды как мотива совершения преступлений экстремистского или террористического характера. Актуальность подчеркивает тезис о том, что конфликты по мотивам национальной и религиозной ненависти – социальная болезнь, прогрессирующая не только в России, но и по всему миру. В целом религиозный конфликт – противоречие между представителями разных религиозных мировоззрений; в свою очередь национальный конфликт (национализм) представляет собой радикальные взгляды носителя одной национальности, связанные с отрицанием существования каких-либо иных этносов. В статье авторы исследуют с позиции генезиса понятие национальной или религиозной вражды как мотива совершения преступлений экстремистского или террористического характера. При этом проведен исторический детальный анализ и описаны особенности ксенофобии как мотива совершения преступлений экстремистского или террористического характера. Обосновывается и современный контекст формирования национальной или религиозной вражды как мотива национальной или религиозной вражды как мотива на примере последних исторических событий современной России.

Ключевые слова: экстремизм, ксенофобия, мотивы, преступления, религия, конфликт, экстремистская деятельность.

Равенство прав и свобод человека и гражданина на территории РФ гарантируется Конституцией РФ. Действующее законодательство провозгласило Россию многонациональным государством, а также установило свободу выбора вероисповедания. Данные положения закрепляют за государством обязанность гарантировать защиту населения от сегрегации, дискриминации и иных противоправных действий, совершенных по мотивам национальной или религиозной ненависти. Общественная опасность преступлений данной категории обусловлена тем, что в большинстве случаев, они совершаются организованными, националистически настроенными группами антисоциальной направленности в отношении лиц определенной национальности, расы, религии [1, с. 342]. Главный информационно-аналитический центр МВД России обнародовал статистические данные о состоянии преступности (по мотиву национальной или религиозной ненависти) за 2022 г. 2022 г. стал рекордным по количеству преступлений экстремистской направленности, число противоправных деяний в указанном году выросло более чем на 31% по сравнению с 2021 г. Однако преступная деятельность на этом не останавливается. В январе 2023 г. МВД России зарегистрировало 134 преступления экстремистской направленности [2].

Актуальность изучения данного вопроса вызвана и тем, что сегодня развития высоких технологий и технических средств, значимая доля преступлений совершается на просторах сети «Интернет», что в свою очередь усложняет процесс пресечения национальной и религиозной ненависти, изобличения виновных. Начиная с февраля 2022 г., в информационном пространстве совершается множество провокаций в отношении русской нации, опубликовываются записи, дискриминирующие российскую армию и население. Динамичное распространение радикальных национальных и религиозных настроений, а также отсутствие выработанной методики и тактики эффективного расследования данных преступлений, требует всестороннего изуче-

ния вопроса мотивов национальной и религиозной ненависти.

Конфликт – радикальный способ решения возникших противоречий. Противоречия могут возникать на фоне личностных или рабочих взаимоотношений, в области конфликтов интересов или каких-либо целей. Они могут привести как к мелкой ссоре, так и к глобальной вражде, сопровождающейся ненавистью. Именно поэтому в современном обществе активно исследуются сами конфликты, причины их возникновения, а также способы их мирного разрешения. Возникновение конфликта между субъектами общественных отношений чревато определенными негативными последствиями. Подобные последствия могут быть оценены различной степенью опасности для личности, общества и государства. Если конфликт сопровождается нарушением прав и свобод человека, автоматически появляется поле для возникновения правовых отношений. В зависимости от характера вреда, причиненного интересам в ходе противоречий, можно выделить: конфликт, как административное правонарушение; конфликт, как уголовное преступление. В законодательстве закрепление конфликта, как противоправного деяния, сопровождается такими мотивами: расовая, национальная, религиозная, политическая и иная ненависть.

Наибольшую опасность представляют конфликты, спровоцировавшие совершение преступлений по мотивам религиозной или национальной ненависти, которые получили теоретическое закрепление термином «экстремизм». На уровне международного или федерального законодательства РФ нет официальной регламентации термина «экстремизм», однако, в законе от 25.06.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [3] закреплено определение экстремистской деятельности, что охватывает достаточно распространенный спектр деяний, в который входит возбуждение национальной или религиозной розни.

Понятия «экстремизм» сформулирован многими юристами и учеными в области права. Так, П.А. Данилов в своих научных трудах пишет, что экстремизм – это, прежде всего, деятельность, мотивированная отрицанием существующих конституционных основ и сопровождающаяся насилием в отношении определенного контингента [4, с. 22]. Мнение авторов статьи отражает позицию о том, что экстремизм – это социальное явление, характеризующееся насилием на основе радикальных идеологических, расовых, национальных и религиозных убеждений [5, с. 80]. Еще один вариант терминологии предложил И.Н. Сенин, сказав, что экстремизм необходимо расценивать как часть, либо элемент правового нигилизма [6, с. 7]. Это мнение вполне логично и обоснованно, так как под нигилизмом понимается позиция полного отрицания. Если говорить о сопоставлении нигилизма и экстремизма, то философия экстремизма основывается на отрицании принятых в обществе устоев, отрицании конкретной расы, национальности, религии или политики.

Делая вывод о вышесказанном, можно убедиться в актуальности рассмотрения вопроса национальных и религиозных конфликтов. Проблемный вопрос заключается в том, что конфликты по мотивам национальной и религиозной ненависти – социальная болезнь, прогрессирующая не только в России, но и по всему миру.

Религиозный конфликт – противоречие между представителями разных религиозных мировоззрений; в свою очередь национальный конфликт (национализм) представляет собой радикальные взгляды носителя одной национальности, связанные с отрицанием существования каких-либо иных этносов. Опасность таких явлений проявляется в том, что чаще всего участники подобных конфликтов отличаются

радикальными взглядами и являются зачинщиками религиозных и национальных войн, приводящим к негативным последствиям и дисбалансу во всем мире.

Первое упоминание о религиозной войне на Руси берет свое начало еще в X в., когда киевским князем было принято решение о принятии Христианства, что спровоцировало первый религиозный конфликт, так как население не было готово к подобным переменам и не желало принимать новые устои. Далее, религиозные разногласия встречаются в истории в XV-XVI вв. – конфликт между преподобным Иосифом Волоцким и новгородским архиепископом Серапионом [7, с. 27].

Противоречия между существующими религиями продолжались во времена И. Грозного, при имперской России. Но в те годы вражда существовала в основном между представителями одного религиозного направления и была спровоцирована тем, что из-за своей новизны религия еще не была четко определена, имелись противоречия, касающиеся проведения каких-либо обрядов и так далее.

Помимо войн, на основе одной религии, российской истории известны противоречия между теистами и атеистами. Ярko на историческом полотне отразились религиозные отношения во времена становления и существования советской власти. Указанный период времени характеризуется позицией активного отречения от РПЦ и становление светского государства. Провокацией на религиозную вражду выступила неопределенность действий власти. В ноябре 1917 г. СНК РСФСР приняло решение об объявлении национальных и культурных учреждений мусульман, трудящихся на территории России, неприкосновенными, свободными, подлежащих государственной защите [8, с. 463]. В противоречие этому, к 20-30 годам представители религиозных объединений подвергаются массовым репрессиям, что вызывает общественный резонанс. Таким образом, в период существования советского государства, Россия претерпевает религиозные конфликты, вызванные радикальной атеистической пропагандой, основанной на ущемлении прав и свобод верующих.

В 1986 г. развивается активная борьба против исламского мировоззрения. Появляются первые предпосылки борьбы с экстремистской деятельностью. На основе этого в конце 80-х годов в Политбюро ЦК КПСС огласке был предан вопрос о возможности усиления борьбы с исламским вероисповеданием. Именно этот период дает начало пренебрежительному отношению к мусульманской религии.

Следующий шаг развития религиозной вражды не только в РФ, но и во всем мире – введение понятия «исламский терроризм» американской политикой. Данное выражение получило свою огласку после теракта 11.09.2001 г. в США. Исторические данные показывают, что совершение теракта ультрарадикальной организацией «Аль-Каида» было обосновано желанием участников этой группировки – установить единственный исламский режим «Великий исламский халифат». Понеся вероятные потери, власти США приняли решение о признании «исламского терроризма» угрозой для безопасности всего человечества, что спровоцировало военные отношения между Америкой и Афганистаном на почве религиозной вражды.

Возвращаясь к вопросу религиозной обстановки в России после распада СССР, следует отметить концепцию, характеризующуюся двойственной позицией. С одной стороны, Конституция РФ всегда закрепляла свободу вероисповедания и никогда не поддерживала ущемление какого-либо религиозного движения, если оно не представляло опасность для интересов общества и государства [9]. Но в противовес указанным фактам, стоит сказать, что мнение о непринятии ислама в России имеет до-

статочную популярность, на фоне которого активно стало развиваться понятие «исламофобия» [10, с. 25]. Боязнь исламских движений, развитие тревожных настроений по отношению к мусульманской религии и ее устоям не имеет объективного обоснования, а связана лишь с издержками менталитета русского населения, сформировавшегося на фоне политических посылов Запада. Именно этот факт имеет отношение к появлению преступности по мотивам религиозной ненависти.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы: 1) значительную роль в формировании таких негативных отношений сыграли исторические факты, когда в силу новизны той или иной религии, людям было сложно принять новые устои, и они высказывали свое несогласие с помощью бунтов, религиозных конфликтов и войн; 2) признание получили различные зарубежные идеи о том, что мусульманская религия представляет собой опасность для мира. Такая тенденция вырабатывает у населения мнимые фобии, на фоне которых формируется субъективный элемент состава, совершаемых преступлений – мотив, вызванный религиозной ненавистью.

Преступления экстремистской направленности связаны не только с разжиганием религиозной, но и национальной ненависти. Конфликты, основанные именно на противоречиях между различными нациями, еще называют этническими. Учитывая тот факт, что Россия является многонациональным народом, межэтнические противоречия – острая угроза безопасности страны. Предпосылки подобных конфликтов в РФ нашли свое отражение в период 90-х годов, когда агрессивные группировки, основывающиеся на продвижении политики национализма, отличались стремительностью своего возникновения. В этот период в государстве произошло усиление ксенофобии по отношению к уроженцам Кавказа и Средней Азии [11, с. 7].

Также как и в случае с религией (исламофобия), у русского населения в период нулевых появляется этнофобия – боязнь конкретных этнических общностей. С психологической точки зрения, такая фобия на тот момент была спровоцирована тем, что социально-экономическая составляющая страны оставляла желать лучшего, и гражданское население видела конкурентов в беженцах и переселенцах из других стран. Такой страх объяснялся тем, что коренному населению страны было сложно найти рабочее место, а также приобрести жилье, а с прибытием иностранных лиц ситуация еще больше усугублялась. Таким образом, одна из предпосылок появления национальной вражды – конкуренция за жилые и рабочие места. Изучая работы научных деятелей в области данного вопроса, можно сделать вывод, что многие авторы выделяют причины возникновения межэтнической вражды в зависимости от определения, какое они сами для себя выделили. Так, Г.Т. Тавадов считает, что причиной разжигания национальной розни является действующая политика в конфликтующих народах [12, с. 43], но большинство мнений сводится к тому, что причиной национальных противоречий является социальная и культурная составляющая страны – вопросы религии, духовных ценностей и самого менталитета в целом.

Стоит предположить, что для возникновения конфликта, перетекающего в национальную вражду, мало одного компонента, либо же какой-то одной предпосылки [13, с. 383]. Логично полагать, что указанные выше причины лишь в совокупности приводят к острым проблемам взаимоотношений этносов, однако же, нельзя забывать, что наличие хотя бы одного фактора все же представляет угрозу безопасности интересов государства, так как одна претензия может спровоцировать цепную реакцию и привести к масштабным неблагоприятным последствиям.

Говоря о национальных конфликтах, стоит отметить, что они могут быть, как между жителями различных народов, и спровоцированы на фоне личностной неприязни, так и на более глобальном уровне – между несколькими государствами. Ярким примером национальной вражды выступает Грузино-южноосетинский конфликт, развернувшийся в 1980-х годах и длящийся по настоящее время. Основной причиной вражды выступает резкое развитие антиосетинского движения, которое возглавил действовавший президент Грузии – Звиад Гамсахурдиа, считавший, что в их стране могут проживать только грузины и никакие больше народы.

Развивавшиеся межэтнические противоречия между Грузией и Южной Осетией в 2008 г. привели к вооруженному конфликту. В данном случае, опасность заключается в том, что в процессе его распространения появляется вероятность развязывания агрессивной национальной войны, что согласно УК РФ является преступлением против мира и безопасности человечества. Но преступность деяний можно увидеть не только в случаях развязывания войны, как уже было сказано ранее, национальные споры могут быть и между отдельными гражданами различных народов.

Так, в конце октября 2001 г. трагическая ситуация произошла в Москве в р-не станции м. «Царицыно». По этому адресу на рынке группа молодых людей, вооруженных оружием в виде металлических прутьев, избивали уроженцев различных стран. Итогом конфликта стала смерть 3-х лиц, граждан – Азербайджана, Таджикистана и Индии. Около 30 чел. во время потасовки получили серьезные ранения. По данному факту было возбуждено уголовное дело, в процессе расследования установлено, что конфликт был спровоцирован движением «Русское национальное единство», которое возглавлял А. Баркашов. По итогам виновные в национальном конфликте, понесли наказание в виде лишения свободы на срок от 4-х до 9 лет.

Сегодня день глобальной проблемой выступает вооруженное противостояние двух братских народов. 24.02.2022 г. отразилось в мировой истории, как один из самых жестоких национальных конфликтов. Данная борьба, как с политической, так и с нравственной точки зрения вызывает международный резонанс. Лисицын А.Г., проанализировав оперативную обстановку, предшествующую началу СВО, сформулировал ряд причин, послуживших формированию данного национального конфликта и считает, что СВО – необходимая и единственная мера для предотвращения сегрегации населения на территории ДНР и ЛНР [14, с. 77]. Несмотря на то, что большая часть международного сообщества придерживается точки зрения о том, что начало СВО – акт агрессии, в свою очередь, российские, а также многие зарубежные историки и политические деятели, объясняют данные действия лишь фактом защиты в ответ на преступную деятельность соседнего государства.

Вышеуказанный этнический конфликт существовал на латентной стадии еще в 2014 г., однако, если углубиться в историю, можно сделать вывод, что он берет свое начало гораздо раньше. Несмотря на то, что официально в конфликте участвуют 2 суверенные страны – Россия и Украина, на фоне происходящих событий национальные преступления совершаются по всему миру, причиной которых становится русофобия и неонацизм. Экстремистские группировки, существующие на Украине и действующие против интересов РФ, являются последователями нацистов «бандеровцев», осуществляющих свою преступную деятельность во времена 2-й Мировой Войны и некоторое послевоенное время. Историки все чаще проводят аналогию действий Украины и целями Третьего рейха [15, с. 11]. Делая вывод, необходимо

отметить, что национальная и религиозная вражда – объективная сторона экстремизма, что в РФ расценивается как преступление и запрещается уголовным законом. История показывает, что свое начало данное явление берет еще со времен Древней Руси, активно развивается в 80-90-е годы XX в. и продолжает свое существование на сегодняшний день, чем представляет серьезную угрозу для безопасности общества и государства.

Список литературы:

1. Ситдикова Г.З., Чаплыгина В.Н. Направления совершенствования деятельности по противодействию экстремизму // В сборнике: Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. – С. 342-347.
2. Статистические показатели уровня преступлений экстремистской направленности [Электронный ресурс] // URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 12.03.2024).
3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" (с изменениями и дополнениями) // [Электронный ресурс] - URL: <https://base.garant.ru/12127578/>
4. Данилов П.А. Защита прав, свобод и законных интересов личности при противодействии экстремизму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2021. С. 22.
5. Булыжкин А.В., Чаплыгина В.Н. Сущностные характеристики феномена экстремизма // Современное общество и право. 2023. № 4 (65). С. 80-89.
6. Сенин И.Н. Экстремизм как форма правового нигилизма в современной России: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. С. 7–8.
7. Калужный А.Н., Чаплыгина В.Н. Сравнительный анализ моделей предварительного расследования по Уставу уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. и по УПК РСФСР 1922 г. // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). – С. 27.
8. Чаплыгина В.Н., Колмыков И.А. Исторически-правовая обусловленность уголовной ответственности за экстремизм в Российской Федерации // В сборнике: Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в условиях цифровизации. сборник научных статей Международной научно-практической конференции. Курск, 2023. – С. 463-466.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] - URL: <https://base.garant.ru/10103000/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>
10. Добаев И.П., Шукина Е.Л. Исламофобия в России: истоки и современное состояние // Россия и мусульманский мир. – 2019. – №2 (312). – С. 25.
11. Гудков Л., Дубин Б. Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. – 2020. – № 2 (29). – С. 7.
12. Грачев А. В., Овчинникова Т. М. Структурная модель межэтнического конфликта: проблема формализации // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. – № 1 (18). – С. 43.
13. Титова А.А., Чаплыгина В.Н. Причины и условия возникновения преступлений экстремистской направленности // В сборнике: Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в условиях цифровизации. сборник научных статей Международной научно-практической конференции. Курская академия государственной и муниципальной службы. Курск, 2023. С. 383-386.
14. Лисицын А.Г. Некоторые аспекты деятельности органов внутренних дел по противодействию экстремизму // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2021. – № 1(86). – С. 77-82.
15. Бибиев А.Ш. Сотрудничество государств в борьбе с международным терроризмом: актуальное состояние и перспективы развития // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2021. – № 4. – С. 11-18.

Lagutochkin A.V., Chaplygina V.N. Prerequisites for the emergence of national or religious hostility as a motive for committing crimes of an extremist or terrorist nature // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 519–525.

This article examines the prerequisites for the emergence of national or religious hostility as a motive for committing crimes of an extremist or terrorist nature. The relevance is emphasized by the thesis that conflicts motivated by national and religious hatred are a social disease that is progressing not only in Russia, but also around the world. In general, religious conflict is a contradiction between representatives of different religious worldviews; In turn, the national conflict (nationalism) represents the radical views of the bearer of one nationality associated with the denial of the existence of any other ethnic groups. In the article, the authors explore the concept of national or religious hostility as a motive for committing crimes of an extremist or terrorist nature from the standpoint of genesis. At the same time, a historical detailed analysis is carried out and the features of xenophobia as a motive for committing crimes of an extremist or terrorist nature are described. The

modern context of the formation of national or religious enmity as a motive for national or religious enmity as a motive is also substantiated by the example of recent historical events in modern Russia.

Keywords: extremism, xenophobia, motives, crimes, religion, conflict, extremist activity.

Spisok literaturey:

1. Sitdikova G.Z., Chaplygina V.N. Directions for improving activities to counter extremism // In the collection: Modern criminal procedure law - lessons of history and problems of further reform. Collection of materials of the International scientific and practical conference. 2018. – PP. 342-347.
2. Statistical indicators of the level of extremist crimes [Electronic resource] // URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics> (date of application: 03/12/2024).
3. Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 "On Countering Extremist activities" (with amendments and additions) // [Electronic resource] - URL: <https://base.garant.ru/12127578/>
4. Danilov P.A. Protection of the rights, freedoms and legitimate interests of the individual in countering extremism: abstract. ... cand. Jurid. sciences'. St. Petersburg, 2021. – P.
- 22.5. Bulzyhkin A.V., Chaplygina V.N. Essential characteristics of the phenomena of extremism // Modern society and law. 2023. No. 4 (65). pp. 80-89.
6. Senin I.N. Extremism as a form of legal nihilism in modern Russia: theoretical and legal aspect: dis. ... cand. Jurid. sciences'. Saratov, 2018. pp. 7-8.
7. Kalyuzhny A.N., Chaplygina V.N. Comparative analysis of models of preliminary investigation according to the Statute of Criminal Procedure of the Russian Empire in 1864 and according to the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in 1922 // Actual problems of Russian law. 2015. No. 1 (50). p. 27
8. Chaplygina V.N., Kolmykov I.A. Historical and legal conditionality of criminal liability for extremism in the Russian Federation // In the collection: Topical issues of public administration, economics, law in the context of digitalization. Kursk Academy of State and Municipal Service. Kursk, 2023. pp. 463-466.
9. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) [Electronic resource] - URL: <https://base.garant.ru/10103000/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>
10. Dobaev I.P., Shchukina E.L. Islamophobia in Russia: origins and current state // Russia and the Muslim world. - 2019. - №2 (312). - P.
- 25.11. Gudkov L., Dubin B. The originality of Russian nationalism // Pro et Contra. – 2020. – No. 2 (29). P. 7.
12. Grachev A.V., Ovchinnikova T. M. Structural model of interethnic conflict: the problem of formalization // Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies. 2018. - № 1 (18). - P.43.
13. Titova A.A., Chaplygina V.N. Causes and conditions of extremist crimes // In the collection: Topical issues of public administration, economics, law in the context of digitalization. collection of scientific articles of the International Scientific and Practical Conference. Kursk, 2023. pp. 383-386.
14. Lisitsyn A.G. Some aspects of the activities of internal affairs bodies in countering extremism // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. – 2021. – № 1(86). – Pp. 77-82.
15. Bibiev A.S. Cooperation of states in the fight against international terrorism: current state and development prospects // Scientific bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. - 2021. - No. 4. - pp. 11-18.

УДК 343.3

**СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ СТ.
207.3 УК РФ**

Чижова Е. С.

Мелитопольский государственный университет

В статье анализируются теоретические и прикладные вопросы реализации уголовной ответственности за распространение ложных сведений о Вооруженных силах Российской Федерации (ст. 207.3 УК РФ, ст. 280.3 УК РФ); исследуется проблема квалификации отдельных преступных деяний, совершаемых в период проведения специальной военной операции Вооруженными силами Российской Федерации; приводится обоснование того, что необходимым условием вменения распространения недостоверных сведений по смыслу ст. 207.3 УК РФ является опубликование официальной позиции по конкретному вопросу официальными органами власти; делается вывод о том, что уголовно-правовая норма о клевете (ст. 128.1 УК РФ) и ст. 207.3 УК РФ не соотносятся между собой как конкурирующие; показывает, что вполне допустима ситуация применения ст. 207.3 УК РФ и ст. 280.3 УК РФ в идеальной совокупности.

Ключевые слова: исследования, специальная военная операция, дискредитация, уголовная ответственность, экспертиза, экспертная ошибка, ложная информация о Вооруженных силах РФ, клевета, обман, преступления, публичное распространение заведомо ложной информации, использование, наказание, уголовный закон, «фейки», акции антивоенного протеста, информационное партнерство.

Актуальность настоящей статьи определяется тем, что ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) устанавливает ответственность за умышленное публичное распространение ложных сведений об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ВС РФ), госорганов РФ при исполнении ими своих полномочий, оказании помощи общественными организациями, организациями или физическими лицами в области выполнения задач, возложенных на ВС РФ. Появление данной нормы в УК РФ во многом связано со специальной военной операцией, проводимой ВС РФ с февраля 2022 г.

В исследовании используются такие методы исследования, как правовой анализ, сравнение и статистика. Приводятся примеры судебной практики применения действующего законодательства. Изучение ст. 207.3 УК РФ показывает на ее проблемные стороны в конструкции и правоприменительной практике. В последнем разделе приводятся выводы по теме исследования.

Поведение, предусмотренное ст. 207.3 УК РФ рассматривалось в юридической литературе после марта 2022 г., преимущественно в виде научных статей таких авторов как: А.М. Абдулатипов [1], А.В. Бриллиантов [2] А. В. Борисов [3] Н.Н. Бугера [4], Л.В. Дулькина [5], В.С. Кашин, В.В. Бычков [6], А.Г. Кибальник [7], А.М. Шамаев [8], В.М. Шеншин и др., где представлены характеристики юридически значимых признаков преступления по ст. 207.3 УК РФ, а также ответственности за него. Необходимо обратить внимание на средства массовой информации и Интернет, которые конкретно сообщают о проблемах, возникающих в судебной практике применения этих норм, и проблемах, требующих решения.

Специальная военная операция и её элементы, реализуемые ВС РФ, другими войсками и воинскими формированиями привели к существенным изменениям си-

туации в мире и почти во всех сферах жизни российского общества. С развитием информационных и телекоммуникационных технологий различная информация о военных действиях очень быстро распространяется по различным каналам связи. Учитывая политические взгляды и цели разных источников, эта информация может подаваться по-разному и быть противоречивой и противоположной. В некоторых случаях может иметь место и заведомо ложная информация, которую в современном обществе называют «ложью». По этим причинам распространение дезинформации требует соответствующих государственных мер, в т.ч. уголовно-правовых.

Ст. 207.3 была введена в УК РФ, поскольку публичное распространение ложной информации (например, о ведущихся боевых действиях, военных операциях, количестве боевых потерь, направлениях выдвижения и т.п.) может привести к недопониманию хода СВО, нанести ущерб и ослабить государственные институты, власть, особенно основы государственного военного управления. Ч. 1 ст. 207.3 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за умышленное публичное распространение под видом достоверной информации недостоверных сведений, содержащих данные о применении ВС РФ в целях защиты государственной безопасности, поддержание международного мира и безопасности либо осуществление своих полномочий за пределами территории РФ государственными органами РФ для конкретных целей и содержит сведения об оказании добровольными коллективами, организациями или отдельными лицами содействия в выполнении задачи ВС РФ или Войск национальной гвардии РФ, за совершение данного преступления предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет.

Ч. 2 ст. 207.3 УК РФ предусматривает ответственность при следующих отягчающих обстоятельствах, лицом с использованием своего служебного положения для совершения того же деяния, совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, при условии искусственного создания доказательств для обвинения, по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо ненависти или неприязни к какой-либо социальной группе, а так же из корыстных побуждений, кроме того, за такие преступления предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет.

Перечисленные деяния, повлекшие тяжкие последствия, наказываются по ч. 3 ст. 207.3 УК РФ лишением свободы от 10 до 15 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до 5 лет. Чтобы считаться «фейком» и нести деструктивное влияние, распространяемая информация должна быть заведомо ложной и выглядеть достоверной. Предпосылки наступления ответственности за совершение деяний, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ предполагают осознание лицом недостоверности распространяемой информации.

Деятельность правоохранительных органов в направлении защиты добровольческих формирований, государственных органов, ВС РФ, выполняющих задачи в рамках Специальной военной операции, с течением времени приобретает системный характер. Практические работники на этапах выявления, раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных ст. 207.3 и 280.3 УК РФ, неминуемо обращаются к специалистам в области лингвистики. Именно от их выводов отталкивается следователь, принимая решение о возбуждении уголовных дел по признакам указанных

преступлений. Анализ личностных качеств правонарушителей показывает неготовность к осознанию многими из них преступного характера своих действий. В таких условиях возникновение ошибок при проведении лингвистических экспертиз (исследований) может оказать негативное влияние на укрепление общественного правосознания в исследуемом сегменте правоотношений.

Размышляя о природе и значении ошибки в своем произведении «Дуэль», А.П. Чехов отмечал: «Спотыкаются и на ровной дороге, и такова уж человеческая судьба: если не ошибаешься в главном, то будешь ошибаться в частностях» [11, с. 141]. В наиболее распространенной классификации экспертных ошибок принято выделять, в числе прочих, ошибки познавательного характера, образующиеся в ходе экспертного познания. Познавательный процесс основан на законах логики и определенных правилах. В свою очередь, такие ошибки разделяют на логические и фактические (предметные). Логическая ошибка представляется чаще всего в искажении или неверной интерпретации законов логики. В аспекте рассматриваемой нами проблематики углубление в природу данных ошибок, по нашему мнению, нецелесообразно.

Второй подвид ошибок представляет больший интерес. Фактические (предметные) ошибки образуются из-за искаженного представления у эксперта (специалиста) о взаимосвязях между элементами объективной действительности. Несомненно, что допущенная экспертная ошибка может сыграть ключевую роль в судьбе человека, результаты действий которого являются предметом экспертной оценки. Природа ошибочности экспертного заключения происходит не только из ошибок, допущенных непосредственно экспертом. Исследование в некоторых случаях может быть выполнено безупречно. Выводы эксперта (специалиста) вполне соотносимы с полученным результатом. Вместе с тем, ввиду небрежности (невнимательности) действий при изъятии следов, исходные данные изначально становятся ошибочными.

В практике на исследование представляют объекты, имеющие косвенное отношение к преступлению либо вовсе обнаруженные в ходе раскрытия, расследования иного преступления. В таком случае заключение эксперта (специалиста), через призму установления истины по делу, будет являться ошибочным. При таких обстоятельствах причиной ошибочного заключения является ошибка, либо умышленно неправильные действия, допущенные субъектом, назначившим экспертизу, а также его коллегами, ответственными за фиксацию обнаруженных следов. По этому в данном случае говорить об экспертной ошибке нельзя, речь может идти лишь об ошибочности заключения как документа.

Опираясь на сказанное, считаем необходимым рекомендовать сотрудникам правоохранительных органов, осуществляющих расследование, тщательно подходить к анализу и обработке исходных данных и не допускать возможности их искажения. Если высказывания дискредитирующего характера выражены в тексте в печатном виде, необходимо предоставлять на исследование оригинал с напечатанным (написанным) текстом, изображением. В случае публикации в печатных изданиях или в электронных ресурсах (мессенджеры, социальные сети, СМИ) необходимо обеспечить эксперта ссылками на первоисточник, оригиналом печатной продукции, «скриншотами».

При наличии качественной аудио- и (или) видеозаписи высказываний необходимо предоставлять носитель с оригиналом записи, отражающей интонацию

и иные особенности максимально точно, во избежание возникновения амфиболии по примеру популярной фразы «...Казнить нельзя помиловать...», где смысл меняется в зависимости от места паузы после или перед словом «нельзя» [9].

Как было отмечено выше, дискредитация неразрывно связана с публичностью и взаимодействием между автором высказывания и адресатом. Означает ли это, что эксперт (специалист), осуществляющий лингвистическое исследование, одновременно должен исследовать особенности коммуникативной ситуации? Поиск ответа на данный вопрос адресует нас к познавательной деятельности следователя, оперативного сотрудника. Им необходимо обязательно анализировать данные об адресате высказывания, о наличии либо отсутствии возможности адресата реагировать на высказывание публично или не публично. Т.е., обратная связь между адресатом и автором высказывания, несмотря на свою очевидность с точки зрения публичности, требует определенного осмысления. Такая диагностика в коммуникативной среде, которой является, например, интернет-пространство, объективно необходима, поскольку задачей следователя является установление наличия либо отсутствия состава преступления. В исследуемой нами проблематике, с учетом научных подходов криминалистики, данные признаки приобретают особое значение. В случаях, когда высказывания дискредитирующего характера являются элементом диалога между двумя и более лицами, либо между двумя лицами в присутствии третьих лиц, фиксация признаков публичности может быть произведена несколькими следственными действиями: допрос свидетелей, которые, как правило, являются адресатами высказываний, опознание, очная ставка.

Однако, как показывает правоприменительная практика, подавляющее большинство рассматриваемых правонарушений, несмотря на публичный характер, носит латентный характер и выявляется при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Данный парадокс обусловлен высокой степенью правового нигилизма в обществе. Свое негативное воздействие оказала западная пропаганда, которая многие годы под ширмой демократических преобразований уничтожала нравственно-патриотические основы общества. Выявление правонарушений, как правило, происходит в сети Интернет, т.е. в компьютерной среде. Эта среда высокотехнологична и уверенное ориентирование в ней невозможно без определенных навыков, умений, представлений о коммуникативных механизмах, используемых при передаче и получении информации.

Таким образом, Интернет с ее транслирующими особенностями, безусловно, может быть рассмотрена как средство совершения дискредитации. Качественно проанализировать Интернет-среду, обнаружить и зафиксировать объекты, которые могут иметь доказательственное значение, – задача, не всегда успешно решаемая единолично следователем, оперативным работником. Так называемые «лайки», «дизлайки», иные символы, позволяющие выразить свою реакцию на изображение или текст, являются свидетельством вовлеченности аудитории, а, следовательно, публичности. Некоторые сервисы содержат информацию о точном числе просмотров, прослушивания того или иного текста либо изображения. Традиционно основными следственными действиями, позволяющими зафиксировать такие объекты, являются следственные осмотры, обыски, выемки и иные следственные действия, призванные установить принадлежность текста, изображения. С одной стороны, транслирование дискредитирующей информации в соцсетях внешне

выглядит естественно и не представляется проблемным для обычного пользователя. С другой – технически, это происходит посредством создания файлов, на электронных носителях информации, которые, в свою очередь, обладают набором идентификационных признаков. В условиях активного противодействия установлению истины по уголовному делу подозреваемый (обвиняемый) может предпринимать попытки уничтожения файлов, преобразования их в скрытые от обозрения. Даже поверхностное погружение в данную проблематику на основе данных, полученных от практических работников, позволяет сделать вывод, что в современных реалиях использование спезнаний в разных областях становится все более востребованным еще до возбуждения уголовного дела. Применительно к исследуемому виду преступлений это могут быть знания не только в области лингвистики, но и в технической сфере, психологии, социологии, культурологии, литературоведении и др.

Возвращаясь к возможности определения отсутствия (наличия) признаков публичности экспертом лингвистом, полагаем, что определяющим для следователя, оперативного работника в данном случае, должны являться факторы, связанные с компетенциями того или иного эксперта. В практике расследования данных преступлений не часто, но встречаются комплексные психолого-лингвистические исследования, выполняемые одним специалистом. В них специалист дает оценку полученным данным и в аспекте публичности, и в аспекте дискредитации.

Вот почему упомянутый выше анализ следователем, оперативным сотрудником исходных данных, по нашему мнению, может быть рассмотрен как часть диагностического анализа, и, как справедливо отмечено Н.Е. Мерецким, анализ, осуществляемый следователем в отношении имеющихся в его распоряжении фактических данных, позволяет обнаружить взаимосвязь между различными объектами, а это положительно сказывается на производственном процесс [13, с. 69]. Таким образом, вышесказанное является достаточным стимулом для рассмотрения анализа исходных данных через призму криминалистической диагностики как теории, а не только как составляющей деятельности эксперта при производстве конкретного исследования.

Другим проблемным аспектом является то, что не редко у оперативных сотрудников и следователей возникают трудности при формулировании вопросов, предоставляемых на разрешение экспертизы по признакам дискредитации. Общими принципами, которыми должны руководствоваться следователи при назначении экспертиз, являются принципы необходимости и достаточности, а это означает, что на разрешение эксперта целесообразно выносить только те вопросы, ответы на которые необходимы для установления истины по УК РФ [12, с. 70].

При этом эксперт (специалист), приступая к выполнению поставленной задачи, должен обладать необходимым (достаточным) объемом исходных данных. Следовательно, оперативному сотруднику, в рамках взаимодействия при работе по выявлению и раскрытию преступлений указанного вида, следует организовать работу по обеспечению эксперта (специалиста) такими данными. Для этого необходимо обращаться к официальным источникам информации (печатным изданиям), интернет-сайтам госорганов, при необходимости направлять им запросы.

Возвращаясь к формулированию вопросов, выносимых на разрешение экспертизы, особое внимание следует сосредоточивать на выражении в

высказываниях речевых целей «убеждений», например, побуждений к формированию мнения о том, что цели исполнения государственными органами РФ своих полномочий за пределами ее территории не соответствуют обозначенным официально (демилитаризация и денацификация Украины, защита жителей ДНР и ЛНР от агрессии со стороны Киевского режима, устранение исходивших с территории этой страны угроз в адрес нашей страны). Зачастую автор подобных высказываний формирует у адресата представления о несоответствии действий, совершаемых государственными органами РФ за пределами территории страны, целям защиты интересов РФ и ее граждан, поддержанию международного мира и безопасности и сопровождает это окраской в негативном тоне.

С учетом вышеуказанного считаем возможным постановку вопросов на разрешение экспертизы в следующем варианте: содержит ли предоставленная информация ряд языковых и психологических признаков, заставляющих получателя поверить в негативный характер цели использования органами государственной власти РФ ВС РФ для осуществления своих полномочий, а именно дискредитации их? В качестве уточняющих вопросов следует рассмотреть следующие: Имеется ли обоснование данной негативной оценки? Какие средства используются для ее выражения?

С учетом специфики науки лингвистики следователям и оперативным работникам не следует пренебрегать возможностью проведения предварительных консультаций с экспертами как на стадии выявления признаков преступления при проведении оперативно-розыскных мероприятий, так и на стадии подготовки к проведению судебной экспертизы. Таким образом, подводя итог, а также учитывая возрастающее количество криминалистических исследований этой направленности и, как следствие, увеличенную нагрузку на экспертов-лингвистов, считаем целесообразным на ведомственных уровнях рассмотреть вопрос об увеличении штатной численности профильных экспертных подразделений, о привлечении в них новых специалистов, повышении их профуровня, совершенствовании экспертных методик. Предпосылкой ответственности за совершенное деяние является осознание ложности сообщения, переданного в соответствии с ч. 1 ст. 207.3 УК РФ.

Цель преступления по ст. 207.3 УК РФ не содержит конкретных положений, поэтому она может меняться, не влияя на право на получение льгот. Преступный мотив указан как обязательный признак в пункте «г» (по корыстным мотивам; считаем, что это может быть материальная выгода от преступления) и пункте «г» (по политическим, идеологическим, расовым, этническим или религиозным мотивам). В своем решении суд указывает в качестве мотива политическую ненависть. Проблема борьбы за истину имеет не мифологизированный, а вполне реальный и жизненно необходимый характер. Только точное знание о явлении может служить опорой для принятия верных решений, иногда влияющих на будущее всего человечества.

В соответствии с Военной доктриной РФ ключевым внутренним военным опасностям можно отнести деятельность, направленную на воздействие на население посредством посланий, ориентированных преимущественно на молодых граждан страны, с целью подрыва исторических, духовно-патриотических традиций в области защиты Родины. По делам о преступлении, предусмотренном ст. 207.3 УК РФ, необходимым условием вменения распространения недостоверных сведений выступает опубликование официальной позиции по конкретному вопросу официальных

органов власти.

События февраля-марта 2022 г. показывают, что противодействие специальной военной операции осуществляется не только военным, но и информационным способом, позволяющим осуществлять дезинформацию общества и способствовать организации общественных беспорядков. В период проведения СВО выделилось такое явление как «фейки», являющиеся ничем иным, как оружием информационной войны. В такое время на российское уголовное право ложится важная задача противодействовать подобного рода преступным деяниям, которые способны привести как к заблуждению людей, так и вовсе стать почвой для опасных провокаций, вызванных вредоносным психологическим воздействием на граждан, успех которого не менее зависит от успехов в информационной войне, приводящих к неправильному формированию представлений о происходящих событиях и не позволяющих сформировать объективного мнения. Принцип «кто владеет информацией, тот владеет миром» никогда не теряет своей актуальности, особенно в случае, когда развернута самая настоящая информационная война, и уголовное право при таком положении дел должно выступать надежным щитом, защищающим общество от воздействия лиц и организаций, пытающихся дестабилизировать общественную ситуацию в своих интересах, что может привести к беспорядку и противоправности, всегда сопровождающим подобные процессы.

Важным является вопрос разработки мер противодействия распространению заведомо ложной информации. Стоит отметить, что сейчас принимаются достаточно фундаментальные меры по противодействию «фейкам» на законодательном уровне, однако, решить проблему лишь посредством закона и твердого проявления власти - невозможно, особенно в современном обществе. Сегодня выявляется и такая проблема, что не каждый гражданин, являющийся, к примеру, руководителем определенной информационной площадки, на которой происходит дезинформация, осознает степень важности происходящего и необходимость сотрудничества с органами власти. Зачастую сами введенные в заблуждение или проявляющие равнодушие к происходящему, они допускают попадание через свои площадки в Интернет недостоверной и вредоносной информации в силу недостаточно сформированного гражданского сознания, чьим важным качеством является ответственность за свои действия, происходящее вокруг.

Здесь находит свое место такой аспект, как правовая идеология, которая должна учитываться как необходимый фактор согласия между государством и обществом, так как правовая идеология в социальном смысле представляет собой договорное (консенсусное) явление (что также является важным признаком, связанным с ее дискурсивной природой). Степень соответствия правовой идеологии гражданского общества правовой идеологии страны определяет легитимность социальной власти и эффективность функционирования всей правовой системы (здесь можно также сказать, что дополнительная правовая мысль и общественно-правовая мысль).

Таким образом, для эффективного пресечения преступных деяний, связанных с проведением специальной военной операции, важным инструментом для предотвращения их совершения является формирование взаимосвязанных интересов государства и общества, активное донесение до граждан объективной информации о сложившейся ситуации и работа по укреплению гражданского самосознания, в частности, предполагающего формирование должного понимания гражданами

необходимости консолидироваться в столь неординарных обстоятельствах и готовности к сотрудничеству с органами государственной власти и правопорядка.

Единение юридической идеологии государства и правовой идеологии гражданского общества так же расширит возможности государства по формированию нормативно-правовой базы, регулирующей подобного рода нетривиальные ситуации, в которых оказывается государство, как, например, проведение специальной военной операции, но не сопровождающейся, при этом, введением военного положения, а также других ситуаций, в которых государство и общество сталкиваются с очевидными угрозами национальной безопасности.

Исходя из сложившейся ситуации, назрела необходимость на период проведения специальной военной операции создания специализированного подразделения или органа, осуществляющего выявление и пресечение преступных деяний, предусмотренных ст. 207.3 «Публичное распространение заведомо ложных сведений о применении Вооруженных Сил Российской Федерации» и ст. 1. 280.3 «Публичные действия, направленные на дискредитацию применения Вооруженных Сил Российской Федерации для защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности». Предлагается отнести эти преступные деяния на период ведения СВО к преступлениям средней тяжести или как отягчающие вину обстоятельства, которые увеличивают степень общественной опасности, включив данные положения в вышеперечисленные статьи УК РФ. Так же стоит обратить внимание и на тот факт, что в пространстве Интернет многократно участились случаи распространения непроверенной или заведомо ложной информации касательно ведения боевых действий, которые могли бы дискредитировать действия ВС РФ. Именно эта особенность отражает ситуацию с возникновением преступных деяний, связанных с проведением СВО.

Со времен последних крупных конфликтов, проходивших в период СССРа, наше государство еще не сталкивалось с таким организованным и систематическим информационным противостоянием, с которым столкнулось с началом специальной военной операции. Распространение заведомо ложной информации, информации экстремистского содержания или разжигающей этноконфессиональную вражду, с чем сейчас регулярно сталкиваются пользователи сети Интернет, согласно определению преступного деяния, преступное деяние – это действие (действие или бездействие), являющееся общественно опасным, противоправным, умышленным и причиняющее вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом.

В связи с этим, Госдумой и Советом Федерации 4.03.2022 г. утвержден и принят проект изменений в УК РФ, запрещающих распространять «заведомо ложную информацию» («фейки») о российских военных, антивоенных действиях и призывах, а также призывы к санкциям против России. Одним из факторов, детерминирующим развитие преступности, является активность лиц, уполномоченных в предусмотренных законом случаях на причинение вреда охраняемым общественным отношениям. Ффициальное разъяснение квалификации поведения, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ ВС Суд РФ до сих пор не принял, что, безусловно, негативно влияет на практику применения данной нормы [14]. Законодатели приняли меры по борьбе с умышленным распространением ложной информации о деятельности ВС РФ и других государственных органов, а также добровольческой армии, начиная с мер строгой ответственности. При этом

возникают и вопросы правильного применения нормы ст. 280.3 УК РФ. Несомненно, в современных реалиях ст. 207.3 УК РФ имеет огромное значение для политической стабильности общества. Необходимо решить указанные в этой статье вопросы, т.к. правильная квалификация этого деяния и справедливое наказание за него могут быть обеспечены путем единообразного применения закона.

Компетентные органы будут решать вопрос о привлечении к уголовной ответственности тех, кто открыто призывал к действиям, направленным против безопасности России, по корыстным мотивам или по найму, а также по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды, из-за ненависти или вражды к определенной социальной группе. Так же принято решение, согласно которому любые виды диверсионной деятельности относятся к преступлениям против безопасности страны. Кроме того, по решению суда теперь виновных будут лишать специальных, воинских и почетных званий, а также государственных наград. Это стало дополнительным наказанием за распространение заведомо ложной информации об использовании ВС РФ, публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности и введению мер ограничительного характера против России и ее граждан. По состоянию на сегодняшний день практика расследования преступлений данного вида в разных субъектах и ведомствах РФ находится в фазе зарождения. Знаковым моментом для принятия решения о возбуждении уголовного дела и определения направления расследования являются выводы эксперта о наличии либо отсутствии дискредитации.

Список литературы:

- 1.Абдулатипов А.М. Уголовно-правовая характеристика публичного распространения под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности. Юридический вестник Дагестанского государственного университета, 2022. Т. 42. № 2. С. 121-127.
- 2.Бриллиантов А.В. Ответственность за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации. Российское правосудие, 2023. № 1. С. 21-28.
- 3.Борисов А.В. Проблемы, практика применения и возможности совершенствования положений об ответственности за совершение преступления, предусмотренного статьей 207.3 УК РФ. Военное право, 2023. № 2 (78). С. 156-161.
- 4.Бугера Н.Н. Публичное распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооружённых Сил Российской Федерации: некоторые вопросы толкования уголовного закона. Вестник Волгоградской академии МВД России, 2022. № 2 (61). С. 25-30.
- 5.Дулькина Л.В. Публичное распространение «фейков» об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации и исполнении государственными органами РФ своих полномочий: сложности доктринального понимания. Вестник юридического факультета Южного федерального университета, 2022. Т. 9. № 3. С. 97-101.
- 6.Кашин В.С. Особенности квалификации публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий (статья 207.3 УК РФ). Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации, 2022. № 4 (34). С. 46-51.
- 7.Кибальник А.Г. Уголовная ответственность за распространение фейков об использовании Вооружённых Сил РФ. Как применять новую норму УК. Уголовный процесс, 2022. № 5 (209). С. 62-69.
- 8.Шамаев А.М. Вопросы правоприменительной практики квалификации деяний, подпадающих под ст. 207.3 УК РФ (Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооружённых сил Российской Федерации). Пробелы в российском законодательстве, 2022. Т. 15. № 3. С. 95-100.
9. Шеншин В.М. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации как преступление, посягающее на общественную безопасность. Военное право, 2022. № 3 (73). С. 216-211.
10. Степанов-Егиянц В.Г. К вопросу о криминализации распространения заведомо ложной информации об использовании Вооружённых Сил РФ. Евразийский юридический журнал, 2022. № 3 (166). С. 378.
11. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. М., 1985. С. 141.
12. Философская энциклопедия // dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1739/амфиболия
13. Мерецкий Н.Е. Применение криминалистической диагностики в методике расследования преступлений. Вестник Дальневосточного юрид. ин-та МВД России, 2023. № 1 (62). С. 65-72.

14. Бюллетень Верховного Суда РФ. М., 2020. № 6. С. 13.

Chizhova E. S. Social conditionality of establishing criminal liability for the offence under art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 3. – P. 526–535.

The article analyzes theoretical and applied issues of implementing criminal liability for disseminating false information about the Armed Forces of the Russian Federation (Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation); the problem of qualification of individual criminal acts committed during the period of a special military operation by the Armed Forces of the Russian Federation is investigated; the rationale is given that a necessary condition for imputing the dissemination of false information within the meaning of Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation is the publication of an official position on a specific issue of official authorities; it is concluded that the criminal law norm on libel (Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) and Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation do not correlate with each other as competing; It turns out that the situation of applying Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation and Art. 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation in its ideal totality.

Keywords: research, special military operation, discredit, criminal liability, examination, expert error, false information about the Armed Forces of the Russian Federation, slander, deception, crimes, public dissemination of knowingly false information, use of the Armed Forces of the Russian Federation, punishment, criminal law, “fakes”, anti-war protests, information partnership.

Spisok literatury:

1. Abdulatipov A.M. Criminal-legal characteristic of public dissemination under the guise of reliable reports of deliberately false information containing data on the use of the Armed Forces of the Russian Federation in order to protect the interests of the Russian Federation and its citizens, maintenance of international peace and security. Legal Bulletin of Dagestan State University, 2022. T. 42. № 2. C. 121-127.
2. Brilliantov A.V. Responsibility for dissemination of knowingly false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation. Russian Justice, 2023. № 1. C. 21-28.
3. Borisov A.V. Problems, practice of application and possibilities of improvement of provisions on responsibility for committing an offence under Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. Military Law, 2023. № 2 (78). C. 156-161.
4. Bugera N.N. Public dissemination of knowingly false information about the activities of the Armed Forces of the Russian Federation: some issues of interpretation of criminal law. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. № 2 (61). C. 25-30.
5. Dulkina L.V. Public dissemination of ‘fakes’ about the use of the Armed Forces of the Russian Federation and the execution by state bodies of the Russian Federation of their powers: difficulties of doctrinal understanding. Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University, 2022. T. 9. № 3. C. 97-101.
6. Kashin V.S. Peculiarities of qualification of public dissemination of knowingly false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation, the execution by state bodies of the Russian Federation of their powers (article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation). Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022. № 4 (34). C. 46-51.
7. Kibalnik A.G. Criminal liability for dissemination of fakes about the use of the Armed Forces of the Russian Federation. How to apply the new norm of the Criminal Code. Criminal Process, 2022. № 5 (209). C. 62-69.
8. Shamaev A.M. Issues of law enforcement practice of qualification of acts falling under Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation (Public dissemination of knowingly false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation). Gaps in Russian legislation, 2022. T. 15. № 3. C. 95-100.
9. Shenshin V.M. Public dissemination of knowingly false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation as a crime encroaching on public safety. Voennoe pravo, 2022. № 3 (73). C. 216-211.
10. Stepanov-Yegiyants V.G. To the question of criminalisation of dissemination of knowingly false information about the use of the Armed Forces of the RF. Eurasian Law Journal, 2022. № 3 (166). C. 378.
11. Chekhov A.P. Complete Collection of Works and Letters in 30 vols. M., 1985. C. 141.
12. Philosophical Encyclopaedia // dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1739/amphiboly.
13. Meretsky N.E. Application of criminalistic diagnostics in the methodology of crime investigation. Vestnik Dalnevostochnogo jurid. inst. of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. № 1 (62). C. 65-72.
14. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. M., 2020. № 6. C. 13.

УДК 343.9

ЛИЧНОСТЬ КИБЕРБУЛЛЕРА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И МОТИВАЦИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Чич Ю. А.

Кубанский государственный университет

Статья посвящена анализу личности кибербуллера – человека, совершающего преступления в виртуальном пространстве путем оскорблений, угроз и травли. Рассматриваются различные типы кибербуллеров, их мотивация, психологические характеристики и поведенческие особенности. Особое внимание уделяется ролевой структуре кибербуллинга, включающей роли хулигана, жертвы, свидетеля и жертвы-хулигана. Также приводятся данные исследований, показывающие связь между кибербуллингом и издевательствами в реальной жизни, влияние родительского контроля на риск вовлечения в кибербуллинг. В статье подчеркивается, что виртуальная личность кибербуллера формируется в процессе онлайн-коммуникации и может существенно отличаться от реального прототипа, приобретая девиантные установки и деструктивное поведение.

Ключевые слова: кибербуллинг, кибербуллер, личность преступника, киберагрессия, мотивация преступного поведения, психологические характеристики, виртуальная личность, девиантное поведение.

Личность преступника представляет собой разновидность личности в целом. Как отмечал Ю.М. Антонян личность — это социальное качество человека, характеризующееся наличием сознания, речи и способностью к деятельности [1]. Человек не рождается личностью, а становится ею в процессе социального взаимодействия, что делает невозможным формирование личности вне общества. Аналогично, человек не рождается преступником, а становится им вследствие неблагоприятного нравственного формирования его личности. В контексте преступной деятельности человек также действует как социальное существо. Исходя из изложенного его следует рассматривать как носителя различных форм общественной психологии, приобретенных нравственных, правовых, этических и иных взглядов и ценностей, а также индивидуально-психологических особенностей [1]. Криминологические особенности личности преступника являются первичными и основными причинами преступных действий, что обуславливает необходимость их рассмотрения в качестве объекта определенного комплекса профилактических мер [13]. Противоправное деяние следует рассматривать не только как результат взаимодействия личности с конкретной жизненной ситуацией, но и как следствие реализации криминогенных особенностей личности, взаимодействующей с различными ситуативными факторами.

По В.Н. Кудрявцеву, личность преступника — это личность любого человека, который виновно совершил противоправное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания [9, с. 12]. Большинство ученых, согласные с данным определением, выделяют общественную опасность и антиобщественную направленность как специфические черты личности преступника. Ю.А. Воронин утверждает, что личность преступника - совокупность различных признаков и свойств индивида, обладающих антисоциальной направленностью, которая проявляется в самом факте совершения противоправного деяния [7, с. 6]. В криминалистике понятие «личность преступника» охватывает систему биологических социальных и психических свойств человека. Данные характеристики, отраженные в окружающей

среде, могут существенно влиять на организацию деятельности по раскрытию и расследованию преступлений [8]. В правовой доктрине этот комплекс характеристик часто называется «единым портретом» преступника [8]. В криминологии выделяют разные аспекты структуры личности преступника, включая социально-демографические, социально-психологические, анатомо-психофизиологические, нравственно-психологические, уголовно-правовые и другие характеристики [15]. Исследователи приходят к выводу о важности разделения этих признаков на внешние (социальные и правовые) и внутренние (психологические). Особо значимым психологическим аспектом является мотивация преступного поведения, включающая мотивы, потребности, цели и другие мотивационные компоненты [11, с. 25]. Особенности личности кибербуллера заключаются в совершении им общественно опасных действий через средства коммуникации посредством намеренных оскорблений, угроз, грубого обращения или насмешки в отношении одного или нескольких лиц [14, с. 44]. В контексте несовершеннолетних преступников возраст играет ключевую роль, влияя на структуру их криминальной личности.

В свою очередь исследования причин (мотивов) кибербуллинга позволили установить, что главенствующей детерминантой данного феномена являются хулиганские настроения и стремление к мести (76%), проявляющиеся через оскорбления и распространение компрометирующих данных, включая порнографический материал [4]. Также утверждается, что мотивацией кибераггессоров обычно являются ненависть, злоба, месть [18], одержимость в отношениях, сексуальное притяжение или неспособность смириться с отказом [24]. Аггессоры часто проявляют агрессивность и мстительность, наслаждаются унижением других, а анонимность в сети придает им чувство власти и безнаказанности над жертвой.

Цифровые средства коммуникации (социальные сети, блоги и почта), служат кибераггессорам для поиска жертв [8; 12], но часто атаки кибераггессоров направлены на людей, которых они знают в реальной жизни. По исследованию, 128 участников знали своего аггессора в интернете. Так, исследование [3] показало, что 32,1 % опрошенных участвовали в кибераггессии. При этом опрошенные акцентировали внимание на внешний вид жертвы (9,3 %), ее поведение (72,0 %), информацию, опубликованную в соцсетях (8,0 %), и предыдущие взаимодействия с жертвой (месть, неразделенная любовь и т.д.) (36,0 %) как причины для аггессии. Из тех, кто проявлял кибераггессию, 25,3 % регулярно становились жертвами кибербуллинга, и только 16,0 % никогда не испытывали кибербуллинг. Кибераггессоры были мужчины и женщины (48 и 52 % соответственно). При выборе жертвы кибераггессор использует все доступные способы, чтобы собрать как можно больше информации о жертве и ее реакции на атаки. Если ему не удастся получить нужную информацию, он начинает искать среди родных, друзей, коллег или однокурсников.

Киберхулиганы атакуют своих жертв, используя компьютеры или смартфоны для отправки оскорбительных сообщений, фото или видео, действуя как напрямую, так и через интернет-пространство. Выявлена когерентность кибербуллинга и реальных издевательств: примерно 1/3 обычных хулиганов также участвуют в кибербуллинге, и 16,7% жертв реальных издевательств признались в участии в таких действиях [23]. Такие дети часто испытывают отчуждение в школе, имеют низкую социальную поддержку и успеваемость. Исследования также показали, что недостаточный родительский контроль над использованием интернета усиливает риск [25].

Исследователи определяют четыре типа участников кибербуллинга, классифицируя их по мотивам и методам действий: 1. *«Ангел мести»* — этот тип считает свои действия оправданными и часто занимается кибербуллингом в ответ на собственные переживания от буллинга. Такие подростки обычно действуют из-под тишка, оправдывая свои действия меньшей, по их мнению, вредностью, и часто являются теми, кто сам когда-то был жертвой, не обладает физической силой и стремится перейти в позицию силы в цифровом мире [14]. 2. *«Жаждающий власти»* — аналог школьного булли, стремящийся к контролю и авторитету. Такой участник может быть менее физически подготовленным по сравнению со сверстниками или испытывать чувство беспомощности из-за личных проблем, как, например, болезнь или развод родителей. 3. *«Противная девочка»* — термин, который может относиться как к девочкам, так и к мальчикам. Эти участники занимаются кибербуллингом для развлечения, наслаждаясь страхом и унижением других. 4. *«Неумышленные преследователи»* — вовлекаются в кибербуллинг случайно, следуя за другими, кто распространяет негативные сообщения, и часто становятся соучастниками и свидетелями без прямого намерения навредить [2].

К. Холла [22] в рамках общей классификации субъектов киберзапугивания выделяет две категории кибербуллеров – киберагрессоры (кибертираны) и комбинированные агрессоры, т.е. лица, осуществляющие травлю в реальности, так и в виртуальном пространстве [21]. В процессе общения в интернете формируется виртуальная личность, которая может значительно отличаться от реального образа человека. В такой среде личность может проявить и развить девиантные черты, ведущие к деструктивному поведению, опасному как для самого индивида, так и для его окружения. Кибербуллеры, которые могут быть как взрослыми, так и подростками, иллюстрируют эту проблему своей систематичностью, агрессивностью и доминированием над жертвой. Во всех исследованиях кибербуллинга выделяется одна и та же ролевая структура, включающая хулигана, жертву, свидетеля и жертву-хулигана. Особо примечательна роль жертвы-хулигана, когда бывшая жертва превращается в агрессора в онлайн-среде. Стоит отметить, что хотя ролевая модель одинакова для обоих полов, способы и формы кибербуллинга различаются: девочки чаще занимаются спорами и распространением сплетен, тогда как мальчики склонны к преследованию и агрессивным нападениям в сети [6].

Для решения задач в профилировании и разработке стратегий предупреждения преступлений перспективной смотрится модель нарративных действий (NASM) Д. Кантера и Д. Янга представляющая собой анализ преступного поведения через призму ролей, которые преступники могут принимать в ходе совершения преступлений [16]. Рассматриваемая модель выделяет 4 основные нарративные роли, каждая из которых иллюстрирует разные психологические и поведенческие мотивы преступников [20]: 1) «адаптивный профессионал»; 2) «консервативная трагедия "Мстителя"»; 3) «интегративная ирония Жертвы»; 4) «экспрессивный поиск Героя».

1) Адаптивный Профессионал. Указанная роль олицетворяет индивидов, которые видят в преступлении возможность продемонстрировать свои навыки и профессионализм. Такие преступники обычно очень уверены в себе, методичны и компетентны. Они стремятся контролировать ситуацию и окружающую среду, что приводит к хорошо спланированным и исполненным преступлениям. **2) Консервативная трагедия Мстителя.** Преступники, относящиеся к этой категории, чувствуют

глубокое обиженность и стремление к мести. Их действия часто движимы личными обидами и эгоизмом, что может привести к внезапным и жестоким актам насилия. Эта роль характеризуется комплексом двойственности в поведении. **3) Интегративная ирония Жертвы.** Главные действующие лица считают себя бессильными и недостаточно компетентными, ощущая себя запутавшимися в обстоятельствах. Эта роль связана с переживанием постоянных негативных эмоций, которые могут проявляться в саморазрушающем поведении или пассивности. **4) Экспрессивный поиск Героя.** Личности соответствующие данной ролевой модели движимы четкими убеждениями или миссией. Они видят преступление как необходимость и часто игнорируют влияние своих действий на жертв. Преступления, совершаемые этими индивидами, часто сопровождаются экстремальным насилием и жестокостью, в то время как сами преступники испытывают возбуждение и положительные эмоции.

В целом, использование модели нарративных действий позволяет глубже понять, какие повествовательные роли принимает преступник, что может помочь в расследовании и профилировании. Рассмотрение преступлений через нарративные роли предоставляет уникальные инсайты в мотивации и поведение правонарушителей, делая анализ более глубоким и всесторонним. Резюмируя, на основе анализа имеющихся исследований, можно сформировать следующие группы, характеризующие криминалистически значимые свойства личности кибербуллера: *Социально-демографические: Возраст.* Большинство кибербуллеров — это подростки и молодые люди до 25 лет. Данная возрастная категория характеризуется повышенной эмоциональностью, максимализмом, стремлением к самоутверждению и риску. *Пол.* Среди кибербуллеров встречаются как мужчины, так и женщины. Некоторые исследования показывают, что лица женского пола чаще выступают организаторами и подстрекателями травли в интернете [5]. *Образование и социальный статус.* Кибербуллинг не имеет прямой корреляции с уровнем образования и социальным положением. Кибербуллерами могут быть как учащиеся школ, так и студенты или работающие лица. Здесь применимы базовые паттерны личности преступника, говорящие о том, что уровень образования преступников ниже, чем у других групп населения, низка доля лиц, имеющих высшее и среднее специальное образование [1].

Психологические свойства: Агрессивность. Для кибербуллеров характерен повышенный уровень агрессивности, которая находит выход в виртуальном пространстве. Мотивы агрессии могут быть различными: зависть, месть, самоутверждение, развлечение и др. *Эмоциональная незрелость.* Многие кибербуллеры отличаются эмоциональной незрелостью, неспособностью контролировать свои эмоции и импульсивные побуждения. *Дефекты правосознания.* Кибербуллеры зачастую обладают искаженными представлениями о допустимом поведении в интернете, не осознают в полной мере последствия своих действий, считают себя анонимными и безнаказанными. *Недостаток эмпатии.* Для кибербуллеров свойственно отсутствие сопереживания жертве, неспособность поставить себя на её место и прочувствовать причиняемые страдания.

Поведенческие признаки: Интенсивное использование интернета и соцсетей. Кибербуллеры, как правило, проводят много времени онлайн, имеют несколько аккаунтов в соцсетях, активно участвуют в интернет-коммуникации. *Девиянтное поведение.* У многих кибербуллеров наблюдаются те или иные формы девиантного поведения: агрессия, употребление психоактивных веществ, делинквентность и др. *Социальная изолированность в реальной жизни.* Нередко кибербуллеры испытыва-

ют трудности в непосредственном общении, имеют мало друзей, подвергаются буллингу в школе или иных социальных группах.

Таким образом, криминалистическое изучение личности преступника-кибербуллера имеет важное научное и практическое значение. Знание типичных свойств и признаков личности кибербуллера позволяет выдвигать версии о субъекте преступления, планировать и осуществлять его розыск, проводить эффективные следственные действия. В то же время, личность каждого конкретного кибербуллера обладает индивидуальными особенностями, которые требуют учёта при расследовании уголовных дел данной категории.

Список литературы:

1. Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. М., 2004. 448 с.
2. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал ВШЭ. 2014. № 3. С. 177-191.
3. Бочкарева Е. В., Стренин Д. А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 1. С. 91-97.
4. Введенская О. Ю. Характеристика личности интернет-преступников // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4 (30). С. 116-118.
5. Вихман А. А. Личностные предикторы кибервиктимности и кибербуллинга в юношеском возрасте // Психология и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 94-106.
6. Волкова Е. Н. Обзор зарубежных исследований по проблеме кибербуллинга среди подростков и молодежи // Теоретическая и экспериментальная психология. 2019. № 2. С. 71-81.
7. Воронин Ю. А. Типология личности преступников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. 26 с.
8. Кондрашкин А. В. Девиантное поведение подростков и Интернет: изменение социальной ситуации // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 3. С. 102-113.
9. Криминалистическое изучение личности: научно-практическое пособие для магистров / А. Г. Бедризов, Т. С. Волчецкая, Н. В. Галяшин и др.; отв. ред. Я. В. Комиссарова. М.: Проспект, 2016. 224 с.
10. Личность преступника: монография / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М.: Юрид. лит., 1971. 355 с.
11. Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения. М., 1991. 383 с.
12. Парфентьев У. Кибер-агрессоры // Дети в информационном обществе. 2009. № 2. С. 66-67.
13. Путинцева А. В. К вопросу о характеристике личности несовершеннолетнего кибербуллера // Евразийский Союз Ученых. 2019. № 10-3 (67). С. 33-35.
14. Путинцева А. В. Криминологическая характеристика личности кибербуллера // Научные исследования. 2020. № 2 (33). С. 42-44.
15. Сашенков С. А., Стефанский А. Л. Криминологические особенности личности преступника, совершающего преступления в социальных сетях // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 4 (50). С. 32-38.
16. Canter D., Youngs D. Narratives of criminal action and forensic psychology // Legal and Criminological Psychology. 2012. Vol. 17. Pp. 262-275.
17. Cyberbullying: An Interview with Parry Aftab [Электронный ресурс]. – URL: <http://etcjournal.com/2011/02/17/7299/> (дата обращения: 04.06.2024)
18. Dooley J., Pyzalski J., Cross D. Cyberbullying versus face-to-face bullying: A theoretical and conceptual review // Journal of Psychology. 2009. Vol. 217. Pp. 182-188.
19. Eden S., Heiman T. & Olenik-Shemesh D. Bully versus victim on the internet: The correlation with emotional-social characteristics // Education and Information Technologies. 2016. Vol. 21. Pp. 699-713
20. Fumagalli A., Trayford T. J., Chrysikos A. Cyberbullying: Differentiating Offenders Criminal Roles using a Narrative-Based Approach // Legal and Criminological Psychology. 2024. Vol. 29. Pp. 1-16.
21. Hladíková V. & Gálíková Tolnaiová, S. Cyber Aggressors, Their Motives, Emotions and Behavioural Tendencies in The Process of Cyberbullying // Ad Alta: Journal of Interdisciplinary Research. 2019. Vol. 9.
22. Hollá K. Sexting a kyberšikana. Bratislava, 2016. 165 p.
23. Li Q. Bullying in the new playground: Research into cyberbullying and cyber-victimization // Australasian Journal of Educational Technology. 2007. Vol. 23. Pp. 435-454.
24. Medina A. C. Una nueva cara de Internet: El acoso // Educación y Comunicación en la Sociedad del Conocimiento. 2003. № 1.
25. Vandeboosch H., Van Cleemput K. Cyberbullying among youngsters: Profiles of bullies and victims // New Media and Society. 2009. Vol. 11. Pp. 1349-1371.

Chich Yulia A. The personality of a cyberbully: psychological characteristics and motivation for criminal behavior in the virtual space // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 3. – P. 536-541.

The article is devoted to the analysis of the personality of a cyberbully - a person who commits crimes in the virtual space through insults, threats and bullying. Various types of cyberbullies, their motivation, psychological characteristics and behavioral characteristics are considered. Particular attention is paid to the role

structure of cyberbullying, including the roles of bully, victim, witness and victim-bully. It also provides research data showing the connection between cyberbullying and bullying in real life, and the influence of parental control on the risk of involvement in cyberbullying. The article emphasizes that the virtual personality of a cyberbully is formed in the process of online communication and can differ significantly from the real prototype, acquiring deviant attitudes and destructive behavior.

Keywords: cyberbullying, cyberbuller, personality of the criminal, cyber aggression, motivation for criminal behavior, psychological characteristics, virtual personality, deviant behavior.

Spisok literaturi:

1. Antonyan Yu.M. Kriminologiya. Izbrannye lektsii. M., 2004. 448 s.
2. Bozhav A.A., Khlomov K.D. Kiberbulling: travlya v prostranstve sovremennykh tekhnologiy // Psikhologiya. Zhurnal VShE. 2014. № 3. S. 177-191.
3. Bochkareva E.V., Strenin D.A. Teoretiko-pravovye aspekty kiberbullinga // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. 2021. № 1. S. 91-97.
4. Vvedenskaya O. Yu. Kharakteristika lichnosti internet-prestupnikov // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 4 (30). S. 116-118.
5. Vikhman A.A. Lichnostnye prediktory kiberviktimnosti i kiberbullinga v yunosheskom vozraste // Psikhologiya i pravo. 2023. T. 13, № 1. S. 94-106.
6. Volkova E.N., Volkova I.V., Golubovskaya A.S. Obzor zarubezhnykh issledovaniy po probleme kiberbullinga sredi podrostkov i molodezhi // Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya. 2019. № 2. S. 71-81.
7. Voronin Yu.A. Tipologiya lichnosti prestupnikov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Sverdlovsk, 1974. 26 s.
8. Kriminalisticheskoye izucheniye lichnosti: nauchno-prakticheskoye posobie dlya magistrrov / A.G. Bedrizov, T.S. Volchetskaya, N.V. Galyashin i dr.; otv. red. Ya.V. Komissarova. M.: Prospekt, 2016. 224 s.
9. Lichnost' prestupnika: monografiya / otv. red. V. N. Kudryavtsev. M.: Yurid. lit., 1971. 355 s.
10. Lunev V.V. Motivatsiya prestupnogo povedeniya. M., 1991. 383 s.
11. Putintseva A.V. K voprosu o kharakteristike lichnosti nesovershennoletnego kiberbullera // Evraziyskiy Soyuz Uchenykh. 2019. № 10-3 (67). S. 33-35.
12. Putintseva A.V. Kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti kiberbullera Nauchnye issledovaniya. 2020. № 2(33). S. 42.
13. Sashenkov S.A., Stefanskiy A.L. Kriminologicheskie osobennosti lichnosti prestupnika, sovershayushchego prestupleniya v sotsial'nykh setyakh // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 4 (50). S. 32-38.
14. Parfent'yev U. Kiber-agressory // Deti v informatsionnom obshchestve. 2009. № 2. S. 66-67.
15. Kondrashkin A.V. Deviantnoye povedeniye podrostkov i Internet: izmeneniye sotsial'noy situatsii // Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2012. T. 9, № 3. S. 102-113.
16. Canter D., Youngs D. Narratives of criminal action and forensic psychology // Legal and Criminological Psychology. 2012. Vol. 17. Pp. 262-275.
17. Cyberbullying: An Interview with Parry Aftab [Электронный ресурс]. – URL: <http://etcjournal.com/2011/02/17/7299/> (дата обращения: 04.06.2024)
18. Dooley J., Pyzalski J., Cross D. Cyberbullying versus face-to-face bullying: A theoretical and conceptual review // Journal of Psychology. 2009. Vol. 217. Pp. 182-188.
19. Eden S., Heiman T. & Olenik-Shemesh D. Bully versus victim on the internet: The correlation with emotional-social characteristics // Education and Information Technologies. 2016. Vol. 21. Pp. 699-713
20. Fumagalli A., Trayford T.J., Chrysikos A. Cyberbullying: Differentiating Offenders Criminal Roles using a Narrative-Based Approach // Legal and Criminological Psychology. 2024. Vol. 29. Pp. 1-16.
21. Hladíková V. & Gáliková Tolnaiová, S. Cyber Aggressors, Their Motives, Emotions and Behavioural Tendencies in The Process of Cyberbullying // Ad Alta: Journal of Interdisciplinary Research. 2019. Vol. 9. Pp. 71-76.
22. Hollá K. Sexting a kyberšikana. Bratislava, 2016. 165 p.
23. Li Q. Bullying in the new playground: Research into cyberbullying and cyber- victimization // Australasian Journal of Educational Technology. 2007. Vol. 23. Pp. 435-454.
24. Medina A.C. Una nueva cara de Internet: El acoso // Educación y Comunicación en la Sociedad del Conocimiento. 2003. № 1.
25. Vandebosch H., Van Cleemput K. Cyberbullying among youngsters: Profiles of bullies and victims // New Media and Society. 2009. Vol. 11. Pp. 1349-1371.

СРОЧНО В НОМЕР

УДК 340

**О ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
ВОЙСК НКВД СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Бутов С. В.

*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
Российской Федерации*

В статье рассматриваются правовые основы привлечения военнослужащих войск НКВД СССР к дисциплинарной ответственности в годы Великой Отечественной войны. На основе анализа нормативных правовых актов военного времени и архивных материалов раскрываются содержание советской воинской дисциплины, порядок привлечения фронтовиков войск внутреннего предназначения к дисциплинарной ответственности, виды взысканий, применяемых к различным составам военнослужащих, устанавливается прообраз грубых дисциплинарных проступков, отсутствовавших в годы войны в Дисциплинарном уставе Красной Армии.

Ключевые слова: войска НКВД, дисциплинарная ответственность, воинская дисциплина, взыскание, проступок, Великая Отечественная война.

В годы ВОВ приоритетной целью правовых актов, регулировавших дисциплинарные отношения военнослужащих, являлось поощрение самоотверженных действий фронтовиков, направленных на точное и беспрекословное выполнение боевых приказов командиров (начальников).

Нормативная база дисциплинарной ответственности военнослужащих войск НКВД была заложена в предвоенный период. В отличие от общих требований к воинской дисциплине, содержащихся в Законе СССР 1939 г., УВС-37, приказах и директивах органов военного управления специальным юридическим документом, регламентировавшим дисциплинарную ответственность военнослужащих войск НКВД, являлся «Дисциплинарный устав Красной Армии» [1] (далее – ДУ), введенный в действие в октябре 1940 г. и распространенный на войска внутреннего предназначения. Директива Главного управления политпропаганды войск НКВД СССР от 28.11.1940 требовала обязательного изучения и разъяснения статей Дисциплинарного устава. В ней указано, что «основным содержанием советской воинской дисциплины является: а) твердое знание и повседневное выполнение военной присяги; б) твердое знание и строгое соблюдение установленного в Красной Армии порядка, основанного на законах Советского правительства и на воинских уставах, регламентирующих жизнь, быт и боевую деятельность войск; в) точное и беспрекословное выполнение приказа командира (начальника)» [2, с. 587].

Согласно требованиям Устава, военнослужащие войск НКВД обязаны были строго хранить военную тайну, показывать пример дисциплинированности, удерживать других бойцов от нарушения воинской дисциплины, ответственность за состояние которой возлагалась на командиров (начальников) всех степеней. Последние обязаны были быть строгими, но справедливыми по отношению к вверенному им личному составу. Устав (ст. 6) наделял командира правом обеспечить выполнение требований приказа посредством любых мер, в том числе с применением силы и оружия, в противном случае за бездействие он мог быть привлечен к уголовной ответственности. Командир (начальник) освобождался от ответственности за применение в отношении своего подчиненного оружия, когда эти действия соответствовали сложившейся служебно-боевой обстановке.

Согласно ст. 8 ДУ приказ командира (начальника) являлся законом для подчиненного: «он должен быть выполнен безоговорочно, точно и в срок, невыполнение приказа являлось преступлением и каралось судом военного трибунала» [1]. Вместе с тем военнослужащий не был обязан выполнять преступный приказ. В ст. 6 Устава внутренней службы РККА 1937 г. указывалось: «Военнослужащий обязан беспрекословно исполнять приказы начальников кроме явно преступных. Получив явно преступное приказание, подчиненный, не исполняя его, обязан был немедленно доложить об этом вышестоящему командиру и военному комиссару. Начальник, отдавший преступное приказание, и подчиненный, исполнивший его, подлежат ответственности по закону» [3].

Дисциплинарный устав не давал определения проступку, но, анализируя нормы ДУ, можно прийти к выводу, что таковым являлось нарушение воинской дисциплины или общественного порядка, не влекущее уголовную ответственность военнослужащего. Перечень дисциплинарных проступков или нарушений, за которые наступала дисциплинарная ответственность, Устав не содержал. В отличие от действующего Устава ВС РФ он не предусматривал перечень грубых дисциплинарных проступков. Вместе с тем анализ норм УК позволяет выделить составы преступлений, граничащие с дисциплинарными проступками. При наличии смягчающих или отсутствии отягчающих обстоятельств за подобные деяния могли применяться санкции, предусмотренные Дисциплинарным уставом.

К таким правонарушениям в военное время относились: «оскорбление на словах или ненасильственным действием (ст. 193-5в); оскорбление в случае, когда оскорбитель и оскорбленный не состояли между собой в отношениях подчиненности или старшинства (ст. 193-6б); самовольная отлучка рядового и младшего начальствующего состава продолжительностью до 2-х часов, совершенная впервые (ст. 193-7а); нарушение уставных правил караульной или конвойной службы (ст. 193-15б)» [4] и др. Дисциплинарная ответственность военнослужащих войск НКВД также наступала в случае нарушения последними требований уставов, общественного порядка, формы одежды и др. Анализ архивных источников позволяет сделать вывод, что наиболее распространенными дисциплинарными проступками в войсках НКВД были пьянство, самовольная отлучка, сон на посту и иные нарушения правил несения службы [5].

Эффективным правовым средством борьбы с нарушителями воинской дисциплины явился изданный в конце октября 1942 г. и объявленный начальником ГУВВ НКВД личному составу для неукоснительного соблюдения приказ № 0860 [6]. Приказ требовал от начальников гарнизонов задерживать, содержать под строгим арестом на гауптвахтах или передавать суду военного трибунала дезертиров, военнослужащих, отставших от эшелонов и команд, имевших документы на командировку с явными нарушениями, дискредитировавших Вооруженные Силы (хулиганов, попрошайек, неряшливых, пьяных и пр.), уличенных в продаже предметов вещевого довольствия [7].

В военные годы военнослужащие войск НКВД привлекались к дисциплинарной ответственности как за нарушение воинской дисциплины в боевой деятельности, так и за дисциплинарные проступки, не связанные с боевым применением войск. Особое беспокойство у командования вызывало пьянство военнослужащих, при этом наибольшую опасность для дисциплинарных отношений составлял не сам факт

пьянства, а его последствия, выраженные в совершении военнослужащими противоправных действий. Примеров тому в годы войны было не мало. Так, находясь в состоянии алкогольного опьянения, красноармеец пограничного полка Казаков В. П., не справившись с управлением автомобилем, совершил аварию, последствием которой стал выход автомобиля из строя. За этот проступок приговором военного трибунала Казаков В. П. был осужден к пяти годам лишения свободы в исправительно-трудовом лагере [8, с. 50].

В ряде случаев пьянство приводило к отравлению военнослужащих. Так, 3.01.1944 г. ст. сержант Топориков и старшина Миньков, военнослужащие 13 заставы 23 пп, будучи в служебном наряде достали 2 бутылки антифриза, посчитав его за ром, распили частично на посту, а остальное на заставе. Начальник заставы ст. лейтенант Бышев вместо прекращения распития антифриза через ст. сержанта Калмышева достал антифриз и распил его вместе с подчиненными. В результате от отравления антифризом 2-е военнослужащих скончались, 7 получили отравление и были направлены в госпиталь [9]. С 1.05.1942 г. по 12.05.1945 г. только в войсках охраны тыла было зарегистрировано 43 случая отравления метиловым спиртом [10, с. 89].

Оценка тяжести совершенного дисциплинарного проступка возлагалась на командира (начальника), обладавшего полномочиями по привлечению военнослужащего к дисциплинарной ответственности. Объем таких полномочий (дисциплинарных прав) зависел от занимаемой должности командира (начальника), который определял меру дисциплинарного взыскания по своему личному усмотрению (убеждению) в пределах, предоставленных ему Дисциплинарным уставом прав. При наложении взыскания к учету принимались характер дисциплинарного проступка, условия и кратность его совершения, выслуга лет военнослужащего и его служебная характеристика. В ст. 12 ДУ было дано определение дисциплинарному взысканию как: «наказание, применяемое к военнослужащим властью их прямого или непосредственного начальника, которому они постоянно или временно подчинены» [1]. Дисциплинарное взыскание являлось средством воспитания военнослужащих. К рядовому составу войск НКВД согласно ст. 14 ДУ могли быть применены следующие виды взысканий: «выговор, выговор перед строем, увольнение из расположения части на срок до 6 недель, назначение в наряд вне очереди (до 8-ми нарядов), простой арест с содержанием на гауптвахте до 20-ти суток, строгий арест с содержанием на гауптвахте до 10-ти суток, предание красноармейскому товарищескому суду» [1].

Перечень дисциплинарных взысканий, применяемых к младшему начсоставу войск НКВД, был шире. В него входили: «выговор с объявлением в приказе, снижение в звании и в должности, отстранение от должности с разжалованием в рядовые» [1]. Младший начсостав сверхсрочной службы в случае привлечения к дисциплинарной ответственности наряду с взысканиями личного характера, мог претерпевать неблагоприятные материальные последствия в виде «простого ареста с содержанием на гауптвахте на срок до 15 суток с исполнением служебных обязанностей и удержанием 25 % суточной заработной платы за каждый день ареста; строгого ареста с содержанием на гауптвахте (за исключением старшин) на срок до 10 суток без исполнения служебных обязанностей и с удержанием 50 % суточной заработной платы за каждый день ареста» [1].

Свои особенности имели дисциплинарные взыскания, налагаемые на средний и старший начсостав военнослужащих войск НКВД. Только к указанной категории лиц применялся «домашний арест на срок до 15 суток с исполнением служебных обязанностей и удержанием 50 % суточной зарплаты за каждый день ареста, лишение на срок до 6 месяцев процентной надбавки к зарплате за выслугу лет, задержка в присвоении очередного воинского звания по выслуге лет на 1 год» [1].

К высшему начальствующему составу, в отличие от других категорий военнослужащих, могли применяться такие дисциплинарные взыскания как «замечание и лишение на срок до 6-ти месяцев процентной надбавки за выслугу лет» [1]. ДУ для начальствующего состава (кроме младшего, находившегося на действительной службе) предусматривалось дисциплинарное взыскание в виде увольнения в запас или отставку. В ходе исследования не были обнаружены материалы, свидетельствующие о применении этого взыскания к военнослужащим войск НКВД в годы войны, что соответствует условиям военного времени.

В гл. III и IV ДУ определялись полномочия должностных лиц по наложению дисциплинарных взысканий на подчиненный личный состав. Объем дисциплинарных прав, предоставленных командирам (начальникам), находился в прямой зависимости от занимаемой воинской должности. Гл. V устанавливала порядок наложения дисциплинарных взысканий в особых случаях, когда военнослужащие находились вне расположения своей воинской части (в отпусках, командировках, на излечении в медучреждении, при следовании железнодорожным транспортом). Наделение дисциплинарной властью начальников гарнизонов, военно-лечебных учреждений и военно-транспортной службы соответствовало принципу неотвратимости юридической ответственности. Указанные должностные лица обязаны были сообщать о применении дисциплинарных взысканий командирам (начальникам) воинских частей по месту службы военнослужащих, получая обратно информацию об исполнении этих взысканий. Дисциплинарная ответственность военнослужащих войск НКВД в определенной мере соответствовала принципу справедливости – за дисциплинарный проступок отвечал лишь тот военнослужащий, который его совершил, строгость взыскания определялась характером, тяжестью или кратностью проступка, причем за одно и то же правонарушение военнослужащий привлекался только 1 раз.

Привлечение военнослужащих войск НКВД к дисциплинарной ответственности ограничивало бойцов в правах или иным образом влияло на их правовое положение. Степень такого влияния зависела от вида дисциплинарного взыскания [11, с. 76].

Согласно ст. 45 ДУ срок привлечения военнослужащего к дисциплинарной ответственности ограничивался двумя неделями со дня, когда командиру (начальнику) стало известно о нарушении воинской дисциплины военнослужащим. Как правило, этот процесс занимал до 5-ти дней. После привлечения военнослужащего к дисциплинарной ответственности взыскание подлежало немедленной реализации за исключением чрезвычайных обстоятельств, таких как болезнь подвергнутого взысканию военнослужащего, тяжелые обстоятельства в его семье, командировка и иные. В случае превышения дисциплинарной власти взыскание подлежало отмене, а наложивший его начальник мог быть привлечен к ответственности. Каждое дисциплинарное взыскание заносилось в единую карточку их учета, которая в случае перевода военнослужащего пересылалась по месту его

новой службы. Взыскание снималось командиром (начальником), наложившим это взыскание, когда были достаточные данные полагать, что оно сыграло свою воспитательную роль, и военнослужащий стал добросовестно и ответственно выполнять служебные обязанности. Таким образом, строгая система дисциплинарных взысканий, действующая в годы ВОВ, предостерегала военнослужащего от ненадлежащего выполнения своих служебно-боевых обязанностей и способствовала поддержанию воинского порядка на фронте.

Список литературы:

1. Дисциплинарный устав Красной Армии. – Москва: Ленинград, 1941. – 32 с.
2. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. – Москва: Юрид. лит., 1975. – 728 с.
3. Устав внутренней службы РККА 1937 (УВС-37). – Москва: Воениздат, 1938. – 131 с.
4. Уголовный Кодекс РСФСР редакции 1926 года с изменениями и дополнениями до 1 июля 1927 года / РСФСР. Офиц. изд. Москва: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. – 136 с.
5. Российский государственный архив (далее – РГВА). Ф. 32880. Оп. 2. Д. 376. Л. 13.
6. О мерах укрепления воинской дисциплины в гарнизонах и на путях сообщения: приказ НКО СССР от 29 октября 1942 г. № 0860 // РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 73. Л. 99–102.
7. РГВА. Ф. 32880 Оп. 5. Д. 81. Л. 76.
8. Шагов А. Е. Войска и военные трибуналы войск Народного комиссариата Внутренних дел в битве за Кавказ (август–ноябрь 1942 г.) / А. Е. Шагов, О. В. Григорьев // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. – 2020. – Т. 5, № 1. – С. 48–54.
9. РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 116. Л. 31–32.
10. Горячевский А. П. Медицинская служба пограничных войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне / А. П. Горячевский. – Москва: Граница, 2005. – 120 с.
11. Бутов С. В. Дисциплинарная ответственность военнослужащих войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны как ключевой элемент их правового статуса / С. В. Бутов // Актуальные вопросы административного законодательства: сборник материалов всероссийского круглого стола, Санкт-Петербург, 27 апреля 2023 года / Редакционная коллегия: И. С. Назарова, В. И. Кайнов. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2023. – С. 73–79.

Butov S. V. On disciplinary responsibility of military servants of the USSR NKVD troops during the Great Patriotic War // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 542–546.

The article examines the legal basis for bringing military personnel of the NKVD of the USSR to disciplinary responsibility during the Great Patriotic War. Based on the analysis of normative legal acts of wartime and archival materials, the content of Soviet military discipline is revealed, the procedure for bringing front-line soldiers of internal troops to disciplinary responsibility, the types of penalties applied to various military personnel, the prototype of gross disciplinary offenses that were absent during the war in the Disciplinary Statute of the Red Army is established.

Keywords: NKVD troops, disciplinary responsibility, military discipline, punishment, misconduct, Great Patriotic War.

Snisok literatury:

1. Disciplinarnyi ustav Krasnoj Armii. – Moskva: Leningrad. 1941. – 32 s.
2. Vnutrennie voiska v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. Dokumenty i materialy. – Moskva: YUrid. lit., 1975. – 728 s.
3. Ustav vnutrennei sluzhby RKKA 1937 (UVS-37). – Moskva: Voennizdat. 1938. – 131 s.
4. Ugolovnyi Kodeks RSFSR redakcii 1926 goda s izmeneniyami i dopolnениями do 1 iyulya 1927 goda / RSFSR. Ofic. izd. Moskva: YUrid. izd-vo NKYU RSFSR. 1927. – 136 s.
5. Rossiiskii gosudarstvennyi arhiv (dalee – RGVA). F. 32880. On. 2. D. 376. L. 13.
6. O merakh ukrepleniya voinskoi discipliny v garnizonah i na putyakh soobshcheniya: prikaz NKO SSSR ot 29 oktyabrva 1942 g. № 0860 // RGVA. F. 4. Op. 11. D. 73. L. 99–102.
7. RGVA. F. 32880 On. 5. D. 81. L. 76.
8. SHagov A. E. Voiska i voennye tribunaly voisk Narodnogo komissariata Vnutrennih del v bitve za Kavkaz (avgust–noyabr' 1942 g.) / A. E. SHagov, O. V. Grigor'ev // Omskij nauchnyy vestnik. Seriya Obshche-stvo. Istoriya. Sovremennost'. – 2020. – T. 5, № 1. – S. 48–54.
9. RGVA. F. 32880. On. 5. D. 116. L. 31–32.
10. Goryachevskii A. P. Medicinskaya sluzhba nogranichnykh voisk NKVD SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne / A. P. Goryachevskii. – Moskva: Granica. 2005. – 120 s.
11. Butov S. V. Disciplinarnaya otvetstvennost' voennosluzhashchikh voisk NKVD SSSR v godv Velikoi Otechestvennoj voynv kak klvuchevoi element ih pravovogo statusa / S. V. Butov // Aktual'nye voprosy administrativnogo zakonodatel'stva: sbornik materialov vserossiiskogo kruglogo stola. Sankt-Peterburg. 27 anrelva 2023 goda / Redakcionnaya kollegiya: I. S. Nazarova, V. I. Kajnov. – Belgorod: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu Epicentr, 2023. – S. 73–79.

УДК 34

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Воробьева О. А., Антипина А. И.

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

В данной работе освещаются особенности правового положения уполномоченного по защите прав предпринимателей, как на государственном, так и на региональных уровнях. В ходе изучения темы исследования были выявлены проблемы, затрудняющие осуществление деятельности бизнес-омбудсменов, среди которых: неурегулированность вопроса о правовом положении предпринимательских сообществ; отсутствие у уполномоченных права на законодательную инициативу; неоднозначность роли уполномоченного при участии в судебных разбирательствах в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований и некоторые иные. С целью урегулирования проблем были предложены некоторые изменения, которые необходимо внести в Федеральный закон «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации».

Ключевые слова: уполномоченный по защите прав предпринимателей, бизнес-омбудсмен, предпринимательские сообщества, предпринимательская деятельность, арбитражный процесс, третьи лица, защита прав предпринимателей, субъекты предпринимательской деятельности, бизнес-сообщество, государственные органы.

Последние несколько лет институт предпринимательской деятельности в РФ приобрел огромные масштабы, став одним из ключевых двигателей экономического прогресса в стране. Конституцией предусмотрено право каждого беспрепятственно и свободно осуществлять предпринимательскую деятельность с целью реализации своих способностей [5]. ГК РФ также установлены основополагающие нормы, регулирующие деятельность предпринимателей в стране. Предпринимательская деятельность всегда связана с определенным риском, в том числе, возникающим путем нарушения прав и законных интересов, как со стороны контрагентов, так и со стороны органов государственной власти. С этой целью в России функционирует институт защиты прав предпринимателей, который реализуется, в т.ч., через деятельность уполномоченных по защите прав предпринимателей. В современных реалиях институт уполномоченного по правам предпринимателя активно развивается по всему миру. В подавляющем количестве стран уже существует орган, занимающийся защитой прав предпринимателей. К таким странам можно отнести США, Великобританию, Францию и иные. Структура таких органов за границей значительно отличается от структуры органов защищающих права предпринимателей в РФ. Интересным представляется опыт США, где в привычном нам понимании не функционирует такая должность, как бизнес-омбудсмен, не образована отдельная структура, занимающаяся исключительно защитой прав предпринимателей. Существует лишь Агентство по защите прав субъектов малого бизнеса, который осуществляет свою деятельность на базе Администрации США по делам малого бизнеса (SBA).

Агентство возглавляют администратор и заместитель администратора, а также имеется главный юрисконсульт и генеральный инспектор, все из них утверждаются Сенатом. У SBA есть как минимум 1 офис в каждом штате, округе Колумбия и на различных территориях Америки. Одной из функций Агентства является то, что оно выступает в качестве адвоката, пересматривая законодательство и защищая интересы владельцев малого бизнеса по всей стране; интересы владельцев бизнеса на уровне штата и федерального правительства [11]. В отличие от бизнес-омбудсмена

РФ, в США он имеет полномочия рекомендовать и давать прямые ответы и указания на вопросы заявителя, Агентства SBA имеют право защищать исключительно субъектов малого предпринимательства.

В Швеции же подобная должность закреплена и существует на базе парламента. Задачи бизнес-омбудсмана Швеции очень схожи с задачами омбудсмана нашего государства – контроль соблюдения законодательства со стороны органов власти. Кроме того, предусматривается специальное направление деятельности – надзор за обеспечением беспрепятственного осуществления бизнеса. Это означает, что омбудсмен контролирует, чтобы органы госвласти, судебные органы, прокуратура и даже церковь, не вмешивались и не оказывали влияния на деятельность предпринимателей. Такой контроль осуществляется, как по жалобе лица, так и иницируется самим уполномоченным, в том случае, если по результатам проверки или по информации из СМИ обнаружатся факты нарушения прав предпринимателей [10].

Выше изложенное доказывает востребованность института уполномоченного по правам предпринимателей в современной жизни. Нужно отметить, что деятельность бизнес-омбудсмана достаточно широкая и затрагивает различные стороны предпринимательской деятельности, что особенно необходимо в период нестабильной и активно изменяющейся экономической и политической обстановки в стране.

К тому же, как отметил в своем ежегодном докладе Президенту РФ уполномоченный по защите прав предпринимателей в РФ Б.Ю. Титов, институт уполномоченного пользуется активным спросом среди предпринимателей, за весь период его существования множество предпринимателей получило компетентную помощь в защите нарушенных прав. Б.Ю. Титов также отметил важность участия прокуратуры в проведении надзорных мероприятий, направленных на предупреждение нарушений законодательства в области предпринимательской деятельности [4].

Актуальность исследования подтверждается и количеством обращений, поступающих к уполномоченному, за 2022 г. поступило свыше 125 000 обращений от предпринимателей различных сфер деятельности, большинство из которых касались незаконного уголовного преследования субъектов предпринимательства [4]. В РФ с целью обеспечения квалифицированной помощи предпринимателям в защите их нарушенных прав и интересов ФЗ от 07.05.2013 N 78-ФЗ была утверждена должность Уполномоченного по защите прав предпринимателей.

Кроме того, правовой статус данного лица был установлен и Указом Президента РФ от 31.12.2014 N 837 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей и о внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации». Необходимо отметить, что одной из ключевых функций бизнес-омбудсмана в нашей стране является контроль за правомерным управлением и регулированием предпринимательской деятельности со стороны государства [1]. По ст. 1 ФЗ № 78 бизнес-омбудсмен – государственный орган, выступающий гарантом защиты прав и интересов субъектов предпринимательства [6]. Указанное лицо назначается Президентом РФ с учетом мнения предпринимательского сообщества. Срок нахождения на должности составляет 5 лет, при этом, переизбрать одно и то же лицо можно не более, чем на 2 срока подряд. Гражданин, изъявивший желание занять должность бизнес-омбудсмана должен соответствовать определенным требованиям: являться исключительно гражданином РФ и постоянно проживать на ее территории, возраст от 30 лет и старше, обязательно наличие выс-

шего образования [6]. С 2012 г. должность уполномоченного по правам предпринимателей при Президенте РФ занимает Титов Б. Ю.

В 2022 г. лицо, замещающее данную должность должно было быть вновь переизбрано, однако, было принято решение продлить полномочия действующего омбудсмена еще на год. Как будет решаться вопрос избрания на должность нового лица в дальнейшем, пока остается загадкой. Так, президент Российского союза промышленников и предпринимателей (далее – РСПП) Шохин А. Н. высказал свои опасения о том, что если в ближайшее время не переизбрать на данную должность новое лицо, существуют риски признания ее вовсе ненужной [12]. Как было отмечено, предпринимательская деятельность развивается быстрыми темпами и нуждается в надежной защите, поэтому надеемся, что вопрос с назначением нового уполномоченного разрешиться в скором времени.

РСПП высказывает мнение о том, что эффективность работы уполномоченного на данный момент оставляет желать лучшего. В июне 2023 г. были высказаны мысли о необходимости реорганизации института, уполномоченного в отдельную структуру – координационный центр, отмечают «Ведомости» ссылаясь на текст соответствующего законопроекта. Данная организация будет работать на негосударственном уровне в форме некоммерческой организации, руководить которой будет генеральный директор, а председатель будет осуществлять функции бизнес-омбудсмена. Такой формат организации защиты прав предпринимателей позволит повысить эффективность и качество защиты прав предпринимателей.

ФЗ № 78 «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» определены основные полномочия. Он обязан осуществлять защиту прав и законных интересов предпринимателей, в случае их нарушения, следить за соблюдением иными органами власти прав и свобод предпринимателей, осуществляет реализацию государственной политики по защите прав предпринимателей [6]. В его полномочия входит и рассмотрение жалоб, поступающих от субъектов предпринимательской деятельности. Требования к такой жалобе обычно состоят из следующих пунктов: данные о заявителе; непосредственно сам текст обращения, содержащий суть требований или нарушенных, по мнению заявителя, прав. Кем данные права были нарушены и чего хочет добиться в итоге заявитель; документы, которые заявитель просит запросить у соответствующих органов, в том случае, если получить их самостоятельно не представляется возможным; приложения, в которых заявитель прикладывает документы и доказательства, обосновывающие доводы.

В принятии жалобы омбудсмен может отказать, если: 1) из текста жалобы невозможно понять, о чем говорит заявитель и его требования не поддаются разъяснению или не входят в полномочия омбудсмена; 2) заявитель неоднократно подает жалобу с идентичными требованиями, на которые Уполномоченный давал ранее ответы.

Жалобу заявителя также могут не принять, если она содержит в себе информацию, относящуюся к государственной или иной охраняемой законом тайне.

Если же не соблюдены формальные требования к жалобе, то ее оставляют без рассмотрения. После того, как жалоба будет изучена, бизнес-омбудсмен принимает одно из решений: разъясняет заявителю его права и обязанности в рамках законодательства РФ; перенаправляет жалобу в иные органы, в полномочия которых входит рассмотрение данных вопросов; определяет необходимость обращения в суд за защитой нарушенных прав заявителя; осуществляет иные действия, предусмотренные

законом [6]. При реализации своих полномочий, помимо уже изложенных действий, уполномоченный может также направить Правительству предложения об отмене актов, противоречащих Конституции или дать заключение на предложения органов государственной власти по урегулированию законодательства в сфере предпринимательской деятельности [6]. В процессе реализации своих полномочий бизнес-омбудсмен имеет право создавать советы экспертов, консультантов и иные рабочие группы, которые помогут разобраться в специфике деятельности того или иного предпринимателя. Данные объединения осуществляют свою деятельность на безвозмездной основе. Для разрешения некоторых вопросов возможно привлечение представителей, так называемого, предпринимательского сообщества, так как это позволит наиболее точно и грамотно разрешить возникающие проблемы.

Законом установлено, что в субъектах РФ могут устанавливаться свои уполномоченные по защите прав предпринимателей субъекта. Нужно сказать, что во многом региональные нормативные акты повторяют положения ФЗ № 78. Однако, закон предоставил законодателям субъектов страны широкое поле для деятельности в рассматриваемой области. Именно поэтому, законы субъектов РФ, регламентирующие правовое положение Уполномоченных, зачастую имеют свои отличительные нормы, которые приводят к неоднозначному подходу при рассмотрении споров с предпринимателями при участии уполномоченных. Такие изменения можно заметить в требованиях к личности уполномоченного Ульяновской области, так по мимо уже имеющихся требований, указано, что гражданин должен обладать знаниями в области защиты прав и законных интересов предпринимателей, а также иметь представление об особенностях реализации данных прав и свобод на практике. Из данного положения, можно сделать вывод, что уполномоченный в Ульяновской области должен иметь не просто высшее образование, но, вероятнее всего, юридическое образование со специализацией в области гражданского права и процесса. По нашему мнению, подход законодателя Ульяновской области о необходимости иметь бизнес-омбудсмену высшее юридическое образование, является наиболее правильным. Считаем, что такие требования необходимо внести и в ФЗ № 78, так как это позволит уполномоченным более четко понимать структуру своей деятельности именно в рамках законотворчества и рассмотрения проектов НПА. Так как без базовых знаний в области юриспруденции тяжело проводить анализ сложной юридической документации. Внесение данных изменений позволит сделать рассмотрение и разрешение вопросов предпринимателей более компетентным и грамотным.

Однако, не всегда данные нормы являются обоснованными и зачастую преследуют корыстные цели со стороны законодателей в субъектах нашего государства. Например, в некоторых субъектах процесс выбора бизнес-омбудсмена имеет большую свободу для коррупционной составляющей. В таких областях, как Ивановская, Кировская и Тамбовская, предусмотрено право высказывать свое мнение по поводу того или иного кандидата со стороны предпринимательских сообществ и властей регионов. Такой подход может привести к оказанию влияния на кандидатов и выборные органы, с целью продвинуть необходимое лицо для замещения должности уполномоченного. Необходимо внести изменения в ФЗ № 78, установив определенные и единые границы и правила избрания на должность кандидатов, как на федеральном уровне, так и в регионах. Бизнес-омбудсмен должен осуществлять свою деятельность независимо от мнения иных органов власти. Одной из гарантий неза-

висимости является привлечение к рассмотрению вопросов и жалоб предпринимательского сообщества, но, закон не дает пояснений, что же такое «предпринимательское сообщество», кроме того, не разъяснена и процедура учета мнения данного сообщества. Т.е., можно по-разному интерпретировать указанную норму закона, исходя из заинтересованности той или иной стороны в привлечении такого сообщества к рассмотрению спора. Исходя из изложенного, считаем целесообразным внести в ФЗ № 78 изменения, включив в него отдельную статью, разъясняющую понятие и правовое положение предпринимательского сообщества при взаимодействии с уполномоченным по защите прав предпринимателей. Предлагаем изложить понятие «предпринимательского сообщества» следующим образом:

Под предпринимательским сообществом необходимо понимать объединение двух и более субъектов предпринимательской деятельности, которые осуществляют свои полномочия в рамках законодательства РФ и выступают в качестве независимого советника при Уполномоченном по защите прав предпринимателей.

Законодательством не установлено право уполномоченного выдавать предписания, протесты или выносить решения о приостановке реализации решений органов власти. Единственное такое полномочие выражается в праве уполномоченного выносить предписания о немедленном прекращении деятельности органов местного самоуправления до момента принятия судом решения в случаях, когда обжалуются ненормативные акты данных органов [3]. Указанным законом в АПК РФ внесена ст. 53.1, закрепившая право участия уполномоченного в арбитражном процессе.

Необходимо отметить, что случаи привлечения уполномоченного к участию в судебных заседаниях с каждым годом увеличиваются. Так, за 2022 г. уполномоченный по защите прав предпринимателей принял участие в 6 116 судебных заседаниях, а это на 1 102 дела больше, чем в предыдущем году [4].

Приведенные показатели показывают востребованность среди предпринимательского сообщества в привлечении уполномоченного для разрешения судебных споров и защиты прав предпринимателей. Привлечение данного лица к участию в судебных разбирательствах активно поддерживается, как представителями научного сообщества, так и предпринимателями. В судебных разбирательствах уполномоченные по защите прав предпринимателей имеют все процессуальные права и несут процессуальные обязанности истца. Что касается процессуального статуса, то закон устанавливает, что уполномоченный имеет право выступать на стороне истца, ответчика, третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований [2].

Исходя из изложенного и по смыслу ст. 40 АПК РФ законодатель не выделяет уполномоченного в качестве отдельного лица, участвующего в деле. АПК РФ предусматривает 4 формы участия бизнес-омбудсмена в арбитражном процессе: 1) как 3-е лицо, не заявляющее самостоятельных требований; 2) с обжалованием судебных актов; 3) как защитника; 4) с заявлением о признании ненормативными актов, вынесенных органами государственной власти [8]. Уполномоченный правомочен обращаться в суд только после рассмотрения жалобы по данному вопросу, т.е. у него нет права самостоятельной инициативы для обращения в судебные органы.

При этом, не зависимо от формы участия, присутствие в судебном заседании бизнес-омбудсмена должно быть действительно необходимо и обосновано. Суд может отказать в участии данному лицу, если отсутствует ходатайство самого Уполномоченного о согласии на участие в данном процессе, хотя законодательством та-

кой порядок не предусмотрен. Привлечение его в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований, также должно быть осуществлено на основании ходатайства сторон или же по инициативе суда.

Стоит отметить, что в научном сообществе ведутся споры о статусе уполномоченного при участии в судебном заседании в качестве третьего лица. Уполномоченный чаще всего не участвует в судебных заседаниях, а по большей части занимается подготовкой к нему – готовит заключение по делу, готовит процессуальные документы: иски, жалобы и возражения. Некоторые ученые считают неуместным участие в судебных заседаниях уполномоченного в качестве третьего лица, так как третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований, зачастую имеет свой процессуальный интерес, целью его участия в большей степени является защита своих интересов от предъявления к нему регрессных требований в будущем. Если рассматривать роль уполномоченного в таком контексте, то его участие в судебном разбирательстве в качестве третьего лица не представляется возможным.

Сказанное может подтвердить и судебная практика, которая демонтирует неоднозначность подхода к рассматриваемому вопросу. Некоторые суды отказывают в привлечении в судебное заседание уполномоченного в качестве 3-го лица не заявляющего самостоятельных требований, в связи с тем, что принятый судом акт никак не повлияет на права и законные интересы уполномоченного в отношении сторон спора. Но есть противоположное мнение в судебной практике. Так, Восьмой арбитражный апелляционный суд от 21.11.2022 по делу № А75-4450/2022 в своем постановлении пришел к выводу, что участие в деле уполномоченного обоснованно и законно, так как его привлечение к рассмотрению дела обусловлено его непосредственной функцией по защите прав и законных интересов предпринимателей [9].

Судебная практика также устанавливает, что при решении вопроса о привлечении уполномоченного в качестве третьего лица необходимо учитывать и вид рассматриваемого спора: спор между двумя предпринимателями или же спор предпринимателя с органом власти или уполномоченным лицом. В связи с тем, что в законе установлена обязанность уполномоченных по защите прав предпринимателей на государственном уровне, выступая органом государственной власти, привлечение его в качестве третьего лица в дело возможно только при разрешении спора, имеющего публичный характер правоотношений. Таким образом, можно заметить, что судебная практика не имеет однообразного подхода к рассмотрению вопроса о привлечении в судебное разбирательство уполномоченного по защите прав предпринимателей в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований.

В связи с неоднозначным мнением среди научного сообщества и разнообразной судебной практикой необходимо внести уточнения в АПК, так и в ФЗ № 78, определив полномочия, роль и необходимость привлечения уполномоченного в судебные заседания в качестве 3-го лица, не заявляющего самостоятельных требований.

Если говорить об участии уполномоченного в арбитражном процессе в качестве защитника, то здесь также необходимо обосновать необходимость привлечения данного лица к рассмотрению дела. Так, при рассмотрении дел об административных правонарушениях судебная практика придерживается мнения, что привлечение уполномоченного по правам предпринимателя в дело возможно только при наличии существенных доказательств, подтверждающих законность его участия. Т.е., наличия только одной жалобы лица, чьи права были нарушены, будет недостаточно. За-

коном от 29.12.2022 N 590-ФЗ расширены полномочия бизнес-омбудсменов в части взаимодействия с предпринимателями, заключенными под стражу и находящимися в СИЗО. Закон определил право уполномоченных на посещение указанных мест, в том числе мест, где реализуются такие виды наказания, как арест, принудительные работы, лишение свободы, в целях реализации права на защиту предпринимателей подозреваемых, обвиняемых в преступлениях, касающихся осуществления предпринимательской деятельности [8]. Внесение указанных полномочий обоснованно и целесообразно, т.к. работа предпринимателя имеет свои сложности и особенности, разрешение которых требует специальных знаний и компетенций, особо, если это связано с обвинениями в совершении уголовно-наказуемых деяний.

Анализ нормативно-правовых актов в рассматриваемой области позволил нам выяснить некоторые иные проблемы правового положения уполномоченных по защите прав предпринимателей в РФ. Так, уполномоченные не обладают правом законодательной инициативы. В ряде государств этот орган имеет важные полномочия, что позволяет проработать законодательные акты более глубоко и полно.

Законодательство предусматривает лишь возможность бизнес-омбудсмена обращаться с инициативами и рекомендациями в области законодательного регулирования или же различными предложениями к органам власти. При этом, уполномоченные органы не обязаны придерживаться рекомендаций, выдаваемых уполномоченным, так как такие акты носят лишь консультативный характер. Считаем необходимым урегулировать данные неточности в законодательстве путем наделения уполномоченных правом законодательной инициативы в области защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности. Еще одной проблемой является отсутствие прямого контакта между уполномоченными и предпринимательским сообществом. Безусловно, институт уполномоченных имеет все признаки государственного органа, однако, фактически выполняет функции гражданского общества и создан с целью освещать мнение бизнес-сообщества через органы власти для установления благоприятных взаимоотношений между ними [1]. Бизнес-омбудсмен должен получать информацию о ситуации в предпринимательстве «из первых уст», а правомерность его деятельности должно оцениваться лицами, непосредственно работающими в данной сфере, что позволит сделать ее более качественной и оперативной. Поэтому, в законодательстве необходимо предусмотреть механизм обратной связи уполномоченных по защите прав предпринимателей с предпринимательским сообществом. Эти функции можно включить в предложенную ранее ст. ФЗ № 78 о правовом положении предпринимательского сообщества.

Таким образом, законодательное регулирование полномочий бизнес-омбудсменов в нашей стране далеко не совершенен и требует доработки. Помимо предложенных выше изменений следует практически исключить влияние органов власти на деятельность бизнес-омбудсменов, так как необходимо обеспечить уполномоченным самостоятельное и независимое принятие решений по вопросам, поступающим от предпринимателей; обеспечить благоприятные условия для более частого и продуктивного взаимодействия уполномоченных с предпринимательскими сообществами, что позволит обеспечить детальную проработку возникающих вопросов и осуществлять контроль за деятельностью аппарата уполномоченного.

Деятельность уполномоченного по защите прав предпринимателей с каждым годом приобретает все большую значимость в связи с увеличением субъектов предпринимательской деятельности в РФ, которым требуется обеспечивать безопасные

условия труда и защищать свой бизнес от недобросовестных конкурентов и неправомерных действий государственных органов. В статье рассмотрены основные полномочия бизнес-омбудсменов в РФ и выделены следующие проблемы: неурегулированность правового положения предпринимательских сообществ, как главных субъектов, взаимодействующих с уполномоченными по защите прав предпринимателей. Законодатель не дает определения данным субъекта и не выделяет основные функции в рамках рассматриваемой деятельности; отсутствие прямых взаимоотношений бизнес-омбудсменов и предпринимательского сообщества, что не позволяет объективно и полно оценивать деятельность уполномоченного и оперативно решать возникающие вопросы; отсутствие права на законодательную инициативу у бизнес-омбудсменов, что ограничивает их в осуществлении своих полномочий; неоднозначность правового положения уполномоченного, привлекаемого в судебные заседания в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований. Защита прав предпринимателей на данный момент является одним из актуальных направлений деятельности в области законодательного урегулирования. Однако, институту уполномоченного по защите прав предпринимателей выделяется крайне мало внимания в научном сообществе, хотя он является неотъемлемой частью защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности. Для урегулирования выше перечисленных проблем, нами были предложены соответствующие изменения законодательства, в том числе: определение и конкретизация правового статуса предпринимательских сообществ; установление места и роли уполномоченного при участии в судебных разбирательствах в качестве третьего лица; установив право законодательной инициативы в области защиты прав предпринимателей для уполномоченных.

Возможно, мнение РСПП о необходимости реформирования института уполномоченного в России путем его преобразования в иной орган, имеет право на существование. Это объясняется тем, что названные проблемы тормозят эффективность работы уполномоченного лица и вызваны, в первую очередь, недоработкой законодательства, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ, а также неоднозначной и не единообразной судебной практикой в привлечении уполномоченного в судебные заседания. Рассмотренная тема с каждым годом становится актуальнее, в связи с чем требует более глубокого изучения и внесения соответствующих изменений в законодательство РФ. Предложенные изменения позволят улучшить процесс рассмотрения споров о защите прав предпринимателей, как в судебном порядке, так и на внесудебных стадиях разрешения споров, сделают судебную практику при рассмотрении данных споров единообразной и структурированной.

Список литературы:

1. Абакумова, Е. Б. Проблемные аспекты правового статуса уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации / Е. Б. Абакумова // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – Т. 18, № 3. – С. 21-29. – DOI 10.22394/1682-2358-2018-3-21-29;
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // ЭПС "Система ГАРАНТ";
3. Белоусов, А. Л. Вопросы деятельности института Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации // Управление трансформацией социально-экономического пространства территорий: тенденции, проблемы, перспективы : Материалы научно-практической конференции, Вологда, 27.12.2017. – Вологда: Вологодский филиал РАНХиГС, 2018. – С. 64-69;
4. Доклад Президенту РФ Уполномоченного при президенте РФ по защите прав предпринимателей за 2023 год – Официальный сайт уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей // URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2023.html (дата обращения: 21.01.2024 г.);
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // ЭПС "Система ГАРАНТ";
6. Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) Федеральный закон от 7 мая 2013 г. N 78-ФЗ // ЭПС "Система ГАРАНТ";
7. О внесении изменений в Федеральный закон «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации Федеральный закон от 29.12.2022 N 590-ФЗ // ЭПС "Система ГАРАНТ".

8. Прачкова К. В. Участие Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей в арбитражном процессе // Крымские юридические чтения. Прокуратура России: в преддверии 300-летия : Сборник материалов межвузовского студенческого круглого стола в рамках всероссийской научной-практической конференции. В 2-х т., Симферополь, 18.06.2021. Том II. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. – С. 255-258.
9. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 21.11.2022 по делу № А75-4450/2022.
10. Парламентский омбудсмен Швеции: задачи и роль // официальный сайт. URL: <https://www.jo.se/en/about-jo/tasks-and-role/>
11. Управление малым бизнесом (SBA): определение и для чего оно предназначено. Кентон У. // Инвестопедия: сайт. URL: <https://www.investopedia.com/terms/s/small-business-administration.asp>;
12. Шохин заявил о риске для бизнеса остаться без омбудсмена // РБК: сайт. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/10/2022/635acca49a794737ecfdd196> (дата обращения: 21.01.2024 г.).

Vorobyova O.A., Antipina A. I. Legal status of the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in arbitration proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 547–555.

This paper highlights the specifics of the legal position of the Commissioner for the protection of the rights of entrepreneurs, both at the state and regional levels. During the study of the research topic, problems were identified that make it difficult for business ombudsmen to carry out their activities, among which: the unresolved issue of the legal status of business communities; the lack of the right of commissioners to legislative initiative; the ambiguity of the role of the commissioner when participating in court proceedings as third parties who do not declare independent claims, and some others. In order to resolve the problems, some changes have been proposed that need to be made to the Federal Law "On Commissioners for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Russian Federation".

Key words: Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs, Business Ombudsman, Entrepreneurial Communities, Entrepreneurial Activity, Arbitration Process, Third Parties, Protection of the Rights of Entrepreneurs, Business Entities, Business Community, Government Bodies.

Spisok literatury:

1. Abakumova, E. B. Problemnye aspekty pravovogo statusa upolnomochennogo po zashhite prav predprinimatelej v subsektah Rossijskoj Federacii / E. B. Abakumova // Vestnik Povolzhskogo instituta upravlenija. – 2018. – Т. 18, № 3. – С. 21-29. – DOI 10.22394/1682-2358-2018-3-21-29.
2. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 N 95-FZ (red. ot 25.12.2023) // JePS "Sistema GARANT".
3. Belousov, A. L. Voprosy dejatel'nosti instituta Upolnomochennogo po zashhite prav predprinimatelej v Rossijskoj Federacii // Upravlenie transformaciej social'no-jekonomicheskogo prostranstva territorij: tendencii, problemy, perspektivy : Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, Vologda, 27 dekabrja 2017 goda. – Vologda: Vologodskij filial RANHiGS, 2018. – С. 64-69;
4. Doklad Prezidentu RF Upolnomochennogo pri prezidentе RF po zashhite prav predprinimatelej za 2023 god – Oficial'nyj sajт upolnomochennogo pri Prezidente RF po zashhite prav predprinimatelej // URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2023.html (data obrashhenija: 21.01.2024 g.);
5. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovanija 01.07.2020) // JePS "Sistema GARANT";
6. Ob upolnomochennyh po zashhite prav predprinimatelej v Rossijskoj Federacii (s izmenenijami i dopolnenijami) Federal'nyj zakon ot 7 maja 2013 g. N 78-FZ // JePS "Sistema GARANT";
7. O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «Ob upolnomochennyh po zashhite prav predprinimatelej v Rossijskoj Federacii» i otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii Federal'nyj zakon ot 29.12.2022 N 590-FZ // JePS "Sistema GARANT";
8. Prachkovskaja K. V. Uchastie Upolnomochennogo pri Prezidente RF po zashhite prav predprinimatelej v arbitrazhnom processe // Krymskie juridicheskie chtenija. Prokuratura Rossii: v preddverii 300-letija : Sbornik materialov mezhvuzovskogo studencheskogo kruglogo stola v ramkah vsерossijskoj nauchnoj-prakticheskoy konferencii. V 2-h tomah, Simferopol', 18 ijunja 2021 g. Tom II. – Simferopol', 2021. – С. 255-258;
9. Postanovlenie Vos'mogo arbitrazhnogo apel'jacionnogo suda ot 21.11.2022 po delu № А75-4450/2022;
10. Parlamentskij ombudsman Shvecii: zadachi i rol' // oficial'nyj sajт. URL: <https://www.jo.se/en/about-jo/tasks-and-role/>
11. Upravlenie malym biznesom (SBA): opredelenie i dlja chego ono prednaznacheno. Kenton U. // Investopedija: sajт. URL: <https://www.investopedia.com/terms/s/small-business-administration.asp>;
12. Shohin zajavil o riske dlja biznesa ostat'sja bez ombudsmena // RBK: sajт. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/10/2022/635acca49a794737ecfdd196> (data obrashhenija: 21.01.2024 g.).

УДК 340.3

**ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ
КОРПОРАЦИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ ОБЗОР В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ**

Лихачёв С. В., Боренштейн А. Л., Ракиа Н. С.

В статье анализируются модели экологической ответственности транснациональных корпораций, используя сравнительный подход и международное законодательство. Особое внимание уделяется разнообразию и параллелям в управлении экологической ответственностью в различных отраслях и регионах мира. Исследование охватывает ключевые аспекты корпоративной экологической ответственности: от разработки и внедрения экологических политик до отчетности о воздействии на окружающую среду. Исследование позволяет выявить общие тренды и специфические особенности в подходах транснациональных корпораций к решению экологических проблем. Одним из центральных вопросов исследования является роль международного права в регулировании экологической деятельности транснациональных корпораций. Анализируются основные международные конвенции и соглашения, направленные на защиту окружающей среды, а также национальные законодательства различных стран. Особое внимание уделяется роли многосторонних заинтересованных сторон, таких как международные организации, неправительственные организации и гражданское общество, в формировании и реализации экологических стандартов. На основе проведенного анализа формулируются рекомендации по совершенствованию системы регулирования экологической ответственности транснациональных корпораций.

Ключевые слова: экологическая ответственность, транснациональные корпорации, допустимые выбросы, экологическое право, инновационные технологии.

Транснациональные корпорации оказывают значительное влияние на экологическую политику, как отдельных регионов, так и мирового сообщества в целом. В связи с тем, что производственный процесс транснациональных компаний имеет разветвленную сеть, состоящую как из филиалов, так и дочерних компаний, а главной целью их деятельности служит получение максимальной прибыли, то контроль и надзор за нормативными показателями допустимых выбросов от производства транснациональных компаний на территории РФ требует повышенного внимания [1, с. 736]. Эволюция организационно-правового регулирования экологической ответственности в различных странах позволяет выявить общие природоохранные методы [2, с. 230], присущие любой модели экологической политики: 1) нормативно-правовой: суть данного метода заключается в установлении императивных экологических стандартов, способствующих минимизации негативного воздействия на окружающую среду, путём создания системы контроля и надзора за соблюдением властных предписаний, санкционированных государством; 2) инновационных технологий: данный метод основан на предотвращение загрязнения окружающей среды, путем снижения вредных отходов, выбросов и их утилизации посредством модернизации процесса производства; 3) образования и просвещения: этот метод состоит из совокупности последовательных мер по обеспечению единого контура ответственного поведения в экологической сфере; 4) экономических стимулов: структура данного метода состоит в том, что государственные органы и общественные организации воздействуют через механизмы на основную цель деятельности транснациональной компании – это получение прибыли. Стимулирование по внедрению чистых технологий на производстве как в головных отделениях, так и дочерних компаниях достигается благодаря системы стимулирования, предоставления различных льгот, в т.ч. и налоговых. Тем не менее, комплексный анализ организацион-

но-правового регулирования охраны окружающей среды позволил выявить две глобальные модели экологической ответственности транснациональных корпораций.

Первая модель – англосаксонская. Она характеризуется наличием надежной правовой базы, определяющей соблюдение различных экологических обязательств транснациональными корпорациями. Правовой каркас в сфере обеспечения экологической безопасности довольно внушителен и представлен актами разноразовного характера. Это, прежде всего: «Закон о чистом воздухе» США, в котором заложен фундамент для обеспечения слаженного и безопасного функционирования деятельности транснациональных корпораций, и предотвращения актов незаконного выброса от производств в слои атмосферы [3, с. 167]. Одной из основных инициатив Конгресса, добавленной в Закон о чистом воздухе в 1990 г., является программа выдачи разрешений на эксплуатацию крупных промышленных и коммерческих объектов, которые выбрасывают загрязняющие вещества в атмосферный воздух. Изменения, внесенные в Закон 1990 г., увеличили полномочия Агентства по охране окружающей среды (АООС) в области контроля и наказания за нарушения. После введения поправок, в рамках гражданских и уголовных санкций, АООС может выдать предписание, требующее от нарушителя соблюдения норм Закона, вынести постановление об административном наложении штрафа (воспользовавшись административными полномочиями для принуждения нарушителя к уплате штрафа) или подать гражданский иск в суд в отношении нарушителя [4, с. 85].

«Закон об ответственности компаний за загрязнение» США 1980 г. Данным законом урегулирована ответственность компаний за загрязнение земель, водосборов и других объектов. Новеллой данного акта стало создание «Суперфонда», для формирования финансового ресурса по обеспечению программы восстановления загрязнённых территорий в том случае, если лицо, ответственное за загрязнение не могло быть установлено [5, с. 115]. Закон об ответственности за ущерб окружающей среде Англии введен в действие 2009 г. и определяет уровень ответственности компаний за ущерб, причинённых их деятельностью окружающей среде, устанавливая нормы и стандарты по восстановлению нарушенных экосистем и размер компенсации по степени нанесенного ущерба [6, с. 448].

Помимо правовых методов решения проблемы экологической ответственности транснациональных корпораций, англосаксонская модель предусматривает возможность деятельности неправительственных организаций по популяризации и повышению роли экологической ответственности в условиях современных вызовов, при взаимодействии с другими заинтересованными в осуществление такой деятельности лицами. Сотрудничество с экологическими неправительственными организациями, местными сообществами и коренного населения позволяет транснациональным корпорациям решать экологические проблемы на основе диалога, способствующего вниманию к местным особенностям. Диалог способствует повышению уровня доверия к органам управления транснациональными корпорациями, так как различные лица способствуют выявлению потенциальных и реальных экологических рисков, разработке устойчивых решений, существующих в данной области проблем.

Стоит упомянуть о системе стимулирования транснациональных компаний по внедрению в производственный процесс инновационных технологий и ресурсосберегающих механизмов. Так, разработка программ и законов о содействии в создании и развитии технологических парков, промышленных и инновационных класте-

ров, содействие в развитии инновационных стратегий, поддержку инновационных кластеров, научных и исследовательских парков, предполагает установление определенных льгот для компаний, способствующих эффективному развитию такой деятельности. Это включает внедрение и развитие экологически чистых и энергоэффективных технологий, возобновляемые источники энергии (ветряная, солнечная, гидроэнергетика), улучшение энергоэффективности производственных процессов, разработку низкоуглеродистых технологий в промышленности [7, с. 231].

Помимо положительных моментов, в англосаксонской модели экологической ответственности транснациональных корпораций присутствуют негативные стороны. Т.к. деятельность транснациональных компаний не ограничивается территорией одной страны, то возникает проблема экстерриториального применения норм экологической ответственности [8, с. 359] поскольку в неразвитых странах механизм организационно-правового контроля и надзора за соблюдением установленных норм находится на низком уровне. Также стоит отметить, что общественный характер внедрения определенных экологических принципов, построенных на диспозитивных началах, может привести к тому, что результаты от данного процесса будут неравномерны и малоэффективны. Сложность соблюдения межюрисдикционных норм создает практические проблемы для деятельности транснациональных компаний, интегрирующих производственные технологии в различных правовых и культурных аспектах.

Итак, англосаксонская модель организационно-правового регулирования экологической ответственности транснациональных корпораций представляет собой динамичный и эффективно функционирующий институт, позволяющий оперативно устранять возникающие проблемы в современных условиях. Поскольку деятельность транснациональных корпораций продолжает играть ключевую роль как мировой экономике и геополитике, интегрирование некоторых положительных аспектов её регулирования в международное и национальное законодательство откроет перспективы для формирования устойчивого развития и повышения уровня экологической ответственности транснациональных корпораций на глобальном уровне.

Вторая модель, которая подлежит рассмотрению в рамках данного исследования – романо-германская. В контексте регламентирования уровня экологической ответственности транснациональных корпораций, романо-германская модель предполагает наличие жестких нормативных требований и высокую степень организационно-правового регулирования данной проблемы. Основные положения организационно-правового инструментария будут рассмотрены нами на примере функционирования механизмов в РФ. Одним из базовых документов по регламентации в области контроля за состоянием окружающей среды выступает Постановление Правительства РФ от 09.12.2020 № 2055 «О предельно допустимых выбросах, временно разрешенных выбросах, предельно допустимых нормативах вредных физических воздействий на атмосферный воздух и разрешениях на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух...». Документ устанавливает механизмы и процедуры ограничения, приостановления или прекращения выбросов вредных веществ в атмосферный воздух, а также вредных физических воздействий на атмосферный воздух [9]. Он определяет административные и правовые инструменты для обеспечения контроля и надзора за соблюдением экологических требований. Конкретные инструменты включают в себя: утверждение стандартов и нормативов. Документ устанавливает

ливают принципы и критерии для оценки уровня выбросов вредных веществ, а также воздействия на атмосферный воздух, что включает в себя определение предельно допустимых уровней выбросов и стандартов для контроля качества воздуха [10, с. 196]; система лицензирования и разрешительная деятельность; предусмотрены особые требования к разрешениям на выбросы вредных веществ, включая процедуры и критерии выдачи лицензий, разрешений, а также требования к проведению экологической экспертизы и мониторинга выбросов; методы контроля и мониторинга; определяются методы и средства контроля за выбросами вредных веществ, осуществляемые самими предприятиями, и за государственными органами контроля за соблюдением экологических норм; ответственность: акт устанавливает меры ответственности за нарушение установленных норм ограничения выбросов вредных веществ, включая штрафы, приостановление деятельности и другие меры компенсаторного характера; система мониторинга и отчетности: постановлением предусмотрены механизмы сбора и анализа данных об объемах выбросов, а также механизмы отчетности перед органами экологического надзора.

В странах романо-германской правовой семьи экологическая ответственность для транснациональных корпораций состоит из 4-х видов:

1. Конституционная: конституционная ответственность за экологические преступления определяется следующим образом, что государство обязуется предпринимать эффективные меры по разработке и принятию нормативно-правовых актов для предотвращения экологических преступлений транснациональных корпораций, а также для наказания лиц, нарушающих законы в области охраны окружающей среды [11, с 232]. Касаемо структуры правовой нормы экологической ответственности транснациональных корпораций, в конституциях содержится гипотеза и диспозиция, а санкции носят отсылочный и бланкетный характер.

2. Уголовная: определение степени ответственности транснациональных корпораций за экологические правонарушения и преступления находится под влиянием национального законодательства и международных соглашений, таких как Конвенция об уголовной ответственности за экологические преступления, принятая ООН.

Важным аспектом, подлежащим учёту, является определение субъектов уголовной ответственности в транснациональных корпорациях. Нередок факт затруднительности определения или отсутствие ответственных лиц, которые должны понести уголовную ответственность за экологические правонарушения. В связи с этим установление механизмов, гарантирующих возможность привлечения к ответственности как транснациональные корпорации и их руководство за экологические преступления, является одной из важных задач. Детальный анализ аспектов привлечения к уголовной ответственности, требует обращения к вопросу правоприменения.

Одной из основных проблем данной области является сложность определения места совершения преступления, в том числе установления конкретных мер, что затрудняет привлечения лиц, нарушивших экологическое законодательство к ответственности в связи с тем, что в данной области могут одновременно действовать несколько юрисдикционных норм. Кроме того, применения превентивных мер тоже носит затруднительный характер, т.к. транснациональные корпорации умело лавируют между нормами национального права и международными соглашениями.

3. Административная: в случае выявления нарушений экологических норм и требований, к транснациональным корпорациям государственные органы могут при-

менять различные административные меры: штрафы, приостановка деятельности, конфискация, иные предусмотренные санкции [12, с. 191].

4. Дисциплинарная: дисциплинарная ответственность для транснациональных корпораций по своей структуре представляет определенную систему мер и воздействий, применение которых подлежит как к сотрудникам корпораций, так и к самой компании в юридическом лице, в случае нарушения норм экологического права.

Традиционно она включает в себя: внутренние правила и процедуры, предусмотренные регламентами корпораций; проведение внутренних расследований. При обнаружения фактов нарушения экологического законодательства, корпорации проводят внутренние расследования для выявления обстоятельств нарушения и принятия соответствующих мер. Если в ходе расследования устанавливается факт нарушения сотрудником установленных стандартов, органы корпорации могут применять дисциплинарные меры взыскания к сотрудникам: выговоры, штрафы, временное приостановление трудовой деятельности, увольнение и пр. меры воздействия согласно с внутренними правилами и трудовым законодательством [13, с. 120]. Для корпорации дисциплинарная ответственность может выражаться в наложении штрафов, приостановлении деятельности, приостановлении действия выданных лицензий или сертификатов, разрешающих заниматься производственной деятельностью.

Обосновано, что наличие прочного организационно-правового базиса выступает одним из важнейших условий формирования по-настоящему результативного механизма защиты окружающей среды от негативного влияния производственной деятельности транснациональных корпораций. В данной сфере выявлен достаточно внушительный спектр проблем, требующих оперативного урегулирования. Поэтому предлагаем следующие возможные пути оптимизации нормативно-правовой базы и организационного каркаса обеспечения экологической безопасности в контексте превенции производственных угроз от деятельности транснациональных корпораций на территории РФ:

1. Развитие комплексной межведомственной системы экологической сертификации. Требуется достичь соглашения между странами, где базируются головные офисы транснациональных компаний и странами, где размещены основные технологические производства, дочерние организации и филиалы о создании механизмов сертификации экологически безопасной продукции и процессов производства.

Это позволит стимулировать транснациональные корпорации к внедрению чистых технологий, снижению негативного воздействия на окружающую среду и обеспечению высоких стандартов экологической безопасности. Однако стоит отметить, что для эффективного функционирования механизма сертификации, он должен быть представлен двумя уровнями первый уровень обязательной сертификации в странах размещения производства, второй уровень в странах, где базируются головные офисы компаний. Корпорацией, прежде чем подать заявку на выдачу сертификата, предварительно проводится анализ производственной деятельности с точки зрения соблюдения экологических норм и предписаний. Сертификационная система устанавливает 10-ти бальный уровень негативного воздействия от производственной деятельности транснациональной корпорации, оценка складывается от факторов влияния всех подразделений корпорации.

Если корпорация по установленным нормам и оценка не соответствует системе сертификации, то по результатам оценки она должна предоставить план оптимиза-

ции производства по снижению негативного воздействия на окружающую среду. Он может в себя включать внедрение новых технологий, оптимизацию производственных процессов, переход на возобновляемые источники энергии и пр. План должен быть предоставлен корпорацией в срок, не превышающий 1 год, иначе к ней будут применены штрафные санкции, вплоть до приостановления деятельности.

Система мониторинга и отчетности. Компания должна ввести систему мониторинга своей экологической деятельности и регулярно предоставлять отчеты об исполнении плана экологической оптимизации и соблюдении стандартов.

Сертификат на соответствие этим критериям позволит компаниям демонстрировать свою готовность и способность вести бизнес с учетом охраны окружающей среды. Такие сертификаты могут быть использованы в рекламных целях, а также в рамках проведения переговоров с потенциальными партнерами и клиентами, и создания позитивного имиджа компании как экологически ответственной.

2. Второй путь оптимизации связан с активным участием в разработке нормативно-правовой базы общественных объединений и некоммерческих организаций. Их экспертное мнение и предложения должны быть учтены при принятии законопроектов, что будет способствовать формированию более эффективных инструментов контроля и надзора за уровнем экологической безопасности.

Необходимо, в органах управления корпораций поднимать вопросы по повышению уровня квалификации сотрудников в психолого-педагогическом направлении или же организовать привлечение граждан на производство с хорошими ораторскими способностями, чтобы они привлекали к деятельности общественных объединений, связанных с экологией, действующих сотрудников транснациональных компаний в производственной сфере, поскольку только они, зная внутренние особенности производственного процесса, могут сформировать эффективные предложения по оптимизации деятельности транснациональных компаний в экологической сфере. Общественные объединения и некоммерческие организации должны инициировать проведение публичных экспертиз проектов, проводимых корпорациями, связанных с добычей энергоресурсов, строительством комплексов предприятий и т.д. Их участие позволяет учесть общественные интересы и оценить возможные негативные последствия от таковых процессов для окружающей среды.

3. Не стоит также забывать о том, что помимо регламентных процедур для достижения баланса в организационно-правовом механизме регулирования экологической ответственности корпораций должна присутствовать мотиваций, для вовлеченности корпораций в процесс повышения уровня экологической безопасности. Достигнуто это может быть путём поощрения инноваций и экологически чистых технологий, в т.ч. через предоставление более широкого спектра налоговых льгот, субсидий, грантов или других стимулов для корпораций, инвестирующих в разработку и внедрение экологически чистых технологий производства, в т.ч. альтернативные источники энергии, зеленые технологии, устойчивые методы производства.

Таким образом, проблема экологической ответственности транснациональных корпораций носит междисциплинарный характер и требует внимания и ученых-экологов, и правоведов, а также общественности и правительственных структур.

Сегодня, когда масштабы деятельности корпораций могут оказывать значительное воздействие на окружающую среду и климат, разработка механизмов контроля и превенции отрицательных экологических последствий и обеспечение их

реальной экологической ответственности становятся важными задачами. Совместные усилия ученых экологов, правоведов, государственных и неправительственных организаций, а также общественности в целом позволят разработать более сбалансированные и эффективные подходы к решению проблемы экологической ответственности корпораций. Только совместными усилиями можно добиться улучшения нормативно-правовой базы, внедрения проверенных экологических стандартов и создания механизмов мониторинга, которые обеспечат долгосрочную экологическую устойчивость и безопасность в современном мире.

Список литературы:

1. Vu Van Huong, Yong Mai, Bui Duc Hau, Ly Kim Cuong, Le Van Dao, Do firm characteristics in their local context promote corporate ecological and social responsibility? Evidence from a multi-hierarchical analysis, *International Review of Economics & Finance*, Volume 85, 2023, pp. 722-743.
2. Chuanwang Sun, Ying Tie, Lili Yu, How to achieve both environmental protection and firm performance improvement: Based on China's carbon emissions trading (CET) policy, *Energy Economics*, V.130, 2024.
3. Michael R. McHale, Amy S. Ludtke, Gregory A. Wetherbee, Douglas A. Burns, Mark A. Nilles, Jason S. Finkelstein, Trends in precipitation chemistry across the U.S. 1985–2017: Quantifying the benefits from 30 years of Clean Air Act amendment regulation, *Atmospheric Environment*, Volume 247, 2021, pp. 118-219.
4. Meiyu Guo, Yuan Xu, Yongqin David Chen, Catching environmental noncompliance in shale gas development in China and the United States, *Resources, Conservation and Recycling*, Volume 121, 2017, pp. 82-92.
5. Robert W. Kapp, Comprehensive Environmental Response, Compensation, and Liability Act (CERCLA): Revised as the Superfund Amendments Reauthorization Act (SARA); Superfund, US, Editor(s): Philip Wexler, *Encyclopedia of Toxicology (Fourth Edition)*, Academic Press, 2023. 226 p.
6. Donald W. Sparling, Chapter 15 - Regulation of Environmental Chemicals and Damage Assessment, Editor(s): Donald W. Sparling, *Ecotoxicology Essentials*, Academic Press, 2016, pp. 443-461.
7. Arun S.K. Raju, Barry R. Wallerstein, Kent C. Johnson, Achieving NOx and Greenhouse gas emissions goals in California's Heavy-Duty transportation sector, *Transportation Research Part D: Transport and Environment*, Volume 97, 2021, pp. 228-241.
8. Peter Vandergeest, Anusorn Unno, A new extraterritoriality? Aquaculture certification, sovereignty, and empire, *Political Geography*, Volume 31, Issue 6, 2012, pp. 358-367.
9. О предельно допустимых выбросах, временно разрешенных выбросах, предельно допустимых нормативах вредных физических воздействий на атмосферный воздух и разрешениях на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух: Постановление Правительства РФ от 09.12.2020 № 2055 (ред. от 08.02.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370911/
10. Колесникова М.В. Общественный экологический контроль за охраной атмосферного воздуха / М.В. Колесникова // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019. № 5(1). С. 195.
11. Агафонов В.Б., Игнатьев Д.А. Особенности концептуальных основ охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности при недропользовании в законодательстве Российской Федерации и зарубежных стран // *Актуальные проблемы российского права*. – 2018. – № 5. – С. 221-238.
12. Улановская, Н.В. Административная ответственность за правонарушения в сфере обращения с отходами производства и потребления // *Вопросы российского и международного права*. 2021. № 11. С. 189.

Sergey V. Likhachev, Anna L. Borenstein, Natalia S. Raksha. Environmental responsibility of multinational corporations: a comparative legal review in the context of modern challenges // *Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 556-562.

The article analyzes the models of environmental responsibility of transnational corporations using a comparative approach and international legislation. Particular attention is paid to the diversity and parallels in the management of environmental responsibility in various industries and regions of the world. The study covers key aspects of corporate environmental responsibility: from the development and implementation of environmental policies to reporting on the impact on the environment. The study allows us to identify general trends and specific features in the approaches of transnational corporations to solving environmental problems. One of the central issues of the study is the role of international law in regulating the environmental activities of transnational corporations. The main international conventions and agreements aimed at protecting the environment, as well as national legislation of various countries are analyzed. Particular attention is paid to the role of multilateral stakeholders, such as international organizations, non-governmental organizations and civil society, in the formation and implementation of environmental standards. Based on the analysis, recommendations are formulated for improving the system of regulation of environmental responsibility of transnational corporations.

Key words: environmental responsibility, transnational corporations, permissible emissions, environmental law, innovative technologies.

УДК 342

**ЭВОЛЮЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРЛАМЕНТА
ГРЕНЛАНДИИ В 2009-2022 ГГ.**

Проценко А. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье рассматривается нормативно-правовой процесс эволюции организации деятельности парламента Гренландии (Инатсисариут) с получением широкого самоуправления в 2009 г. Отмечается, что важнейшими особенностями данного процесса стало саморегулирование парламентом Гренландии вопросов организации собственной деятельности и деятельности правительства самоуправления в предоставленных Данией границах и правах. В результате, существенно возросла роль спикера парламента, который не только организует деятельность собственно парламента, но правительства (Наалаккерсуисут). Именно парламент, по результатам очередных выборов не только утверждает состав правительства, но и компетенцию каждого из его членов. Данным шагом продолжился процесс формирования в Гренландии парламентской формы организации государственной власти.

Ключевые слова: Объединенное королевство Дания, Гренландия, парламент, правительство, организация, полномочия, нормативные акты.

Процесс эволюции государственно-правового статуса Гренландии, начавшийся с 1953 г., в 1979 г. привел к предоставлению населению острова ограниченного самоуправления [1] с созданием собственного парламента и прообраза правительства. Актом от 19.05.2009 [2] самоуправлению Гренландии были переданы, в рамках его территории, законодательная (Инатсисариут), исполнительная (Наалаккерсуисут) и судебная власть (§1), а также иные дела и сферы ответственности, по мере возможности их принятия Гренландией (§§ 2-4). Установлены экономические отношения Самоуправления и государства (§§5-10); компетенции правительства Гренландии в международных делах (§11-16); рамки сотрудничества Самоуправления и национальной власти в отношении законов и административных правил (§§17-18); порядок разрешения споров (§19); признание гренландского языка официальным языком Гренландии (§20); возможный порядок объявления независимости (§21), соответствующие дополнения и изменения в действовавшем законодательстве [3; 4, с. 24-27]. Безусловно, что данный акт являлся лишь базовым, а его реальное содержание в последствии конкретизировалось в нормативных актах Гренландии и Дании.

Новый политико-государственный статус Гренландии с принятием акта о Самоуправлении предполагал корректировку прав и обязанностей парламента и правительства. Процесс рассмотрения проекта нового закона, согласно документам парламента Гренландии, начался 30 сентября 2010 г. [5].

В результате, принятым законом Инацисартута № 26 от 18 ноября 2010 г. об Инацисартуте и Наалаккерсуисуте [6], базировавшемся соответственно на акте от 12.06.2009 г. [7] устанавливалось, что Самоуправление Гренландии обладает законодательной и исполнительной властью в пределах переданной юрисдикции. Суды, учрежденные самоуправлением, имеют право выносить решения в Гренландии во всех сферах судопроизводства. Соответственно, законодательная власть принадлежит Инацисартуту (далее – парламент), исполнительная власть – Наалаккерсуисут (далее – правительство), а судебная власть – судам (§ 1).

Парламент состоит из 31 члена, избираемых на 4 года путем всеобщих, прямых

и тайных выборов (§ 2, п. 1). Он закрепил за собой определение законности выборов депутатов, а также степень утраты депутатами права избрания и членства в связи с вступлением приговора в силу по уголовным делам (§ 2, п. 1; § 3, п. 1-2). Также парламенту позволено решать вопрос о предоставлении отпуска своим депутатам, что, обусловлено малых количеством, когда отсутствие нескольких парламентарием может существенно изменить результаты работы Инацисартута (§ 4, п. 2).

Парламент также закрепил право свих членов на личные убеждения (т.е. невозможность их преследования по этому вопросу – см. §6, п. 1), а за собой – право устанавливать для себя процедурные правила (§ 5, пп. 2-3). Задержание члена парламента предусмотрено лишь в случае его поимки с поличным на месте преступления (§6, п. 2).

Предельный срок сбора парламента после новых выборов установлен в 45 дней, с соблюдением созыва старейшего его члена, которому также поручено ведение переговоров о парламенте до выборов президента Инацисартута (§7).

Кворум заседания парламента установлен 50% его членов, а принятие решений – большинством голосов присутствующих (§8). При общем публичном порядке заседаний, отдельные решения могут приниматься за закрытыми дверями, что определяется парламентом или руководителем заседания (§9).

При том, что языком работы Инацисартута является гренландский, парламентариям и депутатам, не владеющим данным языком гарантирован доступ к дебатам и документам на датском языке (§9, пп. 1-2). Дебаты парламента также публикуются на двух языках (§9, п. 3), а национальному омбудсмену дано право контроля открытости заседаний в парламенте (§9, п. 4).

Не смотря на установления за парламентом права собираться настолько часто, как это считает необходимым его глава, право требования сбора Инацисартута также предоставлено главе правительства (§ 10, п. 1). Перед собранием, рассылка повестки дня обязательна для парламентариев, членов правительства, национального омбудсмена (§ 11).

Утверждено право обращения парламентариев за информацией к правительству (§ 12). Вместе с тем члены правительства и парламента наделены правом законодательных предложений (§ 13, п. 1), а предложения правительства Дании по законам и предложения по ратификации договоров, имеющих силу для Гренландии, представляются местным правительством на решение Инацисартута (§ 13, п. 2).

Сохранена обязанность внесения проектов бюджета правительством, с расчетом возможности его принятия, как и ранее, не позже 15 ноября (§ 15). При этом, Финансовый комитет парламента в период между 1-м и 2-м чтением финансового законопроекта, представленного правительством, должен представить обзор предложений по бюджетам национального казначейства, представляет от имени парламента комментарии и предложения по основным направлениям политики доходов и расходов, делает заявления в необходимых случаях (§ 16, п. 1).

Финансовый комитету парламента позволено, от его имени утверждать расходы в формах, которые нельзя было предусмотреть при принятии Закона о финансах. Что касается расходов на правительства и его омбудсмена, которые нельзя было предвидеть на момент принятия Закона о финансах, то их расходы, тем не менее, утверждаются Комитетом по регламенту от имени правительства, когда это не было собрано (§ 16, п. 1).

Расходы, одобренные Финансовым комитетом парламента, собираются в ежегодном законопроекте о дополнительных ассигнованиях, который рассматривается на первом очередном собрании в парламенте в следующем финансовом году (§ 16, п. 3). Парламенту поручено устанавливать правила подготовки Закона о финансах в постановлении о бюджете (§ 16, п. 4).

Финансовый комитет парламента может для обработки комитетом предложений или заявок на капитальные вложения, гарантии или другие финансовые выгоды значительной важности для акционерных компаний, полностью или частично находящихся в владении Гренландии, потребовать от правительства запросить дополнительную информацию, полученная от рассматриваемой компании, при необходимости с использованием возможностей, предусмотренных в Законе о шведских компаниях и в уставе компании. Эта информация правительством предоставляется парламенту незамедлительно (§ 17, п. 1). Использование данной информации членами комитета и иными лицами строго конфиденциально (§ 17, п. 3).

Аудиторские функции возложены на комитет по аудиту счетов Национального казначейства. Результаты аудита, с комментариями правительства и оценкой комитета передаются в парламент (§ 18, пп. 1-2). Закреплено право комитета и его отдельных членов требовать у бухгалтерского органа необходимых материалы, приложения, отчеты и т.п. (§ 18, п. 3). Законом также предусмотрены и иные права, и обязанности финансового комитета, его взаимодействию с парламентом, подотчетных организаций (§ 19).

Отдельные положения рассматриваемого закона определяют юридический статус и действия омбудсмана, который избирается парламентом, но не из его членов. Он обязан иметь юридическое образование, его деятельность контролирует Юридический комитет, а право отставки омбудсмана имеет лишь парламент (§ 20).

Комитет по внешней политике и политике безопасности в парламенте должен заниматься соответствующими вопросами, представлять необходимые комментарии. Степень конфиденциальности рассматриваемых им вопросов устанавливает председатель комитета (§ 21). Нормы, регулирующие деятельность правительства Гренландии, законом установлены в традициях парламентских демократий (гл. 4). Так, члены правительства избираются парламентом на срок его полномочий (§ 22, п. 1) и предложению главы правительства (§ 22, п. 3), а председатель правительства – из членов парламента (§ 22, п. 2). В связи с этим, член правительства, не являющийся членом парламента обязывался соблюдать правил деятельности в правительства (§ 22, п. 5). Ответственность членов правительства должна была устанавливаться отдельными нормами (§ 22, п. 6).

Премьеру, согласно гренландской традиции, дано право распределяет дела между членами правительства (§ 23, п. 1), освобождать их от обязанностей с уведомлением парламента (§ 23, п. 1); позволять членам правительства отпуск (§ 24, п. 1). Но отставка члена правительства возможна лишь с согласия парламента (§ 24, п. 2).

Также законом предусмотрена возможность и право совмещения должностей глав правительства и парламента с иными обязанностями и должностями (гл. 5); порядок организации новых выборов парламента и отставки правительства (гл. 6).

Для вступления в силу принятого парламентом законодательного предложения оно должно быть одобрено председателем правительства не позднее 4 недель после его окончательного принятия (§ 30, п. 1). Также парламент может в течение 8 дней

после окончательного принятия предложения принять решение об отсрочке ратификации до тех пор, пока предложение не будет принято парламентом на следующем заседании. В случае, если предложение не принято без изменений на этом заседании, оно теряет силу (§ 30, п. 2). Однако, правительство не имеет права откладывать принятие закона о временных ассигнованиях или закона о назначении новых выборов (§ 30, п. 2). Также установлены правила вступления нормативных актов в силу с их публикацией. Как видно из краткого анализа закона от 18 ноября 2010 г. о парламенте и правительстве Гренландии, законодатель сделал попытку уравновесить важнейшие ветви политической и государственной власти, но без привлечения к этому процессу судебных органов. Также данный закон следует считать таким, что относится к переходному периоду, рассчитанным на дальнейшую модернизацию или полную замену в процессе использования изложенных норм.

Данное предположение подтверждается последующими многочисленными дополнениями и изменениями (от 22.09.2011; 29.05.2012; 1.06.2016; 22.11.2019; 24.11.2022), с принятием нового комплексного документа о процедуре деятельности парламента (Инацисартута) Гренландии [8].

Важными новшествами и изменениями стало то, что установлен предельный срок открытия действия новоизбранного парламента – 45 дней после выборов (пар. 1). Старейший член парламента, которому поручено организовать его работу, должен создать временный комитет из 4 членов парламента по контролю за выборами. Их следовало назначать с условием обеспечения максимально возможного учета партийно-политических фракций и групп в парламенте (пар. 1, п. 2). Отказ от участия в таких и иных выборах, без согласия парламента, не допускается (пар. 1, п. 4).

Председатель парламента и его 4 заместителя в начале своей работы после выборов, а также в начале каждого года выбираются большинством голосов, а при невозможности - жеребьевкой (§ 3, п. 2). Заместители председателя избираются по пропорциональному методу (§ 3, п. 3). Каждому члену президиума также избираются личные заместители, что соответствует сложившейся гренландской практике.

Отставка председателя и его заместителей принимается или оформляется квалифицированным большинством голосов (§ 3, п. 5)

Президиум Инацисартута выполняет функции Комитета по повестке дня парламента (§ 4, п. 1). Председатель, а также избранный парламентом представитель от каждой партии или организации кандидатов, не представленной в составе председателя, образуют комитет по регламенту. Одновременно парламент, по возможности, должен избрать персональных заместителей для каждого представителя каждой партии или объединения кандидатов, не представленных в президиуме (§ 4, п. 2).

На главу парламента также возлагались следующие функции: представлять Инацисартут во внешнем мире (§ 4, п. 3); обеспечивать организацию и ответственное проведение работы Инацисартута и комитетов (§ 4, п. 4); устанавливать дополнительные правила, касающиеся формальных требований к порядку представления вопросов, требующих включения в повестку дня сессии Инацисартута (§ 4, п. 5); рассматривает вопросы, переданные ему на рассмотрение, в соответствии с Регламентом. Президиум может рассматривать любые вопросы, имеющие принципиальное значение для Инацисартута и членов Инацисартута (§ 4, п. 6); принимать решения от имени президиума по вопросам срочного характера. Вице-президенты должны быть проинформированы о решении Председателя в

кратчайшие сроки (§ 4, п. 7); председатель Инацисартута и Комитет по Регламенту Инацисартута определяют свои собственные правила процедуры (§ 4, п. 88).

Комитет по Регламенту должен рассмотреть предложения президиума в соответствии с §§ 32 и 60. Комитет по правилам процедуры принимает решение о сферах ответственности комитетов в тех случаях, когда это может вызвать сомнения; устанавливает правила, касающиеся обязанностей членов парламента по раскрытию информации в соответствии с § 56 (§ 4, п. 9).

Комитеты в парламенте разделены на уставные и постоянные. Сохранены важнейшие 3 (по внешней политике и безопасности; по избирательному праву; юридический). Ежегодно избирались финансовый и ревизионный комитеты (§ 7) и, при необходимости иные (§ 8, п. 1) с правом дополнения и изменения их состава (§ 8, п. 2). В каждый комитет Инацисартут избирает 5 своих членов, которые не могут быть членами правительства. Если того требуют особые обстоятельства, парламент может по рекомендации своего главы избрать в комитет 7 членов (§ 9, п. 1), но, по просьбе комитета по внешней политике и политике безопасности 2 члена парламента Гренландии могут участвовать в заседаниях комитета в качестве помощников (§ 9, п. 2).

Также новшеством стало определение персональных заместителей в каждый комитет для каждого члена комитета (§ 10); возможность комитетов самостоятельно избирать своего председателя и его заместителя, но распределение должностей председателя и заместителя председателя в комитете пропорционального представительства, так что представители партии или избирательной группы большинства назначали председателя, а представители партии или избирательной группы, занимающей второе место по численности, назначали заместителя председателя (§ 11). Более того, каждому комитету дано право устанавливать собственный порядок деятельности, но с обязательным его утверждением главой парламента (§ 12). Также новеллой стало предоставление комитетам права разделения работы между своими членами, а также введение ограничений, для сохранения данных, использования интернета и электронного оборудования (тел., планшеты и т.п.) (§ 12 а.).

Введен запрет о разглашении проводимых в комитете переговорах (§ 13); задача, в рамках полномочий, «за развитием событий и контролировать, чтобы администрация правительства Гренландии оставалась в рамках, предусмотренных законодательством или соображениями надлежащей административной практики, в том числе задавая вопросы правительству Гренландии» (§ 14, п. 2).

Установлено право комитета на запросы правительству ограничено правом правительства определять, насколько эти запросы превосходят частные и государственные интересы (§ 14, п. 3); право парламента на любой стадии рассмотрения вопроса, приостановить данный процесс и передать его повторно комитету (§ 5 п. 1-2); право комитетов, с согласия главы парламента, обратиться за помощью в работе (§ 16, п. 1); расширены требования к составлению и предоставлению отчетов комитетов (§17), предоставлено право письменного отчета о иных предложениях и вопросах (§ 18, п. 1-2); сохранена возможность комитету вызова члена правительства, в том числе в сопровождении 1-го или нескольких государственных служащих, с ответственностью их за сделанные заявления (§ 19, пп. 2-3); оговорен публичный и закрытый характер консультационного или информационного совещания (§ 19, п. 4); право участия в заседании комитета парламентария (без права голоса) при рас-

смотреии предложений по законам, если такие лица не являются членами комитета (§ 20); право совместного заседания комитетов (§ 21, п. 3); наличие секретаря в отдельных случаях (§22); возможность создания временных комитетов (§ 23).

Новшеством, вызванным развитием хозяйственно-экономической деятельности Самоуправления, стало закрепление права за парламентом избрания представителей в советы, правления и т.д. (§ 24, пп. 1-2).

Существенно уточнены процедуры и способ избрания членов комитетов, советов, коллегий и т.п. (гл. 6), что связано в том числе с необходимостью выбора двух представителей и двух депутатов в Генеральную Ассамблею ООН (§ 26 а, пп. 1-5), уточнением порядка осуществления пропорционального представительства (по методу д'Хондта) (§ 27).

Однако, наибольшие нововведения находим в изложении правил о предложениях по закону об Инацисартуте и правилах процедуры Инацисарта (гл. 7), что, очевидно, вызвано чрезмерно частыми изменениями и дополнениями данного акта в ходе политической борьбы. В частности, к законопроекту выдвинуты такие требования: форма составления – статутная, наличие комментарием (в т.ч. о финансовых и административных последствиях возможных изменений), формальное его обозначение, название, подзаголовок с основным содержанием и поправки, обязательное уведомление председателя парламента о законопроекте, проведение 3-х чтений с регламентацией содержания каждого чтения (§§ 28-31). Также нашли свое отображение в обновленном акте вопросы «Предложение по решению Инацисартута» (§ 33), «Предлагаемые поправки» (§ 34), «Отчеты» (§ 35), «Дискуссии по вопросам и вопросы к Наалаккерсуисуту» (§ 36), «Вопросы к Наалаккерсуисуту» (§ 37) и т.п.

Последний упомянутый раздел (§ 37) изложен особо подробно, с указанием возможных ограничений, правил составления вопросов, законных случаев отказа.

Законом более точно установлено день и время начала, продолжительность парламентского года, количество очередных и внеочередных сессий, порядок их созыва (§ 38, пп. 1-4). При этом, установлено, что предложения членов правительства и парламента, которые не были окончательно приняты к концу года теряют силу (§ 38, пп. 5). Установлены формальные требования к повестке дня, сроки представления документов, встречи в Инацисартуте, электронное участие в заседаниях Инацисартута на внеочередных сессиях, управление совещаниями, открытость сессий парламента (§ 53), публикация результатов дебатов, возможность приглашения для выступлений представителей иностранных правительств (§ 55 а); внесение членами парламента сведений о своих обязанностях и профессиях в реестр (§ 56); порядок назначения и увольнения государственных служащих парламента, установление их окладов и пенсий (§ 59) и иное.

Следуетнеобходимо упомянуть нормы, регулирующие внутренние вопросы деятельности парламента Гренландии. Так, председателю Инацисартута дано право назначать на должность и освобождает от нее значительную часть государственных служащих Инацисартута и других работников (§ 59, п. 1), а также назначает и увольняет других работников администрации парламента (§ 59, п. 2). Соответственно такое же право в отношении своих сотрудников было закреплено и за омбудсменом Инацисартута (§ 59, п. 3).

Оклады сотрудников аппарата Уполномоченного по правам человека в Инацисартуте и сотрудников аппарата Уполномоченного по правам человека в парламенте

устанавливаются спикером (§ 59, п. 4). При этом, должностные лица аппарата парламента и должностные лица Омбудсмена имели право на пенсию в соответствии с правилами, применяемыми к государственным служащим правительства Гренландии, согласно § 50 закона № 4 от 20.05.1998 о гражданских служащих, работающих в учреждениях Парламента.

Проект бюджета парламента с бюджетными предложениями Омбудсмена, с учетом предполагаемой штатной структуры, рассматривается главой парламента, который и представляет рекомендацию в Комитет по правилам процедуры для ее обработки. В случае ее принятия Комитетом, предложение передается главе правительства Гренландии для использования при подготовке проекта бюджета с рекомендацией включить общую сумму, относящуюся к парламенту, в Приложение 1 к законопроекту (§ 60, п. 1). Аналогично рассматриваются предложения о дополнительных ассигнованиях для работы парламента Гренландии (§ 60, п. 2).

Таким образом, законодательные изменения в регулировании деятельности парламента, произошедшие за период с 2010 г., в основном были направлены на более точную регламентацию и рационализацию его деятельности, повышению эффективности парламента и его комитетов, более широкого участия в работе комитетов представителей различных партий, расширение компетенций, сохранение политической и государственной тайны, улучшение взаимодействия с правительством.

Особо, очевидно, необходимо упомянуть последние состоявшиеся изменения в правилах и процедурах деятельности парламента Гренландии, относящиеся к концу 2022 г. Среди них следует отметить строгую регламентацию по времени выступлений в парламенте (регламент), длительность которых зависит от важности доклада и докладчик (более всего предоставлялось спикеру). Очевидно, что данный шаг пришлось предпринять для сокращения времени прений и обсуждения наиболее важных вопросов, в том числе проекта бюджета, срок принятия которого, как уже указывалось, установлен до 15 ноября каждого года. При этом, президиуму предоставлялось право установления иных правил времени выступлений для проведения часов специальных вопросов, включая, например, часы вопросов, когда председатель Налаккерсуйсут отвечает на вопросы докладчиков от других сторон.

Президиуму также позволялось по всем пунктам повестки дня допускать отклонение от установленного времени выступлений, если этого требует масштаб дела. Продолжительность выступления разрешалось увеличивать только более чем на 5 минут при рассмотрении очень обширных вопросов повестки (финансовый законопроект и предложение по утверждению счетов национального казначейства). Однако, для этого следовало сделать особый запрос.

Инацисартута об отпусках и временном отсутствии в Инацисартуте и о вызове депутатов (Прил. 2). В данном случае, отчасти, сохранили свое действие § 2 п.п. 2, закона парламента № 22 от 18.12.2003 г. о вознаграждении и т. д. членам окружного совета и окружного правительства и т. д. (Закон о вознаграждении) с последующими поправками, а также подраздел ст. 58.1 Регламента Инацисартута, которые предусматривали, что отпуск и временное отсутствие в должности члена парламента должны быть предоставлены его Председателем в соответствии с правилами данного Положения (§ 1, п. 2).

Оплачиваемый отпуск предусматривался по болезни (более 14 календарных дней) (§ 2, п. 1); отпуск в связи с беременностью, рождением ребенка или усынов-

лением, однако не более, чем вытекает из правил, действующих в любое время для должностных лиц самоуправления Гренландии (§ 2, п. 2); в связи со смертью или тяжелой болезнью близкого родственника (см. те же правила) (§ 2, п. 3).

Неоплачиваемый отпуск предоставляется на период, в течение которого он занимает должность члена Наалаккерсуисут, члена Фолькетингета или члена муниципального совета, в том числе мэра или заместителя мэра (§ 3, п. 1). Во время такого отпуска просителю не выплачиваются вознаграждение и надбавки, а пенсия и стаж после отпуска не начисляются (§ 3, п. 2). Однако, за исключением указанных случаев, члену Инацисартута отпуск мог быть предоставлен только в очень особых случаях, когда для него необходимо иметь возможность заниматься срочными делами или аналогичными неотложными задачами (§ 4, п. 1). Во время такого отпуска зарплата и надбавки не выплачиваются, а пенсия и стаж не начисляются (§ 4, п. 2).

При временном отсутствии, член Инацисартута, которому не предоставлен отпуск и который временно лишен возможности выполнять свои обязанности, должен немедленно сообщить об этом главе парламента с указанием предполагаемого срока действия препятствия (§ 5, п. 1). Он также должен постоянно информировать президиум Инацисартута обо всех важных вопросах, касающихся ожидаемой продолжительности и прекращения препятствий; о состоянии препятствия не позднее, чем через 14 календарных дней после получения последней информации (§ 5, п. 2).

В случае, если временное препятствие (см. § 5) вызвано болезнью парламентария, он должен подать заявление на отпуск, если предполагается, что препятствие будет продолжаться более 14 календарных дней (§ 6).

Если же временное препятствие (согласно § 5) вызвано болезнью или физическим препятствием и были даны своевременное уведомление и инструктаж, отсутствие считается разрешенным, если только президиум не объявит иное (§ 7, п. 1). Однако, президиум может потребовать от парламентария документацию о наличии препятствия, указанного в п. 1 (§ 7, п. 2). Вместе с тем, за пределами ситуаций (см. § 7), президиум может в порядке исключения предоставить временное отсутствие на срок до 14 календарных дней, если требование о том оправдано вескими семейными соображениями или другими особыми обстоятельствами, которые по усмотрению президиума сделало бы отказ необоснованным (§ 8). Для окончательного урегулирования вышерассмотренных вопросов об отпуске установлены административные положения, которые регулируют порядок подачи уведомления об отсутствии и отпуске (§ 9); о возможном решении президиума по предоставлении отпуска или отсутствия и покрытии расходов (§ 10), а также нормы, регулирующие вопросы оплаты труда во время отпуска и временного отсутствия (§§ 12-13). Особо установлен порядок вызова заместителей отсутствующего парламентария, а также в случае его смерти (§§ 14-16).

Также следует указать на такие документы, как: «Изменение правил процедуры от 24 ноября 2022 г.» [9]; «Изменение правил процедуры от 22.11.2019 г.» [10]; «Изменение правил процедуры от 1.06.2016 г.» [10], «Изменение правил процедуры от 28.05.2015 г.» [11]; «Изменение правил процедуры от 29.05.2012 г.» [12], «Внесение изменений в Регламент от 22.09.2011 г.» [13], «Регламент Инацисартут от 12.11.2010 г.» [14]; Закон об Инацисартуте и Наалакеситсут (фев. 2023 г.) [15], иные акты.

Подводя итог изучения проблем эволюции организации деятельности парламен-

та Гренландии в 2009-2022 гг., можно указать, что за данный период нормы, регулирующие деятельность Инацисартута свидетельствуют о эволюции данного органа в вопросах организации своей работы, создания условий деятельности парламентариям, обеспечения представительства политического меньшинства в деятельности комитетов парламента и учета его (меньшинства) мнения.

Среди важнейших функций Инацисартута особое место занимает представительская, которая обеспечивается участием в международной политической деятельности главы парламента Гренландии, выборами представителей для участия в работе ООН, работой Комитета по внешней политике и политике безопасности.

Обеспечение деятельности омбудсмана, в том числе за счет создания и финансирования его аппарата – является важным показателем стремления к утверждению демократических, правовых принципов работы парламента. Это подтверждается усилением норм, устанавливающих отсутствие санкций за личные убеждения парламентариев, их широкий парламентский иммунитет; установлена взаимосвязь и взаимная ответственность парламента и правительства, в том числе право правительства требовать созыва парламента; комитеты получили право определять свой порядок работы; при сохранении определенной ориентации на законодательство Дании, парламента стал еще более открытым, в меру своих возможностей, для экономических и политических отношений.

В тоже время, получили сохранение и развитие нормы, обусловленные исключительно гренландской спецификой – небольшое количество депутатов, а в связи с этим и сохранение института их заместителей; предоставление определенных льгот и прав (отпуск, организация проживания), признание за депутатами, входе своей каденции, занимать должность члена Наалаккерсуисут, члена Фолькетингета или члена муниципального совета, в том числе мэра или заместителя мэра и т.п.; возможность совмещения должностей глав правительства и парламента с иными обязанностями и должностями.

Список литературы:

1. Хрушев Р. С. Историко-правовые и организационные предпосылки принятия закона о самоуправлении Гренландии 1978 г. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). № 1. – С. 464-471.
2. Udskriftsdato: 21. maj 2024 2008/1 LSF 128 (Gældende) Forslag til Lov om Grønlands Selvstyre. – URL: 200812L00128 (5).pdf (дата обращения : 28.08.2024)
3. Левит Л. В. Проблема расширения автономии и международная деятельность гренландского самоуправления // Культура. Духовность. Общество. Политические проблемы международных отношений. – 2014. – URL: Проблема расширения автономии и международная деятельность Гренландского самоуправления (cyberleninka.ru) (дата обращения : 28.08.2024)
4. Б. Л. Полунин. 2010.04.008. Джоки К. Референдум 2008 г. по автономии Гренландии и его последствия для будущего страны. – 2010.04.009. – С. 24-37. – URL: 2010.04.008. Джоки К. Референдум 2008 г. по автономии Гренландии и его последствия для будущего страны. Göcke K. The 2008 referendum on Greenland's autonomy and what it means for Greenland's future // Zeitschrift für ausländisches öffentliches recht und völkerrecht. - stuttgart, 2009. - VOL. 69. - S. 103-121 (cyberleninka.ru)
5. Bemærkninger til forslaget Almindelige bemærkninger. UKA2010/24. – URL: Lovtitel: Bør revideres mhp (nalunaarutit.gl) (дата обращения : 28.08.2024)
6. Inatsisartutlov nr. 26 af 18. november 2010 om Inatsisartut og Naalakkersuisut med de ændringer, som er en følge af Inatsisartutlov nr. 12 af 29. november 2013, Inatsisartutlov nr. 30 af 9. december 2015, Inatsisartutlov nr. 2 af 29. maj 2020, Inatsisartutlov nr. 4 af 19. november 2021 og Inatsisartutlov nr. 32 af 25. november 2022. – URL: ny-sammenskrivning-da.pdf (ina.gl) (дата обращения : 28.08.2024)
7. Lov om Grønlands Selvstyre. LOV nr 473 af 12/06/2009. – URL: Selvstyreloven (retsinformation.dk) (дата обращения : 28.08.2024)
8. Forretningsorden for Inatsisartut. 24.12.2022. (Forretningsorden for Inatsisartut af 12. november 2010 med ændringer af 22. september 2011, 29. maj 2012, 28. maj 2015, 1. juni 2016, 22. november 2019 og 24. no-

vember 2022). – URL: Forretningsorden for Inatsisartut 24_11_2022 (nalunaarutit.gl)

9. Forretningsorden for Inatsisartut af 12. november 2010 med ændringer af 22. september 2011, 29. maj 2012, 28. maj 2015, 1. juni 2016, 22. november 2019 og 24. november 2022. – URL: Forslag til Forretningsorden for Inatsisartut (дата обращения : 28.08.2024)

10. Forretningsorden for Inatsisartut af 12. november 2010 med ændringer af 22. september 2011, 29. maj 2012, 28. maj 2015, 1. juni 2016, og 22. november 2019. – URL: Forslag til Forretningsorden for Inatsisartut (дата обращения : 28.08.2024)

11. Forretningsordensændring af 28. maj 2015. - 4_1_forretningsordensaendring_af_28maj2015.pdf (ina.gl) (дата обращения : 28.08.2024)

12. Forretningsorden for Inatsisartut af 12. november 2010 med ændringer af 22. september 2011 og 29. maj 2012. – URL: Forslag til Forretningsorden for Inatsisartut (дата обращения : 28.08.2024)

13. Forretningsorden for Inatsisartut af 12. november 2010 med ændringer af 22. september 2011. – URL: Forslag til Forretningsorden for Inatsisartut (дата обращения : 28.08.2024)

14. Forretningsorden for Inatsisartut af 12. november 2010. – URL: Forslag til Forretningsorden for Inatsisartut (дата обращения : 28.08.2024)

15. Inatsisartutlov nr. 26 af 18. november 2010 om Inatsisartut og Naalakkersuisut. – URL: nysammenskrivning-da.pdf (ina.gl) (дата обращения : 28.08.2024).

Protsenko A S. Evolution of the organization of the parliament of Greenland in 2009-2022 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 3. – P. 563–572.

The article deals with the normative and legal process of the evolution of the organization of the Parliament of Greenland (Inatsisariut) with the receipt of broad self-government in 2009. It is noted that the most important features of this process was the self-regulation by the Parliament of Greenland of the organization of its own activities and the activities of the self-government government within the boundaries and rights provided by Denmark. As a result, the role of the Speaker of Parliament, who not only organizes the activities of Parliament itself but also of the Government (Naalakkersuisut), has increased significantly. It is the parliament that, according to the results of regular elections, not only approves the composition of the government, but also the competence of each of its members. This step continued the process of forming in Greenland a parliamentary form of organization of state power.

Keywords: United Kingdom of Denmark, Greenland, parliament, government, organization, powers, regulations.

УДК 347.682.1

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ И ПРОБЛЕМАТИКЕ НАСЛЕДОВАНИЯ ИМУЩЕСТВА, ИСПОЛЪЗУЕМОГО В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Никитина А. П., Саченок Л. И.

Рассматривается вопрос о пределах и проблематике наследования имущества, используемого в предпринимательской деятельности. Проведен анализ, позволяющий говорить об отсутствии более или менее унифицированного подхода к классификации групп наследуемого имущества, используемого в предпринимательской деятельности, а также предложена авторская градация анализируемого вопроса. Установлено, что наследственная масса наследодателя – индивидуального предпринимателя включает в себя как предпринимательскую, так и личную составляющие наследства, являющиеся структурно неделимыми, а к числу условно предпринимательской наследственной массы следует относить предприятие, понимаемое в анализируемом контексте как единый имущественный комплекс, отдельные активы предпринимателя, денежные средства, находящиеся на расчётных счетах предпринимателя, а также долги и финансовые обязательства, действующие сделки и иные обязательства перед контрагентами. Основное внимание уделяется преимущественному праву наследника на получение предприятия и особенностям определения состава имущественной массы, с учетом личной и предпринимательской составляющих.

Ключевые слова: наследование, имущество, предпринимательская деятельность, наследодатель, наследник, преимущественное право наследования, совместное завещание, предприятие, режим частной собственности, сервитут, право пожизненного наследуемого владения земельным участком

Институт наследования представляет собой важный правозащитный механизм в системе гражданского права, призванный обеспечить передачу имущества, а также имущественных прав и взаимосвязанных с ними обязанностей от умерших лиц (наследодателей) к их наследникам. Соблюдение всех предусмотренных действующим законодательством требований и процедур позволяет наследникам успешно вступить в свои права и получить имущество, принадлежащее умершему.

Несмотря на продолжительный характер существования выше упомянутого института (в примитивных обществах имущество покойного часто считалось бесхозным и могло быть свободно присвоено любым человеком. В России «правовым источником, официально закрепившим институт наследования на территории Руси, современные историки и цивилисты называют договор с Византией (911 г.)» [1]), в современной Российской Федерации вопросам правового регулирования наследственных отношений уделяется достаточно много внимания, в том числе, в контексте необходимости совершенствования некоторых юридических категорий, признаваемых коллизийными и/или утратившими свою востребованность. В целом тенденция развития законодательства о наследовании представляется возможным считать:

- сосредоточение внимания на установлении близости уровней родства, которые, в представлении законодателя, обуславливаются, в том числе «режимом частной собственности» наследуемого имущества;
- максимизация степени восполнимости воли наследодателя посредством эволюционного развития представлений о концепции «наследование»;
- усиление индивидуального начала: курс на расширение круга кровных род-

ственников, призываемых к наследованию.

В целом наследственные правоотношения урегулированы законодателем в рамках Гражданского кодекса РФ и иных сопутствующих нормативных актов на достаточном уровне и, как показывает практика, в части обеспечения защиты имущественных интересов общего характера физического лица, не относящегося к особым категориям субъектов (в частности, по критерию профессиональной деятельности) законодатель действительно сформировал легальную основу, способствующую минимизации сложностей у правоприменителя. Вместе с тем, остается актуальной необходимость в реализации процедуры наследования имущества, используемого в предпринимательской деятельности, ведь последнее, ввиду целевого характера его использования, может являться не только узконаправленным в своей применимости, но и обремененным сопутствующими такой деятельности обязательствами.

В современном мире, в условиях функционирования капиталистической рыночной экономики государство характеризуется активизацией таких процессов, как глобализация финансовых институтов, трансформация труда и геополитические изменения. Не углубляясь в тенденции развития мировой экономики, явно выходящие за рамки настоящего исследования, отметим, что всё большее значение на рынке приобретает предпринимательская деятельность, которую небезосновательно следует признать одной из фундаментальных основ экономического развития и благосостояния общества. Под предпринимательской деятельностью в рамках проводимой работы (с опорой на положения ст. 2 ГК РФ) предлагаем понимать осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от владения имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, реализуемую юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем после их регистрации в установленном законом порядке [2].

Правовая связь предпринимательской деятельности с наследственными правоотношениями напрямую выражена в части завершения цикла реализации цивилистической модели взаимодействия наследодателя с обществом в целом и конкретно определенными наследниками – в частности. Как и всякое иное правоотношение, анализируемая разновидность наследственного взаимодействия характеризуется наличием таких фундаментальных категорий, как содержание (сущность), субъект и объект. Соответственно, дальнейшее исследование будет посвящено, в том числе, анализу вышеуказанных категорий и во взаимосвязи с ними выявленными особенностями имущества целевого назначения. В данном случае – предпринимательской деятельности.

Итак, категория «субъекты наследственных отношений» не только достаточно обширна, но и, как показывает проведенный анализ, характеризуется наличием множественности подходов к определению исчерпывающего перечня последних. Неоспоримыми являются два субъекта:

- наследодатель. Речь идет о лице, обладавшем соответствующим правом на имущество на момент смерти (ст. 1110 ГК РФ) [3]. Учитывая, что в данном случае юридическим фактом является смерть лица – процесс, возможный в поистеканию лишь в отношении живого организма, категория «наследодатель» ограничивается субъектным составом – физическое лицо. Как правило, в отечественной правовой действительности анализируемая категория представлена субъектом – индивидуальным предпринимателем. В отношении юридических лиц примечательным видят-

ся особенности правового статуса некоторых из участников такого коллективного образования. Так, например, в случае смерти лица, являющегося участником общества с ограниченной ответственностью, «общество обязано выплатить наследникам умершего участника общества, правопреемникам реорганизованного юридического лица ... действительную стоимость доли или части доли, определенную на основании данных бухгалтерской отчетности общества ... либо с их согласия выдать им в натуре имущество такой же стоимости» [4];

- наследник. В отличие от предыдущего субъекта, наследовать могут не только физические, но также юридические лица, а, в отдельных случаях, и государство.

Помимо вышеизложенных, в качестве специального субъекта отношений обособленно от предыдущей категории иногда также выделяют нотариуса как лицо, уполномоченное удостоверить завещание.

Вторая категория – содержание наследственных правоотношений. Как и всякой иной гражданско-правовой категории, содержанием охватывается пласт обязанностей, прав (и в некоторых случаях – ответственности) ее непосредственных участников и иных вовлеченных категорий.

Наибольший же интерес в контексте анализируемой проблематики представляет категория «объекты наследственных отношений». Помимо общепринятых для наследственных отношений категорий, охватывающих вещи и имущество, в части отношений, складывающихся при осуществлении предпринимательской деятельности, необходимо также говорить и об имущественных правах и обязанностях. Последние должны иметь прямую связь с действиями, совершаемыми в целях получения прибыли.

С учетом вышеизложенного, первое, на что следует обратить внимание, это спецификация объектов наследственного правоотношения. В процессе проводимого анализа установлено, что на сегодня говорить о наличии более или менее унифицированного подхода к классификации групп данного наследуемого имущества не представляется возможным ни на уровне нормативных предписаний, ни в контексте доктринальных исследований. В связи с чем считаем возможным предложить личное видение возможной градации разновидностей имущества, используемого в предпринимательской деятельности, реализация которых характеризуется наличием особенностей и сложностей, с которыми могут столкнуться потенциальные наследники. Заблаговременно отметим, что наследственная масса такого наследодателя включает в себя как предпринимательскую, так и личную составляющие наследства, являющиеся структурно неделимыми. Указанная позиция подтверждена в 2009 г. Определением КС РФ, в соответствии с п. 3 которого «гражданин (в случае, если он является индивидуальным предпринимателем без образования юридического лица) использует свое имущество не только для занятия предпринимательской деятельностью, но и в качестве собственно личного имущества, необходимого для осуществления неотчуждаемых прав и свобод» [5].

В числе условно предпринимательской наследственной массы выделим:

- предприятие, понимаемое в анализируемом контексте как единый имущественный комплекс. Наследники могут унаследовать предприятие как в целом, так и его часть (долю). Придерживаясь точки зрения о необходимости анализа каждого элемента наследственной массы в отдельности, а также учитывая возможность наличия выше приведенных категорий, охватываемых понятием «наследство» у предприни-

мателя в отсутствие анализируемого имущественного комплекса, выделим их далее;

- отдельные активы предпринимателя. По данной категории наследниками могут быть унаследованы оборудование, сырье и т.д.;

- денежные средства, находящиеся на расчётных счетах предпринимателя. В случае смерти последнего, его денежные активы становятся частью наследственной массы;

- долги и финансовые обязательства. Как известно, наследование предполагает переход одновременно с имущественными правами и обязательств умершего. Как в случае с наследованием в общем порядке, наследование имущества, используемого в предпринимательской деятельности, невозможно без наследования связанных с данным имуществом обязательств. Последнее для некоторых из потенциальных наследников может являться основанием для отказа от наследства, ввиду превышения размера обязательств над стоимостью имущества;

- действующие сделки и иные обязательства перед контрагентами. Помимо долговых обязательств, после смерти предпринимателя его «профессиональные» обязательства перед контрагентами также переходят к наследникам, что влечет за собой обязанность для последних по добросовестному выполнению обязательств своего наследодателя перед партнёрами и клиентами.

Данный перечень благ, объединенных понятием наследственной массы наследодателя-предпринимателя, традиционно является актуальным объектом исследования и споров. В современном гражданском праве наибольшие затруднения в контексте тематики данной работы представляют две группы правоотношений: складывающиеся в результате наследования предприятия как имущественного комплекса, а также связанные с необходимостью определения общего состава наследственной массы. Рассмотрим их более детально.

Так, наследование предприятия, используемого в предпринимательской деятельности, является сложным процессом, требующим учета множества факторов. Уже упоминаемый ранее состав предприятия, легально регламентируемый, в том числе, ст. 132 ГК РФ, имеет свои пределы и проблематику, связанные с особенностями правового регулирования и спецификой такого имущества. Предприятие, будучи трактуемым в анализируемом контексте через призму влияния наследственных правоотношений (изначально в дефиницию «предприятие» закладывался смысл сугубо производственного учреждения) отныне включает не только имущество в общепринятом смысле, но также другие права, необходимые для функционирования предприятия. Наследодатель предприятия обладает правом собственности на данное предприятие, что дает ему право распоряжения по собственному усмотрению. В части регламентации правового статуса наследодателя предприятия все более актуальным является вопрос о развитии института совместного завещания.

Для РФ указанный правовой механизм является нововведением, впервые сформированным (за исключением совместных завещаний, составляемых ранее в Республике Крым и городе Севастополь в силу подтверждения действительности завещаний, составленных в период украинской юрисдикции) в 2019 г. в рамках внесения изменений в ч. 3 ГК РФ. Между тем, единственным определяющим критерием, позволяющим субъектам правоотношений заключить такой документ, является нахождение в официальном браке (т.е. применяется режим совместного завещания супругов). Отметим, что в зарубежных странах институт совместного завещания получил

свое распространение гораздо раньше, приобретая не только форму супружеского взаимодействия, но и перейдя в предпринимательскую плоскость. Так, «по законодательству Швеции и Дании совместное завещание может быть составлено, в том числе, и другими лицами, которые находятся в близких отношениях» [6, с. 39].

Как уже было установлено, лицо, вступающее в наследство на предприятие, получает не только имущественные права, но и обязанности наследодателя, включая долги и обязательства, связанные с данным предприятием. В соответствии с положениями ст. 1178 ГК РФ: «Наследник, который на день открытия наследства зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя, или коммерческая организация, которая является наследником по завещанию, имеет при разделе наследства преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли входящего в состав наследства предприятия ... В случае, когда никто из наследников не имеет указанного преимущественного права или не воспользовался им, предприятие ... разделу не подлежит и поступает в общую долевую собственность наследников в соответствии с причитающимися им наследственными долями» [3]. «В случае смерти физического лица, зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя, ... государственная регистрация такого лица в качестве индивидуального предпринимателя утрачивает силу с момента его смерти» [7].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что пределы наследования предприятия, используемого в предпринимательской деятельности, определяются статусом наследодателя. Наследование предприятия как единого имущественного комплекса возможно, если наследодатель был индивидуальным предпринимателем на момент смерти. В таком случае предприятие наследуется целиком одним наследником.

Отметим, что законодательная новелла ст. 1178 ГК РФ вызвала в свое время достаточно противоречивую реакцию среди правовой общественности в части закрепления преимущественного права получения предприятия при разделе наследства тем наследником, который на день открытия наследства являлся индивидуальным предпринимателем. Так, достаточно распространенной стала точка зрения, приведенная А.Е. Казанцевой, что «в результате такого порядка «наследования» предприятия могут существенно пострадать интересы других правопреемников, потому что предприятие является наиболее ценной частью наследства, которое при умелом управлении им будет приносить постоянные доходы» [8]. Учитывая, что указанное положение преодолело более чем 10-летний рубеж своего существования в неизменном виде, вероятно, представляется возможным говорить о ее востребованности. Однако, на наш взгляд, учитывая предполагаемый вариант о возможном наличии сразу нескольких наследников, претендующих на предприятие, регламентация преимущественного права у наследника, обладающего на день открытия завещания статусом индивидуального предпринимателя, требует некоторой актуализации. Возможно, целесообразным было бы не использовать институт приоритетного наследования в данной области, а также рассмотреть возможность применения небезызвестного опыта ряда зарубежных стран (в частности Болгарии) «свободной доли и резерва», подразумевающего, что часть наследства (свободную долю) наследодатель сможет свободно распределить в своём завещании, а резерв – имущество, которое может быть унаследовано только определенными субъектами (членами семьи либо партнерами по бизнесу) наследодателя.

Следующим системообразующим критерием при реализации процесса наследования предприятия является необходимость в проведении комплексной оценки предприятия, требующей применения различных методов оценки. Целью данной процедуры является обеспечение точного и объективного анализа состава и стоимости наследственной массы, что в дальнейшем окажет влияние на соблюдение немаловажного для наследственных правоотношений принципа справедливости распределения наследства между наследниками. В части проблематики наследования имущества, используемого в предпринимательской деятельности, наиболее значимыми являются следующие аспекты. Прежде всего – это определение стоимости предприятия в целом. Помимо очевидно больших трудо- и материальных вложений, конечный результат может варьироваться в зависимости от большого множества факторов, в частности – рыночной конкуренции, внешней и внутренней экономической ситуации, состояния соответствующей отрасли и т. д. Также учитывается т.н. структурность предприятия, по причине возможного наличия дочерних компаний и филиалов предприятия. Отдельное внимание в рамках оценки предприятия должно быть уделено таким правовым аспектам, как объемы и пределы налогообложения на данный имущественный комплекс, а также законодательные требования в части наличия/отсутствия необходимости в специальных знаниях, навыках, а в отдельных случаях, лицензии на занятие данного рода деятельностью.

Подводя итог настоящему исследованию, отметим, что вопросы наследования имущества, используемого в предпринимательской деятельности, имеют свои особенности и сложности, в связи с чем не утрачивают актуальности. Для успешного наследования такого имущества необходимо учитывать пределы и проблематику, связанные с вышеизложенным процессом. Проведенная работа, а также последующее изучение, как видится, способны оказать благоприятное и плодотворное влияние на развитие действующего отечественного законодательства.

Список литературы:

1. Чеснокова, Ю.В. Возникновение и развитие наследственного права в России / Ю.В. Чеснокова, К.И. Потешкин // Наука. Общество. Государство. – 2018. – №4 (24). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-razvitiye-nasledstvennogo-prava-v-rossii>
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/
4. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об обществах с ограниченной ответственностью». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/
5. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 N 242-О-П «По жалобе гражданина Саркисяна Сергея Сааковича на нарушение его конституционных прав положениями статей 25 и 25.1 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» и части 1 статьи 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве». – URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-15012009-n-242-o-p-po/?ysclid=lvf5mi2ler109723939>
6. Бегичев А. В. Современное состояние наследственного права зарубежных стран / А.В. Бегичев // Нотариальный Вестник. – 2013. – № 2. – С. 39.
7. Федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32881/
8. Казанцева, А.Е. Раздел предприятия, входящего в состав наследства / А.Е. Казанцева // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2012. №2 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razdel-predpriyatiya-vhodyaschego-v-sostav-nasledstva>
9. Ананьев, А. Г. Некоторые особенности наследования земельных участков, обремененных сервитутом / А. Г. Ананьев // Наследственное право. – 2017. – № 3. – С. 20-23.

Nikitina A.P., Sachenok L.I. On the issue of the limits and problems of inheritance of property used in entrepreneurial activity // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 3. – P. 573–579.

This study examines the issue of the limits and problems of inheritance of property used in business activities. The analysis is carried out, which makes it possible to speak about the absence of a more or less unified approach to the classification of groups of inherited property used in entrepreneurial activity, and the author's gradation of the analyzed issue is also proposed. In particular, it has been established that the hereditary mass of the testator – individual entrepreneur includes both entrepreneurial and personal components of the inheritance, which are structurally indivisible, and the number of conditionally entrepreneurial hereditary mass should include an enterprise understood in the analyzed context as a single property complex, individual assets of the entrepreneur, funds held in the current accounts of the entrepreneur as well as debts and financial obligations, current transactions and other obligations to counterparties. The main attention is also paid to the pre-emptive right of the heir to receive the enterprise and the specifics of determining the composition of the estate, taking into account personal and entrepreneurial components.

Keywords: inheritance, property, entrepreneurial activity, testator, heir, pre-emptive right of inheritance, joint will, enterprise, private property regime, easement, right of lifelong inherited ownership of land.

Spisok literatury:

1. Chesnokova, Yu.V. Vozniknovenie i razvitiye nasledstvennogo prava v Rossii / Yu.V. Chesnokova, K.I. Poteshtkin // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. – 2018. – №4 (24). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-razvitiye-nasledstvennogo-prava-v-rossii>
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 11.03.2024). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' tret'ya) ot 26.11.2001 N 146-FZ (red. ot 24.07.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s 04.08.2023). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/
4. Federal'nyj zakon ot 08.02.1998 N 14-FZ (red. ot 13.06.2023) «Ob obshchestvax s ogranichennoj otvetstvennost'yu». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/
5. Opreделение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 N 242-О-Р «По жалобе гражданина Саркисяна Сергея Саковича на нарушение его конституционны́х прав положени́ями статей 25 и 25.1 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» и части 1 статьи 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве». – URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-15012009-n-242-o-p-po/?ysclid=lvf5mi2ler109723939>
6. Begichev A. V. Sovremennoe sostoyanie nasledstvennogo prava zarubezhnýx stran / A.V. Begichev // Notarial'nyj Vestnik. – 2013. – № 2. – S. 39.
7. Federal'nyj zakon ot 08.08.2001 N 129-FZ (red. ot 25.12.2023) «O gosudarstvennoj registracii yuridicheskix licz i individual'nýx predprinimatelej». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32881/
8. Kazanceva, A.E. Razdel predpriyatiya, vxodyashhego v sostav nasledstva / A.E. Kazanceva // Vestnik OmgU. Seriya. Pravo. 2012. №2 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razdel-predpriyatiya-vhodyaschego-v-sostav-nasledstva>
9. Anan'ev, A. G. Nekotorýe osobennosti nasledovaniya zemel'nýx uchastkov, obremenennýx servitutom / A. G. Anan'ev // Nasledstvennoe pravo. – 2017. – № 3. – S. 20-23.

УДК 34.07

ЭВОЛЮЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО МОРСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОПРОСЫ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Осоченко А. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Статья посвящена изучению вопросов разработки и установлению норм, регулирующих вопросы противопожарной безопасности в торговом флоте европейских государств во второй половине XIX в. Проанализированы основные акты, посвященные данным вопросам Великобритании, Швеции, Норвегии, Италии, Германии. Установлено, что ранее использовавшаяся практика разработки и принятия разрозненных нормативных актов сменилась внедрением комплексного законодательства. Основой новой системы стало создание органов контроля (как общегосударственных, так и на местах), регулирующих вопросы деятельности таких органов как: подготовка и квалификация всех членов экипажа, в том числе капитанов, штурманов, механиков; создание системы освидетельствования морских торговых судов; внедрение разделения судов на пассажирские, грузопассажирские, грузовые, каботажные, международного плавания; более детальная регуляция перевозка огнеопасных грузов; существенное усиление и детализация противопожарных и анти аварийных мер в торговых портах.

Ключевые слова: противопожарные меры, безопасность, регулирование, освидетельствование, администрирование, порт, контроль, безопасность.

Важной частью обеспечения безопасности торгового мореплавания является наличие комплекса соответствующих нормативных актов, регулирующих данные вопросы, а также структур ответственных за контроль и исполнение установленных правил. Как и с многими иными аспектами безопасности торгового судоходства, в отношении противопожарной безопасности важны такие факторы как, нормы: 1) регулирующие обязанности членов экипажа; 2) устанавливающие перечень и наличие противопожарных средств на судне; 3) наличие обязанности администрации портов и их служб; 4) регулирующие технические вопросы (от материала постройки, его эксплуатации до конструктивных особенностей); 5) правила использования, хранения и перевозки огнеопасных веществ; 6) ответственность судовладельца, фрахтователя, членов экипажа; 7) размещения груза; 8) иные нормы. В большинстве стран мира вплоть до середины 19 в. системы законодательства, регулирующие вопросы противопожарной безопасности в торговом мореплавании, не существовало. Зачастую использовался опыт и установленные нормы военно-морских флотов, отдельные требования страховщиков и имеющийся практический опыт.

Причины данного явления бы следующие: 1) большинство купеческих судов имели вооружение, в том числе и пушки, а потому в вопросах противопожарной безопасности практически не отличались от военных судов; 2) узконаправленная перевозка особо опасных горючих или взрывчатых веществ, как самостоятельное явление, еще только зарождалась; 3) суда строились из однородного материала – древесины; 4) появившиеся паровые суда составляли ничтожное меньшинство; 5) практически полное отсутствие государственных портовых администраций и систем какого-либо надзора за качеством судов, подготовки и квалификации экипажей; 6) низкий уровень контроля подготовки, знаний и умений капитанов и экипажей судов; 7) иные факторы.

К середине 19 в. вышеуказанные факторы более не могли игнорироваться в связи с существенным увеличением торгового флота и интенсивности его использования. Широкое распространение паровых судов требовало профессиональной подготовки

экипажей. Сформировались в качестве самостоятельного направления деятельности торгового судоходства такие его направления деятельности как перевозка пассажиров и огнеопасных грузов, в том числе взрыво- и пожароопасных.

Важный шаг в преодолении выше выделенных комплексных проблем был сделан в Великобритании с изложением важнейших норм торгового мореплавания в акте 10 августа 1854 г. («The Merchant Shipping Act, 1854»). Все последующие законоположения по торговому мореходству составляют предмет особых актов, обнародованных в 1855, 1862, 1867, 1869, 1871, 1872, 1873 и 1876 годах, каковые содержат изменения или дополнения первоначального...» [1].

Шведский законодатель также стремился установить определенные нормы и правила: «Учитывая чрезвычайную опасность для жизни и имущества, которую могут вызвать дефекты паровых котлов и паровых труб, следует считать целесообразным и желательным, чтобы эти части судна подвергались периодическим проверкам экспертами. Для пассажирских пароходов такая проверка предписана уже постановлением от 12 февраля 1864 г.» [2]. Однако, Швеция все еще не перешла к комплексному развитию внутреннего права, что до таких вопросов как организация и контроль деятельности портов, судовладельцев, морских контор, особое внимание по-прежнему, уделяя ее цивилистическим составляющим [3]. Поэтому же пути шло законодательство Норвегии [4].

Следует указать, что упомянутый шведский закон 1870 г. содержит положение о шкиперах (капитанах), их правах, обязанностях, необходимых профессиональных умениях (ст. 17) [3, с. 84]. Что не менее важно, согласно упоминаемому закону от 12.02.1864 г. (ст. 12 и 47), заложен процесс освидетельствования торговых судов перед выходом в море [3, с. 89]; установлено ведение бортового (шканечного) журнала (ст. 23) [3, с. 108], а $\frac{3}{4}$ состава команды предписано набирать из шведских и норвежских подданных [3, с. 25]. В отношении обеспечения противопожарной безопасности судов предусматривалось «...шкиперамъ пассажирскихъ пароходовъ и судовъ, занимающихся перевозкой переселенцевъ, имѣть на своихъ судахъ въ исправности спасительные и огнегасительные снаряды (указ 12 февр. 1864 года, по статьѣ 4, и указъ 5 февраля 1869 года, по статьѣ 21)» [3, с. 91]. В 1877 г. подобные меры Юридический комитет предложил распространить подобные меры и на грузовые пароходы, парусные суда [5]. Что касается оборудования судов спасательными и противопожарными средствами, то для пароходов, перевозящих пассажиров, подробные правила об этом в Швеции объявлены постановлением от 1 июля 1898 г. [6].

В Великобритании комплексный подход к обеспечению безопасности торгового судоходства вообще, и противопожарных мер в частности, был заложен сводом 1871 г. [7]. Им предусматривалась регистрация английских судов (с занесением их в регистровую книгу) (п. 7), происходил обмер и осмотр судна специально уполномоченным лицом – осмотрщиком (п. 8) [7, с. 3-4]. Данный процесс происходил исключительно в особо установленных для этого регистровых портах [7, с. 33-34].

В ходе данного процесса Таможенным Управлением, по утверждению Торгового Совета, выдавались судовое свидетельство, объявление о праве товарищества на судно, регистровое свидетельство (временное, срочное), объявление о праве владения судном при передаче его иному лицу; объявление о праве владения судном лицом, его получившим; о залоге; акт залога, акт продажи; объявление об отмене продажи или залога судна, или пая.

Особая роль законом отведена морским советам. Данные учреждения были созданы в некоторых портах Великобритании ранее, однако теперь, они создавались в каждом официально действующем торговом порту под высшей властью Торгового Совета. На морские советы возлагались обязанности вести разнообразные отчеты, заметки, протоколы, книги, документы [7, с. 132]. В каждом порту Великобритании, под высшей властью Торгового Совета, создавались коммерческие управы [7, с. 133]. В незначительных портах задачи морского совета могли быть переданы в ведение таможни данного порта (п. 264). Основными задачами Управ объявлялась помощь в подготовке матросов, контролировать их наем и увольнение, доставку на суда; оказывать помощь в подготовке юнг для служб и т.п. (п. 267). Для централизации данной деятельности, в порту Лондона, также под контролем Совета, создавалось учреждение «Генеральная Регистратура матросов и Морской Архив» (п. 269). Не менее маловажным считаем включение в данный документ Устава о пассажирах, в котором дано определение терминам «пассажирский пароход» [7, с. 170]; «эмигрантское судно» (с указанием, в том числе, что если такое судно парусное – то 1 пассажир на каждые 2 т. грузовой регистровой вместимости; б) если судно паровое, то 1 взрослый пассажир на каждые 20 т. грузовой регистровой вместимости).

Устав определял, что «морское пассажирское судно» – такое же судно, но перевозящее меньше пассажиров, нежели то установлено для эмигрантских судов с расчетом на тонну грузовой регистровой вместимости. Термин «пассажир» определялся, как «всякое лицо, перевозимое на каком бы то ни было судне за условленную или установленную плату». Также дано определение терминам «пассажир-эмигрант» и «каютный пассажир» [7, с. 171]. Установление содержания этих терминов давало возможность производить более точно классификацию судов в ходе их оснащения, осмотра и т.п. Осмотр пассажирских судов предписывалось производить один раз в год посредством осмотрика с выдачей, по результатам осмотра, соответствующего объявления [7, с. 172]. После этого, Совет высылал владельцу судна уведомление с указанием границ плавания судна, максимального количества возможных пассажиров, сроков плавания и времени окончания срока действия данного свидетельства [7, с. 173]. Установлено право Совета ликвидировать свидетельство, установлены штрафы за нарушение по размещению пассажиров и их количества [7, с. 175]; порядок на пассажирских пароходах [7, с. 176]; осмотр эмигрантских судов [7, с. 178], а отдельная норма посвящена вопросам перевозки опасных вредных товаров (п. 319).

Не менее интересным для является нормирование изучаемых проблем в одной из важнейших морских держав средиземноморья – Италии. Ее Устав торгового мореплавания также регулировал такие вопросы как осмотр и отход судов [8, с. 32]; полиции на судах [8, с. 38] и полиции мореходства [8, с. 43]. Управление торговым мореплаванием было организовано в наиболее близкой к более поздней практике России способ – оно состояло в ведении морского министра, которому также подчинялись торговые порты и морские берега страны (п. 1) [8, с. 1]. Для заведывания торговым мореплаванием в техническом и административном отношении создавались портовые управления, состоящее из капитанов порта, портовых чиновников, причисленных к порту (п. 2). Создана следующая структура: капитан порта – в главном городе морского отдела; в каждом главном городе морского округа – портовый чиновник; на каждой из остальных значительной пристани – портовый чиновник (п. 4). На тех пристанях где не было морского начальства, как и в Велико-

британии, надзор возлагался на таможенных чинов (п. 5). Причисленные к порту и все высшие чиновники морской торговой администрации назначаются королем по представлению морского министра (п. 6). Стражники и матросы, служащие в порту – находились на обязательной службе (п. 8) [8, с. 3]. Капитану порта в своем округе и портовому чиновнику в своем округе следовало выступать обязательными посредниками по искам до 200 лир (п. 14). Закон предписывал заносить в патент национальности название судна; обозначение к какому роду морских сооружений оно принадлежит; вместимость его; имена хозяев или «соучастников в его собственности, с указанием доли участия каждого из них» (п. 37) [8, с. 12].

Патенты национальности в Италии выдавались Морским министром, от имени Короля, по форме, определенной регламентом (п. 38), а все суда, получившие право на поднятие национального флага, вносятся в подлежащие списки (п. 45). При этом, судно вносится в корабельный список того морского отдела, в котором проживал его собственник (п. 46) [8, с. 15]. Вместе с этим устанавливалось обязательное освидетельствование судов, а контроль за наличием патента об освидетельствовании и годности судна к плаванию возлагался на портовое начальство (пп. 78, 83).

В Раздел III, гл. 2 «Об административной полиции и благочинии в портах (общие слова, попечение, наблюдение за порядком)» [8, с. 73], устанавливалось, что «168. Суда не должны ни входить внутрь портов, ни крепиться у молвов, не выгрузив предварительно пороха и не разрядив огнестрельного оружия, которые будут у них находится, за исключением случая непредотвратимой надобности, о чем должно быть сделано немедленное заявление [8, с. 74].

«Правила о всем, что касается постановки судов на якорь или швартовых у пристаней, нагрузки и выгрузки балласта, употребления огня на судах, и вообще правила благочиния и административного надзора за стоянкой судов определяются регламентом» [8, с. 75]. Дисциплинарная власть в данном случае была представлена законом капитанам порта и портовым чиновникам (п. 451). В отношении регулирования организации деятельности и противопожарной безопасности, весьма иллюстративным является портовый закон Гамбурга, от 2 июня 1897 г., в котором дано определения понятия порта и его учреждений, нормы обращения с различными видами мусора, использование огня, различные меры безопасности [9, с. 163-184].

Таким образом, в большинстве европейских стран во второй половине XIX в. произошел переход от фрагментарного к системному подходу в вопросах регулирования противопожарных мер на торговом флоте, который характеризуется разработкой, принятием и регулярным дополнением содержащихся в них норм. Основой противопожарной деятельности стало создание системы контролирующих и инспектирующих органов, действующих при портовых портах. К ним относились как собственно портовые администрации, так и действующие параллельно с иными государственными органами, зачастую напрямую подчиненные министерства и приравненным к ним высшим государственным ведомствам.

Список литературы:

1. Систематический сборник Английских законоположений о торговом мореплавании (Лиз и Бигхен). Перевод с английского. – С.-Петербург. Тип. Торгового Дома С. Леонтьева и Коки., Никопольская, 37. – 1885.
2. Riksdagens Skrifvelse N:o 155. 9 N:o 155. Uppläst och godkänd hos Första Kammaren den 17 maj 1904. - Andra Kammaren den 17 - Riksdagens skrifvelse till Koningen, i anledning af väckta motioner angående ändringar i gällande sjöfartslagstiftning. (Lagutskottets utlåtande n:o 53.) Till Konungen. - Riksdagens Skrifvelse N:o 155. 9 N:o 155. – URL: rskr_1904____155.pdf Риксдаг Скривелсе № 155 (Риксдагскривелсе

- 1904:155) | Шведский риксдаг (www-riksdagen-se.translate.goog) (дата обращения: 03.09.2024)
3. Приватное морское право на основании существующего шведского законодательства. Сочинение ХАМБРЭ 1870 г. перевел Коллежский Совѣтникъ Головачовъ. – Санктпетербургъ. Печатано в типографии Морского министерства, в Главном Адмиралтействе. 1872.
4. Lov om Sjøfarten af 20. Juli 1893. - Norges Sjøfartstidende's Forlag, 1893. – 196 s.; Норвежский закон о мореплавании (Norsk Lov om Sjøfarten) 20 июля 1893 г. Под редакцией Члена Совещания В. С. Садовского. – С.-Петербург. Типография В. Киршбаума, Дворцовая площ., д. М-ва Финансов. – 1902. – 149 с.
5. Lag- Utskottets Utlåtande N:o 13. Utlåtande 1877:LU13. Lag- Utskottets Utlåtande N:o 13. 1 Tf:o 13. Ank. till Riksd. Kansli den 9 Mars 1877, kl. 1 e. m. – URL: Lag- Utskottets Utlåtande N:o 13 (Utlåtande 1877:LU13 Lagutskottet) | Sveriges riksdag (riksdagen.se) (дата обращения: 03.09.2024)
6. Riksdagens Skrifvelse N:o 155. 9 N:o 155. Uppläst och godkänd hos Första Kammaren den 17 maj 1904. — Andra Kammaren den 17 — Riksdagens skrifvelse till Koningen, i anledning af väckta motioner angående ändringar i gällande sjöfartslagstiftning. (Lagutskottets utlåtande n:o 53.) Till Konungen. - Riksdagens Skrifvelse N:o 155. 9 N:o 155. – URL: rskr_1904_155.pdf Риксдаг Скривелсе № 155 (Риксдагскривелсе 1904:155) | Шведский риксдаг (www-riksdagen-se.translate.goog) (дата обращения: 03.09.2024)
7. Свод английских морских торговых постановлений издания 1871 года. Перевел с английского Лейтенант Андрей Деливрон. – Санктпетербург. Печатано в типографии морского министерства в Главном Адмиралтействе. 1872. – 412 с.
8. Устав торгового мореплавания итальянского королевства. С указанием соответствующих постановлений русского законодательства. – Санктпетербург. Печатанов типографии Морского Министерства, в Главном Адмиралтействе. – 1877.
9. Германские законы о торговом мореплавании (findelsgesetzbuch von Mai 1897, 4 Buch §§ 477-905), Seemannsordnung 1902, etc.). Под редакцией Члена Совещания В. С. Садового и Делопроизводителя Совещания С. П. Веселаго. – С.-Петербург. Типография Т-ва «Народная польза». Спб., коломенская ул., дом, №39. – 1902. – С. 163-184.

Osochenko A. A. Evolution of european maritime legislation regulating fire safety issues // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 580-584.

The article is devoted to the study of the development and establishment of norms regulating the issues of fire safety in the merchant fleet of European states in the second half of the XIX century. The main acts devoted to these issues of Great Britain, Sweden, Norway, Italy, Germany are analyzed. It is established that the previously used practice of development and adoption of disparate normative acts was replaced by the introduction of comprehensive legislation. The basis of the new system was the creation of control bodies (both national and local), regulating the activities of such bodies as: training and qualification of all crew members, including captains, navigators, mechanics; creation of a system of examination of merchant marine vessels; introduction of division of vessels into passenger, cargo-passenger, cargo, coastal, international navigation; more detailed regulation of transportation of flammable cargoes; significant strengthening and detailing of fire prevention and anti-emergency measures in the trade and transport of goods and services.

Keywords: fire protection measures, safety, regulation, inspection, administration, port, control, security.

Spisok literatury:

1. Sistematičeskij sbornik Anglijskih zaonopolozhenij o trgovom moreplavanii (Liz i Bighen). Perevod s anglijskogo. – S.-Peterburg. Tip. Torgovogo Doma S. Leont'eva i Koki., Nikopol'skaya, 37. – 1885.
2. Riksdagens Skrifvelse N:o 155. 9 N:o 155. Uppläst och godkänd hos Första Kammaren den 17 maj 1904. - Andra Kammaren den 17 - Riksdagens skrifvelse till Koningen, i anledning af väckta motioner angående ändringar i gällande sjöfartslagstiftning. (Lagutskottets utlåtande n:o 53.) Till Konungen. - Riksdagens Skrifvelse N:o 155. 9 N:o 155. – URL: rskr_1904_155.pdf Риксдаг Skrivelse № 155 (Riksdagskrivelse 1904:155) | SHvedskij riksdag (www-riksdagen-se.translate.goog) (data obrashcheniya: 03.09.2024)
3. Privатное морское право на основanii sushchestvuyushchago shvedskago Zakonodatel'stva. Sochinenie HAMBRE 1870 g. perevel Kollezhschij Sovѣtnik" Golovachov". – Sanktpeterburg". Pechatano v tipografii Morskogo ministerstva, v Glavnom Admiralteystve. 1872.
4. Lov om Sjøfarten af 20. Juli 1893. - Norges Sjøfartstidende's Forlag, 1893. – 196 s.; Norvezhskij zakon o moreplavanii (Norsk Lov om Sjøfarten) 20 iyulya 1893 g. Pod redakciej CHlena Soveshchaniya V. S. Sadovskogo. – S.-Peterburg. Tipografiya V. Kirshbauma, Dvorcovaya ploshch., d. M-va Finansov. 1902. 149 s.
5. Lag- Utskottets Utlåtande N:o 13. Utlåtande 1877:LU13. Lag- Utskottets Utlåtande N:o 13. 1 Tf:o 13. Ank. till Riksd. Kansli den 9 Mars 1877, kl. 1 e. m. – URL: Lag- Utskottets Utlåtande N:o 13 (Utlåtande 1877:LU13 Lagutskottet) | Sveriges riksdag (riksdagen.se) (data obrashcheniya: 03.09.2024)
6. Riksdagens Skrifvelse N:o 155. 9 N:o 155. Uppläst och godkänd hos Första Kammaren den 17 maj 1904. — Andra Kammaren den 17 — Riksdagens skrifvelse till Koningen, i anledning af väckta motioner angående ändringar i gällande sjöfartslagstiftning. (Lagutskottets utlåtande n:o 53.) Till Konungen. - Riksdagens Skrifvelse N:o 155. 9 N:o 155. – URL: rskr_1904_155.pdf Riksdag Skrivelse № 155 (Riksdagskrivelse 1904:155) | SHvedskij riksdag (www-riksdagen-se.translate.goog) (data obrashcheniya: 03.09.2024)
7. Svod anglijskih morskikh trgovykh postanovlenij izdaniya 1871 goda. Perevel s anglijskogo Lejtenant Andrej Delivron. – Sanktpeterburg. 1872. – 412 s.
8. Ustav torgovogo moreplavaniya ital'yanskogo korolevstva. S ukazaniem sootvetstvuyushchih postanovlenij russkogo zakonodatel'stva. – Sanktpeterburg. 1877.
9. Germanskie zakony o trgovom moreplavanii (findelsgesetzbuch von Mai 1897, 4 Buch §§ 477-905), Seemannsordnung 1902, etc.). Pod redakciej CHlena Soveshchaniya V. S. Sadovogo i Deloproizvoditelya Soveshchaniya S. P. Veselago. – S.-Peterburg. Tipografiya T-va «Narodnaya pol'za». 1902. – S. 163-184..

УДК 34.07

СЕВЕРНЫЕ СТРАНЫ В РАБОТЕ ПО ГАРМОНИЗАЦИИ БРАЧНО-СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В 1920-1950-Х ГГ.

Курабцева А. П.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Статья посвящена изучению вопросов семейного, в том числе брачного и наследственного права скандинавских стран в процессе гармонизации и согласования основных его принципов и содержания между Данией, Швецией, Норвегией, Финляндией, Исландией. Подчеркивается, что данный процесс основан на таких важных факторах как единая вера (протестантизм), многовековая политическая и культурная история. Установлено, что основы данного согласования были заложены еще в 19 в., а первые результаты закреплены в соответствующей конвенции от 6 февраля 1931 г. Послевоенный период, начиная с 1946 г. характеризуется особым вниманием к исследуемому вопросу, что проявилось в создании в 1954 г. совместного комитета для изучения, анализа и прогнозирования вопросов завещания, наследства. В его работе приняли участие видные деятели науки и высокопоставленные государственные служащие.

Ключевые слова: Скандинавские (Северные) страны; брачное, наследственное право; комитет, проекты, закон, заседание.

История семейного, в том числе брачного и наследственного права скандинавских стран довольно богата и представляет особый интерес в первую очередь тем, что указанные государства (Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания, Исландия) длительный период стремились к гармонизации внутригосударственного права на международную, скандинавскую арене. Причиной такого явления стала во многом историческая, правовая и культурная общность данных стран – Финляндия и Норвегия долгое время развивалась в рамках шведского государства, отдельные территории Дании располагались на современной территории Швеции и т.д.

Вопросам эволюции межгосударственных отношений скандинавских стран в области семейного и наследственного права посвящено множество публикаций как отечественных [1, с. 71-75; 2, с. 71-75], так и зарубежных исследователей [3-6].

Процессу межгосударственной гармонизации способствовал и тот факт, что все эти страны принадлежат к одному течению христианства – протестантизму, долгое время являвшейся основной государственной религией. Исходя из этого государство оставляло за собой право вмешательства и регулирования различных правоотношений, в том числе брачно-семейных. Так согласно указу 1922 г. «О церковных браках в Датской Церкви», заключаемый церковный брак должен был соответствовать государственным законам, соответствующим образом регистрироваться, и только после этого священник имел право совершить бракосочетание (§ 3).

Вопросы организации деятельности церкви в Дании были поручены министерству по делам Церкви [7]. В 1925 г. издан закон о правовых последствиях брака [8], которым регулировались вопросы собственности (гл. 2), долговой ответственности (гл. 3), брачных договоров и иных юридических сделок между супругами (гл. 4), о раздельном проживании (гл. 5). Как видно на примере Дании, внутригосударственное право, регулирующее вопросы брака и его юридических последствий, в первые десятилетия XX в. в скандинавских странах развивались достаточно активно, что, впрочем, соответствовало духу времени. Однако, данный процесс требовал гармонизации общескандинавских усилий, согласования норм и правил, которые могли бы действовать одновременно на территории всех этих стран. С этой целью, 6 фев-

рала 1931 г. между Финляндией, Данией, Исландией, Норвегией и Швецией была подписана конвенция, регулирующая отдельные вопросы по регулированию брака, усыновления и т.п. Данный документ известен как Северная брачная конвенция [9].

С окончанием Второй мировой войны начался новый этап в развитии брачно-семейного законодательства. 18 декабря 1946 г. в парламент Дании был представлен законопроект о наследовании [10]. Однако, данный шаг потребовал согласования с иными скандинавскими странами, что привело к созданию специального межгосударственного комитета. Скандинавское совещание министров юстиции, состоявшееся в декабре 1953 г. в Стокгольме, приняло решение о включении наследственного права в повестку дня на совместное рассмотрение Северных стран.

24 июня 1954 г. Министерство юстиции учредило комитет для участия в совместных консультациях Северных стран по внесению изменений в законодательстве о наследовании – по закону, по завещаниям, о распределении наследства. Членами комитета были назначены следующие лица: Вильгельм Боас, глава департамента Министерства юстиции (председатель), проф. О. А. Борум и начальник департамента Министерства юстиции, ныне судья Верховного суда Эрик Ветли.

Для выполнения секретарских обязанностей комитета был назначен Финн д Рогви, клерк Министерства юстиции. Комитет сотрудничал с аналогичными комитетами и наблюдателями из других Северных стран. В ходе переговоров Северные страны представляли следующие государства: Финляндия: проф., д-р Матти Йлостало (наблюдатель). Исландия: Комиссия по Закону о наследовании Исландии в составе проф. Арманна Сневарра и судьи Верховного суда доктор права Тёрдур Эйольфссона. Норвегия: проф., д-р юр. наук, проф. Карл Якоб Арнхольм (председатель), проф. Кнут Робберстад, адвокат Верховного суда Эйлиф Холмсланд и начальник бюро Эрлинг Сандене, Министерство юстиции, в качестве представителей Норвежского комитета по закону о наследовании, в состав которого, помимо вышеперечисленных, входили член парламента, фермер Ларс Рамндал и член парламента, советник Магнхильд Хагелия. Секретарем норвежского комитета и Норвежского комитета и норвежских делегатов в Северном сотрудничестве выступала руководитель бюро Сандене. В Швеции комитет по семейному праву был создан в январе 1957 г. Он состоял из: проф. Гёста Валина (председатель), адвоката Сигрид Бекман, главы адвокатского бюро Торвальд Хессер, член первой палаты парламента редактора Рут Хамрин-Торелл; член 1-й палаты Риксдага Эрик Сведберг и бывший член парламента госпожа Эйвор Валлин. После создания этого комитета он был представлен в Северном сотрудничестве 3 первыми его членами. До этого момента Швецию представляли Маршал королевства доктор Биргер Экеберг, судья Валин и Ховряттсrade, херадшовдинген Хуго Хенков. Шведские делегаты участвовали в качестве наблюдателей в тех областях, которые не касались положения пережившего супруга в соответствии с законодательством о наследовании и завещании.

Секретарем шведского комитета и шведских делегатов был Улоф Хёглунд, помощник судьи Апелляционного суда. В ходе работы было проведено четыре скандинавских встречи: в Осло с 20 по 24 мая 1955 г., в Копенгагене с 19 по 21 января 1956 г., в Осло с 10 по 13 февраля 1958 г. и в Хорнбеке с 27 по 31 октября 1958 г.

Исландия не была представлена на встречах в Осло. Кроме того, обсуждался вопрос о правовом положении пережившего пережившего супруга обсуждался на 21-й встрече юристов Северных стран в Хельсинки с 22 по 24 августа 1957 г. [11].

Указанным ученым и государственным деятелям удалось гармонизировать многие вынесенные на рассмотрение вопросы, нормы и положения. В тоже время, данный процесс и его достижения являлись временной вехой, очередным этапом в развитии скандинавского брачно-семейного права. Важнейшими факторами его последующего развития и эволюции стало образование ЕС, политика которого в данной отрасли направлена на единообразие стандартов в данном направлении, а также политико-правовая эволюции отдельных регионов рассматриваемых стран. В частности, в Дании это Фарерские острова и Гренландия, административно-правовой статус которых во второй половине XX стал существенно изменяться в сторону широкого самоуправления [12], что привело также к принятию региональных норм, регулирующих вопросы брака и наследования. К таковым, к примеру, следует отнести Закон Гренландии о наследовании № 190 от 7 июня 1958 года [13].

Список литературы:

1. Патракова Е. А. Скандинавская (нордическая) правовая семья. – С. 43-48. – URL: Скандинавская (нордическая) правовая семья (cyberleninka.ru) (дата обращения : 28.08.2024).
2. Л. П. Рассказов. Правовые системы скандинавских стран: общее и особенное // Философия права, 2014, №6(67). Право, государство, власть, управление. – С. 71-75.
3. Familjerätt – inte längre en nationell angelägenhet? En studie av harmoniseringssträvandet inom den Europeiska unionen. Examensarbete. 30 högskolepoäng.Handledare Docent Eva Ryrstedt. Familjerätt, Internationell rätt. HT 2010. – 77 s. – URL: Examensarbete (lu.se) (дата обращения : 28.08.2024).
4. Agell Anders. Nordisk äktenskapsrätt – En jämförande studie av dansk, finsk, isländsk, norsk och svensk rätt med diskussion av reformbehov och harmoniseringsmöjligheter. – Nordiska Ministerrådet, 2003. – 515 s.
5. Peter Lødrup. Nordic Council of Ministers, 2002. – 472 sid.
6. Svend Danielsen. Nordisk børneret II. – NORD 2003:14. – URL: Законодательство Северных стран о детях II: Ответственность родителей. Сравнительное исследование датского языка... - Свенд Даниэльсен - Google Books (books-google-com.translate.goog) (дата обращения : 28.08.2024).
7. Kongelig anordning nr. 544 af 22. December 1922 angaaende kirkelig Vielse indenfor Folkekirken m.v., som sat i kraft ved kongelig anordning nr. 237 af 23. Maj 1923. – URL: Anordning 544 desember 22 1922 .pdf (дата обращения : 28.08.2024).
8. Lov nr. 56 af 18. marts 1925 om Ægteskabets Retsvirkninger, sum seinast broytt lögtingslóg nr. 159 frá 10. desember 2021. – URL: Lógasavn (logir.fo) (дата обращения : 28.08.2024).
9. Överenskommelse med Danmark, Finland, Island och Norge om ändring av konventionen mellan Finland, Danmark, Island, Norge och ... – URL: Överenskommelse med Danmark, Finland, Island och Norge om ändring av konventionen mellan Finland, Danmark, Island, Norge och ... - Regeringen.se (дата обращения : 28.08.2024).
10. Betænkning om arvelovgivningen afgivet af det af justitsministeriet den 24. juni 1954 nedsatte udvalg betænkning nr. 291 1961 A/S J. H. schultz - universitets-bogtrykkeri – København. - S. 153. – URL: Betaenkning_om_arvelovgivningen.pdf
11. Betænkning om arvelovgivningen afgivet af det af justitsministeriet den 24. juni 1954 nedsatte udvalg betænkning nr. 291 1961 A/S J. H. Schultz - universitets-bogtrykkeri – København. - S. 5. – URL: Betaenkning_om_arvelovgivningen.pdf (дата обращения : 28.08.2024).
12. Хрущев Р. С. Политико-правовые предпосылки становления автономии Гренландии // Современные проблемы юриспруденции в условиях глобальных вызовов и трансформационных процессов: теория и практика. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2024. С. 112-116. – URL: Политико-правовые предпосылки становления автономии Гренландии (elibrary.ru) (дата обращения : 28.08.2024).
13. Grønlandsk Lovregister 2024 Opdateret pr. 31. marts 2024 Statsministeriet ISSN 1904-4860. – URL: groenlandsk-lovregister-1-kvartal-2024-002.pdf (stm.dk) (дата обращения : 28.08.2024).

Kurabtseva A. P. Nordic countries in the work on harmonization of marriage and family legislation in 1920-1950s. // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 3. – P. 585–588.

The article is devoted to the study of family law, including marriage and inheritance law of Scandinavian countries in the process of harmonization and coordination of its basic principles and content between Denmark, Sweden, Norway, Finland, Iceland. It is emphasized that this process is based on such important factors as common faith (Protestantism), centuries-old political and cultural history. It is established that the foundations of this harmonization were laid in the 19th century, and the first results were enshrined in the relevant convention of February 6, 1931. The post-war period since 1946 is characterized by special attention to the issue under study, which manifested itself in the establishment in 1954 of a joint committee for the study, analysis and forecasting of probate and inheritance issues. Prominent figures of science and high-ranking civil servants took part in its work.

Keywords: Scandinavian (Nordic) countries; marriage, inheritance law; committee, projects, law, meeting.

Spisok literatury:

1. Patrakova E. A. Skandinavskaya (nordicheskaya) pravovaya sem'ya. – S. 43-48. – URL: Skandinavskaya (nordicheskaya) pravovaya sem'ya (cyberleninka.ru) (data obrashcheniya : 28.08.2024).
2. L. P. Rasskazov. Pravovye sistemy skandinavskih stran: obshchee i osobennoe // *Filosofiya prava*, 2014, №6(67). Pravo, gosudarstvo, vlast', upravlenie. – S. 71-75.
3. Familjerätt – inte längre en nationell angelägenhet? En studie av harmoniseringssträvandet inom den Europeiska unionen. Examensarbete. 30 högskolepoäng. Handledare Docent Eva Ryrstedt. Familjerätt, Internationell rätt. HT 2010. – 77 s. – URL: Examensarbete (lu.se) (data obrashcheniya : 28.08.2024).
4. Agell Anders. Nordisk äktenskapsrätt – En jämförande studie av dansk, finsk, isländsk, norsk och svensk rätt med diskussion av reformbehov och harmoniseringsmöjligheter. – Nordiska Ministerrådet, 2003. – 515 s.
5. Peter Lødrup. Nordic Council of Ministers, 2002. – 472 sid.
6. Svend Danielsen. Nordisk børneret II. – NORD 2003:14. – URL: Zakonodatel'stvo Severnyh stran o detyah II: Otvetstvennost' roditelej. Sravnitel'noe issledovanie datskogo yazyka... - Svend Daniel'sen - Google Books (books-google-com.translate.google) (data obrashcheniya : 28.08.2024).
7. Kongelig anordning nr. 544 af 22. December 1922 angaaende kirkelig Vielse indenfor Folkekirken m.v., som sat i kraft ved kongelig anordning nr. 237 af 23. Maj 1923. – URL: Anordning 544 desember 22 1922 .pdf (data obrashcheniya : 28.08.2024).
8. Lov nr. 56 af 18. marts 1925 om Ægteskabets Retsvirkninger, som seinast broytt lögtingslóg nr. 159 frá 10. desember 2021. – URL: Lógasavn (logir.fo) (data obrashcheniya : 28.08.2024).
9. Överenskommelse med Danmark, Finland, Island och Norge om ändring av konventionen mellan Finland, Danmark, Island, Norge och ... – URL: Överenskommelse med Danmark, Finland, Island och Norge om ändring av konventionen mellan Finland, Danmark, Island, Norge och ... - Regeringen.se (data obrashcheniya : 28.08.2024).
10. Betænkning om arvelovgivningningen afgivet af det af justitsministeriet den 24. juni 1954 nedsatte udvalg betænkning nr. 291 1961 A/S J. H. Schultz - universitets-bogtrykkeri – København. - S. 153. – URL: Betaenkning_om_arvelovgivningningen.pdf
11. Betænkning om arvelovgivningningen afgivet af det af justitsministeriet den 24. juni 1954 nedsatte udvalg betænkning nr. 291 1961 A/S J. H. Schultz - universitets-bogtrykkeri – København. - S. 5. – URL: Betaenkning_om_arvelovgivningningen.pdf (data obrashcheniya : 28.08.2024).
12. Hrushchev R. S. Politiko-pravovye predposylki stanovleniya avtonomii Grenlandii // *Sovremennye problemy yurisprudencii v usloviyah global'nyh vyzovov i transformacionnyh processov: teoriya i praktika. Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov i studentov. Simferopol'*, 2024. S. 112-116. – URL: Politiko-pravovye predposylki stanovleniya avtonomii Grenlandii (elibrary.ru) (data obrashcheniya : 28.08.2024).
13. Grønlandsk Lovregister 2024 Opdateret pr. 31. marts 2024 Statsministeriet ISSN 1904-4860. – URL: grønlandsk-lovregister-1-kvartal-2024-002.pdf (stm.dk) (data obrashcheniya : 28.08.2024).

УДК 34.07

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Игнатов Д. А.

Белгородский государственный национально-исследовательский университет

Автором в статье представлен историко-правовой анализ подходов к эволюции обеспечения безопасности в экономической сфере российского государства, предложены ее этапы. Показана логическая ретроспективная взаимосвязь деятельности по обеспечению экономической безопасности, предотвращению и преследованию нарушений экономического характера и охране внутренних интересов во внешних отношениях. Развитие обеспечения экономической безопасности в дореволюционный период включает в себя три неравнозначные в темпоральном аспекте периода: X-XVII вв. с характерным обеспечением интересов государства в лице князей или царя и государственной казны, которые были неразделимы, а также интересов церкви, влияющих на состояние защищенности в экономической сфере; XVIII в., характеризующийся масштабным обновлением законодательного массива, появлением отраслевого разделения среди источников правового регулирования, акцентированием мер по обеспечению защищенности интересов государства, одновременно негативно влияющих на интересы отдельных социальных групп или общественно-экономических отраслей; XIX в., (1801-1894 гг.) с внутренним его разграничением на два этапа, – до проведения реформ Александра II и после этих реформ, каждый из которых характеризуется внутренней логикой и результатами.

Ключевые слова: безопасность, экономическая безопасность, имущественный интерес, безопасность государства.

В процессе своего развития Российское государство имело различную экономическую основу и по-разному относилось к экономическим аспектам регулируемых общественных отношений и, соответственно, обеспечению безопасности в экономической сфере. При этом выделение и институционализация экономической безопасности, мер по ее обеспечению в историко-хронологическом аспекте имеет непосредственное значение для понимания актуальных аналогичных проблем. В этой связи полагаем целесообразным рассмотреть эволюцию обеспечения экономической безопасности в дореволюционный период отечественной истории.

Практически сразу в историческом аспекте выделяются такие направления в обеспечении экономической безопасности как предотвращение и преследование нарушений экономического характера, а также охрана внутренних интересов во внешних отношениях. Это одновременно проявляется в первых памятниках отечественного законодательства – договорах великих князей с греками 911 и 945 годов [1, с. 4-5]. Из этих документов прослеживается, что они, в первую очередь, имеют действия над торговыми отношениями. В них определялись права на имущество и их защита, прослеживались различия законного и незаконного владения, хотя явные границы такого деления напрямую не были установлены.

Товаром признавались невольники, пленники, обобщенные в понятии челяди. Челядь продавалась и отсылалась в разные земли. Причем невольники, пленники не только продавались руссами, но и приобретались и во внешних, во внутренних сношениях. Согласно ст. 10 договора 911 г. невольники считались вещью, права хозяина на которую признавались неприкосновенными и охранялись как любое другое имущество. Меры по защите имущественных интересов предусматривали компенсационный характер восстановления имущественных прав в отношении лица, чьи интересы экономического характера были нарушены. В первом договоре было определено, что «ежели вор при поимке во время сопротивления был убит, то хозяин возвра-

щал себе только покраденное вором; но ежели вор был связан и представлен на суд, то должен был возратить и то, что украл, и сверх того заплатить хозяину тройную цену украденного». Полагаем, что установленная компенсация могла быть допустима только в результате установленного порядка отправления правосудия. Самоуправство здесь не исключается, но не влечет права на тройную цену украденного. Таким образом, личность в защите своей экономической безопасности могла прибегнуть как к самозащите, так и к защите компетентными органами власти, но различались правовые последствия той или иной формы защиты.

В литературе приводится параллель указанного положения с положением римского права «quadrupli», по которому открытое воровство наказывалось вчетверо, то есть возвращалась украденная вещь или ее стоимость и кратная стоимости компенсация. Как отмечает И.Д. Беляев, указанное заимствование из римского права вошло в рассматриваемые договоры по инициативе греческой стороны и уже в Русской Правде наказание за воровство назначалась не тройная стоимость украденной вещи, а особенная пеня, называвшаяся продажей [2, с. 21]. В Уставе Владимира «О судах церковных и десятине» устанавливались правила о надзоре церкви за торговыми мерами и весами. В Судном законе были установлены узаконения о договорах поклада (отдаче чего-нибудь на сохранение), займа и ссуды. Формируются система податей и сборов, принимаются меры по пополнению и охране казны, как княжеской, так и церковной, обладавшей определенной самостоятельностью [3, с. 8-14].

Мы можем отметить содержание различных редакций Русской правды, включавших правила о торговле, наказания за преступления против законного владения [1, с. 7-19]. В качестве платы потерпевшему использовались головничество, плата за обиду, урок. В пользу государства уплачивались вира, полувирье, продажа (отмеченная выше плата за преступление). За разбой, поджог и конокрадство правонарушитель мог быть обращен в рабство. В частноправовых отношениях купцы могли отдавать имущество на хранение (поклажа). Совершались ростовщические операции: в рост давались деньги – отданное (исто) возвращалось с процентами (резы), или продукты с возвратом в пропорционально большем размере. Охрана движимого имущества (конь, одежда, оружие) обеспечивалась различными штрафами [4, с. 37].

Огромное влияние на общественно-политический строй, в том числе на состояние защищенности в экономической сфере, оказало татаро-монгольское нашествие, произошедшее в середине XIII века. В период татаро-монгольского ига имело место признание верховной власти татарского хана, устанавливался платеж дани. Также за князьями закреплялась обязанность по содержанию направленных к ним баскаков и их войск. Однако взаимоотношения князя и населения оставались в определенной степени независимыми от влияния ханства, в частности на Северо-западе Руси [1, с. 19-25], включенном в экономическую жизнь Западной Европы [5, с. 24-25]. К концу XV в. происходит централизация Руси, властные полномочия московского князя формально распространились на Северо-восточную Русь. В каждом из присоединившихся княжеств продолжали действовать свои правовые нормы, что не могло быть приемлемо в едином государстве. Унификация этих норм стала основой для Судебника 1497 г. который стал значимым памятником, затрагивающим интересы в экономической сфере.

Судебник содержал частноправовые порядки относительно купли, займов, крестьянского выхода или отказа, поземельного владения, о холопах [6, с. 36-43]. В контексте экономической безопасности для законности сделки устанавливались

правила свидетельствования, относительно владений предусматривалась законность изгородей, определения межей и правила земской давности.

Следующим крупным памятником отечественного права стало Соборное Уложение 1649 г. [1, с. 70-138]. В нем были определены нарушения за составление фальшивых грамот, актов и других бумаг. Порядок, установленный в этих отношениях заимствован из Литовского Статута. Также из Статута воспроизведены положения о подделывателях монет и о серебряных и золотых дел мастерах, которые будут пришеивать в серебро и золото медь, или олово, или свинец. Иски о покладах, долгах и ссудах Уложение признавало при наличии заемной кабалы или каких-либо иных записей. Исключение могли составлять обращения ратных, т.е. служивых людей.

Относительно несостоятельных должников, Уложение, усская Правда и Судебник, дифференцирует должников на невинных, или несчастных, и на виноватых. Для первых определен трехлетний срок на возврат долга, если за них не будет порука отдавали долг до искупа, у вторых такой срок ничем не ограничивался. Кабалы, заемные памяти и другие обременения в значительных суммах, составлялись в Москве и по городам площадными подьячими. В таких указано не менее 2-х свидетелей (послухи). В незначительных суммах (до 10 р.) заемные записи мог составлять сам заемщик или его доверенное лицо. Давность составляла 15 лет [7, с. 44].

В Соборном Уложении определялись правила межевания и установления изгородей, правовые основания взысканий в случае утраты порученного. На протяжении первой половины XVII в. государство стремилось обеспечить собственные интересы. К середине XVII в. завершился процесс юридического оформления крепостного права, ликвидированы внутренние торговые пошлины, иностранных торговцев вытесняли с внутреннего рынка. За побег из города с целью укрывательства от налогов введена смертная казнь. Эти меры стали возможными с принятием Новоторгового устава (1667 г.), Новоуказанных статей о разбойных, татевных делах и убийствах (1669 г.), Новоуказанных статей о поместьях (1676 г.), правовых актов того периода.

На этом первый хронологический период выявления правовых мер по обеспечению экономической безопасности может быть завершен, его рамки будут составлять X-XVII в. Для него характерно обеспечение интересов государства в лице князей или царя и государственной казны, которые были неразделимы, а также интересов церкви, влияющих на состояние защищенности в экономической сфере. Развивается правовой статус служивых людей, чему способствовали специальные правовые нормы. Социальной дифференциации способствовало оформление крепостного права. Представляется возможным выделить исторические примеры интервенции иностранных интересов в управлении, в том числе в экономической сфере (татаро-монгольское нашествие и период Смутного времени).

В начале XVIII в. произошел переход в качественно новое состояние государственности. Новые движения в общественно-политическом строе требовали создания иных мер по обеспечению состояния защищенности в экономической сфере, характер и род интересов, требовавших такого обеспечения. На смену ориентиров в обеспечении состояния защищенности интересов государства в экономической сфере повлияли стремительная европеизация и активная внешняя политика. Полагаем обоснованным с точки зрения принципа историзма в качестве следующего хронологического периода рассмотреть XVIII в. В XVIII в. происходит масштабное обновление законодательного массива, появляются зачатки отраслевого разделения среди

источников правового регулирования; акцентируются меры по обеспечению защищенности интересов государства, одновременно негативно влияющих на интересы отдельных социальных групп или общественно-экономических отраслей. В налоговой системе на смену подворного обложения в 1718 г. приходит обложение на каждую мужскую душу. Вместе с этим введена сложная система приобретения имущества. Доступность к имуществу активнее реализовывались через пожалования.

В системе управления на смену приказам пришли коллегии, которые играли немаловажную роль в реализации мер по обеспечению защищенности различных лиц в экономической сфере. Отдельное внимание уделялось эффективности государственного управления. Для контроля за деятельностью Сената в 1715 г. учреждается должность генерал-ревизора, а в 1722 г. – генерал-прокурора [4, с. 115]. Чем создавались прообразы прокурорского надзора и прокуратуры как специальных надзорных органов общей компетенции, в сфере деятельности которых может выделяться обеспечение состояния защищенности в этой сфере. Кроме того, такая деятельность прослеживается в работе коллегий (Мануфактур-, Берг-, Юстиц-коллегии).

Во многом тенденции и направления развития государственности XVIII в. были определены именно в 1-й четверти рассматриваемого столетия. Фактически до последней четверти, а точнее трети XVIII в., система госуправления сохраняла свой общий облик и заданные в период петровского правления меры и средства влияния на состояние защищенности различных слоев населения и социальных институтов. Продолжалось и окончательно оформилось дистанцирование государства и его поддержки по отношению к церкви, с переменным успехом развивалось положение дворян. Значимыми стали изменения, произошедшие во время правления Екатерины II, где тенденция по развитию положения дворянства нашла свое продолжение.

Некоторые положительные меры закреплялись в отношении зарождающегося слоя буржуазии. В 1785 г. благодаря «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи» в отношении купцов были введены ряд привилегий, связанных с сокращением повинностей, все горожане обрели статус мещан, который включал имущественные и неимущественные права [8]. Развиваются территориальные аспекты управления. К концу третьей четверти XVIII в. насчитывалось более 20 губерний. После принятия в 1775 г. «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (сноска) их количество увеличилось до 40. При губернаторе учреждались губернское правление (административные вопросы) и казенная (финансовые вопросы) палата. Права губернских структур расширились, им переданы функции бывших камер-коллегий, включая контрольно-надзорные полномочия за частной промышленностью и управление казной на своем территориальном уровне.

Внешнеэкономическая деятельность того периода непосредственно связана с задачей по расширению торговых потоков, послуживших причиной Северной войны, Прутского и Персидского подхода в первой четверти XVIII в. Развивались и юго-восточные, азиатские направления. Развитие внешнеэкономических связей на юго-западе было осложнено политическими факторами. В результате Великой Французской революции и разразившимися войнами, Россия, как и другие страны Европы, объявила Франции экономическую блокаду, что послужило причиной практической несостоятельности русско-французского торгового договора 1786 г.

Следующий период рассмотрения истории развития экономической безопасности предлагается обозначить рамками XIX в., начиная с правления Александра I

(1801 г.), по конец правления Александра III (1894 г.). Считаем обоснованным провести внутреннее разграничение в этом периоде на два этапа: до проведения реформ Александра II и после этих реформ. На первом этапе рассматриваемого периода экономика продолжала носить государственно-промышленный характер: большинство предприятий имело государственную принадлежность, более половины населения находилось в крестьянской зависимости. Внешняя политика несла в себе огромные затраты, связанные с военными кампаниями. В 1802 г. взамен коллегий была учреждена министерская система [4, с. 132]. Проведенная систематизация законодательства в Своде законов РИ позволяет выделить меры и средства правового характера по обеспечению состояния защищенности в экономической сфере: в ч. 1, регулирующей законы о механизме государственной власти и государственной службе; в ч. 2, устанавливающей уставы о повинностях; в ч. 3, содержащей порядок казенного управления и бюджетного процесса; в ч. 4, определившей сословные особенности отдельных социальных групп; в ч. 5, связанной с гражданским законодательством; в ч. 6, регулирующей кредитные, торговые, промышленные отношения и вопросы государственного благоустройства в целом; в ч. 8, объединяющей уголовное законодательство, включая установление ответственности за преступления экономического характера [9].

Преступления экономического характера не были выделены непосредственно. В 1845 г. принято «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». Преступления экономического характера по-прежнему носят собирательный характер и могут быть отмечены в разделах, посвященных преступлениям государства, должностные преступления, имущественные, против благочиния, свободы и др. [1, с. 222-240]. Процессуальные правоотношения до реформ Александра II, в частности судебной реформы 1864 г., носили инквизиционный характер, это создавало условия для негативного влияния на экономическую безопасность общества или личности и привилегированные условия для защищенности государства в экономсфере.

В условиях абсолютной монархии доминант государственных интересов проявляется в приоритетах его защиты, в том числе казенных предприятий, принадлежавших полностью или преимущественно государству. Далее могут быть названы интересы отдельных сословий или социальных групп, как то дворяне, промышленники и т.д. Поэтому основным источником развития экономики был государственный сектор, имели воплощение прогосударственные идеи и, соответственно, антирыночные тенденции в политике органов власти. Либеральные преобразования состояли из целого комплекса реформ Александра II, оказавших свое влияние на состояние защищенности различных прав и законных интересов в экономической сфере. Так, проведены ликвидация военных поселений (1857 г.), отмена крепостного права (1861 г.), финансовая реформа (1863 г.), реформа образования (1863 г. в отношении высшего образования, 1871 г. – в отношении среднего), земская реформа и судебная реформы (1864 г.), реформа городского самоуправления (1870 г.), реформа образования (1871 г.), военная реформа (1874 г.).

Не вдаваясь в эффект реформ, следует обратить внимание на преобразования, связанные с развитием мер и средств по обеспечению экономической защищенности различных институтов, социальных слоев, всего государства. Центральное место в системе проведенных реформ заняла отмена крепостного права, содержащая ряд мер по обеспечению экономической защищенности как крестьян и помещиков.

Манифест «О Всемилошвейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» от 19 февраля 1861 г. сопровождался рядом законодательных актов, определявших освобождение крестьян, условия выкупа ими помещичьей земли и размеров выкупаемых наделов по отдельным районам [1, с. 241-298].

В ходе реформы крестьяне получали личную свободу и право свободно распоряжаться своим имуществом, а за помещиками сохранялась собственность на все принадлежавшие им земли, но они были обязаны предоставить крестьянам в пользование «усадебной оседлости» и полевые наделы, размеры которых определялись самими помещиками и контролировались мировыми посредниками. Чем образовался статус временнообязанных крестьян, которым обладали крестьяне вплоть до заключения выкупной сделки. Вместе с этим, появились органы крестьянского управления на сельском и волостном уровнях, определялись их структура, права и обязанности.

Отмена крепостного права стала импульсом для развития многих других сфер, послужив началом либерализации общественной жизни и преобразованиями в управленческой деятельности. Реформы финансов подошли к непосредственной реализации с учреждением в 1860-1861 гг. Госбанка и Главного выкупного учреждения при Министерстве финансов, которое было призвано сопровождать выкупные операции в ходе отмены крепостного права. К этому моменту признавалась проблема коррупции, искоренение которой стало главным ориентиром финансовых реформ. В этом же контексте объяснялось главное изменение в торговой сфере – на смену откупам пришли акцизные марки на алкогольную и табачную продукцию.

В 1862 г. введены «Правила о составлении, рассмотрении и исполнении государственной росписи и финансовых смет министерств и главных управлений», предусматривавшие принцип гласности, публикацию государственного бюджета, составление ведомствами подробных смет и отчетов, подробно раскрывающих расходы. Общая роспись государственного бюджета утверждались Госсоветом и императором. В структуре минфина образованы казначейства, осуществлявшие администрирование доходов. На местном уровне в этих целях была организована работа контрольных палат. Эти преобразования создали условия для функционирования централизованных, единых касс, что увеличило значение финансового контроля.

Судебная реформа 1864 г. стала основанием для установления сословного равенства в сфере правосудия, равенства сторон в гражданском и уголовном процессах, независимости суда и следствия, присяжных заседателей и присяжных поверенных.

Реформы самоуправления были проведены в рамках земской и городской реформы, которые привели к выборности в назначении органов управления. Первая состояла в том, что вопросы местного хозяйства, взыскание налогов, утверждение бюджета, начального образования, медицинского и ветеринарного обслуживания стали относиться к компетенции уездных и губернских земских управ, в выборах которых численное преимущество имели дворяне. Городская заменила существовавшие ранее сословные городские управления городскими думами, избиравшимися на основе имущественного ценза. В результате было обеспечено преобладание крупных производителей, купцов и фабрикантов. Безусловно, прошедшие реформы смогли обеспечить движение отечественной экономики вперед, но продолжалась социальная, точнее сословная, дифференциация, что закрепилось в системе управления, где дворяне и торговые слои сохраняли преимущество и закрепляли его в ходе отправления властных полномочий. Осталась не до конца реализованной от-

мена крепостного права, которая на окраинах страны затянута вплоть до революционных событий начала XX в. Была отложена денежная реформа. Следует отметить, что в политической сфере развивалась напряженность. На рассмотрение политических дел как будто не распространялись новые положения судебных уставов. Политическое недовольство обретало радикальный характер и привело к известным событиям в судьбе Александра II и стало обоснованием контрреформ Александра III, его повышенному вниманию к безопасности в целом, защищенности сложившихся устоев, государственного и общественного устройства.

Время контрреформ характеризуется ужесточением, а где-то ликвидацией нововведений, появившихся в ходе реформ предыдущего царствования. Укреплено положение дворян. Для субсидирования их расходов функционировал Дворянский земельный банк (с 1885 г.). В 1882 г. был учрежден Крестьянский поземельный банк, выдававший долгосрочные ссуды крестьянам на покупку частновладельческих владений. Если в Крестьянском банке кредит составлял от 7,5% до 8,5% годовых, то в Дворянском – в 1880-х гг. 5-6%, а к 1897 г. был снижен до 3,5% [10, с. 112].

В судебной сфере были сокращены полномочия суда присяжных, упразднены мировые суды. Вместо последних с 1889 г. начали действовать земские участковые начальники. Административные полномочия земского начальника распространялись на сельские общества и волости, в отношении других категорий лиц рассматривал споры по землепользованию с сельскими обществами. Земская контрреформа была направлена на усиление государственного, централизованного контроля за земскими учреждениями, для помещиков снизился имущественный ценз, для горожан – наоборот, повышался, в результате чего ремесленники и мелкие торговцы были лишены избирательных прав.

В этот период усилился административный контроль в сфере обеспечения общественной, государственной безопасности, развивались полномочия правоохранительных структур. В отечественном законодательстве термин безопасности впервые был целенаправленно использован в контексте реализации мер по обеспечению защищенности. В 1881 г. издано «Положение о мерах к сохранению государственной безопасности и общественного спокойствия», создавшее основу для объявления чрезвычайного положения, высылке политических преступников, закрытия учебных заведений [11]. Принимались и иные акты подобного характера [12]. Все вышеизложенное позволяет нам сделать следующие выводы. Развитие обеспечения экономической безопасности в дореволюционный период включает в себя 3 неравнозначные в темпоральном аспекте периода: 1) X-XVII вв. с характерным обеспечением интересов государства в лице князей или царя и государственной казны, которые были неразделимы, а также интересов церкви, влияющих на состояние защищенности в экономической сфере; 2) XVIII в., характеризующийся масштабным обновлением законодательного массива, появлением отраслевого разделения среди источников правового регулирования, акцентированием мер по обеспечению защищенности интересов государства, одновременно негативно влияющих на интересы отдельных социальных групп или общественно-экономических отраслей; 3) XIX в., (1801-1894 гг.) с внутренним его разграничением на 2 этапа, – до проведения реформ Александра II и после этих реформ, каждый из которых характеризуется внутренней логикой и результатами.

Список литературы:

1. Томсинов, В. А. Хрестоматия по истории отечественного государства и права X век – 1917 год. М., 2004. – 381 с.
2. Беляев, И. Д. История русского законодательства. Серия «Мир культуры, истории и философии» / СПб.: Издательство «Лань», 1999. – 640 с.
3. Гайденоко, П. И. К вопросу о подлинности Устава князя Владимира «О десятинах, судах и людях церковных» // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2008. – № 26. – С. 7-16.
4. Земцов, Б. Н. История отечественного государства и права. М.: Евразийский открытый институт, 2009. – 336 с.
5. Лаптева, Е. В. Средневековые антироссийские санкции: к истории вопроса // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 6 (55). – С. 22-26.
6. Хрестоматия по истории государства и права / сост. Ю.П. Титов. М.: ТК Велби, 2002. – 463 с.
7. Самохвалова, Н. История развития института несостоятельности (банкротства) физических лиц в России // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – № 10.
8. Грамота на права и выгоды городам Российской империи от 21.04.1785 [электронный ресурс] // <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/gorgram.htm> (дата обращения: 01.03.2024).
9. Свод законов Российской Империи [электронный ресурс] // <http://civil.consultant.ru/code/>.
10. Проскурякова, Н. А. Земельные банки Российской империи. М.: РОСПЭН, 2002. – 517 с.
11. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. [электронный ресурс] // <https://m.bigenc.ru/vault/8f727c93872efff4797a9c41e02461ac.pdf>.
12. Иващенко, А. А. Традиции предпринимательства в России и диалектика его гражданско-правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 4 (18). – С. 73-81.

Ignatov D. A.. Evolution of security in the economic sphere of the Russian state // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 589-596.

The author presents a historical and legal analysis of approaches to the evolution of security in the economic sphere of the Russian state, and proposes its stages. A logical retrospective relationship between activities to ensure economic security, prevent and prosecute violations of an economic nature and protect internal interests in foreign relations is shown. The development of economic security in the pre-revolutionary period includes three temporally unequal periods: X-XVII centuries with the characteristic provision of the interests of the state in the person of princes or the tsar and the state treasury, which were inseparable, as well as the interests of the church, affecting the state of protection in the economic sphere; XVIII century, characterised by a large-scale updating of the legislative array, the emergence of sectoral division among the sources of legal regulation, the emphasis on measures to ensure the protection of economic security; XVIII century.

Key words: security, economic security, property interest, state security.

Spisok literatury:

1. Tomsinov, V. A. Reader on the history of the Russian state and law X century 1917. Moscow, 2004. 381 p.
2. Belyaev, I. D. Istoriya russkogo zakonodatel'stva [History of Russian legislation]. Series "The World of Culture, History and Philosophy" / St. Petersburg: Publishing House "Lan", 1999. – 640 p.
3. Gaidenko, P. I. K voprosu o avtenticnosti Ustava knyazya Vladimira "O desyatynah, sudakh i lyudei tserkovnykh" [On the Authenticity of the Charter of Prince Vladimir "On the Tithes, Courts and People of the Church"]. Episode 2: History. History of the Russian Orthodox Church. 2008. – № 26. – P. 7-16.
4. Zemtsov, B. N. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava [History of the Russian state and law]. Moscow, Eurasian Open Institute Publ., 2009. – 336 p.
5. Lapteva, E. V. Srednevekovye antirossiyskiye sanctioni: k istorii voprosa [Medieval anti-Russian sanctions: on the history of the issue]. – 2015. – № 6 (55). – P. 22-26.
6. Reader on the history of state and law. Yu.P. Titov. Moscow, TK Velbi Publ., 2002. – 463 p.
7. Samokhvalova, N. History of the development of the institution of insolvency (bankruptcy) of individuals in Russia. – 2009. – № 10.
8. Gramota na prava i vygody gorodam Rossiyskoy imperii ot 21.04.1785 [Gramota na prava i vygody gorodam Rossiyskoy imperii ot 21.04.1785] <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/gorgram.htm>
9. Svod zakonov Rossiyskoy Imperii [Electronic resource] // <http://civil.consultant.ru/code/>.
10. Proskuryakova, N. A. Zemelnye banki Rossiyskoy imperii [Land banks of the Russian Empire]. Moscow, Rospen Publ., 2002. – 517 p.
11. Polozhenie o merakh k okhraniyu gosudarstvennogo poryadka i obshchestvennogo spokoystiya ot 14 avgusta 1881 g. [Regulations on measures to protect the state order and public peace of August 14, 1881] // <https://m.bigenc.ru/vault/8f727c93872efff4797a9c41e02461ac.pdf> (accessed 03.03.2024).
12. Ivashchenko A. A. Traditsii predprinimatel'stva v Rossii i dialektika ego grazhdansko-pravovogo regulirovaniya Legal Sciences. – 2012. – № 4 (18). – P. 73-81.

УДК 343.971+323.283

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА: ПРОБЛЕМЫ КУПИРОВАНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Буткевич С. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассмотрены актуальные вопросы возможности купирования и противодействия формированию и расширению социальной базы экстремизма и терроризма в современных реалиях, в том числе с проекцией на Российскую Федерацию в целом и Крымский полуостров в частности. Дана подробная характеристика существующих и возможных причин и условий, которые способствуют генезису, популяризации и принятию экстремистской и террористической идеологии отдельными лицами и категориями населения. Подробно описаны проблемные вопросы в антитеррористической и контрэкстремистской деятельности правоохранительных органов в этой области, а также возможные пути их решения. Особое внимание обращено на реальные и потенциальные, внутренние и внешние вызовы экстремистского и террористического характера, представляющие риски для расширения социальной базы поддержки деструктивных течений, радикальных взглядов и противоправной деятельности.

Ключевые слова: антитеррористическая деятельность, информационно-психологическое воздействие, контрэкстремистская деятельность, предупреждение террористических угроз, противодействие экстремистским вызовам, социальная база экстремизма и терроризма.

В третьем тысячелетии вследствие стремительного развития информационно-телекоммуникационных технологий, системных кризисных явлений и борьбы за ресурсы на фоне усиления межблокового противостояния, интервенции и вмешательства во внутренние дела других государств, ультраполяризации экономических интересов, кардинальных и турбулентных изменений контуров мировой геополитики спираль жестокости, вражды и насилия в социуме ежегодно выходит на новый виток. При этом деятельное участие в эскалации глобальной и межгосударственной напряженности по экспоненте принимают страны коллективного запада, генерируя, провоцируя и форсируя структурные риски и системные вызовы для без исключения всех секторов и сфер жизнедеятельности общества, мирного сосуществования и плодотворного международного сотрудничества на основе сформированной партнерской парадигмы [1, с. 493]. Подходы к обеспечению глобальной и национальной архитектур антитеррористической и контрэкстремистской безопасности требуют пересмотра и модернизации в вопросах купирования и противодействия формированию, наращиванию и воспроизводству социальной базы экстремизма и терроризма. В ФЗ отсутствует понятие «социальная база терроризма (экстремизма)» и в прямой постановке вопроса не закреплены задачи уполномоченных субъектов в сфере противодействия ее формированию и расширению. Только Федеральным законом «О противодействии терроризму» на высшие исполнительные органы государственной власти субъектов РФ возложены обязанности по устранению причин и условий, способствующих формированию социальной базы терроризма, с учетом сложившейся криминогенной обстановки (п. 2 ч. 2 ст. 5¹). В модельном законе СНГ «О противодействии терроризму» предусмотрено, что в целях сокращения социальной базы поддержки терроризма должно быть организовано информационно-пропагандистское противодействие (п. д ч. 1 ст. 8).

Исследуя социальную базу экстремизма и терроризма, сразу обозначим, что речь пойдет не только об организаторах, прокси-силах, идеологах, спонсорах,

вербовщиках и адептах этой радикальной и деструктивной деятельности, но в большей степени о потенциальных последователях данной идеологии и возможных исполнителях преступлений экстремистского характера и террористической направленности. Прозелитизм – одно из приоритетных направлений деятельности экстремистских и террористических организаций, поскольку их ряды постоянно требуют пополнения, а активность должна расширяться на новые объекты, территории и членов социума. Организаторами, вербовщиками и психологами экстремистских и террористических организаций, иностранных специальных служб, международных и зарубежных некоммерческих организаций на перманентной основе уделяется внимание поиску и последующей работе с неофитами. Приоритет отдается лицам, принимающим псевдолиберальные и квазидемократические ценности, ложные смыслы, нетрадиционные или неприемлемые для России и общества ориентиры, которые в обозримом будущем готовы осуществлять их резкспорт в нашу страну в вариативных формах и разнообразными методами.

Если относительно недавно виктимными категориями в этой сфере считались люди, испытывающие кризис идентичности и функциональности, моральные банкроты [2, с. 540], а (про)украинские специальные службы искали пособников для диверсионно-подрывной работы, исполнителей террористических актов и экстремистских акций среди (полу)маргиналов, люмпенов, религиозных и этнических групп, части бывших политических элит и интеллигенции, беженцев, мигрантов, лиц с психическими расстройствами либо злоупотребляющих наркотическими средствами, психотропными веществами и алкоголем, подростков из неполных или неблагополучных семей, то теперь акценты существенно сместились на категории «сомневающихся», «оппозиционеров», одобряющих и пассивно поддерживающих проукраинские настроения, несовершеннолетних и молодежь, лиц предпенсионного и пенсионного возраста, которые в силу онтогенетических особенностей еще или уже неспособны осуществлять критический анализ и оценку информации. Иллюстрациями противоправной активности последней категории, которая используется вслепую, воспринимает происходящее и поставленные задачи как игру, развлечение или специальное задание от органов безопасности и правопорядка, являются участие подростков в несанкционированных митингах, которые организовывались А. Навальным, и поджоги военкоматов и административных зданий лицами старшего поколения. Но ради объективности надо признать, что после совершения террористического акта в «Крокус Сити Холл» (22.03.2024), когда украинский центр информационно-психологических операций (далее – ЦИПСО) начал осуществлять в социальных сетях и мессенджерах массовые адресные рассылки с призывами к совершению терактов в торговых центрах, административных зданиях правоохранительных органов и военкоматов, на объектах транспортной и социальной инфраструктуры, российское общество продемонстрировало настоящую сплоченность и единение. Такие сообщения (совершение террористического акта за денежное вознаграждение) были ориентированы на детей и подростков, которые не в полной мере могут осознавать неотвратимость и строгость наказания, последствия геймифицированного террористического задания, повторения сценариев колумбайн и совершения скулшутинга [3, с. 96]. Единичные случаи подготовки таких действий предотвращены сотрудниками правоохранительных органов, массовые попытки отправить такие сообщения – оперативно пресечены, а ТГ-аккаунты виновных лиц навсегда заблокированы. Это свидетельствует о том, что анонимная и удаленная работа организаторов и идеологов террористической и экстремистской деятельности

через социальные сети и мессенджеры остается одним из эффективных способов управления по самой герметичной схеме. Благодаря этому инженеры терактов и экстремистских акций практически полностью обеспечивают их дистанционную подготовку и совершение. Вот почему крайне важно конструктивное и константное взаимодействие органов безопасности и правопорядка с бизнес-сообществом при превенции, пресечении и раскрытии данных преступлений.

Еще одним мегатриггером является этнорелигиозный фактор. Именно поэтому по такому сценарию был совершен один из самых масштабных и трагических террористических актов в России, операция иностранных специальных служб под двойным чужим флагом. Опуская подробности ее анонсирования, подготовки и непосредственного исполнения, подчеркнем, что сразу же после теракта с себя сняли ответственность украинские власти, главное управление разведки министерства обороны Украины (далее – ГУР) и служба безопасности Украины (далее – СБУ), а США незамедлительно делают заявление, что последние также не имеют к нему никакого отношения. После этого в сеть Интернет осуществляются массированные информационные вбросы о будто бы совершении теракта жителями республик Ингушетия, Чечня в целях разжигания межнациональной розни, а несколько позднее, до задержания непосредственных исполнителей, появляется фейковое заявление ИГИЛ (запрещена в РФ) о причастности к нему. Соответственно, ожидается, что это приведет к возбуждению ненависти к лицам, исповедующим ислам (хоть и радикальный в данном случае). Вместе этим в комментариях к новостям и сообщениям на различных интернет-площадках звучат антиправительственные лозунги и появляются «экспертные» мнения о причастности к теракту российских органов безопасности. Т.е., ожидаемыми результатами реализации детально разработанного и тщательно продуманного плана, хоть и реализованного после президентских выборов, а не до них, должны были стать разжигание оппозиционных настроений, стимулирование протестной активности и недоверия властям, инспирирование мигрантофобии, межнациональной и межрелигиозной вражды, создание вероятных линий раскола российского общества и государства на будущее и, в конечном счете, ослабление РФ как государства.

Безусловно, совершенный террористический акт вполне логично вписывается в проводимые неонацистским киевским режимом преступные акции, одной из ключевых целей которых являются дестабилизация общественно-политической обстановки, эскалация религиозной и национальной напряженности, нагнетание паники, провоцирование смуты, развитие ощущений неопределенности и беспомощности, устрашение мирного населения. Но за его подготовку, организацию и модерирование отвечали зарубежные специальные службы, которые пытались разыграть в своих интересах кавказскую и мусульманскую карты с использованием Украины (страны 404), дезавуировав любые контакты с последней, а связав исполнителей с международной террористической организацией.

Для большей податливости и вовлеченности в противоправную деятельность рассмотренных выше целевых аудиторий создаются и искусственно популяризируются лидеры общественных мнений, фарисеи (волки в овечьей шкуре), колл-центры, ботофермы, «авторитетные» ТГ-каналы и «независимые» блогеры, которые не дают потребителям создаваемого и продвигаемого для них контента выйти из зоны гипноза и манипулятивного воздействия, отфильтровать и осуществить критический анализ огромного массива интенсивно продуцируемой и неразумно потребляемой информации. Фундамент, опора и поддержка

программных, ситуационных и эмоциональных экстремистских и террористических проявлений в современных условиях – это часть социума с уже размытой или стирающейся идентичностью, наступившей, в том числе, вследствие отсутствия критического мышления и медиакультуры, пренебрежения информационной гигиеной, несоблюдения культуры безопасности, прежде всего в интернет-пространстве. Как следствие, у таких индивидуумов формируются чувства личной и коллективной безответственности перед обществом, настоящим и будущим, индуцируется поэтапная деградация личности, главным образом в ментальной сфере [4], дегуманизация и деидеологизация общественной жизни, изменение культурного кода, стирание исторической памяти, подразумевающие сомнения в традиционных для Российского государства и социума ориентиров, ценностей и смыслов с последующим отказом от них. Навязанными приоритетами, как правило, становятся переход к обществу потребления, пропаганде безнравственности и безграничной свободе (по сути – социальное паразитирование).

В первую очередь за этим стоят украинские ЦИПСО, центр противодействия дезинформации (ЦПД), СБУ, ГУР, функционирующие как внешние контуры работы западных специальных служб. При осуществлении своей деятельности они руководствуются концепцией неопределенности – «вроде мы, а может и не мы», то есть, не подтверждая свою причастность, но намекая на нее либо не отрицая ее. Это позволяет бенефициарам получить максимальные дивиденды и достичь наибольшего эффекта (террористический кураж) для целевых аудиторий при минимальных репутационных потерях и имиджевых для страны-террориста рисках. Одновременно с этим политтехнологами, западными кукловодами, сюзеренами и кураторами проекта «deep state» (глубинное государство) активно используются методики воздействия на разум общества, получившие название окно Овертона. Это окно дискурса условно можно разделить на 6 этапов: немисливо; радикально; приемлемо; разумно; популярно; права, морали или жизни. В рамках исследуемого вопроса в качестве примеров можно привести: прошлогоднее украинское контрнаступление («контрнаступ»); совместное создание странами ЕС и США коалиции доноров современного танкового оружия («танковая коалиция») и формирование «самолетной (авиационной) коалиции» для Украины; французская инициатива по отправке войск НАТО на Украину и др. За рубежом таким экстраординарным случаем стало отмечание дня видимости трансгендеров президентом США Джо Байденом в пасхальное воскресенье по григорианскому календарю (31 марта 2024 г.) вместе с «устричными» кроликами.

Прежде всего это становится возможным благодаря реализации экспансионистской стратегии, интервенции и тотальному контролю за поступками, высказываниями и публикациями отдельных лидеров общественного мнения, трендсеттеров, контентом интернет-площадок, новостных агрегаторов, мессенджеров и других электронных ресурсов информационного ландшафта, ориентированного на русскоязычных пользователей. На них, помимо попыток дискредитации лидера нации, федеральных и региональных органов государственной власти, ВС РФ, избирательного процесса, нивелирования значимости специальной военной операции (далее – СВО) и ее результатов (например, один из телеграмм-каналов называется «СВО- Свинка В Обмороке»), принижения роли нашей страны на международной арене и отрицания ее территориальной целостности, оскорбления главы государства и высших должностных лиц, ее государственных символов и граждан (написание прописными буквами названий и фамилий, «рашка», «эрефия», «болото», «рашисты» и др.) и

т. д., активно продвигаются идеи неонацизма, глорификации фашизма, оправдания агрессии Украины и коллективного запада по отношению к РФ и неизбежности победы над последней, идеология русофобии, поощрение доноительства на «оккупационную» власть, «захватчиков» и «коллаборантов». Кроме того, культивируются и стимулируются расчеловечивание, негативные чувства и отрицательные эмоции к трагическим событиям и чрезвычайным ситуациям на территории РФ (например, «огоньки», «лайки» и радостные эмодзи в пабликах и на ТГ-каналах после последствий «шторма века» в Крыму и на Кубани в ноябре 2023 г.; вечеринка «Огненная Махачкала» с фаер-шоу в киевском ночном клубе на следующий день после взрыва на АЗС в Республике Дагестан (14.08.2023 г.); стейк «Дарья Дугина», сет «Крокус Сити», коктейль «Аллея ангелов», копченые куриные крылья «Дом профсоюзов» в меню украинских заведений общественного питания; создание и продвижение в мессенджерах эмодзи и стикерпаков, восхваляющие нацизм, фашизм, обстрелы мирного населения в Белгородской области; размещение в центре г. Киева баннер-марок (фотозон) со взрывом на Крымском мосту, взорванным Кремлем, тираж марок со схожими изображениями и др.) с одновременной блокировкой всех, кто высказывается о проблемах ВСУ, мирном урегулировании и завершении украинско-российского конфликта, как российских пропагандистов и агентов Кремля, т.е. продвижение милитаристских нарративов.

Еще одним немаловажным психологическим трюком (эмоциональным крючком), используемым на Украине последние 7 лет, стали пожертвования или «донаты» (не путать с военным сбором – налогом, которым с 2014 г. облагаются все доходы физических лиц) в целом антивоенной аудитории. Благодаря таким добровольным взносам, даже разовым и в незначительных размерах, человек подсознательно переходит на сторону того, кому «задонатил», тем самым бессознательно поддерживая и оправдывая дальнейшие его действия и свой выбор. Поэтому в западных странах так часто используют добровольные взносы, пожертвования и спонсорскую помощь в предвыборных кампаниях. Акцентируем внимание на то, что на Украине они идут не на помощь беженцам, вынужденным переселенцам и пострадавшим, а именно на финансирование ВС и националистических формирований, чтобы даже людей, которые склоняются к прекращению боевых действий и восстановлению мира, перетянуть на сторону адептов войны. Вместе с тем СБУ и ГУР получают компромат на таких «благотворителей» на случай, если они окажутся или уже пребывают на территории РФ, их можно будет вербовать, склонить к сотрудничеству, угрожая обнародованием поступивших платежей (в нашем случае – финансированием терроризма).

Среди наиболее примечательных примеров, подтверждающих перманентные попытки расширить социальную базу экстремизма, терроризма и увеличить их материальные проявления в Республике Крым и Севастополе, можно привести: распространяемые заведомо ложные сообщения о минировании образовательных организаций, судов, вокзалов, административных зданий органов государственной власти и др.; поджоги релейных шкафов, военкоматов; повреждения газопроводов, железнодорожного полотна; порча избирательных бюллетеней, распространение листовок, буклетов с антироссийским содержанием; организация несанкционированных массовых мер (в настоящее время преимущественно ограничивающиеся возложением цветов к памятникам Т.Г. Шевченко), приуроченным к украинским государственным праздникам и памятным датам; осквернение памятников, мемориалов, муралов и символики, посвященных ВОВ,

Крымской весне, СВО и т. п. По нашему мнению, отдельного внимания заслуживают: передача украинским кураторам (администраторам, модераторам, специальным службам) в социальных сетях или мессенджерах информации о местоположении воинских частей и правоохранительных органов, стратегически важных объектов и критической инфраструктуры, дислокации и перемещениях военной техники, работе средств ПВО, разрушениях вследствие украинской агрессии, организуемые под лозунгом «наши глаза все видят», с приложением инструкций по незаметной фото-, видеосъемке и последующему удалению направленных данных, очистке памяти мобильных телефонов и других гаджетов; направление фото- и видеоматериалов о фронде своей (про)украинской, «оппозиционной» позицией, бравате «альтернативным» мнением о происходящих событиях или сложившихся обстоятельствах (например, подтверждение участия в акции «желтая лента», демонстрация клочков бумаги с цветами украинского флага или недостоверными надписями о территориальной принадлежности Крымского полуострова на фоне узнаваемых достопримечательностей и популярных природных объектов, содействие деанонимизации, идентификации участников СВО, волонтеров и других граждан с ярко выраженными пророссийскими взглядами, их родных, близких и объектов собственности); значительное преувеличение потерь сил и средств в ходе СВО, включая персонализированное глумление над ранеными и погибшими участниками боевых действий; изготовление и установка на автотранспортные средства государственных регистрационных знаков без Государственного флага РФ либо, наоборот, публичная демонстрация маникюра, отдельных элементов одежды, аксессуаров, предметов интерьера квартиры (например, занавесок) или элементов зданий, сооружений (к примеру, крыши) в цветах украинского флага, рамок под автомобильные номера с «деколонизированной топонимикой» («исторические» наименования крымских населенных пунктов на крымскотатарском языке) и т. д. Что становится трендом для отдельных жителей новых российских субъектов, в том числе прибывающих в Крым. Интересно отметить, что к такой противоправной деятельности привлекаются и несовершеннолетние, молодежь, часто не осознающие общественной опасности и не понимающие последствий своей радикальной и деструктивной деятельности, но для которых меркантильный интерес, фактор денег не всегда являются решающими для участия в протесте против «системы» [5, с. 458]. Приходится констатировать, что в абсолютном большинстве случаев такими девиантами и делинквентами движут юношеский максимализм и подростковый дух противоречия, дешевая и кратковременная популярность (хайп), агрессия и недовольство (хейт [6]). Имеются и просчеты в организации и контроле соответствующей деятельности органов публичной власти РК. Так, в апреле 2024 г. в социальных сетях появилась информация о том, что в селе Золотое поле Кировского района есть улица, названная в честь экс-лидера экстремистского «Меджлиса крымских татар» (запрещен в РФ) М. Джемилева [7]. Поисковые запросы выдают, что улица с таким же названием есть и в с. Танковое Бахчисарайского р-на. Правоохранительным органам, прежде всего МВД России и ФСБ России [8, с. 144], необходимо митигировать реальные и потенциальные риски в этой сфере, переформатировать ригидную стратегию, имеющиеся силы и средства в наиболее эффективную конфигурацию под вызовы нового этапа противостояния в театре действий гибридной и асимметричной борьбы на ментальном и когнитивном уровнях как магистральные направления последующей антитеррористической и контрэкстремистской деятельности. Таким образом, уже более 10 лет Россия соседствует с государством-террористом,

политическое руководство, специальные службы и националистические батальоны которого регулярно и системно осуществляют теракты по отношению к гражданам РФ и неподдерживающему эту агрессию собственному населению. Это подтверждают водная, продуктовая, транспортная и энергетическая блокады Крымского полуострова, подрыв Каховской ГЭС, обстрелы Запорожской АЭС, взрывы Крымского моста, циничные убийства журналистов и политиков, теракт в «Крокус Сити Холл», угрозы украинских лидеров по осуществлению тотального геноцида после «освобождения» региона и т. д. Сегодняшние украинские герои – фашисты, неонацисты, террористы, экстремисты и русофобы, прославляемые, чтимые и чествуемые на государственном уровне, открыто и напоказ. Поэтому в таком государстве социум и его члены от безысходности и безвыходности со временем начинают воссоздавать такие структуры, применять те же методики, культивировать эти практики у новых поколений, бессознательно воспринимая происходящее как должное и единственно правильное.

Остановимся на характеристике категорий лиц, также представляющий интерес для террористических и экстремистских организаций и благодаря которым может расширяться их соцбаза. 1 Население новых субъектов РФ, преимущественно Запорожской и Херсонской об., которое может использоваться украинскими специальными службами для совершения терактов, осуществления диверсионно-подрывной и разведывательной деятельности, шпионажа на территории России [9, с. 280]. Детерминанты указанной противоправной активности в основном идентичны с теми, которые фиксировались и исследовались в переходный период на Крымском полуострове, поэтому нет необходимости останавливаться на них детально. Но активность данной категории лиц и их количество будет только увеличиваться по мере успешного продвижения ВС РФ. 2) незаконные вооруженные формирования, террористические группы и экстремистские ячейки, формируемые и действующие под видом национально-освободительных движений, партизанских формирований, добровольческих (националистических) батальонов и ополчения с использованием тактики фальшивого флага. 3) индивидуумы и группы лиц, сформированные на национальной и (или) религиозной основе, включая миграционную компоненту. Украинские и зарубежные специальные службы еще до воссоединения Крыма с Россией (18.03.2014 г., точки бифуркации и невозврата) создавали и активно использовали на полуострове террористические группы и экстремистские ячейки, которые комплектовались с учетом этноконфессиональной принадлежности их участников, для сдерживания преобладающих и растущих пророссийских нарративов.

Несовершеннолетние и молодежь, саморадикализация которых возможна без непосредственного участия идеологов и вербовщиков радикальных течений и деструктивных сообществ, большей частью при самостоятельном просмотре соответствующих веб-страниц, интернет-серфинга и от зависимости от компьютерных игр. Так, учитывая реальность угроз, исходящих от видеоигр с деструктивными сюжетом и геймплеем, и масштабность последствий кибераддикции [10], даже Международным комитетом Красного Креста (далее – МККК) были разработаны рекомендации «игр по правилам» для так называемых шутеров от первого лица (FPS) – самых популярных в мире компьютерных игр. В первую очередь это связано с тем, что действия в играх максимально приближены к реальным условиям, их сюжеты могут имитировать существующие зоны боевых действий, действительные локации, конкретных лиц и, естественно, натурально

визуализируют причинение вреда жизни и здоровью другим персонажам. Обеспокоенность МККК связана с распространенностью, интенсивностью и разрушительностью современных вооруженных конфликтов и количеством лиц, которые от них пострадали или погибли. В частности, к рекомендациям относятся следующие: 1) не допускать неоправданной жестокости, беспричинной ненависти – когда соперник повержен (ранен, взят в плен) и не может сопротивляться, игрок не должен продолжать стрелять в него. Эта норма коррелирует с правилом войны: военнопленные должны быть защищены от насилия, запугивания и жестокого обращения; 2) не стрелять в мирных персонажей – боты или «мобы», которые непосредственно не участвуют в боевых действиях, считаются гражданскими лицами (мирное население, волонтеры, медицинский персонал, журналисты), и игрок не должен причинять им вред и даже целиться в них. Правило войны: гражданские лица не могут быть атакованы и должны быть защищены; 3) не разрушать гражданские сооружения – в любой игре жилые дома, школы и больницы считаются безопасными зонами, повреждение которых недопустимо; сражаясь в киберпространстве, игрок обязан сделать все возможное, чтобы избежать их уничтожения. Этот запрет распространяется и на источники воды, урожай, домашний скот, жилые постройки и прочее, что имеет ключевое значение для существования (выживания) лиц, не участвующих в конфликтах. Правило войны: гражданская инфраструктура относится к охраняемым объектам; 4) использовать медицинские наборы («апт») для всех персонажей – если у игрока есть неиспользованная аптечка, он должен отдать ее тем, кому она необходима – нейтральному персонажу, компаньону или антагонисту («фрагу»). Правило войны: о больных и раненых должны заботиться обе стороны конфликта [11].

Т.е., это призыв играть по правилам войны, то есть без излишнего насилия или неоправданной жестокости в виртуальных зонах боевых действий, что в конечном итоге в реальной жизни будет способствовать сохранению гуманизма, развитию чувств сострадания и эмпатии, а при участии игроков в вооруженных конфликтах в физическом мире – спасет жизни мирного населения, уменьшит страдания больных и раненых, исключит пытки и издевательства над противником, военнопленными и др. В продолжение затронутой тематики также стоит указать, что онлайн-сервисы компьютерных игр могут использоваться лицами, причастными к экстремистской или террористической деятельности, для своей противоправной активности (например, террористы в «Крокус Сити Холл» использовали для переговоров чат танкового шутера WoT Blitz). А проецирование виртуального, вымышленного в действующую реальность также наблюдается и в киноиндустрии, например, в американском боевике «Хантер Киллер» (2018 г., реж. Донован Марш), по сюжету которого российский министр обороны пытается совершить государственный переворот, а президента России Владимира спасает экипаж американской субмарины. По вполне понятным причинам данный фильм в РФ не получил прокатное удостоверение. Справедливости ради отметим, что боевик был запрещен к показу и на Украине, поскольку в нем демонстрируют мощь российской армии.

Обобщая вышеизложенное, возникают следующие вопросы: какие меры противодействия расширению социальной базы экстремизма, терроризма и механизму их воспроизводства можно предложить? Как система в лице граждан, общества и органов власти должна на это реагировать? Нужно ли ставить «огоньки», одобрительные лайки в социальных сетях и мессенджерах на сообщения о предотвращенном теракте, спасенном заложнике и задержанном террористе или, наоборот, гневные эмодзи и дизлайки на информацию о совершенном преступлении,

количестве убитых и пострадавших, бездействию правоохранителей, равнодушии спасателей и несвоевременном оказании медицинской помощи? Стоит ли устраивать виртуальные «разборки» с теми, ко не разделяет идеи Русского мира? Поможет ли привитию и эволюции чувств гражданской идентичности и патриотизма у детей и подростков еженедельное исполнение Государственного гимна РФ в образовательных организациях? Блокировать ли повсеместно запрещенный, опасный и вредный контент, в том числе выявленный при содействии общественников и так называемых кибердружин, члены которых в итоге сами могут радикализироваться? Но при этом не стоит упускать из виду, что у большинства таких сайтов, пабликов, ТГ-каналов есть резервные копии, зеркала, множественные репосты и перепосты, а размещаемый (восстанавливаемый) на них контент может вызвать еще больший интерес – запретный плод всегда сладок.

Вместе с тем практически после каждого громкого теракта, массового убийства, задержания участников экстремистских организаций и т. д., в том числе после разглашения тайны следствия и (или) нарушения норм журналистской этики в части, касающейся идентификации личностей преступников, в России и зарубежных странах появляются нормотворческие инициативы и обсуждения на медиаплатформах об ограничениях распространения информации с биографией лиц, причастных к преступлениям экстремистского характера и террористической направленности (включая данные о гражданстве, этнической и религиозной принадлежности), запретах размещений и распространения в социальных сетях, мессенджерах и других интернет-площадках соответствующих фото- и видеоматериалов, цитат и манифестов таких лиц. С одной стороны, 23 марта 2024 г., обращаясь к нации по случаю трагедии в «Крокус Сити Холл», Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что «террористов, убийц, нелюдей, у которых нет и не может быть национальности, ждет одна незавидная участь – возмездие и забвение», с другой, – все данные лиц, причастных к теракту, имеются в свободном доступе в сети Интернет. Эмоциональные реакции потребителей данного контента вполне очевидны. Среди недавних последствий таких настроений, в том числе подстрекаемых и разжигаемых извне, стали антисемитские беспорядки в аэропорту Махачкалы и акции в других городах Северного Кавказа, произошедшие на почве исламского антисемитизма в октябре 2023 г.

Террористические акты, скандалы и колумбайны могут повторяться в любой стране мира. Только на территории РК на оперативных учетах состоят более 7000 лиц, причастных к экстремистской деятельности, а за 2023 г. выявлено 63 преступления экстремистской направленности (+34,0 %; Южный федеральный округ: +4,0%; РФ: –18,7 %), возбуждено 64 уголовных дела (статьи 222.1 – 12, 208 – 7, 222 – 6, 148, 280, 354.1 – по 5, 205.3 – 4, 228, 280.3, 282.2 – 3, 214 – 2, 116, 119, 205.5, 207, 223, 282.4, 322.1, 327, 329 – по 1), составлено 274 протокола об административных правонарушениях (статьи 20.3.3 КоАП РФ – 139, 20.3 – 101, 20.1 – 22, 5.26 – 8, 20.29 – 4), выявлено 37 ресурсов в сети Интернет, на которых опубликованы запрещенные материалы. Но очевидно, что увеличение дискреционных полномочий правоохранителей, тотальный контроль в сфере миграции, религии, государственный и общественный мониторинг интернет-площадок, мессенджеров, традиционных и нетрадиционных медиа, усложнение процедур приобретения оружия, профессиональная вооруженная охрана образовательных организаций и торгово-развлекательных центров, усиление ответственности за преступления в этой сфере – не панацея.

Преступник, независимо от социального статуса, гражданства, национальности и вероисповедания, при желании всегда может найти орудия и средства совершения преступления – приобрести легально, на «черном» рынке или в даркнете, изготовить, переделать, взять кухонный нож, охотничье ружье или автотранспортное средство, на котором прибудет для совершения теракта в место массового пребывания граждан, вне зависимости от степени его антитеррористической защищенности и грозящей ему за это санкции. Поэтому вполне закономерен следующий вопрос: что делать с лицом, причастным к противоправным деяниям экстремистского характера и террористической направленности, – заставлять приносить его публичные (обычно формальные) извинения, раскаиваться на камеру телефона с последующей демонстрацией в сети Интернет и (или) телевидении или жестко задерживать, незамедлительно арестовывать и налагать на него самое строгое наказание? Конечно же, после каждого особо тяжкого преступления, получившего широкий общественный резонанс, появляются дискуссии по поводу возможности отмены моратория на смертную казнь. Однако есть и мнения, что пожизненное заключение – более суровая мера наказания по ряду причин. В качестве иллюстрации можно привести норвежца Андерса Брейвика, совершившего 22 июля 2011 г. теракты, в результате которых погибло 77 чел. и 151 получил ранения, и приговоренного к 21 г. тюремного заключения с возможностью неограниченного продления срока. И противоречивая информация к размышлению, вызывающая когнитивный диссонанс: 1) камера террориста де-факто представляет собой трехкомнатную комфортную квартиру с кабинетом и тренажерным залом, которая содержится за счет налогоплательщиков; 2) до настоящего он не признал свою вину, не раскаялся и не принес извинения пострадавшим и родственникам убитых, но с 2022 г. добивается условно-досрочного освобождения; 3) после этого в Норвегии не совершено ни одного террористического акта.

Список литературы:

1. Атик А.А., Чудина-Шмидт Н.В. «Цветные революции» как механизм экстремальной трансформации политической системы государства // Евразийский юридический журнал. 2022. № 6 (169). С. 493–495.
2. Коноплева А.А. Влияние политического фактора на развитие идентичности молодежи (на примере Республики Крым) // Евразийский юридический журнал. 2023. № 6 (181). С. 539–540.
3. Челпанова М.М., Поликарпов Д.И. Некоторые аспекты деятельности полиции в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию // Евразийский юридический журнал. 2023. № 9 (184). С. 95–97.
4. Климова Д.В., Обринская Е.К. Обеспечение ментальной безопасности как предпосылка эффективно-го противодействия экстремизму и терроризму // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10 (125). С. 390–391.
5. Зоз В.А., Телешенко К.С. Деятельность органов внутренних дел по противодействию молодежному экстремизму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 3. С. 457–460.
6. Красиков В.И. «Хейтеры» в российском сегменте Интернета // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 73–86.
7. «РАДИО КРЫМ». Вконтакте [Электронный ресурс] // URL: https://vk.com/wall-50388845_30369?ysclid=lu18hbyum43201844918 (дата обращения: 04.04.2024).
8. Иванов С.И. Особенности управления сыскными (оперативно-розыскными) операциями // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3 (31). С. 142–145.
9. Царева Е.С., Родителева Я.Н. Культурная адаптация мигрантов как условие противодействия распространению экстремизма на территории Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 3-1. С. 277–284.
10. Никитина Л.Н., Светличный Е.Г. Кибераддикция как фактор дезадаптации несовершеннолетних // Обеспечение ментальной безопасности молодежи в условиях реальных угроз и потенциальных вызовов: монография под ред. С.А. Буткевича. Симферополь: Полипринт, 2021. С. 91–98.
11. ICRC [Электронный ресурс] // URL: <https://playbytherules.icrc.org/> (дата обращения: 03.04.2024).

Butkevich S.A. Formation of the social base of extremism and terrorism: problems of suppression and counteraction // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 597–607.

The article examines in the topical issues of the possibility of stopping and countering the formation and expansion of the social base of extremism and terrorism in modern realities, including with projection on the

Russian Federation in general and the Crimean Peninsula in particular. A detailed description of the existing and possible causes and conditions that contribute to the genesis, popularization and acceptance of extremist and terrorist ideology by individuals and categories of the population is given. The problematic issues in the anti-terrorist and counter-extremist activities of law enforcement agencies in this area are described in details, as well as possible ways to solve them. Special attention is paid to real and potential, internal and external challenges of the extremist and terrorist nature, which pose risks for expanding the social base of support for destructive trends, radical views and approval of illegal activity.

Key words: anti-terrorist activity, informational and psychological impact, counter-extremist activity, prevention of terrorist threats, countering extremist challenges, social base of extremism and terrorism.

Spisok literatury:

1. Atik A.A., Chudina-Shmidt N.V. «Czvetny'e revolyucii» kak mexanizm e'kstremal'noj transformacii politicheskoy sistemy gosudarstva // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2022. № 6 (169). S. 493–495.
2. Konopleva A.A. Vliyanie politicheskogo faktora na razvitie identichnosti molodezhi (na primere Respubliki Kry'm) // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2023. № 6 (181). S. 539–540.
3. Chelpanova M.M., Polikarpov D.I. Nekotory'e aspekty deyatelnosti policii v sfere zashchity detej ot informacii, prichinyayushhej vred ix zdorov'yu i razvitiyu // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2023. № 9 (184). S. 95–97.
4. Klimova D.V., Obrinskaya E.K. Obespechenie mental'noj bezopasnosti kak predposylka e'ffektivnogo protivodejstviya e'kstremizmu i terrorizmu // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2018. № 10 (125). S. 390–391.
5. Zoz V.A., Teleshenko K.S. Deyatel'nost' organov vnutrennix del po protivodejstviyu molodezhnomu e'kstremizmu // Ucheny'e zapiski Kry'mskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernad'skogo. Yuridicheskie nauki. 2023. T. 9. № 3. S. 457–460.
6. Krasikov V.I. «Xežtery» v rossijskom segmente Interneta // Vestnik Tom'skogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2021. № 59. S. 73–86.
7. «RADIO KRY'M». V kontakte [E'lektronnyj resurs] // URL: https://vk.com/wall-50388845_30369?ysclid=lul8hbym43201844918 (data obrashheniya: 04.04.2024).
8. Ivanov S.I. Osobennosti upravleniya sy'skny'mi (operativno-rozy'skny'mi) operaciyami // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 3 (31). S. 142–145.
9. Czareva E.S., Roditeleva Ya.N. Kul'turnaya adaptaciya migrantov kak uslovie protivodejstviya rasprostraneniyu e'kstremizma na territorii Rossijskoj Federacii // Ucheny'e zapiski Kry'mskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernad'skogo. Yuridicheskie nauki. 2021. T. 7. № 3-1. S. 277–284.
10. Nikitina L.N., Svetlichnyj E.G. Kiberaddikciya kak faktor dezadaptacii nesovershennoletnix // Obespechenie mental'noj bezopasnosti molodezhi v usloviyax real'ny'x ugroz i potencial'ny'x vy'zovov: monografiya pod red. S.A. Butkevicha. Simferopol': Poliprint, 2021. S. 91–98.
11. ICRC [E'lektronnyj resurs] // URL: <https://playbytherules.icrc.org/> (data obrashheniya: 03.04.2024).

УДК 343.144

**УСТНАЯ РЕЧЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА КАК
СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ**

Гулакова И. И., Ховавко С. М.

В данной статье рассматриваются коммуникативные особенности производства допроса на стадии предварительного расследования. Основным следственным действием, направленным на вербальную коммуникацию, является допрос. Так, деятельность следователя по расследованию уголовного дела в основном основана на его коммуникативных навыках, и организуется по типу «человек-человек», в связи с чем требования, предъявляемые к культуре его речи, непосредственно влияют на качество выполнения возложенных на субъект расследования задач. Авторы обосновывают значение речевой культуры следователя как необходимое условие для юридически грамотного составления процессуальных документов. При этом проведен детальный анализ и описаны недостатки, выявленные в деятельности субъекта расследования, что позволяет сделать вывод о необходимости их устранения, и будет способствовать динамичному формированию культуры профессиональной речи следователя и ее развитию в процессе следственной практики. В работе представлено авторское видение способов разрешения указанных аспектов.

Ключевые слова: следователь, допрос, устная речь, речевая культура, юридическая грамотность, тактический прием.

Анализ следственной практики позволяет сделать вывод о наличии ряда нерешённых вопросов, связанных с коммуникативными особенностями производства допроса на стадии предварительного расследования. Именно в отношении доказательной базы возникают ключевые и переломные моменты, влияющие на допрос и дальнейшие следственные действия. Фактологическая и вещественная информация предоставляется для ознакомления всем участникам конкретного дела. Материал преподносится именно в том виде, какого будет его значение по уголовному законодательству.

Язык общения рассматривается как ключевой элемент во взаимодействии людей, с целью дальнейшей передачи информации. Такой контактирующий тип общения признаётся основополагающим и при передаче информации между следователем и допрашиваемым. Допрос это речевая форма, во время которой на уровне слов и их значения следователь может изменить ход дальнейшего ведения дела. На уровне устного общения следователь расставляет приоритеты для получения значимой информации. В рассматриваемом контексте устной речи следователя в криминалистической литературе уделяется недостаточное внимания и не учитываются её свойства, комплекс которых может позволить решить тактические задачи в допросе.

Рассмотреть такую сложную тему в рамках статьи невозможно, в связи с чем мы проводим разграничение в письменном и устном информативном потоке. Общение в допросе предполагают разделение на роли, и на основании установленной законом субординации, закрепляется выявленная информация. Информационно она в значительной степени влияет на дальнейшее ведение дел. Следователи и люди, участвующие в обмене информации с другой стороны проговаривают факты. Анализируют информацию. В зависимости от пола, возраста и других особенностей следователь делает предположения о возможных вариантах ведения разговора. На основании психо-воозростных характеристик методика ведения допроса выстраивается на подходящий уровень для отвечающей стороны.

Речь следователя в ходе допроса представляет собой выстроенную композицию,

последовательно передающую информацию. Следователь, как рупор передающий поток, далее это сама информация от него и дальнейшее её достижение до допрашиваемого элемента. Следователь получает информацию о состоянии допрашиваемого, что улучшает процесс. Лингвистический анализ устной речи между следователем и допрашиваемым позволяет выявить сложные взаимосвязи между участниками и обогатить понимание процесса допроса.

Следователю важно получать комплексную ответную связь, корректируя дальнейшие действия и обновлённую тактику поведения. Именно эти тонкости взаимодействия достаточно точно прослеживаются через лингвистический анализ.

Несколько слов или даже устойчивых выражений складываются в законченную мысль. Несколько предложений, складываются более в точную смысловую конструкцию. Правильно расставленные звуковые акценты. Паузы так же имеют важное психологическое значение и соединяясь в речевые такты. Логически верно выстроенная конструкция усиливает воздействие на допрашиваемого и помогает максимально правильно улавливать смысловой посыл представителя власти.

Логические паузы объединяют группы слов, связанных смыслом, и разделяют их. Например, следователь прочитал допрашиваемому выдержку из протокола допроса свидетеля сразу без остановок: «...они снабжали его деньгами своих друзей...». Без пауз непонятно, КОГО и ЧЬИМИ деньгами снабжали. Если нужна пауза после слова «ЕГО», то имеется в виду, что он был снабжён деньгами друзей, а если пауза перед словом «ЕГО», то получается, что друзья снабжали его, и мысль искажается. Понимание смысловых связей между элементами фразы помогает определить место логической паузы, чтобы слова, тесно связанные по смыслу, находились в одном речевом звене и не разделялись.

Вся речь строится вокруг центрального слова каждого речевого звена, которое является организующим центром. Другие слова данного звена дополняют и конкретизируют значение центрального слова, подчиняясь ему. Логическое ударение падает на это центральное слово, чтобы выделить его из остальных. Можно изменить силу звука, повысив или понизив его тональность, или изменить скорость произношения для достижения желаемого эффекта. Акцент на центральное звено в устной речи обычно достигается комбинацией различных методов или одним из них. Логические паузы и ударения делают речь понятной, что является важным качеством для следователя. Также важна правильная и четкая техника произношения звуков.

Любая успешная речь следователя должна быть не только информативной, но и выразительной. Эффектное воздействие через слова неизбежно присуще каждой речи, однако выразительная речь способна оказывать более сильное воздействие. Средства, используемые для достижения выразительности в речи, можно разделить на логические и эмоционально-выразительные, все они базируются на изменении интонации, придающей речи эмоциональность и выразительность. Интонация в устной речи представляет собой дополнительную семиотическую систему, которую следователь может использовать для воздействия на допрашиваемого и передачи не только информации, но и эмоционального подтекста.

Любому выражению придается особый смысл в зависимости от интонации, которая формируется контекстом и расположением слов. Интонация играет важную роль в передаче различных оттенков мысли даже при одинаковом лексическом составе и синтаксической структуре предложения. Она служит для придания речи

субъективного личностного характера [5, с. 93]. Поэтому сообщение следователя, взаимодействующего с допрашиваемым, не ограничивается просто словами, поскольку это недостаточно для полного коммуникации. Набор слов может иметь различные значения в зависимости от смещения слогов и экспрессивного контекста. Это подчеркивает важность правильного использования интонации и выразительности в процессе общения. Ситуация, проявляющаяся в ней отношении человек к конкретным явлениям, определяет не только слоговую перестройку, но и элементный состав сообщения следователя. К таким элементам относятся интонационные слоговые перестройки, которые несут в себе смысловую нагрузку, тем самым увеличивая объем сообщения. Писанное и печатное слово не способно с такой высокой эмоциональностью, убедительностью, проникновенностью, какая присуща устной речи, передать тончайшие оттенки мысли и чувства, что показывает главное преимущество устной речи, заключающееся в дополнительной выразительности, которую возможно придать человеческим голосом.

В ходе выполнения своих обязанностей следователь, проводя допрос в рамках расследования, стратегически подходит к процессу и уже на старте выбирает определенную тактику поведения. При этом он активно использует возможности устной речи для передачи различных сообщений. В одних случаях следователь намеренно раскрывает допрашиваемому информацию о своем внутреннем состоянии, настроении, целях и особенностях личности. В других случаях он проявляет себя более сдержанно, тщательно обдумывает свои высказывания, контролирует и подавляет проявление личных эмоций. Интересно, что при такой концентрации и строгости достигается более сильное воздействие устной речи на допрашиваемого. Отмечено, что проявление своих чувств является мощным средством привлечения внимания других, однако именно способ, которым говорящий удерживает свои эмоции, часто вызывает большее волнение у слушателя.

Главным отличием личного общения от переписки является своеобразная необратимость во времени, которое представляется в форме последовательности звуков. Переписка по другому выражается. В ней происходит иная последовательность буквенных и зрительных символов в пространстве. Письменное сообщение представляет возможность возвращения к нему во времени и повторному прочтению, устное же, воспринимается единожды. Данные особенности требуют от субъекта расследования прибегать к повторам, с целью нивелирования последствий временной необратимости и разъяснения трудных для понимания утверждений. Слово или действие по-разному могут интерпретировать разные люди. У них могут быть разные зрительные образы и отношение к ним.

При обсуждении данной темы становится актуальным еще один аспект - умение использовать не только слова, но и невербальные выражения для передачи мыслей. В частности, пантомимические жесты, мимика и другие неязыковые средства могут играть ключевую роль в коммуникации между следователем и допрашиваемым. Уровень активности неязыковых средств существенно отражает общую культуру следователя, а также влияет на эффективность его общения. Когда такие выражения натуральны и соответствуют контексту, они способствуют успешному взаимодействию; наоборот, их принудительное или искусственное использование может затруднить понимание и усложнить общение между участниками.

В процессе взаимодействия между следователем и допрашиваемым происходит

не только целенаправленный обмен информацией с целью воздействия, но также происходит «утечка» информации в виде неконтролируемых реакций [6 с. 158]. Эта информация существенным образом передаётся через внешний облик, поведение, особенности речи и другие аспекты как следователя, так и допрашиваемого. Поэтому рекомендуется следователям, взаимодействующим с допрашиваемым в рамках допроса, тщательно контролировать своё личное поведение и речь, обращать внимание на реакции допрашиваемого. В случае уязвимого момента следует применять другие тактические приемы в устной речи для достижения поставленных целей. Однако важно понимать, что никакие проявления реакций допрашиваемого не могут служить определенным указанием на правдивость или ложность его показаний.

Солидаризируясь с замечанием Н.В. Морозовой, что «является мифом утверждение о том, что существуют заведомо безошибочные методы распознавания ложных показаний на основе «внешних проявлений лжи» в виде характерной мимики лица, покраснения, колебаний в ответах и т.д.» [7, с. 85]. Из чего следует вывод, что анализ внешних проявлений поведения допрашиваемого лица, целесообразен для использования в тактических целях, а не для «диагностики его причастности».

Для более наглядного понимания, как допрашиваемый воспринимает устное сообщение следователя, важно разобраться в его структуре. Можно рассматривать устное сообщение как совокупность темы, ее конкретного содержания, внутреннего смысла и образов, которые возникают благодаря выразительным средствам языка. Тема сообщения определяется кругом вопросов, которые нужно прояснить в ходе допроса. Она раскрывается в процессе передачи информации допрашиваемому в рамках тактичных и достаточных для достижения целей следователя объема. Зрительные, слуховые и другие образы, возникающие под влиянием языковых средств, помогают допрашиваемому четко представить суть высказывания следователя. Взаимосвязь между образами и словесным описанием позволяет допрашиваемому адекватно воспринимать информацию, передаваемую следователем.

Изучение способности восприятия устной речи представляет собой сложную задачу психологического характера, особенно когда это изучение применяется в контексте уголовного судопроизводства. Это имеет огромное значение, поскольку эффективное использование устной речи в допросах требует учета закономерностей процесса восприятия, обработки и усвоения информации, передаваемой следователем устным путем. Исследование восприятия устной речи является сложным из-за многогранных аспектов изучения самой речи и процессов ее восприятия.

Для характеристики понимания воспринятого на слух речевого сообщения следователя целесообразно соотнести этот процесс с понятиями предмета, содержания, основной мысли сообщения (часто подтекста) и интеллекта допрашиваемого, в связи с чем могут быть выделены три уровня понимания допрашиваемым переданной в речевой форме информации [8, с. 34]:

1) общее представление о предмете или основной мысли сообщения. Это самый поверхностный уровень понимания сообщения следователя, находясь на котором допрашиваемый понимает только то, о чем сообщает следователь. С психологической точки зрения в подобной ситуации допрашиваемый имеет только смутное представление, но не понятие о содержании и внутренней мысли сообщения следователя. Зачастую это бывает, когда допрашиваемому, обладающему низким образовательным уровнем и неразвитым интеллектом, следователь сообщает в подробно-

стях, но без должных объяснений процесс и результаты сложного экспертного исследования доказательств;

2) восприятие предметности речевого оборота, понимание внутреннего наполнения сообщения. Допрашиваемое лицо в этой ситуации понимает не только абстрактную картину образа, но и его смысловую нагрузку. Он отслеживает мыслительную последовательность изложения информации, сопоставляет излагаемые следователем факты. Такой уровень понимания свойственен лицу, обладающему высокой общей эрудицией, хотя и не имеющему знаний и навыков в специальных юридических дисциплинах.

3) понимание внутренней мысли сообщения (если она даже непосредственно и не сформулирована следователем) и раскрытие тактического замысла следователя. Для понимания внутренней мысли сообщения и для раскрытия тактических замыслов следователя допрашиваемый осуществляет мыслительные операции. Процесс этот столь быстротечен и неосознаваем, что может быть проанализирован только теоретически. Допрашиваемый, находящийся на данном уровне понимания, уясняет не только содержание сведений, заключенных в сообщении, но и его внутреннюю идею, то, ради чего следователь ему сообщает эти сведения, что желает этим достичь, а подчас и предвидит последующие действия следователя. Допрашиваемый такого уровня понимания характеризуется широким кругозором, острым природным умом либо наличием знаний в области криминалистики и уголовного судопроизводства.

Бесспорно, что наличие у допрашиваемого криминалистических навыков и умений – явление чрезвычайно редкое. Чаще ситуация раскрытия замыслов следователя допрашиваемым возникает в случаях, когда допрашиваемый широко эрудирован, обладает сильным характером, острым природным умом. Готовясь к худшему исходу противоправной деятельности, преступник заранее изучает все то, что ему может помочь в предстоящем единоборстве со следователем, и для этого бывает на судебных заседаниях, тщательно изучает книги и фильмы, раскрывающие «технологии» работы следователя. У преступников иногда находят учебники криминалистики, судебной медицины. Нетрудно догадаться для чего им понадобилась эта литература. Имели место случаи распространения среди отбывающих наказание лиц специально разработанных рецидивистами своеобразных «пособий, содержащих» советы, как готовиться к допросу еще до совершения преступления, как тянуть допрос, топя его существо в процедурной и формально-юридической стороне. Вследствие этого необходимо быть готовым к применению «контрприемов» допроса.

Естественно, нельзя провести абсолютного разграничения допрашиваемых по таким показателям, как уровень понимания сообщения следователя, однако отмеченные особенности практически необходимо учитывать, так как следователю постоянно приходится сталкиваться с людьми, имеющими различный подход к восприятию информации. Не вызывает сомнения, что подходы для допроса маргинала и человека с высшим образованием, подростка и человека пожилого возраста, психически здорового человека и с расстройством аутистического спектра должны быть разными. Именно в верном подборе механизма речевого сообщения, которое будет доступно объекту допроса по его эмоциональному и интеллектуальному уровню и окажет необходимое воспитательное воздействие, и заключается речевое мастерство следователя. Именно от понимания устной речи следователя допрашиваемым

зависит ее действенность как в информативном, так и эмоциональном плане, вследствие чего восприятие является анализом и синтезом определенных средств языка: фоном, слов, слогов, предложений, интонации. Понимание, в свою очередь, выступает конечным итогом, своеобразным синтезом смысловых и сигнальных систем анализируемых средств.

Прежде всего, следователю необходимо учитывать линейный характер понимания устной речи, в которой допрашиваемого интересуют не отдельные слова и даже не отдельные фразы, а смысл сообщения следователя в целом. Воспринимая речь следователя, допрашиваемый не акцентирует внимание на каждой отдельно взятой фразе, а пытается уловить смысловую нагрузку общего объема информации, логически соединяя контекст предыдущей фразы с последующей. Данный факт лежит в основе возможностей человеческой памяти, удерживающей всю накопленную информацию. Процесс понимания устной речи допрашиваемым не есть зеркальное отражение речи следователя, прежде всего, в виду селективного характера восприятия, а также в результате потерь информации из-за «помех» и «шумов» различного рода. На понимание устного сообщения оказывает положительное влияние установка допрашиваемого на общение, наличие психологического контакта, внимание, отсутствие в речи следователя непонятных слов и фраз, достаточно медленный темп речи, грамматически правильное построение сообщения, использование лексико-фразеологических и логико-эмоциональных средств выразительности [9, с. 70].

В силу того, что уровни восприятия тесно связаны с чувственным мышлением, конечный образ зачастую преобразуется во время его поступления и в результате его переосмысливания через призму необходимого вектора. Как итог, в завершающем этапе восприятия присутствуют как элементы первоначального «оригинала», так и результат обдумывания, в котором произошли неизбежные процессы деления информации на главную и периферийную, явления подверглись конкретизации или обобщению и т.д. Подобная замена образа представляется как логическое следствие переосмысления речевого восприятия.

Резюмируя сказанное, отметим, что особенностью речевого восприятия является более четкое и ясное понимание той информации, которая подается в самом начале повествования или завершает его. В психологическом сообществе данное правило восприятия имеет термин «закон края» или «закон первого и последнего места», при котором происходит воздействие на допрашиваемого информацией, излагаемой в середине сообщения и ее необходимо подавать в эмоционально окрашенной форме, соотносить ее с моментами наивысших эмоциональных состояний допрашиваемого.

Список литературы:

1. Гулакова И.И., Дарсалия Л.Д. Влияние невербального общения на успешную коммуникацию // В сборнике: Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации. Материалы I Всероссийской научно-практической онлайн-конференции. Под редакцией О.Ю. Ивановой. Орел, 2021. С. 386-391.
2. Гулакова И.И. Прагмалингвистический анализ речевого поведения в конфликтной ситуации // В сборнике: Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. материалы II Международной научно-практической конференции: памяти профессора кафедры английской филологии Ф.А. Литвина. 2017. С. 296-298.
3. Гулакова И.И., Чаплыгина В.Н. К вопросу о речевой культуре следователя при составлении процессуальных документов // В сборнике: Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. Всероссийская научно-практическая конференция. Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова; Редколлегия: А.В. Булыжкин и др., 2015. С. 139-143.
4. Гулакова И.И., Чаплыгина В.Н. К вопросу о невозможности переноса некоторых расхожих слов и

- выражений в приговор из обвинительного заключения // В сборнике: Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. Всероссийская научно-практическая конференция. Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. Орел. 2018. С. 59-62.
5. Харламова Н.Д., Бадиков Д.А. Тактические аспекты применения приемов психологического воздействия при производстве допроса и очной ставки // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 2 (79) С. 92-95
6. Морозова Н.В. Некоторые тактические аспекты проведения допроса при расследовании преступлений против личности // Государственная служба и кадры. 2021. № 3. С. 157-158.
7. Морозова Н.В. Некоторые особенности проведения допроса при расследовании страхового мошенничества // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 1 (78). С. 83-86.
8. Калюжный А.Н., Чаплыгина В.Н. Производство допроса: процессуальные основы и тактические особенности // Адвокатская практика. 2015. № 5. С. 33-38.

Gulakova I.I., Khovavko S.M. Investigator's oral speech during interrogation as a means of realising his tactical techniques // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 3. – P. 608–614.

This article considers communicative features of interrogation at the stage of preliminary investigation. The main investigative action aimed at verbal communication is interrogation. Thus, the activity of the investigator on the investigation of a criminal case is mainly based on his communicative skills, and is organised by the type of 'human-to-human', in this regard, the requirements imposed on the culture of his speech, directly affect the quality of performance of the tasks assigned to the subject of investigation. The authors substantiate the importance of speech culture of the investigator as a necessary condition for legally competent drafting of procedural documents. Thus the detailed analysis is carried out and the shortcomings revealed in activity of the subject of investigation are described, that allows to draw a conclusion about necessity of their elimination, and will demand dynamic formation of culture of professional speech of the investigator and its development in the process of investigative practice. In the work the author's vision of ways to resolve these aspects is presented.

Key words: investigator, interrogation, oral speech, speech culture, legal literacy, tactical technique.

Spisok literatury:

1. Gulakova I.I., Darsaliya L.D. Vliyanie neverbal'nogo obshcheniya na uspehnuyu kommunikaciyu // V sbornike: Aktual'nye voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii. Materialy I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy onlajn-konferencii. Pod redakciej O.YU. Ivanovoj. Orel, 2021. S. 386-391.
2. Gulakova I.I. Pragmalingvisticheskij analiz rechevogo povedeniya v konfliktnoj situacii // V sbornike: YAzyk. Kul'tura. Kommunikaciya: izuchenie i obuchenie. materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: pamyati professora kafedry anglijskoj filologii F.A. Litvina. 2017. S. 296-298.
3. Gulakova I.I., CHaplygina V.N. K voprosu o rechevoj kul'ture sledovatelya pri sostavlenii processual'nyh dokumentov // V sbornike: Uголовно-processual'nye i kriminalisticheskie problemy bor'by s prestupnost'yu. Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. Orlovskij yuridicheskij institut MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova; Redkollegiya: A.V. Bulzyhkin i dr., 2015. S. 139-143.
4. Gulakova I.I., CHaplygina V.N. K voprosu o nevozmozhnosti perenosa nekotoryh raskhozhih slov i vyrazhenij v prigovor iz obvinitel'nogo zaklyucheniya // V sbornike: Uголовно-processual'nye i kriminalisticheskie problemy bor'by s prestupnost'yu. Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. Orlovskij yuridicheskij institut MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. Orel. 2018. S. 59-62.
5. Harlamova N.D., Badikov D.A. Takticheskie aspekty primeneniya priemov psihologicheskogo vozdejstviya pri proizvodstve doprosa i ochnoj stavki // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2019. № 2 (79) S. 92-95
6. Morozova N.V. Nekotorye takticheskie aspekty provedeniya doprosa pri rassledovanii prestuplenij protiv lichnosti // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2021. № 3. S. 157-158.
7. Morozova N.V. Nekotorye osobennosti provedeniya doprosa pri rassledovanii strahovogo moshennichestva // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2019. № 1 (78). S. 83-86.
8. Kalyuzhnyj A.N., CHaplygina V.N. Proizvodstvo doprosa: processual'nye osnovy i takticheskie osobennosti // Advokatskaya praktika. 2015. № 5. S. 33-38.

УДК 342

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАВЕНСТВА ГРАЖДАН: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹

Козырева А. Б., Цирулик Д. Е.

Данная статья посвящена исследованию новых цифровых технологий, которые обеспечивают равенство граждан в таких странах, как: *Великобритания, Сингапур, Южная Корея, США и Китай*. В настоящей статье рассмотрено положительное влияние цифровых технологий на обеспечение равного доступа граждан к таким основным правам, как: *право на образование, право на труд, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также право на судебную защиту*. С помощью сравнительно-правового метода сопоставляется опыт стран, выявляются лучшие правовые практики и универсальные цифровые инструменты для обеспечения равенства граждан.

Ключевые слова: права человека, равенство, цифровые технологии обеспечения равенства граждан, право на образование, право на труд, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на судебную защиту, цифровое право.

Современный мир стремительно развивается и цифровые технологии становятся неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Они позволяют гражданам быть более мобильными, быстрее справляться с различными рабочими и бытовыми вопросами. Цифровизация призвана способствовать обеспечению еще большего равенства прав, повышению доступности различных услуг для всех граждан вне зависимости от социального статуса, места проживания, пола, возраста и других критериев. В настоящей статье будет рассмотрено положительное влияние цифровых технологий на обеспечение равного доступа граждан к таким основным правам, как *право на образование, право на труд, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также право на судебную защиту*.

Право на образование является одним из основополагающих прав человека. Доступность и эффективность образования для всех граждан – залог успешного развития государства. Именно поэтому сегодня многие страны мира особое внимание уделяют образовательному сектору, оптимизируют политику в этой области, в том числе путем внедрения цифровых технологий.

Так, например, в Китае во всех начальных и средних школах проведен Интернет, в 99% школ оборудованы мультимедийные классы. В марте 2022 г. официально запущена онлайн-платформа «Умное образование Китая», которая представляет возможность онлайн-обучения, управления образовательными процессами и применения иных инноваций. Особую важность такая платформа имеет для сельских школ в слаборазвитых областях страны. Кроме того, система позволяет университетам на западе Китая пользоваться качественными ресурсами, предоставляемыми университетами на востоке страны, и взаимодействовать друг с другом. Повсеместно развиваются бесплатные онлайн-курсы.

В Великобритании наиболее известной образовательной онлайн-платформой является платформа «Свободный университет», которая предлагает доступ к множе-

¹ Статья подготовлена в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

ству бесплатных онлайн курсов в различных научных областях [1]. Школы Британии активно пользуются платформами Google Classroom и Class Dojo для проведения уроков вне стен школ [1]. Используя эти платформы, учителя могут взаимодействовать как со всем классом, так и с определенной группой учеников, предоставлять школьникам возможность совместной работы, давать обратную связь, делиться полезными ссылками на цифровые образовательные ресурсы, сотрудничать со своими коллегами в планировании уроков и решении административных задач [2].

В Сингапуре Центр применения ИИ в образовательных технологиях (AICET) совместно с Министерством образования запустили проект, основная цель которого заключается в том, что искусственный интеллект помогает разрабатывать индивидуальные учебные планы, которые учитывают способности, предпочтения, характер, поведение каждого обучающегося [3].

В Сингапуре также развито взаимодействие преподавателей и учителей со студентами и школьниками в режиме-онлайн. Первые часто предоставляют обучающимся отцифрованные учебные материалы или ссылки на Интернет-ресурсы. Некоторые образовательные учреждения внедрили смешанный формат обучения, когда очные занятия чередуются с онлайн-уроками [4]. Студенты могут консультироваться с преподавателями по электронной почте, с помощью социальных сетей и видеоконференций [4].

В США цифровые технологии активно внедряются в процесс обучения, нередко для способствования обеспечения равного доступа к образованию людям с ограниченными возможностями. Так, технологии преобразования голоса в текст, превращающие занятия в конспекты, полезны для студентов с нарушениями слуха, а технологии преобразования текста в голос помогают учащимся с дислексией или потерей зрения.

Интересен также опыт использования чат-ботов, которые оперативно отвечают на наиболее частые вопросы студентов, таким образом экономя время как обучающихся, так и преподавателей. Кроме того, функционируют чат-боты, запрограммированные на конкретные сферы или этапы обучения, например – поступление в ВУЗ [5]. Цифровые технологии позволяют школам собирать и анализировать огромное количество данных о своих учениках для контроля за их успеваемостью. Используя такую аналитику, можно определять, где учащиеся испытывают трудности, а где добиваются успехов, разрабатывать новые методики и проверять их эффективность [5].

Технологии дополненной и виртуальной реальности (AR/VR) позволяют создать интерактивную виртуальную среду для учеников и помочь им лучше усвоить предмет. Так, Google Expedition – образовательное приложение, содержащее 1000 VR- и 100 AR-туров, помогает учителям и ученикам исследовать художественные галереи, музеи, подводный мир или космическое пространство [5]. Компания Carnegie Learning разработала платформу для обучения математике – MATHia. Искусственный интеллект выступает персональным репетитором, который подстраивается под каждого ученика и обеспечивает индивидуальный подход к обучению [5].

Таким образом, цифровые технологии могут выполнять как простые, так сложные задачи в сфере образования и позволяют снизить нагрузку на преподавателей, оптимизировать учебный процесс, сделать его более качественным, наглядным, интересным и доступным.

Также немаловажную роль цифровые технологии играют в судебной сфере. Право на судебную защиту, на обращение в суд является одним из основополагающих прав граждан. Цифровизация позволяет значительно снизить нагрузку на суды и способствует тому, чтобы у судей было достаточно времени для детального рассмотрения наиболее сложных дел для принятия справедливого решения. Кроме того, сокращается срок разрешения споров, снижаются расходы участников процесса.

На протяжении уже довольно долгого периода времени суды активно используют самые различные цифровые технологии. Так, многие страны (например, Южная Корея [6], Великобритания [7], Сингапур [8]) оборудовали электронные залы судебных заседаний, устройства в которых позволяют представлять доказательства, заслушивать свидетелей, находящихся вне здания суда, записывать ход процесса. Слушания все чаще проводятся в онлайн – режиме (Великобритания [9], Сингапур [10], США [11]), а иногда даже транслируются всем желающим [12]. При этом онлайн-заседания могут проводиться как с помощью «внешних» цифровых платформ (Skype, Zoom), так и с помощью платформ, специально разработанных для конкретных судов (например, VN в Англии [12]).

Создаются цифровые порталы, предоставляющие доступ к судебным документам и контактной информации о судах, входящих в судебную систему страны. Подобный портал (Public Access to Court Electronic Records (PACER)) успешно функционирует в США и планируется к созданию в Великобритании [12].

Кроме того, прослеживаются тенденции к упрощению процедур, не связанных непосредственно с судебными разбирательствами, но находящихся в ведении судов. Так, в Сингапуре упрощена процедура развода [13], вступления в наследство [14] путем создания специальных сервисов, на которых можно подать заявления и сформировать все необходимые документы для их последующей отправки в суд.

Стоит также отметить сингапурскую систему Authentic Court Orders, созданную для бесплатной онлайн-проверки подлинности судебных решений, выданных сингапурскими судами [15]. Ранее стороны, которым было необходимо предъявить такой документ другим лицам, получали заверенную копию, что занимало несколько дней и требовало нескольких визитов в суд. Также за каждую бумажную копию необходимо было уплатить пошлину.

Кроме того, сегодня широко распространена электронная подача и обмен судебными документами. Такая практика встречается во многих странах мира. Например, в судах США возможность электронного обмена судебными документами способствовала снижению количества неисполненных или автоматических судебных решений, которые выносятся в случае неявки ответчика в суд. Таким образом, ответчики стали более вовлечены в процесс [16].

Интересен также опыт Южной Кореи, где внедрена система электронной подачи дел (ECFS). Истцам и их представителям предоставлена возможность подачи иска и доказательств, а также иных документов без посещения суда. После подачи иска через ECFS истец посредством электронной почты уведомляется о том, что другие стороны представили документы в суд. Если ответчик согласен на электронную подачу документов, он также получает уведомления о подаче документов другими сторонами на электронную почту. Такой формат обмена информацией в сочетании с электронным доступом к материалам дела позволяет всем участникам процесса, использующим ECFS, оперативно узнавать о статусе разбирательства. Из соображе-

ний конфиденциальности и безопасности доступ к электронным материалам дела имеют только участники процесса. При этом онлайн-поиск решений Верховного Суда, а также заключений нижестоящих судов доступен всем [17]. В 2022 г. подобный отцифрованный архив судебных решений стал доступен для общественности в Англии. Судебные решения и решения судов и трибуналов Англии и Уэльса можно найти с помощью сервиса Find Case Law, курируемого Национальным архивом [18].

Похожая комплексная система электронной подачи документов - eLitigation, которая позволяет сторонам и/или их адвокатам подавать документы и запросы, осуществлять платежи, связанные с движением дела, и иным способом взаимодействовать с судом, введена в Сингапуре. Использование eLitigation в Сингапуре является обязательным [19]. Доступ к платформе eLitigation возможен только с помощью учетных данных SingPass – надежной цифровой идентификации каждого жителя Сингапура, обеспечивающей простой и безопасный доступ к более чем 2 тыс. государственным и частным услугам. SingPass находится в ведении Агентства правительственных технологий (GovTech) и является одним из восьми стратегических национальных проектов, способствующих реализации концепции "умной нации" Сингапура [20].

Кроме того, с августа 2022 г. участники процесса могут использовать функцию SG-Notify через Singpass для отправки push-уведомлений адресату, которому они хотят вручить какие-либо документы, но его местонахождение неизвестно [21].

Все эти технологии способствуют повышению прозрачности, эффективности и доступности судебного процесса, однако они стали уже довольно привычной практикой. Цифровизация не стоит на месте, и среди зарубежных стран обозначились лидеры в сфере применения цифровых технологий в судах.

Так, своеобразным ноу-хау в судебной системе Сингапура является использование искусственного интеллекта при рассмотрении мелких споров. Поскольку возможность привлечения адвокатов для такой категории исков в Сингапуре не предусмотрена, сторонам нередко сложно разобраться в юридических тонкостях дела. Предполагается, что ИИ сможет прийти на помощь истцам и ответчикам, которые смогут обратиться к нему за разъяснением их прав, дальнейших действий, уточнить информацию о сроках, судебных издержках и т.д. [21].

Правительство и Верховный Суд Китая, в свою очередь, активно поощряют использование таких цифровых технологий, как блокчейн, облачные вычисления, искусственный интеллект (ИИ) для оптимизации рассмотрения судебных споров [22]. В КНР запущен «мобильный суд», успешно функционирующий на платформе WeChat. WeChat есть ни что иное, как мессенджер, социальная сеть. Такие суды позволяют участникам процесса разрешать споры круглосуточно и не выходя из дома. Достаточно аутентифицироваться в мобильном суде с любого устройства (смартфона, ноутбука, планшета и др.). Участники могут удаленно проводить слушания в видеочате, представлять доказательства, обмениваться документами. Судья в таком суде является голографическим изображением человека, образ которого был создан путем синтеза внешних данных нескольких судей [23]. Он задает сторонам вопросы, собирает доказательства, выносит решения. Китайские интернет-суды рассматривают различные споры, в том числе споры об интеллектуальной собственности, финансовые споры, споры, связанные с продажей товаров в Интернете, и др. [23].

Таким образом, цифровые технологии способствуют обеспечению равного доступа граждан к судебной системе. Нивелируются препятствия для обращения в суд, например, у людей с ограниченными возможностями, либо проживающих далеко от места проведения слушаний, которые раньше испытывали трудности во время перемещения в здание суда. Наряду с этим сокращаются судебные расходы. Кроме того, цифровизация повышает открытость и гласность судебных процессов, оптимизирует работу судов и существенно влияет на снижение нагрузки на судей.

Существенное влияние цифровых технологий коснулось и **трудовой сферы**. Ускоренные темпы цифровизации и автоматизации привели к изменениям на рынке труда. Возрос спрос на работников с навыками анализа данных, разработки программного обеспечения и искусственного интеллекта, в то время как спрос на ручной труд снизился. Этот сдвиг был вызван необходимостью предприятий оставаться конкурентоспособными и удовлетворять растущие потребности потребителей в эпоху цифровых технологий. Акценты сместились в сторону качества, а не количества.

Существенный интерес представляет анализ рынка труда в Китае, который до недавнего времени в основном характеризовался относительно недорогой ручной рабочей силой, а теперь все больше наполнен специалистами в области высоких технологий.

Если мы присмотримся к спросу на рабочую силу, то увидим, что рост набора персонала наблюдается в основном за счет новых и развивающихся компаний. Электронная коммерция, банковское дело, финансы, страхование, ИТ – сектора занимают лидирующие позиции по спросу на персонал. При этом все больше квалифицированных сотрудников используют онлайн-платформы для поиска вакансий в Китае. Процедура найма также оптимизирована за счет цифровизации [24].

Одной из наиболее важных технологий, которые формируют рынок труда Китая, является искусственный интеллект (далее по тексту – ИИ). Поскольку все больше предприятий стремится усовершенствовать работу за счет внедрения искусственного интеллекта, ожидается, что спрос на квалифицированных работников в таких областях, как машинное обучение, программирование, робототехника будет расти. Кроме того, предполагается, что популярными будут профессии, связанные с цифровым маркетингом, электронной коммерцией и кибербезопасностью. Такие новые рабочие места требуют высокой квалификации работников, но в то же время предполагают более высокую заработную плату и лучшие условия труда. Ожидается, что эта тенденция сохранится и в будущем – китайское правительство ставит перед собой амбициозные цели: стать мировым лидером в области искусственного интеллекта к 2030 г. [24].

В дополнение к этим тенденциям в Китае большое внимание уделяется инклюзивности рабочих мест. Поскольку все больше предприятий осознают преимущества разнообразной рабочей силы, вне зависимости от расы, пола, национальности, физических данных, особенно в таких секторах, как технологии и финансы [24].

В Сингапуре большинство работодателей также предпочитают использовать искусственный интеллект для изменения традиционных процессов производства и практики найма персонала с целью повышения производительности бизнеса. Предполагается, что ИИ в том числе будет использован для ремонта сложного оборудования, что приведет к повышению безопасности работников и позволит отказаться

от повторяющихся, грязных или опасных работ. Ожидается, что внедрение ИИ откроет новые возможности для трудоустройства в таких смежных отраслях, как логистика и машиностроение [25].

Технологии могут быть также использованы для повышения качества образования и адаптивного обучения. Так, Южно-Корейский университет технологий и образования (KOREATECH) проводит обучение с использованием виртуальной реальности. Такое обучение используется для отработки навыков разборки и сборки оборудования без реального – часто дорогостоящего или крупногабаритного, а также для получения опыта выполнения опасных работ [26].

Цифровые технологии также применяются в политике трудоустройства. Так, Государственный фонд занятости Южной Кореи использует анализ больших данных и искусственный интеллект для повышения эффективности и точности работы сервисных платформ. Это позволяет соискателям получать информацию, соответствующую их потребностям, профессиональное обучение и поддержку на рабочем месте [26].

Примечательно, что различные государственные информационные платформы в Корее взаимодействуют для эффективного оказания услуг в сфере занятости. Например, портал HRD-net, предоставляющий информацию о курсах профессионального обучения, повышения квалификации и переквалификации связан с платформой по подбору вакансий Work-net. Таким образом, соискатели могут одновременно получать информацию об обучении и рынке труда, соответствующую их предпочтениям [26].

В целом необходимо отметить, что внедрение ИИ на сегодняшний день сопровождается повышением удовлетворенности трудом, улучшением психического и физического здоровья, а также ростом заработной платы работников, обладающих навыками разработки и работы с цифровыми технологиями [27].

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь является одним из базисных и наиболее значимых прав, от которого напрямую зависит жизнь человека. Именно поэтому крайне важно, чтобы это право реализовывалось эффективно и своевременно. Цифровые технологии, применяемые сегодня в сфере здравоохранения, призваны этому способствовать.

Цифровое здравоохранение включает в себя интернет-больницы, онлайн-аптеки, медицинские устройства на базе искусственного интеллекта, большие данные, приложения для пациентов, электронные системы для выписки рецептов, медицинских роботов и др. (например, в Китае [28], Великобритании [29], Южной Корее [30], США [31]).

Вспышка пандемии COVID-19 в начале 2020 года привела к более широкому распространению телемедицины и способствовало тому, что онлайн-платформы начали предоставлять полный спектр услуг, включая онлайн-диагностику и лечение, продажу и доставку лекарств [32]. При этом, если изначально интернет-больницы в основном открывались и спонсировались крупными интернет-провайдерами, а также некоторыми частными больницами. Из-за пандемии многие государственные больницы открыли свои интернет-больницы.

С появлением более продвинутых технологий искусственного интеллекта (например, запуском ChatGPT) в 2022 г. внимание рынка привлекла разработка продуктов AI-doctor, предоставляющих услуги диагностики и лечения. Так, например, в

Сингапуре была разработана программа Secure GPT for Healthcare Professionals, которая функционирует на базе Azure OpenAI Service от Microsoft. Secure GPT может генерировать сжатую информацию о пациенте, а также отслеживать изменения его состояния и прием лекарственных препаратов [33].

Использование медицинских роботов растет с каждым годом. Они применяются в хирургии, реабилитации и уходе за пациентами. Странами-лидерами применения роботов являются США и европейские страны [34]. В Сингапуре SingHealth, одна из крупнейших компаний, предоставляющих медицинские услуги, использовала роботов для решения проблемы нехватки рабочей силы в медицинских учреждениях во время пандемии Covid-19. Роботы брали ПЦР-тесты, чтобы уменьшить контакт персонала с пациентами, зараженными коронавирусом [35].

Интересен также опыт применения технологии 3D-печати в медицине, которая используется в основном для предоперационного планирования и хирургического лечения [36].

Кроме того, решающую роль в создании умных больниц, особенно в области удаленных телеконсультаций, играет технология 5G, обеспечивающая доступ к записям пациентов за считанные секунды, обмен медицинскими изображениями и получение рекомендаций от экспертов в различных областях в режиме реального времени. В сентябре 2021 г. Министерство промышленности и информационных технологий Китая (МИИТ) и Национальная комиссия здравоохранения (НКС) объявили о пилотных проектах «5G+ Medical Health». Ожидается, что покрытие сети 5G станет одной из основных целей модернизации больничной инфраструктуры [36]. В Южной Корее покрытие 5G уже достаточно широко распространено. В апреле 2020 г. южнокорейская компания SKT объявила о партнерстве с Agiicare Korea (поставщиком услуг по уходу на дому за одинокими пожилыми людьми) и Happy Connect (социальным предприятием, занимающимся поддержкой социально незащищенных слоев населения). Партнеры намерены предоставлять клиентам такие устройства, как NUGU – динамики с искусственным интеллектом [27]. Такие устройства помогают пользователям самостоятельно выполнять простые задачи, например, управлять освещением и термостатами, которые могут быть подключены к динамике. При этом компания SKT осуществляет мониторинг данных, получаемых от устройств NUGU, и, если пользователь пожалуется на плохое самочувствие или обратится за помощью, динамик передаст эту информацию в центр SKT. Компания также планирует установить устройство NUGU в палатах пациентов в больнице с поддержкой 5G. Это позволит пациентам управлять такими функциями, как освещение и положение кровати с помощью голоса, а также вызывать помощь [27].

Интерес представляет также инициатива сингапурской компании Primary Tech Enhanced Care, которая разработала устройство, позволяющее пациентам с гипертензией регулярно передавать показания своего артериального давления в больницы через Bluetooth. Медицинские работники могут проанализировать эти показания и при необходимости принять меры [38].

Таким образом, сегодня практически повсеместная цифровизация стала неизбежной и необходимой. Цифровые технологии значительно упрощают жизнь человека, делая его более мобильным и способным жить в условиях многозадачности. Повышается производительность и безопасность труда, разрушаются коммуникационные барьеры, оптимизируются временные и денежные затраты. Самые разно-

образные услуги становятся более доступными и зачастую, чтобы ими воспользоваться не требуется даже покидать стены дома. Цифровизация обеспечивает более высокий качественный уровень жизни за счет лучшего удовлетворения потребностей, способствует повышению продолжительности жизни, обеспечению равенства граждан в различных сферах, в том числе в реализации таких важных прав, как право на образование, медицинскую помощь, судебную защиту, труд и др.

Список литературы:

1. Интернет-портал Statista. Статья «Цифровое обучение в Великобритании – статистика и факты» // URL: <https://www.statista.com/topics/8518/digital-learning-in-the-uk/#topicOverview>
2. Официальный сайт Правительства Великобритании // URL: <https://dfedigital.blog.gov.uk/2021/02/12/digital-education-platforms/> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
3. Интернет-портал IndSights Research. Статья «Готов ли Сингапур к внедрению искусственного интеллекта (ИИ)?» // URL: <https://www.insights.sg/industry-perspective/is-singapore-ready-for-artificial-intelligence/#:~:text=The%20nation%20is%20leveraging%20AI,key%20risk%20in%20the%20country>
4. Интернет-портал Invictus International School. Статья «Как технологии изменили образование в Сингапуре» // URL: <https://www.invictus.edu.sg/news/how-technology-changed-education-in-singapore> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
5. Интернет-портал AIMultiple. Статья «12 тенденций цифровой трансформации и примеры использования в образовании» // URL: <https://research.aimultiple.com/digital-transformation-in-education/> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
6. Официальный сайт Верховного суда Южной Кореи // URL: <https://eng.scourt.go.kr/eng/judiciary/eCourt/eTrials.jsp#:~:text=The%20Electronic%20Case%20Filing%20System,court%20information%20and%20procedures%20electronically> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
7. Официальный сайт Парламента Великобритании. Доклад “Открытое правосудие: судебная отчетность в эпоху цифровых технологий: ответ правительства на пятый отчет Комитета о работе сессии 2022–2023 гг.” // URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm5803/cmselect/cmjust/1040/report.html>
8. Интернет-портал CSM. Статья “Экспертное руководство CSM по цифровым судебным разбирательствам в Сингапуре” // URL: <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-digital-litigation/singapore> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
9. Интернет-портал TechUK. Статья «Цифровая трансформация, охватившая судебную систему Великобритании» // URL: <https://www.techuk.org/resource/the-digital-transformation-sweeping-the-uk-courts-system.html> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
10. Интернет-портал Интернет-портал CSM. Статья “Экспертное руководство CSM по цифровым судебным разбирательствам в Сингапуре” // URL: <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-digital-litigation/singapore> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
11. Интернет-портал Pew. Статья «Как суды внедрили технологии, справились с пандемией и произвели революцию в своей деятельности» // URL: <https://www.pewtrusts.org/en/research-and-analysis/reports/2021/12/how-courts-embraced-technology-met-the-pandemic-challenge-and-revolutionized-their-operations> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
12. Официальный сайт Парламента Великобритании. Доклад “Открытое правосудие: судебная отчетность в эпоху цифровых технологий: ответ правительства на пятый отчет Комитета о работе сессии 2022–2023 гг.” // URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm5803/cmselect/cmjust/1040/report.html>
13. Официальный сайт судов Сингапура // URL: <https://www.judiciary.gov.sg/services/e-platforms/divorce-eservice> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
14. Официальный сайт судов Сингапура // Интернет-портал: URL: <https://www.judiciary.gov.sg/services/e-platforms/probate-eservice> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
15. Официальный сайт судов Сингапура // URL: [https://www.judiciary.gov.sg/services/e-platforms/authentic-court-orders-\(aco\)](https://www.judiciary.gov.sg/services/e-platforms/authentic-court-orders-(aco)) (дата обращения 18 октября 2023 г.)
16. Интернет-портал Pew. Статья «Как суды внедрили технологии, справились с пандемией и произвели революцию в своей деятельности» // URL: <https://www.pewtrusts.org/en/research-and-analysis/reports/2021/12/how-courts-embraced-technology-met-the-pandemic-challenge-and-revolutionized-their-operations> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
17. Официальный сайт Верховного суда Южной Кореи // URL: <https://eng.scourt.go.kr/eng/judiciary/eCourt/eTrials.jsp#:~:text=The%20Electronic%20Case%20Filing%20System,court%20information%20and%20procedures%20electronically> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
18. Официальный сайт Парламента Великобритании. Доклад “Открытое правосудие: судебная отчетность в эпоху цифровых технологий: ответ правительства на пятый отчет Комитета о работе сессии 2022–2023 гг.” // URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm5803/cmselect/cmjust/1040/report.html>
19. Интернет-портал CSM. Статья “Экспертное руководство CSM по цифровым судебным разбира-

- тельствам в Сингапуре" // URL: <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-digital-litigation/singapore> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
20. Интернет-портал CSM. Статья "Экспертное руководство CSM по цифровым судебным разбирательствам в Сингапуре" // URL: <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-digital-litigation/singapore> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
21. Интернет-портал CNA. Статья «ИИ тестируется в судах Сингапура» // URL: <https://www.channelnewsasia.com/singapore/artificial-intelligence-court-small-claims-singapore-chatgpt-3801756> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
22. Интернет-портал Courthouse News Service. Статья «Китайские цифровые суды: дивный новый мир» // URL: <https://www.courthousenews.com/chinese-digital-courts-a-brave-new-world/>
23. Интернет-портал LexisNexis. Статья «Роботизированное правосудие: использование Интернет-судов в Китае» // URL: <https://www.lexisnexis.ca/en-ca/ihc/2020-02/robot-justice-chinas-use-of-internet-courts.page> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
24. Интернет-портал HROne. Статья «Откройте для себя захватывающие возможности на развивающемся рынке труда Китая в 2023 году» // URL: <https://www.hrone.com/blog/china-labor-market/> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
25. Интернет-портал IndSights Research. Статья «Готов ли Сингапур к внедрению искусственного интеллекта (ИИ)?» // URL: <https://www.insights.sg/industry-perspective/is-singapore-ready-for-artificial-intelligence/#:~:text=The%20nation%20is%20leveraging%20AI,key%20risk%20in%20the%20country> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
26. Интернет-портал World Bank Blogs. Статья «Как Корея готовится к созданию рабочих мест будущего и чему мы можем у них научиться?» // URL: <https://blogs.worldbank.org/eastasiapacific/how-korea-preparing-jobs-future-and-what-can-we-learn-them> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
27. Интернет-портал OECDiLibrary. Статья «Рынки труда оказались устойчивыми, несмотря на значительное замедление экономической активности» // URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/262d4383-en/index.html?itemId=/content/component/262d4383-en> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
28. Интернет-портал Chambers and Partners. Статья «Цифровое здравоохранение 2023» // URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/digital-healthcare-2023/china/trends-and-developments> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
29. Интернет-портал Nuffieldtrust. статья «Цифровое здравоохранение в Великобритании: где мы сейчас?» // URL: <https://www.nuffieldtrust.org.uk/resource/digital-health-care-across-the-uk-where-are-we-now#:~:text=of%20the%20UK-,England,digitising%20the%20social%20care%20sector> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
30. Интернет-портал STL Partners. Статья «Цифровое здравоохранение в Южной Корее: пять примеров цифрового здравоохранения помимо телемедицины» // URL: <https://stlpartners.com/articles/digital-health/digital-health-in-south-korea-five-examples-of-digital-health-beyond-telemedicine/> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
31. Интернет-портал Genetic Engineering & Biotechnology News. Статья «В Техасе открыта первая в США программа двойного диплома в области медицины и ИИ» // URL: <https://www.genengnews.com/topics/artificial-intelligence/first-u-s-dual-degree-in-medicine-and-ai-launched-in-texas/> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
32. Интернет-портал Chambers and Partners. Статья «Цифровое здравоохранение 2023» // URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/digital-healthcare-2023/china/trends-and-developments>
33. Интернет-портал THE STRAITS TIMES. Статья «Агентство Минздрава IHiS и Microsoft разработают инструмент искусственного интеллекта, который поможет работникам здравоохранения в Сингапуре» // URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/health/moh-agency-microsoft-to-develop-ai-tool-for-healthcare-workers-in-s-pore> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
34. Интернет-портал Chambers and Partners. Статья «Цифровое здравоохранение 2023» // URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/digital-healthcare-2023/china/trends-and-developments>
35. Интернет-портал GovInsider. Статья «Пять тенденций цифрового здравоохранения, за которыми стоит следить в Сингапуре» // URL: <https://govinsider.asia/intl-en/article/ihis-singhealth-moh-t-five-digital-health-trends-to-watch-in-singapore> (дата обращения 18 октября 2023 г.)
36. Интернет-портал Chambers and Partners. Статья «Цифровое здравоохранение 2023» // URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/digital-healthcare-2023/china/trends-and-developments>
37. Интернет-портал STL Partners. Статья «Цифровое здравоохранение в Южной Корее: пять примеров цифрового здравоохранения помимо телемедицины» // URL: <https://stlpartners.com/articles/digital-health/digital-health-in-south-korea-five-examples-of-digital-health-beyond-telemedicine/>
38. Интернет-портал GovInsider. Статья «Пять тенденций цифрового здравоохранения, за которыми стоит следить в Сингапуре» // URL: <https://govinsider.asia/intl-en/article/ihis-singhealth-moh-t-five-digital-health-trends-to-watch-in-singapore> (дата обращения 18 октября 2023 г.)

Kozyreva A. B., Tsirulik D. E. Digital technologies for ensuring citizens' equality: a comparative

legal study // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 3. – P. 615–625.

This article is devoted to the study of new digital technologies that ensure equality of citizens in such countries as: UK, Singapore, South Korea, USA and China. This article considers the positive impact of digital technologies on ensuring equal access of citizens to such fundamental rights as: the right to education, the right to labour, the right to health care and medical assistance, as well as the right to judicial protection. Using the comparative legal method the experience of countries is compared, the best legal practices and universal digital tools for ensuring equality of citizens are identified.

Keywords: human rights, equality, digital technologies for ensuring equality of citizens, right to education, right to work, right to health care and medical assistance, right to judicial protection, digital law.

Spisok literatury:

1. Internet-portal Statista. Stat'ya «Cifrovoe obuchenie v Velikobritanii – statistika i fakty» // URL: <https://www.statista.com/topics/8518/digital-learning-in-the-uk/#topicOverview>
2. Oficial'nyj sajt Pravitel'stva Velikobritanii // URL: <https://dfedigital.blog.gov.uk/2021/02/12/digital-education-platforms/> (data obrashcheniya 18 oktyabrya 2023 g.)
3. Internet-portal IndSights Research. Stat'ya «Gotov li Singapur k vnedreniyu iskusstvennogo intellekta (II)?» // URL: <https://www.insights.sg/industry-perspective/is-singapore-ready-for-artificial-intelligence/#:~:text=The%20nation%20is%20leveraging%20AI,key%20risk%20in%20the%20country> (data obrashcheniya 18 oktyabrya 2023 g.)
4. Internet-portal Invictus International School. Stat'ya «Kak tekhnologii izmenili obrazovanie v Singapore» // URL: <https://www.invictus.edu.sg/news/how-technology-changed-education-in-singapore>
5. Internet-portal AIMultiple. Stat'ya «12 tendencij cifrovoy transformacii i primery ispol'zovaniya v obrazovanii» // URL: <https://research.aimultiple.com/digital-transformation-in-education/> (data obrashcheniya 18 oktyabrya 2023 g.)
6. Oficial'nyj sajt Verhovnogo suda YUzhnoj Korei // URL: <https://eng.scourt.go.kr/eng/judiciary/eCourt/eTrials.jsp#:~:text=The%20Electronic%20Case%20Filing%20System,court%20information%20and%20procedures%20electronically> (data obrashcheniya 18 oktyabrya 2023 g.)
7. Oficial'nyj sajt Parlamenta Velikobritanii. Doklad “ Otkrytoe pravosudie: sudebnaya otchetnost' v epohu cifrovyyh tekhnologij: otvet pravitel'stva na pyatyj otchet Komiteta o rabote sessii 2022–2023 gg. // URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm5803/cmselect/cmjust/1040/report.html> (data obrashcheniya 18 oktyabrya 2023 g.)
8. Internet-portal CSM. Stat'ya “Ekspertnoe rukovodstvo CSM po cifrovym sudebnym razbiratel'stvam v Singapore” // URL: <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-digital-litigation/singapore>
9. Internet-portal TechUK. Stat'ya «Cifrovaya transformaciya, ohvativshaya sudebnuyu sistemu Velikobritanii» // URL: <https://www.techuk.org/resource/the-digital-transformation-sweeping-the-uk-courts-system.html> (data obrashcheniya 18 oktyabrya 2023 g.)
10. Internet-portal Internet-portal CSM. Stat'ya “Ekspertnoe rukovodstvo CSM po cifrovym sudebnym razbiratel'stvam v Singapore” // URL: <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-digital-litigation/singapore> (data obrashcheniya 18 oktyabrya 2023 g.)
11. Internet-portal Pew. Stat'ya «Kak sudy vnedrili tekhnologii, spravilis' s pandemiej i proizveli revolyuciyu v svoej deyatel'nosti» // URL: <https://www.pewtrusts.org/en/research-and-analysis/reports/2021/12/how-courts-embraced-technology-met-the-pandemic-challenge-and-revolutionized-their-operations>
12. Oficial'nyj sajt Parlamenta Velikobritanii. Doklad “ Otkrytoe pravosudie: sudebnaya otchetnost' v epohu cifrovyyh tekhnologij: otvet pravitel'stva na pyatyj otchet Komiteta o rabote sessii 2022–2023 gg. // URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm5803/cmselect/cmjust/1040/report.html>
13. Oficial'nyj sajt sudov Singapura // URL: <https://www.judiciary.gov.sg/services/e-platforms/divorce-eservice> (data obrashcheniya 18 oktyabrya 2023 g.)
14. Oficial'nyj sajt sudov Singapura // Internet-portal: URL: <https://www.judiciary.gov.sg/services/e-platforms/probate-eservice> (data obrashcheniya 18 oktyabrya 2023 g.)
15. Oficial'nyj sajt sudov Singapura // URL: [https://www.judiciary.gov.sg/services/e-platforms/authentic-court-orders-\(aco\)](https://www.judiciary.gov.sg/services/e-platforms/authentic-court-orders-(aco)) (data obrashcheniya 18 oktyabrya 2023 g.)
16. Internet-portal Pew. Stat'ya «Kak sudy vnedrili tekhnologii, spravilis' s pandemiej i proizveli revolyuciyu v svoej deyatel'nosti» // URL: <https://www.pewtrusts.org/en/research-and-analysis/reports/2021/12/how-courts-embraced-technology-met-the-pandemic-challenge-and-revolutionized-their-operations> (data obrashcheniya 18 oktyabrya 2023 g.)
17. Oficial'nyj sajt Verhovnogo suda YUzhnoj Korei // URL: <https://eng.scourt.go.kr/eng/judiciary/eCourt/eTrials.jsp#:~:text=The%20Electronic%20Case%20Filing%20System,court%20information%20and%20procedures%20electronically>
18. Oficial'nyj sajt Parlamenta Velikobritanii. Doklad “ Otkrytoe pravosudie: sudebnaya otchetnost' v epohu cifrovyyh tekhnologij: otvet pravitel'stva na pyatyj otchet Komiteta o rabote sessii 2022–2023 gg. // URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm5803/cmselect/cmjust/1040/report.html>

19. Internet-portal CSM. Stat'ya "Ekspertnoe rukovodstvo CSM po cifrovym sudebnym razbiratel'stvam v Singapure" // URL: <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-digital-litigation/singapore> (data obrashcheniya 18 oktyabrya 2023 g.)
20. Internet-portal CSM. Stat'ya "Ekspertnoe rukovodstvo CSM po cifrovym sudebnym razbiratel'stvam v Singapure" // URL: <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-digital-litigation/singapore>
21. Internet-portal CNA. Stat'ya «II testiruetsya v sudah Singapura» // URL: <https://www.channelnewsasia.com/singapore/artificial-intelligence-court-small-claims-singapore-chatgpt-3801756> (data obrashcheniya 18 oktyabrya 2023 g.)
22. Internet-portal Courthouse News Service. Stat'ya «Kitajskie cifrovye sudy: divnyj novyj mir» // URL: <https://www.courthousenews.com/chinese-digital-courts-a-brave-new-world/>
23. Internet-portal LexisNexis. Stat'ya «Robotizirovannoe pravosudie: ispol'zovanie Internet-sudov v Kitae» // URL: <https://www.lexisnexis.ca/en-ca/ihc/2020-02/robot-justice-chinas-use-of-internet-courts.page>
24. Internet-portal Hrone. Stat'ya «Otkrojte dlya sebya zahvatyvayushchie vozmozhnosti na razvivayushchemsya rynke truda Kitaya v 2023 godu» // URL: <https://www.hrone.com/blog/china-labor-market/> (data obrashcheniya 18 oktyabrya 2023 g.)
25. Internet-portal IndSights Research. Stat'ya «Gotov li Singapur k vnedreniyu iskusstvennogo intellekta (II)?» // URL: <https://www.insights.sg/industry-perspective/is-singapore-ready-for-artificial-intelligence/#:~:text=The%20nation%20is%20leveraging%20AI,key%20risk%20in%20the%20country> (data obrashcheniya 18 oktyabrya 2023 g.)
26. Internet-portal World Bank Blogs. Stat'ya «Kak Koreya gotovitsya k sozdaniyu rabochih mest budushchego i chemu my mozhem u nih nauchit'sya?» // URL: <https://blogs.worldbank.org/eastasiapacific/how-korea-preparing-jobs-future-and-what-can-we-learn-them> (data obrashcheniya 18 oktyabrya 2023 g.)
27. Internet-portal OECDiLibrary. Stat'ya «Rynki truda okazalis' ustojchivymi, nesmotrya na znachitel'noe zamedlenie ekonomicheskoy aktivnosti» // URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/262d4383-en/index.html?itemId=/content/component/262d4383-en> (data obrashcheniya 18 oktyabrya 2023 g.)
28. Internet-portal Chambers and Partners. Stat'ya «Cifrovoe zdravooхранenie 2023» // URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/digital-healthcare-2023/china/trends-and-developments>
29. Internet-portal Nuffieldtrust. Stat'ya «Cifrovoe zdravooхранenie v Velikobritanii: gde my sejchas?» // URL: <https://www.nuffieldtrust.org.uk/resource/digital-health-care-across-the-uk-where-are-we-now#:~:text=of%20the%20UK,-England,digitising%20the%20social%20care%20sector>
30. Internet-portal STL Partners. Stat'ya «Cifrovoe zdravooхранenie v YUzhnoj Koree: pyat' primerov cifrovogo zdravooхранeniya pomimo telemeditsiny» // URL: <https://stlpartners.com/articles/digital-health/digital-health-in-south-korea-five-examples-of-digital-health-beyond-telemedicine/>
31. Internet-portal Genetic Engineering & Biotechnology News. Stat'ya «V Tekhase otkryta pervaya v SSHA programma dvojnogo diploma v oblasti meditsiny i II» // URL: <https://www.genengnews.com/topics/artificial-intelligence/first-u-s-dual-degree-in-medicine-and-ai-launched-in-texas/>
32. Internet-portal Chambers and Partners. Stat'ya «Cifrovoe zdravooхранenie 2023» // URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/digital-healthcare-2023/china/trends-and-developments>
33. Internet-portal THE STRAITS TIMES. Stat'ya «Agentstvo Minzdrava IHiS i Microsoft razrabotayut instrument iskusstvennogo intellekta, kotoryj pomozhet rabotnikam zdravooхранeniya v Singapure» // URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/health/moh-agency-microsoft-to-develop-ai-tool-for-healthcare-workers-in-s-pore> (data obrashcheniya 18 oktyabrya 2023 g.)
34. Internet-portal Chambers and Partners. Stat'ya «Cifrovoe zdravooхранenie 2023» // URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/digital-healthcare-2023/china/trends-and-developments>
35. Internet-portal GovInsider. Stat'ya «Pyat' tendencij cifrovogo zdravooхранeniya, za kotorymi stoit sledit' v Singapure» // URL: <https://govinsider.asia/intl-en/article/ihis-singhealth-moht-five-digital-health-trends-to-watch-in-singapore> (data obrashcheniya 18 oktyabrya 2023 g.)
36. Internet-portal Chambers and Partners. Stat'ya «Cifrovoe zdravooхранenie 2023» // URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/digital-healthcare-2023/china/trends-and-developments>
37. Internet-portal STL Partners. Stat'ya «Cifrovoe zdravooхранenie v YUzhnoj Koree: pyat' primerov cifrovogo zdravooхранeniya pomimo telemeditsiny» // URL: <https://stlpartners.com/articles/digital-health/digital-health-in-south-korea-five-examples-of-digital-health-beyond-telemedicine/>
38. Internet-portal GovInsider. Stat'ya «Pyat' tendencij cifrovogo zdravooхранeniya, za kotorymi stoit sledit' v Singapure» // URL: <https://govinsider.asia/intl-en/article/ihis-singhealth-moht-five-digital-health-trends-to-watch-in-singapore> (data obrashcheniya 18 oktyabrya 2023 g.)

НАШИ АВТОРЫ

Амбарицумов А. А.	студент юридического ф-та ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени Т. Г. Трубилина
Антипина А. И.	специалист, 5 курс. Тольяттинский государственный университет
Анохин А. Н.	к.ю.н., доц., доц. к-ры истории и теории государства и права КФУ им. В. И. Вернадского
Алокова М. Х.	адвокат Адвокатской палаты Кабардино-Балкарской Республики
Бирук М. С.	преподаватель к-ры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, подполковник
Баграмян С. Л.	преподаватель к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Басов А. В.	д.ю.н., проф., зав. к-ры государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
Басова Ю. Ю.	к.ю.н., доц. к-ры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
Борисов А. А.	аспирант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», магистр юриспруденции, адвокат адвокатской палаты г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, коллегия адвокатов «Ланиский и партнёры»
Бореништейн А. Л.	к.ю.н., доц., доц. к-ры административного и трудового права Юго-западного государственного университета
Будник Р. А.	д.ю.н., проф., главный научный сотрудник Центра сравнительного государствоведения Института Китая и современной Азии РАН, г. Москва, Российская Федерация; проф. университета «МГУ-ППИ в Шэньчжэне»
Буткевич С. А.	к.ю.н., доц., заместитель начальника к-ры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Бутов С. В.	Санкт-Петербургский военный ордена Жукова

	<i>институт войск национальной гвардии Российской Федерации</i>
Великая О. С.	<i>к.ю.н., доц., доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, полковник внутренней службы</i>
Вичева А. А.	<i>преподаватель к-ры государственных игравжданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Волков П. А.	<i>к.ю.н., доц. к-ры административной деятельности. Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина</i>
Воробьёва О. А.	<i>к.пед.н., доцент к-ры «Гражданское право и процесс». Тольятинский государственный университет</i>
Выходцева А. В.	<i>старший лаборант к-ры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»</i>
Галкин А. Г.	<i>к.ю.н., доц. к-ры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский аграрный университет имени И. Т. Трубилина»</i>
Галустян Н. В.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры правоведения. Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского».</i>
Горлова Н. И.	<i>д.и.н., проф. к-ры гостиничного и туристического менеджмента, доцент, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова»</i>
Грошева В. К.	<i>Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел РФ»</i>
Гулакова И. И.	<i>к.филолог.н., доц., доц. к-ры иностранных языков Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева</i>
Данилов И. Б.	<i>к.ю.н., доц., зав. к-ры юриспруденции Сибирского государственного университета геосистем и технологий</i>
Дейнеко А. Г.	<i>к.ю.н., проф. департамента права цифровых технологий и биоправа НИУ «Высшая школа экономики», Государственный советник Российской Федерации 2 класса</i>
Ерохин Р. А.	<i>старший преподаватель к-ры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>

Заброда Д. Г.	к.ю.н., доц., проф. к-ры административного права и административной деятельности ОВД Крымского фил-ла Краснодарского университета МВД России
Заболотны В. Ю.	аспирант юридического ф-та Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Зарубина К. А.	к.ю.н., преподаватель к-ры истории и теории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Змерзлый Б. В.	д.и.н., д.ю.н., проф. к-ры истории и теории государства и права КФУ им. В. И. Вернадского
Зоз В. А.	старший преподаватель к-ры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Иванов А. И.	старший преподаватель к-ры «Конституционного и административное право» ФГБОУ ВО «Тольятинский государственный университет»
Игнатов Д. А.	соискатель кафедры теории и истории государства и права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
Исмаилов Д. А.	помощник прокурора. Прокуратура Самарской области (Генеральная прокуратура РФ)
Ирицян В. А.	студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»
Каправнов А. В.	к.ю.н., доц., доц к-ры судебной экспертизы и криминалистики ФГБОУВО «Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»
Карязов Н. В.	к.ю.н., подполковник юстиции в отставке
Кириллова Т. К.	Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики. д.и.н., проф., проф. к-ры гражданского права и процесса
Кисс С. В.	к.ю.н., старший преподаватель к-ры государственных и гражданско-правовых дисциплин Краснодарского университета МВД России
Климова Д. В.	к.ю.н., доц. к-ры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Козырева А. Б.	к.ю.н., доц., доц. к-ры теории государства и права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Котова С. Г.	к.ю.н., доц. к-ры теории и истории права и государства Крымского филиала ФГБОУ ВО Российского

	<i>государственного университета правосудия</i>
Коноплев В. В.	<i>д.ю.н., проф., профессор к-ры гражданского и предпринимательского права юридического факультета Таврической академии КФУ им. В. И. Вернадского</i>
Кошкин А. С.	<i>старший преподаватель к-ры истории и теории государства и права КФУ им. В. И. Вернадского</i>
Клубенко В. С.	<i>Автономная некоммерческая организация «ДОМ МОЛОДЕЖИ»</i>
Кудовба О. Н.	<i>к.ю.н., старший преподаватель к-ры административного права ВГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России»</i>
Курабцева А. П.	<i>к.ю.н., доц. к-ры истории и теории государства и права КФУ им. В. И. Вернадского</i>
Лагуточкин А. В.	<i>к.ю.н., доц. к-ры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университет МВД России</i>
Лихачёв С. В.	<i>д.ю.н., проф., главный научный сотрудник КФУ им. В. И. Вернадского</i>
Малиновский О. Н.	<i>к.ю.н., доц., зав. к-ры гражданского процесса и международного права ФГЮОУ ВО «Кубанский государственный университет»</i>
Мельников П. А.	<i>аспирант к-ры конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»</i>
Мещерякова Ю. О.	<i>к.ю.н., доц. к-ры «Уголовное право и процесс» ФГБОУ ВО «Тольятинский государственный университет</i>
Моисеенко М. А.	<i>студент Юридического института Севастопольского государственного университета</i>
Мутигуллин А. В.	<i>адъюнкт очного обучения факультета (подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии РФ</i>
Невлев В. В.	<i>к.ю.н., доц., доц. к-ры теории и истории государства и права. Белгородский университет кооперации, экономики и права</i>
Некрасова Е. В.	<i>к.ю.н., доцент кафедры гражданского и трудового права Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Никитина А. П.	<i>д.ю.н., доц., ФГАОУ ВО «Севастопольский государ-</i>

	ственный университет» / к-ра «Гражданское право и процесс»
Нифанов А. Н.	д.ю.н., доц., проф. к-ры конституционного и международного права юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Новикова А. Е.	д.ю.н., доц., проф. к-ры конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Овсебян Г. М.	старший преподаватель к-ры административного права и административной деятельности полиции. Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
Осяк А. Н.	к.ю.н., начальник к-ры административного права Ростовского юридического института МВД
Осоченко А. А.	асистент к-ры гражданского и трудового права Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».
Пастухова Л. В.	к.ю.н., доц., доц. к-ры государственно-правовых дисциплин ФГБАОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (Крымский филиал)
Пикин И. В.	начальник к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Владимирского юридического института ФСИН России, к.ю.н., доц.
Процаевский В. А.	д.ю.н., проф. к-ры «Трудовое право и прокурорская деятельность». Юридический институт Севастопольского государственного университета
Проценко А. С.	аспирант юридического ф-та Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Позднякова Е. В.	к.ю.н., доц., заведующий кафедрой административного и трудового права. Юго-Западный государственный университет, г. Курск
Ратникова В. И.	к.ю.н., доцент к-ры гражданского, предпринимательского и транспортного права ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
Ракша Н. С.	к.ю.н., доц., доц. к-ры административного и трудового права Юго-западного государственного университета
Рябченко А. Г.	д.ю.н., проф., проф. к-ры истории и политологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина»
Саченок Л. И.	к.э.н., доц. к-ры «Бухгалтерский учет, анализ и

	<i>аудит» ФГАОУ ВО Севастопольский государственный университет</i>
Сафронова Е. В.	<i>д.ю.н., проф., проф. к-ры конституционного и международного права НИУ «БелГУ»</i>
Сафронов Н. А.	<i>преподаватель к-ры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»</i>
Семенов Д. Е.	<i>аспирант Института философии и права. Новосибирский государственный университет, НГУ</i>
Семёнова И. В.	<i>к.ю.н., начальник к-ры гражданского права факультета (командного) Санкт-Петербургского ордена Жукова военного института войск национальной гвардии РФ</i>
Степанян А. В.	<i>преподаватель к-ры физической подготовки юрид. ф-та Федеральной службы исполнения наказаний</i>
Стоковский В. В.	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права КФУ им. В. И. Вернадского</i>
Стрельников К. Н.	<i>адъюнкт к-ры уголовного права и криминологии, ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»</i>
Тихомирова О. Г.	<i>к.ю.н., старший преподаватель к-ры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова</i>
Трифонов С. Г.	<i>к.ю.н., доц., профессор кафедры теории государства и права РЮИ МВД России, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Трифорова К. В.	<i>к.ю.н., доцент кафедры гражданского процессуального права, Ростовского филиала ФГБОУВО «РГУП» доцент кафедры теории государства и права РЮИ МВД России, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, ЮРИУ РАНХИГС</i>
Трошкина Д. Э.	<i>адъюнкт адъюнктуры ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И. Д. Путилина»</i>
Турапин В. Ю.	<i>д.ю.н., проф., заведующий к-ры теории и истории государства и права юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»</i>
Ульянов А. Ю.	<i>обучающийся 2-го курса магистратуры юридического</i>

	факультета Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Филонов А. В.	д.ю.н., доц. Крымский филиал Российского государственного университета правосудия
Хаяли Б. Р.	выпускник аспирантуры КФУ им. В. И. Вернадского
Хаяли Р. И.	д.и.н., доц., зав. к-ры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
Хронин Н. В.	аспирант к-ры трудового и гражданского права КФУ им. В. И. Вернадского
Ховавко С. М.	к.ю.н., доц., доц. к-ры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Цирулик Д. В.	специалист отдела правового сопровождения международных проектов ООО «Корпоративные инвестиции и технологии»
Чаплыгина В. Н.	к.ю.н., доц., начальник к-ры криминалистики и предварительного расследования ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
Чижова Е. С.	аспирант 2-го курса Мелитопольского государственного университета
Чич Ю. А.	преподаватель к-ры криминалистики иправовой информатики Кубанского государственного университета
Широкова И. В.	к.ф.н., доц. к-ры правовых и политических наук ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Тган-Барановского
Шумиленко А. П.	к.ю.н., доц., доц. к-ры истории и теории государства и права Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Цындра В. Н.	к.ю.н., доц., начальник к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Ячменев С. П.	преподаватель к-ры физической подготовки, ФГКОУ ВО Ростовский юридический институт МВД России

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Алокова М. Х.

К вопросу об организационно-правовом регулировании государственной программы по ликвидации безграмотности в первые годы советской власти.....3

Басов А. В., Коноплев В. В.

Генезис научных взглядов в сфере обеспечения прав российских военнопленных.....11

Борисов А. А., Сафронова Е. В.

Периодизация огосударствления объектов промышленности в Советской России (1917-1922 гг.).....19

Великая О. С.

Базовые нормативно-правовые акты, регулирующие положение женщин-заключенных в Финляндии.....28

Галкин А. Г.

О некоторых актуальных аспектах соотношения частного и публичного права в российской правовой системе на современном этапе.....35

Грошевая В. К.

Организационно-правовые основы деятельности советской милиции на территории Украинской ССР в 1970-е – начале 1980-х годов.....42

Данилов И. Б.

Развитие концепции нации в контексте государственного строительства империй в конце XVIII – начале XX вв.....59

Дейнеко А. Г.

Контурь развития информационного законодательства в контексте документов стратегического развития Российской Федерации.....64

Змерзлый Б. В., Кириллова Т. К.

Государственная организация лоцманской проводки в Гренландии в современных условиях.....74

Котова С. Г., Зоз В. А.

Значение законодательного регулирования основных понятий брака и семьи для государства. Античность и современность.....78

Кошкин А. С.

Становление системы управления пенитенциарной системы Дании в XVI – первой половине XX в.....84

Мутигуллин А. В.

Истребительные батальоны в борьбе с фашистско-националистическим подпольем в западных областях Украины, Прибалтики, Белоруссии в 1944-1953 гг. (историко-правовой аспект).....95

Невлев В. В.

Правовое развитие кредитно-кооперативных закономерностей в истории потребкооперации в России.....102

Ратникова В. И.

Формирование государственной санитарно-эпидемиологической службы в РСФСР с 1918 по 1927 гг.....113

Сафронов Н. А., Выходцева А. В.	
Образ будущего России в контексте государственной политики в сфере сохранения традиционных ценностей.....	121
Трифонов С. Г.	
Правовая регламентация внешнеэкономической деятельности в России: ретроспективный анализ.....	130
Трошкина Д. Э.	
Трансформация государственных преступлений в уголовном законодательстве советского периода.....	139
Турапин В. Ю., Алокова М. Х.	
Сущность и свойства аргументации в преломлении к юридической деятельности.....	153
Иванов А. И.	
Нормативно-правовые предписания: значение и классификация от способов юридического воздействия.....	159
Кисс С. В.	
Категории «реформа» и «правовая реформа» в контексте государственной трансформации.....	166
Вичева А. А.	
К вопросу о социальном значении полномочий органов местного самоуправления в сфере охраны здоровья граждан.....	173
Филонов А. В.	
Институт арбитражных заседателей в судебном процессе по рассмотрению экономических споров: положительные и отрицательные стороны, возможные пути оптимизации его деятельности.....	184
Хаяли Б. Р.	
Роль государства и местного самоуправления в обеспечении социальной справедливости в обществе во взглядах Решида Медиева.....	191
Хаяли Р. И.	
Прокуроры Крымской АССР: проспектографический портрет (1922-1941 гг.)...200	
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ	
Анохин А. Н.	
О программно-целевом методе и теории ограничения как элементах конституционного регулирования в Российской Федерации.....	208
Басова Ю. Ю.	
Актуальные проблемы и перспективы развития деятельности прокуратуры по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях.....	215
Будник Р. А., Пархоменко А. Г., Мелехин А. В., Усанов В. Е.	
Анализ правового регулирования и реализации права на доступ к информации государственных органов в Европейском Союзе.....	224
Капранов А. В., Кудовба О. Н.	
О технологическом суверенитете как составляющей национальной безопасности Российской Федерации.....	234
Климова Д. В.	
Правовой механизм осуществления государственного контроля за временным пребыванием и проживанием иностранных граждан в Российской Федерации.....	246

Мельников П. А., Новикова А. Е.	
Конституционно-правовое регулирование защиты пассивных избирательных прав.....	254
Нифанов А. Н., Клубенко В. С.	
Эволюция правового статуса законодательного (представительного) органа власти Республики Крым.....	262
Позднякова Е. В.	
Реформирование исполнительных органов власти в России: правовые механизмы и административные реалии на пути к социальному прогрессу..	278
Трифонов К. В.	
Изменения в правовом регулировании и судебной практике в сфере внешнеэкономической деятельности в контрсанкционный период (с 2014 года).....	285
Стоковский В. В.	
Особенности реализации местного самоуправления в субъектах РФ (на примере Республики Крым) в условиях развития муниципальной демократии в России в контексте конституционных поправок.....	292
Ширкова И. В.	
Технология (ноу-хау) как творческий механизм обеспечения экологической безопасности государства.....	302
Цындра В. Н.	
Области назначения административных наказаний: вопросы создания нормативной модели.....	310

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Великая О. С.	
Правовые основы создания и деятельности Европейского института уголовной политики в Хельсинки (HEUNI).....	318
Малиновский О. Н.	
Проблема международно-правовой защиты гражданского населения в условиях вооруженных конфликтов.....	325
Шумиленко А. П., Пастухова Л. В.	
Неприкосновенность помещений дипломатических представительств Российской Федерации: анализ соответствующей практики государственного пребывания.....	332

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Воробьева О. А., Мишунина А. А.	
Особенности правового положения доменных имен в контексте урегулирования доменных споров в России.....	345
Заболотный В. Ю.	
Развитие российского законодательства, регулирующего отношения по использованию чужого земельного участка для размещения сетей водоснабжения..	357
Некрасова Е. В., Ульянов А. Ю.	
К вопросу об ограничении свободы толкования договора и способах такого ограничения.....	365

Семенов Д. Е.	
Законные интересы субъектов сферы теплоснабжения как объект защиты законодательства о теплоснабжении.....	373
Процаевский В. А., Моисеенко М. А.	
Особенности правовой регламентации заемных отношений в сфере труда....	385
Хронин Н. В.	
Влияние принципа свободы договора на трудовые и социальные отношения.....	391

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Баграмян С. Л.	
Особенности способа совершения незаконного поиска и(или) изъятия археологических предметов из мест залеганий (ст. 243.2 УК РФ) и его влияние на механизм преступления.....	398
Булатов Т. Р.	
О роли органов прокуратуры Российской Федерации в борьбе с нелегальной миграцией.....	406
Бирук М. С.	
Следственный эксперимент при дорожно-транспортном происшествии: проблемы и перспективы.....	413
Волков П. А., Овсепян Г. М., Ячменев С. П.	
К вопросу о проблематике использования на автотранспортных средствах нецензурной брани и её правовое регулирование.....	420
Галустян Н. В.	
Цифровизация и борьба с коррупцией на современном этапе развития общества.....	426
Горлова И. И., Зарубина К. А.	
Практика участия волонтеров в деятельности полиции: опыт зарубежных стран.....	436
Ерохин Р. А.	
Предупреждение распространения экстремистской идеологии как одной из угроз национальной безопасности Российской Федерации.....	443
Заброда Д. Г., Осяк А. Н., Осяк В. В.	
Служебные помещения для работы участковых уполномоченных полиции: современное состояние и перспективы совершенствования.....	449
Исмаилов Д. А., Мещерякова Ю. О.	
Проблемы в деятельности участкового уполномоченного полиции и пути их решения.....	458
Пикин И. В.	
Исправительные работы как наиболее перспективное направление в области реализации уголовной политики без обременения осужденного дополнительными обязанностями.....	463
Рябченко А. Г., Амбацумов А. А.	
К особенностям противодействия экстремизму, русофобии и украинскому неонацизму с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в эпоху глобализации.....	471
Ирицян В. А., Рябченко А. Г.	
Специфика преступлений против детей: сравнительные аспекты.....	480

Семёнова И. В.	
Цифровой суверенитет и безопасность – доминанты нового миропорядка: отдельные вопросы, уголовно-правовой аспект.....	488
Степанян А. В.	
Характеристика особенностей правового регулирования процесса ресоциализации.....	494
Стрельников К. Н.	
Особенности внутренней структуры преступного сообщества (преступной организации).....	499
Тихомирова О. Г., Зоз В. А.	
Роль социальных сетей в формировании суицидального поведения у несовершеннолетних.....	508
Карязов Н. В.	
О качестве расследования отдельных видов экономических преступлений: опыт противодействия «финансовым пирамидам» и незаконным валютным операциям.....	513
Лагуточкин А. В., Чаплыгина В. Н.	
Предпосылки возникновения национальной и религиозной вражды как мотива совершения преступлений экстремистского или террористического характера.....	519
Чижова Е. С.	
Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 207.3 УК РФ.....	526
Чич Ю. А.	
Личность кибербуллера: психологические характеристики и мотивация преступного поведения в виртуальном пространстве.....	536

СРОЧНО В НОМЕР

Бутов С. В.	
О дисциплинарной ответственности военнослужащих войск НКВД в СССР в годы Великой отечественной войны.....	542
Воробьёва О. А., Антипина А. И.	
Правовое положение уполномоченного по защите прав предпринимателей в арбитражном процессе.....	547
Лихачев С. В., Боренштейн А. Л., Ракша Н. С.	
Экологическая ответственность транснациональных корпораций: сравнительный правовой обзор в контексте современных подходов.....	556
Проценко А. С.	
Эволюция организации деятельности парламента Гренландии в 2009-2022 гг.....	563
Никитина А. П., Саченок Л. И.	
К вопросу о пределах и проблематике наследования имущества, используемого в предпринимательской деятельности.....	573
Осоченко А. А.	
Эволюция европейского морского законодательства, регулирующего вопросы противопожарной безопасности.....	580

Курабцева А. П.	
Северные страны в работе по гармонизации брачно-семейного законодательства в 1920-1950-х гг.....	585
Игнатов Д. А.	
Эволюция обеспечения безопасности в экономической сфере Российского государства.....	589
Буткевич С. А.	
Формирование социальной базы экстремизма и терроризма: проблемы купирования и противодействия.....	597
Гулакова И. И., Ховавко С. М.	
Устная речь следователя при производстве допроса как средство реализации его тактических приемов.....	608
Козырева А. Б., Цирулик Д. Е.	
Цифровые технологии обеспечения равенства граждан: сравнительно-правовое исследование.....	615